

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Cellar

14A ~~0~~ 7

*QC

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί κείνην, τοῦς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γινώσκει μήτε κοίτῃσι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγορμένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

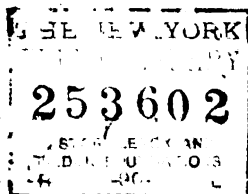
Soerat. apud Xenophont.

43
Томъ сорокъ-пятый.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы въ типографіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1840 года, сегодня 28 дня.

Ценсоръ Е. Оледикинъ.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Ценсоръ А. Крыловъ.

стотом. Кукольникъ замѣтно тоже самое явленіе. Но у того все еще впереди. Кукольникъ идетъ впередъ гигантскими шагами: заслуживъ вѣнецъ поэта, онъ теперь только начинаетъ быть прозаикомъ. И «Эвелина де-Вальероль», первый значительный шагъ его на этомъ поприщѣ, тотчасъ обнаруживаетъ уже исполинскій, ужасающій своей огромностью, талантъ его какъ писателя. Мы рѣшительно не имѣемъ въ спискѣ нашихъ романовъ ничего равнаго, ничего подобнаго, этому мощному, мастерскому творенію. Здѣсь вы видите только его начало, — но уже какое начало! — Такъ, послѣ стиховъ, начиналъ въ прозу только Вальтеръ Скоттъ. Каждый мѣсяцъ, съ каждымъ новымъ «продолженіемъ», слава «Эвелины» будетъ увеличиваться: это несомнѣнно; это мы смѣло можемъ предсказать ей, хотя конца романа еще не знаемъ. «Эвелина» — Маренго и Айвенго (Ivanhoe) Кукольника: если онъ выиграетъ сраженіе и одержитъ поле романа, онъ будетъ пожизненный консулъ русской словесности и нашъ Вальтеръ Скоттъ. Но онъ выигралъ: онъ напрунулъ на романъ съ страшными силами таланта, искусства и знанія дѣла; все покорителю его пошлѣ: быть, бытьему триумфаторомъ!... и если только, средь торжества, не ослѣпятъ его честолюбіе и страсть къ новымъ завоеваніямъ, то вѣнецъ, пріобретенный въ первой побѣдѣ, навсегда останется на его головѣ. Но онъ рѣшился сохранить его: онъ художникъ въ душѣ. Вотъ погодите: онъ еще перенесетъ изъ своихъ радушныхъ стиховъ въ прозу все ихъ изящество, весь блескъ слова, весь этотъ чудесный колоритъ, которымъ они красуются, и тогда увидите! Отъ такого таланта можно ожидать всего, даже чудеснаго слогу въ прозѣ, послѣ чудеснаго слогу въ стихахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Неосторъ Васильевичъ, что бы ужь вамъ перенести все это изъ стиховъ? Для васъ это февдалица, а для насъ — такая радость! Что касается лично до стиховъ, то мы уже сказали, что, послѣ бѣгства Кукольника съ Паршасса, первенство тамъ теперь держитъ молодая женщина. Чу! слушайте эти волшебные звуки, которые такъ сладко раздаются съ его недоступной вершины...

Не дай, милое, не дай мнѣ, Провидице,
До хладной старости дожить,

И достигаемое, уцелеть разрушенное,
И сердце вкнязь схоронить!.....

Не дай, не дай мнѣ пережить надежды
И заблуждений дорогихъ....
Но въ пору дай закрыть косившія вежды
Съ улыбкой на устахъ моихъ!.....

Я не хочу считать существованье
Числомъ годовъ и длинныхъ дней;
Хочу я счастье звать и въ полномъ зрѣть сіянья
Цвѣтъ свѣжей юности моей!

Хочу я радостью обильно насладиться, —
Осуществить души мечту....
Потомъ, о мой Творецъ, туда дай возвратиться,
Гдѣ не увишу, не пройду!.....

Это «Молитва» нынѣшней прелестной владычицы русскаго Парнасса. Подъ нею подписано: «Село Вороново, июль, 1840». Въ той же книгѣ есть еще другая прекрасная поэма той же писательницы, саничкомъ длинная для выписки въ этомъ отдѣленіи, и подъ нею опять: «Село Вороново». Это разговоръ Души съ Геніемъ. Геній спрашиваетъ у души: — Что съ тобой, душа? что ты такъ мрачна. — Мнѣ случило, отвѣчаетъ душа: смерть скучно въ деревнѣ! — Не хочешь ли въ Италію, душечка? — Не хочу! — Не хочешь ли на Востокъ? — Не хочу! — Не хочешь ли на Западъ, примѣромъ скавать, въ Лондонъ? — Не хочу! — Ну, такъ въ Парижъ? — Нѣтъ, не хочу! — Ну, такъ въ Карльсбадъ, на теплыя воды? — Ну, нѣтъ, не хочу да и не хочу! — Да куда жъ тебѣ, душа, хочется? говоритъ недогадливый Геній. Скажи откровенно! — Не скажу! — Ахъ, какая ты, право!... Можетъ-быть на северъ, въ Петербургъ? — Да! да! на северъ, въ Петербургъ! — страхъ какъ хочется въ Петербургъ! — Пустяки! отвѣчаетъ Геній: оставайся въ деревнѣ! Посмотри, какая вдохновительная природа!... — Содержание, какъ вы видите, болѣе чѣмъ просто: но какъ все это сказано! какіе стихи! да какъ мило душа просится въ Петербургъ!

Къ Смерти! къ Смерти!.... Въ край, незапамятый!...
 О! пусть онъ мраченъ.... пусть онъ суровъ....
 Пусть тамъ отпизна змы безпощадной,
 Пусть тамъ обитель вѣчныхъ омыговъ!

Но и безъ солнца сердце тамъ грядотъ,
 Мысль и сознанье, что дома оно, —
 Но и безъ вешнихъ днѣй думы тамъ зримо
 И вдохновенно развиться дано:

Но я увижу тамъ края роднаго
 Силу и славу и нмъ восгоржусь;
 Но я по русски средь храма святаго
 Русскому Богу тамъ помолюсь!!!....

Въ той же книгѣ.... Но я всё забываю сказать, въ какой:
 Въ альманахѣ господина Владиславлева, прелестномъ какъ
 эти стихи. Въ той же книгѣ, находится прекрасная балла-
 да Подолнинскаго «Могилы солдата».

Вотъ камень у церкви, подъ стѣною дуба;
 Ни слова, ни буквы ни немъ —
 Крестомъ лишь давъ саблѣ иссѣченъ грубо;
 И тѣ заросли уже нкомъ.

Простая могила.... За что жъ ей отличнѣй
 На сельскомъ кладбищѣ почеть,
 Что шляпы не сдѣлаши рукою привычною,
 Вблизи селянши не пройдетъ?

Въ ней кости солдата, въ ней храбраго кости —
 То нмъ, безъимяннмъ, почеть
 Какъ Русь обступила незваные гости,
 Охотою пошелъ онъ въ походе!

Тужила невѣста, и мать горевала,
 Что ихъ покидаетъ однихъ,
 Въ немъ сердце заныло, душа востосковала,
 А всё жъ не послушался ихъ....

Не славы хотѣлъ онъ, но бился на славу,
 Какъ бьется нашъ русскій солдатъ,
 Чтобъ выкупить кровью родную деревню,
 ... Не жамъ, трудивъ и награды

Съ крестомъ извращилъ!... И мать помолвила
 Ему, зарыдавъ, до земли...
 И какъ молодая невеста гордилась,
 Когда подъ вѣнчанъ былъ женихъ!

Вдругъ грядъ грозой вѣтъ заглумилъ,
 Жену онь кривясь утѣшилъ,
 Но слезы пробилъ, когда въ колыбели
 Малытку крестя цвловилъ.

Предчувствіе было — и жребій свершился!
 Увы! за полкомъ позади,
 Ужь онь не съ крестомъ на груди воротился
 А съ пулей смертельной въ груди!

Вотъ повѣсть и жизнь и слова солдата
 Молвою онь въ гробъ забытъ;
 Но старый товарищъ къ могилѣ собрата
 Приходить съдой инвалидъ.

Съ нимъ внукъ блокурый, доскався къ дѣду,
 Что разъ онь ему говорить:
 «Скажи-ка мнѣ, поминишь, про эту победу,
 Гдѣ былъ твой товарищъ убитъ.»

И внемлетъ сквозь онемы онь повѣстанъ бранишь
 И часто забывшись онь самъ,
 Встряхнувши кудрями, штыкомъ деревяннъ
 Грозить нашимъ старымъ врагамъ!

На что же ей имя, могилъ солдата?
 И много ль блестящихъ могилъ;
 Пробудить то чувство, такъ чисто и свято,
 Что пепель ея пробудилъ!

Она, безъ названья, сокровище внука,
 Любви безкрыстной урокъ,
 За доблесть народа святая порука,
 И славы грядущей залогъ.

Есть также прекрасныя стихи Бенедиктова, — посланіе
 при доставленіи засушенныхъ крымскихъ растений:

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА.

Не понятна, не постижна
Эти сила черныхъ глазъ!
Какъ кипуча, какъ подвигна!
Въ нихъ душа вся пролилась!
Чувство жизни, чувство силы,
Чувство пламенной любви,
Будто въ зеркаль разлили
Очи черныя твои.
Какъ сквозь прахъ осенней ночи
По разливу черныхъ тучъ,

Провела душа сквозь очи
 Ослепительный свой лучь, —
 И, ночь жизни озаряя,
 Льетъ въ доно бытія,
 Брызжетъ свѣтошь, молодая
 Искрометная струя.
 Какъ привольно, какъ отрадно
 Это, сошьишко любви,
 Все глядѣль бы ненаглядно
 Въ очи черныя твои.
 Въ нихъ смиренія сознанье, —
 Эта гордость красоты, —
 Въ нихъ къ прекрасному призванье,
 Вся поэзія мечты.
 Все, что только — за судьбою,
 На блаженство для людей,
 Оживаетъ предо мною
 Въ черномъ зеркаль очей.
 Счастливъ я, когда (украдкой!)
 Уловлю ихъ дивный взоръ
 И забудусь въ нѣгъ сладкой,
 Толкамъ всѣмъ на перепоръ!
 Но ты сменишь ихъ стѣсненъ:
 На щекахъ твоихъ заря
 Сыплетъ розы прихотливо,
 Яркимъ пурпуромъ горя;
 И опомнусь, я, уныло,
 Снова, мученикъ заботъ,
 И прекраснаго свѣтила
 Жду блистательный возходъ.
 Какъ подны они надежды,
 Взоры складеныя нить!
 Сквозь опущенныя вежды,
 Въ черномъ поясь ресницъ,
 Какъ дѣв възвѣточка востока,
 Въ легкой дымкѣ облаковъ,

Чуть мерцаютъ одиноко
 Пробиваясь сквозь покровъ.
 Для земли ли ихъ сіянье?
 Для земли ли этотъ взглядъ?
 Иль то жертвы мнороданья
 Въ чудномъ двойственномъ слѣдѣнн
 Предъ Создателемъ горятъ?
 И купаюсь въ блескѣ новемь,
 Свѣтъ отъ долу отнесавъ,
 И таинственнымъ покровомъ
 Заслонившись отъ земли?
 Не понятна, не постижна
 Эта сила черныхъ глазъ!
 Какъ кипуча, какъ поднижна:
 Въ нихъ думя вся пролилась!
 Будто вижу, какъ согрѣта,
 Въ формы дивныя слета,
 Жизнью глазъ въ нетленность свѣта
 Воплощается мечта!

В. СОКОЛОВЪ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

Было утро. Надъ землёю
 Ярко свѣтитъ солнца лучъ,
 И подъ твердь голубою
 Нѣтъ ни облачка, ни тучъ.
 Птички Божія, порхая,
 Пѣсню звонкую поютъ,
 И цвѣты, благоухая,
 Росу утреннюю пьютъ;
 И, красуясь небомъ лѣснымъ,

Вдоль по зеленым лугам;
 Будто подсыпъ алмазынъ;
 Развивается руней;
 И надъ нѣмъ слышится нѣмъ;
 А вдали село и нѣмъ;
 И ошь роце до села;
 Двушка тихощю нѣмъ;
 И вотъ, съ давицей дорогой;
 Путникъ встрѣтился убогой.

— «Добрый путникъ, поводи
 Не видалъ ли ты Альфреда?...
 Добрый путникъ, поводи
 Хорошо ли я одѣта?...
 Я, какъ прежде, убрала
 Косу длиннѣю двѣтками;
 Незабудкой, васильками
 Я се переплела.
 Видишь, вьются надъ быземъ
 Кули; русыя мои;
 Вотъ и крестъ на лентѣ алой,
 Даръ Альфредовой любви....
 Тамъ, подъ ивою густою,
 Клятвой страшною и святою
 Онъ клялся мѣня любить....
 Добрый путникъ! измѣнить
 Этой клятвѣ страшной лъзя ли?....
 Нѣтъ, ахъ, нѣтъ! Насъ каждый день
 Вѣтви ивы принимали
 Въ охранительную сань.
 Но давно уже привѣта
 Я не слышу мѣныхъ устъ;
 И давно уже Альфреда
 Не видалъ завѣщанъ къустъ;
 И сегодня, въ ожиданьи
 Чась условенный прощекъ.

А на жданое свиданье
 Милый рыцарь не придетъ!....
 Онъ быть-можетъ не далёко....
 Кто же знаетъ?.... можетъ-быть....
 Надо завтра приходить!....»

И, вздохнувъ, вдохнувъ глубоко,
 По тропинкѣ ле сала
 Тихо дѣвушка пошла.
 И проходивъ, удаляясь,
 Молвилъ, грустно улыбаясь :
 — «Царь Небесъ! благослови
 Ты страдальцу любви!»

Годъ спустя, вотъ той дорожкой
 Тотъ же путникъ шель убогой,
 И вдругъ видитъ : передъ нимъ,
 Незабудками убравшись
 Дѣвушка, съжить обнявшись
 Съ палладномъ молодымъ.

— «Добрый путникъ, это ты ли?
 Мои очи не забыли
 Твоего лица черты :
 Добрый путникъ, это ты !....
 Я была, прошедшимъ лѣтомъ,
 И безумна и грустна,
 А теперь съ моимъ Альфредомъ
 Я уже обручена!»

И проходивъ, удаляясь,
 Молвилъ, сладко улыбаясь :
 — «Царь Небесъ! благослови
 Ты счастливицу любви!»

Д. ВОЛКОВЪ.

ПИСЬМО.

Опять судьба переселила
 Меня подь тотъ счастливый кровъ,
 Гдѣ море тихо опочило
 Въ объятыхъ дикихъ береговъ;
 Гдѣ наше сѣверное небо,
 Порой, какъ южное горитъ
 И жаръ зиждательный даритъ
 Лугамъ и пышнымъ всходамъ хлѣба.
 Съ какой отрадой встрѣтилъ я
 Зелено-шумныя деревья,
 Опять на лѣтнее кочевье
 Переманившія меня!
 Какъ жадно я на воды моря
 Съ крутаго берегу взиралъ,
 И волнъ въ шумливомъ разговорѣ
 Знакомый голосъ узнавалъ!
 Опять завидовалъ я быту
 Питомцевъ моря, рыбарей,
 Ихъ жизни бурной и забытой
 На лонъ гибельныхъ зыбей,
 Ихъ мирнымъ хижинамъ по берегу,
 Гдѣ трудъ живить ночную нягу,
 Ихъ было-паруснымъ ладьямъ
 И ихъ дымящимся кострамъ.
 Я посѣтилъ, восторга полный,
 И тотъ пустынный, дальній мысъ,
 Гдѣ сосны дико разрослись,
 Гдѣ съ тростниками шепчуть волны;
 И тѣ пустышныя мѣста,
 Гдѣ есть пріютъ для наслажденій....

Но звать ли васъ коудь наши свини,
Питомца дѣла и труда,
Въ объятія сладостныхъ лѣни?...
Не дикость нашихъ береговъ,
Не строгость сѣверной природы,
Обломки скалъ, шатры дубовъ
И шумно-плещущія воды
Плѣнать вашъ взоръ : пріютъ мной
Мечта вамъ тайная рисуется ;
Страна иная васъ чаруетъ,
Меня подъ кровъ пріятный свой,
Туда, гдѣ древняя Гренада,
Дѣтя Аравіи, цвѣтетъ
Подъ сѣнью пальмъ, подъ говоръ водъ,
Средь пышныхъ гроздій винограда.
Тамъ, средь обломковъ древнихъ дней,
Величье гордое блистаетъ,
И темный плющъ, какъ черный змѣй
Надъ бѣлой грудой костей,
Пустынный мраморъ позиваетъ.
Но тщетно журнуръ и лазурь
И стихъ Корана громко-звучный
Съ него стоняетъ ярость буръ :
Среди Альгамбры заполучной,
Гдѣ въ чистыхъ мускуса волнахъ,
При звукахъ дитры, на коврахъ,
Вела дни, въ нѣгъ утопая,
Краса гарема молодая,
Понинъ грозно на стѣнахъ
Тугры халифскія блистають,
Понинъ гордыя главы
Сто минаретовъ поднимають,
И раззолоченные львы
Кристалъ звенящій изрыгають.
Туда летите вы мечтой !
Тамъ солнце лѣтъ лучей разливы

На влаге жаждущія нивы:
 И померанецъ золотой.
 Кастилецъ, сыгъ безпечной лѣнѣ,
 Бѣжить подъ кедровыя тѣни,
 И Андалуза табуны
 Пасутся по полю лѣнливо,
 А конь стоитъ и машетъ гривой
 Надъ зыбью блестящей волны.
 Ночь изъ-за снѣжныхъ горъ подьземлетъ
 Янтарный мѣсяцъ надъ водой:
 И кипарисъ и пальма дремлетъ,
 Кивая сонною главой.
 Въ волшебномъ сумракѣ Гренады,
 При плескѣ отдаленныхъ водъ,
 Лишь стихъ влюбленной серенады
 Любовникъ пламенный поетъ:
 — «Спѣши ко мнѣ, о другъ мой нѣжный!
 О, милый другъ, не опоздай!....»
 И ручка бѣлая небрежно
 Роняетъ, будто невзначай,
 Букетъ съ стеклянаго балкона....
 Все спитъ вокругъ. Роскошный сонъ!
 Какъ густо воздухъ напоенъ
 Дыханьемъ бѣднаго лимона!
 Какъ миртъ росюю окропленъ
 И, тихимъ звономъ мандолины,
 Какъ очарованы долины!....

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

ПРОЗА.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬБЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

I.

ФИЛИПЪ ДЕПОРТЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Dissimuler et se contraindre, —
C'est le secret d'un esprit-fort;
Car le baron devient comte,
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.

MAZARINADES, 1648.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Французъ.

Un vendeur de fraîche marée
Viendra du côté de Lyon
Présider en cette assemblée.

UN PAMPHLET, 1614.

У стараго Лувра, какъ муравьиный рой ползала толпа работниковъ. Стѣны Новой Галереи лѣниво поднимались. Еще на углахъ дворца торчали высокія башни, еще много во всемъ Луврѣ оставалось феодалъ-

наго, мрачнаго, запутаннаго. Главное зданіе, архитектуры Лекб, и новый павиліонъ, построенный Лемерсіе, странно противорѣчили прочимъ остаткамъ стараго замка. Между-тѣмъ, въ квартирѣ перваго живописца и главнаго начальника всѣхъ зданій при Людовикъ XIII замѣтно было особенное движеніе. Со двора, со стороны тюильрійскихъ садовъ, безпрестанно прибѣгали на крылечко молодые люди съ бумагами, и возвращались, кто съ довольнымъ видомъ, кто съ досадой. Симонъ Вуэ, неумолимый учитель и первый живописецъ, разрушительнымъ карандашомъ уничтожалъ мечты своихъ учениковъ, продолжая бесѣду съ обыкновенными королевскими живописцами и почетными гостями.

— Знаете ли, почтенный Калло, мнѣ всегда казалось страннымъ, говорилъ Самсонъ Вуэ, что вы превосходный рѣзецъ, составляющій славу Франціи, посвящаете, не королю, не королевѣ, а такъ сказать.... ихъ врагу....

— А что? спросилъ Калло насмѣшливо: развѣ опять парижская чернь смѣяетъ кардинала? Вѣрно отшельница Лафайетъ будетъ управлять государствомъ? А можетъ-быть этотъ пажъ, Генрихъ д'Эффіа, съ золотыми кудрями, что каждый день стрѣляетъ изъ дѣтскихъ пушекъ въ севъ-жерменскомъ паркѣ? А можетъ-быть этотъ дофинъ, первенецъ послѣ двадцати-лѣтняго безплодія? Или этотъ гладкій Италіянецъ аббатъ Мазарини, крестной отецъ дофина.... другъ королевѣ?... Пусть и такъ! Но я уважаю кардинала-герцога, и во Франціи никого не нашелъ достойнѣйшаго, кому бы я могъ посвятить мою книгу. Онъ самъ страдалецъ политическихъ интригъ, заговоровъ, тайнъ и народныхъ силетней. Мой martyrologium въ живыхъ картинахъ представляетъ великіе образцы терпѣнія, а оно нужно великому кардиналу....

— А еще болѣе бѣдной Франціи, замѣтилъ Лемерсіе,

главный королевский архитекторъ: впрочемъ, это простительная трусость.

— Конечно, отвѣчалъ Калло, поправляя черную шапочку, покрывавшую лысую голову старика: конечно эти слова не ко мнѣ относятся. Я гравировалъ взятіе Ла-Рошели съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ слушалъ рассказы объ этой дивной осады: но когда королю и кардиналу-герцогу угодно было, тому назадъ семь или осемь, обратить оружіе противъ нашей бѣдной Лотарингіи, лишить удѣла нашего храбраго герцога, когда побѣдители требовали у меня гравюры на взятіе Нанси..... Нѣтъ, сказалъ я обоимъ въ глаза, скорѣе отрѣжу себѣ кисть руки, чѣмъ оскорблю моего несчастнаго государя-герцога неприличнымъ трудомъ.

— И на васъ не разсердились? спросилъ насмѣшливо Лемерсиде.

— Я сказалъ дерзость въ глаза, но никогда не позволялъ себѣ клеветы и ругательствъ въ какомъ-нибудь темномъ и глухомъ подвалѣ, отвѣчалъ Калло, поглядывая на мрачные своды квартиры Вуэ.

— Нѣтъ, Калло, сказалъ Лемерсиде съ чувствомъ: мы не о себѣ хлопочемъ. Мы хотимъ очистить наши художества отъ иностранцевъ, которыми Кончини и Марія Медичи наводнили Францію; которые не перестали пользоваться милостями кардинала... нашего....

— Не врага ли, мосье Лемерсиде, хотѣли сказать вы? Не стыдно ли! Кто же строилъ рихлиевскій дворецъ? Кто строилъ Рюэльль, загородный замокъ кардинала? Кто расписывалъ и украшалъ ихъ картинами? Если бы онъ былъ вашимъ врагомъ, вы бы, госнода, давно уже путешествовали въ чужихъ краяхъ по-неволѣ, какъ нѣсколько тысячъ дворянъ, не поладившихъ съ тайнымъ борномъ....

— У Калло сто отвѣтовъ на одинъ вопросъ, сказалъ Фукиерръ, фламандскій пейзажистъ, одѣтый съ необыкновенною щеголеватостью; на немъ была короткая бляд-

но-розовая шелковая мантия, подбитая бѣло-синимъ бархатомъ; исподни съ разрѣзами были завязаны множествомъ бантиковъ; сапоги съ большими раструбамъ, обшитые широкими кружевными оборками; въ рукахъ торчала шляпа съ краснымъ перомъ; на перевязи съ золотыми пряжками висѣла шпага, мѣсяцъ тому назадъ полученная изъ рукъ короля, по ходатайству королевы.

Когда Фукиерръ рѣшился говорить, что случилось съ нимъ весьма рѣдко, правая рука всегда была направлена къ шпагѣ, какъ-будто указывая на право дворянина.....

— Отвѣчалъ бы и вамъ, мосьё де-Фукиерръ, сказалъ Калло : но меня пугаетъ ваша шпага, такъ сказать.... вчерашній подарокъ его величества; а еще болѣе увѣренность, что вы уже такъ же искусно привыкли владѣть этимъ благороднымъ оружіемъ какъ и мастерскою кистью.

Фукиерръ покраснѣлъ; толпа живописцевъ смѣялась: только старикъ Вуэ хранилъ свою диктаторскую важность.

— Мастеръ, сказалъ Калло, вставая и обращаясь къ Вуэ : пора кончить; скажите, что вамъ угодно, и отпустите меня.

— Я просилъ васъ для совѣта, маститый художникъ, отвѣчалъ Вуэ угрюмо. Лемерсиё уже поднялъ стѣны галереи, сдѣлалъ всѣ нужныя перестройки, а мнѣ что-то не нравится.

— Такъ сломайте галерею и постройте новую!

— Не то, не то, Калло! Планъ украшенія галереи картинами и дѣлною работою....

— Переменяйте!....

— Такъ! Но мы уже семь разъ переменяли планы.

— Такъ оставайтесь при послѣднемъ, или при первомъ.

Художники изъясняли нетерпѣніе. Вуэ примѣтно раз-

сердился, но неумолимый Калло не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Надо рѣшить, Калло : понимаете ли? надо рѣшить такъ или иначе, и приняться за работу....

— Я рѣшаюсь, отвѣчалъ Калло.

— На что?

— На все! Я граверъ и работать въ галереѣ не буду : такъ почему же не рѣшиться?....

— Вы оскорбляете мое званіе, мосьё де-Калло. Слышите ли?.... мое званіе. Вамъ сдѣлали честь приглашеніемъ...

— Возвращаю честь и рѣшаюсь уйти къ моему дѣлу... Сдѣлайте одолженіе, господинъ первый живописецъ и главный распорядитель всѣхъ работъ въ дворцахъ его величества, не отрывайте меня отъ дѣла приглашеніемъ на совѣты. Нѣтъ ничего хуже какъ совѣты. Вы глава, такъ и распоряжайтесь какъ глава : развѣ у васъ не достаетъ таланта? Иначе, к чему совѣтъ? Король хочетъ мыслей Вуэ, произведеній Вуэ, а не протоколовъ, слышенныхъ изъ пустыхъ разсужденій.... На этихъ муниципальныхъ сходкахъ, мосьё де-Фукиерръ потребуетъ, чтобы главную залу расписать въ Армидинъ Садъ, а изъ потолка составить небо со звѣздами и, пожалуй, съ луною; а я дамъ совѣтъ раскрасить главную залу подъ гравюру *in chiago-oscuro*; а мосьё Лемерсиэ выброситъ живопись, наставитъ колонны какъ стрѣлковъ на смотру, и стѣны уберетъ гирляндами изъ лѣпныхъ цвѣтовъ.... Охъ, ужъ мнѣ эти совѣты! Можно совѣтывать, не собирая совѣтовъ.... Они-то заставили перемѣнять планы семь разъ. Сами подумайте : можетъ ли такая нерѣшительность въ искусствѣ послужить къ лучшему?.... Я граверъ, мосьё Вуэ, и слишкомъ уважаю васъ чтобы обременять вашу память и соображеніе мои замѣчаніями. Посмотрѣть на рисунки очень любопытно, тѣмъ болѣе что я скоро уѣду въ Напси. За эту честь, я всегда остался бы признателенъ.

Т. I. — Отд. I.

2

— Вотъ, вотъ они, прервалъ Вуэ. Смотрите, судите, и непременно скажите свое мнѣніе.

Калло усѣлся у большаго стола и началъ переписывать семь огромныхъ тетрадей, въ богатѣйшемъ переплетѣ.

— Какъ бы то ни было, господа, мы должны, на будущей недѣлѣ во вторникъ, начать работы.... Я предвидѣлъ, что у насъ окажется мало рукъ, и послалъ во всѣ города вызовъ художникамъ.... въ Гренобль, въ Ліонъ, вездѣ. Никто еще не являлся; начнемъ сами, между тѣмъ подѣлать....

— Тутъ есть Италіанецъ Роспиноза, сказалъ кто-то.

— Италіанецъ! прервалъ Вуэ : и конечно! Работы не дамъ.

Во время патриотической выходки Вуэ противъ иностранцевъ, у входа показался человекъ средняго росту, довольно пожилой и непріятной наружности. Широкая, нѣкогда красная, но теперь уже рыжая, мѣщанская епанча закрывала тщательно заштопаное полукрафтанье изъ зеленаго толстаго сукна; фреза, не изъ лучшаго полотна, была измята и забѣлена; онъ былъ въ чулкахъ и башмакахъ; въ одной рукѣ держалъ шляпу съ серебрянымъ галуномъ, зеленымъ перомъ, въ другой огромную папку... Входя въ двери онъ согнулся, и въ такомъ видѣ остановился, одною ногою въ комнату, другою на порогъ.

— Чтó вамъ угодно? спросилъ Вуэ примѣтивъ незнакомца.

— Филиппъ Делапортъ, изъ Ліона, живописецъ, отвѣчалъ гость не разгибаясь.

— Милости просимъ! Вѣрно, по нашему вызову....

— По вызову величайшаго изъ нашихъ живописцевъ, я рѣшился оставить всѣ заказы и уроки....

— Надѣюсь, жалѣть не будете. Это, вѣрно, ваши работы....

— Что успѣлъ захватить : такъ спѣшилъ исполнить волю великаго человѣка....

— Покажите, покажите!

И Делапортъ началъ развертывать разнородные рисунки и картины.

— Не дурно ! сказалъ Вуэ : только посмотрите , эта рука коротка. Вотъ, гдѣ она должна кончиться; голова повернута слишкомъ эффектно.... к чему это ? Прямо, просто, гораздо лучше. Зачѣмъ такъ нарядна драпировка ? Складки надо обдумывать, точно такъ же какъ и всю картину..... Вотъ это изъ рукъ вонъ ! продолжалъ Вуэ, взявъ другую картину : тоже вашей работы?....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Делапортъ, покраснѣвъ : это работа моего ученика; какъ-нибудь замѣшалась....

— Плохо, плохо ! говорилъ Вуэ, разсматривая по порядку картины Делапорта. Лучше всего еще сдѣланы орнаменты, — у вѣтки плоды.... Но картины ваши, простите, ни куда негодны.... И что странно, многія какъ будто писаны другою рукою....

— Для разнообразія, отвѣчалъ Делапортъ нѣсколько смущенный.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, сомнительно говорилъ Вуэ : но въ Луврѣ вамъ нечего дѣлать.... Гдѣ и чѣмъ вы занимались въ Лионѣ?...

— Разно. Давалъ уроки, писалъ портреты, запрестольные образа....

— Хороши должны быть ! замѣтилъ Фукиерръ, поправляя шпагу. (Всѣ улыбнулись.) Что еще?....

— Но за труды былъ награждаемъ очень слабо; тогда какъ за расписываніе комнатъ цвѣтками и другими бездѣльями лионскіе купцы платили щедро....

— Такъ вотъ родъ вашей живописи ! а вы по-добротѣ хотѣли взять на себя грѣхи и другихъ лионскихъ художниковъ ! сказалъ Вуэ, съ гордостью садясь въ кресла.

Смѣхъ возрасталъ. Делапортъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ :

— Вамъ, великимъ людямъ, легко шутить; а намъ, бѣднякамъ, да еще женатымъ, да еще съ дѣтьми, право, не до искусства; думаешь не объ усовершенствованіи таланта, а о хлѣбѣ насущномъ. Я пришелъ, господа, по вызову перваго, именемъ и дѣломъ перваго, живописца. Я зналъ, что картины онъ будетъ писать самъ, а цвѣтовъ не станетъ, и я могу быть употребленъ на что-нибудь не безъ пользы....

— И весьма, и весьма, любезный другъ, отвѣчалъ Вуэ. Вотъ, король приказалъ Лемерсіе, въ тѣ комнаты дворца Фонтенблô, гдѣ прежде жила мадмоазель де-Лафайетъ, продѣлать особую лѣстницу, а мнѣ назначить живописца для раскраски.... Хочешь, поѣзжай; а тамъ, Богъ дастъ, и въ Лувръ найдемъ для тебя работу.

— Только быть при васъ, отвѣчалъ Делапортъ низко кланяясь: только видѣть, какъ вы работаете... для этого можно согласиться на всякія жертвы.

— Ну, такъ погоди; я тебѣ дамъ рисунки и поѣзжай съ Богомъ. — Что вамъ угодно? спросилъ Вуэ у молодого человѣка прекрасной наружности, который въ это мгновеніе вошелъ въ залу, также со свиткомъ.

— Живописецъ Альфредъ Дени, изъ Руана, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Покажите вашу работу, сказалъ Вуэ, развернулъ картину Альфреда и нѣсколько мгновеній продолжалось глубокое молчаніе; всѣ восхищались небольшою картинкой, написанной масляными красками; на ней было только двѣ фигуры, Адонисъ и Венера, но такъ много вкусу, такъ много зрѣлости въ рисунокѣ и колерахъ, что живописцы, любуясь, сомнительно поглядывали на юношу.

— Точно это ваша работа? спросилъ Вуэ.

— Кто же станетъ хвастать чужимъ трудомъ, когда знаетъ, что новою работою долженъ оправдать себя?

— Ну, случается! сказалъ Фукиерръ, и всѣ посмотрѣ-

ли съ улыбкой на Делапорта, который, какъ-будто ни чего не слыша, свертывалъ свои и не свои картины.

— Если такъ, отвѣчалъ Альфредъ, мнѣ остается сказать, — работа моя. Можете вѣрить или не вѣрить.

Калло всталъ, подошелъ къ картинѣ и громко сказать: «Прекрасно!» Художники съ неудовольствіемъ посмотрѣли на Калло.

— Хорошо, хорошо! подхватилъ Вуэ: но ложное стремленіе къ натурѣ, сочиненіе слишкомъ просто; вамъ надо много учиться....

— Всею жизнь! прибавилъ Калло: а картина всё-таки очень хороша. Поздравляю васъ, молодой человекъ, в совѣтую работать, не въ Лувръ, а въ Ватиканъ. Тамъ найдете превосходные образцы и превосходнаго учителя, Пуссена.

Художники громко засмѣялись.

— Скоро Пуссена поставятъ наравнѣ съ Рафаэлемъ! сказалъ Фукиерръ.

— Нѣтъ, Фукиерръ, наравнѣ мало! Я не знаю его; онъ у меня не былъ въ школѣ, но по гравюрамъ я вижу, что ему еще далеко до того чтобы *учить!*...

Вуэ произнесъ эти слова торжественно, намѣкая на свои учительскія заслуги.

Калло съ обычнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ:

— А я объ томъ только и думаю, какъ бы на старость поѣхать въ Италію, поучиться рисованію у Пуссена и, если старые глаза позволяютъ еще что-нибудь гравировать, такъ только съ его картинъ.

— Счастливый путь! со злобой сказалъ Вуэ.

Калло въ долгу не остался и отвѣчалъ:

— Благодарю! Но вы требовали моего мнѣнія? Я рассмотрѣлъ всѣ семь плановъ: мое мнѣніе — сдѣлать осьмой. Простите!

Калло уехалъ. Вуэ взбѣсился и сталъ кричать:—Ръзчикъ началъ указывать главъ школы!... Мнѣ некогда... Хотите, мосьё Дени.... я васъ опредѣлю третьимъ по-

мощникомъ для писанія фондовъ, а иногда и драпировокъ?... Сто ливровъ въ годъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Альфредъ, свернулъ картинку и ушолъ.

— Вотъ тебѣ рисунки, сказалъ Вузъ, бросая Делапорту папку: поѣзжай въ Фонтенблô; спроси Дюбоа; онъ тебѣ покажетъ лѣстницу: въ недѣлю прошу окончить, а нето....

— Пожалуйте чтó-нибудь на дорогу, жалобно сказалъ Делапортъ: я совершенно издержался.

— На, десять ливровъ, въ счетъ жалованья. Да смотри, прибавилъ Вузъ: пиши самъ, а не такъ, какъ ты писалъ свои лiонскiя картины.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фонтенблô.

Tutus agam.....

Парижъ росъ, не по днямъ, а по часамъ. Марiя Медици, мать короля Людовика XIII, украсила его множествомъ зданiй во вкусъ флорентинскомъ. Лучшимъ былъ безъ-сомнѣнiя Люксамбургскiй Дворецъ, построенный възлъ самаго Парижа, съ которымъ онъ въ послѣдствiи слился, и очутился посреди города. Во всѣхъ направленiяхъ столицы тянулись огромные сады; кирпичъ давно уничтожилъ, вытѣснилъ, роскошную кудрявую ихъ зелень; но во время, нами описываемое, даже улицы носили имена парижской флоры, смотря потому къ какой сторонѣ сада онъ примыкали. Въ «Городѣ» (la Cité), на

острову, были только соборъ, ратуша, нѣсколько купеческихъ домовъ и тма лавокъ. Новый Мостъ соединялъ «Городъ» съ обонми берегами; на небольшомъ Островѣ Святаго Людовика воздвигались новые дома лучшей архитектуры; гражданинъ Мари обнесъ кругомъ весь островъ на свой счетъ каменною набережною, и противъ турнельской набережной стали ставить, на его же счетъ и съ его именемъ, каменный мостъ. По-сю-сторону Сены толпился старыи городъ святой Геновевы; по-ту-сторону Лувръ, Тюильри, кардинальскій дворецъ, еще нѣсколько новыхъ здашй, и пространныя предместья. Въ этой сторонѣ Парижа, въ предместьѣ Сень-Дени, какъ и нынѣ, существовалъ Райскій Перелокъ, rue du Paradis, грязный, запачканный, съ крошечными домиками, выбѣленными мѣломъ: ставни были покрыты красною краскою съ голубыми цвѣтками, индѣ въ кувшинахъ, индѣ въ разсыпную; при каждомъ домикѣ — небольшой садъ, ворота и калитка, по деревенскому образцу. Во всей улицѣ только два дома сколько-нибудь походили на городскіе: они раздѣлялись большимъ садомъ и принадлежали двумъ братьямъ Обанъ, парижскимъ мѣщанамъ. Въ ближайшемъ изъ этихъ домовъ къ улицѣ Сень-Дени окно въ садъ было открыто: въ немъ сидѣла съ рукодѣльемъ прекрасная среднихъ лѣтъ женщина. Она безпрестанно поглядывая на двухъ порядочныхъ мальчиковъ, однолѣтковъ, игравшихъ съ дѣтскою рѣзвостью подъ яблонью, обѣяленной зелеными плодами; нѣсколько разъ умѣрала ихъ рѣзвость италіянскими восклицаніями, и снова задумывалась. Въ комнату, гдѣ она сидѣла вошелъ Делапортъ. Лицо его было весело, уста его улыбались.

— Каково идутъ ваши дѣла? спросила женщина съ холодною учтивостью.

— Ради Бога, Джудита, сдѣлайте мнѣ благодѣяніе, не говорите по-италіянски, сказалъ Делапортъ умоляющимъ голосомъ.

— Вы отрекаетесь уже и отъ роднаго языка и отечества?

— Притворно, Джудита; по необходимости.

— Забавная необходимость!

— Въ Ліонѣ выгодно было жить и слыть Италианцами.... Но здѣсь.... Насъ убьютъ, зарѣжутъ, отравятъ, если узнаютъ, что мы Италианцы.

— Санта Марія! Да зачѣмъ же это?

— Насолили наши добрымъ Французамъ при королеви Маріи. До-сихъ-поръ забыть не могутъ....

— Такъ вы встрѣтили неудачу?

— Напротивъ, напротивъ. Отъ Неаполя до Альпійскихъ горъ я расписывалъ потолки и стѣны, и едва могъ питаться за скудную, ничтожную плату. Не учись я по-латынѣ у стараго аптекаря, гдѣ иногда за серебряную монету по двѣ noci толочь порошокъ; не ходи я къ Испанцу органисту пѣть втораго тенора, пришлось бы умереть съ голоду.... Въ Ліонѣ было славное житье, да по вашей милости....

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте ваши упреки. Кажется, вы должны быть довольны моимъ поведеніемъ. Вы переѣхали въ Парижъ на мой счетъ, на мои деньги.... Я должна здѣсь устроить судьбу моихъ дѣтей.... Я должна.... Да это не ваше дѣло! Скажите ваши желанія, я ихъ исполню, если....

— Послушайте, Джудита, Деллапорта исчезъ съ этого свѣта!....

— Пожалуй!

— Его мѣсто заступилъ Деллапортъ, еще лучше Деллапортъ, Французъ; онъ родился въ Италиіи и потому сохранилъ нѣкоторую дебелость въ произношеніи, но такъ мало, что сегодня никто этого недостатка и не замѣтилъ.

— Право?

— Здѣсь мнѣ откроется блистательная будущность.

Королевская гѣстница не то, что купеческая! Заплатить въ четверо, по задатку вижу. А у Людовика столько гѣстницъ, сколько не насчитать въ цѣломъ Лионѣ. Живописецъ королевскихъ гѣстницъ низойдетъ и на герцогскую. По ступенкѣ ниже, по эю дешевле... А посмотрите, какъ отстраивается Парижъ! Тридцать улицъ прошелъ я сегодня: въ каждой два три дома, какъ грибы растутъ. За словомъ въ карманъ не пойду. Слава Богу, съ прелатами два раза по-латыни разговаривалъ. Славно! Я у пристани.... Ну, теперъ къ королю!

— Какъ! къ самому королю? недовѣрчиво спросила Джудита.

— Къ самому королю, Джудита.... Ахъ, послушайте! будьте вы не Джудита, а какъ-нибудь иначе, по-французски, знаете, такъ напимъръ Луиза, Фанни.

— Пожалуй, Фанни!

— Какъ вы добры! Еще одна просьба. Мы наняли двѣ комнаты....

— Кажется, довольно; одна для васъ, другая для меня съ дѣтьми; варимъ на хозяйской кухнѣ...

— Конечно, оно бы довольно, но весь домъ отдають весьма дешево; по три ливра въ мѣсяцъ.

— Такъ что же?

— Вотъ вамъ три ливра.... наймите весь домъ съ особой кухней, а дѣтей, пожалуйста, не пускайте, на дворъ, пока не купите имъ порядочнаго платья; бѣгаютъ оборванные... Дурное впечатлѣніе! Вы знаете, бѣдному и платятъ бѣдно.... А я между-тѣмъ во весь домъ вывѣску развѣшу: «Королевскій живописецъ, Филиппъ Депортъ, ученикъ знаменитѣйшаго италіянскаго мастера», фамилію придумаю.

Вбѣжали дѣти съ хохотомъ, но увидавъ Депорта оробѣли и тихо шли къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, цыплята, сказалъ Депортъ: ты, Джуліо..... Нѣтъ, не Джуліо.... ты будешь Жакъ; а ты, Джироламо, ты будешь Жеромъ:

слышите? Кто ошибется въ имени или заговоритъ по-италіянски.... прошу извинить.... розги! Не пускайте ихъ на дворъ.... право стыдно. Теперь къ королю, прощайте!

Депортъ проворно собралъ краски, кисти, все, что казалось ему нужнымъ; уложилъ въ походный чемоданъ; на плечи, и скоро очутился на другомъ концѣ Парижа, на Италіянскомъ Предмѣстьѣ. Последніе дома Парижа тянулись съ своими огородами по дорогѣ въ Фонтенблô. Депортъ усталъ и присѣлъ на прилавкѣ у какого-то палисадника.... Много каретъ съ задернутыми окнами пронеслось мимо; много проскакало всадниковъ; изрѣдка проходили нарядные носилки и за ними по три по четыре смѣны красиво одѣтыхъ и вооруженныхъ носильщиковъ. Депортъ съ завистью глядѣлъ на проѣзжающихъ, и нѣсколько разъ порывался итти слѣдомъ за носилками; по-крайней-мѣрѣ такъ совѣтовало ему чувство безопасности.... Но вдругъ проѣхала фура на двухъ ослахъ; на ней, кромѣ разной поклажи, сидѣли три нарядные лакея; по шляпамъ съ краснымъ перомъ легко было догадаться, что это придворные слуги. Депортъ догналъ фуру.

— Богъ помощь, пріятели!

— Благодаримъ. Отвѣчали лакеи.

— Не видали ль вы моей лошади?

— Нѣтъ.

— Вотъ бѣда! Приходится или итти цѣшкомъ, или воротиться въ Парижъ покупать другую, а Дюбоа будетъ сердиться.

— Дюбоа? въ Фонтенблô? Тревожно спросили лакеи....

— Да, Дюбоа; что при королевскомъ гардеробѣ служить. У меня къ королю отъ москѣ де-Вузэ и письма и рисунки; приказано отдать Дюбоа. Я живописецъ, и мнѣ тамъ сдѣланъ заказъ; ожидаютъ: а тутъ такая бѣда!

— Садитесь съ нами, честной господинъ; всё скорѣе тѣмъ пѣшкомъ.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ Депортъ, мостясь на фуру: какъ бы чемоданчикъ поставить? да чтобы не свалился, Боже сохрани!

— Мы держать будемъ,

— Спасибо, спасибо! А можетъ-быть и лошадь отыщемъ. Проклятая! Зашелъ къ пріятелю.... Кажется и крѣпко привязалъ къ забору... выхожу, и слѣдъ простылъ.... Посматривайте, пожалуйста, авось увидите.

Лакеи съ почтеніемъ держали чемоданъ и усердно глядѣли во всѣ четыре стороны, надѣясь открыть бѣглую лошадь. Депортъ спалъ, и проснулся уже въ виду Фонтенблô.

Грустно, скучно въ Фонтенблô! Какъ-будто не здѣсь блестящіе праздники удивляли европейскихъ гостей; какъ-будто не здѣсь прелестныя фрески Пинтуриччю манили далекихъ гостей; какъ-будто вчера былъ послѣдній маскарадъ у покойнаго Генриха IV: гости разъѣхались, сонныя слуги какъ тѣни бродили по темнымъ переходамъ дворца и тѣснымъ дворикамъ. Давно ли мастеръ Галиматія утѣшалъ дворъ своимъ забавнымъ балетомъ, и самъ Беарнецъ съ королевою принимали участіе въ шуткахъ замысловатаго балетмейстера?... Грустно, скучно въ Фонтенблô!.... На крыльцѣ, въ разныхъ положеніяхъ, лѣпились слуги, стрѣльцы, охотники; множество собакъ на сворахъ чинно окружали крыльцо; одинъ Брумъ, песь старый, поминувшій Кончини и конетабля де-Люина, былъ на свободѣ: ветеранъ, онъ могъ ходить всюду безъ доклада, и весь кухонный штатъ неразъ жаловался на эту привилегію, которая, по мнѣнію Бриолё, главнаго королевскаго повара, была гораздо вреднѣе и опаснѣе привилегіи парижскихъ парламента и ратуши.

— Брумъ, сказалъ Шотландецъ Кеплеръ: кажется, сегодня не бывать охотѣ, и тебѣ не будетъ службы....

— Того гляди, сказалъ Италіанецъ Лерчи : велѣть соколовъ нести, да стануть кормить собственноручно, а у меня сегодня племянница замужъ выходить!

— Что же? Поклонись Сенъ-Марсу; слово скажетъ королю, — отпустить.

— Нѣтъ, лучше Дюбоа, сказалъ Жеромъ Блоа, начальникъ королевскаго погреба : а съ Сенъ-Марсомъ нынче король не ладить....

— Не ладить! подхватилъ Кеплеръ. Черезъ минуту помирятся, и тому бѣда, кто слышалъ, какъ король сердился на молодаго капитана.... Слушайте старика! угождайте этому мальчику, какъ его называть, право, не знаю. Наше дѣло сторона; кто въ милостяхъ, тотъ и важенъ; при покойномъ королѣ не то было : у Генриха IV такихъ любимцевъ не бывало : любовишки водились; а ужъ этого, нынѣшняго, не случалось. Какъ начала управлять Марія Медичи, да напустила своей италіянщины, совсѣмъ другое пошло : что мѣсяцъ, новая птица при дворѣ; у Людовика такъ и пошли любимцы; одинъ смѣняетъ другаго : ужъ какъ-будто должность какая! Если одному приходится плохо, весь Парижъ только о томъ и толкуетъ, кто теперь будетъ любимцемъ. Имъ-то ничего, а слугамъ отъ этихъ молодцовъ ноги и шея крѣпко болятъ!....

Кто-то бѣжалъ по корридору; всѣ слуги вскочили; на крыльцо вошелъ старикъ Дюбоа.

— Кеплеръ! Лерчи! охоты не будетъ! домой! сказалъ Дюбоа. Симонъ! пошли за Сенъ-Марсомъ; черезъ часъ король пойдетъ съ нимъ гулять пѣшкомъ. Да потомъ пошли къ дю-Карру; скажи, чтобы вся «бáнда» въ шесть часовъ со скрипками была во дворецъ.... А поставили вы лѣса для москѣ Депорта на новой лѣстницѣ?

— Поставили.

— Ну, теперь ступайте по домамъ; а я обожду Сенъ-

Марса здѣсь на крыльцѣ.... И за исторію! тихо ска-
залъ Дюбоа съ самодовольною улыбкою.

— Что король? спросилъ Жеромъ Блоа, поестукивая
по серебряной табакеркѣ и поднося ее Дюбоа....

— Слава Богу, слава Богу! Сегодня хорошо. Всталъ
рано; писалъ латинскіе стихи, потомъ сочинялъ на
каломъ Годо музыку, потомъ позвалъ меня и друже-
ски спросилъ: «Любезный Дюбоа, доволенъ ли ты
мною?» — Ванне величество, отвѣчалъ я, могу ли быть
недоволенъ, когда вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, не
на охотѣ, а въ тишинѣ кабинета, въ бесѣдѣ съ Муза-
ми. «Глупости, глупости, Дюбоа! Музы.... музы, да
весь; не люблю Клію, ненавижу Талию, презираю Мель-
попену.... Одна Музыка, родная дочь музы, kath'echo-
schen....» — Это значить, любезный Жеромъ, прибавилъ
Дюбоа, нюхая свою шепотку: это значитьпо-
превосходству. — «Это искусство, продолжалъ король,
во-мнѣ. А Клію.... лучше бы ея не было!...» Я считъ
эту выходку личностью, по нѣкоторымъ отношеніямъ;
но начался тайный разговоръ, который меня совершен-
но успокоилъ и кончился тѣмъ, что охота отказана,
значенъ музыкальный вечеръ:—Да! заключилъ Дюбоа
со вздохомъ: никогда я не прощу кардиналу одного...

— Чего же это, добрый другъ?

— Зачѣмъ онъ запряталъ мадмоазель де-Лафайетъ въ
монастырь Визитокъ....

— Да вѣдь она, но доброй воли....

— Знаемъ мы эту добрую волю. Подослалъ іезуита;
а ужъ эти господа уговаривать умѣютъ. И теперь бѣд-
ный Людовикъ самъ не свой; боюсь, чтобы и ему не
пдувалось сложить французскую корону и удалиться
въ монастырь. Примѣръ Карла V....

— Какъ, развѣ?...

— Поговариваетъ.... поговариваетъ.... Одна мадмоа-
зель де-Лафайетъ противится этому плану и, дай Богъ
здоровья, противится съ успѣхомъ....

— Стало-быть они видятся?

— Каждую недѣлю два раза, въ присутствіи старшей сестры и всѣхъ монахинь. И каждый разъ, когда король возвращается изъ монастыря, онъ такъ добръ, ласковъ.... но грустенъ, тяжело грустенъ; живетъ только въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ жила она, до монастыря; вотъ и здѣсь съ пріѣзду не былъ ни въ одной залѣ, не ходитъ смотреть на Приматиччіо: а прежде каждый день два раза ходилъ къ фрескамъ; приказалъ къ комнатамъ Лафайетъ продѣлать особую большую лѣстницу; и, признаюсь, Лемерсиё исполнилъ свое дѣло отлично; теперь ее расписываютъ. Хотите видѣть? Пойдемъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Письня.

Pisne blaho moze.

НАКА.

Лѣстница весьма искусно обставлена была лѣсами. Депортъ, снявъ рыжую эпанчу, расчертилъ уже всю лѣстницу, по рисункамъ Вуэ, и принялся писать вензель мадмоазель де-Лафайетъ изъ незабудокъ; всѣ украшенія, по страннымъ соображеніямъ Вуэ, состояли изъ бѣлыхъ лилій и плющу; работа шла успешно, но мертвое молчаніе царствовало на уединенной лѣстницѣ: ни шелеста, ни отзвуку человѣческаго голоса. Въ такихъ мѣстахъ уныніе невольно тѣснится въ сердце, безотчетный страхъ мѣшаетъ работѣ, и Депортъ, что-

бы сколько-нибудь ободрить себя, началъ напѣвать итальянскую пѣсню «La Mopassa». Эта пѣсня и въ Ита-
ліи была еще нова, а въ Парижѣ вовсе неизвѣстна.
Сначала звуки раздавались тихо, будто ползая, и въ
пустотѣ еще болѣе наводили тоску на одиозаго пѣв-
ца; непримѣтно, неволью, голосъ крѣпчалъ и, куплетъ
за куплетомъ, возвышался въ силѣ. «La Mopassa» напи-
сана, по древнему обычаю, стиховъ во сто: не успѣлъ
Депортъ достигнуть и половины, какъ за дверьми, въ
которыя упиралась лѣстница, послышались шаги. Де-
портъ онѣмѣлъ и, прислушиваясь, продолжалъ рабо-
ту. За дверьми кто-то напѣвалъ латинскіе стихи на
мотивъ «La Mopassa»; но, когда дошло дѣло до послѣд-
няго стиха, невидимый пѣвецъ остановился, не могъ
вспомнить окончанія мелодіи, дверь отворилась и Лю-
довикъ XIII съ веру лѣстницы ласково сказалъ Де-
порту: «Повтори, любезный, эту пѣсню нѣсколько
разъ сряду, да по-громче.» И дверь захлопнулась. Ис-
пуганный неожиданною аудіенціей, Депортъ повино-
вался; дрожащимъ голосомъ продолжалъ пѣть куплетъ
за куплетомъ, кончилъ и, не слыша приказанія пере-
стать, началъ снова. Не пропѣлъ онъ двухъ трехъ ку-
шетовъ, какъ король, отворивъ двери, сказалъ: «До-
вольно, поди сюда!»

Депортъ не успѣлъ счистить пятенъ съ платья, необ-
ходимой принадлежности комнатныхъ живописцевъ:
онъ завернулся въ свою рыжую эпанчу, и подъ нею,
на входѣ, старался стереть охру и сурикъ со стара-
го камзола. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ вошелъ онъ
въ первую комнату: тутъ никого не было; въ другой
комнатѣ, болѣе обширной, убранной весьма просто, по-
среди, на большомъ столѣ, лежала груда потъ и
пюла. У стола стоялъ король. На немъ была длинная,
почти до самыхъ колѣнъ, черная мантия съ рукавами
и шитымъ орденомъ Святаго Духа. Изъ подъ мантии
видно было, что король совсѣмъ одѣтъ; любимыя по-

лосатые исподни уходили въ широкіе раструбы сапоговъ, обшитыхъ въ нѣсколько рядовъ кружевами. Съ улыбкою глядѣлъ онъ на бумагу, и въ тактъ стучалъ по полу тростью... Ни живой, ни мертвый, едва дыша, Депортъ стоялъ у порога первой комнаты; ему не случалось говорить въ жизнь свою съ порядочнымъ маркизомъ, а тутъ — глазъ на глазъ съ королемъ Франціи: и какой Франціи! Временъ Ришліё! Депорту казалось, что помость подъ нимъ шевелился, стѣны качаются, потолокъ вертится; вдругъ Людовикъ запѣлъ латинскіе стихи съ приемами на мотивъ «La Mopасса» и, окончивъ пѣніе, спросилъ довольно тихо: «Такъ ли?»

— Совершенно такъ, ваше величество, не возможно лучше, дрожа отвѣчалъ Депортъ изъ другой комнаты.

— Поди сюда!... Ты знаешь ноты?

— Знаю, ваше величество.

— Сочиняешь самъ?

— Не испытывалъ себя въ этомъ, ваше величество.

— Погляди, такъ ли я написалъ твою пѣсню?

— Совершенно такъ, невозможно лучше, ваше величество.

— Ты умѣешь писать ноты?

— Умѣю, ваше величество.

— Перепиши какъ-можно по-чище.

— Слушаю, ваше величество.

И Депортъ хотѣлъ удалиться, чтобы гдѣ-нибудь на покоѣ исполнить волю государя.

— Нѣтъ, здѣсь, мой другъ, здѣсь! сказалъ король, вынимая изъ богатой конторки или, какъ называютъ Французы, секретаря, фламандскую нотную бумагу: садись сюда и переписывай, а я, пока, протвержу партію изъ Артурова гимна. Кстати: у тебя хорошій теноръ?

— Второй, ваше величество.

— Всѣ одно, и я пою только втораго баса.... Просмотри эти ноты и ввечеру приходи сюда.

Король ушелъ въ дальніе покои; едва слышно дошли звуки пріятнаго, но не совсѣмъ твердаго, голоса. Въ это печальное время жизни Людовика, внутреннія боренія, интриги кардинала, недовѣрчивость къ женѣ и приближеннымъ, тоска по изгнанной матери, робость въ любви, и многія многія причины развили тяжкій, медленный недугъ, създавшій видимо послѣдніе годы добраго короля. И продолжительное пѣніе для него стало трудно, но сегодня онъ упражнялся черезъ силу, не желая ввечеру отстать отъ другихъ. Депортъ, несмотря что природа одарила его богатымъ запасомъ дерзости и безстыдства, волнуемый страхомъ и вѣсными еще надеждами, не видѣлъ нотъ, перепортилъ всѣ листы фламандской бумаги и въ отчаяніи прибѣгнулъ къ воровству. Онъ видѣлъ, гдѣ у короля хранилась нотная бумага и уже вынулъ тетрадь, уже опустилъ крышку конторки, уже поворачивалъ ключъ... вдругъ вошелъ король и Депортъ окаменѣлъ.... Но отчаянне — мать великихъ подвиговъ. Изъ отчаянья, Депортъ улыбнулся и сказалъ довольно твердымъ голосомъ :

— Государь! не виноватъ; заслушался; испортилъ бумагу; прервать превосходнаго пѣнія вашего величества я не смѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ замѣтно было большое одушевленіе; между-тѣмъ полагая, что дѣло къ спѣху....

— Весьма умно.... Прервалъ король, садись же, пожалуйста, и переписывай; пора итти на прогулку.

Депортъ переписывалъ. Вошелъ безъ доклада молодой человекъ прелестной наружности: ему было около двадцати лѣтъ. Его щегольской нарядъ капитана королевской гвардіи былъ въ безпорядкѣ, прическа измята, глаза заспаны; на лицѣ написана досада.

— Гдѣ вы это пропадаете, маркизъ? спросилъ король съ видомъ состраданія.

Маркизъ молчалъ.

Т. I. — Отд. I.

— Опять всю ночь! продолжалъ король съ тѣмъ же выраженіемъ: въ обществѣ Машеньки де-Дормъ, стихоплетовъ, развратниковъ. Опять возліанія Бахусу!.... Сень-Марсъ, когда это все кончится?...

— Когда вашему величеству угодно будетъ оставить меня въ покоѣ или послать на службу въ испанскую армію.

— Вы съ ума сошли, монсь д'Эффіа!

— Не думаю, государь! Всѣ говорятъ, что я неглупый мальчѣ.

— Капитанъ! какъ вы смѣете такъ отвѣчать вашему королю, благодѣтелю и другу?

— Вольно же вамъ мучить больнаго и заставлять гулять, когда я еще не выспался....

— Поди вонъ!

— Мнѣ только того и надо! сказалъ Сень-Марсъ про себя, но не довольно тихо, и ушелъ.

Король всталъ, одѣлся самъ безъ помощи слугъ, а Депортъ окончилъ работу.

— Благодарю, сказалъ король уже не такъ ласково. Спряталъ и черновыя и чистыя поты въ конторку, заперъ, ключъ положилъ въ карманъ, взялъ трость и шляпу и грубо сказалъ Депорту: «Пойдемъ гулять».

Вышли на лѣстницу.

— Ага! Вуз не только великій живописецъ, но и слуга исправный.... — Это ваша работа? спросилъ Людовикъ, остановясь на первой площадкѣ, надъ которой вензель изъ незабудокъ почти былъ оконченъ.

Депортъ поклонился. Лицо Людовика освѣнилось печальной думой; приметнымъ страданіемъ; тихо шепталъ онъ молитву. Депортъ, какъ и вся Франція, зналъ тайну короля; опустилъ глаза, притаялъ дыханіе, и, недвижимый, какъ каріатида, у которой остановился, напряженнымъ слухомъ старался отгадать смыслъ коро-

левскаго шопоту. Людовикъ глубоко вздохнулъ и въ полголоса произнесъ стихъ Персія :

O curas hominum, quantum est in rebus inani!

Потомъ, обратясь къ Депорту, сказалъ ласковымъ голосомъ : « Такъ ты и живописецъ ? » Депортъ поклонился еще ниже.

— Я люблю живопись : но у насъ такъ мало хорошихъ живописцевъ !... хотѣлъ выписать изъ Итали, но и тамъ теперь, кажется, никого нѣтъ....

— Государь, смиренно отвѣчалъ Депортъ : недавно еще я возвратился оттуда и рѣшительно долженъ сказать вашему величеству, кромѣ Пуссена, тамъ нѣтъ ни кого....

— Пуссенъ ! Французская фамилія !

— Онъ и родомъ Французъ. Франція теперь первенствуетъ въ художествахъ : въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; еще міръ не можетъ опѣнить, какія зерна брошены для васъ высокимъ, благотворнымъ, питательнымъ, плодороднымъ покровительствомъ, которымъ вашему величеству угодно было осчастливить французскія художества, и я скажу съ Тибуллоу :

Di tibi formam,

Di tibi divitias dederunt, artemque fruendi.

Король сталъ веселѣе, и, улыбаясь самодовольно, сказалъ Депорту :

— А враги мои ничего этого не замѣчаютъ, и не видятъ; они думаютъ, что я ихъ боюсь и оттого остороженъ, и оттого дѣлаю хорошо.... Не правда ли ?

И началъ смѣяться. Депортъ осмѣлился вторить королю и со смѣхомъ отвѣчалъ :

— Славная политика, ваше величество, спасительная система; не даромъ говоритъ Либерій :

Necesse est

Ut paucos timeat; quoniam multi timent.

Король еще болѣе развеселился....

— Да это находка, сказалъ Людовикъ, остановясь и разсматривая Депорта : кто ты, и какъ тебя зовуть ?

— Зовуть меня Филиппъ Депортъ, а кто я, и самъ не знаю. Нужда велѣла расписывать стѣны и потолки людей богатыхъ, а можетъ-быть Фортуна велить и мнѣ въ свою очередь заказывать тѣ же работы другимъ людямъ. Я не отчаяваюсь.

— Ну, любезный Депортъ, ты похожъ на меня : и живописецъ, и музыкантъ, и риторъ ! Недостаетъ тебѣ знатности и богатства. Но Богъ милостивъ :

Si fortuna volet, fies de rhetore consul!

Двери отворились, вошелъ Сень-Марсъ и, обратясь къ королю, почтительно спросилъ :

— Ваше величество, не лучше ли проѣхать верхомъ? До обѣда остается не болѣе получаса.

— Развѣ я у тебя спрашивалъ совѣта? отвѣчалъ изумленный Людовикъ. Ты боленъ, и хорошо послѣ распутой ночи проймись пѣшкомъ !

Сень-Марсъ не отвѣчалъ ни слова и шелъ молча за королемъ, поглядывая на Депорта; а Депортъ постоянно, всё болѣе и болѣе, отставалъ.... Костюмъ Сень-Марса былъ уже въ большомъ порядкѣ, но одна шпора расшаталась отъ ночной поѣздки. Депортъ тотчасъ это примѣтилъ, и, догнавъ Сень-Марса, почтительно сказалъ : «Позвольте укрѣпить вашу шпору.»

— Да какъ же ты это сдѣлаешь? спросилъ разсѣянно Сень-Марсъ.

— А вотъ, камешкомъ.

— Благодарю, сказалъ Сень-Марсъ, когда Депортъ привелъ въ порядокъ шпору и платкомъ стеръ грязь, засохшую на сапожныхъ кружевахъ.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, отвѣчалъ Депортъ и продолжалъ идти слѣдомъ за королемъ и Сень-Марсомъ, всегда однако жъ въ третьей дистанціи.

Король обошелъ молча двѣ три аллеи, молча возвратился къ новой лѣстницѣ; остановясь на крыльцѣ, обратился къ ступенькамъ, сказалъ тихо — «Прощайте, до завтра!», и ушелъ въ покои мадмоазель де-Лафайетъ. Депортъ пошелъ-было за королемъ, но Сенъ-Марсъ грубо схватилъ его за руку и спросилъ :

— Ты куда?

— Къ моей работѣ.

— Къ какой!

— Я расписываю лѣстницу....

— Когда проснется король, дай мнѣ знать : слышишь? Я не хочу, чтобы меня о томъ уведомили придворные слуги. Слышишь?

— Да гдѣ же вы изволите жить?

— Глупецъ! я буду у племянницы Дюбоа.

— Я человекъ новый, маркизь : благоволите указать. Я всегда къ вашимъ услугамъ....

— Дюбоа будетъ до шести часовъ неотлучно при королѣ, а я неотлучно при его племянницѣ : такъ если одно слово — горе тебѣ!

— Помните, господинъ капитанъ! только укажите, куда прибѣжать; ногъ не пожалѣю.

— Ты видѣлъ издали, въ паркѣ, большую красную бесѣдку съ китайской крышей?

— Видѣлъ.

— Вотъ тамъ! Хлопни три раза въ ладоши : я услышу.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, маркизь, я всегда къ вашимъ услугамъ, кричалъ Депортъ вслѣдъ Сенъ-Марсу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Музыкальный вечеръ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
 Dissimuler et se contraindre,
 C'est le secret d'un esprit-fort ;
 Car le baron devient comte
 S'il fait jouer à grand effort
 Un visage qui se démonte.

MAZARINADES. 1648.

На башнѣ протяжно пробило шесть часовъ. Дворецъ въ Фонтенблô оживился; забѣгали слуги; появились у крыльца носилки, кареты, нарядно разубранныя верховыя лошади. Сенъ-Марсъ шелъ шибко ко дворцу, за нимъ рысью бѣжалъ Депортъ. На крыльцѣ они встрѣтили Дюбоа, которому другіе лакеи подавали широкій плащъ, шляпу и трость.

— Куда ты? спросилъ Сенъ-Марсъ съ улыбкой.

— Домой, господинъ капитанъ, домой, отвѣчалъ Дюбоа.

— Писать исторію?

— Что это, капитанъ! вы еще, пожалуй, скажете его величеству; втянете меня въ бѣду....

— Непременно скажу, когда поссоримся, Дюбоа.

— Вѣрно вамъ сказалъ объ этомъ де-Ту, у котораго я просилъ позволенія рассмотреть нѣкоторыя бумаги его покойнаго отца, историка Франціи; а опъ и вообрази, что я пишу исторію....

— Нѣтъ, не одинъ де-Ту, многіе говорятъ; да ужъ дай только намъ поссориться, все узнаемъ.

— Да зачѣмъ же намъ ссориться, маркизь!

— Я и самъ, пока, не вижу причины; а говорятъ, исторія хороша....

— Кто говоритъ?

— Намъ дни у мадамъ де-Рамбульё только объ ней и говорили.

— Какъ, у мадамъ де-Рамбульё! спросилъ Дюбоа со слезами радости: въ этомъ ареопагъ людей ученыхъ и писателей... Помилуйте, я недостойнъ такой дести; это, просто, записки очевидца....

— Скромность, скромность, Дюбоа; когда-нибудь я загашу тебя туда.

— Увольте, маркизь, увольте; моя должность, льта....

— Послѣ, послѣ объ этомъ. Король всталъ?

— Давно, но еще не выходилъ.

— А эти уроды собрались?

— Собрались, ваше сіятельство, собрались. Пора и вамъ! Ступайте.

— Пойдемъ, сказалъ Сенъ-Марсъ Депорту, и Дюбоа съ изумленіемъ поглядѣлъ на новаго придворнаго; онъ не предвидѣлъ въ то время какъ много мѣста займетъ этотъ новичокъ въ его запискахъ.

Въ концертной залѣ или, лучше сказать, въ самой большой комнатѣ отдѣленія Лафайетъ, тѣснилось небольшое число избранныхъ. Віолы, лютни и скрипки лежали на кругломъ столѣ; вся банда двадцати четырехъ скрипокъ Генриха IV сидѣла передъ пульпитрами и ожидала короля; только одинъ дю-Карру, королевскій композиторъ, не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ: онъ спорилъ въ глубокомъ окнѣ съ отцемъ Сирмондомъ, востомъ Годо, и живописцемъ Дерюэ. Герцогъ де-Бенфоръ, принцы и дворяне изъ лучшихъ фамилій, не удостоивали собесѣдниковъ вниманія и шептались между собою. Скрипани, сидя на своихъ мѣстахъ, разговаривали съ другими двумя королевскими композиторами, Артуромъ Кусто и Яковомъ Модюи. Отъ частныхъ разговоровъ образовался въ тѣсной комнатѣ сильный шумъ. Вошегъ де-Нойё, почти неслышно, но всѣ замѣтили его присутствіе и умолкли. Секретарь королевства, правая рука и правое ухо кардинала, невольно народилъ

ужасъ на дворянъ, безстрашныхъ на альпійскихъ и пиренейскихъ вершинахъ, но не съ глазу на глазъ съ Ришліё и его клеветами. Печальна судьба такихъ людей какъ де-Нойё. Все, что бы они ни сдѣлали добраго, лезть и страхъ припишутъ кардиналу. Вся ошибки, вся жестокости Ришліё падутъ на ихъ ответственность : лезть и страхъ не посмѣютъ обвинить кардинала; и де-Нойё принадлежалъ именно къ разряду невинныхъ злодѣевъ. Быстрота въ кабинетной работѣ, пріятная наружность, даръ слова, любовь къ наукамъ и художествамъ, способность развязывать Гордіевы узлы заговоровъ, сдѣлали его человѣкомъ необходимымъ для Людовика XIII и кардинала. Изъ клеветовъ Ришліё, только одинъ де-Нойё, впрочемъ недолго, имѣлъ свободный входъ въ комнаты короля, и Людовикъ былъ убѣжденъ въ его честности и скромности. Даже придворныя дамы, это вѣчно независимое сословіе, приверженныя къ несчастной своей королевы Анны Австрійской и ненавидѣвшія открыто великаго инквизитора Франціи, какъ онъ называли кардинала, любили де-Нойё подъ именемъ маленькаго добряка, *petit bonhomme*. Отецъ Сирмондъ, духовникъ короля, подошелъ къ нему и почтительно раскланялся.

— Что новаго? спросилъ де-Нойё : правда ли, что сегодня опять была ссора съ Генрихомъ ?

— Вы знаете лучше меня стихи и, владычествующія во дворцахъ нашего короля.... Ссора ! А вчера на столѣ Людовика я нашелъ записку: вотъ копія. Пойдемте къ окну.

Де-Нойё прочелъ : «Капитанъ гвардіи нашей, Генрихъ д'Эффиа, маркизь де Сенъ-Марсъ, назначается великимъ конюшимъ двора нашего, съ оставленіемъ при прежней должности.»

— Это, пока, еще карандашъ, сказалъ де-Нойё : послѣ ссоры можетъ-быть подлинникъ этой записки его-рь въ каминъ....

— Сомнѣваюсь, отвѣчалъ отецъ Сирмондъ : не забудьте, что нашъ воспитанникъ, наше твореніе, уже не задитъ въ Рюэль, не доносить ничего объ королѣ и принцахъ, а у королевы не отходитъ отъ кресель Марш Неверской.

— Безумецъ ! она принцесса !

— Конетабль Франціи можетъ жениться на королевской дочери !

— Что вы, что вы, отецъ Сирмондъ ? Но, признаюсь, ваше положеніе самое непріятное. Къ королю приставили мы Сень-Марса, а теперъ къ Сень-Марсу придается приставить дядьку. Вы знаете Saint-Aôut ? Кардиналъ назначаетъ его.

— Выборъ недурной, но бесполезный.... Что это вы, господинъ секретарь, и на вечеръ съ бумагами ?

— Нѣтъ, это рисунки Вуэ. Признаюсь, мнѣ ужасно надоѣли планы Симона для луврской галереи. Король такъ милостивъ : присылаетъ мнѣ на просмотръ эти киньы ; но, право, лучше не строить вовсе ничего, нежели такія дорогія пошлости.

Вошли Сень-Марсъ и Депортъ. Дворяне бросились къ маркизу и начали шептаться. Депортъ не зналъ, какъ выскочить изъ толпы, куда невольнo ввелъ его Сень-Марсъ. Де-Нойё не сводилъ глазъ съ молодежи и, примѣтивъ Депорта, невольнo спросилъ : « Это кто ? » Отецъ Сирмондъ побѣждалъ узнать, кто этотъ новый собесѣдникъ королевскій ; но никто не могъ отвѣчать. Скоро во всей залѣ только и слышно было : « Кто это ? кто это ?.... »

Вошелъ король. Двадцать четыре скрипки грянули маршъ, написанный дю-Карру, на переходъ Альпійскихъ Горъ. Брустное лицо короля оживилось ; въ воображеніи его возобновились чудеса личной его храбрости и бессловесные подвиги дворянства. Король остановился, прослушалъ маршъ, и когда, по окончаніи пѣсы, вся

Банда встала, король изъявилъ полное свое удовольствіе. Пользуясь расположеніемъ короля, дю-Карру просилъ дозволенія лютнисту Бланрошѣ сыграть новую пьесю, сочиненную на слова поэта Годо.

— Прошу, прошу, отвѣчалъ король : садитесь, герцогъ ; mes cousins, господа, садитесь, садитесь. Де-Нойѣ, отецъ Сирмондъ, ко мнѣ поближе; вотъ такъ.

Сень-Марсъ подошелъ къ королю и также сѣлъ вондъ. Бланроше удивилъ все общество; но король былъ недоволенъ : ему было досадно, что Бланрошѣ побѣдилъ Якова Модюи, любимца королевскаго, прозваннаго, Богъ-знаетъ за что, «отцемъ музыки».

— Артуръ! сказалъ Людовикъ, обращаясь къ Кустѣ : какъ ты находишь ?

— Мнѣ трудно судить, государь! Мы съ Бланрошѣ старинные друзья; но я полагаю, что одобреніе князя музыки, мосѣ дю-Карру....

Король отворотился и не слушалъ Артура; бѣдный Бланрошѣ стоялъ посрединѣ какъ вкопанный, ожидая милости или гнѣва; но король, не обращая на него ни какого вниманія, разсѣянно сказалъ дю-Карру :

— Играйте что-нибудь, князь музыки, играйте!..... Ну, де-Нойѣ, продолжалъ король, понизивъ голосъ : что же наша луврская галерея ?

— Если ваше величество изволили удостоить меня счастья открыто сказать мое мнѣніе, то я счелъ бы себя преступникомъ, если бы похвалилъ планы и чертежи Симона Вуэ.

— Вы не довольны ?

— Пошло, обыкновенно, нѣтъ ничего такого, что бы могло говорить позднему потомству : «Воздвигнуто въ царствованіе Людовика XIII.»

— Правда, правда! а на вашу вкусъ можно полагаться.... Скажите, что, у васъ много работы? много переписки съ иностранными державами?

— Какъ и всегда, ваше величество. Нѣтъ, ягу; съ тѣхъ поръ какъ война съ Испаніей уже рѣшена, стало меньше работы : съ кабинетомъ Сень-Лоренцо будетъ сноситься Шавинья, который отправится на войну съ нашимъ величествомъ.

— Отчего же не вы? Я желалъ бы васъ....

— Такъ было угодно кардиналу; я здѣсь нуженъе.

— О! такъ уже это рѣшено. Я очень радъ, что вы здѣсь остаетесь и имѣете отъ дѣлъ довольно досуга.... Вы и мнѣ нужны здѣсь.

— Какимъ образомъ, ваше величество?

— А вотъ, увидите.

— Бѣнда окончила нѣсу; король всталъ и ушелъ во внутренніе покои; нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; раздался звонокъ; Сень-Марсъ пошелъ къ королю, и черезъ мгновеніе возвратился съ бумагой, которую и подалъ де-Нойѣ.

— Вотъ это мѣсто по васъ, сказалъ Сень-Марсъ, когда де-Нойѣ оканчивалъ чтеніе бумаги.

— Вы шутите, маркизъ.

— Иногда; но въ этомъ случаѣ поздравляю Францію. Главный начальникъ дворцовъ изданій его величества, желаю вамъ успѣха! А между-тѣмъ извольте вѣхать.

— Я хотѣлъ поблагодарить короля....

— Удивительно, какъ блюстители формъ, на радости, сами забываютъ формы. Вы должны явиться къ королю завтра, въ пріемную; и тогда уже увидимъ, прійметъ ли васъ король или нѣтъ.... Да, мы завтра въ Сень-Жерменъ. Прѣзжайте около полудня.

Все это говорилъ Сень-Марсъ съ такою дѣтскою и беззаботною важностью, что де-Нойѣ, глядя на него, невольно улыбнулся.

— Послушайте, маркизъ, спросилъ де-Нойѣ очень тихо: кто это съ вами вошелъ въ залу?

— А! это мой пріятель, живописецъ.

— Это вы представили его королю?

— Да, я, разсѣянно отвѣчалъ Сень-Марсъ. Но уважайте, король не можетъ выйти въ залу.

— Вду, вду, сказалъ де-Нойё, взявъ шляпу и, проходя мимо Депорта, легонько дернулъ его за руку, и сказалъ :

— Пожалуйста завтра ко мнѣ въ два часа по полудни въ Сень-Жермень.

Депортъ со всѣхъ ногъ бросился въ слѣдъ де-Нойё, желая узнать, кто ему сдѣлалъ честь своимъ приглашеніемъ.

Король возвратился въ залу.

— Вотъ и наши грѣхи, сказалъ Людовикъ, подавая дю-Карру пѣсню, написанную имъ съ напѣву Депорта.

Музыканты и композиторы схватили віолы и, всѣ вдругъ начали разыгрывать королевскую рукопись. Дю-Карру поднялъ смычокъ повелительно, и турецкая музыка прекратилась. Не безъ труда разыгралъ онъ пѣсню; всѣ въ одинъ голосъ кричали: «Удивительно! превосходно!... Какое прекрасное сочиненіе!...»

— Сочиненіе не мое, а я положилъ только на ноты, сказалъ король.

Всѣ хвалили правильность перекладки. Въ это время отецъ Сирмондъ подалъ королю *Martyrologium* Калло.

— Что это? спросилъ король перелистывая книгу. А, знаю! Хваленое *Martyrologium*. По мнѣ очень дурно. Дерюэ, поди сюда.... Какъ по-твоему, хорошо?

— Государь! Калло мнѣ другъ.

— Знаю, знаю, и потому-то у тебя и спрашиваю; хочу испытать твою искренность.

— Если такъ, государь, я считаю это *Martyrologium* торжествомъ искусства.

— Помнишь ли ты, сказалъ король съ недовольнымъ видомъ, когда мы были въ Нанси? Я начертилъ твой портретъ, помнишь? Не лучше ли онъ всей этой нацарапанной книги?... Конечно, ты другъ Калло, а у тво-

его Кадло больше смѣтки нежели таланта. Посвятилъ книгу кардиналу, и послѣ этого, конечно, всякой ее хвалить.

При послѣднихъ словахъ короля, Депортъ воротился въ залу въ мрачномъ раздумьѣ : зачѣмъ зоветъ его де-Нойё.... Увидавъ его, король сказалъ :

— Филиппъ, поди сюда: посмотри и скажи свое мнѣніе; но не гляди кому посвящено, къмъ гравировано; скажи просто : хорошо или худо?

Депортъ пересмотрѣлъ *Martyrologium*, положилъ на столъ презрительно книгу и молча отступилъ.

— Ну, что!... спросилъ Людовикъ.

— Я не смѣю, государь....

— Я приказываю.

— Если такъ, осмѣлюсь сказать, что мнѣ не нравится. Плохо, ваше величество; очень плохо.

— Вотъ, видите? слышите? Человѣкъ свѣжій, никогда не видалъ ее прежде.... Ты не видалъ книги?

— Ни когда, ваше величество.

— Слышите?... И вотъ ваше общественное мнѣніе!

Дерюэ не могъ не вступить за друга; тѣмъ болѣе, что король любилъ независимость мысли и позволялъ съ собой спорить.

— Я не знаю, ваше величество, этого господина, сказалъ Дерюэ: но чтобы судить Кадло надо быть художникомъ, имѣть право....

— И конечно, ординарный живописецъ короля французскаго имѣетъ на то право, отвѣчалъ король съ насмѣшливой улыбкой и посмотрѣлъ на изумленнаго Депорта. Потомъ подошелъ къ нему и ласково спросилъ :

— А что, не правду ли я говорилъ : *Si fortuna volet, fies de rhetore consul*. Бросимъ живопись.... Гдѣ твоя партія? Станемъ пѣть гимнъ Артура.

Была усвѣлась. Раздался гимнъ, написанный Арту-

рошъ Кусто на взытіе Нанси. Депортъ былъ лучше всѣхъ. Король былъ въ восторгъ, но усталъ отъ пивія и другихъ ощущений. Сонъ началъ клонить его, и Людовикъ, вставъ, сказалъ Депорту:

— Филиппъ, прикажи позвать Дюбоа!.. Прощайте господа, благодарю за пріятный вечеръ. Прощай Сень-Марсъ. Сегодня ты умница и жалеть не будешь!.... Завтра на охоту.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Литературная ночь.

Le gros Dubois, aliàs dit Cretin,
En plumestant sur son petit pulpitre,
A minuté cette presente épître....

GUILLAUME CRETIN.

Депортъ бѣжалъ по дворцовому корридолу, что силы было; позади его раздался звонкій голосъ Сень-Марса.

- Эй, пріятель! пріятель! Куда бѣжишь?
- Къ Дюбоа, маркизь, къ Дюбоа.
- Самъ, собственными ногами?
- Самъ, господинъ маркизь.
- Такъ послушай: мнѣ надо ѣхать; скажи Анетъ, что король меня засадилъ писать на всю ночь. Слышишь?
- Слушаю, отвѣчалъ Депортъ, и побѣжалъ въ садъ. Сень-Марсъ пошелъ также садомъ, нѣсколько разъ

отгнулся на королевскія окна, перелѣзъ въ паркъ черезъ заборъ; тамъ ожидалъ его слуга съ лошадыю.

— Что, мой добрый Ипполитъ, все готово?

— Готово, маркизъ; но не совѣтую отлучаться.

— А что?

— Да сегодня прислано изъ Рюэля намъ съ Николаемъ, слугамъ вашимъ, приказаніе вѣхать въ Туренну, домой. Жидъ Эвое сказалъ намъ: «Господинъ маркизъ пожалованъ великимъ конюшимъ, такъ ему особая королевская прислуга будетъ.» Потомъ Эвое сказалъ: «Къ вашему господину господинъ Кардиналъ знатнаго челоука приставилъ, Сентъ-У. Безъ рясы іезуитъ.» Надо-быть, онъ васъ теперь по всему Фонтенблô ищетъ.

— Да развѣ Сентъ-У пріѣхалъ? спросилъ Сентъ-Марсъ покраснѣвъ.

— Пріѣхалъ, ваше сіятельство, пріѣхалъ! Рыжіи такой, рябой какъ вода подъ вѣтромъ. Остановился у отца Сирмонда и ждалъ только, чтобъ вечеръ кончился.

— Такъ пусть же обождетъ до утра, а вы оставайтесь съ Николаемъ при мнѣ. Нето и я съ вами къ мадушкѣ уѣду, отвѣчалъ Сентъ-Марсъ, вспрыгнувъ на коня, и облако пыли поднялось въ грустномъ паркѣ.

— Ни дать, ни взять отецъ его былъ такой же сѣрви голова, ворчалъ Ипполитъ провожая глазами красиваго всадника. А я, такъ сказать, сегодня не пойду на конюшню. Спросятъ: гдѣ лошадь?... Я имъ, завтра скажу: ѣздилъ тутъ, по сосѣдству, къ знакомому.... Охъ плуты! Знаю, что подумаютъ, да мнѣ жаль моего цыпленка. Ужъ служить, такъ служить. Пусть ихъ что хотять думаютъ!...

Ипполитъ исчезъ въ густотѣ лѣса.

— Король васъ проситъ, сказалъ Депортъ остановясь у окна розовой бесѣдки, и едва переводя дыханіе.

— Что такъ рано? спросилъ Дюбоа, уронивъ съ пера на красивый огромный листъ чернильнаго жидка.

— Усталъ; мы много сегодня пѣли.

— Какъ? Вы пѣли съ королемъ.

— Не спрашивайте, а спѣшите къ его величеству.

— Я готовъ, Пойдемъ.... отвѣчалъ Дюбоа, отирая перо объ парикъ и слизывая пятно съ драгоценной тетради.

— Нѣтъ; позвольте отдохнуть, сказалъ Депортъ: да и къ вамъ я имѣю дѣло; безъ вашего совѣта я погибну. Признаюсь, событія, которые случились сегодня, составляютъ любопытную страницу въ описаніи жизни Людовика XIII....

— Что такое, что такое?... спросилъ Дюбоа выходя торопливо на крылечко.

— Охъ, бѣгите къ королю! Онъ васъ ожидаетъ, а я такъ усталъ.

— Пожалуйте въ бесѣдку! Анета, займи гостя; я сейчасъ ворочусь....

И Дюбоа пошелъ ко дворцу съ особенною поспѣшностью.

Депортъ вошелъ, не ожидая вторичнаго приглашенія. Анета встрѣтила его на порогъ, зажгла свѣчу и просила садиться.

— Ахъ, милая Анета! Я пришелъ сюда для васъ. Сень-Марса вы сегодня не увидите.

— Великій Боже, вы знаете!... Да какого Сень-Марса.... Я съ нимъ и незнакома....

— Перестаньте, милая. Мой другъ сегодня попался въ бѣду.

— Что съ нимъ случилось?

— Король засадилъ его на всю ночь писать и едва ли къ утру онъ отдѣлается.

— Слава Богу! прошептала Анета.

— Какъ, слава Богу! Такъ вы не любите Сень-Марса?

— Да можно ли его любить? Ужь я не первая, честной господинь. Вотъ, Розину Мельи бросилъ. Глупенькая, сама виновата; повѣрила. Ну, статное ли дѣло, подумайте сами, честной господинь, обьщаль жениться... Нѣтъ, на меня плоха надежда: я ему это сказала въ глаза; не отвязывается. Дядь не хочу сказать: перепугается; а вы, какъ добрый другъ, посовѣтуйте ему оставить меня въ покоѣ; а нето, какъ прїедемъ въ Парижъ, тотчасъ все перескажу придворнымъ дамамъ, и сама Марія ди-Гонцаго узнаетъ.

— А что, развѣ?... спросилъ лукаво Деспортъ.

— Будто вы не знаете! Конечно, изъ этого ничего не выйдетъ. Что онъ? маркизь; а за нее короли сватаются... Да вотъ такъ, подурачиться... Ужь я и не знаю, въ кого онъ не влюбленъ. Намѣдни, какъ мы были въ Парижъ, мосьё Воатюръ, острякъ, что ко всемъ писема пишетъ, у одной дамы сидѣлъ на антресоляхъ, да какъ сталъ высчитывать любовницъ маркиза, семерыхъ начелъ изъ госпожъ, а мы, съ подругой, что у той дамы служить, дюжину изъ служанокъ насчитали.... Молчите, молчите! дядюшка идетъ....

Вошелъ Дюбоа и комически расклапаясь съ Деспортомъ.

— А, господинъ ординарный живописецъ его королевскаго величества! Сегодня день милостивый. Мосьё де-Нойе получилъ новое назначеніе; маркизь сдѣлавъ великимъ конюшимъ: кардиналъ согласился; вы пожалованы въ ординарные живописцы..... Вотъ, Анета, что значить не пустить Людовика на охоту. Дрянная забава, опасное увеселеніе! Вы соскучились съ моею Анетою? Она у меня ужасно дика. Простите, если я заставилъ васъ такъ долго дожидаться; но вы сами тому причиною: король все время про васъ рассказывалъ.

— Его величество слишкомъ милостивъ; вотъ это-то меня безпокоитъ, и вотъ почему я хотѣлъ съ вами посо-

вѣтоваться. Я выросъ въ Италиі, между образцами искусства и первыми художниками міра. Вы можете подсудить, каково мнѣ было сносить униженіе, на которое бѣдность заставила меня согласиться. Мнѣ, любимому ученику Караччи, расписывать потолки и лѣстницы! Мнѣ, воспитанному въ роскоши, качаться въ колыбели каменщика! Вы человекъ просвѣщенный и чувствительный; вы поймете мое положеніе. У меня жена, дочь италіянскаго маркиза, который не хуже вашего Сенъ-Марса. Я увезъ ее, долженъ былъ бѣжать, принести всѣ возможные жертвы; достигаю Парижа. «Отчизна, думалъ я, ты возвратишь мнѣ утраченное счастье!» Спѣшу къ этому беданту, старому Вуэ.... Что дѣлать! я не его ученикъ, я не умѣю восхищаться его знаменитыми картинами, которыя бы въ Италиі забросали грязью уличные мальчишки.

— Неужели, мосьё Депортъ! съ ужасомъ перебилъ Дюбоа.

— Ни какого сомнѣнія, ни какого сомнѣнія!.... И что же вы думаете? Симонъ Вуэ, котораго отецъ моей жены не пустилъ бы красить крышу дому на своей виллѣ, этотъ мосьё Вуэ, глава какой-то школы, изволилъ послать меня на лѣстницу мадмоазель де-Лафайетъ! Не правда ли, это ужасно?....

— Непостижимо! произнесъ Дюбоа, съ видомъ непритворнаго удивленія и не спуская глазъ съ Депорта.

— Вы можете представить, какъ они пріймутъ мое назначеніе; отъ нихъ зависятъ содержаніе, квартира, работы....

— О, извините, извините! Хорошо, что вы сказали объ этомъ мнѣ, а не Сенъ-Марсу. Онъ не умѣетъ говорить хладнокровно; а завтра, когда король будетъ одѣваться, я съумѣю представить....

— Добрый, чувствительный Дюбоа! признательность моя....

- Полноте, полноте!
- Такъ до свиданія, мосьё Дюбоа.
- До завтра, мосьё Денюртъ. А гдѣ вы живете?
- Мнѣ совѣстно отвѣчать, мосьё Дюбоа. Я живу на лестницѣ мадмоазель де-Лафайеть.
- Возможно ли! Переночуйте у насъ, а завтра, вѣроятно, вы побѣдете съ нами въ Сенъ-Жермень.
- Непременно. Я общалъ де-Нойё непременно нагнѣтить его въ Сенъ-Жермень.
- Чего же лучше! Анета приготовитъ намъ что-нибудь закусить; вы можете провести ночь здѣсь, въ мою кабинетъ: я сегодня уже исторіи моей писать не буду.
- А вы пишете исторію?
- Не совсѣмъ исторію, а такъ, знаете, историческія воспоминанія, записки; я очень близокъ къ текущему году. Остается можетъ-быть листовъ двадцать тридцать.... Главы двѣ три....
- А! вы раздѣляете вашу исторію на главы; это очень удобно для читателя.
- Я потому болѣе и рѣшился сдѣлать подобное раздѣленіе.
- Какъ же вы начинаете? Съ вашего рожденія?
- О, помиуйте! Во-первыхъ, я этого не помню; а вторыхъ: кому могутъ быть любопытны обстоятельства моего дѣтства и воспитанія?
- Однако же....
- Нѣтъ, нѣтъ!... Я начинаю со дня кончины Генриха IV.
- Скажите, сдѣлайте одолженіе, я никогда не могъ прочесть ничего полнаго, вѣрнаго, объ этомъ ужасномъ событіи.
- У меня оно очень подробно описано. Хотите? Не устали вы? Покуда дадутъ закусить, мы пробѣжимъ первую главу.

— Помилюте, да это благодареніе! Я не знаю какъ благодарить васъ.

— Простите за слогу, сказалъ Дюбоа развертывая огромный фолиантъ изъ подъ шести такихъ же огромныхъ книгъ: я этой частію не успѣлъ еще заняться. Не угодно ли?....

Депортъ придвинулся. Дюбоа поправилъ парикъ и свѣчи, и чтеніе записокъ покатилося какъ безконечное пѣніе сверчка, который въ неизвѣстной щелкѣ вторилъ историку.... Аврора прекратила пѣніе и сверчка и историка. Собесѣдники принялись ужинать, когда уже суматоха, лошадиный топотъ, крики слугъ, лай псовъ, краканье соколовъ и кречетовъ, возвѣстили всему Фонтенблô близость королевскаго отъѣзда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Способный человекъ.

Nos primum a te peto, ne me loquentem interpelles, ne medio sermone meo proclames: dabitur tibi loquendi liberum tempus!

SENECA.

Въ сенъ-жерменскомъ дворцѣ, въ отдаленномъ флигелѣ, гдѣ въ прежнія времена всегда останавливался кардиналъ Ришліё, въ довольно обширной залѣ, сидѣли государственные секретари Шавиньи и де-Нойё. Откровенность и дружба, владычествовавшія въ ихъ

разговоръ , какъ-то странно были оправлены въ рамки холодной учтивости и условной въжливости, то есть, въ такія противорѣчія, которыя кардиналъ умѣлъ прививать ко всемъ своимъ подчиненнымъ. Оба были совсѣмъ одѣты; оба держали въ рукахъ шляпы, хотя были, такъ сказать, дома; оба говорили другъ другу — ты, но ни когда не позволяли себѣ братской шутки, не бывали въ гостяхъ у однихъ и тѣхъ же знакомыхъ, не знали семейныхъ обстоятельствъ одинъ другаго.

— Поздравляю, сказалъ Шавиньи, съ новою милостью, съ новою должностію. Кардиналъ вчера еще согласился на твое назначеніе, поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что больше другихъ должно бояться самого Вуэ.

— Неужели, Шавиньи, ты за этимъ только и пріѣхалъ въ Сень-Жермень?

— Конечно нѣтъ. А испанскія депеши! И еще одно обстоятельство, которому кардиналъ съ трудомъ вѣрять: Гастонъ Орлеанскій вчера ночью былъ въ Парижѣ и видѣлся съ Сень-Марсомъ.

— Быть не можетъ!

— И мы тоже сказали, съ кардиналомъ, когда отецъ Сирмондъ объявилъ намъ объ этомъ свиданіи. Ты вѣроятно останешься въ Сень-Жермень: кардиналъ просилъ, нельзя ли подъ рукою разузнать.

— Да ужъ для одного этого обстоятельства должно остаться.... Братъ короля шутитъ, а многія головы уже съ красными ошейниками... какъ лица, которыя Одаде, старый королевскій лѣсничій, назначаетъ къ порубкѣ въ сень-жерменскомъ паркѣ. Отъ Сень-Марса узнать не легко. Сень-У вы прислали напрасно. Я не могу, Шавиньи, съ тобой не согласиться, что лучшее средство — увеличить число друзей Сень-Марса еще однимъ другомъ, который бы не такъ явно поклонялся краснымъ чулкамъ... Я имѣю надежду... Но, Шавиньи, это только надежда! Она разрѣшится сегодня, и я по-

связи уведомить кардинала. Теперь, позволь спросить: что Испанія?

— Странно, де-Нойё! Въ томъ Оливареса замѣтна перемѣна; никогда еще онъ не говорилъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью, что войны не будетъ. Соображая все обстоятельства, мы полагаемъ, что посѣщеніе Гастона имѣетъ тайную связь съ испанскими дѣлами.

— Что жъ кардиналъ?

— Приказалъ сказать тебѣ и посовѣтоваться.

— Конечно, или королева, или Гастонъ Орлеанскій, но ужъ кто-нибудь изъ нихъ, имѣетъ сношенія съ Испаніей. Скажи, Шавиньи, я все время пробылъ при королѣ и ни чего не знаю, чѣмъ кончился обѣискъ.

— Трагическою сценою, слезами и переездомъ въ Лувръ. Королева, какъ ты знаешь, проживала въ Val-de-Grâce; кардиналъ нагрязнулъ внезапно. Въ монастырѣ никто не ожидалъ такихъ ужасныхъ мѣръ; смущеніе было значительно; вина явственна. Но бумагъ, де-Нойё, бумагъ... ни одной! Кардиналъ заставилъ повиноваться и написать королю просьбу о помилованіи. Потомъ пошли слезы... Потомъ, до послѣдняго лакея, во всемъ Луврѣ не осталось ни одного Испанца; потомъ королева переѣхала въ Лувръ... король простилъ. Но на рынкахъ маркизъ де-Кокъ выпустилъ новую сатиру: дамы читали ее наизусть въ присутствіи герцогини Эгильонской, племянницы кардинала; прибавили къ сатирѣ нѣсколько своихъ сарказмовъ, и дѣло кончилось.

— Маркизъ де-Кокъ! Знаешь, что я думаю?

— А что?

— Я подозреваю Сень-Марса. Онъ написалъ недавно небольшую сатиру на маркизу де-Комбалё: ее читали у королевы; у меня есть копія.

— Въ наше время ни за что нельзя ручаться. Но прѣ

вила, въ которыхъ воспитанъ Сенъ-Марсъ.... Нѣтъ, Шавиньи : скорѣе аббатъ Гонди, другъ парижской черни.

— Умная догадка! Но....

Вошелъ Дюбоа.

— Его величество, сказалъ онъ, кивнувъ головою секретарямъ : приказалъ позвать мосьё де-Шавиньи съ бумагами.

Де-Нойё остался одинъ и началъ пересматривать бумаги, которыя слѣдовало представить королю въ первый докладъ по дѣламъ художественнымъ.

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ! доложилъ лакей, отворяя одну половинку двери.

— Зови, зови, сказалъ де-Нойё съ примѣтнымъ нетерпѣнiемъ.

Вошелъ Депортъ и остановился у дверей. Де-Нойё продолжалъ разсматривать бумаги; какъ-будто не замѣчалъ Филиппа; изрѣдка поглядывалъ на него изъ подлѣбья, и, не встрѣчая взоровъ Депорта, поднималъ голову и нѣсколько мгновений спокойно его разсматривалъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ наконецъ де-Нойё.

Депортъ низко кланялся.

— Прошу садиться.

Депортъ поклонился еще ниже.

— Садитесь, садитесь! Я не люблю разговаривать, когда мой собесѣдникъ не сидитъ : высоко голову поднимать.

Депортъ сѣлъ на кончикъ стула, стараясь прикрыть рыжей енанчей заштопанный камзолъ и шляпу съ Рономъ зеленаго.... такого мѣщанскаго!.... цѣту.

— Въ списокъ ординарныхъ живописцевъ я не нахожу васъ.

— Вчера только я удостоился счастья...

— Въ одинъ день со мною! Такъ видно насъ судьба ссела.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, господинъ секретарь, встаю и кланяясь отвѣчаю Депортъ.

— Съ чего же начнемъ, мосьё Депортъ?

— Вашъ проницательный разумъ конечно уже создалъ планъ реформы....

— Какой реформы?

— Новое лицо въ управленіи всегда приноситъ съ собою новыя виды, новыя правила, новыя....

— Страхъ, боюсь новаго, мосьё Депортъ : и вотъ почему хотѣлъ съ вами посоветоваться.

Сказавъ это, де-Нойё вдругъ перемѣнилъ тонъ дружескій на холодный и важный, и спросилъ :

— Давно ли вы знакомы съ маркизомъ де-Сенъ-Марсъ?

— Съ вчерашняго дня, господинъ секретарь.

— Такъ, не давно, а уже имѣли случай оказать ему важныя услуги!

Депортъ вскочилъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Де-Нойё, будто-бы разсматривая бумаги, продолжалъ.

— Конечно, услуги не тайныя.

Замѣшательство Депорта возрастало.

— Сенъ-Марсъ, любимецъ, всемогущій любимецъ. Вы слышали? онъ пожалованъ вчера великимъ конюшимъ, а ему всего, кажется, двадцать два три года! И того нѣтъ. Какъ вы думаете?

— Я человекъ новый, господинъ секретарь; бѣдный, господинъ секретарь; у меня жена, дѣти, господинъ секретарь; я не вижу въ этомъ ни какого преступленія, что уведомилъ маркиза, когда король проснулся, и потомъ сбѣжалъ къ племянницѣ Дюбоа, сказать, что Сенъ-Марсъ вечеромъ къ ней побудетъ.... Только, сделайте милость, господинъ секретарь, не выдайте меня Сенъ-Марсу : онъ меня погубитъ.

— Помилуйте! сказалъ де-Нойё, перемѣняя тонъ холоднаго равенства на покровительный : я васъ даже

жалю за эту услужливость. Вы человекъ дальновидный и способный : не примѣчая никого важнѣе при особѣ его величества, вы умѣли оказать услугу Сень-Марсу. Видя, что сильнѣйшая рука предлагаетъ вамъ свое покровительство, вы колебаться не станете. — Не правда ли ? смѣясь, прибавилъ де-Нойё.

Депортъ, дрожа, отвѣчалъ смѣхомъ.

— Иногда, вопреки пословицъ, продолжалъ де-Нойё, можно согласить противоположности. Но объ этой любви я ничего не слыхалъ, и при дворѣ, кажется, ничего не знаютъ.... Это шалость молодого человека; надо шадить возрастъ и, конечно, мосьё Депортъ, вы будете скромны.

— Какъ прикажете, господинъ секретарь. Вы мой начальникъ.

— Мнѣ очень пріятно, отвѣчалъ де-Нойё, болѣе и болѣе принимая сухой видъ и замедляя слова : мнѣ очень пріятно, что вы понимаете свои обязанности. Я не люблю, когда у подчиненныхъ есть свои особенныя тайны.

— Повѣрьте....

— Не перебивайте меня ; отвѣчайте на вопросы. Отчего же Сень-Марсъ не могъ быть у племянницы Дюбоа ?

— Онъ куда-то ѣздилъ.

— Куда ?

— Не знаю, потому что я просидѣлъ всю ночь у Дюбоа и слушалъ его записки.

— Записки ? Дюбоа пишетъ записки ! Мнѣ это не нравится, кардиналу тоже.... Что же въ нихъ ?

— Въ нихъ много дерзкаго.

— Достаньте съ нихъ копію.

— Постараюсь.

Де-Нойё писалъ уже письмо, а Депортъ безпрестанно оглядывался.

— Не худо бы знать, куда онъ это ѣздилъ ? говорилъ де-Нойё, какъ-будто съ самимъ собою. Вамъ еще не

назначено содержаніе, мосьё Депортъ, а вы человекъ семейный.... Надо жить.... Казначайство далеко: такъ я вамъ, покуда, что-нибудь дамъ изъ своего кармана. Кардиналъ, вѣроятно, не оставитъ васъ безъ помощи... Я доложу объ васъ сегодня и'его величеству. Все зависитъ отъ васъ самихъ.... А теперь, позажайте прямо къ кардиналу и отдайте это письмо въ руки его эминенціи. Вотъ вамъ на дорогу.

Кошелекъ и письмо очутились въ рукахъ Депорта.

— Не погубите! жалобно простоналъ Филиппъ: я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Все зависитъ отъ васъ самихъ, сухо отвѣчалъ де-Нойё и рукою указалъ на двери.

— Постараюсь заслужить ваше благоволеніе, господинъ секретарь. Имѣйте состраданіе къ отцу семейства....

Де-Нойё кивнулъ головой и Депортъ, откланиваясь, протѣсился въ двери.

Нѣсколько минутъ простоялъ Депортъ на мощеномъ дворикѣ сенъ-жерменскаго дворца, отирая съ лица холодный потъ и втягивая свѣжій воздухъ. Онъ читалъ записки Дюбеа: онъ понялъ, куда такъ ловко поставилъ его де-Нойё, но, по неопытности какъ себя вести въ большомъ свѣтѣ, можно сказать, на самой вершинѣ этой скользкой и крутой горы, не зналъ, куда похалъ онъ, на лѣстницу ли чести и почетной дѣятельности, или въ темный переходъ Венеціанскаго Совѣта. Одна выгода сіяла золотою звѣздою въ этомъ мракѣ сомнѣній и страху: а много ли на свѣтѣ людей отвергнутъ путь, освѣщаемый звѣздою богатства?

«Впередъ» подумалъ Депортъ и повхалъ въ Парижъ. Не забывая домой, онъ отправился къ кардиналу. Въ сѣняхъ остановилъ его полосатый швейцарь съ вопросомъ: «Кто, и куда?»

— Къ его эминенціи.

— Къ самому?

— Совершенно такъ, мой герой; совершенно такъ.

— Погоди, поди сюда.

Швейцаръ отвелъ Депорта въ караульную и передалъ на руки сержанту.

— Обьискать его! закричалъ сержантъ, и Депорта осмотрѣли съ ногъ до головы, нашли письмо, и когда узнали, что оно отъ де-Нойё, стали извиняться.

— Но таковъ порядокъ, сказалъ сержантъ: мы и герцога иногда водимъ въ нашу караульную; не ровень чь. Эти павлины, по милости его эминенціи, нынче безъ хвостовъ: такъ пожалуй, со злости.... Герберъ! проводи господина къ Шавиньи.

— Шавиньи нѣтъ; уѣхалъ.

— Ну, такъ къ Бриенну.

— Какъ? въ общую залу? Да можетъ-быть не надо, чтобы этого господина видѣли въ залѣ.

— Правда. Умница Герберъ! Такъ къ Оксерру, на заднюю лѣстницу.

— Письмо отъ де-Нойё, сказалъ Оксерръ: вѣрно что-нибудь важное! Пожалуйте, я отнесу кардиналу-герцогу.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ Депортъ: приказано отдать въ руки его эминенціи.

— Ахъ, такъ пойдемте! За каждую минуту мы отвѣчаемъ всѣмъ нашимъ счастіемъ....

— Нельзя! сказалъ высокій Каталонецъ, стоявшій у дверей: кардиналъ не здоровъ.

— Онъ несетъ лекарство, довольно громко сказалъ Оксерръ.

— Пропусти! раздался глухой голосъ, и Депортъ, дряжа какъ листъ, едва смѣлъ идти по ковру, чтобы подать письмо кардиналу.

Ришлїе лежалъ въ широкихъ креслахъ наполненныхъ подушками; кривой пульпитръ на пружинахъ ходилъ около креселъ съ кучею бумагъ; отъ легкаго прикосно-

венія руки, пультрѣ забѣжалъ за спинку кресель. Къ ужасу Депорта, въ рукахъ кардинала былъ довольно большой ножъ. Обои кусками висѣли надъ богатыми, но изрѣзанными и испарапанными, креслами; ноги были окутаны малиновымъ бархатнымъ одѣяломъ: на немъ крѣпкимъ сномъ спадала цѣлая семья кошекъ; возлѣ сидѣла собака и, когда вошелъ Депортъ, она заворчала.

— Букингемъ! тихо сказалъ кардиналъ, и песъ улегся. Кардиналъ воткнулъ ножъ въ стѣну и взялъ письмо, бывшее въ дрожащихъ рукахъ Депорта.

Прочитавъ письмо, кардиналъ отъ смѣху закашлялся: отъ этого движенія кошки проснулись и начали потягиваться.

— Пошли прочь, лентяи, сказалъ кардиналъ, легонько шевеля носкомъ: нѣжатся.... и больше всѣхъ моя герцогиня....

Кардиналъ смѣялся и кашлялъ. Депортъ изрѣдка рѣшался взглядывать наэтого, не человека, а тайнаго духа, закупореннаго въ подушкахъ, который однимъ движеніемъ руки, однимъ звукомъ, измѣнялъ ходъ дѣлъ во всей Европѣ, сбрасывалъ головы съ плечъ герцоговъ и маршаловъ Франціи, ссылалъ и заключалъ въ крѣпости королеву и принцевъ крови. И одѣтъ онъ былъ не по-человѣчески: ногъ не было видно; суконная красная мантия, подшитая фіолетовой шелковой матеріей, была испещрена чернильными и желтыми пятнами; въ прорѣзи мантии выходили руки, въ шерстяныхъ узкихъ рукавахъ, завязанныхъ бантами; на головѣ была красная скуфья; остроконечная сѣдая борода и короткіе усы торчали около плотно сжатыхъ губъ. Сухое и сморщенное лицо, какъ и мантия, было покрыто фіолетовыми пятнышками, которыя почитались признакомъ добраго здоровья: когда онъ исчезали, Ришліе страдалъ нестерпимой лихорадкой; другіе недуги не обращали вниманія на пятнышки и мучили свою жертву, какъ случалось, безо-

ядочно, но ужасно.... На этотъ разъ кардиналъ былъ здоровъ : его окружали признаки политической опасности, и тогда физическія страданія какъ-будто смѣнялись. Какъ на угольяхъ стоялъ Депортъ передъ кардиналомъ. Долго разсматривалъ его Ришліё, потомъ опять засмѣялся, опять закашлялся, сбросилъ кофетку такъ сильно, что онъ проснулись въ разсыпную, и тѣшился злобною нечаянностью.

— Къ чему же вы способны, а ? спросилъ кардиналъ поднимаясь, и довольно бодро сталъ ходить по комнатѣ.

Депортъ не смотрѣлъ на него, по слѣдовалъ за направлениемъ ногъ, обутыхъ въ красные чулки и въ остроконечныя шитыя шелками туфли.

— Посмотримъ, посмотримъ, говорилъ Ришліё, медленно двигаясь. Вы знаете герцога Вандомскаго ? а?....

— Не имѣлъ счастья его видѣть, но, слышать, слышалъ, ваша эминенція....

— Большое счастье, нечего сказать ! А что же вы про него слышали ?

— Будто-бы онъ не любитъ вашей эминенціи.

Помолчавъ, кардиналъ снова спросилъ :

— Вы знакомы съ ла-Валеттомъ ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Ну, такъ оставайтесь при Сень-Марсъ, сказала Ришліё съ примѣтнымъ неудовольствиемъ, и потомъ, понизивъ голосъ :

— Нѣтъ, не можетъ быть ! де-Нойё не ошибется. — Мазарини получилъ изъ Италіи картины: вы слышали объ этомъ ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Такъ слушайте. Онъ переложены письмами. Мазарини ищетъ человека, на котораго скромность онъ можетъ положиться и развернуть картины вдвоемъ... Понимаете ли ? Помогите ему. Содержанія писемъ мнѣ не нужно, только одну двѣ подписи.... Лишь бы слѣдъ.... Конечно, не изъ Италіи. Примѣчайте, нѣтъ ли тамъ

именъ Бульюна, Вандома, Ла-Валетта, Марш... въ этомъ родѣ.... Или, что еще важнѣе, какія слова.... италіянскія, французскія, или испанскія?... Слышите ли, испанскія?... Не знаю, изъ чего де-Ноуё заключилъ, что вы способный человѣкъ; но я принимаю въ свою службу только молодыхъ дворянъ; они у меня безъ дѣла, или за бездѣльемъ; а, что называется, дѣловые, способные люди, тѣ должны выдержать испытаніе, представить ошты.... Вы понимаете?... Прощайте.

— Тыфу, ты дьяволынина! сказалъ Депортъ выходя изъ дворца кардинальскаго и оглянулся. Если я тутъ хоть одну букву понимаю! Чего они хотятъ отъ меня?.. Надо догадаться, Депортъ, надо догадаться! иначе, прощай вся фортуна, которая, хотя и не сдѣлала меня консуломъ, однако жъ поставила въ такія отношенія съ первыми людьми государства, такъ близко къ ихъ кошелькамъ!.... Надо догадаться! Пойдемъ къ Мава-рини.....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Италіянецъ.

Il flatte, lors même qu'il tue.

LA MILLIARD, 1640.

Молодой аббатъ писалъ письмо и безпрестанно смѣялся; вставалъ, подходилъ къ зеркалу, охоранивался, и опять садился за веселое письмо. Богатые мягкіе ковры покрывали стѣны и полъ его кабинета; въ углахъ

четыре вазы тихо дышались дорогими благоуханьями; у большого зеркала стояла хрустальная ванна: вода въ ней безпрестанно смѣшалась. Аббатъ, окончивъ письмо, подошелъ къ ваннѣ, вымылъ руки и сталъ отирать ихъ фламандскимъ полотенцемъ. Докладываютъ: « Филиппъ Депортъ, ординарный живописецъ его величества!»

— Проси.

Входитъ.

Положивъ полотенцо, Мазарини ласково обратился къ Депорту.

— Очень пріятно познакомиться. Прошу садиться.

— Нѣтъ, эминенца! плачевнымъ голосомъ заговорилъ Депортъ по-италіянски: я не сяду передъ вами, а стану на колѣни и буду умолять....

Депортъ въ самомъ дѣлѣ упалъ на колѣни.

— Что съ вами? что съ вами? съ безпокойствомъ спросилъ Мазарини, запирая двери на ключъ.

— Эминенца! вы получили картины: это известно при дворѣ; и чѣмъ переложены картины, и объ этомъ поговариваютъ....

Мазарини нѣсколько смѣшался. Депортъ былъ внѣ себя отъ радости и едва скрывалъ восторгъ свой.

— Могу ли быть откровененъ? продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ: могу ли надѣяться, что голосъ отчаяныя найдеть отголосокъ въ вашемъ сердцѣ? Могу ли положиться...

— Слово, господинъ живонисецъ!...

— Я не Французъ, а Италіянецъ; обстоятельства, самъ король, потребовали, чтобы я сдѣлался Французомъ: такъ не любятъ насъ здѣсь! Не допускайте въ тайны ваши ни одного Галла. Вотъ, объ чемъ прошу васъ, и вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я въ вашихъ рукахъ: не погубите!

— Вашу руку, добрый соотечественникъ, вашу руку,

сказалъ Мазарини, и насильно увлекъ Депорта изъ кресла. — Какъ вы узнали объ этихъ картинахъ? спросилъ аббатъ съ коварной улыбкой.

— Сень-Марсъ говорилъ королю, смѣло отвѣчалъ Депортъ.

— Что же король?

— Король махнулъ рукой и отвѣчалъ: « Не мое дѣло ».

— И конечно, сказалъ Мазарини, пожимая плечами. Удивительно, какъ клевета изобрѣтательна и быстра! Представьте: картины Джуліо Романо могли возбудить странныя и смѣшныя догадки; я не могъ ихъ показать никому, и это очень естественно: вы легко можете убѣдиться; потрудитесь взглянуть.

— Такъ онъ уже развернуты? быстро спросилъ Депортъ.

— Какъ, развернуты?....

— То есть, вы уже вынули письма?

— Да ни какихъ писемъ не было! А поглядите, и вы сами догадаетесь, почему я долженъ ихъ прятать. Пожалуйста.

Мазарини поднялъ обои, и снова опустилъ ихъ.

— Пойдите, дорогой соотечественникъ! Надо сдѣлать условіе.... Я сохраню вашу тайну.... но...

— Клянусь ватиканскимъ престоломъ, что всякую тайну вашу я буду считать священною, ненарушимою, и если....

— Довольно.... Намъ надобно беречь другъ друга.... Пойдемъ.

Коверъ отпахнулся, и Депортъ увидѣлъ небольшую ротонду, убранную четырьмя картинами и множествомъ зеркалъ. Свѣтъ надалъ сверху сквозь разноцвѣтныя стекла. Картины были такъ искусно разставлены, что въ зеркалахъ образовали непрерывныя группы фигуръ. Внизу, вдоль стѣнъ ротонды, лежали малиновыя бархат-

ны подушки въ три яруса, и такимъ образомъ закрыва-
ли софы; нѣсколько этихъ огромныхъ подушекъ вали-
лось по полу.

— Вы видите, сказалъ Мазарини: могъ ли я показать
эти картины кому бы то ни было. И такъ уже зловѣчіе
нечестно преслѣдуетъ мою домашнюю жизнь. Конечно,
но, все это роскошь, все суета; но я въ Парижѣ безъ
дѣла, домой не пускаютъ. Чѣмъ замѣнить воздухъ мо-
ей Италіи? Чѣмъ успокоить тоску по отчизнѣ?... Вы
замѣчаете это чувство?

И конечно, несмотря на вольные нравы того време-
на, картины Джуліо Романо, исполненные всей нѣги
и соблазна, были бы не у мѣста въ покояхъ аббата,
который добивался кардинальской шапки, и еще при
такомъ цѣломудренномъ и набожномъ королѣ. Депортъ
предался художническому восторгу; утверждалъ, что
одна изъ картинъ принадлежитъ Рафаэлю; бился съ аб-
батомъ объ закладъ, но Мазарини не смѣлъ спорить съ
ординарнымъ живописцемъ, и не зналъ какъ благодар-
ить за новое открытіе. За обоями кто-то весьма неж-
иво кашлянулъ; послышались легкіе, мягкіе шаги.

— Пойдемъ, сказалъ аббатъ, схвативъ Депорта за
руку и увлекая черезъ зеркальную дверь: пойдемъ
черезъ бібліотеку.

— Послушайте, дорогой Филиппо! сказалъ Мазари-
ни съ выраженіемъ простодушнаго любопытства: мы
здѣсь одни. Скажите, кто подослалъ васъ? королева
или кардиналъ, мой благодѣтель?

Депортъ никакъ не ожидалъ этого вопроса. Онъ смѣ-
шался и обнаружилъ мало опытности въ тонкой на-
укѣ. Геній падаетъ, но зато встаетъ величественно.
Депортъ устремилъ свои сѣрые глаза на Мазарини; при-
звалъ важный видъ и таинственно произнесъ:

— Вы хотите знать непременно? Извольте! Святѣй-
шій отецъ Урбанъ Седьмой.

Аббатъ поблѣднѣлъ въ свою очередь, и по невольному чувству схватилъ себя за голову, какъ-будто опасаясь за свою кардинальскую шапку, о которой такъ много хлопоталъ Ришліё.

— Я вамъ отплатилъ, monsieur, за вашу недовѣрчивость, снѣвьясь сказалъ Депортъ и дерзко взялъ за руку Мазарини. Перестаньте! Кто станетъ подсылать живописца, котораго судьба еще вчера только свела съ этими кедрами французскаго Ливана? Кто положится на расторопность и ловкость артиста, который, конечно, способенъ только хранить любовныя тайны....? Меня увлекъ патріотизмъ. Но вы уже заразились французскою недовѣрчивостію.

— Перестаньте, перестаньте, синьоръ. Мое положеніе поселило во мнѣ эту глупую мысль. Повѣрите ли?... Нѣтъ!... перестанемъ говорить объ этомъ... Куда вы денетесь? Не хотите ли со мной откусывать?

— Въ другой разъ, въ другой разъ! отвѣчалъ Депортъ, такъ развязно, такъ по-дружески, какъ-будто вѣкъ былъ знакомъ съ Мазарини. Я располагалъ зайти въ Лувръ, посмотреть на картины; особенно хотѣлось мнѣ видѣть мадону Рафаэля, что въ комнатахъ королевы: и тогда прямо въ Сенъ-Жерменъ. Я думаю, король не можетъ понять, куда я дѣвался.

— Постоите, постоите! я вамъ доставлю прекрасный случай, сказалъ Мазарини, приписалъ нѣсколько словъ къ своему письму, свернулъ его въ трубочку, обвилъ зеленымъ снуркомъ, привѣсилъ печать изъ розоваго воску, вспрыснулъ какой-то влагой изъ хрустальной вазы, такъ, что по всей комнатѣ пошелъ запахъ ясиину, и, подавая Депорту, сказалъ:

— Спросите мадмоазель Филандръ и отдайте ей это письмо.

— Что же будетъ?

— Вы увидите мадону.

— Благодарю, эминенца.

— Очень радъ вашему знакомству, и полагаю, что оно превратится въ искреннюю, прочную дружбу.

— Я почти себя счастливейшимъ человекомъ.... говорилъ Денортъ, низко кланяясь, и, не кончивъ рѣчи, скрылся.

— Старый котъ! прощенталъ Мазарини, со злобой кусая губы: посмотримъ, въ чьихъ лапахъ останется эта крыса?

Маленькій аббатъ былъ сильно встревоженъ. Нѣсколько разъ, то садился онъ за письменный столъ, то выходилъ на обширный балконъ, убранный произведениями родной флоры, то, вынувъ пукъ писемъ, съ любовію пересматривалъ разноцвѣтные листы фламандской бумаги, исписанные различными почерками; наконецъ заперъ двери на замокъ, усѣлся, и началъ шифрами дѣлать выписки изъ дорогихъ писемъ.

— Надо съ вами проститься! грустно повторялъ аббатъ: но старому коту не достанется!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Испанецъ.

Son âme prend toute figure,
Hormis celle d'une âme pure.

LA MILLIADE.

Лувръ Лекó, мрачное но величественное зданіе, на берегу Сены, красиво отдѣлялся отъ стараго Лувра, похожаго на разрушенныя остатки рыцарскаго замка времени Карла Великаго, а еще болѣе на дряхлый ар-

сеналь. На набережной тьсннлись прехожіе съ любопытствомъ. Королева, такъ недавно, по-деволъ или, лучше сказать, по волю кардинала, перѣехала сюда изъ Долины Благодати: народъ всегда сострадаетъ къ угнетенному, и хотя особенно не любилъ гордой Испанни, сожалѣлъ однако жъ о увѣчанной страдалицѣ. Кареты придворныхъ увеличивали тѣсеноту. Подъѣхала карета, и народъ почти обльпилъ ее. «Герцогъ, кричала чернь: выручи королеву изъ кошечьихъ лапъ!» — «Герцогъ, обрубн уши красному борову!» — «Герцогъ, не зъвай самъ! Тебя давно ищутъ!»

«Герцогъ Буліонскій спокойно вышелъ изъ кареты и отправился во дворець, а чернь обратилась къ купцу, который произнесъ послѣднюю просьбу или совѣтъ, и, окруживъ, стала разспрашивать.

— Мало ли что я знаю!... Да бѣдень сталъ.... Безъ денегъ слова не скажу. Видѣли ль, на прошедшей недѣль, какъ на Островъ Святаго Людовика старій домишко горѣлъ? Ну! такъ огонь и злые люди все унесли.... Бѣдень сталъ... Ступайте, ступайте, ничего не скажу!...

Незнакомецъ нагнулся на деревянныя перилы и смотрѣлъ на мутныя волны Сены. Депортъ стоялъ въ толпѣ, и все слышалъ, все видѣлъ. Онъ подошелъ къ Гойкѣ и, ударивъ его по плечу, спросилъ тихо :

— Не хочешь ли мнѣ служить?

— А ты что за птица? въ свою очередь спросилъ Гойко, такъ иногда звали незнакомца, потому что настоящаго имени этотъ человекъ, казалось, не имѣлъ отъроду.

По черному суконному платью легко было почестъ Гойку первостатейнымъ парижскимъ купцомъ; по фizioноміи, прекрасной, но обличавшей происхождение, и по нѣкоторымъ ухваткамъ, нельзя было сомнѣваться, что онъ жидъ. Печать разсыянныхъ дѣтей Израиля глубоко была врзана во все черты Гойки;

ю, несмотря на это, все торговки на Новомъ Мосту и на Гревской Площади прозвали Гойку красавцемъ, видя, которое никому больше не принадлежало на всѣхъ рынкахъ и площадяхъ Парижа. Возлѣ Гойки, на двухъ колесахъ, стояла небольшая походная лавочка съ бѣлыми мушками. На странный вопросъ Гойки Депортъ отъчалъ торопливо:

— И самъ еще не знаю, соколъ или чайка, но крылья растутъ; видно, въ соколы попаду.

— Ну такъ тогда спроси на Островъ Святаго Людовика, гдѣ живетъ Филиппъ изъ Ліона.

— Чтѣ за вздоръ! сказалъ съ досадою Депортъ: это все прозвище.

— Да такія прозвища сотнями.

Филиппъ Депортъ изъ Ліона бросился во дворецъ.

— Вотъ онъ куда! подумалъ Гойко, опустилъ ружья оглобли съ подпоркой, и, съвѣвъ на нихъ, сказалъ почти громко: — Обождемъ, обождемъ!

Герцогъ Булюнскій вошелъ въ уборную королевы безъ доклада, и все присутствовавшіе испугались.

— Простите, Madame, сказалъ онъ сурово: послѣ того, чтѣ съ нами дѣлаетъ этотъ котъ, право, забудешь въ приличія.

— Чтѣ случилось, mon cousin? спросила королева поблѣднѣвъ.

Она была совершенно одѣта; оставалось только надѣть черную, съ длиннымъ шлейфомъ и расшитую золотомъ, мантию, которую уже держала мадамъ де-Сенесё, первая почетная дама, *dame-d'honneur*. Коротенькая и узкая талія королевы и длинный кружевной воротничекъ, черное атласное, внизу расшитое золотомъ, платье, нарядные, нынѣ раскинутые на вискахъ, локоны, все это увеличивало только ея блѣдность при появленіи де-Булюна.

— Вы знаете, mon cousin, прибавила она не твердымъ

госодомъ, что я принуждена была согласиться на все требованія моего государя и сунруга, и дала слово...

— Не жьнаться въ иностраннныя политическiя дѣла; перебилъ герцогъ, къ общему неудовольствiю: я читалъ ваше писъме, Madame, и жалвалъ только о томъ, что вы не пощадили вашихъ слугъ... Мнѣ остается можетъ-быть часъ или два свободы, и потому я долженъ спѣшить. Герцогъ Вандомскiй осужденъ. Все собрались въ Сень-Жерменъ, чтобы присудить казнь сыну Генриха IV! Герцогиня и дѣти, внуки великаго короля, уже изгнаны навсегда изъ предѣловъ Францiи; герцогъ бѣжалъ, и вотъ записка его: онъ совѣтуетъ мнѣ сдѣлать тоже, и я пришелъ только откланяться вашему величеству.

— Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе въ вашъ неприступный Седанъ, сказала торопливо неосторожная Королева: Францiя оттуда ожидаетъ своего освобожденiя.

— И не обманется! отвѣчалъ герцогъ подходя къ рукъ Анны Австрiйской, потѣмъ неловко поклонился всѣмъ предстоявшимъ и ушелъ, ужасно стуча шпорами.

— Да это Марсъ! сказалъ маркизь Дезюмидъ.

— Вы слышали все, маламъ де-Сенесѣ? съ горькой и коварной улыбкой спросила королева.

— Слышала, отвѣчала брюзгливая старуха: и удивляюсь, какъ ваше величество насильно хотите изъ меня сдѣлать доносчицу. Довольно, кажется, король причинилъ мнѣ непрiятности, заставивъ перечитывать ваши писъма и выписывать ихъ невинное содержанiе. А вы хотите меня еще сдѣлать участницей заговора! Ваше величество, позвольте мнѣ уйти.

— Уйдите.

— Надѣньте мантию.

— Позвольте.

— Теперь позвольте откланяться.

— До свиданія, мадамъ де-Сенесе, до свиданія.

Мадамъ де-Сенесе ушла; королева размялась глазами съ молодой прелестной дѣвушкой, которая сидѣла у окна и глядѣла на Сену.

— Что это наша Филандръ такъ разболталась сегодня?.....

И всѣ стали прислушиваться къ разговору, который, казалось, происходилъ за перегородкой.

Мадмоазель Филандръ, первая комнатная дама королевы, *dame d'atour*, жила внизу, подъ самыми уборными покоями, и по небольшой лѣсенкѣ могла являться прямо въ гардеробную: деревянная стѣнка отдѣляла эту комнату отъ большой уборной, гдѣ нерѣдко туалетъ королевы продолжался до самаго обѣда. Мадмоазель Филандръ была уже отпущена и прилежно занималась въ своей комнатѣ чтеніемъ новаго романа Скюдори. Денортъ вошелъ въ сѣни, гдѣ сидѣло нѣсколько человекъ разсыльныхъ лакеевъ королевы; объ немъ доложили, и дѣвица Филандръ, со всею важностью своего сана и зрѣлыхъ лѣтъ, приняла Денорта.

«Пожилая дѣва!» подумалъ Денортъ: «надо быть любезнѣе!» и, подавая письмо, съ улыбкою сказалъ:

— Конечно я лишилъ васъ удовольствія, перервавъ занимательное чтеніе: но ваша улыбка ободряетъ меня надеждой что вы не сердитесь.

— Погодите, погодите, сказала Филандръ: это не по мнѣ. Кажется, мадамъ де-Сенесе уже ушла...

И она бросилась съ письмомъ на верхъ. Обѣ двери остались открытыми; голоса достигали до импрессионаго слуху Денорта, но разобрать словъ не было возможности. Вдругъ, раздался громкій женскій хохотъ; потомъ разговоръ, потомъ общій хохотъ. Филандръ, смѣясь, но смѣясь скромно, согласно съ лѣтами, тихо слу-

скалась по лэсенкѣ; остановилась на серединѣ, и съ важностью сказала, «Пожалуйте.»

— Куда? спросилъ Депортъ.

— Къ ея величеству.

Депортъ смѣло и безъ страху отправился на верхъ. Послѣ свиданій, которыя ему въ короткое время удалось выдержать, онъ не боялся никого на этомъ сѣтѣ; и воцѣлѣ въ уборную такъ спокойно, свободно, какъ можетъ-быть не удавалось войти ни одному придворному. Съ подвигиенъ Депорта хохотъ возобновился. Дѣвицы, зажавъ коралловыя губки платкомъ, отворотились и глядели въ окно. Нѣсколько человекъ мужичи стояли въ разныхъ мѣстахъ уборной и хохотали съ полнымъ усердїемъ; многіе притворно. Королева держала въ рукъ письмо Мазарини, въ другой большое опахало, и предавалась смѣху съ дѣтскимъ простодушіемъ. Успокоившись нѣсколько, королева сказала Депорту:

— Ваше желаніе можетъ быть исполнено. Мой Раваль въ большой гостиной: потрудитесь отвернуть голубую вѣшь эти двери.

Депортъ отдалъ почтительный поклонъ королеви, молча, на цыпочкахъ, отправился въ гостиную, съ умысломъ не плотно заперъ дверь, и дриникъ къ ней любопытнымъ ухомъ.

— Вотъ удивительный любимецъ! сказалъ мужской голосъ.

— И вѣрно его готовить на мѣсто Сень-Марса.

Опять раздался хохотъ, но скоро затихъ: его смѣнили легкій шепотъ и легкій смѣхъ; нельзя было разобрать словъ; и Депортъ приставилъ глаза къ замочной щели. Видитъ: какая-то дама на цыпочкахъ проходитъ уборную, кланяется королеви и отправляется въ гостиную... Опять всѣ захохотали. Депортъ откосячился: онъ догадался, что дама передразнивала его, что смѣхъ приходится на его счетъ. Депортъ не обидѣлся;

ить, онъ улыбнулся, посмотрѣвъ вскользь на Рафаэля; Мурилльо, Веласкеса и другія картины испанской школы, хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ какая-то дама прошла въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ послышался громкій голосъ королевы: « Полно! довольно!... » Раздались шарканья, и мужчины одинъ за другимъ проходили черезъ гостиную, всѣ на цыпочкахъ, не хуже Депорта, всѣ весело и молча. Филиппъ сталъ спиною къ проходившимъ и, сложивъ руки самыми воститическими образомъ, то есен, крестомъ на груди, смотрѣлъ на Мурилльо съ видомъ глубочайшей задумчивости. Вошла королева и двѣ дамы. Филиппъ будто ихъ не видитъ. Королева остановилась и, съ удовольствіемъ, громко заговорила, что Мурилльо знатокамъ нравится больше чѣмъ Рафаэль. Депортъ услышавъ голосъ королевы, тотчасъ повернулся и сложился въ почтительную фигуру.

— Нравится вамъ мой Мурилльо?

— Чудо! Верхъ искусства! Никогда этимъ Италіянкамъ, никогда Французамъ, не достигнуть до такихъ мелкихъ образцовъ!

— Развѣ вы не Французъ?

Депортъ долго молчалъ; поглядѣвъ на двухъ дамъ, сопровождавшихъ королеву, потомъ вздохнулъ, опять бросилъ сомнительный взглядъ на дамъ и тихимъ голосомъ, какъ-будто стараясь скрыть вздохъ, отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Я Французъ. Французъ, ваше величество.

Королева много испытала горя за приверженность къ соотечественникамъ, лишилась всѣхъ испанскихъ дамъ своихъ, слугъ; всего, всего, даже книгъ; и только украдкой наслаждалась разговорами на родномъ языкѣ съ Веронъ; со свѣтлыми: а съ людьми рѣдко, только; съ величайшимъ опасеніемъ. Восторгомъ Депортъ былъ недоволенъ; его восклицаніе, что онъ

ленный отвѣтъ, грусть.... Королева не сомнѣвалась, что передъ нею Испанецъ и, обратясь къ мадамъ де-Сенесё, тихо сказала. «Принесите, милая, миниатюрную копію съ Веласкеса, что у меня въ кабинетъ; только сами не безпокойтесь снимать: позовите кого-нибудь изъ слугъ....» Мадамъ де-Сенесё ушла, королева схватила за руку дѣвушку и, подходя съ нею поспѣшно къ Депорту, сказала по-испански :

— Моя Марія меня не выдастъ.... Вы Испанецъ?....

— Ваше величество! умилосердитесь! вы можете погубить меня! жалобно отвѣчалъ Депортъ.

Королева и Марія Неверская съли на софѣ.

— Не бойтесь! Довольно жертвъ! Но какимъ образомъ? Скажите? Откуда вы, изъ Мадрита, или другаго города?

— Отецъ мой, отвѣчалъ Депортъ не долго думая, убитъ на войнѣ съ Французами; мы съ матерью жили въ Неаполь; я учился живописи у Эспаньоleta; но, когда убили отца, я пошелъ въ ряды Гонзалеса, чтобы отмстить за смерть моего родителя. Подъ Казаломъ я попался въ плѣнъ, и, когда насъ вели въ Парижъ, меня и другаго Испанца, мы бѣжали, перемѣнили имена и объ томъ только и думаемъ, какъ возвратиться въ Неаполь.

— Поживите съ нами. Вамъ теперь улыбнулось счастье.

— Охъ! Тяжело, ваше величество, служить врагамъ отчизны. Конечно, милость короля велика: я ея не достоинъ! Но быть постоянно при его особѣ; слышать какъ неистовствуютъ противъ его католическаго величества, не смѣть сказать слова.... о, это ужасно!

— Представьте же, каково мое положеніе! Сколько летъ Франція ведетъ войну противъ отчизны своей королевы!... Тсъ! Идутъ! — Благодарю васъ, милая, сказала королева по-французски, взявъ миниатюру изъ руки

идашь де-Сенесè, и потомъ, обращаясь къ Депорту, продолжала на томъ же языкѣ: — Посмотрите, какъ вы выходите коимо? — Мнѣ совѣстно, 'милая, васъ беспокоить, но я забыла свой мѣшокъ... Принимите мнѣ его съ Фанни, а сами погрудитесь сназать, чтобы принести сюда мою ару.

Мадамъ де-Сенесè опять ушла, и королева опять заговорила по-испански :

— Марія, Марія, гдѣ твое письмо? Вотъ само небо возмаетъ человека, на котораго можно полагаться... Испанецъ не измѣнитъ!

— Государыня!

— Пустики, пустики, я ручаюсь.

И выдернула изъ-за платья записку, которую хранила Марія на дѣвственной груди.

— Отдайте Сень-Марсу.... Не бойтесь его : Сень-Марсъ не врагъ Испаніи.... Сдѣлайте мнѣ какую-нибудь картинку; отдайте мадамозель Филандръ : это дастъ мнѣ поводъ позвать васъ, и вы будете имѣть свободный пропускъ въ мою гостиную.... Только, ради самого неба, скрывайте ваше происхожденіе!

— Я о томъ только хотѣлъ умолять ваше величество.

— Дорого немного, отвѣчала королева по-французски : но королева французская должна покровительствовать французскимъ художникамъ.

И взявъ свой мѣшокъ изъ рукъ Фанни, подала свѣтъ изумленному Депорту.

— Исправьте эту миниатюру какъ-можно тщательно и не забудьте обѣщанной картины. — Фанни, проводите живописца къ мадамозель Филандръ.

Депортъ только кланялся. Королева кивнула головой; Марія Неверская также, и Депортъ отправился въ Фанни, дорогой укладывая поклажу въ широкіе карманы стараго камзола. Дѣвица Филандръ опять

пеломшила шипу, когда Депортъ спустился на лестницу.

— Насмотрялись! спросила она насмѣшливо.

— И до смерти не забуду, лукаво отвѣчалъ Депортъ: Не могу выказать моей благодарности....

— Слова — вздохи Эола, пишетъ Скюдери : донаживе.

— Приказывайте.

— Отдайте эту записочку «отъ меня» вашему другу, Мазарини.

— Ну, сказалъ Депортъ, выходя изъ Лувра : сюда надобно будетъ ходить съ чемоданомъ : столько вещей и порученій!.... Чортъ знаетъ куда идти : домой, къ Мазарини, къ Ришляё, или къ самому королю?....

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Золотой пепелъ.

A désirer un cheval d'or; on en avoit toujours la bride.

РЫЦАРСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Неопытный Депортъ думалъ вслухъ. Изумленный Гойко покатилъ за нимъ свою лавочку.

— Пропусти, господинъ! сказалъ Гойко, накатывая Депорту на ноги дву-колесную тельжку.

— А! это ты, Гойко.

— Какой я Гойко, честной господинъ! Я вамъ ужь догадывалъ, что меня зовутъ Филиппомъ изъ Лиона.

— Да перестань, говорить тебѣ, задоръ молотъ. Я Филиппъ изъ Ліона.

— И я Филиппъ изъ Ліона; тутъ бѣды нѣтъ, а вотъ по худо, что у васъ спанчу чѣмъ-то продыривило.

— Твоя правда. Не ходитъ же по дворцамъ въ лохотьяхъ. Гдѣ-бы купить готовое порядочное платье?

— Вотъ то-то и есть! Служить зовете, а за ваши деньги и чулковъ, я думаю, не заштопаешь. Подите-ка въ городъ; толкнитесь въ лавки; все готовое найдете: да хватитъ ли у васъ тридцать сорокъ ливровъ? А я васъ бы за пятнадцать человѣкомъ сдѣлалъ.

— Безъ шутокъ?

— Что за шулки! Тутъ, вчера или третьяго дня, на-мѣрно не знаю, рѣялисты еражались съ кардиналистами. Черные-то писцы, или чортъ ихъ знаетъ, не въ свое дѣло замѣшались; трехъ и приколоди, а наши-то съ острова и понабѣжали, покойниковъ раздѣли, да и до-ней.... И стрѣлкамъ нечѣмъ было поживиться. Хотите? А? Пятнадцать ливровъ, право не дорого! Да мнѣ-то за труды ливра три надо бы прикинуть.

— Возьми за все шестнадцать.

— Какъ можно! что за торгъ!.... да ужъ пожалуй, со вздохомъ сказалъ Гойко: для почину! Авось вы на-руку счастливы; а то, право, сегодня ни одной нитки не продалъ.... За мной, честной господинъ.

И новые знакомцы повернули на Островъ Святаго Людовика по новому Каменному Мосту, недавно открытому.

Аббатъ Мазарини оканчивалъ выписки изъ заветныхъ писемъ. Чѣмъ болѣе работа приближалась къ окончанію, тѣмъ веселѣе становился аббатъ; кончилъ : всѣ выписки умѣстились на двухъ тончайшихъ листкахъ; аббатъ сдѣлалъ изъ нихъ два плотные свертка, скаталъ ихъ на мраморномъ столѣ; пожалъ пружину своего каноническаго креста : крестъ раскрылся; тамъ уже много было подобныхъ свертковъ; новые улеглись очень удобно, и крестъ захлопнулся. Мазарини собралъ оригинальныя письма и бросилъ ихъ въ курильницу : дымъ за клубился. Мазарини растворилъ всѣ окна и дверь на балконъ, и усѣлся подъ тѣнію двухъ цвѣтушихъ померанцевъ. — «Теперь хоть обьискивай! прошепталъ онъ : хоть всѣ половицы моего помосту перекину... Не найдешь ничего, кромѣ чистой бумаги.» Вдругъ кто-то постучался въ двери. «Кто тамъ?» спросилъ аббатъ входя въ комнату, изъ которой дымъ еще не успѣлъ освободиться.

— Мосѣ Депортъ, отвѣчалъ Луи, главный слуга Мазарини : возвратился изъ Лувра и хочетъ непременно васъ видѣть.

— Попроси, чтобы обождалъ, я только-что вошелъ въ ванну и потому заперъ двери..... Пять минутъ, и я къ его услугамъ. Пусть не поскучаетъ, проси его въ залу : мы будемъ разговаривать черезъ двери.

Съ первымъ словомъ аббатъ началъ раздѣваться, съ послѣднимъ уже сидѣлъ въ ваннѣ.

За дверьми раздался кашель.

— Здравствуйте, саго pittore! закричалъ аббатъ.

— Къ вашимъ услугамъ, эминенца, къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Депортъ изъ залы.

— Да что это вы такъ скоро пожаловали меня въ кардиналы?

— Пора!

— Да, не худо бы! прошепталъ Мазарини : хотя кар

двигательская шапка не спасла Лавалета отъ судейскаго приговора. — А что, видели Рафаэля?... сказалъ онъ громко.

— Покорнѣйше благодарю! Какъ-нельзя лучше!

— Что, не говорила съ вами королева?

— Такъ, слова два три, мимоходомъ.

— Я воображаю, подумалъ Мазарини, какъ королева смѣялась, когда прочла портретъ новаго любимца. — Что кардиналъ здоровъ? опять громко спросилъ Мазарини.

— Не имѣлъ счастья видѣть!

«Вреть! про себя говорилъ аббатъ: я думаю вмѣстѣ читали мое письмо; кардиналъ, вѣрно, также смѣялся, а за тебя дружокъ не ручаюсь.» — Ну, вотъ я и готовъ, сказалъ аббатъ, выскочивъ изъ ванны и надѣвая пухомый нудермантель и такіе же саногн. Милости просимъ, милости просимъ!

Депортъ вошелъ. Мазарини обтиралъ голову, изрѣднѣ взглядывая на Депорта, одѣтаго съ приличіемъ и снотливостью. Отъ щеголя-аббата это обстоятельство не могло укрыться.

— Письмо отъ мадамъ-азель Филандръ, тихо сказалъ Депортъ.

— Положите, пожалуйста, на столъ.

Депортъ, лишь-только вошелъ, почувствовалъ запахъ сжженной бумаги, и при всякомъ удобномъ случаѣ смотралъ во всѣ углы, догадываясь, откуда бы могъ происходить этотъ запахъ. Два три доскута не попали въ глазъ и торчали изъ подъ крышки курильницы.

— Я имѣю просьбу къ вашей эминенціи, сказалъ Депортъ униженно.

— Приказывайте, любезный другъ.

— Я имѣю у васъ въ библіотекѣ три или четыре трактата Марко-Антонію; я имѣю въ нихъ крайнюю нужду для на два на три.

— Позвольте!... да у меня полное собраніе, и, кажется, не въ двухъ ли экземплярахъ; постойте, я вамъ сейчасъ принесу.

Аббатъ схватилъ письмо мадам-азель Филандра, наделъ на голую шею каноническій свой крестъ, и ушелъ въ библіотеку.

Тихо поднялась крышка курильницы: лоскутки очутились въ рукахъ Депорта; даже пепелъ онъ подделился съ Мазарини, и, когда аббатъ вынесъ цѣлую папку гравюръ, Депортъ въ другомъ углу разсматривалъ небольшое золотое блюдо работы Челлини.

— Я весьма радъ, сказала аббатъ, что могу подвѣстись съ вами такою драгоценностью.

«Мы ужъ подделились!» подумала Депортъ.

— Два экземпляра, продолжалъ Мазарини: и адить вы не откажете принять отъ меня въ знакъ благодарности за то участіе, которое вы сегодня во мнѣ приняли.

— Помилуйте!... Мнѣ такъ совѣстно... Но мой долгъ повиноваться..... Кстати, я теперь сѣшу къ жандарму, и могу взять папку съ собою.

— Домой! Какъ бы не такъ! говорилъ Депортъ самъ съ собою на улицѣ: а золотой-то пепелъ.... Нѣтъ, Мазарини: я долженъ продать тебя, иначе кардиналъ будетъ считать меня неспособнымъ. А безъ этой мысли я погибъ: кто захочетъ поддерживать человека, въ которомъ обманулся?.... Но уже поздно; смеркается....

Депортъ прибавилъ ходу; но по неровной мостовой за нимъ раздавались еще чьи-то шаги. Депортъ оглянулся: то былъ Гойко.

— Что это вы съ такой ношей, мосьё Депортъ ?!

Тьфу, ты, чортъ, какъ онъ знаетъ мою фамилію! подумалъ Депортъ, и невольнo останоуился.

— Какъ это вы безъ ножа такъ поздно ходите?... Поужинь, шпаги вамъ нельзя носить; а ножъ, вотъ на-примѣръ такой, право не мѣшало бы....

И Гойко выпустилъ изъ рукава длинный прямой ножъ, который и дѣйствительно весьма удобно могъ за-крыть шпагу. Депортъ сначала испугался и погля-дѣлъ сомнительно на страшнаго товарища, но потомъ, ободрясь, сказалъ ласково :

— Продай, Гойко.

— Опять, Гойко! Право, я разсержусь, честной го-сподинъ. А за ножъ пожалуйста пару нистолей.

— Что ты, съ ума сошелъ!

— Съ ножнами, съ ножнами, честной господинъ.

— Ну, пожалуй! Что жъ, ты идешь ко мнѣ въ службу?

— Объ этомъ поговоримъ завтра, а теперь я обожду васъ въ кардинальскомъ саду и поддержку вашу панку и ножъ; съ оружіемъ васъ не пропустятъ.

Депортъ вздрогнулъ, и повиновался.

—

— Внустите! раздался знакомый голосъ Ришліё.

Депортъ подошелъ къ кресламъ кардинала, и съ тор-жественнымъ видомъ положилъ на пульнитръ лоскут-ки писемъ и бумажку съ золотымъ пепломъ.

— Они сгорѣли? спросилъ Ришліё съ видомъ удив-ленія.

— Какъ видите, ваша эминенція. Поздно я имѣлъ счастье получить ваше приказаніе.

Т. Л. — Отд. I.

— Нѣтъ, нѣтъ! не поздно! отвѣчалъ Ришліё, пересматривая лоскутки, съ видимымъ удовольствіемъ: опоздалъ не я. Приговоръ уже произнесенъ..... сегодня будетъ исполненъ.... Вотъ этихъ трехъ словъ для меня довольно..... Но, какъ ты добылъ эти золотыя три слова?

— Я пришелъ къ Мазарини просить покровительства и предложить мои услуги. Онъ обещалъ представить меня королевъ....

— Я запрещаю, прервалъ Ришліё, нахмурясь: онъ можетъ погубить тебя, запутать, и я лишусь способнаго челоуѣка. Сгніешь въ бастильскихъ подвалахъ, гдѣ одинъ твой софамецъ Лапортъ уже кается за привязанность къ королевъ.... Ну, что дальше?

— Я почувствовалъ запахъ дыму и попросилъ у аббата позволить мнѣ на два на три дня гравюру Марко-Антоніо: я былъ увѣренъ, что эти гравюры у него есть. Аббатъ былъ такъ добръ, вышелъ за гравюрами въ библіотеку, а я въ курильницу, откуда....

Кардиналъ засмѣялся; на одномъ изъ лоскутковъ, принесенныхъ Депортомъ, написалъ карандашемъ нѣсколько словъ, и, подавая новому агенту, сказалъ:

— На; видишь, я не скупъ, какъ говоритъ Сенъ-Марсъ. Отдай Монторону, и поѣзжай въ Сенъ-Жерменъ..... Служи Сенъ-Марсу... Постарайся... Да тебя, кажется, не надо учить.... Ступай!

— Эвоэ, Эвоэ! сказалъ Ришліё, когда Депортъ ушелъ.

Изъ подъ занавѣски, закрывавшей окно, выползла тощая, длинная фигура, со всеми признаками еврейскаго происхожденія.

— Узнай этого челоуѣка во всѣхъ подробностяхъ: онъ замѣчательнъ.

Сказавъ это, кардиналъ указалъ на двери, и утонулъ въ креслахъ.

Эвоэ выбѣжалъ на крыльцо, но не нашелъ въ саду Депорта. Тамъ Гойко толковалъ съ тремя неизвѣстными

ни людьми, которые, заслыша, что кто-то идетъ, рассыпались и пропали въ подвальномъ этажѣ дворца.

— Гойко!

— Эвоэ?... Ну, что?

— Кардиналъ не хочетъ мѣшаться въ дѣла парламента и ратуши.

— Что же мнѣ дѣлать? Неужели мнѣ пойти на грабежъ.

— Гойко! Гойко! раздался тихій зовъ въ аллеѣ.

— Ахъ, это мосьё Депортъ!

— Депортъ? сказалъ Эвоэ, схвативъ Гойку за руку: десять пистолей, только принеси объ немъ вѣрныя свѣдѣнія.....

И Эвоэ въ свою очередь исчезъ въ темной аллеѣ.

— Врешь! заплотнишь дорожку, проворчалъ Гойко, спаша на встрѣчу Депорту.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Циркуляръ.

Que vous nous causez de tourment,
Fâcheux parlement!
Mais nos seigneurs du parlement
Donneront bientôt jugement
Contre ces traitres insolens.

Депортъ вошелъ неожиданно въ гостиную новой своей квартиры въ Райскомъ Переулкѣ. Джудита и дѣти прыгнули. Депортъ съ гордою осанкою остановился посрединѣ: какъ-будто хотѣлъ, чтобы его осмотрѣли съ ногъ до головы.

— Господи! я не узнала васъ! Откуда? Такъ скоро? Неужели ваша лѣстница уже готова и вамъ за нее подарилъ такое хорошее платье?

— Вы хотите погубить меня, Джудита!... Опять по-итальянски!....

— Да неужели мы и на-единѣ не можемъ говорить на родномъ языкѣ?

— Не можемъ. — Сдѣлай милость, Джудита, продолжай Дeпортъ, совершенно измѣняя тонъ обращенія съ Джудитою: прикажи подать чего-нибудь закусить. Я сегодня изъ Сенъ-Жермена, и ровно ничего не ѣлъ съ самаго утра. А между-тѣмъ я осмотрю нашу квартиру.

Дeпортъ взялъ со стола единственную свѣчу, и въ сопровожденіи жены и дѣтей обошелъ всѣ комнаты.

— Не дурно! жить можно! сказалъ онъ холодно, возвращаясь въ гостинную. Дурная мебель, дурной полъ: ну, да все это пока, на-время, бивуаки.

Джудита глядѣла на него съ изумленіемъ. Дeпортъ замѣтилъ это, и садясь въ старыя, полу-разрушенныя кресла, сказалъ медленно и важно:

— Наши странныя отношенія, Джудита, не допускаютъ искренности: но я не злопамятенъ. Расскажи тебѣ все, только на одномъ условіи: не требуй объясненій. Слово, одинъ нескромный вопросъ, и я буду пѣмъ какъ рыба.

— Я и не любопытствую, хоть предисловіе очень внимательно.

— Скажу, скажу. Мнѣ даже хочется все сказать. Но такъ, во-первыхъ, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Филиппъ Дeпортъ — ординарный живописецъ его королевскаго величества.

— Какъ! вы — ординарный живописецъ? Королевскій живописецъ?

— Конечно, вамъ и это не нравится? продолжалъ Д

портъ насмѣшливо : но король лучше умѣетъ цѣнить людей, нежели его завистливые подданные. Во-вторыхъ, Филиппъ Депортъ имѣетъ деньги!

Ораторъ ударилъ рукой по кошельку, торчавшему за поясомъ.

— Въ-третьихъ, Фанни Депортъ найметъ завтра слугу, служанку и кухарку; уберетъ комнаты хорошими цвѣтами, купить все нужное для хозяйства, и вообще весь домъ приведется въ такой видъ какъ у лiонскаго купца Труюна. Но непременно завтра. Въ-четвертыхъ, въ кабинетъ мосьё Депорта подъ смертною казнію запрещается ходить кому бы то ни было, по причинѣ государственной важности рисунковъ, которые тамъ находятся имѣютъ.

Ораторъ положилъ руку на огромную папку съ граммами, украшенную тиснеными золотыми гербами.

— И наконецъ, въ-пятыхъ, поелику, судя по мебели, комната, въ коей мы находимся, есть столовая, ergo.... пожалуйста объдать.

— Ужинать ?

— И! нѣтъ, нѣтъ! объдѣ всегда прежде, а ужинать я буду въ Сень-Жермень....

— Какъ!... еще сегодня ?

— Я сейчасъ онѣмѣю! отвѣчалъ Депортъ, и Джудита пошла въ кухню и возвратилась съ жаренымъ гусемъ.

— Лошадей привели, спрашиваютъ мосьё Депорта : для васъ, что ли? спросилъ хозяинъ дому, входя въ столовую.

— А! это вѣрно Гойко, мой факторъ.

— Какой я Гойко, Бога вы не боятесь, честной господинъ !

— Ну, что жъ, ты ѣдешь со мной, или съискадѣ надежнаго слугу ?

— Гдѣ теперь надежные слуги? Да и по-ночи кого

найдешь, когда въ городъ такая тревога! Страхъ беретъ, чтобы не убили.

— А что такое?

— Ой, честной господинъ! отвѣчалъ Гойко: по всѣмъ улицамъ цѣпи, стрѣлковъ ставятъ; а ратушевые по домамъ ходятъ и обыскиваютъ. Кого-то ловятъ.

— Что ты врешь, жиденокъ!

— Какой я жидъ! Я такой же христіанинъ какъ и вы. Гдѣ теперь жида? И за деньги не увидишь! А ратушевые ходятъ: я кругомъ объѣхалъ; только до вашего дому успѣлъ доскакать, какъ за мною цѣпи стали протягивать.

— Да какъ же я ничего не видалъ?

— Зачѣмъ не смотрѣли! А я теперь и самъ не знаю, какъ домой попаду.

— Домой? А кто же со мной поѣдетъ въ Сень-Жерменъ?

— Я.... нѣтъ! Тамъ эти господа, придворные лакеи: дѣла у нихъ нѣтъ; только зубы на нашу братью скалятъ.

Между-тѣмъ Депортъ оканчивалъ гуся и запивалъ кислымъ виномъ; морщился, но совѣстился при чужихъ людяхъ пополнить инструкцію, данную Джу-дигъ.

— Послушай Гойко, поѣдешь со мной? а не то не дамъ ни гроша.

— Какъ бы не такъ! я ѣхать съ вами не торговался; и теперь ночь; господа въ шинкахъ; шалятъ. Нѣтъ, я не поѣду.

— Такъ и я не поѣду.

— Ну, а всё-таки за лошадей заплатите.

— Гойко, видно тебя мало били!

— А за что?

— Пошелъ вонъ!

— Я закричу; прійдутъ ратушевые.

Въ это мгновѣніе въ одна низкаго дому, въ которомъ жилъ Депортъ, брызнулъ свѣтъ отъ факеловъ.

— Это что? спросилъ испуганный Депортъ.

— Что? не правду ли я говорилъ? Ратушеры могутъ-быть и за вами.

— Какъ, за мной?

— А куда же вы это хотѣли ѣхать ночью? Вы не придворный: зачѣмъ же вамъ въ Сенъ-Жерменъ?... О, у васъ ратушеры все знаютъ!

— Чортъ тебя побери съ твоими ратушерами! Это ты, Иуда, навликалъ судейскую челядь?

Вдругъ за дверьми раздался голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Вошелъ старшина парижской ратуши, съ двумя полицейскими чиновниками и двумя десятскими изъ городскихъ стрѣлковъ, и громогласно произнесъ:

— Циркулярно. По приговору Совѣта его королевскаго величества, нижеписанные люди осуждены на вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи, за участіе въ заговоръ герцога Вандомскаго противъ его эминенціи кардинала и герцога Ришліё; и всякое имущество ихъ подвергается запрещенію и обращается въ государственную казну.

Затѣмъ старшина прочелъ списокъ, гдѣ было около двухъ десятковъ разнаго роду именъ, съ означеніемъ городовъ, улицъ и домовъ ихъ жительства.

— Изъ сего явствуетъ, продолжалъ старшина, что дворянинъ Жоржъ де-Вальероль, капитанъ второй драгунской компаніи, имѣетъ жительства въ этой улицѣ, въ домъ садовника Обана...

— Это не у меня, у брата, сказалъ хозяинъ, но десятскій зажалъ ему ротъ, приговаривая:

— И безъ тебя знаютъ, болванъ! Да порядокъ такой. Не перебивать старшину!

Но старшина и перебить не было возможности,

потому что, услышавъ восклицаніе, онъ не оставался, но только возвысилъ голосъ и продолжалъ :

— Но какъ домъ сей принадлежитъ не садовнику Григорію Обану, а брату его, кожевнику Ильѣ Обану, то симъ и объявляется, что, буде ежели, по сосѣдству, Жоржъ де-Вальероль перебъжитъ изъ дому Григорія Обана въ домъ онаго Ильи Обана, то имѣетъ онъ, Илья Обанъ, или жильцы онаго, того Жоржа де-Вальероля представить въ ратушу города Парижа для немедленнаго исполненія приговору. Подписано собственною рукою городского головы.

Исполнивъ обязанность службы, старшина опустилъ руку съ палкой, которую во все время чтенія держалъ вверхъ, и началъ извиняться.

— Помилуйте, господинъ старшина, сказалъ хозяинъ: да мосьё де-Вальероль давно уже, съ мѣсяцъ будетъ, откупилъ у брата домъ съ малымъ садомъ; братъ себѣ оставилъ только большой садъ, огороды, и самъ живетъ въ теплицѣ.

— Начальство все знаетъ, отвѣчалъ старшина: но по книгамъ домъ еще не былъ переписанъ за Вальеролемъ, потому-то сегодня мы и не могли взять его въ казну: ночью все исправится, а завтра приступимъ къ дѣлу.

— А самаго, вѣрно, не нашли?

— Нѣтъ, мы еще у него не были.

— Какъ! воскликнули Депортъ и хозяинъ вмѣстѣ.

— Не были, не были. Мы ходимъ изъ дому въ домъ и читаемъ циркуляръ.

— А между-тѣмъ преступникъ можетъ скрыться.

— Того-то намъ и надо! Куда же онъ скроется? Убѣжитъ за границу? Ратуша будетъ благодарна; не надобно будетъ издерживаться на его отправленіе: Убѣжитъ на свой счетъ.

Старшина, дружески бесѣдуя, усвѣя и продолжалъ:

— Нельзя же, чтобы сосѣди изъ твоихъ домовъ, кото-

ры мы уже посѣтили, не дали знать объ насъ Валеролю.....

— Но такимъ образомъ, сказалъ Депортъ : высокочестной господинъ старшина, онъ можетъ припрятать деньги, вещи, которыя принадлежатъ уже казнѣ.

— Если бы эти деньги и вещи, отвѣчалъ старшина съ улыбкой, принадлежали намъ или, по-крайней-мѣрѣ, рагушъ, дѣло другое; а казна сама богата. Между-тъмъ надо руководствоваться и чело-вѣколюбіемъ.

Какъ бы ихъ выжить отсюда? подумалъ Депортъ и сказалъ громко :

— А что, если объ этомъ узнаетъ кардиналъ ?

— Во-первыхъ, отвѣчалъ спокойно старшина : мы свято наблюдаемъ предписанныя формы, а во-вторыхъ : кто же пойдетъ доносить ?

— Не доносить, а просто, для смѣху, рассказать кардиналу. И вотъ, если бы я сегодня по-утру зналъ, какъ вы исполняете законами предписанныя формы, непременно бы рассказалъ и Ришліё, и Мазарини, и де-Нойё...

— Вы? Ришліё ?

— А если король не будетъ еще спать, когда я приду въ Сенъ-Жерменъ, то еще и сегодня я утѣшу его величество этимъ происшествіемъ, вмѣсто сказки.

— Вы?... королю?....

Хотя недовѣрчиво, однако жъ вставъ, спросилъ старшина.

— Гойко, подавай лошадей ; а я вотъ только соберу рисунки для доклада его величеству.

— Осмѣлюсь спросить, заикаясь произнесъ старшина : вы не шутите ?

— Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ, сказалъ Депортъ : законами предписанныя формы отняли у меня только время; я непременно опоздаю, король ложится такъ рано.... Раскинули цѣпи : вѣрно чело-вѣка моего.

задержали гдѣ-нибудь; я долженъ ъхать одинъ... Это, впрочемъ, все на вашей ответственности, господнѣ старшина.

— Позвольте; осмѣлюсь спросить : вамъ для чего нуженъ человекъ?

— Да что же, я самъ что ли повезу эти эстампы его величеству? сказалъ Депортъ, указывая на папку съ гравюрами Марко-Антоніо.

— Позвольте предложить, осмѣлюсь сказать, наши услуги.... Я вамъ дамъ дюжана городского стрѣлка : человекъ бывалый... и на дорогѣ безопаснѣе.

— Нечего дѣлать, давайте.

— Этіеннъ, Этіеннъ! Поди сюда! Возьми этотъ портфель; береги пуще глаза : это картины его величества. Пойдешь въ Сенъ-Жерменъ съ мосьё.... мосьё.... Немнѣю чести знать....

— Обыкновенный живописецъ его величества, Депортъ.

— Съ его сіятельствомъ обыкновеннымъ живописцемъ его величества, маркизомъ Депортъ. А завтра по утрамъ вернешься пѣшкомъ, прямо въ ратушу.

Этіеннъ надѣлъ шапку, взялъ портфель и сѣлъ на лошадь. Депортъ простился съ женой и благополучно отправился въ нуть.

— Ну, нечего дѣлать! Пойдемъ теперь прямо къ де-Вальеролю, сказалъ старшина.

Хозяинъ съ особеннымъ удовольствіемъ заперъ ворота, оглядываясь, все ли на дворѣ цѣло.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Изгнанникъ, или начало романа.

Ludit in humanis divina potentia rebus
Et sacre in paucis claudere magna solet.

В домъ де-Вальероля всѣ окна были освѣщены. Отецъ Вигандъ причащалъ Святыхъ Тайнъ и соборовалъ ма-сюсъ Луизу де-Вальероль, жену капитана. Эвелина, шестнадцати-лѣтняя дочь ихъ, обливала слезами зами-рающія ноги матери. Обрядъ кончился. Луиза не могла произнести ни одного слова; но уста улыбались: она жрѣчала смерть съ убѣжденіемъ, съ вѣрою въ жизнь лучшую. Минута кончины наступила. Отецъ Вигандъ слова подошелъ къ одру умирающей и началъ читать *In manus tuas, Domine...* Услышавъ отходную, Эвелина вскрикнула, и безъ чувствъ упала на землю. Ка-питанъ на рукахъ перенесъ ее въ другую комнату. Другъ за дверьми раздался знакомый голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Служанка вздрогнула. Отецъ Вигандъ остановился. Одинъ капитанъ остался совершенно хладнокровенъ, стараясь привести въ чувство Эвелину.

— Отворите, сказалъ онъ покойно.

Старшина со свитою вошелъ въ комнату. Онъ уже водилъ палку; уже распустилъ свитокъ; десятскій пригнулъ факель.... но отецъ Вигандъ съ Дараммъ вышелъ изъ спальни и всѣ, не исключая и старшины, поклонили колѣна.

— Капитанъ, сказалъ въ полголоса отецъ Вигандъ: она отошла! Я закрылъ глаза, а вамъ надобно, какъ вижу, замкнуть уста.

Отецъ Вигандъ поставилъ Дары на большой столъ, вынулъ похирь, и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Что, капитанъ?

— Она проснется: но что увидить, отецъ Вигандъ! Эти господа пришли за мною. Я знаю мою судьбу: они меня увезутъ да-вѣки изъ родной Франціи; я не могу похоронить жены, не имѣю даже денегъ на похороны. Скажите, что мнѣ дѣлать!

Отецъ Вигандъ поднялъ изсохшія отъ поста руки и величественно произнесъ: — *In manus tuas, Domine, filiam quoque reserias!* Утѣштесь, капитанъ: завтра я возвращусь сюда съ моею братьею; мы сохранимъ для васъ Эвелину въ монастырѣ Визитокъ, предадимъ землѣ добрую духовную дочь мою, Луизу, и отправимъ отъ своего ордена депутата къ кардиналу.... Пишите ко мнѣ. Вы знаете, король удостоиваетъ меня своего вниманія; кардиналъ уважаетъ меня.... А теперь, повинуйтесь закону.

— Другъ и благодѣтель! отвѣчалъ капитанъ, крѣпко сжавъ руку монаха. Она просыпается.... Прощай, Эвелина!.... подѣлись этимъ поцѣлуемъ съ Луизой!.... Я вернусь черезъ полчаса, сказалъ онъ служанкѣ и бросился въ двери.

— Стой! закричалъ десяткой.

Капитанъ остановился, ничего не понимая. Но отецъ Вигандъ подошелъ съ покрытыми Дарами.

Всѣ преклонили головы.

— Съ вами, съ вами, дѣти мои, сказалъ старикъ: онъ не уйдетъ отъ васъ. Пропустите, я ручаюсь.

Всѣ безмолвно шли по улицѣ; изъ всѣхъ оконъ и воротъ торчали головы, и съ приближеніемъ старшинъ прятались.

— Потушите огни! сказалъ отецъ Вигандъ.

— Нельзя, съ важностью произнесъ старшина.

Но уже было поздно; факелы погасли.

— Прощай, добрый сынъ, сказалъ отецъ Вигандъ.

Капитанъ сталъ на колѣни. Старецъ поставилъ ему персть на голову, произнесъ краткую молитву и напутствовалъ благословеніемъ.

— Твердости, прибавилъ онъ, въры и молитвы!... На развалинахъ прошедшаго зиждется будущее; а горе — лучшее основаніе радости! Будь спокоенъ; я позабочусь о дочеряхъ моихъ, о живой и мертвой. Ступай съ миромъ!

Капитанъ не уронилъ ни слезинки, поцѣловалъ персть, потомъ руку старца; всталъ, посмотрѣлъ на освѣщенные окна своего дому, и тихо повторилъ: — *In manus tuas, Domine!*

— Amen! сказалъ отецъ Вигандъ.

Оба кивнули другъ другу головой и разошлись.

Молча продолжали путь плѣнникъ и его судейская стража; уже хотѣли поверотить въ улицу Сенъ-Дени: вдругъ, на встрѣчу огромной величины человекъ, гнѣвъ въ сравненіи съ старшиною и его причетомъ.

— Стой! сказалъ онъ, и всѣ понялись.

— Капитанъ, вы ли?

— Я! отвѣчалъ де-Вальероль тише майскаго вѣтра.

— Ну, такъ прощайте!

— Прощай, Помпей! Береги Эвелину.

— До послѣдней капли крови! И въ горѣ не безъ радости, капитанъ; я вамъ скажу важную штуку: соколъ въ Англии!

— Быть не можетъ?

— Оттого-то я и замѣшкался, капитанъ; но ужъ это такъ вѣрно, какъ то, что у меня только одинъ усъ. Сегодня и въ парижскомъ парламентѣ такъ объявлено.

— Ну, такъ пойдѣте, господа! Теперь хоть бы и умереть, если бъ не Эвелина.

— Не извольте беспокоиться: все перемелется, будетъ мука.... Прощайте, капитанъ!

Они обнялись, простились, и Помпей пошелъ своего дорогой, а капитанъ за старшиною. Совершенно спокойный, изрѣдка только подымалъ онъ глаза къ небу, какъ-будто желая прочесть въ звездахъ, чѣмъ рѣшило небо будущность Эвелины.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ночная беседа.

Во многихъ отдѣленіяхъ сенъ-жерментскаго дворца окна были освѣщены, когда Депортъ подѣвхалъ къ главному крыльцу съ городскимъ стрѣлкомъ, слѣзъ съ лошади, взялъ панку и пошелъ во дворецъ. Онъ миновалъ большія проходныя сѣни, и садомъ отправился къ тому крылу дворца, гдѣ жилъ Сенъ-Марсъ. Въ корридоръ онъ встрѣтилъ Сентъ-У, который, по всѣмъ приметамъ, подслушивалъ у дверей Сенъ-Марса и, слышавъ Депорта, поспѣшно скрылся въ противоположныя двери. Почти въ то же мгновеніе послышались шаги Сенъ-Марса: онъ шелъ шибко, напѣвая въ полномъ са пѣсню.

— Здравствуй!.... куда ты это пропадаешь? сказалъ Сенъ-Марсъ: мнѣ казалось, будто безъ тебя скучно.

Хитрый Депортъ низко поклонился Сенъ-Марсу, указалъ на двери, куда убѣжалъ Сентъ-У, наклонилъ голову и приложилъ къ уху палець. Сенъ-Марсъ засмѣялся, взялъ его за руку и втащилъ въ свою комнату.

— Что такое, Филиппъ? кого ты видишь? Вѣрно Сентъ-У теръ свое ухо у моихъ дверей. Скажи ему,

Николай, что это между дворянами не водится, и что я могу иногда такъ прихлопнуть, что ухо останется у моей двери. Не обвинуйся; я отвѣчаю. А пока что будетъ, подавай ужинать и вели осѣдлатъ Люцифера. Исполнеть, это твое дѣло. Подай сапоги и приготовь дорожный плащъ и пистолеты. — Ну, Филиппъ, гдѣ ты былъ? что идешь? Рассказывай.

— Во-первыхъ, и прежде всего, позвольте поздравить съ новою милостью.

Сень-Марсъ вздохнулъ и отвѣчалъ съ примѣтною досадою :

— Шоры, братаецъ, новыя шоры, больше ничего. Нечему радоваться..... За тебя мнѣ весело. Твоя должность, въ самомъ дѣлѣ, честь, награда... А великій конюшій!... Ну, отвѣчай же Филиппъ, гдѣ ты былъ?....

— Гдѣ я былъ? Вы не повѣрите господинъ великій! А когда я покажу доказательства, вы повѣрите, не удивитесь.

— Что ты говоришь, Филиппъ? Загадки хороши въ дамскомъ обществѣ.

— Такъ позвольте разгадку, господинъ великій.

Депортъ почтительно подалъ Сень-Марсу записочку.

Маркизъ, увидавъ ее, вздрогнулъ, прочелъ, и, спрятавъ на грудь, сталъ съ досадою ходить по комнатѣ. Исполнеть несъ сапоги и мантию.

— Не нужно, не нужно, сказалъ Сень-Марсъ, тихо толкая Ипполита : поздно! Поутру еще все кончилось! Я думаю, приговоръ уже въ парламентъ, въ ратушъ... А Меркуръ и Безонсонъ уже изгнаны изъ Парижа!

Принесли ужинать.

— Садись, мнѣ не хочется ѣсть, а ты, я думаю, проголодался, сказалъ Сень-Марсъ.

Депортъ, не желая гнѣвить маркиза, сѣлъ и принялся за критику королевской кухни.

— Удивительно, какъ приятно быть придворнымъ человекомъ, рассуждалъ Депортъ громко : не надобно

ходить на грязные наши рынки, сворить и ссориться...
сиди и кунай!

.. Сень-Марсъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

.. — Что, Николай, уехали наши кардиналисты?

— Убрались, слава Богу!

.. — А король?

— Его величество изволили уйти въ почивальню.

— Ну, такъ подай вина. Въ этомъ королевскомъ монастырѣ, любезный Филиппъ, нельзя встрѣтить такого веселаго собесѣдника какъ ты. Это находка! Кстати ты поешь, а я нынче заразился стихами. И до какой степени достигъ я совершенства! Въ послѣдній разъ, за ужиномъ у Машеньки де-Лоризъ, Воатюръ скажетъ стихъ, я прежде всѣхъ отвѣчу стихомъ же и задамъ другой. Кто мастеръ на стихи, такъ это Ротру... Молодецъ! А Корнель тупъ: это видно, что ему стихъ дорогого приходится.

Подали вино. Конечно есть мгновенья и у Асмодея, когда злобная дѣятельность его устааетъ, дремлетъ; есть однако жъ и характеры, которые, своимъ простодушиемъ, дѣтскимъ веселіемъ, обливаютъ небесною сладостью желчь злодѣя, и онъ, на часъ, на день, невольно дѣлается добрякомъ, безотчетно предается безвинному веселію и даже на-время становится способнымъ къ высокимъ ощущеніямъ. Депортъ, или еще не совершенно очерствѣлъ душею, или утомился отъ тягостныхъ подвиговъ дня: онъ позабылъ всѣ свои похождения, намѣренія, надежды, все, все; и, попивая роскошной сокт бордоскаго винограду, сталъ веселъ и добръ.

— Ты поешь, Филиппъ?... спой мнѣ что-нибудь, сказалъ Сень-Марсъ, присѣвъ къ столу, налилъ себѣ огромный стаканъ вина и осушилъ разомъ.

— Что же бы вамъ спѣть, маркизъ? Веселую?

— Да, ужъ конечно не *Miserere*!

— Постойте, постойте: дай, Богъ, памяти! Вотъ, если бы со мной была моя тетрадь!

— Какая тетушка? —

— Ахъ, маркизъ! по бѣдности покупать дорого, а
бѣсы полюбится, такъ и перепишешь.

— Не бойся, Филиппъ, разбогатеешь; поможемъ.

Филиппъ поцѣловалъ руку Сень-Марса такъ быстро,
то тотъ не успѣлъ и вырваться.

— Что ты, что ты, Филиппъ!

— Да ужъ такъ, ваше сіятельство: на радости не
выдержалъ; вы такъ добры!.. Посойте мнѣ, я вамъ
сюю вѣдь, романсъ въ прозу: ужъ по вамъ!.. Его сочинилъ
люкскій рыцарь Бекаредъ, въ 1340 году, или около
того времени, въ Лионѣ. Плется по преданію; назы-
вается онъ *Vintus antiqua*; слушайте, маркизъ.

И Депогъ запѣлъ:

Прости! корабль взмакнулъ прилону!

Зоветь труба моей дружины!

Иль на щитъ, иль со щитомъ

Вернусь къ ребяцкѣмъ надеждамъ!

Молва о полководцѣ монка,

Шума прійдетъ моимъ предтечѣмъ,

И зарѣмъ да въ изныль руки доню,

Наградой будетъ мнѣ и астры!

—

—

—

Клянуся сердцемъ и мечомъ:

Иль на щитъ, иль со щитомъ!

—

—

Сто битвъ, сто рѣкъ, сто городовъ!

О имени твоёмъ узнають;

На ста языкахъ, сто пѣнцовъ

И запоютъ и зайграютъ!

И вновь волнуясь и шумя,

Твоей великой славы полны,

Къ твоимъ стопамъ примчатъ вѣсныя —
 в , отороде. Могутъ вѣсныя вѣсныя... —
 ... —
 ... —
 Иль на щитъ, омыю щитомъ... —
 ... —
 Не если приговоръ судьбы... —
 ... —
 Ма грозныйъ зовъ ея гудитъ... —
 ... —
 Иль на щитъ, омыю щитомъ... —
 ... —
 Врагамъ не выдать умирающаго... —
 И побужденъ одной судьбой... —
 Умру, пока битое... —
 ... —
 Клянусь сердцемъ и мечомъ... —
 Иль на щитъ, омыю щитомъ... —

Сень-Марселъ задумчиво: слушалъ Депорта. Когда онъ кончилъ, Сень-Марселъ вздохнулъ и тихо сказалъ :

— Какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ этого рыцаря!

— То есть, какъ? спросилъ Депортъ.

— Такъ! Спѣть романсъ подъ окномъ Лувра, съѣсть въ Марсели на корабль и очутиться за тысячу миль отъ Франціи.

— Если такъ, по стойте, я вамъ спую другой романсъ.

— Не хочу, не хочу... Пѣніе наводитъ на меня то-ску.... Переменяемъ разговоръ.

И слово за слово, пошли рассказы о любовныхъ по-хожденіяхъ. Депортъ немилосердно галлъ и двасталъ. Между-тѣмъ ночь почти проредела. Вдругъ, раздался шагъ по корридолу, вошелъ Николай со свѣчкой и письмомъ.

— Что такое? спросилъ въ досаду Сень-Марсъ.
— Не знаю; отъ архіепископа парижскаго причащаль
варочный.

— Вотъ еще одно изъ удовольствій твоей службы,
сказалъ Сень-Марсъ; прочитавъ бумагу и поднимаясь
изъ-за стола. Давай одеваться... И очень нужно уми-
рать ночью! негь бы до утра подождать!

— А что умеръ? осмѣлюсь спросить.

— Пріоръ кармелитскаго монастыря.

— Не имѣю чести знать.

— Король весьма любилъ и уважалъ отца Виганда,
говорилъ Сень-Марсъ, одеваясь. И какъ странно умеръ!
Причащалъ какого-то больного; воротился домой; по-
дали ужинать; отецъ Вигандъ жалевался на себѣ, но
началъ читать молитву, заштался; едва успѣлъ мо-
нахи подхватить его, и отнесли въ постель уже трупъ
Виганда.

— Удивительно! Истинно удивительно!

— Впрочемъ, отецъ Вигандъ былъ крѣпко старъ.
Чего онъ не помнилъ!.... И король очень часто посы-
лалъ къ нему за справками, какъ въ архивъ.... Ну,
прощай, Филиппъ!

— Да куда же вы идете ночью?

— Будить короля.

— Какъ! будить его величество, потому-что скон-
чался монахъ?

— Нѣтъ; потому-что скончался другъ короля. Я имѣю
повелѣніе въ подобныхъ случаяхъ не откладывать до
утра и будить его величество, потому что король вста-
ваетъ, прочитаетъ вмѣстѣ со мной и отцемъ Сирмондомъ
всѣ молитвы за упокой, велитъ звонить въ колокола,
и подъ ихъ звукъ опять уснетъ сладкимъ сномъ. Ни-
когда, сходи разбуди отца Сирмонда и скажи, что
отецъ Вигандъ скончался; а, возвращаясь, разбуди
шошара: пусть будетъ готовъ. — Ты спишь, приба-
вилъ Сень-Марсъ въ полголоса: ты спишь, прекра-

сная, и: Ме. могабень, какъ я провиулся сойтатъ своимъ, какъ усердн исполню мою тяжкую, стучную службу. — Ну, прощай!

— Господинъ великій, благодѣтель мой: могу ли я случиться завтра въ Парикъ? Надобно не много похлопотать объ женѣ и дѣлкахъ.

— Побзжай, неважай. Я снаку карано, что отпустилъ тебя на три дня... Впрочемъ, я ж сегодня сказалъ, что ты отпросился у меня на несколько дней... Прощай!

Сентъ-Марсъ изчезъ изъ виду. Лакеи разбѣжались, и Депортъ, нѣсколько разъ оглянувшись, постучался въ дверь Сентъ-У.

— Надо познаножитья, тино прошепталъ онъ: мы сослуживцы.

МЫСЛЬ О ЖИЗНИ.

Я люблю Божій міръ,
 Какъ сзоветъ онъ, порой;
 Яснымъ лѣтомъ на ширь
 Всю природу.

Свой шатеръ голубой
 Нарумянить зарёй,
 Лугъ одѣнеть ковромъ,
 И размететь по немъ
 Серебристую воду,

А дышащихъ цвѣтковъ надушить свой эфиръ.

О! хорошъ Божій міръ!

Въ міръ много людей,
 И родныхъ, и друзей,
 Много женщинъ пригожихъ.
 Много милыхъ минутъ,
 Наши мысли сочтуть,
 Сердце тоже,
 Среди краткихъ дней,
 Чтò мы жизнью своей

По привычкѣ зовемъ, не заботясь о смыслѣ.

Свѣтъ хорошъ для того,
 Кто глядитъ на него

Какъ онъ есть, а не въ призву ребяческой мысли.

Жить, какъ люди живутъ,
 День за днемъ, какъ-нибудь,
 За людьми, за толпой;
 Иногда погрузить,
 Посмѣяться порой,
 Полюбить, разлюбить,
 Помечтать при лунѣ
 О бывалой веснѣ,

Да подумать о скромномъ обѣдѣ не много, —
 И тихонько, въ черёдъ,
 Мой челнокъ доплывётъ:
 И надолго потѣмъ
 Я возьму чередомъ
 Тихой сонъ, да могилку у Бога.
 Такъ, съ цвѣтка на цвѣтокъ,
 Золотой мотылькѣ
 Прокочуетъ, какъ мы,
 До урочной зимы.

С. СТЕПАНОВЪ.

ПОЭТЪ.

Какъ капля свѣтлая предутренней росы
 На мигъ одинъ къ цвѣточку прилипаетъ:
 Но брызнетъ солнца лучъ, — она опять въ выси!
 Взвилась, разсыпалась, въ поднебесьѣ гуляетъ,
 И станетъ, малая, она землѣ покровъ
 Отъ утомительнаго зноя,

Ложась прозрачной пеленою
Въ воздушной ткани облаковъ.
Изъ края въ край, въ равнинахъ свѣта,
На волю вихрю вручена,
Въ броню свинцовую одѣта,
Въ выси покатится она.
Какъ знамя бранное, растянеть
Она размахъ широкихъ криль,
И, зыблясь, середь неба станеть
Въ строю молніеносныхъ силъ :
Тогда, или дождемъ прольется
И жажду весей напоить ;
Иль радугой по небу перевьется
И, семи-цвѣтная, въ лазури заблеститъ ;
Иль, въ нѣдрѣ молніи сжимая,
Небесъ оплотная стѣна,
Повиснетъ туча громовая,
Величья грознаго полна,
И въ громъ бурь истаеая,
На землю рухнется она.

Такъ и поэтъ : на мигъ въ пыли,
Поденщикъ, рабъ своей неволи,
Коснеть въ горестной юдоли,
Между ничтожества земли.
Но нѣтъ святынѣ униженья !
Возстанеть міра благодать !
Взойдетъ свѣтло вдохновенья, —
И свѣту съ мракомъ расторженье
Его уста благовѣстятъ !
Какъ птичка Божья, встрепанется
Минутно смолкнувшій поэтъ :
Опъ чувствомъ въ звуки перельется,
Въ тѣхъ звукахъ небо отзовется,
На пламени почиетъ свѣтъ....
Вздымая чувство выше края,

Душа въ немъ рвется и кипитъ :
 Земное душу бременить ;
 Ему тѣсна юдоля земная,
 И рвется онъ къ странѣ другой,
 Гдѣ Безначальное Начало
 Въ Себѣ Однимъ, Однимъ Собой,
 Звѣно творенія связало,
 Гдѣ Безпредѣльный въ тмѣ чудесь
 Облекся ризою небесъ.

Избранникъ онъ, и чувствомъ вдохновенный,
 На языкъ земномъ небесное поетъ,
 И старецъ молится той пѣснью умиленный,
 И юноша, ему внимая, слезы льетъ.
 Ярмо несчастія страдалецъ забываетъ,
 Въ темницѣ узникъ плѣнь и тяготу цѣпей,
 И въ трепетъ отъ нихъ безчувственный злодѣй
 Надъ падшей жертвою поднятый ножъ роняетъ.
 Поетъ, — и пѣснь его, какъ ропщущій потокъ,
 Какъ сквозь вѣтвей въ тѣни шумящій вѣтерокъ,
 Дыша отрадою, блаженство навѣваетъ
 На душу силой чаръ гармоніи своей,
 И въ сердце звуками глубоко западаетъ.
 И слезы брызжутъ изъ очей.

То вдругъ, по волю Провидѣнья,
 Какъ громъ, грохочущій въ отзвухахъ по горамъ,
 Какъ бури вой, предвѣстникъ разрушенья,
 Укорами гремитъ заблудшимъ племенамъ.
 Какъ судія протекшихъ поколѣній,
 Онъ сталъ пятой на ихъ гробахъ,
 И приговоръ минувшихъ преступленій
 Онъ пишетъ молніей на мрачныхъ временахъ,
 И время мощное его съ себя не смоешь :
 Онъ страшень, онъ жестокъ поэта приговоръ,
 И хартия нетлѣнная въкамъ откроеть
 Минувшихъ лѣтъ и славу и позоръ.

И солнце свѣтлое неразъ взойдетъ въ сѣнь,
 И тысячи вѣковъ надъ міромъ пролетятъ,
 Народы, земли вспелютъ :
 Но живъ поэтъ !... громовыхъ струнъ бряцанья
 Паденіемъ своимъ они не заглушатъ,

В. СОКОЛОВЪ.

ЛИРА.

На русскомъ Парнассѣ есть лира ;
 Струнами ей — солнца лучи,
 Ихъ звукамъ внимаютъ полъ-міра :
 Предъ ними самъ громъ замолчи !

И въ черную тучу главою
 Небрежно уперлась она ;
 Могучій утесъ — подъ стопою,
 У ногъ его стонетъ волна.

Два мужа на лирѣ гремѣли,
 Гремѣли могучей рукой ;
 Къ нимъ звуки отъ неба слетѣли,
 И приняли образъ земной.

Одинъ былъ старикъ величавый :
 Онъ мощно на лирѣ бряцалъ.

Вънцомъ немерцающей славы
Поэта мѣръ хладный вънчалъ.

Другой былъ любимый сынъ Феба :
Онъ пѣсни допѣть не успѣлъ,
И въ светлой обители неба
Ужъ исповѣдь сердца допѣлъ.

Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ :
Онъ пѣсней смертныхъ увлекъ,
И мѣра безжизненный холодъ
Въ волшебные звуки облекъ.

Угасли ! Въ святыхъ селеняхъ
Умчавшись, съ собой унесли
И лиру, одно утѣшенье
Средь бурь и волненій земли !....

С—ВЪ.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬБЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

II

ДЖУДИТА РАОЛЪ.

Mazarin! songes à vous!
On vous connaît, presque tous.
Vous faites à chaque place
Quelque tour de passe-passe....

LES TRIOLETS MAZARIN, 1648.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Великодушье.

Денортъ съ городскимъ стрѣлкомъ подѣзжалъ къ своей грязной улицѣ. На встрѣчу ему изъ Райскаго Переулка показалось Распятіе : за нимъ орденъ бѣлыхъ кармелитовъ, съ погребальнымъ пѣніемъ, предвѣствовалъ простому, покрашенному, деревянному грѣбу, безъ обычныхъ орнаментовъ. Грѣбъ этотъ носили ищіе. За нимъ шелъ огромный человекъ безъ шапки, въ полу-драгунскомъ костюмѣ, но безъ оружія. Вои-

ственное лицо Помпея украшено было однимъ длиннымъ, чернымъ съ просѣдью, усомъ; другая сторона верхней губы была вся въ морщинахъ отъ старой раны. Несмотря на одинъ усъ и на недоверкающую губу, лицо Помпея было величественно, открыто; черные глаза сверкали: онъ шелъ съ какою-то гордостью. За нимъ ползла куча нищихъ, всегдашнихъ провожатаевъ на последнее жилье въ этой жизни. Густая толпа, недвижно, плотные стѣны, составляла непреодолимую баррикаду въ Райскій Переулокъ. Изъ толпы раздавался вопль, прямо противъ дому кожевника Обана.

«Не случилось ли чего у насъ въ домѣ?» сказалъ Депортъ, и побѣхалъ прямо на толпу; но никто и не думалъ дать дорогу всадникамъ: черезъ головы онъ только могъ видеть, что кричала молодая, прелестная дѣвушка. Обнявъ держала ее другая женщина; но дѣвушка кричала «Пустите! Пустите!» и рвалась къ толпѣ, которая, протянувъ къ ней руки, казалось, говорила: «Нельзя! Не пустить!» Когда процессія повернула за уголъ и тробъ скрылся изъ виду, дѣвушка подняла глаза и руки къ небу. «Совершилось!» сказала она: какъ-будто успокоилась и, отирая глаза, довольно твердо пошла къ своему дому. Толпа двинулась за нею. Примѣтивъ въ народѣ жену и дѣтей, Депортъ побѣхалъ за ними. Но дѣвушка не могла войти въ домъ свой. У воротъ стоялъ городской стрѣлокъ и не впускалъ никого. На углу, въ старшинѣ, старшина печатывалъ двери печатью ратуши. Стрѣлки запирали ставни и прибивали шуры для печатей. Дѣвушка въ отчаяньи вступила, и встала, какъ-будто спрашивала, что значитъ этотъ неожиданный второй обрядъ. Депортъ довольно свободно пробѣхалъ къ ней и дѣтямъ.

— Чинни! что все это значитъ? спросилъ онъ.
— Чинни! не думать, отвѣчала Джудита, отирая слезы: вѣдь только-что пошла на кладбище; она

ночью увели въ темницу; досѣ и всѣ пожитки взяли въ казну.... Куда она теперь, бѣдная, дѣнется?

Депортъ почесалъ ватылокъ и сказалъ :

— Да, трудненько! Впрочемъ, въ этомъ большомъ бѣды для нея не вижу. Молода, хороша собой!.... въ Парижѣ не пропадетъ : надобно только умѣнье....

Сосѣди страшно посмотрѣли другъ на друга и на Депорта : это были мастеровые хозяева, ихъ жены и дочери. Только въ этомъ классѣ людей и сохранялись послѣднія добродѣтели французскаго народа : высшія касты и грязная чернь съ острова Святаго Людовика предавались разврату шумно, открыто. Не доставало двухъ трехъ дерзкихъ зачинщиковъ, и Парижъ вывелъ бы на улицы свои безстыдныя похождения, какъ было въ Римѣ предъ изданіемъ *Legis Porae*. Депортъ замолчалъ : онъ зналъ, что парижскій народъ отъ безмолвнаго негодованія быстро переходилъ къ неистовству и, въ злобѣ, любилъ портить мостовую и метать камешки. Дѣвушка засмотрѣлась на толпу; какъ небо голубые глаза не выражали ничего; всѣ чувства были убиты; она не плакала, не стонала : нѣтъ, была спокойна, а страшно было глядѣть на нее. Но зато женщина, которая прежде удерживала ее, теперь плакала, проклинала судей, предстоявшихъ и самого кардинала.

— Куда теперь дѣнется Эвелина! кричала она. Въ монастырь что-ли итти ей?

Эвелина съѣла на прилавкѣ у воротъ своихъ, приложила голову къ забору, и безмысленно, безудовольно, глядѣла на синее небо. Старшина отъ прихода удалился, приложивъ печати къ воротамъ и пристаивая къ нимъ еще одного стражника. За старшиной, мало-помалу, разошлись и люди, испрещенные соблазнами о несчастной Эвелинѣ. Депортъ не сводилъ съ нея глазъ и, когда толпа значительно уменьшилась, онъ соскочилъ съ де-

шади, отдалъ поводья стрѣлку, а самъ взялъ Джудиту за руку и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Фанни, будь ей второю матерью! сказалъ Депортъ съ трагическою важностью. — Утѣшьтеся, благородная дѣвица. Богъ посылаетъ вамъ помощь: нашъ домъ, наше состояніе, все къ услугамъ вашимъ!

— Встаньте, Эвелина, поблагодарите добрыхъ людей! сказала служанка.

Толпа снова стала собираться. Эвелина протянула руку, но нельзя было понять, что значило это движеніе.

— Поцѣлуй, Фанни, эту несчастную руку! сказалъ Депортъ, заливаясь слезами.

Джудита охотно повиновалась, но Эвелина не допустила, вскочила съ прилавка, бросилась на шею Джудиты и зарыдала. Всѣ были тронуты; служанка упала къ ногамъ Депорта, Джудита оглянулась и сказала мужу:

— Давно бы такъ! Великодушіе — красота мужчины, и я не забуду вашего поступка!

Филиппъ не плакалъ, но почтительно наклонился и отиралъ глаза.

— Богъ наградитъ васъ, добрые люди! кричали женщины изъ толпы.

Эвелина подняла голову.

— Пойдемъ, милая, сказала Джудита. Я мать, но у меня нѣтъ дочери.

Эвелина обняла одною рукою Джудиту и, опустивъ голову на плечо ея, тихо пошла къ дому кежевника Обана.

— Пойдемъ! сказалъ Депортъ, улыбаясь и взявъ за руку служанку: и для тебя станетъ мѣста; а Эвелина не можетъ нуждаться въ твоей помощи.

За Депортомъ шли слѣдомъ всѣ сосѣди; женщины осыпали его благословеніями, но мужчины шептались и покачивали головами.

Прошло нѣсколько мгновеній, и Депортъ ушелъ со двора не безъ опасенія: у воротъ толпа сосѣдей представляла какъ-бы враждебную армію съ непріязненными замыслами. Едва онъ скрылся изъ виду, разноштыные мѣщане поползли на дворъ Обана. Кожевникъ, услышавъ голоса добрыхъ своихъ пріятелей, бросилъ работу и вышелъ на дворъ.

— Скажи, пожалуйста, Обанъ, сказалъ бондарь Колѣ: какіе это у тебя живутъ люди?

— А что? съ самодовольной улыбкой спросилъ Обанъ.

— Да такъ, мастеръ, отвѣчалъ бондарь Колѣ: странно что-то.

— Да что тутъ страннаго? Будто ужъ въ предмѣстьѣ только и жить бѣднымъ дворянамъ да нашей братьѣ!

— Да не то, мастеръ: вѣдь и этотъ жилецъ-то твой не вѣдъ знати! Какой-нибудь изъ челяди герцогской или графской....

— Поднимай выше....

— Ну, такъ писарь торговый.

— Выше, выше..... Посмотрѣли бы вы, какъ онъ пера самого старшину пугнулъ: не зналъ, какъ уголь!

— Да кто же онъ!

— Такъ.... Ничего.... Придворный живописецъ.... Съ перомъ разговариваетъ!

— Что ты это, мастеръ!

— И теперь-то онъ изъ Сень-Жермена пріѣхалъ; къ королю вчера картины возилъ.

— То-то у него такія дворянскія рѣчи!

— Да, да, дворянскія, гордо говорилъ Обанъ: у него слова словно журавли летятъ. У старшины языкъ изъяснитъ какой, а прикусилъ вчера: такъ онъ его держалъ!

— Все такъ, мастеръ, да страшно за нашу добрую репутацию. Вѣдь она у насъ на глазахъ выросла; и покой-

ница-то ея матушка ангелъ была, по всей улицѣ только объ ней и говорили; и бѣднымъ помогала: а сама въ какой нищетѣ жила до прїѣзду капитана!... Такъ вотъ, видишь, по всей улицѣ теперь толкъ идетъ, не отнять ли нашей Эвелины у чужихъ людей, да не сложиться ли? Пусть ее на хлѣбахъ держитъ Каролина, портниха. У ней и работа есть всегда, и дѣвушекъ своихъ въ такомъ порядкѣ держитъ, и веселѣе у знакомой.

— Охъ, вы головы, головы! сказалъ Обанъ. Понимаете ли, что вы этимъ поступкомъ оскорбите короля?

— Какъ такъ? спросилъ бондарь, испуганный замѣчаніемъ Обана.

— Да вѣдь господинъ-то изъ придворныхъ.

— А можетъ, кардинальскій.

— Нѣтъ, королевскій, я вамъ говорю.

— Эй, Обанъ, какъ хочешь, а только тутъ что-то не ладно!

— Да съ чего вы взяли?

— Съ чего?....

Въ это время на крыльцо вышла Джудита. Смутное но прекрасное лицо ея было осѣнено глубокою, тайною, грустью. Ей было не болѣе двадцати пяти или шести лѣтъ, но чело уже носило складки, вѣрные признаки скучной, хлопотливой, досадной жизни; губы, прекрасно созданныя, были сухи и блѣдны; глаза, драгоценнаго блеску, но впалые, еще сверкали какъ угасающія уголья.

— Обанъ! Обанъ! потрудитесь принести дровъ на кухню, сказала она весьма прїятнымъ голосомъ, но произношеніе ея измѣнило.

— Сейчасъ сударыня! отвѣчалъ Обанъ накладывая баремя.

— Италіянцы! Италіянцы! зашумѣли сосѣди.

— Охъ, вы головы, головы! отвѣчалъ Обанъ. Да какіхъ народовъ у нашего короля нѣтъ! И такіе случаи

ли! А что они за Итальянцы? Мосье Депортъ, да еще Филиппъ! Ну, что? развѣ не Французы?

— Да ты почему знаешь?

— Да вѣдь старшины обманывать нельзя! Полно водничать! Пошли по домамъ! Каждый береги свой носъ, а въ чужіе двери не суй.

— Разводи итальянщину! уходя говорили сосѣди: посмотримъ, каково изъ этого омуту выйдешь! — Поидеть, а посматривать все-таки не мѣшаетъ.

Джудита стряпала на кухнѣ; дѣти вертѣлись около штери; служанка, утомленная бессонницей и горемъ, спала въ креслахъ; Эвелина сидѣла у окна въ глубокой задумчивости. Окно было незаперто; вѣтеръ поворачивалъ то окно то ставни; сосѣди все-еще не могли разойтись. Вдругъ, по улицѣ, пробѣжалъ молодой человекъ мимо оконъ. Эвелина вдрогнула, вскрикнула «Альфредъ!» и перевѣсилась черезъ окошко. Альфредъ стоялъ уже у воротъ садовника Обана; хотѣлъ войти, но увидѣлъ стрѣлковъ, печати, и окаменѣлъ на мѣстѣ. Сосѣди окружили его, указывали на домъ кожевника, на окно, и, какъ стрѣла, Альфредъ добѣжалъ къ устью палисаднику, отдѣляющему домъ Обана отъ улицы.

— Эвелина! закричалъ онъ. Неужели?....

Она плакала.

— Въ одну ночь лишиться всего!

— Всего, Альфредъ! рыдая отвѣчала Эвелина: даже надежды!....

— Нѣтъ, Эвелина, небеса справедливы! Я презрѣлъ скудную плату за недостойную работу, презрѣлъ потому, что не видѣлъ еще пропасти, въ которую васъ бросили обстоятельства. Но теперь я буду трудиться: я возьму съ бою славу, богатство; я буду исполномъ въ работѣ. И день и ночь рука моя не оставитъ кисти; мои старанія будутъ только тѣ блаженное мгновеніе, когда

я прибѣгу къ этому окну, взгляну на васъ, и снова въ Лувръ, на шаткіе подмостки.... Благословите, Эвелина!

Эвелина рыдала, и сама не зная что дѣлаетъ, послала троекратное знаменіе креста счастливому Альфреду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Школа.

*Pierios differ cantusque chorosque sororum,
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.*

МАРЦІАЛЬ.

Альфредъ бѣжалъ въ Лувръ безъ оглядки.

— Гдѣ мастеръ Симонъ? спросилъ онъ у перваго слуги, который ему попался еще на набережной.

— Спросите въ галереѣ: онъ или тамъ, или дома.

Въ галереѣ было много людей, много художниковъ; но Вуэ не было. Альфредъ перескакивалъ съ балки на балку, съ кучи муссору на покрытый опилками помость; толкалъ работниковъ, задѣвалъ шпаги джорянъ и не извинялся, видѣлъ знакомыхъ художниковъ и не кланялся. Глаза его искали и нигдѣ не находили начальника французской школы.

— Гдѣ мосѣ Вуэ? закричалъ онъ, остановясь на парадной лѣстницѣ.

Работники расхохотались. Лемерсиѣ стоялъ на той же лѣстницѣ и на балюстрадахъ, который тогда ставили на мѣсто, карандашемъ что-то рисовалъ и показывалъ каменщику. Крикъ Альфреда возбудилъ его вниманіе.

нише; онъ посмотрѣлъ на держаго съ досадою и громко сказалъ :

— Молодой человекъ! здѣсь хозяинъ король а не Вуэ... Симонъ сидитъ дома и злится. Не совѣтую падаться въ такія минуты оскорбленному мастеру.

Альфредъ ничего не понималъ. «Дома?» закричалъ онъ по-прежнему и бросился мимо Лемерсиё къ дверямъ.

— Тыше, сумасшедшій! сказалъ главный архитекторъ. Онъ опрокинетъ балюстраду!....

Но Альфредъ былъ уже далеко.

Симонъ Вуэ, безъ верхняго платья, съ растрепанными волосами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ въ Луврской своей квартирѣ. Нѣсколько человекъ молодыхъ художниковъ молча стояли въ глубокомъ окнѣ, в со страхомъ и трепетомъ поглядывали на неистоваго Акса. На полу валялись семь книгъ съ рисунками Луврской Галереи.

— Конечно! говорилъ онъ, толкнувъ ногой седьмую книгу: ни одной картины, ни одного рисунка не дамъ! Посмотримъ, какъ москѣ де-Нойё будетъ расписывать галерею!

— Да что имъ за дѣло! сказалъ молодой человекъ: будто они думаютъ объ искусствѣ! Вообразили, что Луврская Галерея — золотое руно; тутъ-то наживутся, особенно если Лемерсиё останется.

— Лемерсиё не останется! горько улыбнувшись воскликнулъ Вуэ. И Лемерсиё, и Фукиерръ, и всѣ наши, такъ называемые, друзья и пріятели, уже были съ клономъ у де-Нойё, уже поздравляли кардинала съ новою побѣдой. Друзья наши, друзья въ глаза говорили Ришліё, что къ числу величайшихъ подвиговъ его принадлежитъ назначеніе де-Нойё начальникомъ работы!

— Не, мастеръ; по-крайней-мѣрѣ вы не можете жаловаться на вашу школу!

— Дати мнѣ, отвѣчалъ Симонъ обнимая юношу: да, вы поступили благородно, честно. Обида учителю — обида ученикамъ; вы отказались отъ работъ; вы пришли ко мнѣ съ утѣщеніемъ; но, Дебрёнъ, досада меня не ослѣпляетъ! Ступайте всѣ назадъ! Я не хочу, чтобы красный котъ за меня преслѣдовалъ цвѣтъ нашихъ ху-дожниковъ.

— Нѣтъ, мастеръ! не знаю какъ другіе, но мы съ Дюфреноа дали другъ другу честное слово безъ васъ не работать.

— Дети мои!... въ восторгъ сказалъ Вуэ: И мы покажемъ Франціи, гдѣ ея таланты! — Ну, а ты, овечка? спросилъ онъ другаго молодого человѣка, весьма бѣдно одѣтаго и стоявшаго позади всѣхъ.

— Я, мастеръ Симонъ?..... покраснѣвъ говорилъ юноша.

— Ну, ну, что? Полно скромничать! Сняли?... Безъ меня далеко не уйдешь!

— Я, мастеръ?..... заикаясь отвѣчалъ молодой чело-вѣкъ, и не могъ кончить; его выручилъ Дюфреноа.

— Лессюэръ, сказалъ онъ, уже работалъ въ Луврѣ, когда мы пришли въ галерею и объявили, что мастеръ Симонъ оставляетъ работы. Лессюэръ первый отряхнулъ кисть, свернулъ рисунки и сошелъ съ подмостковъ. «Что, овечка?» спросили мы. Лессюэръ, не отвѣчая ни слова, ушелъ, и мы нашли его въ вашей прихожей: онъ боялся войти одинъ и первый.

— Что же ты думалъ, моя овечка? Скажи, что ты хотѣлъ сказать мнѣ?

Лессюэръ потупилъ глаза и, запинаясь на каждомъ словѣ, отвѣчалъ:

+ Сыну стыдно оставлять отца; ученику учителя.

— Bravo! закричали всѣ.

— Лессюэръ иначе не говоритъ какъ афоризмаи, ска-
зль Дюфреноа.

— Иногда изъ печатныхъ книжекъ, прибавилъ Ле-
брёнъ тихо.

Въ это мгновение вошелъ Депортъ. Симонъ едва могъ
скрыть свое бѣшенство. Депортъ подалъ ему бумагу
довольно почтительно, но уже безъ прежней унижен-
ной учтивости. Симонъ на-скоро пробѣжалъ бумагу,
вырнулъ ея прямо въ лицо Депорту, и сказалъ отры-
висто :

— Не ко мнѣ! Ошибка! Я болѣе не начальникъ двор-
цовыхъ работъ, не первый живописецъ короля фран-
цузскаго! Нѣтъ! я просто — Симонъ Вуэ, основатель и
глава французской школы живописи.

— Да какъ вы смѣете?.... началъ Депортъ.

— Что-бъ? завопилъ въ бѣшенствѣ Вуэ, засучивая ру-
кава сорочки.

И всѣ ученики, кромѣ Лессюера, двинулись за учъ-
телемъ.

Вбѣжалъ Альфредъ, блѣдный, отчаянный и бросилъ
ся къ ногамъ Вуэ.

— Мастеръ Симонъ! я на все согласенъ! Но пустите
меня скорѣе на луврскіе подмости.

— Прочь! закричалъ Вуэ. Прочь! Ступай къ де-Нойё,
къ кардиналу; ступай къ его племянницѣ, герцогинѣ
Эгильонской. Ты молодъ, ты хорошъ: волочись; расти-
рай краски, когда она будетъ рисовать портретъ кота
въ ватиканской ливрѣ! И тебя пожалуютъ въ ординар-
ные живописцы. Видишь, посмотри, вотъ лионскій ма-
ляръ, можетъ-быть краскотеръ! А посмотри, погляди:
все платье съ иголки! Фламандскія кружева! Какія
перья на шляпѣ! Пуговицы съ камешками! Брильянти-
ки на пряжкахъ! Даромъ не достанемъ такого наряду!
А, помнишь, какъ въ лохмотьяхъ нищаго онъ хва-
сталъ дряннымъ, и то чужимъ, мараньемъ?

— Мастеръ Симонъ! жалобно сказалъ Альфредъ.

Т. I. — Отд. I.

— Прочь! Не хочу! Я переезжаю изъ Лувра, по-прежнему открываю мой домъ, мою дорогую школу, гдѣ растеть слава Франціи.... Прочь! Не нужно!

— Молодой человекъ, съ важностью сказалъ Депортъ: я васъ беру въ мою школу, и мы увидимъ, гдѣ разцвѣтетъ слава Франціи, у старыхъ ли педантовъ, или у свободныхъ поклонниковъ истиннаго искусства.

— Ахъ ты, харемазъ!.... закричалъ Вуэ. Вонъ!

— Пойдемъ, пойдемъ, молодой человекъ. — А тебя уймутъ, рисовальная машина! Все будетъ известно кардиналу.

— Да чѣмъ же ты и взялъ, если не доносами, разбойникъ?....

Ученики бросились на Депорта, но онъ, схвативъ Альфреда за руку, бѣжалъ безъ оглядки, и вскорѣ скрылся въ темныхъ переходахъ дворцовыхъ корридоровъ.

— Онъ ушелъ! говорили художники возвращаясь въ покои Вуэ.

— Они ушли! сказалъ Депортъ, но мечь моя найдеть ихъ, догонить. — Молодой человекъ, я видѣлъ вашу работу вскользь, и ожидаю отъ васъ много.... Но, послушайте: чего вы ищите?

— Денегъ, денегъ, и денегъ! отвѣчалъ Альфредъ отчаянно и такъ громко, что Депортъ схватилъ его за руки и сказалъ:

— Тихе, ради Бога, тихе! Я вижу, вы не изъ педантовъ.... Деньги будутъ, я ручаюсь, но, слово честнаго человека: будете ли вы слушаться моихъ совѣтовъ?

— Честное слово! Только давайте работу!

— Послушайте: эти парики лучше клеветуютъ нежели пишутъ; у нихъ есть связи, покровители; надобно предупредить ихъ замыслы, и я долженъ ѣхать въ Сень-Жерменъ, не откладывая ни на минуту. Завтра приходите ко мнѣ. Я живу въ предмѣстьѣ Сень-Дени въ Райскомъ Переулкѣ, въ домѣ кожевника Обана.

— Обана?.... съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ.

— Вы знаете? Тамъ приходятъ же завтра и мы отпросимъ школу. За работу!... До свиданья!...

Долготь исчезъ. Но Альфредъ долго еще стоялъ въ раздумь, волнуясь то надеждой то невольнымъ страханъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Намъки.

Огромный полу-драгунъ шелъ ровнымъ скорымъ шагомъ по Райскому Переулку; съ другой стороны по улицѣ бѣжалъ ему на встрѣчу Альфредъ.

— Гарь-Пионъ! закричалъ онъ, ты ли?

— А то кто же! отвѣчалъ Помпей, поправляя единственный усъ.

— Откуда?

— Съ похоронъ.

— Но кто похоронилъ ее? Простился ли съ нею капитанъ? Гдѣ онъ?....

— Все на порядкахъ, все на порядкахъ! Она отошла еще при капитанѣ; потомъ пришли господа черные, взяли и увели самого въ городскую тюрьму; а теперь не знаемъ нить: я заходилъ навѣдаться. По утру увезли: а ужъ куда, и сами не знаютъ.

— На тей счетъ похоронили Луизу?

— Ну, нашлись люди! отвѣчалъ Гарь-Пионъ, покручивая усъ, и улыбаясь самодовольно: слава Богу, нить бѣдняка, у котораго бы не хватило денегъ на похороны!

— А какъ вѣрно и на похороны далъ денегъ Де-Валеро?

— Какой Депортъ? спросилъ Гарь-Піонъ съ неудовольствіемъ. Очень я и позволю чужому мѣшаться въ наши семейныя дѣла! И что за птица, этотъ господинъ?

— Королевскій живописецъ, который принялъ къ себѣ Эвелину.

— Какъ? принялъ къ себѣ Эвелину! Да развѣ ей въ своемъ домѣ стало тѣсно?

— Гарь-Піонъ! такъ ты еще много кое-чего не знаешь! Домъ и все имущество взято въ казну, по закону, послѣ изгнанника....

— Такъ, такъ. Есть законъ, я слышалъ. Но въ капитанскомъ домѣ остались вещи, и мои, и Жаннеты; мы не изгнанники: а я казнѣ дарить не намѣренъ..... А гдѣ живетъ живописецъ?

— Да вотъ мы у его оконъ.

— Знато! Дальше не пойду; такъ усталъ сегодня: миль шесть выходилъ. Преогромный этотъ городишка!

Сказавъ это, Гарь-Піонъ повернулъ къ воротамъ, у которыхъ Жанъ и Жеромъ любовались на огромнаго Помпея; дѣти бросились въ кухню къ матери.

— А какъ его зовутъ? спросилъ Гарь-Піонъ, нагибаясь чтобы войти въ калитку.

— Мосьё Депортъ.

— Важно! Коротко выговаривать: а то я и на своей фамиліи заикаюсь.

Слѣдуя за дѣтьми, Альфредъ и Гарь-Піонъ вошли на кухню. Джулита примѣтно испугалась.

— Не извольте тревожиться, сударыня, сказалъ Гарь-Піонъ почтительно: это меня, такъ, ядро провздошь изковеркало; всеѣ губы чуть неоторвало. Слава Богу, хоть одинъ усъ остался! а на этой сторонѣ, чортъ ихъ знаетъ, волосы не растутъ.

— Что вамъ угодно? спросила съ трепетомъ Джулита.

— Да что вы, сударыня, жена этого господина?..... какъ-нибудь его зовутъ?

— Депортъ, подсказалъ Альфредъ.

— Да, жена мосьё Депорта, или, милости вашей не во гнѣть будь сказано.... или его кухарка?

— И то и другое, отвѣчала Джудита, невольно улыбаясь.

— То-то! Гарь-Піонъ тотчасъ смѣкнулъ: по работъ — слуга, по лицу — барыня.

— Да что вамъ угодно, мосьё Гарь-Піонъ?

— Какой я мосьё! Я, сударыня, драгунъ. Послѣ вальтелинскаго дѣла пошелъ къ капитану Вальеролю: а ужъ съ однимъ усомъ и разбитыми ногами служить не приходилось.

— Послѣ вальтелинскаго дѣла?... къ капитану Вальеролю? краснѣя и дрожа спросила Джудита.

— Точно такъ, смѣю сказать, сударыня. Такъ вотъ, извольте видѣть: вы моего молодого командира въ полкъ взяли, такъ ужъ берите и армію. Сдаюсь.

— Да что же тебѣ угодно, любезный другъ?

— За ласки ваши молодой моей барышнѣ буду вамъ служить, какъ маршалу Шомбергу служилъ, тѣломъ и душою.

— Я не знаю, какъ мужъ....

— Мужъ въ хозяйствѣ сторона... позвольте, сударыня! такъ у васъ огонь потухнетъ, сказалъ Гарь-Піонъ, бросилъ шапку въ уголъ и подложилъ нѣсколько поленьевъ на очагъ.

— Очень благодарна, почтенный воинъ. — А вамъ что угодно? спросила Джудита, обращаясь къ товарищу Гарь-Піона.

Альфредъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Это, сударыня, подхватилъ Гарь-Піонъ, большой другъ покойницы капитанши.... Не то, что другъ, какъ бывають, а сынъ.... и не то, что сынъ, а... какъ бы объяснить?... Ну, да я вамъ послѣ скажу, а то онъ

еще больше покраснѣть.... Сиди смирно, нашъ Вандомъ.... То есть, не лѣзь намъ въ глаза кардиналъ, такъ мы бы скоро и свадьбку съиграли.... Ну, да я послѣ вашъ скажу! Дѣло, знаете, пока, тайное.

— Онъ ошибается, сказалъ Альфредъ, зачинаясь и краснѣя : совсѣмъ не то ! Мосей Делортъ былъ столько милостивъ, принялъ меня въ свою школу и приказалъ прійти.... навѣдаться....

— Въ свою школу ? улыбаясь спросила Джудита.

— Точно такъ, сударыня. Я полагалъ, что онъ уже возвратился изъ Сенъ-Жермена.

— Да, онъ пріѣхалъ оттуда очень рано.

— Онъ опять поѣхалъ туда : я имѣлъ честь съ нимъ видѣться у мосей Вуэ. Онъ располагалъ возвратиться къ вечеру или завтра.

Джудита улыбнулась и отвѣчала :

— Ну, такъ мы не будемъ дожидаться. Не хотите ли въ мою школу ? Она вамъ будетъ нужнѣе. Но прежде должно узнать, что объ этомъ думаетъ моя ученица. Откушайте съ нами, молодой человекъ. Помогите мнѣ утѣшить Эвелину.

И Джудита взяла большой горшокъ съ макаронами.

— Позвольте, позвольте, сударыня ! сказалъ Гаръ-Піонъ : не извольте беспокоиться ; это мое дѣло : подать сѣумью.

— Нечего дѣлать ! Любезный Гаръ-Піонъ, распоряжайся, милости просимъ.

— Чтѣ вы тутъ дѣлаете, господа, на кухнѣ ? сказалъ Гаръ-Піонъ дѣтямъ : не хорошо ! Ступайте въ комнаты.... А нето, я на васъ — передники, и кастрюли — въ руки.

Дѣти, покраснѣвъ, побѣжали въ столовую.

Гаръ-Піонъ поставилъ кушанье на столъ, и, какъ будто дома, отправился въ другіе покои. Въ третьей комнатѣ онъ нашелъ и Эвелину и Жаннету. Эвелина

проснулась, едва раздался скрипъ дверей; вскочила, и бросилась къ нему, заливаясь слезами.

— Помпей! мой бѣдный Помпей! мой несчастный Помпей!

— Пожалуйте кушать, отвѣчалъ Гарь-Шюнь, ни маю не измѣняясь въ лицѣ.

— Гдѣ матушка? Гдѣ отецъ мой?

— Матушка, какъ сами знаете. А капитанъ посланъ отъ короля за важнымъ дѣломъ въ Италію.... Дѣло къ спѣху.... Нельзя было и попрощаться.... служба!....

— Такъ онъ не въ темницѣ?

— Что за вадорь!... Я самъ лошадей нанималъ.

— Но почему опечатали нашъ домъ, пожитки?

— Капитанъ приказалъ, для того чтобы вы не жили въ докъ, гдѣ скончалась ваша матушка. Такъ опечатаннымъ онъ и останется до его приѣзду.

Жаннета проснулась, и съ изумленіемъ слушала, какъ ггалъ добрый Гарь-Шюнь.

«Удивительный человѣкъ!» въ одинъ голосъ сказана и Джудита и Альфредъ въ другой комнату. Гарь-Шюнь, не безъ умыслу употребилъ въ разговоръ всю силу своего баса. Его невозмутимая фізіономія, прямой, открытый взглядъ, все заставляло вѣрить словамъ его.

— Непонятно! сказала Эвелина. Какъ же онъ не подумалъ обо мнѣ?

— Вотъ то-то и есть, сударыня. Наша братья ужъ чертъ чуръ бываетъ усердна. Въместо того чтобы исполнить приказаніе капитана, пойти нанять вамъ квартиру, а разсудилъ прежде похоронить покойницу. Похороны исправилъ, пока нанялъ квартиру, а тутъ былъ все и устроилъ.... Простите, сударыня, виновать!

— Что же мы теперь будемъ дѣлать, Гарь-Шюнь?
спросила Эвелина, волнуемая и недоувѣрчивостью и надеждой.

— Подумайте на досугъ, а теперь, пожалуйста кушать. Мы въ чужомъ домѣ: хозяйка дожидается.

Эвелина пошла въ столовую, а Гарь-Пионъ обратился къ Жаннетъ :

— Ну, мнѣ надо въ городъ сходить, квартиру отказать, а ты, пока, поди да послужи,

Присутствіе Альфреда, который подтвердилъ рассказы Гарь-Пиона, и ласки доброй Джудиты, нѣсколько успокоили Эвелину. Примѣтивъ въ своей госпожѣ счастливую перемену, Гарь-Пионъ скрылся. Когда Жаннета ушла на кухню, Джудита стала долго и пристально разсматривать молодую чету. Глубокая грусть осѣнила прекрасное лицо хозяйки: она тяжело вздохнула. Альфредъ и Эвелина, какъ два эха, откликнулись на сердце Джудиты; но дѣти не обращали вниманія на большихъ, и, утоливъ голодь, начали шалить и поссорились.

— Прочь отъ стола! сказала Джудита.

Дѣти заплакали. Несмотря на просьбы Эвелины и Альфреда, Джудита была неумолима.

— Прочь, прочь! повторила она : пошли въ свою комнату! Сидѣть тамъ смирно, пока не позову!

Дѣти ушли, заливаясь слезами и оглядываясь, не простятъ ли.

— Слава Богу, ушли! — Молодые люди, сказала Джудита, съ выраженіемъ искренняго участія : ваша взаимная любовь слишкомъ замѣтна.

И Альфредъ и Эвелина покраснѣли! Джудита продолжала :

— Молю васъ объ одномъ : скрывайте вашу любовь передъ моимъ мужемъ!

Альфредъ вскочилъ изъ-за стола. Эвелина подняла глаза съ изумленіемъ. Джудита продолжала.

— Конечно, не слѣдовало бы мнѣ давать такихъ совѣтовъ; но мы познакоимся ближе, и вы убѣдитесь, что я имѣю поводъ совѣтовать, имѣю нѣкоторое право на дру-

жду Эвелины... Если вы меня не обманули, мосьё Дени, то останьтесь въ этой небывалой школѣ, посвятите мнѣ домъ, но сохраните возможно холодный тонъ съ Эвелиной; если можно, даже видъ отвращенія.

— Что это все значить? спросила Эвелина, изумленная неожиданными совѣтами.

— Не опасайтесь ничего, моя добрая Эвелина. Богъ и васъ! Я и сама еще не знаю, гдѣ опасность; но знаю моего мужа. Я было повѣрила его великодушію, но потомъ вспомнила, что даромъ онъ не дѣлаетъ благодѣлій.

— Я не уйду отсюда, сказалъ Альфредъ, пока вы не скажете....

— Неблагодарный! сказала Джудита: развѣ моя искренность не ручается за мою дружбу и заботливость? Я одна могу уладить дѣло; вы только испортите его навсегда и безвозвратно... Вамъ и не снится, какъ силенъ Депортъ: открытое сраженіе мы проиграемъ непременно.... Впрочемъ, сколько я привыкла понимать его, опасность еще въ темной дали, и самъ онъ еще не знаетъ своихъ намѣреній.

— Что же намъ дѣлать, милая, добрая Джудита? спросила Эвелина.

— Вамъ?... лечь и отдохнуть; а Альфреду бѣжать отсюда какъ-можно скорѣе и приходить, когда назначено.

— Но....

— Повинуйтесь! сказала Эвелина, вставъ и уходя въ свою комнату: повинуйтесь! Само небо говоритъ намъ устами Джудиты! Берите примѣръ съ меня. Прощайте.

Эвелина остановилась въ дверяхъ и сказала съ упрекомъ: — Альфредъ!

— Я повинуюсь, отвѣчалъ онъ, схватилъ шляпу, и скрылся.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Солдатъ.

Lorsqu'il faut entrer en garde,
Je fais moi seul tous les rangs.

MAGARINADES, 1649.

Гарь-Шюнь, устроивъ, какъ мы видѣли, домашнiя дѣла, отправился прямо къ окружному старшинѣ, или эшвену. Эшвенъ жилъ въ угловомъ домѣ, на той же улицѣ, и послѣ плотскаго обѣда изволилъ давать отеческiя наставленiя городскимъ стрѣлкамъ за дурное поведенiе въ продолженiи вчерашняго обѣску. Обвинители стояли по правую руку, обвиненные по лѣвую. Старшина, въ шелковомъ халатѣ, безъ парика, и въ остроконечныхъ туфляхъ, сидѣлъ на деревянномъ табуретѣ. Старшина на всѣ доносы отвѣчалъ: «Мы разсмотримъ..... Приличную просьбу..... Ну, а ты о чемъ?.....» И слушанье дѣлъ продолжалось безостановочно. Вдругъ, двери съ шумомъ растворились, и фигура Гарь-Шюня согнулась и выпрямилась передъ самымъ носомъ эшвена, который, покраснѣвъ отъ злости, закричалъ:

— На мѣсто! На три шага!

— Извольте сами отмѣрять, отвѣчалъ Помпей: а я, какъ три раза шагну, такъ всего дому не хватитъ.

— Кто ты таковъ?

— Драгунъ былъ, драгунъ есмь, и умру драгуномъ. Имя мое Помпей-Ипполитъ-Геновева, фамилии не помню, прозвище Гарь-Шюнь.

— Чтѣ тебѣ надобно?

— Я пришелъ требовать моихъ вещей, которые вы противозаконно сегодня опечатали.

— Чтѣ ты тамъ бредишь?

— Солдатъ никогда не бредитъ. Некогда. Днемъ много дѣла; ночью крѣпко спитъ. Пожалуйте мои вещи.

— Да какия вещи?

— Во-первыхъ, арфу съ золотой львиной головкой.

— Ты сумасшедшій!

— Солдатъ съ ума сойти не можетъ. Некогда. Днемъ думать не досугъ; ночью прѣлко спать. Во-вторыхъ, нѣтъ съ платьемъ: тамъ мои женскіе наряды.

— Да что ты это врешь?

— Солдатъ никогда не вретъ. Некогда. Днемъ служба, а наша служба на чистоту, безъ задоринки; а ночью.....

— Да какой это чортъ ко мнѣ пришелъ!

— Не извольте такъ говорить: грѣхъ!... и вашему званію не прилично: у васъ подъ командой и полковники и капитаны. Конечно, ваши офицеры не больше какъ старые купцы, да всё-таки городскіе тесаки носятъ. Конечно, ихъ тесаки всё-равно что кухонные ножи, да всё-таки оружіе; и если счетъ повести, такъ вашъ капитанъ не старше сержанта италіанской арміи, полковникъ не старше унтеръ-офицера, а ужъ старшина всё-таки наравнѣ съ капитаномъ прійдется, и чортъ ему не командія: я это, такъ, стороною говорю... Въ-третьихъ, тамъ мои игольники, наперстки, шпильки, ножницы, всякое такое швейное добро.

— Да пойдешь ли ты вонъ?

— Солдатъ безъ команды назадъ не пойдетъ..... Наконецъ, мои книжки и восковая роза... Пожалуйте мои вещи, господинъ старшина.

— Я тебя отправлю въ больницу.

— Не извольте гнѣваться! Вы могли описать и опечатать имущество мосьё де-Вальероля, только не имущество его слугъ: мы ни въ чемъ не виноваты. Пожалуйте мои вещи.

— Ну, въ умъ ли ты? Развѣ ты баба?

— Что-чтобъ баба, господинъ старшина, а имѣю женскія привычки: люблю читать книги, играть на арфу,

шить, и ходить въ женскомъ платьѣ на службу во дворецъ Ряннліе, когда играютъ комедіи.

Старшина расхохотался. И въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было вообразить женщину ростомъ съ Гарь-Шіона.

— Не извольте смѣяться, господинъ старшина. Вотъ, какъ король прїѣдетъ и капитана простятъ, такъ мы и потребуемъ всѣхъ вещей по этому списку, что у меня... А вы сегодня, безъ описи, на живую нитку, изволили печативѣшать. Противнозаконамъ! Я сегодня, у табачницы, изъ Судейскаго Дворца черненькаго видѣлъ; дѣло ему разсказалъ. Онъ и говоритъ: — Береги только опись; чуть только станутъ ломаться, просьбу въ парламентъ, или, просто, знакомому президенту, или совѣтнику, или прокурору: не дорого стоить!

Старшина смѣшался.

— Что же! мнѣ теперь къ любому совѣтнику пойти можно, продолжалъ Помпей: я служу не гдѣ-нибудь, а у придворнаго. Мосье Депортъ—человѣкъ важный: портретъ съ короля пишетъ; такъ....

— Ты служишь у мосье Депорта?

— Точно такъ, господинъ старшина. Пожалуйста мои вещи....

— Любезный другъ, я вижу, всѣ эти вещи принадлежатъ женщинѣ и, вѣроятно, дочери преступника, который.....

— Не извольте говорить преступника, а изгнанника!

— Ну, да, да!.... Мы можемъ сдѣлать это уваженіе для мосье Депорта.

— Такъ сдѣлайте это уваженіе по-скорѣе, потому что мнѣ вещи нужны; а нето, не извольте гнѣваться, я пойду къ самому головѣ: такъ мосье Депортъ наказалъ.

— Хорошо, любезный другъ, можно и сейчасъ выдать. Да кто мнѣ поручится?.....

— Да вы потрудитесь высеунуть носъ черезъ окошко: сами увидите, куда я перетащу мои вещи.

— Ну, хорошо! сказалъ старшина, и, написавъ записку, подалъ перо Гарь-Шюну.

— Что это?

— Роспишись въ полученіи вещей.

— Да я еще ничего не получалъ.

— Все-одно, получишь; и не только тѣ вещи, о которыхъ просишь, а можешь взять, что покажется: лишь бы для виду что-нибудь осталось. На всякой случай черниго ходу я и не опечатывалъ, изъ уваженія къ москѣ Депорту, а расписка — глухая. Мы ее должны имѣть.... оорны!..... законы!.....

— Да какъ же я роспишусь, господинъ старшина, когда я писать не умью?

— А какъ же ты читаешь книжки?

— Да развѣ все-равно, что читать, что писать?

Старшина расхохотался, позвалъ капитана, кунца Оливье, и приказалъ выдать Гарь-Шюну вещи по его усмотрѣнію и приготовить объ ихъ реестръ для подписанія москѣ Депорту, маркизу и ординарному королевскому живописцу.

Джудита сидѣла у окна, ожидая Гарь-Шюна, и разоржалась съ Жаннетой и дѣтьми, какъ бы скрыть отъ кунца преждевременное посвященіе Альфреда. Гарь-Шюна не замедлилъ явиться, держа въ рукахъ восковую рогу. За нимъ сосѣди несли шкатулку, огромный шкафъ, арфу и множество разныхъ вещей и вещицъ, по выбору Помпея. Процессія торжественно вошла на дворъ, шумно прославляя новый воинскій подвигъ Гарь-Шюна. Эвелина проснулась въ самое то время, когда Помпей съ розой вошелъ въ комнату.

— Роза моей матери!... вскрикнула Эвелина. Мои бездмушки!... мои платья!... Арфа!....

— Куда прикажите поставить ?

— Откуда ты взялъ, Гарь-Шюнь ?

— Капитанъ приказалъ.

Всѣ вещи были разставлены въ двухъ, почти пустыхъ, комнатахъ, и Гарь-Шюнь сталъ откланиваться.

— Постой, Помней! сказала Джудита, и взяла съ него слово не говорить Депорту объ Альеродъ.

— Наше дѣло сторона, отвѣчалъ Гарь-Шюнь: въ любовныя дѣла жѣниться не станемъ, а то еще перепортишь. Вотъ, еще до вальтерлинскаго дѣла.... не помнюдерушки.... и меня по сердцу прихватило. Такая важная пошлась Италиянка!.... Хотѣлъ у нихъ въ деревнѣ и остаться..... Лучше было бы: усикъ мой на мѣстѣ бы остался. Да что ты будешь дѣлать! Чортъ... извините, сударыня!... чортъ всегда возлѣ любви.... Въ ту же дере-вушку панскіе пришли, а съ ними и капитанъ: да та-кой подлинала!.... на-бѣду и красивъ собой и богатъ; сманилъ мою птишку, да какъ! Съ трехъ дней Берта ужъ и говорить со мной перестала.... Не знаю, чѣмъ кончилось; мы въ походъ пошли.... да проклятое это сраженіе... и добро бы еще сраженіе, а то, просто, у-личная схватка.... Поцарапались.... а тутъ — ядро ни-мо!.... Кажется, и не попало въ меня.... чортъ знаетъ.... извините, сударыня!.... какъ далеко пролетѣло: а рожу исковеркало!.... Хорошо, что ужъ заразы и усяя любовь изъ головы вышибло.... Извините, сударыня!

— Не помнишь ли, отворачиваясь къ окну, дрожа-щимъ голосомъ спросила Джудита: какъ звали капи-тана ?

— Какъ же не помнить! Помнилъ. Да ядро превзломъ нмивышибло. После-того я такъ сталъ на голову слабъ. свое имя забываю. Прощайте, сударыня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Портретъ.

Гарь-Пюнь вышелъ за ворота, сѣлъ на привязкѣ и курилъ трубку. Толпа сосѣдей окружила его. Не успѣли размѣняться общими привѣтствіями, какъ въ толпѣ раздался крикъ : «Италіянецъ ѣдетъ!» И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ улицы, на лошади показался Депортъ. Онъ въхалъ шагемъ; волею жель Альфредъ. Гарь-Пюнь отдалъ трубку сосѣду, а самъ отворилъ ворота и, снявъ шапку, ожидалъ новаго хозяина. Когда Депортъ въхалъ въ ворота, Гарь-Пюнь такъ громко крикнулъ «Поздравляю съ пріѣздомъ!», что Депортъ отъ страху и незапности едва не свалился съ лошади.

— Не извольте пугаться, сказалъ Гарь-Пюнь, оклапывая поводья : это я, Помпей-Ипполитъ-Геновева Гарь-Пюнь, драгунъ второй компаніи, и вашъ слуга, кось Депортъ.

— Чтѣ тебѣ надо? спросилъ Депортъ съ примѣтныиъ беззакойствомъ, не сходя съ лошади и напрасно стараясь вырвать поводья изъ рукъ Помпея.

— Мы ужъ съ хозяйкой порѣшили, отвѣчалъ Гарь-Пюнь : ваше дѣдо сторома ; а вотъ чтѣ : извольте выслушать !

И Гарь-Пюнь вкратцѣ разсказалъ Депорту, чтѣ можно говорить Эвелинѣ про капитана. Депортъ съ трудомъ понималъ, кто таковъ Гарь-Пюнь ; но разсказъ, а ободрилъ его, и разувѣрилъ.

— Отведи лошадь, сказалъ онъ со всею важностью хозяина : и приходи ко мнѣ. Надобно кое-куда сходить.

— А что Эвелина? спросилъ Депортъ, входя въ комнаты.

— Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, отвѣчала Джудита : сидитъ, плачетъ, больна.

— Надо ее чѣмъ-нибудь развлечь.... Вотъ, кстати, Альфредъ. Первый урокъ — портретъ Эвелины.... Нѣтъ, постойте ! Прежде взгляните, не можете ли исправить этой миниатюры.

Депортъ подавъ Альфреду миниатюрную копію съ Веласкеса.

— Часа два работы, отвѣчалъ Дени.

— Ну, такъ прошу садиться. Вы можете кончить до вечера ; нескоро еще смеркнется. Краски, кисти, все у меня есть : я вчера запасся.... Милости просимъ !

Альфредъ принялся за работу. Джудита со злобной улыбкой глядѣла на мужа. Вбѣжали дѣти съ крикомъ ; за ними вошелъ Гаръ-Піонъ и Гойко.

— Маменька ! маменька ! кричалъ Жеромъ : уѣдѣйте отсюда ; насъ хотятъ сосѣди убить.

— Что съ тобой, мой другъ ? спросила перепуганная Джудита.

— Да, сказалъ Гаръ-Піонъ, дѣло чтѣ-то не ладно : чуть было маленькаго господина не поколотили.

— Какъ ? Что !

— Мы втроемъ выручали, я, Обанъ, и вотъ этотъ... (Гаръ-Піонъ указалъ на Гойко.) — «Итальянцы!» кричать всѣ, да и только. По выговору узнали.... Вы приняли мою барышню, а я принялъ на себя вашу защиту, и сказалъ сосѣдямъ, что старый драгузь — всѣ-одно что молодая армія. Вооружился, какъ сами видите, вертеломъ и жаровней съ вашей кухни, и сегодня буду спать у воротъ, чтобы барышни моей ночью какъ-нибудь изъ усердія сосѣди не разбудили. Насильно хотятъ на свой счетъ ее содержать, а на вашу милость не надѣются.

Депортъ поблѣднѣлъ какъ полотно ; Джудита не ма-

до встревожидась; Эвелина, отворивъ двери, слушала Помпея съ удивленіемъ; Гойко не сводилъ глазъ съ Депорта. Одинъ только Альфредъ продолжалъ работать, изрѣдка улыбаясь и поглядывая на смущеннаго хозяина.

— Что же намъ дѣлать? тихо спросилъ Депортъ.

— Во-первыхъ, подписать эту бумагу по-французски, съ полнымъ вашимъ титуломъ, отвѣчалъ Гаръ-Шюанъ, подавая росписку въ полученіи вещей Эвелины.

— А гдѣ же вещи? спросилъ Депортъ, прочитавъ и подписывая бумагу.

— На-мѣсть! сказалъ Гаръ-Шюанъ: во-вторыхъ, нанять другую квартиру, да не въ предмѣстьѣ, потому что здѣсь всегда эта вольница шумитъ и дерется за разбитый горшокъ: а тамъ, по-ближе къ Лувру, къ ратушѣ.

— Гойко! слышишь, Гойко? сейчасъ квартиру! Да и кстати: гдѣ я здѣсь помѣщу мою школу?... Слышишь, Гойко! наверху, чтобы мнѣ жить, комнатъ десять двѣнадцать; а внизу мастерскія.... Пошелъ!

— Пойти не бѣда, я всегда почиталъ мои ноги разогнанными лошадьми, отвѣчалъ Гойко: только безъ денегъ нанять трудно; надо дать на руку.

— Только не на твою. Ты ужъ только съищи, а заплатить я и самъ съумѣю. Пошелъ же! а нето....

— Иду: чего вы сердитесь?

— Въ-третьихъ, продолжалъ Гаръ-Шюанъ: переѣзжать, не днемъ, и не ночью, а на зарѣ; потому что господамъ сосѣдямъ дай Богъ до-зари успокоиться.... Вы какъ-то обмолвились....

— Все къ лучшему! сказалъ Депортъ, примѣтивъ Эвелину: я радъ, что дѣла мои позволяютъ сдѣлать вдругъ столько неожиданныхъ издержекъ. Жаль только одного, Альфредъ, что я не засталъ въ Сенъ-Жерменъ ни живой души: всѣ на охотѣ. Но.... не правда ли?... и Вузъ противъ насъ пока ничего не предпріиметь? Кардиналъ и секретари въ Рюэли.... Одинъ только Мазарини въ

Парижъ, но къ нему они не пойдутъ. Кстати; храбрый драгунъ, прибавилъ Депортъ обращаясь къ Гарь-Шюну съ улыбкой: желаніе капитана будетъ исполнено. Я самъ не могу написать портрета твоей госпожи.... у меня такъ много дѣлъ!... такъ вотъ мосьё Дени, мой ученикъ, этимъ займется.

— Конечно; конечно! отвѣчалъ Гарь-Шюнъ, поглядывая на Эвелину и улыбаясь отъ удовольствія, что такъ ловко и быстро понялъ Депорта.

Сверхъ-того его восхищала мысль, что молодая чета будетъ имѣть возможность бесѣдовать безъ малѣйшихъ подозрѣній, и что Депортъ невольно помогаетъ тому, чему бы можетъ-быть и воспротивился, если бы зналъ отношенія молодыхъ людей.

— Конечно, конечно! Капитанъ мнѣ крѣпко-на-крѣпко приказывалъ..... Да искусенъ ли вашъ ученикъ, мосьё Депортъ?

— Не бойся, не бойся! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ: сладимъ! — Не правда ли, Альфредъ?

Но Альфредъ нескоро могъ отвѣчать. Мысли и чувства его перемѣшались. Писать портретъ Эвелины! Да это счастье, блаженство!... Но если кисть измѣнить!.... Не задрожитъ ли рука? Дадутъ ли слезы блаженства волю и спокойствіе взору?.... Да и зачѣмъ этотъ портретъ? Какое его назначеніе?.... И почему Альфредъ уже ученикъ Депорта?.... И кто этотъ Депортъ, этотъ дерзкій хвастунъ, который не стыдится лгать въ глаза женѣ и людямъ, гораздо ближе знающимъ Альфреда, и, наконецъ, самому Альфреду?.... Но, когда, по таинственнымъ причинамъ, онъ долженъ скрывать свою любовь, даже знакомство, когда сама Эвелина требуетъ повиновенія и слѣпой довѣренности къ этой Джудитѣ, ихъ простодушному, но печальному, защитнику; когда все возвышается высокою стѣною между нимъ и Эвелиной, — писать портретъ ея, писать тихо, долго, со всею отчетливостью любовника..... о!

на войскахъ положеніе Альфреда! Онъ готовъ былъ броситься въ объятія Депорта, расцѣловать своего учителя, измѣнить своей тайнѣ, тайнѣ Джулиты... но взоръ его встрѣтился со взорами Эвелины, и Альфредъ опомнился.

— Не удивляйтесь, мосьё Депортъ, сказалъ Альфредъ, если предложеніе ваше привело меня въ смущеніе: я никогда еще не писалъ женскаго портрета.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Практика....

— Но я боюсь женщинъ, мосьё Депортъ.

— Живописецъ боится женщинъ!... да что вы это, Альфредъ? со смѣхомъ говорилъ Депортъ: позвольте заняться и свѣтскимъ вашимъ воспитаніемъ. Французскіе художники много теряютъ оттого, что они только художники, не люди, не свѣтскіе люди: любезные, ловкіе, развязные, какъ этого требуетъ наше общество. Мы, Французы, никогда не достигнемъ до того образованія, какое имѣютъ наши за-альпійскіе собратья. Я знаю ихъ; я выросъ въ Италіи, въ странѣ тончайшаго этикета и пламеннѣйшихъ чувствъ.... И, признаюсь, я самъ нѣсколько переродился и, благодаря случаю, не похожъ на вашего медвѣдя Вузъ и на прочій эвѣринецъ французскихъ художествъ. Такъ, Альфредъ, я займусь вашимъ образованіемъ, и завтра же начинайте писать портретъ моей жены или Эвелины..... Нѣтъ! Эвелины. Это ее сколько-нибудь разсѣетъ. По рукамъ?

— Я вамъ далъ слово.

— Ну, такъ завтра!

Эвелина скрылась. Тысячи мыслей волновали ее. Каждый день видѣть Альфреда! бесѣдовать съ нимъ иногда на-единѣ!... Но зачѣмъ? для чего?... Вопросы и догадки не было конца. Между-тѣмъ Альфредъ вничья работу къ искреннему удовольствію Депорта, протиснулся, и ушелъ, также не менѣе волнуемый сомнѣніемъ и надеждами.

— Что ты опять затеваешь? спросила Джудита, когда крестъ мужа все разошдись.

— Депортъ злобно улыбнулся и, смотря пристально на Джудиту, думалъ: «Гдѣ тебѣ, бабьей головѣ, кончатъ соображеніе искуснаго генерала, которому наконецъ судьба подарила армію! Да! этотъ Альфредъ, эта Эвелина— моя войска, и мудрые падутъ, и хитрѣйшіе затрепещутъ въ тенетахъ..... Одно бѣда,— молодежь: того гляди, еще слюбятся!» И, взявъ за руку жену, Депортъ сказалъ тихо:

— Джудита, я никогда не спрашиваю о твоихъ тайнахъ. Теперь ты бы могла быть мнѣ полезна, но, къ несчастію, наши отношенія.....

— Что за вздоръ! прервала Джудита. Мало ли услугъ...

— Окажи послѣднюю! Ты должна быть неотходно при Эвелинѣ, пока Альфредъ будетъ писать портретъ; прерывать всѣ разговоры, которые будутъ заключать въ себѣ какой-нибудь намекъ на любовь; словомъ, всѣми средствами препятствовать....

— Да зачѣмъ же препятствовать?

— Зачѣмъ?....

— И гдѣ согласны, и оба хороши собой: она такая пылая!

— Онъ также, кажется, хорошій человекъ.

— Онъ? воскликнулъ Депортъ: въ томъ-то и вся бѣда, что онъ.... Правда, это несчастіе, но вмѣстѣ и необходимость великихъ талантовъ. Повернись ли ты, что Альфредъ самаго развратнаго поведенія? Погляди, какъ онъ бѣдетъ: все проматываетъ на женщинъ!

— Какъ вамъ не стыдно!

— Да, да! Если ты полюбила Эвелину, такъ должна всѣми мѣрами препятствовать ихъ обмѣнѣ, и не скрывать отъ нея пороковъ Альфреда. Это средство тотчасъ укрѣпитъ естественную слабость женскаго сердца: а онъ пусть себѣ влюбляется. На твоемъ мѣ-

ствъ, я бы даже..... Нѣтъ; это ужъ я и самъ сдѣлаю; ты только береги Эвелину.

Джудита глубоко вздохнула, собиралась съ мысли-ми, хотѣла что-то сказать; но двери растворились: въ-звѣтъ Гойко.

— Есть!.... И какой домъ!.... И какъ дешево!

— Ступай же, ступай же, Джудита! приготовь все къ переезду.... Я осмотрю квартиру, приплю носялки, вы съ Эвелиной и съ дѣтьми тотчасъ отправляйтесь; а Гарь-Пионъ перевезетъ вещи.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Новоселье.

— Ну, Гойко! сказалъ Депортъ, когда они были уже на улицѣ.

— Позвольте вамъ напомнить, что я такой же, какъ и вы, Филиппъ изъ Ліона. Чернъ меня такъ называютъ по незнакомію. Ужъ если вамъ не нравится собственное мое имя, зовите меня Самуиломъ.

— Пожалуй.

— Не пожалуй: я этого требую.

— Мнѣ нравится твой нравъ. Не даромъ я выбралъ тебя изъ цѣлаго рынку мелкихъ продавцовъ.

«Кто кого»? подумалъ Гойко.

— Гдѣ же твоя лавочка?

— Сдаль, пока, знакомому. Только если вы будете мнѣ платить, то мнѣ придется опять поставить ее на колеса и отправиться по городскимъ предмѣстьямъ продавать мыло, пуговки, иголки.

— Не умичай, Самуилъ! Два эю въ мѣсяцъ, кажется, довольно.

— Прибавьте еще одинъ : самоговъ нанесмиъ больше тамъ на два эю.

— Ахъ, ты, жиденокъ! да ты въ цѣлый годъ не работаешь двухъ эю.

— Ну, пускай будетъ и два, а еще одинъ, если я хорошо служить буду.

— А если худо?... Молчи, лучше : а то за одинъ уступишь.

— Ну, Богъ съ вами! Только за эту цѣну я въ Сень-Жерменъ не поѣду.

— Нельзя, Гойко. Надобно ѣхать, и лишь-только король въ ворота, ты на коня.

— А что дадите, когда я вамъ прежде скажу такъ, что король въ Паркъ, а вы на встрѣчу.

— Клянусь, не будетъ обиды.

— Ну, такъ я вамъ скажу, вы увидите : только мнѣ самому заплатить нужно.

— На, на, Иуда! чортъ тебя возьми! сказалъ Денортъ, вынимая деньги.

— Вы только платите, такъ я вамъ не то еще скажу, про кого хотите : про кардинала можно....

Гейко оглянулся ; за ними шелъ кто-то весьма подозрительной наружности.

— Ой! продолжалъ Гейко : это за нами Брумквисъ идетъ.

— Кто?

— Брумквисъ ; Англичанинъ. Онъ тоже много знаетъ.

— Не худо бы познакомиться.

— Ой, нѣтъ! продать!.... — Сюда, сюда!.... вотъ и квартира, сказалъ Гейко, схватилъ Денорта за руку, вставилъ въ ворота высокаго дворца, украшеннаго лѣдными трофеями и герцогскими коронами.

— Ты съ ума сошелъ? Да это герцогскія палаты!

— Ну, такъ что жъ? Вы и не ошиблись. Хозяинъ въ Англіи; хозяйку выслали изъ Парижа; домъ въ казну взяли и отпускаютъ въ наемъ..... Дешево, богато..... Можно потомъ и жильцовъ взять.

Скоро на новую квартиру приехали и дамы, а рано поутру, передъ зарею, Гаръ-Пионъ съ подводами и пожитками тронулся въ путь во Дворецъ Вандомскій. Обанъ стоялъ посреди двора въ отчаяніи, хотя Помпей и оставилъ въ его рукахъ немало денегъ. Провожая пожитки Депорта, Обанъ вышелъ на улицу и громко ругалъ своихъ сосѣдей. Заслыша въ голоса у квартиры Депорта, усерднѣйшіе и ближайшіе сосѣди вскочили съ постелей, поспѣшили одѣться и выбѣжать на улицу; но обозъ уже скрылся: только одинъ Обанъ стоялъ у растворенныхъ воротъ, и благодарилъ сосѣдей самыми чувствительными словами за изгнаніе такого важнаго и прибыльнаго жильца. Бѣгство Депорта возбудило любопытство, удивленіе, шумъ, крики. Наконецъ составился совѣтъ. Многіе хотѣли преслѣдовать обозъ Депорта, но возникли разногласіе и споры, и привлекли городскихъ стрѣлковъ. Капитанъ Оливіе распустилъ собраніе и закрылъ уличный парламентъ. Все разошлось по домамъ: только одинъ Обанъ стоялъ у воротъ своихъ и напутствовалъ отходящихъ трогательными рѣчами.

Утро вошло со всею весеннею роскошью. Богатыя каминныя занавѣски вандомскихъ падать озарились яркими лучами солнца, и разбросили разноцвѣтные отблески на пестрые ковры и высокія кресла съ вышиванными сидѣньемъ и спинками. Депортъ всю ночь не спалъ; волнуемый множествомъ предположеній, онъ не могъ ни на одномъ остановиться, и утро застало его

въ креслахъ. Онъ осмотрѣлся и задумался. Признаки богатства и пышности сына Генриха IV давили, тѣснили его воображеніе. Невольно въ памяти его ожили страшныя картины, разсыпанныя простодушнымъ перомъ въ запискахъ Дюбоа. Казни, отравленія, изгнанія, заключенія, пытки, все это волновалось передъ глазами Депорта. «Зачѣмъ я читалъ ихъ, эти проклятыя записки!» подумалъ Депортъ. «Что ожидаетъ меня? Богатство при кардиналѣ Ришліѣ также не прочно какъ и слава, и почести, и происхожденіе!... Ничто не защитило королевы-матери, братьевъ короля, жены Людовика, друзей, кардиналовъ, отъ руки палача или отъ постыднаго изгнанія!... И вотъ, я самъ, маленькій чело-вѣкъ, живу за бездѣлицу въ роскошныхъ палатахъ герцога Вандомскаго! Гдѣ же хозяинъ?... Какой-то преступникъ, осужденный на казнь, спасъ себя домосемъ на герцога, утверждая, будто онъ уговаривалъ его убить Ришліѣ. И сынъ Генриха IV не смѣетъ оправдываться, бѣжитъ въ Англію! Жена и дѣти въ ссылкѣ; друзья изгнаны изъ Франціи... И онъ ли одинъ!... Маршалъ де-Марильякъ, въ Италіи, изъ середи арміи, которая такъ его любила, взять какъ простой сержантъ и осужденъ какъ воръ, какъ убійца!... И сколько палатъ, подобныхъ этому дворцу, опустыли и обратились въ шелковыя фабрики, въ купеческія конторы!... При страшномъ кардиналѣ нѣтъ надежнаго мѣста, спокойнаго угла, безопасной пустыни; нѣтъ мѣты для усталыхъ и жертвъ: онъ ни когда не скажетъ «Довольно!» Мазарини не замѣнитъ его: нѣтъ!...»

Раздался стукъ у дверей, и Депортъ вскочилъ изъ испугу: онъ боялся; не улыпалъ ли кто-нибудь что онъ думалъ. Стукъ повторился: — «А, Гойко!» сказалъ Депортъ, и отодвинулъ огромный золоченый прѣколъ, которымъ въ то время запирались внутреннія покои въ домахъ; для безопасности отъ ночныхъ походовъ зло-модыхъ людей.

— Что заплатите, не знаю: отъ васъ я не жду щедрости, сказалъ Гойко. Но мнѣ все-равно. Знайте, что король черезъ часъ будетъ въ Лувръ, а кардинала, болышого, привезли ночью. Король изъ Лувра будетъ къ кардиналу на совѣтъ, а оттуда къ Визитнамъ, а оттуда опять къ Сентъ-Жерменъ.

— Да какъ ты это все знаешь?

Гойко улыбнулся и отвѣчалъ:

— Надобно знать: приказано, и концы!... Когда я на рынкѣ шпильки продавалъ, я и тогда уже зналъ, въ какомъ парикѣ будетъ голова сидѣть въ ратушѣ, въ какомъ предместьѣ Парижа будетъ шумъ, гдѣ будутъ пить дворяне: и мало ли еще что! У васъ счастливая рука; сегодня меня человекъ шесть въ друзья брали, да я еще не сторговался: хотѣлъ вамъ оказать послѣднюю услугу.

— Въ какіе друзья?... Отчего послѣднюю?

— Гмъ! Въ друзья взять, значить: ходи, бѣгай, слушай, языковъ добывай.... Ну, а это правило, я думаю, вы съ дѣтства знаете: кто больше заплатитъ, тому и служи.

— Сколько же тебѣ дадутъ?

— Пока, четыре экю въ мѣсяцъ..... Да вы такъ въ Лувръ опоздаете.

— Правда, правда, Гойко!.... Четырехъ не дамъ. Служи другимъ, да на дорогѣ не попадайся. Прощай! «Ничѣмъ не развяжешь кошелька у этого чорта!» печально сказалъ Гойко, медленно слѣдуя за Депортой. «Сара, Сара, когда я тебя выкуню!»

Депортъ уже былъ далеко, когда Гойко спустился на парадное крыльцо. Два, дурно сдѣланные, но мрачные, льва украшали входъ. Гойко съелъ верхомъ на лѣвѣ и внимательно наблюдалъ за проходящими. Принесъ Альфредъ. Треножникъ, полотно и краски были на него легкой ношей: онъ шелъ писать портретъ Эдмонны! Гойко посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

Когда Альфредъ забѣжалъ на лѣстницу, Гойко покачалъ головою и въ полголоса сказалъ : — «Какъ много можно бы сказать этому безумцу! Онъ заплатилъ бы всею своимъ состояніемъ за одну вѣсточку; да нельзя: неразсчетливо! Все его состояніе — будущность.... дрянной залогъ : на него ни какого кредиту.... О! если бы не Сара, я взялъ бы съ него послѣднюю монету. Теперь нельзя. Лови крупную рыбу, а за рыбкой не гоняйся.... Самуэль, пойдемъ на рынокъ!.... Странно! идти на рынокъ что на пиръ, мнѣ всё-равно..... Да давно ли ты пировалъ, Самуэль?....» И, проговоривъ это съ горькой улыбкой, Гойко скрылся.

Жаннета уведомила Эвелину, что Альфредъ пришелъ, поставилъ треножникъ и полотно, готовить краски и ждетъ блаженнаго мгновенія. Джудита вошла и сказала то же. Печальная Эвелина, какъ была, въ черномъ платьѣ, съ золотымъ крестомъ на шеѣ, не взглянувъ даже въ зеркало, вышла къ Альфреду вмѣстѣ съ Джудитой. Всѣ трое долго молчали, глядя на полотно; какъ-будто всѣ трое спрашивали, къ чему этотъ портретъ.

— Садитесь, наконецъ сказала Джудита : надобно во-крайней-мѣрѣ начать.

— Нѣтъ, я не начну, рѣшительно отвѣчалъ Альфредъ: пока вы не объясните мнѣ вчерашнихъ предостереженій.

Джудита посмотрѣла на Эвелину и, не обращая вниманія на Альфреда, сказала :

— Не вѣрьте, моя милая, обътамъ любви, клятвамъ, пламеннымъ восклицаніямъ. Можно ли любить и не заботиться о безопасности любимой женщины? Не пишите портрета, бросьтесь съ книжаломъ на Деверта, потребуйте у него объясненія, на что и для кого портретъ, но до-тѣхъ-поръ оставьте нашъ домъ и не вмешивайте мирной жизни нашей. Мы съ Эвелиной вдвоемъ сумѣемъ защищаться, безъ помощи людей, да-

гораздъ слишкомъ рано хотѣтъ управлять волею женщины.

— Простите меня! простите! сказалъ Альфредъ и тронувшій и пристыженный.

— Полно, полно! Садитесь и смотрите портретъ Эвелины. Депортъ можетъ возвратиться, а вы и не начинали.

Уселись. Мысль двинулася по холату.... Рука остановилась : они засмотрѣлись.

— Начало хорошо, продолжайте, сказала Джудита.

Альфредъ снова сдѣлалъ нѣсколько движеній рукою; но, или мысль была дурень, или глазъ невѣренъ, только надобно было стирать проведенныя черты и опять приниматься за работу.

— Друзья мои, сказала Джудита, кажется прійдется для большаго успѣха посадить на мое мѣсто Депорта.

Альфредъ засмѣялся; даже печальная дѣвушка улыбнулась. Художникъ понялъ свое положеніе и работа двинулася.

— Странно, однако жъ, сами согласитесь, сказалъ Альфредъ : чтѣ долженъ я думать о моемъ учителѣ, о положеніи мадамъ де-Вальероль, о нашихъ отношеніяхъ съ мосье Депортомъ, если и жена его не скрываетъ передъ чужими людьми своего отвращенія и своихъ опасеній?

— Справедливо, Альфредъ. Я достойна вашего упрека; я увлеклася вашей любовью, испугалася неожиданныхъ событій, которыя меня болѣе недѣли преслѣдуютъ самыми непонятными чудесами. Мнѣ стало страшно за вашу будущность, потому что сладостный сонъ моей любви кончился годами страданій.... а ужъ этимъ страданіямъ я и конца не вижу.... О, если бъ не дѣти! Давно бы меня не было на этомъ пустынномъ свѣтѣ, гдѣ для меня нѣтъ ни надеждъ ни утѣшеній. Даже простыя ежедневныя приманки, столь дорогія для каждой женщины, для меня не существуютъ.... Согласи-

тесъ: я не такъ еще стара, чтобы отказаться отъ всего на этомъ свѣтѣ и обратитъ его въ тѣсный монастырь семейной жизни.... Такъ; вѣрно, были обстоятельства, были случаи, отъ которыхъ сердце обратилось въ уголь, въ пепель, и болѣе горѣть не можетъ.

— Эвелина обернулась къ Джудитѣ, такъ, что портрета писать не было возможности. Альфредъ не смѣлъ напомнить; и лѣниво набрасывалъ пятна для рукъ и платья.

— Джудита, съ чувствомъ спросила Эвелина: неужели мои несчастія....

— Гдѣ онъ, Эвелина! Смерть матери, отъѣздъ отца, конечно, большія потери; но эти раны заживаютъ; такъ устроено небожь, потому что дѣти, по естественному порядку, должны смѣнить родителей: но другія привязанности, другія, не связи а, такъ сказать, сроды?... О, дай Богъ и не узнать вамъ какъ мучительны эти раны! Какъ ни время, ни безчисленные перемены быстрой жизни, не могутъ не только залечить ихъ, нѣтъ! сколько-нибудь унять нестерпимую боль, которая отъ времени усиливается до смертельной степени....

— Расскажите, Джудита! расскажите вамъ несчастія. Вамъ будетъ легче, когда друзья будутъ раздѣлять съ вами тягостное бремя.

— Пожалуй! отвѣчала Джудита. Нелюбопытная невѣсть, но для васъ обоихъ очень важная и поучительная. Не станемъ откладывать. Депортъ скоро возвратится. Слушайте.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ :

Дасудита Ваоли.

(Первый эпизод.)

Ma mère, il faut me marier,
Car Mazarin est arrivé ;
J'ai promis à ce drôle
Qu'ai le désir de l'épouser
Pour avoir ses pistoles.

— Ma fille, il vous le faut quitter
Et tous les présens refuser,
Quoiqu'il ait bonne mine ;
Car si vous l'aviez épousé,
Vous seriez mazarine.

— Ma mère, vous avez grand tort :
Vous savez que je l'aime fort.
Et sachez que je saurai bien
Jouer mon personnage.

MAZARINADES, 1649.

I.

НОТЪИ.

« Я родилась далеко отсюда ; но вы , я думаю , часто слышите про мою отчину . Три великія царства смотреть давно , и съ такимъ упорствомъ , за ключекъ земли , какъ-будто на немъ растутъ драгоценные камни и металлы . Богата моя отчина , богата красотами природы , богата виноградниками и плодами ; но люди бѣдны , городовъ нѣтъ , торговое мѣстечко — наша столица , нашъ Парижъ . Ада пробѣгаетъ по всей долинѣ и уходитъ въ Италию . Альпы какъ-будто родились у насъ , и пошли на северъ . И отъ этихъ родственныхъ связей земли нашей , мы ни Италианцы ни Швейцарцы :

слуги всѣхъ націй, лагерь всѣхъ европейскихъ войскъ. Сегодня Австрійцы, завтра Испанцы, тамъ Французы, иногда войска италійскихъ государствъ; тѣ ли, другіе ли, но ужь кто-нибудь да есть. Вальтелина не можетъ накормить всѣхъ этихъ гостей. Виноградъ, не дозрѣвъ, уходитъ изъ небольшихъ садовъ нашихъ; незваные гости безъ платы распоряжаются и другими нашими плодами: мулы вальтелинскіе подъ военными обозами; люди на мостахъ и дорогахъ, подъ сильнымъ присмотромъ, глядятъ пути врагамъ своимъ. И какая это египетская работа!.... Утромъ все въ порядкѣ, все на мѣстѣ : хоть города вези! Вдругъ, дикій ручей попадетъ на заваль, выскочитъ изъ русла и, пролагая новый путь къ быстрой Аддѣ, ломаетъ, рветъ, разбрасываетъ военную дорогу, работу бѣдныхъ Вальтелинцовъ....

« Давно, лѣтъ пятнадцать тому, и Вальтелинъ улыбнулось счастье. Чужіе ушли, но зато свои не остались въ покоѣ. Отставъ отъ коварнаго Милана, мы жили въ дружбѣ съ альпійскими сосѣдями, присоединились къ Граубюнтену и считались частію этого Кантона. Но тогда съ горъ безпрепятственно сошли въ нашу долину новыя вѣрованія, новыя проповѣдники. Быстро распространялась новая церковь : между отступниками отъ папизма былъ и отецъ мой ; мнѣ было тогда около девяти лѣтъ. Увлеченный новымъ ученіемъ, отецъ хотѣлъ чтобы и жена и дочь послѣдовали его призванію. Матушка пришла въ ужасъ, когда Гаэтано объявлялъ свою волю. Обнявъ меня крѣпко, она какъ-будто боллась, что дочь украдутъ черные проповѣдники германской реформы; упрекала отца въ отступничество; клялась не измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ и, однажды.... жена не было дома.... Богъ-знаетъ отъ чего, слегла въ постель. Гаэтано былъ неумолимъ. Недугъ матушки онъ приписывалъ упрямству; не позвалъ врача, и самъ не хотѣлъ озаботиться о несчастной. Болзнь усн-

лась, и когда опасность обнаружилась въ послѣдней степени, тогда только пошелъ онъ искать какого-то ученаго пришельца, который съ богословскими свѣдѣніями соединялъ лечебныя. Я одна осталась при матушкѣ. «Джудита, сказала больная едва внятно : бѣги къ отцу Антонію. Скажи, я умираю....» Я бросилась въ монастырь, и по дорогѣ кричала : «Матушка умираетъ! матушка умираетъ!.....» И когда отецъ Антонію съ Дарамі шелъ къ нашему дому, а я бѣжала за нимъ, едва поспѣвая отъ усталости. У воротъ нашихъ чернѣла толпа жителей Сондрію. Громко спорили. Какой-то черный человекъ доказывалъ толпѣ, что Маргариты Ваалъ не должно исповѣдывать, но приготовить къ смерти по новому правилу. Мы были уже у самаго порогу. Почти въ то же время подошелъ къ дверямъ и Гаэтано съ ученымъ Швейцарцемъ. Увидѣвъ отца Антонію, Гаэтано пришелъ въ бѣшенство, захлопнулъ двери и, держа ручку замка, оборотился къ намъ и закричалъ : — Не пушу въ домъ мой паписта, да не снѣдетъ на насъ проклятіе Господне! — «Пустите! сказала я : матушка умираетъ....» — Да не сопутствуетъ ей грѣхъ бесѣды съ козлищами и поклонниками Ваала! — «Маргарита умираетъ!..... раздалось въ толпѣ : пропусти, отступникъ, святаго отца!» — Нѣтъ! Я привелъ къ ней пастыря истиннаго, а этого не пушу! И вы, грѣшники, паписты, овцы въ волчьихъ лапахъ, опомнитесь и покайтесь!

«Въ отвѣтъ послышался глухой стонъ толпы и брызнулъ дождь камней. «Смерть отступникамъ!» Побѣждалъ крикъ съ улицы на улицу. Толпа раздѣлилась; ноги засверкали : двери стали свободны. Отецъ Антонію спокойно вошелъ въ нашъ домъ; я вбѣжала за нимъ дрожа и плача. Подходимъ къ матери : она открыла глаза. Вдругъ, всѣ окна задрезбужали, и посыпались камнями съ крыши на полъ. Маргарита хотѣла приподняться, и отошла. — «Волки, дѣти Ваала! пейте

«Кровь праведника!» закричалъ отецъ мой въ дверяхъ и узналъ мертвый на порогъ.

«Я выбѣжала на улицу, кричала «Помогите!» но никто не хотѣлъ слушать, всѣ бѣжали съ ножами; со мною дымилась кровь. Я встрѣтила знакомыхъ, но и тѣ, убѣгая, кричали: «Благодари Бога, Джулита! мы истребили еретиковъ!»

«Сама не зная куда и зачѣмъ, я бѣжала за ними. Уже на долину я опомнилась и вернулась. Сондріо опустѣло: ни живой души на улицахъ; кое-гдѣ встрѣчала я группы; изрѣдка слышала въ домѣ стоны умирающихъ. Страхъ придавалъ мнѣ быстроту, крылья. Вбѣгаю домой, и вижу: монахи съ отцомъ Антоніо уже приготовили тѣла родителей моихъ къ погребенію.... Странно: я не плакала! Тѣсно было душѣ моей; сердце немило: я глядѣла на все съ изумленіемъ, съ какимъ-то деракимъ ужасомъ. Да! мнѣ было страшно, а я любовиствовала, спрашивала, прикасалась къ ранамъ отца моего, и когда, подъ-вечеръ, монахи подняли мертвецовъ и двинулись въ путь, я пошла за ними уже со слезами, кричала, даже сердилась, зачѣмъ унесли у меня отца и мать.... Я не могла вообразить, что они умерли. Процессія медленно шла по пустымъ улицамъ Сондріо. При встрѣчѣ каждаго трупа два монаха насъ оставляли и принимались за покойника. При нѣкоторыхъ мертвецахъ мы уже находили монаховъ другаго ордена и также съ готовыми гробами. Мы были близко монастыря и кладбища. Вдругъ, густыя толпы народу, съ ножами на-голо, загородили дорогу.... — «Стой! кричали многи: бросьте отступниковъ! Ужо мы похоронимъ ихъ въ Маллеро и Аддъ... А теперъ спѣшите въ церкву: служите Те Деумъ: Вальтелина очищена отъ еретиковъ!» Но монахи покойно продолжали путь свой. Увидѣвъ меня, жители Сондріо закричали: — «Какъ? и Гаэтано Ваоли?...» И монахи не успѣли опомниться, какъ уже гробъ отца моего былъ въ рукахъ народу, и

его понесли къ тому мѣсту, гдѣ ручей Маллеро бросается въ Адду. «На, голубая, женишка!» закричала толпа, и Гаэтано исчезъ въ шумномъ потокѣ Маллеро.... Я все время шла за трупомъ отца, молила, плакала, но никто меня не слушалъ..... Когда волны поглотили Гаэтано, съ веселыми криками побѣждалъ народъ въ церкви. Я осталась одна; глядѣла въ волны: отца не было. Прислушивалась, не кричитъ ли онъ? но въ отвѣтъ — шумъ Маллеро и отдаленный гулъ, необыкновенный, страшный. Казалось, весь воздухъ дрожалъ! Раздалась колокола въ нашемъ Сондріо: имъ отвѣтили въ Тирано; сверглося. По всей долинь, въ разныхъ мѣстахъ, горѣло пожарное зарево, гудѣли колокола: мнѣ казалось, будто я слышу звонъ изъ Кіавенныи Ворміе. Наступила ночь; стало страшно; бѣгу домой: по улицамъ еще не успокоились люди. Дома мнѣ стало еще страшнѣе. Я приближала къ сосѣдкѣ, которую очень любила покойная матушка: она жила окнами противъ оконъ моего дому. — Гдѣ ты пропадала, Джулита? спросила она съ приметною радостью: и мы, и дѣти, вездѣ тебя искали! Ну, слава Богу, хоть ты жива! — «Но батюшка!..» — По-дѣломъ ему! палкой хотѣлъ жену вверь учить, еретикъ окаянный! Забудь объ немъ, Джулита, а помилуйсь объ несчастной матери. — «А что, матушка?..»

«Горько улыбнулась Катарина, взяла меня на руки и унесла къ своимъ дѣтямъ. У нея было два сына и дочь. Дочь, Марія, была гораздо по-старше меня; танцъ, что черезъ годъ думали и замужъ выдать: она обидѣлась моему приходу, и скоро усномецла мое дѣтское горе. Мы уснули вмѣстѣ на одной постели.

II.

ЖЕНЩИ.

«Лучшее время моей жизни — это годы сиротства. Материнская привязанность Катарини, дружба Марии, внимательность всего дому, казалось, съ избыткомъ замѣнили мнѣ суроваго отца и слабую, хворую мать. Мария вышла замужъ за какого-то флорентинскаго кавалера: онъ оставилъ войну и уѣхалъ съ женою въ отчизну. Дорого стоило Катаринѣ растаться съ дочерью, тѣмъ болѣе что, уже послѣ свадьбы, открылось, что Мария, несмотря на всѣ достоинства флорентинскаго богача, не можетъ любить его. Сердце Марии принадлежало французскому офицеру, нѣжному юношѣ, который, сколько помню я, назывался д'Орбиньи, и передъ самой свадьбой долженъ былъ отправиться въ походъ, отложивъ объясненіе съ Катариной до заключенія мира, котораго тогда всякой день ожидали. Мария уѣхала, и вся привязанность доброй матери досталась на мою долю. Я подрастала; люди останавливались, глядя на меня; восхищались моими глазами, станомъ, осанкой, походкой, рѣчами. Пришла пора: Катарина искала жениха, но непременно въ Сондріо. Лишиться второй дочери, на это не могла рѣшиться добрая Катарина: и женихъ отыскался.

«Я не умѣла еще любить. Подѣрите: любовь искусство; ему надо учиться. А эти пламенные страсти, *пришелъ, душилъ, полюбилъ*, имѣютъ еще четвертый, столь же краткій, быстрый, періодъ, то есть, *и разлюбилъ*. Молодая дѣвушка любить, какъ будущій музыкантъ, еще ребенкомъ, уже правильно инстинктивно пѣсню: но развѣ это музыка?... какъ молодой живописецъ чертитъ уголькомъ на стѣнахъ и ставитъ головки, фигурки, деревья и домики: но развѣ это живо-

нись?... И развѣ наша первая дѣвичья любовь въ самомъ дѣлѣ любовь! Не сердитесь, мои друзья, а я считаю каждую первую любовь предчувствіемъ, школой; меньше: азбукой!.... И мнѣ хотѣлось любить кого-нибудь, потому что Марія любила своего д'Орбиньи; а матушка покойнаго отца, Катарина своего чудотника.... и вообще всѣ женщины Сондріо любили, то австрійскихъ, то испанскихъ, то французскихъ воиновъ: патріотизмъ въ этомъ случаѣ онѣ прятали въ молитвенникъ, потому что въ церквахъ только, всѣ, единодушно, усердно молились объ освобожденіи Вальтелины отъ влнствія варваровъ. Я не могла подражать своимъ сверстницамъ. Катарина строго смотрѣла за мои связи и знакомства, и я, отъ скуки, полюбила молодого Француза. Вся конная рота, составлявшая гарнизонъ нашего мѣстечка, состояла подъ его начальствомъ. Жоржъ былъ постарше д'Орбиньи, но геройскій видъ, воинственное лицо, открытый, прямой характеръ, любовь къ нему всѣхъ жителей, поселили во мнѣ великую страсть. Отъ сверстницъ я не могла укрыться: слухи и сплетни дошли до Жоржа. Сажу я однажды у окна и мечтаю о моемъ Жоржѣ: вошла Катарина, услыхавъ противъ меня и, послѣ краткаго молчанія, начала говорить торжественно: — «Послушай, Джулиа, пора тебѣ и пристроиться. Съискался и женихъ въ Сондріо.» Я поблѣднѣла. Катарина продолжала: «Ты, вѣрно, замѣтила: пойдешь ли ты въ церковь, къ сосѣдямъ, на прогулку, какъ съ неба всегда явится молодой человекъ.....»

«Мнѣ сдѣлалось дурно; я не могла не узнать въ этомъ молодомъ человекѣ сына нашего головы, богатаго наследника многихъ виноградниковъ и многихъ мѣшковъ золота. Но какой онъ женихъ! Ни одна изъ моихъ знакомыхъ не была влюблена въ него; онъ никогда не тѣдилъ верхомъ на андалузскомъ конѣ мимо моихъ оконъ: всегда въ черномъ, какъ швейцарскій пропо-

важнѣе, даже въ обращеніи его: заплата была протерта по нѣмъ лацценымъ, которыхъ, послѣ смерти отца моего, я никакъ не видѣла. Я сжвпилась и хотѣла, во что бы то ни стало, дослушать добрую Катарину. — «Піетро д'Аррела, продолжала она, влюбленъ въ тебя дѣтское, что его; право, жаль.» Я стала внимательнѣе. «Онъ написалъ цѣлую книгу о любви, гдѣ превозноситъ тебя похвалами. Любовь его достигла послѣднихъ предѣловъ, и, если ты не рѣшишься подарить его отцуиомъ, онъ оставитъ наше Сондріо навсегда. Повѣрь, это не угроза. Во всей семьѣ—твердый, упрямый характеръ; но все исполнено чести и достоинства.... Ну, такъ; Джудита» — Матушка, отвѣчала я довольно спокойно: я не люблю Піетро.

— Не успѣла я сказать этого; двери отворились, и въ нихъ показалась голова Піетро. Лицо его въ эту минуту было истинно-прекрасно; грусть и двѣ большія слезы придавали глазамъ его романтическую томность. — «Простите! почти шепотомъ сказалъ онъ: простите навсегда!» Я была тронута, Катарина глубоко опечалена. «Всечивъ съ мѣста, я не знала куда дѣваться, что снзачь зѣлоно острымъ нежомъ провели по сердцу и точно зѣлили пѣлебнымъ масломъ.... Катарина глядела на меня, какъ-будто ожидая, что я обрадую ее друтиль отивтомъ на предложеніе Піетро. Но его уже не было! Изъ она и видѣла какъ онъ кому-то кланялся и благодарилъ: но кому? Я не смѣла взглянуть въ окошечко.... Двери растворились. Вошелъ Жоржъ. ставте весь ужасъ моего положенія! Радость, опасаенія, шисли о: Піетро, догадки насчетъ такого неожиданнаго посвященія.... Жоржъ подошелъ, весьма почтительно поклонился, и сѣлъ возлѣ, безъ приглашенія: — «Дэбрад Джудита, сказалъ онъ задумчиво, не глядя на насъ: простите, если я пришелъ уничтожить зародивши чувства, которое такъ легко вспыхиваетъ въ сердци молодой дѣвушки, и отстранить отъ совѣсти

моей грѣхъ, что я была виновна причиною! аргументъ добраго моего друга Пьетро д'Аргола; а не въ силахъ перенесеть потерю Джудиты. Можетъ-быть слухи слишкомъ лестны для меня; можетъ-быть люди хотѣли пошутить надъ вашимъ простодушіемъ; но... а выслушать!»

«Мнѣ не на шутку съдѣлалось дурно; онъ, ничего не отвѣчая, продолжалъ: — «И даже для васъ, очаровательная Джудита, не извиню чудной жезы моей, хотя она за горами, въ далекомъ Нарижъ.... Вѣрность королю, вѣрность въ дружбѣ и любви, вотъ старая, заслуженная слава капитана Валероля!....»

— Моего отца?... спросила съ трепетомъ Эвелина.

Альредъ также не удержался отъ восклицанія.

«Рѣчь капитана убила меня, продолжала Джудита; не отвѣчая собесѣдникамъ: я совершенно смѣшалась; добрая Катарина отъ удивленія онемѣла, и, всплеснувъ руками, глядѣла на меня съ выраженіемъ унынія и оскорбленія. Капитанъ хотѣлъ сколько-нибудь утѣшить старушку и оправдать меня въ глазахъ второй моей матери, но не успѣлъ сказать трехъ словъ, какъ раздались колокола; улица покрылась народомъ; ударили въ набатъ. На быстромъ конѣ къ окошку подскочилъ драгунъ; я спряталась въ уголъ... — «Что такое Помпей?» спросилъ капитанъ.

— Удивительно!... это Гаръ-Шюнь! вскричала Эвелина.

«Вѣроятно. — «Непріятель! отвѣчалъ драгунъ... Будетъ сраженіе. Рота сейчасъ прыскачетъ. Люди уже показали гдѣ вы, капитанъ, и имъ покажутъ.»

«Рота драгунъ неслась по улицѣ. Капитанъ уже былъ на конѣ; мы слышали, какъ онъ разспрашивалъ о непріятель. — «Сильный отрядъ, капитанъ, отвѣчалъ тотъ же драгунъ: съ пушками!» — Австрійцы или Испанцы!» «Испанцы,» кричали драгуны. — Что дѣлать! уйдете»

на горы: до моря до времени: а всему виноваты генералъ Нешинъ! ..

и / рота: вѣснвала. Волненіе на улицахъ продолжалось; сподвижники забирали ставни, и наши кто-то заперли съ улицы; мы остались въ темнотѣ. Катарина, испуганная, изумленная, не могла ни говорить ни встать; я, спрятавшись въ уголъ при первомъ появленіи драгуна, не смѣла изъ него выйти; меня занимадала не война: мы такъ уже привыкли почти къ ежедневнымъ перемѣнамъ военнаго постою, что скучали, когда одни изъ же войска долго засиживались въ Сондріо; нѣтъ! я считала капитана измѣнникомъ, неблагодарнымъ: мнѣ казалось, что онъ женился нарочно чтобы меня унижить. Мнѣ стало жаль Піетро, совѣстно передъ Катариной, стыдно передъ сверстницами..... Наконецъ старушка пришла въ себя и тихо спросила: — «Ты здѣсь, Джудита!» — Здѣсь! отвѣчала я такъ тихо, что Катарина повторила свой вопросъ. — «Что все это значитъ? расскажи мнѣ, Джудита!» — Я не знаю, матушка. Вы сами слышали.... Испанцы.... — «Что намъ до нихъ! не всё ли одно кто будетъ грабить бѣдную Вальтелину?..... Но ты скажи мнѣ....» — Матушка! простите!.... — Я бросилась въ ея объятія и, заливаясь слезами, рассказала ей, со всею искренностью, краткую повѣсть моей любви. Катарина захохотала: я обидѣлась; но насъ помирилъ пушечный выстрѣлъ. Сраженіе завязалось противъ нашего дому. Выстрѣлы и стукъ сабель дробились еще около полу-часа, мѣшаясь съ криками и топотомъ копей; вдругъ все утихло. Мы осмѣлились отворить двери, калитку; выходимъ на улицу: нѣсколько человекъ раненыхъ лежатъ на площадкѣ; вдали видны войска; французская рота ушла, Испанцы ее преслѣдовали..... Незамѣтно выползли и другіе сосѣди, окружили раненыхъ; между ними было человекъ двѣдцать Испанцевъ, два Француза и Піетро д'Аргола.... Они увидѣвъ меня, когда его несли мимо нашего дому:

— «Просты, Джудита!» закричала она такимъ прощальнымъ голосомъ, что я безъ чувства упала на руки Катарины.

III.

НОВЫЕ ГОСТИ.

«Я очнулась отъ новаго шума: на улицѣ играли трубы и раздавался мѣрный топотъ лошадей.—«Это наши, сказала Катарина: не бойся, Джудита, это наши!»

«Я, съ постели, видѣла смѣшныя фигуры италіанской конницы. Несмотря на слабость, я встала и подошла къ окну; сильный отрядъ разношерстныхъ италіанскихъ войскъ, какъ стѣна, медленно подвигался по улицѣ.—«Давно не видали!» сказала я, принуждая себя улыбнуться. Отрядъ ѣхалъ еще медленнѣе; нерѣдко по тѣнотѣ улицъ останавливался и опять трогался съ мѣста. Вдругъ, что-то ихъ весьма долго задержало. Передъ нашими окнами, на красивомъ черномъ конѣ съ красноватыми огненными глазами, убранномъ перьями и турецкой сбруей, сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати семи, осьми. Черныя кудри сыпались изъ-подъ золотой каски, осѣненной множествомъ разноцвѣтныхъ перьевъ; золотыя легкія латы обливали стройный станъ всадника; красный крестъ—на груди, красный крестъ—на голубомъ небольшомъ знамени, которое, высоко, подъ золоченымъ остриемъ копія, играло съ вѣтромъ: все вооруженіе обнаруживало начальника или, по крайней-мѣрѣ, богача. За нимъ, также въ каскахъ и въ черныхъ латахъ съ красными крестами, на дурныхъ

наконецъ, ошарено и ушла сидѣли цѣдня. Мы убѣданы
наилучшее войско. Но, признаюсь, ихъ начальникъ сторе-
сь моей памяти, по-крайней-мѣрь въ ту минуту; и
Жоржа и Пьетро. Я невольно охорашивалась, улыба-
лась, глядя на пляску неустойчивой лошади; наконецъ
встрѣтилась взорами съ красивымъ всадникомъ: онъ
улыбнулся; я покраснѣла. Отрядъ тронулся, и всадникъ
съ особенною пріятностью намъ поклонился. Мы объ-
встали и отвѣтили почтительнымъ поклономъ начальни-
ку войскъ его святѣйшества. За такимъ богатымъ пол-
ководцемъ я ожидала цѣлой арміи, но, къ удивленію,
прѣвхало не болѣе ста человекъ, и потянулся обозъ
отряда. Вошелъ Паоло, сынъ Катарины. — Ну, что
слышно? спросила старушка. — «Господи Боже мой! от-
вѣчалъ грустно Паоло: десять тысячъ въ Сондріо, ко-
гда насъ самихъ и трехъ тысячъ не будетъ!» — Да не-
ужели все остановится у насъ? — «По-крайней-мѣрь се-
годня; особенно, когда узнали, что въ долину Испа-
нцы.» — Что же голова? — «Да что! генералу Конті
уступилъ свой домъ, а венеціанскому сенатору назна-
чилъ вашъ домъ, матушка.» — Мой домъ?... А куда
же мы сами дѣнемся? Развѣ переехать напротивъ, въ
домъ Джудиты? — «Нѣтъ матушка; нынче и сирот-
скихъ правъ не уважаютъ: домъ Баоли назначить
нашему капитану.»

«Ахъ, какъ я обрадовалась! Милые друзья, я думала,
звѣрно самъ Богъ такъ устроилъ. Любовь къ Жоржу, уча-
стіе, теплое участіе къ бѣдному Пьетро, исчезли. Я во
весь вечеръ не отходила отъ окна, и вся задрожала, ко-
гда капитанъ, сопровождаемый слугами, множествомъ
лошадей и обозомъ, подъѣхалъ къ моему дому, и, лас-
ково, дружески, какъ старый знакомый, поклонился
Джудитѣ. Долго онъ раздавалъ приказанія, стоя у во-
ротъ и не сводя глазъ съ моего окна; наконецъ ушелъ
въ домъ, но не забылъ поклониться. Окно раскрылось;
капитанъ, безъ шлема и латы, въ бархатномъ розовомъ

камволь съ серебряными шнурами, голубыми оплоти-
тами и блестящими пуговицами, надевалъ къ окну.
Несмотря на малый его ростъ, въ жизни моей я не ви-
дала такого красавца! Но смерилось. Паоло заперъ
ставни; мнѣ стало очень скучно. На бѣду, Катарина не
переставала громко сердиться на голову, и къ каждому
обвиненію прилагала вопросъ: « Не правда ли, Джу-
дита?» Пріѣхалъ и нашъ постельщикъ. Лошади и люди
не могли помѣститься на тѣсномъ дворѣ Катарины;
сенаторъ такого надѣлалъ шуму, что голова, въ тотъ
же вечеръ, перемѣстилъ его къ своему зятю; но зато
на постой къ намъ прислалъ флорентинскаго сержанта,
у котораго была только лошадь да трубка. Кавардоче,
такъ называли его, былъ сговорчивъ, удовольствовалъ
своею комнатою, съѣлъ, что дали, легъ, гдѣ показали
и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

« На другой день я встала раньше обыкновеннаго и
уже сидѣла у окна съ моими пальцами. Работа шла
медленно; я ошибалась безпрестанно: надобно было
выдерживать цѣлые цвѣтки, вышитые не по образцу,
или не на мѣстѣ, или не тѣмъ шелкомъ. Отъ ожиданія
продолжительнаго, отъ тяжкаго нетерпѣнія, я почти
захворала; досадныя слезы неволью навертывались на
глаза; иногда, въ забытѣ, я отгоняла докучную муху,
а мухи, я думаю, тогда во всемъ Сондріо не было: глу-
бокая осень съ безконечными дождями наводняла нашъ
Маллеро, и, бурная, полная, Адда катилась мутными вол-
нами. Наконецъ отворилось окно. Какъ весеннее утро
показался юноша: слуги одѣвали капитана; онъ на-
девалъ бѣлый бархатный камволь съ пунсовыми обшла-
гами, покрытый на груди пунсовыми шнурами, и сѣлъ
у окна; слуги принесли столикъ, завтракъ и шкатулку.
Капитанъ сталъ чистить ногти. Не успѣлъ онъ распо-
ложиться у окна, какъ поцолали къ нему гости. Вскорѣ
самъ генералъ Торквато Конти вошелъ въ домъ мой.
Капитанъ всталъ и, весьма развязно, ловко, безъ одѣ-

датской принужденности, принялъ генерала. Разговоръ нѣтъ былъ продолжителенъ. Капитанъ, какъ я по всему замечала, не соглашался съ генераломъ; Конти и все гости настаивали, упрашивали, и наконецъ все разошлись. Потому уже сказывалъ онъ мнѣ, что его убѣждали ѣхать во Францію для переговоровъ, но онъ для меня отказался отъ этой чести. Капитанъ сѣлъ снова къ окну, сталъ чистить ногти и улыбался.... такъ мило, такъ лукаво!... Вошелъ къ нему Паоло. Капитанъ что-то сказалъ ему и Паоло прибѣжалъ къ намъ.

— «Матушка! матушка! капитанъ узналъ, что домъ принадлежитъ Джудитѣ и непременно хочетъ познакомиться съ хозяйкой.» — Я покраснѣла, и углубилась въ работу, будто не слышу. — «Милости просимъ, сказала старушка: мы отъ такой чести никогда не прочь; кажется, очень знатный и порядочный человекъ.»

«Мы познакомились.

IV.

СВАДЬБА.

«Ахъ, милые друзья! к чему вамъ рассказывать, какъ горячо мы полюбили другъ друга, какъ легко обманывали Катарино, дѣтей ея, сосѣдей? Но вскорѣ блаженство мое смѣнилось ужасомъ: невозможно было скрыть моего положенія. Первая угадала тайну Катарино. Ни одного упрека, ни какого наставленія; но, убѣдясь въ горькой истинѣ, она отправилась къ капитану. Я была совершенно спокойна: меня пугала одна Катарино; но, когда минула тяжелая минута объясненія,

когда я увидѣла, что матушка не сердится, не горюетъ, а опять стала весела по-прежнему и мѣхль быть матерью, женою, утѣрила блаженство моеи любви. Я не сомнѣвалась въ Джулію, потому что и день и часъ моего союза уже были назначены; Джулію просилъ только о временной тайнѣ. Катарина возвратилась съ веселымъ лицомъ, не мѣгла нахвалиться обхожденіемъ Джулію, рассказала, что встала его въ бесѣдѣ съ нунціемъ кардиналомъ, который ѣдетъ въ Францію, и съ генераломъ Торквато Контти. Когда эти важныя особы удалились, назвали Катарину. Джулію самъ предупредилъ неприятное объясненіе, и рассказалъ свои намѣренія; но важныя политическія причины не позволяли браку совершиться въ Сондрію, и онъ не зналъ самъ, гдѣ бы лучше исполнить обрядъ, въ Кіавеннѣ или въ Тирано.

— «Въ Кіавеннѣ, сказала старушка, у меня нѣтъ никого знакомаго.» — Зато у меня, отвѣчалъ Джулію, есть тамъ свои люди; я тотчасъ напишу туда. Приготовьте Джудиту къ отъѣзду; я спѣшу этимъ дѣломъ, чтобы успокоить васъ, добрая Катарина. Сегодня же я пришлю за нею людей: но, ради самого неба, не погубите насъ нескромностію! Мѣсяцъ молчавія — и все уладится. А жениться надо; если бы можно было, сейчасъ, сію-минуту. Я человекъ военный: Богъ знаетъ, что можетъ случиться! Но съ моимъ состояніемъ, она будетъ спокойна; совѣсть чиста, счастье жизни упрочено, честь ребенка..... Однимъ словомъ, откладывать нельзя.

— «Вотъ какой благородный человекъ! сказала со слезами Катарина. Грѣхъ — дѣло житейское; но такъ честно заглядить преступленіе, такъ спѣшить исправленіемъ ошибки.... это качество нынче рѣдко встрѣтись!»

«Представьте мою радость, мое счастье!.... Конечно, я собралась очень скоро; по условію я должна была тотчасъ послѣ брака отправиться въ Миланъ, и тамъ ждать Джулію, который обѣщалъ туда пріѣхать ровно

черезъ мѣсяць : къ этому времени , не знаю почему , ожидали недолгого окончанія войны . Остальную часть дня мы прощались съ Катариной ; я обѣщала въ продолженіе моего временнаго вдовства навѣстить Марию , а потомъ пріѣхать погостить къ старушкѣ . Смерилось ; пришелъ Джуліо . Первый разъ безъ страха , какъ супруги , мы бросились въ объятія другъ друга : Джуліо плакалъ отъ радости , цѣловалъ руки счастливой Катаринины : наконецъ мы приняли ея благословеніе , и ушли . Старушка съ умысломъ послала за чѣмъ-то и дѣтей и слугъ , кого въ Тирамо , кого въ окрестные монастыри , и сама свѣтила намъ на мѣстницѣ . Кавардоне спалъ . На дворъ ожидала меня богато убранная лошадь и пацскіе усатые и бородатые латники . Съли всѣхъ на лошадей . Я спазала Катарининъ послѣднее «прости» , и мы тронулись въ путь . Изъ воротъ мы наворотили направо , мимо дому : въ окнѣ торчала моя Катарина ; луна странно освѣщала старое лицо , и она стояла будто гостя съ того свѣта : мнѣ стало грустно . — «Прости , Джуліта!» прошептала она . — «Прости , Джуліта!» повторилъ пронзительный голосъ . Я чуть не упала съ лошади . Подъ окномъ стоялъ Піетро , такой страшный , такой блѣдный!.... — «Смѣлый , смѣлый!» прошептала Джуліо , и мы прибавили ходу .

«Наскоро я могла уснокоиться . Разнообразіе ощущеній ; непривычка къ верховой ѣздѣ , особенно въ морѣ положеніи ; скользкая , узкая , дорога ; на каждомъ шагу опасность : мнѣ събѣдилось дурно.... Нѣжная заботливость Джуліо была лучшимъ лекарствомъ , и мы шагомъ пробирались къ Кіавеннѣ ; въ пріятномъ разговорѣ , я почти не замѣтила переѣздовъ . Мы пріѣхали въ Кіавенну поздно ночью : луна скрылась ; стало очень темно ; на улицахъ мы не встрѣтили живой души . — «Все ли готово ? ждутъ ли насъ?» спросилъ Джуліо . — «Будьте спокойны ! Я повѣдую зарядить собою пушку , если Діаволо не уладитъ дела . — «Иа право!» — сказалъ

кто-то въ темнотѣ. — «Діаволо, Діаволо!» прошепта-
ли слугинки. — «Ну, что?» спросилъ Джуліо, и голосъ
его дрожалъ. — Все готово, отвѣчалъ Діаволо: насп-
луладилъ. Отецъ Сильвестръ непременно хотѣлъ знать,
кто вы. — «Ну, что же? надо было сказать и запла-
тить за тайну.» — Я такъ и сдѣлалъ. Но отецъ Силь-
вестръ не иначе согласился какъ на томъ условіи, что-
бы обрядъ совершился безъ свѣчъ. — «Что ты! съ ума
сошелъ!» — Нѣтъ; по-мнѣ такъ онъ правъ: зажгутъ
свѣчи, пойдетъ по городу тревога, сбѣгутся. — «Со-
вершенно справедливо!» сказала я. — Ну, нечего дѣ-
лать! Надо согласиться, хотя это странно. — «Да поз-
вольте! вы не Джуліо, а Филиппо», сказалъ Діаволо.
— Это почему? — «Ужъ не извольте беспокоиться; въ
бумагъ все написано, какъ слѣдуетъ, а въ церкви свое-
го имени не произносите: тамъ будутъ и прислужники,
а они даже имени вашего знать не должны.»

— Очень умно, сказала я.

— «Да какъ же не умно! замѣтилъ Діаволо: какъ на
бѣду, самъ кардиналъ Бани уже здѣсь, и если узнаетъ
какъ-нибудь, что ночью вѣнчали капитана Джуліо изъ
Совдрио, догадается: чего добраго!... надѣлаетъ шуму,
напишетъ къ вашему отцу: все пропало; будете съ же-
вой ходить по міру; мѣсяцъ обождать не долго.»

Мы подъѣхали къ церкви. Латники остались у па-
верти, гдѣ приготовлена была крытая повозка для мо-
его отъѣзду въ Миланъ. — «Я изъ церкви провожу те-
бя, Джудита, сказалъ Джуліо, до перваго городка. —
А вы ступайте впередъ и поджидайте насъ.» — Слу-
шаюсь, отвѣчалъ Діаволо.

Мы вошли въ церковь. — «Ахъ! надобно еще ска-
зать слово», продолжалъ Джуліо и вышелъ на паперть;
ко не прошло мгновенія, онъ воротился, взялъ меня за
руку и повелъ къ алтарю. Мы оба дрожали, особенно
я. Я слышала, какъ ускакали всадники.

«Обрядъ совершился; мы въ повозкѣ. Наступила блаженнѣйшая минута: я осыпала горячими поцѣлуями уже супруга, онъ прижималъ меня къ сердцу, и, тихо шепотомъ, умолялъ успокоиться, заснуть, отдохнуть отъ всѣхъ хлопотъ, страху, усталости. Лошади мчались: я уснула въ объятіяхъ Джуліо.... О! зачѣмъ проснулась?.... Было свѣтло; мы поднимались на альпійскія высоты.... мужъ мой спалъ.... Но то былъ и Джуліо!.....»

— Кто же? спросили съ ужасомъ Альфредъ и Эвелина.

— Филиппо Деллапорта!

V.

ЗАМУЖСТВО.

«Не стану вамъ рассказывать моего отчаянія, распросовъ, проклятій, болѣзней, попытокъ бѣгства, иногда и грѣшныхъ намѣреній лишить себя жизни. Все это было очень естественно въ моемъ положеніи. Скажу вамъ только, что настоятельные, дерзкіе вопросы, сопровождаемые, признаюсь, даже ругательствами и угрозами доставили мнѣ только тѣ свѣдѣнія, что Филиппо Деллапорта, неаполитанскій живописецъ, по бѣдности шелъ искать счастья во Францію, промышляя дорогами на путевые расходы; что Діаволо или, какъ называли его Филиппо, синьоръ Ланети, встрѣтилъ Деллапорта въ Кіавеннѣ, познакомился и, когда узналъ, что Филиппо холостъ, крайне бѣденъ и пробирается во Францію Ланети предложилъ ему три тысячи ливровъ и мецц При совершенной нищетѣ, три тысячи ливровъ кажда

Филиппу цѣлой государственной казной, и онъ согласился. Кто былъ Джуліо, кто я, все это для него оставалось тайной: онъ получилъ половину денегъ впередъ, вторую обѣщали ему заплатить въ Гренобль, гдѣ мы и остановились на нѣсколько дней. Тамъ мы нашли сильныя отряды французской арміи съ кардиналомъ-генералиссимусомъ..... Слабость, раскаяніе въ легкомыслии, стыдъ возвратиться на родину, страхъ совершить грѣхъ смертельный.... я рѣшилась на-время покориться жребію! Жизнь и здоровье ребенка еще болѣе заставляла меня быть благоразумною. Деллапорта былъ еще довольно молодъ.... лѣтъ тридцати пяти шести; довольно хорошо образованъ, не дурно нѣлъ, говорилъ прекрасно.... Я начала мириться съ моимъ положеніемъ, но мы жили съ нимъ какъ добрые знакомые, которыхъ судьба на всю жизнь поставила подъ одну крышу. Мысль о мести не оставляла меня; но сказать объ этомъ Деллапортѣ я опасалась: можетъ-быть месь моя несогласна будетъ съ его расчетами, а, главное, съ его врожденною трусостью. Замѣтите, что я, даже въ припадкахъ отчаянія и бѣшенства, не назвала Джуліо по фамиліи: я рѣшилась скрыть ее до поры до времени даже отъ мужа. Въ Гренобль Филиппо получилъ свои деньги, ночью, отъ того же Діаволо, который, положивъ передъ соннымъ Филиппомъ шокъ, скрылся, и слѣдъ простылъ. Мы переехали въ Ліонъ, кое-какъ устроились. Родились близнецы, Джуліо и Джироламо.... Материнскія заботы совершенно изгладили послѣднія воспоминанія объ измѣнникѣ. Я опять похорошѣла, такъ, что самъ Филиппо нерѣдко засматривался на жену свою: онъ рѣшался даже напомнить о правахъ своихъ, но, какъ помогло мнѣ небо, я всегда грозно встрѣчала его требованія и наконецъ онъ обо мнѣ пересталъ думать. Деньги наши израсходовались. Филиппо принялся за работу, и я замѣтила, что онъ, не живописецъ, а простой маляръ. Онъ началъ расписывать лѣстницы и

комнаты: богатѣйшіе купцовъ люонскихъ: въ этомъ онъ очень былъ искусенъ, и плата за его ничтожные работы была довольно значительная, такъ, что совершенно обеспечивала наше существованіе. Делланорта примѣтно началъ скучать своею женитьбой: мы почти не видались, хотя занимали только два покоея; нѣрѣдка онъ приходилъ въ мою комнату, сердился на расходы и совѣтовалъ.... что бы вы думали?... стыдно вымолвить.... Но однажды онъ пришелъ домой поздно ввечеру, обмѣлился со мной необыкновенно ласково: учтивостямъ не было конца; онъ помогалъ мнѣ убаюкивать дѣтей; они уснули, и Делланорта, или Депортъ, взялъ меня за руку.

— «Джудита, сказалъ онъ съ чувствомъ: мы въ ираиности; работы по зимѣ прекратились; весь дворъ въ Люонъ; король не здоровъ, даже опасно; ты можешь представить, кому теперь до украшенія залъ и лѣстницъ живописными цвѣтками! Голодная смерть намъ угрожаетъ. Но ты можешь спасти насъ и дѣтей, обогатиться, жить счастливо. Ты такъ молода!.... Ты такъ жаждешь любви!.... И, конечно, не я тотъ счастливецъ, кому назначены первые восторги послѣ дву-лѣтняго замужняго вдовства. Воспоминанія разлучили насъ на вѣки.... Тягостное бремя для мужа—такая жена и такіа дѣти!..» Онъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на колыбель, гдѣ два нонъ ангела спали сладкимъ, невозмутимымъ сномъ. — «Такъ разойдемся, сказала я равнодушно. Я отдамъ дѣтей на руки добрыхъ людей, а сама пойду въ монастырь». — Разводъ! Ты задумала развестись со мною? Но развѣ я даромъ содержалъ два года тебя и твоихъ поганыхъ щенковъ?—«Филиппо!...» Я схватила ножъ: онъ вырвалъ его, и продолжалъ въ бѣшенствѣ. — «Заплати за жизнь, которую ты погубила; заплати за независимость, заплати за отверженную любовь: за все, за все! Ты можешь это сдѣлать, Джудита, и случай уже представился». — Филиппо, Филиппо! кричала я. — «Ты знаешь его: еще на родинѣ онъ полюбилъ тебя;

мы будемъ жить вмѣстѣ, онъ будетъ учиться у меня живописи: ни какихъ подозрѣній; ни какихъ догадокъ.... Понимаешьли? А мы разбогатѣемъ: понимаешьли?»

«Я съ трудомъ понимала его; чувства меня оставили.»

— «Ты догадалась Джудита!.... ты согласна! Онъ стучится. Войдите, войдите, она ваша!»

«Двери отворились: вошелъ Пиетро д'Аргюла. Демлаворта скрылся. Я встала и съ трудомъ держась за спинку кресель, хотѣла закричать; но у меня не стало голоса.»

«Пиетро бросился на колѣна. — «Ради неба, будьте спокойны! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. Я пришелъ не съ тѣмъ чтобы васъ оскорбить, унижить: нѣтъ! все кончилось между нами; я женатъ, я счастливъ; но мнѣ положеніе меня тронуло. Я узналъ, что вы въ Люль: зову вашего мужа; съ первыхъ словъ я замѣтилъ, что онъ хочетъ продать васъ.... Боже Великій! подумай я, чего не изобрѣтеть корысть человѣческая! И кому достанется этотъ цвѣтокъ? Если такъ уже должно быть.... я отниму у него это страшное средство обогащенія.... И золотыя горы были предложены вашему мужу. Мы условились прибѣгнуть къ крайнимъ способамъ, въ случаѣ вашего несогласія.... Онъ и не знаетъ, что доставилъ мнѣ только часъ бесѣды съ вами на-единѣ, бесѣды послѣдней, бесѣды предсмертной.... Не пугайтесь, Джудита! Опасность не для васъ.... Садитесь и выслушайте.»

VI.

РАЗКАЗЪ ВЪ РАЗКАЗЪ.

«Я не женатъ и счастья не встрѣтилъ, говорилъ Пьетро: люблю васъ по-прежнему, но эти дѣти насъ разлучили на-долго, можетъ-быть навѣки. Вы уѣхали съ капитаномъ: я стоялъ у окна и простился съ вами съ твердымъ намѣреніемъ лишиться себя жизни въ ту же ночь. Я сражался съ Испанцами; напрасно: смерти не встрѣтилъ! И во второй разъ самоубійство мнѣ измѣнило!.... Пронзительный крикъ мой убилъ Катарину: я слышалъ, какъ она упала на полъ, и бѣжалъ домой... Ночью будятъ моего отца: погода была ужасная; Паоло со слезами рассказывалъ о смерти матери, о вашемъ бѣгствѣ, куда, никто не зналъ. Отецъ мой, по должности, приказалъ созвать старшинъ; всѣ отправились въ домъ Катарины. Я одинъ зналъ, что и какъ случилось; но измѣнить дорогой измѣнницъ, покрыть имя ея на родинѣ стыдомъ... нѣтъ! я васъ любилъ по-прежнему... Пусть лучше, думалъ я, невѣдомость докроетъ непроницаемымъ мракомъ, и ваше бѣгство, и ваши несчастія. О! я и въ нихъ не сомнѣвался; больше: я ни въ чемъ не почувствовалъ.... Отецъ воротился и улегся; но вскоре обнаружился жаръ, бредъ: простуда была слишкомъ сильна, помощь моя необходима, послѣдняя обязанность священной. Я похоронилъ отца, продалъ все имущество, и, узнавъ, что капитанъ посланъ въ Гренобль для переговоровъ съ кардиналомъ, отправился во Францію. Я не нашелъ его тамъ: онъ оставилъ военное ремесло и уѣхалъ съ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Бани, въ Ліонъ. Въ Ліонъ я опять не нашелъ его: слухи меня обманули; я узналъ навѣрное, что онъ подъ Казаломъ. Поздно пріѣхалъ я во французскій лагерь. Имя капитана Вальероля доставило мнѣ свободный

пропускъ и скорое свиданіе съ этимъ достойнымъ чело-
вѣкомъ. — «Что? не опять ли сражаться съ нами
противу Испанцевъ?» спросилъ онъ. — Пожалуй! от-
вѣчалъ я : только у меня есть небольшое дѣло, кото-
рое, думаю, лишитъ меня удовольствія сражаться подъ
вашимъ начальствомъ. — «Какое дѣло?» — Тайна. —
«Въ такомъ случаѣ и не спрашиваю. Конечно, вас
почтуте у меня?» — У васъ, капитанъ.

«Мы поужинали, заснули, но утромъ рано разбудила
насъ вѣстовая пушка. Черезъ часъ французскія войска
были въ боевомъ порядкѣ: я сѣлъ на коня, и приставъ
къ волонтерамъ, которыхъ всегда такое множество при
французскихъ знаменахъ.

«Изъ Казала раздались выстрѣлы; имъ оцѣтили
шестью пушечными ударами, и войска двинулись. Оста-
валось не болѣе няти сотъ шаговъ разстоянія между ли-
ніями испанской и французской. Ядра съ гуломъ разры-
зывали воздухъ; пули прыгали какъ крупный градъ.
Сквозь дымъ и пыль, войска увидѣли всадника въ одеж-
дѣ аббата; онъ издали махалъ бѣлымъ платкомъ и
кричалъ по-испански : «Раз, Раз! Tregua!...» Див-
ная картина!... смерть со всеми орудіями своими, казъ-
будто провалилась сквозь землю; войска, которыми
страшными, ослѣпительно блестящими, волнами мата-
лись другъ другу на встрѣчу, стали недвижны; воин-
ственные крики смѣнились могильнымъ молчаніемъ;
аббатъ прискакалъ на самую середину плащади, ко-
торая оставалась между враждующими войсками наста-
новився; показывая бумагу: начальники обѣихъ армій
выѣхали изъ рядовъ, окружили аббата, и черезъ мгно-
веніе, махая пальцами, закричали : «Миръ! Миръ!...»
Начались поздравленія. Всѣ кланялись аббату; намо-
локъ онъ повернулъ коня, и съ генералами подъѣхалъ
ко французской арміи. Онъ былъ близокъ и могъ раз-
смотрѣть его въ лицо... Джудита! аббатъ — былъ ка-
питанъ Джудитъ!... Я не зналъ что дѣлать; невольно

выскакали изъ рядовъ и приблизился къ тѣсному кругу генераловъ и капитановъ. Маршалъ Шомбергъ прочелъ условія мира; всѣ закричали: — Да здравствуетъ король и великій кардиналъ! — «Прощайте, сказалъ Джулио, до свиданія! Меня идутъ!» И на своей быстрой маленькой лошади ускакалъ. Я бросился за нимъ, но моя любозная князя пристала, и на этотъ разъ я не могъ исполнить своего намѣренія.... Изъ города въ городъ гонялось за мной аббатомъ: пренятствія усиливаются; желаніе съ нимъ объясниться. Наконецъ, нонъ и я въ Лионъ.... Бѣгу; но мнѣ отвѣчаютъ, что аббать, то у короля, то у королевны-матери, то у нунція Бани, то у кардинала Лавалетта, то у кардинала Ришліё. Наконецъ, я застуко его дома, одного. Въ шегольскомъ свѣтскомъ домашнемъ костюмѣ, маленький аббать лежалъ на софѣ и съ хохотомъ читалъ записку. — «Что вамъ угодно?» спросилъ онъ, продолжая читать. — Я пришелъ спросить у васъ, гдѣ Джулита Ваоли изъ Сондріо?

«Заниска выпала изъ рукъ аббата; Блѣдный, онъ вскочилъ и схватилъ ножъ, висѣвшій надъ софою въ числѣ другихъ оружій.... Я вынулъ свой.... Съ минуты продолжалось молчаніе..... — «Какое вамъ дѣло?» наконецъ спросилъ онъ задыхаясь отъ злости, какъ волкъ которому нѣтъ dalje дороги. — Безъ вопросовъ, сказалъ я. Вы должны отвѣчать, или я пойду къ кардиналу Бани, и узнаю, потому что вы убжали изъ Сондріо съ нимъ или за нимъ. — «Послушайте, съ принужденной улыбкой отвѣчалъ Джулио: не знаю, какія права вы имѣете на эту измѣнницу, но я васъ долженъ успокоить. Измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ, вѣроятно, и вамъ, она вышла замужъ.» — За кого? — «Ужъ этого я вамъ сказать не могу. Я видѣлъ ихъ въ Миланѣ, жону и мужа; но послѣ измѣны я не хотѣлъ съ нею говорить, хотя она опять навязывалась!»

«До сей поры я молчала; не проронила ни одного слова, слушала всѣмъ существомъ моимъ; но эта чер-

ная, гнусная; неблагодарность разорвала мое сердце. Я плакала, кричала, проклинала такъ, что дѣти проснулись и у дверей послышались шаги и голоса. Скрывивъ сердце, я уже только знаками просила Пьетро продолжать рассказъ свой.

— «Джудита, бѣдная Джудита! что могъ я отвѣснать, продолжалъ Пьетро. Онустивъ голову, я даже не сказалъ аббату «простите», и ушелъ.... Брожу по улицамъ Ліона; вижу васъ въ окнѣ; съ вами какой-то мужчина. Войти? Перепугаю васъ. Сомнѣніе, страхъ, несть, любовь, все смѣшалось въ одно безыменное чувство.... Разспрашиваю, и узнаю, что мужчина—вашъ супругъ, что онъ комнатный живописецъ, что у васъ двое дѣтей; что вы живете затворницей.... Вдругъ, онъ выводитъ самъ: поглядѣлъ на мою одежду; счелъ меня недостойнымъ быть герцогомъ: до такой степени простиралась его учтивость!—Вы живописецъ Деллапорта? спросилъ я.— «Всегда къ услугамъ вашимъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ на почтительно. — Вы свободны? — «Всегда къ услугамъ вашимъ.» — Можете потрудиться зайти ко мнѣ? Есть работы.... — «За особую честь,» и прочая.... Мы пришли въ домъ, гдѣ я остановился. Я занеръ двери и... Богъ-знаетъ почему, угадалъ ли я характеръ вашего мужа, или по инстинкту.... я схватилъ его за горло и объшепствомъ спросилъ: — Сколько тебѣ заплатили за эту гнусную ложь? Ты не мужъ Джудиты! — «Три тысячи ливровъ,» запищалъ онъ.... Въ ужасѣ я оттолкнулъ его.... — «Но, синьоре, прибавилъ онъ, не за ложь, а за правду, за горькую правду. Я, точно, мужъ Джудиты. Но не желаю вамъ быть такимъ мужкомъ: мужъ по титулу....» — Какъ? Такъ она живетъ съ другимъ, а ты только покрываешь..... — «Вотъ то-то и беда, что ни съ кѣмъ не живетъ.» — Это непонятно! — «Истинно, синьоре, непонятно! Видно еще никто ни приглянулся, или и въ самомъ дѣлѣ она не перестала любить какого-то Джулио....» — Такъ ты даже и ни

«Знаешь кто этот Джулио? — «Допытывался : не говорить.»

«Джудита! подумалъ я: свято сохранию твою тайну; наша мѣсть будетъ въриве.»

«И такъ, любезный, сказалъ я; ты по-прежнему бѣденъ!» — Охъ, эччеленца, ужасно бѣденъ!... нечѣмъ чужую семью кормить. — «Продай жену.» — А кто ее купитъ, безъ ея воли!» — «Не бойся; мы старые знакомые, сойдемся.»

«Мы ударили по рукамъ; дѣло слажено. Вашъ мужъ получилъ задатокъ и доставилъ мнѣ случай побесѣдовать съ вами на-единѣ. Не сердитесь за это ужасное средство: у меня не было времени другими путями узнать этого свиданія. Мужъ давно нѣ уважаетъ васъ; честь ваша не пострадаетъ отъ моего посвѣщенія: все останется въ тайнѣ.... Но я не кончилъ моего разсказа. Убѣдись въ гнусномъ поступкѣ Джулио; я отправился къ нему, объявилъ, что все знаю, что я хотѣлъ на васъ жениться, и теперь не прочь, что Деллапорту легко согласить къ разводу, но я не возьму въ домъ мой супруги, неочищенной благородной мѣстїю. — Долгъ этой мѣсти, заключилъ я, лежитъ на мнѣ, и, синьоръ Джулио, конечно вы не откажетесь назначить мѣсто, часъ и оружіе. — «Въ этомъ вы не могли сомнѣваться, отвѣчалъ Джулио: но позвольте сколько-нибудь оправдать себя въ глазахъ вашихъ.»

«Но что же изъ всего оправданія узналъ я? Ему захотѣлось кардинальской шапки: другъ и покровитель его, Бани, назначенъ былъ нунціемъ во Францію; Урбанъ УІІІ требовалъ мира, и Бани отправилъ капитана, уже просто аббатомъ, въ Ривальто. Скрыть любовной связи не было возможности: Катарина не остановилась бы на вальтеллинскихъ властяхъ и обратилась бы къ святейшему отцу. Оставалось одно средство — выдать васъ замужъ за неизвѣстнаго человѣка и отправить въ Германію или во Францію. Такъ и случилось. Но, Джудит-

за, наступилъ и часъ мести! Богъ за правое дѣло, и тогда счастье мое въ рукахъ вашихъ. Но если завтра вы меня не увидите, вотъ мое завѣщаніе; вы можете разорвать ненавистныя узлы: этого станеть на всю жизнь вамъ и несчастныхъ дѣтей.»

«Я умоляла Піетро оставить такія ужасныя намѣренія; увѣряла, что я простила Джуліо, отвергала даръ великодушной, истинной любви.»

— «Если такъ, то невинныя дѣти моего соперника могутъ нуждаться въ этой помощи,» отвѣчалъ онъ на всѣ мои убѣжденія, положилъ бумагу дѣтямъ подъ подушки и бросился къ дверямъ.

«Я не успѣла опомниться. — Піетро!.... закричала я, во мнѣ отвѣчалъ уже Депортъ: — «Не кричи! Не кричи: съеди услышатъ; а намъ надобно сохранить котъ видъ порядочной жизни.»

VII.

ПОДДНОЖЬ.

«Я не отвѣчала ни слова; мнѣ даже не обидны были слова недостойнаго человѣка, и, къ особенному удивленію Депорта, я стала одѣваться.»

— «Куда это ты!» спросилъ онъ. — Синьоръ Деллапорта! сказала я съ важностью: благодарю васъ за пріятное возобновленіе дорогаго знакомства; но говорю вамъ разъ на всегда, что ежели вы осмѣлитесь.... — «Полно, полно!...» со смѣхомъ говорилъ Депортъ.

«Я хлопнула дверями и выбѣжала на улицу. Было

очень поздно, или, лучше сказать, рано; уже зашла звезда зари: я безпрестанно встрѣчала экипажи, всадниковъ, посланки. Доара была освѣщена множествомъ свѣтелъ и покрыта парадными огрѣвными лоджиями. По улицамъ безпрерывно проѣзжали дорожныя кареты. Наконецъ, встрѣчаю толпу всадниковъ: впереди ѣхала маленькая аббатъ Джуліо.

«Вѣрно на мѣсто сраженія,» подумала я, и пошла за ними. Сердце билось; я уже догнала Джуліо, уже хотѣла броситься подъ ноги его лошади и умолять возвратиться, какъ вдругъ факелы другаго поѣзда освѣтили мое лицо. «Джудита!....» — Діаволо!.... — «Здѣсь Джудита!» сказалъ онъ довольно громко, и какъ-будто на мигъ захватилъ весь истекли изъ виду.... Безумная! я бѣжала за ними, кричала «Джуліо!», и уже за городскими воротами, за преддвѣстьемъ, въ полѣ, когда по всему открытому горизонту, освѣщенному утренней зарей, не видно было ни живой души, остановилась я, съ трудомъ переводя дыханіе. Безъ слезъ, безъ вздоху, я съѣла на сырой травѣ; больше полу-часа я не могла подняться съ мѣста. Наконецъ встаю, иду тихо въ городъ..... вдругъ, слышу не вдалекѣ топотъ коней: скачутъ всадники; проскакали по дорогѣ въ Парижъ. Не прошло двухъ трехъ минутъ, послышались крики: «Ловите! Убійцы! Ловите!» Изъ лѣсу высыпали городскіе стрѣлки: меня остановили; я имъ сказала, что видѣла всадниковъ, и куда они поскакали.

— «Ушли; злодѣи! сказалъ старшій. Видишь, у нихъ тутъ и лошади были приготовлены. Нечего дѣлать! не сите мертвеца въ ратушу; авось узнаемъ, кто.»

«Всемогущій Боже! то былъ Пьетро д'Аргола! Три ножа торчали въ груди, голова была окровавлена....»

«Джуліо! еще преступленіе!.... по гдѣ свидѣтели?» подумала я, и проводила стрѣлковъ до самой ратуши, которая была въ пяти шагахъ отъ нашего дому. Страхъ Шенросовъ и дѣтля удержалъ меня. Я возвратилась до-

ной. Депортъ спалъ. Преклонивъ колѣна передъ образомъ Богоматери, я долго и горячо молилась за Петро..... Онъ погибъ, единственно любившій меня: а Джулио въ славу, въ богатствъ!.... Рингиде старъ, болѣзнь неизлечима, и скоро мы услышимъ о новомъ маршальѣ, о новомъ министръ Франціи.»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Вызовъ.

Король въ Лувръ. Рѣдкость! Съ нѣкотораго времени онъ не любитъ Парижа; Сенъ-Жерменъ и старый, бѣдный Люксамбуръ, да изрѣдка Фонтенбло. — любимыя мѣста пребыванія короля Людовика XII.

Придворные толпились въ залахъ дворца. У дверей, откуда ожидали выхода, стояли государственные секретари, де-Нойе, Шавиньи, Бриеннъ, и первые сановники королевства: между ними и маленькій аббатъ Мазарини, который, хотя и не участвовалъ еще въ королевскомъ Совѣтѣ, по должности, однако жъ часто бывалъ призываемъ для домашнихъ совѣщаній. Толпа постоянно умножалась. Депортъ различными путями добрался до главнаго кружка и, всякой разъ когда де-Нойе поворачивалъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Депортъ, ординарный живописецъ неизменно кланялся. Двери отворились: вошелъ король съ Сенъ-Марсомъ. Лицо Людовика было, противъ всеобщаго ожиданія, светло, радостно; онъ приметно сгнѣшилъ привѣтствіями, но остановился, проходя мимо де-Нойе.

— Что? сказалъ король, улыбаясь: довольны ли вы?

— Щедроты вашего величества.... (де-Нойё хотѣлъ что-то отвѣчать.)

— Не говорите, не говорите! Я скупъ: меня трудно заставить рѣшиться на такія огромныя издержки; но ваша записка составлена умно; доказательства такъ ясно изложены: я немогъ не согласиться на перестройку Лувра.... Желаю вамъ успѣха, для чести Франціи.

Король пошелъ—было дальше, но увидѣвъ Шантлу, известнаго любителя художествъ, человѣка слишкомъ далекаго отъ придворныхъ интригъ, опять воротился къ де-Нойё и сказалъ:

— Нашъ общій пріятель, Шантлу, вчера доставилъ намъ пріятное утро; онъ съ пользою путешествовалъ по Италіи: я полагаю, и въ новыхъ затѣяхъ онъ бы много помогъ намъ.

— Государь, я не смѣлъ утруждать вашего величества многими просьбами вдругъ; но я имѣлъ намѣреніе....

— Представьте. Я всегда готовъ сдѣлать пріятное вамъ и Шантлу..... Это, впрочемъ, будетъ служить вамъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за отказъ насчетъ Пуссена.... Право, не могу! Будетъ дорого стоять, а у насъ и такъ списокъ ординарныхъ живописцовъ обремененъ знаменитыми именами.

Король удостоилъ еще двухъ трехъ человѣкъ незначительныхъ вопросовъ. Между-тѣмъ какъ король разговаривалъ съ придворными, великій конюшій подошелъ къ Депорту и успѣлъ только сказать: «Гдѣ ты пропадаешь? Бѣги къ Визиткамъ и жди у ограды.»

Король позвалъ Сенъ-Марса и ушелъ съ нимъ изъ залы.

Пока Депортъ протѣснился сквозь толпу придворныхъ, пока разузналъ, гдѣ монастырь Визитокъ, прошло немало времени, и несчастный Депортъ бѣгомъ долженъ былъ спѣшить на указанное мѣсто. Тогда не знали еще оіакровъ и разнаго роду наемныхъ средствъ

время не было святого кардинала, по крайней мере, верховной инквизиции, тот по-прежнему мог ходить пешком по грязным улицам старого города, в котором в то недавнее только время, при необъятной деятельности кардинала, выросли многия здания, каменные этажи обширной монахини. Не успевъ Депортъ пробжгать двухъ третей улицы : на встряну цитъ Гейко.

— Куда это вы, месье Депортъ ?

— Не твое дѣло.

— Какъ, не мое дѣло?... Вы не успѣете добжгать до монастыря Визитокъ !

Депортъ остолбенѣлъ.

— Какъ ты знаешь ?....

— По расчету..... Вы опоздаете непременно !

— Развѣ такъ далеко ?

— Ужасно ! Пожалуйте червонецъ, я вамъ тотчасъ достану лошадь.

— Ливръ.

— Не могу.

— Два.

— Нельзя.

— На, Гуда; только.....

— Извольте идти по дороге по-маленьку : я васъ доведу.

И, не прошло какихъ-нибудь пяти минутъ, Гейко вернулся на добромъ конѣ. Депортъ ухалъ.

— Мстой! я изъ тебя новытаскаю чертово золото; выдѣла Гейко, укладывая кожаную кошну въ сапогъ. Сара! уже десять ! Еще четыреста девяносто !.... Боже Францъ ! когда это кончится ?....

Депортъ поспѣвъ во-время, осмотрѣвъ монастырь, французскъ персулъкъ привязалъ зое-какъ лошадь, и конница въ и впередъ передъ монастырскими воротами. Вышла въ двани карета. Не было сомнѣннн, что въ депортъ

королю. Депортъ сбивалъ шагою на двадцать и шестомъ, возвратясь; шлепъ на всурьчу карета мѣрившъ, ронилъ шагою. Сопхнулъ у воротъ; карета поворочилъ такъ, чтобы възвѣсть на монастырскій дворъ, но ни живой души не было: привратница скала. Занавѣски отдернулъ; услышался голосъ короля: — Сень-Марсъ! надо тебѣ вѣйти.

— Ужасно не хочется. Грязь.... — А! кстати! Филиппъ, скажи пусть отѣпрутъ ворота.

Депортъ бросился къ калиткѣ, разбудилъ привратницу, помогъ отворить ворота и, когда карета проѣзжала мимо, король отдернулъ занавѣску со своей стороны и ласково погрозилъ Депорту пальцемъ. Филиппъ побѣжалъ за каретой, полагая, что король хочетъ ему сказать что-нибудь; но занавѣска задернулась и Депортъ остановился посреди обширнаго монастырскаго двора, съ ногъ до головы обрызганный грязью. Не успѣлъ онъ рѣшиться, что слѣдуетъ предпринять въ подобномъ случаѣ, какъ раздался голосъ Сень-Марса: «Филиппъ, поди сюда!» Депортъ напрасно искалъ суѣихъ мѣсть; онъ перепрыгивалъ черезъ огромныя лужи: костюмъ его пестрѣлъ новыми пятнами. Сень-Марсъ сбѣгалъ въ нижней галереѣ монастыря и смеялся со смѣху.

— Хорошо намъ, господинъ великій, здѣть съ королемъ въ каретѣ! А мнѣ пѣшкомъ такую даль!.... да вѣтъ еще въ грязный океанъ!

Сень-Марсъ возмущался положеніемъ Депорта и смѣялся отъ души. «Направо!.... вальво!» кричалъ онъ Депорту. Вловекъ еще болѣе сбивался съ пути, и грязь летѣла мутными брызгами изъ-подъ ногъ Депорта.

— Берегъ! сказалъ Сень-Марсъ, когда Депортъ достигъ галереи: поздравляю! поздравляю!

— Хорошо я! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ, страхиная грязь и протирая глаза. Видите, я исполнилъ ваше приказаніе, приближеть: я зналъ, что, верну,

нужно.... Только не показывайте мени въ такомъ видѣ его величеству.... Правда, я немного позамарался; но зналъ, что присутствие мое здѣсь нужно; ж....

— Очень нужно! отвѣчалъ Сень-Марсъ, оставши печальный тонъ: дѣло великой важности.

— Что такое? что такое? съ изумленными любопытствомъ спросилъ Депортъ.

— А вотъ, видишь: король пошелъ въ общую залу и будетъ цѣлый часъ бесѣдовать съ мадамъ де-Лафайеттъ, въ присутствіи сестры Старшей и всѣхъ монахинь. Но изъ насъ никто не допускается къ этой бесѣдѣ: я долженъ гулять по этому кирпичному помосту одинъ-одинѣхонекъ. Сегодня мы еще въ каретѣ: а въ хорошую погоду верхами; я цѣлый часъ иногда долженъ бесѣдовать съ лошадьми. Такъ я и разсчелъ, что всё же лучше провести этотъ ужасный часъ въ бесѣдѣ съ такимъ умнымъ и любезнымъ человекомъ....

Депортъ кланялся, хотя на душѣ ему было очень тяжело. Заплатить червонецъ за лошадь, испортить новое платье: и все это для того что господину великому на галереѣ одному скучно!.... Но Депортъ кланялся и сѣлся.

— Король сегодня въ отличномъ расположеніи духа? спросилъ Депортъ.

— Это случается съ нимъ всегда, когда ему въ чемъ-нибудь удастся не согласиться съ кардиналомъ.

— Я смѣю спросить....

— Смѣешь, Это по вашей части. Кардиналъ, посредствомъ де-Нойё, успѣлъ убѣдить короля, что Лувръ надо отдѣлать на-славу, выписать для того изъ Италіи художниковъ и, прежде прочихъ, Пуссена. На послѣднее король не согласился. «Мало ли у меня, отвѣчалъ король, ординарныхъ живописцевъ?... И ты ничего не дѣлаешь! И такъ старый мой Лувръ будетъ стоять трехъ городовъ: а эти выписные всегда такъ дороги!» Однимъ словомъ, на запискѣ де-Нойё о Пуссенѣ — крестъ.

— Жаль! сказала Денергъ.

— А чья?

— Да парижскіе живописцы — ужасная дрянь. Не говорю о тѣхъ колмакахъ, что носѣдьян въ искусствѣхъ и въ педантствѣ; но даже и между молодыми нѣтъ ни одной перемочной надежды.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь! У меня въ школѣ есть еще одинъ-два таланта, но имъ въ Луврѣ работать нельзя; а у Симона ни одного, ровно ни одного.

— У тебя въ школѣ?...

— Не шутите! Сами увидите. А эти люди, пускай сами плохи, да если бѣ по-крайней-мѣрѣ слушались умныхъ людей: а то нѣтъ; самонадѣянность, хвастовство, невѣжество.... И вотъ почему французскіе художники — лакеи, а италіянскіе — маркизы, герцоги, и въ своемъ дѣлѣ, и въ обращеніи.

— Полно, полно! Симонъ Вузъ съ большими способностями.

— Къ чему? Къ ругательствамъ? Подъ пьяную руку онъ не надѣтъ никого. Послушали бы вы, какъ онъ честилъ даже васъ.

— Меня? Да я съ нимъ и не говорилъ никогда.

— Станете вы съ нимъ разговаривать! А можетъ-быть онъ за это и злитоя?... И, повѣрьте: это ихъ интриги, что король не соглашается. Ужъ конечно: придетъ Пуссенъ, закусятъ они губы!

— Король идетъ!

— Я убѣгу, спрячусь....

— Стой, ни съ мѣста!

Король вышелъ на галерею, Сестра Старшая проводила его до дверей, но, увидѣвъ постороннихъ, вернулась. Король самъ притворилъ двери и махнулъ кучеру.

— А, и ты здѣсь! сказала она Денергу, глубоже вздыхая.

Лицо Людовика, блѣдное, болѣзненное, очевидно было глубокою думою; глаза сіяли добротою; на устахъ улыбка кротости и смиренія.

— Что, Сенъ-Марсъ, не вѣлѣть ли еще ему сдѣлать вѣртретъ съ нашего ангела?

— Ваше величество! только великодушію вашему я обязанъ не заслуженною славою и значеніемъ; но для вѣртрета, о которомъ ваше величество теперь думать изволите, только одинъ живописецъ на свѣтѣ.

— Кто же этотъ одинъ?

— Николай Пуссенъ.

Король задумался. Всѣ молчали.

— Я боюсь одного, сказалъ Людовикъ, чтобы мое упрямство въ самомъ дѣлѣ не лишило Франціи втораго Рафаэля.... Шантлу вчера разсказывалъ про этого Пуссена цѣлую поэму. Де-Нойё тоже человѣкъ со вкусомъ: въ Италиі Пуссенъ приобрѣлъ такую славу, говорятъ даже первенство....

— Совершенное первенство, ваше величество, подхватилъ Депортъ.

— Какъ ты думаешь, Сенъ-Марсъ? спросилъ король.

— Да что же сдѣлали хорошаго, государь, ваши ординарные живописцы? Вы изволили отказать де-Нойё въ приглашеніи вообще Италиянцевъ: подарите ему одного Пуссена.... Притомъ же можно его пригласить на малый срокъ.

— На четыре года, отвѣчалъ король.... Не много ли это будетъ стоить?

— Всѣ же меньше, нежели чего стоить Вузъ съ этой башенечной ватагой.

— Ребенокъ! Неужели старыхъ слугъ я оставлю безъ хлѣба?

— А зачѣмъ же ничего не дѣлаютъ?

— Споришь, Сенъ-Марсъ! Опять споришь!

— Не спорю. Пускай остаются: а работать некому.
— Не правда! И они останутся, и Пуссенъ будетъ. —
Депортъ, скажи де-Нойё, что я ожидаю его сегодня въ
Самъ-Жершевъ. Пусть привезетъ съ собою и грамматику
Пуссену. — Слава Богу! прибавилъ король, я всегда остав-
ляю эту благодатную обитель съ какою-нибудь доброю
и полезною мыслию!

=

II.

ПОСТРАДАЮЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕКАМСКАЯ РОЗА.

ГОЛЛАНДСКІЙ РОМАНЪ ,

ВАНЪ - ЛЕННЕПА.

Древній городъ Гарлемъ много вѣковъ былъ перломъ короны графовъ Голландскихъ. Рѣка Спаара, на берегахъ которой онъ построенъ, служила ему путемъ сообщенія, съ одной стороны съ Гарлемскимъ озеромъ и землями кругомъ его лежащими, съ другой съ Ипсудерземъ. Гарлемъ съ давнихъ поръ пользовался выгодой такого мѣстоположенія, и въ большомъ количествѣ сбывалъ издѣлія своихъ суконныхъ мануфактуръ, славныхъ во всей Европѣ. Съ его пивоваренныхъ заводовъ шло также много пива, которое въ ту пору было во всеобщемъ употребленіи, и эта вѣтъ промышленности доставляла не маловажныя пользы, особенно съ тѣхъ поръ какъ указъ владѣтельнаго графа запретилъ продажу въ Голландіи всякаго пива кромѣ гарлемскаго.

Графы часто посѣщали свой городъ Гарлемъ, который былъ многимъ обязанъ Вильгельму II и Вильгельму III. Первый изъ нихъ родился въ этомъ городѣ и

предоставилъ ему большія права и преимущества; другой, хотя и иноземецъ, жилъ въ немъ почти безвыездно, и едва-ли не по одному этому случаю прозванъ «Добримъ».

Происшествія, которыя мы будемъ рассказывать, случились въ царствованіе Вильгельма IV, сына Вильгельма Добраго.

Весною 1345 года въ Гарлемъ стеклось множество окрестныхъ жителей и иностранцевъ. Вильгельмъ IV покрылъ себя славою въ битвахъ съ испанскими Маврами, и праздновалъ недавнее возвращеніе свое изъ путешествія къ Святымъ Мѣстамъ. На этотъ великолѣпный пиръ приглашено было все благородное дворянство графскихъ владѣній и всей германской имперіи.

Замки въ окрестностяхъ города были наполнены гостями, потому что бѣльшая часть дворянскихъ фамилій Голландіи находилась въ родственныхъ или дружескихъ связяхъ съ дворянскими родами Брабанта, Фландріи, Гельдріи и Геннегау.

Граждане Гарлема и вольные жители ближайшихъ къ нему селеній, подражая гостепрѣимству высшаго сословія, пригласили къ себѣ пріятелей, и дома ихъ были полны народу. Въ немногихъ монастыряхъ, существовавшихъ въ то время внѣ и внутри города, помѣстилось также значительное число иностранцевъ. Но при всемъ томъ еще очень многіе остались, или въ палаткахъ, раскинутыхъ подъ стѣнами Гарлема, или въ лодкахъ, и даже въ повозкахъ, на которыхъ пріѣхали. Спаара была покрыта цѣлою флотиліей барокъ: рѣка эта, раздѣляющая теперь Гарлемъ на двѣ части, составляла тогда южную черту города, съ западной стороны котораго шла открытая равнина до высокихъ деревьевъ лѣсу, такъ же прекраснаго въ ту пору какъ и теперь, хотя въ немъ еще не былъ устроенъ паркъ.

Здѣсь этотъ, въ третій понедѣльникъ каждаго августа нѣсяца, наполнялся толпами гуляющихъ, обычай, который свято сохранился и до нашего времени.

За нѣсколько дней до начала праздниковъ, когда и гости и хозяева Гарлема съ нетерпѣніемъ ожидали турнировъ, представленія мистерій, и другихъ народныхъ зрѣлищъ, множество черни столпилось на равнинѣ близъ лѣсу. Толпа окружала подмостки шарлатана, возбуждавшаго ея любопытство выставкою разныхъ стекляночекъ и банокъ своей эмпирической аптеки, и удивлялась его проворству въ фокусъ-покусахъ. Наружность шарлатана отвѣчала какъ-нельзя лучше его ремеслу. Поверхъ чернаго платка, которымъ обвита его голова, надѣта корона изъ зеленой бумаги. Звѣздочки, выстриженные изъ такой же бумаги, покрываютъ его длинную черную саржевую распашню, обшитую каймою изъ красной матеріи вырѣзаною зубчиками. Изъ подъ этой распашни, видны красное полу-кафтанье и поясъ, съ изображеніями знаковъ зодіака. Въ его ужасно сухихъ рукахъ безпрестанно и быстро вертится бѣлая костяная палочка.

Лицо эмпирика, какъ и вся его особа, длинное и тонкое. Черные волосы, похожіе на гриву, падаютъ ему на плечи, а одинъ клокъ этихъ волосъ спускается въ видѣ обращеннаго конуса на огромный орлиный носъ, который чуть не сходится съ подбородкомъ, украшеннымъ черною, шетинистою бородой, идущею до самаго пояса. Глаза его, казалось, обличаютъ умъ всегда занятый созерцаніемъ, изъ котораго не выискали эмпирика ни какіе посторонніе предметы.

Вокругъ него стоитъ ящикъ съ походною аптекою, а передъ нимъ столъ со всеми принадлежностями тогдашнихъ фокусниковъ.

Болдунъ, — такъ называла его чернь, — былъ вовсе не разговорчивъ. Быть-можетъ оттого, что не доволь-

но хорошо зналъ голландскій языкъ, чтобы объясняться на немъ, а можетъ-быть и потому, что боялся унижить свое достоинство разговаривая съ людьми низшаго сословія. Паяцъ служилъ ему переводчикомъ, и непрерывною болтовнею хотѣлъ, казалось, выкупить постоянное молчаніе своего хозяина. Платье на паяцъ разноцвѣтное: половина кафтана красная, другая желтая, а панталоны зеленые. Деревянный кинжалъ, заткнутый за поясъ, и побубенчики на колпакъ и одеждѣ обличали шута. Носъ, брусничнаго цвѣту, вздернутый кверху, и свѣтящіеся сѣрые глаза придавали его физиономіи выраженіе веселья и беззаботности. На плечъ у него сидѣла обезьяна.

Легко вообразить, что обязанность паяца состояла въ томъ, чтобы привлекать вниманіе зрителей на фокусы шарлатана, и, главное, выхвалять цѣлебное свойство разныхъ пилюль, мазей и прочихъ снадобьевъ, заключающихся въ его походной аптекѣ.

— Смотрите, почтеннѣйшіе господа, говорилъ паяцъ, обращаясь къ многочисленной толпѣ зѣвакъ : изволите видѣть, вотъ это мой знаменитый господинъ ; зовутъ его Барбанера Черная-Борода, по прозванью Несравненный.... А какъ вы думаете? который ему годъ?... Лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ?... Какъ бы не такъ!... Ему стукнуло двѣсти десять, а молодежавъ онъ и бодръ оттого что пьетъ жизненную эссенцію, которую самъ изобрѣлъ самолично.... Вотъ она; удивительная эссенція!... Кому угодно?... А вотъ мазь; тоже удивительная мазь!... Эй, ты, господинъ лѣсничій! стрѣла твоей милости всегда ли попадаетъ въ цѣль? Если нѣтъ такъ вотъ тебѣ разпречудеснѣйшая мазь... Намажь только ею копьцо стрѣлки и, ручаюсь, не дашь промаху ни по зайцу ни по куропаткѣ.

— Я думаю, отвѣчалъ лѣсничій, что вѣрные глаза да рука, вѣрнѣе твоей мази.

— Тутъ и есть! возразилъ шутъ : рука-то у тебя върна, да не легка; мнѣ это сказывала твоя жена.

Толпа расхохоталась, потому что паяцъ нечаянно сказалъ правду. Весь Гарлемъ зналъ, что лѣсничій его свѣлости владѣтельнаго графа, любить погулять, а погулявши, случается, колотить жену.

Когда смѣхъ, возбужденный этою выходкою, прекратился, паяцъ продолжалъ :

— Подивитесь, господа, съ какимъ искусствомъ знаменитый Барбанера умѣетъ дѣлать ручными самыхъ дикихъ животныхъ.... Сезарь, сказалъ онъ обращаясь къ обезьянѣ : поклонись почтеннѣйшей публикѣ.

Сезарь вскочилъ на подмостки и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Теперь, поди и попроси почтеннѣйшую публику пожаловать тебѣ что-нибудь на водку.

Обезьяна соскочила съ подмостковъ, и, потряхивая шляпой, начала обходить присутствующихъ.

— Подайте милостыню бѣдному Сезарю, кричалъ паяцъ : она ему крайне нужна. Только смотри, Сезарь, не бери такихъ серебряныхъ денегъ, въ которыхъ на половину мѣди.

Обезьянѣ пакидали въ шляпу нѣсколько мелочи, и она подала ее Барбанерѣ. Намѣтанный глазъ шарлатана сейчасъ различилъ одну полу-мѣдную монету ; онъ передалъ ее паяцу, тотъ обезьянѣ, примолвля :

— А, Сезарь! тебя надули. Пошелъ, отдай эту монету тому, отъ кого получилъ и попроси у него другой.

Обезьяна побѣжала въ толпу, долго вглядывалась въ зрителей, и наконецъ остановилась передъ однимъ изъ нихъ, къ которому протянула лапу съ монетою.

— Видишь, пріятель, вскричалъ паяцъ, Сезара-то обмануть не легко. Возьми назадъ свои фальшивыя деньги, и дай ему настоящихъ.

Тотъ, къ кому обращались эти слова, былъ молодой человекъ, высокій ростомъ, съ сильными

мускулами и съ голубыми глазами. Одежда обличала въ немъ иностранца; она состояла изъ полукафтаны темнаго цвѣту, открытаго спереди, опушенаго мѣхомъ и опоясаннаго ремнемъ съ серебряными застежками. Мѣховая шапка, украшенная серебряною кистью, покрывала его русые волосы, а ножъ, съ серебряной рукояткой, былъ заткнутъ за поясъ и отличалъ его отъ прочихъ зрителей, которые все были безоружны. Онъ держалъ за руку молодую и хорошенькую дѣвушку: на головѣ ея былъ накинута клятчатый разноцвѣтный платокъ, а платье, изъ грубой шерстяной ткани, съ желтыми и голубыми полосками, стягивалось въ талии серебряною опояскою. Многіе уже давненько посматривали на эту дѣвушку, и смѣялись надъ ея костюмомъ, не понимая что бы это за мода.

Иностранецъ, казалось, не совсѣмъ понялъ, чего хочетъ отъ него обезьяна. Онъ взялъ монету, которую она подала ему и взглянулъ на дѣвушку. Дѣвушка шепнула ему нѣсколько словъ: молодой человекъ высыпалъ изъ кошелька на лѣвую ладонь остальные деньги, показывая, что у него все онъ одинаковыя, и сказалъ по-голландски, но съ очень замѣтнымъ фризландскимъ выговоромъ:

— Это настоящая фризландская монета.

— Слава Богу! но мы въ Голландіи, а въ Голландіи фризландскія деньги не ходятъ. Оставь, братъ, у себя свою фальшивую монету.

— Фальшивая монета! возразилъ Фризландецъ: бездѣльникъ тотъ, кто говоритъ это!

— Э, э! полно горячиться, вѣдь здѣсь не то, что въ вашей вольной Фризландіи. А, главное, дружокъ, спрячь-ка свой ножъ, а то будетъ тебѣ плохо.

— Всеконечно, сказалъ маленькій человекъ, весь одѣтый въ черное; всеконечно, по закону Вильгельма II, въ Гарлемъ и его уѣздъ запрещено носить пожи, подъ опасеніемъ....

— Ужь не хотѣте ли вы отнять у меня ножа? вскричалъ Фризландецъ, хватаясь за рукоятъ своего оружія.

— Нарушеніе пятнадцатаго параграфа нашихъ привилегій, завопилъ маленькій человекъ, и ловко отско- чилъ къ сторонѣ: тамъ сказано: всякой, кто обнажить ножъ въ городѣ Гарлемѣ или его окрес....

— Велика мнѣ нужда до вашихъ привилегій! Вотъ моя права! сказалъ Фризландецъ, выдерживая ножъ.

— Въ тюрьму, въ тюрьму его! заревѣла вдругъ сотня голосовъ, и толпа, за минуту передъ тѣмъ спокойная, пришла въ волненіе и безпорядокъ. Дѣти заплакали, женщины заохали, большая часть мужчинъ попятились, и издали грозили Фризландцу кулаками и палками. Тотъ прислонился къ подмосткамъ и держалъ ножъ наготовѣ. Дѣвушка, покинутая въ толпѣ, громко зва- ла его: «Фекѡ! Фекѡ!» но онъ, слишкомъ занятый опасностью своего положенія, не отвѣчалъ, и толь- ко всмахивалъ ножемъ. Ни кто не осмѣливался подой- ти къ Фекѡ; какъ вотъ лѣсничій пробился сквозь сом- кнутые ряды народу и сталъ лицомъ къ лицу съ Фриз- ландцомъ.

— Какъ, чортъ возьми! вскричалъ онъ: васъ сто че- ловекъ на одного, а вы не можете съ нимъ сладить! Дайте срокъ! вотъ я поправлюсь съ молодцомъ.

И онъ замахнулся палкой. Фекѡ предупредилъ, и сильнымъ пинкомъ въ грудь опрокинулъ нападающаго за-мертво на землю.

Но въ это самое мгновеніе, обезьяна сорвала съ голо- вы Фризландца шапку; онъ обернулся: толпа восполь- зовавшись этимъ движеніемъ, кинулась, обезоружила и связала Фекѡ.

— Боже мой, Боже мой! вскричала дѣвушка: что хо- тятъ они дѣлать съ тобою, Фекѡ?

— Сиди, отвѣчалъ онъ ей: бѣги скорѣе къ нашему гос- подарю, и скажи, какъ эта сволочь поступаетъ съ сво- боднымъ Фризландцемъ.

Но Сиза радостно вскрикнула и бросилась къ молодому челоуьку, который въ это время показался на дорогѣ изъ лѣсу.

— Мессиръ Аделенъ, закричала Сиза: выручите бѣднаго Фекѡ, котораго тащатъ въ тюрьму.

Аделенъ челоуькъ лѣтъ тридцати, худощавый, но крѣпкій и сильный. Черты лица его правильны, но выражаютъ не привѣтливость, а гордость и самонадеяннѣе. Одежда на немъ такая же какъ на Фекѡ, только изъ болѣе дорогой ткани. Желтый шелковый платокъ съ серебряной бахрамою обвиваетъ его голову, и падаетъ однимъ концомъ на лѣвое плечо. Волосы, выбритые надъ ушами, обличаютъ въ немъ благороднаго Фризландца. Великолѣпно отдѣланный кинжалъ заткнутъ за его богатымъ поясомъ, на которомъ виситъ широкая сабля, знакъ рыцарскаго достоинства. Поверхъ золотой цѣпи, три раза обвитой вокругъ шеи, накинута свѣтло-зеленая мантия. Остроконечные башмаки усыпаны золотыми звѣздочками.

— Кто это осмѣлился? вскричалъ онъ, и тотчасъ же приблизился къ Фекѡ, обнажилъ кинжалъ и обрѣзалъ веревку, которою тотъ былъ связанъ.

— Совершенный безпорядокъ! закричалъ мейнгертъ Николай, маленькій челоуьчикъ одѣтый въ черное. Эй, вы, граждане, не отпускайте своего плѣнника!

— Вы не посмѣете задержать меня противъ воли мессира Серпъ Аделена, сказалъ Фекѡ, который и не воображалъ, чтобы кто-нибудь могъ ослушаться благороднаго Фризландца.

— Молчи, Фекѡ! Расскажи лучше, что у васъ за дразги.

— Что ему рассказывать? сказалъ мейнгертъ Николай; въ силу параграфа одиннадцатаго нашихъ привил....

— Дожидайся, покуда тебя спросятъ, возразилъ Серпъ

Аделень. Посмотримъ, скажи-ка, кто осмѣлился наложить руку на служителя изъ свиты ольдермана?

Мейнеръ Николай струсилъ и отодвинулся; но Валтеръ, графскій лѣсничій, отвѣчалъ:

— Этотъ человекъ нашумѣлъ и притомъ обнажилъ оружіе, что запрещено закономъ, и потому мы хотимъ представить его къ суду.

— Я беру его подъ свое покровительство, и погляжу, кто посмѣетъ дотронуться до него хоть однимъ пальцемъ. Я одинъ изъ депутатовъ отъ Фризландіи, и ваши глупыя постановленія не касаются ни до меня ни до моей свиты. — Фекó, ступай за мною.

И благородный Фризландецъ пошелъ; за нимъ Фекó и Сиза.

Толпа пришла въ бѣшенство. Грязь, палки, камни полетѣли вслѣдъ за удаляющимися. Сначала Серпъ Аделень шелъ равнодушно; но когда однимъ камнемъ задего по головному убору, гнѣвъ и негодованіе овладѣли имъ: онъ обернулся, какъ раненый тигръ, выхватилъ саблю, и яростно напалъ на преслѣдующихъ. На шумъ и крики прибѣжала стража мирнаго судьи; во внимательство ея не всостояннїи уже было возстановить порядокъ, и Фризландцы легко могли сдѣлаться жертвою неровнаго бою, если бъ появленіе новыхъ лицъ не измѣнило ихъ положенія.

Ренó и Деодатъ Веронскіе, два рыцаря изъ свиты графа Вильгельма IV, выѣзжали въ это время изъ Гарлена въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей. Сиза, услышавъ топотъ коней, кинулась къ рыцарямъ, умоляя о помощи. Ренó и Деодатъ прищипорили лошадей и въ самое время подоспѣли на мѣсто битвы, чтобы выручить Фризландцевъ.

Почти вмѣстѣ съ ними явился туда же товарищъ мирнаго судьи, навѣщенный о безпорядкѣ, и потребовалъ, чтобы Фризландцы или слѣдовали за нимъ въ судъ, или сами за себя поруку.

— Что мнѣ за дѣло до вашего суда? сказалъ Аделенъ; я депутатъ отъ Фризландіи и особа моя неприкосновенна; человекъ этотъ принадлежитъ къ нашей свѣтѣ, и я сочту за личную обиду себя если ему будетъ сдѣлано малѣйшее насиліе.

Деодатъ отвелъ помощника мирнаго судьи къ сторонѣ, и сказалъ ему:

— Вы должны знать какъ его свѣтлость желаетъ привлечь къ себѣ Фризландцевъ. Неблагоразумный поступокъ можетъ сдѣлаться причиной новыхъ раздоровъ и даже подать поводъ къ войнѣ; остерегитесь, чтобъ не навлечь на себя неудовольствія графа.

— Это правда; однако жъ....

— Да что тутъ долго толковать, прервалъ Ренé: отпускайте ихъ скорѣе, а не то я всю эту сволочь загоною въ Спаару.

Толпа разошлась.

— Благодарю, сказалъ Аделенъ рыцарямъ: безъ вашей помощи Серпу Аделену, вѣроятно, не возвращаться бы въ Фризландію. Скажите, пожалуйста, вашему графу, чтобы онъ держалъ въ уздѣ своихъ подданныхъ; потому что, въ другой разъ, такое оскорбленіе не пройдетъ ему даромъ.

— Мы не привыкли говорить такихъ вещей нашему и вашему повелителю.

— Нашему повелителю!.... проворчалъ Аделенъ.

И не сказавъ ни слова болѣе ушелъ съ Фекó и Сивой.

— Невѣжа! вскричалъ Ренé; еще одна минута — и я мечомъ окоротилъ бы его дерзскій языкъ.

— Развѣ можно сердиться на осла, когда онъ кричитъ! отвѣчалъ Деодатъ. Однако жъ, поспѣшимъ, а то не застанемъ объѣда.

Рыцари поскакали. Пока они ѣдутъ, мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей.

Въ числѣ множества иностранныхъ рыцарей, послѣ-

дворянскъ за Іоанномъ де-Бомонъ, дядею Вильгельма IV, въ походъ, предпринятый имъ въ 1331 году противъ венецкихъ Мавровъ, былъ благородный Италіанецъ Карло делла Скала; при немъ находились два оруженосца, которыхъ онъ представилъ сирѣ де-Бомонъ, называя ихъ Рено и Деодатомъ Веронскими, и они, какъ ни были молоды, а съумѣли, мужествомъ и безстрашіемъ въ бояхъ, заслужить уваженіе и дружбу де-Бомона. Карло делла Скала, смертельно раненый въ одномъ дѣлѣ съ невѣрными, позвалъ Іоанна и обоихъ юношей, и сообщилъ имъ то, что мы перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Карло делла Скала, потомокъ одного изъ знаменитѣйшихъ домовъ Вероны, былъ съ дѣтства окруженъ великолѣпіемъ и роскошью, и могъ бы почестся совершенно счастливымъ, если бъ не былъ страстно влюбленъ въ прекрасную Біанку ди Салерно. Но отецъ Біанки отказалъ ему въ рукъ дочери, и она сама не скрываетъ отъ Карло, что не питаетъ къ нему никакого другаго чувства кромѣ дружбы и почтенія. Карло оставилъ Верону, и возвратился не прежде трехъ лѣтъ. Онъ нашелъ Біанку уже замужемъ за близкимъ своимъ родственникомъ, Франческо делла Скала, похитителемъ верховной власти въ Веронѣ, за котораго отецъ принудилъ ее выйти. Не желая оставаться ни въ отечествѣ, подпавшемъ подъ иго тирана, ни въ городѣ, гдѣ единственная любимая имъ женщина принадлежала человеку вдвойнѣ ему ненавистному, онъ продалъ всѣ свои имѣнія и основался въ Пизѣ. Не успѣлъ Карло пробыть и нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ своемъ новомъ помѣстьѣ, какъ однажды утромъ садовникъ принесъ ему двухъ мальчиковъ: имъ было каждому около двухъ лѣтъ, и садовникъ нашелъ ихъ близъ стѣны парка; они лежали въ корзинѣ, и при нихъ было письмо, которымъ заклинали Карло именемъ Божіимъ, принять какъ собственнаго сына и воспитывать младенца, при-

надлежащаго, говорило письмо, благородной веронской фамилии.

Карло былъ удивленъ вдвойнѣ: онъ не могъ придумать, отъ кого бы получилъ такой подарокъ, и какимъ образомъ въ корзинѣ очутились два младенца, когда письмо упоминаетъ объ одномъ. Онъ подумалъ, что, во всякомъ случаѣ, дѣти не могутъ быть между собою братьями: одинъ блѣлокуръ, какъ сынъ сѣвера, другой брюнетъ, какъ Италіанецъ. Разсуждая, что родные этихъ несчастныхъ малютокъ могли быть жертвами ненавистнаго ему тирана Франческо, и тронутый положеніемъ сиротъ, онъ рѣшился воспитывать ихъ какъ собственныхъ дѣтей. Мальчики подростали и сдѣлались достойными его милостей. Теперь, когда они стали взрослыми юношами, Карло взялъ ихъ съ собою въ званіи оруженосцевъ.

Кончивъ такимъ образомъ рассказъ, благородный веронецъ умеръ, сдѣлавъ завѣщаніе, по которому предоставилъ своимъ приемышамъ весь оружія, лошадей, серебро, золото и драгоценныя вещи, привезенныя имъ въ Испанію. Съ тѣхъ поръ Ренѳ и Деодатъ поступили въ свиту де-Бомона, и послѣ похода поѣхали съ нимъ въ Геннегау; потомъ сопутствовали Вильгельму IV въ Палестину, и рядомъ съ нимъ сражались на поляхъ Пруссіи. Здѣсь то графъ, въ награду ихъ храбрости, которой былъ личнымъ свидѣтелемъ, возвелъ Ренѳ и Деодата въ рыцарское достоинство, что возбудило зависть многихъ роптавшихъ на то, что званіе рыцарей, которое считалось исключительною принадлежностью дворянъ, дано не только пришлецамъ, но еще и Богъ-знаетъ законнымъ ли дѣтямъ.

И Ренѳ и Деодатъ оба были хороши собою; оба были отлично искусны въ рыцарскомъ дѣлѣ. Ренѳ не очень большаго росту, но прекрасно сложенъ: его глаза и волосы черные, черты лица отчетливы и правдыны, во взорѣ горитъ умъ и проникательность; онъ пред

примчивъ, неустрашимъ и веселъ, но мечтателенъ, властолюбивъ и вспыльчивъ. Малѣйшій намекъ на тайну его рожденія приводитъ его въ гнѣвъ и кажется ему обидой, достойной наказанія. Зато, каждый его опасается больше чѣмъ любитъ. Деодать, напротивъ, приобрѣлъ себѣ благорасположеніе всего двора кроткимъ и привѣтливымъ характеромъ. Онъ тоже гордъ, но гордостью величія души, которая претила ему принимать на свой счетъ не прямые намеки на его таинственное и безвѣстное происхожденіе. Однако жъ, онъ не менѣе своего друга умѣлъ бы, въ случаѣ нужды, наказать за оскорбленіе. Лицо его, всегда почти довольное и веселое, рѣдко носило отпечатокъ задумчивости; но совсѣмъ тѣмъ его прекрасные голубые глаза отражали меланхолію, всякій разъ, когда онъ призадумывался о своемъ положеніи.

Ренó и Деодать, равные лѣтами и товарищи съ дѣтства, были тѣсно связаны дружбою. Они не скрывали одинъ отъ другаго своихъ мыслей, и если не всегда соглашались въ мнѣніяхъ, то по-крайней-мѣрѣ ни что досихъ-поръ не нарушало ихъ взаимнаго согласія.

Рыцари ѣхали теперь въ Фогельзангъ, охотничій павильонъ, принадлежащій графу, разстояніемъ на часъ пути отъ Гарлема къ югу.

— О чемъ ты такъ задумался? спросилъ Деодать своего друга на италіянскомъ языкѣ, на которомъ они всегда разговаривали между собою, когда оставались на-единѣ.

— Я думаю объ этомъ высококомърномъ Фризландцѣ, и жалю, что не бросилъ ему въ лицо моей перчатки.

— Мнѣ и самому хотѣлось сдѣлать то же; но выгоды графа требуютъ не раздражать его фризландскихъ подданныхъ. Ты, Ренó, напрасно слишкомъ презираешь ими; ихъ городъ Ставеренъ былъ когда-то богаче Дордрехта и Гарлема. Въ Фризландіи есть старики

ныя дворянскія фамиліи, которыя ведутъ свою родословную отъ Александра Македонскаго; притомъ Фриланцы народъ храбрый, а Фриландки всѣ красавицы.

— Да, правда; вотъ и эта дѣвушка, что просила насъ о помощи, вѣдь очень хорошенькая.

— Она, должно-быть, изъ свиты депутатовъ; ихъ прислано трое: сирѣ д'Эльва, сановникъ города Лѣвардена, аббатъ монастыря Святаго-Одольфа, и этотъ Сернъ Адельсъ, котораго мы избавили отъ опасности, и который ведетъ свой родъ отъ какого-то фриландскаго короля.

— Кстати, сказалъ Рено: что жъ это такъ долго не возвращается пилигримъ, который обѣщалъ поразвѣдать въ Веронѣ о тайнѣ нашего рожденія?

— Я таки думаю, что онъ никогда и не возвратится.

— Какъ ты это такъ равнодушень къ такому важному для насъ предмету?

— Равнодушень! нѣтъ... Но я боюсь, чтобы открытіе этой тайны не охладило нашей взаимной привязанности. Что, если одинъ изъ насъ, — потомокъ знаменитой фамиліи, а другой, — сынъ какого-нибудь простолюдица! Нѣтъ! я въ тысячу разъ предпочитаю оставаться въ неизвѣстности, чѣмъ лишиться друга.

— Правда твоя, Деодатъ. Но что касается до меня, я увѣренъ, что ничто на свѣтѣ не можетъ разорвать нашей дружбы... Ахъ, если бъ пилигримъ возвратился скорѣе! Мы напрасно вѣрили ему письмо, единственное свидѣтельство о нашемъ происхожденіи.

На этомъ прекратился разговоръ двухъ друзей: они пріѣхали въ Фогельзангъ.

Серъ Аделей въ сопровожденіи Фекд и Сизы быстро шедъ по извиленнымъ тропинкамъ лѣсу, на противоположномъ краю котораго возвышалось обширное маніе, бывшее некогда командорственной обителью рыцарей ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго. Но, съ 1312 года, рыцари жили въ самомъ Гарлемѣ, гдѣ Вильгельмъ Добрый подарилъ имъ монастырь, и прежнее ихъ мѣстопребываніе оставлено вцелѣ.

Настоящее положеніе умовъ въ Фризландіи очень озабочивало владѣтельнаго графа Вильгельма IV. Страна эта была не одинъ разъ принуждена уступать оружію графовъ Фландрскихъ, но никогда не покорялась совершенно; и теперь, несмотря на внутреннюю борьбу двухъ сильныхъ партій, извѣстныхъ подъ именами Ширингеровъ и Веткоперовъ, изъ которыхъ къ первой принадлежало знатнѣйшее и богатнѣйшее дворянство, а ко второй вообще низшій классъ народа, — выжидала только случая сбросить съ себя узы подданства, и то едва замѣтно. Область Вестерго и городъ Ставеренъ, изнуренные войною, покорились, въ іюль 1320 году, графу Вильгельму Доброму; но покорились не безусловно: они признавали графа Голландскаго покровителемъ или статудеромъ, а настоящимъ своимъ государемъ считали одного германскаго императора, и то только для того что за его именемъ, какъ за щитомъ, сохраняли свою свободу, когда ей угрожало оружіе котораго-нибудь изъ ленныхъ владѣтелей имперіи.

Такая мнимая покорность не могла быть прочною. Власти, поставленныя графомъ въ Фризландіи, скоро пришли въ пренебреженіе и даже презрѣніе; однако же благоразумная дѣятельность знатнѣйшихъ Фризландцевъ удержала народъ отъ общаго возстанія. Но, вскоре по возвращеніи Вильгельма IV изъ Германіи, новый мятежъ вспыхнулъ въ Ставеренѣ. Предупреждая мечь графа, Фризландская діета опредѣлила отправить къ нему депутацію, для окончанія этого дѣла дружелюб-

нымъ образомъ, и для утвержденія правительства Фризландіи на основаніяхъ болѣе точныхъ, но притомъ отнюдь не касаясь до правъ и преимуществъ, которыми Фризландцы, по ихъ словамъ, пользовались еще со временъ Карла Великаго. Графъ, желая какъ-можно сохранить мирныя отношенія къ Фризландіи, понялъ, что долженъ съ честію принять ея депутатовъ, и всячески постараться пріобрѣсть ихъ благорасположеніе. Онъ пригласилъ депутатовъ прибыть въ Гарлемъ къ самымъ праздникамъ, и предоставилъ для ихъ помѣщенія прежнюю обитель рыцарей Святаго Іоанна Іерусалимскаго, которую приказалъ по этому случаю отдѣлать и меблировать на свой счетъ.

Въ большой залъ, служившей прежде столовою рыцарямъ, за круглымъ столомъ сидѣли три человека: двое изъ нихъ въ одеждѣ присвоенной духовенству. На одномъ, золотой крестъ на алой лентѣ, — знакъ его аббатскаго достоинства. Видъ его степенный, и объемъ живота значительный. Черты лица его не неприятны; но отвислыя щеки, толстая шея и голубые глаза безъ всякой выразительности, отнимали все достоинство его фізіономіи. Голова его сохранила нѣсколько съдѣвшихъ волосъ, борода была выбрита.

Сосѣдъ его за столомъ, въ одеждѣ похожей на одежду Серпъ Аделена, не имѣлъ нужды въ знакахъ отличія: въ немъ, и безъ нихъ, видѣнъ былъ человекъ знатнаго происхожденія. Глубокія морщины полосили его лобъ, и обличали заботы и сердечныя страданія; но лицо его одушевлено такою благосклонностью, взоръ такъ проницателенъ, что на него нельзя глядѣть безъ особеннаго уваженія. Несмотря на то, что онъ обыкновенно говорилъ по-фризландски, видно было, что ему знакомы многіе иностранные языки, и что онъ посѣщалъ разныя государства. Необыкновенныя способности этого человека пріобрѣли ему довѣренность согражданъ, и сирь д'Эльва былъ не только избранъ въ

оцдершаны, или первые сановники города Девардена, но и назначенъ въ число депутатовъ Фризландин къ графу Голландскому.

Третій собесѣдникъ сидѣлъ на нижнемъ концѣ стола, не въ креслахъ, какъ тѣ двое, а на смиренной деревянной скамьѣ, и платѣ на немъ было монаховъ бенедиктинскаго ордена. Блѣдность его щекъ и худощавость тѣла, слѣдствія постной жизни и ученыхъ занятій, придавали ему видъ твердости и благоразумія, съ которыми согласовались все его поступки. Онъ не занималъ въ своемъ ордени никакого почетнаго званія, и однако жъ имѣлъ надъ всею братіею то влияние, которое всегда пріобрѣтаютъ надъ обыкновенными людьми люди непосредственные. Въ монастырѣ ни что не дѣлалось безъ совѣтовъ отца Сиара. Но онъ никогда не старался выставиться впередъ, и потому не возбуждалъ ни малѣйшей зависти. Аббатъ совершенно въ него вѣрился, и, воображая, что аббатъ Святаго-Одольфа не можетъ быть погрѣшительнымъ, слѣдовалъ однако же во всемъ мнѣніямъ брата Сиара, въ той блаженной увѣренности, что это его собственныя мнѣнія.

Лица двухъ первыхъ собесѣдниковъ выражали безпокойство и нетерпѣніе. Сира д'Эльва тревожило долгое отсутствіе Серпа Аделена, котораго онъ зналъ пылкій характеръ; а аббатъ нетерпѣливо поглядывалъ то на дверь, то на накрытый столъ, на который кушанье не было еще поставлено. Наконецъ, сиръ д'Эльва взявъ серебряный свистокъ и свиснулъ: вошелъ слуга.

— Серпъ Аделенъ еще не бывалъ? торопливо спросилъ аббатъ.

— Конечно, дожидаться его не очень пріятно, сказалъ сиръ д'Эльва: но было бы еще не пріятнѣе явиться безъ него на аудіенцію къ графу.

— Не пріятнѣе? это почему? Я бы, напротивъ, желалъ, чтобы этотъ невоспитанный человекъ и вовсе не

представлялся съ нами къ двору, гдѣ намъ придется безпрестанно краснѣть отъ его грубостей и невѣжества.

Но вдругъ дверь залы отворилась съ шумомъ; Серпъ Аделенъ быстро вошелъ и, не говоря ни слова, бросился въ кресла,

— Что такое! Боже мой, что случилось? вскричалъ аббатъ, испуганный положеніемъ, въ которомъ видѣлъ своего товарища,

Аделенъ молчалъ.

— Что бы ни случилось, а я очень радъ, что вижу васъ, сказалъ д'Эльва, протягивая руку къ Серпу Аделену.

— Теперь ни слова; послѣ обѣда все расскажу.

— Да, да, послѣ обѣда, подхватилъ аббатъ, и всѣ сѣли за столъ.

По обычаю тогдашняго времени слуги обѣдали въ одно время и въ одной комнатѣ съ господами, только за другимъ столомъ. Возлѣ креселъ, занятыхъ ольдерманомъ, оставались еще однѣ пустыя: онъ приказалъ ихъ отставить.

— Какъ! вскричалъ Аделенъ, развѣ Мадзи не будетъ?

— Ей нездоровится, отвѣчалъ д'Эльва, и она должна обѣдать въ своей комнатѣ.

— Однако жъ я вчера опорожнилъ множество кубковъ за ея здоровье.

— То-то и есть, что слишкомъ много; а кто хочет привлечь къ себѣ сердце женщины, прибавилъ ольдерманъ, понизивъ голосъ: тотъ долженъ удерживать свои страсти.

— Ну, если я нью вино, такъ зато братъ Сіаръ и пьетъ ничего кромѣ воды.

— И прекрасно дѣлаетъ, замѣтилъ аббатъ, напоминая своимъ видомъ свой кубокъ.

По окончаніи обѣда слуги вышли, и Серпъ Аделенъ рассказалъ товарищамъ все, что съ нимъ случилось.

— Благодарю васъ, сказалъ д'Эльва, за великоду-

ную помощь оказанную моему служителю. Вы поступили какъ настоящій Фризландецъ, если не какъ посланникъ. Но что же вы не пригласили рыцарей, которые помогли вамъ?

— Пусть они прїѣдутъ въ Фризландію! вскричалъ Серпъ Аделенъ, поднимая свой кубокъ: прїѣдутъ какъ друзья — угощу на славу; прїѣдутъ какъ враги — тоже угощу, только другимъ образомъ.

— Оно такъ, однако же не забывайте, что мы посланы для миролюбивыхъ переговоровъ.

— Переговоры переговоровамъ, а между-тѣмъ я прошу отца Сіара написать къ графу, отъ имени депутаціи, серьезную ноту объ оказанномъ мнѣ неуваженіи.

Какъ бы былъ недоволенъ д'Эльва такимъ страннымъ требованіемъ Аделена, а не могъ удержаться отъ улыбки.

— Я не считаю нужнымъ такой ноты, сказалъ онъ вставая. Но кончимте этотъ разговоръ; пора готовиться къ аудіенціи.

Онъ вышелъ; аббатъ за нимъ.

Серпъ Аделенъ, оставшись одинъ съ отцомъ Сіаромъ, взялъ его за руку и сказалъ:

— Я полагаю, что вы истинный Фризландецъ.

— Именно!

— Такъ вы напишете мнѣ ноту?

— Вы видите, что ваши товарищи не соглашаются.

— Велика важность! Если я обнажу мечъ, весь Вестерго прїиметъ оружіе.

— Сомнительно. Война за свободу Фризландіи — это сдѣлать; но ни кто не возьметъ оружія за лишнюю ссору Серпа Аделена съ чернью голландскаго города.

— Такъ, по вашему, намъ должно склонять голову передъ Вильгельмомъ?

— Война будетъ, необходимо будетъ; но не вамъ слѣдуетъ зажечь ее. Подождите немного. Неразсудительность послѣдствіемъ можетъ все испортить. Дайте мнѣ сло-

во оставаться спокойнымъ три дня, и тогда я сообщу вамъ мои виды и намѣренія.

— Виды и намѣренія отца Сиара! насмѣшливо произнёсъ Аделенъ.

— Да! Одно слово отца Сиара двинетъ семь областей этого не можетъ сдѣлать и самъ Серпъ Аделенъ. Но идите приготовляться къ аудіенціи.

Доминиканецъ вышелъ изъ комнаты. Серпъ Аделенъ долго еще оставался въ раздумьи.

Черезъ полчаса Деодатъ и Ренё прѣехали отъ дома за депутатами; но посланники были еще не совсемъ готовы, и рыцари, дожидаясь ихъ, пошли въ садъ.

Проходя мимо одного изъ крыльевъ владія, вдругъ услышали звуки лютня, и прелестный жемчужный голосъ запѣлъ фризландскую пѣсню.

— Постой! сказалъ Деодатъ: послушаемъ.

И они остановились. Черезъ нѣсколько минутъ лютня замолкли, а оба рыцаря все-еще не двинулись съ мѣста. Но вотъ, къ нимъ подошелъ сд'Эльва, и послѣ взаимныхъ привѣтствій, они отправились къ аббату и Аделену, которые ожидали уже въ воротѣ саду. Депутаты и рыцари сѣли на коней и прѣехали.

— Позвольте ли, благородные рыцари, сказать вамъ, узнать ваши имена?

— О, это имена едва ли вамъ извѣстныя, отвѣтилъ Деодатъ: моего друга зовутъ Ренё, а меня Деодатъ. Мы оба изъ Вероны.

— Изъ Вероны! повторилъ сд'Эльва блѣднѣя: родились тамъ?

— Мы были воспитаны въ Болоньи благороднымъ Карло делла Скала, торопливо отвѣчалъ Ренё, перешелъ къ дальнѣйшаго разговору о предметѣ, на котораго любилъ останавливаться.

д'Эльва замолчалъ, и черты лица его подернулись мрачною меланхоліей. Онъ, казалось, хотѣлъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, но Серпъ Аделенъ не далъ ему времени заговорить, и обращаясь къ рыцарямъ сказалъ съ довольнымъ видомъ :

— А, такъ вы не Голландцы?

— Не имѣемъ этой чести, также какъ и вы; сухо отвѣчалъ ему Ренó.

— Тѣмъ лучше! сказалъ Аделенъ, не обращая ни какаго вниманія на тонъ отвѣту Ренó : тѣмъ лучше! И по этому я откровенно скажу вамъ, что не могу терпѣть Голландцевъ.

— Мы ими обласканы, возразилъ Деодатъ, и не допустимъ, чтобы ихъ оскорбляли въ нашемъ присутствіи. — Этакимъ невѣжа! тихо промолвилъ онъ по-итальянски, обращаясь къ Ренó.

— Быть-можетъ, проговорилъ д'Эльва на томъ же языкѣ : только, увѣряю васъ, онъ человѣкъ благородный.

— Развѣ вы бывали въ нашей сторонѣ? вскричалъ Деодатъ, удивленный, что слышитъ звуки роднаго языка.

— Я пробылъ въ ней цѣлый годъ, годъ самый счастливый и вмѣстѣ самый бѣдственный моей жизни. Но, видите : мнѣ не должно говорить о моихъ печаляхъ и молодыхъ людяхъ, которые, вѣроятно, сохранили своей родинѣ однѣ веселыя воспоминанія.

Разговаривая такимъ образомъ, они вѣзжали въ аллею, ведущую къ графскому павильону.

Палатка отъ этого павильона находилась довольно широкое пространство, обсаженное прекрасными явками и окруженное ипполитомъ; тамъ нѣсколько дворянскихъ занимались метаніемъ стрѣлъ въ пригоспленную цѣль. Они замѣтили приближающихся всадниковъ : одинъ изъ нихъ побѣжалъ къ Деодату, сказалъ ему тихо словъ пять шесть и возвратился.

— Это оруженосецъ графа, сказалъ Леодатъ Фризландцамъ : онъ просилъ меня пригласить васъ принять участіе въ ихъ игрѣ, покуда графъ отдыхаетъ послѣ обѣда, а графиня возвратится съ прогулки.

Депутаты вошли за шпалерникъ; придворные не перестали играть, но учтиво поклонились имъ. Такой приемъ депутатамъ былъ сдѣланъ по повелѣнію графа и не безъ политической цѣли. Онъ хотѣлъ дать понять Фризландцамъ, что принимаетъ ихъ не какъ иностранцевъ а какъ близкихъ друзей. Одинъ изъ придворныхъ, который, казалось, исполнялъ должность церемоніймейстера, подошелъ къ депутатамъ.

— Графу очень досадно, сказалъ онъ, что его свѣтлость не могъ пригласить васъ сегодня къ обѣду.... Если не ошибаюсь, то вижу сира д'Эльва — (поклонъ), преподобнаго сентъ-одольфскаго аббата — (другой поклонъ), и достойнаго потомка одного изъ древнихъ королей Фризландій — (третій поклонъ). Мы сочтемъ себя за честь если вы удовольствуетесь нашимъ обществомъ, и вмѣстѣ съ нами выпьете по кубку пріапаго вина. Сегодня мы принимаемъ васъ какъ друзей, а церемонія оставимъ до другаго времени.

Тотъ, кто говорилъ это, былъ человекъ средняго росту, лѣтъ отъ тридцати до сорока, съ благородною осанкою и выраженіемъ чистосердечія въ чертахъ лица. Его рѣзкая рѣчь обличала привычку повелѣвать, а выговоръ показывалъ какъ-будто иностранца. Цвѣтъ лица его былъ смугль отъ загару, а глаза блистали благородною гордостью. Платье на немъ было очень просто, и ни чѣмъ не отличалось отъ одежды другихъ придворныхъ.

— Мы благодаримъ васъ за вѣжливость, отвѣчалъ ему сиръ д'Эльва: и вы можете быть увѣрены, что дружескій и чистосердечный приемъ, гораздо намъ пріятнѣе всякихъ церемоній.

И покуда церемоніймейстеръ приказывалъ податъ вина, д'Эльва шепнулъ Аделену :

— Будьте осторожны! здѣсь есть люди, которые не то, чѣмъ кажутся.

Едва успѣли присутствующіе выпить по кубку, какъ послышался топотъ множества лошадей; графиня возвратилась съ прогулки, и вмѣстѣ съ своею свитою вошли въ огороженное пространство. Ее велъ подъ руку челоуѣкъ лѣтъ пятидесяти, котораго благородный и величественный видъ внушалъ почтеніе. То былъ сиръ де-Бомонъ, съ которымъ д'Эльва, за двадцать пять лѣтъ передъ этимъ, дѣлалъ вмѣстѣ нѣсколько кампаній.

— Я долженъ сказать вашей свѣтлости, проговорилъ церемоніймейстеръ, подводя къ графинѣ депутатовъ : что графъ, по случаю болѣзни, можетъ-быть и не выйдетъ сегодня изъ своихъ апартаментовъ. Позвольте мнѣ представить вамъ и сиру де-Бомонъ фризландскихъ депутатовъ.

Графиня отвѣчала довольно холодно на поклонныя фризландцевъ, но сиръ де-Бомонъ ласково привѣтствовалъ д'Эльва, котораго тотчасъ узналъ.

— Я съ удовольствіемъ вижу, сказалъ онъ ему, что вы не забыли нашего прежняго товарищества, потому что носите еще золотую цѣпь, подаренную вамъ моимъ братомъ, и такую же точно какъ у меня. — Что? дошли ли вы нашимъ пріемомъ? онъ, кажется, не такъ какъ бы слѣдовало.

— Чистосердечіе лучше всего, отвѣчалъ д'Эльва; но рѣдѣе ошибаются, если думаютъ провести такую статью лиценціи какъ я.

Графиня сѣла въ кресла; всѣмъ другимъ подали тауреты.

Вдругъ раздался хохотъ нѣкоторыхъ присутствующихъ, и всѣ глаза устремились къ выходу на аллею. Тамъ ему подъѣхалъ знаменитый Барбауера, верхомъ

на конѣ, такомъ же тощемъ какъ самъ, и паяцъ, вѣр-
хомъ на ослѣ, съ походной ацтокой за плечами, на ко-
торой сидѣлъ Сезарь, со всею важностью обезьяны.

Графиня, по приказанію которой онѣ пріѣхали, дала
знакъ, чтобы ихъ немедленно впустили.

Въ эпоху описываемыхъ нами происшествій нерѣдко
случалось, что знатнѣйшія лица приглашали къ себѣ
трубадуровъ, труверовъ, минстрелей и шутовъ, и про-
водили съ ними по нѣсколько часовъ послѣобѣденнаго
времени. И поэтому, Барбанера-Несравненный, его па-
яцъ и обезьяна нисколько не смутились представъ пе-
редъ высокими зрителемъ, и очень развязно начали свои
фокусъ-покусы.

— Что у тебя въ этомъ мѣшкѣ, которой ты такъ бе-
режно положилъ подъ столъ? спросила паяца та особа,
что мы назвали церемоніи-мейстеромъ.

— Въ немъ магическій пруть моего повелителя, по-
средствомъ котораго онъ узнаетъ будущее.

— Если бы ея свѣтлость дозволила, мы бы съ удо-
вольствіемъ заглянули въ будущее и испытали силу
магическаго прута.

— Великій Барбанера не иначе можетъ согласиться
на ваше желаніе, какъ подъ двумя необходимыми усло-
віями.

— Какія же это условія?

— Первое, чтобы ея свѣтлость изустно повелѣла ве-
ликому Барбанеру доказать свои познанія въ магии....

— Повелѣваемъ, сказала графиня.

— Второе, чтобы запрещено было каждому обижать-
ся предсказаніемъ, которое прійдется на его долю.

— Очень справедливое требованіе, замѣтила графиня : я увѣрена, что никто не будетъ мнѣ противорѣ-
чить, и запрещаю всемъ и каждому обижаться.

Послѣ этого, Барбанера поставилъ на столъ большой

хрустальный сосудъ, влилъ въ него какой-то прозрачной жидкости и всыпалъ разныхъ порошковъ. Палецъ пригласилъ подходить желающихъ узнать свою будущность.

Первая подошла графиня, и шопотомъ спросила у шарлатана долго ли проживетъ счастливою съ своимъ супругомъ. Барбанера почтительно поклонился, снялъ крышу съ сосуда, опустилъ въ него одинъ конецъ магического прута, а другой подалъ графинѣ, между-тѣмъ какъ самъ началъ дуть на жидкость изъ серебряной грубочки. Жидкость почернѣла и по ея поверхности пошли пузыри, точно жемчугъ или капли слезъ. Тогда Барбанера почти на-ухо проговорилъ графинѣ,

«Скоро день прійдетъ,
Много знатныхъ умретъ;
Но не вѣчныя слёзы:
Разцвѣтутъ снова розы.»

И шарлатанъ попросилъ графиню посмотреть на дно сосуда: ей показалось, что на днѣ лежитъ невѣстный вѣнокъ.

— Конецъ лучше начала, сказала она отходя; но я не желаю знать ничего болѣе.

Потомъ, обращаясь къ дамамъ своей свиты, графиня проговорила:

— Я не совѣтую вамъ узнавать будущаго: это слишкомъ тягостно для женщинъ.

— Такъ наша очередь, сказалъ любимецъ графа, сиръ Нальдвикъ. Ну, колдунъ; говори, долго ли мнѣ жить на свѣтѣ?

Фокусникъ подалъ ему магическій прутъ, и едва Нальдвикъ опустилъ его въ сосудъ, какъ жидкость покраснѣла какъ кровь, и шарлатанъ проговорилъ.

«Стрѣлу спустить готова тетива.
Твоя ей мѣтой голова.»

— Аммиа! сказалъ Нальвикъ : по-крайней-мѣрѣ я увижу смертью храбрыхъ.

Многіе рыцари, одинъ за другимъ, дѣлали колдуну тотъ же вопросъ, и будущее всѣмъ грозило близкою смертью; одному только де-Бомону выпало счастливое предсказаніе.

Когда; въ свою очередь, д'Эльва подошелъ къ шарлатану, тотъ шепнулъ ему :

— Вспомни про Біанку ди Салерно.

— Боже мой! вскричалъ д'Эльва, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ : откуда ты знаешь объ этомъ?

Но не дождавшись отвѣту отошелъ, уступая мѣсто приблизившемуся церемоніймейстеру, передъ которымъ Барбанера тотчасъ сталъ на колѣни, называя его свѣтлѣйшимъ графомъ.

— А, какъ ты знаешь меня! сказалъ мнимый церемоніймейстеръ, графъ Вильгельмъ IV : однако жъ, я хочу знать, что мнѣ предвѣщаетъ судьба. Говори.

— То же, что предвѣщалъ графъ Гельдрскій.

— Бездѣльникъ! вскрикнулъ графъ, и поднялъ руку на шарлатана; но удержалъ порывъ гнѣву, отошелъ, и только сказалъ : вонъ изъ моихъ владѣній! вонъ въ двадцать четыре часа.

Чтобы понять, дѣйствіе на графа словъ Барбанери, должно знать, что графъ Гельдрскій, крестный отецъ, Вильгельма IV, принимая его отъ святой купели, предрекъ, что новокрещенный погибнетъ отъ меча Фризландцевъ.

Д'Эльва первый подошелъ къ графу, и обнажая голову, почтительно сказалъ:

— Оставайтесь всегда для Фризландцевъ добрымъ и великодушнымъ покровителемъ, и, вѣрьте, что будете безопасны отъ ихъ меча.

— Благодарю васъ, благородный д'Эльва, отвѣчалъ графъ, и потомъ, обращаясь къ Серпу Аделену и аббату, примолвилъ : мы увѣрены, что господа депутаты

отъ Фризландца не поворачиваетъ на насъ, за то, что мы къ нему приняты никтою; торжественность и церемонія завтра : сегодня будемъ какъ свои.

Вследъ за тѣмъ все общество съѣло на коней и отправилось въ Гарлемъ. Рено и Деодатъ поотстали.

— Остановись, сказалъ Рено другу : мнѣ пришла счастливая мысль.... Слѣдуй за мной.

— Куда ?

— Въ хижину лѣсничаго Вальтера; мы тамъ оставимъ лошадей, и проберемся къ сторонѣ древней обители іерусалимскихъ рыцарей: посмотримъ, нельзя ли какъ увидать пѣвицу Фризландку.

Деодатъ и Рено подъѣхали къ хижинѣ лѣсничаго. Дверь была полу-отворена, и покуда Рено привязывалъ къ дереву поводья лошадей, Деодатъ вошелъ въ нее. Солнце уже закатилось, на очагъ чуть-чуть тлѣлся огонекъ, и въ темнотѣ онъ едва могъ различить женщину, сидѣвшую у стола.

— Гдѣ твой мужъ ? спросилъ Деодатъ подходя къ ней.

Она вскрикнула отъ изумленія, потому что не слышала какъ вошелъ рыцарь, и сказала :

— Я не жена Вальтера; его здѣсь нѣтъ.

Голосъ этой женщины былъ чистъ и звученъ; выговоръ обличалъ иностранку.

— А, это вы! проговорила молоденькая дѣвушка, выходя изъ темнаго угла комнаты.

— Наша давнишняя хорошенькая фризляночка! вскричалъ Деодатъ, узнавши Сизу.

— Пойдите, сказала Сиза : я засвѣчу ночникъ.

При свѣгѣ ночника Деодатъ могъ рассмотреть незнакомку, которую принялъ-было за жену Вальтера : онъ увидѣлъ въ ней красавицу.

— Какой ангелъ ! подумалъ Деодатъ ; и прибавилъ

воздухъ: — Вели бы дворъ его свѣтлости узналъ, что въ этой, дѣйствительно можно встрѣчать такое пріятное общество, то она бы всегда была молна посвѣтителей.

— Не думаю, чтобы это зрѣлище привлекло многихъ, отвѣчала она, показывая на женщину, распростертую на бѣдномъ одрѣ, возле которой сидѣлъ монахъ.

По голосу незнакомки, Деодать сейчасъ узналъ въ ней пѣвицу, чей голосъ очаровалъ его поутру, въ саду денугатовъ.

— Да, сказала Сиза : негодяй мужъ разбилъ ей голову.... Бѣдная Алиса!...

Алиса хотѣла что-то вымолвить, но монахъ, то былъ братъ Сіаръ, который держалъ ея за пульсъ, сказалъ : «Молчи! тебѣ не должно разговаривать.»

— Чортъ возьми ! вскрикнулъ вкось Ренó : долго ли же мнѣ стеречь лошадей ?

— Говори тише, остановилъ его Деодать : мы не одни, и здѣсь лежитъ больная.

— Ахъ, Боже мой, виноватъ ! вскричалъ Ренó, обращаясь къ незнакомкѣ сидѣвшей у стола : сдѣлайте милость, простите.

Но дверь опять отворилась : вошла дочь Алисы, она прыгала отъ радости :

— Вотъ, говорила она : я привела лекаря, который вылечитъ маменьку.

За нею явился Барбанера, и, кланяясь на всѣ стороны, подошелъ прямо къ постели больной.

— Только осмѣйся до нея дотронуться пальцемъ, такъ я тебя повѣшу, вскричалъ Ренó.

— Худо сдѣлаете, шепнулъ ему по-итальянски шарлатанъ : потому что мнѣ одному : во всемъ свѣтѣ известна тайна вашего рожденія.

— Тебѣ! возразилъ Ренó, отводя его къ сторонѣ : ну, такъ слушай : завтра, въ восемь часовъ утра будь здѣсь. Скажешь правду — награжу по царски; солжешь — убью.

— Прийду; только съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Никому не говорить о назначенномъ свиданіи.

— Хорошо.

— Я думаю, фрейлинъ Мадзи, намъ нора возвратитъ-ся, сказалъ Сіаръ незнакомкѣ.

— Позвольте, мифрейлинъ, имѣть честь проводить васъ, подхватилъ Ренó.

И когда всѣ вышли изъ хижины, рыцари на нашихъ своихъ лошадей : онъ были уведены Богъ-знаетъ кѣмъ.

Ренó было расшумѣлся, но наконецъ Деодатъ сказалъ ему :

— Лошадью больше, лошадью меньше, не стóитъ хлопотать. Пойдемъ ; сиръ д'Эльва должны очень беспокоиться объ отсутствіи дочери.

— Я не дочь сира д'Эльва, сказала Мадзи : онъ мой оцекунъ.

Продолжая разговаривать съ дѣвушкою, молодые люди узнали, что она единственная отрасль фамиліи Декама, а Сіаръ сообщилъ имъ что Мадзи обыкновенно зовутъ Декамскою Розою. Проводивъ ихъ, рыцари возвращались молча. Оба думали о прекрасной Фризландкѣ. Наконецъ, благородный Деодатъ не вытерпѣвъ и спросилъ друга :

— Ренó, пойдешь ли ты завтра опять въ Вальтерову хижину?

Этотъ простой вопросъ заставилъ Ренó вздрогнуть.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ... А, да! пойду; мнѣ тамъ Барбанера назначилъ свиданье.

— Что жъ ты не скажешь? Зачѣмъ это свиданье?

— Ты такъ занятъ прелестной Мадзи, что я не хотѣлъ отвлекать тебя отъ мечтаній.

— Послушай Ренó, сказалъ Деодатъ серьезнымъ тономъ : Мадзи сдѣлала на тебя впечатаніе, и ты ревнуешь ко мнѣ.

— Твое собственное сердце скажетъ правъ я или нѣтъ.

— Не скрою, что Мадзи мнѣ мила; но если бы я питалъ къ ней и самую пламенную любовь, то всё нашелъ бы въ себѣ довольно силы, чтобы побѣдить ее и не огорчить друга.

— Деодатъ! вскричалъ Ренѣ съ чувствомъ, протягивая къ нему руку: ты великодушнѣе меня; но не требую такой жертвы. Если ты любишь Мадзи какъ я люблю ее, то станемъ оба стараться, каждый за себя, овладѣть ея сердцемъ, и поклянемся, что который не успѣетъ, не станетъ завидовать счастью другаго.

— Это вещь не возможная! Развѣ ты не знаешь, что любовь — яблоко раздора между искреннѣйшихъ друзей? По-крайней-мѣрѣ, что касается до меня, чувствую, что мнѣ легче будетъ теперь, нежели потомъ, позабыть прелестную Мадзи; и вотъ, чтобы не возбуждать въ тебѣ подозрѣній, я не стану съ-сихъ-поръ бывать у Фришландцевъ.

Рыцари ввѣхали въ Гарлемъ, и объявили въ судѣ о зловрѣдствѣ у нихъ лошадей.

На другой день Ренѣ, рано утромъ, отправился въ хижину лѣсничаго. Подходя къ бывшей командорственой обитали, онъ вдругъ остановился и скрылся за деревомъ, примѣтивъ, что братъ Сіаръ выходитъ изъ ограды въ потайную калитку. Не зная самъ для чего, рыцарь издали за нимъ послѣдовалъ.

Сіаръ пробирался по извилистой тропинкѣ, дошелъ до какой-то ветхой хижины и постучалъ въ дверь; ее отперла мужская фигура, въ которой, по ея остроконечному носу и длиннымъ чернымъ волосамъ, Ренѣ тотчасъ узналъ Барбанеру. Это его изумило; онъ подползъ и сталъ прислушиваться, что было очень легко, потому что въ стѣнахъ ветхой хижины находились большія трещины.

— Ну, что будутъ говорить завтра Фризландскіе депутаты знаменитому графу Голландіи и Геннегау? спросилъ Барбанера.

— Я думаю, отвѣчалъ Сіаръ, что выгода Фризландіи требуетъ выиграть время. Но какъ бы то ни было, а увѣренъ, что Фризландцы скорѣе согласятся на войну на смерть, чѣмъ признаютъ графа своимъ властелиномъ.

— Не понимаю, какъ это въ число депутатовъ избрали этого неуча Серпа Аделена!

— Серпъ Аделенъ богатъ и знатенъ, и вліяніе его на дѣла еще умножится, когда онъ женится, какъ говорятъ, на Декамской Розѣ.

Отъ этихъ словъ Ренѣ вздрогнулъ.

— Необходимо, сказалъ Барбанера, чтобы при первомъ знакъ къ войнѣ, вся Фризландія возстала одновременно.

Тутъ, онъ и братъ Сіаръ начали говорить такъ тихо, что Ренѣ уже ничего не могъ болѣе разслушать, и опасаясь, что они его увидятъ, осторожно удалился, и пошелъ въ хижину лѣсничаго.

При входѣ въ эту хижину, первый, попавшійся ему на глаза, предметъ, былъ Барбанера, который преспокойно сидѣлъ у стола. Ренѣ остолбенѣлъ.

— Вы видите, сказалъ ему шарлатанъ по-италіянски: я не замѣшкался прійти на назначенное мѣсто.

— Бездѣльникъ! такъ ты-то злоумышляешь противъ графа.

— Что вы!

— И еще смѣешь притворяться, будто не понимаешь меня! Знай, я подслушалъ весь твой разговоръ съ Сіаромъ.

— Мой разговоръ съ Сіаромъ?.... Да я не видалъ ни какого Сіара.... Гдѣ? Когда?

— Сейчасъ; тамъ, въ лѣсу, въ хижинѣ.... Но чего я

не могу понять, такъ это то, какимъ образомъ ты очутился здѣсь.

— Скажи рыцарю, давно ли я здѣсь, проговорилъ Барбанера, обращаясь къ женѣ Вальтера.

— Да ужъ будетъ съ полъ-часа, отвѣчала она.

— Такъ видно нечистая сила ослѣпила меня, вскричалъ Ренó : потому что нѣтъ и десяти минутъ какъ я видѣлъ его собственными моими глазами, вмѣстѣ съ братомъ Сіаромъ.... Мерзавецъ! сказалъ онъ Барбанеръ : сознавайся сейчасъ во всѣхъ своихъ адскихъ намереніяхъ; не то — вотъ кинжалъ.

— А за что жъ вы хотите убить старика?

— Говори, что замыслилаешь противъ графа? или сію же минуту убью.

— Развѣ вы непременно хотите убить человека, который спасъ вамъ жизнь, когда вы были ребенкомъ?

— Что-бъ?... вскрикнулъ рыцарь, опуская кинжалъ.

— Иди вы бабыли, какъ едва не утонули въ прудѣ, и какъ Паоло спасъ васъ съ опасностью собственной жизни?

Ренó затрепеталъ и, молча, пристально смотрѣлъ на шарлатана.

— Эти длинные волосы и эта борода, конечно, очень измѣняютъ черты моего лица; но взгляните хорошенько.

И говоря это, Барбанера снялъ шапку и откинулъ волосы.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ Паоло?

— Позвольте!....

Фокусникъ отвернулся къ окну, чтобы женѣ лѣсничаго нельзя было видѣть его лица, и снимая на минуту накладной носъ, спросилъ рыцаря:

— Ну, что? узнаете ли теперь?

— Да, Паоло, это точно ты!

— А вы расположились-было убить единственнаго

мозька въ мирѣ , которому извѣстна тайна вашего
рожденія !

— Что жъ ты давно не пришелъ ко мнѣ ?

— Да развѣ я могъ быть увѣренъ , что вы захотите
узнать Паоло , и что вѣсти мои будутъ вамъ пріятны ?

Ренѳо , подумавъ съ минутою , отвѣчалъ :

— Будь увѣренъ , Паоло , что каковы бы ни были
привнесенныя тобою вѣсти , а для меня нѣтъ ни чего
пунительнѣе , какъ оставаться въ неизвѣстности о моемъ
рожденіи .

И онъ взялъ скамейку и сѣлъ напротивъ Барбанеры .
Тотъ началъ :

— Вамъ извѣстно , что фамилія Салерцо , съ незна-
матыхъ вѣковъ одна изъ самыхъ знаменитыхъ фами-
лій въ Веронѣ . Я , также какъ и отецъ мой , находи-
лся въ услуженіи благороднаго ея главы , графа Луид-
жи . Графу Луиджи было чрезвычайно прискорбно , что
у него не было сына , которому бы онъ могъ передать
свое имя и свои богатства . Но зато , дочь его , Біанка ,
стала первою красавицей во всей Веронѣ , и нѣтъ ни-
чего мудренаго , что ей представлялось множество же-
ланій ; изъ всѣхъ ихъ графъ Луиджи наиболѣе отли-
чалъ Франческо делла Скàла , который , по своему ро-
ду и богатству , сталъ главою партіи , имѣвшей большое
вліяніе въ Веронѣ . Но , къ несчастію , наружность Фран-
ческо вовсе не была способна возбудить любовь въ
сердцѣ молодой дѣвушки , тогда какъ родственникъ его ,
Карло делла Скàла , который тоже увивался вокругъ
Біанки , былъ собою очень красивъ . Но ни Карло ни
Франческо не привлекли на себя вниманія дочери гра-
фа Луиджи . Ея сердце уже было отдано одному изъ
немецкихъ рыцарей , котораго она имѣла случай ви-
дѣть въ Миланѣ , гдѣ гостила у ближней своей род-
ственницы . Графъ Луиджи , не зная о любви дочери , и
желая скорѣе видѣть ее женою Франческо , приказалъ
ей тотчасъ оставить Миланъ и возвратиться въ Верону .

Любовники были въ совершенномъ отчаяніи. Біанка поклялась своему рыцарю, что никогда не выйдетъ замужъ ни за кого кромѣ за него; а онъ сталъ ее умалывать соединиться съ нимъ узами тайнаго брака. Біанка согласилась, и выѣхала изъ Милана женою своего милаго.

— А онъ, повхалъ ли съ нею въ Верону?

— Нѣтъ. Ему нельзя было показаться тамъ, потому что на одномъ турнирѣ въ Германіи онъ смертельно обидѣлъ Франческо делла Скѣла, и тотъ не упустилъ бы удобнаго случая предательски убить его. Притомъ рыцарь далъ обѣтъ посѣтить Палестину вмѣстѣ съ другими пилигримами, и время, назначенное для совершенія этого путешествія уже наступало. Но рыцарь далъ Біанкѣ слово похитить ее хитростью или силой немедленно по своемъ возвращеніи. Едва Біанка прибыла въ Верону, какъ отецъ началъ настоятельно требовать, чтобы она выходила замужъ за Франческо делла Скѣла, который уже присвоилъ себѣ въ Веронѣ верховную власть, и которому ни что не смѣло противиться. Вы легко представите, каково было отчаяніе Біанки, особенно когда она замѣтила, что носитъ уже подъ сердцемъ залогъ любви. Біанка опасно занемогла, и болѣзнь ея продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ, оправилась и желая выиграть время, она сказала отцу, что дала обѣтъ сходить на поклоненіе къ Лоретской Божіи Матери, для принесенія благодареній за свое исцѣленіе. Графъ Луиджи, хотъ это ему и не нравилось, однако жъ согласился. Я и жена моя, пользовавшаяся полною довѣренностью Біанки и тоже беременная, сопровождали ее въ этомъ путешествіи, и время котораго обѣ онъ разрѣшились отъ бремени, каждая сыномъ. Когда родильницы оправились, мы возвратились въ Верону, и жена моя переѣхала на житье въ деревню, называя обоихъ мальчиковъ своими двойничными дѣтьми.

— Боже!... Я угадываю остальное.... Скажи скорее, кто из насъ, Деодатъ или я, сынъ Біанки ?

— Позвольте , рыцарь , позвольте ! дайте мнѣ досказать мою повѣсть. Біанкѣ не оставалось другаго средства избавиться отъ вѣнца съ Франческо, какъ признаться отцу въ томъ , что она уже замужемъ. Она со- съмъ рѣшилась на это признаніе , какъ въ самое это время получила извѣстіе отъ одного изъ друзей своего мужа, бывшаго съ нимъ въ Палестинѣ, что тотъ убитъ въ сраженіи. Тогда, не зная что дѣлать, Біанка рѣшилась покориться волѣ отца.

Годъ прошелъ послѣ этого новаго брака , какъ частыя посѣщенія моей жены Біанкою, незапно навели ея мужа на подозрѣнія, и онъ сталъ выспрашивать, за- чѣмъ она безпрестанно ѣздитъ въ деревню. Несчастливая мать, страшась чтобы тиранъ не открылъ истины и не предалъ смерти ея малютки, рѣшилась на поступокъ смѣлый, но хорошо придуманный. Она знала благород- ный и великодушный характеръ Карло делла Скала, который, негодуя на варварскій деспотизмъ своего род- ственника, оставилъ Верону и поселился въ Пизу. Бі- анка написала къ нему нѣсколько строкъ , и поручила мнѣ доставить къ нему и письмо и ребенка. Но между- тѣмъ, должно вамъ сказать, что и моя жена была тоже въ ужасномъ горѣ; потому что, говорила она, если Франческо подождетъ убійцъ , чтобы избавиться отъ Біанкина сына, то они не пощадятъ и нашего. Словомъ сказать, я взялъ обоихъ малютокъ , отправился съ ними въ Пизу, и положилъ ихъ въ корзинѣ, въ саду Кар- ло делла Скала. Франческо, извѣстясь, что оба ребен- ка скрыты, пришелъ въ бѣшенство, и заключилъ бѣд- ную Біанку въ свою домашнюю тюрьму, гдѣ ей никто не могъ подать руки помощи, потому что тѣмъ временемъ отецъ ея умеръ.

— А она, жива ли ?

— Не знаю. Но позвольте досказать. Я и жена, мы

были принуждены скрыться от Франческовой ярости. Желая навѣдаться о сынѣ, мы зашли въ Пизу, гдѣ мнѣ удалось быть приняту въ число служителей Карло делья Скала.

— Да, я помню даже, что ты былъ выгнанъ за какую-то кражу.

— На меня всклепали воровство, и выслали не выслушавъ оправданія. Между-тѣмъ жена моя умерла; у меня не осталось ни кого, кто бы любилъ меня, и я, какъ видите, рѣшился приняться за теперешнее ремесло и брать пошлину съ дураковъ, а иногда и съ умныхъ людей.

— Разрѣши же мои сомнѣнія : скажи, который изъ насъ сынъ БIANКИ?... Но нѣтъ; не говори : надобно, чтобы Деодатъ также слышалъ то, что ты скажешь. Ступай за мною въ Гарлемъ. Я беру на себя упростить графа позволить тебѣ тамъ пробыть нѣсколько времени.

Казалось, что Паоло не хотѣлось объясняться при Деодатѣ, и, подумавъ немного, онъ сказалъ :

— Рыцарь, я вѣдь предупреждалъ васъ, чтобы вы ни слова не говорили Деодату.

— У меня нѣтъ отъ него тайнъ.

— Тѣмъ хуже! Одинъ изъ васъ сынъ БIANКИ, а я все не хочу подвергать себя гнѣву другаго.

— Въ добрую ли для меня сторону понимать мнѣ слова твой, Паоло?

— Какъ угодно.... Однако жъ, что дадите вы бѣдному Паоло, если онъ отдастъ вамъ въ руки такія бумаги, по которымъ вы необходимо будете признаны съномъ челоуѣка, занимающаго не низшую ступень въ обществѣ.

— Ты знаешь отца моего! Кто онъ?

— Его имя стоить золота.

— Я дамъ тебѣ золота. Будь увѣренъ, что моя благодарность....

— Благодарность, водъ видите, слово безъ значенья. Мнѣ нужны очевидныя доказательства, а не пустыя обещанья.

— Паоло, ты мерзавецъ.

— Но всё-таки я человекъ вамъ преданный и доказывающій свою преданность тѣмъ, что вамъ, одному, итъ, говорю о моей тайнѣ.

— Посмотримъ, чего ты попросишь?

— Триста флориновъ чистыми деньгами, и письменнаго обязательства заплатить мнѣ еще шесть сотъ, когда приведу васъ въ объятія богатаго и знаменитаго родителя. Что? Кажется, не много!

— Хорошо; я подумаю, отвѣчалъ Ренó, потому что въ то время деньги были рѣдкость и сумма эта могла постыться огромною.

Собесѣдники разстались.

Ренó, подъѣзжая къ Гарлему, увидѣлъ нѣсколькихъ всадниковъ, которые ѣхали ему навстрѣчу. Онъ скоро узналъ, что это сиръ д'Эльва и Мадзи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ своихъ служителей. Сердце рыцаря забилось радостно при одной мысли, что онъ увидитъ дѣвушку, которую любитъ. Но вотъ всадники проѣхали почти мимо Ренó и никто изъ нихъ, казалось, не обратилъ на него вниманія. Ренó остался нѣмъ отъ удивленія, узнавъ въ одномъ изъ всадниковъ Деодата, который ѣхалъ возлѣ Мадзи, разговаривалъ съ нею и даже тронулъ ее за руку, какъ-бы для того чтобы обратить вниманіе на какой-то предметъ въ виду отъ дороги, на который онъ указывалъ. Деодатъ также замѣтилъ своего друга, и легкая краска побѣжала по его лицу.

— А! такъ такъ-то ты измѣняешь дружбѣ! сказалъ Ренó, когда всадники скрылись отъ его взору. — И онъ же въ слово, что не станетъ встрѣчаться съ Мадзи! Но между тѣмъ наступала часъ, назначенный гра-

фомъ для торжественнаго принятія Фризландскихъ депутатовъ. Ренó поспѣшалъ въ Гарлемъ.

Мы могли бы, подобно Ренó, осудить Деодата за измѣну слова, даннаго другу; но знаемъ, что это дѣло случайности, и расскажемъ какимъ образомъ онъ очутился возлѣ Мадзи.

Поутру, когда Ренó отправился въ хижину лѣсничаго, Деодатъ сѣлъ на коня и повѣхалъ прогуливаться къ взморью. Прелесть мѣстоположенія навела его на мечты о милой Мадзи; онъ вѣхалъ въ онушку роши, сошелъ съ лошади, легъ подѣ дерево и предался этимъ мечтамъ со всею нылкостью первой, еще не признанной, страсти. Вдругъ, видитъ, что на песчаный холмъ, прямо противъ роши, входятъ, со стороны моря, сиръ д'Эльва и Мадзи. Мадзи, остановившись не надолго на вершинѣ холма, бѣгомъ пустилась по его отлогому покату: она не знала, что холмъ этотъ, почти у самой своей подошвы, былъ подрѣтъ весенней водою и образовалъ какъ-бы отвѣсную стѣну высотой въ десять футовъ.

Деодатъ вскочилъ, громко вскрикнулъ и съ быстротою оленя кинулся къ холму. Крикъ его заставилъ неосторожную Фризландку увидѣть опасность; но она не могла уже остановиться въ разбѣгъ, едва успѣла взять нѣсколько въ сторону и спрыгнуть съ крутизны, въ такомъ мѣстѣ гдѣ отвѣсъ былъ не выше футовъ трехъ.

— Боже! какъ я испугался за васъ, сказалъ Деодатъ.

— Да; еще большое счастье, что вы вскрикнули и остерегли меня.... Милости просимъ, сиръ д'Эльва! сказала она опекуну своему, который спустился по менѣе опасной дорожкѣ.

— Какъ это! Да ты тутъ и не одна!... Помилуйте, рыцарь! откуда вы взялись? Съ неба ли что-ли упали?

Тутъ только Деодатъ и Мадзи замѣтили, что они

держатъ другъ друга за руку. Вопросы сира д'Эльва поставили ихъ покраснѣть и опустить руки. Потомъ Деодатъ и Мадзи рассказали старику, какъ случилось, что они сошлись.

Въ это время служители ольдермана привели верховныхъ лошадей. Сиръ д'Эльва и Мадзи поѣхали домой, пригласивъ съ собою Деодата, который, проводивши ихъ до воротъ командорственной обители, тотчасъ же поскакалъ обратно въ Гарлемъ, и, переодѣвшись, поспѣшилъ въ церковь, гдѣ назначена была аудіенція депутатамъ Фризландіи. Вскорѣ прибылъ тудасамъ графъ и вся блистательная его свита. Всѣ заняли мѣста и Вильгельмъ IV сѣлъ на приготовленномъ для него тронѣ; началась мисса, и когда она кончилась, герольдъ объявилъ фризландскую депутацію. Сиръ д'Эльва и Сергъ Аделенъ шли по сторонамъ аббата, который, когда они остановились, сдѣлалъ шагъ впередъ и произнесъ передъ графомъ рѣчь, вѣроятно, сочиненную Сіаромъ. Рѣчь эта была чудо дипломатическаго искусства: чрезвычайно лестная для свѣтлѣйшаго графа, но такъ мастерски соображенная, что въ ней не возможно было отыскать ни одного слова намекающаго о подданнической покорности Фризландіи свѣтлѣйшему Голландскому графу.

Слышавъ на эту рѣчь, Вильгельмъ IV, между прочимъ, сказалъ :

— Все, что вы говорили — прекрасно; только мы не видимъ изъ вашихъ словъ доказательства той покорности, которою подданные обязаны къ своему государю, и которой онъ вправе отъ нихъ требовать.

Графъ съ умысломъ сдѣлалъ удареніе на словъ «подданные».

О чемъ и говорить, возразилъ Сергъ Аделенъ: это очевидно, что требовать отъ деревень, чтобы на нихъ была раба!

При этихъ необдуманнѣхъ словахъ, во всемъ собраніи послышался ропотъ.

— Клянусь небомъ, гнѣвно вскричалъ графъ: если бы мы слѣдовали одному чувству сохраненія нашего владѣльческаго достоинства, то сейчасъ же бы поступили по нашей волѣ. Но мы желаемъ внять нашему милостивому расположенію къ ослѣпленнымъ дѣтямъ и не будемъ поступать опрометчиво. Однако жъ, господа депутаты, мы приглашаемъ васъ сказать вашимъ соотечественникамъ, чтобы они остереглись вывести насъ изъ терпѣнія....

И графъ сошелъ съ трона и вышелъ изъ церкви, сопровождаемый всѣми.

Эдва Деодатъ успѣлъ прійти въ свою комнату, какъ его потребовалъ графъ, и далъ порученіе тотчасъ же отправиться къ Фризландскимъ депутатамъ и, отъ его имени, пригласить ихъ и Мадзи на балъ при дворѣ нынѣшнимъ вечеромъ. Деодатъ просилъ графа возложить это порученіе на Ренѣ.

— Тотъ или другой, только ѣхать сейчасъ, отвѣчалъ графъ.

Тщетно проискавъ друга, Деодатъ долженъ былъ ѣхать самъ, и только что выѣхалъ изъ Гарлема, какъ встрѣтилъ Барбанеру съ паяцомъ, которыхъ, по повелѣнію графа, стража провожала до границъ. Шарлтанъ, завидя рыцаря, подалъ ему знакъ, что желаетъ съ нимъ переговорить. Деодатъ подѣхалъ.

— А что вы бы мнѣ дали, спросилъ Барбанера италіянски: если бъ я доставилъ вамъ средство быть признану сыномъ благороднаго и знаменитаго человека?

— А Ренѣ? сказалъ Деодатъ, у котораго при этомъ вопросѣ первая мысль была о другѣ.

— На кого я вамъ не могу отвѣчать; но пойдите съ нами, и я расскажу вамъ все.

— Не нужно, съ презрѣніемъ отвѣчала Деодатъ: я не даю ни малѣйшей вѣры твоимъ словамъ, и не желаю званія, котораго бы мой другъ не могъ раздѣлить со мною.

Рыцарь прищипнулъ коня и поклонился.

Сиръ д'Эльва, которому Деодатъ сообщилъ приглашеніе графа, отвѣчала, что онъ и Серпъ Аделенъ будутъ имѣть честь явиться на балъ его свѣтлости, но что покорнѣйше проситъ извинить его воспитанницу, которая не можетъ воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ графа.

— Что касается до меня, сказалъ Серпъ Аделенъ: такъ я только для того ѣду на этотъ балъ, чтобы придворная челядь могла насмотрѣться на благороднаго Фризландца.

— То есть, отвѣчала Деодатъ, вы за вѣжливость графа платите грубою невѣжливостью.

— Не безыменному Италіянцу учить меня!

Едва Серпъ Аделенъ успѣлъ произнести эти слова, какъ Деодатъ ударилъ его перчаткой по лицу. Сиръ д'Эльва и аббатъ бросились между ними и разлучили; слуги вбѣжали на шумъ, и вслѣдъ за ними вошелъ Рено, съ взоромъ пылающимъ гнѣвомъ. Узнавъ, что Деодатъ поѣхалъ къ Фризландцамъ, онъ, увлеченный ревностью, помчался туда же и пріѣхалъ въ самую минуту ссоры. Не зная, что произошло, онъ изумился и неподвижно сталъ по среди комнаты.

— Вы кстати пріѣхали, рыцарь, сказалъ ему ольдерманъ.

— Мы встрѣтимся съ вами въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, проговорилъ Деодатъ обращаясь къ Серпу Аделену, и холодно поклонившись присутствующимъ, хотѣлъ выйти, какъ въ дверяхъ появилась блѣдная и трепещущая Мадзи.

— Что случилось? Отчего такой шумъ? спросила она прерывающимся голосомъ.

— Вы, Мадзи, кажется, принимаете большое участие въ этомъ Италіянецъ, сказалъ Сернъ Аделенъ, который стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и мрачно смотрѣлъ на окружающихъ.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы; она взглянула на Деодата, и молча опустила въ кресла.

— Идешь ли со мною? вдругъ вскричалъ Ренó, громовымъ голосомъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Деодатъ.

— Позвольте на минуту удержать васъ, сказалъ д'Эльва. Я и отецъ аббатъ, мы должны увѣрить васъ, рыцарь, что чрезвычайно огорчаемся невѣжливыми словами Серна Аделена. Мы уважаемъ его откровенный характеръ, но краснѣемъ за выраженія, которыя онъ позволилъ себѣ употребить говоря съ вами: повѣрьте, онъ и самъ скоро раскается въ этомъ.

Д'Эльва подалъ Деодату руку, которую тотъ пожалъ съ чувствомъ, и оба рыцаря вышли.

Отъѣхавъ нѣсколько, Ренó вдругъ сдержалъ коня, схватилъ поводья Деодатовой лошади и вскричалъ:

— Стой! теперь моя очередь.

— Что ты?

— Деодатъ Веронскій, ты подлецъ!... Ну, понимаешь ли теперь?

— Ренó, ты знаешь, я не подниму на тебя руки. Что съ тобой сдѣлалось? Чѣмъ я оскорбилъ тебя?

— И еще смѣешь спрашивать! Не два ли раза ты уже видѣлся съ Фризландкою, несмотря на обѣщанье не видаться съ нею?

— Я не унижусь до оправданій.... Когда поуснокопшсья, я объясню тебѣ мое поведеніе.

— Вижу, что яблочко не далеко упало отъ яблони, презрительно сказалъ Ренó: вижу что Барбанера....

— Не вѣрь этому обманщику. Онъ говорилъ и со мной, только я не хотѣлъ его слушать.

Сказавъ это, Деодатъ прищипорилъ лошадь и ускаталъ.

— Предатель! подумалъ Ренó : онъ, вѣрно, узналъ отъ Барбанеры, что я сынъ БIANКИ ди Салерно, и чтобы лишить меня возможности получить отъ него письменныя доказательства моего происхожденія, настоялъ о изсылкѣ его за границу!

Возвратясь въ Гарлемъ Деодатъ донесъ графу о исполненіи порученія, но умолчалъ о ссорѣ своей съ Аделеномъ.

— Какъ! вскричалъ графъ : они не хотятъ, чтобы Мадри была на балѣ.... Вздоръ, будетъ!...

—

Блестательное и многочисленное собраніе наполняло вечеромъ залы дворца, великолѣпно убранныя и великолѣпно освѣщенныя. Танцы еще не начались. Общество раздѣлилось группами и всѣ занимались разговорами. Сяръ д'Эльва бесѣдовалъ съ сиромъ де-Бомонъ, а Серпъ Аделенъ одинъ прохаживался медленными шагами. Видъ его былъ всё такъ же гордъ, только въ ложѣ блистательномъ собраніи онъ чувствовалъ себя какъ-будто не на своемъ мѣстѣ, и его смущали насмѣшливыя взгляды придворныхъ дамъ.

Звуки литавръ возвѣстили о прибытіи графа. Вильгельмъ IV вошелъ съ веселымъ видомъ, съ ироническою улыбкой, и неразъ, взглядывая на ольдермана и Серпа Аделена, потиралъ себѣ руки съ выраженіемъ удовольствія.

Танцы начались.

Незаметно снова раздался звукъ литавровъ, возвѣщающій о прибытіи новаго почетнаго гостя, и Деодатъ былъ пораженъ изумленіемъ, когда двери залы растворились

настежь, и въ сопровожденіи Ренé вошла Декамская Роза, пышно одѣтая. Графъ, который уже давно ожидалъ Мадзи, послышавъ къ ней на встрѣчу, почтительно подалъ руку и тотчасъ подвелъ къ графинѣ.

Д'Эльва, увидѣвъ свою воспитанницу, тоже изумился, но почувствовалъ, что не время и не мѣсто обнаруживать гнѣвъ. Что касается до Аделена, то онъ пришелъ почти въ изступленіе, и хотѣлъ немедленно подойти къ дѣвушкамъ, но толпа придворныхъ, окружавшихъ графиню и Мадзи, помѣшала ему.

— Какой адской хитростью привезли вы ее сюда? спросилъ наконецъ Серпъ Аделенъ Ренé.

При этомъ вопросъ ихъ обступили многія дамы и Ренé сказалъ :

— Опекунъ прекрасной Декамской Розы и сиръ де-Бомонъ получили въ подарокъ отъ покойнаго графа совершенно одинаковыя золотыя цѣпи. Его свѣтлость ваялъ цѣпочку своего дяди и, отдавъ мнѣ, послалъ къ Мадзи, въ знакъ того, что сиръ д'Эльва желаетъ, чтобы она пріѣхала на балъ... и вотъ она здѣсь.

— Проклятый умыселъ! вскричалъ Аделенъ.

Новъэто время графъ велъ подъ руку Мадзи къ сирю д'Эльва, который тоже подходилъ къ нимъ, и они сошлись возлѣ самаго Серпа Аделена.

— Благородный д'Эльва, сказалъ графъ чрезвычайно ласковымъ голосомъ : я надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за хитрость, которую я употребилъ, чтобы привлечь сюда вашу воспитанницу.... Вотъ передаю ее вамъ съ рукъ на руки.

— Я думаю, ваша свѣтлость, спокойно отвѣчалъ ольдерманъ : что вы не имѣли ни какого желанія оскорбить меня, и потому съ моей стороны всякое неудовольствіе было бы неумѣстно.

— А вы, Серпъ Аделенъ, что вы такъ насмурны? Мы возвращаемъ вамъ вашу мѣсть; но вамъ неприлично было пріѣхать безъ нея на нашъ праздникъ.

— Я никогда не забуду чѣмъ обязанъ вашей свѣтлости, и надѣюсь со временемъ доказать вамъ мою настоящую признательность.

Графъ отошелъ, а Серпъ Аделенъ, обращаясь къ Мадзи сказалъ :

— Дѣлайте, что хотите; но Серпъ Аделенъ не намеренъ долѣе служить посмѣшищемъ этому собранію.

Онъ уѣхалъ, и никто не пожалѣлъ объ его отсутствіи.

Ренѣ успѣшилъ пригласить Мадзи на танцы, и разжился передъ ней въ любезностяхъ. Потомъ, онъ побѣжалъ, чтобы принести ей стаканъ лимонаду, котораго она попросила. Деодатъ воспользовался этимъ временемъ, подошелъ къ ней и высказалъ, какъ обрадовался, когда увидѣлъ ее на балѣ.

— Я здѣсь вездѣ смотрѣла васъ, рыцарь, сказала она съ милою откровенностью, которая восхитила Деодата: я очень огорчена встрѣтившейся съ вами неприятностью, и, право, жалѣю, что пріѣхала въ Голландію.

— О чемъ же жалѣть! Здѣсь я не вижу ничего, что могло бы вамъ помѣшать веселиться. Серпъ Аделенъ, слава Богу! уѣхалъ.

— Остерегитесь: я не должна слушать, когда про Серпа Аделена говорятъ дурное.

— Развѣ и въ самомъ дѣлѣ ваша сватъба рѣшена безвозвратно?

— Будущее въ рукахъ Божіихъ!... Но, говоря не правду, вы, рыцарь, несправедливы къ Серпу Аделену: вы его знаете только съ его дурной стороны. Онъ сердца добраго; храбрости испытанной; веселъ, услужливъ и великодушенъ, если только дѣло нейдетъ о національной гордости. Я всегда смотрѣла на него какъ на брата, и знаю, что онъ искренно ко мнѣ привязанъ.

Мадзи замолчала, удивляясь сама, что такъ откровенно говорила съ человѣкомъ, почти ей вовсе незнакомымъ.

— Такъ вы его любите? спросилъ Деодатъ прерывающимся голосомъ.

— Я ужъ сказала вамъ, что люблю его какъ брата.

— Поэтому вы возненавидѣли бы того, кто отомстилъ бы Серпу Аделену за нанесенную имъ обиду.

— Ради Бога, рыцарь, что хотите вы сказать этимъ вопросомъ?

— Вы знаете, Мадзи, какое онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе; вы знаете также, что такого роду обида требуетъ крови.

Мадзи съ минуту молчала и испуганная глядѣла на Деодата.

— Я слыхала о вашихъ рыцарскихъ уставахъ; но...

— Я чувствую, что теперь не время бы мнѣ говорить объ этомъ; но кто знаетъ, найду ли я послѣ удобной случай сказать вамъ нѣсколько словъ, а между-тѣмъ— одно ваше слово, и Аделену будетъ нечего бояться меня.

— Одно слово! какое же это слово?

— Скажите, что вы любите Серпа Аделена какъ человекъ милаго вашему сердцу.

Мадзи поблѣднѣла какъ смерть.

— И вы перенесете обиду, если я скажу это? спросила она, волнуемая тысячью противоположныхъ чувствъ.

— Нѣтъ, но я найду средство удовлетворить мою честь не оскорбляя вашей любви. Я рѣшусь на все, но ни за что на свѣтъ не захочу смущать вашего счастья.

Въ эту минуту возвратился Ренѳ, и бросилъ ужасный взоръ на Деодата.

— Извините, что прерываю ваши разговоры, сказалъ онъ: но вотъ начинаются танцы.

Мадзи, встревоженная и смущенная, подала руку Ренѳу и вздохнула. Вздохъ этотъ былъ подслушанъ обоими рыцарями.

Сергъ Аделенъ , оставивъ балъ , принужденъ былъ возвращаться домой пѣшкомъ , потому что лошади его и сира д'Эльва были отпущены. Онъ шелъ быстро, какъ обыкновенно люди раздраженные гнѣвомъ , и искалъ въ умѣ средствъ къ отмщенію. Лучшимъ показалось ему посоветоваться сначала съ братомъ Сіаромъ , и онъ только-что пришелъ въ свою комнату , взялъ свѣточъ и отправился къ нему.

Комната , занимаемая Сіаромъ , была самая крайняя изъ келій въ длинномъ корридорѣ , гдѣ прежде помѣщались рыцари ордена святаго Іоанна. Каждая изъ этихъ келій имѣла только по одной двери въ корридоръ , съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ , въ которое дежурный рыцарь всегда могъ видѣть , не входя въ келью , чѣмъ занимается въ ней живущій. Аделенъ , входя въ корридоръ , примѣтилъ лучъ свѣту , который , проходя въ отверстіе двери послѣдней кельи , отражался на противоположной стѣнѣ. Это заставило его подумать , что братъ Сіаръ еще не спитъ ; но въ ту же минуту свѣтъ въ его келью исчезъ. Подойдя къ двери , Сергъ Аделенъ остановился , и въ полъ-голоса проговорилъ : «Братъ Сіаръ ! спите вы или нѣтъ» ? Отвѣту не было ; но онъ ясно услышалъ , что въ келью говорятъ шопотомъ , и заключилъ изъ этого , что Сіаръ читаетъ свое вечернее правило.

— Братъ Сіаръ ! сказалъ Сергъ Аделенъ по-громче : нельзя ли отложить молитвъ до утра ? Мнѣ нужно съ вами поговорить. Развѣ вы не узнаёте меня по голосу ? Я Сергъ Аделенъ.

Сіаръ , видя , что ему не отдѣлаться отъ Серпа Аделена , отперъ дверь и тотъ вошелъ въ келью. Депутатъ ничего не замѣтилъ смущенія Сіара , и въ умѣ его родилось подозрѣніе ; онъ приподнялъ свѣточъ и осмотрѣлъ комнату : вся въ ней утварь состояла изъ Распятія , стола , скамейки , кружки и узкой кровати , вдвиг-

путь въ некоторый родъ алькова въ стѣнѣ, затвореннаго створчатой дверью.

— Ну, комната-то ваша не очень великолѣпна, сказалъ Аделенъ, ставя свѣточъ на столъ и садясь на скамейку.

— Въ ней есть все, что для меня нужно, отвѣчалъ доминиканецъ, скрестивъ руки и стоя противъ лунтата. — Могу-ли спросить, отчего вы такъ рано возвратились? Балъ, вѣрно, еще не кончился.

— Къ черту балъ, и всѣхъ пирующихъ!

Затѣмъ Серпъ Аделенъ разсказалъ что какъ было, и прибавилъ:

— Но, ради Бога, дайте мнѣ чего-нибудь напиться; меня мучитъ страшная жажда.

— Мнѣ нечего вамъ предложить, кромѣ вотъ этой воды въ кружкѣ.

— А поищите-тка хорошенько! Я увѣренъ, что чадо Сентъ-Одольфа найдетъ и что-нибудь по-лучше.

— Я строго соблюдаю правила моего ордена..... Но, скажите, какимъ же образомъ вы намѣреваетесь отомстить за обиду?

— Я еще ни на что не рѣшился, но мнѣ не будетъ ни сна, ни покою, покуда не докажу этому гордому графу, какъ опасно обижать благороднаго Фризландца.... Да, вѣчная, смертельная вражда графу Голландскому!

— Аминь! послышался глухой голосъ, какъ-будто изъ подъ полу.

— Кто это говоритъ? спросилъ Аделенъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Сіаръ.

Депутатъ всталъ, кинулъ недовѣрчивый взглядъ на доминиканца, и вперилъ пристальный взоръ на створчатую дверь алькова.

— Не спрятался ли тутъ кто? сказалъ онъ протягивая руку къ дверцамъ.

Сіаръ хотѣлъ остановить его, но уже было поздно. Дверь отворилась, и Аделенъ увидѣлъ человѣка, кото-

рый полу-сидяльи полу-лежалъ на досочной кровати. При этомъ открытiи, первымъ его движенiемъ было облачить мечъ; но видя равнодушнiе незнакомца, онъ спустилъ мечъ въ ножны, и началъ вглядываться въ дерзновеннаго, осмѣлившагося подслушать его тайну.

Незнакомцу, казалось, лѣтъ тридцать; черты лица его были правильны, благородны, выражали мужество и неустрашимость; темныя, искрящiеся глаза его блистали умъ; по вѣстью, ни какъ было нельзя узнать, къ какому онъ принадлежитъ сословию: на немъ было зеленое полукафтанье простаго воина, а на саночкахъ блестящiя золотыя рыцарскiя шпоры.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени другъ на друга, Аделенъ первый прервалъ молчанiе и вскричалъ:

— Кто вы? Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ, что дѣлаю? отвѣчалъ незнакомецъ: равнѣ вы не видите? Ложу.

Аделенъ улыбнулся на этотъ неожиданный отвѣтъ; однако же возразилъ:

— Отвѣчайте болѣе приличнымъ образомъ, а нѣто вамъ придется раскayваться въ деревни. Миръ спѣшитъ сказать одно слово, и мои люди сабаютъ васъ палками.

— Право? проговорилъ незнакомецъ съ презрительнымъ надвнокровiемъ. Кочастию, что хо-мной есть прiятель, который какъ-разъ отобьетъ у нихъ охоту наладать на васъ.

И говоря это, онъ поднялъ топоръ, котораго тѣнься обличала силу руки, имъ владѣющей.

— А вотъ, посмотримъ, сказалъ депутатъ, подходя къ корридору.

— Ради Бога, Серпъ Аделенъ, вскричалъ Сiаръ: будьте по-осмотрительнѣе....

— Ну, ну, Серпъ Аделенъ, смѣясь проговорилъ незнакомецъ: послушайте брата Сiара, и будемте друзьями.

— Ваша дерзость удивляетъ меня.... Еще разъ, кто

же вы, что смѣете такъ говорить съ Сергѣемъ Аделеномъ какъ съ собой равнымъ?

— Нѣтъ, не какъ съ равнымъ, а какъ съ низкимъ.

— Какъ съ низкимъ! Но, ради самаго неба, кто же вы?

— Кто я?... Мнѣ кажется, не пришло еще время отирывать моего имени.

— Рано, еще рано! вскричалъ Сіаръ.... Умоляю васъ, Сергѣй Аделенъ, уйдите отсюда, и забудьте, что видели... Одно только могу сказать вамъ: вы видите передъ собою непримиримаго врага графа Голландіи.

— А! И вы, вы тоже врагъ Вильгельма IV!... Братъ Сіаръ, пойдите, непременно пойдите и принесите намъ вина.... На такой встрѣчѣ какъ же выпить кубка за здоровье вашего гостя.

Доминиканецъ пожалъ плечами и вышелъ.

— Напрасно же, сказалъ незнакомецъ, не велѣлъ я, кетати, принесть стульевъ; потому что на этихъ доскахъ сидѣть ужасно жестоко.

— А знаете! пойдите въ мою комнату: тамъ намъ будетъ гораздо свободнѣе:

И дождавшись брата Сіара, они всѣ вмѣстѣ перешли къ Сергѣю Аделену.

— Теперь, скажите мнѣ, ради Бога, началъ депутатъ, какимъ образомъ вы думаете помочь мнѣ освободить Фризландію отъ тиранства графа и отмстить ему за мое личное оскорбленіе?

— Я беру на себя рассказать вамъ это, отвѣчалъ доминиканецъ. Вы должны знать, Сергѣй Аделенъ, что не одна Фризландія имѣетъ причины негодовать на самовластье графа Голландіи. У него есть сильныя враги въ утрехтскомъ епископствѣ. Покойный Вильгельмъ III, заставивъ, посредствомъ своего вліянія, избрать на епископскій престолъ Іоанна Діеста предъстника нынѣшняго епископа, тѣмъ самымъ почти покорилъ своей власти всѣ утрехтскія владѣнія

По смерти Иоанна Діеста, Вильгельм IV, желая сохранить власть надъ епископіей, приобретенную своимъ отцомъ, настоялъ на избраніи въ утрехтскіе прелаты одного изъ великихъ вассаловъ Голландіи, потомка знаменитаго дому д'Аркель.

— Да, я слыжалъ объ этомъ прелатъ.

— Онъ доказалъ, что не упустилъ изъ виду пользы своихъ владѣній, которыя, почти всѣ, находились въ залогъ у графа за сдѣланные у него займы. Чтобы погасить эти долги и освободиться отъ вліянія Вильгельма IV, Иоаннъ д'Аркель оставилъ свою епископскую резиденцію и переселился въ Францію, поручивъ брату своему Роберту и нѣсколькимъ рѣшительнымъ людямъ защищать Утрехтъ отъ нападковъ графа, и по этому случаю они отказываются отдавать ему какой бы ни было отчетъ, и не признаютъ графскаго попечительства надъ имѣніями, принадлежащими утрехтской области.

— Это непременно поведетъ къ войнѣ.

— И лишь-только утрехтская область вооружится....

— Понимаю! На ея военный кликъ должны тотчасъ же отозваться песчаные холмы Колума и Амеланда.... Прекрасно! За мной дѣло не-станетъ.... Братъ Сіаръ, достаньте намъ еще бутылку вина.

— Будете ли вы послѣ завтра на турниръ? спросилъ незнакомецъ, когда Сіаръ вышелъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Примѣйте же рыцаря въ бѣлыхъ доспѣхахъ, съ краснымъ орломъ на шлемѣ: и вы увидите, что онъ не безъ славы оставитъ ристалище.... Только не говорите Сіару: я не хочу, чтобы онъ зналъ объ этомъ.

По возвращеніи доминиканца, Аделень, расхаживая по комнатѣ, случайно взглянулъ въ садъ:

— Смотрите, сказалъ онъ: мнѣ показалось будто кто-то крадется между деревьями.

Въ эту минуту постучались въ окно.

— Кто тамъ? спросилъ Сергій Аделонъ, отворяя ебъ. Это чертъ! вскричалъ онъ, увидя мохнатое существо, которое прямо черезъ окошко прыгнуло на столъ.

— А, это ты, Сезаръ! сказалъ незнакомецъ: потому и твой хозяинъ не далеко.... Тутъ ли ты, Дамьянъ? спросилъ онъ въ полъ-голоса изъ окошка.

— Здѣсь, къ вашимъ услугамъ.

→ Хорошо. Письма готовы.... Сезаръ, на; отдай хозяйину.... Дамьянъ, кликни къ себѣ обезьяну.

Дамьянъ свиснулъ, Сезаръ соскочилъ къ нему на явечо, и оба исчезли.

— Теперь, какъ ваши дѣла кончены, сказалъ Аделонъ, обращаясь къ незнакомцу: позвольте мнѣ попросить васъ заняться моими; я хотѣлъ-было отнестись съ этой просьбою къ брату Сіару, но ужъ если напелъ въ васъ человекъ, умнагого владѣть и мечомъ и перомъ, то вы лучше его поймете меня.

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ сейчасъ объясню.

Читатель послѣ узнаетъ о слѣдствіяхъ ихъ совѣщанія.

День, послѣдовавшій за баломъ, былъ днемъ отдохновенія, потому что надобно было приготовиться къ турниру, назначенному быть завтра.

Въ этотъ день сиръ д'Эльва и Мадзи пошли прогуливаться. Олдерманъ казался печальнымъ и задумчивымъ.

— Не я ли оторчила чѣмъ моего милаго онекуна спросила наконецъ дѣвушка.

— Нѣтъ, дитя мое; но я не доволенъ Сергій Аделонъ и собою. Намъ бы слѣдовало предвидѣть, что неминуемо должно было случиться, и оставить тебя Фризландіи.

— Чего же вы опасаетесь?

— Очень многого. Вчера вечеромъ, графъ долго разговаривалъ со мною о тебѣ, и даже сказалъ, что ему бы очень было приятно видѣть рыцарей своего двора конатыми на Фризландкахъ. Для этого-то, думаю, онъ и желалъ, чтобы ты непременно была на балѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я не буду ни на одномъ празднѣннѣ.

— Въ нашемъ положеніи этого невозможно. Теперь ты уже не должна отказываться. Но, Мадзи, ради Господа, будь осторожна. Не забывай, что ты Фризландка, и смотри на cadaго придворнаго рыцаря, какъ на корсара, котораго графъ шлетъ за тобой въ логовию.

— О! я буду осторожна.... Я ужъ можетъ-быть и то много разговаривала съ этимъ.... съ этими двумя итальянскими рыцарями.

— Послушай, я хочу рассказать тебѣ повѣсть моихъ мополучій. Можетъ-статься она послужитъ на пользу твоей неопытности. Ты знаешь, что въ моей молодости, увлеченный благороднымъ стремленіемъ къ славѣ, я послѣдовалъ въ Миланъ за императоромъ Генрихомъ VII. Одинъ благородный Итальянецъ, съ которымъ я познакомился въ Германіи, предложилъ мнѣ помѣститься въ своемъ домѣ. Тутъ провелъ я счастливые дни моей жизни; но за ними послѣдовали цѣлые года печали и страданій.

Въ домѣ моего пріятеля, Антонію, увидѣлъ я прекраснѣйшую дѣвушку, родомъ изъ Вероны, родственницу Антоніевой жены, которая пріѣхала къ намъ по случаю праздниковъ коронаціи Генриха VII. Я проводилъ съ ней цѣлые дни, и полюбилъ ее всеми способностями души моей; она тоже полюбила меня. Въ ту пору, какъ мнѣ лежалъ еще неиспомненный обѣтъ посѣтить Палестину, и я, передъ отправленіемъ въ Святую Землю, хотѣлъ ѣхать въ Верону, къ отцу моей

Біанки, чтобы просить руки ея; какъ вдругъ письмо отъ него къ дочери разрушило всѣ наши надежды: онъ писалъ, чтобы Біанка сейчасъ же возвратилась въ Верону, и что онъ обѣщалъ ей руку Франческо делла Скала. Не имѣя времени на размышленіе, мы не могли придумать ничего лучше, какъ соединиться узами тайнаго брака. Должно полагать, что отецъ Біанки узналъ о нашей любви, потому что, дней черезъ нѣсколько, вечеромъ, когда я шелъ по улицъ, на меня напали трое убійцъ. Изъ нихъ я узналъ одного. То былъ нѣкто Паоло, слуга графа Луиджи, отца Біанки, тотъ самый, который привезъ ей письмо и приказаніе ѣхать въ Верону. Я былъ опасно раненъ; но злодѣи не успѣли убить меня: нѣсколько человѣкъ показались въ улицъ, подняли меня и отнесли въ ближній монастырь, гдѣ я оставался до-тѣхъ-поръ покуда состояніе моего здоровья не позволило перенести меня въ домъ Антоніо. Но тѣмъ временемъ самъ графъ Луиджи пріѣзжалъ въ Миланъ и увезъ мою Біанку, которая поручила женѣ Антоніо сказать, что вѣчно останется мнѣ вѣрною, и чтобы я не слѣдовалъ за нею въ Верону, гдѣ Франческо делла Скала захватилъ верховную власть, и безъ сомнѣнія предастъ меня смерти, а всего бы ожидалъ отъ времени и отъ ея любви ко мнѣ. Я отправился въ Палестину; пробылъ тамъ три года, которые показали мнѣ тремя вѣками, и когда, тайно и подъ чужимъ именемъ, возвратился въ Верону, то узналъ, что Біанка ди Салерно вышла замужъ за Франческо, и потомъ умерла.

— Какъ! она измѣнила своей клятвѣ и забыла перваго мужа!

— Не знаю, какія обстоятельства могли ее къ этому принудить. Біанка умерла, и мнѣ не для чего было развѣдывать. Въ Веронѣ я пробылъ всего одинъ часъ, и съ-тѣхъ-поръ всегда бѣгалъ съ-тей любви.

На другой день, день турнира, все народонаселение Гарлема пришло въ необычайное движеніе. На площади, гдѣ теперь стоитъ соборъ, предметъ удивленія всѣхъ путешественниковъ, который въ тогдашнюю пору не былъ еще построенъ, приготовлено мѣсто ристалища. Съ южной его стороны возвышались подмости, въ родѣ галерей, убранныя коврами, знаменами и нѣтъ-таки, раздѣленныя на-трое. Два крайніе отдѣла назначены для почетнѣйшихъ гостей, а середній, меньшій, для графа и его семейства. Отъ обѣихъ оконечностей этой галереи шелъ не высокій баррьеръ, замыкающій большое овальное пространство, имѣвшее только два выхода, по одному на противолежащихъ концахъ; выходы эти были украшены разноцвѣтными флюгерами, и ихъ охраняли вооруженные воины. Герольды строго наблюдали за тѣмъ, чтобы между зрителями сохранялся совершенный порядокъ, и чтобы никто не занялъ мѣста выше своего званія и роду. Безчисленная толпа черни тѣснилась около барриера, и тысячи любопытныхъ заняли окна, балконы и кровли домовъ около площади.

Ударили въ литавры, и въ толпѣ народа раздался громкій крикъ: «Да здравствуетъ сирь де-Бомонъ!»

Сирь де-Бомонъ, назначенный представлять на турнирѣ лицо графа, въѣхалъ въ ристалище сопровождаемый нѣсколькими рыцарями. Ему предшествовалъ герольдмейстеръ Голландіи, Іоаннъ Пэпаръ, осмидесяти-лѣтній старецъ, который съ честью занималъ эту почетную должность еще со временъ графа Флорана V. За сиромъ де-Бомонъ слѣдовали два герольда, а за ними въехали Жераръ де-Флоревн, знаменосецъ Вильгельма IV, Симонъ де-Тейлингъ и Гюи де-Мерведъ, судіи турнира, окруженные оруженосцами и трубачами.

Поѣздъ этотъ трижды объѣхалъ кругомъ барриера, и сирь де-Бомонъ занялъ приготовленное для него мѣсто. Герольдмейстеръ помѣстился на западной оконеч-

наши расплачивались; а два буди турнира по кончаніи ісерадняго іудышенія галаров.

Возвѣтъ на этия новыя, прибыла духовная процессія съ крестами и хоругвями, для благословленія армянъ и уничтоженія вліянія всякихъ чаръ и заговоровъ.

Потомъ звуки трубъ и литавровъ и радостные крики народа возвѣстили о прибытіи графини со всѣмъ дворомъ. Она была въ великолѣпной одеждѣ, посреди множества рыцарей вооруженныхъ съ головы до ногъ, и дамъ богато одѣтыхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными каменьями; всѣ были верхами. Обѣхавъ ристалище, графиня сѣла на кресла позади сира де-Бомонъ, и вся свита заняла назначенныя мѣста.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался шумъ, подобный шуму водопада; то ѣхали рыцари, желающіе принять участіе въ турниръ. Передъ каждымъ былъ знаменосецъ, и за каждымъ слѣдовали пажы и оруженосцы. Сборное мѣсто рыцарей было за городомъ, и теперь они подъѣзжали съ западной стороны ристалища. Герольдмейстеръ послалъ одного изъ своихъ герольдовъ, просить у сира де-Бомонъ дозволенія рыцарямъ въѣхать въ арену. Послѣ того рѣшетка барьера была отворена; рыцари въѣхали и раздѣлились на два отряда; одни заняли восточную, другіе западную сторону ристалища. Первый изъ этихъ отрядовъ состоялъ изъ рыцарей Голландіи, Геннегау и областей утрехтскаго епископства; имъ начальствовалъ графъ Вильгельмъ IV; второй отрядъ, подъ начальствомъ Генриха Думера, знаменитаго гротъ-мейстера тевническаго ордена, заключалъ въ себѣ цѣлтъ германскаго рыцарства.

По окончаніи обычныхъ обрядовъ, предшествующихъ турниру, оба отряда обѣхали три раза кругомъ барьера, и стали по opposite мѣстамъ.

Аббата, сира де-Вьяна и Маданъ де-Вьяна.

ры, и изъеры жюстицы были обращены на прекрасную фриландку.

— Гдѣ это нашъ другъ Аделонъ? спросила аббатъ сдержанно: онъ не хотѣлъ сказать ни на комъ буду- щихъ дослѣдствъ, и я не могъ узнать его... Мадри, не узнали ли вы котораго изъ этихъ рыцарей?

Мадри не отвѣчала, только щеки ея покраснѣли кн- жикъ румянцемъ, потому что изъ всѣхъ рыцарей она знала одного только Деодата.

Герольдъ, по обыкновенію, прочиталъ громкимъ го- лосомъ законы турнира.

Едва онъ кончилъ, какъ изъ графскаго отряда отдѣ- ляющаго рыцарь въ голубыхъ дослѣхахъ, усѣянныхъ се- ребрянными лирами, и рысью подѣхалъ къ сирю де- Бомонъ.

— Чтѣ угодно вамъ, рыцарь? спросилъ де-Бомонъ. Зачѣмъ вы, въ противность уставамъ, оставили свое мѣсто?

Рыцарь вынулъ изъ-за шарфа листъ пергаменту, и почтительно подавая его наострѣ копыя представителю графа, сказалъ:

— Какъ человекъ свободный и какъ рыцарь, прошу, чтобы этотъ вызовъ былъ прочитанъ вслухъ.

Де-Бомонъ отдалъ бумагу герольду, и тотъ громкимъ гласомъ прочиталъ:

«Дѣи, Деодатъ Веронскій, рыцарь, будучи смертельно и жестоко оскорбленъ фриландонимъ рыцаремъ Серномъ Ланкомъ, вызываю его на смертельный поединокъ, предоставляю ему выборъ оружія. Прошу дозволенія и милости, нашего государя, владѣтельнаго графа Фриландинъ и Геннегау.»

— Мы не можемъ теперь заняться частными спорамъ, объявилъ сиръ де-Бомонъ, вперни въ своего воспитан- ника, въ которомъ стражались и неудовольствие и дружба: вы можете представить мнѣ вашу преславу и знаменитую турнира.

Но успѣлъ еще сарь де-Бомонъ окончить этихъ словъ, какъ къ нему приблизился другой рыцарь и тоже на кошъ подалъ листъ пергаменту. Общее любопытство еще болѣе умножилось, и самъ графъ съ нѣсколькими рыцарями подѣхалъ къ галереѣ. Второй вызовъ былъ слѣдующаго содержания.

«Я, Рено Веронскій, рыцарь, будучи безчестно и предательски оскорбленъ рыцаремъ Деодатомъ, тоже именующимся Веронскимъ, вызываю его на смертельный поединокъ, и предоставляю ему выбрать оружія. Прошу дозволенія его свѣтлости, нашего государя, владѣтельнаго графа Голландіи и Геннегау.»

— Съ ума что ли они сошли! вскричалъ графъ. Какъ! друзья съ самаго дѣтства! братья по оружію!... Мы поговоримъ объ этомъ послѣ турнира.

Въ эту самую минуту подѣхалъ третій рыцарь, также съ листомъ пергамента; но этотъ отдѣлился уже отъ втораго отряда.

— Черти что ли подстрекаютъ ихъ? снова вскричалъ графъ: вотъ ужъ и третій рыцарь!

Но изумленіе Вильгельма IV достигло высочайшей степени, когда онъ услышалъ содержаніе третьяго вызова.

«Я, Серпъ Аделенъ, благородный и свободный Фризландецъ, будучи жестоко обиженъ и оскорбленъ Вильгельмомъ, графомъ Голландіи и Геннегау, самозванно именующимъ себя владѣтелемъ Фризландіи, отказываюсь и отрекаюсь отъ всякой ему покорности, и готовъ поддержать права свои съ оружіемъ въ рукахъ, лично противъ самаго графа, или противъ того, кого онъ разсудитъ поставить за себя.»

Два первые вызова возбудили участіе и любопытство, но этотъ третій былъ принятъ изъумленіемъ всеобщаго негодованія. Отсюду послышались крики:

— Онъ сумасшедшій! — Разръ слыкано, чтобы выд-

жить на поединокъ своего государя! — Выгнать его съ ристалища! — Въ Спаару Фризландца!

— Молчать! закричалъ графъ громовымъ голосомъ, который раздался изъ края въ край всей арены: молчать!..... Мы лично станемъ защищать нашу честь.... Серпъ Аделенъ, мы принимаемъ вашъ вызовъ.

— Графъ, вскричалъ сиръ де-Бомонъ: вы не можете принять этого вызову. Я теперь занимаю на время ваше мѣсто, и моя обязанность не дозволить столь безумнаго поединка. Вамъ не слѣдуетъ подвергать опасности свою особу со всякимъ сьумасшедшимъ.

— Любезнѣйшій дядюшка, отвѣчалъ графъ: посмотришь, нельзя ли намъ будетъ все это уладить. Серпъ Аделенъ вызванъ на бой Деодатомъ Веронскимъ, а Деодатъ вызванъ рыцаремъ Ренó?

— Точно.

— Ну, такъ чтобы избѣгнуть лишняго кровопролитія, мы ввѣряемъ Деодату защиту нашихъ правъ, и повѣщаемъ Ренó поручить дѣло своей мести Серпу Аделену. Такимъ образомъ одинъ поединокъ между Деодатомъ и Серпомъ Аделеномъ окончитъ всѣ три вызова. Мы желаемъ, чтобы поединокъ этотъ происходилъ завтра, на этомъ ристалищѣ, въ нашемъ присутствіи и въ присутствіи всего нашего двора.

Деодатъ казался въ восторгъ отъ словъ графа, потому что это избраніе въ защитники правъ Вильгельма IV, не только избавляло его отъ печальной необходимости ратоборствовать съ другомъ, но и дѣлало ему величайшую честь. Напротивъ того, Аделенъ и Ренó были очень опечалены, однако же оба поняли, что имъ не остается ни чего дѣлать кромѣ повиноваться.

— Теперь, когда дѣло кончено, сказалъ графъ, приступимъ къ турниру. Только помните, что всякая личная вражда не должна имѣть мѣста до завтрашняго дня.

— Мы будемъ наблюдать за исполненіемъ приказаній

вашей святости, сказалъ гроссъ-мейстеръ тевтонскаго ордена: и, клянусь святымъ Витомъ! я размажу голову всякому, кто осмѣлится сражаться острымъ оружіемъ.

Послѣ этого всѣ рыцари стали по мѣстамъ, и вскоре громъ трубъ возвѣстивъ объ открытіи турнира.

Мы не станемъ вести о немъ подробной повѣсти. Довольно будетъ сказать, что изъ всего множества рыцарей, въ аренѣ, подъ конецъ, остались въ первомъ отрядѣ, Вильгельмъ IV, Флоранъ де-Монфоръ, Деодатъ и Ренѣ Веронскіе; а во второмъ, гроссъ-мейстеръ Думеръ, Сергій Аделенъ, и еще рыцарь въ бѣлыхъ доспѣхахъ, съ краснымъ орломъ на шлемѣ. Всѣ прочіе оставили ристалище, или потому что были побѣждены, или потому что утомились.

Рыцарь въ бѣлыхъ доспѣхахъ, подъѣхавъ къ Сергію Аделену, сказалъ:

— А что, сдержалъ ли я слово, которое далъ вамъ третьягодня вечеромъ?

— Надѣюсь, что и я недурно исполняю свою обязанность. Досадно только, что графъ видимо отъ меня увертывается.

— Да, онъ увертывается отъ васъ какъ кошка отъ мыши!

Между-тѣмъ графъ замѣтилъ, что Деодатъ и Ренѣ, стоя поодаль, разговариваютъ между собою съ большимъ жаромъ. Онъ подумалъ, что они снова ссорятся и поспѣшилъ къ нимъ.

— Дети, сказалъ графъ, равнѣ вы, послѣ дружбы столькихъ лѣтъ, не можете оставаться спокойными на одну минуту?

— Радъ не о нашей ссорѣ, святѣйшій графъ, отвѣчалъ Ренѣ. Но вотъ, этотъ рыцарь, съ краснымъ орломъ на шлемѣ, которому оруженосецъ подаетъ теперь второе копьеносца, сидитъ верхомъ на украденной у меня ло-

види. Сначала, въ толпѣ, я этого не замѣтилъ, а теперь и Деодатъ и я, мы не ошибаемся.

— Какъ не ошибаюсь и въ томъ, что подъ оруженосцемъ моего рыцаря, я, точно, видѣлъ моего прекраснаго врага.

— Однако жъ, отвѣчалъ графъ, намъ не возможно предположить, чтобы рыцарь, который наказалъ себя шпигъ искуснымъ и мужественнымъ ратоборцемъ, могъ быть воромъ.... Знаете ли, Ренѣ? ступайте противъ этого рыцаря, и постарайтесь отбить у него лошадь, если она вана. А вы, Деодатъ, сразитесь съ Сергѣмъ Аделеномъ : это будетъ какъ-бы началомъ вѣчнаго завтрашняго съ нимъ поединка. Что касается до меня, то я сегодня уже не буду болѣе ломать копій.

По этому распоряженію, Менфору пришлось стать противъ гроесъ-мейстера : они сразились съ равнымъ успѣхомъ.

Со всѣмъ другимъ произошло между Деодатомъ и Сергѣмъ Аделеномъ. Копья обоихъ сокрушились отъ взаимнаго удару, но ни тотъ ни другой не пошатнулся; только лошадь Фризландца, испуганная сшибкой, внезапно кинулась въ сторону, споткнулась и упала, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, въ грязную канаву. Толпа разохоталась. Аделенъ кое-какъ всталъ и ушелъ.

Ренѣ понесся на рыцаря въ бѣлыхъ доспѣхахъ; тотъ бросился ему на встрѣчу, но, увидѣвши, что противникъ склонилъ копье, осадилъ коня и остановился.

— Извините, рыцарь, сказалъ Ренѣ : я не могу бороться оружіемъ съ человекомъ, подъ которымъ узнаю свою украденную лошадь, до-тѣхъ-поръ покуда онъ не скажетъ мнѣ, откуда взялъ ее.

— Развѣ вы думаете, что укралъ? Я купилъ эту лошадь, вчера, на лейденской конной.

— Клянусь всѣми святыми, я узнаю этотъ голосъ!... А, такъ это ты одѣлся Барбанерой, и совѣщался съ доминиканцемъ, въ полу-разрушенной книжнѣ!

— А, такъ это ты шпионилъ!

— Предатель!... Сюда! Сюда! Этотъ бездѣльникъ злоумышляетъ на графа.

И говоря это, Ренѣ схватилъ лѣвой рукою рыцаря; но тотъ, кинувъ копье, взявъ Ренѣ обѣими руками за ногу, приподнялъ его съ сѣдла и бросилъ на песокъ. Потомъ, пришиорилъ свою лошадь, перескакнулъ барьеръ и скрылся въ одну минуту. Оруженосецъ рыцаря последовалъ его примѣру.

Когда волненіе толпы, произведенное этимъ случаемъ, поуспокоилось, приступили къ раздачѣ призовъ. Судьи турнира признали побѣдителями графа Вильгельма IV, гротъ-мейстера Генриха Дузмера, Деодата Веронскаго и Флерана де-Монфоръ; имена другихъ отличившихся рыцарей были провозглашены герольдами, и вслѣдъ за тѣмъ герольдмейстеръ объявилъ, что турниръ оконченъ, а сиръ де-Бомонъ, отъ имени графа, пригласилъ всѣхъ на ужинъ въ Фогельзангъ.

Сиръ д'Эльва, Мадзи и аббатъ, возвратясь домой, уже застали тамъ Серпа Аделена. Между ними начался разговоръ, который скоро склонился на предполагаемый бракъ Аделена съ Мадзи, и Декамская Роза сказала :

— Сиръ Аделенъ, я торжественно говорю, что ни за что на свѣтѣ не соглашусь быть вашей женою, пока вы не переѣните своего обращенія. Я желаю быть вашимъ другомъ, но это подъ условіемъ. Ваше поведеніе заслуживаетъ негодованья. Вы, я знаю, изъ-за меня оскорбили благороднаго рыцаря, а тѣмъ самымъ оскорбили и меня. Вы будете сражаться съ Деодатомъ Веронскимъ, потому что графъ поручилъ ему занять свое

гвсто; но, передъ началомъ поединка, вы скажете ему что отречаетесь отъ словъ, которыя вырвали у васъ гнѣвъ и ревность, и забываете обиду, которую онъ нанесъ вамъ.

— О, Мадзи, вы требуете ужъ слишкомъ многого! Какъ! я долженъ буду извиняться передъ Деодатомъ, когда щека моя горитъ еще отъ удара его перчатки?

— И вы Фризландецъ! И вы гордитесь своимъ прямоушемъ!... Или вы умѣете обижать, а не умѣете признаваться въ проступкѣ!...

— Хорошо, Мадзи, пусть будетъ такъ! Сегодня же, при васъ, я, по желанію вашему, извинюсь передъ Деодатомъ. Но зато и съ своей стороны предложу условіе. Сирь д'Эльва разсудитъ, правъ ли я. Мое условіе:— по возвращеніи въ Фризландію отдайте мнѣ немедленно вашу руку, и позвольте нынѣшнимъ же вечеромъ, на праздникъ у графа, назвать васъ моею невестою.

— Мнѣ кажется, сказалъ ольдерманъ, что это предложеніе очень благоразумное, и положитъ конецъ всѣмъ недоумѣніямъ.

Мадзи поблѣднѣла. Она не ожидала подобнаго условія. Но сердце человеческое создано такъ, что тѣмъ оно больше волнуется страстями, тѣмъ скорѣе рѣшается на крайнія мѣры. Мадзи собрала всѣ свои силы, протянула руку Аделену и проговорила:

— Извольте; я согласна.

— Богъ да благословитъ васъ, дѣти мои! вскричалъ д'Эльва, обнимая ихъ обоихъ. — Теперь, пойдемте приготовляться къ графскому пиру.

И покуда Сиза одѣвала Мадзи, Мадзи все думала о Деодатѣ.

Было шесть часовъ вечера. Аллеи и залы Фогельманга уже наполнены многочисленными гостями. Скоро

и графъ, со всюю свитою приѣхаль туда. Видъ его былъ ираченъ, хотя онъ и старался быть со всеми какъ можно привѣливе.

Неудовольствіе Вильгельма IV происходило оттого что къ нему сейчасъ только прибылъ гонецъ изъ Утрехта, съ новостіемъ, что утрехтская область рѣшительно отказывается представлять ему какія бы ни было отчеты по дѣламъ своего внутренняго управленія. Графъ предался ужасному гнѣву, и немедленно отправилъ гонца обратно, съ объявленіемъ войны городу Утрехту.

Въ это-то время, когда гнѣвъ графа искалъ только случая вылиться, Аделенъ, ведя за руку Мадзи, и зная оба его товарища-депутата, подошелъ къ нему и оказалъ :

— Вчера еще Мадзи Декама имѣла при дворѣ графа Голландіи человекъ съ пятьдесятъ обожателей; сегодня я представляю вамъ ее какъ мою невѣсту. — Жалѣю, продолжалъ онъ возвыся голосъ : что допустилъ себя быть обманутымъ нустой наружностью, что позволилъ себѣ оскорбить этого рыцаря, — и онъ указалъ на Деодата, который стоялъ недалеко, — и передъ всеми прошу у него извиненія. Мадзи мнѣ все объяснила, и я не храню къ нему ни малѣйшей злобы или ненависти. Наша сватъба будетъ немедленно по возвращеніи въ Фризландію; и, дай Богъ, чтобъ это случилось скорѣе!

Вильгельмъ IV слушалъ эту рѣчь молча, но не безъ явнаго нетерпѣнія. Помолвка Мадзи поперечила тоже одному изъ его намѣреній, а смѣлость, съ которою говорилъ фризландскій депутатъ, привѣла его въ ярость. Онъ сильно ударилъ тростью въ полъ, и бросивъ грозный взглядъ на Фризландца, вскричалъ :

— Клянусь святымъ Іаковомъ! Да увѣренъ ли ты, дорскій Фризландецъ, въ своей жизни, что такъ самонадѣянно говоришь объ этой сватъбѣ, и назначаешь

ей время? Эта девушка еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и притомъ сирота; какъ владѣтель Фризландіи, я ея законный попечитель, и ни кто не смѣетъ на ней безъ нашего соизволенія.

Онъ замолчалъ. Всѣ и самъ Серпъ Аделенъ, изумленный такою нечаянной вспышкой, хранили глубокое молчаніе. Де-Бомонъ воспользовался этою минутою, чтобы шепнуть на-ухо племяннику :

— Воздержитесь.... Умѣрьте гѣвъ.... Не навлекайте на себя новыхъ враговъ въ теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ.

Но эти благоразумныя слова были какъ масло на огонь. Графъ вскричалъ :

— Къ чорту умѣренность!... Если бы я не далъ вамъ, Серпъ Аделенъ, моего рыцарскаго слова на завтрашній поединокъ, то вы ужъ были бы теперь на дорогѣ въ государственную тюрьму.

Между-тѣмъ Аделенъ успѣлъ уже оправиться отъ перваго впечатлѣнія; онъ быстро схватился за рукоять своего меча, какъ-бы готовясь защищаться; но д'Эльва оттолкнулъ Аделена и хладнокровно занялъ его мѣсто передъ графомъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ : если Серпъ Аделенъ оскорбилъ васъ, то мы далеки отъ того чтобы одобрять или даже извинять его поступокъ; но мы могли ожидать, что при дворѣ сына Вильгельма Добраго, совершеннѣйшаго изъ европейскихъ рыцарей, будемъ приняты съ гостеприимствомъ, въ качествѣ приглащенныхъ гостей и въ званіи депутатовъ. Не находя этого гостеприимства, мы удаляемся, чтобы не тревожить вашей свѣтлости.

— Оставайтесь, благородный д'Эльва, оставайтесь и вы, достопочтенный аббатъ, сказалъ сиръ де-Бомонъ : слова графа относятся не къ вамъ. — Благородный племянникъ мой, депутаты Фризландіи — ваши гости, и

вы не должны потерпеть, чтобы они увозили съ собою дурное имя и о вашем гостеприимствѣ.

— Не мы мнѣшаемъ имъ пользоваться нашимъ гостеприимствомъ, отвѣчалъ графъ и удалился скорыми шагами.

Еще при первой вспышкѣ гнѣву графа, Мадзи отступила на нѣсколько шаговъ, и болѣе и болѣе испуганная громкимъ голосомъ его грозной рѣчи, выбѣжала въ садъ. Деодатъ нагналъ ее.

— Слово, одно только слово, Мадзи! сказалъ онъ ей: я чувствую, что теперь ни время, ни мѣсто; но крайность заставляетъ меня въ послѣдніе обезпечить васъ.

— Рыцарь, я невѣста Серпа Аделена, и не могу говорить съ вами.

— Одну минуту! Вспомните, что завтра я иду на смертный бой съ вашимъ женихомъ.

— Къ несчастію, правда... Нельзя ли какъ, чтобъ этотъ поединокъ не состоялся?

— Невозможно! Серпъ Аделенъ слишкомъ гордъ. Онъ оскорбилъ графа, и ни подъ какимъ видомъ не захочетъ извиниться. Я бы охотно отдалъ жизнь, лишь бы только не поднимать руки на милого вамъ человека. Но теперь я уже стану биться съ нимъ не изъ-за мести за собственную обиду, а за честь графа, которую онъ въвѣрилъ моей чести и моему мужеству. Я бы покрылъ себя безславіемъ передъ лицомъ всего рыцарства, если бы отказался отъ этого поединка, если бы не исполнилъ своего дѣла какъ слѣдуетъ храброму рыцарю.... Теперь скажите, есть ли нѣтъ средство отказаться?

Мадзи не отвѣчала. Сердце ея обливалось кровью, но она поняла, что Деодатъ правъ, и потупила глаза.

— Въ этомъ-то и хотѣлъ я удостовѣрить васъ, для того чтобы завтра, когда начнется бой, вы не упрекнули меня за неисполненіе моего долга.... Если судьба рѣ-

нить погибель Аделена, вы станете понавидеть, но не обвинять меня.

— О, если уверенность въ этомъ можетъ принести вамъ счастье....

— Я не знаю счастья, съ-тѣхъ-поръ какъ Аделенъ назвалъ васъ своею невѣстою.... Говорить ли мнѣ, что я люблю васъ? Развѣ вы этого не видите? Развѣ не съ перваго взгляду полюбилъ я? Развѣ эта любовь не слилась на вѣчно съ моимъ сердцемъ? Паду ли, останусь ли побѣдителемъ, а всё буду равно вамъ чуждъ, такъ гдѣ же мое счастье?

Между-тѣмъ продолжая идти, они приблизились къ чащѣ деревьевъ. Деодатъ, въ пылу страсти, взялъ руку Мадзи : она не отнимала ея, потому что вся кровь прилила къ сердцу, и бѣдная дѣвушка совсѣмъ потерялась.

— Ради Бога, рыцарь, вскричала она наконецъ : ради Бога, удалитесь ! Я не должна слушать васъ.... Насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.... Быть-можетъ, за нами присматриваютъ.... Ахъ!

И удушанный крикъ вырвался изъ ея груди : вслѣдъ нихъ стоялъ Ренѣ, блѣдный, съ глазами сверкающими отъ ярости.

— Ты не станешь болѣе обманывать меня, другъ ложный и предатель ! вскричалъ онъ : вотъ возмездіе за твою вѣрность.

И вонзилъ кинжалъ въ грудь Деодата.

Деодатъ зашатался, упалъ. Мадзи испустила пронзительный крикъ, бросилась къ нему и приняла въ свои объятія. Ставъ на одно колено, она, на другомъ, положила голову раненаго. Ренѣ выронилъ кинжалъ, и стоялъ неподвижно, какъ окаменѣлый.

— Братъ, ты оказалъ мнѣ услугу, проговорилъ Деодатъ, но лицу котораго уже разливалась смертная блѣдность : не отъ твоей бы руки должно было умереть.

рети мнѣ.... Спасайся, Ренó! бѣжи, спасайся!,... Теперь мнѣ смерть сладка!....

И его умирающій взоръ остановился на Мадзи съ выраженіемъ любви неизъяснимой; но взоръ этотъ скоро потухъ, голова рыцаря опустилась, какъ-будто смерть уже успѣла взять свою добычу.

Ренó закрылъ лицо обѣими руками и исчезъ въ чашѣ. Въ эту самую минуту подошелъ Аделенъ съ нѣсколькими рыцарями.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ: это что за извѣстіе! рыцарь въ объятіяхъ Мадзи!

— Помощи! ради неба, помощи! рыдала отчаянная Мадзи. Онъ умираетъ! Остановите убійцу! онъ побѣжалъ въ эту сторону.

— Кто убійца? спросило множество голосовъ.

— Ренó.

— Ренó! слышалось со всѣхъ сторонъ, и погоня бросилась въ чашу.

— Быть-можетъ мнѣ придется сказать ему спасибо, промолвилъ Серпъ Аделенъ холодно, но глухимъ голосомъ.

— Мадзи, дитя мое! говорилъ д'Эльва: удалимся отъ этого ужаснаго зрѣлища.

И онъ взялъ ее за руку.

— О! можетъ-быть еще есть надежда спасти его!

Дѣвушка приложила руку къ сердцу Деодата и вскричала:

— Бьется! Оно еще бьется.... Слава Богу!.... Врача, скорѣе врача!

— Что же адѣсь происходитъ? спросилъ графъ, прибѣгая на шумъ съ толпою рыцарей. Что вижу? Не лижаль ли этого негодяя Фришландца моравилъ одного изъ моихъ храбрѣйшихъ рыцарей?

— Нѣтъ, отвѣчалъ де-Бомонъ, печально склоняя голову: убійца бѣжалъ; за нимъ погнались. Но, прежде всего, надобно позаботиться о томъ, чтобы перенести

раненаго въ такое мѣсто, гдѣ бы можно было подать ему помощь.

Двое рыцарей подняли Деодата, который не показывалъ никакого признака жизни, и понесли въ павильонъ. Де-Бомонъ поддерживалъ ему голову, сирь д'Эльва шелъ рядомъ, графъ и всѣ рыцари слѣдовали за ними. Аделенъ остался одинъ съ Мадзи, которая не переставала рыдать.

— Что жъ, сказалъ онъ, насмѣшливо глядя на нее: что жъ вы нейдете за тѣломъ вашего любовника.

— О, Серпъ Аделенъ, вы слишкомъ жестоки!

— Положимъ; но что я видѣлъ, то видѣлъ, и вотъ, возвращаю вамъ ваше слово и это обручальное кольцо.

Говоря, онъ снялъ кольцо, измялъ его зубами, съ презрѣньемъ кинулъ на землю, и быстро удалился.

Мадзи не трогалась съ мѣста.

Ренѣ былъ задержанъ въ то самое мгновеніе, когда уже садился на коня, чтобы скрыться бѣгствомъ. Онъ и не подумалъ заператься, и графъ немедленно отдалъ повелѣніе заключить преступника въ башню надъ павильономъ.

д'Эльва, проводивъ раненаго, поспѣшилъ къ Мадзи, и съ нѣжной заботливостью старался, сколько могъ, успокоить ее. Онъ приказалъ подать своихъ лошадей и увезъ домой несчастную дѣвушку.

На другой день, едва солнце показалось на горизонтѣ, необозримое множество народу собралось на площади, въ ожиданіи назначеннаго поединка. Носился слухъ, что рыцарь, избранный графомъ, раненъ; другіе даже говорили, что онъ убитъ; но какъ ни кто ни чего не зналъ навѣрное, а между-тѣмъ къ назначенному часу герольды заняли свои мѣста, то этому слуху и мало вѣрили. Дѣло въ томъ, что графъ и сирь де-Бомонъ, занятые Утрехтомъ и бѣдственнымъ собы-

тѣмъ въ Фогельзангъ, совершенно забыли о поединкѣ, и не подумали о томъ, чтобы или назначить кого-нибудь на мѣсто Деодата, или не велѣть герольдамъ являться на мѣсто бою. Съ своей стороны, герольдмейстеръ Пэпаръ, который во всемъ дѣйствовалъ машинально, прибылъ тоже на ристалище, и ни мало не забоясь, явятся или не явятся ратоборцы, преспокойно прохаживался по аренѣ.

— Эдетъ! эдетъ! раздалось въ народѣ.

— Кто это, эдетъ? спросилъ мейнгерь Николай у оружейника; который стоялъ возлѣ него.

— А фризландской-то рыцарь. Еще не далѣе какъ вчера я оттачивалъ ему эту съкиру, что, видишь, виситъ у сѣдла.

Дѣйствительно; на площади показался Сергъ Аделень, вооруженный съ головы до ногъ. Онъ подъѣхалъ къ барьеру, и остановился.

— Вотъ неслыханная вещь! сказалъ Пэпаръ: одинъ изъ ратоборцевъ уже явился, а судей поединка еще нѣтъ!.... Мудреное дѣло! ей Богу, мудреное дѣло!....

— Но, сиръ герольдмейстеръ, замѣтилъ одинъ изъ герольдовъ: тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣнiе. Противникъ этого рыцаря вчера раненъ; вы это знаете также хорошо какъ и я.

— Какъ-будто графъ не назначитъ кого другаго!.... Полноте говорить пустяки, и ступайте, какъ водится, спросить у этого фризландскаго рыцаря, за чѣмъ онъ прѣвхалъ?

Герольдъ не отвѣчалъ, подошелъ къ Серпу Аделену, и исполнилъ возложенную на себя обязанность.

— Я Сергъ Аделень, отвѣчалъ Фризландецъ, протвердя всю ночь этотъ отвѣтъ, сочиненный Сiаромъ: я прѣѣхалъ сюда на моемъ добромъ конѣ, вооруженный съ головы до ногъ, какъ прилично рыцарю, за тѣмъ, чтобы выйти на поединокъ, при равномъ оружii, согласно старинному мной вызову, съ Вильгельмомъ,

красотъ Голландій и Ганноверу. Въ правды моего дѣла призываютъ свидѣтелями Бога, Пресвятую Богородицу и, ангела моего, Святаго Николая; прошу, чтобы вы представили мнѣ мою долю мѣста, вѣру, свѣту, и всего что нужно и полезно; и затѣмъ, съ помощію Божіей, Пресвятой Богородицы и, ангела моего, святаго Николая, я стану исполнять свое дѣло, пѣшій или конный, и тѣмъ оружіемъ, которое судна послѣднихъ признають приличнымъ.

Когда герольдъ повторилъ эту длинную рѣчь предъ Пэнаромъ, герольдмейстеръ приказалъ подать въ трубы сигналъ, чтобы извѣстить графскаго рыцаря о прибытіи Серга Аделена. Трубацы трубили изъ всѣхъ силъ, но тщетно: ни кто не являлся.

— Надобно подождать, сказала Пэнаръ; противнику преждеприбывшаго рыцаря дается, по уставу, три часа сроку; если три часа пройдутъ, а онъ не придетъ, то преждеприбывшій будетъ объявленъ побѣдителемъ.

Прошелъ часъ; прошелъ другой; ни кто не являлся. Народъ волновался и шумѣлъ. Небольшое число благородныхъ зрителей, собравшихся въ галерею, краснели отъ негодованія, и уже многіе начинали поговаривать, что, за неприбытіемъ избраннаго рыцаря, должно принять вызовъ которому-нибудь изъ нихъ.

Между-тѣмъ Сергъ Аделенъ, сколько отъ скуки, столько и изъ желанія досадить зрителямъ, зѣвалъ себѣ изъ конца въ конецъ ристалища, приговаривая:

— Эй, вы, Голландцы! или струили передъ Фризландскимъ рыцаремъ?...

Проходилъ и третій часъ, какъ вдругъ раздался громкія рукоплесканія толпы и звуки трубъ: къ барьеру подвигалъ рыцарь въ доспѣхахъ безъ всякаго украшенія и безъ девиза. Герольдъ, посланный Пэнаромъ спросить у него, кто онъ и зачѣмъ дръгнулъ, дошелъ герольдмейстеру, что новоприбывшій рыцарь до-

назадъ ему, герольду, свое право быть допущену въ ристалище, но что по уважительнымъ причинамъ желаетъ скрыть свое имя.

— Хорошо! отвечалъ герольдмейстеръ: но кто же будетъ судьей поединка?

— А вотъ, очень кстати, командоръ ордена святаго Иоанна Иерусалимскаго: онъ имѣетъ право быть судьей.

Предложеніе это принято обоими ратоборцами: раздался громъ трубъ и поединокъ начался.

Рыцари сшиблись: конь незнакомца упалъ; Серпъ Аделенъ выбить изъ седла. Рыцари взялись за спины.

Серпъ Аделенъ съ яростью напалъ на противника; тотъ защищался хладнокровно и съ величайшимъ искусствомъ. Зрители ясно видѣли, что онъ сберегаетъ свои силы, и даетъ Аделену время утомиться. Такъ и случилось. Незнакомецъ скоро примѣтилъ, что удары, наносимые противникомъ, становятся и не такъ быстры и слабѣе: онъ ловко зацѣпилъ своей сѣкирой сѣкиру Аделена, рванулъ обѣими руками, и обезоружилъ Фризландца. Теперь, жизнь противника была въ его рукахъ, но онъ остановился неподвижно. Аделенъ, въ бѣшенствѣ отъ того, что далъ себя обезоружить, выхватилъ кинжалъ, но герольды бросились и разлучили соперниковъ. Судья поединка объявилъ, что Фризландецъ побѣжденъ, потому что жизнь дарована ему однимъ только великодушнѣмъ незнакомца.

Въ эту самую минуту къ барріеру прискакали во весь опоръ графъ Вильгельмъ IV въ полномъ вооруженіи, и съ нимъ множество рыцарей.

Послѣ праздника въ Фогельзангъ, графиня, почти со всѣмъ аворомъ, уѣхала въ Гаагу, куда и графъ расподѣляясь отправился на другой день. Между тѣмъ, размысливъ Нетто, что по случаю войны съ Угрен-

томъ, ему не должно теперь навлекать на себя неудовольствій Фризландіи, графъ, лишь-только проснулся, приказалъ попросить къ себѣ фризландскихъ депутатовъ.

Едва отправилъ онъ за ними посланнаго, какъ его свѣлости доложили, что Рено, неизвѣстно какимъ образомъ, скрылся изъ башни, несмотря на то, что къ ней былъ приставленъ крѣпкій караулъ и затворы найдены цѣлыми. Графъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ сира де-Бомонъ. Пажъ донесъ, что сиръ де-Бомонъ получилъ изъ Гарлема какое-то извѣстіе, и уже съ часъ времени какъ уѣхалъ туда съ своимъ оруженосцемъ.

Тутъ только Вильгельмъ IV вспомнилъ о назначенномъ поединкѣ.

— Честь наша потеряна, если мы не явимся по вызову, вскричалъ онъ въ ужасномъ волненіи.... Оружіе... Коня.... Оруженосцевъ....

Тщетно многіе рыцари умоляли графа позволить имъ заступитъ его мѣсто; онъ ничего не слушалъ, вооружился, вскочилъ на коня и помчался къ Гарлему; рыцари и оруженосцы за нимъ.

— Э-э, любезный дядюшка! хорошо же вы поступили со мною! сказалъ графъ, сходя съ лошади и обнимая побѣдителя.

— Тс! отвѣчалъ де-Бомонъ: я хотѣлъ спасти честь нашего дому, но ни кому не должно знать, что подвергалъ опасности свою сѣдую голову противъ стриженной головы этого Фризландца.

Но слова графа были услышаны нѣкоторыми, и народъ съ восторгомъ закричалъ: «Де-Бомонъ! Да здравствуетъ сиръ де-Бомонъ!»

— Теперь, когда все кончилось благополучно, сказалъ графъ: мы какъ-можно скорѣе отправимся въ Гаагу. Но сначала простимся съ фризландскими депутатами.... Вѣдемъ.

Графъ повхалъ. Одинъ изъ его оруженосцевъ подѣ-

шелъ къ Аделену, который безмолвно, скрестя руки, стоялъ еще на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезоруженъ, и передалъ ему приказаніе его свѣтлости немедленно слѣдовать за нимъ во дворецъ. Серпъ Аделевъ повиновался. Сиръ д'Эльва и аббатъ уже дожидались графа.

— Депутаты Фризландіи, сказали намъ Вильгельмъ IV : дѣла наши принуждаютъ насъ ѣхать въ Гаагу. Однако же мы желаемъ предварительно объяснить вамъ наши намѣренія. Если вы расположены теперь же прислунуть намъ, отъ имени дворянъ и городовъ Фризландіи, то мы забудемъ все прошедшее; если же нѣтъ, то ваше присутствіе здѣсь становится бесполезно : вы завтра же можете ѣхать и извѣстить своихъ соотечественниковъ, что они скоро получатъ отъ насъ новѣйшія болѣе подробныя.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ ольдерманъ : свободная Фризландія охотно бы признала васъ своимъ союзникомъ и покровителемъ; но не прійметъ приказаній ни отъ кого, кромѣ императора, своего законнаго государя. Впрочемъ, мы исполнимъ по вашей волѣ, и сообщимъ ваше желаніе нашимъ довѣрителямъ.

— Что касается до наследницы Декама, продолжалъ графъ, какъ-бы не обращая вниманія на отвѣтъ д'Эльвы : то мы доставимъ ей надежное убѣжище въ ринсбургской обители, покуда ей не съищется достойный мужъ. На этотъ счетъ мы уже отдали наши повелѣнія. Декамская Роза останется въ Голландіи... Вы, Серпъ Аделенъ, за свое дерзновенное поведеніе, заслуживши быть лишены достоинства рыцаря и дворянина; но изъ уваженія къ вашему званію депутата, мы только навсегда лишаемъ васъ изъ нашихъ владѣній и повѣлимъ описать въ нашу казну всѣ ваши земли, замки и имущество.

— Увижу, возразилъ Аделенъ, кто прійдетъ за мною добромъ, и постараюсь угостить какъ-можно лучше.

На графъ не слыжалъ его словъ : онъ ушелъ во внутреннюю комнату.

Друзьяты, возвратясь въ командорственную обитель, немедленно занялись приготовлениями къ отъезду. Д'Эльва потребовалъ къ себѣ брата Сіара и, сообщивъ ему волю графа, просилъ совѣта, какъ бы изхитить Мадзи изъ его власти.

Доминиканецъ погрузился на нѣсколько минутъ въ глубокую думу, потомъ сказалъ :

— Есть средство. Намъ надобно, нынѣшнимъ же вечеромъ, съѣсть на судно, чтобы завтра, чуть свѣтъ, какъ уже не было на Спаарѣ. Между-тѣмъ ввѣрить Мадзи надежному челоуѣку ; она должна переодѣться, онъ также, и проводить ее, черезъ Утрехтъ на Гардерикъ, гдѣ мы будемъ ждать ихъ.

Совѣтъ этотъ одобренъ всеми, и Мадзи ввѣрена самому доминиканцу.

Братъ Сіаръ купилъ у жены Вальтера, которая уже не чаяла возвращенія мужа, праздничную пару платья шелкаго ; Декамская Роза одѣлась крестьянкой ; они пустились въ путь. Только прощаясь съ ольдерманомъ, Мадзи рѣшилась шепнуть ему :

— Каковъ раненый ?

— Живъ, отвѣчалъ д'Эльва : но, дитя мое, забудь о немъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Мадзи съ выраженіемъ благодарности взглянула на небо : онъ живъ, но живетъ не для тебя. Декама не можетъ выйти за-вѣтъ иначе какъ за Фризландца. Если Аделей такъ боится, что отказался отъ твоей руки, то найдетсѣ много другихъ достойныхъ людей.... Побзжай съ Богомъ ; да Господь хранитъ тебя !

Сіаро увидѣвъ на дѣлѣ какъ полезенъ былъ планъ, предложенный Сіаромъ. Едва онъ и Мадзи успѣли удалиться, какъ отрядъ графскихъ войскъ окружилъ древнюю обитель кавалеровъ Святаго Іоанна Иерусалимскаго ; начальникъ его потребовалъ, именемъ графа, вы-

дачи воспитанницы сира д'Эльвы. На отвѣтъ, что она уже уѣхала въ Фризландію, обитель была обыскана, и отрядъ, не найдя Мадзи, возвратился въ Гарлемъ.

Между-тѣмъ бѣглецы достигли къ вечеру утрехтской области и остановились отдохнуть и покормить лошадей въ деревнѣ Плазвикъ.

Въ небольшой деревнѣ Плазвикъ, въ очень близкомъ разстояніи отъ замка Нейштейна, путешественники нашли чистую гостиницу. Но она вся была занята вѣзжками. Сіаръ съ великимъ трудомъ могъ достать комнатку на чердакъ для Мадзи, а самъ нашелся принужденнымъ ночевать въ конюшнѣ.

Пожелавъ спокойной ночи своей спутницѣ, доминиканецъ сошелъ въ общую залу, и сѣлъ въ углу, за маленькій столъ.

Въ этой залѣ Сіаръ встрѣтилъ общество. Передъ огнемъ очага сидѣли два человѣка, которыхъ бы по ихъ одеждѣ можно принять за путешествующихъ мелочныхъ торговцевъ, да еще человѣкъ, одѣтый по-военному. Четвертый ихъ собесѣдникъ лежалъ протянувшись на лавкѣ и, казалось, спалъ; онъ былъ весь укутанъ плащомъ.

Когда Сіаръ помѣстился въ углу, человѣкъ, одѣтый по-военному, обратился къ нему съ вопросомъ :

— Что, дядя! за чѣмъ сюда? кого надобно?

— Надобно бы человѣка, который не надоедалъ мнѣ вопросами, отвѣчалъ доминиканецъ.

— Видишь, какъ отвѣчаетъ! Поучиться бы ему вѣжливости у моей обезьяны! замѣтилъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы приняли-было за мелочныхъ торговцевъ, и въ которыхъ читатель узнаетъ теперь наѣца Дамьяна и хозяина его Барбанеру-Несравненнаго.

— Чѣмъ намъ де этого неуча! сказала военный: луч-

не найдешь; посмотримъ на дѣвушку, которая, я ви-
дѣлъ, съ нимъ прѣхала.

— Позвольте, позвольте, друзья мои! возразилъ Сіаръ,
ставая въ дверяхъ: я, правда, старъ и не привыченъ
драться; однако жъ, если кто изъ васъ осмѣлится обез-
искоить мою племянницу, то дорого заплатится за это.

И онъ взялся за рукоять длинной шпаги, прицѣплен-
ной у него съ боку.

— Какъ, чортъ возьми! вскричалъ военный: да гдѣ
это ты подцѣпилъ мое платье?... На тебѣ, съ головы
до ногъ, все мое.

Эти слова не только не смутили Сіара, но еще при-
дали ему больше смѣлости.

— Ты Вальтеръ, сказалъ онъ лѣсническому.

Это и точно былъ Вальтеръ, который, полагая что
убилъ жену, бѣжалъ изъ своей хижины, въ то вре-
мя какъ Ренó и Деодатъ къ ней подъѣхали. Онъ
же укралъ ихъ лошадей, прискакалъ въ Лейденъ, и
черезъ два дня продалъ ихъ рыцарю краснаго-орла,
который, узнавъ, что бывший графскій лѣсничій рас-
суждается вступить въ военную службу въ Утрехтъ,
далъ ему рекомендательное письмо къ Роберту д'Ар-
кадъ, а тотъ, принявъ его въ число своихъ воиновъ,
отправилъ съ какими-то бумагами въ замокъ Ней-
штейнъ.

— Убийца! грозно проговорилъ доминиканецъ: трепе-
ши! кровь требуетъ крови, и ты нигдѣ не укроешься
отъ наказанія.

Вальтеръ смутился и молчалъ.

— Слушай же, продолжалъ Сіаръ: я иду сейчасъ въ
замокъ Нейштейнъ; бѣда тому, кто осмѣлится нанести
какое-нибудь недовольствіе моей племянницѣ!....
Прощайте, да помните, что сказалъ.

Когда доминиканецъ ушелъ, Вальтеръ сталъ посмѣ-
ливо и проговорилъ:

— Плевать я хотѣлъ на его угрозы!... Да и въ замкѣ-то никого нѣтъ, кромѣ старика Петра.

— Не правда, возразилъ Барбюсса: я знаю, что вчера вечеромъ прѣвхалъ въ Нейшгейнъ рыцарь краснаго орла.

При этихъ словахъ, путешественникъ, который казался спать, пошевелился.

— Чортъ-знаетъ, сказалъ Вальтеръ, указывая на него: не изъ графскихъ ли это шпионовъ!... Постой, я его неподчую виномъ.

И онъ подошелъ къ лежащему; тотъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, сбросилъ плащъ, и Вальтеръ отшатнулся, узнавъ рыцаря Ренѣ Веронскаго.

— Бездѣльникъ! вскричалъ Ренѣ: развѣ ты ужъ никого не можешь оставлять въ покоѣ?... Пошелъ вонъ.

Вальтеръ повиновался; онъ вышелъ въ другую комнату, легъ и захрапѣлъ. Дамьянъ сдѣлалъ тоже, и Барбанера хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру; но Ренѣ удержалъ его за руку.

— Ты еще не кончилъ мнѣ своего разсказу, сказалъ онъ: Деодатъ спитъ и не проснется..... Какъ думаешь, Паоло, если я сдѣлалъ то, чего никогда не считалъ возможнымъ; если я убилъ лучшаго моего друга, то неужели стану шутить съ такимъ мерзавцомъ, какъ ты?

Паоло подумалъ съ минуту, и видя, что рыцарь поступаетъ рѣшительно, обѣщалъ разсказать все, что знаетъ самъ.

Братъ Сіаръ приблизился къ замку, перешелъ по опущенному подъемному мосту, и затрубилъ въ рогъ, висѣвшій у воротъ.

Черезъ несколько минутъ, въ одной изъ бойницъ появилась голова сторожа.

— Я желаю, сказалъ доминиканецъ, переговорить съ рыцаремъ, который вчера пріѣхалъ сюда.

— Богъ съ тобою, любезный! отвѣчалъ сторожъ: рыцарь сегодня рано уѣхалъ.

— Однако же, онъ увѣрялъ меня, что никогда не откажетъ въ свиданіи, если попрошу его именемъ Святого Мартина.

Голова сторожа исчезла изъ отверстія бойницы, и вскоре стукъ ключей возвѣстилъ, что ворота отпираются.

Сіаръ, вслѣдъ за сторожемъ, прошелъ черезъ поросший травою дворъ, потомъ они взобрались по лѣстницамъ и переходамъ на третій этажъ замка, и остановились передъ дверью, въ которую постучались.

— Войди, сказалъ голосъ.

Доминиканецъ вошелъ. Въ комнату, за столомъ забросаннымъ бумагами, сидѣлъ рыцарь краснаго-орда и что-то писалъ. Онъ былъ уже не въ платьѣ Барбанаера, какъ мы видѣли его въ первый разъ въ полу-разрушившейся хижинѣ, гдѣ подглядѣлъ его Ренб, и не въ рыцарскія доспѣхахъ, какъ на турниръ въ Гарлемъ: на немъ была широкая одежда изъ дорогой ткани, tutto въ родѣ рясъ.

— Отъ кого ты? спросилъ онъ, взглянувъ на доминиканца, котораго не узналъ, и опять принялся писать.

— Отъ самаго себя, отвѣчалъ Сіаръ.

— Клянусь святымъ Мартиномъ!... Да это ты, братъ Сіаръ!... Скажи, ради Господа, что новаго?

— Минуты теперь дороги. Я принесъ вамъ важныя вѣсти. Графъ непріязненно отпустилъ депутатовъ. Есть сомнѣнія, что Фризландія возьмется за оружіе.

— Ты лучше! Утрехтъ получить вспомогательное

— Есть. Вы всё-еще худо знаете Фризландцевъ. Они

готовы положить свои головы, но не за Утрехтъ, а за свою независимость, и ни одинъ изъ Фризландскихъ дворянъ не согласится служить подъ начальствомъ чужеземца.

— Не знаю еще, кому утрехтская область взрѣтъ начальство надъ своимъ войскомъ, но увѣремъ, что во всякомъ случаѣ, Фризландцамъ было бы предоставлено право сражаться подъ собственнымъ знаменемъ.

— Какъ! вскричалъ Сіаръ съ видимымъ изумленіемъ: развѣ вы не сами будете предводительствовать войскомъ?

— Братъ, вы забываете, что утрехтскій епископъ находится въ Гренобль, а онъ только одинъ и можетъ быть начальникомъ воиновъ.

— Боже мой! до шутокъ ли теперь? возразилъ Сіаръ, считая невѣроятнымъ, чтобы человекъ, который возжегъ войну, остался въ бездѣйствіи въ самое рѣшительное время. Вы, или испытываете мою прощательность, или ваши слова противорѣчатъ вашимъ поступкамъ.

— Ни то, ни другое. Я очень хорошо знаю, что если прійму въ эту минуту начальство надъ моими вассалами, то одно уже мое имя, на первой перъ, подѣйствуетъ на нихъ какъ талисманъ. Но при малѣйшей неудачѣ поднимется ропотъ, и Богъ-знаетъ въ чемъ не станутъ обвинять меня.... Нѣтъ! Если я сброшу маску, то это уже въ то время, когда буду имѣть надежду на успѣхъ.

— Но въ случаѣ, если Вильгельмъ IV овладѣетъ Утрехтомъ?

— И тогда все пойдетъ хорошо. Не принимавъ личнаго участія въ войнѣ, утрехтскій прелатъ явится примирителемъ враждующихъ сторонъ, и народъ благословитъ мое имя.

Нечего сказывать, что Сіаръ говорилъ съ самимъ Іоанномъ д'Аркель, епископомъ утрехтскимъ.

— «Однѣко-оно, я думаю, сказать доманикамъ, что мнѣ скоро придется сбросить маску».

— Это почему?

— Потому что наши пресутеліе дѣлан не можетъ на долго оставаться тайною: Барбанера и его паяцъ не за слухиваютъ ни какой доверенности: они продадутъ мнѣ секретъ на вѣсь золота.

— Паяцъ ничего не знаетъ, а Барбанера служилъ мнѣ покуда былъ нуженъ; теперь я возьму мѣры, чтобы они не могъ повредить намъ.

— Я также видѣлъ въ деревенской гостиницѣ чье-то имя, по имени Вальтера, который знаетъ больше чѣмъ бы надобно...

— Онъ ни-чего не знаетъ кромѣ рыцаря краснаго орла.

— Слухи въ замкѣ, и поселяне, которые васъ видѣли...

— Слугъ въ замкѣ нѣтъ, кромѣ одного старика Петра, а этотъ мнѣ не поминать; а поселяне, какъ и мои оруженосцы, полагаютъ, что я одинъ нѣтъ вассаловъ епископства.

— Но если Голландцы овладѣютъ этимъ замкомъ?

— Я не остаюсь въ немъ. Буду инокитовъ Утрехтъ...

Братъ Сіаръ, я надѣюсь соединить подъ своей властью весь Зудерзей.

— Не думаю, чтобы Фризландія признала надъ собою вашу власть, другую кромѣ духовной.

— Такъ развѣ вы уже не хотите быть моими союзниками... Зато я помогу вамъ противъ графа.... Подумайте о моихъ предложеніяхъ, и завтра поутру вы будете другаго мнѣнія....

Прелатъ свиснулъ въ серебряный свистокъ. Петръ вошелъ.

— Проводи этого чловѣка, сказалъ д'Аркель: и смотри, чтобы вездѣ было хорошенько заперто.

Возвращаясь въ гостиницу, Сіаръ призадумался; онъ увидѣлъ наконецъ, что какъ ни считалъ Іванна

д'Аркедь догкомысленнымъ; а всё-еще онъ саничкомъ хитръ въ отношеніи къ нему, свѣтливому доминиканцу.

Освѣдомясь отъ служанки гостиницы о Мадзи, и узнавъ, что она спокойно уснула, Сіаръ расположился въ конюшнѣ на соломѣ, но не могъ уснуть ранее какъ на свѣту.

Когда братъ Сіаръ проснулся, солнце уже было высоко, Онъ поспѣшилъ въ гостиницу, и повпросилъ хозяйку позвать Мадзи, которую называлъ своей племянницей. Исполняя его желаніе, хозяйка пошла вверху, но черезъ минуту возвратилась вся блѣдная и перешуганная.

— Помогите! поскорѣй помогите! вошла она: на постель вашей племянницы спитъ чортъ.

— Что ты мелешь? сердито сказалъ Сіаръ.

— Говорятъ вамъ, что чортъ унесъ вашу племянницу, и самъ легъ на ея мѣсто.

Быстро побѣжалъ доминиканецъ по лѣстницѣ; за нимъ хозяйка, служанка, конюхъ и паяцъ, которые однако жъ остановились у дверей Мадзиной комнаты, не смѣя войти.

Сіаръ дѣйствительно увидѣлъ на постель, приготовленной для Мадзи, какое-то мохнатое существо, и тотчасъ узналъ Сезара; онъ взялъ обезьяну, и кинулъ ее Дамьяну, вскричавъ:

— Вотъ вашъ чортъ... Гдѣ моя племянница?... Гдѣ моя племянница? повторилъ онъ обращаясь къ хозяйкѣ гостиницы, и глаза его сверкали какъ раскаленные угли.

— Господи Боже мой! да я-то почему знаю?... Быть-можетъ она уѣхала съ тѣмъ молодымъ человекомъ, который отправился куда-то вмѣстѣ съ Барбанерой.

— Они пошли въ замокъ, сказалъ паяцъ, и не замед-

лать возвратиться..... Да ваша племянница должна быть лунатикъ, потому-что рыцарь Ренó очень ясно видѣлъ, какъ она прошла мимо замка; онъ было и пошелъ за ней, да она убѣжала.

— Рыцарь Ренó! вскричалъ Сіаръ: а! теперь я начинаю догадываться.... Такъ этотъ человекъ, что деждалъ на лавкѣ, Ренó Веронскій!...

Въ это самое время на дворъ гостиницы възвало множество всадниковъ, и общее вниманіе было отвлечено отъ странной пропажи дѣвушки. Между-тѣмъ мы объяснимъ читателямъ какимъ образомъ она случилась.

Когда Мадзи уснула въ своей комнаткѣ, ей, около полуночи, приснился такой страшный сонъ, она видѣла во снѣ такое странное, мохнатое, животное, что проснулась въ испугъ. Но каковъ же былъ ея ужасъ, когда, уже не во снѣ, а на яву, увидѣла это самое животное! Мадзи вскрикнула, соскочила съ кровати и побѣжала внизъ по лѣстницѣ; и что же случилось съ нею, когда, пробѣгая по одной изъ нижнихъ комнатъ, вдругъ увидала передъ собой убійцу Деодата!....

Бѣдная дѣвушка бросилась на улицу; бѣжала, бѣжала, и наконецъ, лишенная силъ и чувствъ, безъ памяти ринулась на землю.

Но мы должны оставить ее на время, чтобы возвратиться къ утрехтскому прелату.

Іоаннъ д'Аркель, отпустивъ Сіара, легъ-было уснуть, но тревожное состояніе мыслей не давало ему покою: онъ всталъ и сѣлъ подъ открытымъ окномъ. Взоръ его блуждалъ по окрестностямъ, и вдругъ замѣтилъ человѣческую фигуру, распростертую на песчаной дорогѣ, востъ самыхъ стѣнъ замка. Первая мысль его была та, что это шпионъ; но всматриваясь внимательнѣе, онъ увидѣлъ, что это женщина, позвалъ своего вѣрнаго Петра и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ за стѣны замка. При близкомъ взглядѣ на дѣвушку, дежащую безъ

чувства, д'Аркель не могъ не увидѣть, что она красавица; но былъ далекъ отъ того, чтобы подозрѣвать въ ней прелестную Декамскую Розу, о которой столько слышался. Онъ бережно приподнималъ ее и, съ помощью Петра, принесъ въ замокъ.

Прошло нѣсколько времени; дѣвушка опаматовалась.

— Гдѣ я? спросила она озираясь.

— Не бойтесь ничего, отвѣчалъ д'Аркель: вы безопасны.

— Какъ и очутилась здѣсь?... Гдѣ братъ Сіаръ?

— И дѣвушка впала въ сильный бредъ горячки.

Иоанну д'Аркель было едва двадцать шесть лѣтъ отъ роду; и красота незнакомки сдѣлала сильное впечатлѣніе на сердце молодато чловѣка. Конечно, онъ былъ не чистаго характера, чтобы прожвнать свои существенныя выгоды на пару прекрасныхъ глазъ, но и любилъ пользоваться такими случаями, какъ тотъ, который теперь такъ нечаянно представлялся ему. Вызвавъ Петра въ другую комнату; онъ сказалъ:

— Поди, осмотри нашу старую карету; можетъ случиться, что она намъ понадобится.

Потомъ д'Аркель снова возвратился къ Мадзи, которую всячески старался успокоить, увѣряя, что подъ его покровительствомъ ей вовсе нечего опасаться.

Д'Аркель располагался было подолбе договорить съ дѣвушкой, какъ у воротъ раздался звукъ рога, и Петръ пришелъ доложить, что какой-то неизвѣстный ему чловѣкъ желаетъ видѣться съ рыцаремъ краснаго-орда.

Предать вышелъ въ свой кабинетъ, надѣлъ широкій плащъ, надѣлъ большой фальшивый носъ, подвязалъ длинную бороду, словомъ, преобразился въ Барбанеру.

— Я не жду ни кого сегодня... Кто бы это?.. Но если онъ дастъ ловунгъ, впусти.

Черезъ нѣсколько минутъ, передъ д'Аркеля явился Ренд, и сталъ на порогъ, отъ изумленія, что видитъ пре

редь собой Барбанеру, котораго только что оставилъ за стѣнами замка. Но онъ уже прежде имѣлъ некоторое сомнѣнiе на счетъ этого сходства.

— Этотъ маскерадный костюмъ не поможетъ вамъ, рыцарь; сказалъ Ренó: онъ не помѣшаетъ мнѣ узнать въ васъ моего противника на турнирѣ.

— Клянусь Богомъ! вскричалъ д'Аркель, срывая наглядной носъ и подвязную бороду: вы тотъ самый рыцарь, что хотѣли-было задержать меня, какъ вора.

— Точно такъ. Но обстоятельства, которыя бы должно было рассказывать, принудили меня оставить службу графа Голландскаго. Я желаю стать подъ знамена города Утрехта, а говорятъ, что въ этомъ случаѣ вы можете мнѣ быть полезны.

— Я!... Какая же сорóка проболтала вамъ это? съ живостью спросилъ д'Аркель.

— Человѣкъ, который, кажется, пользуется вашею довѣренностью.... именно, шарлатанъ Барбанера.

— Вотъ, нашли мнѣ повѣреннаго!... А это онъ же передалъ вамъ лозунгъ?... Что еще говорилъ онъ вамъ.

— Многое обо мнѣ: объ васъ — ничего.

— А!... Какъ ваше имя, рыцарь?

— Теперь, покуда, Ренó Веронскій, но скоро надѣюсь принять другое, по-извѣстнѣе.

— Право!... И вы хотите служить подъ утрехтскими знаменами?

— Да, быть-можетъ.... Это будетъ зависеть отъ обстоятельствъ.

— Поэтому вы оставляете знамена храбраго Вильгельма IV, и идете служить безсильнымъ монахамъ?

— Я хочу служить епископу Юанну д'Аркель.

— Кто поручится за епископа, который теперь изгнать Францiи.

— Онъ самъ, и теперь же, если захочетъ.

— Несчастливый! вскричалъ д'Аркель, хватаясь за книжку. Ты знаешь льва, и осмѣливаешься явиться въ его логовище!

— Отчего жь и не осмѣлиться, если за мной гонится тотъ же охотникъ, что и за нимъ?

— Где доказательства?

— Вотъ кровь... Это кровь Деодата, моего друга.... Вильгельмъ IV требуетъ моей головы.

— Надѣюсь, что эта кровь пролита на поединкъ.... и всё таки жалко о расѣ.

Ренó, побившись и прикусилъ губы. Къ его счастью вышелъ Петръ, и на ухо сказалъ господину, что Барбанера желаетъ съ нимъ видѣться.

— Сейчасъ иду... Да, рыцарь Ренó, ваше поведение на турнирѣ свидѣтельствуетъ о вашей храбрости и я готовъ имѣть къ вамъ довѣріе. Вы сегодня же поѣдете со мною въ Утрехтъ, и мы поговоримъ дорогою. Теперь, сдѣлайте одолженіе, подождите меня здѣсь.

Онъ вышелъ и заперъ дверь на ключъ.

— Э-э, думалъ предать: такъ ты, мейнгеръ Барбанера, болтаешь про мои тайны! Ладно! Мы примемъ мѣры, чтобы ты былъ поскромнѣе.— Ну, что скажешь? спросилъ онъ Барбанеру, который ожидалъ его въ одной изъ комнатъ нижняго этажа.

— Являюсь за приказаніями вашего степенства. Утрехтскія войска будутъ скоро здѣсь, и я думалъ, что мнѣ должно повидаться съ вами прежде чѣмъ они займутъ замокъ.

— Такъ! А тайны мои тебѣ тоже должно было разсказывать всякому встречному, какъ на примѣръ Ренó?

— Я ничего ему не разсказывалъ: онъ самъ зналъ все и потому-то я считалъ за лучшее предать его въ ваши руки!

— А какъ ты знаешь этого рыцаря?

— Я знаю его больше, чѣмъ самъ онъ знаетъ себя....

А какъ, ваше степенство, что бы вы дали, если бы я доставлялъ вамъ между знатными Фризландцами такого пріятеля, на благодарность котораго вы бы могли положитьсь?

— Славное бы дѣло!... Да что тутъ общаго съ рыцаремъ Рено?

— А то, во-первыхъ, что Рено предательски убилъ Додата, и, слѣдственно, будетъ искать у васъ убъжизна; а во-вторыхъ, что онъ единственный сынъ сира д'Эльва.

— Вотъ вздоръ!..... Рено такой же Италіанецъ какъ ты.

— Но матери, а не по отцу; я могу представить очевидныя доказательства, что Рено сынъ левварденскаго смьдэрмана..... Какъ по-вашему? чего стоитъ такая тайна?

— Золота, чистаго золота!... Говорилъ ли ты ему объ этомъ?

— Не больше того, сколько было нужно.

— Хорошо! Мы поговоримъ объ этомъ послѣ; а теперь, сходи, тамъ вверху есть дѣвушка, которая чувствуетъ себя не очень здоровою. Посмотри только, больна она или нѣтъ, и можно ли ее перевезти въ Утрехтъ.

Барбанера пошелъ и скоро возвратился.

— Можетъ вѣхатъ, сказалъ онъ прелату. А знаете вы, кто эта дѣвушка?

— Если не ошибаюсь, такъ Фризландка.... родственница брата Сиара.... или что-то въ этомъ родѣ.

— Да, точно, Фризландка; но это невеста Серпа Адельна, питомица сира д'Эльва, Мадзи, Декасская Роза.

— Быть не можетъ.

— Я, что взглянулъ, такъ и узналъ ее, и....

Барбанера былъ прерванъ повтореннымъ звукомъ рота:

— Чертъ возьми! вскричалъ д'Аркель, выглядывая

сквозь бойницу: это прищель твой палец; за нимъ по-
одалъ двое военныхъ, а еще дальше братъ Сіаръ... Эй,
Петръ, впускай ихъ по одиначкѣ.

Вошелъ Дамьянъ, и возвѣстилъ, что отрядъ утрехт-
скихъ войскъ идетъ занять замокъ. За палцомъ Петръ
ввелъ двухъ военныхъ, которые посланы были отъ
этого отряда, уже прибывшаго въ деревню Плаванкъ,
узнать, когда имъ вступать въ Нейштейнъ: Иоаннъ
д'Аркель отвѣчалъ, что войско можетъ занять замокъ
не раньше какъ въ часъ по полудни, и посланные ушли.

— Теперь, Петръ, позови брата Сіара. — Слушай Бар-
банера: Сіаръ мнѣ измѣняетъ. Подстереги его какъ онъ
выйдетъ отъ меня, обещай возвратить ему Мадри, за-
мани въ подземелье, и запри въ одну изъ темницъ.

— Какъ! вскричалъ до крайности изумленный шарла-
танъ.

— Чтѣ, развѣ ты не понялъ?... Да, а гдѣ жъ твои дока-
зательства о происхожденіи Рено?

— Эта тайна стоитъ золота, и никто, кромѣ меня, не
знаетъ ея.

— На, на; вотъ тебѣ золота, сказалъ д'Аркель, пода-
вая Барбанеру кошелекъ, полный денегъ: теперь, гово-
ри скорѣе; мнѣ нѣкогда терять времени.

— Вотъ письмо БIANКИ ди Салерно, законной жены
сира д'Эльва, матери Рено, которымъ она поручала
сына своего попеченіямъ Карло дельла Скала, и вотъ
кольцо, которымъ сиръ д'Эльва обручался съ нею.
Остальное все знаетъ Рено.

— Хорошо! сказалъ д'Аркель положить въ карманъ
письмо и кольцо. Теперь, скажи Петру, чтобы вну-
стлѣ доминиканца.

Барбанера пошелъ, разсуждая про себя: «*Sic vos non
vobis*, его степенство думалъ надуть меня и одинъ вос-
пользоваться моей тайной; да я себя на умѣ; не от-
далъ ему важнѣйшей бумаги, такъ все-таки возьму что
нибудь и съ ольдермана.»

И рассуждая такимъ образомъ, онъ сошелъ на дѣзъ лѣстницы, чтобы дождаться тамъ доминиканца.

— Ну что, любезный братъ, спросилъ д'Аркель Сіарра, когда тотъ явился къ нему: подумали ли вы о нашихъ предложеніяхъ?... Но, что съ вами случилось?... Вы страшно блѣдны и, кажется, ужасно разстроены.

— Бѣда, совершенная бѣда! Я взялъ на себя провожать Декамскую Розу до Гардервика, гдѣ ея ожидаетъ сиръ д'Эльва, а она нынѣшнею ночью исчезла изъ гостиницы.

— Удивительно!

— Ради Бога, употребите вашу власть, чтобы отыскать ее.

— Да, время мнѣ заниматься такими пустяками!

— Если въ васъ есть честь, совѣсть....

— Убирайся съ этимъ вздоромъ; говорятъ, мнѣ некогда.

— А, если такъ!.. Хорошо, я уйду, но, видитъ Богъ! Я блѣдный, простой доминиканецъ, а не хотѣлъ бы быть на вашемъ мѣстѣ.

Сказавъ это, Сіарръ вышелъ. Сходя по лѣстницѣ, онъ слышалъ, что кто-то называлъ его по имени, и оглянулся: человекъ, котораго Сіарръ не могъ разглядѣть, потому что онъ скрывался подъ темнымъ сводомъ, сдѣлалъ ему знакъ приблизиться.

— Чего тебѣ? спросилъ Сіарръ. Говори скорѣй: мнѣ каждая минута дорога.

— Тс! тише!... Вы ищете Декамскую Розу?... Дайте руку и ступайте за мной: я провожу васъ къ ней.... — Теперь, подождите тутъ, сказалъ Барбанера, войдя въ одну изъ подземныхъ темницъ: я приведу ее къ вамъ.

— Оставайтесь тутъ оба до втораго пришествія! вскричалъ д'Аркель, который скрытно слѣдовалъ за ними и, хлопнувъ дверь въ подземелье, заперъ ихъ. — Хорошо! По крайней мѣрѣ этихъ двоихъ ужъ нечего опасаться.

Потомъ Іоаннъ д'Аркель призвалъ къ себѣ Дамьяна, который явился съ узломъ въ рукахъ.

— Что у тебя за узелъ? спросилъ прелатъ.

— А это платье той дѣвушки, что нынѣшнею ночью пропала изъ гостинницы. Мнѣ хозяинъ велѣлъ постараться захватить этотъ узелокъ: я и спроворилъ; да вотъ еще нашелъ и эту штучку.

И онъ показалъ золотую булавку съ крупной жемчужиной, осыпанной дорогими камнями.

Въ умъ д'Аркеля тотчасъ родилась свѣтлая мысль.

— Послушай, Дамьянъ, сказалъ онъ: возьми эту булавку, садись на своего осла, и отправляйся какъ можешь скорѣе въ Гардервикъ. Ты застанешь тамъ сира д'Эльва и другихъ фризландскихъ депутатовъ, которые ждутъ тебя той дѣвушки, что была съ братомъ Сіаромъ. Ты скажешь имъ, что графъ Вильгельмъ захватилъ и доминиканца и дѣвушку; что ты ее видѣлъ, говорилъ съ нею; что она велѣла тебѣ ѣхать къ нимъ, просить отмстить за нее, и что зато подарила эту булавку. Если ты скоро и ловко исполнишь это порученіе, отъ награду тебя какъ и не чаешь.

— Да вѣдь тутъ нѣтъ ни одного слова правды, а у Серпа Аделена такой длинный мечъ, что онъ какъ-разъ посадитъ меня на него какъ рѣпу.

— Полно, Дамьянъ, имъ и въ голову не придетъ, что ты ихъ обманываешь. Помилуй, развѣ я не знаю какой ты мастеръ морочить? Развѣ я не знаю, что ты умнѣе всѣхъ этихъ ротозѣевъ?

Дамьянъ не могъ устоять противъ лести, взялся исполнить желаніе д'Аркеля, и тотчасъ же повѣхалъ, рѣзвѣтся, взявъ съ собою Сезара.

Отправивъ паяца, д'Аркель пошелъ къ Мадзи и, увидѣвъ ее, что Сіара ни гдѣ не отыскали, а только принесли изъ гостинницы узелъ съ ея платьемъ, уговорилъ ѣхать подъ своимъ покровительствомъ, обещая, что проводитъ ее; куда ей будетъ угодно.

— Если вы такъ добры, сказала Мадзи, то я поручаю себя вашему покровительству, и расскажу все, что до меня касается.

Декамская роза рассказала ему, что знаетъ читатель, и что уже зналъ д'Аркель, но слушалъ будто за поность.

— Такъ до свиданія, благородная Мадзи, сказалъ онъ: иду все приготовить къ вашему отъезду.

Прелатъ въ самую пору вошелъ въ комнату, гдѣ оставался Ренó. Соскучившись такъ долго быть въ заперти, рыцарь только что хотѣлъ попробовать отбить замокъ кинжаломъ.

— Извините, сказалъ д'Аркель: у меня было тма дль. Теперь я весь къ вашимъ услугамъ, тѣмъ болѣе, что, если позволите, я возвращу вамъ вашу лошадь и предложу надѣть доспѣхи рыцаря краснаго-орла, а самъ займу мѣсто вашего оруженосца. Эта перемѣна между будетъ не бесполезна и для васъ, потому что и въ утрехтской области могутъ съискаться люди, которые захотятъ отмстить за убійство Деодата.

— За убійство! вскричалъ Ренó, поблѣднѣвъ какъ ервецъ: кто могъ сказать вамъ это?

— Объ этомъ поговоримъ дорогою, а теперь, пора сблѣться.

Онъ подалъ Ренó доспѣхи рыцаря краснаго-орла, самъ одѣлся простымъ оруженосцемъ. Потомъ д'Аркель пошелъ къ Мадзи, помогъ ей сойти на дворъ замока, посадилъ въ карету, закрытую такимъ образомъ, что въ нее нельзя было заглянуть снаружи, сдѣлъ за собою прибывшему отряду утрехтскихъ войскъ, съѣлъ на лошади также какъ Ренó, и все пустились въ путь. Только когда Петръ подошелъ къ нему проститься, онъ тихо сказалъ ему:

— Смотри, не забывай плѣнниковъ, и не допускай къ нимъ ни кого ни подъ какимъ видомъ.

Рыцари ѣхали нѣсколько впереди кареты. Рено былъ печаленъ и задумчивъ; д'Аркель сказалъ :

— Я воображалъ, что вы будете по-веселѣе отыскавъ своего добраго коня, а вы, кажется, нисколько ему не рады.

— Признаюсь, мои теперешнія обстоятельства ни чуть не веселы, и Богъ-знаетъ, что ждетъ меня въ будущемъ!

— Въ будущемъ?... А вотъ, на примѣръ, вы ожидали моего покровительства, а, напротивъ, я стану просить вашего.

— Моего покровительства!... Но въ моемъ положеніи, что же я могу для васъ сдѣлать?

— Сейчасъ объясню. Политическія причины заставляютъ меня скрывать теперь мое имя. Я полагаюсь на вашу скромность, увѣренъ, что вы не измѣните мнѣ, и, въ доказательство, не требую отъ васъ ни какихъ клятвъ. Если бы я пріѣхалъ въ Утрехтъ одинъ, то могъ бы возбудить подозрѣніе и быть узаннымъ, тогда какъ въ вашемъ оруженосцѣ ни кто не будетъ подозрѣвать прелата. Братъ мой Робертъ приготовилъ домъ для рыцаря краснаго-орла: вы займете его, станете распорядиться какъ полный хозяинъ, а я, подъ вашимъ покровительствомъ, останусь въ невѣдомости.

— А нашъ товарищъ, что ѣдетъ въ каретѣ?

— Надобно вамъ сказать, это женщина; ей будутъ отведены особыя комнаты, и я требую, чтобы рѣшительно ни кто не старался съ нею видѣться или говорить.

— А, понимаю!

— Теперь, я бы желалъ узнать, какимъ образомъ вы успѣли скрыться изъ Фогельзангской башни.

— Эту услугу оказалъ мнѣ Сернъ Адегенъ, котораго я ненавижу какъ соперника. Онъ доставилъ мнѣ...

жгъ. Когда меня заключили въ башню павильона оловячяго замка, мнѣ пришло на умъ средство къ побѣгу. Вотъ оно : должно взяться обѣими руками за рукоятъ кинжала, крѣпко прижать остріе къ наружной стѣнѣ, и, спиною къ ней, съѣсть верхомъ на кинжалѣ; такии образомъ, левѣе будетъ скользить по кирпичамъ или камню, и можно спуститься съ довольно значительной высоты. Такъ я и сдѣлалъ, потому что въ окнѣ не было рѣшетки.

Д'Аркель не могъ не изумиться такой крѣпости мышицы молодого рыцаря. Путешественники продолжали разговаривать и быстро приближались къ Утрехту.

Ведя до-сихъ-поръ наше повѣствованіе изъ дня въ день, мы теперь очутимся въ Утрехтѣ, который уже болѣе мѣсяца осажденъ войсками графа Вильгельма IV, и гдѣ Мадзи живетъ уже шесть недѣль, почти въ заключеніи, въ комнатѣ, не большой, но великолѣпно убранной во вкусъ тогдашняго времени.

Іоаннъ д'Аркель влюбленъ въ Декамскую Розу; онъ приставилъ къ ней женщину, которая безпрестанно хвалитъ передъ ней рыцаря краснаго-орла, потому что Мадзи подъ этимъ только именемъ знаетъ д'Аркеля, и соврѣмени пріѣзду въ Утрехтѣ не видала никого кромѣ его; да приставленной къ себѣ женщины Маргариты.

Сначала, невинная дѣвушка не понимала и не могла понять своего положенія; но рѣчи Маргариты становились день ото дня яснѣе, и наконецъ бѣдная Мадзи начала постигать, что ей грозитъ опасность.

Тѣмъ, когда Маргарита уже слишкомъ явно намекала на вѣрности рыцаря краснаго-орла, Мадзи вонх-

нула, быстро поднялась съ кресель, на которыхъ сидѣла, грозно взглянула на приставницу и сказала твердымъ голосомъ :

— Ни минуты, ни одной минуты не хочу оставаться въ этомъ домѣ.... Въ Утрехтѣ есть женскіе монастыри, я отдамъсь подъ покровительство настоятельницы котораго-нибудь изъ нихъ, и оттуда пришлю благодарити твоего господина.

Говоря это, Мадзи подошла къ дверямъ. Маргарита уцѣпилась за ея платье.

— Постоите, постоите, моя красавица! отсюда нельзя выйти безъ спросу хозяина.... Да что это? Перестаньте кричать; вѣдь крикомъ не поможете.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ д'Аркель.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ....

— А вотъ, моя красавица хотѣла куда-то уйти не простясь съ вами, такъ я....

— Какъ! ты осмѣлилась наглубить моей благородной гостьи!... Вонъ! сейчасъ вонъ отсюда!

Маргарита вышла.

— Ужели это правда, сказалъ д'Аркель, сажая Мадзи въ кресла и самъ садясь возлѣ нея : ужели это правда, что вы хотѣли оставить мой домъ?...

И онъ наговорилъ ей тысячи ласкательствъ; но видя, что всѣ слова его тщетны, наконецъ рѣшился сказать, что страстно любитъ ее, что предлагаетъ ей и руку и сердце.

— Рыцарь, отвѣчала Мадзи : если бъ я была на свободѣ, у благороднаго моего попечителя сира д'Эльва, я сказала бы тогда, что думаю о вашемъ предложении; но теперь, я не стану отвѣчать вамъ.... Птицеловъ можетъ засадить въ клетку бѣдную птичку, но не можетъ заставить ее добровольно оставаться въ неволѣ.

— Но куда же бы вы хотѣли идти? Войска, графа окружаютъ Утрехтъ, и вы, лишь шагъ за городскія

стыи, попадетесь въ его руки, и скоро увидите себя въ ринсбургскомъ монастырѣ.

— Лучше на всю жизнь въ Ринсбургъ, чѣмъ останусь хоть на одинъ день въ этомъ домѣ!... Но я могу и не подвергаться ни какой опасности : въ Утрехтѣ также есть монастыри.

— Э-э! насмѣшливо сказалъ д'Аркель : попробуйте попроситься въ любой, и увидите, что скажутъ дѣвушкѣ, которая провела шесть недѣль въ обществѣ молодого человѣка.

Отъ этихъ словъ сердце несчастной Мадзи замерло; она закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Не плачь, о, не плачь! вскричалъ д'Аркель, бросаясь передъ ней на колѣни : если бы ты знала какъ я люблю тебя, на какое обреченъ страданіе, то можешь-быть пожалѣла бы обо мнѣ!.... Не хочу скрываться болѣе; знай, Мадзи : тяжкая, желѣзная рука тяготѣетъ надо мною; она не даетъ мнѣ сказать передъ лицомъ свѣта : Мадзи Декама, люблю тебя; будь моею женою..... Ты, вижу, не понимаешь словъ моихъ; знай же, Мадзи, я....

Внизу лѣстницы раздался голосъ : кликали оруженосца Отона. Д'Аркель вскочилъ, ударилъ себя по лбу, и горючиво выбѣжалъ изъ комнаты, не позабывши однако запереть дверей на ключъ.

Мадзи долго оставалась какъ-бы въ безчувствіи; потомъ, прійдя въ себя, она бросилась на колѣни передъ небольшимъ золотымъ Распятіемъ, которое блистало въ углу ея кровати, и теплая молитва къ Небесному Защитнику беззащитныхъ успокоила волненіе ея души.

Едва окончила Мадзи свою сердечную молитву, какъ на лѣстницѣ къ ея комнатѣ раздались шаги. Она невольно вздрогнула. Но кто опишетъ изумленіе дѣвушки, когда дверь отворилась, и она, вмѣсто страшнаго себѣ

рыцаря красного орла, увидѣла слугу сира д'Эльва, вѣрнаго Фекё.

Мы сейчасъ объяснимъ какъ это случилось.

Д'Аркель, выходя отъ Малзи, встрѣтилъ Ренё, который взялъ его за руку и ввелъ въ первую попавшуюся комнату нижняго этажа : то была приемная зала, возлѣ самаго крыльца дому.

— Прелатъ Утрехта, сказалъ Ренё сверкая глазами : кто эта дѣвушка, которую ты держишь въ заперти?

— Тс! Тс!... Вы забываете, что я вашъ оруженосецъ.

— Какъ зовутъ ее? вскричалъ Ренё въ бѣшенствѣ : не то я, сію же минуту скажу на площади, какъ зовутъ тебя.

— Это бы верхъ неблагодарности.... Но скажите, Бога ради, что съ вами случилось?

— Мерзавка, которую ваше степенство, приставили было къ затворницѣ, сейчасъ попалась мнѣ на этой лѣстницѣ; она жаловалась, что вы дурно обращаетесь съ нею изъ-за какой-то Фризландки : я распросилъ эту женщину и, по описанію, не сомнѣваюсь, что эта Фризландка—Декамская Роза.... Вы знаете мою къ ней любовь, и однако жъ рѣшились на предательскій поступокъ.... Но я ужъ вѣю мстить.... Въ вечеру весь городъ я самъ Вильгельмъ IV узнаютъ всё....

— Хорошо, пусть узнаютъ! По-крайней-мѣрѣ меня никто не можетъ обвинять въ убійствѣ.

— Станется; только вы забываете, что всякое духовное лицо, которое приметъ мечъ, лишается своего званія.

Д'Аркель не отвѣчалъ ни слова; онъ широкими шагами ишбрылъ комнату, и погрузился въ глубокія думы. Постигая свое критическое положеніе, онъ, какъ капитанъ корабля, который бросаетъ въ море драгоценный грузъ, чтобы спасти судно, не колебался ни на

нуги пожертвовать любовью для спасенія своей чести и сана. Однако же рѣшился напередъ сдѣлать еще попытку выйти изъ бури безъ жертвованій.

— Ренó, сказалъ онъ съ язвительной улыбкой : ваши щетныя угрозы мнѣ смѣшны. Последняя вылазка была въ нашу пользу ; графъ раненъ ; въ рядахъ Голландцевъ замѣтенъ упадокъ духомъ ; нельзя найти минуты болѣе теперешняго удобной для открытiя своего имени храбрымъ жителямъ Утрехта ; и тогда, я буду убитъ заставить замолчать каждаго, кто бы осмѣлился возвыситься противъ меня своей голосъ.

— Не правда, возразилъ Ренó : графъ Вильгельмъ не раненъ, а только оцарапнуть въ ногу. При каждой вылазкѣ у насъ убываетъ воиновъ, и если въ чьихъ рядахъ можно замѣтить упадокъ духу, такъ это развѣ въ нашихъ. Въ Утрехтѣ голодъ и болѣзни, и обыватели чаютъ спасенiя единственно отъ близкой сдачи города.

Д'Аркель видѣлъ, что приходится уступить.

— Рыцарь, сказалъ онъ торжественно : я думалъ найти въ васъ друга, и дѣйствовалъ какъ для друга, но послѣ того, что теперь произошло между нами, я не могу оставаться съ вами на прежней ногѣ.... Даю вамъ последнее доказательство моей искренности. Если я вырвалъ Декамскую Розу изъ рукъ графа, то, ялиусь вамъ всѣмъ, что свято, что сдѣлалъ это для васъ, для сына благороднаго д'Эльва, съ которымъ хочу сблизиться.... Возьмите же Мадэи ; постарайтесь приобрести ея любовь, и дай Богъ чтобъ сынъ ея благодѣтеля не былъ ею отвергнутъ какъ безымянный италiанскiй рыцарь.... Оставьте Утрехтъ ; ступайте въ Фризландiю... Но прежде возьмите вотъ это кольцо, которымъ вашъ отецъ обручался съ Бiанкою ди Салерно. Возьмите также и это письмо, которымъ мать ваша просила Карла де-ла Скала....

— Боже ! это самое то письмо, что мы вѣрили пи-

пигриму.... Какимъ образомъ попалось оно въ ваши руки?

— Что вамъ до этого?... Повзжайте, и будьте счастливы.

Ренё обезумѣлъ отъ радости; въ пылу восторговъ онъ извинился передъ д'Аркемъ, что ошибочно судилъ о немъ, и клялся ему въ вѣчной преданности.

— Однако жъ, сказалъ прелатъ, подумаемъ теперь, какъ бы вамъ выбѣжать изъ Утрехта и пробраться сквозь непріятельскій лагерь съ вашей прекрасной Фризландкой.

Но на этотъ разъ имъ некогда было заняться обдумываніемъ плана, потому-что въ эту самую минуту на крыльцѣ раздался страшный крикъ, и они оба выбѣжали, узнать, что тамъ дѣлается. Глазамъ ихъ представилась довольно смѣшная картина: нашъ старый знакомецъ Сезарь, вспрыгнувъ на плечи Маргариты и занимался приведеніемъ въ ужасный беспорядокъ ея прически; паяцъ Дамьянъ спорилъ съ служителями, которые ни какъ не хотѣли допустить его до своего господина; а за дверью, на улицѣ, стоялъ рослый молодой человѣкъ и, казалося, равнодушно дожидался, чѣмъ все это кончится.

Появленіе Ренё и д'Аркея возстановило спокойствіе. Слуги отогнали отъ паяца, паяцъ снялъ обезьяну съ плечъ Маргариты, и по знаку д'Аркея, который напидся передъ Ренё, послѣдовалъ за нимъ. Ренё тоже удалился въ свои комнаты, и слуги разошлись. Осталась Маргарита и молодой человѣкъ. Одинъ, по-прежнему, молча стоялъ прислонясь къ стѣнѣ; другая, въ просторѣ, дала волю языку, бранила и паяца, и обезьяну, и оруженосца Отона, и капризную красавицу Фризландку, которую привезли Богъ-вѣсть откуда.

Молодой человѣкъ, казалось, не принималъ ни какого участія въ жалобахъ Маргариты, но когда она заго-

мира про красавицу Фриландку, онъ подошелъ, положилъ ей на плечо свою широкую ладонь, и спросилъ:

— Развѣ у васъ тутъ въ домѣ есть какая-нибудь Фриландка?

— А какъ же?..... Я знаю какъ ее и зовутъ.... Мидзи Декама.

— Возможно ли, вскричалъ Фекó, потому что это былъ онъ: Кто же осмѣлился?....

— Видишь, кто осмѣлился?.. да вотъ этотъ, что пропелъ сюда съ твоимъ товарищемъ паяцомъ, — чортъ бы взялъ его проклятую обезьяну!

Фекó бросился въ комнату, на которую указала ему Маргарита. Но прежде мы послушаемъ, что говорилъ Аркашъ съ Давидомъ.

— Ну, что скажешь? спросилъ прелатъ паяца.

— По вашему приказанію я былъ въ Гардервикъ. Фриландскіе депутаты такъ и удивились, когда я рассказывалъ имъ все, чему вы меня научили. Но съ ними былъ нѣкто Фекó, котораго я видалъ еще въ Гарлемъ; славный малый....

— Полно болтать; говори дѣло.

— Этотъ Фекó, извоимте видѣть, захотѣлъ непременно идти въ Рейнсбургъ, отъискивать Мадзи, а какъ онъ не зналъ дороги, я и взялся его проводить, вѣдь мы мнѣ были по пути. Пришли мы въ Плязвикъ; ужъ я исналь исналь Барбанеры, — ни слуху ни духу; а между тѣмъ въ Плязвикъ Фекó узналъ, что тамъ тогда пропала какая-то Фриландка, и что видѣли, какъ рыцарь краснаго-орла провожалъ въ Утрехтъ какую-то карету. Возвъ, мы и надумались прійти къ вамъ.

— Оселъ! Великая быда! нужна провожать его.

— Да видъ надо не мнѣ съискать Барбанеру, а съ товарищемъ въ дорогъ всё-таки не такъ скучно. Подошли мы къ Утрехту; глядь, кругомъ войско: какъ тутъ быть?.... Ксчастью, у Фекó нашелся какой-то знако-

ный оруженосецъ, да мой Сезаръ выкинулъ несколько штукъ, такъ насъ и пропустили.

Тутъ даяць былъ прерванъ вбѣжавшимъ Фекó, который кричалъ: — Мадзи!... Мадзи!.... Гдѣ Мадзи Дежама?

— Не кричи, не кричи, пріятель, сказалъ д'Аркель. Сейчасъ увидишь, и поѣдешь провожать ее въ Фризландію..... Вотъ тебѣ ключъ отъ ея комнаты; вступишь вверхъ, такъ въ корридоръ послѣдняя дверь на лѣвую руку. . . .

Фекó въ восторгѣ схватилъ ключъ и побѣжалъ къ Мадзи. Радость бѣдной дѣвушки и вѣрнаго слуги были неизъяснимы.

Вслѣдъ за Фекó, въ комнату Мадзи вошелъ д'Аркель, и выслалъ его подъ предлогомъ потворовать приготовленія къ отъѣзду.

— Мадзи, сказалъ онъ голосомъ тихимъ и покорнымъ: я виноватъ; я сознаюсь въ своей винѣ, и умоляю о прощеніи.

Онъ сталъ на колѣни и склонилъ голову.

Благородное сердце Декамской Розы не было способно къ ненависти или мщению: она подала ему руку.

— Встаньте, рыцарь, и да проститъ васъ Богъ какъ прощаю я!

— Ваша небесная кротость придаетъ мнѣ смѣлости и я еще обращаюсь къ вамъ съ просьбою: пусть всё, что происходило между нами останется тайною для всѣхъ.

— Даю вамъ слово ни когда и ни кому не говорить объ этомъ.

— Добрая, добрая Мадзи! сказалъ д'Аркель, почти-тельно цѣлуя ея руку.... О! вы должны знать къ кому такъ милостивы и снисходительны..... Я, проговорилъ онъ понизивъ голосъ: я утрехтекій прелать!

— Боже!

— Теперь, вы знаете мою тайну: сохраните же ее свя-

го!... Покажите, и Господь да благословитъ Декамскую Розу.... Проводники ожидаютъ васъ.

Онъ подалъ ей руку и вывелъ на лѣстницу изумленную Мадзи, которой все это казалось сномъ.

Было уже далеко за полдень, когда Мадзи и ея спутники выѣхали изъ Утрехта. Декамская Роза ѣхала верхомъ, на лошади д'Аркеля, украденной Вальтеромъ у несчастнаго Деодата. Рядомъ съ нею былъ вѣрный Фекó, а позади паяцъ, съ походнымъ ящикомъ Барбареры за плечами и съ Сезаромъ. Возлѣ него ѣхалъ монахъ ордена Ситó, котораго д'Аркель рекомендовалъ Мадзи, какъ человѣка хорошо знающаго дороги. Читатель догадается, что подъ смиренной одеждой инокá скрывается Ренó.

Миновавъ городскія укрѣпленія, наши путешественники вѣхали на пространную равнину, мѣсто битвъ осажденныхъ съ осаждающими. Тутъ лежало еще нѣсколько труповъ. Сердце бѣдной дѣвушки замерло отъ страха и жалости, особенно, когда въ одномъ изъ этихъ убитыхъ воиновъ Дамьянъ и Фекó узнали прежняго лѣсничаго. Мы видѣли, что Вальтеръ, послѣ побѣгу изъ своей хижины, опредѣлился въ утрехтскія войска, и теперь знаемъ, что убить при вылазкѣ.

Чтобы разсѣять нѣсколько грусть Мадзи, паяцъ смѣлся сказалъ ей :

— Клянусь побубенчиками моего колпака! Мнѣ приходитъ на мысль, что чортъ, котораго вы такъ испугались въ Плазвикѣ, не другой кто какъ мой Сезарь!

Мадзи погрозила обезьянѣ.

Вдали мелькнули доспѣхи и копыя передовой цѣпи шгера Голландцевъ. Дамьянъ сказалъ :

— Ну, надобно запѣвать : чѣмъ мы больше будемъ шумѣть, тѣмъ меньше обратятъ на насъ вниманія.

И онъ громкимъ голосомъ затянулъ веселую пѣсню.

Когда повздъ подъѣхалъ къ военному пбсту, войны окружили путешественниковъ; и одинъ изъ ратниковъ, подойдя къ Мадзи, сказалъ :

— О, о, какая прекрасная двушка!.... Я непременно хочу поцѣловать тебя, красоточка.

Мадзи вскрикнула; Фекó ударилъ дерзкаго своею тяжелою палкой, и тотъ растянулся на песокъ. Въ ту же минуту нѣсколько мечей устремились на вѣрнаго Фришландца, но онъ не переставалъ отбиваться, какъ могъ, своею тяжелою палкой. Паяцъ, съ крикомъ: «Мы пропали!» пустился во всю рысь своего осла, и скоро скрылся изъ виду; въ слѣдъ ему, правда, было послано нѣсколько стрѣлъ, но Барбанеринъ походный ящикъ послужилъ ему щитомъ. Ренó, покуда Фекó привлекалъ на себя все вниманіе ратниковъ, подскакалъ къ Мадзи, схватилъ ея лошадь подъ-узцы, пришпорилъ свою, и они помчались во весь опоръ.

Тщетно озирался Ренó во всѣ стороны, чтобы найти возможность миновать лагерь Голландцевъ. Лошади внесли ихъ въ палисады, ограждающіе станъ, и имъ не оставалось ни чего болѣе, какъ остановиться передъ толпою воиновъ, которые уже окружали Дамьяна распростертаго ничкомъ на землѣ и очень похожаго на ежа, отъ множества стрѣлъ, торчавшихъ въ его заспинномъ ящикѣ. Несчастнѣйшій паяцъ громко рыдалъ надъ обезьяной; убитой одною изъ пущенныхъ въ него стрѣлъ.

Мадзи, когда Ренó сдержалъ свою и ея лошадь, сейчасъ нашлась, и сказала :

— Гдѣ вашъ начальникъ? Проводите меня къ нему.

Одинъ изъ ратниковъ подалъ руку Декамской Розѣ и повелъ ее къ шатрамъ. Остановясь близъ одного изъ нихъ, онъ сказалъ : «Подождите не много; я доложу капитану;» и возвратясь черезъ минуту, попросилъ ее войти. Но кто опишетъ ея изумленіе, когда въ особѣ капитана Вильгельмовыхъ войскъ она узнала того, о комъ такъ часто мечтала, — Деодата!

Радостная улыбка засветилась на лицѣ рыцаря,
— Возможно ли! восхитительнѣе: какой печальный
случай доставляетъ мнѣ счастье видѣть васъ?

Сердце Мадзи было такъ переполнено радостью, что
она могла только выговорить: — Слава Богу, вы живите!

— Милая, милая Мадзи! сказала Деодатъ, предлоня
колена,

— Встаньте, рыцарь!... Наше послѣднее свиданіе
привнесло мнѣ много горестей; но я счастлива, видя,
что вы выздоровѣли.

— Рана моя скоро зажила, отвѣчалъ онъ: и я благо-
сказваю се, потому-что ей обзавѣтъ тѣмъ вниманіемъ,
которымъ вы меня удостоиваете.... Но, виноватъ;.... я
забылъ.... вы невеста Сержа Аделена....

— Сержъ Аделенъ никогда не будетъ моимъ мужемъ,
сказала Мадзи: онъ самъ отказался отъ моей руки.

— Боже! Вы свободны! вскричалъ рыцарь, и глаза
его заблестали восторгомъ: вы свободны, и я снова
стну жить надеждою!....

— Послушайте, рыцарь; я буду съ вами откровенна...
Если бы вы были Фризландецъ, и можетъ-статься и
не была бы равнодушною къ вашей любви; потому
что... я... я васъ... уважаю, и сердце мое отдалось бы
мнѣ. Но вы иноземецъ, и знаете, что мои соотечествен-
ники возненавидятъ меня, если я отдамъ руку не Фриз-
ландцу.... Что жъ тогда? Мнѣ пришлось бы оставить
навсегда землю, гдѣ лежитъ прахъ моихъ родителей!
.... Богъ свидѣтель! я счастлива, что вижу васъ; но
если бъ знала, кого здѣсь встрѣчу, то отказалась бы
отъ этого свиданія.

— О! такъ вы не знали, что увидите меня... Зачѣмъ
идти въ этомъ станѣ?

Мадзи рассказала, какъ вышла изъ Утрехта и какъ
переставивши ратники. Рыцарь тотчасъ же прика-
залъ освободить Фенѳо, задержаннаго на передовомъ

караулъ, и далъ Декамокой Розъ провожатого до Амстерфорда, откуда наши путешественники, спустившись по рѣкѣ Эмъ, наняли судно и отплыли въ Фризиандію, куда мы попросимъ читателей переместись вмѣстѣ съ нами. . .

Тамъ, на другой день, по отъздѣ Мадзи изъ Утрехта, всѣ дороги были покрыты всадниками и пѣшеходами; торопливость, съ которой они шли или ѣхали, обличала, что спѣшать по какому-нибудь важному дѣлу. Всѣ эти путешественники направлялись къ южному берегу Фризиандіи, гдѣ было назначено мѣсто генеральнаго собранія. То была небольшая равнина, почти совсѣмъ окруженная рядомъ деревьевъ. Прямо передъ ней разстилалась скатерть моря, а за нимъ, на горизонтѣ, тянулись берега Вестъ-Фризиандіи.

Къ полудню, члены діеты собрались и заняли свои мѣста на приготовленныхъ лерновыхъ скамейкахъ. Серпъ Аделевъ открылъ засѣданіе, ударивъ мечомъ по щиту, висѣвшему позади предсѣдательскаго мѣста, занятаго сиромъ д'Эльва, по сторонамъ котораго сидѣли два монаха, аббатъ сентъ-одольскій и аббатъ лдлумскій.

Воцарилась глубочайшая тишина, и сиръ д'Эльва произнесъ рѣчь, предлагая собранію опредѣлить мѣры, какія должно принять для сохраненія мира съ Голландіей, не подвергая опасности независимость Фризиандіи.

За рѣчью ольдермана послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. Потомъ, Серпъ Аделевъ всталъ и началъ говорить, требуя открытой войны противу Вильгельма IV.

Когда онъ кончилъ, собраніе зашумѣло, какъ воды рѣки въ часъ бури. Члены діеты, раздѣляющіе образъ мнѣнія Серпа Аделева, громко приняли его старому; между-тѣмъ какъ тѣ, которые желали сохранить миръ, усильно имъ противодѣйствовали. Сиръ д'Эльва съ

трудомъ могъ возстановить порядкъ; какъ вдругъ, на площадку, занятую членами, вошли нѣсколько воиновъ изъ стражи, поставленной за оградю деревьевъ, для недонущенія въ собраніе постороннихъ лицъ. Они вели маленькаго, сухошаваго человѣчка, который былъ некто другой какъ мейнгерь Николай, нашъ старинный Гарлемскій знакомецъ, котораго Вильгельмъ IV отправилъ въ Фризландію для управленія принадлежащими себѣ помѣстьями. Прежніе графы Голландіи всегда вѣряли эту должность Фризландцамъ, и потому мейнгерь Николай былъ ненавистенъ имъ въ своемъ новомъ званіи.

Мейнгерь Николай, зная о назначеніи генеральнаго собранія, вообразилъ, что и онъ, въ качествѣ управляющаго графскими помѣстьями, долженъ быть приглашенъ; но не получая пригласительнаго письма, рѣшился явиться и безо зву. Ропотъ негодованія встрѣтилъ его при самомъ входѣ; но когда онъ, съ обыкновенною самонадѣянностью, объявилъ, что желаетъ присутствовать на діетѣ, то сирю д'Эльва стоило величайшаго труда благополучно выпроводить маленькаго человѣчка и спасти его отъ ярости членовъ собранія, которыхъ большая часть хотѣла, просто, его повѣсить, какъ nepřятельскаго шпиона.

Сергъ Аделенъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова настаивать на необходимости явной войны съ Голландіей. Вдругъ раздался топотъ коней, и Фео въбжалъ въ середину собранія.

— Вотъ она! вотъ она! кричалъ онъ, прыгая и кидая вверхъ свою шляпу: вотъ Декамская Роза!

Мадзи, и за нею монахъ и папцъ, приблизились. Они вчерашнимъ вечеромъ вышли на берегъ въ Леммеръ и, увидѣвъ, что сиръ д'Эльва присутствуетъ на генеральномъ собраніи, отправились къ нему туда.

— Тебя ли вижу я! вскричалъ ольдерманъ, обнимая свое шитолицу: ты ли это, шилая дочь ма!

И все собраніе въ одинъ голосъ воскликнуло : « Да здравствуетъ, да здравствуетъ Декамока Роза ! »... Одинъ только Сиръ Адвонъ не произнесъ ни слова.

— Идите, благородные Фризландцы, сказалъ д'Эльва : я не могъ не предаться чувству моей радости..... Милая Мадзи, продолжалъ онъ, обращаясь къ своей питомицѣ : мы заняты теперь государственными дѣломъ ; поѣзжай въ мой замокъ Авертъ, и ожидай меня тамъ : я приѣду сейчасъ какъ кончится засѣданіе.... Потомъ, относясь къ монаху, сопровождавшему Мадзи, который съ самаго прихода стоялъ неподвижно, ольдерманъ примолвилъ : — въ моемъ замкѣ озаботятся также и о вашемъ спокойствіи.

— Я еще не совсемъ могу оставить это благородное собраніе, отвѣчалъ монахъ. Сопутствуя прекрасной Декамокой Розѣ, я имѣлъ и другую цѣль кромѣ той, чтобы провѣдать ее : мнѣ предстоитъ сказать передъ вами нѣсколько словъ, не терпящихъ отлагательства.

При этой рѣчи монаха, произнесенной твердымъ и звучнымъ голосомъ, всѣ взоры присутствующихъ обратились на него. Сиръ д'Эльва отвѣчалъ :

— Мы не допускаемъ въ наше собраніе ни кого, кромѣ Фризландцевъ.

— Потому-то я и могу быть здѣсь, возразилъ монахъ. Надѣюсь, что сынъ сира д'Эльва можетъ имѣть честь называться Фризландцемъ.... Ватюшка, благословите нашего сына !... сказалъ онъ, снимая капюшонъ, который скрывалъ черты его лица, и преклоня колѣна передъ ольдерманомъ.

Мадзи вскрикнула отъ ужаса, и д'Эльва отступилъ, увидѣвъ въ человекѣ, называющемъ себя его сыномъ, Рено Веронскаго.

— Что это значитъ ? воскричалъ д'Эльва : если это шутка, то шутка вовсе непростительная !

— Нѣтъ ! отвѣчалъ Рено : сынъ Бланки де Салерно просить благословенія своего отца.

— Ты! ты сынъ Біанки ди Салерно!...

— Если вы не вѣрите мнѣ, то поверьте вотъ этигь колицу и письму.

Д'Эльва принялъ ихъ трепетной рукою, и едва взглянулъ, закрылъ лицо обѣими руками и упалъ безъ чувствъ.

Ренó бросился къ отцу и, ухаживая за нимъ, между-тѣмъ рассказавъ собранію, что Вильгельмъ IV ищетъ его головы, и что въ одномъ этомъ уже можно видѣть вѣрное ручательство въ томъ, что сынъ ольдермана, какъ настоящій Фризландецъ, ненавидитъ графа Голландіи.

— Славно, славно! сказалъ Серпъ Аделенъ. Думай кто что хочетъ, а я признаю тебя моимъ соотечественникомъ и братомъ.

И онъ дружески пожалъ руку Ренó.

Сиръ д'Эльва пришелъ въ себя; но незанное волненіе души дотогò ослабило его тѣлесныя силы, что онъ немедленно долженъ былъ оставить собраніе и отправиться въ свой авертскій замокъ. Мадзи и Фекó повели его подъ руки; Ренó хотѣлъ-было сдѣлать то же, но Мадзи, взглянувъ на него взоромъ полнымъ негодованія, сказала :

— Чего вамъ? не намѣрены ли вы убить и его?

— Долгъ сына быть при отцѣ, отвѣчалъ онъ.

— Отойдите! гордо возразила Декамская Роза. Заслужите сначала честь называться его сыномъ, и до-тѣхъ-поръ не осмѣливайтесь являться къ нему на глаза.

Ренó съ досады закусилъ губы, но повиновался. Сиръ д'Эльва, Мадзи и Фекó вышли. Дамьянъ тоже : онъ вознамерился предложить Ренó принять его въ число своихъ служителей.

Но выходъ ольдермана собраніе разошлось скоро, а настоянія Ренó и Серпа Аделена сдѣлали то, что рѣшено было быть войнѣ.

Удалась въ свой авертскій замокъ, лежащій не изда- леку отъ города Ставерена, вблизи селенія Боркумъ, сирь д'Эльва опасно занемогъ. Мадзи и Сиза, которая вступила въ свою прежнюю должность при Декамской Розъ, тщательно ухаживали за больнымъ.

Разъ, спустя нѣсколько дней по прїездѣ, Мадзи вы- шла въ садъ; къ его воротамъ подъѣхалъ всадникъ: то былъ Ренó; онъ всталъ съ лошади, подошелъ къ ней.

— Мадзи Декама, сказалъ Ренó, я бы желалъ погово- рить съ моимъ отцемъ.

— Врачъ рѣшительно запретилъ подвергать большаго опасности душевныхъ волненій, отвѣчала она: сирь д'Эльва слишкомъ слабъ, и ваше присутствіе можетъ ему нанести смертельный ударъ.

Мадзи хотѣла итти. Ренó удержалъ ее.

— Неужели, сказалъ онъ: вы хотите сохранить ко мнѣ вѣчную ненависть, за проступокъ, который сде- лалъ единственно по непреодолимой къ вамъ страсти!

— Да избавить меня Богъ отъ чувства ненависти! Онъ Самъ, милосердый, не потерпѣлъ, чтобы вы убили не- виннаго.... Деодать не умеръ отъ раны, нанесенной вами другу вашему съ дѣтства.

— О, сколько разъ оплакивалъ я мое преступленіе!.. Но, слава Богу! Деодать живъ, и не убійца, а Ренó д'Эльва, осмѣлится предложить вамъ свою руку.

— Рыцарь, отвѣчала Мадзи: я не могу подавать вамъ никакой надежды. Постарайтесь возвратить себѣ соб- ственное свое уваженіе, и тогда Мадзи Декама будетъ уважать васъ, какъ сына человѣка, который ей драго- цѣненъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ Сизою; она пришла сказать, что сирь д'Эльва, подойдя къ окну, увидѣлъ рыцаря, и желаетъ съ нимъ говорить.

Войдя въ комнату ольдермана, Ренó приблизился къ

кровати больного, всталъ на колѣни и поцѣловалъ его опухшую руку.

— Рыцарь, проговорилъ сирь д'Эльва: объясните мнѣ въ совершенной подробности причины, по которымъ вы считаете себя въ правѣ называться моимъ сыномъ.

Ренó рассказалъ ольдерману, какъ былъ воспитанъ Карломъ делла Скàла и все, что слышалъ отъ Барбанеры насчетъ брака сира д'Эльва съ Біанкою. Онъ прибавилъ также, что узналъ въ Барбанерѣ одного изъ прежнихъ служителей Карла делла Скàла, по имени Паоло, и что этотъ-то Паоло открылъ ему тайну его рожденія.

— Да, я помню этого Паоло, замѣтилъ д'Эльва: онъ, по приказанію Франческо, у котораго въ ту пору служилъ, покушался на мою жизнь въ бытность мою въ Веронѣ. Потомъ, кажется, онъ вкрался въ довѣренность моей Біанки, и, надо полагать, измѣнилъ ей. Можетъ-статься, что Паоло же сообщилъ Біанкѣ и ложное извѣстіе о моей смерти; поэтому-то и нисколько не удивительно, что онъ не хотѣлъ повидаться со мной въ Гарлемъ. О! длячего не открылъ онъ мнѣ тогда тайны твоего рожденія..... Тогда ты не запятналъ бы своего имени убійствомъ!

— Чувствую вину свою, отвѣчалъ Ренó: я увлекся порывомъ бышеной ревности и отчаянія... Но Деодать живъ и я увѣренъ, что простилъ меня.... Неужели вы будете болѣе его строги?

— Онъ живъ! вскричалъ д'Эльва: о, слава Богу!.... Деодать благородный молодой человекъ.... Онъ, кажется, воспитывался вмѣстѣ съ тобою?

При этомъ нечаянномъ вопросѣ, Ренó вспыхнулъ. Онъ съ умысломъ не говорилъ-было о томъ, что Деодать, въ одно время съ нимъ, былъ предоставленъ на попеченіе Карло делла Скàла; не говорилъ не потому что онъ считалъ себя не сыномъ Біанки, но потому что опасался нерышительности ольдермана: д'Эльва могъ по-

требовать личного свидетельства Паоло, единственнаго человека бывшаго въ состояніи доказать, который именно изъ двухъ подкинутыхъ дѣтей сынъ Біанки ди Салерно.

Помолчавъ нѣсколько, Ренó отвѣчалъ:

— Да, Деодатъ, такъ же какъ и я, былъ усыновленъ благороднымъ дельца Скала; и если бъ мы не полюбили оба Декамской Розы, то дружба наша оставалась бы навѣчно неразрывною.

— Мнѣ радостно слышать эти слова: онъ доказываютъ, что ты, точно, увлекся чувствомъ слѣпой ревности, а не злостію сердца, и я не сомнѣваюсь въ истинѣ всего тобой сказаннаго. Письмо это писано рукою Біанки, а кольцо дѣйствительно самое тó, которымъ я съ нею обручался. Паоло, вѣрно, получилъ его отъ Біанки.

— Паоло видѣлся съ матушкой передъ отъездомъ изъ Италіи, и въ то время получилъ отъ нея это кольцо, какъ доказательство моего рожденія.

— Чтó? Чтó говоришь ты?... Біанка еще можетъ-быть жива! О, Господи!.... Но если такъ, — она должна все еще томиться подъ рукою тирана.... Боже! дай мнѣ скорѣе выздоровѣть, чтобы я могъ вхвать, и исхитить ее изъ рукъ ненавистнаго злодѣя!..... Но я начинаю ослабѣвать.... Позови Фекó.

Когда вѣрный Фекó вошелъ, ольдерманъ приказалъ ему собрать всѣхъ своихъ вассаловъ, и объявить имъ, что признаетъ Ренó за своего единственнаго сына и наследника, и требуетъ, чтобы они все повиновались ему.

Фекó, выслушавъ приказанія, вышелъ; сирѣ д'Энза смазалъ Ренó.

— Теперь, сынъ мой, преклони колѣна, и прійми родительское благословеніе.

— Надѣюсь, проговорилъ Ренó, принявъ благословеніе: что вы всегда найдете во мнѣ сына, достойнаго вашей довѣренности.

Послѣ этого Рено возвратился въ Ставеренъ. Давидъ, который, съ-тѣхъ-поръ какъ опредѣлился въ слуги рыцаря, промѣнялъ платье палца на весеннее голубоглазое, а палку съ побубенчиками на мечъ, замѣтивъ возобновленное расположение духа своего пестра, не могъ удержаться, чтобы не спросить его, что съ нимъ случилось. Тотъ гордо отвѣчалъ:

— Я признаю сыномъ и наследникомъ ольдермана, сира д'Эльва.

Прошло нѣсколько дней. Однимъ утромъ, рано, на берегу южнаго ставеренскаго порта замѣтили судно подъ антвердамскимъ флагомъ. Судно это, казалось, нагружено бочками пива. Вѣтеръ былъ такъ малъ, что оно не могло войти въ пристань. Экипажъ его состоялъ, по видимому, изъ пяти матросовъ; кормчій стоялъ у руля; нѣтъ него былъ молодой человекъ, котораго одежда могла заставить принять за купца. Подъ палубой послышался шумъ. Молодой человекъ топнулъ и вскричалъ:

— Тише, вы, тамъ!

— Кого изъ подъ палубы отвѣчалъ:

— Эхъ, рыцарь! мы и то ужъ молчимъ; а проклятая палуба не даетъ намъ покою.

— Ничего, ничего, возразилъ кормчій: мы скоро войдемъ въ гавань.

— Да, должно-быть скоро; замѣтилъ купецъ, или, лучше сказать, рыцарь: вонъ, я начинаю ясно видѣть берегъ. — И на этомъ-то берегу, продолжалъ онъ размышлять самъ съ собою: живетъ та, за которую бы я пролилъ послѣднюю каплю моей крови! И, однако же, придется сражаться съ ея соотечественниками..... Какъ ли ее? а если я увижу, то какъ встрѣтитъ она друга своей родины?....

— Покуда Деодатъ, котораго читатели отгадали видѣть челоуѣка одѣтаго кунцомъ, размышлялъ такимъ образомъ, къ нему подошелъ младшій изъ матросовъ.

— Наше предпріятіе, сказалъ онъ, начинается подъ неблагопріятной звѣздой... Но, если вамъ суждено погибнуть, то, вѣрьте, — Суедеръ Нальдвикъ погибнетъ вмѣстѣ съ вами... Но, больше всего, меня беспокоитъ судьба графскаго флота. Матросы предсказываютъ бурю; а въ этомъ случаѣ имъ можно повѣрить.

— Если быть буря, то кормчіи Вильгельмовыхъ кораблей замѣтятъ это, и должно надѣяться, постараются укрыть свои суда.

— Правда ли, я слышалъ, будто сирь де-Бомонъ упранивалъ графа не предпринимать этой экспедиціи безъ содѣйствія сухопутныхъ войскъ?

— Правда, и поэтому-то съ утрехтскимъ прелатомъ заключенъ миръ, и д'Аркель приказалъ своимъ дрентскимъ вассаламъ вступить въ Фризландію съ оружіемъ въ рукахъ.

— Прелатъ тонкая штука; но я увѣренъ, что если нашему флоту высадка не удастся, тогда его войско пре-епокойно возвратится въ свояси.... Однако, вотъ мы ужъ подходимъ къ берегу. Это что ли городъ Ставеренъ? Какая тма народу на набережной!

— Эта толпа не общаетъ намъ ничего добраго, подхватилъ кормчій: или я очень ошибаюсь, или тотъ воркумскій рыбакъ, который подходилъ къ намъ вчера, когда мы стали на мель, предупредилъ жителей Ставерена о нашемъ прибытіи... Да и вотъ, чортъ возьми! я вижу у пристани его лодку... Повѣрьте, рыцарь, намъ бы лучше положить на другой галсъ и пуститься въ открытое море.

Деодатъ призадумался. Графъ поручилъ ему высадить тайно небольшой отрядъ воиновъ въ Ставеренъ, и нечаянно овладѣть его замкомъ, съ тою целью, чтобы, по

пробытія въ Фризландію остальныхъ голландскихъ войскъ, имѣть уже важный пунктъ для своей операціонной линіи. Деодатъ понялъ, что для успѣха такого нѣзрнаго предпріятія, должно дѣйствовать съ чрезвычайной осторожностью, и, събѣв насудно съ своими воинами, скрылъ ихъ подѣ палубою, на которой разстали бочки съ пивомъ. Онъ располагался сдѣлать высадку ночью, и тотчасъ же напасть на ставеренскій замокъ, который, какъ было извѣстно въ Голландіи, защищенъ очень незначительнымъ гарнизономъ. Между-тѣмъ исполненіе предположенной высадки было замедлено на цѣлыя сутки, потому что судно простояло нѣсколько часовъ на мели.

Размысливъ о своемъ положеніи, и не предвидя ничего добраго отъ толпы, собравшейся на набережной, Деодатъ рѣшился сойти на берегъ одинъ, и сказалъ причему :

— Киньте якорь здѣсь, не входя въ гавань; я напередъ узнаю, что тамъ дѣлается, и если не возвращусь черезъ три часа, то это будетъ значить, что жизнь моя въ опасности; тогда немедленно ступайте прочь отъ берегу и поспѣшите обо всемъ увѣдомить графа.... Пошлите сигналъ, чтобы къ намъ съ пристани подошла лодка.

Тщетно кормчій умаливалъ рыцаря не подвергать себя легкой гибели; онъ остался непреклоненъ. Якорь бросили и сигналъ поданъ.

Вместо одной требуемой лодки, отъ пристани отвалило лодокъ съ двадцать, и всѣ поплыли къ кораблю.

— Смотрите, вскричалъ Деодатъ, какъ учтивы эти Фризландцы!.. Но не давайте же имъ всходить на нашу палубу.

Когда причалили, и многіе Фризландцы располагались на бортъ судна, какъ кормчій закричалъ, вскрикнувъ:

— Куда вы? Куда?... Прочь руки! Хозяину нужна только одна лодка, а васъ принесло двѣ дюжины!...

— Я поѣду вотъ на той, что причалила первая, сказалъ Деодатъ, и въ ту же минуту почувствовалъ, что его кто-то сильно схватилъ за руку. Оглянувшись, онъ увидѣлъ Фекó, который успѣлъ потихоньку взлѣзть на палубу.

— Вы спасли мнѣ жизнь въ Гарлемъ, шепнулъ Фриландецъ рыцарю: оплачиваю вамъ тѣмъ же.... Не выходите на берегъ, и скорѣе снимайтесь съ якоря.

— Благодарствуй; но мнѣ необходимо побывать въ Ставеренъ, и я поѣду съ тобой.

— Въ такомъ случаѣ да хранить васъ Господь.... Не показывайте виду, что знаете меня.... Эй, Рингъ Вестра! закричалъ онъ къ одному изъ лодочниковъ: купецъ поѣдетъ съ нами; держи лодку.

Они спустились въ Ринговъ челнокъ, гдѣ Деодатъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ Суедера, не захотѣвшаго отстать отъ рыцаря, при которомъ былъ оруженосцемъ.

Едва Деодатъ ступилъ на берегъ, какъ народъ встрѣтилъ его неистовыми криками. Надобно знать, что еще на-канунъ этого дня, одинъ воркумскій рыбакъ, встрѣтя нечаянно купеческій голландскій корабль съвшій на мель передъ ставеренскимъ рейдомъ, подплылъ къ нему, и, по шуму подъ палубой, догадался, что там должны быть скрыты вооруженные люди. Возвратясь въ городъ, онъ извѣстилъ объ этомъ жителей, и когда корабль Деодата пришелъ на видъ гавани, предупреденная толпа нетерпѣливо ждала захватить экипажъ и перебить его весь.

Рыцарь и Суедеръ, несмотря на покровительство Фекó, съ величайшимъ трудомъ могли подвигаться впередъ сквозь волны окружавшаго народа. Многіе уже говорили, чтобы ихъ, просто, сейчасъ же повѣсить и положеніе пришельцевъ становилось минута отъ

пути опаснѣе: жизнь ихъ висѣла уже на волоскѣ; какъ изъ ближней улицы показался монахъ сентъ-одольфскаго монастыря. Онъ дотога былъ сухъ и блѣденъ; что его бы легко было принять за ходящій скелетъ, но однако же глаза его горѣли чуднымъ огнемъ. Лишь-только Фекó замѣтилъ этого монаха, кинулся къ нему и живо проговорилъ:

— Спасите! Хотятъ убить рыцаря Деодата, которому мы такъ обязаны.

Монахъ не теряя ни секунды продрался сквозь толпу, и грозно сказалъ:

— Не троньте ни пальцемъ этого челоуѣка; я ручаюсь въ томъ, что онъ Фризландецъ и пріѣхалъ сюда не съ тѣмъ, чтобы предать свое отечество. — Молчи, продолжалъ онъ, обращаясь къ Деодату, который хотѣлъ-было возражать: я лучше твоего знаю и кто ты и кто твой отецъ. — Впрочемъ, будьте спокойны, снова сказалъ онъ къ народу: я самъ сейчасъ же представлю этого челоуѣка собранію нашихъ старѣйшинъ.

Рыцарь съ изумленіемъ смотрѣлъ на монаха, а народъ кричалъ; «Да здравствуетъ патеръ Сіаръ! да здравствуетъ нашъ добрый патеръ Сіаръ!»

Толпа разступилась и братъ Сіаръ съ рыцаремъ и Фекó пошли къ ратушѣ. Суедеръ издали слѣдовалъ за ними.

Когда монахъ и рыцарь вошли въ залу ратуши, гдѣ собрались на совѣщаніе знатнѣйшіе обыватели Ставерена и его окрестностей, Деодатъ въ числѣ ихъ съ перваго взгляду узналъ Серпа Аделена и сентъ-одольфскаго аббата.

— Кого ты это привелъ съ собою? вскричалъ Аделенъ. Чортъ меня возьми, если это не тотъ проклятый Итальянецъ!

— Да, Соривъ Аделенъ, это я; и если вы видите меня незнаваго, то я этимъ обязанъ брату Сиару, который спасъ меня отъ рукъ вашей яростной черни.

— Напрасно! возразилъ Аделенъ. За чѣмъ вы сюда?

— Могу ли узнать сначала, что это за собраніе, которое приписываетъ себѣ власть меня спрашивать.

— А! Это другое дѣло. Вы хотите знать, кто мы? Хорошо. Я окажу вамъ такую же вѣжливость, какую оказалъ намъ Вильгельмъ IV. Извольте. Вотъ, рядомъ со мной, отецъ Фулькъ, аббатъ сентъ-одольфскій, котораго вы уже знаете; возлѣ него аббатъ лидлумскій, а за нимъ аббатъ блоемкампскій. Напротивъ насъ сидятъ благородные Элько Галалса, Ситъ Мартена, Титъ Камминга и Янке Гельбанда. Мы вмѣстѣ составляемъ настоящее правительство Фризландіи. Теперь, если вы хотите знать имена и тѣхъ трехъ человекъ, что стоятъ тамъ у окна, то извольте. Первый Ицъ Фадинга, второй....

— Довольно, довольно, прервалъ Деодать: но объясните, пожалуйста, что вы сказали о теперешнемъ правительствѣ Фризландіи? Здѣшнее правительство — Вильгельмъ IV.

— Здѣсь нѣтъ ни доскута земли принадлежащей Вильгельму IV.... Но я не хочу съ вами спорить... Скажите же, за чѣмъ вы сюда?

— Я имѣю порученіе къ графскому управляющему.

— Вотъ что! сказалъ злобно улыбаясь Аделенъ: ну, такъ потрудитесь взглянуть въ это окошко.

Деодать подошелъ къ окну, посмотрѣлъ и съ ужасомъ отскочилъ, вскричавъ:

— Кто осмѣлился на такое гнусное преступленіе?...

Бѣдный мейнгеръ управляющій былъ повѣшенъ на деревѣ передъ ратушей.

— Что тутъ долго разсуждать, сказалъ блоемкампскій аббатъ: повѣсите и этого!

— Спасаю рыцаря отъ рукъ черни, замѣтилъ братъ Сіаръ: я воображалъ, что дѣлаю угодное достопочтеннѣйшему моему начальнику, аббату сентъ-одольфскому, который, вѣрно, не согласится позволить приговорить къ смерти кого бы то ни было безъ предварительнаго рассмотрѣнія дѣла.

— Братъ Сіаръ говоритъ совершенно справедливо, отвѣчалъ сентъ-одольфскій аббатъ: я именно хотѣлъ сказать, что нельзя ни кого наказывать безъ предварительнаго рассмотрѣнія дѣла.

— Смерть шпіону! вскричалъ Аделенъ, опираясь на свой мечъ, и почти всѣ присутствующіе повторили то же. — Повѣсьте его возлѣ мейнгера; сказалъ онъ обращаясь къ стражѣ, стоявшей у дверей залы.

— Стыдитесь, Серпъ Аделенъ! сказалъ Сіаръ. Въ какомъ же преступленіи обвиняете вы рыцаря Деодата Веронскаго? Напротивъ, не онъ ли спасъ вашу жизнь, когда она была въ явной опасности отъ Гарлемской черни? Не онъ ли доставилъ Мадзи Декама возможность благополучно миновать графскій лагерь, и этимъ самымъ способствовалъ ея возвращенію на родину?

— Я только что хотѣлъ замѣтить то же самое, сказалъ аббатъ Фулькъ: удивительная вещь, какъ братъ Сіаръ угадываетъ мои мысли!

— Это все вещи постороннія, возразилъ Аделенъ: большинство голосовъ собранія приговорило его къ смерти. — Стражи, возьмите!

Воины приблизились.

— Не бываетъ этому! раздался голосъ одного изъ трехъ человекъ, стоявшихъ въ впадинѣ окошка: не бываетъ этому: говорить вамъ сынъ ольдермана сира д'Эльва.

Деодатъ оглянулся и съ изумленіемъ увидѣлъ Рендъ, который кинулся въ его объятія.

— О, Рендъ! ты всё-еще любишь меня!.... Такъ забудешь же все прошлое!

Ренó съ жаромъ принялъ сторону Деодата, и убяженія его поколебали рѣшимость собранія. Смертный приговоръ рыцарю измѣненъ, и ему присудили оставаться, до дальнѣйшаго рѣшенія, плѣнникомъ на честное слово въ сентъ-одольфскомъ аббатствѣ, а до перемѣщенія туда, отвели въ одну изъ комнатъ нижняго этажа ратуши.

Едва Деодатъ остался одинъ въ этой комнатѣ, какъ въ окошкѣ показался Суедеръ.

— Какая неосторожность! вскричалъ рыцарь: что, если тебя увидятъ.

— Тсс!.... Выпрыгните въ окно, и маршъ....

— Нельзя: я далъ честное слово.

— Тѣмъ хуже!... Когда я увидѣлъ, что не могу вамъ быть полезенъ, то кинулся вплавь къ нашему кораблю, и сказалъ, чтобъ шли въ море.... Однако жъ; они возвратятся ночью.... Куда васъ отправятъ отсюда?

— Въ сентъ-одольфскій монастырь.

— Ну, до свиданія!

Суедеръ исчезъ. Дверь комнаты отворилась; вошелъ Ренó. Послѣ первыхъ изліяній дружбы, Деодатъ спросилъ друга:

— Какъ ты это очутился въ Фризландіи и называешься сыномъ сира д'Эльвы?

— Ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить, а между-тѣмъ Барбарера, точно, доставилъ мнѣ доказательства о моемъ рожденіи.

— А я? Кто же я?

— Ты?.... Можетъ-быть побочный сынъ Карла дела Скала.... Но, не будемъ говорить объ этомъ.... Расскажи мнѣ, лучше, какъ вы помирились съ Утрехтомъ.

— Очень просто. Когда утрехтскимъ жителямъ пришла ужь очень худо отъ осаждающихъ, Богъ-вѣсти откуда взялся ихъ епископъ, который до этого жилъ во Франціи....

Ренó улыбнулся.

— Иоаннъ д'Аркель повидался съ графомъ и, кажется, успѣлъ снова вкратиться въ его довѣренность. Словомъ, они помирились, и однимъ изъ условій заключеннаго договору было то, что Иоаннъ д'Аркель дастъ вспомогательное войско графу Голландіи противъ мятежныхъ Фризландцевъ, и самъ будетъ находиться при его свѣтлости, на флотѣ, готовомъ отплыть для высадки голландскихъ войскъ на берега Фризландіи.

— Да, мы ужъ знаемъ здѣсь о намѣреніяхъ графа, и все готово къ упорному отбою.... Услышавъ объ этой высадкѣ, чернь пришла въ такое волненіе, что мейингеръ управляющій сдѣлался его жертвою... Жаль бѣдняжки, да дѣлать было нечего.

Въ это время разговоръ двоихъ друзей былъ прерванъ: Ренó позвали къ Серпъ Аделену.

Подъ вечеръ того дня какъ Деодатъ былъ задержанъ въ Ставеренъ, сирѣ д'Эльва, всё-еще слабый но уже вне опасности, сидѣлъ въ своей спальнѣ авертскаго замка. Мадзи читала ему древнюю хронику. Сиза, въ углу, занималась работой. Въ сторонѣ моря слышались сильные удары грома, и деревья саду качались и скрипѣли подъ порывами бурнаго вѣтру. Вдругъ раздался лай дворовой собаки; но слышно было, что она лаетъ не на чужаго.

— Это, вѣрно, Фекó возвратился, сказалъ ольдерманъ.

— Ахъ, Боже мой! того и гляди, что онъ простудится, заблѣливо замѣтила Сиза. Черезъ нѣсколько минутъ Фекó вошелъ въ комнату.

— Что новаго? спросила Мадзи.

— Покуда ничего хорошаго. Ожидаютъ, что голландскій флотъ завтра будетъ у нашихъ береговъ.

— Завтра! вскричалъ сирь д'Эльва, вставая съ кресель : подай мнѣ мои доспѣхи.... Фризландія въ опасности, а я остаюсь дома!.... Но, Фекѳ, рассказывай все, что провъдалъ.

Фекѳ подробно рассказалъ то, что уже извѣстно читателямъ. И когда онъ говорилъ, какъ хотѣли-было казнить Деодата, Мадзи едва не лишилась чувствъ: Благородный поступокъ Ренѳ очень тронулъ ольдермана, а узнавъ о возвращеніи брата Сіаръ, всѣ обрадовались.

— Вооруженные Фризландцы, продолжалъ Фекѳ, собираются въ городъ толпами. Гонцы разосланы во всѣ стороны. Рыцарь Ренѳ велѣлъ сказать, что у него столько дѣла, что ему ни какъ нельзя сегодня побывать здѣсь, и проситъ васъ оставаться въ замкѣ, куда не придетъ вамъ новыхъ извѣстій. Онъ боится, чтобы непогода не сдѣлала вамъ вреда.

— Да, сказалъ ольдерманъ, выглядывая въ окно: славный вѣтеръ! Если голландскій флотъ теперь въ морь, такъ не всѣ корабли дойдутъ благополучно къ нашему берегу. Но когда отечество бѣдствуетъ, я не смотрю на погоду, и ѣду.

Тутъ опять послышался лай сторожкаго пса. Вошелъ братъ Сіаръ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, сирь д'Эльва предложилъ доминиканцу оставаться съ Мадзи, а самъ, не взирая на бурю, рѣшился немедленно отправиться.

— У меня есть къ вамъ просьба, сказалъ Сіаръ, прощаясь съ ольдерманомъ : рыцарь Деодатъ теперь въ сентъ-одольфскомъ аббатствѣ; если оно будетъ атаковано, то, ради Бога, поберегите рыцаря.

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ сирь д'Эльва, бодро садясь на коня.

Ожиданіе встрѣчи съ непріателемъ, казалось, возвратило ольдерману прежнія силы; онъ далъ шпоры лошади и поскакалъ, сопровождаемый Фекѳ.

— Мадзи и братъ Сіаръ, оставшись одни, сѣли къ вылающему каминѣ, и когда Декасская Роза рассказала все, что случилось съ нею съ той минуты, какъ они разстались другъ съ другомъ въ плазвикской гостиницѣ, Сіаръ сказалъ :

— Мнѣ чрезвычайно странно, что этотъ Ренó заставилъ признать себя сыномъ сира д'Эльва.... Вы, кажется, сказали, что паяцъ здѣсь, въ Фризландіи ?

— Да, онъ служитъ при Ренó.

— А что, не знаете вы, цѣль у него Барбанеринъ-шикъ съ походной аптекой ?

— Какъ же, цѣль, отвѣчала Мадзи, разсмѣявшись такому странному вопросу : или вы хотите попросить у него какихъ-нибудь пилюль ?

— Быть-можетъ, серьезно отвѣчалъ монахъ : и становится, что вы согласитесь, когда узнаете, что знаю я.

Мадзи убѣдительно просила брата Сіара рассказать что съ нимъ было, и тотъ, пересказавъ все случившееся съ нимъ до той минуты, когда былъ вмѣстѣ съ Барбанерою заключенъ въ темницѣ нейштейнскаго замка, продолжалъ :

— Первымъ моимъ движеніемъ были гнѣвъ и негодованіе на того, кто такъ безчестно лишилъ меня свободы. Что касается до Барбанеры, то онъ сначала думалъ, что его заключили не надолго, и только затѣмъ, чтобы я впослѣдствіи не подозрѣвалъ его участія въ этомъ гнусномъ дѣлѣ. Но когда онъ убѣдился въ противномъ, то вналъ въ такое ужасное отчаяніе, что мнѣ стали страшны проклятія, которыми онъ осыпалъ Іоанна д'Аркеля, и того старика, что каждый день подавалъ намъ пищу черезъ маленькое оконцо двери. Въ одинъ день, — и я никогда не забуду этого дня! — старикъ не принесъ намъ пищи; на другой день тоже; на третій-опять тоже. Ксчастью, у насъ еще оставалось въ кружкѣ нѣсколько воды. Привыкнувъ къ посту, я довольно терпѣливо переносилъ голодь, но Барбанера, къ

концу третьяго дня, совершенно изнемогъ, и, почувствовавъ приближеніе смерти, началъ раскаяваться въ своихъ преступленіяхъ и просилъ меня напутствовать его тайнствомъ исповѣди. Я собралъ всѣ силы, чтобы облегчить его томленіе утѣшеніями религіи, и вотъ, что онъ открылъ мнѣ: Въ прошломъ году Барбанера находился въ Греноблѣ въ числѣ служителей утрехтскаго прелата, съ которымъ въ ту пору зашелъ повидаться какой-то пилигримъ, идущій изъ Голландіи въ Италію. Барбанера сблизился съ нимъ, и узналъ, что двое рыцарей, Ренó и Деодатъ Веронскіе, поручили ему постараться развѣдать въ Италиі, кто ихъ родители, и поэтому случаю дали письмо, которое могло способствовать къ открытію этой тайны. Пилигримъ показалъ письмо Барбанерѣ, а Барбанера могъ бы скорѣе всякаго дать нужныя свѣдѣнія, потому что самъ былъ нѣкогда въ услуженіи у Біанки ди Салерно, и зналъ о ея тайномъ бракѣ съ сиромъ д'Эльва. Но онъ не захотѣлъ ничего сказать, и рѣшился пріобрѣсть себѣ награду, обѣщанную рыцарями за разузнаніе тайны ихъ рожденія. Случилось, что пилигримъ занемогъ и умеръ. Барбанера захватилъ письмо, ввѣренное ему Деодатомъ и Ренó, оставилъ службу прелата и отправился въ Верону. Тамъ ему удалось увидѣться съ Біанкою въ томъ монастырѣ, гдѣ Франческо уже столько лѣтъ держалъ ее въ заключеніи. Онъ извѣстилъ бѣдную заключенницу что сынъ ея еще живъ, а она отдала ему свой обручальный перстень и написала письмо, въ которомъ указывала на знакъ, положенный самой ею на грудь своего ребенка, по которому сирь д'Эльва могъ узнать сына. Если бы Барбанера тогда же открылъ эту тайну, то, вѣроятно, не подвергся бы бѣдственной судьбѣ, постигшей его впоследствии; но духъ сребролюбія заставилъ несчастнаго рѣшиться продать письмо тому изъ двухъ рыцарей, который дастъ за него больше денегъ. Къ сирю д'Эльва не смѣлъ онъ отнестись, потому что прежде

посыгалъ на его жизнь и обманулъ Біанку ложнымъ извѣстіемъ о его смерти. Встрѣтясь съ Рено́ въ плазвикской гостинницѣ, и считая Деодата умершимъ, Барбанера увѣрилъ его, что онъ, точно, сынъ ольдермана, хотя навѣрное зналъ, что это не правда, потому что нигдѣ случай видѣть обнаженную грудь Рено́, а знака, сдѣланнаго Біанкою, на ней не было. Но, слушайте, вотъ важное обстоятельство: Барбанера оставилъ у себя письмо Біанки и спряталъ его въ двойномъ днѣ своей походной аптеки.... Барбанера умеръ; я счелъ неблаговременнымъ сообщить теперь эту важную тайну сирю д'Эльва, потому что не видалъ еще на груди Деодата знака, описаннаго Біанкою, и рѣшился открыться сначала вамъ.... Въ самый день смерти моего товарища въ тюрьмѣ, замкомъ Нейштейнъ завладѣли Голландцы, и я былъ освобожденъ. Тутъ узналъ я, что намъ не приносили пищи потому, что старикъ Петръ скоропостижно умеръ, а кромѣ его ни кто не зналъ о нашемъ заключеніи.

— Боже мой! Боже мой! повторяла Мадзи, слушая рассказъ доминиканца.... Но, скажите, чей же сынъ Рено́!

— Онъ сынъ одной изъ горничныхъ Біанки. Барбанера, опасаясь подвергнуться мщенію того изъ двухъ рыцарей, который, по открытіи тайны, узнаетъ о своемъ низкомъ происхожденіи, назвалъ изъ предосторожности отцемъ одного изъ двухъ дѣтей, подкинутыхъ къ Карло дельла Скала.... Но, прощайте; мнѣ пора въ свое аббатство.

Въ эту минуту вбѣжала Сиза, блѣдная и испуганная:

— Господи! кричала она: весь Ставеренъ въ огнѣ!

Братъ Сіаръ и Мадзи кинулись на террасу. При видѣ пожара, которое еще казалось ярче отъ темноты ночи, доминиканецъ сказалъ:

→ Это горитъ не Ставеренъ, а, должно-быть, Норпортъ.

— Я слышу набатъ, вскричала Мадри: видно испиратель уже сдвѣлалъ высадку.

— О, да!... Я не могу терять ни минуты...

И братъ Сиаръ побѣжалъ къ сентъ-одольскому монастырю по ближайшей тропинкѣ.

Флотъ, собранный Вильгельмомъ IV для высадки голландскихъ войскъ на берега Фризландіи, вышелъ въ Зудерзей утромъ того дня, котораго событія мы теперь рассказываемъ. На этомъ флотѣ находился весь цвѣтъ рыцарства Голландіи, Геннегау и утрехтской области. Къ полудню, кормчій купеческаго корабля, отправленнаго съ отрядомъ войскъ подъ начальствомъ Деодата, для нечаяннаго нападенія на ставеренскій замокъ, донесъ графу, что эта экспедиція не удалась, и что рыцарь, съ оруженосцемъ своимъ Суедеромъ, остались въ рукахъ неприятелей.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Вильгельмъ IV: дайте знать объ этомъ сиру де-Бомонъ, и пусть онъ сейчасъ же направляется съ своей эскадрой къ Леммеру, и высадивъ войско идетъ внутрь земли; а мы сдѣлаемъ высадку по-сѣвернѣе Ставерена, и такимъ образомъ сойдемся съ нимъ въ самомъ центрѣ Фризландіи.

Эскадра сира де-Бомонъ отделилась отъ флота, и при попутномъ вѣтрѣ, исчезла изъ виду.

Между-тѣмъ, къ вечеру, весь горизонтъ покрылся туманами. Какъ кормчій ни совѣтовалъ графу возвратиться въ гавань чтобы не погибнуть на меляхъ, окружающихъ берега Фризландіи, онъ не согласился. Одинъ только Іоаннъ д'Аркель приказалъ своему кораблю поповодовъ отставать, и благополучно вошелъ въ куммерскую пристань. Немедленно вышелъ на берегъ, онъ

правился въ близу лежащій иенскій монастырь Святой Мары. Въ этой обители д'Аркель засталъ одну знатную иностранку, въѣдомъ въ Фризландію, и, не желая ее беспокоить, расположился не въ большихъ гостинныхъ комнатахъ, а въ простой кельѣ.

Съ наступленіемъ ночи страшная гроза разразилась надъ Зудерзеемъ.

Не подалеку отъ Ставерена, къ сѣверу, было селеніе Норвертъ, котораго и самое мѣсто теперь уже давно поглощено волнами. Во время описываемыхъ происшествій, селеніе это находилось въ близкомъ разстояніи отъ моря, но берегу котораго была сдѣлана высокая насыпь. Скрытые этою насыпью и кустарникомъ, на ней перосшимъ, воины части эскадры сира де-Бомонъ, какъ спасшейся отъ бури, вышли на берегъ Фризландіи. Суедеръ, который скрывался въ этихъ кустарникахъ, присоединился къ нимъ. Они прокрались къ Норверту, оставленному жителями, и зажгли селеніе. Но между-тѣмъ отрядъ фризландскихъ воиновъ отрубалъ Голландцевъ отъ моря, и завязалась битва.

Сиръ д'Эльва, прибывъ въ Ставеренъ, съ первыми встрѣтился съ семтъ-одольскимъ аббатомъ, который извѣстилъ его, что уже приняты всѣ мѣры къ отраженію непріятелей. Людей для этого было довольно, потому что при опасности отечества всѣ Фризландцы явились за оружіе.

— Что касается до меня, продолжалъ аббатъ: то я еду въ свою обитель, молиться за успѣхъ нашего оружія.

Приѣхавъ въ аббатство, настоятель тотчасъ спросилъ, гдѣ Деодатъ; ему отвѣчали, что патеръ Сіаръ отдалъ ему свою келью, и велѣлъ наблюдать, чтобы пѣннишъ ни въ чемъ не нуждался.

— Именно ; я только-что хотѣлъ приказать то же самое.... А запертъ ли онъ ?

И на утвердительный отвѣтъ , аббатъ промолвивъ : «Хорошо!» удалился въ свои комнаты. Но не долго оставался онъ спокойнымъ : къ нему вошелъ братъ Сіаръ и торопливо сказалъ , что надо подумать объ оборонѣ аббатства , потому что непріятель уже выходитъ на берегъ и , вѣроятно , черезъ полчаса будетъ въ обители.

— Ахъ , Господи ! вскричалъ Фулькъ трепеща всѣмъ тѣломъ : что жъ намъ дѣлать ?.... Велите выставить на колокольнѣ два зажженныхъ фонаря : это нашъ условный сигналъ объ опасности.... Ну , братъ Сіаръ , что жъ намъ дѣлать ?....

— Фонари ужъ зажжены , и я приказалъ завалить церковныя двери. Мы всѣ , старики и молодые , возьмемъ на кровлю нашей церкви и будемъ оттуда кидать что ни попадо на осаждающихъ.... Братія уже носятъ туда кирпичи , камни , бревна , и большіе котлы масла : мы его вскипятимъ и станемъ обливать кто подойдетъ по-ближе.

И въ самомъ дѣлѣ ; сиръ де-Бомонъ подошелъ къ берегу съ остальною , большею , частью своей эскадры ; онъ направился прямо къ сентъ-одольфскому аббатству. Видя отчаянное сопротивленіе осажденныхъ въ церкви , во внутренность которой нельзя было попасть безъ проломной машины для разбитія крѣпко и на-глухо заваленныхъ дверей , сиръ де-Бомонъ велѣлъ подложить подъ нихъ огня. Но храбрые иноки не сдавались , самъ Фулькъ одушевился такимъ мужествомъ , что и не смотрѣлъ на опасность , которая , ксчастію , скоро миновалась , потому что , на поданный сигналъ , отрядъ Фризландцевъ примчался на помощь аббатству , и сиръ де-Бомонъ былъ принужденъ отступить.

Но между-тѣмъ какъ огонь у церковныхъ дверей былъ въ минуту погашенъ , искра , заброшенная вѣт-

ромъ, разнесла пожаръ по зданію, гдѣ хранилось сѣно и солома, и огонь вскорѣ распространился по оставленной обители.

Ренó, въ сопровожденіи Дамьяна, ѣхалъ къ селенію Рейсъ, гдѣ расположены были главныя силы Фризландцевъ, для встрѣчи графа Голландіи.

Вдругъ рыцарь сдержалъ коня, и, подозвавъ Дамьяна, отставшаго на нѣсколько шаговъ, сказалъ :

— Въ этой темнотѣ не видно ни зги..... Но, прислушайся: за нами кто-то ѣдетъ Точно всадникъ, на хромой лошади.

— На хромой лошади! вскричалъ Дамьянъ : ужь это не чертъ ли ?

— Ступай впередъ; и если я кого замѣчу сзади себя, такъ мы поразвѣдаемся.

Поѣхали. Но изумленіе Ренó еще усилилось, когда теперь ему сталъ слышаться тотъ же шумъ, что онъ принялъ за тротъ хромой лошади, уже не позади, а впереди. Онъ прищпорилъ коня, догналъ своего слутника, и тутъ только догадался, что ошибся : шумъ происходилъ отъ походной Барбанериной аптеки, которую Дамьянъ, по привычкѣ, везъ за плечами. Рыцарь вскричалъ :

— Какъ ты осмѣлился, оселъ, взять съ собой эту драхму? Развѣ хочешь, чтобы меня принимали за такого же шарлатана какъ твой прежній хозяинъ?... Ты, вѣрно, расположенъ засѣсть въ этотъ ящикъ на все время сраженія!....

— Помилуйте, рыцарь! да гдѣ жь мнѣ взять храбрости, когда Богъ не даль... Но, божусь, въ ящикъ не ся-

ду, а только спрячусь за нимъ отъ стрѣль.... Безъ того вѣдь какъ-разъ убьютъ.... Что жъ вамъ прибыли?

Ренó разсмѣялся и промолчалъ.

Пріѣхавъ въ Рейсъ, рыцарь нашелъ все войско въ готовности выступить, и оно немедленно заняло Красный-Холмъ, столь славный въ лѣтописяхъ Фризландіи.

Теперь Красный-Холмъ, подмытый волнами, не что болѣе какъ малый мысъ, утесистый со стороны моря, и пологій къ берегу. Въ тогдашнюю пору холмъ этотъ повелѣвалъ всю цѣпью прилежащихъ холмовъ, и съ его вершины представлялась великолѣпная панорама окрестностей и водъ Зудерзея. Къ югу, подошва его омывалась моремъ и вдавалась въ него мысомъ, такъ, что между нимъ и сентъ-одоольфскимъ аббатствомъ, построеннымъ тоже на мысу, было, берегомъ, не болѣе получасу ходьбы, и дорога шла по насыпи, служащей неизменнымъ мѣстамъ оградою отъ волнъ моря во время бурной непогоды. Начинало свѣтать, и съ этой насыпи видно было, какъ Фризландцы, несравненно превосходные въ числѣ, жестоко тѣснятъ и поражаютъ остатки голландскихъ витязей.

При этомъ видѣ Ренó вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ: передъ его глазами мелькали знамена, подъ которыми онъ столько разъ сражался, и подъ которыми теперь умираютъ его бывшіе товарищи и братья. Рыцарь печально склонилъ голову и задумался. Въ это время опустилась ему на плечо тяжелая рука блоемкампискаго аббата.

— Что ты, д'Эльва? Развѣ не видишь? Непрiятель отступаетъ въ нашу сторону.... Встрѣчай же его какъ настоящій сынъ ольдермана, какъ истинный сынъ Фризландіи; нето, клянусь небомъ! я самъ разнесу тебѣ голову.

Но Ренó хладнокровно взглянулъ на аббата, и остался

ведомиями; Вдругъ они побѣжали; и вскричали
отчаяннымъ голосомъ:

— Боже! Боже! Это знамя де-Бомонъ!

— Графскаго пада! Тамъ лучше!.... Вотъ мы его
получимъ по-своему, сказалъ аббатъ; и бранясь
къ Дамьяну, вскрикнулъ: Дѣй, ты! Что у тебя за ящикъ?
Поставь его здесь, чтобы, опершись на него, вѣрнее
пустить стрѣлу.

Дамьянъ струсила грознаго голоса, и повинуясь.

Изъ шести сотъ человѣкъ, составлявшихъ отрядъ
сира де-Бомонъ, уже оставалось не болѣе полутора.
Съ тѣхъ поръ какъ показалась заря и они могли ви-
деть другъ друга, эта горсть храбрыхъ построилась въ
тѣсный рядъ, и ей однимъ спасеніемъ оставалось за-
нять вершину Краснаго-Холма, съ которой бы легче
было запереться до прибытія войскъ ожидаемыхъ съ
Вингальмомъ IV. Но мы видѣли, что вершина тоже
занята Фризландцами, и положеніе Голландцевъ стано-
вилось безпомощнымъ. Однако же они всё подавались
впередъ.

Вдругъ Рено вскричалъ:

— Сиръ де-Бомонъ, сдайтесь, ради Господа, сдайтесь!
Вамъ не возможно устоять противъ множества непрія-
телей.

— Не голосъ ли это предателя Рено? отвѣчалъ де-Бо-
монъ: въ такомъ случаѣ онъ долженъ знать, что
де-Бомонъ не сдается, покуда не падетъ. Держитесь,
держитесь, храбрые товарищи! вонъ наши корабли;
черезъ полчаса, не болѣе, мы получимъ подкрѣпле-
ніе.

Впереди Рено шла страшная битва; однимъ только
окомъ да Дамьянъ не принимали въ ней участія. Въ это
время Дамьянъ подползъ къ Барбанерицой аптекъ,
чтобы посмотрѣть нельзя ли спасти вещь, которую
столько времени таскалъ за плечами, что жалеть о ней
какъ-бы о существенной части своего тѣла. Но, увы!

лишней уже: все было разложено; толпились удивленію и утѣшенію бывшаго паяца, онъ вынулъ въ стнбелномъ двойномъ дѣлѣ, котораго прежде и не подозревалъ, большой кожаный кошелекъ денегъ и какое-то писемце. Дамьянъ спряталъ кошелекъ за шазуку, а писемце откинулъ въ сторону: оно унало прямо подъ ноги Рено. Рыцарь поднялъ и прочелъ. Написанное, казалось, потрясло всю его душу; онъ взглянулъ на море: вблизи стоялъ одинъ голландскій корабль; корабль уже спустилъ свои лодки и онъ быстро шли къ берегу. Рено кликнулъ Дамьяна.

— Возьми первую понавшуюся лошадь, указалъ онъ твердымъ голосомъ: и не теряя ни секунды, отвези эту бумагу сиру д'Эльв.... Да будешь ты проклять, если не исполнишь моей послѣдней воли!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Дамьянъ, который отъ всей души обрадовался случаю: спасти поле битвы.

Между-тѣмъ Рено сѣлъ также на своего коня.

Вся горсть Голландцевъ уже пала; одинъ еще сиръ де-Бомонъ, стоя у подошвы холма, по колено въ водѣ, оборонялся отъ множества Фризландцевъ. Вдругъ, Рено пустилъ коня въ скачь, и, при всенномъ кличѣ доу де-Бомонъ, очутился возлѣ неустрашимаго рыцаря, могучей рукой схватилъ его поперегъ тѣла, вскинулъ къ себѣ на сѣдло, и во-весь опоръ помчался къ морю.

Изумленіе дотого поразило Фризландцевъ, что они дали время рыцарямъ быть принятымъ на одну изъ голландскихъ лодокъ.

Теперь мы должны сказать, что флотъ Вильгельма IV, разсѣянный бурей, потерялъ часть кораблей, а другіе, приставая къ берегамъ Фризландіи, гдѣ только попало, высадили находившіяся на нихъ войска, не массою, а сколько на которомъ было.

На корабль, приставшемъ близъ Краснаго-Холма, находился самъ Вильгельмъ IV. Выйдя на берегъ по ту

сторону насыни, онь, мраннымъ вѣзоромъ окинулъ светлыхъ воиновъ; ихъ не было въ числѣ сотъ! Молча извлекъ онь широкій свой мечъ и кинулся на толпы Фризландцевъ. За нимъ и его рыцари.....

Всѣ погибли. Не спаслось ни одного!

Не возможно описать чувствъ, волновавшихъ Деодата въ первые часы заключенія въ сентъ-одольскомъ монастырѣ. Досада отъ неудачи въ порученномъ дѣлѣ; радость примиренія съ Рено; опасенія о графскомъ одѣтѣ; страхъ, что милая ему Мадзи и почтенный сиръ д'Эльва будутъ подвержены опасности; благодарность къ отцу Сиару, который спасъ его отъ вѣрной смерти; всѣ эти чувства живѣе наполняли его сердце и занимали умъ. Наконецъ, наступила ночь; и Деодатъ забылся сномъ. Незапный шумъ разбудилъ его; отрядъ сиръ де-Бомонъ дѣлалъ приступъ къ монастырской церкви. Потомъ шумъ уменьшился, а черезъ нѣсколько времени до слуху рыцаря стали доходить только отдаленные клики сражающихся и неясные звуки ихъ оружій. Келья Сиара, гдѣ былъ запертъ рыцарь, находилась въ верхнемъ корридорѣ аббатства; и узкое окно ея выходило не къ сторонѣ моря; потому-то Деодатъ и немогъ видѣть, что дѣлается на полѣ битвы, если бъ даже мракъ ночи и не жѣлалъ различать окрестностей.

Спустя нѣсколько времени, рыцарь послышалъ запахъ дыму, и содрогнулся. Еще нѣсколько минутъ, и онь уже не могъ сомнѣваться, что аббатство предано пламени. Полъ уже трещалъ надъ его ногами; ужасная смерть казалась неизбежною. Какъ вдругъ, дверь его

каши разлетѣлись отъ сильныхъ ударовъ свирѣи, и онъ очутился въ объятіяхъ своего врага Сuedера.

— И зналъ, что найду васъ здѣсь!... Едва добжалъ!... Надобно спастись!...

Но уже было поздно: лѣстница, ведущая внизъ, вся въ огнѣ; внутреннія части зданія рушились одна за другою. Скоро на мѣстѣ сентъ-одольской обители осталась лишь груда развалинъ; только колокольня стояла, почернѣвшая отъ дыму, съ основанія до креста.

Солнце взошло и освѣтило торжество Фризландцевъ.

Сирь д'Эльва, аббатъ Фулькъ и нѣсколько монаховъ ходили около разрушенной обители, и приносили труны убитыхъ, въ надеждѣ найти раненыхъ, которымъ бы еще можно подать помощь. Братъ Сирь, встревоженный, посѣбно доносилъ къ ольдерману и сироемъ:

— Ради Бога! не видали ли вы рыцаря Деодата?

— Рыцаря Деодата?... Боже мой!... онъ вѣдь былъ здѣсь, а я совсѣмъ и забылъ!

— Спасся ли онъ во время пожара?

— Ну вотъ, ручаюсь, что нѣтъ, сказалъ одинъ изъ инокъ: дверь его кельи оставалась такъ плотно закрыта; что ему, вѣрно, не было ни какой возможности спастись.

— Да здравствуетъ Фризландія! раздался громкій голосъ подошедшаго аббата блоемкампскаго: Да здравствуетъ Фризландія! Не осталось въ ней ни одного живаго Голландца. Только де-Бомонъ уцѣлѣлъ по милости предателя, котораго сирь д'Эльва называлъ своимъ сыномъ.

— О срамъ! воскликнулъ ольдерманъ въ отчаяніи.

— Отъ него нечего было и чаять другаго кромѣ предательства, сказалъ братъ Сирь.

— Что вы разумеете? спросилъ д'Элива, съ изумле-
ниемъ глядя на доминиканца.

— Скажу послѣ, отвѣчалъ тотъ, и отошелъ.

Мы оставили Деодата и Суедера въ положеніи вѣ-
тъ безнадежности; однако же они избѣжали гибель и
имѣли какія-то образы.

Когда они увидѣли, что нуть сообщенія съ нижними
этажами перекинувшись огнемъ, который со всѣхъ сто-
рокъ уже начиналъ палить ихъ, то, не въ надеждѣ спа-
сенія, а только съ безотчетнымъ чувствомъ самоохра-
ненія, бросились по лѣстницѣ ведущей на колокольню.
Это самое и спасло ихъ. На колокольнѣ было навалено
множество веревокъ; они связали ихъ въ одну, и спу-
стились. Но опасность всё-еще не миновалась, потому-
что первые встрѣчные Фризландцы непременно бы уби-
ли ихъ. Ксчастію, Деодатъ замѣтилъ входъ въ под-
земные погреба аббатства, и вмѣстѣ съ Суедеромъ
скрылся туда; но прежде, пробираясь между развалинъ,
они нашли два трупа воиновъ, и чтобы избѣжать за со-
бою погоню, надѣли на нихъ свои полукафтаны.

Прошло десять дней. На одиннадцатый, въ церкви
блоскамнскаго аббатства происходило погребеніе Виль-
гельма IV, графа Голландіи и Геннегау, котораго обезо-
браженный трупъ едва едва могли найти между множе-
ства павшихъ рыцарей и воиновъ. Іоаннъ д'Аркель,
епископъ утрехтскій совершалъ отпѣваніе.

На другой день послѣ этой церемоніи, Мадзи и братъ
Сіаръ сидѣли въ одной изъ комнатъ авертскаго замка.
Декасская Роза казалась погруженною въ глубокое уны-
ніе, и разсѣянно внимала утѣнительнымъ словамъ до-
миниканца. Дамьянъ, получивъ отъ Рено приказаніе отъ

дать письмо сирю д'Эльва, разумеется, не должно искать ольдермана во время сраженія, а предположительно отправился дожидаться его въ авертскомъ замкѣ, и вручилъ письмо Мадзи; она, не будучи въ состоянн прочитатъ этой бумаги, писанной по-италіянски, тотчасъ догадалась, что это должна быть та самая, о которой говорилъ ей патерь Сіаръ; и лишь-только сиръ д'Эльва возвратился, поспѣшила-было сообщить ему радость, но не успѣла, потому-что, услышавъ отъ ольдермана о бѣдственной судьбѣ, вероятно постигнувшей Деодата во время пожара сентъ-одельваго аббатства, небыло даже огорчить, и то уже немощающаго, старца. Д'Эльва видѣлъ грусть своей питомицы, и зналъ, что она скорбитъ по Деодатѣ, о которомъ сердечно жалѣлъ и самъ, но поступокъ Рено, котораго считалъ своимъ сыномъ, еще болѣе сокрушалъ его.

Одинъ только братъ Сіаръ зналъ, какъ и Мадзи, тайну рожденія Деодата, но они оба рѣшились не говорить о томъ ольдерману; тѣмъ болѣе, что при разобранн развалинъ сгорѣвшаго аббатства, были найдены два обезображенные трупы, изъ которыхъ на одномъ узнано полукафтанье несчастнаго рыцаря.

Между-тѣмъ какъ Мадзи и доминиканецъ занимались теперь своими печальными мыслями, сиръ д'Эльва и аббатъ Фулькъ, возвратясь съ похоронъ Вильгельма IV, вошли къ нимъ.

— Приготовляйся, милая Мадзи, сказалъ сиръ д'Эльва, принять важнаго гостя: къ намъ будетъ сегодня обѣдать утрехтскій епископъ.

— Утрехтскій епископъ!... Возможно ли? вскричала Мадзи блѣднѣя.

— Да что жъ тутъ невозможнаго, замѣтилъ Фулькъ!... Ступайте, съ Богомъ, приодѣться; его степенство скоро придетъ.

Но у воротъ услышался звукъ рога и шумъ падающаго подземнаго моста; аббатъ выглянулъ въ окно.

—Теперь и есть! сказалъ онъ: это степенство уже при-
ѣхалъ; и, Господи прости! съ нимъ съ полдюжины
женщинъ.

Двери залы растворились настежь; вошелъ Іоаннъ
д'Аркель. Онъ въжливо поздоровался съ ольдерманомъ,
дружески пожалъ руку аббату, почтительно поклонил-
ся Мадзи, не показывая ни малѣйшаго виду, что когда-
нибудь встрѣчался съ нею прежде, и развязно привѣт-
ствовалъ брата Сира.

Начавъ разговоръ, Іоаннъ д'Аркель примолвилъ :

— Ахъ, да! я было и забылъ сказать, что приѣхалъ
не одинъ; мнѣ сопутствовала дама высокаго званія... и
пожилыхъ лѣтъ, прибавилъ онъ замѣтя улыбку Фудь-
ка: она не очень здорова, и я бы покорно просилъ
Декамскую Розу побыть съ нею нѣсколько времени.

Мадзи съ радостью приняла предложеніе и поспѣ-
шила къ дамѣ, приѣхавшей съ прелатомъ. То была жен-
щина пожилыхъ лѣтъ; но съ перваго взгляду было вид-
но, что она въ молодости была красавица, и черты
лица ея всё-еще оставались правильны и пріятны. Да-
ма не говорила по-фризландски, но по выраженію ея
физиогноміи Мадзи легко поняла, что незнакомка при-
знательна къ ея внимательности. Словомъ, хотя онъ
объ не понимали рѣчей одна другой, но внезапно почув-
ствовали взаимно ту симпатію, которой причинъ ни кто
не въ состояніи опредѣлить.

Въ это время вошла Сива и сказала нѣсколько словъ
на ухо Мадзи. Декамская Роза вскрикнула и затрепета-
ла: въ дверяхъ стоялъ человекъ, въ монашескомъ
платѣ, блѣдный какъ смерть.

Но возвратимся къ сиру д'Эльвѣ.

Жизнь Мадзи вышла изъ комнаты, д'Аркель сказалъ
ему :

— Видите, я исполнилъ мое обѣщаніе. Теперь, по-
зволяете спросить, гдѣ тѣ два молодые человека, пере-

олстые доминиканцами, которыхъ я долженъ выгнать изъ Фризландіи.

— Здѣсь, и ни кто кромѣ меня и аббата Фриша не знаетъ объ этомъ. Они еще не совершенно оправданы, но, думаю, будутъ въ состояніи сегодня же ихъ захватить.

— Человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Прежде всего, я долженъ спросить васъ, сиръ д'Альва, не имѣете ли вы въ Италиіи знакомой особы, авторъ которой бы желали получить извѣстіе?

— Господи! Неужели...

— Неужели я могу вамъ сообщить эти извѣстія? Не мудроно. На прошлой недѣлѣ я встрѣтился въ Кундеръ съ кѣмъ-то изъ Вероны.

— Изъ Вероны! О, жива ли еще Біанка ди Салерно? вскричалъ ольдерманъ, въ сильномъ волненіи всматриваясь руками.

— Франческо дела Скала, тиранъ веронскій, уже не существуетъ, и смерть его возвратила Біанкѣ свободу, которой она была лишена столько времени.

— Слава Богу! Такъ страданія Біанки прекратились!

— Она желаетъ знать, помнитъ ли еще о ней сиръ д'Альва, и расположенъ ли его сынъ, котораго она встрѣтила некогда поначеніемъ Карло дела Скала, и который былъ впоследствии при дворѣ блаженной памяти графа Вильгельма IV, признать ее своею матерью.

— Помню ли я Біанку! воскликнулъ ольдерманъ: Богъ свидѣтель, что никогда не переставалъ любить ее... Сейчасъ еду въ Верону... Возвращу ей и сына... Напишу къ сирю де-Бомонъ: Ренѣ, вѣрно, при немъ...

— Ренѣ не сынъ вашъ, сказалъ д'Армель.

— Не нашъ сынъ!... Такъ кого же называть дитя сыномъ?

— Ради самого неба, перервалъ братъ Сіаръ, бросаясь на колѣни передъ прелатомъ: если вы знаете эту тайну

лу, то не говорите ни слова; не раздражайте сердца несчастнаго отца.

— Я не вижу никакого несчастія быть отцомъ такого достойнаго рыцаря какъ Деодатъ.

— Деодатъ! произнесъ д'Эльва съ восторгомъ.

— О, Боже! сказалъ Сиръ: Деодатъ погибъ въ пожаръ сентъ-одольфской обители.

— Совсемъ нѣтъ, возразилъ аббатъ: Фекъ нашелъ его и еще другаго молодаго человека, полу-мартвыми въ погребахъ аббатства; онъ сказалъ объ этомъ только мнѣ и ольдерману, и мы рѣшились скрывать ихъ до безопаснаго случая выпроводить изъ Фриандина.

— Неповѣдимы пути Твои, Господи! вскричалъ братъ Сиръ, и, обращаясь къ сирю д'Эльва, подалъ ему письмо, примолвивъ: такъ вотъ вамъ и доказательство того, что Деодатъ действительно вашъ сынъ. Это письмо Біанки.

Сиръ д'Эльва въ восторгъ покрывалъ поцѣлуями черты милой руки, какъ предать сказалъ:

— Чѣмъ цѣловать почеркъ, не хотите ли лучше поцѣловать руку, которая писала?

— Небо!... Эта дама?...

— Она!

Д'Эльва бросился изъ комнаты, и очутился въ объятіяхъ жены и сына.

— Прошло много лѣтъ. Рука времени уже стерла съ лица земли многихъ дѣйствующихъ лицъ нашей повѣсти. Разъ, въ прекрасный лѣтній день, путешественникъ, въ сопровожденіи одного слуги, ѣхалъ по извилистой дорогѣ изъ Гарлинга въ Болзавертъ, Оба каза-

лись уже въ преклонныхъ лѣтахъ; ихъ загорѣлыя лица и шрамы на щекахъ свидѣтельствовали, что военные труды, столько же какъ и лѣта, убѣлили свдиной ихъ волосы и бороды.

— Вотъ, рыцарь, говорилъ вѣдь я вамъ, чтобы въ Гарлингъ взять провожатаго; кажется, вы не твердо помните дорогу.

— Ошибаешься, Бертó. Видишь ли вдали замокъ? Это замокъ д'Эльва; а флагъ, развѣвающийся на башнѣ, показываетъ, что и хозяинъ дома.

— А всё лучше спросить вонъ у этихъ дѣтей, что играютъ на лугу.

Рыцарь послушался совѣта. Дѣти, при видѣ подъѣжающихъ путниковъ, прервали свои игры.

— Какъ бы проѣхать ближе къ замку сира д'Эльва? спросилъ ихъ рыцарь.

Всѣ закричали въ одинъ голосъ, только указывали на разныя дороги.

Между-тѣмъ подошелъ пожилой человекъ, и узнавъ о чемъ спрашиваетъ незнакомецъ, сказалъ дѣтямъ:

— Пора домой и намъ; мы сами проводимъ путешественниковъ. — Поторопись же, Мадзи, продолжалъ онъ, обращаясь къ маленькой дѣвочкѣ: не то Сиза будетъ бранить тебя.

— Мадзи! повторилъ незнакомецъ съ видимымъ волненіемъ: такъ это милое дитя дочь Мадзи д'Эльва?

— О, о! отвѣчалъ старикъ Фризландецъ, указывая на старшаго изъ дѣтей: вотъ младшій изъ сыновей Фроу Мадзи д'Эльва; остальные все ея внучата.

Незнакомецъ съ чувствомъ посмотрѣлъ на юношу, сына Мадзи, и претянулъ къ нему руку.

— Какой у васъ блестящій палангъ! сказалъ тотъ, любуясь оружіемъ рыцаря.

Рыцарь отвязалъ мечъ и подалъ юношѣ, примолвивъ:

— Изволь, я отдаюсь тебѣ въ плѣнъ.

— Добрый господинъ, сказала маленькая Мадзи: погатай меня на своей лошади.

— Какъ можно! проговорилъ-было старикъ-дядька, но на просьбу незнакомца, подалъ ему ребенка.

— Вотъ, Фекó, я и повду! радостно кричала дѣвочка.

— Фекó! сказалъ рыцарь. Фекó, ты не узналъ Ренó?.. что, какъ думаешь, будутъ ли мнѣ рады въ замкѣ.

— Ахъ, Господи! Это вы!... Вотъ радость-то.... Не проходитъ и ни одного дня, чтобы всѣ про васъ не вспоминали.... Что это вы столько времени не давали намъ о себѣ ни какихъ извѣстій?

— Все время скитался по разнымъ землямъ, другъ Фекó. Теперь состарѣлся, и хотѣлъ бы дожить остатокъ дней въ вашемъ замкѣ.

Между-тѣмъ юноша, сынъ Деодата, лишь-только услышалъ, что прїѣзжій — Ренó, кинулъ его тяжелый мечъ, и бросился бѣжать къ замку, чтобы всѣхъ обрадовать этой новостью. Вскорѣ Деодатъ и Мадзи, уже состарѣвшіеся, но всё-еще бодрые, вышли, вмѣстѣ съ взрослыми своими дѣтьми, на встрѣчу прїѣзжимъ.

— Дѣдушка, мы ведемъ тебѣ плѣнника, кричали маленькія.

— И на этотъ разъ ужъ мы его не выпустимъ изъ рукъ, отвѣчалъ Деодатъ, крѣпко прижимая къ сердцу товарища своего дѣтства. — Ну, Мадзи, цѣлуй нашего милаго гостя.

— Не сказалъ бы онъ этого назадъ тому тридцать лѣтъ, шепнулъ Фекó женѣ своей.

— Молчи, Фекó! отвѣчала Сиза: какъ можно шутить въ такую минуту. Я, право, такъ разстрогана, что готова плакать.

За ужиномъ, Ренó рассказалъ друзьямъ свои похождения. Оставивъ незапно Фризландію, онъ не покидалъ сира де-Бомонъ; но когда этотъ почтенный рыцарь умеръ, Ренó служилъ въ Испаніи подъ начальствомъ знаменитаго Дю-Гескленъ, и, однако же, не смо-

тря на военные свои подвиги и на множество услуг оказанныхъ Франціи, составилъ себѣ только весьма посредственное состояніе. Наконецъ, усталый отъ трудовъ, онъ пришелъ отдыхать у Деодата.

— Нынче, пробьдемъ черезъ Ліежъ; я вмѣлъ честь видѣть тамошняго архіепископа, бывшаго утрехтскаго, Іоанна д'Аркель. Онъ ужасно состарѣлся, и сильно страдаетъ подагрой... Д'Аркель сказывалъ мнѣ, что аббатъ Фулькъ и братъ Сіаръ давно уже окончили свое земное поприще... Но, вотъ, представляю вамъ также стариннаго знаконца, продолжалъ Ренѳ, указывая на своего слугу: если у васъ кто нездоровъ, онъ, пожалуй, станетъ лечитъ.

— Ахъ, это ты, Дамьянъ! вскричалъ Деодатъ: ну, милости просимъ! Возьми же, налей этотъ кубокъ виномъ, и поподчуй насъ за свое здоровье.... Это будетъ лучше всѣхъ твоихъ лекарствъ.

Ренѳ, принявъ серебряный кубокъ изящной работы, увидѣлъ на немъ гербъ сира д'Эльва, и спросилъ:

— Мнѣ кажется, Деодатъ, ты нѣсколько измѣнилъ прежній гербъ дому д'Эльва?

— Да; по кончинѣ милаго родителя, я, въ воспоминаніе нашихъ приключеній, внесъ въ него цвѣтокъ, *Декамскую Розу*.

=

СОНЪ

ВЪ ИВАНОВСКУЮ НОЧЬ

(MIDSUMMER-NIGHT'S DREAM *)

ДЕЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДЕЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ТЕЗЕЙ, герцогъ афинскій.

ЭГЕЙ, отецъ Эрмій.

ЛЕСАНДРЪ

ДМИТРИЙ

ФЕОСТРАТЪ, забывающій увеселенія.

при дворѣ Тезея.

КВЕНСЪ, влюбленъ.

СНОГЪ, старецъ.

БОТТОМЪ, шутъ.

МЕТЪ, старецъ.

СНАУТЪ, вѣдунъ.

СТАРВЕИНЪ, король.

ДИПОЛИТА, царь Анаксота, вельможа Тезея.

ЭРМИЯ, дочь Эгея, влюбленная въ Диполита.

ЕЛЕНА, влюбленная въ Деметри.

СВЕРГОНЪ, царь Бессіи.

ТИТАНІЯ, влюблена въ Эрмію.

ПУКЪ, или Robin Good-fellow, эльфъ.

ГОРОХОВЫЙ ЧЕЛОВЕКЪ, гномъ.

НАУТИНА, влюблена въ Эрмію.

МОЛЬ.

ГОРЧИЦНОЕ ЗЕРНЫШКО.

ПРИДВОРНЫЯ СВИТЫ Тезея и Нисеянина.

ФЕЯ, (согласно сказанію Оберона и Титанію).

Действующие лица въ интермедіи влюбленъ.

ПИРАМЪ.

ТИБСА.

ЛОВНА.

ЛУННЫЙ СВАТЪ.

ЛЕВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Афинѣхъ и въ ближайшемъ лѣсу.

* Midsummer означаетъ у Англичанъ двадцать четвертое число іюня, или Ивановъ день : на кауду этого дня, въ Ивановскую ночь, простой народъ почти во всѣхъ странахъ Европы зажигаетъ огни на возышеніяхъ, вѣдьмы, по общему повѣрью, летать отсюда на Лысую Гору, всѣ земные духи находятся въ болѣе возвышенномъ мѣстѣ. Поэтъ, конечно, избралъ съ умысломъ эту волшебную, мистическую и страшную ночь эпохою своего чудеснаго драматическаго исполненія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

АѢННЫ.

Зала во дворцѣ Тезея.

ТЕЗЕЙ, ИППОЛИТА и ФИЛОСТРАТЬ, входятъ, въ сопровожденіи свѣты.

тезей.

Нашъ брачный часъ ужъ близокъ, Ипполита:
Четыре дня счастливые пройдутъ,
И приведутъ къ намъ новую луну.
Но, ахъ, какъ медитъ старая луна!
Она мои желанья истощаетъ,
Какъ мачиха доходы сироты.

ипполита.

Четыре дня въ нощахъ потонутъ быстро,
И быстро въ снахъ пройдутъ четыре ночи;
А тамъ и мѣсяцъ, какъ серебристый лукъ,
На небъ вновь натянутый, осветитъ
Ночь нашихъ празднествъ.

тезей.

Филостратъ,

Подвинь къ забавамъ молодежь АѢннъ.
Буди! Пускай проснется духъ веселья;
А грусть гони къ обрядамъ погребальнымъ:
Угрюмой гостья нѣтъ на свадьбѣ мѣста.

(Филостратъ уходитъ. Къ Ипполитѣ)

Мечомъ твоей любви я добивался,
Враждою сердце покоришь твое;
Но иначе ознаменую бракъ, —
Весельемъ, пышностью и торжествомъ!

Входят ЭГЕЙ, ЭРМІЯ, ЛИСАНДРЪ и ДМИТРІЙ.

ЭГЕЙ.

Будь счастливъ, славный князь и государь!

ТЪЗЕЙ.

Благодарю. Что скажешь мнѣ, Эгей?

ЭГЕЙ.

Обиженъ я, и съ жалобой пришелъ
На дочь свою. Поди сюда, Дмитрій.
Вотъ молодецъ : я далъ ему согласие
Въ бракъ съ Эрміей вступить, — Лисандръ, приблизься! —
А зтотъ сердце ей околдовалъ.

Ты! ты, Лисандръ, ей посылалъ стихи!

Съ ней обмѣнялся клятвами любви!

Ты, у окна ея, при лунномъ свѣтѣ,

Притворно нѣжнымъ голосомъ пѣвалъ

Стихи, дышавшіе притворной страстью;

Подарками ей голову вскружилъ,

Игрушками, букетами цвѣтовъ,

Браслетами, колечками, сластями,

Приманками столь сильными всегда

Для юности неопытной; обманомъ

Похитилъ сердце дочери моей,

И должную ко мнѣ ея покорность

Въ строптивое упрямство обратилъ!

Будь правосуденъ ты, свѣтлѣйшій князь,

И если здѣсь, передъ твоимъ лицомъ,

Дмитрія не избересть она,

Тогда, прошу тебя, мнѣ предоставь

Старинное Аѳинянъ право :

Она мнѣ дочь, ея судьбой я властенъ

Располагать : такъ пусть же избересть

Нѣ Дмитрія супругомъ или смерть,

Согласно съ смысломъ древняго закона,

Что писанъ на подобный случай.

ТЪЗЕЙ.

Что скажешь, Эрмія? Да! разсуди,

Моя красавица, что твой отецъ,

Который создалъ красоту твою,

Быть долженъ для тебя превыше всѣхъ.

Ты для него фигура восковая,
 Имъ изваянная, и отъ его
 Вполнѣ зависитъ воли сохранить
 Или разбить созданіе свое.
 Димитрій вашъ — отличный дворянинъ.

Эрмія.

Не хуже и Лисандръ.

Тезей.

Не спору я.

Но твой отецъ согласья не даетъ
 На бракъ его съ тобой : такъ ты
 Димитрія и предпочесть должна.

Эрмія.

О, если бъ мой отецъ смотрѣлъ какъ я!

Тезей.

Скорый твои глаза должны глядѣть
 Его благоразумнымъ взоромъ.

Эрмія.

Простите, государь! не понимаю,
 Какая сила мнѣ внушаетъ смѣлость ;
 Не знаю, скромности моеи прилично ль
 Въ присутствіи столь свѣтломъ защищаться ;
 Но я одно прошу васъ мнѣ сказать :
 Что худшаго со мною будетъ,
 Когда Димитрія отвергну я ?

Тезей.

Или умрешь, или на-вѣкъ отречешься
 Отъ общества людей. И такъ,
 Извѣдай прежде склонности свои ;
 Спрося свою неопытную юность,
 И со вниманьемъ сердце разсмотри,
 Достанетъ ли въ тебѣ довольно силы,
 Отвергнувъ волю твоего отца,
 Надѣть одежду жрицы, и потомъ
 За мрачной монастырскою стѣной
 Безплодною пнеіей вѣчно жить
 И пѣть томительные гимны
 Къ холодной и безчувственной лунѣ.
 Блаженны тѣ, кто, страсти обуздавъ,

Свершать достойно дѣвственный шикъ въ побѣдѣ алмазъ
 Но роза сорванная, на землю,
 Счастливей той, что въ томной тишинѣ
 На тернѣ дѣвственнымъ своимъ,
 Одна, растеть, цвѣтетъ и засыхаетъ.

Эрмія.

Ужъ лучше мнѣ такъ прозвѣсть, такъ дѣлать
 И сохнуть, чѣмъ свой дѣвичій дипломъ
 Отдать тому, чьей власти неманисственной
 Моя душа не можетъ покориться,

Тезей.

Подумай; и въ началъ новолунья,
 Въ тотъ часъ, когда соединюсь на-вѣкъ
 Съ моею подругой, ты готовься къ смерти,
 Когда отцовской воли не исполнитьъ
 Иль выйти согласишься за Дмитрія,
 Иль дай обѣтъ, предъ алтаремъ Дианы,
 Жить вѣчно въ дѣвствѣ, въ заперченъи.

Дмитрій.

О, скалься, Эрмія!.... Ну, ты, Александръ,
 Оставь свои непрочныя надежды,
 И уступи моимъ правамъ законнымъ,

Александръ.

Дмитрій, ты любишь ея отцомъ:
 Оставь мнѣ Эрмію, сиди при немъ!

Эгидъ.

Наглець!.... Да, точно, я его люблю;
 Всю собственность мою отдамъ ему,
 А дочь — моя : такъ на нее права
 Мои Дмитрію я передамъ!

Александръ, обращаясь къ Тезею.

Я такъ же знатенъ родомъ какъ и онъ;
 Богатъ какъ онъ; люблю сильнѣе его;
 Мои помѣстья такъ же хороши
 Какъ и его, когда еще не лучше,
 Но выше всякихъ благъ считаю я
 Прекрасной Эрміи ко мнѣ любовь.
 Зачѣмъ я откажусь отъ правъ моихъ?
 Дмитрій, — я скажу въ глаза, при немъ,

Искалъ любви дочери Недира,
Елены, и успялъ плънить ее.
Она, бѣдняжка, любитъ; любитъ страстно,
До обожанья любитъ человека
Съ коварнымъ и непостояннымъ сердцемъ.
тзззй.

Да! признаюсь!... я ужъ объ этомъ слышалъ;
И съ нимъ давно хотѣлъ поговорить;
Но, занятой важнѣйшими дѣлами,
Вирляю позабылъ. Дмитрій и Эгей,
Я долженъ сдѣлать вамъ, на-единь,
Особенныя наставленья.
Ты, Эрмія, старайся согласить
Свою любовь съ отцовскою волей;
Нето, законъ Аѳинъ, — его не властны
Мы измѣнить, — тебя на смерть осудить,
Иль къ заточенью вѣчному принудить.
(къ Ипполиту)

Будь веселье, милая подруга!
Дмитрій и Эгей, ходите съ нами:
Я вамъ хочу препоручить дѣла,
Устройства нашихъ свадебныхъ пировъ,
И съ вами дѣло ваше обсудить.
эгей.

Повиноваться — долгъ нашъ и желанье!
Тезей, Ипполита, Эгей, Дмитрій и придворные уходятъ.
Лисанаръ.

Что, другъ мой? отчего такъ поблѣднѣло
Твое лицо? И отчего такъ быстро
На немъ увяли розы?...
эрмія.

Вѣроятно,
Что нѣтъ дождя: но я ихъ орошу
Потокомъ бурнымъ изъ моихъ очей.
Лисанаръ.

Увы! все, что ни слышалъ, ни читалъ,
Въ исторіяхъ и въ сказкахъ.... нѣтъ нигдѣ
Безъ горя истинной любви: иль разность
Происхожденія....

Эрмил.

О!.... страшный рокъ!

Ничтожеству родъ знатный подчинить!

Александръ.

Или страдаютъ отъ неровныхъ лѣтъ....

Эрмил.

Охъ! горе! старость съ юностью сковаты!

Александръ.

Или отъ выбору друзей зависятъ....

Эрмил.

Ой! адъ! искать любви глазами ближнихъ!

Александръ.

Когда жъ и есть сочувствіе въ избраньи,

То часто, смерть болѣзнь или война

Являются, и дѣлаютъ любовь

Легчею какъ звукъ, безусловной

Какъ тѣнь, обманчивой какъ сновидѣнье,

Мгновенною какъ молнія, что ночью

Освятить блескомъ небеса и землю

И, прежде чѣмъ успѣешь молвить

«Смотри», ужъ въ пасти мрака исчезаетъ:

Такъ быстро гаснетъ все, что мило!

Эрмил.

Да! видно, вѣрныя сердца въ любви

Должны страдать: таковъ законъ судьбы!

И мы безъ ропоту несемъ его:

Охъ — общій всѣмъ, въ любви онъ неизбѣженъ,

Какъ сновидѣнія, желанья, вздохи,

Тоска и слезы, спутники мечты.

Александръ.

Тебѣ известно, у меня есть тетка:

Она вдова, бездѣтна и богата,

Семь миль отсюда до ея деревни.

Она меня какъ сына любитъ.

Такъ, вѣрный другъ, мы вступимъ въ тайный бракъ,

И будемъ безопасны отъ гоненій

Суроваго аѳинскаго закона.

Когда меня ты любишь, завтра, въ ночь,

Уйди изъ дому твоего отца,

И будь въ лѣсу, что въ миль отъ Аенцъ,
Тамъ, гдѣ я встрѣтилъ разъ тебя съ Еленой,
Когда, съ зарей, вы, въ первый майскій день;
Обрядъ весенній совершали;
Тамъ буду ждать тебя.

ЭРМИЯ.

Клянусь тебѣ

Киприды чистыхъ голубковъ четой,
Блестящей, золотой стрѣлой,
И гибкимъ лукомъ Купидона,
Союзомъ душъ и счастьемъ любви!
Клянусь мучительнымъ огнемъ въ крови,
Какимъ сгарала бѣдная Дидона,
Когда Эней, на крыльяхъ парусовъ,
Летѣлъ отъ карфагенскихъ береговъ!
Нарушенными клятвами мужчинъ,
Числомъ важнѣй всѣхъ женскихъ клятвъ, клянусь:
Въ лѣсу, въ условномъ мѣстѣ, близъ Аенцъ,
Я, до зари, къ тебѣ, мой другъ, явлюсь!

ДИМИТРИЙ.

Исполни клятву!.... Вотъ идетъ Елена.

ЭРМИЯ.

Прекрасный дѣтства другъ, куда идешь?

ЕЛЕНА.

Елену ты прекрасною зовешь?
Нѣтъ, не давай мнѣ имени прекрасной:
Димитрія пльнилъ твой образъ ясный
О счастье, счастье красоты твоей!
Глаза твои горятъ звѣзды ясны;
Твой звучный голосъ слаще льется,
Чѣмъ пастуху, весеннею зарей,
Пѣснь жаворонка раздается,
Когда зазеленѣтъ рожь въ поляхъ
И разовьются почки на цвѣтахъ!
Когда бъ краса какъ немочь заражала,
Твоя бъ краса тотчасъ ко мнѣ пристала:
Мой слухъ впился бы въ звукъ твоихъ рѣчей,
Мой взоръ въ блестящій взоръ твоихъ очей;

Твой сладкозвучный, золотой, языкъ
Въ мои уста заразой бы проникъ.

Когда бы могла вселенной я владеть,
Я одного Дмитрия взяла бы,

Тебя жъ весь миръ прекрасный отдала бы,
За то, чтобъ красоту твою иметь.

Отрой мнѣ тайну такъ глядѣть,
Какъ ты глядишь! Скажи, какою вѣстью
Дмитрия ты распалила страстью!

Эрмیا.

Я — въ гнѣвъ : а онъ меня любовью научить.

Елена.

Твой гнѣвъ мои уста пускѣй научить
Какъ имъ его улыбкою принять!

Эрмیا.

Кину его : а онъ безумно любить.

Елена.

Успѣшно такъ хотѣла бы я молить!

Эрмیا.

Ой, не моли!.... Мольба всегда насъ губить!

Чѣмъ больше оставижу, тѣмъ сильнѣй
Онъ мнѣ своей любовью наскучаетъ!

Елена.

Чѣмъ я сильнѣй люблю его, тѣмъ злѣй
Онъ ненависть ко мнѣ питаетъ!

Эрмیا.

Въ его безумствѣ нѣтъ вины моей.

Елена.

Въ томъ можно красоту твою винить.

Хотѣла бы я такъ виноватой быть!

Эрмیا.

Утѣшься, онъ не встрѣтится со мной :

Я съ милымъ оставлю край родной.

Пока тебя, Лисандръ, не знала я,
Девны раемъ были для меня :

Какихъ же чаръ его жопоникомъ вѣдаю,
Что небеса онъ обратилъ мнѣ въ адъ!

Лисандръ.

Тебя, Елена, можно все открыть!

Чуть, завтра въ полночь, мѣсяцъ отразитъ.
Сребристый образъ свой въ водахъ зеркальныхъ.
И влажный перлъ разсвѣтъ на поляхъ,
Мы, въ часъ влюбленныхъ, бѣгству посвященный,
Отсель уйдемъ трюною потаенной.

Эрмѣя.

И въ рошѣ, гдѣ съ тобой мы отдыхали
На ароматномъ ложѣ изъ цвѣтовъ,
Одна другой взаимно повѣдали
Свою печаль, и радость, и любовь,
Туда, Лисандръ и я, мы досыпшимъ,
И отъ Аѳинъ навѣки убѣжимъ,
Чтобъ новыхъ на землѣ найти друзей,
Средь общества безвѣстныхъ намъ людей.
Прощай, другъ юности игривой!
Молись за насъ!.... Пусть рокъ счастливый
Димитрія отдастъ любви твоей!

(Къ Лисандру)

Сдержи обѣтъ; теперь проститься мы
До завтрашней полуночи должны.

(Уходитъ)

Лисандръ.

Прійду, мой милый другъ.... Прощай, Елена!
Какъ ты въ плѣну Димитрія, пусть онъ
Плѣнится такъ твоею красотой!

(Уходитъ)

Елена.

Какъ счастливы одни противъ другихъ!
Я, какъ она, среди Аѳинъ родныхъ
Красавицей сльву. Но что же въ этомъ?
Димитрій думаетъ различно съ свѣтомъ:
Что всъ признали, онъ о томъ молчитъ.
Какъ взоромъ Эрмѣя плѣнился онъ,
Такъ красотой его мой взоръ пламенъ!
Любовь презрѣнный врахъ нереродитъ.
И облечетъ его чудесъ дарами:
Любовь въдъ сердцемъ видитъ, не глазами;
Затѣмъ слышимъ представлень Кунидомъ:

Разсудка, вмѣстѣ съ зрѣніемъ, лишень:
 Символь поспѣшности неосторожной!
 Любовь — дѣтя : поэтому она
 Обманы въ выборѣ встрѣчать должна.
 Какъ дѣти, въ играхъ, клятвой ложной
 Другъ друга обмануть хотять,
 Дѣтя-любовь готова также лгать.
 Пока Дмитрій Эрмин не зналъ,
 То мнѣ онъ градомъ клятвы расточалъ;
 Но этотъ градъ, отъ Эрмин очей,
 Разсталъ какъ отъ солнечныхъ лучей
 И клятвеннымъ дождемъ ниспалъ!...
 Открою бѣгство Эрмин ему!
 За нею завтра въ лѣсъ онъ поспѣшитъ;
 Меня за вѣсть онъ взоромъ наградитъ :
 И то отраднo сердцу моему!....
 Тамъ на него я наглажусь; потомъ
 Поиду домой опять грустить объ немъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Внутренность жилищъ.

СНОГЪ, БОТТОМЪ, СНАУТЬ, ФЛЕГЪ, КВИНСЪ и СТАРВЕ-
ЛИНЪ, входятъ.

КВИНСЪ.

Вся ли здѣсь?

БОТТОМЪ.

Не лучше ли переключать всѣхъ, по списку?

КВИНСЪ.

Вотъ списокъ; тутъ имена всѣхъ Аѳинянъ, которые при-
званы способнѣйшими играть передъ герцогомъ и герцогин-
ей комедію, въ день ихъ свадьбы.

БОТТОМЪ.

Во-первыхъ, почтеннѣйшій мистеръ Питеръ Квинсъ, ска-
жи, о чемъ дѣло идетъ въ комедіи потомъ прочитай имена
актеровъ, и — дѣло въ шляпѣ!

КВННЬСЬ.

Ладно! Представленіе наше именуется тако : «Слезоточивая комедія и наивжалчайшая смерть Пирама и Тисбы.»

ВОТТОМЪ.

Да это чудеснѣйшая штука!... поверьте слову, и правда рѣзкая! Ну, почтеннѣйшій мистеръ Квннсь, за снисхожденіемъ Господа, въ кружокъ! смиренѣ!

КВННЬСЬ.

Откликайтесь, кого спрошу. Николай Воттомъ, ткачъ!

ВОТТОМЪ.

Здѣсь! Сперва скажи, какую роль я буду представлять, а потомъ продолжай.

КВННЬСЬ.

Тебѣ, Николенька, назначено играть Пирама.

ВОТТОМЪ.

А кто таковъ Пирамъ? Любовникъ, или тиранъ?

КВННЬСЬ.

Любовникъ, который убиваетъ себя самымъ деликатнымъ манеромъ.

ВОТТОМЪ.

Играя эту роль придется и поплакать. Но если я возьмусь играть, то ужъ зрители — держи свои глаза : я произведу бурю!... въ некоторомъ смыслѣ растерзаю ихъ сердца! Впрочемъ, по моему сердцу, я созданъ для игры тирановъ: какъ бы я чудесно представилъ Геркулеса.... или роль, въ которой надо свирѣпствовать ;

«Скала въ неистовствѣ дрожить,

«Свирѣпой злобой всамъ грозить,

«Въ безумствѣ вочахъ сокрушить

«Заклепы всѣ въ темницѣ ;

«А Фебъ на колесницѣ,

«Далеко заревомъ блеснетъ,

«И все, что глупо здѣсь живетъ,

«Согрѣетъ онъ или убьетъ.»

Важно! Теперь называй другикъ актеронъ. Вотъ ты Геркулеса, ты тирана!... А ты любовника долженъ былъ плаксивѣ.

квинссь.

Франц Флетъ, скрипникъ!

Флетъ.

Здсь!

квинссь.

Тебъ играть Тисбу.

Флетъ.

А что такое Тисба? Странствующий рыцарь?

квинссь.

Нтъ, красавица, въ которую влюбленъ Пирамъ.

Флетъ.

Покалуйста, не заставляйте меня играть женщины! Въу
мнѣ борода.

квинссь.

Ну что жъ? Ты будешь играть въ маску. А говори та-
кимъ тоненькимъ голосомъ, какимъ дуцъ угодно.

Флетъ.

Если можно спрятать лицо, такъ, пожалуй, дайте мнѣ
роль Тисбы. Я буду говорить чертовски тоненькимъ голосо-
мъ (Старается говорить тихливымъ голосомъ.) «Тис-
ба, Тисба! Ахъ, Пирамъ мой, влюбленный! твоя дра-
жайшая Тисба!»

квинссь.

Нтъ, Боттомъ, тебъ играть Пирама, а тебъ, Флетъ,
Тисбу.

Флетъ.

Ну, хорошо! Дальше.

квинссь.

Робертъ Старвелли, портной!

Старвелли.

Здсь!

квинссь.

Ты играешь мать Тисбы. Томасъ (Смугль, мажорантъ) гит

Смугль.

Здсь!

квинссь.

Ты Пирамова оца, а я оца Тисбы. Смугль, старая бу-
дъ представлять дѣва, Какисъ, оперь я дѣла съ квинсомъ.

свогъ,

А что, роль для льва переписана у васъ? Дайте мнѣ зарычѣ, у меня плохая память.

квннсь.

Сыграешь съ экспромту: вѣдь тебѣ надо только порычать.

воттомъ.

Дайте мнѣ, братцы, и львиную роль тоже: я такъ зарычу, что будетъ любо слушать!.... такъ зарычу, что его милость князь Тезей закричитъ: — Фора-сь!....

квннсь.

Если ты будешь рычать слишкомъ страшно, то перепугаешь герцогиню Иполиту и всѣхъ леди, такъ, что онѣ завоютъ: а за это, пожалуй, попадешь въ петлю.

всѣ

Да и мы всѣ, до одного!

воттомъ.

Конечно, если леди рехнуться отъ страху, то.... чего добраго!.... онѣ насъ и перевышають; но я справлюсь съ моимъ голосомъ: буду рычать вѣжливѣе голубенка, зарычу какъ самъ соловей.

квннсь.

Съ тебя довольно и роли Пирама: Пирамъ — красавчикъ, рослый, ловкій дѣтина, какихъ не всегда увидишь; прямой дворянчикъ: поэтому ты долженъ представить Пирама.

воттомъ.

Игъ такъ и быть! А какую надѣть мнѣ борду?

квннсь.

Какую хочешь.

воттомъ.

Не взять ли палевую, темно-оранжевую.... или алую? или модную французскую, ярко-желтую?

квннсь.

Да вѣдь даже и между Французами есть безволосые: такъ и ты безъ бороды сыграть бы. Ну, роли розданы: теперь прошу васъ, умоляю, и вмѣстѣ желаю вамъ, выучить ихъ къ завтрашней ночи и, какъ-скоро покажется мѣсяцъ, собраться въ герцогскомъ лѣсу, что въ милѣ отъ Аеннъ; тамъ, въ просторѣ, сдадимъ пробу. Когда соберемся въ городъ, то настѣ окружить цѣлое стадо вѣвакъ, и всѣ узнаютъ про нашу вы-

думу. А я, между-тѣмъ, составлю списокъ всего, что понадобится для представленія. Помните, братцы! не прозывать сборнаго часу!

ВОТТОМЪ.

Нѣтъ, не проэвваемъ; а тамъ, сдѣлаемъ пробу борзо и грабро. Понатужтесь, господа мастера! не ударьте лицомъ въ грязь. До свиданія!

КВИНСЯ.

Мѣсто сходки у герцогскаго дуба.

ВОТТОМЪ.

Ладно! Хоть земля горн, прійдемъ.

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лѣсъ возлѣ Авиня.

ФЕЯ и лѣтшій ПУКЪ, являюся съ разныхъ сторонъ.

ПУКЪ.

Откуда Фея, и куда летишь?

ФЕЯ.

Черезъ доль, черезъ боръ,
Надъ горой, надъ селомъ,
Черезъ поля, чрезъ заборъ,
Надъ водой, надъ огнемъ,

Скры мѣсячной быстрый
Даль мой всюду облетать.

Я служу царицѣ феи,

Чтобъ на зелени полей

Кругъ волшебный орошать.

Такъ про-рочка цвѣтеть:
 Фей царица, словно мать,
 Каждый цвѣтикъ бережетъ;
 Въ немъ всѣ листики горятъ,
 Яркой радуги огнемъ,
 Для волшебницъ скрыты въ немъ
 И рубины, и агаты,
 И чудесный ароматъ.
 Я должна туда слетать,
 Чистыхъ росъ въ лугу набрать, —
 И алмазною росой,
 Какъ жемчужиной-красой,
 Каждый листикъ изъ цвѣтка
 Уберетъ моя рука.

Грубый духъ, прости скорый!
 Въ путь пора мнѣ поспѣшить:
 Фей царица съ хоромъ фей,
 Скоро въ рощу прилетитъ.

ДУХЪ.

И царь здѣсь веселится до зарницы!
 Ты знаешь ли, царь Оберонъ
 Титаніей ужасно раздраженъ,
 За то, что ей тотъ мальчикъ ненагаденъ
 Чтò у дара индійскаго украденъ;
 Признаться, никогда еще при ней
 Не видѣли болванчика милый!
 Ревнивый царь его хотѣлъ бы взять,
 Къ себѣ въ пажы, чтобъ съ нимъ въ лѣсахъ гулять;
 Она же глазъ съ ребенка не спускаетъ,
 Цвѣтами красными его вънчасть,
 И за него готова все отдать.
 Съ-тѣхъ-поръ всегда, при блескѣ звездъ падающихъ,
 Близъ водопадовъ быстрыхъ и кидучихъ,
 Средь темныхъ рощъ и бархатныхъ луговъ
 Царь Оберонъ заводитъ споры съ ней,
 Такъ, что отъ страху сонмъ пугливыхъ фей
 Спѣшитъ укрыться въ чашечкахъ цвѣтовъ.

Ты кажешься по виду хоть ребенкомъ,
 Но, не ошиблась я, ты не дитя:
 Ты долженъ быть лукавый, злой чертешкомъ!
 Не льстивъ ли?... Не ты ль, шути,
 Ночной порою сельскихъ дѣвъ пугаешь?
 Не ты ли жерновъ въ мельницѣ вертишь?
 Украдкой сливки съ молока снимаешь;
 Надъ ключницей проказишь и шалишь,
 Смѣясь, ей масла не даешь взбивать?
 Дрожжамъ мѣшаешь въ пиво заиграть?
 Заведши странника ночной порою,
 Смѣешься дико надъ его бѣдой?
 Кто жъ рзввымъ, милымъ Пукомъ называетъ,
 За тѣхъ работать ты готовъ душой,
 И счастье ихъ нигдѣ не покидаетъ?...
 Не правда ли, я отгадала?

Пивъ.

Да, фея, ты меня узнала!
 Я рзввий странникъ въ сумракъ ночной,
 Шуть Обероновъ : шалостью моею
 Люблю улыбку съ устъ его сорвать,
 Люблю проказитъ передъ нимъ, играть :
 То жеребенкомъ ржать нанну,
 И кобылицу ржаньемъ обману;
 То въ жареный картофель обращаюсь,
 И въ чашу супу сметницы юркну ;
 Когда жъ она въ бесѣдѣ пиво пьетъ,
 Изъ пива мигомъ въ губы ей выплывуъ,
 И пиво по грудямъ ея течетъ.
 То предъ болтуней страшныхъ повѣстей,
 Подчасъ скамьей спокойной разогнусь :
 Она състь хочетъ на спинѣ моею,
 Но я, изъ-подъ нея вдругъ увернусь,
 И, ведьма, кашляя, летитъ делой,
 И весь честной народъ сманивъ собой,
 Безъ умолку хохочутъ и кричатъ,
 И каждый начинаетъ уварять,

Что въ жизни веселье не былъ онъ.....

Дорогу, фея! мчится Оберонъ,

Вотъ и царица съ хоромъ ней:

Когда бъ царь улетѣлъ скорѣй!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ОБЕРОНЪ и ТИТАНІЯ, являются съ разныхъ сторонъ, окружены
рыцарями и феями.

ОБЕРОНЪ.

Не въ добрый часъ, надменная царица,

Мы при лунѣ слѣтались!

ТИТАНІЯ.

Что, ревнивецъ?

Летите, феи, прочь: я поклялась

Съ нимъ не дѣлать ни ложа ни бесѣды.

ОБЕРОНЪ.

Стой, дерзкая! не я ль твой господить?

ТИТАНІЯ.

А я такъ госпожа твоя. Все знаю,

Какъ разъ ты скрылся изъ волшебныхъ странъ,

Сидѣлъ передъ влюбленною Филлидой,

Корина образъ на себя принявъ,

И про свою любовь ей нахвалялъ.

Зачѣмъ изъ Индіи, далекихъ горъ,

Ты прилетѣлъ сюда? Затѣмъ, влечусь,

Что здѣсь твоя хвастунья Амазонка,

Нарядная любовница твоя,

Твое воинственное божество,

Выходить за Тезея!.... Ты женился,

Ихъ надѣлать и радостью и счастьемъ.

ОБЕРОНЪ.

Стыдись! Какъ можешь удерживать меня

Моею чистой дружбой въ Ипполитъ,

Когда я знаю про твою любовь

Къ милѣму князь-Тезею? Отвѣчай,

Не ты ль во мракъ ночи увлекла
 Тезея изъ объятій Перигены,
 Которую похитилъ онъ?
 Не ты ль виной невѣрности его
 Аглая, Ариадна, Антиона?

ТИТАНІА.

Все это бредни ревности одной!
 Ужъ съ половины лѣта, каждый разъ,
 Какъ станемъ собираться мы въ горахъ,
 Въ долинахъ, въ рощахъ, на лугахъ,
 Близъ быстрыхъ водопадовъ и ручьевъ,
 Иль у крутыхъ приморскихъ береговъ,
 Плясать подъ свистъ и говоръ вѣтерка,
 Ты наши игры ссорой нарушалъ, —
 И вѣтерокъ напрасно пѣснь свисталъ:
 За чтó, какъ-бы въ отмщенье, онъ извелъ
 Изъ моря заразительный туманъ,
 Который влагой на землю ниспалъ,
 И реки, вздувшись, разлились въ поляхъ:
 Съ-тѣхъ-поръ, вотще въ ярмѣ волъ шею гнетъ,
 Вотще оратай потъ кровавый льетъ, —
 Во пѣть рожь завяла, не успѣвъ
 На вѣшнемъ солнышкѣ заколоситься.
 Въ поляхъ потопленныхъ загоны пусты,
 И враны каркаютъ отъ пресыщенья;
 Мѣста веселыхъ игръ покрылись тиной,
 Извѣсныя тропинки на лугахъ
 Теперь непроходимы отъ дождей.
 Вотще желаютъ люди зимнихъ игръ, —
 Не слышно гимновъ и веселыхъ пѣсень!
 Зато луна, богиня наводненья,
 Отъ гнѣву поблѣднѣвъ, вдругъ разлила
 Въ странахъ воздушныхъ влажный паръ,
 Простудными болѣзнями обильный:
 И въ этомъ хаосѣ стихій,
 Мы видимъ измѣненіе временъ?
 Самоволосые морозы
 Коснулись алыхъ щекъ душистой розы,
 Чело и ледяной вѣнчикъ Зимы

Какъ-бы на смѣхъ увѣнчаны цвѣтами,
 Весна и лѣто, осень и зима,
 Мѣняются одеждою своею,
 И изумленный мiръ теперь не знаетъ
 Какое время года на землѣ.
 Вся эти бѣдствiя отъ нашей ссоры:
 Мы, мы всему причиной и виной!

ОБЕРОНЪ.

Поправить все зависить отъ тебя:
 За чѣмъ всегда противорѣчишь мнѣ?...
 Я лишь прошу ребенка мнѣ въ пажи.

ТИТАВIЯ.

На этотъ счетъ оставь свои желанiя;
 Ребенка не отдамъ за царство Фей.
 Ребенка мать была моею жрицей,
 И средь индiйскихъ горъ, долинъ, луговъ,
 Во тѣмъ ароматическихъ ночей,
 Она бывала спутницей моею.
 Какъ часто вмѣстѣ мы сидѣли
 На золотомъ Нептуновомъ пѣскѣ!
 Смѣялись межъ собою и глядѣли
 На паруса плывущихъ кораблей,
 Когда ихъ рѣзвiй вѣтеръ надувалъ!
 Она тогда подъ сердцемъ ужъ носила
 Малютку, моего пажа.
 И, рѣзвая, старалась подражать
 Подъ парусами плывшимъ кораблямъ,
 Въ долины отправлялась чтобъ принести
 Цвѣточковъ для менѣ, и возвращалась
 Изъ странствiя съ богатой ношей.
 Но, смертная, скончалась отъ родовъ!
 Я въ память ей забочусь о ребенкѣ,
 И въ память ей съ ребенкомъ не разстанусь.

ОБЕРОНЪ.

Какъ долго ты пробудешь въ этой роцѣ?

ТИТАВIЯ.

Быть-можетъ до конца Тезей свадьбы.
 Останься съ нами, если хочешь танцовать.

Иль видать игры наши при лунѣ;
Не то, быги: я не явлюсь къ тебѣ!

ОВЕРОНЪ.

Отдай мальчишку мнѣ: тогда останусь.

ТИТАНІА.

За твой волшебный міръ съ нимъ не разстанусь!
Зажной летите, феи!... поспѣшимъ,
Нето конца не будетъ ссоръ съ нимъ.

(Титанія съ своими феями улетаетъ)

ОВЕРОНЪ.

Еще изъ рощи ты не улетѣшь,
Какъ отомщу тебѣ я за обиду!
Сюда, мой милый Пукъ! Ты помнишь ли,
Какъ на скалѣ я пѣнью внималъ
Сирены, плившей на спинѣ дельфина?...
И пѣнь такъ усладительна была,
Что яростныя волны укрощались;
И не одна звезда, какъ въ изступленіи,
Съ небесной сферы въ море устремлялась,
Чтобъ слушать арію морской павицы!....

ПУКЪ.

Все помню!

ОВЕРОНЪ.

Я увидѣлъ, — ты не могъ! —

Межъ холодной луною и землей,
Какъ Купидонъ, летая, мѣтилъ
Своей стрѣлой въ прекрасную весталку
На тронъ западнаго царства,
И острую стрѣлу любви пустилъ
Съ такою силой, будто-бы хотѣвъ
Провзить ударомъ тысячу сердець;
Но раскаленная стража погасла
Въ лучахъ чистѣйшихъ водяной луны:
А, на престолъ, чистая весталка,
Съ душой неомраченною осталась.
А тутъ же я замѣтилъ, какъ стража
На западъ упала на цвѣточекъ:

Онъ прежде былъ бывше молва,
 Но отъ любовной раны поблуживъ.
 Сорви его и принеси ко мнѣ ;
 Я указалъ тебѣ, гдѣ онъ растетъ.
 Чуть сокъ его коснется сонныхъ глазъ,
 Мужчины дѣ, женщины ль, тотчасъ зажжетъ
 Любовь къ тому, кого вдругъ встрѣтитъ взоромъ.
 Лети : но, прежде чѣмъ левитанъ
 Проплыть успѣетъ мнѣ, возвратись!

ПУКЪ.

Въ минуту шаръ земной я облечу.

(Исходитъ)

ОНАРОКЪ.

Доставъ цвѣточекъ, и подстерегу
 Титанию, когда уснетъ она,
 И каплю соку ей въ глаза впушу ;
 Кого жъ, преснувшись, пераго увидитъ, —
 Будь левъ, медведь, мартышка или быкъ,
 Она всей силою души полюбитъ.
 Но, прежде чѣмъ разрушу эти чары
 Другою, мнѣ извѣстною, травой,
 Ее заставлю мнѣ пажа отдать.
 Идутъ?.... Я невидимъ ; подслушаю.

Входитъ ДИМИТРІЙ, преследуемый ЕЛЕНОЮ.

ДИМИТРІЙ.

Я не люблю тебя! оставь меня!....
 Да гдѣ жъ они? Его убилъ бы я:
 Меня она жестоко убиваетъ!

(Къ Еленѣ)

Ты говоришь, они пошли сюда?....
 Ну, вотъ я здѣсь, какъ бышешій, брожу,
 Затѣмъ что Эрминъ здѣсь не встрѣчаю....
 Оставь меня!.... оставь! поди ты прочь!

ЕЛЕНА.

Вѣдь ты влечешь, магнитъ жестокосердый!
 Къ себѣ ты не железо привлекаешь!

Знай сердце у меня надежный отаинъ :
 Лишишь ты силы прилепая, тогда
 Къ тебѣ стремиться силы я лишуся.

ДМИТРИЙ.

Я ль замлекалъ тебя?... Или я достиглъ?...
 Не я ли говорилъ, что не люблю.
 И не могу тебя любить?

ВЛАСА.

Во это

Еще сильный тебя люблю!
 Дмитрий, я твоя собака!
 Чуть будешь ты суровѣе ср зной,
 Тамъ я сильный къ тебѣ ласкаться стану.
 Считаю меня своей собакой, бай,
 Толкай, — когда угодно, погуби.
 Но лишь позволь мнѣ за тобой ходить.
 Возможно ль меньше этого просить?...
 Верхъ счастья для меня, когда со мною.
 Ты какъ съ твоей собакой обидеешься!

ДМИТРИЙ.

Не раздражай меня еще сильнѣй!
 Я боленъ, — только на тебя взгляну.

ВЛАСА.

А я больна, когда тебя не вижу!

ДМИТРИЙ.

Вѣдь ты себя страмишь! Оставить городъ,
 И броситься въ объятія того,
 Кто вовсе чувства твоихъ не разделяетъ!
 Подвергнуться опасностямъ дочинимъ,
 И темнотѣ уединенныхъ мѣстъ,
 Съ твоей роскошной, двуботвенной красой!

ВЛАСА.

Мнѣ въ этомъ честь твоя защитой будетъ.
 Тамъ вочи нѣтъ, едѣ вижу образъ твой:
 Она тогда яснее мнѣ чамъ день;
 Но не безлюденъ этотъ дикій адъ,
 Ты — въ немъ: поэтому весь миръ мой адъ.

Возможно ли сказать, что я одна,
Когда весь миръ глядитъ здѣсь на меня?

ДИМИТРІЙ.

Я убѣгу! укроюсь въ чашѣ лѣсу!
Тебя звѣрямъ предаю: въ добычу лютымъ!

ЕЛЕНА.

Лютейшій звѣрь чувствительнѣй тебя.
Ты бѣгствомъ повторишь сказанья древнихъ, —
Лишь имена измѣнятся одни, —
Какъ Аполлонъ отъ Дафны убѣгалъ,
За коршуномъ гналась голубка,
Иль трепетная лань слѣдима зигра:
Напрасная поспѣшность; если робость
Преслѣдуетъ, а мужество уходитъ!

ДИМИТРІЙ.

Тебя я слушать больше не хочу.
Пусти меня; когда же нѣтъ.... клянусь!....
Въ лѣсу тебя не стану я щадить!

ЕЛЕНА.

Да! въ храмъ, въ городъ, на поля,
Меня ты не щадишь. Стыдись, Димитрій!
Ты этимъ обижашь весь мой полъ:
Намъ за любовь нельзя, какъ вамъ, сражаться;
Не мы, но въ насъ, должны бы вы искать.
Съ тобой я не разстанусь; я создамъ
Изъ ада рай: мнѣ будетъ смерть сладка
Когда мнѣ дастъ ея твоя рука!

(Димитрій убѣгаетъ, Елена въ нѣмь)

ОВЕРОНЪ, вслѣдъ Еленѣ.

Тотчасъ вы помѣняетеесь судьбой,
И будетъ онъ гоняться за тобой.

(Является Пукъ).

А гдѣ цвѣтокъ? Здорово, мой генецъ!

ПУКЪ.

Вотъ!

ОВЕРОНЪ, беретъ цвѣтокъ.

Я знаю край, гдѣ занахъ лѣтъ чебрець,
Гдѣ буквица съ фиалкою цвѣтуть:

Тамъ дали имъ въ своей тѣни прѣзость
 И плоть, и жимолость, густой терновникъ
 Кусты душистой розы и цинновникъ ;
 Тамъ иногда, на ложѣ изъ прѣзости,
 Титанію, о полночь, хоръ духовъ
 Своей игрой и пляской усыпляетъ ;
 Эмальную тамъ кожу змѣй скидаетъ, —
 Достаточную фезъ на покровъ.
 Тамъ въ умъ ея, чудесною травой,
 Я поселию видѣній страшныхъ рой.

(Къ Пуку)

Ты съ каплей соку рощу облетя, —
 Здѣсь Аеннянка отъ любви страдаетъ,
 Но недостойный дѣву презираетъ, —
 И мило сонному въ глаза впусти,
 Когда тамъ будетъ дѣвушка, не прежде.
 Онъ изъ Аеннъ: узнаешь по одеждѣ.
 Исполни все какъ я тебѣ сказалъ, —
 Чтобъ къ дѣвушкѣ онъ страшно запылагъ!
 Сто разъ сильнѣе чѣмъ ея любовь!...
 И возвратись до первыхъ пѣтуховъ.

ПУКЪ.

Исполню, мой владыка, не странись,
 И на мое усердье положишь.

(Исчезаютъ въ разные стороны)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Другая часть лесу.

Является ТИТАНІЯ, и за ней ея отецъ.

ТИТАНІЯ.

Волшебникъ пѣснь, и танецъ круговой!
 Потому, чрезъ полъ-минуты, за работу!
 Вы.... въ почкахъ розъ губите червячковъ!
 А вы.... вступите въ бой съ нетопырями:
 За крылья ихъ!.... для платья прошекъ-фесъ!

А вы.... докучную сому гоните;
 Что всё кричить, дивудсь летантъ осомъ.
 Скорѣ пѣсней мнѣ напѣвайте;
 Тамъ — къ дѣлу всѣ, и дайте мнѣ покоя.

ПѢСНЯ.

ПЕРВАЯ ФЕЯ.

Ежъ колючій, пестрый змѣй!
 Скройтесь въ норы по-скорѣй;
 Стрекоза пусть не звенитъ:
 Фей царица въ рошѣ слитъ!

ХОРЪ.

Соловей, соловей!
 Съ нами пѣсней своей,
 Фей царицу усыплай:
 Баю, баю, баю, бай!
 Чтобъ ни горе ни печали
 Сна царицы не смущали.
 Доброй ночи, баю, бай!

ВТОРАЯ ФЕЯ.

Скройтесь, скройтесь паучки!
 Прочь улитки, червячки!
 Черный жукъ пусть не жужжитъ;
 Все въ природѣ пусть молчитъ.

ХОРЪ.

Соловей, соловей!
 Съ нами пѣсней своей,
 Фей царицу усыплай:
 Баю, баю, баю, бай!
 Чтобъ ни горе ни печали
 Сна царицы не смущали.
 Доброй ночи, баю, бай!

ПЕРВАЯ ФЕЯ.

Все затихло; полетимъ.
 Эльфовъ! ты стой здѣсь часовымъ.

(Тѣмъ же замѣсткѣ, какъ разстается.)

ОБЕРОНЪ , входить и выжимаетъ сокъ
кровоу на глаза спящей Титании.

Кто бѣ онъ ни бывае, чушь отъ сна
Будешь имъ пробуждена,
Будь въ него ты влюблена....
Хоть онъ котъ, медвѣдь, баранъ,
Иль щетинистый кабанъ!....
Сила чаръ совершенна:
Будь въ урода влюблена!

(Исчезаетъ)

Входятъ ЛИСАНДРЪ и ЭРМИЯ.

ЛИСАНДРЪ.

Мнѣ кажется, я потерялъ нашъ путь.
Какъ ты, мой другъ, устала! Посмотри,
Не лучше ли намъ отдохнуть.
Пробудемъ здѣсь до утренней зари.

ЭРМИЯ.

Ты правъ : съищи себѣ постель; а я
Хочу уснуть одна, здѣсь, близъ ручья.

ЛИСАНДРЪ.

Позволь и мнѣ здѣсь отдохнуть съ тобой:
Въ насъ двѣ души : хотя онъ отдѣльны,
Однако ложемъ, сердцемъ, и судьбой;
Мы всегда должны быть нераздѣльны.

ЭРМИЯ.

Нѣтъ! дальше отъ меня, мой другъ, ложись;
Прошу любовью нашей: удались!

ЛИСАНДРЪ.

Вѣрь чистотѣ моихъ невинныхъ словъ:
Не подозрѣнье, другъ мой, но любовь,
Посрединцей должна быть между нами.
Я разумѣю — мы связаны сердцами
И наше чувство не раздѣлено,
Какъ-будто бѣ сердце было въ насъ одно;
Въ насъ двѣ души, но ихъ судьбу связать,
И въ святость вѣрують онъ одну.
Позволь, чтобъ я вблизи тебя лежалъ!....
Вѣрь, ложа ложью я не оскверню!

Эрмия.

Забавный каламбуръ ты отпустилъ!....
 Да я свой правъ бы стала проклинать,
 Когда бъ пришлось мнѣ про тебя сказать —
 Лисандръ здѣсь ложью ложе осиверилъ!
 Но на мое моленье согласишься:
 Не здѣсь, по-одадь отъ меня, ложись;
 Тебѣ известно, намъ разлука эта
 Назначена приличьемъ свѣта.
 Прости, мой другъ!.... храни ко мнѣ любовь,
 Пока не охладѣетъ въ сердцѣ кровь.

Лисандръ.

Конецъ, конецъ мольбамъ! Я говорю:
 Къ чему мнѣ жизнь, когда я измѣню?
 Да освѣтитъ тебя отрадный сѣнь!

Эрмия.

И надъ тобой пусть миромъ вѣетъ онъ!

(Ложатся въ отдаленіи другъ отъ друга и засыпаютъ)

ПУКЪ, является.

Всюду лѣсъ я обошелъ:
 Да въ лѣсу-то не напиелъ,
 Въ чьи глаза моя рука
 Выжметъ влагу изъ цвѣтка!
 Тихо.... полночь.... Вотъ одинъ!....
 Онъ по платю — изъ Аоннъ,
 Какъ владыка мой сказалъ.
 Онъ-то дѣву отвергалъ!
 Здѣсь бѣднѣжка также спитъ:
 Но вдали одна лежитъ,
 Не дерзая взять покой,
 Гдѣ тиранъ ея лежитъ!
 Вотъ, я каплей роковой
 Страшный огонь въ тебя пролью,
 И зажгу любви змѣю....
 Пусть любовь тебя томить
 И навѣки сна лишитъ.

Съ сномъ разстанься до утра!...

Къ Оберону мнѣ пора.

(Исчезаетъ)

Входятъ ДМИТРИЙ и ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА.

Хоть жизнь возьми, но лишь остановись!

ДМИТРИЙ.

Пошла, я повторяю! удались!

ЕЛЕНА.

И ты въ лѣсу остаться мнѣ велишь?

ДМИТРИЙ.

Оставь, когда собою дорожишь!

(Убѣгаетъ)

ЕЛЕНА.

Нѣтъ силъ бѣжать: чуть духъ перевожу!

Тѣмъ злѣе онъ, чѣмъ болѣе прошу!...

Счастлива Эрмія судьбой своей,

Затѣмъ что ясецъ взоръ ея очей!

Чѣмъ этотъ блескъ она имъ дать могла!

О, не слезой!.... я больше слезъ лила!

Нѣтъ, нѣтъ! я какъ медвѣдь страшна собой:

И зорь бѣжить, чуть встрѣтится со мной;

Дмитрію теперь я не дивлюсь:

Видь я ему чудовищемъ кажусь!

Какъ зеркало мнѣ недостойно дгало:

Взоръ Эрмин оно съ моимъ равняло!

(Замѣчаетъ спящаго Лисандра)

Кто здѣсь?.... Лисандръ, поверженный во прахъ?

Онъ мертвъ? Или онъ спитъ?... О, страхъ!

Ни ранъ, ни крови, кажется, не вижу....

Лисандръ! когда ты живъ, проснись, проснись!

Лисандръ, пробуждается и внезапно
видитъ Елену.

И въ адъ я для тебя идти готовъ!

Красавица Елена, дочь боговъ!

Природа чудеса здѣсь совершаетъ:

твоей груди взоръ сердце созерцаетъ!
 в Дмитрій?... вспомнить не могу объ немъ!
 взрубить его готовъ мечомъ!

ЕЛЕНА.

гавь свой гнѣвъ, Лисандръ, и будь спокоенъ.
 ты Эрмію онъ любитъ, что же въ томъ?
 Эрмін любовью будь доволенъ.

ЛИСАНДРЪ.

о? Я? Любовью Эрмін доволенъ?
 ты проведенные съ ней вспомню дни,
 ня тотчасъ раскаянье томить!
 бя лишь я могу душой любить!
 кто не захотѣлъ бы, мнѣ людей,
 роны на голубку промѣнять?
 зсудокъ долженъ волей управлять;
 гь мнѣ сказалъ : прелестиве ты всѣхъ!
 олъ раньше времени не созрѣваетъ :
 я, какъ плодъ, разсудкомъ не созрѣвъ,
 лъ юнъ и славъ. Но есть всему свой мигъ!
 перь уже я зрѣлыхъ лѣтъ достигъ;
 зсудокъ воли не даетъ страстямъ :
 гь, онъ влечетъ меня къ твоимъ ногамъ!
 . твоихъ глазахъ, какъ въ книгѣ дорогой,
 итаю жадно пламенной душой
 торіи любовной письма.

ЕЛЕНА.

чѣмъ я для насмѣшекъ рождена?
 змъ я могла презрѣнье заслужить?...
 кой шалунъ!.... Ужъ много, слишкомъ много,
 . меня того, что, можетъ, въ цѣлый вѣкъ
 нъ сердца не удастся оживить
 имитрія страдальчѣмъ, иль мнѣ взоромъ :
 ты извишь обиднѣе разговоромъ!....
 і оскорбилъ, ты оскорбилъ меня!
 смѣшкой злою дышетъ рѣчь твоя.
 илусь, я думала въ тебя войти
 честь, и чувствую... Но, прости, прости!....
 горе! я отвержена однимъ,
 въ тотъ же часъ оскорблена другимъ!

(Воспитанная улановъ)

ЛИСАНДРЪ, къ спящей Эмии.

Тебя не видѣла!.... Ну, продолжай!
 Здѣсь почивать, пока я удалюсь:
 И никогда меня ужъ не встрѣчай!
 Какъ лакомство, когда пресытитъ вкусъ,
 Въ насъ возбуждаетъ кошмату собой,
 Иль какъ расколъ, отверженный толпой,
 Смыслъ ненависть рождаеть въ томъ,
 Кто надъ собой извѣдалъ зло его,
 Такъ ты мнѣ — и расколъ и пресыщенье!
 Пусть всѣ къ тебѣ питають отвращенье:
 Якъ всѣхъ сильнѣй! Страсть сердца моего
 Есмь въ жертву приношу отнынѣ:
 И буду витяземъ моеи богини!

(Убѣгаетъ вслѣдъ за Еленой)

ЭМИЯ, въ испугѣ пробуждается.

Слѣдъ Лисандръ, ты Эмию свою!
 Сердце, сердце съ груди моеи змию!....
 О горе!.... Что за сонъ мной одолевъ?
 Взгляни, какъ я дрожу, какъ поблѣднѣла!
 Мнѣ снилось, что змия мнѣ сердце съела,
 А ты съ улыбкой на меня глядѣшь....
 Лисандръ, иди!.... Молчитъ!.... Лисандръ, мой другъ!
 Скорый, скорый!... Меня убьетъ испугъ!....
 Бессмыслица!... Да.... молчитъ!.... Я чувствую лициду.
 Хоть отстань : а за тебя страшусь!....
 Ига, онъ далеко!.... Року обойду :
 Въ ней смерть, или тебя найду!

(Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лѣсъ возлѣ Аѳинъ.

Въ отдаленіи почиваетъ Титанія.

КВИНСЪ, СНОГЪ, БОТТОМЪ, СНАУГЪ и СТАРВЕЛИНЪ;
ВХОДЯТЪ.

БОТТОМЪ.

Всѣ ли здѣсь?

КВИНСЪ.

Чудо! чудо! вотъ славное мѣсто для пробы: зеленая лужайна замѣнитъ намъ сцену, терновникъ уберетъ ложищу, и мы разыграемъ комедію точь въ точь какъ порокъ герцогомъ.

БОТТОМЪ.

Питеръ Квинсъ!

КВИНСЪ.

Ну что? Экой неугомонный!

БОТТОМЪ.

Въ нашей комедіи «Пирамъ и Тибобъ» есть вещи, которыя вовсе не поправятся. Во-первыхъ, Пирамъ обнажаетъ мечъ и убиваетъ себя; этого не снесутъ наши люди. Не такъ ли?

СНАУГЪ.

Да!... это будетъ ужасный страхъ.

СТАРВЕЛИНЪ.

По-мнѣ, при концѣ убійство можно и выпустить.

БОТТОМЪ.

Ни чуть. Я придумалъ какъ все это уладить: стоить только написать прологъ, и въ немъ сказать, что мы мечами нашими не сдѣлаемъ ни малѣйшей царапины; что Пирамъ убить не въ правду, а для большаго убѣжденія, скажемъ, что я, Пирамъ, не Пирамъ, а Боттомъ, трачь. И это ихъ успокоитъ.

даждь.

Хорошо! Мы очинимъ прологъ въ виде: совета, въ семь
и шесть стиховъ.

вождь.

Прибавьте ужъ еще два стиха, и пусть будетъ въ семь
и осемь.

скаутъ.

Не испугаются ли дамы льва?

стариканъ.

Испугаются; ручаюсь, испугаются.

вождь.

Господа, потолкуйте объ этомъ. Пустить, сохрани Господи,
льва между леди: да это ужаснѣйшая вещь! Нѣтъ
страшнѣе гуся какъ левъ; да еще живой. Лучше бы поду-
мать объ этомъ.

скаутъ.

Ну, такъ дайте еще прологъ, и сказать, что это не левъ.

вождь.

И назвать по имени, кто онъ таковъ. Да еще пусть будетъ
видна изъ подъ гривы половина лица. При чемъ онъ можетъ
произнести рѣчь, примерно сказать, такую: — Милостивыя
государыни, али прекраснѣйшія леди, прошу, али умоляю,
али убеждаю васъ, не пугаться, али не страшиться; жизнь
моя ворука за вашу; если вы полагаете, что я стану двѣство-
вать-одѣсь какъ настоящій левъ, то я сгинулъ и пропасть.
Нѣтъ! я не такое животное, какъ вы думаете: я человекъ
какъ вся люди. — И здѣсь, кстати, пускай онъ проговорить,
внятно и ясно, свое имя, что — и, дискать, Сногъ, столяръ.

квнсь.

Хорошо; быть такъ. Но въ комедіи есть еще двѣ презатру-
нительныя вещи: какъ провести въ комнату лунный свѣтъ?
Въдъ Пирамъ и Тисба видятъ при лунномъ свѣтъ!

сногъ.

А будетъ ли свѣтить луна въ ночь представленія?

вождь.

Подайте календарь! Эй! календарь! Сынщите «Лунное
сннне».

квнсь.

Да; въ ночь представленія луна свѣтитъ.

Т. I. — Отд. II.

13

воткнуть.

Тамъ открыть только открыть въ бѣлы ставни, и луна станетъ свѣтить.

квннцъ.

Да; что-одинъ изъ насъ войдетъ, съ пучкомъ луны и съ фонаремъ, и скажетъ, что онъ пришелъ изобразить, или представлять, лицо Лунное сіяніе. Но тутъ не все, въ комедіи еще есть запятая: какъ представить стѣну? Пирамъ и Тисба, какъ рассказъ гласитъ, шепчутся сквозь отверстіе стѣны.

свогъ.

Ужъ стѣны-то вамъ никакъ не видѣсть на сцену!

воттомъ.

Однако жъ кто-нибудь долженъ представлять стѣну; такъ обмажьте его глиной, или оштукатурте видѣсть, видѣть добіе стѣны, и велите ему протянуть руку и согнуть пальцы, такъ (*протягивая руку, сгибаемъ въ колено большой съ указательнымъ пальцемъ*).... и, сквозь эту щель, пусть Пирамъ съ Тисбою шепчутся.

квннцъ.

Если это можно уладить, то все пойдетъ хорошо. Теперь, за дѣло! Говорите ваши роли. Пирамъ, начинай; всегда окончишь рѣчь, то уйди за стѣну кустарнички: за тобой и всѣ пускай то же сдѣлаютъ.

квннцъ, подходит къзади актера.

Что здѣсь за звари чванятся блвннъ мнѣта.

Гдѣ отчизна нарицы сей?

Ба! представленья? Буду зрителемъ....

Актеромъ, если случай попадется.

квннцъ.

Пирамъ, ну!.... Тисба, подойди по-ближе.

пирамъ.

«Какъ сей цвѣтокъ да ромъ благоухаетъ....»

квннцъ.

Даромъ, а не да ромъ!

пирамъ.

«Какъ даромъ сей цвѣтокъ благоухаетъ,

Такъ твой, о Тисба, вздоръ....»

квннцъ.

Взоръ!!

П И Р А М Ъ.

«.....дворъ летитъ мерцаетъ....»

Чу! голосъ!.... я на нихъ лишь удивлюсь,

И тотчасъ предъ тобой явлюсь.»

(Уходить)

пукъ, восторону.

Вотъ самый удивительный Пирамъ,
 Какой когда-нибудь игралъ на сценѣ!

(Уходить)

тисва.

Моя очередь?

квинсъ.

Разумьется; тебѣ извѣстно, что Пирамъ вышелъ только
 посмотреть, что тамъ за шумъ, и тотчасъ вернется.

тисва.

«О, лучезарный Пирамъ!

Лили ты цвѣтка бѣлый.

Взгляни-красныхъ розъ алый

Румянецъ по твоимъ щекамъ.

Ты утра майскаго свѣжий,

Умой ты всѣхъ, мой другъ, умый;

Взрѣй надежнаго коня,

Что никогда не устаетъ.

У Вратъ Троюма жди меня,

Туда твой верный другъ придетъ.

квинсъ.

Троеся, дружище! троеся!... а не Троюма. Экой ты, пра-
 во, какой!.... Да этого и говорить еще не пора: этимъ дол-
 жно отвѣчать Пираму, а ты мелешь все разомъ,—начало, се-
 редину и конецъ. Пирамъ! выходи; за тобою остановка; ужъ
 сказано:

«Что никогда не устаетъ.»

(Лягается ПУКЪ. БОГТОМЪ, съ ослиною головой.)

тисва, звать.

«Взрѣй надежнаго коня,

Что никогда не устаетъ....»

п и р а м њ.

«Когда бъ я былъ прекрасенъ, Тисва,

Я бъ только, только былъ твоимъ....»

живетъ, замѣтивъ у Боттома ослиную
голову, вскакиваетъ съ мѣста.

Чудовище! Мы оборочены!
Спасайтесь друзья! бѣгите прочь!

(Все клоуны разбѣгаются)

пудъ.

Теперь и я за вами вслѣдъ помчусь,
Черезъ кустъ и пѣнь, черезъ тернъ, и топь, и ровъ,
Безъ головы медведемъ покажусь;
То вдругъ завою стаей гончихъ псовъ,
То померещусь вепремъ, иль конемъ
Или блудящимъ въ сумракъ огнемъ,
Чтобъ васъ порядкомъ проучить:
Я буду хрюкать, лаять, ржать, свѣтить,
Какъ песь, медвѣдь, кабанъ иль конь
Иль какъ блудящій въ сумракъ огонь.

(Исчезаетъ)

БОТТОМЪ.

Зачѣмъ они разбѣжались? А! это плутни!... думаютъ испугать меня!

сплутъ, возвратившись.

Боттомъ, ты обороченъ? Что я вижу у тебя на плачахъ?

(Уходитъ.)

БОТТОМЪ.

Что же ты видишь? Ослиную голову, такую же какъ и твою. Не такъ ли?

квивсъ, возвратившись.

Господь спаси тебя, Боттомъ! ты обороченъ.

(Уходитъ.)

БОТТОМЪ.

Понимаю ваши плутни! Думаютъ сдѣлать изъ меня осла, думаютъ испугать: какъ бы не такъ! Я не тронусь съ мѣста! Дѣлайте, что хотите, я буду здѣсь расхаживать и пѣть; пусть ихъ слышатъ, что я не трусливаго дѣсятку.

(Поетъ)

Черноперый дятель, дятель,
Съ темно-желтымъ клевомъ, клевомъ!

Дроздъ, цвѣтушкѣ, мой пріятель,
Королекъ съ хохломъ пушиловымъ)

ТИТАНІЯ, пробуждается.

Что здѣсь за голосъ разбудилъ меня,
На благовонномъ лѣсѣ нѣтъ цвѣтоты?

(Видя въ Богтомѣ).

БОГТОМЪ, продолжаетъ пѣть.

Чижикъ, воробья, синица!

И кукушка, счетчикъ лѣтъ:

Кто не знаетъ этой птицы?

Кто жь дерзнетъ сказать ей — нѣтъ?

И въ самомъ дѣлѣ, кто захочетъ спорить съ такою глупой
птицей? Кто скажетъ ей «врешь», когда она горланитъ
свое куку?....

ТИТАНІЯ.

Прошу, прекрасный смертный, пой еще!

Мой слухъ плавился голосомъ твоимъ,

А взоръ твоей наружностью прельщенъ.

При первой встрѣчѣ ты меня неволишь

Тебя дать клятву въ пламенной любви!

БОГТОМЪ.

Кажись, сударыня, съ вашей стороны это не совсѣмъ ра-
зумно, хоть, правду сказать, въ нашъ вѣкъ, любовь и ра-
зумъ не очень ладаютъ другъ съ другомъ: тѣмъ болѣе
жалъ, что честные люди не стараются ихъ подружить!... А
что: и я съострить умью!

ТИТАНІЯ.

Ты такъ же умнѣ, какъ прекраснѣ.

БОГТОМЪ.

Ну, не такъ: будь у меня хоть столько ума, сколько нужно
чтобъ выбраться изъ этого лѣсу, я сумѣлъ бы употребить
его въ дѣло!

ТИТАНІЯ.

Ты не уйдешь изъ рощи, милья мой,

И, хочешь или нѣтъ, останешься со мной.

Я не простой духъ, я царица еей.

Безсмысленно лѣто въ области моей.

Тебя я буду пламенно любить!

Нать, нать! со мной остальном; другъ прелестный.
 Я дамъ тебя въ прислугу милыхъ ей:
 Она тебя изъ глубины морей
 Достанутъ перловъ красны чудесной,
 И будутъ пьнемъ слухъ твой услаждать,
 Когда уснуть захочешь на цвѣтахъ.
 О! я очисти твоей жемчужной прахъ,
 И ты, какъ легкій духъ, начнешь летать!...,
 Гороховый Цвѣточекъ! Паутина?
 Гдѣ Зернышко Горчишное? гдѣ Моль?

(Далются четыре фел.)

Здѣсь.

Здѣсь.

Здѣсь.

Здѣсь.

Здѣсь.

ЧЕТВЕРТАЯ ФЕЛ.

Здѣсь.

Куда мы полетимъ?

ТИТАНІЯ.

Чтобъ другъ мой нѣжно вами былъ хранимъ!
 Въ прогулкахъ рзво прыгать передъ нимъ!
 Кормите абрикосомъ, ежевикой,
 Пурпурнымъ виноградомъ, сладкой фигой!
 У пчелъ ему должны медъ похищать;
 И воскъ у нихъ отъ ножекъ отнимать
 Для факеловъ въ часы ночей,
 Которые должны вы зажигать
 Отъ огня въ свѣтлячковыхъ глазъ,
 Чтобъ путь его на ложе изъ цвѣтовъ,
 Пойдетъ ли спать или проснется онъ,
 Всегда былъ ярко ими освѣщенъ!
 Нарвите крыльевъ пестрыхъ мотыльковъ:
 Отъ глазъ его свѣтъ лунный заслонять.
 Поклонъ, кому должны въ угрождать!

ПЕРВАЯ ФЕЛ.

Привѣтствую тебя, смертный!

Привѣтствую тебя!

ВТОРАЯ СКА.

Привѣтствую!

ТРЕТЬЯ СКА.

Привѣтствую!

ЧЕТВЕРТАЯ СКА.

ВОТТОМЪ.

Благодаримъ за честь. Смогу спросить, чинъ, имя и фамилию вашей милости?

Паутина.

ПАУТИНА.

ВОТТОМЪ.

Радъ познакомиться съ вами, милая миссъ Паутина. При случаѣ, когда обрѣжу палецъ, позвольте обратиться къ вашей помощи. Ваше имя честной господинъ?

ГОРОХОВЫЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

Гороховый Цвѣтокъ.

ВОТТОМЪ.

Прошу васъ поручить меня милостямъ вашей доброй матушки, Гороховой Шелухъ, и вашему батюшкѣ, господину Гороховому Зернышку. И съ вами, любезнѣйшій господинъ, тоже пріятно имѣть близкое знакомство: ваше имя, сударь?

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО.

Горчичное Зернышко.

ВОТТОМЪ.

Почтенный господинъ Горчичное Зернышко, имя очень хорошо известно ваше долготерпѣніе. Этого безсовѣстный злодѣй, бифтекъ, много перевелъ на свѣтъ вашей родни: повѣрьте, горькая судьба вашихъ ближнихъ часто исторгала слезы изъ моихъ глазъ. Очень радъ быть съ вами на дружеской ногѣ, почтеннѣйшее Горчичное Зернышко!

ТИТАНІА.

Ведите же его на ложе сна!

На насъ бросаетъ влажный взоръ луна.

Когда она льетъ хладныхъ слезъ потокъ,

То плачетъ каждый крошечный цвѣтокъ.

Языкъ свяжите другу тишиной:

Потомъ его снесете на покой.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ДРУГАЯ ЧАСТЬ ДЪСУ.

ОБЕРОНЪ, входитъ.

Томлюсь узнать царицы пробужденье!
 Что прежде всѣхъ ей взоры поразило?
 Въ кого безумно влюбится она?

(Является ПУКЪ.)

Вотъ мой гонецъ. Что новаго, проказникъ?
 Чѣмъ насъ потѣшитъ эта сторона?

ПУКЪ.

Царица фей въ урода влюблена.
 Близъ мѣста, гдѣ покоилась она,
 Подъ звѣздной пеленою неба,
 Толпа аонскихъ шутовъ собралась:
 Ну, дряни, что трудится лишь для хлѣба!....
 И въ роцъ пробой драмы занялась,
 Для свадьбы герцога Афинъ, Тезея.
 Смѣшна была глупѣйшая ихъ драма!
 И всѣхъ глупѣй игралъ одинъ Пирама:
 Въ тотъ мигъ, какъ монологъ проговоря,
 Онъ сцену на мгновеніе оставилъ,
 Я голову осла ему приставилъ.
 Когда же онъ явился отвѣчать
 На вздоръ своей недруги глупой:
 То.... съ чѣмъ сравнить внезапный ужасъ трушны?...
 Какъ въ страхъ гуси дикіе кричатъ,
 Когда ловецъ на нихъ вооруженъ,
 Или какъ стая трепетныхъ воронъ,
 Когда неожиданно выстрѣлъ раздастся,
 Съ испугу, съ крикомъ, къ небу взрознь несется,
 Такъ тѣ Пирама испугались.
 Куда кто ни попалъ, всѣ разбѣжались,
 И падали, гдѣ я ступалъ ногой,
 Прося о помощи, крича «Разбой!».
 Тутъ все, что на пути ихъ окружало,
 Противъ испуганныхъ глупцовъ возстало:
 Тотъ о кустарникъ платье разорвалъ,

Другой башмакъ или шляпу потерялъ;
 Того въ болото прямо я направилъ.
 Кроме Пирама всѣхъ я разогналъ:
 Зато ослиной головой украсилъ.
 Царица сей въ ту пору пробудилась,
 И именно въ осла влюбилась.

ОБЕРОНЪ.

Да, это лучше чѣмъ я ожидалъ!
 Но ты любовной влагою потерь
 Легианна непреклонный взоръ?

ПУКЪ.

Да. Я напелъ его, когда онъ спалъ.
 Ужъ, вѣрно, чуть проснется онъ,
 Въ красотку будетъ по уши влюбленъ.

Входятъ ДИМИТРІЙ и ЭРМИЯ.

ОБЕРОНЪ.

Скорѣ въ сторону; вотъ онъ идетъ.

ПУКЪ.

Давица та, но господинъ не тотъ!

ДИМИТРІЙ.

Не порицай мою къ тебѣ любовь:
 А гнѣвъ храни ты для своихъ враговъ.

ЭРМИЯ.

Съ тобою обходилась я сурово,
 Но, вижу, это для тебя не ново.
 Ты далъ мнѣ право, я страшусь сказать,
 Тебя безъ милосердья проклипать:
 Чтѣ, если ты Лисандра умертвилъ,
 Невинной кровію мечъ обагривъ?....
 Тогда убей меня! убей!....
 Скорѣ солнечный померкнетъ свѣтъ,
 Чѣмъ мой Лисандръ меня разлюбитъ!....
 Чтѣбъ огъ меня ушелъ огъ? Нѣтъ! Скорѣй
 Луна въ ночи къ антиподамъ произидетъ
 Невидимо сквозь толстый шаръ земной,
 И тамъ, на зло полудню, очутитъ
 Край съ краемъ яркаго свѣтила дня!

О, нѣтъ! Лисандръ не позабылъ меня.
Ты умертвилъ его! Ты весь дрожишь!
Ты какъ убійца на меня глядишь.

ДИМИТРІЙ.

Да такъ, какъ я, убитый лишь глядѣть:
Я умерщвленъ жестокостью твоей:
А ты, ты мой убійца, ты свѣтлый
Венеры, что на небесахъ блеститъ!

ЭРМИЯ.

Ахъ! что съ Лисандромъ случилось?... отвѣчай!
Мой добрый Дмитрій!... друга мнѣ отдай!

ДИМИТРІЙ.

Скорѣй отдамъ я звѣрямъ трущъ его!

ЭРМИЯ.

Прочь, лютый звѣрь, отъ взору моего!
Съ тобой должна приличье я забыть:
Его лишь только ты могъ умертвить:
За это изъ людей будь исключенъ!...

(Молчать)

Скажи мнѣ правду: если бъ онъ не свалъ,
Ты вѣрно на него бы не напалъ:
Но онъ тобою спящій умерщвленъ?...
Храбрецъ!... Не такъ ли жалитъ аспидъ, змѣй?...
Да, змѣй лзвигъ, и ты лзвигъ;
Но жало у тебя ехидны жала змѣй,
И ты змѣи смертельныя разишь.

ДИМИТРІЙ.

Повѣрь, твой гнѣвъ несправедливъ:
Лисандра я не убивалъ, онъ живъ;
Я не убійца, нѣтъ: твой гнѣвъ напрасенъ!

ЭРМИЯ.

Молю тебя, скажи, онъ безопасенъ?

ДИМИТРІЙ.

Когда скажу, чѣмъ наградишь тогда?

ЭРМИЯ.

Тѣмъ, чтобъ меня не видѣть никогда....
Тебя терпѣть я, ужасъ, не могу!
Живъ, мертвъ ли онъ, я отъ тебя бѣгу.

(Убѣгая)

ДИМИТРІЙ.

Теперь нѣтъ пользы слѣдовать за ней.

Прямогу здѣсь въ время отдохнуть :
 Когда сонъ не смыкаетъ ницъ очей,
 Тогда печаль томить сильнѣе грудь.
 Быть-можетъ сонъ меня здѣсь посетитъ,
 И сердца грудь на время облегчитъ.
 (Ложится и закрываетъ)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Ну, что ты сдѣлалъ? Тотъ, кто вѣрою былъ,
 Въ невѣрнаго тобою превращенъ,
 Кто къ вѣроломству за любовь платилъ,
 Тотъ къ вѣрности тобой не обращенъ!

ПУКЪ.

Всѣмъ судьба! Изъ тысячи людей,
 Одинъ не проченъ клятвою своей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Быстрые вѣтру рошу облети!
 Сейчасъ Елену изъ Аѳонъ найди!
 Бѣднѣйка, отъ любви больна,
 Отъ вздоховъ пламенныхъ бѣдна,
 И грудь ея истомлена желаньемъ.
 Ее веди сюда очарованьемъ,
 Пока на взоръ его я выжму сокъ.
 Лети, даю тебѣ короткій срокъ!

ПУКЪ.

Лечу, лечу! Смотри какъ я лечу!
 Быстрый стрѣлы Татарина лечу.

(Исчезаетъ)

ОБЪЯВЛЕНІЕ, выжметъ сокъ цѣotka на
 глаза спящаго Дмитрія.

Ярко-пурпурный цвѣтокъ,
 Раненный стрѣлой любви!
 Очарованный твой сонъ
 Ты разлей въ его крови.
 Въ часъ, когда сюда прійдетъ
 Дѣва грустная въ слезахъ,
 Пусть она ему блеснетъ.
 Какъ Венера въ небесахъ,
 И, когда проснется онъ,
 Будетъ дѣвою пламенъ,
 Сънидетъ рай въ ея глазахъ!

пукъ, доздравяется.

Царь волшебницъ, царь чудость!
 Два скоро будетъ вдѣсь,
 Съ ней — и тотъ, ошибкой въ домъ
 Я зажегъ любовь цѣткомъ.
 Станемъ ли, владыка мой,
 Любоваться ихъ игрой?....
 Какъ забавна, вижу я,
 Смертныхъ глупая семья!

оверонъ.

Скройся! Прочь!.... Ихъ шумомъ онъ,
 Будетъ скоро пробужденъ.

пукъ.

Два глупца теперь, за-разъ,
 Будутъ пѣть любовь одной;
 Сколько будетъ тутъ проказъ!....
 Позабавлюсь часъ, другой,
 Неожиданной игрой!

Входятъ ЛИСАНДРЪ и ЕЛЕНА.

ЛИСАНДРЪ

Чтобъ я въ любви смѣлся надъ тобой!....
 Насмѣшка изливается ль слезой?....
 Нѣтъ, я тебя боготворю:
 Не видишь ли какъ слезы лью?
 Онъ знакъ пламенной любви, мученья....
 И ты могла принять за знакъ презрѣнья
 Мои страданья, жаръ сердечныхъ словъ,
 Все, чѣмъ хочу я доказать любовь?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, ты становишься коварной, злѣй.
 Когда двѣ истины вступаютъ въ бой
 О, это адски-райскій бой!
 Храни любовь для Эрмин своей:
 Ужель ты измѣнить рѣшился ей?
 Взявься клятву съ клятвою другой:
 Ихъ тяжесть будетъ вѣсу одного;
 И что жъ ты этимъ взявьсишь?.... Ничего!

Такъ и твоя любовь ко мнѣ и къ ней,
 Равна на чашечкахъ вѣсовъ :
 Одна другой не тяжелѣй, —
 Она пустые словъ пустыхъ нужчины:

ЛЕСАВДРЪ.

Повѣрь, я безразсудно клялся ей!

КЛЕНА.

И безразсудно измѣнилъ обѣтъ.

ЛЕСАВДРЪ.

Она любима Дмитріемъ, ты нѣтъ.

ДИМИТРІЙ, пробуждается и видитъ
 КЛЕНУ.

Клена! божество! о красота!

Найду ль сравненье для твоихъ очей?

Они кристалла чище и свѣтлѣй!

Къ лобзаніямъ манять твои уста!

Снѣгъ Тавра высоты надменной,

Охваченный восточнымъ вѣтромъ бурнымъ,

Мнѣ кажется крыломъ вороньимъ, чернымъ,

Передъ твоею ручкой, несравненной.

Позволь, позволь блаженствомъ насладиться!

Позволь мнѣ къ этой ручкѣ приложиться!

КЛЕНА.

О, адъ! Такъ для забавы, вижу я,

Вы согласились осмѣять меня?

Нѣтъ, если бъ вы приличья свѣта знали,

Вы дерзостью меня бъ не оскорбляли.

Вамъ мало ненависть одну нитать :

Нѣтъ, вы еще рѣшились осмѣять.

О! если бъ, какъ наружностью своей,

Душой вы походили на людей :

Вы съ женщиной не поступали бъ нагло,

Не удивлялись красотѣ моей

И клятвами въ любви не уверяли,

Когда известно мнѣ, что всей душой

Вы ненавидите меня!.... Вы были

Соперники въ любви между собой,

И оба Эрмію боготворили :

Теперь ужъ вы соперники къ другой,

Чтобъ узавить меня насмѣшной злой.
 Постунокъ этотъ витязей доставишь!...
 У дѣвушки рыданья вынуждать
 Насмѣшкой! Кто душою благороденъ,
 Дѣвицы не рѣшится оскорблять,
 Не станетъ истощать ея терпѣнья,
 Какъ вы, для одного лишь развлеченья.

ЛАСАДРЪ.

Ты съ ней жестокъ, Димитрій! ты не правъ!
 Ты любишь Эрмию, я это знаю;
 И на нее тебѣ я уступаю
 Мои права; зато, прошу, оставь
 Елену мнѣ : ее я обожаю,
 И буду навсегда боготворить.

ЕЛЕНА.

Знай этого не можно говорить!

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, оставайся съ Эрміей твоей;
 Я не хочу ея : что къ ней?
 Когда-то, правда, я ее любилъ,
 Теперь же вовсе къ ней остылъ.
 Мое не долго съ нею сердце было :
 Оно, какъ странникъ, только погостило;
 Теперь для счастья, на покой,
 Къ Еленѣ возвращается домой.

ЛАСАДРЪ, къ Еленѣ.

Смѣется онъ!.... ему не доваряй.

ДИМИТРІЙ.

Послушай!.... ложью истинны не осмѣривай,
 Когда своею жизнью дорожишь!

(Входитъ Эрмія)

Вотъ Эрмія!.... Зачѣмъ къ ней не спѣшишь?

ЭРМИЯ.

Мракъ ночи притушаетъ чувство глазъ,
 Но чувство уха развѣстаетъ къ насъ;
 Когда глаза онъ бодростью лишается,
 Тотчасъ двойнѣ слухъ бдительнѣе надзаетъ :

(Къ Ласадру)

Не зрѣнемъ, слухомъ я пришла тебя.

О, сколько слуху благодарна я!
Жестокий!.... отъ меня ты убѣжалъ?
Зачѣмъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Зачѣмъ?.... я при тебѣ скучалъ :
Любовь меня прочь отъ тебя гнала.

ЭРМІЯ.

Тебя любовь прочь отъ меня гнала ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Къ Еленѣ жъ какъ магнитъ меня влекла.
Мракъ ночи ярче золотитъ она,
Чашь съ неба эти звѣзды и луна!
Понятно ли : разстался я съ тобою,
Зачѣмъ что ненавижу всей душой!

ЭРМІЯ.

Языкъ и сердце у тебя въ раздорѣ.

ЕЛЕНА.

Вотъ и она здѣсь тоже въ разговорѣ!
Вся согласилась межъ собой
Смѣяться для забавы надо мною!
Ты, Эрмія, ты вѣроломный другъ,
Противъ Елены тоже возстаешь ?
И ты могла прошедшее забыть ?
Вся наши игры, данные обѣты,
Минуты горести при разставаньяхъ ?
Дни школьной дружбы и невинныхъ лѣтъ,
Когда, какъ двѣ художницы-богини,
Иглою нашей, съ одного увору,
Одинъ цвѣтокъ съ тобою вышивали?
Когда сидѣли на одной подушкѣ,
Одну мы пѣсню тѣмъ же тономъ пѣли:
Какъ-будто руки, голоса, взоръ, душа,
Въ насъ были не раздѣльны. Мы росли,
Какъ вишни-близнецы, раздѣльны съ яду,
Однако связаны одною вѣткой.
Такъ по-наружности насъ было двѣ,
Но сердцемъ лишь одна, какъ два щита
Въ гербъ прикрытыѣ одной короной.
Ты разрываешь дружбу прежнихъ дней,

Чтобъ съ ними оскорблять твою подругу!
 Не дружескій, не дѣвичій поступокъ!
 Весь полъ нашъ вправѣ осуждать тебя,
 Хоть чувствую обиду только я.

ЭРМИА.

Твоимъ упрекомъ я удивлена:
 Не ты, но я обижена тобой!

ЕЛЕНА.

Не ты ль, въ обиду мнѣ, уговорила
 Лисандра восхищаться мной?
 Дмитрія, любовника другаго,
 Въ насмѣшку называть меня богиней,
 Небесною, божественною нимфой?
 Зачѣмъ все это говорить онъ той,
 Которую душою ненавиждить?
 Зачѣмъ Лисандръ, тебя любившій страстно,
 Меня въ своей любви сталъ увѣрять?
 Ты научила! ты всему вина!
 Хоть я не такъ какъ ты мила, красива,
 Не такъ какъ ты въ моей любви счастлива,
 Зато Дмитриемъ я не любима:
 Участья, не насмѣшки, я достойна!

ЭРМИА.

Не понимаю, что ты говоришь!

ЕЛЕНА.

Да, притворяйтесь; не доумывайте!
 Когда я отвернулась, вы успѣли
 Перемигнуться. Тѣшьтеся игрой!....
 Забава ваша въ летопись внесется.
 Когда бы жалость въ васъ была, и чувство
 Приличья, вы меня бы не избрали
 Предметомъ для такихъ обидныхъ шутокъ,
 Прощайте; я сама виной отчасти:
 Меня спасетъ разлука, или смерть!

(Хочетъ уйти)

ЛИСАНДАРЬ.

Позволь мнѣ оправдаться предъ тобой.
 Моя душа, прекрасная Елена!

Прекрасно!

Другъ, не обожай ея!
ДМИТРИЙ.

Его заставлю я, когда ты просишь!
ЛИСАНДРЪ.

Твои угрозы будутъ не сильнѣй
Ея безсильныхъ просьбъ. Еяна,
Вѣрь, я люблю тебя!.... клянуся жизнью,
Которую отдамъ, чтобъ доказать
Свою любовь, или обманъ того,
Кто скажетъ, что тебя я не люблю!
ДМИТРИЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, тебя я пламенно люблю!
ЛИСАНДРЪ.

Мочомъ ты долженъ это доказать.
ДМИТРИЙ.

Изволь!
Эрмیا, удерживаетъ Лисандра.

Чѣмъ это кончится, Лисандръ?

ЛИСАНДРЪ.

Прочь, Эеіопка!
ДМИТРИЙ.

Полно, полно!.... Шутить!

Онъ только притворяется, хитрецъ!
Видъ подаетъ, какъ будто хочетъ драться!
Самъ, вѣрно, не пойдетъ.... Пошелъ, ты, трусь!
ЛИСАНДРЪ, къ Эрміи.

Прочь, кошка ты! репейникъ!.... Прочь поди!
Нето тебя отброшу какъ змью!

ЭРМІЯ.

Какъ ты жестокъ!.... что это значить, другъ?
ЛИСАНДРЪ.

Твой другъ! ты, черномазая Татарка!
Прочь рвотное! Прочь гадкая микстура!

ЭРМІЯ.

Ты шутишь?

ЕЛЕНА, къ Эрмія.

Да ты тоже шутишь!

ЛИСАНДРЪ.

Димитрій, слышишь! я сдержу обѣтъ.

ДИМИТРІЯ.

Свяжи по-крѣпче: ты ихъ слабо держишь;
Нето, не вѣрю твоему обѣту.

ЛИСАНДРЪ.

Не должно ли ея мнѣ бить, терзать,
Иль умертвить? Хотя я ненавижу,
Однако ей вреда не нанесу.

ЭРМІЯ.

Сильнѣе ненависти есть ли зло?
Онъ ненавидитъ!.... и за что? Уды!
Что сдѣлалось съ тобою, милый другъ?
Не я ли Эрмія? не ты ль Лисандръ?
Я и теперь прекрасна, какъ и прежде;
Но прежде ты меня любилъ,
Теперь же въ ночь одну вдругъ разлюбилъ.
Пусть боги насъ отъ этого спасутъ!
Возможно ль?

ЛИСАНДРЪ.

Жизнію клянусь, возможно!

Тебя я видѣть больше не хочу.
Оставь мечты, вопросы и сомнѣнья;
Тебѣ сказалъ я правду, и безъ шутокъ:
Ты мнѣ противна, я люблю Елену.

ЭРМІЯ.

О горе! (къ Еленѣ) Вѣдьма! ядовитый гадъ!
Разбойница!.... ты какъ полночный воръ
Украла сердце друга моего.

ЕЛЕНА.

Прекрасно! Гдѣ же стыдъ, невинность, скромность?
Не хочешь ли, чтобъ я сказала то же?
О стыдъ! о срамъ! Забавна роль твоя:
Точь въ точь, какъ въ кукольной комедіи!

ЭРМІЯ.

Какъ въ кукольной комедіи?.... что это?
А, шутка вотъ куда дошла!.... понятно:

Свой ростъ съ монимъ равняеть, величяясь
Своей особой, длинною особой.

Да, да, она своимъ высокиимъ ростомъ

Лисандра сердце покоряла:

А высоко ль тебя онъ уважаетъ

Зато, что ростомъ я низка, мала?

Низка?.... ты полосатая верста!

Низка?.... но я не такъ еще низка,

Чтобъ не достать ногтями глазъ твоица!

ЕЛЕНА, обращаясь къ Димитриу и Лисандру.

Хотя вы все смываете надо мной, —

Да я прошу васъ удержать ее :

Иначе, изуродуетъ меня!

Ни съ кѣмъ и никогда я не дралась,

И ссорится мнѣ не дано таланта :

По робости, я женщина вполне.

Ахъ, защитите отъ нея! Вѣтъ-можеть

Вамъ кажется, что мнѣ легко съ ней сладить,

Затѣмъ лишь что она со мной въ сравненьи

Не много ниже?....

ЭРМИЯ.

Ниже?.... Вотъ, опять!

ЕЛЕНА.

Подруга добрая, не будь жестокой!

Тебя любила я всегда,

Твои все тайны свято берегла

И никогда тебя не обижала.

Я изъ любви Димитриу открыла

Побѣгъ твой въ лѣсъ: онъ за тобой пошелъ,

А изъ любви къ нему пришла и я.

Но онъ меня отсюда гонитъ прочь,

Грозитъ мнѣ сдѣлать вредъ, попрасть, убить....

Не трогайте меня! Пусть я въ Аѳины

Обратно понесу мою любовь!

Оставьте же меня!.... вы видите,

Какъ безразсудна я, и какъ проста!

ЭРМИЯ.

Ну, такъ ступай! Кто держитъ здѣсь тебя?

Эрмѣя: «Итакъ!»

Безмысленное сердце здѣсь оставило!

Лиссандръ: «И вотъ!»

Оставилъ здѣсь? Ты! Съ кѣмъ? Лиссандръ: «Лиссандромъ?»

Лиссандръ: «Лиссандръ!»

Съ Дмитріемъ.

Лиссандръ: «Лиссандръ!»

Елена, не страшись;

Она тебѣ не сдѣлаетъ вреда.

Дмитрій: «Дмитрій, къ Лиссандру.»

Не сдѣлаетъ, хоть будь съ ней заодно.

Елена: «Елена!»

О! Эрмѣя, въ сердцахъ, ужасно злая!

Была прямой лисицей даже въ школѣ;

Хотя она мала, зато сердита.

Эрмѣя: «Эрмѣя!»

Опять мала? Всё то же? Мала, низка!

Зачѣмъ даете, Эрмѣя, ей браниться?

Пустите къ ней!

Лиссандръ, къ Эрмѣя.

Прочь! дальше! карлица,

Букашка, желуды, придорожка!

Дмитрій: «Дмитрій!»

Ты слишкомъ, видно, угождаешь той,

Которая услугъ твоихъ не цѣнитъ.

Не защищай, оставь: когда жъ дерзнешь

Малѣйшій знакъ любви ей оказать,

То дорого расплатишься со мной!

Лиссандръ: «Лиссандръ, вырывается изъ рукъ Эрмѣя.»

Вотъ я теперь свободенъ. Если смѣешь,

Ступай за мной; рѣшимъ, кто больше правъ,

Ты или я, имѣешь ли да Елену.

Лиссандръ: «Лиссандръ!»

Не за тобой, — пойду лицомъ къ лицу!

(Лиссандръ и Дмитрій уходятъ.)

Эрмѣя: «Эрмѣя!»

Вы, вы, сударыня, виной къ ссоры.

Не уходите!

Я тебя боюсь; ...

Съ змьей какъ ты, остаться не могу; ...
На драку руки у тебя длинны; ...
Для бѣгства ноги у меня быстры; ...

Я смущена.... и что сказать, не знаю! ...
(Уходитъ вслѣдъ за Есфирь.)

Все это по оплошности твоей! ...
Иль умыселъ?

Нѣтъ, царь твоя; ...
Все это отъ ошибки, уверяю; ...
Не ты ль, владыка, мнѣ сказать; ...
Что молодца по платью я узнаю? ...
Вѣдь я твою лишь волю исполнялъ; ...
И сокомъ взоръ его очаровалъ; ...
За это я не заслужилъ укора, ...
Хоть крѣпко веселить меня ихъ стара.

Смотри!.... они вступить рѣшились въ бой; ...
Скорѣе, Пукъ! сгущи ночную тѣнь; ...
И мглою звездный сводъ небесъ одѣнь; ...
Потомъ ихъ разлучи во тмѣ ночной : ...
То голосомъ Лисандра ты кричи; ...
И Дмитрія насмѣшкой оскорбляй; ...
То вдругъ ты какъ Дмитрій закричи; ...
И въ свой чередъ Лисандра обругай; ...
Все дальше другъ отъ друга ихъ гони; ...
Пока ходьбой измучатся они, ...
И сонъ, подобье смерти, не сойдетъ; ...
И ихъ глаза забудемъ не сомкнетъ; ...
Потомъ въ Лисандра глазъ твой пука; ...
Пусть выжметъ сокъ изъ этого цвѣтка !

(Отдаетъ Пуку цвѣтокъ)

Такъ вмигъ очарованье въ немъ пройдетъ; ...
А тамъ, какъ прежде будетъ видѣть, онъ...

Когда жъ проснутса, то за бредъ, за сонъ,
 Они прошедшее сочтутъ :
 Потухнетъ ненависть и злоба,
 Въ Аены мирною четой пойдутъ
 И будутъ други вѣрные до гроба.
 Пока ты будешь это исполнять,
 Я полечу къ моей царицѣ Фей,
 Потребую ребенка мнѣ отдать;
 Тутъ я сниму обманъ съ ея очей:
 Увидить, что — осель ея кумиръ,
 И водворится всюду миръ.

пукъ,

Скорѣе! поспѣшимъ, властитель мой!
 Смотри : ужъ ночи быстрые драконы,
 На небъ разсѣкаютъ мракъ густой;
 Уже блеститъ предвѣстница Авроры.
 Вотъ, привидѣнія толпой
 Бѣгутъ поспѣшно на кладбища,
 И тѣни, осужденныя судьбой
 Имѣть себѣ проклятое жилище
 На перекресткахъ или подъ водой,
 Ужъ улеглись въ могилахъ межъ червей :
 Чтoby ихъ позору блескъ дневныхъ лучей
 Не озарилъ, они дружатся съ тмой.

авроры.

Но мы другаго роду духи : часта
 Съ авроринымъ любимцемъ, звероловомъ,
 Бродилъ я до зари въ лѣсу дубовомъ,
 Пока врата востока, какъ въ огнь,
 Лучи по океану разсылали
 И блескомъ зыбь пучины обливали,
 Бросавшимъ золото съдой волнь.
 Однако жъ поспѣшимъ; лѣтъ скорѣй:
 Окончимъ все до утреннихъ лучей.

(Улетаетъ)

пукъ.

Тамъ и здѣсь, тамъ и здѣсь!
 Поведу ихъ тамъ и здѣсь!

Я пугаю дворъ и лѣсъ.

Духъ, веди ихъ тамъ и здѣсь!

А! вотъ одинъ.

Александръ, входитъ.

Димитрій!... отзывайся, врагъ надменный!....

Пукъ, говоритъ Димитрій.

Я здѣсь!... Ну, что жъ?... Готовься, трусь презранный!

Александръ.

Иду, сейчасъ.

Пукъ, издали.

Сюда! за мной ступай!

(Александръ уходитъ за голосомъ Пукъ).

Димитрій, входитъ.

Александръ, куда ты скрылся?.... отвѣчай!....

Былецъ! трусишка! Овладежь имъ страхъ.

Откликнись!.... что, не спрятался ль въ кустахъ?

Пукъ, изъ лѣсу.

Самъ трусь! ты чванишься лишь предъ звездами,

Храбришься только межъ кустами,

А не идешь!.... мальчишка, ну, иди!

Еще тебя бы надо розгой съчь:

Съ тобою драться — лишь безславить маць.

Димитрій.

Да гдѣ же ты?.... Ну, погоди!

Пукъ, издали.

Сюда, сюда!.... на толюсь мой иди.

Здѣсь мѣсто славное вступить намъ въ бой!

(Димитрій уходитъ за голосомъ Пукъ)

Александръ, входитъ.

Всѣ издали бѣжить онъ предо мной,

И все язвить насмѣшкой злой.

Чуть къ мѣсту подойду, откуда звалъ,

Ужъ онъ оттоль, какъ заяцъ, ускакалъ!

Мерзавецъ, легче на ногу чѣмъ я!

На зовъ его какъ быстро ни съзвнѣлъ,

Но онъ бѣжить еще быстрой меня,

Такъ, что я, просто, выбился изъ силъ,

Здѣсь, по дорогѣ темной и неровной,
И клонить сонъ меня неодолю.
Здѣсь отдохну до утренней зари....
Скорѣе утро землю озари!

(Ложится)

Едва лучъ солнца рошу освѣтить,
Тотчасъ мой мечъ Дмитрійю отмститъ....

(Засыпаетъ)

п у к ъ, в лѣстѣсть.

Го, го!.... го, го!.... Эй, трусь!.... зачѣмъ нейдешь?

Д м и т р и й, издали.

Ну, обожди, когда дерзнешь!
Ты отъ меня, какъ видно, убѣгаешь,
И мѣсто каждый мигъ мѣняешь.
Я знаю, у тебя отваги нѣтъ
Въ лицо мнѣ прямо посмотрѣть.
Ну, гдѣ ты?

п р и ъ, удаляясь.

Здѣсь!.... скорѣй за мной!

д м и т р и й, входитъ утомленный.

Нѣтъ, ты смѣешься надо мной!
Но дорого я расплачусь съ тобой.
Когда бы днемъ тебя я видѣть могъ!....
Теперь ступай своимъ путемъ;
Я отъ усталости весь изнемогъ,
Мнѣ ложемъ будетъ этотъ дернъ сухой.
Темно!.... вотъ я съ тобой унижусь днемъ.

(Ложится и засыпаетъ)

д м и т р и й, входитъ.

О ночь!.... какъ ты томительна, скучна!
Какъ безконечна и мрачна!....
Скорѣй изчезни! А востокъ скорѣй,
Блесни отраднымъ для меня лучомъ,
Чтобъ я въ Аены убажала днемъ
Отъ тѣхъ, кто презрѣлъ дружбою моею.
О сонъ!.... ты усыпишь грусть людей,
Закрой на часъ мой взоръ, твоимъ преледемъ!

(Ложится и засыпаетъ)

и укъ, встаетъ и замѣчаетъ спящихъ.

Только трое?... недочетъ;
 Лишь четыре двухъ родовъ
 Составляютъ двѣ четы.
 Вотъ еще одна идетъ:
 Местъ и горе жгутъ ей кровь,
 Помрачаютъ вся черты....
 Плутъ большой руки Эротъ,
 Въ немъ проказъ недобрыхъ тѣма:
 Двухъ бѣдняжекъ свелъ съ ума,
 И ему ль до ихъ заботъ!

Эрмия, входитъ.

Въ жизнь не была я такъ утомлена,
 Обрызгана холодною росой,
 И до крови о тернъ изъязвлена.
 Не въ силахъ бѣжать; нуженъ мнѣ покой.
 Теперь ногамъ желаній не догнать....
 Молю судьбу — Лисандра охранять,
 Когда ужъ онъ вступить рѣшился въ бой!

(Ложится и засыпаетъ)

и укъ, приближается къ спящему Лисандру.

На землѣ
 Въ черной мглѣ,
 Крѣпче спи,
 Крѣпче спи!
 Вотъ цвѣтокъ:
 Его сокъ

На глаза я пролью
 И тебя изцѣлю!

(Выжимаетъ сокъ на глаза Лисандра)

И съ зарей,
 Чуть проснешься,
 Всей душой
 Улыбнешься

Той, которую любилъ,
 И которую забылъ.
 Послѣ Фебова восхода,
 Ты пословицу народа, —

Суженой не избѣжать, —
 Долженъ будешь доказать.
 Всѣмъ придетъ
 Свой чередъ.
 Безъ хлопотъ
 И безъ бѣдъ,
 Свой конекъ всякъ найдетъ,
 И все ладно пойдетъ.

(Улетаетъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лѣсъ возль Аоинъ.

ТИТАНІЯ и БОТТОМЪ, входятъ, окруженные лесами, позади, не-
 видимый имъ, ОБЕРОНЪ.

ТИТАНІЯ.

Сюда, прилягъ на эту мураву.
 Дай гладенькія щечки поласкать,
 Украсить розами твою главу,
 И ушки длинныя разцѣловать.

БОТТОМЪ.

Гороховый Цвѣточекъ!

ГОРОХОВЫЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

Здѣсь.

БОТТОМЪ.

Почешу мнѣ голову.... Гдѣ Паутина?

ПАУТИНКА.

Здѣсь.

БОТТОМЪ.

Дорогая синьорина Паутина, скорѣе убейте этого красно-

вогаго шмеля, что усьяся, вонъ тамъ, на цвѣткѣ чертополоху, принесите мнѣ его желудочекъ съ медомъ. Только не горячтесь, шиа сигнога, будьте осторожны, не разорвите желудочка; для меня будетъ очень не пріятно, когда вы разольете медъ. А гдѣ мусь Горчичное Зернышко?

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО.

Здѣсь.

ВОТТОМЪ.

Пожалуйте, мусь! Вашъ кулачокъ! Прощу безъ комплиментовъ, мой милый мусь!

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО.

Что прикажете?

ВОТТОМЪ.

Ничего, только помогите Гороховому Цвѣтку почесать меня. Мнѣ бы надо сходить къ цырульнику. Мусь! кажись, мое лицо чертовски мохнато.... и я сталъ такой чувствительный осель, что чуть защекочетъ волосокъ, тотчасъ приходитъ страшная охота почесаться.

ТИТАНІЯ.

Мой другъ желаетъ музыки послушать?

ВОТТОМЪ.

Послушаемъ!... у меня музыкальное ухо: пускай играютъ и воютъ.

ТИТАНІЯ.

Бѣль-можетъ ты покушать хочешь?

ВОТТОМЪ.

Да, съ аветитомъ бы скушалъ сухаго, крушаго овса. Не вышло бы съесть и вязаночку сѣна, только хорошаго; сладкаго, душистаго сѣнца..... съ сѣномъ ничто въ мѣръ не сравнится!

ТИТАНІЯ.

Тебѣ моя отважнѣйшая фея

Найдетъ ореховъ въ бѣлкиномъ дуплѣ.

ВОТТОМЪ.

Лучше полакомится водою, или двумя горстями сухаго гороху. Но, нѣтъ, не нужно: пусть ваша челядь не шумитъ, что-то клонитъ меня ко сну.

ТИТАНІЯ.

Усни, мой другъ! усни въ моихъ объятяхъ!

Летите, фея, по своимъ мѣстамъ.

(Фея улетаетъ. Титанія важно обнимаетъ шею Воттома.)

Какъ вѣется жимолость, благоухая,
 Какъ страстно плющъ льнетъ къ взрывымъ вѣтвямъ,
 Такъ страстно, пламенно ты мной любимъ :
 Я отъ тебя, мой милый, безъ ума!....

(Титанія и Волшебъ всмѣиваютъ. Является Пукъ).

оокронъ, приближается къ сидящѣмъ.

Здорово, Пукъ! Что, сцена какова?
 Ея безумство трогаетъ меня.
 Недавно съ ней я встрѣтился въ лѣсу :
 Она рвала душистые цвѣты
 Для этого противнаго глупца;
 Я упрекалъ, потомъ завелъ съ ней ссору,
 Когда она мохнатый лобъ его
 Украсила богатыми цвѣтами,
 Такъ, что роса, которая на почкахъ
 Какъ перлы круглые Востока блещетъ,
 Уподоблялась пламеннымъ слезамъ,
 Оплакивая ихъ позоръ и стыдъ.
 Когда надъ ней я въ въ волю насмѣялся,
 Она съ покорнымъ видомъ начала
 Прощенья у меня просить :
 Въ то время я потребовалъ мальчишка,
 Котораго она безпрекословно
 Велѣла феямъ отвести ко мнѣ,
 Въ лѣсъ заколдованный царства моего.
 Мальчуга — мой! — Теперь разрушу чары;
 А ты сними ослиный черепъ
 Съ плечъ этого аѳинскаго барана :
 Пусть съ прочими въ Аѳины онъ идетъ,
 И все, что съ нимъ случилось эту ночь,
 За бредъ фантазіи своей сочтетъ.
 Но прежде исцѣлю царицу фей.

(Касается травой глазъ Титаніи)

Снова будь ты, какъ была,
 И смотри, какъ ты смотрѣла:
 Купидона власть прошла,
 Власть Діаны одохла.
 Титанія!... проснись, моя царица!

ТИТАНІЯ, пробуждается.

Мой Оберонъ! Ахъ, что за необылица!
Кажись, я влюблена была въ осла?

ОБЕРОНЪ.

Вотъ онъ.

ТИТАНІЯ.

Какъ я любить его могла?
Да онъ противенъ для моихъ очей!

ОБЕРОНЪ.

Тсъ!... Пукъ! прочь эту голову скорый!
Титанія, пусть музыка играетъ,
И чувства ихъ пусть усынитъ сильный,
Чашъ сонъ обычный усыпляетъ.

ТИТАНІЯ.

Гдѣ музыка?... Не медлите! скорый!
Играйте пѣснь колдующую сонъ!

ПУКЪ, подождая къ спящему Оберону.

Когда отъ сна ты будешь пробужденъ,
Гляди опять, какъ ты глалдаль!... глушнень.

(Играетъ тихую музыку)

ОБЕРОНЪ.

Играйте!... жэй!... Возьмемся, другъ, кольцомъ!...

Дай руку мнѣ!... и земно веколмкнемъ.

Гдѣ эти сони такъ глубоко-сноты?

Межъ нами дружба царствуетъ ояты!

Мы завтра, чуть сойдетъ полночный мракъ,

Въ дворецъ Тезея будемъ танцовать,

И счастиемъ надѣлимъ жи-ихъ бракъ;

И эти двѣ четы, что влюблены,

Тамъ будутъ также соединены.

(Занимается заря ии работомъ)

ПУКЪ.

Царь волюбимца, царь чудесъ!

На востокъ день горитъ;

Замъчай: изъ подъ небесъ

Жаворонка пѣсни звучитъ!

ОБЕРОНЪ.

Вслѣдъ за мракотъ послышнннъ,

Средь безмолвной тиндннн;

Над землею пролетать,
Шибче страницы луны.

ТИТАНІА.

Понесемся, другъ мой, въ путь!
Разкажи мнѣ, какъ во мгль,
Между смертныхъ, на землѣ
Я могла одна уснуть?

Оберонъ, Титанія и Пукъ улетаютъ. Раздаются звуки охотничьихъ роговъ; входятъ ТЕЗЕЙ, ИПОЛИТА, ЭГЕЙ, придворные и слуги.

ТЕЗЕЙ.

Тотчасъ позвать лѣсничаго ко мнѣ.
Оконченъ майскій утренній обрядъ;
Пока настанетъ полдень, ты услышишь
Концертъ моихъ любимыхъ гончихъ псовъ..
Тамъ, въ западной долине, ихъ спустить!
Не медлите!.... Скорѣе, говорю,
Лѣсничаго съзовашь.... а мы взойдемъ,
Моя царица, вотъ на эту гору,
И будемъ слушать музыкальный хаосъ
Изъ лаю псовъ въ смѣтенъ съ своимъ эхомъ.

ИПОЛИТА.

Я видѣла, какъ Геркулесъ и Калкъ
Травили разъ въ лѣсахъ критійскихъ
Спартанскими собаками медведя:
Ни разу мнѣ не удавалось слышать
Такихъ живыхъ и рвѣхъ звуковъ!
Не только роши, — небеса, ружья
Долины, все гремѣло чуднымъ гудомъ..
Я не слыхала никогда еще
Такого музыкальнаго разлада..
И въ то же время столь пріятныхъ звуковъ..
Съ спартанскими собаками моихъ
Одной породы: тѣ же морды, шорты,
А головы украшены ушами
Столь длинными, что на бѣгу свисаютъ..
Съ раствѣннй утренню росу.

Ихъ ноги кривы; грудь, какъ у быковъ
 Фесалин; лай медленный.... но звучитъ
 Ихъ лай, какъ колокольчиковъ пучокъ!
 Лай чудо!.... Да! согласный ничто
 Не раздавалось съ звучными рогами
 Ни въ Критѣ, ни въ Фессалии, ни въ Спартѣ.
 Судя сама объ нихъ, когда услышишь.
 Но, тише: это что за нытье здѣсь?

э г к й.

Я вижу дочь мою въ глубокомъ снѣ;
 Возле Александра, Дмитрія, Елену....
 Елену, стараго Недара дочь!
 И удивляюсь, видя вмѣстѣ ихъ!

т э з к й.

Сомнѣнья нѣтъ!.... они съ зарею встали
 Исполнить майскій утренній обрядъ,
 И, зная, что охотимся мы здѣсь,
 Пришли, чтобъ увеличить торжество.
 Сегодня Эрмія должна сказать
 О выборѣ своемъ отвѣтъ?

э г к й.

Сегодня.

т э з к й.

Пусть звукъ роговъ пробудитъ ихъ отъ сна.
 (Вдали звучать рога; Дмитрій, Александръ, Эрмія и Елена, пробуждаются и послѣднее встаютъ.)

т э з к й.

Привѣтствую, друзья, васъ съ добрымъ утромъ!
 Дѣнь Валентиновъ ужъ давно прошелъ....
 Теперь паруются лѣсные птички?

Александръ, вмѣстѣ съ Эрміей, Деметріемъ и Еленой, останавливаются на козлахъ передъ Тессемъ.

Простите, государь!

т э з к й.

Прошу васъ встать.

Вадъ вы всегда соперниками были?....
 Какъ между вами водворился миръ?

И ненависть такъ беззаботно снятъ,
Забывши ревность, и вражду свою?

Лисандръ.

Позвольте, государь.... я вамъ отвѣчу....
Я изумленъ.... въ полу-просонкахъ.... Право,
Клянусь, не знаю, что сказать о томъ,
Какъ я сюда попалъ!... но, кажется....
Всю правду вамъ открою, государь :
Я съ Эрміей сюда пришелъ,
Рѣшившись съ нею изъ Афинъ бѣжать
Туда, гдѣ безопасны были бъ мы
Отъ строгаго стариннаго закона.

егой.

Довольно! замолчи, Лисандръ! довольно!
Закона, государь, у васъ прошу!
Меча закона на его главу!
Они уйти хотѣли, убѣжать?
Ограбить тайно насъ?.... тебя, Димитрій,
Лишить жены, меня отцовской власти?

Димитрій.

Прекрасная Елена мнѣ сказала
Объ ихъ намѣреніи бѣжать отсюда :
Изъ ревности, я поспѣшилъ за ними;
Елена изъ любви пошла за мною.
Какою силой?.... я не понимаю! —
Но сила та могуча! — страсть моя
Къ прекрасной Эрміи совсѣмъ угасла,
Разтаяла какъ снѣгъ, и превратилась
Въ воспоминаніе, какъ объ игрушкѣ,
Которая съ ума сводила въ дѣтствѣ.
Все счастье души, восторги сердца;
Блаженство; наслажденіе глазъ моихъ
Въ Еленѣ нахожу; съ ней обрученъ
Я прежде былъ чѣмъ Эрмію увидѣлъ :
Я, какъ больной, гнушался прежней пищи;
Теперь же, какъ здоровый, получилъ
Опять природный, прежній, вкусъ.
Люблю ее, тоскую, и томлюсь,
И съ нею никогда не разлучусь.

Т е з е й.

Прекрасные любовники, я радъ.
 Счастливый случай васъ привелъ сюда.
 Но послѣ мы услышимъ вапъ разсказъ.
 Эгей, твой приговоръ я измѣняю:
 Пусть съ нами вѣсть эти двѣ четы
 Соединятся въ храмъ навсегда.
 Какъ жарко!.... утро далеко ушло,
 Белите распусить охоту.
 Отправнитесь въ Аѳины, всѣ, по-парно,
 И зададимъ великолѣпный пиръ!
 Дай руку, Ипполита.

(Тезей, Ипполита, Эгей, придворные и охотники уходятъ).

Д И М И Т Р Ъ.

Все, что случилось съ нами, такъ не ясно
 Какъ дальнія вершины горъ въ туманъ!

Э Р М И Я.

А мнѣ, какъ-будто видѣлось въ полъ-глаза,
 Когда предметы кажутся двойнѣ!

Е Л Е Н А.

Мнѣ тоже!.... Дмитрія нашла
 Какъ перлъ : какъ-будто мой да и не мой.

Д И М И Т Р Ъ.

Мнѣ кажется, мы будто спимъ еще,
 И видимъ все во снѣ. И вѣрите ль,
 Что здѣсь былъ князь и намъ велѣлъ нтъи?

Е Л Е Н А.

И Ипполита!

Э Р М И Я.

Да! и мой отецъ.

Л И С А В Д Р Ъ.

И намъ съ собой нтъи велѣли въ храмъ.

Д И М И Т Р Ъ.

Такъ мы проснулись! Ну, пойдѣмъ за ними,

А на пути расскажемъ наши сны.

(Лисавдръ, Эрмѳя, Дмитрѳй и Елена уходятъ).

в о т т о м ъ , п р о с н у т с я .

Когда доидетъ очередь до меня, то скажите. Мнѣ слѣдуетъ
 говорить тотчасъ послѣ : «Прекраснѣйшѳй Пирамъ»....

(Глядитъ вокругъ.)

Эй!.... О!.... Питеръ Квинсъ! Флетъ, скорнякъ! Снауть, мѣдникъ!... Старвелинъ!.... Боже мой! всѣ удрали, и меня оставили спящаго!.... А я между-тѣмъ видѣлъ прекуріозный сонъ!.... Я видѣлъ такой сонъ, что, кажись, будто-бы.... ну, просто ума не приложу! просто и высказать не возможно, что это былъ за сонъ!.... Да и выразить надо бытъ осломъ, чтобы разбирать такой глупый сонъ.... Вѣдь я видѣлъ такой сонъ, что, будто-бы, кажись, я былъ.... ну, и молвить нельзя, что такое! Я былъ, кажись.... и у меня, кажись, была.... ну, просто надо быть сумасшедшимъ, чтобы взяться объяснить, что у меня, кажись, было!.... Глазъ человѣческой не слыхивалъ, ухо не видало, рука не вынула, языкъ не воображалъ, сердце не провздошало никогда такого сна!.... А впрочемъ, человекъ вообще такой осель, что и не мудрено, если ему порой присниться будто-бы, кажись, у него на плечахъ.... Я заставлю Питера Квинса написать балладу на этотъ сонъ. Мы назовемъ ее *Сонъ ткача Боттома*.... потому что вѣдь у одного только ткача и можетъ быть такая «основа» для баллады.... и спою ее передъ герцогомъ вслѣдъ за окончаніемъ піесы. А можетъ-быть, для большаго эффекта, спою и въ минуту смерти Тисбы.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

АФИНЫ.

Комната въ домѣ Квинса.

Входятъ КВИНСЪ, ФЛЕТЪ, СНАУТЬ и СТАРВЕЛИНЪ.

КВИНСЪ.

Послалъ за Боттомомъ на домъ? Неужели онъ еще не воротился домой?

СТАРВЕЛИНЪ.

Да объ немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Вѣрно, завсѣдъ куда-нибудь нечистой силой.

ФЛЕТЪ.

Вѣдь представленіе разстроится, когда онъ не воротится! Безъ него комедія не пойдетъ.

КВИНСЪ.

Разумѣется, не пойдетъ! У насъ, во всѣхъ Афинахъ нѣтъ ни одного человека способнаго его представлять Пирама.

ФЛЕТЪ.

Ну, ужъ это слишкомъ! Но ума и остроты, конечно, у него болѣе чѣмъ у всѣхъ мастеровыхъ въ Аѳиняхъ.

КВИНСЪ.

И притомъ онъ красивѣе всѣхъ: а ужъ что касается до голоса, сиречь, до дистанціи, то, признательно сказать, слаще его не найдется нигдѣ для роли любовника.

ФЛЕТЪ.

Такъ ужъ по-крайней-мѣрѣ сказалъ бы ты *дисканта*, а не *дистанціи*. Вѣдь «дистанція» всё-равно что «комиссія!»

СНОГЪ, ВХОДИТЬ.

Братцы! герцогъ уже въ храмъ, въ одно время съ нимъ вычуются еще два или три аѳинскихъ ларда и столько же-леди. Эхъ, когда бъ комедія наша была въ ходу, карманы у насъ не были бы пусты!

ФЛЕТЪ.

Ахъ, этотъ проказникъ Боттомъ! вотъ какъ самъ отъ себя терлетъ пожизненный пенсіонъ по пяти-алтыннику въ день! А ужъ навѣрное получилъ бы въ день по пяти-алтыннику: ручаюсь своей головой, что герцогъ, увидѣвъ, какъ онъ играетъ Пирама, пожаловалъ бы по пяти-алтыннику въ день! И онъ право стоитъ этого: пять алтынгъ за Пирама, или ничего!

БОТТОМЪ, ВХОДИТЬ.

Гдѣ же вы, ребята? гдѣ они, сердечные?

КВИНСЪ.

Боттомъ! О счастливый день! О благословенный часъ!

БОТТОМЪ.

Братцы! я вамъ расскажу просто чудеса.... только, уговоръ, не спрашивать какія; если жъ спросите и я скажу вамъ, то не назовите меня не Аѳиняниномъ. Я расскажу все, точь въ точь, какъ случилось.....

КВИНСЪ.

Слушаемъ, любезный Боттомъ.

БОТТОМЪ.

Ни слова обо мнѣ. Я хотѣлъ только сказать, что герцогъ уже пообѣдалъ. Скорѣе одѣвайтесь! — бороды на тессежи! — гдѣ баншикамъ новыя ленты! — и маршъ по дворецъ. А между-тѣмъ повторяйте роли свои, затѣмъ что нашей комедіи

данъ почетъ передъ другими представленіями. На всякіи случаи, пусть Тисба надънетъ чистое бѣлье. Играющіи льва не замарай ногтей своихъ, потому что они будутъ ему служить вмѣсто львиныхъ когтей. А, главное, дорогіе актеры, не кушайте ни луку ни чесноку : наше дыханіе должно быть чисто и свѣжопросольно; и я готовъ держать закладъ что все скажутъ : «Вотъ милая комедія!» Но, пора! больше ни слова! пойдемъ!

(Все уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Аони.

Зала во дворцѣ Тезея.

Входятъ ТЕЗЕЙ, ИПОЛИТА, ФИЛОСТРАТЬ, вельможи и дворные.

ИПОЛИТА.

Какъ чудны ихъ рассказы, милый мой!

ТЕЗЕЙ.

Въ нихъ, вижу, вздору болѣ чѣмъ правды.

Не вѣрю я ни этимъ древнимъ баснямъ,

Ни этимъ чудесамъ волшебницъ, фей.

Вѣдь у влюбленныхъ и безумцевъ

Такія пламенныя, пылкія мечты

Что здравый умъ не разгадаетъ ихъ!

Поэтъ, влюбленный, и безумецъ

Составлены сплоть изъ воображенья :

Безумецъ видитъ болѣ чертей,

Чѣмъ можетъ ихъ вмѣстить бездонный адъ;

Влюбленный столько жъ сумазброденъ :

Въ цыганкѣ видитъ красоту Елены;

Поэта взоръ летаетъ въ испушенья

Съ небесъ на землю и съ земли на небо :
 Когда же пылкое воображенье
 Осуществитъ созданныя предметы,
 То онъ даетъ воздушнымъ привидѣннѣмъ
 Лицо, названье, тѣло и жилище.
 Таковъ всегда штукарь — воображенье!
 Когда въ немъ лучъ веселія блеснетъ,
 Оно всему веселый видъ даетъ ;
 А если ночью посѣтитъ менугъ,
 То кустъ въ медведя обращаетъ вдругъ.

и пологитъ.

Однако жъ ихъ ночныя приключенья,
 И эта переменна чувствъ въ сердцахъ
 Существенный мечты воображенья,
 И убѣждаютъ въ истинѣ ихъ словъ,
 Хотъ, впрочемъ, удивительныхъ и странныхъ.

Входятъ ЛИСАНДРЪ, ДИМИТРІЙ, ЭРМІЯ и ЕЛЕНА.

ТЪЗЪЙ.

Вотъ идутъ двѣ влюбленные четы,
 Исполненные радостнаго чувства.
 Друзья мои, пусть счастье и любовь
 Вашъ спутниками будутъ во всю жизнь!

ЛИСАНДРЪ.

Нѣтъ, больше чѣмъ на насъ, да нивзойдутъ
 Дары небесъ на царственный вашъ домъ!

ТЪЗЪЙ.

Ну, гдѣ же маскарадъ? какъ сократимъ
 Томительную вѣчность трехъ часовъ
 Межъ нашимъ ужиномъ и ложемъ сна?
 Къ нашъ распорядитель празднествъ?
 Какое развлеченіе готово?

Ужели нѣтъ комедіи, способной
 Убить минуты тягостныхъ часовъ?
 Тамъ Филостратъ?

ФИЛОСТРАТЪ.

Здѣсь, государь!

ТЪЗЪЙ.

Скажи, чѣмъ сократишь намъ этотъ вечеръ?

Какою музыкой? какой забавой?....

Чѣмъ обмануть намъ медленное время,
Когда нѣтъ ни какого развлечения!

◆ ИЛЛЮСТРАТЬ.

Вотъ списокъ приготовленныхъ забавъ:

Что вамъ избрать угодно, государь?

(Подаетъ Тезею списокъ.)

т е з е й , читаетъ.

«Центавровъ бой, спеть, подъ звуки арфы,
Аонскій эвнухъ». Этого не надо:

Моей подругѣ я ужъ равносказалъ

О славу родственника Геракла.

«Неистовство Вакханокъ оживившихъ,
Терзающихъ еракійскаго павца.»

О, это представление не ново!

Его играли, какъ въ послѣдній разъ

Изъ Оивъ я побѣдителемъ пришелъ.

А!.... «Трижды три горюющія Музы,

О смерти приключившейся наукъ

Отъ голоду и нищеты.»

Нѣтъ, это, знаю, ѣдкая сатира:

Она нейдетъ для брачнаго веселья.

«Унылая коротенькая сцена

Пирама и его подружки Тисбы,

Съ трагическимъ увеселеньемъ.»

И смѣхъ и горе? Коротко — уныло?

То есть, горячій ледъ и жаркій снѣгъ.

Какъ мы найдемъ въ разладъ этотъ ладъ?

◆ ИЛЛЮСТРАТЬ.

Піеса эта изъ десятка словъ:

По краткости нѣтъ равной ей на свѣтѣ!

Но и одинъ десятокъ этихъ словъ

Безъ мѣры длиненъ и введетъ въ унынье:

Ни одного въ піесѣ цѣлой нѣтъ

На мѣстѣ слова и съ умомъ актера.

Пирамъ себя въ ней убиваетъ!

Когда на пробѣ онъ игралъ, признаюсь,

Изъ глазъ моихъ явились невольно слезы,

Но слезы самыя восхвалы,
Какихъ не извлекаетъ громкій смѣхъ.

ТЕЗЕЙ.

Кто жь эти странные актеры?

ФИЛОСТРАТЪ.

Да все ремесленники, государь.
Они своимъ трудомъ живутъ въ Аѳинахъ,
Но никогда они еще досель
Не знали умственной работы;
Теперь ломаютъ головы, что мочи,
Остра тупую память надъ піесой,
Которую рѣшились разыграть
Въ день вашихъ брачныхъ пиршествъ, государь.

ТЕЗЕЙ.

И мы послушаемъ піесу ихъ.

ФИЛОСТРАТЪ.

Она не стоитъ вашего вниманья:
Вся ихъ піеса — сущее ничто,
И только ихъ намъ реніе похвально,
Доставитъ вамъ минуту развлеченья,
Явя и свой посильный, тяжкій трудъ,
Которымъ угодить желали бь вамъ.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, я желаю видѣть ихъ игру:
Что простота и преданность дарятъ,
Того не должно худо понимать.
Зовите ихъ; а васъ прошу садитя.

(Филостратъ уходитъ; все садитя.)

НИПОЛИТА.

Мнѣ грустно видѣть — въ изнуреннѣ бѣдность,
И преданность безсильную — въ услугахъ.

ТЕЗЕЙ.

Ты этого, мой другъ, не будешь видѣть.

НИПОЛИТА.

Онъ говоритъ, что ихъ игра ничтожна.

ТЕЗЕЙ.

Тамъ снисходительнѣе будемъ къ ней;
Хоть за ничто, а скажемъ имъ спасибо:
Незнаемъ ихъ забавой будетъ намъ.

Гдѣ преданность чего не въ силахъ сдѣлать,
 Тамъ благородное вниманье цѣннѣе
 Одно усердіе, а не талантъ.
 Разъ, судьи собрались прѣздъ мой встрѣтить
 Привѣтствіемъ, на-память заученнымъ;
 Когда жъ при встрѣчѣ я взглянулъ на нихъ,
 Они, дрожа, блѣднѣя, запинались,
 Съ испугу кашляли, теряли голосъ,
 И, наконецъ, умолкли, не сказавъ
 Привѣтствія, затверженнаго къ сроку.
 Но, вѣрь мнѣ, милая, въ молчаньи этомъ
 Я видѣлъ самый лучший ихъ привѣтъ,
 И въ простотѣ преданности робѣвшей,
 Читалъ я столько же какъ въ шумной рѣчи,
 Произнесенной смѣлымъ языкомъ.
 Нѣмая преданность и простота,
 Моей душѣ сильнѣе говорятъ!

ФИЛОСТРАТЪ, входитъ.

Угодно ли вамъ выслушать прологъ?

ТЕЗЕЙ.

Пусть явится.

(Звукъ трубъ.)

ПРОЛОГЪ, входитъ.

Когда мы вамъ пѣсней досадимъ,
 То это умыселъ. Вамъ должно знать,
 Что не по доброй волѣ мы хотимъ
 Вамъ досаждать; но чтобы показать
 Простой талантъ нашъ, тронуть нѣмъ сердца,
 Въ томъ есть начало нашего конца;
 Вотъ наша цѣль, — чтобы утѣшить васъ.
 Мы здѣсь не съ тѣмъ, чтобы наскучить вамъ.
 Готовы мы; изъ драмы вы тотчасъ,
 Узнаете, что знать угодно вамъ.

ТЕЗЕЙ.

Этотъ человекъ не любитъ читать съ разстановкой.

ЛИСАНДРЪ.

Онъ проскакалъ прологъ свой, какъ не обязанный жере-
 бенокъ, который незнакомъ съ уздой. Прекрасное правдо-
 сударь: мало того что говоришь, говори съ толкомъ!

И П О Л Н Т А .

Онъ проговорилъ прологъ , какъ новичокъ играть на
 алейтъ : выдуваетъ звуки , но безъ такту и мѣры .

Т Е К Е Т .

Его рѣчь похожа на перепутанную цѣпь , въ которой вся
 звянья цѣлы , но въ безпорядкѣ . Чтò слыдуеть послѣ про-
 логѣ ?

Видѣтъ ПИРАМЪ , ТИСБА , СТЪНА , ЛУННЫЙ СВѢТЪ и ЛВЪ .

П Р О Л О Г ъ .

Не удивляйтесь не выдавъ конца:
 Игрою истину отероеть вамъ .
 Когда жъ угодно знать , то се Пирамъ ,
 Се Тисба , чудо красотой лица .
 Сей въ извѣсти и въ глянѣ , представляеть
 Ту Стъву , чтò влюбленныхъ раздываетъ ;
 Чрезъ щель ся , два страстные сердца
 Лишь шопотомъ другъ съ другомъ говорятъ ;
 Но это не должно васъ удивлять .
 А оный человекъ , чтò съ фонаремъ ,
 Съ лучиною , съ огнемъ въ рукѣ , и съ псомъ ,
 Собой свѣтъ лунный долженъ представлять :
 Любовники , при свѣтъ той луны , —
 Не будьте снѣ удивлены , —
 Условились , у Вратъ Трофея быть
 И тамъ любви блаженства раздѣлять .
 Сей страшный звѣрь , Зевсъ львомъ его создалъ ;
 Онъ Тисбу , шедшую по тмѣ ночью ,
 Сразилъ , нль лучше , испугалъ :
 Она , спасаясь смерти злой ,
 Лишилась въ страхѣ мантия драгой ,
 Которую звѣрь кровью обагривъ .
 Когда жъ пришелъ Пирамъ , сей богъ любви ,
 Онъ вопль отчаянiя испустилъ ;
 Потомъ извлекъ свой кровожадный мечъ ,
 Желая жизнь свою скорѣй пресѣчь ,
 И скоро въ грудь себя его вонзилъ ;
 А Тисба , скрывшись въ туювой тѣни ,
 Книжаломъ выигъ свои пресѣкла дни .
 Все остальное , что до Льва , Стѣны ,
 Влюбленныхъ и Сiлiя Луны ,

Из длинной рвчи можете узнать:
 Которой не угодно ли внимать?
 (Прологъ, Тисба, Левъ и Лунный Свѣтъ уходятъ.)

Тезей.

Вѣдь, если Левъ заговорить!

Дмитрій.

Почему же нѣтъ?.... вѣдь говорятъ ослы.

Стѣна.

Въ сей драмѣ мнѣ доводится играть :
 Я, — Снауть, и буду Стѣну представлять;
 Но стѣну должно объяснить мнѣ вамъ :
 Которая со щелью, аль съ дырой;
 А чрезъ сію щель Тисба и Пирамъ
 Шептались часто межъ собой.
 Сей камень, извѣсть, глина, вѣсьмъ должны
 Напоминать образъ самой сей стѣны.
 Теперь, кажись, вамъ истина ясна.

(Протягиваетъ руку, соединяя большой и указательный пальцы.)

Вотъ эта щель : печальна и темна, —
 И здѣсь, въ часы полночной тишины,
 Шептаться робкіе сердца должны.

Тезей.

Можетъ ли извѣсть и глина сказать что-нибудь умнѣе!

Дмитрій.

Это, государь, умнѣйшая галиматья какую удавалось мнѣ слышать!

Тезей.

Тише! Пирамъ приближается къ стѣнѣ.

Пирамъ, подходитъ къ Стѣнѣ.

О ночь угрюмая!.... въ отсутствіе дня
 Врачье ночь ни разу не сходила!
 О ночь!.... Увы! вѣсчастье для меня,
 Когда объѣтъ свой Тисба позабыла!
 О ты, стѣна! о милая стѣна,
 Которая межъ нашими домами
 Воздвигнута жестокими руками!
 О, укажи, гдѣ щель въ тебѣ видна,
 Чрезъ кою могъ бы я провѣннуть взоромъ!

(Стѣна поднимаетъ руку.)

Ахъ, щель!.... благодарю, благодарю!
 Да Зевсъ тебя спасетъ!.... Но, что я зрю?
 Тамъ Тисбы нѣтъ!.... Проклятемъ и укоромъ

Да будешь ты навѣкъ удручена,
Презрѣнная обманщица стѣна!

Т Е З Я Ъ.

Стѣна, кажется, живая, и должна бы тоже отвѣчать проклятіями.

П И Р А МЪ, къ зрителямъ.

Никакъ нѣтъ-съ, Стѣна не будетъ отвѣчать. Послѣ «обманщица стѣна», слѣдуетъ Тисбѣ говорить; она сейчасъ выйдетъ, а я стану глядѣть на нее сквозь стѣну. Увидите, все сдѣлается, какъ говорю. Вотъ она.

Т И С Б А, входитъ.

О ты, стѣна! сколь часто ты вникала
Мои стѣнашья и слезы!
Меня всегда ты съ другомъ разлучала,
И помещь твой анкомъ мои устаны!.....
Его я часто лобызала!

П И Р А МЪ.

Я вижу шумъ!.... къ отверстию!.... тамъ свѣтло!
Тамъ буду слушать Тисбы я лицо!
О Тисба!....

Т И С Б А.

Счастіе души моей!

Се ты, мой другъ?

П И Р А МЪ.

Какъ хочешь, разумѣй.

Я твой; и въ чувствахъ буду не измѣнчивъ,
И козъ Лизидръ тебя пребуду вѣривъ!

Т И С Б А.

Я, какъ Елена, буду для тебя,
Докозъ не сразить меня судьба!

П И Р А МЪ.

Шеэлъ Прокрусъ не былъ столько вѣривъ!

Т И С Б А.

Какъ онъ Прокрусу, я люблю тебя!

П И Р А МЪ.

Позволь тебя, мой другъ, облобызать
Сквозь щель сію стѣны презрѣнной.

(Стараются поцѣловаться.)

Т И С Б А.

Нѣтъ, усть твоихъ я не могу достать.
И только щель стѣны должна лобзать!

П И Р А МЪ.

Къ Вратамъ Трофея, другъ мой несраиненный,
Тебя я на свиданіе прошу.

ТИСБА.

Хоть жизнь, хоть смерть, туда я поспышу!
(Пирамъ и Тисба удаляются въ разныя стороны.)

СТЫНА.

Ужь роль моя къ концу доведена.
Прощайте!.... прочь уходить вся стьна.
(Кланяется и уходитъ.)

ТЕЗЕЙ.

Стьна развалилась; теперь препятствія не существуютъ для любовниковъ.

ДИМИТРИЙ.

Теперь не надобно, государь, ни какихъ средствъ противъ стьны. Наслы-то догадалась, и сама исполняетъ то, о чемъ следовало бы ее давно просить.

ИПОЛИТА.

Это глупѣйшій фарсъ! Подобнаго я еще не слыживала.

ТЕЗЕЙ.

И самыя умныя этого роду вещи не многого стоять: но и глупое не будетъ глупо, если дополнить его воображеніемъ.

ИПОЛИТА.

Въ такомъ случаѣ, это будетъ воображеніе наше, а не ихъ.

ТЕЗЕЙ.

Ну, а если будемъ воображать объ нихъ, какъ они сами объ себя воображаютъ, то и они покажутся намъ умными людьми. Вотъ идутъ двое благороднѣйшихъ животныхъ, Мясцаъ и Левъ.

ВХОДЯТЪ ЛЕВЪ И ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

ЛЕВЪ.

Вы, дамы, конхъ вѣжные сердца
Объемлетъ страхъ, блвднветъ цвѣтъ лица,
Когда близъ васъ внезапно промелькнетъ
Ничтожившій, уродливый мышенокъ!
Теперь быть-можетъ страхъ васъ обожметъ,
Когда здѣсь явится не мышъ, не лъвенокъ,
А страшный левъ, кой дико зареветь.
Такъ знайте же, что я есмь Сногъ, столаръ,
И добровольно роль сію избралъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не дикій левъ я, и не львица,
Не грозный царъ звѣрей, не ихъ царица.

Да если бь львомъ явился въ сей странѣ,
Тогда бь пришлось растаться съ жизнью мнѣ!....

Тезей.

Какой милый и добросовѣстный звѣрь!

Димитрій.

Самый вѣжливый изъ всѣхъ хищныхъ звѣрей.

Александръ.

Этотъ левъ — настоящая лисица по своей смѣлости.

Тезей.

Правда. И настоящій гусь по своей хитрости.

Димитрій.

Извините, государь: смѣлость не одолѣетъ въ немъ хитро-
сти; а лисица одолѣваетъ гуся.

Тезей.

Согласенъ: въ немъ хитрость не одолѣетъ смѣлости; вѣдь
гусь не одолѣваетъ лисицы. Оставимъ это дѣло его хитро-
сти, а теперь послушаемъ Луны.

Лунный свѣтъ.

Фонарь сей есть двурогая луна....

Димитрій.

Слѣдовательно у него должны бы быть рога на головѣ.

Тезей.

Она теперь не въ ущербѣ, а въ полнолуніи, затѣмъ и не
замѣтно роговъ.

Лунный свѣтъ.

Фонарь сей есть двурогая луна;

Я — человекъ, что видѣнъ на лунѣ.

Тезей.

Это большая ошибка! Его слѣдовало бы посадить въ фо-
нарь: иначе, что онъ за человекъ, видимый на лунѣ?

Димитрій.

Онъ не посмѣлъ этого сдѣлать изъ опасенія потушить
свѣтъ; извольте взглянуть: въ фонарь только огарокъ, и
тотъ догараетъ.

Исполнта.

Какъ скученъ этотъ мѣсяцъ! Когда бь онъ скорѣе зака-
тился!

Тезей.

По его мерцающему свѣту, замѣтно, что онъ затмѣвает-
ся; однако, изъ приличія и снисхожденія, мы должны не мно-
го потерпѣть.

Александръ.

Впередъ, Мѣсяцъ!

Лунный свѣтъ.

Ну, если нужно все сказать, то этотъ фонарь есть луна, а я человекъ видимый на лунѣ, а лучина принадлежитъ не мнѣ, а собака, — моя собственная собака.

Дмитрій.

Всѣкъ ихъ должно бы помѣстить въ фонарь: вѣдь все это на лунѣ; но, вотъ Тисба.

Тисба, входитъ.

Врата Троины, и гробница.
Но гдѣ же мой возлюбленный?

Левъ.

О!

(Левъ продолжаетъ рычать; Тисба убоится.)

Дмитрій,

Славно, Левъ!

Тезей.

Браво, браво, Тисба!

Инолита.

Фора, Мѣсяцъ! Нраво, посмотрите, этотъ мѣсяцъ премило свѣтитъ.

(Левъ терзаетъ мантию Тисбы, потомъ убоится.)

Тезей.

Экой раздирательный левъ!

Дмитрій.

Вотъ Пирамъ идетъ.

Александръ.

Затмѣнь-то и затмѣвается луна.

Пирамъ, входитъ.

Блестящая, прекрасная луна!
Влаголареваемъ грудь къ тебѣ полна.
О, продолжай, полночный другъ, свѣтить
Твоими блестящими, пламеннымъ лучомъ!
При блескѣ ослѣпительномъ твоемъ,
Хочу взрѣвѣвшей Тисба взоръ вкочнѣть.
Но стой!.... О рокъ ужасный!
Смотри, смотри злѣщастный!
Какой рокъ грядущей предо мной?
Что, что вамъ, очи, зрится?
Могло ль сіе случится?

О пташечка! дружокъ мой!....
 Вся кровью обагрена,
 Мантилья незабвенна!
 Явитесь оуры въ сихъ мѣстахъ!
 Судьба! явись, явись,
 И карой разразись!
 Ражь, жги и обрыщай все въ прѣхъ!

ТЕЗЕЙ.

Смерть милой подруги и этакія страсти съ ума сведуть
 бѣднаго человѣка!

ИПОЛИТА.

Брани мое сердце, но мнѣ жалокъ этотъ человѣкъ.

ПИРАМЪ.

Судьба, зачѣмъ левы созданы тобой?
 Чтобъ викарій левъ здѣсь Тисбу разстерзаль?
 Которую я страстно обожалъ?
 Которая.... нѣтъ, нѣтъ! клянусь судьбой!....
 Которая прелестивѣ всѣхъ дамъ,
 Какія жила, нравились сердцамъ!
 Ручьемъ начните слезы течь;
 Пора тебѣ, мой острый мечъ,
 Пирама перси узавить скорѣй.
 Сію грудь лѣвую проваж,
 Гдѣ сердце бьется, тамъ рази:
 Такъ!.... такъ!.... такъ съ жизнью расстаюсь моею!....
 Я умертвить себя успѣлъ,
 Я прочь отсѣлъ улеть.
 Пари мой духъ на небеса, пари!
 Затмнитесь вы, языкъ, уста!
 Луна, покинь сія мѣста!....
 Теперь умри! умри! умри! умри!

(Умираеть. Лунный Свѣтъ уходитъ.)

ДИМИТРИЙ.

И послѣ смерти онъ роли своею не ослабилъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Куда ему осла бить!.... онъ бездушенъ.

ИПОЛИТА.

Зачѣмъ луна исчезла прежде, чѣмъ явится Тисба и най-
 деть своего возлюбленнаго?

Т Е З Е Й.

Она и при звѣздахъ съищеть его. Но, вотъ Тисба; ея горестъ окончить піесу.

(Входитъ Тисба)

И П О Л И Т А.

Надѣюсь, что ея отчаяніе будетъ короче Пирамова.

Д И М И Т Р І Й.

Между достоинствами Пирама и Тисбы нѣтъ разницы на одну пылинку.

Л И С А Н Д Р Ъ.

Вотъ она его увидѣла своими прекрасными глазами.

Д И М И Т Р І Й.

Ручаюсь, она завопитъ!

Т И С Б А, подойдя къ Пираму.

Ты спишь, мой миленькій дружокъ?

Иль умеръ, милый голубокъ?

Возстань Пирамъ, моя девица!

Скажи хоть слово.... Нѣмъ! Молчишь!....

Мертвъ, мертвъ!... Теперь должна сокрыть

На вѣкъ твой вѣжнѣй прахъ гробница!...

Лиши сихъ бровей, волосъ :

Вишневый, вѣжнѣй носъ,

Лавиты буквицы желтѣе,

Сіе все дожило конца :

Стелайте, вѣжнѣе сердца!....

О глазки, дуку зеленѣе!

Вы, Парки, сжальтесь надо мной,

Сюда на зовъ явитесь мой,

Съ своими блѣдными руками!

Вы въ кровь должны ихъ обагрить :

Пирама шелковая жизни нить

Пресѣчена жестоко вами.

Молчи языкъ!.... будь какъ вѣмой!

Сюда, сюда, мечъ взрѣный мой!

Я расстаюсь на вѣкъ съ друзьями....

Сюда, сюда, мой мечъ воззвись!

Теперь простись, простись, простись!

(Умираеть).

Т Е З Е Й.

Луныи Святъ и Левъ остались хоронить мертвыхъ.

Д И М И Т Р І Й.

И Стѣна тоже.

ВОТТОМЪ.

Нать-сь; повѣрьте слову, стѣна, раздѣлявшая ихъ, уже разрушилась. Не угодно ли вамъ посмотреть эпилогъ, или послушать танецъ Бергамаско, какъ будутъ танцовать два актера изъ нашей труппы?

ТЯЗЯЙ.

Увольте отъ эпилога; пьеса ваша не требуетъ объясненій: онъ были бы бесполезны; актеры мертвы, бранить некого. Право, если бы сочинитель вашей трагедіи самъ сыгралъ роль Пирама и повѣсилъся на подмосткѣ Тибеты, то трагедія была бы еще лучше. Но она и безъ того хороша и отлично сыграна. Покажите лучше Бергамаско, а эпилогъ оставьте въ покоѣ.

(Клоуны зашучиваютъ.)

ТЯЗЯЙ.

Чу! молотокъ ужъ полночь прозвучалъ:

Любовники, на брачную постель!

Ужъ настаетъ духовъ волшебный часъ!

Боясь, мы раннюю зарю превидимъ,

Затѣмъ что за полночь мы веселимся;

Но грубый фарсъ пріятно обмануль.

Тяжелые шаги ночныхъ часовъ.

Друзья, на ложе насъ зоветъ любовь!....

Недѣли двѣ мы будемъ пировать,

И день и ночь весельемъ оживлять!

(Все уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

АФИННЫ.

Та же зала во дворцѣ Тезея.

ПУКЪ, влетаетъ.

Левъ голодный ужъ рычитъ,

Волкъ на мѣсяцъ началъ выть,

Утомясь дневнымъ трудомъ

Пахарь тягостно храпитъ,

Головни зажглись огнемъ,

Т. Л. — Отд. II.

16'

Тамъ, кто муками убитъ,
 Филинъ стонами твердитъ :
 «Саванъ, саванъ гробовой!»
 Подъ ночною пеленой
 И могилы не молчатъ :
 Разверзаясь, изъ гробовъ
 Начинають выпускать
 Твни блднхъ жертвцовъ,
 На кладбище погулять.
 Народъ лвшй, домовой,
 Чтобъ не встрѣтится съ денницей,
 Передъ утренней зарей,
 За Дианы колесницей,
 Мы, видный легкхъ рой,
 Вивсъ съ мракомъ улетаемъ ;
 А теперъ мы здѣсь гулемъ....
 Залы пусты ; всюду тинь ;
 Даже крошечная мышъ
 Здѣсь не смветъ пробжать.
 Я, съ метлой, въ дарогъ чертогъ
 Посланъ залы прибирать,
 Пылъ всю выместъ за порогъ.

Являются ОБЕРОНЪ, ТИТАНІЯ, ЭЛФОВЫ и ФЕИ.

ОБЕРОНЪ.

Залы блдно освѣщайте,
 Ужъ потушеннымъ огнемъ.
 Духи, виться начинайте,
 Такъ какъ птички надъ кустомъ ;
 Пѣснь за мною повторите
 Взвившись радужнымъ кольцомъ.

ТИТАНІЯ.

Пѣснь на-память повторять,
 Въ пѣснь мѣры не терять !
 И, слетясь, рука съ рукой,
 Мы, волшебный духовъ рой,
 Пѣсню звонко пропоемъ,
 Счастье дому принесемъ.

(Пѣвце и танцы.)

оберонъ.

До поры, когда узришь
 На востокъ мы зарю,
 Фельк въ залахъ здѣсь бродить.
 Мы съ царицей поспѣшимъ
 Къ новобрачному царю,
 Чтобъ счастливою судьбой
 Ихъ потомковъ надѣлать.
 Три четы между собой
 Долго, дружно будутъ жить,
 И природа ихъ дѣтей
 Никогда не заклеимтъ
 Буйствомъ гибельныхъ страстей,
 Безобразьемъ, слѣзотой,
 Ни печатью роковой,
 Предвозвѣстницею бѣдъ
 Съ колыбельныхъ, юныхъ лѣтъ.
 Все, что бѣдствіе несетъ,
 Ихъ потомковъ обойдетъ.

Освященною росой,
 Снятой въ полъ въ часъ ночной,
 Каждый эльфъ пускай спѣшитъ
 Весь дворецъ здѣсь окропить
 Сладкимъ миромъ, тишиной,
 Чтобы вѣчно онъ стоялъ,
 А хозяинъ счастье зналъ.

Сонмы фей!
 Въ путь быстрый,
 Пляской мчитесь!
 Но съ зарей,
 Соберитесь
 Предо мной!

(Оберонъ съ Титаніей и Феи улетаютъ въ разныя стороны.)

пукъ, къ партеру.

Если мы, игрой своей,
 Сонмы легкіе тѣней,
 Не могли васъ позабавить,

То не трудно все исправить ;
 Стоит думать лишь о томъ,
 Будто вы забылись сномъ,
 И что наше представленье
 Есть пустое сновиденье.
 Безъ журибы простите насъ :
 Мы исправимся тотчасъ,
 И, за ваше снисхожденье,
 Какъ я честный льщій, Пукъ,
 Если свистъ, змѣнный звукъ ;
 Не раздастся, то мы вскорѣ
 Уладимъ вновь ваше горе,
 Не ударимъ въ грязь лицомъ :
 Если жъ нѣтъ, тогда лжецомъ.
 Пука громко назовите !
 Дайте руки мнѣ ! помгите,
 Если мы еще друзья !
 А теперь прошу васъ я :
 Громче намъ рукоплещите.
 Мы, увѣрить васъ могу,
 Не останемся въ долгу.

(Улетаетъ.)

И. Р.

Телльсъ, 1840.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

НЕРВНАЯ СИСТЕМА.

НОВЫЕ ЧТЕНИЯ ГОСПОДИНА МАЖАНДИ *

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вотъ еще новый томъ «чтеній» господина Мажанди о нервной системѣ, продолженіе тѣхъ занимательныхъ и любопытныхъ опытовъ, которыхъ описаніе было помещено въ XXXIX и XL томахъ «Библіотеки для Чтенія». Тамъ предметомъ изслѣдованій былъ мозгъ: этотъ второй томъ исключительно посвященъ опытамъ надъ нервами. Предоставимъ, по обыкновенію прежнихъ статей нашихъ, говорить самому автору.

Разсматривая артерію, по расположенію ея цилиндрическихъ оболочекъ уже можно заключить, что это—трубка, по которой должна протекать жидкость; указывая ее у живаго животнаго, мы въ этомъ и убѣждаемся. Но нервъ: можно ли сказать что́ это такое, судя по одному только его наружному

* *Leçons sur les fonctions et les maladies du système nerveux, professées au Collège de France par M. Magendie. Tome II. Paris. 1839 (1840)*

устройству? Вы видите круглый, сьрватый снурокъ, больше или меньше плотный, изъ котораго выходятъ длинныя бьленькя ниточки. Какое понятіе получите вы изъ этого объ его отправленіяхъ? Зачѣмъ идетъ онъ сюда, въ это мѣсто, въ этотъ органъ? Вы ничего не понимаете! Но, вотъ, вы укавали эту бѣлую ниточку; животное вскрикнуло, встрепянулось: этотъ простой фактъ раждаетъ уже въ васъ мысль объ ея назначеніи; но замѣьте, тутъ вопросъ идетъ уже не объ анатомическомъ ножѣ: вы вступили въ область опытной физиологій. И въ самомъ дѣлѣ, не она ли показала намъ, что чувствительность черепнаго и продолговатаго мозговъ различна; что доли мозгу, напримѣръ, можно колоть, срѣзывать кусками, и животное не обнаружитъ ни малѣйшаго страданія; что напротивъ, стоить только прикоснуться до частей, лежащихъ по-глубже, напримѣръ, до Варолиева мосту или до начала спиннаго мозгу, чтобъ боль сдѣлалась нестерпимою? Этимъ же путемъ будемъ слѣдовать изучая свойства спинныхъ и мозговыхъ нервовъ; о «большомъ сочувственномъ» мы поговоримъ послѣ. На этотъ разъ, ограничимся изслѣдованіемъ нервовъ, которые известны подъ именемъ «нервовъ животной жизни».

Это — бѣлые, слегка сьрватые, снурочки, состоящіе изъ многочисленныхъ нитей, лежащихъ одна возлѣ другой и облеченныхъ клетчатую тканью. Нервные пучки, то представляются въ видѣ толстыхъ стволонъ, какъ напримѣръ, нервъ сьдалищный, то, какъ нервъ личной, имѣютъ форму тоненькихъ разсыпанныхъ ниточекъ, которыя иногда бываютъ такъ малы, что ихъ можно увидѣть только въ микроскопѣ. Трубочка, въ которой заключенъ нервъ, называется неврилеммою; плотность нервовъ, отъ похожей на кашлицу мякоти акустическаго нерва, до почти сухожильнаго состава зрительнаго нерва, чрезвычайно различна. Въ каждомъ нервѣ замѣчаются два конца, центральный, выходящій, какъ бы изъ центра, отъ черепнаго или спиннаго мозгу, и периферическій, оканчивающійся въ назначенномъ ему органѣ. Мозговые и спинные нервы, по выходѣ изъ своихъ костяныхъ проходовъ, соединяются между собою или просто черезъ обмѣнъ нитей, или, сойдясь, переплетаются, смѣшиваются и составляютъ такъ называемыя сплетенія, plexus, откуда

идутъ новыя нервныя нити, которыя оканчиваются въ различныхъ частяхъ тѣла. Соприкосновеніе одного нерва съ другимъ неправильно называется анастомозисомъ, то есть, «устіемъ».

По мѣрѣ удаленія отъ центральной массы, нервныя стволы превращаются въ вѣтви и вѣточки, которыя въ свою очередь раздѣляются на безконечно тонкія ниточки, разсыпавшіяся въ кожу, въ мускулахъ и прочихъ, глубже лежащихъ, органахъ.

Нервы соединяются одни съ другими гораздо чаще чѣмъ обыкновенно полагаютъ судя по грубымъ анатомическимъ препаратамъ. Между-тѣмъ, это обстоятельство заслуживаетъ строгаго изслѣдованія. Только оно можетъ объяснить намъ, отчего одинъ нервъ вдругъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя свойства другаго, и какимъ образомъ поврежденіе одного нерва дѣйствуетъ на другой и даетъ совершенно иное направленіе и ходъ его болѣзни. Органы бывають чрезвычайно различны, смотря по количеству раздѣляющихся въ нихъ нервовъ: въ однихъ, нервовъ множество, въ другихъ, кажется, нѣтъ ни одного, но-крайней-мѣрѣ ихъ не видно тѣмъ простыми глазами. Намъ предстоитъ рассмотреть только темныхъ вопросовъ, разрѣшить такъ много нервныхъ задачъ, что я оставляю въ сторонѣ всѣ анатомическія подробности, которыя можно найти въ каждой анатоміи, и прямо перехожу къ нашему предмету. Когда намъ придется говорить въ особенности о какомъ-нибудь нервѣ, мы скажемъ, и объ его раздѣленіи, и объ его анастомозахъ, и объ его окончаніяхъ. Но какого порядку будемъ мы держаться въ нашихъ изслѣдованіяхъ? При всемъ желаніи следовать обще-принятымъ правиламъ, я поставленъ въ необходимость избрать иной путь: правила эти не могутъ быть твердыми при настоящемъ состояніи науки. Нѣкогда, впрочемъ назадъ тому не болѣе двадцати лѣтъ, при физиологическомъ анализѣ нервовъ довольствовались тѣмъ, что приписывали имъ свойства органовъ, въ которыхъ они распространяются, такъ, что нервы зрительные, обонятельные, слуховые, считались главными пружинами зрѣнія, обонянія, слуху, потому только, что они раздѣляются въ глазу, носу, уху, и никто не заботился узнать

не участвуют ли въ этихъ отправленіяхъ и другіе каіе-нибудь нервы. Показать анатомическую связь известнаго органа чувствъ съ известнымъ нервомъ, провести нервъ отъ данной точки мозгу или мозжечка до какой-нибудь части тѣла, считалось верхомъ учености. Наконецъ явилась опытная физиологія, и показала, какъ ложны и ошибочны были многія положенія, основанныя на однихъ только умствованіяхъ и аналогическихъ выводахъ. Черезъ нее мы узнали, напримѣръ, что для правильности зрѣнія, слуху, обонянія, необходимо современное участіе многихъ нервовъ; что нѣкоторые нервы вовсе не имѣютъ того значенія, какое имъ приписывали съ незапамятныхъ временъ, судя по органу, гдѣ они раздѣляются. Однимъ словомъ, въ нѣсколько лѣтъ создалась совершенно новая наука, и доказала фактами, что нервъ, который до-того считался представителемъ нѣжной чувствительности, совсѣмъ безчувственъ, что ниточка, на которую прежде не обращали ни какого вниманія, составляетъ главную пружину самыхъ важныхъ отправленій, и такъ далѣе. Отъ старой методы остались только не многіе слѣды въ нашемъ учебномъ языкѣ.

Первый вопросъ, разрѣшеніемъ котораго мы займемся, будетъ состоять въ томъ: существуютъ ли нервы чувствительные и нечувствительные? Доказавъ это опытомъ, постараемся открыть, какіе нервы назначены исключительно для движенія.

Чтобы судить основательно о чувствительности нерва, надобно обнажить его и подвергнуть дѣйствию физическихъ раздраженій, и, смотря по тому, обнаружить ли при этомъ животное страданіе или нѣтъ, можно уже будетъ судить о чувствительности или безчувственности нерва. Начнемъ.

У этого кролика, я снимаю сводъ черепа и срываю верхнія доли мозгу. Такая операція, какъ вамъ известно, не причиняетъ вреда ни движеніямъ ни чувствительности животнаго. Нервы открыты: мы можемъ дѣйствовать на лобой, прежде выводу его изъ черепа. Рукояткою скальпеля я растираю обонятельные нервы, при входѣ ихъ въ горизонтальную пластинку рѣшетчатой кости: животное не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признаку страданія. Вотъ зрительные нервы: я укальваю одинъ изъ нихъ, животное ни

чего не чувствуетъ; разрываю другой: та же безчувственность. Очевидно, что ни обонятельные ни зрительные нервы не имѣютъ способности чувствовать при соприкосновении съ посторонними тѣла. Я укололъ стволъ третьей пары, до входу его въ глазную полость: животное сдѣлало небольшое движеніе, которое показываетъ, что нервъ, движущій глазомъ, не совсѣмъ безчувственъ. Подобный же опытъ доказываетъ, что четвертая пара нервовъ лишена всякой чувствительности. Посмотримъ, то ли будетъ съ пятой парю? Пронзительные крики обнаруживаютъ, что я укололъ чрезвычайно чувствительную ниточку. Судя по тому что животное, и послѣ уколу, всё-еще кричитъ и бьется, должно заключить, что пятая пара едва-ли не самая чувствительная часть во всей нервной системѣ. Я приподнявъ остатки мозга, чтобъ открыть шестую пару, схватилъ пинцетомъ, и сильно жму: животное ничего не замечаетъ. Ту же самую безчувственность мы замѣчаемъ, и въ слуховомъ нервѣ, и въ стволѣ личнаго или въ седьмой парѣ. Не думайте, чтобъ животное лишилось способности чувствовать и обнаруживать страданія, потому только что мы отрывали мозговые доли. Васъ убѣждаютъ въ противное крики его при укальваніи пятой пары, а это тѣмъ доказываетъ, что одніе только сильныя страданія въ состояніи заставить кричать такое молчаливое животное какъ кроликъ. Если онъ оставался совершенно спокойнымъ при разрываніи другихъ нервовъ, это потому что ни какое внешнее физическое раздраженіе не могло возбудить въ нихъ никакой чувствительности. Я могу извлечь и другія ниточки мозга, не уничтоживъ чувствительности въ нервахъ. Укальзывая полосатія тѣла (*corpora striata*) и зрительные нервы, я касаюсь опять до пятой пары: сильные крики опять показываютъ, какъ жестоко онъ страдаетъ.

Важно замѣтить, что есть два рода чувствительныхъ нервовъ. Одни одарены чувствительностью самостоятельной, у другихъ она заимствованная. Такимъ образомъ, самъ по себѣ нечувствительный, соединившись съ чувствительнымъ, приобретаетъ его свойства: но стоить разрушить эту связь, и нечувствительный нервъ теряетъ приобретенное качество. Я обнажаю у

кролика личной нервъ правой стороны въ томъ мѣстѣ, гдѣ оцъ изъ около-ушной желѣзы выходитъ на лицо. Мнѣ стоило только разрѣзать кожу и нѣсколько складокъ кляччатой плевы, чтобъ дойти до него. Вотъ двѣ его вѣтви. Верхняя по-толще, и мы ее употребимъ для опыту. Я сжимаю ее пинцетомъ : животное трясеть головою, какъ-бы желая избавиться отъ боли; чѣмъ сильнѣе сжимаю нервъ, тѣмъ сильнѣе становится боль. Нѣтъ сомнѣнiя : седьмая пара чувствительна. Посмотрите же, что будетъ, если я перерѣжу пятую пару. Я втыкаю въ черепъ инструментъ, нарочно придуманный мною для этой операцiи. Крики, сильное бiенiе животного, увѣряютъ меня, что инструментъ дотронулся до пятой пары. Чтобъ узнать, перерѣзанъ ли нервъ, мнѣ стоить только коснуться пальцемъ до праваго глаза : нечувствительность соединительной перепонки и недвижность вѣкъ убѣдятъ меня въ этомъ. Вѣкъ еще не много подвижно; следовательно нервъ пятой пары перерѣзанъ не совсѣмъ. Я снова привожу въ дѣйствiе инструментъ, оставленный мною въ черепъ. Новыя страданiя. Безчувственность глаза, несмыканiе вѣкъ, неподвижность ноздрей и мышцъ правой стороны лица, показываютъ, что нервъ пятой пары перерѣзанъ по-поламъ. Чувствительность и движенiе въ лѣвой сторонѣ лица ни сколько не измѣнились, мускулы подвижны по-прежнему. Возвратимся теперь къ личному нерву. Я сжимаю верхнюю вѣтвь, ту самую, которую сжималъ уже. Несмотря на сильное сжиманiе, животное совершенно покойно. Но едва я ущипнулъ лѣвую сторону лица, кроликъ старается избавиться отъ причиняемой себя боли. Мнѣ могутъ замѣтить, что та часть личнаго нерва, которой чувствительность мы испытываемъ, уже повреждена при врезныхъ опытахъ и частiю обезорганизована. Согласенъ. Но вотъ другой опытъ, который покажетъ, что мое замѣчанiе справедливо. Я разрѣзываю кожу далѣе, такъ, чтобы обнажить нервъ какъ-можно ближе къ его началу : тутъ стволъ его совершенно цѣль и здоровъ. Замѣьте, при разрѣзѣ общихъ покрововъ, животное не обнаруживаетъ ни какого страданiя. Наконецъ вотъ и нервъ. Я рву его пинцетомъ : онъ безчувственъ. Такъ, вы видите ясно, что личной нервъ заимствуетъ свою чувствительность отъ пятой

пары: съ перерывомъ ея исчезаетъ и чувствительность седьмой. Нельзя предполагать, чтобъ, перерывивая нервъ пятой пары въ черепъ, я повредилъ и седьмую пару: разстояніе, въ какомъ находятся эти два нерва другъ отъ друга, слишкомъ велико; ктому жъ, я много разъ повторялъ этотъ опытъ, и результаты были всегда одинаковые. Теперь, я намеренъ обнажить личной нервъ на левой сторонѣ, гдѣ пятая пара не повреждена, для того чтобъ вы могли сдѣлать сравненіе и видѣть, какое вліяніе имѣетъ пятая пара на чувствительность седьмой. Когда я разрываю кожу, покрывающую нервъ, животное страдаетъ и бѣется. Замѣтьте, этого не было, когда я рѣзалъ кожу на правой сторонѣ послѣ уничтоженія пятой пары. Вотъ обѣ вѣтви личнаго нерва. Я даю животному свободу, чтобы движенія его при раздраженіи нерва были вольныя и непринужденныя. Схватывая пинцетомъ верхнюю вѣть, и повторяя это нѣсколько разъ, я всегда замѣчаю невозможныя страданія; вслѣдъ за этимъ, я схватываю личной нервъ правой стороны: кроликъ спокоенъ! Этотъ опытъ, надѣюсь, совершенно убѣдитъ васъ, что чувствительность личнаго нерва не самостоятельна, что онъ заимствуетъ эту способность отъ пятой пары, и что, съ перерывомъ пятой пары, выше анастомоза, въ личномъ нервѣ чувствительность исчезаетъ.

Нервъ чувствительный *по-преимуществу*, не заимствующій этой способности отъ другихъ нервовъ, главный чувствительный нервъ лица, это нервъ пятой пары. Вы видѣли, что, съ перерывомъ его въ черепъ, неговоря уже объ уничтоженіи осязательной чувствительности въ кожѣ и другихъ мягкихъ частяхъ, всѣ прочіе нервы внѣшнихъ чувствъ, на одной половинѣ лица, теряютъ свои свойства. Съ разрывомъ обоихъ нервовъ пятой пары, исчезаютъ зрѣніе, обонаніе, слухъ, вкусъ, несмотря что нервы, назначенные, по общепринятому мнѣнію, для этихъ ощущеній, совершенно дѣльны.

Дѣлаю кролику, въ правую височную впадину этого кролика. Я попалъ въ нервъ: это доказываютъ крики животного. Перерывивая этотъ нервъ, что нервъ разсѣченъ по-прежнему, въ домъ, убеждаюсь, медле почувствительность со-

единичной оболочке, которую я придавливаю пальцемъ, а кроликъ на это и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Остриемъ инструмента, я укалываю правую щеку; выдерживаю длинные усикн : ни малѣйшаго признаку боли. Повторимъ этотъ опытъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ пятая пара повреждена : страданія животнаго показываютъ присутствіе чувствительности. Изъ этого я заключаю, что пятая пара — первая причина осязательной чувствительности лица.

Въ какомъ состояніи правый глазъ? Соединительная перепонка лишилась чувствительности. Я укалываю ее, сдвигиваю довольно сильно глазное яблоко : вы видите, что веки остаются неподвижными, и что зѣница чрезвычайно сокращена; при быстромъ приближеніи посторонняго тѣла къ глазу, животное ни сколько не стараетсяъ избѣжать его. Следовательно, въ правомъ глазу зрѣніе потеряно, тогда какъ въ лѣвомъ это чувство, со всеми своими явленіями, ни сколько не измѣнилось. Правая ноздря тоже сдѣлалась безчувственною; я укалываю, въ разныхъ мѣстахъ, мокротную перепонку : животное ничего не замѣчаетъ. Такая же безчувственность и въ обонятельной перепонкѣ. Зажавъ лѣвую ноздрю, я подношу къ правой откупоренную стеклянку съ амніакомъ : острый запахъ этого вещества не произвелъ своихъ обыкновенныхъ дѣйствій. Тотъ же опытъ надъ лѣвою ноздрю даетъ совершенно противоположные результаты. Следовательно, и въ чувствѣ обонянія произошло измѣненіе : оно погнбло подобно зрѣнію.

Въ языкъ, на той сторонѣ, гдѣ перерѣзана пятая пара, чувствительность также исчезла. Я сильно сжимаю эту половину, однако жъ животное остается спокойнымъ; но едва я дотронулся до лѣвой доли, какъ кроликъ мгновенно отдернулъ языкъ.

Посмотримъ, что сдѣлалось съ правымъ ухомъ? Завитокъ, получая свои нервы отъ первой пары хребетныхъ и отъ верхняго шейнаго сплетенія (*plexus cervicalis superficialis*), сохранилъ свою чувствительность, между-тѣмъ какъ части, лежащія около барабанной перепонки, находясь подъ вліяніемъ пятой пары, безчувственны.

Этого достаточно, кажется, чтобы подумать правильное понятіе о чувствительности двухъ главныхъ нервовъ; раз-

отъходящихъ на лицо. Мое мнѣніе оправдалось: действительно, седьмая пара нервовъ получаетъ чувствительность отъ пятой. Попробуемъ теперь перерѣзать соединительныя ниточки, не трогая стволы. Я докажу вамъ, что одинъ нервъ, не только имѣетъ вліяніе на чувствительность другого, но, что, лишая чистодвигательный нервъ заимствованной имъ чувствительности, мы уничтожаемъ и его двигательную способность.

Седьмая пара, какъ вамъ извѣстно, есть главная пружина сращенія мускуловъ лица, его выразительности и подвижности чертъ, почему Белль очень справедливо называетъ его «нервомъ физиогноміи». Двигательной способности седьмая пара не заимствуетъ ни у какого другаго нерва: перерѣжьте ее, — вся половина лица, съ той стороны, на которой лежитъ раненый нервъ, будетъ парализована, хотя бы чувствительность въ ней сохранилась вполне. Следовательно, съ поврежденіемъ только седьмой пары, исключительно, лицо теряетъ свою подвижность. Посмотрите, что случилось съ кроликомъ: вся правая половина лица безчувственна; животное не можетъ ни сомкнуть ни раскрыть глазъ; правая ноздря не раздувается и не стягивается подобно левой, и только въ кончикъ носа замѣтно маленькое движеніе, но это движеніе сообщено носовому хрящу мускулами противной стороны. Я пускаю на языкъ нѣсколько капель анноніаку; кроликъ силится привести въ движеніе челюсти, но напрасно: одни только мускулы лѣвой стороны послушны его волѣ; правые недвижимы. Какъ! развѣ мы перерѣзали седьмую пару? Нѣтъ, только пятую, нервъ чисто чувствительный; я даже и не дотронулся до нерва движеній, и, однакожь, двигательная способность уничтожилась. Вотъ странное явленіе: жизнь седьмой пары зависитъ отъ пятой! Лишь нервъ заимствуетъ отъ пятой пары, не только чувствительность, но и двигательныя свойства! Да. Мы увидимъ впоследствии, что и зрительный нервъ, будучи исключительно нервомъ зрѣнія, съ перерѣзомъ пятой пары, также теряетъ способность сообщать мозгу впечатлѣнія свѣту. Миллеръ, соглашаясь, что одинъ нервъ имѣетъ вліяніе на другой, думаетъ однакожь, что явленія, развивающіяся послѣ разрыва пятой пары, зависятъ отъ поврежденія мус-

гу во время операции, и оно-то дѣлаетъ животное безчувственнымъ. Это несправедливо. Вспомните, что подобныя явленія обнаруживаются только на той сторонѣ, гдѣ перерезанъ нервъ, и что при страданіи всего мозгу безчувственность становится всеобщаю. Ктому жъ, мы имѣемъ доказательство, что животныя, не только легко переносятъ перерезъ нѣтой пары, но еще, въ первое время, бываютъ совершенно здоровыми; ѣдятъ и пьютъ, какъ слѣдуетъ: только отсутствіе чувствительности той части лица, гдѣ перерезанъ нервъ, отличаетъ ихъ отъ здоровыхъ. Мы увидимъ послѣ, какое вліяніе имѣетъ пятая пара на питаніе лица и органовъ чувствъ. Теперь мы можемъ утвердительно сказать, что въ тѣлѣ животнаго есть нервы чувствительные и нечувствительные; что въ черепѣ нечувствительныхъ нервовъ больше чѣмъ чувствительныхъ; даже, что есть нервы, лишенные осязательной способности, но одаренные спеціальною чувствительностью. Такъ, одинъ нервъ, напримѣръ, передаетъ мозгу впечатлѣнія звучащихъ волнъ воздуха, другой световыхъ лучей: вы можете, если хотите, рвать, рвать тотъ и другой, но не произведете въ нихъ ни малѣйшей боли. Также точно вы увѣритесь, что есть нервы положительно двигательные, но нечувствительные для всѣхъ прочихъ внешнихъ раздраженій; что между двигательными нервами находятся такіе, которые заимствуютъ отъ другихъ нервовъ свою способность чувствовать и, съ перерезомъ выше аностомоза, теряютъ эту заимствованную чувствительность; что хотя двигательный нервъ получаетъ отъ другаго нерва одну только чувствительность, однако жъ, съ перерезаніемъ соединительной ниточки, теряетъ исключительное свое качество, способность приводить въ движеніе мускулы; и, наконецъ, что для зрѣнія, обонянія и другихъ чувствъ, необходимо неповрежденное состояніе нѣтой пары.

Кроликъ, у котораго я перерезалъ пятую пару, совершенно здоровъ. Онъ такъ же живъ и веселъ, какъ прежде; но, въ той половинѣ лица, которая соотвѣтствуетъ перерезанному нерву, произошли болѣзненные перемены, единственныя важныя чтобъ пропустить ихъ безъ вниманія.

Вся правая половина мордочки безчувственна. Я касалась бистурисомъ къ лицу; кроликъ этого не замѣчаетъ;

я вѣриваю нѣсколько усиковъ : ни малѣйшаго признаку боли. Однимъ словомъ, кожа точно такъ же нечувствительна теперь, какъ была нечувствительна тотчасъ послѣ операціи.

Взгляните на соединительную перепонку праваго глаза : она покраснѣла, налилась кровью, и изъ нея непрерывно высачивается гнойная, вонючая матерія, похожая на молоко. Вѣки неподвижны : края ихъ соединяетъ тягучая, липкая жидкость. Раекъ (радужная оболочка) покраснѣлъ; на его поверхности извиваются тоненькія волосковатыя трубочки, которыя, въ нѣкихъ мѣстахъ, покрылись ложными плѣнками и, подобно райку, имѣютъ форму маленькаго кружка, съ дырочкою въ серединѣ.

Глазныя влаги потускли ; внутри глаза произошли точно тѣ же болѣзненные перемены какъ и снаружи. Прозрачная роговая оболочка (cornea) потемнѣла : особенно, ея нижній край. Не думайте, однако жъ, чтобъ это былъ простой оптический обманъ : посмотрѣвши на эту оболочку съ боку, вы убѣдитесь, что она стала непрозрачною во всю свою толщину. Чтобы узнать, не есть ли это слѣдствіе того, что прозрачная роговая оболочка слишкомъ долго оставалась въ соприкосновеніи съ воздухомъ, я перерѣзывалъ седьмую нѣру у другихъ кроликовъ, и, хотя движеніе вѣкъ прекратилось, хотя глазъ втеченіи нѣсколькихъ дней оставался непрерывно открытъ, роговая оболочка ни сколько не испортилась ; ни въ райкѣ, ни въ соединительной перепонкѣ, ни въ глазныхъ влагахъ, не происходило ни малѣйшей болѣзненной перемены.

Вы скажете : отъ пятой поры идутъ къ слѣзной желѣзѣ нѣжныя нити, слѣдовательно, роговая прозрачная оболочка испортилась потому, что перестали отдѣляться слезы и она, просто, высохла. Мнѣніе несправедливое : я до чиста вырѣзывалъ слѣзную желѣзу ; источникъ слезъ былъ вовсе уничтоженъ, и, со всемъ тѣмъ, втеченіи первыхъ осьми дней послѣ операціи, въ прозрачной роговой оболочкѣ не образовалось ни одного пятнышка. Слѣдственно перерѣвъ пятой поры—единственная причина порчи прозрачной части блѣзненной оболочки.

Я уже говорилъ, что стѣитъ только перерѣзать пятую

нару, и глазъ немедленно перестаетъ видѣть, несмотря что ни роговая оболочка ни прочія части глаза не успѣли еще испортиться. Надобно замѣтить впрочемъ, что глазъ остается чувствительнымъ къ солнечному свѣту. Выставьте животное вдругъ изъ темноты на яркій свѣтъ, и оно тотчасъ же закроетъ глаза, доказательство, что сытчатая оболочка не вполне лишилась чувствительности; кромѣ-того, вы видите тоже, что, съ разрывомъ пятой пары, и личной нервъ, не совсемъ перестаетъ дѣйствовать: иначе животное не могло бы вдругъ получить способности двигать по произволу въками. Но, посредствомъ отраженнаго свѣту, мнѣ никогда не удавалось произвести этого страннаго явленія: какъ бы ни былъ силенъ свѣтъ, въки не сжимались. Отчего жъ могло бы это зависеть? Отъ разницы ли въ свойствахъ этихъ двухъ свѣтовъ, или отъ теплоты, сопровождающей солнечные лучи? Если, въ самомъ дѣлѣ, миганье происходитъ отъ прямого дѣйствія теплоты на въки, то сокращенье ихъ можно произвести приближая къ глазу раскаленное тѣло. Я накалилъ кусокъ желѣза, и быстро поднесъ его къ глазу животного, у котораго предварительно была перерезана пятая пара, и незамѣтилъ ни малѣйшаго признаку чувствительности. Когда, напротивъ, я выставилъ животное на солнце, оно зажмурило глаза. Ясно, что здѣсь дѣйствовали солнечные лучи. Однако жъ, замѣтите, какъ мало въ глазу остается чувствительности послѣ разрыва пятой пары! Перерѣжьте, въ черепѣ, глазной нервъ, животное ослѣпнетъ совершенно: какъ бы ни былъ силенъ свѣтъ, даже если вы, взявъ зажигательное стекло, направите фокусъ его въ самую середину зѣницы, животное ничего не почувствуетъ.

Въ питаніи глаза не произойдетъ ни малѣйшей перемѣны, если вы разрѣжете зрительный нервъ. Почему жъ, при перерѣзѣ пятой пары, весь глазной шаръ, не только портится, но и расплывается наконецъ въ гноевидное вонючее вещество? Потому, что пятая пара назначена не для одной только специальной чувствительности глаза: ей опредѣлено бодрствовать и надъ общею его чувствительностью; въ ея зависимости находятся и кровообращеніе и всѣ отправленія, необходимыя для питанія.

Какимъ именемъ окрестите вы болезненные измененія, происшедшія въ глазу этого кролика? Назвать ихъ *воспаленіемъ*, значило бы рѣшительно удалиться отъ смысла, который обыкновенно придаютъ этому слову. Воспаленіемъ называютъ собраніе припадковъ, въ которыхъ всего явственнѣе и важнѣе — *возвышенная* чувствительность: а здѣсь мы ее не замѣчаемъ. Этого мало: самыя сильныя химическія средства, обыкновенно производящія жестокія *воспаленія*, не оказываютъ ни какого дѣйствія на глазъ той стороны, на которой перерѣзана пятая пара. Приложите къ глазу этого кролика аммоніаку: это не только не произведетъ ни малѣйшей боли, но даже, втеченіи нѣсколькихъ часовъ, глазъ не покраснѣетъ и не будетъ слезиться. Правда, краснота и теченіе слезъ окажутся позже, но тогда они произойдутъ уже послѣдствіе разсѣченія пятой пары. Но приложите каплю того же самого аммоніаку къ здоровому глазу: чувствительность его тотчасъ обнаружится; животное будетъ дѣлать невозможныя усилія чтобъ избавиться отъ мучительныхъ ощущеній. Изъ глаза потекутъ слезы, вѣки сожмутся и, черезъ нѣсколько минутъ, вы увидите въ глазу всѣ признаки жестокаго *воспаленія*. У нашего кролика глазъ испортился, не *воспаленіе*, котораго и не было, а недостатокъ въ нервномъ вліяніи пятой пары.

Но не одно зрѣніе уничтожилось съ поврежденіемъ пятой пары: животное потеряло также вкусъ. Языкъ раздѣленъ на двѣ совершенно равныя половины, изъ которыхъ одна чувствительна, другая, соответствующая перерѣзанному нерву, безчувственна. Я щиплю безчувственную половину: животное даже не встрепанулось. Эта половина побѣлѣла, распухла, сдѣлалась мягче: однимъ словомъ, въ ней произошло точно такое же разстройство какъ въ глазу. Левая сторона, напротивъ, чрезвычайно чувствительна. Вкусательная способность равно утратилась въ правой половинѣ. Я кладу на нее каплю аммоніаку: кажется, что это ни сколько не тревожитъ животное, потому что оно не старается удалить языка. Напротивъ, посмотрите, какъ оно мотается, шевелитъ ушами, глотаетъ слюну, когда я положу аммоніаку на лѣвую половину. Недоказываетъ ли это ясно, что языкъ тутъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ

одна вкушаетъ, а другая нѣтъ? Въ центрѣ и корнѣ остались еще нѣкоторые слѣды чувствительности, но, какъ вы увидите послѣ, это зависитъ отъ особеннаго распредѣленія язычнаго нерва, вѣточки пятой пары.

Посмотримъ, будетъ ли то же самое съ обоняніемъ. Та половина носа, на которой перерѣзанъ нервъ, способна ли ощущать запахи? Я докажу вамъ, что уничтоженіе этого чувства, не есть простое слѣдствіе операціи, а произошло отъ пересѣченія нерва пятой пары. Я раскупориваю стлѣнку съ уксуною кислотою, подъ правую ноздрю животною, предварительно крѣпко заткнувши лѣвую: кроликъ ничего не чувствуетъ. Я беру вмѣсто укусу аммоніакъ: то же самое. Лѣвая половина носа, напротивъ, очень хорошо ощущаетъ запахъ сильно пахучихъ веществъ: всякой разъ, лишь только я поднесу къ ней стлѣнку съ укусомъ или аммоніакъ, животное сильно бьется.

Поэтому, съ разстройствомъ пятой пары, уничтожается и осязательная чувствительность въ обонятельной оболочкѣ? Да. Я укальваю эту плеву на правой сторонѣ, животное ничего не замѣчаетъ: но посмотрите, какъ чувствительна лѣвая!

Можетъ-быть, однако жъ, что, уничтожая въ мокротной оболочкѣ осязаніе, мы лишаемъ ее способности распознавать только вдхія испаренія, а не собственно запахи? Обонятельный нервъ можетъ-быть назначенъ исключительно для запаховъ, между-тѣмъ какъ пятая пара определена для осязательныхъ ощущеній? Эти вопросы должны рѣшиться только опытъ. Замѣьте, впрочемъ, что по разрушеніи нервовъ нервной пары, при здоровомъ состояніи пятой, животное обоняетъ, не только аммоніакъ, но и многіе другіе запахи гораздо менѣе сильные.

Изъ правой ноздри кролика вытекаетъ вязкая, гнойная матерія, точно такая же какъ изъ глаза. Это — слѣдствіе размягченія и порчи мокротной оболочки.

Чувствительность уха тоже находится въ зависимости отъ пятой пары. Я укальваю слуховой нервъ, и не провожу боли, несмотря что слухъ не поврежденъ. Но, лишь только я перерѣзалъ пятую пару, тутъ и слухъ и осязаніе рѣшительно исчезли. Какія вѣтви пятой пары разделя-

тми въ уха? Я адсь нахожу только Видіеву вѣточку, которая, подобно рѣсничнымъ нервамъ, у человека, беретъ свое начало въ узелкъ и распределяется въ слуховой органъ, соединяясь съ вѣточками личнаго нерва.

Когда, у животнаго, вы перерѣжете оба нерва пятой пары, оно слышитъ, и походка его дѣлается чрезвычайно странною. Оно боится ступить впередъ. Лишившись чувства, которое прежде знакоило его съ окружающими предметами, животное упирается теперь о полъ подбородкомъ, и, какъ слепецъ своею палкою, оно пробуетъ землю головой.

У животныхъ, которымъ перерѣзана пятая пара на одной только сторонѣ, походка совсѣмъ другая чѣмъ у тѣхъ, у которыхъ разрѣзаны оба нерва. Одно, руководимое ослабленіемъ своихъ усиковъ и ослабительною чувствительности на лицѣ, имѣетъ средства узнать препятствія и избегать ихъ. Оно поднимаетъ уши, прислушивается къ ближайшему звуку. Между-тѣмъ другое, потеряло зрѣніе и слухъ, и идетъ на-удачу, не видя предстоящей опасности.

Вотъ другой кроликъ, у котораго я перерѣзалъ правый нервъ пятой пары. Я увѣренъ, что операція сдѣлана не хорошо: въ соединительной перепонкѣ глаза и губахъ остались некоторые признаки чувствительности, и немного движения въ глазахъ и мускулахъ правой стороны лица. Кроме-того, животное непрерывно вертится, и всё въ одну сторону. Вместо того чтобъ идти прямо впередъ, когда я принимаю его за хвостъ, оно описываетъ кругъ съ лѣва на право, точно какъ-будто бѣгаетъ по манежу: во время операціи, оно, вѣрно, ранило одинъ изъ зрительныхъ бугорковъ и, безъ сомнѣнія, правый. Возьмите другаго кролика.

Я обнажаю личнѣй нервъ правой стороны; старательно отдѣляю его вѣточки отъ прочихъ нервовъ. Животное, въ продолженіи операціи, какъ вы видите, страдаетъ ужасно; мнѣ чрезвычайно трудно отдѣлать остальные вѣточки: животное непрерывно свою голову, оно мѣшаетъ мнѣ дѣйстви-

Я беру щипчиками самую толстую вѣтвь личнаго нерва. Животное бьется и вырывается изъ рукъ. Оно кричитъ: очевидно, боль очень сильна, потому что кролики вообще

животныя очень тихія и некрикливыя. Они выходятъ изъ себя только въ то время когда у нихъ разрѣзываютъ пятую пару. Посмотримъ теперь, какое участіе принимаетъ въ этихъ явленіяхъ движенія пятая пара. Я ее разрѣжу.

Чтобъ произвести это съченіе, я втыкаю инструментъ въ то мѣсто черепа, гдѣ находится височная ямка. Тихо и осторожно веду я инструментъ по гладкой поверхности кости до тѣхъ поръ, пока не почувствую препятствія. Это значитъ, что я дошелъ до каменистой части височной кости. Я поднимаю немножко кончикъ инструмента, и, втыкая его чуть-чуть по дальше, приближаюсь къ нерву. Я повалъ на него: животное кричитъ ужасно! Ясное доказательство, что я разрѣзываю нервъ пятой пары. Все ли теперь разрѣзано? Нѣтъ, соединительная глазная оболочка еще чувствительна, вѣки подвижны. Я снова дѣйствую инструментомъ: крики животнаго убѣждаютъ меня, что я дорѣзываю остальные волокна. Теперь могу смѣло сказать, что нервъ перерѣзанъ совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, правая половина мордочки безчувственна и неподвижна. Посмотримъ, такъ ли теперь чувствителенъ нервъ личной, какъ былъ прежде.

Я щиплю вѣточку, которая была прежде такъ чувствительна: ничего! Я щиплю снова: опять ничего, ни малѣйшаго признаку чувствительности. Поэтому седьмая пара стала безчувственною оттого только, что разрѣзана пятая? Чувствительность личной нерва была заимствованная? Да! Но-крайней-мѣрѣ, я не могу объяснить себѣ иначе этого явленія.

Я обнажаю седьмую пару, на лѣвой сторонѣ лица, на той, гдѣ пятая пара еще не тронута. Я щиплю самую толстую вѣточку: покуда держу въ щипчикахъ эту вѣтвистую вѣтвь, мученія животнаго ужасны. Теперь, когда я выпустилъ нервъ, оно успокоилось. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что лѣвый личной нервъ очень чувствителенъ. Я повторяю опытъ надъ правымъ. Напрасно щиплю я отдѣльно каждую изъ его вѣточекъ: животное ничего не замѣчаетъ.

Отчего жъ такая разница? Правый личной нервъ такъ же цѣлъ какъ и лѣвый, а между-тѣмъ одинъ чувствуетъ, другой безчувственъ! Повторяю, это зависитъ отъ связи ихъ съ пятою парю.

Замѣтите, вмѣстѣ съ тѣмъ, что правая половина лица неподвижна, между-тѣмъ какъ черты лѣвой непрерывно измѣняются. Причина этого очень простая: пятая пара, не будучи двигательнымъ нервомъ лица, держитъ въ своей зависимости седьмую пару нервовъ, чисто назначенныхъ для движеній. Параличъ движенія въ лицѣ можетъ зависѣть и отъ пятой и отъ седьмой пары, но параличъ чувствительности зависѣть, единственно, отъ болѣзненнаго состоянія пятой, потому что седьмая, сама по себѣ, безчувственна.

Обратимся теперь къ нашему больному кролику. Прозрачная роговая оболочка праваго глаза размякла и покрылась изъязв. Она едва держится у бѣлковой оболочки. Вмѣсто гладкой, выпуклой поверхности, вы видите здѣсь какіе-то мокрые, тусклые, отвратительные лоскутья, не имѣющіе въ себѣ ничего похожего на живую органическую ткань. Глазные влаги помутились и слились между собою такъ, что вы никакъ не отличите водной влаги отъ стекловидной. Самый хрусталикъ лишенъ своей прежней прозрачности: онъ исчезъ, такъ сказать, въ полу-расплывшихся, полу-попугавшихся глазныхъ влагахъ, не способныхъ болѣе пропускать свѣту. Вообще весь правый глазной шаръ сталъ меньше лѣваго. Въ лѣвомъ глазу, зрѣніе совершенно правильно. Глазъ не красенъ; вѣки не распухли.

Взгляните на правую половину языка. Она почернѣла, почти помертвѣла. Десны раздулись; изъ нихъ высачивается кровянистая влага, точно какъ у людей зараженныхъ цынгою. Зубы шатаются: въ лупочки набились остатки пищи.

Мышцы всей правой половины лица тоже помертвѣли: вы безъ всякаго труда можете вырвать изъ правой половины верхней губы остальные усики: прочіе, болѣею частію, вывали сами собою.

Перейдемъ теперь къ спинной кости, къ позвоночнымъ нервамъ, и посмотримъ, чувствительны они или нѣтъ.

Нервы позвоночные сообщаются съ спиннымъ мозгомъ дуна корешками, переднимъ, съ переднею его частію, заднимъ, съ заднею. Каждый корешокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ нервныхъ нитей, соединенныхъ въ цилиндрической пучекъ. Пройдя небольшое пространство, отдѣль-

но другъ отъ друга, оба корешка встрѣчаются, соединяются и образуютъ плоскую ленточку, или тесемку. Двѣ такіе ленточки составляютъ пару позвоночныхъ нервовъ. Между двумя корешками, до самаго соединенія, нѣтъ ни одной общительной ниточки.

Длина пути, который пробѣгаютъ корешки въ трубѣ спинной кости, зависитъ объ бѣльшей или мѣньшей длины спинного мозга; у челоуька, напримѣръ онъ не простирается дѣлье втораго поясничнаго позвонка. Очевидно, что корешки, идущіе отсюда и выходящіе изъ спинной трубы, въ самомъ нижнемъ концѣ ея, должны пробѣгать гораздо дальнѣйшее пространство чѣмъ тѣ, которые начинаются вблизи отверстія, позволяющаго нерву выходить наружу. Передніе корешки, у нѣкоторыхъ паръ, гораздо больше заднихъ; между-тѣмъ какъ задніе состоятъ изъ гораздо бѣльшаго числа первоначальныхъ нитей чѣмъ передніе.

Составившись изъ соединенія двухъ корешковъ, нервъ идетъ дѣлье и развѣтвляется въ частяхъ тѣла, надѣляя ихъ способностью чувствовать и двигаться. Но эта чувствительность и это движеніе сообщаются ли равно обоими корешками, или одинъ назначенъ для чувствованія, а другой для движенія? Вотъ вопросъ, который постараюсь рѣшить опытомъ.

Принесемъ эту молоденькую собачку въ жертву нашему любопытству. Около поясницы я разрѣзываю кожу и лежащія подъ ней мягкія части; дойдя до позвоночнаго столба, отдѣляю заднюю его стѣнку, чтобъ обнажить, плевистый мѣшокъ, гдѣ лежитъ окончаніе спиннаго мозга, cauda equina. Потомъ, крѣпкими ножницами, отрѣзываю оставшія части поясничныхъ позвонковъ. Это самый важный моментъ въ операціи: очень легко можно поранить либо нервы либо спинной мозгъ; ихъ очень трудно различить другъ отъ друга, по причинѣ бѣльшаго количества истекающей крови. Теперь все готово. Вотъ крѣпкая матерія. Прежде, я обыкновенно вскрывалъ ее, но вскорѣ замѣтилъ, что отъ воздуха и переменны температуры дѣйствіе вервовъ очень ослабляется.

У собакъ, корешки собственно спинныхъ нервовъ, вышедши уже изъ спинной трубки, до соединенія въ общій стволъ

лить, помещаются въ особеннаго рода довольно длинныхъ персончатыхъ трубчатыхъ, или «каналахъ». Тупоконечныя ии ножницами можно отделить костяныя пластинки и боковыя части позвонковъ, и такимъ образомъ обладають узлами всахъ поясничныхъ паръ; потому маленькими острыми ножницами очень удобно отделяются корешки одинъ отъ другаго и отъ спиннаго мозгу.

Вы можете поверить надъ этииъ животнымъ справедливость моихъ словъ. Я сказалъ вамъ, что прикосновение воздуха, къ оболочкамъ спиннаго мозгу, всегда производитъ бевпорядки въ дѣйствіи нервной системы. Животное уныло и едва держится на ногахъ: между-тѣмъ я нигдѣ не дотронулся до мозгу. Вы можете снять весь черепъ, отделить цѣльноклушарія, и не замѣтите такихъ явственныхъ переменъ. Почему же отъ простаго соприкосновения воздуха съ оболочками спиннаго мозгу животное такъ страдаетъ? Не знаю. Можетъ-быть, — а съ этими «можетъ-быть» чего нельзя объяснить! — Можетъ-быть, повторяю, оболочки спиннаго мозгу живутъ вмѣстѣ съ нимъ какія-нибудь общія свойства, безъ чего.... Но оставимте предположенія и обратимся къ собачкѣ.

Животное, какъ вы видите, теперь совсѣмъ спокойно, и даже съ участіемъ смотритъ на то, что дѣлается кругомъ его. Я вожу его: оно повертываетъ ко мнѣ свое рыльцо; я ласкаю его: оно машетъ хвостомъ. Я приплюснулъ заднія ноги: оно ихъ отдергиваетъ. Приступимъ же къ опыту. Здѣсь, впереди, вы видите спинной мозгъ, окруженный слоемъ волокнистымъ вмѣстилищемъ. Съ боковъ, находятся корешки поясничныхъ паръ; немного подалѣе, узелокъ, за которымъ оба корешка соединяются въ общій стволликъ. Пройдявшись немного, и взглянувъ сбоку, вы замѣтите небольшую борозду: тутъ-то именно и находится граница между корешковъ. Ложбинка, которая ихъ разделяетъ, произошла отъ счлоченія двухъ стволликовъ, соединившихся своими поверхностями.

Я намеренъ теперь дотронуться отдельно до каждаго корешка, передняго и задняго. Это операція Белля, но онъ ее дѣлалъ надъ животными только-что убитыми.

Я ухватилъ задній корешокъ. Животное вскрикнуло и

запахивать: ему очень больно. Вотъ первый фактъ: задніе корешки позвоночныхъ нервовъ надѣлены чрезвычайно тонкою чувствительностью.

«Посмотримъ, такъ ли же чувствительны передніе корешки какъ задніе? Но сдѣлать это очень трудно. Во-первыхъ, мнѣ нужно сначала щипчиками схватить твердую матку, чтобъ отдалить, сколько можно, передніе корешки отъ спиннаго мозга: иначе мнѣ не будетъ вѣста дѣйствовать инструментомъ; во-вторыхъ, твердая матка, растянутая мозгомъ и мозговою водою, представляетъ цилиндрическую поверхность, по которой скользятъ щипчики. Сверхъ-того, если, по-несчастію, я прикоснусь въ то же время къ спинному мозгу, который чрезвычайно чувствителенъ, животное станетъ рваться такъ сильно, что я принужденъ буду прекратить операцію. Мнѣ придется начать снова, а это утомитъ и собаку и меня.

«Я приподнимаю твердое мозговое покрывало. Что инструментъ не коснулся спиннаго мозга, въ этомъ я твердо убѣжденъ, потому что животное совершенно спокойно. Осторожно ввожу я одну ножку пинцета между обонхъ корешковъ, другую направляю впередъ такъ, чтобъ весь стволѣкъ задняго корешка находился между ножками пинцета. Я сжимаю его. Животному очевидно больно, но не такъ, какъ было въ то время, когда я производилъ тотъ же опытъ надъ заднимъ корешкомъ. Я щиплю еще одинъ корешокъ, у другаго нерва, со всѣми прежними предосторожностями. Вы видите, что и тутъ животное сильно страдаетъ. Вотъ второй фактъ: передніе корешки спинныхъ нервовъ тоже одарены сильною чувствительностью.

Изъ этого слѣдуетъ, что передніе и задніе корешки чувствительны, съ тою разницею, однако жъ, что первые менѣе чувствительны чѣмъ вторые.

Теперь, я разрѣжу всѣ задніе корешки у всѣхъ пяти паръ поясничныхъ нервовъ, праваго боку, и всѣ передніе на лѣвой сторонѣ. Если предположеніе мое справедливо, если дѣйствительно передніе корешки назначены только для движенія, а задніе только для чувствованія, то, сдѣлавши это, я парализирую всѣ движенія въ лѣвой задней ногѣ, и уничтожу чувствительность въ правой. Результатъ долженъ быть

разительным: малейшим признаком чувствительности въ правой ляжке малейшимъ слѣдомъ движенія въ левой, будутъ значить, что мнѣ не удалось перерезать всѣхъ корешковъ, и что опытъ не полонъ.

Я начну съ заднихъ корешковъ. Вотъ задній корешокъ первой пары поясничныхъ нервовъ. Я его разрываю: животное вскрикнуло. Это значитъ, что ему больно: оно и должно быть такъ, потому что, если нервъ чувствителенъ, когда я его щиплю, — тѣмъ сильнѣе должна быть боль, когда я его разрываю. Точно такъ же разрываю я задніе корешки у второй, третьей, четвертой и пятой пары. И всякій разъ животное вскрикиваетъ, начинаетъ биться, и потомъ но-немногу успокаивается.

Однако жъ, смотрите, я щиплю правую ляжку. Что это? животное встреплнулось; я щиплю еще разъ: новое движеніе. О! будьте увѣрены, я не совсемъ разрезалъ который-нибудь изъ корешковъ. Просмотримъ ихъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я это предвидѣлъ: вотъ корешокъ, который разрезать не совсемъ. Концы его сообщаются посредствомъ тоненькой нервной ниточки: я ее разрываю. Теперь все кончено. Я давяю кожу, щиплю ее, укалываю, рѣжу: животное ничего не замѣчаетъ. Въ левой сторонѣ, напротивъ чувствительность ни сколько не разстроилась. Такимъ образомъ мы кончили первую часть нашего опыта. Въ тѣхъ членахъ, куда идутъ нервы отъ разрезанныхъ поясничныхъ паръ, чувствительность совершенно уничтожилась. Мнѣ остается разрезать передніе корешки левой стороны.

Вотъ одинъ изъ нихъ: я его разрываю. Животное, падающее, теперь страдаетъ менѣе, чѣмъ въ то время, когда я перерезывалъ задніе. Я разрываю такимъ же образомъ и прочіе четыре корешка.

Въ левой задней ногѣ, всякое движеніе должно быть уничтожено. Чтобы удостовѣриться, я ставлю животное на ноги; оно немного поддерживаю, и заставляю сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Правую ногою животное дѣйствуетъ совершенно свободно; напротивъ левая волочится, какъ у человѣка парализованнаго параличемъ. Я укалываю левую заднюю ногу, животное чувствуетъ это такъ же явственно какъ и до разреза.

Убедивъ васъ опытомъ, что и переднiе и заднiе корешки позвоночныхъ нервовъ способны чувствовать боль, я хоту доказать, также опытомъ, что разрывъ задняго корешка уничтожаетъ чувствительность въ переднемъ.

Другая собака. Я разрываю одинъ изъ пяти заднихъ корешковъ поясничныхъ нервовъ, — корешокъ второй пары. Въ то самое мгновенiе какъ острiе ножницъ вонзилось въ нервъ, животное почувствовало сильную боль. Можно было подумать, что я разрываю которую-нибудь изъ ветвей пятой пары.

Переднiй корешокъ второй пары цѣль. Я стравываю его щипчиками, жму его, растираю: ни какаго признаку боли. Переднiй корешокъ не чувствителенъ. Вспомните, однако жъ, что прежде онъ онуцалъ боль такъ же сильно какъ и заднiй, когда тотъ былъ еще цѣль. Я могу даже совсемъ оторвать оставшiйся кусочекъ передняго корешка отъ спиннаго мозга, и не причиню этимъ боли: А это очень замѣчательно. Вспомните только, какъ жестоко страдало животное, когда я чуть-чуть потрясалъ спинной мозгъ, до разрыва задняго корешка.

Какимъ же образомъ чувствительность распространяется здѣсь снизу вверхъ? Сдѣлаемъ обратный опытъ. Мнѣ хочется узнать, изменится ли чувствительность въ заднемъ корешкѣ, или останется такою, какъ была, если я разрѣжу одинъ только переднiй.

Разрываю переднiй корешокъ: животному очевидно было очень больно въ минуту дѣйствiя инструмента. Посмотримъ, чувствуетъ ли заднiй корешокъ. Да; и такъ же сильно какъ прежде. Ясно, что разсѣченiе передняго корешка не имѣло влiянiя на чувствительность задняго. Такъ и должно быть: чувствительность передняго корешка уничтожается съ разрывомъ задняго, потому что переднiй заимствуетъ ее у задняго. Будучи нечувствителенъ самъ по себѣ, прежнiй корешокъ не можетъ сообщать чувствительности заднему.

(Собака, надъ которою произведенъ былъ этотъ опытъ, околѣла черезъ два дня.) Я намѣренъ вскрыть трупъ этой собаки, и посмотреть, что именно могло быть причиною смерти.

Животные, у которых вскрыта спинная трубка, очень редко проживают несколько часов послѣ операции. Я никакъ не могу объяснить себѣ причины такой скоростной смерти. Жизнь продолжается несколько дней по отнятіи цѣлыхъ полушарій, между-тѣмъ животное умираетъ въ несколько часовъ отъ простаго обнаженія крѣпкого покрывала спинного мозга, хотя самъ мозгъ и не соприкасается съ воздухомъ. Правда, иногда рана бываетъ довольно велика; но, при вскрытіи черепа, она бываетъ еще больше. Какъ бы то ни было, причина смерти этой собачки очевидна: испортилась мозговая вода. Она побѣлѣла, стала густа какъ кашница, превратилась въ настоящій гной, прилипла къ спинному мозгу. Когда я хочу отделить ее, она увлекаетъ съ собою полу-сгнившіе остатки крѣпкой матки и кусочки самаго мозгового вещества. Размягченіе ограничивается верхними слоями; прочіе совершенно здоровы. Но и этого довольно чтобъ причинить смерть. Я не понимаю однако жъ одного: какъ подобныя болѣзненные измѣненія могли развиться такъ быстро, тѣмъ болѣе, что паутинная оболочка не была тронута?

Однако жъ, чтобъ опредѣлить положительно, изъ какого источника почерпаетъ передній корешокъ свою чувствительность, вотъ какое придумалъ я средство.

Я разрѣжу по-серединѣ передній корешокъ, не трогая задняго. Раздражая потѣмъ оба конца передняго корешка, мы увидимъ, который изъ нихъ чувствителенъ. Если боль окажется въ концѣ, соответствующемъ спинному мозгу, это будетъ значить, что источникъ чувствительности — мозгъ; напротивъ, боль въ другомъ концѣ, будетъ означать, что чувствительная способность зависитъ отъ задняго корешка.

Для опыта, возьмемъ молоденькую собачку. Я вскрылъ уже половину позвоночной трубы. Вы ясно можете видеть здѣсь узелки заднихъ корешковъ и ту точку, гдѣ они сливаются съ передними.

Вы знаете, какія странныя понятія существуютъ въ физиологій объ узелкахъ. Здѣсь очень кстати мы можемъ поспорить, действительно ли они чувствительны. Легко стать-ся можетъ, что задній корешокъ, дойдя до узелка, только

проходить сквозь его центральную часть, такъ, что чувствительность не покажется на его поверхности.

Я укалываю узелокъ. Животное это чувствуетъ. Я укалываю другой: чувствительность въ немъ такъ же велика какъ и въ корешкѣ.

Этотъ опытъ показываетъ ясно, какую грубую ошибку дѣлаютъ тѣ, которые свѣиваютъ узелки спинныхъ нервовъ съ гангліями большого сочувственнаго нерва. Общее между этими двумя органами — одно только названіе. Рассмотрите ихъ анатомически, подвергните ихъ дѣйствию химическихъ реагенцій: вы не найдете между ними ни малѣйшаго сходства, ни малѣйшей аналогіи. Еще болѣе становится замѣтно эта разница, когда вы начнете производить опыты. Вы видели, какъ живо чувствуютъ боль узелки спинныхъ нервовъ: колите же, рѣжьте, жгите ганглии симпатическаго нерва, — животное такъ же мало замѣтитъ это, какъ-будто вы дѣйствовали надъ сухою жлою, или другою безчувственною тканью.

Что задній корешокъ чувствителенъ и за пределами узелка, это не подлежитъ сомнѣнію. Но, вотъ я разрываю передній корешокъ по самой серединѣ. Животное вскрикнуло: доказательство, что передній корешокъ способенъ чувствовать боль. Теперь, я отворачиваю оба конца разрывнаго корешка, схватываю пинцетомъ кончикъ, прилегающій къ спинному мозгу: животное этого не почувствовало; я жму его, раздавливаю: животному не становится больно. Значитъ, чувствительность передняго корешка не зависитъ отъ спиннаго мозга. Отъ чего жъ зависитъ она? Неужели отъ соединенія съ заднимъ корешкомъ? Увидимъ.

Я щиплю наружный конецъ передняго корешка. Животное бьется точно такъ же, какъ-будто середній корешокъ былъ цѣлъ. Боль такъ сильна, что я долженъ выпустить собачку изъ рукъ. Я укалываю спинной конецъ: животное совершенно спокойно. Теперь вы видите, что чувствительность передняго корешка происходитъ изъ соединенія его съ заднимъ, а не отъ спиннаго мозга.

Ухвативъ щипчиками спинной конецъ, я тяну его къ себѣ, съдвигая, подтягивая и мозгу: животное не кричитъ.

жду-туть, откуда передній корешокъ цѣль, малѣйшаго прикосновенія довольно было чтобъ причинить жестоку боль.

Поэтому, если разрѣзать передній корешокъ по-серединѣ, конецъ его, обращенный къ спинному мозгу, не чувствителенъ. Другой конецъ, напротивъ очень чувствителенъ.

Передній корешокъ разрѣзанъ: посмотримъ, какія явленія произойдутъ въ мускулахъ, если мы станемъ раздражать отрѣзанный конецъ. Я схватываю передній корешокъ первой поясничной пары: животное встревожилось, но движенія эти — общія, а не частныя. Мы произвели здѣсь только ощущение боли, которое обнаружилось общимъ волненіемъ, а не ограниченное сокращеніе нѣсколькихъ мускуловъ. Если бы корешокъ былъ цѣль, то, кромѣ общихъ движеній, вы увидели бы нѣсколько частныхъ сокращеній въ тѣхъ мускулахъ, въ которыхъ этотъ нервъ распределяется.

Мы можемъ вывести теперь общее заключеніе: передній корешокъ заимствуетъ свою чувствительность, не прямо отъ спиннаго мозгу, а отъ задняго корешка, который, въ свою очередь получаетъ ее отъ спиннаго мозгу.

Впрочемъ, спинной мозгъ — единственный источникъ чувствительности для обоихъ корешковъ. Любопытенъ только путь, какимъ разливается чувствительность. Получивъ свое начало въ спинномъ мозгу, она переходитъ къ задній корешокъ, и идетъ по немъ до соединенія его съ переднимъ; тутъ чувствительность раздѣляется на двѣ части: одна идетъ по общему стволу нерва и разливается во всѣмъ его подраздѣленіямъ; другая, по переднему корешку, возвращается обратно къ мозгу. Вы понимаете теперь, какое вліяніе имѣютъ другъ на друга передніе и задніе корешки, относительно распределенія чувствительности.

Если мое объясненіе справедливо, то, разрѣзавши задній корешокъ и оставивъ не тронутымъ передній, мы увидимъ слѣдующее:

Ущипывая спинной конецъ задняго корешка, мы найдемъ его столько же чувствительнымъ какъ и до разрѣзу. Другой конецъ, напротивъ, ничего не будетъ чувствовать.

Убѣдимся сначала въ томъ, что и передній и задній корешки первой поясничной пары равно чувствительны.

Если задній несколько сильнее чувствует чужь порадій, разница эта не значительная. Я ихъ отдѣляю другъ отъ друга, разрывая поперегъ задній корешокъ. Посмотрѣвъ, какъ велика степень чувствительности въ надеждѣ изъ этихъ концовъ.

Я ущипнулъ конецъ, прилегающій къ спинному мозгу. Животное почувствовало сильную боль. Щипая конецъ лежащій у узелка. Ничего; ни малѣйшаго движешя; ни какаго слѣду отраданія. Узелокъ, корешокъ за узелкомъ, стволъ нерва, рѣшительно безчувственны. Я указываю по-переменно вся эти части: животное ничего не замѣчаетъ.

Раздражимъ теперь передній корешокъ. Нѣкоторые мускулы сократились: прочіе неподвижны; вѣроятно, они получаютъ свои нервы отъ другихъ паръ, которые дамы. Но животное не страдаетъ; оно, кажется, не знаетъ и того, что нѣкоторые изъ его мускуловъ пришли въ движеніе. Новое доказательство, что всякое чувство уничтожено въ нервъ, когда разрезанъ его задній корешокъ.

Теперь мы можемъ принести это животное въ жертву наукъ. Я вливаю ему въ глотку нѣсколько капель сильной кислоты. Вотъ оно падаетъ безъ чувствъ и движешя. Оно мертво. Это самый лучший способъ прекращать ихъ страданія: имъ нѣтъ времени ощутить новыя мученія.

Я сжимаю одинъ изъ корешковъ. Но который, этого вамъ не скажу. Нѣсколько мускуловъ пришло въ движеніе. Это былъ передній. Я сжимаю теперь другой корешокъ: мускулы не сокращаются. Я жму еще кричче: ничего! Это задній. Видите: даже и послѣ смерти животного каждый корешокъ удерживаетъ свои относительныя свойства!

Пятая пара (*nervus trigeminus*, *nervus trifasciatus*) — одна изъ самыхъ любопытныхъ и важнѣйшихъ частей нервной системы. У человека нервъ пятой пары гораздо меньше, разумѣется относительно, нежели у некоторыхъ животныхъ, гдѣ онъ одинъ составляетъ уже цѣлую систему, между-тѣмъ какъ прочіе нервы и мозгъ едва можно назвать прибавкомъ. Какая бы впрочемъ ни была величина этого нерва, разнообразныя свойства и назначенія его требуютъ глубокаго и подробнаго изученія:

Пятая пара — нервъ совершенно особеннаго реду во всякъ отношеніи: онъ отличается отъ прочихъ мозговыхъ и спинныхъ нервовъ, и анатомическимъ устройствомъ, и свойствами. Онъ начинается сбоку Варолева Моста, недалеко отъ срединной линіи; но это начало нерва болѣе кажущееся чѣмъ истинное: отдѣливши нѣсколько поперечными нити Варолева Моста, ясно видно, что пятая пара продолжается въ видѣ толстаго пучка въ глубину моста, и идетъ съ передка назадъ, къ нижней части четвертаго желудка. Далѣе его преслѣдовать не возможно.

У пятой пары — два начала, корешокъ съ узелкомъ, и корешокъ безъ узелка. Узловатый корешокъ имѣетъ форму толстаго пучка, состоящаго изъ соединенія многочисленныхъ нервныхъ ниточекъ, выходящихъ изъ Варолева Моста сквозь узкую скважину между его поперечными нитями. Корешокъ безъ узелка — меньше, и составленъ изъ ниточекъ, проходящихъ нѣсколько сзади и выше ниточекъ другаго корешка. Ниточки передняго корешка вскорѣ проходятъ черезъ нити задняго, и идутъ сбоку верхняго его края.

У спинныхъ нервовъ, какъ вы видѣли, есть тоже два корешка, одинъ съ узелкомъ, другой безъ узелка. Посмотримъ, какая разница между этими двумя нервами.

Узелокъ спинныхъ нервовъ — маленькое, круглое, твердое тѣло, состоитъ изъ плотной и крѣпкой ткани, не получаетъ и не даетъ ни одной нервной ниточки. Узелокъ пятой пары, ganglion Casseri, напротивъ, очень великъ, и образуется отъ переплетенія мягкихъ сероватыхъ нитей; за узелкомъ корешокъ не принимаетъ уже своей прежней круглой формы; изъ узелка, прямо выходятъ многія нити. Задніе корешки спинныхъ нервовъ, напротивъ-того, проходятъ сквозь узелокъ, снова возвращаются къ своему круглому виду и остаются круглыми до самаго соединенія своего съ передними.

Другая разница состоитъ въ томъ, что оба корешка спинныхъ нервовъ сливаются въ одинъ стволъ, и уже изъ этого ствола проходятъ все прочія ветви. У пятой пары, маленькій корешокъ не соединяется съ узловатымъ корешкомъ, не даетъ ему даже ни одной ниточки, а только

проходить подъ нимъ и составляетъ большую часть нижнечелюстного нерва. Такимъ образомъ, изъ трехъ главныхъ ветвей пятой пары, изъ узелка исходятъ два нерва, нервъ зрительный и нервъ верхнечелюстный.

Вотъ почему мнѣ кажется необходимымъ произвести реформу въ школьномъ языкѣ анатомистовъ. Мы бы должны были говорить : нервъ узелковый, или чувствительный; нервъ неузелковый, или двигательный; но вместо «корешокъ» слѣдуетъ просто говорить «нервъ».

Гассеровъ узелокъ такъ плотно прирастаетъ къ крышкѣ матки, что его нельзя отодрать отъ нея не разорвавъ несколькихъ нитей. Онъ лежитъ въ особенной ямочкѣ височной кости. Складка крышкѣ матки, прилегающая къ височной ямочкѣ, превращается ея въ каналъ, и не позволяетъ полусферіямъ давить на узелокъ. Это анатомическое обстоятельство важно по тому, что показываетъ, сколько предосторожностей приняла природа чтобы предохранить этотъ важный органъ отъ всякаго поврежденія.

Каналъ, въ которомъ лежитъ Гассеровъ узелокъ, наполненъ мозговою водою. Разсматривая узелокъ, въ то время когда онъ окруженъ жидкостью, вы увидите, что каждая ниточка его плаваетъ отдѣльно въ мозговой влагѣ.

Я уже сказалъ вамъ, что изъ Гассерова узелка берутъ свое начало двѣ нервныя ветви, маленькая, ветвь глазная, и другая, по-больше, ветвь верхнечелюстная. Скажемъ несколько словъ о распредѣленіи этихъ двухъ ветвей.

Ветвь глазная, *nervus ophthalmicus Willisii*, входитъ въ слѣй наружной стѣнки пещеристой пазухи, и раздѣляется тамъ на три ветви, слѣзную, лобную и носовую.

Нервъ слѣзный проникаетъ въ глазную яму черезъ наружный уголъ основной расщелины и идетъ къ слѣзной желѣзѣ, въ которой разсыпается множествомъ тоненькихъ ниточекъ. Онъ-то, какъ кажется, преимущественно поражается при отдаленіи слезъ. Уколите его, — изъ него тотчасъ потекутъ слезы. Вышедши изъ слѣзной желѣзы, этотъ нервъ проходитъ сквозь сухожильную часть верхняго века, и даетъ веточки ему и кожѣ; лежащей на немъ.

Лобный нервъ, продолженіе ствола глазнаго нерва, до-

идетъ въ глазную яму черезъ верхнюю часть основной трещины, лежитъ между надкостницею плечею и мускулою, поднимающимъ верхнее веко, и раздѣляется на двѣ вѣтви, наружную и внутреннюю: лобный наружный нервъ выходитъ наружу черезъ бровную дырочку и раздѣляется въ кожу лба и верхняго века. Вѣточки внутреннего носоваго нерва развѣтвляются въ верхнее веко, на лбу и на хребтъ носа. Въ этомъ мѣстѣ онъ соединяется ниточками носоваго нерва.

Носовой нервъ гораздо замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ. Не доходя еще до глазной ямы, онъ пускаетъ небольшую ниточку, которая идетъ къ одному изъ заднихъ угловъ глазнаго узелка. Замѣьте, эта ниточка шла уже отъ Гассерова узелка. Длaczego жъ идетъ она отъ одного узелка къ другому? Вопросъ, который мы разрѣшимъ впоследствии. Потомъ онъ даетъ множество чрезвычайно тонкихъ ниточекъ, которыя, дошедши до глаза, проникаютъ сквозь блочную оболочку и развѣтвляются въ райкъ.

Отъ носоваго нерва отдѣляется, кромѣ этой вѣточки, очень замѣчательная ниточка. Вышедши изъ черепа вмѣстѣ съ вѣткою отъ которой она происходитъ, эта ниточка снова вышникаетъ изъ глазной ямы и возвращается назадъ въ черепъ, сквозь внутренній глазной каналъ. Войдя въ рѣшетчатую ямку, сбоку гребешка, она проходитъ сквозь одну изъ дырочекъ рѣшетчатой кости въ носовую полость, и раздѣляется на двѣ вѣточки, одну внутреннюю, разсыпашуюся въ носовой преградѣ, другую, наружную, которая снабжаетъ нервами носовыя раковины, пробирается сквозь костяныя стѣнки носа и оканчивается въ кожу. Для этой ниточки есть очень мудреное названіе: рѣшетчатая ниточка носовой вѣточки глазной вѣтви вилизова нерва. Вы послѣ увидите, имѣю ли я основательныя причины думать, что эта нервная ниточка принимаетъ большое участіе въ обоняніи.

Испустивъ эти вѣтви, носовой нервъ выходитъ изъ глазной ямы и разсыпашается въ глазныхъ мускулахъ, въ верхнее веко, на хребтъ носа и въ кожу лба. Многія изъ его вѣточекъ соединяются съ вѣтвями седьмой пары.

Я только-что говорилъ вамъ о соединеніи носоваго нерва съ глазнымъ узелкомъ. Этотъ узелокъ — маленькое, сѣро-

итое тело, похожее на чечевичку, лежит съ наружнаго боку зрительнаго нерва, и окружено жиромъ. У него четыре угла. Изъ двухъ переднихъ выходятъ два пренесенные первые пучочки, — рьоничные нервы. Задніе углы, посредствомъ тоненькихъ нитей, сообщаются съ нижнею веткою нерва двигающаго глазомъ и съ первымъ носовымъ. Эти общительныя ниточки до сихъ поръ были просто предметомъ любопытства для анатомиковъ. Они ихъ пренервали лишь для того чтобъ доказать свое искусство въ анатомическомъ ремеслѣ. Нынче, мы должны опытомъ показать ихъ назначеніе.

Верхнечелюстная ветвь, — вторая изъ происходящихъ отъ Гассерова узелка, — выходитъ изъ черепа черезъ круглую дыру, идетъ въ основнечелюстную ямку, оттуда въ надглазный каналъ, и наконецъ, черезъ переднее его отверстіе, появляется на щеку. Верхнечелюстный нервъ подобно главному, имѣетъ узелокъ. Отъ перваго стволика идутъ ниточки къ щечнымъ мускуламъ, къ деснамъ, губамъ, языкамъ, губамъ и носу.

Скажемъ нѣсколько словъ объ узелкѣ. Меккелевъ узелокъ начинается съ нижняго боку верхнечелюстнаго нерва, въ основнечелюстной ямкѣ. Вотъ ветви, которыя отъ него начинаются.

Три нерва небныхъ, которые раздѣляются въ раковинахъ носа, въ небной занавѣсѣ, въ небномъ сводѣ и оболочкѣ дѣсенъ.

Наружные и внутренніе основнонебные нервы раздѣляются по Шнейдеровой плевѣ и носовой преградѣ.

Видіевъ нервъ раздѣляется на двѣ ветви, верхнюю и нижнюю. Нижняя входитъ въ сонный каналъ и соединяется съ верхнимъ шейнымъ узелкомъ и нервомъ наружной глазной мышцы, между-тѣмъ какъ верхняя идетъ назадъ подъ крышку матки, лежитъ въ ложбинѣ, находящейся въ каменистой части височной кости, и наконецъ входитъ въ Фаллопиевъ каналъ, оканчивается въ личномъ нервѣ. Слияются ли тутъ эти два нерва, въ одинъ общій, или только прилегаютъ одинъ къ другому? Анатомики думаютъ объ этомъ различно. Одни утверждаютъ, будто они соединяются въ одинъ; другіе говорятъ, что Видіевъ нервъ, пройдя

некоторое пространство сбоку личного нерва, отделяется от него и потому, под названием барабанной струны, бросается въ язычный нервъ, вѣтъ пятой пары, откуда наконецъ совсемъ отдѣляется и входитъ въ узелокъ подчелюстной.

Трудно рѣшить, кто тутъ правъ. Мнѣнія тѣхъ и другихъ основываются на очень малыхъ началахъ. Я постараюсь рѣшить вопросъ опытомъ.

Намъ остается рассмотреть распределеиe третьей вѣтви, вѣтви, которая происходитъ отъ коренка, не имеющаго узла. Это — самая большая изъ всѣхъ вѣтвей пятой пары. Нижнечелюстной нервъ выходитъ изъ черепа, черезъ овальную дыру, въ скуловую ямку, и тутъ раздѣляется на множество вѣтвей. Изъ нихъ особенно замѣчательны слѣдующія :

Нервъ язычный : онъ идетъ снизу вверхъ, по внутренней сторонѣ нижней челюсти и развѣтвляется въ толщю языка. Въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ проходитъ между крыльными мышцами, къ нему присоединится барабанная струна и тотчасъ же образуется небольшой узелокъ, отъ котораго идутъ ниточки къ подчелюстной желѣзѣ. Некоторые анатомы уверяютъ, будто этотъ узелокъ образованъ изъ барабанной струны, которая присоединилась къ язычному нерву, подобно тому какъ она уже однажды была прикрѣплена къ нерву личному, подъ именемъ Видьева нерва. Вы поймете, что такое предположенiе надобно поверить опытомъ.

Нервъ зубной, нижнiй, входитъ въ нижнечелюстной каналъ, даетъ вѣточки всѣмъ зубамъ, выходитъ наружу черезъ переднее отверстiе нижнечелюстнаго канала, и развѣтвляется въ кожу, соединяясь съ личнымъ нервомъ. Въ этомъ то нервъ чаще всего гнѣздится невралгiя.

Нервъ височно-ушнiй назначенъ, бoльшую частiю, для лица и уха; особенно замѣчательно его соединенiе съ слезною жезлою. За шейною составнаго отростка нижней челюсти исходитъ отъ него довольно толстая вѣточка, которая, тотчасъ за заднимъ краемъ жевательнаго мускула, прилепаетъ къ личному нерву въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ представляетъ небольшую припухлость. Мы послѣ увидимъ какую важную роль играетъ эта соединительная ниточка относительно къ чувствительности слезной пары.

Наконецъ, у нижнечелюстного нерва есть также свой узелокъ, описанный Арнольдомъ, подъ именемъ *ушнаго узелка*, ganglion oticum. Этотъ небольшой красноватый узелокъ лежитъ подъ овальною дермою; сквозь него проходятъ нервныя сообщительныя ниточки.

Вотъ все, о чемъ я считалъ нужнымъ напомнить, приступая къ опытному изслѣдованію отправления пятой пары.

Я уже имѣлъ случаи нѣсколько разъ показать на опытѣ, какія слѣдствія имѣетъ разсѣченіе ствола пятой пары. Я хочу теперь разрѣзать, по-одиначкѣ, каждую изъ вѣтвей этого нерва. На трупѣ сдѣлать подобную операцію не мудрено; но на живомъ животномъ это чрезвычайно трудно. Судите сами. Вотъ кроликъ. Я отдѣляю сводъ черепа, извлекаю большую часть мозговыхъ долей правой стороны, и наконецъ дохожу до височной ямки. Я направляю кончикъ маленькаго bisturia къ нерву верхнечелюстному. Животное кричитъ и бьется: самое вѣрное доказательство, что я коснулся до одной изъ вѣточекъ пятой пары. Легко можетъ быть, что я ранилъ въ то же время и нервъ глазной, потому что онъ лежитъ очень близко къ верхнечелюстному, и даже иногда оба эти нерва выходятъ изъ Гассерова узелка общимъ стволикомъ.

Дотронемся до соединительной перепонки: животное не закрываетъ глаза; значитъ, оно не почувствовало прикосновенія инструмента. Я щиплю верхнюю губу: также нечувствительность. Нижняя губа, напротивъ, осталась по-прежнему чувствительною. Вѣроятно, я разрѣзалъ верхнечелюстный и глазной нервы не тронувши нижнечелюстную. Опытъ надобно передѣлать.

Звница праваго глаза сильно сократилась. Замѣчательно, что у собакъ и кошекъ, если разрѣжете пятую пару, она, напротивъ, расширяется. Я, съ Демуленомъ, дѣлалъ множество анатомическихъ изслѣдованій, чтобы отыскать причину такого страннаго явленія, и ничего не узналъ вѣрнаго, исключая того, что у кроликовъ рѣсничные нервы идутъ отъ пятой пары, между-тѣмъ какъ у собакъ и кошекъ нѣкоторыя ниточки рѣсничныхъ нервовъ отдѣляются отъ носовой вѣтви глазнаго узелка. Вслѣдствіе разрѣзу пятой

пары, эти нервы парализируются, и оттого зеница теряет способность сокращаться.

Посмотримъ, чувствителенъ ли райкъ на той сторонѣ, гдѣ разръзана пятая пара? Я втыкаю иглу въ переднюю камеру глаза. Животное не пошевелилось. Укальываю зеничную перепонку: кончикъ иглы прошелъ сквозь нее въ заднюю камеру, и достигъ до сѣтчатой оболочки: между-тѣмъ вся эти части очевидно остались нечувствительными.

Я дѣлаю тоже съ лѣвымъ глазомъ, но, едва иголка коснулась прозрачной роговой оболочки, какъ животное быстро отбросило назадъ голову. Я еще не дотронулся до райка, но кончикъ иглы очень близко къ нему. Я воткнулъ иглу немножко поглубже: животное сдѣлало движеніе, — доказательство, что ему очень больно. Вы видите ясно, что и райкъ, подобно другимъ оболочкамъ глаза, съ разръзомъ пятой пары, теряетъ свою чувствительность.

Дѣйствовать на чувствительность нерва, измѣнять ее по произволу, не легко даже для тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ физиологіею нервной системы. Что жъ стануть дѣлать господа практики, которые не умѣютъ сказать, чувствительный ли это нервъ или нѣтъ, и думаютъ, что отъ личнаго нерва зависитъ и чувствительность и движеніе лица?

Я много разъ имѣлъ случай обращать ваше вниманіе на связь, которая существуетъ между патологіею и фактами физиологическими. Въ нервахъ мы замѣчаемъ то же самое. Боль развивается только въ такомъ нервѣ, который уже самъ по себѣ чувствителенъ; болѣзнь можетъ испортить дѣйствіе органа, но не въ состояніи дать ему такихъ свойствъ, въ которыхъ отказала природа. Въ лицѣ показалась боль: въ которомъ нервѣ гнѣздится невралгія? въ нервѣ зрительномъ? Нѣтъ; вы видѣли, что онъ, исключая свѣту, нечувствителенъ ко всемъ другимъ физическимъ дѣтелямъ. Неужели въ нервѣ обонятельномъ, нервѣ слуховомъ? Еще меньше. Какъ могутъ они сдѣлаться чувствительными въ болѣзни, когда они безчувственны въ здоровомъ состояніи. Болѣзнь, повторяю, не создаетъ ничего новаго: она только портитъ и измѣняетъ прежнее.

Какіе же нервы поражаетъ невралгія? Безъ-сомнѣнія пятую пару. И въ самомъ дѣлѣ, невралгія всего чаще нахо-

дится въ его лобныхъ, подглазныхъ, язычныхъ, подбородочныхъ вѣтвяхъ. Но и въ личной нервъ, скажете вы, тоже переливается эта мучительная бользнь, а между-тѣмъ онъ, самъ по себѣ, не чувствителенъ. Да, онъ самъ по себѣ нечувствителенъ, это правда; но онъ становится чувствительнымъ соединяясь съ пятою парюю. Вы впередъ можете опредѣлить случаи, когда невралгiя разовьется въ одномъ только личномъ нервѣ: если бользнь поразитъ общительную вѣточку пятой пары, разумъется боль ограничится однимъ личнымъ нервомъ. Невралгiя личного нерва не что иное какъ страданiе пятой пары, переданное нерву личному общительною вѣточкою.

Я сказалъ уже, какъ трудно уничтожить боль въ нервъ. Мы имѣемъ, однако жъ, нѣсколько веществъ, которыя успокоиваютъ нервную систему, и употребляемъ ихъ всякой день, внутрь и снаружи, при леченiи нервныхъ бользней. Это — наркотическiя лекарства.

Вы знаете, какъ часто врачи употребляютъ морфинъ противу невралгiи. Чрезвычайно важно узнать, какъ онъ дѣйствуетъ на больной нервъ: уменьшаетъ ли чувствительность прямо въ самомъ нервѣ, или дѣйствуетъ черезъ посредство центральной нервной системы? Повѣрить это очень просто. Надобно обнажить нервъ, и посмотреть, велика ли его чувствительность; потомъ положить на него морфину: если чувствительность станетъ меньше, это будетъ значить, что морфинъ дѣйствуетъ на нервъ.

Такiе опыты можно дѣлать только надъ животными. Впрочемъ, случается, что съ человѣкомъ дѣлаемъ мы нѣчто подобное. Вы прикладываете на кожу, лишенную кожицы, морфинъ: онъ всасывается; одна часть его доходитъ до послѣднихъ подраздѣленiй нервныхъ ниточекъ, другая, унесенная потокомъ крови, поступаетъ въ кровообращенiе. Вы думаете, боль прекратилась оттого, что небольшое количество морфину коснулось нервовъ? Это будетъ простое предположенiе. Но если вы положите морфину на обнаженный нервъ у животнаго, и замѣтите, что онъ уничтожитъ въ немъ чувствительность, тогда прежняя простая гипотеза сдѣлается достовѣрностью. Произведемъ такой опытъ. У этого кролика нѣтъ мозговыхъ долей. Я предувѣдомлю

мы объ этомъ потому что края раны обдичены и сшиты такъ, что, судя дн походку животного, вы бы ничего не знали. Оно ходитъ назадъ и впередъ, останавливается, какъ будто съ нимъ ничего не было. Я вытру тецерь кровь, которая заеклась на днъ черепа : иначе трудно будетъ найти стволъ пятой пары. Вы видите здсь нервъ съ его узелкомъ. Я предварительно испытываю чувствительность пятой пары, щиплю объ стороны мордочки : обь онъ чувствительны. Соединительная перепонка глазъ тоже.

Кончикомъ бистурія я беру одну каплю раствора укаусо-кислаго морфину. Кладу ее на стволъ и узелокъ пятой пары правой стороны. Подождемъ нъсколько минутъ и посмотримъ, что будетъ.

Между-тѣмъ я вырѣжу мозговья доли у другаго кролика. Надъ нимъ мы испытаемъ стрихнинъ.

Пронюлю нъсколько минутъ : морфинъ вѣроятно подействовалъ. Я щиплю кожу, рву усики на лъвой стороне лица : чувствительность осталась прежняя. Это естественно ; видите, что морфинъ мы положили на нервъ правой стороны.

Я раздражаю правую сторону мордочки : тутъ явленія совсемъ другія. Животное едва ощущаетъ боль. Я дотрогивалось до лъваго глаза, животное быстро закрыло вѣко, и отскочило назадъ. Я дотрогиваюсь до праваго : животное ничего не замъчаетъ. Чтобъ заставить его мигнуть, я долженъ крѣпко подавить глазъ инструментомъ.

Очевидно, что, въ этомъ случаѣ, морфинъ подѣйствовалъ прямо на нервъ. Если бы это вещество всосалось въ кровь, и, следовательно, если бы оно подѣйствовало черезъ посредство центральной нервной массы, слѣдствія обнаружилась бы равно и на лъвой и на правой стороне.

Испытаемъ теперъ какъ дѣйствуетъ стрихнинъ : я первый доказалъ, нъсколько лѣтъ тому назадъ, что стрихнинъ действуетъ только спинной мозгу. Въ настоящее время это вещество употребляется всеми врачами какъ самое лучшее средство въ параплексіяхъ и другихъ болъзняхъ, зависящихъ отъ паралича спиннаго мозгу. Я никогда еще не видалъ случая наблюдать дѣйствія стрихнину на нервы чувствительные.

Вотъ стволъ нерва пятой пары. Я кладу на него нѣсколь-
ко капель селитрокислаго стрихнину. Животное, какъ ка-
жется, не замѣтило прикосновенія жидкости, несмотря
что она пала на нервъ, чрезвычайно нѣжный.

Прошло двѣ минуты. У животнаго дѣлается маленькая
дрожь. Обѣ половинки мордочки совершенно чувстви-
тельны. Но, вотъ, дрожь становится сильнѣе; лапы цѣпѣются;
голова оттянулась назадъ: по всему видно, что стрихнинъ
всосался въ кровь. Животное повалилось на бокъ; все тѣ-
ло его находится въ тетаническихъ судорогахъ. Оно око-
лыло.

Досадно! Если бѣ кроликъ прожилъ долѣе, мы бы могли
узнать, какія мѣстныя дѣйствія производитъ стрихнинъ,
положенный прямо на нервъ. Впрочемъ, этотъ опытъ
очень важенъ и безъ-того: онъ ясно показываетъ, что стрих-
нинъ дѣйствуетъ, не на черепной мозгъ, а на спинной. Моз-
говые доли были извлечены, а между-тѣмъ признаки или
однѣ за другимъ такъ быстро и такъ явственно, какъ-
будто бы черепъ былъ наполненъ мозгомъ. Ядъ подейство-
валъ не на мозгъ, потому что мозгу не было.

=

ВАЗАРИ.

БИОГРАФІЯ ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

Вазари издается теперь одновременно въ Флоренціи и въ Парижѣ, съ одними и тѣми же рисунками, тамъ въ подлинникѣ, тутъ во французскомъ переводѣ *. Постарайтесь непременно прочесть эту книгу, если вы любите искусства.

Есть два рода книгъ : одніе всѣ хвалятъ и никто ихъ не читаетъ, другіе всѣ читаютъ и никто не отдаетъ имъ справедливости. Къ послѣднимъ принадлежитъ прекрасное сочиненіе Георгія Вазари, заключающее въ себѣ жизнеописанія знаменитыхъ итальянскихъ живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ. Всѣ разборы, толки и пересуды его критиковъ, даже дополнительные статьи французскихъ издателей, которые печатаютъ теперь тетрадами переводъ этого замѣчательнаго творенія, доказываютъ одно только, что и въ самомъ совершенствѣ можно найти ничтожные недостатки, и что посредственность, которой они попадаютъ на глаза, всегда готова вывести изъ нихъ клевету на достоинства. Вазари можетъ смѣло назваться неподкупнымъ свидѣтелемъ - очевидцемъ явленій итальянскаго искусства, безъ котораго не обойдется ни одинъ цѣнитель искусства. Книга его приноситъ истинное наслажденіе и пользу каждому, кто только понимаетъ всю неподложность этого собранія фактовъ, мнѣній, анекдотовъ и легендъ художникахъ и искусствахъ. Вазари — Плутархъ ху-

* второе изъдѣніе у насъ. Firenze, 1838. — итальянское второе издѣніе издѣвано, par Vasari. Paris, 1839 — 1841. Par livraisons.

дожническаго міра : онъ жилъ, когда оканчивалась уже блистательная эпоха искусствъ, и сохранилъ для нихъ исторіи всѣ необходимыя матеріалы, безъ которыхъ не существовало бы этой исторіи и не сохранилась бы память о художникахъ, украсившихъ своими произведеніями Италію. Эти художники остались бы неизвѣстными точно такъ же, какъ художники другихъ странъ, не имѣвшіе своихъ биографовъ. Примѣръ передъ глазами: стоить только вспомнить судьбу готическихъ архитекторовъ и французскихъ и англійскихъ скульпторовъ.

Вазари былъ самъ художникъ, сначала не болѣе какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, но потомъ онъ полюбилъ изящныя искусства и предался имъ всею душою. Такіе переходы отъ простаго ремесла къ утонченнымъ искусствамъ не рѣдки между тосканскими художниками, и Вазари, изъ простыхъ ремесленниковъ, скоро сдѣлался замѣчательнымъ архитекторомъ. Uffizi — зданіе, которое заключаетъ въ себя галерею Медичи, безспорно можетъ служить тому доказательствомъ. Какъ живописецъ, Вазари былъ также не безъ достоинствъ: въ композиціяхъ картинъ и рисунковъ онъ отличался прѣстотою и естественностью; но въ исполненіи былъ болѣе скоръ чѣмъ изященъ, и не имѣлъ въ колоритѣ ни мягкости, ни гармоніи. Однако жъ, по самолюбію, свойственному каждому челоуку, онъ не признавалъ въ своихъ недостаткахъ и ставилъ иногда свою способность писать скоро выше другихъ качествъ въ живописи. Но не въ кисти, а въ перѣ, главная заслуга Вазари и для современниковъ и для потомства : онъ составилъ себѣ славу не какъ живописецъ; но какъ творецъ «*Vite degli artefici*». Мысль объ этомъ сочиненіи пришла ему въ голову самымъ нечаяннымъ образомъ. Въ Неаполѣ, въ 1544 году, былъ онъ за ужиномъ въ дружеской бесѣдѣ у кардинала Фарнезе. Въ числѣ собесѣдниковъ находился епископъ Паоло Джовіо, написавшій въ то время извѣстное сочиненіе, «*Vitae illustrium virorum*». Книга его не была еще издана, но, вѣроятно, уже ходила по рукамъ въ рукописи, какъ обыкновенно водилось въ ученомъ мірѣ того времени. Джовіо, имѣя намѣреніе прибавить къ своей книгѣ жизнеописанія художниковъ, въ эпоху Чинубо, началъ говорить объ ихъ произведеніяхъ;

какъ выражается Вазари, *умно и со знаніемъ дѣла*; но, коснувшись самихъ художниковъ, Джовіо надѣлалъ множество непростительныхъ промаховъ, смѣшалъ ихъ имена, прозванія, мѣста рожденія, и самыя даже произведенія. На вопросъ, предложенный хозяиномъ, какъ думаетъ Вазари о намъреніи Джовіо, Вазари отвѣчалъ, что такое жизнеописаніе художниковъ вещь болѣе чѣмъ полезная и поучительная, если только при его составленіи будетъ соблюдена вся точность и вѣрность показаній; и при этомъ случаѣ Вазари не сколько не затруднился выказать все промахи и ошибки Джовіо. Собесѣдники, въ числѣ которыхъ былъ Аннибаль Каро, удивленнымъ познаниями Вазари, тотчасъ же приступили къ нему съ просьбой, чтобы онъ взялся попомощи Джовіо и, по-крайней-мѣрѣ, исправилъ планъ предполагаемаго имъ сочиненія. Вазари согласился, и въ непродолжительномъ времени представилъ Джовіо планъ, совершенно и превосходно передѣланный. Джовіо почти не уважалъ своего сочиненія, и въ скромности, не желая воспользоваться чужимъ трудомъ, предоставилъ Вазари докончить печатое и написать книгу о предметѣ, котораго существовавшая была ему такъ извѣстна и такъ хорошо имъ обдумана. Съ того времени, Вазари посвятилъ всю свою молодость на собраніе матеріаловъ для этого сочиненія. Онъ сорывался съ умными современными художниками, въ числѣ которыхъ Аннибаль Каро, Мольца и Толомея были для него самыми полезными; читалъ манускрипты Гирландайо, Джильберти, Рафаэля изъ Урбино и множество другихъ, которыхъ не называетъ по имени. Кроме-того, подъ руками у Вазари были все частныя фамилныя біографіи Флоренціи, следовательно, почти вся исторія Тосканы. Біографіи эти составлялись по обще принятому въ Флоренціи обычаю вести журналы всего, что дѣлалось въ семействѣ; обязанность эти возлагалась на старшаго члена фамиліи, и этими-то журналами пользовался Вазари. Но все-таки самымъ важнымъ матеріаломъ для его сочиненія служили живыя, еще свѣдѣнія, преданія объ искусствахъ, разсказы о жизни художниковъ, а иногда случаи и частныя обстоятельства, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Безъ того Вазари не могъ бы знать и не передалъ бы намъ ничего, ни о степени обра-

зованности каждаго художника, ни о механическихъ процессахъ, употребленныхъ имъ при выполненіи своихъ произведеній, ни о портретахъ, которые вводилъ онъ въ свои историческіе сюжеты, ни о смыслѣ аллегорическихъ созданій. Такъ, напримѣръ, большой фрескъ Симона Мемми, въ древнемъ соборѣ Santa-Maria-Novella, изображающій борьбу Христіанской Церкви, въ который введены портреты Петрарки и Лауры, остался бы для насъ навсегда непонятнымъ безъ объясненія Вазари.

Вазари окончилъ свой трудъ подъ покровительствомъ герцога Козьмы, и напечаталъ его въ первый разъ въ герцогской, знаменитой въ то время, типографіи. Это замечательное твореніе имѣло нѣсколько изданій, каждое пользовалось похвалою биографіями, и наконецъ дошло до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ теперьдается вновь въ Италіи и въ Франціи. Вазари имѣлъ много послѣдователей: многие писали о художникахъ и искусствахъ, но ни одинъ изъ этихъ писателей не имѣетъ той свѣжести, того права и добренности, какими отличается твореніе Вазари. Достоверность сообщенныхъ свѣданій необходимо и всегда останется за Вазари, потому-что онъ часто писалъ биографію художника, въ такую пору, когда объ немъ еще были живы, говорящія свидѣтельства, которыя уже не существовали для другихъ биографовъ. Представимъ въ примѣръ биографію Леонардо да-Винчи, флорентинскаго живописца, жившаго за полвѣка до Вазари: но что значать пятьдесятъ лѣтъ для биографа! Вазари пишетъ о Леонардо какъ о такомъ человѣкѣ, съ которымъ какъ-будто онъ жилъ въ одно время и въ одной комнатѣ. Онъ обыкновенно начинаетъ свои биографіи обращеніемъ, или къ небу, или къ природѣ, или къ предвѣдѣленію, но никогда къ собственнымъ силамъ художника; и въ этихъ вступленіяхъ, болѣею частью похожихъ одно на другое, отразился тоже современный вѣкъ Вазари, который не допускалъ еще сомнѣній и скептицизма, но твердо вѣровалъ въ участіе Промысла въ творческой дѣятельности и жизни каждаго смертнаго.

«Благотворительное небо, такъ начинается онъ повѣсть о Леонардо да-Винчи, надѣляетъ иногда смертнаго своимъ

роскошными дарами, и следъ этой небесной благодати былъ такъ рязокъ въ каждомъ дѣйствіи счастливаго избранника, что, позабывая о человѣческомъ геніи и способностяхъ, видишь въ нихъ одно только присутствіе Промысла. Леонардо да-Винчи родился именно такимъ избранникомъ. Его красота и грація были несравненны. Преобладающія въ немъ сила, ловкость и смѣлость имѣли что-то величественное; его твердая воля становилась выше всѣхъ препятствій; слава художника, великая при жизни, стала огромною послѣ его смерти.

Леонардо, сынъ серъ Піетро да-Винчи, родился въ 1453 году, въ замкѣ Винчи, въ Вальдарно, недалеко отъ озера Фудечіо, близости Пистон. По своимъ рѣдкимъ способностямъ и уму, Леонардо могъ быть и ученикъ и писателемъ, если бы привычка начинать и не оканчивать, слѣпанная съ раннихъ лѣтъ, не вредила иногда его умственной и художественной дѣятельности. Онъ учился математикѣ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ знать больше своего учителя; занимался музыкой, игралъ на лирѣ, и впоследствии превосходно аккомпанировалъ своимъ импровизациямъ. Но преимущественнымъ его занятіемъ были рисованіе и живопись, и къ нимъ наиболее стремилась фантазія Леонардо.

Серъ Піетро, замѣтивъ наклонность сына, взялъ нѣсколько его рисунковъ и показалъ Андреа дель-Верроціо, своему другу, съ просьбою дать объ нихъ искреннее мнѣніе. Андреа изумился, взглянувъ на первоначальные опыты геніальнаго молодого человѣка, и настоялъ чтобы серъ Піетро прислалъ Леонардо къ нему въ мастерскую. Леонардо явился, но, не ограничиваясь однимъ рисованіемъ, сталъ заниматься скульптурой, и мастерски сдѣлалъ нѣсколько дѣтскихъ голубковъ; потомъ, онъ началъ посвящать свободное время архитектурѣ, и создалъ нѣсколько проектовъ зданій, мельницъ и другихъ водяныхъ машинъ. Несмотря на свою крайнюю молодость, онъ первый проектировалъ каналъ между

• Леонардо всегда по заботливости годовъ раненія художника : предки, хотя можно отнести къ весьма естественной небрежности со- вѣщаніемъ.

Пизой и Флоренціей посредствомъ Арно. Но главнымъ его призваніемъ по-прежнему оставалась живопись. Онъ писалъ много съ натуры, рисовалъ на бумагъ съ неподражаемою чистотою и вкусомъ. У меня, изъ работъ да-Винчи въ тогдашнюю эпоху, есть превосходная голова, съ которою врядъ ли что можетъ сравниться въ этомъ родѣ по характеру и совершенству отдѣлки. Богъ надѣлилъ этого чловѣка необыкновенною способностью усваивать вещи и убѣждать другихъ въ результатахъ своего сознанія. Умъ, память, рисунокъ, даръ слова, все соединилось въ немъ къ разрѣшенію вопросовъ во разныхъ отрасляхъ чловѣческаго знанія, или уничтоженію противорѣчій, которыхъ не могли не породить его ученые и художественные проекты, по своей необычности и даже, какъ иногда казалось, по своей несбыточности. Онъ произвелъ множество моделей и рисунковъ, изъ которыхъ, въ однихъ доказывалъ, что можно срыть нагъ прорыть гору и соединить двѣ долины, въ другихъ объяснялъ, какимъ образомъ, посредствомъ рычаговъ, винтовъ и канатовъ, приподнимать и двигать ужаснѣйшія тяжести, или, какъ, съ помощью насосовъ и дѣкъ, очищать отъ наносныхъ песковъ цѣлый заливъ и поднимать воду. Словомъ, голова его была въ вѣчной работѣ. Отъ его проектовъ сохранилось бездна рисунковъ и чертежей: они разбросаны и ходятъ по рукамъ художниковъ. Я видѣлъ многіе изъ нихъ. Леонардо, для забавы, часто рисовалъ даже веревочные узлы, расположенные такимъ образомъ, что они составляли собою вѣрный кругъ; сохранилась и гравюра одного изъ этихъ рисунковъ, и свидѣтельствуеть, какъ искусно умѣлъ онъ преодолевать эту трудность. Въ серединѣ круга написано «Leonardus Vinci. Academia.» Между его рисунками машинъ, находится тотъ самый планъ, которымъ онъ доказалъ почетнымъ гражданамъ и правителямъ Флоренціи, что можно приподнять на воздухъ ихъ храмъ Санъ-Джованни не повредивъ ни сколько стѣнъ здания. Доводы его, казалось, были такъ убѣдительны, что, пока онъ говорилъ, всѣ невольно соглашались съ нимъ, и не прежде увидѣли невозможность исполненія этой затѣи, какъ когда Леонардо оставилъ собрание. Разговоръ Леонардо былъ увлекателенъ, и очаровывалъ слушателей. Несмотря на

свое небогатство и весьма малую плату за работы; онъ однако жъ всегда держалъ прислугу и лошадей, до которыхъ былъ страстный охотникъ, и сверхъ-того имѣлъ маленькій зверинецъ, составленный изъ разныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, за которыми ухаживалъ самъ съ особенною заботливостью и вниманіемъ. Часто, гуляя по рынкамъ, гдѣ продавали птицъ, онъ скупалъ ихъ, платилъ не торгуясь все, что запрашивали, и тотчасъ же выпускалъ на волю невинныхъ затворницъ.

Природа щедро одарила Леонардо: возвышенною идеями, родъ искусства, невоображаемый въ своихъ созданіяхъ, онъ творилъ, убеждалъ и исполнялъ съ одностороннимъ достоинствомъ гения. Впрочемъ, это знаніе дѣла и необыкновенныя способности Леонардо и были, кажется причиною того, что онъ начиналъ множество вещей и ничего неоканчивалъ. Онъ какъ-будто боялся, что, окончивъ работу, никогда не достигнетъ до той высокой степени совершенства, къ которой призывалъ его гений; какъ-будто боялся, что ему измѣнитъ опытная рука, и онъ не будетъ въ состояніи передать затѣйливыхъ трудностей и всей утонченности своего прихотливаго воображенія. Въ этомъ сомнѣніи, или, такъ сказать, капризномъ расположеніи духа, Леонардо вдругъ оставлялъ свое художническое призваніе и предавался философическому изученію природы, узнавалъ свойства растений; занимался изслѣдованіями движеній солнца, луны и звѣздъ, какъ-бы отыскивая утѣшеніе и развлеченіе въ новомъ родѣ занятій. Я уже говорилъ, что Леонардо учился рисовать у Андреа дель-Веррочіо. Разъ, какъ-то, Андреа поручилъ ему написать ангела въ своей картинѣ «Крещеніе». Работа Леонардо была далеко выше произведенія учителя, и Андреа, сознавъ превосходство ученика своего, съ отчаянія бросилъ навсегда живопись.

Леонардо поручили сдѣлать картонъ, съ котораго назначено было выткать обои золотомъ и шелками для короля португальскаго. Картонъ этотъ изображалъ Адама и Еву въ рай; въ минуту грѣхопаденія, и художественное его исполненіе было удивительное. Леонардо, одною растушевкой и краснымъ карандашомъ нарисовалъ чудесную кар-

тину, раскинулъ цвѣтами сады, украсилъ ихъ роскошнѣйшими деревьями, истребилъ цвѣтами самыми разнообразными, и отдавалъ ихъ съ неизвѣрнымъ искусствомъ. Замѣчательнѣе всего въ этомъ рисункѣ было фиговое дерево, красоты и стройности восхитительной, и такъ похожее на живое, что могло бы обмануть глазъ зрителя. Картоны были совсѣмъ готовы, но оба дѣлать отдумали, и работа Леонардо перешла въ домъ Октавіана Медичи, гдѣ и теперь находится.

Разсказываютъ, что какой-то мужикъ, сдѣлавъ круглый большой щитъ фиговаго дерева, просилъ серъ Піетро да-Винчи заставить сына разрисовать его. Тотъ согласился охотно, потому что очень часто имѣлъ надобность въ этомъ мужикѣ, который былъ искусный стрѣлокъ и зналъ привольныя для охоты мѣста. Серъ Піетро велѣлъ принести щитъ къ себѣ въ Флоренцію, и, не говоря откуда вѣлъ, поручилъ сыну написать на немъ, что вздумается. Леонардо сострогалъ одну сторону щита, загрунтовалъ бѣлой краской, и вздумалъ нарисовать что-нибудь страшное, необыкновенное. Но это ему нужно было съ чего-нибудь срисовать, потому что онъ никогда не писалъ иначе какъ съ натуры: а гдѣ взять «натуру» для уродливаго и страшнаго до такой степени, что уже и не естественно? Однако жъ, Леонардо не сталъ долго думать: наловилъ насѣкомыхъ, стрекозъ, саранчи, кузнечиковъ, летучихъ мышей, змѣй, ящерицъ, и составилъ изъ всѣхъ этихъ труповъ подобіе живаго, фантастическаго и страшнаго чудовища. Онъ представилъ его какъ-бы вползающимъ изъ мрачной разсылины скалы: струя чернаго яду лилась изъ его пасти, тлетворное дышаніе, казалось, заражало воздухъ, глаза горѣли пламенемъ, и дымъ клубомъ вырывался изъ широкихъ ноздрей. Словомъ, самая чудовищная фантазія одушевила кисть Леонардо, но тѣмъ не менѣе изъ-подъ нея вышло изысканное произведеніе. Во время работы Леонардо страдалъ ужасно отъ запаху мертвыхъ животныхъ, но, затѣявъ разъ изобразить страшнаго, онъ не хотѣлъ отстать не исполняя заданной себѣ задачи. Между-тѣмъ Серъ Піетро ужъ давно былъ о заказѣ, и не напоминалъ объ немъ. Леонардо, видя, что работа, пригласилъ отца зайти въ мастерскую, на не ска-

зѣвъ за чѣвъ. Въ назначенное утро серъ Піетро пришелъ. Леонардо успѣлъ поставить картину страшилища прямо противъ двери; и въ настоящемъ свѣтѣ, такъ, что, при первомъ шагѣ въ комнату, она должна быть непременно кинуться въ глаза. Серъ Піетро вошелъ, перепугался и опречетью кинулся было изъ мастерской, но Леонардо удержалъ отца. «Постойте, постойте батюшка, сказалъ онъ: это вашъ щитъ; ваша картина, и именно съ такимъ эффектомъ, какова я хотѣлъ добиться: возьмите же ее....» Послѣ этого серъ Піетро пересталъ бояться, и, напротивъ, принялся восхищаться работою своего сына, находилъ ее чудесной; замысловатой; потомъ, разумѣется, взялъ себя, а мужику купилъ у лавочника другой щитъ съ изображеніемъ *сердца, пронзеннаго стрѣлою*, которымъ тотъ не могъ пародовать. Серъ Піетро, не говоря ни слова, продалъ произведеніе сына за сто червонцевъ флорентинскимъ купцамъ, которые тутъ же перепродали его за триста герцогу миланскому.

Около того времени Леонардо написалъ образъ «Божія Матерь», принадлежавшій папѣ Клименту VIII. Между прочими достоинствами и превосходными подробностями этой картины, замѣчательнѣе графинъ съ цвѣтами, еще орошенными росой. Цвѣты такъ свежи, такъ ярки и живы, что кажутся натуральными. Онъ для своего искренняго друга, Антоніо Сеньи, нарисовалъ также, на листѣ бумагъ, Нептунъ на колесницѣ, влекомой морскими чудовищами. Нептунъ дышитъ, а море шумитъ и стонетъ, взволнованное драконами и дельфинами. Рисунокъ этотъ былъ подаренъ Фабіемъ, сыномъ Антоніо Сеньи, сеньору Джованни Гамбъ, съ оцѣдующимъ эпиграфомъ:

Pinxit Virgilius Neptunum, pinxit Homerus,
Dum maris undosi per vada flectit equos.
Mente quidem vates illum conspexit uterque;
Vinctus est oculis, jureque vincit eos.

Леонардо написалъ Нептуна, писалъ и Гомеръ, въ тотъ моментъ онъ былъ править лошадью развзжая по бушующему морю; но другой видѣлъ его, какъ поэты, только въ воображеніи; а Фабіусъ увидѣлъ глазами, и потому легко побѣдилъ ихъ обоимъ.

Леонардо задумалъ тоже написать масляными красками голову Медузы, и вмѣсто волосъ обвилъ ее змеями. Выдумка самая странная, дакую только можно себя представить: но для совершеннаго ея исполненія нужно было много времени, а Леонардо не любилъ тратить его на отдалку, и она такъ и осталась, неоконченною, и находится теперь въ драгоценной коллекціи герцога Козьмы, гдѣ есть также другое произведеніе Леонардо, фигура ангела, который держитъ одну руку на груди, а другую поднялъ и протянулъ впередъ: ракурсъ этой руки отъ плеча до локтя изумительно въ правдоу.

Кстати, замѣчу объ особенной манерѣ живописи да-Винчи: фигуры его картинъ выдаются впередъ: но какого смѣшенія свѣту и тѣни стоило произведеніе этого эффекта! Странный человекъ! онъ искалъ, и думалъ найти, для своихъ фоновъ цвѣтъ еще темнѣе чернаго, чтобы придать болѣе блеску освѣщеннымъ частямъ картинъ. Ему доводилось, и очень часто, выбирать самую темную краску, усиливаясь оттого, что дневной эффектъ становился ночнымъ, свѣтъ огнемъ, блескъ солнечнаго луча мерцаньемъ пламени.

Встрѣча съ живымъ-живою человекомъ странной наружности, или съ необыкновенной прической и бородой, былъ для да-Винчи наводной; онъ, незаметно, слѣдилъ за этимъ человекомъ въ дальнѣе днѣмъ, посмотрѣвшись; рисовалъ его портретъ такъ скоро, такъ вѣрно съ натурою съ такими подробностями физиогноміи, какъ-будто цѣлый вѣкъ прожилъ съ нимъ вмѣстѣ. Такихъ образовъ Леонардо слѣлалъ множество этюдовъ мужскихъ и женскихъ головъ. У меня есть нѣсколько изъ нихъ, начерченныхъ перомъ. Сверхъ-того, я знаю еще одну превосходную голову старика, Америго Веспучи, слѣланную углемъ, и голову Скарипца, капитана изъ Цингани, принадлежащую синьору Домато Бальдамбрини изъ Ареддо, монаху Святаго Лаврентія. Къ числу этихъ этюдовъ, надобно отнести и карикатуры въ безчисленномъ множествѣ разсыланныя въ Флоренцію изъ которыхъ одна другой забавнѣе и остроумнѣе. Дали ихъ, Леонардо говаривалъ, что «Карикатуры должны быть такъ смѣшны, чтобы и мертвые хохотали глядя на нихъ».

Въ 1492 году Леонардо, напутствуемый своей славой, прихалъ въ Миланъ и былъ представленъ герцогу Людовику Моро, управлявшему за малолѣтствомъ Іоанна Галеацио. Между прочими придворными увеселеніями, въ которыхъ принималъ участіе Леонардо, Людовикъ, какъ страстный охотникъ до музыки, пригласилъ его играть на лиръ. Инструментъ Леонардо былъ замѣчателенъ по устройству, и весь окованъ серебромъ: онъ походилъ формою на лошадиную голову, отличался необыкновенною ясностью и чистотою звуковъ. Леонардо сыгралъ и, въ добавокъ къ искусной игрѣ, давъ волю своей импровизаціи и одержавъ верхъ надъ всеми присутствовавшими при этомъ пиръ музыкантами. Людовикъ приведенъ былъ въ восхищеніе, и еще болѣе увлеченъ легкостью и пріятностью разговору своего знаменитаго гостя: онъ полюбилъ его всею душою, осыпалъ похвалами, и тотчасъ же заказалъ ему множество работъ, въ томъ числѣ «запрестольный образъ», Рождество Христово, картину, которая вышла лучше другихъ и впоследствии была подарена Людовикомъ императору. Въ Миланѣ Леонардо взялся также написать для доминиканцевъ, въ монастырь *Santa-Maria-delle-Gratie*, свою знаменитую картину *Тайная Вечеря*. Изображая Апостоловъ, онъ придалъ ихъ лицамъ такое величіе и благородство, что самъ изумился и, воображая что уже будетъ не въ силахъ выразить божественную красоту на лицъ Спасителя, оставилъ его недописаннымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится и понынѣ. Но, какъ бы то ни было, конечно ли совершенно это произведеніе или нѣтъ, всё-таки оно останется навсегда славою Миланцевъ и предметомъ любопытства и благоговѣнія для всякаго. Да и можетъ ли быть иначе? Сколько экспрессіи въ лицахъ Апостоловъ, сколько жизни въ каждой ихъ чертѣ, позѣ! Какъ живо выражается въ нихъ и желаніе узнать въ своемъ кругу будущаго предателя, и смущеніе, и любовь, и негодованіе, и наконецъ горестъ, что они не видятъ постигаютъ мысль Божественнаго Учителя! Потомъ, какой удивительный контрастъ составляетъ эта суровая, полная ненависти, фигура Іуды! А ужъ, въ числѣ достоинствъ этой картины, нечего и упоминать о точности отдаленныхъ мелкихъ подробностей: взгляните только на скатерть, на каж-

дыи ея узоръ , и вы поймете всю отчетливость и вѣрность, которыми водила кистью Леонардо!

Разсказываютъ, что пріоръ того монастыря, гдѣ Леонардо работалъ, не давалъ ему покою, и безпрестанно торопилъ скорѣе окончить картину. Прострдушный доминиканецъ удивлялся, зачѣмъ это Леонардо проводить цѣлые дни въ разсматриваніи своего произведенія, и требовалъ отъ художника, чтобы онъ, какъ какой-нибудь поденщикъ или ремесленникъ, не выпускалъ изъ рукъ кисти. Картина, однако жъ, не шла отъ этого ни тише ни быстрѣе, несмотря на безпрестанную докучливость пріора. Наконецъ доминиканецъ разсердился и пожаловался принцу. Леонардо призвали къ Людовику, побранили, какъ водится, за медленность, но и не забыли дать замѣтить художнику, что выговоръ этотъ былъ сдѣланъ болѣе для формы и для того чтобы успокоить раздосадованнаго пріора. Леонардо оправдывался и объяснилъ принцу, что иногда медленность труда художника зависитъ не отъ него; что медленность эта неопытна, для людей не посвященныхъ въ таинства искусства; что таланты и гении тогда-то и производятъ много, когда другимъ кажется, что они ничего не дѣлаютъ; что однимъ размышленіемъ можно дойти до великихъ результатовъ, и что ручная работа есть только передача образовъ, созданныхъ уже прежде въ мысли. Леонардо окончилъ свою защитительную рѣчь шуткой: сказалъ принцу, что главною причиною очевиднаго замедленія картины — невозможность найти натурщика для головы Іуды, и что если ужъ не отыщется лучшей, то возьметъ голову безотвязнаго пріора. Герцогъ расхохотался и отпустилъ художника съ обыкновенною ласкою. Пріоръ по-неволѣ утомился, а Леонардо принялся за работу и кончилъ ее успѣшно: не дописана одна только голова Спасителя.

Это прекрасное произведеніе по идеѣ и по исполненію, чрезвычайно понравилось французскому королю, и онъ захотѣлъ; во что бы то ни стало, приобрести его для своей столицы. Для исполненія этого намѣренія король рѣшился даже на самыя не позволительныя средства: подговаривалъ и подкупалъ нѣкоторыхъ архитекторовъ, чтобы они взяли похитить и перенести ее со всею возможною осторож-

ностью, не щадя ни денегъ, ни прислуги, ни даже воиска, если бы оно понадобилось; но по-счастью живопись была на стѣнѣ, и король французскій долженъ былъ остаться при одномъ желаніи. Картина эта хранится въ Миланѣ какъ первѣйшее право на славу и драгоцѣннѣйшее сокровище го-рода.

Однако жъ Леонардо не всё занимался одной этою картиною: онъ не работалъ ея постоянно, а въ то же время написалъ еще два замѣчательные фреска, въ древнемъ стилѣ, въ той же са-мой церкви, по лѣвую и по правую сторону трапезы, изображающіе Страсти Господни, и сдѣлалъ портреты герцога Людовика, герцогини Беатрики, и сыновей ихъ, Максимилиана и Франциска. Ничего не можетъ быть восхитительнѣе головокъ двухъ этихъ маленькихъ принцевъ, которые, впоследствии, оба правительствовали въ Миланѣ.

Около того же времени да-Винчи предложилъ герцогу вылить бронзовую лошадь, подъ статую отца его, герцога Франциска, и сдѣлалъ модель въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что впоследствии не было ни какой возможности привести ея въ исполненіе.

Судьба великихъ — гонимъ быть всегда предметомъ толковъ и рассудковъ: Леонардо не избежалъ преслѣдованій посредственности; явились даже охотники поссорить его съ герцогомъ, и они-то распустили слухъ, что будто Леонардо, въ насмѣшку своему покровителю, затѣялъ эту лошадь, дотою невозможную въ исполненіи, что и ребенокъ, съ перваго взгляду, можетъ увидѣть всю несбыточность отливки такого коня, особенно съ одного разу и цѣльнаго, какъ предполагалъ да-Винчи, а не по частямъ, какъ это водилось обыкновенно. Многіе повѣрили этимъ ложнымъ слухамъ и вооружились противъ Леонардо, между-тѣмъ какъ таже самая дрявлянка никогда ничего не оканчиваетъ, никогда не быть вполне довольнымъ своимъ созданиемъ, въцѣре сомнѣніе въ своихъ силахъ и способности къ окончательному исполненію задуманной идеи, было и въ этомъ случаѣ причиною несостоятельности Леонардо; онъ, какъ говоритъ Петрарка: «*Talchè l'opera fusse, ritardata dal desio?*»

Были, однако жъ, и безпристрастные люди, которые ви-

лди модель изъ глины колоссальной вѣтъи Леонардо, и рассказывали объ ней какъ о чудѣ искусства и римоваго грандіозо. Модель эта сохранилась до начала войны и нашествія Французскъ, которые расколотили ее въ куски. Изъ этого времени надобно отнестъ и истребленіе небольшой модели, сдѣланной имъ изъ воску и папки, съ его же этюдами анатоміи лошади.

Леонардо вообще страстно любилъ заниматься изученіемъ анатоміи, преимущественно человеческого тѣла, и, работая вмѣстѣ съ синьоромъ делла-Торре, пользовался во многихъ случаяхъ его совѣтами и наставленіями.

Марко Антоніо делла-Торре, глубокий и ученый философъ, бывшій профессоромъ въ Павіи, занимался, какъ я слышалъ, кромѣ философіи, еще медициной, которой принесъ много пользы. Ученый и художникъ, каждый съ своими средствами, погрузились въ изученіе науки Иппократа, и плодомъ ихъ общей дѣятельности была превосходная книга анатомическихъ рисунковъ, которые сдѣлалъ Леонардо красными карандашомъ, обведя и проштриховавъ ихъ мастерски перомъ. Первое отдѣленіе этой книги составляютъ этюды остеологическія, нѣтъ-ли сдѣлать этюды нервовъ и мускуловъ, съ показаніемъ нижняго, сердцаго и верхняго ихъ цѣста. При каждомъ рисункѣ и фигурѣ приложеномъ текстъ, въ видѣ объясненія, начертанный буквами, такъ странно расположенными, что, по цѣмъ привычки, нельзя прочесть ихъ иначе какъ въ зеркало.

Большая часть этихъ анатомическихъ рисунковъ принадлежитъ теперь синьору Франческо да-Мельцо; миланскому дворянину, благороднѣйшему и добрейшему человеку, котораго Леонардо зналъ еще ребенкомъ и очень любилъ. Смотри на эти рисунки, нельзя не удивлится, какъ Леонардо могъ все знать въ такой степени совершенства. Франческо хранитъ ихъ какъ драгоценные остатки друга своего детства, вмѣстѣ съ портретомъ этого незабвеннаго человека. Леонардо оставилъ еще книги, написанныя лѣвой рукою, на выворотѣ. Въ этихъ книгахъ Леонардо разсуждаетъ о живописи, тайнѣ колориту и о правилахъ рисованія. Эти сочиненія теперь — у миланскаго живописца Н^{го}, моего доб-

раю пріятеля, который недавно былъ у меня въ Флоренціи. Онъ хотѣлъ ихъ нанециатать, и нарочно дѣлалъ поухаль въ Римъ, но, не зная, удалось ли ему выполнить намъ-реше.

Французскій король, въ бытность свою въ Миланѣ, просилъ Леонардо сдѣлать для него что-нибудь странное и необыкновенное. Леонардо придумалъ механическую игрушку въ видѣ льва. Левъ прошлея по комнатамъ, и, остановясь, раскрылъ свою грудь, наполненную лиліями.

У Леонардо былъ ученикъ, молодой Миланецъ, Сале. Этого юношу любилъ онъ за необыкновенную красоту и воинствія мудри. Сале учился хорошо; нѣсколько опытовъ его прекрасной работы хранились въ Миланѣ, но безъ всякаго сомнѣнія Леонардо сдѣлалъ тутъ множество поправокъ: стоитъ только взглянуть на работу, чтобы тотчасъ же увидѣть кисть великаго художника. Леонардъ возвратился во Флоренцію около того времени, когда монахи Сервиты заказали Филиппино затрапезную картину для церкви Нунціаты. Леонардъ жалѣлъ, что картина заказана не ему, и Филиппино, узнавъ объ этомъ, отказался отъ работы. Леонардъ со своимъ семействомъ переехалъ къ братьямъ Сервантамъ, которые оказали художнику радушіи пріемъ и взялись содержать его, пока онъ будетъ для нихъ работать. Дале Леонардо не начиналъ работы, но когда принялся за дело, то въ одинъ присѣсть набросалъ картонъ и выставилъ его на показъ народу. Картонъ изображалъ Богоматерь, Святую Анну, Спасителя и Іоанна. Взатоки были въ восторгъ, и даже простой народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на великую мысль художника. На лицъ Богородицы сіяла прелесть неземная и то высокое смиреніе, которое можетъ быть свойственно только Матери Божіей. Она прижимаетъ младенца къ своей груди, и съ ангельскимъ веселіемъ смотритъ на невинныя игры Іоанна Крестителя съ барашкомъ. Въ улыбкѣ Анны тоже неизъяснимая радость: она какъ-бы предвкушаетъ славу Христа, которая отразится на сынѣ ея, Іоаннѣ. Но каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ собственную, характеристическую физіономію, и, при всемъ видимомъ сходствѣ, въ тотчасъ отличите Матерь Божию отъ матери Іоанна. После я разскажу, какъ этотъ картонъ попалъ въ

Францию, а теперь поговору, пока, он дружишь работашъ Леонардо. Около того же времени, Леонардо написалъ портретъ Джиневры Америкъ Бенци. Эта превосходная картина такъ заняла художника, что онъ оставилъ даже работу у братьевъ Сервидотъ, и они должны были снова отдать се Фидишино, но смерть не позволила Фидишино исполнить порученія. Окончивъ Джиневру, Леонардо взялся еще писать портретъ съ Моно-Лизы, жены Франческо дель-Джокондо; но работа осталась не конченною, несмотря что художникъ занимался ею четыре года. Этотъ неоконченный портретъ теперь во дворцѣ французскаго короля, въ Фонтенблô. Надобно видѣть голову Моно-Лизы, чтобы понять, до какой степени искусство можетъ подражать природѣ. Самые незаметные отъѣски схвачены съ необыкновенною ловкостью, — и влажный блескъ глазъ, и тѣнь ресницъ, и легкая краска около глазъ, которая придаетъ ему столько прелести, и нѣжные тоны пуху, и мягкіе переходы отъ бровей и волосъ къ тѣлу, и ловко намѣченные ноздри предвѣщающаго носика, и улыбающійся ротикъ, и дышущія губки, и эта дивная шейка, горло, ушки, словомъ, всѣ составныя части очаровательнѣйшей головки: все тутъ есть, и не въ краскахъ только, не въ рисункѣ, ни въ живописи, а какъ-бы въ самой жизни; все дышетъ и живетъ дѣлательно, роскошно, одушевленно, какъ живо иногда въ натурѣ, передъ глазами художника. Вы просто видите передъ собою женщину, живую, прекрасную, женщину, а не портретъ. Во время сеансовъ, Леонардо собралъ въ мастерскую музыкантовъ, павцовъ и шутовъ, которые забавляли и смѣшили Моно-Лизу, а этого-то и хотѣлъ художникъ: онъ слѣдилъ за малѣйшимъ движениемъ ея оживленной физиогноміи, и, создавая истинное чудо искусства, избѣгнувъ вялости и однообразія, столь обыкновенныхъ почти во всѣхъ портретахъ.

Послѣ такихъ превосходныхъ произведеній, слава Леонарда до того увеличилась, что всѣ жители Флоренціи захотѣли непременно имѣть что-нибудь отъ него на память, и требовали, чтобы дана была ему такая работа, въ которой бы вполне засіялъ его великій гений. Вслѣдствіе сего положено, между гонфалоніеромъ Петромъ Лодерри, и дла-

миллион гражданских городов; вручить ему большую картину для впамятованія страсной замы Санта. Леонардо не отказался отъ дельнаго предложенія соотечественниковъ, и тотчасъ началъ картонъ въ лавской замы; что въ Санта-Марія-Новелла. Предметомъ картины избралъ онъ поражение Никола-Пуччиннио-Фьяннио, полководца и герцога миланскаго, и это поражение изобразилъ онъ въ видъ сильной сбитки побѣжденныхъ и побѣдителей за знамя. Мгновеніе разительное, достойное кисти великаго художника. Мщеніе, злоба и ожесточеніе одушевляють воиновъ; самыя лошади разделяють съ ними эти чувства: два изъ нихъ, пошатнувшись ногами, грызутся и съ яростью бодають въ грудь одна другую. Знаменосецъ, подавшись впередъ, прищоркиваетъ лошадь, и тянетъ къ себѣ знамя, еще не теряя надежды отнять его у четырехъ непріятелей. Двое изъ нихъ хотять перерубить древко, но въ это мгновеніе, съ противной стороны, кидается на нихъ старшій солдатъ съ кованой саблей, въ огромной красной шапкѣ: онъ останавливаетъ непріятелей, и бой за знамя начинается съ новымъ остервененіемъ. Все это, какъ нельзя лучше, поддерживаетъ интересъ картины. Подъ ногами у лошадей въ разбуръ два воина барахтаются по землѣ въ сильной, ожесточенной схваткѣ: одинъ уже повалилъ противника и кинжаль надъ нимъ; другой видитъ смерть, и дѣлаетъ всѣ усилія чтобы избѣгнуть опасности. Группа эта превосходна. Нельзя не удивляться, съ какимъ искусствомъ и знаніемъ воинскаго быту, Леонардо составилъ картонъ. Какое разнообразіе въ позахъ, костюмахъ и вооруженіи, и, въ то же время, какое единство въ развитіи главной идеи и всѣхъ ея частей! Рассказываютъ, будто-бы необычайная величина картона затрудняла сперва тужалка; но, при гибкомъ умѣ и обширности механическихъ свѣдѣній, онъ скоро придумалъ удивительную машину, которая, смотря по надобности, суживалась и расширялась, поднимала работающаго или опускала внизъ.

Составивъ картонъ, Леонардо началъ писать его масляными красками на стѣнѣ, но загрентовалъ такъ густо, что

Въ каждомъ поступкѣ Леонардо протавлялся необыкновенное благородство души. Однажды, пришедъ онъ къ вассиру за пенсиономъ, который назначалъ ему Пётръ Медерни; вассиръ издумалъ отогнать ему квадратную: Леонардо расцѣпалъ и вынулъ съ мышьякомъ деньги и узналъ, слышавъ, что онъ не живётъ за выданными деньгами. Потому, когда Медерни и другіе стали упрекать Леонардо, что онъ эмне начинаетъ и не оманчиваетъ своихъ картинъ, художникъ безъ дальнихъ церемоній собралъ кобланъ забранную вассирѣ сумку и отослалъ ее къ Медерни, который однако же не принималъ этихъ денегъ.

Огорченный Леонардо поѣхалъ въ Римъ, куда приглашалъ его Юліанъ Медичи. Леонъ X былъ только-что избранъ въ папы, но страсть его къ искусствамъ, наукамъ и, въ особенности, къ алхиміи, была уже известна.

Дорогой Леонардо, отъ нечего дѣлать, выдѣлалъ изъ весну маленькихъ животныхъ такъ искусно, тонко и живо, что только стоило подуть на нихъ, и слыжки подвигались вверхъ и летали до техъ норъ, пока не выходятъ изъ нихъ весь внутренній воздухъ.

Одинъ садовникъ бельведерскій нашелъ престранную ящерицу. Леонардо взялъ ее, приделалъ къ ней крылья изъ чешуи другихъ ящерицъ, и устроилъ такъ, что эти крылья, при малѣйшемъ поворотѣ животнаго, приходили въ движеніе отъ ртути, которою были наполнены. Потомъ онъ вставилъ ей большіе глаза, привязалъ рога, бороду, и, приучивъ къ себѣ, носилъ ее въ коробчкѣ, и выпускалъ только тогда, когда хотѣлъ поугатъ пріятелей.

Леонардо страстно любилъ такія штуки. Часто, бываю, велѣтъ вычистить бараньи кишки, какъ-можно омытые, потомъ одинъ конецъ привяжетъ къ двери, а съ другимъ отправится въ ближайшую комнату, и посредствомъ мѣхокъ раздуетъ кишки до того что по-неволя закроютъ всѣхъ своихъ друзей въ одинъ уголъ, а иногда и вовсе выкинутъ изъ дому.

Между шалостями и полезными изобрѣтеніями Леонъ, искусокъ и разныхъ способовъ собиранія животныхъ, былъ въ

сать двѣ замѣчательныя картины : одна изображала бѣгъ-
твое семейство, другая, простаго мальчика, но, съ самою при-
мѣнительною наружностію. Обѣ эти картины теперь въ
Платьи у савора Джуліо Туррини.

Левъ X заказалъ тоже Леонарду картину, но художникъ,
вмѣстѣ этой работы, принялся за составленіе новаго лаку,
которымъ хотѣлъ покрыть заказанную картину. Взгля-
нувъ на химическія затѣи Леонардо, папа сказалъ съ при-
скорбіемъ : « Ну ! онъ ничего не слѣзаетъ, потому что ду-
маетъ о концѣ, а не объ началѣ своей работы ».

Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело Буонароти были
большими соперниками. Левъ X призвалъ Микель-Анджело
въ Римъ, и заказалъ ему построить фасадъ Лоренцо. Ми-
кель-Анджело немедленно явился и былъ обласканъ герцо-
гомъ Юліаномъ. Леонардо, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же
уѣхалъ во Францію.

Францискъ I, уже неоднократно видѣвшій работы худож-
ника, встрѣтилъ его съ почетомъ и великою радостью и про-
силъ дописать картонъ Святой Анны. Но Леонардо, по обык-
новенію, отдѣлывался разсказами и обѣщаніями. Потомъ
онъ занемогъ, слегъ въ постель, и чувствуя приближеніе
смерти, причастился святыхъ таинъ. Король часто навѣщалъ
Леонарду во время болѣзни, и присутствовалъ даже при его
кошкѣ. Во время предсмертнаго пароксизма, король самъ
поддерживалъ его голову и искреннею горестію и участі-
емъ старался облегчить страданія великаго художника. Лео-
нардо умеръ на рукахъ короля, на семьдесятъ пятомъ году
своей жизни.

Потеря Леонардо была ошутительна въ художествен-
номъ мірѣ, потому что никто не дѣлалъ ему столько че-
сти и пользы. Его удивительная красота и оживленная фи-
зическая дѣйствовала увлекательно на самыя печальныя ду-
ши, его сильная рѣчь убѣждала самыя упрямые умы, а фи-
зическая сила могла обуздать самаго дерзкаго выскочку.
Леонардо разгибалъ подкову какъ свинцовую пластинку.
Щедрымъ до мотовства, онъ помогалъ всемъ безъ разбору
и расприсовъ ; былъ честенъ, добръ и великодушенъ.
Родившись въ Флоренціи и впродолженіи многихъ лѣтъ

составляемый ей славу, онъ останется незабвеннымъ въ памяти соотечественниковъ.»

Такъ оканчиваетъ у Вазари біографію Леонардо да-Винчи. Въ такомъ же духѣ написаны другія жизнеописанія. Въ нихъ есть, можетъ-быть пропуски, недостатки, но ихъ легко пополнить сличеніемъ съ другими біографами. Истинный любитель искусства, и въ особенности художникъ, не обратитъ даже вниманія на эти промахи, но отдастъ полную справедливость простотѣ и достовѣрности повѣствованія отличнаго біографа. Мы возьмемъ еще нѣсколько статей изъ этого еще столь рѣдкаго здѣсь творенія.

=

НЕРВНАЯ СИСТЕМА.

НОВЫЯ ЧТЕНІЯ ГОСПОДИНА МАЖАНІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

Возвратимся къ изученію свойствъ пятой пары нервовъ. Я разрѣжу, по одиначкѣ, у этого кролика каждую изъ трехъ мышей пятой пары, но не тамъ, гдѣ онѣ выходятъ наружу изъ костяныхъ каналовъ, а тамъ, гдѣ отдѣляются отъ Гассерова узелка.

Вотъ, *гусиная лапка*, образовавшаяся отъ раздѣленія пятой пары на три нерва. Два изъ нихъ, глазной и верхне-челюстной, идутъ отъ узелка, и ихъ трудно отличить одинъ отъ другаго: нижне-челюстной, происходящій прямо отъ мозга, лежитъ одиноко въ своемъ костяномъ каналѣ. Его мы не смѣшаемъ съ другими.

Я разрѣзываю глазной нервъ. Это былъ одинъ изъ нервовъ пятой пары, потому что животное все-еще кричитъ, несмотря что я давно уже ввѣнулъ инструментъ изъ черепа. Дѣйствительно ли я разрѣзалъ глазной? Понять это очень просто. Вся часть лица, подымаясь, совершенно безчувственна. Вѣроятно и *левый* глазъ тоже? Нетъ, не совсемъ: веки закрываются. Вѣроятно, верхне-челюстной нервъ не поврежденъ: а отъ него идутъ *веточки* къ соединительной оболочкѣ. Разрѣжемъ и эту вторую мышцу. Но, прежде, убѣдимся, что она чувствительна. Чи

укальзываю верхнюю губу : животное ощущаетъ боль какъ нельзя истиннѣе. Тупою лн иглою я щекочу у него въ носу; животному это непріятно: оно отдергиваетъ голову. Нижне-челюстной нервъ не поврежденъ; въ этомъ увѣрлетъ насъ чувствительность всѣхъ частей, въ которыхъ онъ раздѣляется. Языкъ тоже чувствуетъ.

Здѣсь вы видите другаго кролика лежащаго безъ движенія, какъ мертвый. Я хотѣлъ, до лекціи, разрезать ему одну изъ вѣтвей пятой пары, но къ несчастію, игла задела за кровоносную трубочку довольно значительной величины, и произвела кровотеченіе, котораго слѣдствіемъ была апоплексія. Попробуемъ возвратитъ кролику жизнь. Однимъ взмахомъ бистурія, я отдѣляю всю верхнюю часть черепа и нѣкоторую часть мозгу. Посмотрите : животному тотчасъ же стало лучше. По мѣрѣ того какъ давленіе на мозгъ становится меньше, исчезаютъ и апоплексическіе припадки. Теперь все прошло. Опытъ былъ неудаченъ, зато мы имѣемъ доказательство, что главная причина апоплексическихъ припадковъ, просто прижатіе мозгу, и что густая кровь пораженному апоплексическимъ ударомъ, мы только уменьшаемъ давленіе.

Третій кроликъ. Попробуемъ у этого кролика разрезать верхне-челюстной нервъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ идетъ въ каналъ того же имени. Животное не много старо: для операціи такого роду лучше брать молодыхъ кроликовъ, потому что у нихъ черепныя кости не такъ тверды, и, слѣдственно, удобнѣе дѣйствовать инструментомъ. Но, вотъ, я воткнулъ иглу, и попалъ на одну изъ вѣтвей пятой пары, какъ это видно по крикамъ животнаго. Я разрезалъ верхне-челюстной нервъ. Посмотримъ, что за перемены произошли въ чувствительности лица.

Она рѣшительно пропала въ верхней губѣ : я выдвину лѣдичные усики, щиплю, режу кожу и мускулы : животное ничего не чувствуетъ. Сравните эту сторону мордочки съ другою : какая разница! Чувствительность глазу, той стороны, гдѣ лежатъ разрезанный нервъ, нѣтъ. Животное мигаетъ; зеница расширяется и сокращается по-обыкновенію. Это и не удивительно: она получаетъ свои

нервы отъ той вѣтви, которая не разрѣзана. Демонстрируйте также, что верхне-челюстной нервъ надѣляетъ нитями *trigemini*, а это объясняетъ причину, почему въко не совсемъ лишится своей чувствительности.

Покромъ этого, замѣйте также, что и въ тѣхъ частяхъ, гдѣ распределяется разрѣзанный нервъ, вмѣстѣ съ чувствительностью исчезаетъ и способность мускуловъ приходить въ сокращеніе. Почему жъ седьмая пара не можетъ дѣйствовать сама собою? почему ей нужна помощь нерва чувствительнаго? Къ несчастію, у насъ больше фактовъ чѣмъ объясненій. Но это не бѣда. Разумѣется, гораздо пріятнѣе постигнуть причину такого чуднаго явленія; но какъ мы не станемъ дѣлать новыхъ организмовъ, то покаместъ намъ довольно будетъ знать, какъ какая часть дѣйствуетъ: больше ничего. Призваніе врача — исправлять поврежденія машины, а не господствовать надъ ея дѣйствіями: вотъ почему гораздо лучше, въ извѣстныхъ случаяхъ разумѣется, изучить игру отдѣльной какой-нибудь части тѣла чѣмъ напрасно трудиться надъ постиженіемъ законовъ, управляющихъ его общею жизнію. Изъ этого опыту видно, какую роль играетъ пятая пара въ тѣлѣ, и какія вредныя послѣдствія обнаруживаются въ тѣлѣ, когда онъ будетъ поврежденъ. Теперь слѣдуетъ рассмотреть, взаимныя отношенія нерва пятой пары къ нерву личному и обратно.

Личной нервъ, или седьмая пара, вырастаетъ изъ передней части полосатыхъ тѣлъ, входитъ въ слуховой каналъ и выходитъ изъ черепа черезъ дырочку, *foramen stylomastoideum*, въ височныя кости; потомъ раздѣляется на двѣ вѣтви височно-личную и шейно-личную. Вблизи Фаллоpieва канала, личной нервъ получаетъ отъ Видіева нерва сообщительную ниточку. Сливаются ли они въ одинъ нервъ или только соединяются? Нѣкоторые думаютъ, что барабанная струна не что иное какъ Видіевъ нервъ, вновь отдѣлившійся отъ личнаго. Мы рѣшимъ этотъ вопросъ опытомъ. Какъ бы то ни было, барабанная струна проходитъ въ барабанной полости, между рукояткою молотка и вертикальною ножкою наковольни, и, вышедши черезъ Эльзерову расщелинку, соединяется съ лѣвымъ первымъ вѣтвію пятой пары.

Седьмая пара, какъ сказано, раздѣляется на двѣ вѣтви. Вѣть височно-личная; лежащая сначала въ срединѣ околоушной желѣзы, получаетъ вблизи отростка нижней челюсти небольшую но чрезвычайно важную вѣточку отъ верхне-челюстного нерва пятой пары. Соединеніе седьмой пары съ этою вѣточкою и Видіевыкъ нервомъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ анатомическихъ ея особенностей, послужитъ какъ въ послѣдствіи къ объясненію некоторыхъ явленій вліянія пятой пары на седьмую. Височно-личная вѣть раздѣляется на лбу, вискахъ, въ вѣкахъ, щекахъ, въ ноздряхъ, въ верхней губѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ слояхъ мускуловъ, лежащихъ на лицѣ.

Вѣть шейно-личная, лежащая сначала тоже въ околоушной желѣзѣ, раздѣляется, при углѣ нижней челюсти, на множество нитей, въ нижнихъ частяхъ щекъ и верхнихъ шен. Ея вѣточки идутъ къ щечнымъ мускуламъ къ нижней губѣ и подбородку, и учреждаютъ соединеніе съ шейнымъ сплетеніемъ.

Между нервомъ пятой пары и нервомъ седьмой — та разница, что одинъ раздѣляется въ общихъ покровахъ, а другой въ мускулахъ.

Теперь, когда вы имѣете понятіе объ анатомическомъ раздѣленіи личнаго нерва и объ его отношеніяхъ съ пятою парю, мы можемъ приступить къ опытамъ, имѣя однако въ виду, что у животныхъ этотъ нервъ можетъ раздѣлиться иначе чѣмъ у человека.

У этого кролика я разрезалъ верхне-челюстный нервъ въ глазной ямѣ. Операция очень простая. Я захватываю иглою и разрываю нервъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ входитъ въ верхне-челюстный каналъ. Что дѣйствительно это онъ, въ томъ убѣждаютъ меня особенное чувство боли, обнаруживаемое животнымъ во время разрыва, и нечувствительность всѣхъ частей лица, въ которыхъ онъ распределяется. Я имѣлъ намѣреніе разрезать правый нервъ: удалась ли мнѣ операція?

Я вкладываю въ правую ноздрю иглу, и улаживаю шпательную оболочку: животному же впрямую; это только въ тѣ

время, когда я направляю инструментъ въ верхнюю часть носовой полости, гдѣ находится рѣшетчатая ниточка этого нерва. Вся прочія части лица чувствительны по-прежнему, потому что нервныя нити, которыя въ нихъ раздѣляются, начинаются отъ верхне-челюстного нерва выше того мѣста, гдѣ сдѣланъ разрѣзъ.

Верхняя губа не чувствительна. Я щиплю ее, рву ушную: животное ничего не чувствуетъ. Въ соединительной глазной оболочкѣ чувствительность очень мало перемѣнилась, потому что нити, идущія сюда, почти весь происходятъ отъ главной ветви. Изъ этого можно смѣло заключить, что верхне-челюстной нервъ перерѣзанъ по-поламъ. Посмотримъ, въ какомъ состояніи чувствительность седьмой пары, и постараемся доискаться, не амастомотическія ли нити соединяютъ нервы личнаго нерва съ пятою парюю, и какія.

Я обнажаю стволъ личнаго нерва въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ выходитъ изъ околушной желъзы. Вотъ двѣ его ветви: верхняя, толстая, идущая вверхъ, и нижняя, поменьше, которая наклоняется внизъ. Третьей веточки не видно: она лежитъ выше, и позади околушной желъзы и ушной раковины, и назначена для уха и верхней части головы.

Я укальваю среднюю веточку личнаго нерва, ту, которая переходитъ черезъ жевательный мускулъ и раздѣляется въ верхней части лица: она чувствительна.

Посмотримъ, какова чувствительность въ той ветви, которая соединяется съ первымъ подглазнымъ? Она нечувствительна, потому что чувствительность свою височной ветви нервъ заимствуетъ отъ сообщительныхъ нитей верхне-челюстного нерва. У кроликовъ эта ниточка идетъ даже до верхней губы. Я отдѣляю ее, укальваю: она чувствительна; укальваю въ другомъ мѣстѣ: то же самое. Но ветвь, отъ которой эта ниточка происходитъ, чувствительна; когда я щиплю ее, животное очевидно страдаетъ.

Изъ этого я заключаю, что конецъ средней ветви личнаго нерва прлучаетъ свою чувствительность отъ соединительныхъ нитей пятой пары, вблизи подглазной дырочки; между тѣмъ какъ до того мѣста чувствительность сообщительныхъ нитей пятой пары.

идется ветвью височно-ушной, а может-быть и Видевою ниткою.

Облажимъ личнѣй нервъ на правой сторонѣ. Но, прежде, я хочу разрѣзать верхне-челюстной нервъ на той же сторонѣ. Я ввожу въ глазную яму небольшую иглу, загнутую крючкомъ; подвигаю ее впередъ по нижней плоскости этой впадины, пока не дойду до нерва: я его захватилъ, и раздираю. Нервъ совершенно разрѣзанъ. Животное кричало; это очень естественно: я поранилъ одну изъ ветвей пятой пары. Вся части лица, гдѣ раздѣляется верхне-челюстной нервъ, стали рѣшительно безчувственны.

Теперь слѣдуетъ отдѣлить ветви личнаго нерва одну отъ другой, и разрѣзать каждую по-поламъ, чтобы, уколвши которой-нибудь изъ концовъ, знать навѣрное, откуда идетъ чувствительность.

Я явственно различаю обѣ поперечныя ветви седьмой пары. Верхняя чувствительна: это такъ и должно быть. Вероятно, то же будетъ и съ нижней. Но, нѣтъ: я ее щиплю, а животное ничего не чувствуетъ. Отчего жъ это? Не знаю. Въ чувствительности верхней ветви седьмой пары мы убѣдились; будемъ продолжать опытъ надъ нею.

Я разрѣзываю ее: животное кричитъ. Я схватываю конецъ обращенный къ мозгу: онъ очевидно чувствителенъ. Я щиплю конецъ наружный онъ безчувственъ. Ясно, что къ личному нерву чувствительность передается отъ мозгу. Но дѣйствительно ли она идетъ по сообщительнымъ веточкамъ пятой пары? Я разрѣзываю пятую пару въ черепъ. Животное застонало. Глазъ сдѣлался безчувственнымъ. Я щиплю черепный конецъ верхней ветви личнаго нерва: чувствительности больше нѣтъ; она исчезла совершенно. Почему? Я не вижу другой причины кромѣ той, что личному нерву чувствительность доставляется посредствомъ сообщительныхъ нитей пятой пары, именно, ушною и Видевою ниткою. Что ушная нитка, дѣйствительно, есть сообщительная, въ томъ вся согласны; но въ отношеніи къ Видеовой думаютъ иначе. Чтобы рѣшить этотъ споръ, вотъ чтѣ я придумалъ. Я уколю барабанную струну въ барабанной полости, и посмотрю, чувствительна ли она, когда щип-

та пара не разрезана; потомъ разрежу пятую пару, и снова попытаю чувствительность барабанной струны. Если ничего не получится, если чувствительность въ барабанной струне останется прежнею, это будетъ значить, что Видиева ниточка, не только не принимаетъ участія въ образовании барабанной струны, но и совершенно сливается съ махотью личнаго нерва.

Продвижъ тетовъ къ операциіи. Вы не забыли, я думаю, чувствель пятой пары, на правой сторонѣ, еще цѣль, а на ней разрезанъ. Это намъ и нужно.

Я ввожу иглу въ правый слуховой проходъ. Операциа очень трудна, и делать ее не ловко. При малѣйшемъ прикосновеніи инструмента къ чрезвычайно чувствительной обложкѣ, выстилающей ушной проходъ, животное трясется пазовой, и, чтобъ не сдѣлать опасной раны, инструментъ даваю тотчасъ же вынимать.

А, лучше, просто разрежу весь ушной хрящъ, и потомъ проколѣ барабанную перепонку. Это жестоко, правда, но зато мы можемъ върше слѣдовать за ходомъ инструмента. Я разрываю правое ухо на двѣ части, на трѣхъ сторонѣхъ гдѣ пятая пара цѣла: вотъ барабанная перепонка. Я ее прорываю. Инструментъ вошелъ въ барабанную полость: животное, какъ кажется, страдаетъ. Я повертываю инструментъ во всѣ стороны, и увѣренъ, что укололъ уже барабанную струну, а между-тѣмъ животное очень мало выказываетъ страданій. Значить, что, когда пятая пара не повреждена, то барабанная струна, или мало чувствительна, или вовсе безчувственна. Основываясь на этомъ фактѣ, можнo допустить, чтобы мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ барабанную струну за продолженіе Видіевой ниточки, было справедливо? Если Видіевъ нервъ происходитъ отъ чувствительнаго нерва, я не вижу причины, почему бы онъ сталъ чувствительнымъ соединясь съ седьмою парю. Мнѣ кажется, напротивъ, что барабанная струна есть вѣточка пятой пары, а не пятой.

Продвижъ къ лѣвому уху. Я разрываю раковину по-по-... Вы видите, какъ чувствительны всѣ эти части, несмотря на то, что пятая пара разрезана. Это и не удивительно!

ушная раковина, получает осязательныя нити от пятого сплетения, которое это.

Д. указываю левую барабанную струну : она почти так же безчувствительна, как и правая. Очевидно, что нить и должно быть: иначе, какъ бы она могла одытаться чувствительною после разрыва, если бы до-того была безчувственною?

Основываясь на одномъ этомъ опыте, можно уже смело утверждать, что барабанная струна не имеет никакой общей связи съ пятою парею. Но вопросъ еще не решен окончательно.

Представьте себѣ только, что барабанная струна — нерв совершенно особеннаго рода. Затѣмъ лежиль она враспоро воздуха? Тонкія оболочки, которыми она окружена, не могутъ воспротивляться воздуху, касаться до нея... Это даже необходимо: безъ того она перестаетъ действовать; струна портится, какъ это бываетъ при засореніи Евстахіевой трубы. Вотъ почему мы не можемъ еще проводить себя никакого рѣшительнаго заключенія объ ея свойствахъ.

Второй проликъ. Сдѣлаемъ еще опытъ и посмотримъ, откуда возникаетъ седьмая пара своего чувствительности. Я разрываю верхне-челюстной нервъ при входѣ его въ верхне-челюстной каналъ. Если чувствительность личнаго нерва зависитъ отъ соединительныхъ ниточекъ нерва седьмого, онъ не долженъ быть чувствителенъ, потому что верхне-челюстной нервъ теперь перерезанъ. Д. указывая верхнюю ветвь личнаго нерва, при выкладъ ее изъ слезоушной железы. Она такъ же чувствительна, какъ была до операции, — результатъ, знакомый намъ изъ прежнихъ опытовъ. Но между нервами личнымъ и подглазнымъ нѣтъ нити для нижней части седьмой пары. Эта веточка, будучи посылена верхней, идетъ къ нижней губѣ и не связывается съ подглазною ветвью; следовательно, ее разрывъ нити не можетъ имѣть влияния на чувствительность. Д. указывая нижнюю ветвь личнаго нерва. Она позерина своего чувствительности! Что это такое? Но быть можетъ она не чувствительна по своей природѣ? Если такъ, то я ошибся, сказавъ, что она получила чувствительность. Мы уже заметили, что

справа ладнее у другого кролика. Теперь видно, что и Ботторпича, независимо скажешь, будет же для случая стоить вниманія. Если надлежит вытъ личнаго нерва отъ самого дѣла безудержна, это будетъ фактъ „достойный“ замѣчанія. Посмотримъ, что это такое?

Я обнажаю личной нервъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ вѣтви пятой пары цѣлы. Укалываю верхнюю: она чувствуетъ. Укалываю нижнюю: она совершенно безчувственна. Тутъ нельзя уже сказать, что уничтоженіе чувствительности седьмой пары произошло отъ поврежденія пятой, потому что въ вѣточки послѣдней цѣлы.

Повторится ли этотъ феноменъ? (Третій кроликъ). Я съ большими предосторожностями обнажаю обѣ вѣтви седьмой пары, и, сколько возможно, стараюсь не разрѣзать ниточки, которыя соединяютъ ихъ съ сосѣдними частями. Нервъ долженъ быть цѣлъ во всѣхъ своихъ подраздѣлахъ, чтобъ мы не имѣли права приписать утраты чувствительности поврежденію той или другой его вѣтви. Нервъ отпрепарованъ какъ-нельзя чище: я увѣренъ, что эти два бѣлые снурка принадлежатъ къ седьмой парѣ. Уколемъ ихъ каждый отдѣльно. Верхній снурочекъ долженъ быть чувствителенъ, а нижній нѣтъ. Дѣйствительно, феноменъ повторился. Животное остается спокойнымъ, когда я указываю нижнюю вѣтвь, и обнаруживаетъ боль, когда я щиплю верхнюю.

Вы замѣтили, что при уколѣ той и другой вѣтви, въ мускулы лица происходятъ сокращенія. Новое доказательство, что седьмая пара — нервъ движенія. Если каждая изъ личнаго нерва имѣетъ способность приводить въ сокращеніе известное только число мускуловъ, то стоить уколотъ общій стволъ, чтобъ въ они сократились. Вотъ причины, почему, при леченіи параличей лица, гальванизмомъ, необходимо втыкать иглы въ ту и въ другую вѣтвь седьмой пары. Если вы будете дѣйствовать, подтверждая, только на нижнюю вѣтвь, то верхнія части лица останутся парализованными, пока не направите электрическаго тока на верхнюю вѣтвь. Некоторые мускулы, вѣроятно, тутъ, и вамъ придется развѣ десять повторять сокращенія, пока оставшіе ихъ сократятся.

Такихъ образомъ, физиологическій вопросъ рѣшенъ: верхняя вѣтвь седьмой пары чувствительна, нижняя нѣтъ. Остаются рѣшить анатомическій. Очень вероятно, что объясненіе этого страннаго факта мы найдемъ въ распредѣленіи общительныхъ точекъ пятой пары съ седьмою.

Я разрѣжу нижнюю вѣтвь по-серединѣ. Въ минуту разрѣзу животное ничего не почувствовало. Я раздражаю каждый конецъ разсѣченнаго нерва: они безчувственны. Иначе и быть не можетъ. Мышечныхъ сокращеній тоже не замѣтно. Посмотримъ, не измѣнилась ли чувствительность въ верхней вѣтви, отъ перерѣзу нижней. Я щиплю верхнюю: она чувствительна. Я ее разрѣзываю: животное сдѣлало маленькое движеніе, но мускулы, которые прежде сокращались, теперь недвижимы. Напрасно раздражаю я конецъ, соответствующій раздѣленіямъ нерва: онъ утратилъ всю свою чувствительность, и не производитъ сокращеній; другой конецъ, напротивъ, остался чувствительнымъ. Вотъ еще фактъ, совсѣмъ новый, открытіемъ котораго мы обязаны случаю: очевидно, не только что есть нервы чувствительные и нечувствительные, но и что одинъ и тотъ же нервъ можетъ быть чувствителенъ въ однихъ вѣтвяхъ и нечувствителенъ въ другихъ. Это впрочемъ еще гипотеза, которую оправдать долженъ опытъ.

Вотъ молоденькая собачка, у которой лицо, относительно къ чувствительности, разделено на двѣ горизонтальныя половины, верхнюю, рѣшительно безчувственную, и нижнюю, гдѣ чувствительность появляется въ полной своей силѣ. По одной анатоміи можно уже сказать, которая изъ вѣтвей пятой пары разрѣзана, и которая цѣла. Какіе нервы раздѣляются въ глазу, верхней челюсти и другихъ соединенныхъ частяхъ? Верхне-челюстной и глазной. Они-то и разрѣзаны. Напротивъ, нижняя челюсть чувствительна: значитъ нижне-челюстной нервъ не тронутъ.

Вотъ другая собачка. У ней разрѣзанъ только нижне-челюстной нервъ. Здѣсь чувствительность распределена иначе: нижняя половина лица безчувственна, между тѣмъ какъ верхняя сохранила всю свою чувствительность. Кроме того, у этой собаки нижняя челюсть отвисла; разрѣзанъ

личной чувствительной нервы, мы лишили двигательной способности нервы, которые раздвигаются въ мышцахъ въ сужающъ, расширяющъ, сжателности и расширяющъ.

Некоторые физиологи полагаютъ, будто чувствованія и движенія въ лицѣ зависятъ отъ одной седьмой пары. Опытъ показываетъ, сколько въ этомъ предположеніи истиннаго и сколько ложнаго. Очень справедливо: личной нервъ, действительно, — двигательный нервъ лица, потому что съ разрывомъ его исчезаетъ въ лицѣ всякое движеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по какому-то капризу природы, эта способность теряется съ прекращеніемъ вліянія на него пятой пары, хотя она и не даетъ ему этой способности. Почему жъ? Не знаю. Но всё-таки это фактъ, и фактъ неопровержимый: доказательство у васъ передъ глазами. Изъ двухъ собакъ, у одной нечувствительна верхняя часть лица, у другой нижняя. Точно также и движеніе у одной прекратилось въ верхней части лица, у другой въ нижней; но и у той и у другой седьмая пара цѣла. Послеъ этого вѣдемъ ли мы право сказать, что личной нервъ имѣетъ способность движенія, независимо отъ всѣхъ другихъ нервовъ? Нѣтъ. Съ разрывомъ пятой пары онъ становится и недвигательнымъ и безчувственнымъ. Онъ сталъ безчувственъ: откуда же получалъ онъ свою чувствительность? Отъ пятой пары. Следовательно, между двигательными и чувствительными свойствами личнаго нерва та разница, что двигательная способность принадлежитъ собственно ему, но находится только подъ вліяніемъ пятой пары, между-тѣмъ какъ чувствительность перешла къ нему пятою парею исключительно и не составляетъ его природнаго качества.

Вы помните, что у кроликовъ, нижняя вѣтвь седьмой пары не чувствительна. Странный фактъ! Нервъ, если онъ чувствителенъ, чувствителенъ во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ. Это такъ просто, что большаю частію и не заботятся повторять опытомъ, чувствительны ли другія вѣтви, или нѣтъ, и ошибаются, какъ ошиблись мы, полагая, будто нижняя вѣтвь седьмой пары чувствительна. Я занялся и нашелъ причину этого страннаго явленія.

Нѣтъ сомнѣній больше него въ результатѣ, что причина этой

разницы въ распредѣленіи чувствительности въ личномъ нервѣ, единственна зависить оттого, какими образомъ и гдѣ пятая пара соединяется съ седьмою. Наскоро я поручилъ господину Бернару, молодому анатому и очень искусному препаратору, очистить для меня личный нервъ у кролика. Вотъ этотъ препаратъ. Вы видите здѣсь тонкую нервную ниточку: это ушная вѣточка, назначенная соединять пятую пару съ седьмою. Эта вѣточка, простая при началѣ, раздѣляется вскорѣ на двѣ тоненькія нити, изъ которыхъ одна идетъ къ вертикальной вѣтви личнаго нерва, назначенной для виска и верхнихъ частей головы, другая присоединяется къ верхней горизонтальной вѣтви того же нерва; такимъ образомъ, что изъ трехъ вѣтвей седьмой пары, только одна нижняя не находится въ прямомъ соотношеніи съ пятою. Вотъ причина, по чему эта вѣтвь и нечувствительна. Впрочемъ мы это повѣримъ.

На левой сторонѣ лица, у этого кролика, я обнажаю двѣ личнаго нерва, принявъ всевозможныя предосторожности не повредить сообщительной вѣтвочки, о которой я говорилъ. Вотъ она. Узнаемъ, въ какой степени чувствительна каждая вѣтвь. Вертикальная вѣтвь чувствительна, средняя тоже: нечувствительна одна только нижняя. Теперь, я разрыву сообщительную ниточку между ушною вѣточкою и среднею вѣтвю личнаго нерва. Животное сдѣлало отъ боли небольшое движеніе: теперь оно успокоилось.

Если я сужу правильно, если источникъ чувствительности седьмой пары действительно тотъ, какъ я предполагаю, то средняя вѣтвь должна сдѣлаться нечувствительною, между-тѣмъ какъ другія останутся такими какъ были, вертикальная чувствительною, нижняя безчувственною. Я ошибся: средняя вѣтвь такъ же безчувственна какъ нижняя. Поэтому средняя вѣтвь получала свою чувствительность отъ крошечной ниточки, которую мы разрывали? Да! Ушищную концъ ея, соответствующій пятой парѣ, мы должны найти его чувствительнымъ, а ушищную прилегающую къ седьмой, безчувственнымъ. Действительно, такъ и есть.

Вы видите, какъ важно для физиологии не упустить изъ виду ни малѣйшаго элемента, потому что отъ него могутъ

защиты все свойства данного органа. Ибо мы не знаем, куда опыты не убедили насъ, что такой тоненькій, нитчатый волосокъ, могъ быть причиною самой важной чувствительности средней ветви седьмой пары, которая можетъ быть во сто разъ его больше.

Если подъ словомъ *анастомозъ* вы будете разуметь соединеніе, такъ сказать, сплавленіе двухъ нервовъ въ одинъ, то увидите чрезвычайную ошибку. Здесь пять настоящихъ соединеній. Если бы чувствительный нервъ, присоединившись къ верву нечувствительному, называлъ, такъ сказать, въ себѣ, какъ свою чувствительную способность, то помянутой необходимо долженъ бы слѣзаться чувствительный въ равной степени всюду, во всѣхъ своихъ ветвяхъ, какъ и думаютъ тѣ, которые допускаютъ существованіе нервной жидкости. Между-тѣмъ то ли находимъ мы? Нѣтъ. Седьмая пара чувствуетъ только тѣми ветвями, которыя получаютъ ниточки отъ пятой. Позвольте мнѣ теперь сказать свое мнѣніе. Вѣточки пятой и седьмой пары соединяясь, только сближаютъ свои нити, каждая изъ нихъ сохраняетъ отдаленныя свойства того нерва, отъ котораго она происходитъ: такъ нити пятой пары остались нитями чувствительными, а нити седьмой нитями двигательными. Стволъ, который изъ нихъ образовался, будетъ стволемъ сложнымъ, составленнымъ изъ нитей двигательныхъ и нитей чувствительныхъ, но не чувствительныхъ и двигательныхъ въ одно и то же время. Разрѣжьте вѣточку, происходящую отъ пятой пары: въ стволѣ останутся только нити двигательныя, а чувствительность исчезаетъ. Она осталась бы, хоть на некоторое время, если чувствительныя нити пятой пары вошли бы, такъ сказать, въ составъ седьмой.

Профессоръ повторяетъ этотъ опытъ еще разъ двумя вѣточками. Результаты одни и тѣ же: верхнія ветви седьмой пары чувствительны, нижнія безчувственны.)

Мнѣ пораило одно обстоятельство. Мнѣ пришла мысль уцѣпить главный стволъ седьмой пары. Я нашелъ его чувствительнымъ! Между-тѣмъ, ветвь, отъ него происходящая, была безчувственна, когда я разрывалъ соединительную нить.

точку. Отъ чувствительнаго ствола происходятъ чувствительныя вѣтви! — Это чудо.

Я обнажаю стволъ личнаго нерва, отъ котораго идутъ, какъ вы знаете, двѣ нечувствительныя нити. Я укалываю стволъ : онъ чувствителенъ. Укалываю еще разъ : очевидные признаки чувствительности. Откуда жъ она поступаетъ? Я поднимаю пинцетомъ тоненькую нервную нить; щиплю ее : она уже чувствуетъ. Я увѣренъ, что она присоединяется къ средней вѣтви седьмой пары, потому что, дождавшись ее, я поднимаю и среднюю вѣтвь.

Кромѣ Видіевой нити, я не вижу другаго пути, по которому чувствительность могла бы сообщиться седьмой паре, потому что начало этого нерва, до входу своего во внутренней слуховой проходъ, совершенно безчувственно. Но какими образомъ отъ чувствительнаго ствола происходятъ безчувственныя вѣтви? Я не умѣю этого объяснить: могло только указать на фактъ. Однако жъ, изъ того, что нѣтъ известно о сближеніи нитей различныхъ нервовъ, мы можемъ предполагать, что вѣточки Видіева нерва нейдутъ дальше ствола личнаго нерва, а исчезаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ раздѣляется на вѣтви. Чтобъ сделаться чувствительными, нити нужно получить отъ пятой пары новыя нити; если этого не будетъ, они останутся безчувственными, несмотря что стволъ, отъ котораго они произошли, чувствителенъ.

Вотъ молоденькая собачка, у которой разрезанъ глазной нервъ. Замѣьте, вся верхняя часть правой половины лица безчувственна. Седьмая пара раздѣляется во всѣхъ этихъ частяхъ : следовательно, она должна также надѣлать ихъ и чувствительностью. Неужели сама она сделалась безчувственной? Я не вижу къ тому достаточной причины : ушная ниточка, которая соединяетъ ее съ пятою парею, происходитъ отъ нерва верхне-челюстнаго; а онъ не разрезанъ. Что съ разрезомъ ствола пятой пары, седьмая лишается чувствительности, это понятно; здѣсь та вѣтвь пятой пары, которая даетъ седьмой сообщительную ниточку, не тронута: следовательно, личной нервъ долженъ бы быть чувствителенъ! Вероятно, у собакъ, между седьмою и де-

тотъ парюю есть другіе пути сообщенія, какъ у крошечныхъ, чувствительность распределяется только въ тѣхъ нитяхъ, гдѣ бываютъ анестезіи.

Посмотримъ, не осталось ли въ седьмой парѣ еще какихъ-нибудь чувствительныхъ вѣтвей. Будучи назначены для нижней части лица, они должны бы сберечь свою чувствительность; по-крайней-мѣрѣ я такъ думаю.

(Молодая собачка.) У этой собачки я обнажаю вѣтви седьмой пары, при выходѣ ихъ изъ около-ушной желѣзы. Я разрываю кожу и нѣкоторыя мышечныя волокна, не производя въ нихъ боли: животное тогда только обнаруживаетъ болезненное ощущеніе, когда инструментъ проникаетъ глубже и касается нижней части щеки. Вотъ толстая вѣтвь лицеваго нерва, идущая къ нижней губѣ. Я щиплю ее. Она очень чувствительна. Вотъ другая, которая идетъ къ уголку и частякъ лица, потерявшимъ чувствительность. Дѣйствительно, она ничего не ощущаетъ. Следовательно, седьмая пара раздѣлена на двѣ части, чувствительную и безчувственную, несмотря что стволъ ея непрерыванъ. Этотъ опытъ доказываетъ, что чувствительность проливается въ седьмую пару не однимъ путемъ, — физиологическій фактъ, котораго нельзя объяснить иначе какъ анатоміей.

Если бы можно было преслѣдовать въ известномъ нервѣ чувствительныя и двигательныя нити, отдѣльно одѣвъ отъ другихъ, и указать точку, гдѣ останавливается кодъ нервныхъ, мы съ достовѣрностью могли бы сказать, что тутъ останавливается и чувствительность и движеніе. Къ несчастію, мы не имѣемъ средствъ отличить однихъ отъ другихъ.

(Черезъ два дня собаки были показаны.) Обратите вниманіе на болезненные перемены, происшедшія въ лицахъ этихъ двухъ собакъ отъ разрыву вѣтвей пятой пары.

У собаки, которой былъ разрыванъ глазной и верхнечелюстной нервъ, глазъ красенъ, слезится, покрытъ гнойными мокротами. Прозрачная роговая оболочка побѣлѣла; соединительная перепонка надулась и покрылась зубчатыми наростами. Въ признаки *глазнаго воспаления*. Вместо боли, мы находимъ, что глазъ совершенно безчувственъ:

дальше ощущать ни дѣйствія свѣту ни, другихъ раздражителей: раздражений. Правая щека также ничего не чувствуетъ. Мокротная оболочка распухла и жесточайшая. Кожа верхней части лица безчувственна; мускулы не сокращаются. Раза заживаетъ. Нижняя половина лица несколько не повредилась: она чувствуетъ и сжимается, какъ прежде.

У другаго животнаго, напротивъ: глазъ чистъ, носъ и вся вообще кожа верхней части лица здоровы и чувствительны. Болезненные безпорядки находятся только въ верхней части лица. Нижняя челюсть отвисла, вследствие паралича жевательныхъ мускуловъ. Въ одной половинѣ языка пропалъ вкусъ. Десны нижней челюсти покраснѣли и распухли, между-тѣмъ какъ десны верхней сохранили свой обыкновенный розовый цвѣтъ.

Нечувствительность и безпорядки въ кровообращеніи волосовидныхъ трубочекъ мы замѣчаемъ только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ раздѣляются веточки перерезаннаго нижнечелюстного нерва.

Если, действительно, вся эти болезненные перемены происходятъ, какъ думаетъ Мюллеръ, отъ поврежденія мозгу при введеніи въ черепъ инструмента, почему жъ ограничивается онъ только тѣми частями, гдѣ раздѣляется поврежденный нервъ? Разрѣзываете ли вы одну только ветвь или цѣлый стволъ пятой пары, это все равно: мозговая оболочка разстраивается одинаково.

Такъ, изъ всѣхъ этихъ опытовъ видно, что пятой парой нервъ не имѣетъ собственной чувствительности. Одинъ англійскій физиологъ утверждаетъ, будто седьмая пара нечувствительна и на лицѣ. Я доказалъ ему, что она чувствительна. Теперь повторяю то же, но въ другихъ словахъ, болѣе опредѣлительно: седьмая пара получаетъ отъ пятой, не чувствительность, а чувствительныя нити. Ея собственныя ниточки исключительно двигательныя, потому что чувствительность пребываетъ въ однихъ только сообщительныхъ ниточкахъ пятой пары.

Научаясь, какое дѣйствіе имѣетъ пятая пара на языкъ,

смотримъ, нѣтъ ли какого-нибудь соотношенія между различными вѣтвями одного и того же нерва. Очень часто бываетъ, что одна вѣтвь, сдѣлавшись больною, вдругъ становится здоровой, между-тѣмъ какъ другая, бывшая до-того здоровою, вдругъ поражается болѣзнію. Однимъ словомъ, здѣсь дѣлается *метастазъ*, *переносъ*, *симпатія*: назовите, какъ хотите. Я докажу, что фактъ существуетъ: следовательно, о словахъ говорить не стоить.

Возьмемъ для примѣру пятую пару. Какого-нибудь челювѣка ранятъ въ лобъ. Ударъ разрѣзываетъ на двое надглазную вѣточку, не повреждая глаза: а между-тѣмъ глазъ слышитъ! Случай не рѣдкій: нѣтъ ни одного хирурга, которому бы не приводилось его видѣть. Какъ объяснить его? Рѣсничные нервы происходятъ отъ глазнаго узелка и носовой вѣтви: следовательно, между ними и надглазною вѣточкою нѣтъ ничего общаго. Почему жъ поврежденіе надглазной вѣтви лишаетъ глазъ способности ощущать свѣтъ? Потому, что всѣ подраздѣленія пятой пары находятся въ зависимости однѣ отъ другихъ: между-тѣмъ, помните, что какъ всѣ вѣтви оканчиваются въ одинъ общій стволъ, то страданіе одной изъ нихъ можетъ дѣйствовать на другую до такой степени и такъ сильно, что наконецъ передаетъ ей свою болѣзнь.

Эта взаимная зависимость однѣхъ вѣтвей отъ другихъ всего явственнѣе замѣтна при личной невралгій.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе *перескакиванія* боли съ одной вѣтви пятой пары на другую. Надобно прибавить, что то же самое случается и въ седьмой парѣ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: на седьмую пару, относительно къ ея чувствительности, можно смотрѣть какъ на вѣтвь пятой. И то, что мы называемъ невралгіею личнаго нерва, есть не что иное какъ невралгія ниточекъ пятой пары, которыя только присоединились къ вѣточкамъ седьмой. По этому не думайте, чтобъ седьмая пара могла быть поражена нервною болью: двигательныя нити могутъ ли ощущать боль?

Легкость, съ какою нервная боль переходитъ съ одной вѣтви на другую, очень часто приводитъ въ затрудненіе

многихъ опытныхъ врачей; и въ самомъ дѣлѣ: выгоните ее изъ одной, она переходитъ въ другую, нисколько не уменьшаясь въ своей силѣ.

Для успѣшнаго леченія необходимо, чтобъ и лекарство могло слѣдовать за болью, могло, такъ сказать, подобно ей, перемѣнять мѣсто, наступать ее въ той вѣтви, куда она скрылась; однимъ словомъ, чтобъ лекарство могло приспособляться ко всемъ странностямъ и капризамъ болѣзни. Вотъ, почему я имѣю такую довѣренность къ гальванизму.

Недавно ко мнѣ явились двѣ дамы, съ просьбою вылечить ихъ отъ невралгій. У обѣихъ поражена была правая сторона лица, у обѣихъ самая сильная боль была въ языкѣ. Одна изъ нихъ страдала уже четыре года, и увѣряла, что во все это время не имѣла спокойной минуты ни днемъ ни ночью. Невралгія началась жестокими болями, сначала вблизи подглазпаго отверстія, и распространилась по всей верхней губѣ; потомъ заболѣла лобная вѣточка; потомъ, подбородочная, и наконецъ язычный нервъ. Но не одна раздѣленія пятой пары подвержены были страданіямъ: болѣзнь равно поразила и седьмую пару, особенно среднюю вѣтвь этого нерва, которая, какъ извѣстно, сообщается съ ушною нитью пятой пары. Больная почти перестала слышать правымъ ухомъ.

Другая больная страдаетъ только годъ. Болѣзнь началась съ языка, и почти только имъ и ограничилась, если не считать легкихъ болей, которыя по временамъ появлялись въ разныхъ вѣтвяхъ пятой и седьмой пары. Главное мѣсто пребыванія болѣзни — язычный нервъ. Когда невралгія появляется на лицѣ, больной кажется, будто-бы боли выходятъ изъ подъ-очнаго, челюстнаго и лобнаго каналовъ. Эта дама также глуха на правое ухо.

Я не стану вычислять вамъ всего, что дѣлали врачи для излеченія этой болѣзни и, къ несчастію, безъ пользы. Между-прочимъ имъ обѣимъ вырвали по нѣсколько зубовъ, — средство эмпирическихъ лекарей, которое очень часто не только не помогаетъ, а еще усиливаетъ боли. Я употребилъ гальванизмъ. Тоненькую платиновую иголку я воткнулъ въ стволъ личнаго нерва около того мѣста, гдѣ онъ

впихнуть изъ черепа; другую воткнуть въ большую сторону языка. Такимъ образомъ я былъ увѣренъ, что действую и на пятую и на седьмую пару въ одно время. Должно стараться, сколько можно, пропускать электрическій токъ сквозь оба эти нерва : иначе боль можетъ перейти съ пятой пары на седьмую, а это можно отвратить гальванизировавъ вдругъ оба нерва. Я всегда употребляю Кларкову машину, какъ самую удобную и не требующую кислыхъ растворовъ.

У одной пациентки, боль мгновенно исчезла въ языкъ, но перешла въ подбородокъ. Я перемѣстил иглы : вынулъ иглу изъ языка и воткнулъ ее въ подбородочный нервъ. Боль исчезла и отсюда, но черезъ нѣсколько секундъ появилась снова въ подглазномъ нервъ. Наконецъ преслѣдуя боли изъ одного нерва въ другой, мнѣ удалось ихъ совершенно выгнать. Больная выздоровѣла.

У другой дамы, въ языкъ боль тоже прекратилась, но перешла въ подглазный нервъ; выгнанная отсюда, она снова появилась въ языкъ. Однимъ словомъ, выгоняя ее изъ тѣхъ нервовъ, куда она *перепрыгивала*, мнѣ наконецъ удалось ее уничтожить.

Можетъ ли быть что-нибудь безразсуднѣе, опаснѣе, и наконецъ иррациональнѣе, какъ разрывывать страждущій нервъ? Это средство помогаетъ очень рѣдко, и потому къ нему можно прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ. Что жъ вы скажете о тѣхъ врачахъ, которые, въ невралгическихъ боляхъ, вырываютъ цѣлые стволы и вѣтви седьмой пары?

Вотъ все, что можно было сказать новаго и *вынаго* о мнѣніи однихъ вѣтвей нерва на другія. Намъ предстоитъ новый рядъ занятій, — изучить опытно, какое вліяніе имѣетъ пятая пара на осязательную чувствительность, спеціальныя отправления и способъ питанія органовъ чувствъ.

Я долженъ предупредить васъ, что въ вопросахъ такого рода, анатомія можетъ оказать намъ очень неважныя услуги. Всякой новый вопросъ намъ придется рѣшать опытно. Прежде всего я намѣреваюсь показать, что съ разрывомъ пятой пары, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она переходитъ черезъ каменистую часть височной кости, въ головномъ ор-

ганъ исчезаетъ осязательная чувствительность. Позже мы увидимъ, что то же самое происходитъ и съ его специальнымъ чувствомъ.

Вотъ собака, у которой, я разрывалъ въ черепъ пятую пару. Операция сдѣлана на правой сторонѣ и осязательная чувствительность, вѣроятно, исчезла въ правой же сторонѣ лица. Въ-самомъ-дѣлѣ, щека, пол-рта, високъ, вся правая половина лица рѣшительно безчувственны. На лѣвой, напротивъ, чувствительность ни мало не повредилась.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи органы чувствъ. Я докровоизваюсь иглою до праваго глаза. По неподвижности животнаго, и по его спокойствію, я заключаю, что оно этого не чувствуетъ. Я прокалываю соединительную оболочку и другія плевы глаза, та же безчувственность. Я укалываю правую ноздрю, рву мокротную оболочку: животное ничего не замѣчаетъ. Я схватываю щипчиками правую половину языка, крепко сжимаю ее, однако жъ животное не обращаетъ на это вниманія. Я дѣлаю то же съ лѣвою половиною. Едва инструментъ до нея дотронулся, животное быстро отпнуло языкъ.

Что касается до чувствительности органа слуху, это поверить очень трудно. Однако жъ, я, касаясь иглою до барабанной перепонки, сотрясаю ее, прокалываю, животное шевелитъ ушами тогда только, когда я ударяю инструментомъ въ стѣнки наружнаго слуховаго проходу: это очень понятно, потому что нервъ затылочной и шейное сплетеніе не разрезаны.

Вотъ кроликъ, у котораго я разрывалъ пятую пару въ черепъ. У него зрачокъ очень сократился. Я быстро приближаю руку къ правому его глазу. Животное испугалось и отскочило назадъ: это потому что лѣвый глазъ былъ открытъ и видѣлъ движеніе моей руки. Я закрываю лѣвый глазъ, дѣлаю тотъ же опытъ: животное стоитъ неподвижно. Не прямое ли доказательство, что съ разрывомъ пятой пары животное потеряло и способность видѣть?

Правое въко неподвижно, оттого что когда пятая пара разрезана, седьмая не имѣетъ силы заставить мускулы сжи-

мигаться. Я дотрогиваюсь до глаза, колю его: животное не мигает. Но вотъ я выставляю глазъ на свѣтъ: лишь-только солнечный лучъ упалъ на правый глазъ, животное начало мигать. Я ставлю животное въ тѣнь, и въки тотчасъ дѣлаются по-прежнему неподвижными. Значить, чувствительность въ нервной оболочкѣ не совершенно уничтожилась.

Но съ перерывомъ зрительнаго нерва, все признаки этой чувствительности исчезаютъ. Попытаемся сдѣлать это. Перерезать зрительный нервъ—операція очень трудная. Вотъ, какъ я ее дѣлаю. Я прокалываю черепъ, по самой серединѣ, тотчасъ надъ лобными бугорками: потомъ ввожу въ ямочку основнѣй кости загнутую иглу, и, наклоняя ее немного всторону, захватываю нервъ и разрываю его. Животное безмолвно; потому что зрительный нервъ безчувственъ. Теперь самый сильный солнечный свѣтъ не въ состояніи заставить животное закрыть въки!

Я разрывалъ, для сравненія, пятую пару на одной сторонѣ и зрительный нервъ на другой. Животное становилось совершенно слѣпымъ. Оно чувствовало свѣтъ только тѣмъ глазомъ, котораго зрительный нервъ былъ цѣлъ. Часто случается видѣть людей, у которыхъ глазъ пораженъ амврозомъ (темною водою), но которые умѣютъ отличить свѣтъ отъ темноты. Очень можетъ быть, что у нихъ повреждены только рѣсничные нервы, которые, какъ известно, происходятъ отъ пятой пары, а зрительный нервъ здоровъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что амврозы такого рода обыкновенно предшествуютъ сильныя воспалительныя боли. Самое лучшее средство, въ такомъ случаѣ, гальванизмъ. Электрическіе токи, направленные на глазную ветвь пятой пары, очень часто возвращали зрѣніе людямъ, которые были слѣпыми нѣсколько лѣтъ. Я замѣтилъ, что, если глазъ закрывается при сильномъ свѣтѣ, лечение почти всегда бываетъ успѣшно; если же ретина ничего не чувствуетъ, то слѣпота очень рѣдко проходитъ отъ гальванизма.

Взгляните на этихъ двухъ кроликовъ. У одного правое ухо виситъ загнутое назадъ, къ затылку, лѣвое, напротивъ,

поднято и направлено ко рту. У другого, уши точно въ такомъ же положеніи. Вы думаете, что обонянье съдлана одна и та же операція? Нѣтъ. У одного лицо чувствительно, у другого вся половина мордочки безчувственна. Это значитъ, что у первого разръзана пятая пара, а у другого седьмая. Сходство припадковъ зависитъ отъ очень любопытнаго физиологическаго обстоятельства, которое уже вамъ известно, отъ вліянія пятой пары на седьмую.

Возвратимся къ нашему кролику. Я кладу ему на правую половину языка каплю колокинтоваго декокту, который, какъ вы знаете, чрезвычайно горекъ. Языкъ не подвиженъ. Я дѣлаю такой же опытъ съ лѣвою половиною языка: животное дѣлаетъ гримасы, отдергиваетъ языкъ, высовываетъ и втягиваетъ его, трясетъ ушами, какъ-будто желаетъ избавиться отъ неприятнаго ощущенія. Этотъ опытъ доказываетъ, что разръзъ пятой пары, вмѣстѣ съ осязательною чувствительностью, уничтожаетъ и вкусъ. Возьмемъ другое вещество, табакъ, напримѣръ. Я кладу нѣсколько порошинокъ этого вещества на правую половину языка: въ животномъ не замѣтно ничего особеннаго. Кладу табакъ на лѣвую половину, и тоже не вижу переменъ: это потому что чувство горечи, произведенное колокинтомъ, сильнѣе горечи табакъ. Надобно употребить что-нибудь по-крѣпче. Возьмемъ амміакъ. Мнѣ могутъ возразить, что амміакъ будетъ дѣйствовать какъ вещество ѣдкое, и что, если правая половина языка нечувствительна для прочихъ физическихъ раздраженій, то она не почувствуетъ и дѣйствія амміаку. Согласенъ; но это и покажетъ намъ, что животное не ощутитъ амміаковаго вкуса потому, что съ разръзомъ пятой пары она потеряла и вкушательное чувство. Я кладу на правую половину языка каплю амміаку: животное ничего не чувствуетъ. Кладу на лѣвую: животное отдергиваетъ языкъ. Очевидно, что ему не пріятенъ вкусъ амміаку. Вкушательная способность погибла, по-крайней-мѣрѣ въ правой половинѣ языка и нѣба.

Перейдемъ къ обонянію. Я подношу къ правой ноздрѣ, заткнувши плотно лѣвую, стѣляночку съ вѣтромъ: животное покойно. Открываю лѣвую, подношу къ ней стѣлянку:

животному это не приятно. Аммиакъ производитъ то же дѣйствіе. Ясное доказательство, что, съ разрывомъ пятой пары, въ мокротной оболочкѣ пропадаетъ осязательная чувствительность. То же, кажется, происходитъ и съ обонянiемъ. Этотъ опытъ не доказываетъ, если хотите, что обонятельная способность пребываетъ въ нервахъ пятой пары, но даетъ намъ право утверждать, что, безъ ихъ участія, дѣйствіе первой пары первыхъ не полно.

Не станемъ спорить, а сделаемъ нѣсколько опытовъ и посмотримъ, какія перемѣны произойдутъ въ обонянiи, когда будетъ перерѣзана первая пара.

Я нѣсколько разъ, передъ глазами вашими, разрывалъ эти нервы, и животное не обнаруживало боли. Я клалъ на нихъ аммиакъ, и результаты были всегда отрицательные. Нервы обонятельные оказывались такими же нечувствительными какъ и нервы зрительные. Почему жъ такъ чувствительны носовыя полости? Неужели это зависитъ отъ пятой пары? Кажется, такъ, потому что разрывъ этихъ нервовъ уничтожаетъ чувствительность носовыхъ полостей. Мы рѣшимъ вопросъ положительно, если мнѣ удастся разрезать обонятельные нервы передъ выходомъ ихъ изъ черепа, и если отъ этого не уничтожится и не ослабитъ чувствительность носовыхъ полостей.

Вотъ сильная собака, надъ которой, какъ кажется, мнѣ удалось успешно произвести эту операцію, противодоказательство предшествовавшей.

Въ передней и боковой части лобной кости, не много выше брови, я просверлилъ небольшую дырочку, черезъ которую ввелъ въ полость черепа тоненькую и плоскую рукоятку маленькаго скальпеля, проведя ее по костяной площадкѣ, составляющей «потолокъ» глазной впадины, съ боку остротка *cristae galli*; я достигъ до носоваго нерва, и раздробилъ его. Точно также поступилъ я и съ другимъ нервомъ. Во время этой операціи животному тогда только было больно, когда инструментъ прокалывалъ кожу и кость лба, а прохожденія лезвія въ черепъ и разрушенія нервовъ оно и не примѣчало. Иногда, впрочемъ, животныя вдругъ забьются, начнутъ кричать, стонать, какъ-будто вы косну-

лись пятой пары: въ самомъ дѣлѣ, это значитъ, что вы случайно задѣли рѣшетчатый нервъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ черезъ внутреннюю главную дырочку входитъ обратно въ черепъ, и выходитъ изъ него опять черезъ рѣшетчатую пластинку; а этотъ нервъ, какъ извѣстно, вырастаетъ отъ пятой пары.

Я ввожу въ правую ноздрю этой собаки тупую иглу. Животное чувствуетъ прикосновение инструмента. Чувствительность мокротной перепонки не измѣнилась, а между-тѣмъ я совершенно увѣренъ, что обонятельные нервы перерезаны по-поламъ. Такой же опътъ я дѣлаю и съ лвоею ноздрю: признаки чувствительности одинаковы.

Вотъ фактъ неопровержимый: разрьзъ пятой пары уничтожаетъ малѣйшіе слѣды чувствительности въ носовыхъ полостяхъ; между-тѣмъ какъ, несмотря на переръзъ обонятельныхъ нервовъ, она остается невредимою.

(Черезъ семь дней животное было показано.)

Вотъ трупъ той собачки, у которой я хотѣлъ разрьзать обонятельные нервы въ ямочкѣ рѣшетчатой кости, съ цѣлю узнать, дѣйствительно ли эти нервы назначены для обонянія. Сильное кровотеченіе помѣшало намъ увѣриться въ этомъ, но мы узнали, что осязательная чувствительность мокротной плевы ни сколько не стала грубее. Дѣйствительно ли были разрушены обонятельные нервы, какъ я этого хотѣлъ? Голова животного у насъ передъ глазами: анатомируемъ ее.

Рана почти зажила. Вотъ тѣ двѣ дырочки, черезъ которыя я ввелъ инструментъ въ полость черепа. Здѣсь произошли очень любопытныя перемѣны. По первому взгляду можно подуматъ, будто края раночекъ сблизились и закрыли отверстіе. Ничего не бывало. Посмотрите внимательно: это—мозговое вещество; оно вышло наружу и вовсе не приросло къ окружности ранокъ. Поджавъ пальцемъ эти двѣ шишечки, вы можете вдавить ихъ обратно въ черепъ, и обѣ дырочки снова будутъ открыты. Какъ происходитъ мозговая грыжа? Очень просто. Вы знаете, что на мозгъ безпрерывно давитъ мозговая вода. Причина давленія—бие-

нѣ артерій и неизреченно наполненіе и опустыніе мозговыхъ вѣтвей. Если стѣнки черепна цѣла, давленіе войдетъ дѣла известнѣхъ предѣловъ : но если гдѣ-нибудь стѣнокъ мрутъ не станеть, что же можетъ воспрепятствовать мозговой мякоти проникнуть туда ? Это случилось и съ нашею собакою.

Я вскрываю черепъ. Около полушарій накопилось большое количество крови : она не такъ красна , какъ должна быть, оттого что смѣшалась съ мозговою водою. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шло лезвее инструмента, началось нагноеніе. Мозговая мякоть размягчилась. Обонятельные нервы почти совершенно разрушены, осталась небольшая ниточка. Если, къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь утвердительно сказать, что обонятельные нервы не участвуютъ въ чувствительности мокротной оболочки носа, по-крайней-мѣрѣ мы имѣемъ доказательство, что исправный видъ ихъ не есть необходимое условіе обонянія : чувствительность мокротной оболочки остается, когда обонятельные нервы, почти вовсе раздроблены : оставшаяся ниточка едва ли составляетъ одну двадцатую часть ихъ объему, а между-тѣмъ осязающая чувствительность носа ни сколько не уменьшалась. Животное околѣло вчера вечеромъ. Осемь дней прошло, съ тѣхъ поръ какъ была сдѣлана операція, и во все это время оно не принимало ни пищи ни питья. Слѣдовательно, оно умерло столько же отъ голоду сколько отъ послѣдствій операціи. Замѣьте, какая отвратительная вонь исходитъ отъ тѣла : такъ всегда пахнутъ и тѣла людей, умершихъ голодною смертію. Замѣчаніе довольно важное : вы можете имъ воспользоваться, чтобъ отвратить отъ гибельнаго намѣренія женщинъ, рѣшающихся умерить себя голодомъ. Легко можетъ быть, и это часто случается, что, обративъ на слабую сторону женщины, вы уговорите ее, не смотря на самыя сильныя убѣжденія были безъусыпны. Весь приглашаютъ къ женщинѣ, которая отъ несчастливой любви, или отъ какой-нибудь другой причины, рѣшилась умерить себя голодомъ. Вы ее убѣждаете, но напрасно : она ничего не слушаетъ. Проходитъ нѣсколько дней : она остается при своемъ гибельномъ намѣреніи. Замѣьте еще, что отъ нее ужасно пахнетъ, что она становится отвратитель-

тительною для всякъ окружающихъ : очень часто это замечаніе бываетъ сильнѣе самыхъ глубокихъ разсужденій.

Посмотрите, какъ похудѣла эта собачонка: у ней, въ бжвальному значеніи, осталась кожа да кости. Обратите вниманіе на глаза. Прозрачная роговая оболочка потемнѣла, размягчилась, почти готова треснуть. Но это произошло не отъ операциі, а отъ голоду. Вотъ обонятельные нервы, двѣ длинненькія, сьрватыя ленточки, лежащія въ ложбинкѣ рѣшетчатой кости, гдѣ они расширяются въ узелокъ, прежде нежели изъ нихъ начнутъ отдѣляться ниточки для мокротной носовой оболочки. Эти органы чрезвычайно замѣчательны. Они вовсе не похожи на другіе нервы. Вотъ почему древніе анатомики и физиологи предполагали, будто они назначены для другихъ отправленій, а не для обонянія.

У человека, обонятельные нервы не велики; у собакъ, они больше; у лошади, барана, быка, это уже не просто ленточки, а настоящія мозговья доли, въ срединѣ которыхъ находится полость, наполненная мозговою водою. Древніе, которые учились анатоміи на трупахъ животныхъ, замѣтивъ, что внутри мозговыхъ долей находится жидкость, вообразили будто она просачивается сквозь дырочки рѣшетчатой кости въ носовыя полости. То же самое они думали и о человекѣ. Ухватились за эту мысль и стали объяснять себѣ болѣзненные явленія. Слѣды древнихъ идей объ этомъ предметѣ сохранились въ нашемъ врачебномъ языкѣ. Отъ какого другаго слова происходитъ *ревматизмъ* не отъ *ревма*, теченіе.

Обонятельные нервы начинаются тремя корешками. Первый, сьрый, выходитъ изъ самой отдаленной части передней мозговой доли: онъ больше всѣхъ трехъ; второй корешокъ скрывается въ Сильвіевой бороздкѣ; третій начинается отъ внутренняго краю той же бороздки. Корешки эти, соединившись, составляютъ нервъ, который лежитъ въ продолговатой бороздкѣ, подъ переднею долею. Здѣсь онъ имѣетъ видъ бѣловатой, струистой ленточки, заключенной въ складкѣ паутинной оболочки. Прощедши, такимъ образомъ, нѣсколько линій, они выходятъ наружу, идутъ въ рѣшетчатую ямку, и расширяются тамъ въ узелокъ; потомъ

другъ раздѣляются на множество тоненькихъ ниточекъ, и каждая изъ нихъ входитъ въ особенную дырочку. Нити эти начинаются отъ узелка, а не отъ ленточки. Твердая нитка даетъ каждой ниточкѣ особенный каналъ, сопровождающій ее до мѣста назначенія. Вышедши изъ трубочекъ, нити обонятельныхъ нервовъ разсыпаются множествомъ тончайшихъ вѣточекъ, которыя наконецъ теряются въ мокротной оболочкѣ, гдѣ ихъ нельзя уже dalje преслѣдовать.

Какимъ образомъ оканчиваются обонятельные нервы въ мокротной оболочкѣ? Это не извѣстно. Некоторые анатомы думаютъ, будто они, подобно ретинѣ, составляютъ сплочку, но не могутъ доказать. Если анатомія не можетъ намъ сказать ничего вѣрнаго о дѣйствіи этихъ нервовъ, то приступимъ къ опытамъ.

Я уничтожилъ у этой собаки обонятельные нервы. Вся предосторожности были приняты, чтобъ разрушить ихъ совершенно. Я увѣренъ, что не осталось ни одной ниточки цѣлой. Я втыкаю въ ноздрю животнаго иголку. По движеніямъ его вы можете судить, что ему это неприятно. Но объ этомъ мы уже говорили. Гораздо труднѣе повѣрить, можетъ ли животное чувствовать пахучія тѣла. Запахъ, если онъ не довольно силенъ, никогда не произведетъ такихъ явныхъ перемѣнъ какъ физическая боль. Вы представляете животному лакомый кусочекъ, который пахнетъ неприятно: но, если животному не хочется ѣсть, оно не обратитъ на него вниманія. Неужели вы скажете, что оно что не обнюхало? Разумѣется, вѣтъ. Я убѣдился опытомъ, что эта собака очень хорошо умѣетъ отличить хорошую пищу отъ дурной. Вы увидите это сами.

Я подношу ей кусокъ гриерскаго сыру. Она не видѣла движенія моей руки, между-тѣмъ, посмотрите, она наклонилась морду къ моей рукѣ и хочетъ съѣсть сыръ, котораго запахъ поразилъ ея обоняніе.

Я раскунориваю у ней подъ носомъ стеклявочку съ укисшимъ виномъ: вы сами видите, какое неприятное впечатлѣніе сдѣлало это вещество на мокротную оболочку животнаго.

Я теперь завяжу ей глаза, но не такъ плохо, какъ завязываютъ ихъ господа чудомъи-магнитизеры у своихъ сенцибуловъ. Если собака отыщеть пищу, это будетъ значить, что она узнала ее обоняніемъ: зрѣніе, вы сами видите, не можетъ уже руководить ея движеніемъ. Я подвѣшу къ ея носу кусокъ сыру. Она его обнюхиваетъ и хочетъ схватить. Я опускаю руку, она слѣдуетъ за мной движеніемъ. Наконецъ она схватила сыръ, и скушала на здоровье. Не правда ли, все доказываетъ, что у нашей собака прекрасное чутье?

Я кладу передъ нею кусокъ говядины, завернутой въ бумагу. Взгляните: собака обнюхиваетъ бумагу, разгребаетъ складки, и наконецъ съѣдаетъ говядину. Замѣьте, что повязка осталась на-мѣсть, и что животное было руководимо только обоняніемъ. Я посылаю табакомъ другой кусокъ мяса и кладу его передъ животнымъ. Вотъ оно его обнюхиваетъ, хочетъ съѣсть, но запахъ табаку проникъ въ ноздри, и оно удаляется не тронувши куска. Не ясно ли, что собака умѣла отличить два запаха, пріятный отъ непріятнаго?

Мнѣ нѣсколько разъ случалось вырѣзывать у курицы и утокъ обонятельныя нервы, и я всегда находилъ, что осязательная и обонятельная чувствительность ихъ мокротной перепонки ни сколько не повреждалась. Очень было бы любопытно знать, имѣютъ или нѣтъ обоняніе люди съ врожденнымъ недостаткомъ обонятельныхъ нервовъ. Мнѣ часто случалось встрѣчать людей, лишенныхъ обонянія, у которыхъ однако жъ носовыя полости были осязательно чувствительны. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ такомъ случаѣ осязательная способность мокротной оболочки почти всегда бываетъ нѣсколько грубѣе. Но мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы обоняніе оставалось послѣ уничтоженія осязательной чувствительности.

Къ чему жъ служатъ обонятельныя нервы? Не знаю. Для меня, эти нервы стоятъ въ одной категоріи съ мокротною желѣзою, съ *glandula pinealis*, мозолистымъ тѣломъ, прозрачною перегородкою, сводомъ, его ножками и другими частями мозга, которыхъ назначеніе никому не извѣстно.

Я хочу сказать несколько словъ о нервахъ, идущихъ къ языку, и открыть опытомъ, которые изъ нихъ назначены для движенья, которые для вкуса, и которые для ослзания.

Въ языкъ раздѣляются нервы, происходящіе отъ трехъ различныхъ источниковъ, — отъ седьмой пары, отъ нерва подъязычнаго (девятая пара) и отъ нерва языко-глоточнаго (осьмой пары).

Нервъ язычный, вѣтвь пятой пары, происходитъ отъ нижне-челюстного нерва; идетъ сначала внизъ и впередъ, проходитъ между крыльными мускулами, сбоку подчелюстной железы, и наконецъ раздѣляется въ толщѣ языка. На этомъ пути къ нему присоединяется барабанная струна. Ближе подчелюстной железы, язычный нервъ представляетъ небольшой узелокъ, ganglion maxillare, «челюстный узелъ», котораго назначеніе вовсе неизвѣстно. Сверхъ того этотъ нервъ надъяляетъ нитями подъязычную и подчелюстную железы. Нѣкоторые анатомы увѣрять, будто ослзачиванія язычнаго нерва продолжаютъ въ сосочки языка. Мнѣ никогда не удавалось преслѣдовать ихъ такъ далеко, несмотря что я употреблялъ самыя лучшіе микроскопы: они теряются изъ виду, дошедши до наружной оболочки языка.

Подъязычный нервъ начинается несколькими нитями изъ бородаки, отдѣляющей переднія верамиды отъ ослзачивающей, выходитъ изъ черепа черезъ переднюю суставную щель, опускается прямо внизъ, и идетъ сбоку позвоночнаго столба. На этомъ пути онъ соединяется съ нервомъ подъязычнымъ, обстоятельство, которое намъ придется вспомнить, когда мы будемъ дѣлать опыты надъ его чувствительностью. Дойдя до нижняго конца дву-брюшной мышцы, онъ сгибается и дѣлаетъ дугу, которой вышуклая часть обращена внизъ. Это — петля подъязычнаго нерва. Отъ нея идетъ длинная нить, которая соединяется съ исходящими вѣтвями шейнаго сплетенія и теряется въ мышцахъ шеи. Давъ нѣсколько вѣточекъ мышцамъ языка, стволъ подъязычнаго нерва идетъ къ языку, входитъ въ его толщу и дробится въ ней на множество тон-

кихъ нитей, назначенныхъ для мускульныхъ волоконъ языка.

Нервъ языко-глоточный назначенъ, какъ видно, по названію, для языка и глотки. Онъ произтекаетъ многими нитями отъ *corpus gestifugum*, вблизи скитающагося нерва, выходитъ изъ черепа черезъ яремную дыру, идетъ прямо внизъ по боковой части шеи и наконецъ разделяется въ глотку и слизистой оболочкѣ корня языка. Въ волокнистомъ каналѣ, который образуется изъ складки твердой нитки, въ яремной дырѣ, языко-глоточный нервъ представляетъ небольшой узелокъ, известный подъ именемъ каменстаго узелка или узелка Андерша. Между его сообщительными нитями, особенно замѣчательны, нить, соединяющая его съ осью парю, и ниточка, описанная Якобсономъ. Известно, что между соннымъ каналомъ и яремною ямкою находится небольшая дырочка, которая есть не что иное какъ отверстіе канала, оканчивающагося въ барабанную впадину. Въ этотъ-то каналъ входитъ Якобсонова нить, нить, которая соединяется съ нѣсколькими ветвями пятой пары.

Вотъ главное, что намъ нужно было знать, приступая къ опытамъ.

Беру молоденькую собачку, у которой, въ черепъ, нѣсколько времени тому назадъ, разрывана нижне-челюстная ветвь пятой пары. Схватываю пинцетомъ правую половину языка: животное позволяетъ это сдѣлать не обнаруживая боли. Я хотѣлъ было ущипнуть лѣвую сторону языка, но животное оттянуло его и едва меня не укусило. Результатъ, давно намъ знакомый. Попробуемъ положить на правую половину языка каплю колокинтоваго отвара: не видно, чтобъ животное почувствовало горькій вкусъ этого велья. Лѣвая половина, напротивъ, очень хорошо ощущаетъ его.

Впрочемъ, замѣьте, когда я дотрогиваюсь инструментомъ до корня языка или до ножекъ нѣбной занавѣски, животное такъ же ясно чувствуетъ правую сторону какъ лѣвую. Можно ли заключить изъ этого, вмѣстѣ съ некоторыми физиологами, будто не одна пятая пара, но и языко-

глоточный нервъ съ другими нервами надѣляетъ эти части осязательною чувствительностью? Нѣтъ, и вотъ причина.

У этой собаки разрѣзана только нижняя челюстная вѣтвь; слѣдовательно, та, отъ которой происходитъ язычный нервъ. Прочія вѣтви пятой пары не были тронуты. Если чувствительность осталась въ корнѣ языка и нѣбной занавѣсь, я спрашиваю, не происходитъ ли, отъ нетронутыхъ вѣтвей пятой пары, какая-нибудь вѣтвь, которая можетъ приносить эту чувствительность, и нахожу, что это—нити, идущія отъ основно-нѣбнаго узелка и отъ нерва нѣбно-носового Скарты. Слѣдовательно, чтобъ сдѣлать опытъ полнѣе, нужно разрѣзать весь стволъ пятой пары: это я нѣсколько разъ дѣлывалъ въ вашемъ присутствіи и, какъ вы видѣли, уничтожалъ въ языкѣ всякую способность распознавать вкусъ самыхъ ядвнхъ веществъ.

Подъязычный нервъ—нервъ исключительно двигательный. Для языка, онъ то же что седьмая пара для лица. Но седьмая пара чувствительна, потому что получаетъ сообщительныя нити отъ пятой пары: слѣдовательно, мы можемъ думать, что и подъязычный нервъ получаетъ свою чувствительность отъ какого-нибудь другаго нерва. Единственное средство рѣшить эту задачу — сдѣлать опытъ.

Я обнажилъ, у этой собаки, стволъ подъязычнаго нерва, немного пониже петлѣй, и замѣтилъ, что, до разрѣзу, нервъ былъ чувствителенъ. Послѣ разрѣзу, я нахожу, что нижній конецъ рѣшительно безчувственъ, а верхній чувствуетъ. У человека подъязычный нервъ долженъ быть чувствителенъ: я въ этомъ увѣренъ, зная, что онъ сообщается съ скитающимся нервомъ, нервомъ, по самому способу своего происхожденія, необходимо чувствительнымъ и двигательнымъ. Известно, что этотъ нервъ, подобно нервамъ спинальнымъ, истекаетъ двумя корешками, двигательнымъ и чувствительнымъ. Если же онъ соединяется съ нервомъ подъязычнымъ, то и неудивительно, что послѣдній получаетъ отъ него чувствительность, будучи самъ по себѣ нервомъ чисто двигательнымъ.

Я разрѣжу у этой собаки языко-глоточный нервъ. Операция очень простая: нужно только разрѣзать по-глубже

ному приближ'утся нижней челюсти, и вы тотчас достанете до ствола этого нерва. Вотъ онъ. Я поднимаю его сондомъ и разрываю. Животное едва это примѣтило. Я дѣлаю ту же операцію съ нервомъ другой стороны. Посмотримъ, въ какомъ положеніи находится языкъ. Я укалываю его иглою: вы видите, что чувствительность всюду сохранилась. Кладу нѣсколько капель амміаку на верхнюю поверхность языка. Чувство, произведенное этимъ веществомъ, такъ неприятно, что животное, послѣ многихъ сильныхъ движеній, вырвалось у меня изъ рукъ. Вы видите, что только разрывъ пятой пары уничтожаетъ осязательную чувствительность въ языкъ.

Вчера я сдѣлалъ очень занимательный опытъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я разрывалъ языко-глоточные и подъязычные нервы на обѣихъ сторонахъ, и нашелъ, что ни общія ни спеціальная чувствительность языка отъ этого ни сколько не измѣнилась. Одно только движеніе было рѣшительно уничтожено. Глотаніе сдѣлалось совершенно невозможнымъ: животное не могло ни хлебать (лакать) ни сосать.

Паницца утверждаетъ, будто разрывъ обѣихъ языко-глоточныхъ нервовъ уничтожаетъ вкусъ, и что, напротивъ того, вкусъ остается невредимымъ несмотря на уничтоженіе обѣихъ подъязычныхъ нервовъ и обѣихъ язычныхъ ветвей пятой пары, и доказываетъ это тѣмъ, что будто-бы языко-глоточные нервы, оканчиваются исключительно въ слизистой оболочкѣ языка и глотки. По его мнѣнію, языко-глоточный нервъ — настоящій нервъ вкусу.

Что касается до меня, то я ничего не видѣлъ подобнаго. Я всегда доказывалъ, и вы сами были свидѣтелями, что разрывъ пятой пары уничтожаетъ въ языкъ и осязательную и жужательную чувствительность. Если Паницца подтверждаетъ свое мнѣніе анатоміею, то и я анатоміею же докажу ему, что онъ думаетъ ошибочно. Какъ могутъ языко-глоточные нервы быть нервами вкусу, когда вкусъ находится въ тѣхъ частяхъ, куда они не посылаютъ своихъ нитей? Всякій знаетъ, какимъ тонкимъ чувствомъ одаренъ кончикъ языка: между-тѣмъ сюда не доходитъ ни одной ниточки отъ языко-глоточнаго нерва. Мнѣ скажутъ, что язычныя

нервъ не раздѣляется въ корень языка ; даъ но я и всосе не
утверждаю , чтобы этотъ нервъ былъ исключительно нер-
вомъ вкусу. Развѣ мы не знаемъ , что отъ пятой пары , осо-
бенно отъ Меккелева узелка , идутъ многія другія нити въ
жувательной поверхности ! Вотъ почему только тогда ис-
чезаютъ вся слѣды общей и специальной чувствительности
въ органъ вкусу , когда разрѣзываемъ самый стволъ пятой
пары.

Впрочемъ , очень возможно , что языко-глоточные нервы
принимаютъ нѣкоторое участіе во вкусъ. Но теперь зай-
мемся изслѣдованіями свойствъ Виллизова нерва.

Виллизовъ , или «прозрачный нервъ» , начинается многими
нитями сбоку шейной части спиннаго мозгу , между его
передними и задними рудками. Эти нити , которыхъ число
не постоянно , соединяются въ общій стволъ. Стволъ идетъ
вверхъ къ зубчатой связкѣ , доходить до задней яремной
дыры , сближается со скитающимся нервомъ и вмѣстѣ
съ нимъ выходитъ изъ черепа. Виллизовъ нервъ , тонкій
при началѣ , дѣлается , по мѣрѣ присоединенія къ нему но-
выхъ нитей , постепенно толще , и наконецъ раздѣляется
на двѣ вѣтви , сообщительную и мышечную , которая
является его продолженіе.

Сообщительная вѣтвь болѣею частію соединяется со
скитающимся нервомъ , но иногда отдѣляется отъ него и
составляетъ нервъ глоточный. Мышечная вѣтвь идетъ
прямо внизъ по шеѣ , переходитъ черезъ широкую шейную
мышцу (грудино-сосковую) и раздѣляется въ мускулахъ
трапецевидномъ , ромбональномъ , угловомъ лопатки , од-
накъ словомъ во всѣхъ мышцахъ плеча. Белль назвалъ
это верхнимъ дыхательнымъ нервомъ туловища.

Я приступаю теперь къ операціи : разрѣжу прибавочный
нервъ въ позвоночномъ каналѣ. Для этого надобно сначала
отдѣлить мускулы , лежащіе на затылкѣ , между затылочною
яремною и первымъ позвонкомъ , разрѣзать твердую матку и ,
потомъ , осторожно ввести туда маленькій крючокъ , за-
хватить нервъ и разрѣзать его тоненькимъ бистуріемъ или
ножницами.

Я разрѣзываю и отдѣляю мягкія части , лежащія на зад-

ней части шеи. Вотъ волоконистая нелева, между атласомъ и затылочною костью. Брызнувшая струя воды означаетъ, что я прокололъ твердую матку и дошелъ до спиннаго мозгу. Я схватилъ нервъ, и тяну его къ себѣ, но животное не обнаруживаетъ большой боли. Нервъ разрезанъ. Охъ, кажется, не слишкомъ чувствителенъ: я не замѣтилъ въ животномъ ни малѣйшаго признаку страданій.

Посмотрите, что случилось съ животнымъ: во время ходьбы, передній членъ той стороны, на которой перерезанъ нервъ, волочится, не стибаясь, и не принимаетъ надлежащаго участія въ походку. Очевидно, что верхнія мышцы плеча парализированы.

Займемся теперь чувствомъ зрѣнія, и рассмотримъ, какіе нервы принимаютъ участіе въ этомъ феноменѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о физическомъ устройствѣ зрительнаго прибора: анатомическое устройство этого органа должно быть известно всякому, кто занимается физиологіею. Мое мѣло—показать свойства нервовъ, отъ которыхъ зависятъ зрѣніе.

Зрительный нервъ, какъ видно изъ названія, есть нервъ зрѣнія. Первая поражаетъ насъ его связь съ мозгомъ. Въмѣсто того чтобъ, подобно другимъ нервамъ, происходить отъ одной определенной точки этой мякоти, зрительный нервъ соединенъ анатомически съ многими ея частями, различными по положенію, устройству и свойствамъ. Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемомъ мозговомъ концѣ зрительнаго нерва.

Зрительный нервъ (вторая пара), прежде соединенія своего съ другимъ зрительнымъ нервомъ въ хіазму (chiasma), является въ видѣ плоской тесемочки, окружающей мозговую ножку, къ которой онъ прикрѣпленъ своимъ наружнымъ краемъ. Позади ножки, зрительный нервъ раздѣляется на двѣ вѣтви, одну, происходящую отъ *corpus geniculatum externum*, другую, которая расплывается, такъ сказать, надъ переднимъ бугоркомъ четвернаго возвышенія. Эти двѣ вѣтви составляютъ задніе корешки зрительнаго нерва.

Для хіазмы есть особенный корешокъ. Это тоненькая сѣроватая пластинка, которая начинается отъ передней стѣнки третьяго желудочка и оканчивается въ точку соединенія

область зрительных нервовъ. Не знаемъ, можно ли назвать ее воронкомъ ; но она тѣсно срастается съ хиазмой.

Видите, съ какими важными частями мозгу соединяется зрительный нервъ : отъ зрительныхъ бугорковъ и четвертаго возвышенія зависятъ многія, чрезвычайно сложныя, органическія явленія, и поврежденіе ихъ влечетъ за собою опасныя послѣдствія. Одинъ только сѣроватый корешокъ соединенъ съ менѣе важными частями мозгу ; потому-что ихъ можно вырѣзать не повреждая зрѣнія.

Изъ этого видно, что болѣзненное состояніе даже отдѣльныхъ частей зрительнаго прибора можетъ имѣть вліяніе на неправильность зрѣнія. Довольно незначительнаго поврежденія, въ которой-нибудь точкѣ, длиннаго пути, пролагаемаго этимъ нервомъ на основаніи черепа, чтобъ зрѣніе испортилось. Безпорядки будутъ еще важнѣе, когда поврежденіе произойдетъ въ зрительныхъ бугоркахъ или въ четвертомъ возвышеніи. Чтобъ зрѣніе испортилось, для этого даже не нужно измѣненій въ нервной мягкости : довольно если, отъ избытку мозговой воды, сожмутся мозговые доли, или если она испортится въ своихъ составныхъ частяхъ. Можетъ-быть что и всѣ безпорядки, происходящіе въ зрѣніи при извѣстныхъ болѣзняхъ, зависятъ отъ подобныхъ причинъ.

Другое замѣчательное обстоятельство, котораго никто не умѣетъ объяснить, это—вліяніе нѣкоторыхъ частей мозгу на положеніе глазъ. Коснитесь до волокнистаго пласта, который окружаетъ, въ подобіе кольца, продолговатый мозгъ : глаза тотчасъ же примутъ престранное положеніе. Одинъ будетъ невольно смотреть вверхъ, другой внизъ. Почему перекаются оба глаза въ одно время, хотя мозгъ поврежденъ на одной только сторонѣ? Этого мы не знаемъ.

Есть еще одна анатомическая особенность въ расположеніи зрительныхъ нервовъ : всѣ нервы другихъ чувствъ происходятъ съ той стороны мозгу, гдѣ лежитъ органъ, въ которомъ они раздѣляются. Слышательный нервъ праваго уха, напримеръ, начинается съ правой стороны мозгу ; лѣвый съ лѣвой. Въ зрительныхъ нервахъ это иначе: они перекрещаются одинъ другаго, то есть, начинаются на одной сторонѣ мозгу, а идутъ въ глазъ противоположнаго боку. Особенно хо-

рошо видно въ у рыбъ. Но у человека, среднія нити зрительныхъ нервовъ, такъ сказать, сплавливаются другъ съ другомъ, между-тѣмъ какъ самыя вѣшнія не пересѣкаются, а образуютъ просто уголь, котораго верхушка обращена внутрь, къ хіазмѣ. Внутреннія же нити пересѣкаются: правыя идутъ на лѣво, а лѣвыя на право. Почему это такъ, никто не знаетъ.

Отъ хіазмы, уже зрительные нервы идутъ каждый къ своей дырѣ, которая ведетъ его въ глазную впадину, и входятъ въ глазъ сзади. Вся вообще полагаютъ, будто сѣтчатая оболочка (retina) есть продолженіе нерва. Ласень (Lassaigne) нашелъ много сходства между устройствомъ этой оболочки и бѣлою мякотью мозгу. Я долженъ однако жъ замѣтить, что еще не доказано, чтобы ретина была продолженіемъ самаго зрительнаго нерва, потому что, сжимая нервъ при вхожденіи его въ глазъ, нельзя выдавить изъ него нервной матеріи.

Зрительный нервъ не состоитъ, какъ думали древніе, изъ волокнистаго чхла, наполненнаго мозговою мякотью; а изъ чрезвычайно тонкихъ нитей, лежащихъ одна подлѣ другой.

Вотъ, что замѣчательнаго въ анатомическомъ устройствѣ этихъ нервовъ; и это послужитъ намъ къ объясненію различныхъ явленій.

За уничтоженіемъ зрѣнія слѣдуетъ постепенное исчезаніе нервнаго вещества въ зрительномъ нервѣ: не только самъ онъ высыхаетъ, но даже и тѣ части мозгу, откуда онъ беретъ свое начало. У птицъ, напримѣръ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, исчезаютъ зрительныя доли, потому что онъ, сами по себѣ, не что иное какъ развитые бугорки четвернаго возвышенія.

Вотъ голубь, у котораго выколотъ глазъ три недели тому назадъ. Я отрублю ему голову. Черепъ вскрытъ. Правый зрительный нервъ гораздо тоньше, сѣроватѣ цвѣтомъ, и морщиноватѣ лѣваго; лѣвый, напротивъ, бѣлаго, блестящаго цвѣту, гладокъ и полонъ. Въ зрительныхъ доляхъ произошли такія же перемѣны: правая сморщилась, имѣетъ видъ неправильно сферической, величиною съ небольшую горошинку, желтоватаго цвѣту. Лѣвая, по-крайней-мѣрѣ,

въ два раза больше правой и представляетъ совершенно правильную форму.

На правой сторонѣ, зрительные нервы разсыпаются на поверхности зрительной доли въ видѣ правильного опахала, правильно и симметрически; на левой сторонѣ, это оръсѣтъ иначе. Зрительный нервъ или, лучше, тоненькая ниточка, — все, что отъ него осталось, — едва держится у зрительной доли, къ которой прикреплена одна или двѣ волокнистыя нити; отъ прочихъ осталась почти одна невзрачная: мозговая мякоть почти исчезла.

Вотъ мозгъ старухи, которая была совершенно слѣпа: зрительные нервы почти исчезли.

Вотъ мозгъ стараго инвалида, который тридцать пять лѣтъ былъ кривъ на правый глазъ: зрительный нервъ въ настоящей атрофiи. Впрочемъ это не всегда бываетъ: случается, что зрительные нервы вовсе не высыхаютъ; иногда атрофiя доходитъ только до хiазмы, иногда засыхаетъ нервъ соответствующiй слѣпому глазу, иногда нервъ другой стороны: однимъ словомъ тутъ нѣтъ ничего постоянного.

Отчего, съ разрывомъ пятой пары, сѣтчатая оболочка становится неспособною понимать ощущенiя свѣту? Не отъ паралича ли рѣсничныхъ нервовъ? Можетъ-быть; и это тѣмъ вѣроятнѣе, что между ретиною и зрачкомъ мы замечаемъ тѣсную связь: движенiя одной — явное доказательство чувствительности другой. Рѣсничные нервы идутъ, одни отъ глазнаго узелка, другiе отъ носовыхъ нитей, но все-таки отъ пятой пары. Отъ первыхъ, какъ кажется, зависитъ сжиманiе, отъ вторыхъ расширение зѣницы. Съ перерывомъ пятой пары зрачокъ дѣлается неподвижнымъ. Все это такъ: не понятно только, отчего сѣтчатая оболочка теряетъ способность видѣть.

Въ здоровомъ состоянiи, движенiя зѣницы находятся въ прямомъ отношенiи къ количеству свѣту. Чѣмъ больше свѣту, тѣмъ сильнѣе сжимается зрачокъ: она пропускаетъ въ глазъ только такое количество свѣтопосной матерiи, чтобы въ глазъ она не произвела болѣзненнаго ощущенiя. Сѣтчатой оболочкѣ назначено черезъ посредство зрительнаго нерва сообщать мозгу впечатлѣнiя свѣту. Известно, какъ

нужна чувствительность этой оболочки: немножко сильный свет тотчас ее поражает, слезы начинают течь и, въ несколько минут, вся окружающіе предметы кажутся покрытыми туманомъ. Между-тѣмъ эта оболочка все же не чувствуетъ прикосновенія предметовъ, которые во всѣхъ другихъ тканяхъ, гораздо грубѣйшихъ, производятъ сильную боль. Чтò жъ это значитъ?... что ретина нечувствительна осизательно? Да; она чувствительна только къ одному свету.

Сблизивъ результаты, полученные нами изъ опытовъ надъ пятою паркою, можно подумать, что, не сытчатая оболочка—существенный органъ зрѣнія, а пятая пара. Чтòбъ убѣдиться въ этомъ, я разрывалъ зрительный нервъ, при входе его въ глазную впадину: если световыя впечатлѣнія приносятся жозгу другимъ путемъ, животное будетъ видеть, говорилъ я. Вышло иначе. Животное рѣшительно ослѣпло.

Теперь представляется другой вопросъ: который глазъ повреждается, если разрывать зрительный нервъ, до пересѣченія, до хіазмы? У рыбъ, этотъ вопросъ рѣшила сама природа: у нихъ зрительные нервы переходятъ одинъ черезъ другой, не смѣшиваясь нитями. У птицъ, мы видимъ, высыхаетъ нервъ на сторонѣ, противоположной выключенному глазу. А у млекопитающихъ? Тутъ разрѣшеніе загадки становится затруднительнѣе.

Воластонъ предполагалъ, что нервы пересѣкаются только своею внутреннею половиною: я сдѣлалъ опытъ, который доказываетъ, что этотъ ученый ошибся. Я разрывалъ у кролика правый зрительный нервъ, позади хіазмы: зрѣніе осталось въ правомъ глазу, но исчезло въ левомъ. Если же разрывать хіазму по самой серединѣ, животное тотчасъ ослѣпнетъ на оба глаза. Я сдѣлаю сейчасъ этотъ опытъ.

(Кроликъ). Въ самой серединѣ лба я просвѣрливаю дыру. Ввожу въ черепъ тоненькій бистурій, по направленію бороздки, находящейся между долями, и достигаю наконецъ до костяной поверхности, на которой покоится хіазма. Должно стараться, чтобъ инструментъ шелъ совершенно прямо: иначе опытъ никуда не будетъ годиться. Я разрываю хіазму: животное не обнаружило боли; потому что зрительные нервы безчувственны. Оно совершенно ослѣпло:

зрачы неподвижны, зѣницы расширились. Я быстро приближаю къ глазамъ его свою руку, какъ-будто хочу ударить; оно и не пошевельнулось. Я его толкаю впередъ: оно боится сдѣлать шагъ. Но вотъ оно пошло, однако жъ натыкается на вещи, находящіяся на столѣ. Я выставляю его на солнечный свѣтъ: оно даже не мигнуло. Зѣница расширена, какъ прежде. Вѣки, однако жъ, закрываются, когда я прикасаюсь инструментомъ до соединительной ободочки. Животное очевидно ослѣпло.

Я разрѣжу у этого кролика сѣроватую пластинку, — корешокъ хиазмы, — идущую къ ней отъ *tuber cinereum*. Чтобы дѣйти до нея, я долженъ буду срезать несколько пластинъ мозговой мякоти съ переднихъ долей мозгу. Мудрено сказать, произойдутъ ли какія перемены въ зрѣніи отъ разрѣзу этой пластинки, потому что зрѣніе испортится отъ одного извлеченія мозговыхъ долей.

(Кроликъ.) Я отдѣляю сводъ черепа и срываю часть мозговыхъ долей, лежащую надъ хиазмой. Вотъ сѣрая пластинка: я ее перерываю. Въ зрачкахъ не произошло ни какой перемены. Животное не видитъ, но причина этого — разрѣзъ мозговыхъ долей. Замѣтимъ, однако жъ, что разрѣзъ пластинки не произвелъ боли, и что она не имѣетъ вліянія на движеніе глазъ: они сохранили свое обычное, правильное, положеніе. Я вырѣжу теперь остальные мозговые доли: животное вовсе ослѣпло. Это доказываетъ, что между чувствомъ зрѣнія и мозговыми долями находится прямое отношеніе.

Въ глазу животнаго, лишеннаго мозговыхъ долей, гдѣ совершаются, вѣроятно, умственные дѣйствія, сѣтчатая оболочка принимаетъ впечатлѣнія свѣту, но животное потеряло способность узнавать, откуда они происходятъ, и отъ этого не видитъ. И вотъ доказательство.

Я извлекаю у кролика мозговые доли: чтобы заставить по-двинуться впередъ, я долженъ ущипнуть его: онъ, какъ-будто боится наткнуться на что-нибудь, и, въ самомъ дѣлѣ, оно столкнуло блюдечко и едва не упало со стола. Если кроликъ еще и видитъ окружающіе предметы, онъ всё-таки не можетъ разсудить, далеко ли близко ли они отъ него находятся. Но

надобно доказать, что сътчатая оболочка способна еще чувствовать солнечный свѣтъ.

Пока животное находится въ тѣни, вы видите, что у него расширены зѣницы и вѣки неподвижны. Я направляю на глаза его солнечный лучъ : въ ту же минуту вѣки начали мигать и зѣницы сжались.

Изъ этого я заключаю, что явленія слѣпоты, происходящія отъ поврежденія мозговыхъ долей, не столько зависятъ отъ паралича ретины, сколько отъ уничтоженія, или умственной дѣятельности, или влеченія чисто инстинктивнаго. Въ старости, зрѣнiе слабѣетъ, и наконецъ вовсе уничтожается; но это происходитъ отъ множества причинъ : съ уменьшенiемъ количества глазныхъ влаги, органъ утрачиваетъ свою преломляющую свѣтъ способность, хрусталикъ становится не прозрачнымъ; и свѣтъ не можетъ уже доходить до ретины. Но самая важная причина потери зрѣнiя у стариковъ — уменьшенiе чувствительности въ сътчатой оболочкѣ или, лучше сказать, во всей нервной мякоти. Мозгъ также становится нечувствительнымъ къ впечатлѣнiю свѣту, какъ онъ не способенъ и къ умственнымъ дѣйствiямъ.

РУБЕНСЪ.

СОЧИНЕНІЕ ГОСПОДИНА ВЕРТУ *.

Въ смутное время междоусобныхъ войнъ въ Нидерланды, изъ Антверпена, жертвы безчинствъ и грабежей, вытѣхалъ докторъ правъ и совѣтникъ магистрата Янъ Рубенсъ, съ женой Маріей и дѣтьми. Онъ поселился въ Кёльнъ, получилъ тамъ право гражданства, завелъ торговлю серебромъ, и зажилъ счастливо. Вдали отъ политическихъ тревогъ, судьба надѣлила отставнаго совѣтника радостями семейства и довольствомъ. Въ 1577 году у него родилось седьмое дитя, сынъ, который по желанію Маріи, названъ Петромъ-Павломъ.

Первые годы жизни Петра-Павла Рубенса протекли безъ особенно замѣчательныхъ происшествій. Онъ воспитывался среди братьевъ и сестеръ, подъ нѣжнымъ надзоромъ матери. Живость характера и красота мальчика привлекали къ нему вниманіе каждаго. Малютку любили всь, а въ особенности крестная мать его, графиня Лаленъ, которая была отъ него въ восхищеніи.

Не нужно и рассказывать, что Янъ Рубенсъ и жена его часто разговаривали и совѣтовались о воспитаніи и будущемъ назначеніи своего сына. Графиня Лаленъ просила, чтобъ Петра отдали ей на руки, обещала опредѣлить его въ паки и, посредствомъ своихъ связей при дворѣ, доставить ему полкъ, когда достигнетъ необходимаго возраста. Но неурою Марію пугали опасности войны и соблазны придворной жизни, и она вмѣстѣ съ Яномъ рѣшились лучше приготовить Петра къ аванію правова и законника. Его отдали въ школу, гдѣ маленькій Рубенсъ вскорѣ сталъ на ряду пер-

* PIERRE PAUL RUBENS, par S. Henry Berthoud Paris, 1840, 2^e vol.

вѣхъ учениковъ и потомъ превзошелъ всѣхъ. Будучи десяти лѣтъ отъ роду онъ уже легко переводилъ греческихъ писателей, такъ, что, по словамъ одного біографа, «Рубенса «показывали въ училищѣ какъ диктовку, и не уставали «слушать его бойкихъ изустныхъ переводовъ Гомеровыхъ «стиховъ и рѣчей Демосѣена, хотя самъ онъ былъ ростомъ «не выше ноги.»

Мейнеръ Янъ Рубенсъ былъ счастливъ и не мало гордился успѣхами своего сына; величайшимъ удовольствіемъ его было, въ воскресный день или праздникъ, посадить маленькаго доктора возлѣ себя, въ кабинетъ, слушать его звучное, пріятное чтеніе классиковъ. Плутарка и Гомера Петръ предпочиталъ всѣмъ прочимъ писателямъ, а живописныя описанія битвъ и героическихъ подвиговъ любилъ онъ слушать всею.

Насталъ пятьдесятъ седьмой день рожденія Яна Рубенса, великій праздникъ для его семейства. Дѣти счастливаго отца, по-очереди, подносили ему давно въ тихомолку приготовлявшіеся подарки: каждый по мѣрѣ силъ старался обрадовать родителя. Дочери его, Клара и Блондина, поднесли, одна шитый золотомъ плащъ, другая, превосходной работы перчатки; старшій сынъ, Филиппъ, поднесъ рѣчь, говоренную въ лувенскомъ университетѣ; Батистъ — красивый ларчикъ своей работы; Генрихъ — довольно порядочный рисунокъ; Вареоломей — поздравительный листъ, отлично отдѣланный орнаментами и писанный почеркомъ, которому позавидовалъ бы любой каллиграфъ. Наконецъ дошла очередь до Петра. Онъ подалъ отцу Тассовъ «Освобожденный Ерусалимъ», книгу, которую тотъ подарилъ ему, за три мѣсяца до этого, съ тѣмъ, чтобы онъ ознакомился съ прекраснымъ языкомъ Италинъ.

— Которую высь хотите, чтобы я перевелъ, батюшка? спросилъ Петръ съ важностью профессора, вступающаго на кафедру въ наумдренскомъ парикѣ.

Отецъ открылъ книгу наугадъ, и мальчикъ, не замечаясь, перевелъ, отъ начала до конца, эпизодъ «Очарованная роща», такъ ловко и хорошо какъ-будто читалъ по-фламандски.

Янъ Рубенсъ , въ восторгѣ , со словами радости , прижалъ сына къ груди и нѣжно поцѣловалъ .

— О , воскликнулъ онъ , ты будешь дѣльнымъ парнемъ!... Ступай же теперь играть съ сестрами и братьями , прибавилъ онъ , видя , что Петръ , съ таинственнымъ видомъ , поворачиваетъ въ рукахъ большую книгу Тасса .

Мальчикъ , вмѣсто отвѣту , положилъ книгу на колѣни отца и указалъ на поля , гдѣ , у заглавія каждой кнѣжки , онъ нарисовалъ карандашемъ главные сцены содержанія поэмы . Конечно , въ этихъ произведеніяхъ десяти-лѣтняго ребенка нашлось бы много неправильнаго , однако жъ не возможно было не замѣтить искусства и смѣлости , обличавшихъ зародышъ таланта . Видя это пробужденіе гения , Янъ Рубенсъ обольстился—было надеждою увидѣть въ сынѣ своего даровитаго художника , но вспомнилъ судьбу автора славы поэмы , несчастнаго Тасса , вспомнилъ , что знаменитые , великіе , люди рѣдко бываютъ счастливы , что бессмертная слава , болѣею частію , пріобрѣтается тяжкими лишениями и доказывается челоуьку не прежде какъ по смерти , то есть , въ томъ время , когда уже не нужна ему , и , вспомнивъ все это , рѣшился въ самомъ началѣ уничтожить опасную , по его мнѣнію , склонность сына . Онъ принялъ на себя серьезный видъ и , покачавъ головой , сказалъ :

— Ты испортилъ мою прекрасную книгу своимъ дряннымъ карандашомъ..... Ну , ступай теперь , играй . Да смотри впередъ не дѣлай такихъ шалостей !

Годъ спустя , Янъ Рубенсъ умеръ . На смертномъ одрѣ , онъ поручилъ своей доброй Маріи попеченіе о дѣтихъ , и исполненіе многократно вмѣстѣ обдуманнаго предположенія касательно ихъ будущности , также какъ поручилъ ей заботиться и объ устройствѣ и сохраненіи пріобрѣтеннаго частнымъ трудомъ имѣнія ; онъ совѣтовалъ ей оставить Кальвъ и возвратиться въ Антверпенъ , гдѣ миръ и безопасность гражданъ были восстановлены , и гдѣ она могла найти болѣе близкихъ родственниковъ и надежныхъ покровителей . Отдавъ послѣдній долгъ нѣжно любимому и уважаемому мужу , мефроу Марія исполнила его завѣщаніе : съ помощію старшаго сына , Филиппа , она сдѣлала нужныя распоряженія и переехала на прежнее пенеліице , въ Антверпенъ ,

гдѣ Филиппъ, своей расторопностью въ дѣлахъ обратилъ на себя вниманіе и заслужилъ уваженіе магистрата, такъ, что, несмотря на свою молодость, получилъ важное мѣсто секретаря города Антверпена.

Между-тѣмъ Петръ-Павелъ Рубенсъ продолжалъ учиться и дѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что будучи тринадцатилѣтъ отъ роду уже говорилъ по-латыни и по-гречески какъ на своемъ природномъ языкѣ, и столь же свободно изъяснялся по-англійски, по-испански, по-италіянски и по-французски. Одаренный замѣчательною красотой, живыми, выразительными глазами, правильными, благородными чертами лица и стройнымъ станомъ, развязный, смѣлый, удивительно искусный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и сверхъ-того обладавшій пріятнымъ, добрымъ характеромъ, Петръ-Павелъ привлекалъ вниманіе каждаго и былъ любимъ всеми, а его крестная мать не давала Маріи покою просебѣми опредѣлить его въ пажи. Мефроу Рубенсъ долго сопротивлялась обольстительнымъ предложеніямъ своей кумы, но наконецъ согласилась, и графиня Лаленъ съ восторгомъ увезла крестника въ Брюссель. Она обходилась съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ.

Однако жъ молодой человекъ, привычный къ дѣятельной и тихой семейной жизни, не находилъ большаго удовольствія въ роскоши и непрерывныхъ забавахъ двора. Вмѣсто того чтобъ предаваться непрестаннымъ разсѣяніямъ и праздности, онъ почти все свое время посвящалъ верховой ѣздѣ, и вскорѣ сталъ такимъ лихимъ наездникомъ, что возбуждалъ удивленіе конюшихъ, посадившихъ въ своемъ искусствѣ.

Послѣ годичнаго отсутствія, Петръ-Павелъ пріѣхалъ на нѣсколько дней къ матери, и не безъ радости приветствовалъ отцовскую библіотеку. Первая книга, которая попала въ руки, была Тассова поэма. Молодой нахъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что отецъ заботливо хранилъ рисунки и книгу, которую называлъ испорченною. Петръ понялъ тогда причину притворной досады своего родителя на работу ребенка, и это открытіе пробудило въ немъ любовь къ живописи. Онъ тотчасъ же принялся за дѣло. Однажды, утромъ, мефроу Рубенсъ вошла въ комнату сына и застала

его за треножникомъ, съ палитрой и кистями въ рукахъ. Она была пріятно изумлена и восхищена красотою небольшою его картинки.

— Ахъ! матушка, воскликнулъ Петръ, чѣмъ заставляешь меня жить въ бесполезной праздности у графини, позвольте лучше идти въ ученье къ хорошему живописцу: я уверю, что сделаюсь искуснымъ и известнымъ художникомъ.

— Какъ! Чтò? Петръ! возразила мать: чтò за мысль? Тебѣ, сыну благородныхъ родителей, быть живописцемъ?

— Матушка, скромно отвѣчалъ молодой человекъ: я думаю, что написать хорошую картину по-крайней-мѣрѣ столько же прилично благородному человеку какъ играть верхомъ, играть въ кости и злословить.

— Хорошо, мой другъ; ты останешься у насъ, но не говори мнѣ больше о желаніи, котораго я не могу одобрить.

«Какъ бы то ни было и несмотря на этотъ отказъ, говорить удалившейся отъ дѣлъ правовѣдъ Мишель, старшій биографъ Рубенса: Петръ-Павелъ не оставлялъ своего намѣренія и, при удобномъ случаѣ, возобновилъ просьбу. Мать ни какъ не соглашалась; она считала живопись художествомъ неприличнымъ званію своего сына, и представляла, что онъ слишкомъ молодъ для избранія себѣ роду жизни; что она воспитала и назначаетъ его къ званію болѣе почетному; словомъ, что она ни за чтò не согласится позволить ему слѣзаться живописцемъ.»

Несмотря на такой рѣшительный отказъ, молодой человекъ, увлеченный стремленіемъ пробудившейся страсти и повинаясь голосу призванія, снова приступилъ къ матери съ просьбами, убѣжденіями, и докучалъ ей до того что она согласилась созвать всѣхъ родственниковъ и ошекуновъ, на совѣтъ по этому дѣлу. Тамъ разсудили, что если ужъ у Петра такая страсть къ живописи, такъ пусть идетъ своей дорогой. Петръ прыгалъ отъ радости. Онъ пошелъ въ ученье къ Адаму ванъ Орту, знаменитому портретному живописцу въ Антверпенѣ. Мастеръ Адамъ былъ человекъ крутаго нрава, грубый, необразованный. Онъ изъ столяровъ сталъ известнымъ живописцемъ, и отъ прежняго ремесла сохранилъ образъ преподаванія и обращенія съ учениками, кото-

рые приобретали у него знаніе цѣною тяжкихъ трудовъ и униженія. Безъ пламенной любви къ искусству, ученики эти скоро оставили бы мастерскую такого полу-дикаго художника. Рубенсъ, по примѣру другихъ, терпѣливо переносилъ свою долю неприятностей и находилъ утѣшеніе въ товариществѣ Генриха ванъ Белена, Севастіана Франка и Якова Йорденса, которые также, въ награду за свое терпѣніе и труды, впоследствии стали знаменитыми живописцами.

Прошло осьмнадцать мѣсяцевъ, впродолженіи которыхъ Рубенсъ ни разу не измѣнилъ себя, какъ ни тяжки были испытанія, которымъ подвергали его своеправіе и вспыльчивость мастера. Но разъ, вечеромъ, ванъ Ортъ возвратился изъ гостей дотога разгоряченный виномъ, что осмѣлѣлъ учениковъ площадными ругательствами, и забылся такъ, что ударилъ одного изъ нихъ. Рубенсъ и его товарищи рѣшились тотчасъ же оставить учителя. Они возвратились каждый къ своимъ родителямъ, и мѣроу Рубенсъ, у которой въ ту пору были гости, воспользовалась случаемъ указать сыну на невыгоду состоянія живописца, и вывела заключеніе, что ему гораздо лучше бросить кисти и снова заняться изученіемъ правъ. Одинъ изъ гостей, человекъ врипкой и благородной наружности, представленный семейству герцогини старостой, улыбнулся этому разсужденію заботливой матери, и увѣрилъ ее, что не вся живописцы такъовы какъ мастеръ ванъ Ортъ, и что онъ знаетъ нѣкоторыхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія по своему характеру и образованію. Во время этого разговору вошелъ крестьянскій отецъ Петра, принцъ де-Шинман. Онъ бросился къ гостившему гостю, дружески обнялъ и увѣщалъ, что, приѣхавъ въ Антверпенъ, остановился не во дворцѣ того, кто гордится дружбою съ такимъ славнымъ и уважаемымъ человекомъ.

— Видите, сказалъ тотъ, обращаясь къ мѣроу Рубенсъ: не вся живописцы грубіаны и неучи. Теперь я могу вамъ открыть, что я тоже живописецъ, и хотя называюсь Октавіемъ ванъ Феномъ, именемъ, подъ которымъ представленъ вамъ почтеннымъ старостой, однако жъ подписываюсь на картинахъ на латинскій ладъ — Оттовениусъ.

Рубенсъ вспыхнулъ, на рѣсницахъ сверкнули слезы ра-

дети; онъ подошелъ, почтительно преклонилъ колѣно передъ знаменитымъ художникомъ, схватилъ его руку и приказалъ къ губамъ.

Оттовеніусъ, смущенный этою безмолвною данью удивленія плуце всякой громкой хвалы, чуть самъ не заплакалъ.

— Маунинкъ! попросите мессиръ Оттовеніуса, чтобы онъ принялъ меня въ ученики, съ жаромъ воскликнулъ Рубенсъ.

— Мастеръ, я не вегану, пока не получу этой милости!

— Другъ мой, возражалъ старикъ, если Богъ истинно посылаетъ твоей душѣ призваніе къ великому искусству, я готовъ взять тебя съ собою въ Брюссель, и дать мѣсто въ моей мастерской. Но если тебя влечетъ къ живописи одна только легкомысленная охота и тщеславіе, то я откровенно посоветую тебѣ сойти съ пути, на которомъ должно вступать съ пламенною любовью и чистыми помыслами или не вступать вовсе. Покажи мнѣ свои работы у фанъ Орта.

— Въ той комнатѣ, сказала меэроу Рубенсъ, у меня есть «Воръ похищающій Орнаментъ», картина, которую Петръ подарилъ мнѣ на прошедшей недѣлѣ, въ день рожденія. Я мнѣ покажу ее, мессиръ.

Она повела Оттовеніуса въ смежную комнату, и Петръ пошевелъ плечами, трепеща отъ страха и надежды.

Увидя въ картинѣ, Оттовеніусъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, обратился къ Рубенсу и обнялъ его съ восторгомъ.

— Ты будешь величайшимъ живописцемъ Фландріи! сказалъ онъ: ты будешь величайшимъ художникомъ своего времени, дай только труду и опыту укрѣпить даръ, посланный тебѣ небомъ! Пойдемъ со мной въ Брюссель, Рубенсъ. Я не только съ радостью соглашаюсь, но требую этого, умоляю тебя объ этомъ. Ты будешь мнѣ не ученикомъ, а другомъ, братомъ! Да будетъ благословенна судьба, которая должна мнѣ руководить на пути къ славы того, кому суждено занять мѣсто между Рафаэлемъ и Буонаротти! Теперь я утѣшусь и удовольствуюсь именемъ второстепеннаго художника: потомство не пронесетъ моего имени, не прибавитъ къ нему славнаго титула—учитель Рубенса! Пойдемъ другъ мой, пойдёмъ тотчасъ въ Брюссель.

Опищите себя сами радость Петра и счастье матери, слушающей такіа предвѣщанія сыну. На другой день Петръ-Павель Рубенсъ и Оттовениусъ отправились въ Брюссель, гдѣ достойный мастеръ, съ самоотверженіемъ относительно къ собственной славы, занялся руководствомъ своего ученика, передачею ему тайнъ своего искусства и благо-разумнымъ направленіемъ стремленія гениа. Онъ не остав-лялъ его ни на минуту, вездѣ водилъ съ собою, сторожилъ за его нравственностію съ нѣжнымъ вниманіемъ матери, и образовалъ изъ него не только великаго живописца, но и совершеннаго молодаго человека. Такимъ образомъ прошло два года. Въ нескльз этого времени Оттовениусъ сталъ задумчивымъ и печальнымъ: Рубенсъ часто вставалъ его въ тайныхъ слезахъ, и нѣжно упрямалъ старика ва огорченіе, скрываемое отъ участія сына.

— Другъ мой, отвѣчалъ однажды мастеръ: проливать эти слезы заставляетъ необходимость близкой разлуки съ тобою!

— Разлуки? Что же я сдѣлалъ! чѣмъ заслужилъ это! вскричалъ Рубенсъ съ горестію.

— Вѣсьмъ, что составляетъ мою гордость и мое счастье, мильнй сынъ! Ты долженъ отправиться въ Италію, изучить великихъ мастеровъ, видѣть безсмертныя образцы и совершенствоваться въ искусствѣ. Признаюсь, я лишаюсь бо-дрости при этой мысли и не могу безъ горести вспомнить о разлуку..... Но это необходимо для твоей славы. Тамъ долж-но быть. Мы поведемъ въ Антверпенъ, и я выпрошу тебя позволеніе матери на это путешествіе.

Черезъ нѣсколько дней Оттовениусъ съ ученикомъ своимъ пріѣхалъ въ Антверпенъ и сообщалъ мещроу Маріи свою мысль о путешествіи молодаго Рубенса; потому онъ вседу-шной предался заботѣ о доставленіи своему ученику сколько возможно болѣе удобствъ къ путешествію. Онъ далъ ему рекомендацельныя писма ко всемъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ въ Италію, и доставилъ прощальную аудіенцію у великаго герцога Альберта и супруги его Изабеллы. Блес-тащія предсказанія Оттовениуса уже не были тайной: объ-нихъ говорили во всей Фландріи; и хотя Рубенсъ, по совету мастера, не показывалъ своей работы никому кроме домаш-

никъ, однако жъ на его талантъ уже смотрѣли при дворѣ какъ на будущую славу Фландріи. Герцогъ и его супруга приняли молодого художника весьма благосклонно. Рубенсу было тогда лѣтъ осмнадцать, но по росту, развитымъ формамъ и физиономіи онъ казался старше. Въ наружности его, съ юношескою прелестью соединялось выраженіе важности, которое удивительно къ нему шло. Герцогъ приказалъ изготавить для Рубенса рекомендательныя письма къ нѣсколькимъ италіянскимъ владѣтельнымъ особамъ, и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ увѣрилъ молодого художника, что онъ всегда найдетъ въ своемъ государѣ доброга и заботливаго покровителя.

— Носи это, прибавилъ онъ, снимая съ шеи тяжелую золотую цѣпь и надвывая ее на Рубенса: носи, и не забывая среди обольщеній и почестей, которыми будетъ обсыпана тебя Италія, что ты принадлежишь намъ и долженъ возвратиться въ отечество, которое тебя ожидаетъ съ открытыми объятіями. Отговениусъ сказалъ намъ, что ты ѣдешь черезъ три дня; стало-быть ты останешься сегодня съ нами, завтра простишься съ родными, а послѣ-завтрашній день долженъ принадлежать твоему учителю....

— Моему отцу, возразилъ Рубенсъ, растроганный до слезъ: моему благодѣтелю, которому обязанъ я надеждой обладанія, со-временемъ, небольшимъ талантомъ, и вашими высокими, неоцѣненными милостями, и всѣмъ моимъ счастьемъ!

— И я, по примѣру высокаго супруга, хочу, чтобъ ты не забылъ обо мнѣ, сказала герцогиня, обращаясь къ взволнованному молодому челоуѣку: носи этотъ перстень въ память своей государыни.

Рубенсъ не выдержалъ, упалъ на колѣни и слезы въ два ручья заструились по щекамъ его.

— О! ваше высочество, помилуйте! воскликнулъ онъ внявъ себя: я умру отъ радости!

— Нѣтъ, мы желаемъ, чтобъ ты жилъ какъ-можно дольше, а твое имя — вѣчно, возразила герцогиня.

Наступилъ часъ разлуки Рубенса съ семействомъ; сестры и братья рыдали прощаясь съ нимъ, мать была неутѣшною. Благословивъ сына, она сняла со стѣны небольшой сере-

бряный медальонъ, съ изображеніемъ Мадонны, подаренный Тассомъ отцу Рубенса, который былъ обязанъ поату спасеніемъ жизни. Во время пребыванія своего въ Италиі, гдѣ Янъ Рубенсъ посещалъ ученые академіи и университеты, однажды, ночью, на него напали бандиты, и только нечаянное появленіе и мужественная защита молодого поэта спасли его. Это было началомъ дружбы, которая соединила ихъ во всю жизнь, и въ самой разлукѣ. Медальонъ хранился въ семействѣ Рубенса какъ величайшая драгоценность.

— Сынъ мой, сказала Марія, надѣвая медальонъ на шею Петру: ты знаешь, какъ дорогъ мнѣ этотъ священный образъ: храни его въ память своей матери, и да помянетъ тебя Заступница всѣхъ скорбящихъ! Когда ты встрѣишь того, кто подарилъ намъ этотъ медальонъ, вспомни, что ты обязанъ ему спасеніемъ жизни своего отца.

Черезъ нѣсколько минутъ Петръ-Павелъ вхалъ по дорогѣ въ Брюссель.

Выходя изъ экипажа, онъ упалъ въ объятія Оттовеніуса, который вышелъ къ нему на встрѣчу и не разлучался съ своимъ ученикомъ до самой минуты его отъѣзда.

Когда лошади тронулись, Оттовеніусъ, на послѣднее прощанье, бросилъ ученику на колѣни небольшой портфель. Рубенсъ развернулъ и нашелъ нѣсколько векселей на значительную сумму, переведенныхъ на важнѣйшихъ италянскихъ банкировъ, и слѣдующее письмо:

«Милый сынъ, это — плодъ моей бережливости, который я предлагаю тебѣ; помни, что ты идешь въ Италию приобрѣтать незолото, искусства. Богатство и слава ожидаютъ твоего возвращенія въ отечество.»

Послѣ продолжительнаго и труднаго путешествія, Рубенсъ прибылъ въ Венецію. Первою заботою его было приискать удобную квартиру, въ которой онъ тотчасъ устроилъ мастерскую. Но прежде нежели взялся за кисть, онъ посвятилъ нѣсколько дней на осмотръ мастерскихъ произведеній Тициана, Павла Веронезе, и другихъ великихъ художниковъ, которыхъ такъ много нашелъ въ галереяхъ и палацахъ знатныхъ Венеціанцевъ. Видъ столькихъ сокровищъ искусства распалилъ воображеніе молодого художника: онъ съ жаромъ принялся изучать ихъ и, запершись въ своей

мастерской, стараясь на память кодировать нѣхъ прекрасныя картины.

Разъ, когда Рубенсъ прилежно трудился надъ окончаніемъ картины, заимствованной изъ знаменитой «Битва старца Дителла», и для возбужденія своего воображенія декламировалъ звучные стихи Виргилія, описывающіе эту сцену, онъ вдругъ услышалъ восклицаніе за перегородочною дверью своей комнаты, взглянулъ туда и съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ черныя быстрыя глаза острейшимъ взглядомъ прямо на него. Онъ всталъ и пошелъ отворить. Въшедшій незнакомецъ, въ привѣтствіе, снялъ черную бархатную шапочку, окруженную золотой каймою и открылъ совершенно обнаженную отъ волосъ голову, которая широкіе размашистые волосы удивительно хорошо шли къ остроуханной лавиномѣ и пріятной, благородной, синюрь старика.

— Простите, сеньоръ, простите мою нескромность. Я услышалъ вашу искусную, пламенную декламацию Вергилевыхъ стиховъ, и не могъ устоять противъ искушенія послушать поблизи. Если вы примете мои извиненія, я буду благодаренъ себѣ за свою дерзость, прибавилъ онъ, ставъ противъ треножника: она доставила мнѣ честь знакомства съ прекраснымъ молодымъ человекомъ, и удовольствіе познакомиться съ мастеровою картиною.

Незнакомецъ принялъ изъбирательнѣе будить картину Рубенса, съ довѣстостью какого анатома, что молочною блаженствемъ былъ удивленъ и восхищенъ.

— Сеньоръ, продолжалъ старикъ, смолчавъ критику Тескій разборъ картины: и цѣль какого вы итальянскаго народа? Онъ не замѣтилъ въ вашемъ произношеніи, ни римскаго, ни венецянскаго, ни венецянскаго, ни венецянскаго, ни венецянскаго.

— Я не Итальянецъ, отвечалъ Рубенсъ до испанскаго.

— А! понимаю: вы являетесь изъ унениковъ знаменитой испанской школы, что такъ справедливо гордится славою Мурило, великимъ Зурбараномъ и безсмертнымъ Моралесомъ.

— Я не Испанецъ, возразилъ художникъ по-моралистски.

— Мой землякъ! Вы мой землякъ!

— Нѣтъ, месьиръ, я Фламандецъ, отъ началъ Дюрера. Погодите, я своимъ природнымъ языкомъ.

«*Pet Cristo!*» воскликнулъ изумленный старикъ по-латыни, да вы прекрасно образованный молодой человекъ!

— Я обязанъ этимъ изъжной попечительности моеи матери; отвѣчалъ Рубенсъ по-гречески.

— Монтень бросился ему на шею и подыловалъ изъ всѣхъ силъ.

— Вотъ сокровище! Вы, на-видъ, юноша; говорите на шести языкахъ, и пишете такія картины, что никто нынче не напишетъ подобной! Да гдѣ же граница твоему генію, дитя мое дитя?... Что вы дѣлаете въ Венеціи? Это, въ искусствѣ, неблагодарный городъ; онъ вамъ не дастъ ни денегъ ни славы. Я завтра ъду въ Мантую; герцогъ Винченцо Гонзага называетъ меня другомъ; поѣдемте вмѣстѣ. Мы будемъ путешествовать довольно пріятно, а во дворецъ герцога вы найдете превосходную галерею, гдѣ можете вдоволь насмотрѣться на произведенія Рафаэля, Микель-Анджело, Тициана; Тинторета, и стать ихъ товарищемъ и соперникомъ.

— Великій герцогъ Альбертъ, мой государь, далъ мнѣ рекомендательное письмо къ герцогу мантуйскому.

— Тамъ лучше! Мы отдадимъ его вмѣстѣ: Мишель де-Монтень теперь не расстанется съ вами.

— Какі! мосьё де-Монтень? авторъ «Опытовъ»? Клянусь, я ъду съ вами! «Было бы непростительно-глухо сказать сортуль «Нить!» когда она улыбается и протягиваетъ мнѣ свою миленькую ручку.»

— Такъ ъдемъ! сказала Монтень, восхищенный этою ловкою сказочной цитатой изъ своей книги. Поѣдемъ, и не расстанемся больше.

На другой же день Монтень, съ Рубенсомъ, отправился въ Мантую. Герцогъ Винченцо Гонзага принялъ его съ откровенными объятіями, какъ друга. Послѣ взаимныхъ привѣтій, Монтень представилъ Рубенса и, поручая милостивому вниманію герцога, просилъ для него званія придворнаго живописца.

— Мосьё Мишель де-Монтеню здѣсь ни въ чемъ нѣтъ отказа. Пиетро-Паоло Рубенсъ, вы съ этой минуты нашъ придворный живописецъ.

— И я прошу вашу святость позволить ему, тотчасъ же

вступитъ въ свою должность, сказалъ Монтень. Подайте кистей, холстъ и треножникъ!

Рубенсъ, скромно принялся за дѣло и въ два часа накидалъ превосходный портретъ герцога. Увидявъ свой портретъ, герцогъ вскрикнулъ отъ удивленія. Долго и пристально смотрѣлъ онъ на прекрасную картину, потомъ взявъ художника за руку, сказалъ :

— Рубенсъ, вы не оставите Италиі! Надобно чтобы ваша слава принадлежала ей навсегда. Живите у меня. Если вы не дворянинъ, я васъ сдѣлаю знатнымъ; если вы бѣдны, я васъ осыплю золотомъ. Вы будете жить въ моемъ дворцѣ; мой столъ будетъ вашимъ. Я васъ буду любить какъ люблю Мишель де-Монтеня.

Всѣ придворные зарукоплексали, а Мишель де-Монтень пуше всѣхъ. Рубенсъ отеръ слезу, которая катилась по его щекъ, слезу счастья и радости, слезу упоенія славой!

— Государь, отвѣчалъ онъ, я почитаю себя счастливымъ и горжусь такою милостию! Но въ этихъ письмахъ герцога Альберта вы увидите, что я принадлежу ему и долженъ возвратиться къ моему благодѣтелю, какъ-скоро кончу ученье.

— Я напишу къ герцогу Альберту; я умолю его, чтобы онъ, въ знакъ дружбы ко мнѣ, согласился на ваше переселеніе въ Мантую.

— У меня не достаетъ словъ для выраженія благодарности за такую милость, но я не могу принять ея.... потому что не могу отказаться отъ желанія видѣть мать.

— Она тоже пріѣдетъ сюда.

— А мое отечество, государь? моя родная Фландрія! Нашъ кѣльнскій домъ, въ которомъ я впервые увидѣлъ свѣтъ, въ которомъ умеръ мой отецъ! Церковь, въ которой покоится его прахъ! все это пріѣдетъ ли сюда, въ Мантую? Нѣтъ, государь, не отнимайте у меня свободы возвратиться въ милую Фландрію. Если на мою долю достанется сколько-нибудь таланту, сколько-нибудь славы, не обязанъ ли я отдать ихъ моему отечеству, моему государю? Жить и умереть вдали отъ родины, о! это было бы тяжело!

— Онъ правъ, сказалъ тронутый Монтень.

— Хорошо! возразилъ герцогъ со вздохомъ: я долженъ уступить, но предваряю васъ, что не отпущу ранѣе году и

пока вы не наполните моей галереи своими произведениями.

Рубенсъ преклонилъ коленно и почтительно поцѣловалъ подающую герцогу руку.

Распространившись слава Рубенса достигла до Альфонса д'Эсте, и тотъ написалъ герцогу мантуйскому, своему добродѣльному брату, письмо, въ которомъ просилъ купить и прислать ему какую-нибудь картину молодого фламандскаго художника. Гонзага вздумалъ обрадовать Альфонса и послать ему картину вмѣстѣ съ живописцемъ. Рубенсъ, послѣ торжественной прінципальной аудіенціи, отправился въ Феррару, съ многочисленною свитой и богатыми экипажами. Въ дѣтописяхъ того времени сохранился списокъ лицъ, сопровождавшихъ молодого «посланника»: ихъ было двадцать два человека. Монтень былъ съ нимъ же. Пословъ приняли съ большимъ почетомъ.

Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи изъ Феррары, Рубенсъ былъ посланъ отъ герцога мантуйскаго въ Испанію, къ Филиппу III, также съ подарками и вмѣстѣ съ политическою дѣлюю. Гонзага нуженъ былъ умный, ловкій и преданный повѣренный при король испанскомъ и его министръ Лерма, которые были предубѣждены противъ герцога мантуйскаго, по наветамъ недоброжелателей. Гонзага понималъ, что никто не можетъ услужить ему при испанскомъ дворѣ лучше молодого человека, который съ перваго взгляду привлекалъ всехъ своею краеотою, очаровывалъ краснорѣчіемъ и благородствомъ обращенія. Тутъ Рубенсъ разстался, не безъ слезъ, съ Монтенемъ, котораго необходимыя дѣла призывали въ Францію.

Предшествующій славой отличнаго живописца, Рубенсъ былъ принятъ въ Мадридѣ съ примѣрною почестью и лаской, и съ отличнымъ успѣхомъ окончилъ данныя себя порученія; такъ, что, когда возвратился въ Мантую, герцогъ нежно обиллатъ его, посадилъ возлѣ себя и передъ всѣмъ дворомъ назвалъ столько же искуснымъ дипломатомъ какъ и великимъ живописцемъ.

Такъ прошелъ годъ. Рубенсъ сталъ просить у герцога позволенія посѣтить другіе города Италіи, чтобы видѣть и изучить другія произведенія хорошихъ мастеровъ. Гонзага не безъ сожалѣнія согласился на это, наградивъ художника

большою суммою денегъ, за многія картины, и надѣлъ ему на шею тяжелую золотую цѣпь, «хотя, говоритъ феррарскій историкъ Скарпоне: Рубенсу въ Испаніи надавали столько знаковъ отличія, что на груди его не было мѣста новому: онъ носилъ на себѣ болѣе чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ червонныхъ золота и драгоценныхъ каменьеви, все подарковъ и почетныхъ наградъ отъ королей, герцоговъ и принцессъ, которыхъ писалъ портреты или посѣщалъ дворы.»

Изъ Мантуи Рубенсъ отправился въ Римъ. Прибывъ въ древнюю столицу, онъ замѣтилъ большое волненіе въ народѣ: толпы разряженныхъ, по праздничному, людей, тѣснились по улицамъ и около папскаго дворца, передъ которыми въ парадъ стояла гвардія. Рубенсъ обращался съ вопросомъ къ нѣсколькимъ прохожимъ, но не получалъ толковаго отвѣту.

— Триумфаторъ! Триумфаторъ! отвѣчали они на бѣгу, и исчезали.

Путешественникъ съ трудомъ пробрался ко дворцу кардинала Чинтіо Альдобрандини, племянника папы и друга герцога мантуйскаго, къ которому имѣлъ рекомендательныя письма, и который заранее просилъ Рубенса, словесно и письменно, чтобы, если пріѣдетъ въ Римъ, нигдѣ не останавливался кромѣ его дому. Такова была, въ то время, въ Итали, страсть къ искусствамъ, что знатнѣйшіе вельможи и владѣтельныя особы на-перерывъ осыпали поэтовъ и художниковъ почестями, и старались превзойти другъ друга въ изъявленіи уваженія къ гению.

Кардиналъ Чинтіо, увидѣвъ Рубенса, съ которымъ часто видался въ Мантуѣ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и дружески обнялъ.

— Привѣтъ сеньору Рубенсу, котораго привело сюда мое счастливое созвѣдіе! воскликнулъ онъ. Сегодня въ моемъ домѣ будутъ два славныхъ гостя: великій фламандскій живописецъ и авторъ «Освобожденнаго Ерусалима».

— Торквато Тассо! вскричалъ Рубенсъ: Торквато Тассо въ Римѣ?

— Да. Святѣйшій отецъ, мой дядя, писалъ къ нему въ Неаполь и предложилъ почесть триумфа, какъ некогда Петрарка. Тассо сначала противился, но наконецъ усту-

пилъ просьбамъ и убъжденіямъ трехъ кардиналовъ, которыхъ папа Климентъ VIII посылалъ склонить великаго поэта къ принятію дани удивленія Римлянъ. Теперь онъ здѣсь, вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцовъ, но больной, слабый, такъ, что торжество доселѣ откладывали, съ ожиданіемъ поправленія его здоровья. Хотяи сегодня, да опять отложили : слабъ.

— Гдѣ же онъ? скажите, ради Бога, гдѣ онъ?

— Въ монастырѣ святаго Онуфія.

Въ тотъ же день Рубенсъ былъ въ монастырѣ, куда укрылся несчастный поэтъ отъ гоненій и отъ запоздалаго энтузіасма людей. Съ невыразимымъ огорченіемъ, сложивъ руки и склонивъ голову, смотрѣлъ молодой человекъ на жертву злобы и неблагодарности свѣта, и слезы тихо катились по щекамъ его. Тассо, блѣдный, исхудавшій, съ растрепанными волосами, лежалъ въ бользенномъ забытѣи, но услышавъ тихое рыданіе, медленно открылъ мутные глаза, обратилъ ихъ на незнакомца и они вдругъ оживились : онъ узналъ свой серебряный медальонъ, который не могъ быть ни въ чьихъ рукахъ кромѣ рукъ Рубенса.

— Рубенсъ! вскричалъ онъ, быстро приподнявшись и простирая руки.

— Тассо! великій Тассо! вскричалъ Петръ.

— Да, я Тассо!.... медленно и уныло проговорилъ несчастный.

— О! позволишь ли ты, великій! позволишь ли сыну твоего друга, обязаннаго тебѣ жизнью, обнять твои колѣна?... Я Петръ-Павелъ Рубенсъ.

Обнявъ его, Тассо взялъ руку молодого человека и приложилъ къ своему горящему лбу.

— Чувствуешь ты язвы терноваго вѣнца, Піетро? О, слава! слава!.... Но прочь отъ меня эти мысли : я хочу заниматься теперь однимъ небомъ. Сними и подай мнѣ образокъ, который я подарилъ твоему отцу : ты возьмешь его изъ оледенѣвшихъ рукъ, когда уста мои испустятъ послѣдній вздохъ.

Рубенсъ поспѣшилъ повиноваться ; Торквато съ жаромъ прижалъ святое изображеніе къ губамъ, и шепталъ молитвы, сжимая медальонъ въ рукахъ, трепещущихъ, судорожною

дрожью. Мало-по-малу голосъ его ослабѣлъ, затихъ, и больной провелъ весь остатокъ дня въ забытьи. На слѣдующій и послѣдующій дни онъ изрѣдка говорилъ лишь по нѣсколькимъ словъ съ своимъ гостемъ, который не отходилъ отъ страдальца ни на минуту съ-тѣхъ-поръ какъ пришелъ въ монастырь, и безъ сна, безъ отдыха, какъ нѣжная мать, сторожилъ малѣйшее движеніе, малѣйшій вздохъ Тасса, подносилъ прохладительное питье къ горящимъ устамъ его, поддерживалъ отяжельвшую голову и прислушивался къ безсвязнымъ словамъ лихорадочнаго бреда.

На четвертый день больной пришелъ въ чувство, пожалъ руку Рубенсу, и просилъ позвать исповѣдника. Въ ту минуту, когда настоятель монастыря святаго Онуфрія, въ сопровожденіи своей братіи, въ торжественной процессіи шелъ изъ церкви съ Дарами къ умирающему, за стѣнами обители послышалась музыка и громкія восклицанія народу. То былъ триумфальный повозъ, прибывшій везти Тасса въ капитолий. Почтенный старецъ-священнослужитель вышелъ на высокое монастырское крыльцо и далъ народу знакъ, чтобъ преклонили колѣна.

— Молитесь! Душа христіанина оставляетъ землю!

Вся огромная и, до того, шумная толпа притихла, опустилась на колѣни, и тихо молилась. Съ часъ спустя, изъ монастыря вышло нѣсколько монаховъ, за ними Рубенсъ. Они несли трупъ, покрытый пурпуровою мантией. Пройдя сквозь разступившуюся толпу, они поднялись на ступени триумфальной колесницы, и положили свою ношу на раззолоченный тронъ. Тогда Рубенсъ откинулъ драпировку и показалъ народу трупъ Торквата Тассо, одѣтый въ римскую тогу. Молодой художникъ взялъ лавровый вѣнецъ, приготовленный къ увѣнчанію поэта, и возложилъ на неподвижную, оледенѣвшую голову мертваго.

Потомъ онъ сошелъ съ колесницы и сталъ на колѣни въ толпѣ, которая еще не поднималась. Раздалось глухое, торжественное пѣніе «De Profundis», и повозъ медленно двинулся къ капитолю.

Рубенсъ одинъ не пошелъ вслѣдъ за колесницей. Онъ скрылся въ самомъ темномъ углу церкви Святаго Петра, и тамъ, на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, жарко мо-

длеся, сжимая въ рукахъ медальонъ, падъ которымъ Тасео отдавалъ душу.

Пробывъ въ Римѣ мѣсяца четыре, Рубенсъ отправился въ Флоренцію, гдѣ также былъ принятъ весьма благосклонно. Герцогъ, между прочимъ, заказалъ ему собственный его портретъ, для великолѣпной галереи, въ которой были собраны портреты всѣхъ лучшихъ художниковъ Европы. После Флоренціи онъ посетилъ Болонію и Венецію, потомъ опять возвратился въ Римъ, куда папа призвалъ молодого Фламандца, и заказалъ ему написать двѣнадцать апостоловъ, для палаца Роспильози. Написавъ тамъ, съ свойственною себѣ силой и удивительною скоростью, еще осемь или десять картинъ, и между прочимъ «Протей и Ахелоя» и «Помона и Вертумна» для княгини Скаламара, Рубенсъ поѣхалъ въ Геную и Миланъ, гдѣ нарисовалъ и отдалъ гравировать свою богатую коллекцію, издавную въ Антверпенѣ подъ заглавіемъ *Palazzi di Genua da Pietro Paolo Rubens*.

Однажды, вечеромъ, по окончаніи копій съ одной изъ лучшихъ картинъ Микель-Анджело, Рубенсъ возвратился въ свою наемную виллу, и предавался нѣгъ отдохновенія послѣ шести-часоваго упорнаго труда и борьбы съ могучимъ Буднаротти. Тутъ, отъ спокойнаго самодовольствія, которое чувствовалъ по поводу успѣху только лишь конченной работы, онъ, естественно, перешелъ къ созерцанію своей славы, блестящаго вѣнца, который окружалъ его голову въ такіа лѣта, когда большая часть людей только еще вступаютъ на поприще. Богатство, почести сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Золото онъ уже считалъ сундуками; знатнѣйшія особы Италіи оказывали ему уваженіе какъ великому человеку; при дворахъ онъ былъ извѣстенъ за искуснаго дипломата и достойнаго посланника; во всѣхъ городахъ, гдѣ бывалъ, собиралъ громкую дань общаго удивленія; во всей Европѣ имя Петра-Павла Рубенса повторилось съ энтузіазмомъ. Онъ былъ молодъ; никогда болѣзнь, никогда несчастія не касались ни тѣла ни души его: онъ могъ назваться истиннымъ счастливецомъ. Да, онъ счастливъ! чтобы вполне насладиться своимъ торжествомъ и успѣхами, у него есть обожаемое существо, къ ногамъ котораго онъ поло-

жить всю свою славу, все свое богатство! У него есть мать, добрая, нежная мать, которой сердце трепещетъ при каждом отголоскѣ славы сына, мать, которую онъ уже осмыслить не видаль. Но скоро, скоро, черезъ три мѣсяца, онъ увидитъ и прижметъ къ сердцу свою родную. Онъ оставитъ Италию и возвратится въ милую Фландрію..... О! какое счастье, какая радость!..... Онъ не будетъ писать о своемъ возвращеніи; онъ придетъ нечаянно, не предупредивъ никого, войдетъ въ родительскій домъ.... вдругъ отворитъ дверь и остановится на порогѣ, передъ матерью, которая не узнаетъ его: онъ ухалъ юношею, а воротился совершеннымъ мужчиною, знатнымъ человекомъ. Потомъ, потомъ.... Ахъ! зачѣмъ же откладывать? зачѣмъ ждать три мѣсяца? Онъ идетъ тотчасъ!

Рубенсъ сдѣлалъ наскоро нѣсколько нужныхъ распоряженій и, оставивъ вѣрнаго слугу окончить остальное, на другой же день отправился въ гавань, нанялъ судно и поплылъ въ Нидерланды.

Первый человекъ, попавшійся ему при вступленіи на родную землю, былъ слуга его матери, который располагался отплыть въ Италию, съ посланіемъ мефру Рубенсъ къ сыну. Онъ узналъ художника, подбѣжалъ и отдалъ цисьмо. Рубенсъ узналъ изъ этого письма, что умирающая мать проситъ его поспѣшить проститься съ нею.

— Лошадей! лошадей! закричалъ Рубенсъ въ сильномъ волненіи.

Черезъ нѣсколько минутъ карета его вихремъ мчалась по дорогѣ въ Антверпенъ: онъ горстями сыпалъ золото, чтобы ускорить вѣду.... Десять часовъ утра пробило на Антверпенской башнѣ, когда Петръ-Павель прибылъ въ родимый городъ и подвѣхалъ къ крыльцу своего дому. Дверь была заперта, вокругъ царствовала глубокая тишина, которая наполнила сердце Рубенса страхомъ. Онъ постучался. Бландина, сестра его, вышла и, рыдая, бросилась въ объятія брата. Она была въ черномъ.

— Матушка! Гдѣ матушка? вскричалъ Рубенсъ.

Бландина указала на небо.

— Матушка! матушка! я не увижу тебя.... не услышу твоего голоса!..... Мои уста не поцѣлуютъ твоей нежной,

благодарительной руки!.... Я не увижу тебя, не получу твоего благословенія!..... О, Боже мой!.....

Онъ заплакалъ бы, но не могъ : желѣзная рука сжимала его сердце, тяжелое кольцо давило голову. Онъ думалъ, что сойдетъ съ ума. Сестра повела его въ комнату, къ постели, гдѣ скончалась мать.

— Вотъ здѣсь, сказала Бланина, здѣсь уста ея умоляли навѣкъ, произнося твое имя, Петръ-Павелъ! Здѣсь она простирала руки, чтобы благословить тебя какъ благословляла насъ.....

Рубенсъ сталъ на колыни и скрылъ лицо въ ногахъ постели. Тутъ, наконецъ, слезы облегчили его грудь. Прошло съ четверть часа ; въ комнатѣ слышались только его стоны и рыданія. Когда Петръ всталъ, сестра изумилась и испугалась разстройства его лица.

— Гдѣ лежитъ матушка? спросилъ онъ.

— Въ церкви Святаго Михаила, братецъ.

Рубенсъ накинулъ плащъ и медленно пошелъ туда, избѣгая людныхъ улицъ. Войдя въ церковь, онъ остановился передъ клиросомъ, у камня, на которомъ прочелъ имя своей матери. На колыняхъ, прижавъ губы къ холодному камню, молился онъ до поздней ночи. Тутъ настоятель монастыря Святаго Михаила, увѣдомленный о прѣздѣ Рубенса и не хотѣвшій до того мѣшать справедливой скорби, пришелъ и уговаривалъ его успокоиться, оставить мрачное мѣсто. Рубенсъ сначала противился, но наконецъ уступилъ убѣжденіямъ добраго старика; просилъ только отвести себя келью и позволенія провести въ ней нѣсколько дней.

— Можетъ-быть я навсегда останусь у васъ, прибавилъ онъ : посвящу остатокъ дней Богу и моей печали.

— Нѣтъ, сынъ мой! возразилъ старикъ съ нѣжнымъ укоромъ : ты принадлежишь міру и отечеству.

Протекло четыре мѣсяца, впродолженіи которыхъ Рубенсъ ни разу не оставлялъ обители. Однажды, войдя въ свою келью послѣ заутрени, онъ нашелъ у себя двухъ гостей : то были учитель его Оттовеніусъ и герцогъ, Альбертъ. Оттовеніусъ бросился въ объятія бывшаго ученика; герцогъ съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Довольно плакать, сказалъ Оттовеніусъ : вспомни, что

у тебя есть обязанности къ семейству, къ отечеству, и къ государю, а такъ же и къ своей славы! Ты сегодня же долженъ оставить монастырь, приняться за кисти....

— И явиться при моемъ дворѣ. Я, семь лѣтъ тому, назначилъ васъ своимъ придворнымъ живописцемъ. Надобно же, чтобъ вы когда-нибудь вступили въ свою должность, прибавилъ герцогъ съ пріятною улыбкой.

— Позвольте мнѣ возвратиться въ Италію, государь. Ваши милости меня исполняютъ признательностію, но я чувствую, что найду утѣшеніе своей скорби только въ дали отъ Фландріи....

— Неблагодарный! вскричалъ Оттовениусъ : какъ! ты опять хочешь оставить отечество? Ты хочешь отдать Италію славу, которая принадлежитъ землѣ, видѣвшей твое рожденіе, землѣ въ которой покоится прахъ твоихъ родителей? О, если бы мать твоя могла, она сказала бы : « Это рѣчь, недостойная моего сына! »

Рубенсъ въ сильномъ волненіи посмотрѣлъ на Оттовениуса и пошелъ поклонить коленъ надъ гробомъ матери. Потомъ, снявъ съ шеи Тассовъ медальонъ, повѣсилъ его подъ образомъ Божіей Матери, и возвратился къ Оттовениусу и герцогу.

— Дѣлайте со мной, что хотите, сказалъ онъ : вы говорили именемъ моей матери : я долженъ повиноваться.

Старый мастеръ взялъ Рубенса подъ руку, герцогъ подъ другую, и всѣ трое вышли изъ обители.

« При появленіи Рубенса при дворѣ, рассказываетъ биографъ Мишель, каждый спѣшилъ приветствовать его самымъ лестнымъ образомъ : давно ожидаемый въ землѣ, наполненной его славою, онъ появился на горизонтъ Фландріи какъ великолѣпная заря, предвѣстница прекраснаго. Каждый былъ радъ видѣть челоуѣка, который своими дарованіями заслужилъ милость столькихъ государей и уваженіе знатнѣйшихъ вельможъ, который своимъ умомъ приносилъ честь отечеству и предкамъ, и по таланту заслужилъ прозваніе втораго Апеллеса. »

Но, несмотря на всѣ почести и обольщенія, которыми его осыпали, Рубенсъ соскучился въ Антверпенъ : тамъ не было Рафаэля, Тиціана и Корреджіо, безъ которыхъ генію

его не было нищ. Сверхъ-того, благорастворенный воздухъ Итали, къ которому онъ уже привыкъ, нравился ему больше угрюмаго неба антверпенскаго, и онъ задумалъ воротиться туда, несмотря на обещаніе, данное герцогу Адберту и Оттовенусу. Но герцогъ и герцогиня всеми силами старались удержать его, призвали въ Брюссель, заняли работой, назначили значительный пенсіонъ, сдѣлали камергеромъ, осыпали ласками и почестями. Рубенсу хотя трудно было отказаться отъ своего желанія, однако жъ онъ рѣшился остаться, видя, что не можетъ вѣхать не поступивъ неблагодарно. Онъ просилъ только позволенія жить въ Антверпенѣ, чтобы пребываніе при дворѣ не мѣшало его художественнымъ занятіямъ, единственному наслажденію, которому онъ могъ предаваться отъ всей души.

Въ Антверпенѣ Рубенсъ купилъ обширный домъ, перестроилъ его по своему плану, завелъ галерею, въ которой помѣстилъ все, что собралъ и накупилъ лучшаго изъ произведеній искусства во время своихъ путешествій, безпрестанно обогащаясь новыми сокровищами; наконецъ, устроилъ мастерскую, въ которой проводилъ большую часть своего времени. Домъ его походилъ на дворецъ.

Темнѣло. Погода была дурная: вѣтеръ вылъ какъ голодный волкъ, снѣгъ летѣлъ хлопьями. По длинной улицѣ, отдѣляющей Лангеннеустратъ отъ Кейзерстрата, пошла женщина, съ безпокойною торопливостью почти бѣгая, безпрестанно поглядывая на свою корзинку, въ которой у ней была небольшая ноша. Вотъ маленькій домикъ и каменный крыльцо съ пятью ступенями. Она постучалась; раздался голосъ дѣвушки.

— Это ты, няня?

— Да, мой другъ, это я; отвори!

Дверь отворилась, и дѣвушка, держа въ рукѣ мѣдную плиту, блестящую какъ золото, встрѣтила старуху, сняла съ нее мокрую мантилью и взяла изъ рукъ корзинку.

— Тише, тише, Лиза! сказала старуха съ веселою заботливостью. Тише; тутъ славная вещь, въ этой корзинкѣ. Угадай, что?

— Не знаю, возразила девушка развязно и лениво, — это куриная ножка, душечка! Куриная ножка, боже мой, словно гусиная! Марсру Деннесенъ да да мня се-годня на ужинъ. Поскорѣй, сядемъ за столъ; она еще горяча.

Старуха поспѣшно съѣла за накрытій уже столъ; разрезала принесенное жаркое на двѣ части и оставила на своей тарелкѣ худшую, чтобы лучшимъ кусочкомъ пододвигать Лизу. Та попробовала ѣсть, но остановилась: двѣ слезы потекли по ея щекамъ. При видѣ этого, старая Марса тоже потеряла аппетитъ.

— Онъ и сегодня не приходилъ? спросила она съ участіемъ.

— Третій день!

— Ну, ужъ теперь не стану его оправдывать. Это дурно, очень дурно! Однако жъ, можетъ-быть его удержала какая-нибудь работа. Вѣдь не всегда можешь дѣлать, что хочешь... Полно, дитятко, успокойся: можетъ-быть еще придетъ. Душечка, Лизочка, покушай немножко, успокойся.

— Онъ понялъ, сказала Лиза со вздохомъ, не обращая вниманія на утѣшенія Марсы: онъ понималъ, что безразсудно было любить сироту, которая не имѣетъ ничего кромѣ рукъ для своего пропитанія, и ни какой опоры кромѣ тебѣ, моя добрая Марса!

— Ты сирота, это правда; но сирота, которая получила хорошее воспитаніе, умѣетъ читать и писать, и принадлежать къ одной изъ лучшихъ фамилій въ Антверпенѣ! Это есть вопросу другой видъ. Твой отецъ былъ богатый кушачъ, твоя мать была двоюродная сестра покойнаго бургомистра....

— Да! то было прежде; но что теперь, когда отецъ мой разошелся и умеръ, когда мать моя умерла съ печали, и когда я осталась одна на свѣтѣ, сирота и нищая, въ тягость тебѣ?

— Въ тягость, Лиза? Вотъ это можетъ меня взбесить! Въ тягость! Развѣ ты не утѣшеніе, не радость моя? Что мнѣ на свѣтѣ безъ тебя? Полно, полно; придетъ время, поправимся! А мастеръ Петръ добрый человекъ. Объ немъ

грѣхъ зло подумать. Потерпи, не теряй надежды.... Ахъ, Боже мой!... Слышь, кто-то идетъ.... Это онъ!

Послышался стукъ въ дверь; Марѳа бросилась отворить, и въ комнату вошелъ молодой человекъ пріятной и вмѣстѣ важной наружности; онъ почтительно поклонился дѣвушкѣ, которая поблѣднѣла, заслышавъ стукъ, а теперь трепетала какъ листъ.

— Долго же васъ не видать было! обмолвилась Марѳа въ торопяхъ.

Лиза сдѣлала старухъ укоризненный знакъ.

— Не вся, кажется, здѣсь раздѣляютъ это мнѣніе, добрая Марѳа; сказалъ молодой человекъ съ улыбкою.

— Три дня, три дня не были! Мнѣ показалось, что годъ. Вечера такіе длинныя: сидишь, сидишь, конца нѣтъ!

— Да, Марѳа, возразилъ молодой человекъ, скидая плащъ: и мнѣ показалось долго, да нужная работа задержала. Притомъ, бывають дни, когда уныніе сжимаетъ сердце, когда въ головѣ нѣтъ свѣтлой мысли, когда человека оставляетъ бодрость и надежда. Въ такіе дни, Марѳа, нужно уединеніе, потому что этой болѣзни не можетъ излечить присутствіе самыхъ милыхъ людей. Въ такіе дни мы сомнѣваемся въ настоящемъ и въ будущемъ и въ самихъ себѣ.

— И въ тѣхъ, кто насъ любитъ? спросила Лиза съ укоризною и слезами на глазахъ.

— О, простите, простите, Лиза! Вотъ три года, что я знаю васъ, три года, что я стараюсь создать себѣ средство осуществить мечту о счастіи, которая иногда ласкаетъ мое воображеніе своимъ золотистымъ сіяніемъ.... Удачи нѣтъ! я, по-прежнему, бѣденъ и безвѣстенъ. Я хотѣлъ получить право на вашу любовь своимъ успѣхомъ въ свѣтъ, пріобрѣтеніемъ состоянія, потому что надъ бѣднымъ человекомъ, который женится на такой же бѣдной дѣвушкѣ, люди смѣются.... Его упрекають въ женитьбѣ какъ въ дурномъ поступкѣ; ему загораживаютъ дорогу въ будущемъ. Явится нужда, съ нуждою уныніе, и ничто не въ состояніи вывести его изъ нищеты и посредственности.

— Да, вы правы, мастеръ Петръ; да, любовь къ бѣдной дѣвушкѣ поведетъ къ несчастію! Эта любовь и смѣшна и

опасна.... Надобно оставить ее, бросить, чтобы избежать
большей бѣды! Намъ надобно разстаться....

— Лиза, что это значитъ?

— Простите, говорила она отнимая руку, которую онъ
взялъ: простите, мастеръ Петръ. Это послѣдняя моя сла-
бость. Впередъ, я буду тверда. Я вамъ докажу, что люблю
васъ не по расчету.... Я давно понимала то, что вы теперь
высказали, и не разъ горько упрекала себя. «Ты любишь
его, говорила я сама себя, ты любишь его, и хочешь погу-
бить его будущность, обречь ничетъ всю его жизнь? Что
съ нимъ станется, когда онъ исполнитъ пожертваніе, къ
которому готовится для тебя? Что его ждетъ, когда онъ,
бѣдный, возьметъ на себя лишнюю заботу о тебѣ?» Нѣтъ,
Петръ! этому не бывать! Возвращаю вамъ ваши обѣты.
Будьте свободны. Будьте мнѣ только братомъ. Я можетъ-
быть пострадаю пѣсколько времени; но чувство исполнен-
наго долга придастъ мнѣ силы.... притомъ, я уже привыкла
къ несчастію.

Она съла, блѣдная, но съ выраженіемъ твердой рѣши-
мости.

— Вотъ какъ вы понимаете меня! Вотъ какъ вы цѣните
мою любовь, Лиза! Не для васъ ли я работаю цѣлыхъ три
года? Не для васъ ли я тружусь? Не длятого ли чтобы сде-
латься достойнымъ васъ, чтобы доставить вамъ имя, кото-
рымъ вы могли бы гордиться?

— Имя? Но развѣ я знаю ваше имя? Думаете ли вы, что
подозрѣніе никогда не возникало въ моемъ умѣ, при видѣ
вашей всегдашней таинственности? при видѣ насмѣшли-
выхъ улыбокъ сосѣдей, которые видятъ, когда вы сюда
входите?.... Но я всегда отгоняла это подозрѣніе, отгоню
и теперь, потому что считаю васъ честнымъ человекомъ.
Повторяю вамъ, я готова быть вашей сестрою, нежною и
покорной, я готова раздѣлить ваши заботы и печали, но
безразсудные планы и невозможныя мечты надобно бро-
сить! Они опасны, они убиваютъ.

Въ этихъ словахъ было столько твердости, они были
сказаны съ такимъ истиннымъ и сплнымъ выраженіемъ,
что молодой человекъ не нашелся отвѣчать, и поспѣшно
отеръ слезу.

— Елисавета! сказала онъ, вставая съ торжественнымъ движеніемъ : я поклялся, что вы будете моею женою, и ничто не разрышитъ меня отъ этой клятвы!.... Впрочемъ, если вы хотите, я освобождаю васъ отъ всякой обязанности; но, повторяю, я тѣмъ не менѣе считаю свое слово священнымъ. Прощайте! Я приѣду не иначе какъ по вашему приглашенію; можетъ-быть даже оставлю Антверпенъ.....

— Ради Бога, не разставайтесь такъ! вскричала Марса. Что это? столько времени любили другъ друга, а тутъ давай ссориться!.... На что это похоже? Что вы будете одинъ безъ другаго? Лиза проплакала три дня, пока вы не приходили; вы, мастеръ Петръ, поблѣднѣли какъ полотно, изъ-за нѣсколькихъ словъ, что она сказала. Да что вы это, Богъ съ вами? К чему такъ мучить другъ друга! Вы молоды, въ сердцахъ вашихъ чистая, благородная любовь, и отчаяваетесь! Я надѣюсь на будущее и на милость Божию. Лиза дѣвушка добрая..... о, если бы вы знали какая она добрая! А вы, мастеръ Петръ, честный молодой человекъ, скромный какъ дѣвушка, вы, со-временемъ, поправитесь, разбогатеете.... Что жъ, подождемъ : Богъ милостивъ.... А, пока, подайте другъ другу руку, забудьте ссору; побесѣдуйте вмѣстѣ.

Марса соединила ихъ руки, и оба нѣсколько времени стояли въ этомъ положеніи, молча, потупивъ глаза. Наконецъ, Петръ, первый, спросилъ тихо и съ нѣжностью :

— Вы меня не любите больше?

Лиза подняла на него взоръ, тотчасъ же опять потупила, и тихо вывернула руку изъ руки молодаго человека, между-тѣмъ какъ Марса съ улыбкой и слезами смотрѣла на примиреніе.

— Вы меня не любите? повторилъ Петръ улыбаясь.

— Злой! отвѣчала Лиза. По-крайней-мѣрѣ общайте, что не будете больше говорить такихъ рѣчей....

— Развѣ я не довольно жестоко наказанъ? О! когда вы будете моею женою, я вамъ отомщу за это....

— Вашей женою! Боже мой, мнѣ не вѣрится такое счастье, однако жъ увѣренность въ этомъ мнѣ необходима.

— И если бѣ вы знали, какъ я стараюсь приблизить день своего счастья!

Здѣсь должно сказать, что Рубенсъ въ первый разъ увидалъ Лизу вскорѣ послѣ смерти своей матери, въ церкви, гдѣ и она молилась надъ гробомъ родительницы. Такое сходство ихъ обоюднаго положенія произвело сильное впечатлѣніе на молодого человека. Онъ узналъ гдѣ живетъ Лиза, и нашелъ средства подробно осведомиться о дѣвушкѣ, которая съ каждымъ днемъ больше занимала его воображеніе.

Отецъ ея, почтенный антверпенскій гражданинъ, былъ прежде богатымъ кунцомъ, но, потерявъ нѣсколько кораблей, разорился и умеръ; мать вскорѣ послѣдовала за нимъ въ могилу, и Лиза осталась круглою сиротой на рукахъ Марѣы, преданной служанки ихъ дому, которую ни какая нужда ни бѣдность не могли разлучить съ любимой барышней. Между-тѣмъ какъ дѣвушка дома занималась плетеніемъ кружевъ и шитьемъ, Марѣа ходила въ люди работать поденно. Сосѣди не могли нахвалиться этимъ двумъ женщинамъ и никто не встрѣчался съ ними на улицѣ безъ почтительнаго поклона.

Эти подробности не удовлетворили, а подстрекнули любопытство Петра. Онъ рѣшился познакомиться съ Лизой покороче. Предлогъ найти было не трудно: стоило явиться съ какимъ-нибудь заказомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Чѣмъ чаще Петръ видалъ Лизу, тѣмъ болѣе находилъ прелестною и достойною истинной привязанности. Дѣвушка, съ своей стороны, никогда не слыхивала голосу пріятнаго голоса мастера Петра, никогда не встрѣчала въ другомъ мыслей болѣе сходныхъ съ своими, такъ, что однажды, вечеромъ, оба они, никогда не признававшись въ взаимной любви, вдругъ, нечаянно, пустились въ разговоръ о своемъ будущемъ бракѣ.

Между-тѣмъ Петръ, нѣкогда жестоко обманутый въ страстной любви къ молоденькой Италіянкѣ, которая вышла за другаго, поддавался новому чувству съ недоверчивостью. Присутствіе Лизы окружало его всею очаровательностью красоты и изящной, музыкальной, рѣчи, но вдали отъ нея его мучили сомнѣнія и страхъ. Часто даже онъ хотѣлъ расстаться съ Лизой навсегда, хотѣлъ увѣхать, боясь обмануться въ ней, какъ обманулъ въ своей первой любви; но

у него не ставало духу исполнить этого намеренія, и такимъ образомъ, между опасеніями и надеждой, онъ промедлялъ три года.

Лиза, напротивъ, съ доверчивостью невинной дѣвушки предалась своимъ нѣжнымъ чувствамъ къ Петру. Если иногда и возникало въ душѣ ея сомнѣніе, то одного слова молодого человека достаточно было, чтобы успокоить ее совершенно. Она не знала его положенія въ свѣтъ, ни его занятій, не знала даже его фамильнаго прозванія, и не старалась выведать, не думала проникать тайны, которою окружалъ себя ея любезный. Ей до всего этого и дѣла не было: онъ ее любитъ, — и довольно! Когда-нибудь она узнаетъ все это, когда будетъ его женой.

Такимъ же образомъ разстались они и теперь: Лиза стала весела, игрива, Петръ возвратился къ своимъ мученіямъ. Въ раздумьи, печальный, недовольный собой, подошелъ онъ къ великолѣпному дому, и только-лишь постучался, два пажа поспѣшно отворили дверь и сняли съ него плащъ. Потомъ управитель подошелъ и почтительно доложилъ, что какой-то господинъ изъ Мадрита, съ посланіемъ отъ герцога Браганскаго, ждетъ мессиръ Рубенса около двухъ часовъ.

Посланный, при видѣ знаменитаго художника, поклонился и подалъ письмо, съ кошелькомъ золота, которое Рубенсъ принялъ съ презрительной улыбкой, и бросилъ своимъ пажамъ.

— Синьоръ, скажите герцогу, что я ъду въ Вильянову, для развлеченія, дней на осемь или на десять, отвѣчалъ онъ. Я уже назначилъ три тысячи пистолей на эту поѣздку.

Потомъ онъ обратился къ пажамъ.

— Поблагодарите же синьора, который принесъ вамъ пятьдесятъ пистолей отъ герцога Браганскаго!

Рубенсъ вошелъ въ богато убранную спальню, гдѣ слуги раждали его, между-тѣмъ какъ секретарь читалъ нѣсколько писемъ. Одно было отъ великаго герцога Альберта, который сътовалъ на отсутствіе отъ двора «лучшаго украшенія земли фландрской.» Другое отъ герцога Букингема, который, при самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и увѣреніяхъ въ

дружбѣ, просилъ Рубенса уступить свою картинную галерею и кабинетъ древностей, и предлагалъ большую сумму.

Рубенсъ слушалъ только вполонину : онъ думалъ не о томъ. Онъ разсуждалъ, что слава и богатство еще не составляютъ полного счастья. Отпустивъ секретаря и слугъ, Рубенсъ принялся разсматривать портретъ матери, какъ-будто прося ея совѣта. Петръ провелъ ночь тревожную и бессонную. Лицъ представлялись одни свѣтлыя, радужныя видѣнія. Она еще спала когда Марѳа вскочила съ постели. Деревянные часы показывали семь.

— Ахъ, Боже мой! вскричала старуха : семь часовъ ! Что скажетъ мефру Деннесенсъ ? Семь часовъ ! Какъ это я проспала такъ долго?.... Бѣжать-было скорѣй..... Подумаешь, пожалуй, что Марѳа облынилась!....

Она поспѣшно одѣлась, поцѣловала спящую Лизу въ лобъ и отправилась къ мефру Деннесенсъ. Лицо достопочтенной сумруги нотаріуса Деннесенса, къ которой Марѳа постоянно ходила зачинивать бѣлье и штопать чулки, выражало неудовольствіе, готовое разразиться строгимъ выговоромъ за улушеніе урочнаго часу.

— Что, Марѳа, вѣрно, ноги не шестнадцати-лѣтнія? сказала съ ироніей немилосердо аккуратная хозяйка, зная, что пожилую женщину ничѣмъ такъ чувствительно не тронешь, какъ напомипаніемъ числа прожитыхъ ею лѣтъ.

— Я опоздала четвертью часа, отвѣчала Марѳа, задѣтая за живое : но....

— Четвертью часа!.... Ты хотѣла сказать, молучасомъ.

— Пусть хоть такъ, мефру Деннесенсъ. Вычтете за четверть дня, и конецъ.

— Не совсѣмъ конецъ : работа стоитъ.

— Ну, я вечеромъ полчаса подольше посижу.

— Такъ!.... свѣчку жечь?....

— Такъ чего же вы хотите, мефру Деннесенсъ ? Принажете воротиться? спросила оскорбленная Марѳа съ достоинствомъ.

Воображенію воркуньи хозяйки вдругъ представилась пронасть продранныхъ рукавовъ, посковъ безъ пятокъ; и сомнительный вопросъ о возможности найти другую работ-

ницу, столько же трудолюбивую как Марѳа, и она тотчас же перемѣнила тонъ.

— Ну, полно, полно, сказала она: к чему намъ ссориться изъ пустаго.... Какова была курочка, Марѳа?

— Прекрасна! удивительно хороша, мефроу, отвѣчала Марѳа надувшись и садясь на свое обычное мѣсто.

Тутъ въ комнату ввалилъ жирный, красный мейнгеръ-нотариусъ Деннесенъ, и пыхтя подсѣлъ къ Марѳѣ, которая крайне изумилась этой невиданной чести. Не менѣе толстая дражайшая половина нотариуса выпучила глаза. Онъ далъ ей знакъ выйти.

— А?... какъ бы вы думали, мефроу Марѳа? А?... Что бы вы дали, если я скажу вамъ пріятную новость?... а?

— Какую новость, мейнгеръ Деннесенъ?

— Новую.

— Да что мнѣ дать, не знаю, сказала Марѳа, улыбаясь шуткъ величайшаго остряка во всемъ околдкѣ.

— А что вы думаете, если я скажу... что вы получили въ наследство пятьдесятъ тысячъ гульденовъ?... а?

— Я думаю, что вы шутите, мейнгеръ Деннесенъ.

— Я шучу?... Нѣтъ, право, нѣтъ. Пятьдесятъ тысячъ, какъ одна копейка!

— Пятьдесятъ тысячъ! Боже мой! можетъ ли это быть? Пятьдесятъ тысячъ! Не шутите, мейнгеръ Деннесенъ: это жестоко.

— Прислушайте-ка; есть ли у васъ, въ Литтихъ, двоюродный братъ, по имени Юстъ Гоффейнъ?

— Есть; да онъ гораздо моложе меня, и у него двое дѣтей.

— Ничего, что моложе: онъ умеръ, дѣти тоже, а вы единственная наследница.

Нотариусъ пустился объяснять подробности, какъ и что надобно сдѣлать, куда отнестись, откуда деньги получить, а Марѳа, сложа руки, въ сильномъ волненіи, прислонилась къ спинкѣ стула; потъ градомъ катился по лицу, губы тихо шептали:

— Лиза! Лиза!

Часъ спустя по уходѣ Марѳы, Лиза проснулась и съ удивленіемъ увидѣла, что солнце уже высоко. Но она чувств-

шла себя такъ же спокойною, сны ея были такъ пріятны, что не пожалѣла о проспавшемъ времени и даже не торопилась вставать. Дѣвушка еще вѣжлась и утопала въ роскошныхъ мечтахъ, какъ вдругъ послышался стукъ.

— Кто тамъ?

— Я! Петръ.

— Ахъ, Боже мой, что онъ подумаетъ, когда увидитъ, что я такъ долго спала? — Сейчасъ!

Она носпѣшно одѣлась, задернула занавѣсъ алькова и наконецъ отворила дверь Петру, который насмѣшливо улыбнулся, видя заспанные глаза красавицы.

— Какъ вы рано!.... сказала она покраснѣвъ.

— Мнѣ стало скучно, тоска сдавила сердце, такъ я пришелъ посмотреть на васъ, чтобы отдохнуть. Я не думалъ что вы въ девять часовъ еще спите, прибавилъ онъ, съ улыбкою поглядывая на безпорядокъ маленькой комнаты.

— Зато вы можете пособить мнѣ прибрать здѣсь, мастеръ Петръ. Переставимте этотъ столъ.... Хорошо! Подвиньте попожко скамѣйку....

— Подумаешь, что они ужъ распоряжаются своимъ хозяйствомъ! вскричалъ кто-то самымъ веселымъ голосомъ, какой когда-либо слышали Петръ и Лиза.

То была Мареза, раскраснѣвшаяся, живая, легкая, словно дѣвушка въ пятнадцать лѣтъ.

— Дѣло, дѣло, мастеръ Петръ! учитесь пособлять женѣ: черезъ двѣ недѣли вы женитесь!

— Черезъ двѣ недѣли? спросилъ Петръ съ удивленіемъ.

— Не вы ли говорили, тысячу разъ, что одна бѣдность вѣшаетъ вамъ жениться?

— Такъ что же? спросилъ Петръ поблѣднѣвъ.

— Вы теперь богаты!

«Она знаетъ мою тайну! подумалъ онъ. Она меня высмотрѣла, вывѣдала обо мнѣ! Можетъ-быть она ужъ давно знаетъ! Можетъ-быть.... О! это было бы ужасно!... Можетъ-быть здѣсь принимаютъ и любятъ только богача!»

— Вы богаты! повторила Мареза.

— Богаты?... я?

— Нѣтъ, не вы, а Лиза.... она получила наследство.... пятьдесятъ тысячъ....

— Я, Марѳа?

— Ты, душечка! ты! Кошечъ безпокойствамъ! кошечъ слезамъ! Поди горевать; давайте воссильтись!.... Тра-ла-ла-ла дери-дери.

И старуха пустилась плясать, скакать, бить въ ладоши.

Потомъ она разсказала любовникамъ, будто одна дальняя родственница Лизы, о которой та никогда не слыхивала, умирая, отказала ей все свое имѣніе. Она не разсказала только, что сама назвалась этою мнимою умершею родственницею и уговорила нотаріуса, сохранивъ тайну, перевести капиталъ на имя Елисаветы Брантъ.

— И все это будетъ ваше, Петръ! сказала Лиза, взявъ его за руку. Все это ваше. Вы будете дѣлать съѣтими деньгами, что хотите. Мнѣ нужно только, чтобъ вы не оставяли меня, чтобъ вы меня любили....

— Пусть, я не оставлю васъ, Лиза! Черезъ двѣ недѣли вы будете моею женою.... не за богатство ваше, но за доброе сердце, за любовь. У меня тоже есть тайна, но вы узнаете ее не раньше какъ въ день свадьбы. Между-тѣмъ позвольте мнѣ сдѣлать всѣ приготовленія къ вѣнцу. У меня есть друзья, которые мнѣ помогутъ, въ случаѣ надобности. Сами вы не выходите никуда, не принимайте никого. Общайте мнѣ это; поклянитесь.

— Кляшусь вамъ, Петръ!

— Такъ прощайте, покуда, милая Лиза.

Она нѣжно поцѣловала руку дѣвушки, между-тѣмъ какъ Марѳа, прыгая, восклицала :

— Черезъ двѣ недѣли! Черезъ двѣ недѣли!

Двѣ недѣли эти прошли въ приготовленіяхъ, въ которыхъ иголка Марѳы играла не маловажную роль. Можно себя представить, съ какимъ рвеніемъ трудилась она надъ приготовленіемъ нарядовъ и приданого своей милой Лизы. Петръ почти не отходилъ отъ двухъ счастливыхъ женщинъ. Онъ старался только препятствовать ихъ выходу со двора и сношенію съ посторонними, но за четыре дня до свадьбы, вдругъ пересталъ посѣщать свою невесту. Вообразите, если можете, безпокойство и страхъ невесты, тревогу Марѳы. Сидя у окна, Лиза безпрестанно посматривала въ во-

ночь улыбки, нейдетъ ли Петръ. Вотъ показался чело-
вѣкъ... — Это онъ!... Ахъ, нѣтъ!... и слезы навертывались
на прекрасныхъ глазахъ.

— Онъ боленъ, говорила Лиза тяжело вздыхая: и я не при-
дешь, я не могу помочь ему, я даже не знаю, гдѣ онъ жи-
ветъ!

Въ другой разъ, мысль, ужаснѣе этой, возникла въ ея
умѣ.

— Онъ не придетъ, онъ уже не любитъ меня!

Марѳа старалась утѣшить дѣвушку, а сама чуть не пла-
кала, что не можетъ постигнуть, что это значить.

Наконецъ насталъ день свадьбы.

Въ восемь часовъ утра, Марѳа уже одѣтая въ новое платье,
наряжала Лизу подъ вѣнецъ. Дѣвушка, блѣдная, трепещу-
щая, не сводила глазъ съ окна. Руки Марѳы такъ дрожали
отъ безпокойства, что она съ трудомъ могла приколоть бу-
лавку или завязать ленточку на платьѣ своей барышни.

Это продолжалось до десяти часовъ.

Въ десять часовъ послышалась на улицѣ музыка. Марѳа
вышла на крыльцо, посмотреть что такое. Каково же было
ея удивленіе! Музыканты шли къ ихъ дому; за музыкантами
шелъ отрядъ солдатъ, съ распушеннымъ знаменемъ; потомъ
депутаты ремесленныхъ цеховъ, со значками; потомъ худож-
ники; потомъ множество господъ и дворянъ, между которы-
ми былъ самъ бургомистръ, и мессиръ Гавертъ, секретарь
города. И все они остановились у маленькаго домику, къ ве-
ликому изумленію Лизы и Марѳы. Наконецъ, явился Петръ,
въ богатомъ костюмѣ.

— Да здравствуетъ Рубенсъ! Ура! раздавалось въ толпѣ.

— Рубенсъ! шептала Лиза въ замѣшательствѣ. Рубенсъ!
знаменитый живописецъ Рубенсъ, котораго имя все проно-
сятъ съ такимъ почтеніемъ?.... Вы — Рубенсъ, Петръ?

— Да, милая Лиза. Мое имя, мое богатство, моя слава,
все принадлежитъ тебѣ.

— Что мнѣ до этого! Лишь бы ты любилъ меня....

— Но гдѣ жъ Марѳа?

— Здѣсь, здѣсь, вполголоса говорила старуха въ смущен-
іи, когда увидѣла, что мастеръ Петръ — такое важное
лицо.

— А! я знаю твои проказы Марса! Нотариусъ Дешиссонъ еще все рассказаль!

— Молчите, молчите!..... Что за нужда говорить при эсахъ?...

— Не смажу, не смажу, потому что ужъ все знаютъ. Друзья, прибавилъ онъ, взявъ старуху за руку : друзья мои, вотъ Марса!

Вся почтительно сняли шапки.

— Теперь, продолжалъ онъ взявъ Лизу и Марсу подъ руки : теперь поидемте въ церковь, гдѣ насъ ждетъ епископъ.

— Ура, Рубенсъ! Ура, Елисавета Брантъ! Ура!... загремала толпа.

—

Прошло нѣсколько лѣтъ. Рубенсъ не нашелъ счастья, котораго ожидалъ въ супружествѣ. Лиза любила его всемъ сердцемъ, была преданною, покорною женою, но не знала притчій большаго свѣта, къ которому привыкъ Рубенсъ, и онъ, мало-по-малу, сдѣлался къ ней довольно равнодушнѣе.

Между-тѣмъ Лиза дважды стала матерью. Въ понечительной любви къ дѣтямъ она старалась забыть равнодушіе и пренебреженіе мужа. Но вдругъ новый ударъ жестоко поразилъ бѣдную : Рубенсъ отпраивался въ Испанію, гдѣ намеревался пробытъ нѣсколько лѣтъ. Въ выраженіи, съ какимъ Петръ объявилъ ей эту новость, было такъ мало чувства, такъ мало сожалѣнія и столько притворства, что Лиза не въ силахъ была произнестъ ни одной жалобы, ни одного возраженія. Она только обратила на мужа отчаянный взглядъ, потомъ, безмолвно, прижала къ груди дѣтей, изъ которыхъ одному не было еще и двухъ мѣсяцевъ.

Черезъ три дня Рубенсъ уѣхалъ.

Когда станія Антверпена исчезли позади его, онъ почувствовалъ въ сердцѣ радость человека освобожденнаго изъ темницы, идохнулъ свободнѣе, сбросивъ ярмо скуки и принужденія. Онъ съ восхищеніемъ бросился въ море удовольствій и развлеченій, которыми пренебрегалъ прежде.

Спустя нѣсколько дней по приѣздѣ въ Мадридъ, онъ получилъ слѣдующее письмо :

«Петръ, я желала бы видѣть тебя прежде нежели умру; я желала бы поговорить съ тобою о дѣтяхъ. Я умираю.

«*Елисавета.*»

Рубенсъ въ ту же минуту отправился, но пріѣхалъ поздно. Смерть жены сильно потрясла его; однако жъ работа, слава и разсѣянія не замедлили убавить горечь скорби, въ которой весьма мало участвовало чувство сознанія въ сдѣланной потерѣ. Съ нѣкотораго времени Лиза была уже внѣ круга жизни Рубенса, и своей смертію оставила въ ней весьма мало пустоты.

Въ обществѣ Рубенсъ познакомился съ Еленою Фроманъ, двувушкою, которая принадлежала къ одному изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ семействъ Антверпена. Молодая, красавица, извѣстная по своему уму, Елена отвергала предложенія негоціантовъ, съ ихъ бочками золота, и графовъ и маркизовъ, съ ихъ гербами и титулами; чтобы прельстить ее, нужны были знатность и слава, соединенныя въ Рубенсѣ, котораго твореніямъ удивлялась вся Европа, и котораго короли англійскій и испанскій наперерывъ старались имѣть при себѣ посланникомъ. Она любила Рубенса со всеми атрибутами его великаго имени, его огромнаго богатства, со всею его знаменитостію; но она не замѣтила бы Рубенса бѣднаго и безвѣстнаго, она не полюбила бы его подъ скромнымъ именемъ мастера Петра.

Рубенсъ, съ своей стороны, тоже не чувствовалъ къ Еленѣ того, что нѣкогда питалъ къ Лизѣ. Время и опытъ умѣрили пылкость его воображенія и обогатили умъ насчетъ сердца. Но его прельщала шестнадцатилѣтняя красавица, которая съ такимъ энтузіазмомъ и вкусомъ говорила объ искусствахъ, которая была такъ изящна во всемъ, что дѣлала, которая умѣла всемъ нравиться, всѣхъ очаровывать. Елена понимала впечатлѣніе, которое произвела на Рубенса; и умѣла съ такою ловкостію и кокетствомъ возбуждать его самолюбіе и ревность, и распалать воображеніе художника, что онъ скоро сталъ заниматься только одною мыслию, однимъ желаніемъ, — жениться на Еленѣ Фроманъ.

Но въ этомъ мѣшало Рубенсу одно препятствіе, по-видимому пустое, преодоленіе котораго однако жъ стоило ему большаго труда. То была Марса! Марса, преданный другъ

Лизы, Марса, вторая мать его детей. «Да что жъ мнѣ эта женщина? говорилъ онъ самъ себѣ: какую она можетъ имѣть власть надо мной? что мнѣ за дѣло до ея одобренія или порицанія?» Между-тѣмъ десять разъ Петръ былъ готовъ сообщить Марсѣ о своемъ намѣреніи жениться, и десять разъ молчалъ, чувствуя жаръ въ лицѣ и боль въ сердцѣ. Наконецъ онъ рѣшился.

Однажды, утромъ, Рубенсъ, по обыкновенію, вошелъ въ дѣтскую. Старуха сидѣла на полу, у каминна, поджавъ ноги: она оперлась одною рукою на кресла, въ которыхъ сидѣлъ маленькій Альбертъ, а другою обняла четырехлѣтнюю Клару, которой почная одежда не закрывала груди и хорошенькихъ плечъ. Кругомъ были разбросаны игрушки; большой пудель, выткнувъ морду, умильно поглядывалъ на сухарь въ рукѣ ребенка, и время отъ времени облизывался.

Развлекшись прелестною картиною, Рубенсъ на минуту забылъ о своей заботѣ. Скоро, однако жъ, морщины опять появились на лбу, и Петръ въ волненіи заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что съ вами, мессиръ? спросила Марса съ безпокойствомъ.

— Ахъ! возразилъ Рубенсъ, который ожидалъ этого вопроса, но тѣмъ не менѣе сильно затруднился отвѣтомъ: ахъ, Марса! меня занимаетъ очень важный вопросъ.

— О чемъ это?

Рубенсъ покраснѣлъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ вдругъ обернулся и сказалъ скороговоркой:

— Меня хотятъ женить.

Марса перекрестилась.

— Вы!... вы женитесь?

— Да, Марса. Мнѣ предлагаютъ очень выгодную партію. Друзья говорятъ, что одиночество, въ которомъ я живу, вредитъ моимъ работамъ; меня убѣждаютъ жениться.

— И вы отказали, не правда ли? вы отказали?

— Конечно; но....

— Вы вѣдь еще не забыли той, которая умерла за своимъ нѣжную любовь къ вамъ?

Рубенсъ отвѣчалъ только движеніемъ головы.

— А ваши дѣти! ваши бѣдные дѣти.... Они будутъ принуждены называть другую женщину матерью!.... О! это невозможно! невозможно!

— Ты невѣрно смотришь на мое положеніе, Марѳа, возразилъ Рубенсъ. Жизнь моя печальна и одинока : когда прихожу домой, послѣ продолжительнаго дневнаго труда, я не нахожу никого, кто бы ждалъ меня.... никого....

— Какъ, никого, месьеръ? А ваши дѣти! ваши дѣти, эти ангельчки, на которыхъ можно смотреть цѣлую жизнь не соскучившись.... Я не говорю вамъ о себѣ : я женщина старая, болѣе въ тягость нежели полезная, и которой силы и уманье не соответствуютъ доброй воли.... Но у васъ есть дѣти! И сколько разъ бѣдная женщина, которую я знавала, проводила цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы, не видя никого кромѣ своихъ дѣтей и меня!...

Марѳа!...

— О! простите, простите! прервала она, бросаюсь къ ногамъ Рубенса : простите! я не знаю, что говорю ! Не обращайте вниманія на мои слова.... я потеряла разумъ, когда вы сказали, что хотите жениться!... О! не дѣлайте этого! уголю васъ именемъ дѣтей вашихъ, именемъ Лизы! Не давайте дѣтямъ вашимъ мачихи!... Боже мой, пошли мнѣ словъ убѣдить его!... Боже мой, сохрани малютокъ—сиротъ!

Марѳа плакала, рыдала, обнимала колѣни Рубенса. Клара, видя это, тоже заплакала; Альбертъ уронилъ сухарь, а пудель воспользовался случаемъ съѣсть давно желанный кусокъ.

— Ничего еще не рѣшено, Марѳа; успокойся, сказалъ Рубенсъ освобождаясь отъ старухи.

Она вышла сильно встревоженный, но не побѣжденный. Марѳа бросилась къ дѣтямъ и прижала ихъ къ груди, какъ-бы опасаясь, что отнимутъ у нея единственную радость.

— Дѣти! милые дѣти, молитесь Богу! восклицала она : молитесь, чтобы маменька, въ небесахъ заступилась за васъ : вамъ нужна ея защита!

Маленькая Клара сложила руки и стала на колѣни.

— Господи! не остави насъ! испугала Марю.

Однако жъ ни какія мольбы и слезы Мары не поколебали Рубенса. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и онъ приступилъ къ быстрому исполненію своихъ желаній, забывая страсти съ Марюю и посещая дѣтей только украдкой.

Описать страданія Мары невозможно: она въ новомъ бракѣ Рубенса видѣла не только оскорбленіе памяти Лизы, но и несчастіе дѣтей, оставленныхъ бѣдною. Елена Фроманъ, какъ вся женщины, которыя возбуждаютъ зависть и заставляютъ говорить людей о своей красотѣ, о своенъ умѣ и положеніи въ свѣтѣ, навлекала на себя множество клеветы и незаслуженной ненависти, чему помогала и гордый нравъ дѣвушки. Каждый ея поступокъ, самый невинный, каждое слово, повторялись, растолковывались и разносились сплетницами по городу, съ безконечными превеличеніями и прикрасами. Маря все это знала, все слышала отъ «вѣрныхъ людей.» Судите же о предубѣжденіи ея противъ дѣвушки, о которой она слышала только дурное; судите же, что она должна была чувствовать, вообразивъ эту дѣвушку на мѣсть Лизы, доброй, вѣрной Лизы, которая умерла отъ слишкомъ вѣрной любви къ мужу!

Когда Маря, отъ имени Рубенса, приказали снести дѣтей къ Еленѣ Фроманъ, она сначала рѣшительно отказала; но потомъ, убѣдившись, что сопротивленіе ея ни къ кому не поведетъ, повиновалась, однако жъ исполнила это такъ, что Елена была чувствительно оскорблена. Съ тѣхъ поръ въ сердцахъ этихъ двухъ женщинъ возникла взаимная ненависть.

Вотъ какъ происходило это свиданіе.

Одѣвъ дѣтей въ траурное платье и безразсудно утвердивъ Кларъ, что они идутъ къ женщинѣ, которую не надо целовать, которая хочетъ сдѣлать ихъ несчастными, хочетъ помыкать имъ молиться о маменькѣ Лизѣ, Маря съ торжественнымъ видомъ взяла Альберта на руку, подала дѣвочкѣ другую, и отправилась къ Еленѣ. Толпа слугъ, въ передней великолѣпнаго дому, съ пренебреженіемъ смотрѣвшихъ на старуху въ старомодномъ нарядѣ, еще болѣе полюбила Марю. Однако жъ, се тотчасъ ввели къ невестѣ Рубенса, которая въ то время была за туалетомъ. Увидѣвъ

дтей, Елена вскочила и бросилась обнять ихъ. Маленькой Альбертъ, не понимавшій благихъ наставленій старшей няни, подставилъ свои румяные, круглыя щеки поцаловать дѣтушки, но Клара отворотила голову и со словами замричала :

— Маленькая Лиза! маленькая Лиза!

— Не плачь, душенька, не плачь!.... у тебя будетъ маленькая Елена! Скажи, хочешь?

Она взяла дѣвочку на руки, но та продолжала кричать и биться.

— Ты меня боишься?... Развѣ я страшная?

— Нѣтъ, отвѣчало дитя, утеревъ глаза, чтобы посмотреть на спросившую : нѣтъ, но ты помышляешь мнѣ молиться о маленькой Лизѣ.

— Кто жъ тебѣ сказалъ это, душечка?

— Это....

Дѣвочка посмотрѣла на Марю.

— Это я, сударыня, слыла отвѣчала старуха.

— Кто жъ вамъ приказалъ такъ говорить? спросила Елена строго, и не ожидая отвѣту обратилась къ дѣтямъ.

— Поди ко мнѣ, милочка! сказала она обвиняя Клару : не бойся, я не помышляю тебѣ ; мы вмѣстѣ будемъ молиться за маленькую Лизу. Вотъ, прибавила она, снявъ съ пальца золотыя четки : вотъ, возьми это въ залогъ. Мы каждый вечеръ будемъ вмѣстѣ молиться по этимъ четкамъ.

Клара, восхищенная красивымъ подаркомъ, взяла четки и протянула руку, чтобы полюбоваться ихъ игрой на солнцѣ. Альбертъ потянулся схватить ихъ.

— И тебѣ тоже, миленькій, я подарю игрушку!.... Вотъ тебѣ пѣпочка.... вотъ тебѣ пирожковъ, которые, вѣрно, еще лучше понравятся.... держи ручки, держи.... вотъ еще, вотъ еще.... Теперь, мѣроу Марю, вы можете идти. Я пришлю дѣтей, вечеромъ.

— Я не оставлю ихъ! Они не останутся здѣсь! вскричала старуха видя себя. Отдайте моихъ дѣтей. Поди сюда, Клара, води!

Но Клара любовалась золотыми четками, прижавшись къ хорошенькой дамѣ, которая держала ея за руку, а Альбертъ,

завѣтъми пирожками, не имѣлъ времени протянуть руку къ старой нянѣ.

Марея вышла, въ отчаяніи.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь тихо отворилась. Вошелъ Рубенсъ. Онъ остановился, неподвижный, съ сердцемъ, трепещущимъ отъ радости, и съ умиленіемъ смотрѣлъ на свою невесту, сидѣвшую на коврѣ, съ дѣтми. Клара, обвивъ руками шею красавицы, цѣловала ее въ щеку; Альбертъ, съ милою, веселою улыбкой, тянулся туда же. Рубенсъ былъ въ восторгѣ, но невольное движеніе измѣнило ему и обнаружило его присутствіе. Елена вскочила и поспѣшно схватила черную шелковую мантилію, стараясь по возможности скрыть очаровательный беспорядокъ своей одежды. Клара побѣжала къ Рубенсу, и Альбертъ пролепеталъ единственное слово, которое умѣлъ говорить:

— Папа!

— О! благодарю, воскликнулъ Рубенсъ, простирая руки къ Еленѣ: благодарю за счастье отца и жениха!

Елена, разгорѣвшаяся отъ игры съ дѣтми, обратила на него нѣжный, свѣтлый взоръ.

— Благодарю, повторялъ Рубенсъ: они нашли въ васъ мать.

— Скажите лучше, сестру, возразила Елена съ улыбкой. Но что до имени! Мы и такъ полюбили другъ друга. — Не правда ли, душечка? Вѣдь ты любишь меня?

— Люблю, отвѣчала Клара, обнявъ ее.

— Ты не будешь плакать, не скажешь больше: ты, злая, хочешь помѣшать мнѣ молиться за маменьку?

Рубенсъ отшатнулся съ изумленіемъ и неудовольствіемъ.

— Да, Поль, между этими невинными, милыми созданіями и вашею невестой уже старались поселить ненависть! Къ счастью, это невозможно: мы уже такъ любимъ другъ друга, что насъ никто не поссоритъ. Не правда ли, мои ангелы?

Она поцѣловала дѣтей.

— Мессиръ Рубенсъ, продолжала Елена, принявъ очаровательный умоляющій видъ: я прошу у васъ первой милости.... Я за это позволю вамъ, чего не хотѣла позволить вчера: поцѣлуйте руку.... Распорядитесь, чтобы эта злая

сом не была въ вашемъ домѣ, когда я приду; отпустите старую служанку, Марю, до нашей свадьбы.

— Марю? повторилъ Рубенсъ съ огорченіемъ и ужасомъ: Марю?

— Да, Марю, сказала Елена, и по левому, чистому лицу ея мгновенно пробѣжало облако неудовольствія.

— Но Маря не служанка: это лучший другъ мой.... нѣ магери!

— А! холодно возразила Елена: вы колеблетесь между Марей и мной? Воля ваша, месьиэръ Рубенсъ! Но моя нога никогда не будетъ въ домѣ, гдѣ меня ожидаетъ ненависть и мести.

— Елена! милая Елена!

Елена, блѣдная, со слезами на глазахъ, отвернулась; потомъ хотѣла еще говорить, но не могла, и вырвалась. Клара подбѣжала къ ней и закричала:

— Папенька, не обижайте душевную Елену!

Рубенсъ глубоко вздохнулъ и сказалъ печально:

— Елена, ваше желаніе будетъ исполнено.

Нѣжная, радостная улыбка вмигъ озарила окропленное слезами лицо красавицы; она подала Рубенсу руку.

— Бѣдная Маря! подумала онъ: бѣдная Маря!

Наступала ночь, когда Маря возвратилась домой, разстроенная, убитая. Дати еще не возвращались, но месьиэръ Рубенсъ, сказавъ, спрашивавъ объ ней нѣсколько разъ. У старухи выступилъ холодный потъ; она предчувствовала новую бѣду. Съ чувствомъ осужденнаго, котораго ведутъ на казнь, пошла она въ комнату Рубенса. Тотъ далъ слугѣ знакъ выйти, и остался одинъ съ Марею. У бѣдной подкосились ноги, она, рыдая, опустилась на колѣни. Рубенсъ стеръ слезу.

— Маря, ты поступила очень неблагоуразумно.... поправить нельзя.... Ты понимаешь, что, послѣ того, что случилось у Блены.... вамъ невозможно жить подъ одною кровлей.

— Она выгоняетъ меня! вскричала Маря, вскочивъ: она выгоняетъ меня!

Клара ея съ дикимъ безумствомъ разбѣжалась по комнатѣ, какъ-бы ища чего-то, руки судорожно сжимались и рас-

жизнью. Но этот припадокъ скоро уступилъ другому: силы оставили ее, она полу-мертвая упала къ ногамъ Рубенса.

— Марса! бѣдная Марса!

— Я чувствую, мессиръ Рубенсъ, я чувствую, что умру.... Но, и вамъ и ей, это ляжетъ на совесть.... Боже мой! Боже мой! мессиръ Рубенсъ! о! мессиръ Рубенсъ, не убивайте меня.... позвольте мнѣ остаться при дѣтяхъ! Я буду покорной рабою ихъ новой матери, я буду угождать, служить ей.... буду даже любить ее.... только.... о, только не гоните меня!

— Не могу, Марса. Пойдемъ вмѣстѣ, попросимъ, чтобъ она простила тебя.

Старуха безропотно подчинилась этому униженію и вошла. Елена безъ труда простила и оставила ее при дѣтяхъ Рубенса.

На третій день праздновали свадьбу.

Главная мастерская Рубенса была въ просторной залѣ, обитой гладко выструганнымъ дубомъ, на темно-коричневомъ грунтѣ котораго очень выгодно для художника рисовались контуры и отдѣлялись оттѣнки поставленнаго образца или натурщика. Въ этой мастерской Рубенсъ написалъ лучшія свои картины и между прочимъ «Снятіе съ Креста», которымъ обладаетъ городъ Антверпенъ и которое считается превосходнѣйшимъ произведеніемъ знаменитаго мастера. Эта картина вся написана рукою Рубенса: тутъ ему не помогали, какъ въ бѣльшей части другихъ работъ, ученики или, лучше сказать, сотрудники, писавшіе подъ его руководствомъ. Жена служила ему натурщицей, когда онъ писалъ въ этой картинѣ кающуюся Магдалину.

Елена стояла на коленяхъ. Богатая свѣтлорусая коса распущенная, долгими прядями упала на полу-закрытые жалюзи; ярко освѣщенный солнцемъ; зеленое шелковое платье роскошно драпировалось вокругъ стройнаго стафу и широкии складками стлалась по полу, нескрывая никакихъ формъ ногъ красавицы не статыцъ никакого обува. Вдру

дверь мастерской шумно отворилась. Елена вскрикнула и побѣжала скрыться отъ нескромнаго посѣтителя, за занавѣсью окна. Раздосадованный Рубенсъ, съ палитрой и кистями быстро пошелъ къ двери, но приготовленное выраженіе неудовольствія уступило мѣсто пріятной улыбкѣ.

— Ничего, Елена! вскричалъ онъ : это Вандикъ, это Антоній!....

Художники обнялись.

— Какъ ты замѣшкался, другъ!.... Ну, что, заплатили-ли тебѣ должную дань, похвалой и золотомъ, за твое «Распятіе»? Что, ты весель?.... радъ?....

— Въ уныніи, въ отчаяніи, мастеръ. Я получилъ только выговоры и неудовольствія : турецкіе каноники говорятъ, что моя картина ни куда не годится. Когда я выставилъ ее, они отвернулись и оставили меня одного со сторожемъ, отъ котораго пришлось еще наслушаться насмѣшекъ. Потомъ стоило довольно труда получить скромную плату за усердную работу, и теперь.... я пришелъ спросить васъ, мастеръ Рубенсъ, — потому что самъ сомнѣваюсь, — быть ли мнѣ когда-нибудь живописцемъ.

— Погоди, они покрасивѣютъ за свое невежество, милый Вандикъ. Не теряй бодрости, вѣрь слову Рубенса : его судъ стоитъ суда турецкихъ канониковъ. Будь смѣливъ! не унывай!

— Нѣтъ, мастеръ Рубенсъ, вскричалъ Вандикъ, съ напруженными слезами на глазахъ : послѣ такого стыда, я не могу оставаться въ Фландріи! Я долженъ ухать изъ страны, гдѣ не могу жить не краснѣя!

— Ну, если ты непременно хочешь ухать, повзжай, мой другъ! Повзжай въ Италію! Изученіе великихъ образцовъ закончить твое образованіе : тебѣ, дѣйствительно, пора ухать; довольно учился у меня! Повзжай!

Рубенсъ отеръ слезу : онъ любилъ Вандика какъ роднаго сына. Чтобы разогнать печальныя мысли, Рубенсъ взялъ кисти и пошелъ къ полотну, но Елена покраснѣла и не рѣшалась снять мантию, въ которую завернулась.

— Ступай, Вандикъ, оставь насъ теперь, сказалъ Рубенсъ съ улыбкою. Вечеромъ приходи къ ужину, на который мы собираемъ друзей, попрощаться на прощанье съ тобой. Да

напередъ взгляни, вотъ, на картину. Что ты объ ней думаешь?

— Я думаю, что одна эта картина могла бы обезсмертить насъ.

— Да, я очень доволенъ ею: мнѣ рѣдко удавалось такъ выразить все, что чувствую. Мнѣ особенно нравится моя вчерашняя работа. Эта рука Магдалины и лицо Маріи.... Что съ тобой? что ты покраснѣлъ?

— О! простите, мастеръ Рубенсъ! Вчера, когда вы ушли, желая взглянуть на вашу картину, я пришелъ съ друзьями.... одинъ изъ насъ упалъ на картину и стеръ лицо Маріи и руку Магдалины. Товарищи просили меня поправить бѣду. Я съ трепетомъ исполнилъ.... Но теперь.... радость....

— Ты лучше меня написалъ, Вандикъ! Эта голова мнѣ больше всего нравится. Не сомнѣвайся же въ себя, другъ! ты превосходишь своего учителя.... Прощай, до вечера!

Когда молодой человекъ вышелъ, Рубенсъ долго смотрѣлъ на части, написанныя ученикомъ; лицо его мало-по-малу омрачилось и голова склонилась подъ тяжестью души. Вдругъ онъ схватилъ шпатель и соскребъ голову Маріи и руку Магдалины, потомъ принялся переносить, во славу пяти или шести неудачныхъ попытокъ, швырнулъ лантру и кисти въ уголь.

— Ахъ, Елена, сказалъ онъ, смутившись: въ сердце человека иногда закрадываются очень низкія чувства! Я не могъ одной минуты, безъ зависти, видѣть, что этотъ молодой человекъ сравнялся со мной.... Между-тѣмъ, ты знаешь какъ я его люблю.

Елена обвила руками шею Рубенса и поцѣловала его въ лобъ.

— Мой милый Поль, зачѣмъ краснѣть такого естественнаго чувства? Твоя страсть къ искусству развѣ не любовь? А любовь можетъ ли существовать безъ ревности? Я женщина, я тоже люблю, и понимаю твое чувство. Я бы страдала, я бы умерла, если бы ты полюбилъ другую женщину столько же какъ меня, хотя бы эта любовь была мгновенна какъ молнія. Такъ же и съ тобой. Ты не можешь стать рядомъ съ соперникомъ въ искусствѣ, которое для тебя — жизнь, наслажденіе и счастье.... Но оставишь это. Развѣселись, Поль.

Ты хочешь собрать друзей сегодня, на вечеръ. Поди же разошли приглашенія, а я съ Петрониллою приготовлю, что нужно.

Пиръ Рубенса славился въ Антверпенѣ. Каждый считалъ за честь присутствовать на нихъ и наслаждаться удовольствіями, которыми умѣли окружать себя знаменитый художникъ и его прекрасная супруга. Какъ ни поздно было слышно приглашеніе, все явилось. Въ половинѣ освятаго, около Елены уже собралась блестящая толпа. Тутъ были князя, громкія и доншии, — Давидъ Теніеръ, фанъ Тульденъ, Корнелій Гёлембургъ, Гергардтъ Гонторстъ, фанъ Эмонтъ, Снейдерсъ, и множество другихъ художниковъ. Въ знатныхъ господахъ и дворянахъ тоже недостатку не было; изъ нихъ особенно комендантъ цитадели, донъ Хуанъ делья Ривейра, былъ доволенъ своимъ входомъ въ докъ Рубенса, хотя онъ, правду сказать, былъ обязанъ этому только своему арестанту, князю д'Арембергу, который содержался въ Антверпенской цитадели, по повелѣнію короля испанскаго. Комендантъ былъ при немъ неотлучно и не сводя глазъ сторожилъ за важнымъ лицомъ, поручившимъ его надзору. Донъ Хуанъ делья Ривейра, старый солдатъ, достигъ своего чину дикою храбростію и нѣсколькими, славно исполненными, услугами Филиппу II, и старался скрыть совершенное отсутствіе воспитанія подъ грозною сановитостію и величественнымъ видомъ своей фигуры, что дѣлало его очень забавнымъ. Какъ въ Антверпенѣ, въ то время, все занималось живописью, то и донъ Хуанъ воображалъ, что ему необходимо завести картинную галерею, и употреблялъ большую часть своихъ доходовъ на покупку художественныхъ произведеній, въ которыхъ зналъ толку, меньше слыаго. Тамъ не менѣе, однако жъ, онъ судилъ малъ и поперегъ объ искусствѣ, не замѣчая улыбокъ, не понималъ насмѣшекъ и сарказмовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, за умерительные промахи. Князь д'Арембергъ по справедливости считался просвѣщеннымъ любителемъ искусствъ; на него-то глядя и почтенный комендантъ заразился страстію къ живописи.

Получивъ приглашеніе, донъ Хуанъ делья Ривейра наделъ свой лучший мундиръ, взялъ самую длинную шпагу и

своего арестанта, и отиравался къ Рубену. Они пришли ровно въ семь часовъ, и крупныя фразы донъ Хуана, его постоянное презрѣніе къ техническимъ выраженіямъ, жестъ съ испанскимъ выговоромъ, достойнымъ донъ Кихота, часто подвергали гостей опасности разразиться громкимъ хохотомъ и нарушить приличіе, о которомъ столько заботилась Елена и ея мужъ. При всей занимательности выходокъ сибора коменданта, Елена замѣтила таинственный, безпокойный видъ своей ключницы Петрониаллы, которую обязанности по хозяйству нѣсколько разъ приводили въ залу. Обыкновенная важность ея и непоколебимое хладнокровіе, казалось, совсѣмъ исчезли: два раза она ошиблась въ ключахъ отворяя буфетъ и, въ разсѣяніи, опрокинула на свой передникъ тарелку съ вареньемъ. Елена уже хотѣла спросить, что это значитъ, какъ обѣ половинки двери распахнулись, вошелъ управитель дому, въ черномъ костюмѣ, съ золотою цѣпочкой на шеѣ, и, постучавъ своею бляхою налочкой, доложилъ, что кушать готово.

Все пошло въ столовую, и Елена поняла таинственность Петрониаллы: противъ стола были поставлены три картины Вандика. Молодой художникъ, при услужливомъ содѣйствіи ключницы, большой охотницы до сюрпризовъ, поспѣшно поставилъ ихъ туфъ, чтобы услышать судъ просвѣщенныхъ цѣнителей. Рубенсъ подбѣжалъ и обнялъ своего ученика, при рукоплесканіяхъ всего общества, а Петрониалла почти раскалалась въ своемъ поступкѣ: за разсматриваніемъ и расхваливаніемъ картинъ прошло больше полчася, и жаркое остыло.

Картины эти действительно были мастерскія произведенія. Одна представляла «Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ», другая «Моленіе на горѣ Элеонской», третья «портретъ маины Рубенса», во весь ростъ, написанный на память, со всю поэзіей мысли, изящностью формъ и вкусомъ въ колоритѣ, которые характеризуютъ Вандика.

Донъ Ривейра, разумѣется, разсыпался въ кудрявыхъ похвалахъ, которымъ не положили конца ни ужинъ ни отлученный аппетитъ знамена. Храбрый гилальго вѣлъ за пятерыхъ и болталъ въ всахъ.

По окончаніи стола, гости пошли въ залу и очень прилично

изумилсь, неожиданно очутившись въ обществѣ дамъ, готовыхъ открыть балъ. Самъ комендантъ рѣшился разстаться со своею длинною шпагой и арестантомъ, чтобы предложить широкую руку хозяйкѣ, которая охотно обошлась бы и безъ этой чести. Музыка заиграла, танцующіе стали по мѣстамъ, какъ вдругъ вошелъ офицеръ и сказалъ что-то на ухо коменданту.

— Четверть часа..... Исповѣдать и на веревку, отвѣчалъ онъ, не принявъ даже предосторожности понизить голосъ.

До коменданта доходила очередь танцовать; онъ обдернулъ огромную лайковую перчатку и сталъ въ позицію.

— Беже мой, что случилось? спросила Елена поблѣднѣвъ.

— Ничего, сударыня; пустяки: лазутчика надо повѣсить: хотѣлъ тайкомъ въ городъ пробраться..... Наша очередь, не угодно ли? пожалуйста руку.....

— Мессиръ комендантъ, сказала Елена, такое преступленіе еще не заслуживаетъ смерти. Я прошу у васъ помилованія этому несчастному.....

— Помиловать лазутчика, сударыня? вскричалъ донъ Рибейра съ изумленіемъ, вздернувъ усы: помиловать лазутчика! Что жъ тогда военные законы?

Онъ подалъ знакъ офицеру, чтобъ тотъ исполнилъ приказаніе. Елена загородила дорогу.

— Донъ Хуанъ, сказала она, схвативъ своими нѣжными руками огромныя руки коменданта: здѣсь дѣло идетъ о вашей репутаціи учтиваго кавалера, о моей къ вамъ дружбѣ или ненависти! Умоляю васъ, помилуйте его!

— Помилуйте, помилуйте, комендантъ! воскликнули всѣ дамы, окруживъ усача.

— Вотъ счастливый плутъ! Пусть вамъ скажетъ спасибо, отвѣчалъ онъ наконецъ съ улыбкою бульдога, у котораго отвали кость. Пусть его живетъ!..... Вы можете имѣть удовольствіе сами объявить ему помилованіе, котораго онъ, конечно, не ожидаетъ. Антоніо, приведите сюда лазутчика.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣднякъ вошелъ, связанный, блѣдный, и не смѣлъ поднять глазъ на коменданта, который громовымъ голосомъ началъ вопросъ.

— Я не лазутчикъ, скромно отвѣчалъ арестантъ; клянусь вамъ, мессиръ комендантъ, я не лазутчикъ. Несчастіи за-

ставиши меня оставить Амстердамъ, гдѣ я жилъ три года. Вчера меня обобрали воры на большой дорогѣ, отняли последнее.....

— Вздоръ! признайся, признайся, что ты лазутчикъ Нидерландовъ, съ которыми его величество король испанскій, мой государь, въ войнѣ. Признайся, ты лазутчикъ?

— Лазутчикъ!..... я?..... Боже мой, какой я лазутчикъ!..... Я знаю, что вы мнѣ не повѣрите, но повторяю вамъ, что я бѣдный живописецъ, и только.

— Живописецъ! вскричалъ комендантъ, опрокинувшись въ креслахъ, отъ хохоту: ты живописецъ?..... ты?

— Да, отвѣчалъ арестантъ, съ благородною гордостью поднявъ голову: я живописецъ!

— Соперникъ Рубенса? Понимаю!

— Нѣтъ; потому что у Рубенса нѣтъ соперниковъ. Но живописецъ, которому Рубенсъ подаль бы руку и сказалъ: Здравствуй, братъ.

— Испытаемъ! Рег Вассо, дружнице! Тебѣ дадутъ полотно и кистей. Если ты напишешь что нибудь лучше трактирной вывѣски, — полную свободу даю; а не напишешь — веревку на шею и..... тамъ самъ знаешь, что будетъ.

— Согласенъ.

— Антонио, вели развязать ему руки и, подъ хорешимъ карауломъ, запереть въ какую-нибудь комнату. Я даю ему часъ времени.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричали всѣ свидѣтели этой сцены: нѣтъ пусть здѣсь, при насъ, выдержитъ испытаніе!

— Пожалуй, какъ вамъ угодно! Ха, ха, ха! вотъ увидите-то!..... Послѣ сотрешь ногами, когда будешь болтаться на..... ха, ха, ха!

Принесли всѣ принадлежности къ живописи и развязали бѣдному арестанту руки, нематые и распухлыя отъ веревки.

— Ничего, говорилъ онъ, потирая одну объ другую, чтобы разогрѣть ооченьвшіе пальцы: ничего, я очень жалею имѣть дѣло съ знатокомъ.

— Увидимъ, сказалъ съ улыбкою Юрденсъ: мессиръ комендантъ донъ Хуанъ делья Ривейра именно такой знатокъ, какого вамъ нужно.

Комендантъ закрутилъ усъ. Улыбка Юрденса пробилась

по всему собранію. Незнакомецъ безпечно повелъ вокругъ глазами, какъ-будто ища чего-то и не зная къ кому обратиться съ вопросомъ. Наконецъ онъ замѣтилъ мефру Петронию, которая пришла подослать маленькій коверъ подъ треножникъ, чтобы арестантъ-живописецъ не замаралъ навошеннаго полу грязными ногами.

— Ради Бога, мефру, сказалъ онъ, если вамъ что-нибудь значитъ спасеніе жизни бѣднаго человека, прикажите мнѣ дать бутылку вина: я не ѣлъ сегодня и умираю съ холоду.... Какъ тутъ писать? Гдѣ взять воображенія!

Петрония тотчасъ велѣла исполнить желаніе гостя. Тотъ схватилъ бутылку и разомъ ее опорожнилъ; потомъ поднялъ волосы, которые въ беспорядкѣ унадали ему на глаза, и открылъ черты обыкновенныя, но оживленныя умнымъ выраженіемъ и чувствомъ. Взявъ кисти, онъ бойко принялся за работу и набросалъ эскизъ, изъ котораго скоро вышла небольшая картина, исполненная остроумія и правды. Она представляла нѣсколько испанскихъ солдатъ, играющихъ въ карты. Физиономіи лицъ и волевовавшія ихъ страсти, художникъ выразилъ очень счастливо; но главною и превосходнѣйшей фигурой былъ старый жандармъ: сидя на корточкахъ, разинувъ ротъ, украшенный только двумя зубами, онъ съ жадностію и страхомъ рассчитывалъ коды. Все это было съ жаромъ схвачено и мастерски исполнено.

Всѣ въ безмолвіи слѣдили за работою живописца. Когда картинка получила видъ, онъ снялъ ее и подалъ комманданту.

— Я живописецъ? спросилъ онъ, смѣло глядя въ глаза донъ Хуану.

— Ты мазилка! ты обманулъ меня, и дорого заплатишься! вскричалъ коммандантъ, швырнувъ картину.

Рубенсъ поспѣшно поднялъ ее.

— Полноте шутить, донъ Ривейра: вы ужъ довольно испугали своего арестанта. Это, просто, мастерское произведеніе, не правда ли, Йорденсъ? не правда ли, Вандикъ?

Всѣ отвѣчали изъявленіемъ удивленія и энтузіазма.

— Это картина, которая стоитъ по крайней мѣрѣ триста рейхстаалеровъ, замѣтилъ старикъ Тербургъ, по своему

обликованною иънвившій во столько-то талантъ хорошаго художника.

— Я ему заплачу эти деньги, сказала князь д'Аренбергъ, подвывая живописцу пошелекъ.

— Теперь остается узнать только имя, прибавилъ Рубенсъ, и я вамъ скажу его. Только одинъ человекъ въ Фландри можетъ писать предметы этого рода такъ превосходно: это—Брауеръ.

— Истинно, такъ, мессиръ Рубенсъ! Потому что никто въ свѣтъ кромъ Рубенса не можетъ судить обо мнѣ такъ мягко съ перваго взгляду. Да, господа я Адрианъ Брауеръ, котораго несчастная судьба ни за что бросила въ темницу мессира коменданта.....

— И котораго несчастія здѣсь кончаются, товарищъ, прервалъ Рубенсъ. Съ этой минуты, мой домъ будетъ твоимъ! Ты найдешь здѣсь гостепріимную кровлю, постель для отдыха, сытный столъ, услужливыхъ слугъ, и когда вздумашь писать, — кисти, краски, все, что хочешь.

— Съ признательностью принимаю ваше предложеніе, безъ околнчностей, особенно постель: признаюсь, я мало спалъ съ-такъ-поръ какъ меня обобрали воры и какъ лежалъ на саломъ мессира коменданта, имѣя въ перспективѣ веревку.

— Петровна, отведи и покажи мастеру Адриану комнату, сказала Елена.

— Это я вамъ, мезроу, буду обязанъ спокойнымъ и пріятнымъ сномъ; послѣ того какъ вы бутылкою вина спасли меня отъ висѣлицы! вскричалъ Брауеръ, прощаясь съ Петровниною: почитаю себя счастливымъ быть вамъ обязаннымъ такой прекрасной особѣ.

Сказавъ это, Брауеръ поднесъ къ губамъ мясистую руку сорока пяти-лѣтней красавицы, и вагаянулъ на нее такъ выразительно, что бѣдная затрепетала отъ радости и тѣвшею стыдливости.

Между-тѣмъ гости разъѣхались; къ залѣ остались только Рубенсъ и Вандикъ.

— Другъ мой, сказала Рубенсъ, какъ ни тяжело, а надоно расстаться. Прощай! Приведеть ли Богъ снова свидѣсь.... Возьми этотъ перстень, на память обо мнѣ; возьми и

этот кошелекъ, въ которомъ тысяча рейхсталеровъ. Ты знаешь, я люблю тебя какъ сына, а сынъ можетъ принять подарокъ отъ отца. У крыльца ты найдешь мою белую лошадь, на которой ты такъ любишь ѣздить. Прощай!

Мастеръ и ученикъ безмолвно обнялись, и Рубенсъ, прихвативъ луны, опершись на перила балкона, долго смотрѣлъ въздъ Вандику, который на каждомъ шагѣ останавливался, чтобы еще разъ взглянуть на домъ благодѣтеля.

Прошло много лѣтъ впродолженіи которыхъ Петръ-Павелъ Рубенсъ велъ счастливую, славную и богатую радостями жизнь художника, окруженный уважавшими его друзьями, прекрасными, почтительными дѣтьми и доброю, милою женой, которая сначала прельстилась только блескомъ и знаменитостью великаго художника-дипломата, но потомъ отъ всей души полюбила его самого, его сердце, его душу. Рубенсъ то работалъ въ своей мастерской, въ кругу товарищей и учениковъ, то путешествовалъ, ѣздилъ ко двору испанскому для переговоровъ, служилъ посредникомъ между Нидерландами и Филиппомъ III, примирилъ ихъ и стяжалъ дань благодарности и энтузіасма своихъ согражданъ; которые называли его «благодѣтелемъ отечества»; то онъ былъ въ Парижъ, также въ качествѣ посредника, стараясь примирить сына съ матерью, — Людовика XIII съ Марією Медичи, — но неровный бой его благороднаго прямодушія и чистости съ хитрымъ пронырствомъ кардинала Ришліе, былъ безуспѣшенъ; то онъ собиралъ картины, статуи, обрѣщомыя произведенія искусства для своей галереи и по вѣрученіямъ монарховъ. Въ одну такую позадку Рубенсъ былъ въ Амстердамъ, и сошелся съ Рембрантомъ, у котораго въ мастерской написалъ портретъ своей жены Елены, картину именованную подъ названіемъ «Соломенная шляпа».

Въ 1640 году, въ ясный осенній день, въ городъ Антверпенъ въѣхалъ путешественникъ и удивился необыкновенной тишинѣ на улицахъ, какъ-бы накрытыхъ мрачными непрозрачными всеобщей печали: былъ Праздникъ Жатвы, который жители Антверпена обыкновенно праздновали шумно

нымъ веселіемъ, а тутъ — ни одной громкой пѣсни, ни одного восклицанія радости; куранты на городской башнѣ молчали, колокола собора не оглашали воздуху торжественнымъ звономъ; обыватели уныло стояли на порогахъ своихъ домовъ, и съ безпокойствомъ о чѣмъ-то разспрашивали каждаго прохожаго, который отвѣчалъ пожимая плечами или покачивая головой, и продолжалъ свой путь, пока не остановитъ другой любопытный. Путешественникъ подъѣхалъ къ крыльцу гостинницы, чтобы спросить у стоявшаго на порогѣ хозяина о причинѣ такой тишины и таинственности во всемъ городѣ.

— Вотъ печальный праздникъ у васъ нынче! сказалъ онъ сойдя съ лошади, толстому Фламандцу, который поглядывалъ то въ домъ, то на улицу: вѣрно, дѣла въ этомъ году плохо идутъ въ Антверпенѣ, что въ праздникъ нѣкто не веселится?

— Нѣтъ, дѣла — слава Богу, мессиръ; да магистратъ запретилъ справлять праздникъ, пока не минуетъ несчастье, которое грозитъ городу Антверпену.

— Какое же это несчастье?

— А! вы, стало-быть, сейчасъ пріѣхали, что не знаете? Это — опасность, въ которой находится мессиръ Рубенсъ: умираетъ.

Эта новость такъ поразила путешественника, что онъ поблѣднѣлъ, ноги подкосились, онъ принужденъ былъ сѣсть на ступени крыльца.

— Весь городъ въ уныніи, какъ вы видали; въ церквахъ день и ночь служатъ молебны....

Но путешественникъ не слушалъ: опомнившись отъ перваго удара, онъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ дому Рубенса.

Несчастная толпа окружала этотъ домъ; однако жъ, несмотря на скопище, не слышно было ни малѣйшаго шума, кромѣ глухаго шопоту, который не могъ доходить до больного. Если какой-нибудь экипажъ направлялся въ ту сторону, народъ тотчасъ заставлялъ его своротить въ другую улицу, чтобы стукомъ колесъ не встревожить покоя для не раздражить боли страждущаго. Каждые четверть часа

на лестницѣ являлся старшій слуга, который приносилъ собранннмса надежду или безвѣкойство.

— Мессевру Рубенсу легче, говорилъ онъ.

И счастливая вѣсть, вполголоса, пробѣгала по всей толпѣ и уносилась во всѣ части города.

— Припадокъ становится сильнѣе.

Этихъ словъ достаточно было для уничтоженія всѣхъ улыбокъ и возбужденія страху въ каждомъ. Поминутно являлись пажы и слуги въ богатыхъ ливреяхъ, отъ имени своихъ господъ осведомиться о состояннн больного. Путешественнику стоило много труда пробраться до стараго слуги Рубенса.

— Ахъ! это вы, мастеръ Вандикъ? Въ черншй день вы вернулись! Мой добрый баринъ умираетъ!....

— Можно ли мнѣ войти къ нему? спросилъ Вандикъ.

— Какъ же вамъ не войти?... Ахъ, не радостнее увидите! Болѣзнь такъ быстро его скрутила, что страхъ. Онъ-таки, правду сказать, въ послѣднее время все прихварывалъ, одио жъ работалъ; а тутъ, третьяго дня утромъ, смотрю, вадно; что долго не звонить?... подождалъ еще часъ; тутъ вошелъ ужъ самъ въ спальню.... Боже ты мой, Господи!... Лежить, бьется, безъ памяти! Позвали докторовъ, кровь бросили : очувствовался, да болѣзнь-то не проходитъ. Въ бреду все твердить : «Искусство! Слава!» Барыня въ отчаяннн; дѣти безвыходно у него.... Подите, мастеръ Вандикъ; онъ обрадуется вамъ.

Вандикъ вошелъ въ комнату Рубенса и сталъ на колѣни между его дѣтьми. У изголовья сидѣла, въ слезахъ, Елена, которой скорбь, казалось, грозила разрушить красоту и прелести, пощаженныя годами. Услышавъ легкшй шумъ, больной медленно приподнялъ голову и, увидавъ своего бывшаго ученика, подалъ ему руку, которую тотъ, рыдая, поцѣловалъ.

— Благодарю Господа, что онъ привелъ тебя въ этотъ торжественный часъ, сказалъ Рубенсъ слабымъ голосомъ : я люблю тебя какъ сына.... Когда отецъ умираетъ, ему приятно видѣть всѣхъ своихъ дѣтей.

Рыданія Вандика прервали Рубенса, который тихо склонилъ голову и положилъ руку въ руку жены.

Черезъ нѣсколько минутъ, на улицѣ, толпа волнуалась; шопотъ сталъ тревожнѣе, слышались даже восклицанія. Прибылъ священнослужитель съ причетомъ; народъ разступился и пропустилъ его въ домъ. Все смолкло. Воцарилась гробовая тишина, которая продолжалась около часу. Тутъ отворилось окно и духовникъ торжественно сказалъ народу:

— Молитесь! Душа праведнаго передъ Богомъ.

Восклицаніе глубокой скорби было отвѣтомъ. Горестникъ вѣсть въ минуту разнеслась по городу, и церковь наполнилась народомъ, молившимся за упокой души того, кому Антверпенъ обязанъ своею славой, блескомъ и богатствомъ. Магистратъ единодушно положилъ воздвигнуть Рубенсу монументъ, въ видѣнъ изъ предѣловъ церкви Святаго Іакова. Въ день похороны передъ гробомъ несли большую черную бархатную подушку, на которой стояла золотая корона. Вся знать, духовенство, художники и любители, все граждане антверпенскіе были на погребеніи.

Донныя, подъ алтаремъ капеллы, гдѣ похороненъ Рубенсъ, есть картина, въ которой изображенъ онъ самъ, съ отцомъ и обвѣннъ женами. Передъ алтаремъ стоитъ прапорная гробница знаменитаго художника, съ предлинною надписью.

Нынче, въ Антверпенѣ, каждый ребенокъ знаетъ имя Рубенса, и съ почтеніемъ вамъ укажетъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ знаменитаго художника.

==

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

ЧТЕНИЕ ТРЕТІЕ.

VII.

Облагороженіе и породъ въ овцеводствѣ сортомъ соответствующаго совокупленія.

Какъ бы ни было незначительно улучшение рунъ, произведенное временемъ, подъ вліяніемъ случайныхъ благоприятныхъ наружныхъ обстоятельствъ, однако жъ оно не могло не быть замѣчено овцеводами, которые, естественно, стали предпочитать животныхъ, доставляющихъ лучшее произведение и, слѣдовательно, болѣе выгодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что постоянное совокупленіе между собою такихъ выбранныхъ животныхъ, при содѣйствіи тѣхъ же благоприятныхъ обстоятельствъ, которыя первоначально произвели ихъ улучшение, должно было образовать въ нихъ хорошія качества, передаваемыя потомству. Однако жъ, между улучшенными домашними животными, всегда родится нѣсколько такихъ, которыя своими качествами превосходятъ остальныхъ. Эти-то, лучшія, животныя, выходящія изъ ряду обыкновенныхъ, нарочито выбираемыя на племя,

исподволь и при благоприятныхъ обстоятельствахъ, постепенно возвышала достоинство своей породы, и такой ходъ улучшения замѣчается и теперь во всѣхъ видахъ различныхъ домашнихъ животныхъ. На этомъ-то постоянномъ выборѣ для племени, случайно родящихся, лучшихъ животныхъ, основывается облагораживаніе худшихъ породъ и произведеніе новыхъ; эти же породы образовались въ новѣйшія времена саксонскіе мериносы, и изъ нихъ, въ нашихъ глазахъ, выводятъ тончайшія длинношерстныя овцы. Такимъ же точно образомъ, при помощи человека, произошло множество другихъ облагораживаній породъ различныхъ домашнихъ животныхъ, особенно въ Англіи, которая отличилась на этомъ поприщѣ, какъ разведеніемъ породъ рогатаго скота, такъ особенно овецъ, между которыми замѣчательнейшая — ~~длинношерстная~~.

Такое искусственное облагораживаніе породы въ самой себѣ, безъ примѣси посторонней, болѣе благородной, крови, это, такъ сказать, «самоулучшеніе» (*Inzucht* — Ничесть, *Breeding in and in* — Англичанъ), по необходимости составляло первый разумный способъ, посредствомъ котораго человеческая промышленность усовершила полезныя качества первобытныхъ животныхъ, до степени, требуемой необходимостью или роскошью. Способъ этотъ отъчасти требуетъ усилій. При неуспѣшномъ вниманіи, чрезвычайно точномъ выборѣ лучшихъ племенныхъ животныхъ, при содѣйствіи обстоятельствъ зависящихъ отъ климата и мѣстности, овцеводъ, сообразно своимъ намѣреніямъ, доходитъ до цели только чрезъ длинный рядъ поколѣній, въ теченіе значительнаго времени. Зато породы, выведенныя улучшеніемъ въ самихъ себѣ, то есть, породы «самоулучшенныя», обладаютъ высокою самостоятельностью, или способностью постоянно передавать большинству своего потомства всѣ присвоенныя себѣ качества. Эта способность воспроизводить свои качества и достоинства въ дѣтяхъ, усиливается со временемъ до такой степени, что даже и при различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ (какъ напримѣръ, при переменѣ климата и мѣстности, или при смѣшеніи съ другими низшими породами), удерживается, болѣе или менѣе времени, въ породѣ самостоятельно-облагороженной, и не вовсе

улучшается въ ея потомствѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая порода «самоулучшенная», хотя и черезъ многія по-
ложенія, однако же достигаетъ до той же степени самостоя-
тельности, которую обладаетъ чистая, кровная, благород-
ная порода.

Но улучшение породы, посредствомъ смѣшенія низшихъ
племенъ съ кровными, гораздо удобнѣе, легче и скорѣе пре-
ращаетъ простыхъ овецъ въ тонкорунныхъ, чѣмъ само-
улучшеніе безъ смѣшенія, и потому, со времени распростра-
ненія въ Европѣ мериносовъ, способъ этотъ совершенно
вытѣснилъ изъ употребленія самоулучшеніе, составлявшее
прежде, во многихъ мѣстахъ Германіи и Англіи, единствен-
ное средство, которымъ овцеводы пользовались для усовер-
шенствованія рунъ своихъ стадъ. Успѣхъ отъ мѣшкатнаго,
затруднительнаго, самоулучшенія былъ различный, смотря
по средствамъ, постоянству и знанію дѣла хозяевъ; но во
всѣмъ случаѣ онъ оказался недостаточнымъ на то чтобы
испорочно доказать свою возможность. Должно думать, что
если бы введенные въ Германію мериносы не перебили на-
чатаго такимъ образомъ улучшенія, то, вѣроятно, въ тепе-
решее время тамъ бы уже существовали порядочныя тон-
корунныя овцы, какъ онѣ существуютъ въ Англіи.

Дети, отъ совокущенія родителей двухъ различныхъ по-
родъ, слѣдуютъ то болѣе съ отцомъ, то съ матерью, за-
нимая различныя качества отъ того и другой, а часто до
такой степени соединяютъ въ себѣ ихъ формы и свойства,
что представляютъ новую, среднюю породу. Необходи-
мо это доказываетъ, что на произведеніе и образованіе
пришла оба родителя имѣютъ равное вліяніе, измѣняемое
разнаглѣніемъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ.
Замѣтельно, однако жъ, что вообще перевѣсъ въ переда-
чѣ своихъ качествъ принадлежитъ тому изъ двухъ роди-
телей, который самъ происходитъ изъ породы болѣе ста-
ршей, болѣе самостоятельной и размноженной безъ при-
мѣшанности чуждой крови, такъ, что при равной самостоя-
тельности двухъ совокущаемыхъ породъ, потомство наследу-
етъ качества обѣихъ. Примеры тому, видны не только на
овцахъ, у которыхъ, по сходству между собою всѣхъ по-
родъ, явленія эти, менѣе рѣзки, но и на всѣхъ различныхъ

видахъ другихъ домашнихъ животныхъ, какъ, напримеръ, на лошакахъ и мулахъ; которые представляютъ въ равной степени съясь качества равно самостоятельныя а именно лошадиного и бычьяго, отъ которыхъ происходятъ. Вслѣдствіе другомъ случаѣ перевѣсъ воспроизводительной способности наследственныхъ качествъ всегда окажется на сторону того изъ двухъ родителей, который самъ чаще порождаетъ; и потому-то кроуны мериносы, при совокупленіи съ иными породами, передаютъ потомству значительную часть своихъ качествъ. Случается, однако жь, что если простая порода совершенно самостоятельна, какъ напримеръ наши простыя русскія овцы, то отъ совокупленія такой матки съ бараномъ мериносовымъ чистой крови, следовательно весьма самостоятельнымъ, дѣти рождаются, или совсѣмъ въ отца, или совсѣмъ въ мать, смотря по перевѣсу въ степени самостоятельности котораго-нибудь изъ нихъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, нельзя не допустить исключеній, зависящихъ отъ влияния обстоятельствъ во время самаго зачатія.

Неоспоримо, что родители передаютъ дѣтямъ собственныя свои формы и качества; но совсѣмъ тѣмъ, природа и въ этомъ случаѣ соблюдаетъ особый, постоянный, порядокъ. Замѣчено, что формы и качества шерсти переднихъ частей своего тѣла, агнеюкъ заимствуетъ болѣе отъ отца, тогда какъ заднія его части, образуются преимущественно по матери. Обстоятельство это объясняетъ чрезвычайную медленность, встречаемую въ облагороживаніи шерсти на заднихъ частяхъ тѣла потомства, происшедшаго отъ совокупленія простыхъ матокъ съ кровными мериносовыми баранами, между-тѣмъ какъ переднія части тѣхъ же агнеюкъ, часто уже въ первомъ или второмъ поколѣніи, покрыты руномъ высшаго достоинства. Какъ бы ни было постоянно поддерживаемо облагороживаніе простыхъ породъ посредствомъ лучшихъ кровныхъ барановъ, шерсть на заднихъ частяхъ тѣла ихъ агнеюкъ, образующаяся преимущественно по образцу шерсти некровной, простой, матери, улучшающаяся на поколѣніи весьма медленно и едва замѣтнымъ образомъ: изъ всѣхъ частей тѣла, крестецъ и задніе окорока, наиболее упорствуютъ противъ улучшенія. Поэтому-то и можно безошибочно судить о достоинствахъ и самостоятельности

ности породы стада, по степени превосходства шерсти, определяющей задняя часть составляющих его овец; по той же причине овца справедливо ценится темъ выше, чѣмъ ближе шерсть заднихъ частей подходитъ достоинствомъ къ маточной. Теперь явно, почему возможно совершенное уравненіе руна на всѣхъ точкахъ стада овецъ составляетъ несомнѣнный знакъ древности, чистоты и совершенной самостоятельности породы. Вліяніе барана на переднюю часть стада ягненокъ особенно видно изъ того, что мериносо-вые бараны, слученные съ простыми матками, обыкновенно производятъ дѣтей съ прекрасно завитыми рогами, принадлежностью мериносовъ. Следовательно, при выборѣ племенныхъ барановъ должно болѣе всего смотреть на достоинство шерсти ихъ переднихъ частей; тогда какъ матки, определяемая племя, должны преимущественно отличаться хорошо образованнымъ широкимъ крутомъ, покрытымъ шерстью высокой доброты. Тогда только племя ихъ будетъ хорошаго качества.

Замѣчено тоже, что формы тѣла, или стати, въ ягненокъ вообще болѣе образуются по отцу, а величина или ростъ, по матери. Обстоятельство это менѣе важно для тонкоруннаго овцеводства чѣмъ для другихъ вѣтвей скотоводной промышленности; но не менѣе того, некоторая условная красота въ развитіи формъ и соответственный высочій ростъ овецъ, льститъ глазу и доставляетъ большее количество шерсти; оттого и въ тонкорунномъ овцеводствѣ обращаютъ вниманіе на произведеніе пріятныхъ формъ и возможно болѣе величину тѣла. Не должно, однако жь, стараться о чрезмерномъ увеличиваніи росту тонкорунныхъ овецъ, посредствомъ слишкомъ сильнаго корму производимаго ягненокъ, зная что вмѣстѣ съ прибавленіемъ росту выше средней мѣры, свойственной тонкоруннымъ животнымъ, дѣлается жижее, шерсть видимо грубѣетъ и становится длиннѣе, извилина ея растягиваются и, наконецъ, почти вовсе расправляются, что очевидно доказываетъ образъ тѣла, крупныхъ низовыхъ и англійскихъ длинношерстныхъ породъ. Овцеводамъ нѣтъ никакой надобности гнать за особенною величиною росту ихъ стада, темъ болѣе, чѣмъ кормить, удовлетворяемому для содержанія какого члена

больших овец; покрытых дурною шерстью; или со-
держатъ большее число малорослыхъ, требующихъ, сравни-
тельно, гораздо меньше пищи, а носившихъ руна лучшей
доброты и цѣнности. Но если бы кто, несмотря на эту важ-
ную невыгоду, захотѣлъ усвоить породу овецъ высокой
росту, тому не достаточно было бы только постоянно выбра-
вать для племени большихъ матокъ и барановъ: замѣчено,
что кормъ, производимый ягнятамъ въ молодости, имѣетъ
весьма значительное вліяніе на послѣдующую величину ту-
ловища животныхъ. Опытъ показалъ, что всѣ породы до-
машнихъ животныхъ, самыя рослыя, скудуютъ и терпятъ
своей крупный ростъ, когда имъ производится бѣдный кормъ,
а напротивъ того, мелкія породы на сытномъ корму, при
сообразномъ содержаніи, исподволь крупнѣютъ. Часто слу-
чается, что обильнѣе наследственно крупнои и весьма са-
мостоятельной породы приписываютъ вліянію климата,
тогда какъ оно не что болѣе какъ послѣдствіе не довольно
хорошаго и недостаточнаго корму. Особенно дѣйствуетъ на
ростъ содержаніе въ первые мѣсяцы жизни, такъ, что жи-
вотныя, скудно кормленныя съ первыхъ дней своего суще-
ствованія, остаются малорослыми, хотя бы впоследствии и
доставлялось имъ корму вдоволь. Хорошо кормленные ягня-
та, уже на осьми-мѣсячномъ возрастѣ не многимъ чѣмъ от-
стаютъ величиною отъ своихъ матерей, тогда какъ худо
кормленнымъ въ молодости, никакими способами нельзя по-
слѣдствіемъ прибавить росту. По этой причинѣ вообще приня-
то производить шести-недельнымъ ягнатамъ; для обиль-
нѣе развитія ихъ развитія, некоторое количество зернова-
го корму, которое, однако жъ, для тонкорунныхъ овецъ, не
должно превышать известнаго средняго количества, пото-
му что, при слишкомъ сильномъ увеличеніи объема тѣла,
шерсть на немъ неминуемо дѣлается толще а руно жидко.

Кромѣ этого неудобства замѣчено еще, что отъ чрезмѣр-
но сильнаго корму въ молодости, терятся красная, и
свѣдшая порода, соразмѣрность въ формахъ, и это отъ
того, что при скоромъ развитіи частей тѣла, кости, такъ какъ
отстаютъ въ ростѣ, остаются несообразно тонкими въ
сравненіи съ мяскими частями, которыя развиваются бы-
стрее частей твердыхъ. Въ свѣдствіе такого способа

жана, или откармливания, нѣжныхъ молодыхъ животныхъ, ноги ихъ остаются слишкомъ тонкими и голова чрезмерно мала въ сравненіи съ объемомъ туловища. Известный англійскій скотоводъ Баквелъ, основываясь на этомъ наблюденіи, образовалъ такимъ способомъ особую породу овецъ, которой отличительнымъ свойствомъ стали не соразмѣрно тонкія кости при чрезвычайно большихъ мясистыхъ частяхъ. Выгода этой породы состоитъ въ томъ, что для откармливанія нужно относительно меньшее количество корму, потому что развитіе нѣжныхъ костей требуетъ ему немного, и онъ, почти весь, идетъ на образованіе частей мясистыхъ. Порода эта, посредствомъ самоулучшенія, сдѣлалась самостоятельной и наследственно передаетъ потомству свои формы и качества.

Мы не имѣемъ еще достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, точно ли баранъ преимущественно передаетъ качества своей шерсти ягненку-самкѣ, между тѣмъ какъ ягненокъ-самецъ больше наследуетъ образованіе руна и качества шерсти матери, какъ замѣтили нѣкоторые овцеводы. Если принять въ соображеніе, что въ самыхъ лучшихъ стадахъ, снабженныхъ превосходными баранами, между приплодомъ вообще найдешь больше отборныхъ матокъ чѣмъ барановъ, то, кажется, что наблюденіе это не лишено основанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что по нѣжнѣйшему образованію организма и кожи овецъ, шерсть ихъ вообще бываетъ тоньше и правильнѣе образована чѣмъ шерсть барановъ; и потому проверка точности этого обстоятельства не такъ-то легка, если дѣло идетъ объ одной или двухъ десяти-тысячныхъ частяхъ дюйма въ толщину волосинки. Вмѣстѣ съ этимъ утверждали, что длина и густота шерсти передается овцами преимущественно дочерямъ. Это послѣднее предположеніе кажется мнѣ вовсе несправедливымъ, потому что я на собственномъ моемъ стадѣ имѣлъ случай убѣдиться въ противномъ: я именно замѣтилъ, что баранъ имѣетъ очевидное вліяніе на густоту, длину, и, вообще, на пышный ростъ шерсти рожденныхъ отъ него ягнятъ-самокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, второе отдѣленіе моего стада было составлено изъ заграничныхъ матокъ чрезвычайно тонкошерстныхъ, которыхъ руна, однако жъ, были очень жидки, скудны, и

косячки вообще очень коротки; но рожденные отъ нихъ и отъ густошерстныхъ барановъ ягнята, вообще отличаются густымъ, пышнымъ, руномъ высокаго качества, особенно же молодыя матки, нынѣ составляющія это стадо, въ этомъ отношеніи ни мало не уступаютъ своимъ отцамъ, чего бы не могло быть, если бъ сказанное предположеніе было справедливо. Впрочемъ, обстоятельство мною замѣченное, и вообще вѣрное, отнюдь не безъ исключенія, что каждый овцеводъ могъ неразъ замѣтить. Конечно, въ числѣ многихъ ягнятъ, отъ одного и того же барана, нынѣ ярки явно несутъ на себѣ отпечатокъ формъ и качествъ матерей, тогда какъ многіе барашки рождаются всѣми статьями и качествами шерсти въ отца. То же самое безъ-сомнѣнія случается и во всѣхъ другихъ породахъ домашнихъ животныхъ.

Такія отступленія природы отъ обыкновеннаго порядку часто зависятъ отъ различной степени благородства каждаго изъ родителей. Замѣчено, что равномѣрное участіе въ наследственной передачѣ присвоенныхъ качествъ отъ родителей дѣтямъ, тогда только достоверно, когда и баранъ и овца принадлежатъ къ породѣ равно самостоятельной. Напротивъ, при слученіи кровнаго барана съ овцою смѣшанной породы, въ ягненкѣ окажется болѣе отцовскихъ чѣмъ материнскихъ качествъ. Такъ, на примѣръ, отъ совокупленія кровнаго мериносоваго барана съ простою русскою овцою, происходятъ ягнята, составляющіе, въ отношеніи формъ и качествъ руна, нѣчто среднее между своими родителями, которые оба принадлежатъ къ двумъ одинаково самостоятельнымъ породамъ. Но если случить барана смѣшанной породы, шлёнскаго, еще мало самостоятельнаго, съ такой же простою русскою овцою, то приплодъ ихъ будетъ болѣе въ мать чѣмъ въ отца, потому что одна принадлежитъ къ породѣ совершенно самостоятельной, тогда какъ другой обладаетъ менѣе важною воспроизводительною силою. Если же случать между собою двухъ шлёнокъ, разной степени благородства, то ягненку ихъ передадутся качества того изъ родителей, чья порода считаетъ большее число облагороженныхъ коленъ.

Ягнята, происходящіе въ первомъ поколѣніи отъ совокупленія кровнаго мериноса съ простою русскою овцою, болѣе

шею частью одарены по-ровну качествами обоих родителей, но случается и то, что удаются иногда больше въ отца, иногда больше въ мать; когда же ярку этого цѣпаго удчаемаго поколѣнія, случить съ кровнымъ бараномъ отцовской породы, или просто съ отцомъ, те отъ такого совокупленія не всегда родится ягненокъ превосходящій мать благородными качествами руна, но часто второе поколѣние родится, или совсѣмъ въ свою простую бабу, или, напротивъ, весьма близко подойдетъ къ благородному дѣду; однако жъ, замѣчено, что первое изъ этихъ сходствъ встрѣчается гораздо чаще чѣмъ второе. Оно не редко встрѣчается и въ третьемъ поколѣнн, воспроизводящемъ иногда, совершенно неожиданно, простыя качества прабабки, которыя въ предъидущемъ поколѣнн казались совершенно уничтоженными. Со всѣмъ тѣмъ, при постоянномъ употребленн кровныхъ барановъ, качества ихъ больше и больше укрѣпляются въ приплодъ, и, начиная съ четвертаго поколѣнія, ягнята ближе и ближе подходятъ къ кровнымъ отцамъ. Кажется, что влннне кровныхъ барановъ на самостоятельность простой породы, начиная, какъ мы сказали, съ четвертаго поколѣнія, такъ усилено, что долнѣйшее облагороживане подвигается впередъ безостановочно; но отнюдь нельзя согласиться, чтобы животныя этого поколѣнія заслуживали названія кровныхъ, самостоятельныхъ, потому что при размноженн ихъ между собою, безъ примѣси болѣе благородной чистой крови, на нихъ всееще замѣчается значительная склонность къ переходу отъ хорошаго къ дурному, которая уничтожается не прежде какъ послѣ многолѣтнихъ постоянныхъ усилнй овцевода. Достоверно, однако жъ, что съ матками четвертаго поколѣнія кровныя бараны производятъ ягнать, на которыхъ ясно виднъ перевѣсъ воспроизводительной способности отцовъ, изъ чего и можно заключить, что самостоятельность простой материнской породы почти уничтожена. Нѣкоторые овцеводы полагаютъ, что съ достиженемъ осьмаго поколѣнн, облагороживане кончено, то есть, что осьмой потомокъ кровныхъ барановъ, одной и той же благородной, самостоятельной, породы, сравнивается во всѣхъ качествахъ съ отцомъ. Другн, напротивъ, уврняютъ, что для окончательнаго уничтоженн всѣхъ признаковъ не благороднаго проис-

хожденія и замѣненія ихъ въ ягненкъ высокими качествами отцовъ, потребенъ рядъ пятнадцати, или даже тридцати, поколѣній. По имѣющимся прямымъ опытамъ трудно опредѣлить настоящій срокъ, нужный для конечнаго превращенія простой породы въ благородную, и вообще не легко рѣшить этотъ спорный пунктъ, потому что, въ дѣлѣ облагороживанія, много зависитъ отъ чистоты крови употребленныхъ въ разныхъ случаяхъ барановъ, и точности въ сортировкѣ приплода. Слученіе матокъ, хотя бы только одинъ разъ, съ баранами не совсѣмъ кровными, можетъ удвоить и утроить продолженіе троку времени, нужнаго для полнаго облагороженія породы. Въ своемъ мѣствѣ обстоятельство это будетъ предметомъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Надобно, однако жъ, замѣтить, что первое поколѣніе ягнятъ, происходящихъ отъ совокупленія мериносовыхъ барановъ, высшаго достоинства, съ простыми русскими овцами, обыкновенно бываетъ покрыто руномъ, состоящимъ изъ смѣси грубыхъ волосковъ матерей и тончайшихъ шерстинъ отцовъ, и потому-то оно мало способно къ выдѣлыванію какой-либо порядочной ткани. Чтобы избѣжать этого неудобства, и уже съ перваго поколѣнія получать животныхъ, послѣщихъ однообразныя, годныя къ употребленію, руна, овцеводы совѣтуютъ, для облагороживанія совершенно простой породы, брать барановъ, которые тониною шерсти не слишкомъ бы резко отличались отъ случаемыхъ съ ними овецъ. Такимъ образомъ, конечно, ягнята каждаго поколѣнія дадутъ руно однообразнѣе, исподоволь улучшаемое, и всегда годное къ употребленію соотвѣтственному своей тонкостѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ облагороживаніе будетъ идти гораздо медленнѣе. Нѣкоторые совѣтуютъ даже производить первоначальное улучшеніе посредствомъ грубыхъ барановъ смѣшанной породы, или шлѣнскихъ, отъ которыхъ, по мѣрѣ улучшенія стада, переходить къ кровнымъ, болѣе тонкошерстнымъ. Но если овцеводъ имѣетъ въ виду какъ можно скорѣе достигнуть высокой степени облагороженія своего стада, то ему слѣдуетъ съ самаго начала употреблять барановъ чистой крови, самыхъ тонкошерстныхъ, отъ которыхъ, конечно, въ первомъ поколѣніи будутъ родиться ягнята съ смѣшанными, неровными, мало цѣнными рунами, но

зато съ дупомъ полодийнъ вознаграждѣть въ скоромъ времени эту потерю, качествомъ шерсти такого достоинства, какого не получаютъ при медленномъ способѣ облатероживанія.

Странно, что, вопреки всей самостоятельности матокъ и барановъ, иногда первая случка имѣетъ вліяніе на форму тѣла и характеръ шерсти всехъ ягнятъ, рождаемыхъ отъ послѣдующихъ случекъ. Обстоятельство весьма важное для племенныхъ овчарей, потому что, отъ недосмотра, молодая матка высокаго достоинства, нечаянно совокупившись въ первый разъ съ какимъ-нибудь чужимъ простымъ бараномъ, можетъ сдѣлаться негодною къ дальнѣйшему употребленію.

Нѣкоторые овцеводы увѣряютъ, что испугъ матокъ въ первые дни беременности, имѣетъ вліяніе на качество зародыша; именно было замѣчено, что недавно слученныя овцы, сильно испугавшіяся черныхъ предметовъ, родили ягнятъ пестрыхъ. Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ безъ точной повѣрки всехъ обстоятельствъ дѣла, потому что если бы испугъ дѣйствительно имѣлъ такое сильное вліяніе на образованіе зародыша, то чрезвычайно робкія овцы, пугающіяся всего на свѣтъ, чаще приносили бы ягнятъ съ признаками разныхъ впечатлѣній, которымъ онѣ ежедневно подвергаются. Рассказываютъ, однако жъ, между прочимъ, что однажды стадо овецъ, недавно слученныхъ, выходя изъ лѣсу на поляну, покрытую черными обгорѣлыми пнями, сильно испугавшись, ударились бѣжать, и послѣ того большая часть матокъ принесла черныхъ и пестрыхъ ягнятъ. На подобныхъ наблюденіяхъ основывается требованіе многихъ нѣмецкихъ овчарей, чтобы при стадѣ не держать такихъ черныхъ и пестрыхъ собакъ, которыя имѣютъ привычку прятаться въ ямы или за кустами, и, незапно выскочивъ изъ засады, пугаютъ овецъ: такимъ-то собакамъ овчари, обыкновенно, приписываютъ рожденіе черныхъ или пестрыхъ ягнятъ. Не отрицая предположенія, чтобы такъ называемый *озоръ* не имѣлъ какого-либо вліянія на образованіе зародыша, нельзя, не имѣя особыхъ ясныхъ доказательствъ, согласиться въ томъ, чтобы дѣйствіе его такъ было сильно, какъ увѣряютъ нѣкоторые овцеводы, потому именно, что въ такомъ случаѣ вліяніе его оказывалось бы

гораздо чаще, на пугливомъ овецъ роде. Случай, приведенный въ подтвержденіе мнѣнію о влияніи на овецъ озора, и наблюденія, сдѣланныя надъ другими породами домашнихъ животныхъ, особенно надъ лошадыми, также какъ и мнѣнію о влияніи на человѣческой зародыши думнаго состоянія родителей во время зачатія, будто бы доказанное многими фактами, лежатъ на слѣдующихъ маткахъ основаніяхъ, и не могутъ быть приняты безъ предварительной, строгой, проверки.

Между скотоводами, особенно между овцеводами, существуетъ поварье, что на передачу зародышу качества преимущественно отцовскихъ или преимущественно материнскихъ, и даже на полъ его, имѣютъ вліяніе различная степень тѣлесной крѣпости и здоровья родителей. Основываясь на наблюденіяхъ, некоторые овцеводы уверяютъ, что очень крѣпкіе, хорошо содержанныя бараны, случаемые съ слабыми и исхудалыми овцами, производятъ чаще барашковъ чѣмъ ярокъ, или, по крайней мѣрѣ, ягнятъ преимущественно одаренныхъ отцовскими качествами, и что, напротивъ, отъ совокупленія худыхъ, разслабленныхъ барановъ съ хорошо содержанными матками, родится болѣе ярокъ чѣмъ барашковъ, и бываетъ вообще болѣе ягнятъ, слѣдствующихъ качествами и формами съ матками. Особенно интересны въ этомъ отношеніи наблюденія надъ размноженіемъ домашнихъ животныхъ, двухъ французскихъ скотоводовъ, Жиру и Морисъ де-Виде, сообщившихъ разныя замѣчанія, которыя могутъ служить подтвержденіемъ сказанныхъ предположеній. Вотъ замѣчанія Жиру, приведенныя для удобства въ таблицы:

рождають болѣе самокъ чѣмъ самцовъ,
 Вообще молодые самцы;
 Самки, случаемыя до принятія ими обильной пищи, и находящіяся въ состояніи совершеннаго спокойствія;
 Самцы, имѣющіе большую голову;
 Самки съ маленькими головами.

рождають болѣе самцовъ чѣмъ самокъ,
 Вообще самцы въ полномъ развитіи своихъ силъ;
 Самки слишкомъ молодыя, или слишкомъ старыя;
 Самки слабого тѣлосложенія;

Самки, совокупляемыя противъ воли; особенно если предва-
рительно изнурены сильнымъ движениемъ или уменьше-
ниемъ корму;

Самки съ малыми головами и соразмерно большими тазомъ;
Самки съ большими сужими яловыми.

Вообще, говорятъ Жиру, отъ домашнихъ животныхъ
родятся больше дѣтей мужескаго полу, или, по его выраже-
нію, не много хитрому, у самокъ «преобладаютъ внутренняя
жизненность надъ внешнею, а у самокъ перевѣсъ на сторо-
нѣ жизненности внешней; при обратномъ отношеніи ро-
дятся больше самокъ чѣмъ самцовъ». И должно сказать, что
Жиру основываетъ свои выводы, на фактахъ довольно за-
мечательныхъ.

Изъ наблюдений Мориса-де-Винде видно, что степень
«сильной страсти» родителей во время совокупленія, имѣетъ
также какое нѣкогда влияние на полъ рождаемыхъ дѣтей; такъ онъ за-
мѣтилъ, что отъ овецъ, объсканныхъ послѣ половинныя июля;
то есть, во время самой сильной «снѣжности», рождался боль-
ше самцовъ чѣмъ самокъ, а отъ объсканныхъ прежде, на
оборотъ.

Изъ наблюдений Мориса-де-Винде, выводится цѣлымъ опре-
дѣленнымъ вліаніемъ возраста матерей на полъ рождаемыхъ дѣтей
Жиру выводитъ слѣдующія заключенія: первое,
матки четырех-лѣтняго возраста, достигшія, следовательно,
полнаго своего развитія, даютъ обыкновенно равное число
дѣтей того и другаго полу, по той причинѣ, говоритъ
Жиру, что овцы этого возраста находятся въ полной силѣ
своего развитія и потому легче противостоятъ дѣйствию
случайныхъ причинъ, могущихъ имѣть вліаніе на преимуще-
ственное происхожденіе того или другаго полу; второе,
овцы, случаемыя въ полутора-годовомъ возрастѣ, даютъ
больше баранковъ чѣмъ ярокъ; если же онѣ обѣщутся не
ранѣе, какъ по достиженіи дву-лѣтняго возраста, то, напро-
тивъ, произведутъ больше ярокъ чѣмъ баранковъ; разуми-
ется, если особыя обстоятельства не измѣнятъ обыкновен-
наго ходу дѣла; третье, трех-лѣтнія матки даютъ сораз-
мерно большее число самцовъ, чѣмъ дву-лѣтнія; четвер-
тое, матки четырехъ съ половиною лѣтъ и старше, даютъ
больше баранковъ; и, наконецъ, пятое, тѣ матки, которыя

«привыкнуть» порока, прежде наступления настоящего среднелетнего времени «стресса», и тамъ обнаруживаютъ яркое тьлосложение и живой, раздражительный характеръ, дають соразмерно больше крокъ, между-тѣмъ какъ въ этихъ, которыя приходятъ въ «наджность» поэте, будучи возбуждены постоянными сообщеніями съ баранами, дають даже больше мужескаго пому, даже несмотря на то, что именно бараны подъ конецъ уже довольно покурены.

Трудно опредѣлить, до какой степени заслуживаютъ верности наблюденія Жиру и Мариса де-Виндэ, такъ же какъ и выведенныя изъ нихъ заключенія. Новыя справедливость всѣхъ этихъ замечаній еще не подтверждена другими оценоводами, и потому нельзя на нихъ положиться, такъ, чтобы по нимъ давать направленіе ходу овчарни. Кажется, однакожь, что мнѣнія Жиру и де-Виндэ, если и не совсемъ справедливы, то по крайней-мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ оправдываются на опытѣ, и потому заслуживаютъ вниманія и дальнѣйшаго исследования со стороны хозяевъ-оценоводъ.

Познакомившись съ обстоятельствами, возникшии и внутренними, приспособленными самому организму овецъ, и которыя оказываютъ больше или меньше явное вліяніе на развитіе въ зародышъ частоты рожителіи, необходимо опредѣлить цель, къ которой должны стремиться усилія оценоводъ въ облагораживаніи своихъ стада. Не говоря уже о климатѣ, естественно, что и мѣстность должна сообразоваться съ качествами разводимой породы и съ предположенными улучшеніемъ, безъ него трудно было бы достигнуть до поставленной себя цели. Такъ, напримеръ, на сырыхъ, низменныхъ, слишкомъ обильныхъ, влажныхъ, тонкоруннымъ породамъ скоро утратили бы свою короткую, кудрявую, тонкую шерсть: и потому въ такихъ мѣстностяхъ нельзя ни содержать этой породы въ кровной чистотѣ, ни посредствомъ ея улучшать низшія простые породы, такъ же какъ нельзя на скудныхъ кормахъ горахъ водить большаго, длинноволнаго или длиннотерпистыхъ овецъ. Если оценоводъ, по обстоятельствамъ, предпочитаетъ тонкорунную ову, удобную водичную во всей Россіи, за исключеніемъ развѣ болотистыхъ мѣстъ глубокаго сѣвера, то естественная цель ея

звѣтъ, должна состоять въ томъ, чтобы соединить въ руно возможную гонду и уровненіе съ возможно большимъ количествомъ шерсти.

Опредѣливъ такимъ образомъ цѣль, должно дать и со-
ответствующій ей выборъ племенныхъ животныхъ, пре-
имущественно принимая въ соображеніе и различную само-
стоятельность избираемыхъ породъ вообще, и особенно
преобладаніе въ частности известныхъ необходимыхъ ка-
чествъ барановъ или овецъ, и степень ихъ воспроизводи-
тельной силы. Какъ бы ни было выгодно для овцевода ру-
ководствоваться въ этомъ случаѣ свободнымъ выборомъ,
безъ ограниченія своей воли, подобными обстоятельства-
ми, но, въ большей части случаевъ, ему должно доволь-
ствоваться теми средствами, которыя доставляетъ данная
мѣстность. Такъ, напримѣръ, у насъ, для образованія тон-
коруннаго стада приходилось бы намъ улучшать простыхъ
русскихъ, крестьянскихъ овецъ, или приобрести шлёнокъ, во-
дящихся въ большомъ количествѣ въ нашихъ полуденныхъ
степяхъ. Эта послѣдняя порода тѣмъ болѣе выгодна для
дальнѣйшаго улучшенія, что руно ея уже имѣетъ все обра-
зованіе благороднаго племени, отъ котораго главнѣйше от-
личается толщиной и плохимъ уровненіемъ шерсти; хотя
шлёнки гораздо менѣе самостоятельны нежели простые рус-
скія овцы, приобретшія это качество давнымъ, постоян-
нымъ, размноженіемъ въ самихъ себѣ, однако жъ при над-
лежащихъ мѣрахъ, онѣ оказываются способнѣе русскихъ
облагородиться въ своемъ потомствѣ до высокой степени и
въ скорѣйшее время. Сверхъ-того важно то, что шлёнки,
болѣею частью, одарены руномъ болѣе густымъ чѣмъ у
простыхъ овецъ, и, слѣдовательно, обладаютъ уже однимъ
изъ тѣхъ качествъ, которыя должно присвоить облаго-
живаемому племени. Шлёнокъ этой породы можно, безъ
большихъ хлопотъ, доставать нужное число и матокъ и ба-
рановъ.

Если вообще волнистое образованіе и тонина шерсти въ
потомствѣ развивается подъ влияніемъ отцовскимъ, то не
слѣдуетъ упускать изъ виду, что преобразование это начнет-
ся преимущественно на переднихъ частяхъ ягнятъ, кото-
рые, болѣе заднихъ, образуются по барану. Обстоятельство

Это ясно видно на приплоды отъ мериносовыхъ барановъ съ простыми матками, на которыхъ преимущественно переднія части, лопатки и бока, покрываются тонкою шерстью шелковолнистаго образования, сходною съ шерстью отца. Между тѣмъ какъ на задней половинѣ туловища и окорокахъ шерсть сохраняетъ форму и толщину руна матери. Впрочемъ, тонина шерсти отца не обнаруживается и на переднихъ частяхъ ягнятъ перваго поколѣнія.

Важно замѣтить, что при смѣшеніи двухъ различныхъ породъ, такъ одинаково самостоятельныхъ какъ простые овцы и мериносы, эта самостоятельность вовсе теряется, и ее тѣмъ труднѣе возвратитъ новообразовавшейся смѣшенной породѣ, чѣмъ болѣе различествовали между собою произведшіе ее родители. По этой причинѣ плѣнки смѣшаннаго происхожденія плохо передаютъ свои качества своимъ дѣтямъ, на которыхъ оказываются разныя непраильности въ образованіи шерсти, обнаруживающіяся то въ склоненіи къ отцовскому устройству руна, или, чаще, къ материнскому, то въ смѣшанномъ его составѣ изъ разнокачественныхъ шерстинъ, тонкихъ — отцовскихъ и толстыхъ — материнскихъ. Такая шаткость въ наследственной передачѣ качествъ, можетъ быть прекращаема не иначе, какъ постояннымъ, долговременнымъ, совокупленіемъ кровныхъ мериносовыхъ барановъ съ матками смѣшаннаго происхожденія. Если каждое поколѣніе неублюдковъ-рождѣнныхъ отъ мериносовъ съ простыми овцами, случать постоянно съ кровными мериносовыми баранами, то шелковолнистая форма отцовской шерсти сдѣлается исподоволь преобладающею на всѣхъ частяхъ тѣла ягнятъ, и притомъ приобрететъ свойственную ей тонину и мягкость; вмѣстѣ съ тѣмъ и весь организмъ племени дотога измѣняется, что наконецъ такихъ плѣнокъ нельзя будетъ различить отъ кровныхъ мериносовъ, ни по качеству шерсти, ни даже по самостоятельности, если онѣ черезъ долгое время будутъ размножаемы исключительно между собою по правиламъ самоулучшенія.

ВАРОНЪ ОЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНВЕРГЪ.

КУРСЪ ОБЩЕВОДСТВА.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Улучшеніе простыхъ породъ смѣшиваніемъ съ благородными. — Самоулучшеніе.

Облагороживаніе простаго стада, посредствомъ кровныхъ меринскихъ барановъ, сначала подвигается впередъ съ некоторою видимою быстротою, и она-то инымъ овцеводамъ подаеа поводъ думать, будто окончательное превращеніе простаго стада въ благородное совершается въ пять, или даже въ четыре поколѣнія; между-тѣмъ какъ другіе, основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, полагаютъ нужнымъ для достиженія этой цѣли двадцать четыре или тридцать поколѣній. Ты и другіе подкрѣпляли свои мнѣнія опытами, которые, по сущности дѣла, подтвержденыя многими случайностямъ отъ возраста, силы, тѣлосложенія и различной степени чистоты крови и самостоятельности употребленныя барановъ, равно какъ и отъ вліянія климата, мѣстности, корму и содержанія стада, недостаточны, и потому не всегда могутъ служить прочнымъ руководствомъ въ дѣлѣ облагороживанія, что уже замѣчается и изъ чрезвычайнаго различія во мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ, основанныхъ однако жъ на наблюденіяхъ и опытахъ. Кроме-того ясно, что спорящія стороны не понимали другъ друга. Одни овцеводы, ограничивая облагороживаніе породы четырьмя или пятью поколѣніями, просто подразумевали одно только сообщеніе ягнтатамъ руна, мало различнаго отъ руна благороднаго отца, но не полагали, чтобы такое преобразование породы вело за собою самостоятельность кровныхъ меринскихъ, и потому, какъ удивимъ носль, они почти правы. На-

противъ, другіе, толкуя о тридцати поколѣніяхъ, считаютъ дѣйствіе преобразованія оконченнымъ только въ то время, когда смѣшанная порода пріобрѣтетъ, кромѣ наружныхъ свойствъ, прочную самостоятельность породы мериносовъ, для чего, конечно, нужно значительное число поколѣній, по крайней мѣрѣ около двадцати и даже болѣе. Чтобы изслѣдовать вопросъ столь важный для хозяевъ-овцеводовъ, надобно рассмотреть его независимо отъ вліянія случайныхъ, побочныхъ обстоятельствъ, и предположить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятными успешному ходу дѣла : тогда только объяснится настоящее значеніе числа поколѣній, нужныхъ для совершенія окончательнаго облагороженія простыхъ породъ.

Нѣтъ причины полагать, чтобы благородный, кровный мериносъ имѣлъ болѣе самостоятельности, то есть, способности передавать свои качества потомству, чѣмъ простая русская порода овецъ, размножаемая втеченіи многихъ лѣтъ въ самой себѣ, безъ примѣси посторонней крови. Принимая самостоятельность обѣихъ этихъ породъ равносильною, и полагая, что для совокупленія валты мериносовый баранъ и простая русская овца, оба надлежанники лѣтъ и силъ, нѣтъ причины сомнѣваться, что, при благопріятныхъ наружныхъ обстоятельствахъ, вліяніе обѣихъ родителей на производимаго ягненка будетъ равнос, такъ, что ягненокъ этотъ выйдетъ существо среднее, кровью наследовавшее качества отца и матери. Если баранъ оказываетъ болѣе вліянія на переднюю часть тула и на форму шерсти вообще, то овца имѣетъ съ своей стороны преобладающее вліяніе на образованіе заднихъ частей и на другія качества шерсти, такъ, что дѣйствіе обѣихъ родителей на образованіе всего ягненка взаимно уравновѣсится, и онъ можетъ въ полной мѣрѣ заслужить названіе полу-благороднаго животнаго. Если такую полу-благородную ярку вновь случить съ отцомъ или другимъ кровнымъ бараномъ, одинаковымъ съ нимъ достоинства, то происходящій отъ того ягненокъ опять пріобрѣтетъ половину отцовскихъ качествъ благородныхъ и половину облагороженныхъ качествъ материнскихъ, такъ, что во второмъ колѣнь уже будетъ значительный перевѣсъ благородныхъ свойствъ. Продолжая такъ

образомъ дѣлывшихся случаи, каждое слѣдующее поколение, къ положенію передаваемыхъ отцовъ благородныхъ качествъ, присовоитъ себѣ половину благородныхъ свойствъ материнскихъ, улучшающихся съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, между-тѣмъ какъ съ каждымъ же новымъ поколѣніемъ, прѣстѣя качества естественно уменьшаются. Такого способа, если случаи ведется правильно и всегда употребляются самостоятельные бараны чистой крови, порода отъ поколѣнія до поколѣнія дѣлится улучшаться, если не помѣшаютъ особенныя, неблагоприятныя, внешнія обстоятельства. Успѣхи такого облагораживанія будутъ явственнѣе видны изъ слѣдующей таблицы, которой часть, естественно, не — общее правило, а только довольно близкій расчетъ вероятностей.

ТАБЛИЦА ЧИСЛА ОБЛАГОРОЖИВАНІИ ПРѢСТѢИХЪ РОДОВЫХЪ СЛУЖЕЦЪ ПОСРЕДСТВОМЪ КРОВНЫХЪ И МАТЕРИНСКИХЪ ВЪРАЖЕНІЙ.

Поколѣнія.	Участіе благородныхъ качествъ отцовскихъ, передаваемыхъ ягнзку.	Участіе благородныхъ качествъ материнскихъ, передаваемыхъ ягнзку.	Сумма благородныхъ качествъ, передаваемыхъ ягнзку обоими родителями.	Остатокъ въ ягнзкѣ прѣстѣи чистыхъ качествъ.
Въ 1	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
— 2	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{2}{4}$	$\frac{1}{4}$
— 3	$\frac{1}{8}$	$\frac{3}{8}$	$\frac{4}{8}$	$\frac{1}{8}$
— 4	$\frac{1}{16}$	$\frac{7}{16}$	$\frac{8}{16}$	$\frac{1}{16}$
— 5	$\frac{1}{32}$	$\frac{15}{32}$	$\frac{16}{32}$	$\frac{1}{32}$
— 6	$\frac{1}{64}$	$\frac{31}{64}$	$\frac{32}{64}$	$\frac{1}{64}$
— 7	$\frac{1}{128}$	$\frac{63}{128}$	$\frac{64}{128}$	$\frac{1}{128}$
— 8	$\frac{1}{256}$	$\frac{127}{256}$	$\frac{128}{256}$	$\frac{1}{256}$
— 9	$\frac{1}{512}$	$\frac{255}{512}$	$\frac{256}{512}$	$\frac{1}{512}$
— 10	$\frac{1}{1024}$	$\frac{511}{1024}$	$\frac{512}{1024}$	$\frac{1}{1024}$

Если наружныя обстоятельства совершенно благоприятствуютъ предпринимаемому облагораживанію, и употребляемые бараны дѣйствительно всегда чистой, совершенно самостоятельной крови, то улучшенное потомство будетъ по-

обиваются шерстью, приблизительно, по положенному въ этой
 рубрике расходу. Но какъ, отъправленія живаго организма, и
 особенно зачатія, во всѣхъ случаяхъ плохо соображаются
 съ математическими выкладками, руководствуясь и въ са-
 мыхъ правильныхъ срезахъ дѣйствій, романтическою сло-
 бодою, которая еще весьма мало объясненною, то и на дѣлѣ
 будетъ столько же отступленій отъ этой темы, сколько ока-
 жется правильныхъ случаевъ. Однако жъ, вообще, большая
 половина ягнятъ, рождаемыхъ отъ такой методы овцевод-
 ства, спастись улучшатся въ означенной нами прогрессіи,
 такъ, что четвертое поколѣніе будетъ мало различаться отъ
 отцовъ, а восьмое уже покроется такими рунами, которыхъ и
 знаешь не отличить отъ рунъ настоящихъ кровныхъ мо-
 риновъ. Но должно принять въ соображеніе, что, въ част-
 ности, при совокупленіи каждой пары родителей, не воз-
 можно такъ управлять наружными обстоятельствами и такъ
 приспособлять малоизвѣстные условія, зависящія отъ внут-
 реннихъ качествъ совокупаемыхъ животныхъ, чтобы каж-
 дый рождаемый ягненокъ, порознь, наследовалъ точно та-
 кой участокъ качествъ отцовскихъ и материнскихъ, какой
 показанъ въ таблицѣ, гдѣ принято въ основаніе, такъ
 сказать, математически-благопріятное положеніе наруж-
 ныхъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ къ правильному
 образованію зародыша, на которое имѣютъ влияние тѣ-
 лосложеніе, состояніе взаимной относительной силы и
 энергіи совокупаемыхъ животныхъ, также многія слу-
 чайности, и мало еще опредѣленные различныя дѣйствія
 организма. Потому-то означенная въ нашей таблицѣ про-
 грессія облагороживанія относится только къ большинству
 рождаемыхъ ягнятъ, тѣхъ именно, которые будутъ произ-
 водимы, подъ совокупнымъ влияніемъ всѣхъ условій, благо-
 пріятствующихъ облагороживанію, но отнюдь не ко всѣмъ
 ягнямъ, изъ которыхъ многіе будутъ составлять и въ тѣхъ
 болѣе склоняющіяся то къ простой породѣ матери, то къ бла-
 городской породѣ отца. Сортировка ягнятъ первыхъ поко-
 лѣній не трудна, потому что улучшение первыхъ поколѣній
 явственно, и для не опытнаго глаза, какъ по возвышенности
 тонкости шерсти, такъ, особенно, по превращенію на ладонѣ
 къ прямымъ материнскимъ, водостъ въ медководность и шерсть

стижки отца; но съ четвертаго поколения и далее, уснауть облагороживанія дѣлается менѣе явственнымъ; затѣмъ, что вмѣсто половинъ и четвертей, оно подмѣняется только незначительными, едва замѣтными, дробями; и тогда уже сортировка требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія вслѣдъ частей руна, и точнаго сличенія ихъ съ материнскими. Такимъ образомъ, выбирая на племя ярокъ дѣйствительно улучшеннаго въ сравненіи съ ихъ матерями, и принимая въ соображеніе преобладающее вліяніе отца и матери на преимущественное образованіе той или другой части тела и руна, можно правильно управлять случаями и достигнуть высокой степени облагороженія не далее какъ въ осьмомъ поколѣніи.

Если, кромѣ трудности сортировки, при выборѣ изъ приплода племенныхъ матокъ позднѣйшихъ поколѣній, принять въ соображеніе болѣе или менѣе благоприятную мѣстность, содержаніе и чистоту крови употребляемыхъ барановъ, то ставится естественнымъ, что облагороживаніе оцелаго стада не можетъ слѣдовать опредѣлительнымъ числамъ таблицы, но только будетъ болѣе или менѣе приближаться къ нимъ. Не менѣе того, говоря вообще, можно достигнуть высокой степени улучшенія въ новомъ поколѣніи, способномъ уже къ востоянной передачѣ своихъ качествъ потомству, и къ дальнѣйшему усовершенствованію посредствомъ самоулучшенія. Если улучшеніе было всегда ведено тщательнымъ образомъ, если всегда была соблюдаема надлежащая осторожность въ выборѣ племенныхъ матокъ и барановъ, и если прочія условія востоянно соотвѣствовали предположенной цѣли, то съ десятаго, и особенно съ двѣнадцатаго, поколѣнія облагороженную породу считаютъ самостоятельною не менѣе кровныхъ меринесовъ. Но ежели и нельзя отвергнуть самостоятельности двѣнадцатаго поколѣнія въ отношеніи къ самому себѣ, такъ, что оно можетъ быть размножено безъ поддержки кровными баранами, нельзя однако жъ отрицать, что, въ отношеніи къ способности облагороживать низшія породы, оно безъ сомнѣнія уступаетъ первенство кровнымъ меринесамъ, которыхъ самостоятельность утверждена тысячекратно равною, и даже племена въ самомъ себѣ, безъ смѣшенія съ другими породами.

Смотря по данности помета, съ котораго облагороженіе считается окончательнымъ ; и по возрасту опредѣляемому для племенн матокъ, число лѣтъ, нужныхъ на совершеніе этого дѣйствія, весьма различно. Считаю десять поколѣній достаточными для окончательнаго превращенія простаго руна матери въ благородное руно отца, потребуется на это двадцать лѣтъ, если молодыя ярки поступать въ первую случку въ полутора-годоваломъ возрастѣ и, следовательно, съ окончаніемъ каждой двухъ лѣтъ, родится новое поколение ; если же ярки въ первый разъ будутъ случены по достиженіи двухъ съ половиною лѣтъ, такъ, что принесутъ перваго жгненна съ окончаніемъ трехъ-лѣтняго своего возраста, то для рѣшительнаго облагороженія простаго стала надобно тридцать годовъ. Впрочемъ, срокъ этотъ значительно уменьшится, если, вмѣсто простыхъ русскихъ овецъ, употребить шлёнокъ : тогда рѣшительное облагороженіе совершится скорѣе, такъ, что съ осьмитаго, и даже, смотря по достоинству первыхъ матокъ, съ четвертаго поколѣнія, породу можно размножать въ самой себѣ, безъ опасенія лишиться усвоенныхъ ею потомствомъ качествъ. Размноженіе такой облагороженной породы въ самой себѣ, или самоулучшеніе, придастъ ей, при надлежащей сортировкѣ и черезъ нѣсколько поколѣній, такую же самостоятельность въ отношеніи къ собственной породѣ, какою отличаются настоящіе кровные мериносы. Что же касается до способности постоянно передавать свои качества простымъ самостоятельнымъ породамъ, то бараны облагороженныхъ племенъ уступаютъ первенство кровнымъ мериносамъ, пока развитія въ нихъ качества не утвердятся за ними совершенно вслѣдствіе весьма долговременнаго размноженія въ самихъ себѣ.

Изъ этого ходу дѣла очевидно, что посредствомъ кровныхъ мериносовыхъ барановъ, употребляемыхъ для случки черезъ нѣсколько поколѣній, можно достигнуть совершеннаго превращенія простой породы въ благородную. Однако жъ, успѣхъ будетъ вѣренъ только тогда, когда употребляемые бараны дѣйствительно настоящіе кровные, совершенно самостоятельные, а не смѣшаннаго происхожденія, то есть, не шлёнскіе, которые облагороживаніемъ до-

идеальны до нарушеннаго сходства съ провинціями, но не обладают ихъ самостоятельностью.

Когда улучшение простой породы, посредствомъ смѣшенія ея съ кровными меринсами, достигнетъ до той степени, что образовавшіяся шлѣнки не только примутъ благородныя формы кровнаго отца, но и покроются руномъ одинаковаго съ его руномъ устройства и достоинства на всѣхъ частяхъ тѣла, за исключеніемъ развѣ головы и нижней части заднихъ окороковъ, то можно будетъ сказать, что облагороженіе простой породы окончено. Такое самоулучшеніе черезъ рядъ поколѣній усваиваетъ всему стаду одинаковое образованіе формъ и руна и, тѣснѣе слитіемъ разнокачественной организаціи отцовской и материнской, такъ прочно укрѣпляетъ за нимъ всѣ сообщенныя ему качества, что оно составитъ наконецъ особое племя, совершенно самостоятельное.

Между-тѣмъ, должно сказать, что не только въ улучшенныхъ стадахъ сившаннаго происхожденія, въ стадахъ шлѣнковой, но и между меринсами чистой крови, всегда рождаются нѣсколько агнать, которые носятъ руно худшее; но это есть также и много агнать, которые превосходятъ качествами своихъ родителей. Эти-то послѣдніе, одаренныя въ превосходной степени качествами присвоеннаго породе, составляютъ, такъ сказать, расадникъ ея возможнаго усовершенствованія. Изъ всего приплоду однихъ только этихъ лучшихъ агнать выбираютъ на племя, и, омокуемая между собою такихъ избранныхъ животныхъ, естественно получаютъ агнать, равныхъ имъ въ степени совершенства, или еще и лучшихъ. И вотъ почему сортировка агнать, оставляемыхъ на племя, должна быть дѣлана чрезвычайно тщательно и сообразоваться съ предположенною цѣлью, избранною овцеводомъ. Но, со всѣмъ тѣмъ, ни какія усилія не могутъ сдѣлать, чтобы вся животныя цѣлаго стада были доведены до высочайшей степени совершенства: идеальное совершенство встрѣчается въ природѣ только какъ исключеніе. Какъ бы ни было уловлено стадо, все-таки въ немъ найдется много животныхъ съ недостатками рѣднаго роду; и потому-то при самоулучшеніи не должно упускать изъ

виду: самоулучшения постоянно направленного къ исправленію замѣчаемыхъ недостатковъ.

Чтобы достигнуть этого, нужно припомнить, на какія части тела имѣетъ преимущественное вліяніе баранъ или овца. Груба ли шерсть агнать на заднихъ частяхъ, — обратитѣ особенное вниманіе на выбираемыхъ для племена матокъ; обнаруживается ли въ стадѣ склонность къ скручиванію шерсти, почти всегда соединенная съ чрезмерною тонкостью шерстянокъ и обыкновенно съ жидкостью руна, то будьте чрезвычайно внимательны къ употребляемымъ въ случку баранамъ, потому что порокъ этотъ преимущественно оказывается на переднихъ частяхъ агненка, на образованіе которыхъ главное вліяніе имѣетъ баранъ.

Замѣтимъ, что если въ стадѣ есть хотя малѣйшая общая склонность къ какому-либо недостатку, то склонность эта, при способѣ самоулучшенія, весьма легко можетъ развиться и стать болѣе сильнымъ порокомъ, котораго искорененіе будетъ несладостивъ сопряжено съ великими затрудненіями. Это объясняется тѣмъ, что при самоулучшеніи совокупляются между собою, исключительно, только животныя одного и того же стада, которыя, наследуя хорошія качества родителей, наследуютъ однако жъ и ихъ пороки, сильно развивающіеся въ тѣлесныхъ формахъ потомства, такъ, что даже и случайная уродливость отца или матери можетъ укорениться въ ихъ потомствѣ и составить изъ него особую породу. Такова порода инфантадо съ своими уродливыми складками, персидская съ своимъ горбомъ, азіатская съ своими тяжелыми хвостами, исландская съ своимъ моществомъ роговъ. Вся эти аномаліи были сначала едва замѣтными отклоненіями отъ обычныхъ формъ, происшедшими отъ случайныхъ, наружныхъ или внутреннихъ обстоятельствъ, и развились въ послѣдствіи, черезъ ряды поколѣній, до настоящей поразительной уродливости. Явно, что при самоулучшеніи должно обращать самое мелочное вниманіе на каждую такую дурную склонность, и постоянно ей противодействовать, чтобы не дать укорениться, оттого, черезъ ряды поколѣній, когда улучшаемая порода имѣетъ самостоятельную, вся принятая ею качества.

хорошія такъ и дурныя, сдѣлаются ей существенною принадлежностью.

Такое наследственное сообщеніе пороковъ, и явное усиленіе ихъ въ постоянствѣ, послужили основаніемъ господствовавшему некогда мнѣнію, не совсѣмъ еще искорененному и теперь, будто исключительное совокупленіе животныхъ одного и того же племени, особенно близкихъ родственниковъ, непременно ведетъ къ перерожденію породы. Полагали, что уродливости, оказывающіяся въ формахъ, и недостатки въ образованіи рунъ, проявляющіеся при самоулучшеніи, когда совокупаютъ животныхъ, состоящихъ одно съ другимъ въ болѣе или менѣе близкомъ кровномъ родствѣ, происходятъ именно отъ такихъ родственныхъ союзовъ или кровосмѣшеній. Къ подтвержденію этого мнѣнія послужило еще и то, что въ стадахъ, разнообразныхъ въ самихъ себѣ, нередко оказывались наследственные болѣзни, вкоренявшіяся до того, что становились принадлежностью породы. Расположеніе къ болѣзнямъ, къ которымъ особенно должно отнести вертежъ и хроническое воспаленіе спиннаго мозга, по-просту называемое сухоткою: случайно явившись на некоторыхъ животныхъ стада, оно сообщалось ихъ потомству, такъ же какъ другіе пороки и хорошія качества, если съ самаго начала не обращали строгаго вниманія на его искорененіе; это болѣзненное расположеніе, перейдя черезъ нѣсколько поколѣній, производило такія измѣненія въ животномъ организмѣ, что нныя болѣзни дѣлались самостоятельными принадлежностями породы. Такой естественный ходъ дѣла, подтвержденный опытомъ, долго не былъ дознанъ овцеводами, и потому все зло приписывали кровосмѣсительнымъ совокупленіямъ, и заключили, что чужеземныя усовершенствованныя породы не могутъ неизмѣнно существовать въ климатахъ, различныхъ отъ ихъ мѣсторожденія, если не поддерживать ихъ животными, по-временамъ выводимыми изъ настоящаго отечества породы, и что всякія туземныя хорошія породы непременно теряютъ свои достоинства, если будутъ размножаться животными одного стада. Мнѣніе это додало породѣ къ смѣшенію всѣхъ возможныхъ породъ, а смѣшеніе породъ, различныхъ племенъ, уничтожило самостоятельную

каждого изъ нихъ, и новело къ бездожельнымъ измѣненіямъ свойствъ породъ, въ которыхъ по большаеи части преобладаютъ недостатки, а не хорошія качества, пороки поколѣній.

По всемъ этимъ причинамъ многіе овцеводы, и вообще скотоводы, еще и понынѣ боятся саморазмноженія, которому приписываютъ органическое разслабленіе животныхъ и сопряженную съ нимъ утрату способности передавать потомству хорошія качества предковъ. Но наблюденія на разныхъ родахъ животныхъ, въ отношеніи къ всемъ ихъ частямъ и качествамъ, свидѣтельствуетъ, что, напротивъ-того, истинная органическая слабость, которой происхожденіе несомнѣтельно приписываютъ саморазмноженію, всегда оказывалась въ сдѣланныхъ породахъ: въ нихъ-то ежедневно встречается, что животныя, съ виду превосходныя, въ своемъ формѣ и хорошими качествами совершенно схожи съ лучшими благороднѣйшими животными, при всей чистотѣ телосложенія и хорошемъ здоровьѣ производятъ дѣтей, ни мало не одаренныхъ качествами родителей, а болѣе похожихъ на простыхъ прародителей. Такая органическая слабость особенно ясно видна въ первыхъ поколенияхъ шлѣнокъ, которыхъ и самыя лучшія на видъ бараны, одѣтые руномъ ни въ чемъ не уступающимъ руну благороднаго отца, при совокупленіи съ подобными собою ошцами производятъ ягнятъ, покрытыхъ шерстью низшаго достоинства. И между-тѣмъ, если такихъ шлѣнокъ разводить постоянно между собою и въ самомъ ближайшемъ родствѣ, то съ извѣстнымъ числомъ поколѣній, эта органическая слабость шлѣнокъ пройдетъ, и дѣти ихъ непременно будутъ наследовать не только всѣ видныя формы, но и всѣ внутреннія достоинства родителей. Однимъ словомъ, отъ кровосмѣнительнаго размноженія, несамостоятельнаго племи сдѣлается самостоятельнымъ, а такой ходъ дѣла опроверженно доказываетъ, что не совокупленіе животныхъ одного племи, состоящихъ въ близкомъ родствѣ, производитъ органическую слабость, но что, напротивъ, состояніе это есть всегдашнее, неизмѣнное, сдѣлатье сдѣлениа различныхъ породъ. Естественно, что чѣмъ ближе родство между совокупляемыми животными,

тѣмъ сходныя ихъ организацин , а потому и рождаемое отъ нихъ потомство будетъ одарено точно такимъ же устройствомъ всѣхъ органовъ , которыхъ образованіе не могло измѣниться отъ качественного вліянія другой, чуждой, породы, какъ бываетъ при совокупленіи животныхъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ. Ясно , что вслѣдствіе качественного тождества всей организацин , и руна овецъ , рожденныхъ отъ отцовъ и матерей , родныхъ между собою, тѣмъ болѣе бывають однокачественны съ родительскими, чѣмъ ближе степень того родства.

Овцеводъ , желающій водить тонкорунныхъ овецъ , еще не обезпечить себя въ достиженіи цѣли, когда приобрететь стадо, отличающееся хорошими, тонкими рунами: ему преимущественно надобно убѣдиться въ чистоту крови , отъ которой зависитъ самостоятельность породы, и которая одна можетъ обезпечить прочность качествъ въ правнукахъ, и улучшеніе рунъ въ потомствѣ : хотъ бы баранъ смѣшаннаго племени дѣйствительно носилъ руно болѣе тонкое чѣмъ кровный меринскій , дѣти послѣдняго все-таки будутъ низшаго достоинства чѣмъ рожденные отъ перваго.

Ошибаются, однако жъ, тѣ овцеводы, которые, основываясь на чрезвычайно выразительной наружности породы инфантадо, происходящей отъ большихъ складокъ и большаго росту , предполагаютъ въ ней болѣе самостоятельности чѣмъ въ электоральной, которой наружность менѣе поражаетъ особымъ племеннымъ отпечаткомъ , и потому для улучшенія своихъ стадъ предпочитаютъ породу инфантадо. Нѣкогда играли важную роль въ тонкорунномъ овцеводствѣ бараны, одаренные очень большими складками. Такіе бараны , известные подъ названіемъ *францискаювъ*, покрыты весьма тяжеловѣснымъ руномъ, простирающимся на тѣлѣ до глазъ , а на ногахъ до копытъ , и потому люди не опытные видѣли въ нихъ болѣе выгодъ чѣмъ въ стройныхъ голоногихъ электоральныхъ баранахъ. Впослѣдствіи, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла; «францисканы» потеряли свою славу и нынче совершенно изгнаны изъ германскихъ овчаренъ , вовсе удалены изъ французскихъ стадъ , вездѣ уступили первенство электоральной породѣ. Оказалось, что большія складки кожи барановъ по-

роды инфантадо составляютъ болѣзненное изменение наружныхъ покрововъ, какъ уродливые жирные хвосты азидскихъ породъ. Шерсть на этихъ складкахъ всегда самаго низкаго качества, часто на нихъ и вовсе нѣтъ шерсти, а одни волоса; притомъ складки, окружая шею и грудь, находясь на бокахъ туловища и на окорокахъ около хвоста, занимаютъ значительную часть руноносной поверхности, и потому не только не увеличиваютъ пространства площади, носящей тонкую, правильно образованную, шерсть, но даже уменьшаютъ ее. Электоральная порода ростомъ немногимъ меньше породы инфантадо; но зато саксонскіе или электоральные бараны вообще имѣютъ туловище болѣе обшестое, въ сравненіи съ своею величиною, и все оно покрыто гладкою кожей, совершенно здоровою, которая вездѣ носитъ шерсть тонкую, съ округленными мельчайшими извилинами; въ рунахъ ихъ никогда (или только въ дурныхъ стадахъ, и то какъ рѣдкость) не встрѣчаются волосы. Кроме того шея ихъ до головы, брюхо и задніе окорока почти до копытъ, покрыты шерстью почти одинаковаго достоинства съ той, которая на лопаткахъ и бокахъ. Словомъ, съ овецъ электоральныхъ положительно получается шерсти высшаго достоинства гораздо болѣе чѣмъ съ неуклюжихъ инфантадо. Электоральное руно, составленное изъ тончайшихъ шерстинокъ, вѣсомъ вообще легче руна инфантадо, состоящаго изъ шерстинокъ болѣе грубыхъ; но, послѣ сортировки, отъ инфантадо остается меньше хорошей шерсти чѣмъ отъ электоральной, которая притомъ и достоинствомъ гораздо выше. Однако жъ, въ лучшихъ саксонскихъ стадахъ, и въ этомъ отношеніи сдѣланы удивительные успѣхи. Лучшіе бараны изъ овчарни Гадегаста, находящіеся въ степановскомъ отдаленіи моего стада, какъ иностранные такъ особенно и здѣсь рожденные, при самомъ высокомъ достоинствѣ шерсти перваго существующаго разбора и почти идеальномъ уравниеніи носятъ руна, которыя, послѣ мытья на тѣлѣ, вѣсятъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ. Нельзя также не упомянуть еще объ одномъ важномъ обстоятельстве, по которому вообще предпочитаютъ саксонскіе бараны французсканамъ, именно, что послѣдніе требуютъ гораздо большаго корму чѣмъ первыя. Это обстоятельство, между

фронтисъ, составляетъ одну изъ причинъ чрезвычайнаго различія въ опредѣленіи количества корму, нужнаго для техъ корунныхъ мериносовъ: оно разлѣцается въ пропорціи отъ одной до трехъ частей; смотря по породе, которую разводятъ.

Вѣроятно, найдется много оценоводовъ, которыхъ предсчета, отдаваемое стройнымъ саксонскимъ баранамъ передъ складными инфантадо, покажется парадоксомъ, опровергаемымъ опытами. Дѣйствительно, большинство хозяевъ-оценоводовъ, особенно у насъ, мечтаетъ о мериносахъ весьма рослыхъ, обвѣшанныхъ большими складками, о такихъ мериносахъ, у которыхъ голы только копыта, рога и концы носовъ. Такіе хозяева пробавить не могутъ быть эти строки съ улыбкою недовѣрчивости, подлагая мнѣніе мое слѣдствіемъ безотчетнаго пристрастія къ саксонской породе, и приведуть въ его опроверженіе, если не дѣйствительно существующихъ животныхъ, по крайней мѣрѣ увлекательнаго описанія съ чертежами знаменитаго оценовода Петри, который, между прочимъ, первымъ признакомъ благоуханія простыхъ породъ полагаетъ появленіе на агнатахъ большихъ складокъ, и говоритъ, что руна лучшихъ инфантадо его терезіенфельдской овчарни вѣситъ отъ семи до осьми фунтовъ. Не мудрено, что, по этимъ описаніямъ и по рисункамъ господина Петри, кто-нибудь и составитъ себѣ понятіе о баранѣ съ большими складками; будто онъ покрытъ ровною, вышшаго достоинства, шерстью отъ глѣзъ до копытъ, и будто его превосходное руно содержитъ въ себѣ фунтовъ осемь электы, цѣною за фунтъ отъ двадцати до тридцати рублей ассигнаціями. Но такіе бараны — чистыя мечты, существующія только въ поэтическомъ воображеніи оценоводовъ: въ дѣйствительности, ихъ нѣтъ и никогда не бывало, потому что вообще можно утвердительно сказать, что чѣмъ больше на баранѣ складокъ, и чѣмъ онъ сильнѣе выдается, тѣмъ толще его шерсть, тѣмъ нѣтъ бы ея угловатѣе, и тѣмъ больше въ ней волосъ. Изъ одного уже этого видно, какъ ошибочно мнѣніе господина Петри насчетъ признаковъ благородства породы мериносовъ.

Если нельзя удостовѣриться въ чистотѣ, кровномъ происхожденіи стада, ни свидѣтельствами, ни достаточнo въ-

решительный и наисильнейший отпечаток, тогда, при выборе в племенные животныя, должно смотреть на общее состояние той овчины, в которой уже выбрасаны. Опытный, ученый, взгляд знатока, легко различит кровное стадо по несомненным, присвоенным ему, признакам, из которых принадлежат в особенности: 1, одинаковая форма тела всех составляющих овчину овец; 2, одинаковое образование руна, более или менее сбитого, более или менее плотно скарываго; 3, однообразный характер шерсти, при чем не столько должно брать за образец ее тонну, которая, при дурной сортировке стада, может значительно различествовать, сколько форму выстрига, более или менее правильную, округленную или уплощенную, и зависящую от ее формуобычек, более или менее параллельных между собою, оканчивающихся или в совершенно ровную поверхность или в выпуклость, имющую вид вечно цветной занусти, а иногда вовсе не ровную, как бы исключенную. Отличное уравнение в формах тела, образовании руна и характере шерсти цыпля стада, может существовать только при совершенной самостоятельности породы и способности передавать без изменения своему потомству все качества, присвоенныя племеню. В стадах смешаннаго происхождения (настойки) никогда не будет такого поразительнаго равенства в формах тела и руна, потому что в них случается частая перерожденія от влияния крови их предков, востых из разных породъ. Наконецъ, должно упомянуть еще объ одномъ важномъ признакъ, характеризующемъ кровное происхождение овецъ, особенно съ материнской стороны: признакъ этотъ — хорошее уравнение руна на цыпляхъ стада. Какъ бы хороши ни были пастбища, но уравнение руна едва ли будетъ общою принадлежностью стада: оно встрѣтится только какъ исключительное качество не большого числа животныхъ, а на всѣхъ прочихъ особенно замѣтно отстанетъ шерсть заднихъ частей отъ шерсти съ лопатокъ. Уравнение руна на заднихъ частяхъ овецъ доказываетъ, что матка стада всегда была изъ ровныхъ породъ, потому что она-то имѣютъ главное вліяніе на образованіе заднихъ частей приплоду; следовательно и

стадо, которому, кроме истисленннхъ маточекъ, присвоено это достоинство, безспорно принадлежитъ къ провинци.

Наконецъ, если единообразіе формъ тѣла, рунъ и характера шерсти и ея уравненіе, не достаточно выразительны для безспорнаго удостовѣренія въ чистоту породы, то остается испытать одного, или нѣсколькихъ барановъ, въ слухъ. Если въ ихъ дѣтяхъ и внукахъ, на большомъ числѣ агнать, воспроизведутся ихъ качества преимущественно передъ ихъ родными матерями, ягнѣнками, то чистота крови такихъ барановъ не будетъ подлежать ни какому сомнѣнію.

Чтобы съ выгодою разводить стадо посредствомъ самоулучшенія, кроме чистоты породы нужно еще имѣть въ виду, чтобы производить агнать, которыя, по-возможности, соединяли бы въ себя всѣ хорошія качества, породъ присвоенныхъ, а не нѣкоторыя только по-одиначкѣ. Само-по-себѣ разумѣется, что при подобномъ съ цѣлью выборѣ племенныхъ овецъ и барановъ, и приплодъ будетъ похожъ на нихъ. Но овцеводы всегда останутся въ убыткѣ, если станутъ обращать преимущественное вниманіе на какое-либо одно достоинство овецъ, а не постараются присвоить своему стаду всѣхъ возможныхъ хорошихъ качествъ.

Убѣжденные опытомъ въ вредѣ, произтекающемъ отъ обращенія односторонняго вниманія, напримаръ, преимущественно на густоту и богатство руна, или всѣхъ получаемой шерсти, безъ уваженія къ его тонкости, мягкости, шелковистости и уровненію, мы скажемъ, что стада, образовавшіяся согласно съ этой цѣлью, вообще легкой къ достиженію и потому предпочитаемой, доставляютъ количествомъ много шерсти; но, при рѣшительномъ нерадѣніи объ ея тонкости и уравненіи, и при выборѣ на племя исключительно густошерстныхъ животныхъ, шерсть постепенно грубѣетъ, дѣлается неровною къ оконечностямъ туловища, и наконецъ въ ней проглядываются прямыя, грубыя волосы. Утративъ такимъ образомъ главное свое достоинство, тонкость, и соединенныя съ нею другія высоко цѣнимыя качества, тяжеловѣсныя руна становятся мало нужными для фабриканта, и потому не много доставляютъ выгодъ производителямъ.

Къ не менѣе вреднымъ предубѣжденіямъ въ тонкорунномъ

Фактъ принадлежитъ и то, что многіе овцеводы предпочтительно хлопотутъ о большомъ ростѣ животныхъ, и направляютъ все усилія свои къ образованію стада, отличающагося формами неуклюжими, чрезвычайно объемистымъ туловищемъ, и ростомъ гораздо выше средняго. Конечно, съ перваго взгляду, такіа овцы изумляютъ своею величиною, и обычаютъ соответственное ей тяжелое, большое руно; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, здѣсь оказываются своего руду значительные недостатки, сопряженные со всякимъ одностороннимъ развитіемъ промышленности. Эти важные недостатки заключаются въ томъ, что тонкость шерсти, правильное образованіе изгибовъ шерстинки, мягкость, гибкость и уравненіе руна, то есть, все высшія качества шерсти, исчезаютъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ росту овцы выше некоторой средней мѣры, присвоенной породѣ, и заменяются шерстью грубою, жесткою, приною, не извилистою и малоцѣнною, близкою всѣми своими качествами къ руно простыхъ овецъ. Притомъ, каждому скотоводу хорошо извѣстно, какихъ попеченій и какого избытку въ кормѣ стѣбитъ произведеніе рослыхъ животныхъ всякаго реду. Однако жъ, должно замѣтить, что и самые кровные бараны и овцы тогда только способны къ припуску и много передаютъ качества свои дѣтямъ, когда находится въ хорошемъ тѣлѣ. Впрочемъ, надобно наблюдать, чтобы совокупляемые животныя не разжирились отъ излишне-сильнаго корму, потому что въ такомъ состояніи бараны, не только отяжеляютъ и облыняютъ, но даже сдѣлаются менѣе страстными обожателями прекраснаго полу овечьаго, и по этой причинѣ, вѣроятно, гораздо слабѣе воспроизведутъ свои качества въ дѣтяхъ. Увѣряютъ даже, будто перекормленные, жирныя животныя передаютъ дѣтямъ дурную способность жирѣть и флегматическій характеръ. . .

Извѣдано опытомъ, что возрастъ, въ которомъ животныя употребляютъ къ припуску, имѣетъ также вліяніе на качество рождаемаго ими потомства. Естественно, что животное, определяемое для племени, должно само достигнуть полнаго развитія своихъ формъ, качествъ и силъ, прежде чѣмъ передать ихъ другому. Трудно, однако жъ, определить вообще тотъ возрастъ, въ которомъ бараны и овцы,

безъ вреда для себя и съ основательною надеждою на произведеніе однокачественныхъ съ собою дѣтей, могутъ поступать въ случку, потому что періодъ ихъ полнаго развитія разнствуетъ по производимому имъ въ молодости корму и содержанію. Хорошо кормленныя овцы развиваются скорее, а получающія скудный кормъ, медленнее. Увѣряютъ, что слишкомъ молодые овцы плохо передаютъ свои качества дѣтямъ и, задерживаясь сами въ развитіи отъ слишкомъ ранней беременности, остаются слабы и малорослы, и производятъ дѣтей тоже малорослыхъ и слабыхъ. Мнѣнію этому противорѣчитъ обычай крестьянъ, совокупляющихъ однопольныхъ овецъ, такъ, что когда овца минетъ годъ, такъ она уже приноситъ ягнятъ; и однако жъ, несмотря на такую чрезвычайно раннюю случку, порода не дѣлается мельче: и не теряетъ своего крѣпкаго тѣлосложенія: а между-тѣмъ достоверно, что молодые мериносы, только-что достигнувшіе полнаго развитія, сильнѣе и опредѣлительнѣе воспроизводятъ въ дѣтяхъ свои качества, и, какъ извѣстно по опыту, дѣйствуютъ безъ всякаго для себя вреда. Потому не должно слишкомъ долго откладывать перваго слученія, тѣмъ болѣе, что если въ молодыхъ, не слученныхъ еще маткахъ, желаніе любви обнаруживается нѣсколько разъ, что бываетъ при хорошемъ содержаніи, и не удовлетворяется, то оны весьма часто остаются безплодными, хотя эти желанія и повторяются всегда своевременно. Вообще можно принять за правило, что если у ярокъ, безъ особаго горячительнаго, напримѣръ зерноваго, корму, стремленіе къ любви обнаруживается сильно, и при неудовлетвореніи скоро возвращается въ новую силу, то оны достаточно развиты для оплодотворенія, и, несмотря на молодость, безъ вреда могутъ быть употребляемы въ случку. Положительный возрастъ, въ которомъ молодые ярки способны къ дѣторожденію; большая часть овцеводовъ опредѣляетъ двадцатью или двадцатью двумя мѣсяцами; съ достиженіемъ этого возраста, при хорошемъ кормѣ, ярки и дѣйствительно уже достаточно развиты. При всемъ томъ, нѣкоторые овцеводы советуютъ не допускать барана къ яркамъ прежде чѣмъ оны достигнутъ возраста двухъ съ половиною годовъ, увѣряя, что ярки болѣе развиты и рослыя произведутъ крупнѣйшее и сильнѣй-

щее потомство. Что касается до барановъ, то ихъ достиженія полного двух-лѣтняго-возрасту припускать обыкновенно не рѣшаются. Замѣчено также, что слишкомъ старая овца мало способна къ произведенію крякаго, здороваго, потомства, и менѣе вѣрно передаютъ ему свои качества, особенно если будутъ случены съ молодыми баранами крякаго сложения. Само собою разумѣется, что животныхъ бѣдныхъ, или расположенныхъ къ болезненности, не случаютъ, потому что эта болезненность перейдетъ къ ихъ дѣтямъ и разовьется на потомствѣ. Кромѣ ослабления отъ бѣдней, случается у барановъ истощеніе отъ излишняго и ранняго употребленія ихъ въ припускъ, и потому бываетъ нужно возбудить въ нихъ необходимую для случки ярость различными искусственными средствами. Бараны, находящіеся въ такомъ положеніи, тоже плохо передаютъ свои качества дѣтямъ, сообщая имъ сверхъ-того, по уваренію опытныхъ овцеводовъ, расположеніе къ губительной болѣзни, именно къ спино-мозговой чахоткѣ, известной подъ названіемъ *траберъ*.

Изъ новообразуемыхъ породъ, по нынѣшнему состоянію овцеводства, важны для насъ длинношерстные овцы, обращающія въ настоящее время вниманіе многихъ овцеводовъ. Нѣкогда одна только Англія производила длинношерстныхъ овецъ, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользуется «длиннейшая» порода, образованная знаменитымъ скотоводомъ Баквеллемъ. Но шерсть этой породы, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, то есть, необычайной длинѣ, бледности и особенномъ лоскѣ, слишкомъ толста, и потому годна для однихъ гладкихъ тканей, довольно низкаго достоинства. Обстоятельство это, въ недавнее время, подало поводъ къ образованію длинношерстныхъ породъ послѣднихъ болѣе тонкое руно, такъ, что ихъ шерсть равняется тонкостью съ длинными разборами саксонской мериносовой: это особенно удалось въ Германіи, въ мекленбургскихъ владѣніяхъ. Новообразованныя животныя этой породы, бѣльшее частію выведены отъ чистыхъ электоральныхъ мериносовъ, постояннымъ совокупленіемъ между собою животныхъ, снабженныхъ самой длинной и самою прямою шерстью. Качества эти, съ каждымъ поколѣніемъ будутъ развиваться болѣе и

боды, и наконецъ: тамъ присваивается породе, что является самостоятельной ея принадлежностью.

Образовавшаяся такимъ образомъ тонкая, длинношерстная порода, волящаяся особенно въ богатыхъ пастбищами холландбургскихъ владѣннхъ, отличается отъ английскихъ породъ важными достоинствами шерсти. Косички ея состоятъ изъ шерстинокъ почти прямыхъ, едва едва волнообразно изогнутыхъ, похожихъ формою на шерстинки руна простыхъ русскихъ овецъ, и вовсе лишавшихъ тѣхъ мелкихъ завязнхъ, округленныхъ или угловатыхъ, которыя свойственны шерсти мериносовъ; длина этихъ косичекъ, совершенно расправленныхъ, отъ двухъ съ половиною до трехъ вершковъ; толщина ихъ равняется толщинѣ крупнаго разбору вивальныхъ иглъ, и онѣ состоятъ изъ пяти или шести пучковъ, изъ которыхъ каждый содержитъ въ себѣ около тридцати шерстинокъ; толщина шерстинокъ, по Долланду-эйрометру, простирается отъ шести до осьми-тысячныхъ дюйма, и, следовательно, по торговой классификаціи шерсти, равняется электъ. Впрочемъ, косички тѣсно ложатся между собою, и составляютъ руно, подобное рунамъ обыкновенныхъ кудряво-шерстныхъ мериносовъ.

Главные качества, требуемыя отъ такой шерсти, суть слѣдующія: 1, длина отъ двухъ съ половиною до трехъ съ половиною вершковъ, когда извиланы совершенно расправлены; 2, особенная крѣпость шерстинокъ; 3, лоскъ и бѣлизна, при возможной чистотѣ шерсти отъ пыли и остатковъ корму.

Чтобы достигнуть образования этихъ качествъ у животныхъ къ тому способныхъ, требуется, чтобы длинношерстныхъ овецъ, при спокойной, лѣтней жизни, во весь круглый годъ получали избыточный кормъ; способствующій преумноженію шерсти. По этому дается имъ на лѣто самыя тучныя, естественныя или искусственныя, клеверныя пастбища, въ близкомъ разстояніи отъ овчаренъ, чтобы животныя не утомлялись при отдаленныхъ прогулкахъ, и чтобы кормъ, ими принимаемый, не обращался преимущественно на восстановление тѣлесныхъ силъ. Само собою разумется, что овецъ на пастбищахъ должно тщательно предохранить отъ осенняго вноя, дождя и пыли, наносящихъ значительное

влиніе на мягкость шерсти; не такъ какъ весь этотъ уходъ сопряженъ съ множествомъ хлопотъ и затрудненій, то длинношерстныхъ овецъ предпочитаютъ содержать и литье въ овчарнѣ, доставляя имъ въ теченіе всего теплаго времени свѣжую траву въ изобиліи. Зимнюю овцамъ этой породы надобно также производить сочный кормъ, именно — коренья, кормовую свеклу, рьпу, картофель, морковь, и немного сѣна и соломы. Особенно тщательно надобно слотрѣть, чтобы подстилка была всегда сухая, чистая, не запыленная, отнюдь не сырая; безъ этой предосторожности концы шерсти пожелтѣютъ, и она много потеряетъ своего достоинства и цѣнности.

Для возбужденія позыва на пищу длинношерстными овцамъ необходимо производить соль; чистой воды для питья онѣ всегда должны имѣть вдоволь.

Особенно сильный, сочный, кормъ должны получать ягнята. На племя изъ нихъ выбираютъ только тѣ, которыхъ шерсть самая расправленная, прямая, длинная, густая, тонкая и бѣлая, и руно смятообразованное. Также не должно терять изъ виду, что ни овцы, ни бараны этой породы не должны быть употребляемы для размноженія племени ранее достиженія ими двухъ съ половиной-лѣтняго возраста.

Возобновленіе породъ.

Въ самыхъ чистыхъ, кровныхъ породахъ, размножаемыхъ въ самихъ себѣ, безъ малѣйшей примѣси посторонней крови, могутъ, однако жъ, несмотря даже на всѣ благопріятныя наружныя условія, зависящія отъ мѣстности и климата, оказаться недостатки, и, наконецъ, какъ уже было сказано, постоянныя измѣненія. Такая измѣчивость конституціонныхъ породъ связана съ ихъ сущностью, и обнаруживается тѣмъ сильнее, чѣмъ болѣе формы и качества, образованныя и развитыя въ нихъ искусствомъ, удалены отъ естественнаго, первоначальнаго типа въ дикомъ, вобитномъ состояніи породы.

Извѣстно, что небрежность овцевода можетъ испортить и лучшее стадо, въ которомъ, при неосмотрительномъ уходѣ, появляются различныя недостатки и пороки; но эти пороки

ни, конечно, могутъ и быть истреблены по способу самому лучшему, если всегда выбирать тѣхъ только животныхъ изъ приплоду, которыя будутъ родиться свободными отъ недостатковъ и выбрасывать изъ стада всѣхъ пороченныхъ; но такимъ образомъ, потребуется много времени и трудовъ и множества денегъ, чтобы достигнуть до исправленія стада; потому-то и предпочитаютъ искоренять пороки употребленіемъ барановъ, одаренныхъ въ высокой степени тѣми качествами, которыхъ въ стадѣ недостаетъ. Однако же, бараны эти непременно должны быть одной и той же породы съ тѣмъ стадомъ, для котораго берутся, и чистой, благородной, самостоятельной крови, безъ чего не будутъ въ состояніи пересилить наследственныхъ дурныхъ качества стада, и замѣнить оказавшіеся недостатки собственными своими достоинствами. Такой способъ исправленія называется «возобновленіемъ породы.»

Прежде, многіе овцеводы считали употребленіе барановъ изъ первоначальныхъ испанскихъ стадъ необходимою для каждой овчарни, хотя бы составленной изъ самой чистой крови, полагая, что, безъ такой предосторожности, размножаемая въ самой себѣ порода измѣнится. Поводомъ къ этому предположенію были недостатки, которые весьма часто оказывались въ кровныхъ стадахъ, размножаемыхъ безъ употребленія постороннихъ барановъ. Но, мы уже сказали, что пороки эти образовывались единственно отъ неумѣтельности овцеводовъ въ дѣлѣ выбора племенныхъ животныхъ, соединенной иногда съ вреднымъ дѣйствіемъ какой-либо не благопріятной мѣстности или климата, противъ котораго, по незнанію причинъ, не принимали никакихъ противоудѣствующихъ мѣръ. Не менѣе того, мнѣніе о необходимости возобновлять отъ времени во времени породу посторонними племенными животными мужескаго полу, сдѣлалось господствующимъ повѣрьемъ во всѣхъ родахъ скотоводства, особенно въ коннозаводствѣ; мнѣніе это вошло наконецъ до того что скотоводы положили правиломъ (безъ всякой надобности, и единственно изъ опасенія измѣненія породы), не употреблять барановъ или жеребцовъ собственного стада, а непременно замѣнять ихъ изъ постороннихъ стадъ. Этому то неосновательному пред-

развудку обязаны мы безвотонноа пестротого въ формахъ и качествахъ почти всахъ разнахъ домашнихъ животныхъ, особенно лошадей:

Изъ стариннаго нади лико слвдуеть, что возобновлене породъ необходимо только тогда, когда отъ небрежности снзались въ стаде недостатки. Чтобы исправить ихъ, бараны преимущественно должны быть одарены достоинствами, противоположными тмъ порокамъ, которые ихъ слдуетъ вытснить изъ организаци свонцъ потомковъ. Труднее вевкъ другихъ пороковъ къ стаде уничтожаются наследственные болзни; ихъ истреблене благоприятствуетъ, кроме увствленя совершенно здоровыхъ барановъ, перваа местности, корму и одержаня. Обыкновенно этихъ послднихъ уловей бываетъ уже достаточно чтобы уничтожить въ стаде наследственные болзни, и даже истребить расположение къ нимъ въ потомствъ. Естественное, что и здесь важнйшее место занимаетъ самая строгая сортировка приплоду: въ стаде не должно терять разнородно ни одной лрки съ малйшимъ признакомъ наклонности на доводствуемому въ стаде пороку.

ВАРОНЪ СЕДОРЪ ЗИГОВИЧЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

V.

ИСТОРИЯ.

1. Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. Сочиненіе Фурье, 1840.

2. Россійскій родословный списокъ, изданный княземъ Волдыромъ Долгоруковымъ. Санктпетербургъ, 1840. Книга первая.

Нѣтъ ничего полезнѣе для исторіи какъ хорошія монографіи историческихъ фамилій. Въ тоже время, это очень пріятныя книги и для любителей чтенія. Исследователи исторіи и простой читатель находятъ въ нихъ картину дѣйствій, связей, дружбъ, отношеній, успехов, неудачъ и даже духа отдѣльныхъ семействъ, которыя возбуждаютъ ихъ любопытство или по вліянію своему на дѣла отечества, или по личнымъ уваженіямъ. Европейскія литературы всѣ болѣе или менѣе богаты подобными сочиненіями, но преимущественно италіанская и англійская, въ которыхъ замѣтна даже мода на монографіи и сборники сказаній объ знаменитѣйшихъ родахъ. Въ англійской литературѣ такія книги всегда тѣмъ болѣе примѣчательны, что важнѣйшіе дворянскіе роды, пользуясь правами маіората, составляютъ въ Трехъ-Соединенныхъ-Королевствахъ какъ бы частныя династіи, въ которыхъ наследственный начальникъ фамиліи, изъ роду въ родъ старается и имѣетъ всѣ средства сохранять въ цѣлости семейные архивы и обогатить ихъ новыми прибавленіями, посредствомъ наследованія бумагъ дядей и братьевъ и дру-

гихъ родственниковъ. Государственные документы, акты частныхъ сдѣлкахъ, переписки съ знакомыми и родными, личныя замѣтки, записки, рѣчи и литературныя опыты членовъ семейства, все это тщательно собирается для потомковъ и для потомства въ наследственныхъ титулованныхъ замкахъ и ихъ домашнихъ архивахъ, богатѣйшемъ и безцвѣнномъ рудникѣ самыхъ любопытныхъ и самыхъ достовѣрныхъ данныхъ о характерахъ, нравахъ, обычаяхъ, интригахъ, связяхъ и тайныхъ пружинахъ событій прошедшихъ. Здѣсь именне можно лично и коротко познакомиться съ людьми какой угодно эпохи. Не мудрено, послѣ этого, что въ Англіи непрерывно появляются въ печати «переписки» (correspondences), людей, умершихъ иногда за два и болѣе столѣтія, и «меморіи» объ нихъ (memoirs), составленныя по *фамильнымъ бумагамъ*, — from the family papers. Такимъ образомъ еще недавно изъ бумагъ Бекона, Рели, Непира, извлечены были терпѣливыми любителями исторіи чрезвычайно занимательныя подробности о лицахъ и характерахъ, современныхъ этимъ знаменитымъ людямъ. Такимъ образомъ, — и это одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ такихъ книгъ, — челоуѣкъ, мало извѣстный, едва помени названный гдѣ-нибудь въ исторіи, вдругъ, при разборѣ его старинныхъ бумагъ, является чрезвычайно важнымъ лицомъ своей эпохи или по уму, видамъ, мыслямъ и дарованіямъ, или по содѣйствию, совѣтамъ и тайному вліянію на дѣла: исторія приобретаетъ новыя примѣчательныя характеры, темныя происшествія разоблачаются, нежданннй лучъ свѣту падаетъ на отдаленныхъ людей и ихъ дѣла, и читатель проникаетъ въ самыя сокровенныя тайны общества, которое скрывалъ отъ него глубокий туманъ былаго.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ похвастаться, чтобы наша литература обладала подобными книгами, и даже чтобы мы имѣли средства составлять ихъ. Предки на-

ши не были грамотеи, писали мало, читали и того меньше и рѣдкій изъ нихъ любилъ сохранить бумажку: притомъ, фамильныхъ архивовъ и не могло существовать по двумъ основательнымъ причинамъ, — обыкновенію жить въ деревянныхъ домахъ, которые окончательно почти всегда истреблялись пожарами; — и ровному раздѣлу отцовскаго имущества между сыновьями: если бы кто-нибудь и оставилъ себѣ собраніе бумагъ, то оно должно было погибнуть при безконечныхъ дѣлежахъ. Но не должно, съ другой стороны, взваливать всей вины на эти два обстоятельства: многое тутъ слѣдуетъ приписать и собственному нашему нерадію о семейственныхъ памятникахъ. Ни пожары деревянныхъ домовъ, ни ровные раздѣлы имѣній, ни даже невѣжество, которое бѣжало далеко изъ всѣхъ порядочныхъ семействъ, не принуждаетъ насъ продавать по смерти родителей, на толкучіе рынки, ихъ библиотекъ и рукописей: а между-тѣмъ кому изъ библиофиловъ не случалось видѣть у букинистовъ книгъ, принадлежавшихъ знаменитѣйшимъ лицамъ прошедшей эпохи, книгъ, поднесенныхъ имъ въ знакъ уваженія величайшими писателями того времени, отечественными и заграничными, съ ихъ собственноручными надписями, и иногда съ отмѣтками на поляхъ покойнаго владельца книги, лица извѣстнаго и важнаго въ исторіи? Этого мало: купивъ такую книгу, вы приносите ее домой, развязываете бичовку, и — что жъ видите? — Учтивый букинистъ завернулъ ее для васъ въ любопытную бумагу какого-нибудь историческаго семейства. Бумага безъ начала и безъ конца: вы бѣжите къ букинисту, спрашиваете, откуда онъ досталъ эту обертку и нѣтъ ли у него побольше такихъ бумагъ. «Были-съ, равнодушно отвѣчаетъ книгобѣдъ, да разошлись. Было много-съ. Мало ли умираетъ господь? Мало ли покупаешь этого хлама вмѣстѣ съ книгами и съ библиотеками, съ аукціону или отъ промотавшихся наследни-

«кредитъ?... А впрочемъ если вамъ угодно, сударь, то я могу достать для васъ *точно такитъ же бумаги*... Видно, «онъ вамъ нужны для завертыванія.... Новамъ гораздо «выгоднѣе будетъ купить за цѣлковый стопу бутылочной «бумага: теперь господа не любятъ исписанныхъ обер-«стокъ, и мы сами, когда случится купить фамильныя «бумаги, отдаемъ ихъ болѣею частью въ мелочныя «лавки.» Это фактъ. Именно такой отвѣтъ долузчили мы однажды отъ незабвеннаго букиниста, перла Апраксина Двора, укращенія своего сословія, который, хѣтъ, пять тому назадъ, къ душевному прискорбію всѣхъ библіофиловъ, переселился съ толкучаго въ лучшій міръ.

Такіе факты чрезвычайно обидны для любителей и изслѣдователей отечественной исторіи, но если бы и народное тщеславіе наше захотѣло обидѣться ими, то оно легко можетъ утѣшиться мыслию, что нѣрѣдко то же самое случается и у народовъ, которые свою образованность считаютъ тысячелѣтіями, и что подлинныя рукописи великаго Галилея были случайно узнаны на оберткѣ двухъ фунтовъ сыру и отысканы въ одной итальянской мелочной лавкѣ. Но какъ бы то ни было, ясно то, что, при такихъ обстоятельствахъ, очень трудно писать исторіи отдѣльныхъ фамилій, даже допустивъ кой-какія почетныя уваженія, исключенія изъ правила; и все, чего можно ожидать отъ писателя, рѣшающагося на подобное предпріятіе, весьма хорошо выражается неопредѣленнымъ словомъ «сказанія», которое употребилъ, въ видѣ заглавія, и авторъ книги, подавшей поводъ къ этимъ общимъ замѣчаніямъ. При недостаткѣ въ старинныхъ фамильныхъ архивахъ, въ богатыхъ собраніяхъ наслѣдственныхъ бумагъ, нѣтъ другаго средства какъ прибѣгнуть къ «сказаніямъ», то есть, къ тому, что уже сказано другими въ изданныхъ въ свѣтъ источникахъ. Это средство, конечно, не позволяетъ сказать много новаго и удовлетворить ожида-

не слишкомъ любопытнаго читателя, но, при надлежащемъ искусствѣ и тщательномъ выборѣ источниковъ, можно составить весьма занимательную книгу, которой интересъ естественно будетъ увеличиваться по мѣрѣ приближенія разсказу къ новѣйшей эпохѣ, гдѣ сѣвкость семейныхъ преданій уже хорошо замѣняетъ большой или меньшій недостатокъ въ неизданныхъ письменныхъ документахъ, главнымъ основаніи привлекательности фамильныхъ монографій; можно даже написать книгу, очень пріятную и полезную для историка, который найдетъ въ ней готовую летопись знаменитаго въ отечественныхъ событіяхъ роду. Исторія наша сдѣлалась бы гораздо яснѣе, гораздо обильнѣе подробностями и богаче характерами, если бы мы имѣли такихъ книгъ побольше, — такихъ, какъ «Сказанія» о родѣ князей Долгоруковыхъ.

Этотъ княжескій родъ получилъ начало около шестнадцатаго столѣтія отъ князя Ивана Долгорукаго, прозваннаго такъ, вѣроятно, по длинѣ рукъ, и ведетъ свою родословную отъ Рурика, черезъ Святаго Владиміра и его потомка Михаила, князя черниговскаго, котораго пятый и самый младшій сынъ, Иванъ, имѣлъ въ числѣ сыновей своихъ одного, по имени князя Константина Оболенскаго. У князя Константина Оболенскаго третій и самый младшій сынъ назывался Андреемъ. Старшій сынъ князя Андрея Константиновича, князь Иванъ Долгорукий, сдѣлался родоначальникомъ князей Долгоруковыхъ, черезъ единственнаго сына своего Константина, у котораго изъ семерыхъ сыновей осталось четверо, Семень, Федоръ Вольшой, Тимофей и Михайло. Отъ нихъ-то произошли четыре вѣтви князей Долгоруковыхъ. Трое сыновей князя Семена Константиновича служили воеводами въ походахъ 1544 и 1549-годовъ; и съ нихъ начинаются «Сказанія».

До 1608 года авторъ только пробѣгаетъ имена разныхъ князей Долгоруковыхъ, указывая на походы, въ

которыя они находились. Первое лицо, о котором успѣлъ онъ собрать нѣсколько подробностей въ сказаніяхъ о Междоусобицѣ, это князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ-Рошча, знаменитый защитникъ Троицко-Сергіевской Лавры. Второе — князь Владиміръ Тимофеевичъ, другъ митрополита Филарета Романова. Когда, послѣ освобожденія отечества отъ ига, Поляковъ, Михаилъ Романовъ-Юрьевъ вступилъ на престолъ, ближайшимъ совѣтникомъ юнаго монарха былъ назначенъ двоюродный братъ его Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, старинный другъ Долгорукова, который, спустя два года (1615), получилъ мѣсто казанскаго намѣстника.

.. Можно сожалѣть, что авторъ «Сказаній» не послалъ гораздо большаго числа страницъ колоссальной фигуры князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, человека необыкновеннаго въ свое время и превъчайно примѣтельнаго по уму, характеру, образованности, воинскимъ дарованіямъ и обширнымъ видамъ. Объ немъ одномъ стоило написать цѣлую книгу, и въ матеріалахъ не было бы недостатку.

Въ 1659 году князь Яковъ Долгоруковъ, русскій Каптомъ, украшеніе роду Долгоруковыхъ, котораго Петръ Великій называлъ умникомъ и дядею. Онъ былъ старшій сынъ околыничаго князя Федора Долгорукова, служилъ комнатнымъ стольникомъ, и, несмотря на личную опасность и угрозы приверженцевъ царевны Софіи, мужественно возсталъ за права юнаго Петра, который вскорѣ и пролюбилъ его. Опасаясь вліянія Долгорукова на молодаго Царя, царевна Софія и князь Василій Голицынъ успѣли удалить его изъ Россіи подъ предлогомъ посольства въ Францію и Испанію. Возвративъ оттуда онъ уже нашелъ дѣла въ другомъ положеніи. Царствіе царевны было близко къ паденію. Петръ, котораго вліяніе съ каждымъ днемъ усиливалось, съ радостью встрѣтилъ Долгорукова, и въ рѣшительный моментъ, послужившимъ отъ него, особы. По возвращеніи, с...

изъ-за границы, Петръ пожаловалъ его бояриномъ, а въ 1700 году назначилъ ~~землею-плеинцоплеинцалъ~~ крестъ-коммиссаромъ, отдавъ въ полное его распоряженіе провантскую и конносаріатскую части. Важность этой отряды управленія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи была необыкновенна: на ней зависѣла весь успѣхъ борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII. Долгоруковъ, ревностный сподвижникъ Царя во всѣхъ его преобразованіяхъ, оказалъ въ этомъ особенномъ званіи незабвенныя заслуги Монарху и отечеству, и истинно римскій характеръ этого вельможи нарисовался во всемъ своемъ строгомъ величій. Яковъ Долгоруковъ, который избралъ себя лозунгомъ — *Царю правда, лучшій слуга*, могъ бы одинъ прекрасно наподнить собою всю такую книгу какъ «Сказанія.»

«Въ Петербургъ оказался недостатокъ въ хлѣбъ; ожидая подвоза прованта водою, Государь повелѣлъ сенату изыскать способъ отвратить угрожавшій голодъ. Долго разсуждали сенаторы, и наконецъ единогласно опредѣлили: собрать по четверику съ каждаго крестьянина въ новгородской губерніи, какъ ближайшей къ столицѣ. Петръ Великій, размыченный множествомъ дѣлъ, одобрилъ это мнѣніе. Оно было утверждено подписью всѣхъ сенаторовъ, кромѣ Долгорукова, который тогда не присутствовалъ. На другой день явился онъ въ сенатъ; прочелъ опредѣленіе; потребовалъ сургуча, и не говоря ни слова, запечатавъ всѣ изготовленные указы по этому дѣлу, вышелъ и отправился въ своей одноколкѣ къ обѣднѣ. Изумленные и обиженные сенаторы немедленно донесли Государю, со многими прибавленіями. Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и послалъ за Долгоруковымъ. Онъ находился еще въ церкви; ему объявили волю Царя: «слышу», отвѣчалъ онъ, и остался на своемъ мѣстѣ. Явился другой посланный, и получилъ одинакій отвѣтъ. Гнѣвъ Монарха увеличился. Сенаторы, не любившіе Долгорукова, котораго заочно называли *умникомъ*, пожимали плечами; говорили, какъ будто про себя, но довольно громко, чтобы слова ихъ были услышаны Царемъ; «Какое дерзкое упор-

ство!» Некоторые жаловались даже на него Государю: «Еще Величество, сказалъ Меншиковъ, можете изъ такого противоборства воли вашей заключить, какую вы должны сносить досаду отъ всагдашнего его въ делахъ противоречія? Раздраженный Монархъ послалъ въ третій разъ за Долгоруковымъ, велѣвъ объявить ему: что если онъ немедленно не явится въ сенатъ: то съ нимъ поступлено будетъ какъ съ ослушникомъ верховной власти.» — «Воздадите Богуя Богуи, а Кесарева Кесареви», произнесъ Долгоруковъ, продолжая молиться. — «Что прикажете донести Государю?» спросилъ посланный. — «Донеси, что видишь и слышишь.» Между-тѣмъ обѣдня кончилась, и Долгоруковъ поспѣшилъ въ сенатъ. Въ чрезмѣрномъ гнѣвѣ, Петръ, обнажа свой кортикъ, вскричалъ: «Ты долженъ умереть какъ противникъ Государевъ.» — Вотъ грудь моя, хладнокровно отвѣчалъ Долгоруковъ: не страшусь лишиться жизни за правду; но ты будешь Александръ, а я Клитъ.» При этихъ словахъ Монархъ опустилъ руку, и отступивъ на нѣсколько шаговъ, спросилъ его: «Какъ ты осмѣлился остановить мое повелѣніе?» — «Ты самъ, продолжалъ князь, приказываешь представлять себя истину и стараться о пользѣ твоего народа.» Смягченный симъ отвѣтомъ, Петръ спросилъ: «Но гдѣ же возьмемъ мы хлѣбъ? Развѣ ты хочешь видѣть печальное слѣдствіе голоду?» — Нѣтъ, Государь, Боже насъ отъ того сохрани! Но не для чего тебѣ и господамъ сенаторамъ такъ безпокоиться. Отъ насъ самихъ зависитъ отвращеніе самой опасности: стоитъ только хотъ немного усерднѣе подумать, и новгородская губернія, которая болѣе другихъ испытала тягость войны, не будетъ обременена новыми налогами.» — «Какое же средство должно употребить для этого?» спросилъ Петръ, совершенно успокоившійся. — «Извольте свѣсть, Государь. Я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ.» Монархъ и всѣ сенаторы слыш. Долгоруковъ продолжалъ: «Проманитъ твой будетъ сюда, по-крайней-мѣрѣ, не прежде какъ чрезъ два мѣсяца; до того времени есть у меня столько-то кушанья мучи; а мѣся на продовольствіе дому моего довольно помѣшны, или не много побольше; у князя Меншикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, останется гораздо еще болѣе половины; у генераль-адмирала тожъ; у дру-

нѣтъ господъ сенаторовъ будутъ такіе остатки. Возьми ихъ: иѣско и бѣдные граждане не потерпятъ нужды въ продовольствіи, а когда придетъ ожидаемый хлѣбъ, то ты можешь взятый у насъ возратить намъ новою мучею. Такииъ образомъ мы, въсто лежалой, получимъ съязку, а бѣдные крестьяне новгородскіе не потерпятъ нашей тягости. — Ибо не думай, Государь, прибавилъ Долгоруковъ, чтобы крестьяннмъ хотъ раздѣлаться однимъ четверникомъ. Ему мало на раздѣлку и двухъ : воры-комиссары съязнутъ къ тому средства; они, подъ предлогомъ, что мука дурна, прогоркла и прочая, не станутъ ее принимать, и крестьяннмъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобы хотъ вдвое да взяли, только бы его не мучили. Разсуди же, какая бы это была для нихъ тягость, когда они съ нуждою едва прокормиваютъ семейства свои?» Внимательно слушалъ Петръ шание Долгорукова; потомъ, оборотясь къ сенаторамъ, сказалъ: «Что жъ вы молчите и не противорѣчите? Правду ли онъ говоритъ или нѣтъ?» Сенаторы принуждены были признаться, что князь говоритъ дально и справедливо; изъявили готовность отдать весь свои избытки хлѣба: «Вижу, продолжалъ Государь смотря на нихъ, что можно вамъ сносить его упорство и противорѣчія.» После этого въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ благодарилъ онъ Долгорукова за его прозорливость и просилъ у него прощенія въ гнѣвъ своемъ.»

«Въ другое время Петръ Великій прислалъ въ сенатъ указъ, равне обыкновеннаго, о наборѣ рекрутъ. «Долго ли быть этнмъ разорительнымъ для народа и государетва наборамъ?» — сказалъ Долгоруковъ съ негодованіемъ, и положилъ указъ подъ сукно. Исправившій тогда должность оберъ-прокурора и весь сенаторы представили ему : «какъ онъ осмѣливается остановить исполненіе имяннаго повелѣнія?» — Я знаю, что дѣлаю, возразилъ Долгоруковъ. — Царь хоти и не сомнѣвался въ отчизнолюбіи князя Якова Федоровича, но не менѣе того раздосадованъ былъ новыиъ самовольствомъ : послалъ за Долгоруковымъ и грознымъ голосомъ потребовалъ отвѣта въ его поступкѣ. «Государь!» — сказалъ онъ : ты отецъ своихъ подданныхъ : такъ ужели не чувствуешь скорби и разоренія ихъ отъ частыхъ наборовъ рекрутъ? Ужели не трогаютъ тебя слезы, рыданія

«дворянъ, родителейъ, детей и женъ этихъ бедныхъ людей, яри разлуку?.. Ужель не чувствуешь, сколько рукъ отнимается отъ земледѣля?... Ежели бы хорошеенько подумалъ о томъ, конечно, съискалъ бы средство, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, обойдись и безъ рекрутскаго набора?» — «О какомъ средствѣ говоришь ты?» спросилъ его Петръ Великій; рекруты необходимы къ пополненію полковъ.» — «А вотъ о какомъ, продолжалъ Долгоруковъ: ты знаешь, Государь, сколько до сихъ поръ находится рекрутовъ въ бѣгахъ; изъ нихъ нѣкоторые, боясь наказанія, скрываются въ дѣсахъ; многіе даже вдали въ воровство и разбѣ. Отвѣдай простить всѣхъ ихъ за побѣги; увѣрь, что если они добровольно явятся отъ публикованія указа черезъ полгода, или какъ изволишь назначить, то никакого имъ и укрывателямъ ихъ не будетъ наказанія. Я увѣренъ, что ихъ соберется столько, сколько тебѣ теперь надобно.» — «Добро, дядя! сказалъ Петръ: отвѣдаю поступать по твоему, и увидимъ, будетъ ли такъ, какъ ты предполагаешь.» — Въ самомъ дѣлѣ, милостивый указъ о бѣглыхъ оправдалъ надежду Долгорукова: они явились во множествѣ, и рекрутскій наборъ былъ отмененъ.

«Однажды Петръ Великій, имѣя надобность, для флота, въ значительномъ количествѣ хлѣба, велѣлъ сенату распорядиться доставкою къ веснѣ изъ Низовыхъ мѣстъ. «Спусти льто, да въ лѣсъ по маляну, сказалъ Долгоруковъ, качая головою, когда прочтенъ былъ въ присутствіи указъ. «Но нѣльзя, можно извинить Государя безчисленными его заботами, что, не обдумавъ, написалъ. Ну, какъ управиться къ веснѣ поставкою сюда изъ такой дали хлѣба, упусти время?... А хотя бѣ и положить, что съ нуждою поставить можно, въ такомъ случаѣ станетъ онъ цѣною вдвое; а самъ же онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ.» — Сказавъ это, Долгоруковъ, по обыкновенію своему, положилъ указъ подъ сукно. Не замедлили донести Государю. Петръ явился въ сенатъ и спросилъ гнѣвно: «Исполнено ли по послѣднему его указу?» — Не исполнено, отвѣчалъ Долгоруковъ: «потому, что исполнить нельзя.» — «Отъ тебя всегда я слышу противорѣчія, прервалъ его съ сердцемъ Петръ: съ чѣмъ же мнѣ флотъ мой выпроводить?» — «Не гдѣвайся,

«Государь, а выслушай сперва: время упущено; изъ столько дальнихъ мѣстъ доставить въ Петербургъ хлѣба къ веснѣ ни какъ нельзя, а хотя бы и можно, то станеть онъ цѣною почти вдвое; такъ зачемъ же такая напрасная трата въ людѣгахъ; въ которыхъ ты еще и нужду имѣешь?.... А ежели онъ къ тому времени не будетъ привезенъ, какъ и думать должно: то не станешь ли ты еще болѣе тогда на часть гнѣваться? Можно и безъ того направиться, и флоту твоему въ свое время вытти въ море.» — «Да какъ же?» спросилъ Государь. — «А вотъ какъ, продолжалъ Долгоруковъ: у меня скоро будетъ сюда хлѣба больше нежели сколько на употребленіе дому моего надобно; у Меншикова, я слышу, идетъ его и гораздо еще больше; да чаю, и у всей нашей братіи тоже. Такъ ты, Государь, и можешь у всѣхъ насъ излишни тѣ отобрать; а я навѣрно надѣюсь, что ихъ будетъ столько, сколько тебѣ надобно; въ противномъ случаѣ, можно для твоей нужды и изъ настоящей инвентаріи намъ по нѣскольку убавить; но до того, чаю, еще дойдетъ; а, между-тѣмъ, не торопись, въ свое время и безъ передачи въ цѣнь, хлѣбъ сюда доставится. Тогда ты, Государь, какъ и прежде было, взятое у насъ количество отдашь; такъ и ты, и мы всѣ будемъ безъ убытку; а хлопотъ-то уже ни какихъ не будетъ. Вотъ для чего исполнить указа твоего было нельзя.» — Признательный Царь поцѣловалъ Долгорукова въ голову и произнесъ: «Спасибо, дядя! ты, право, умѣе меня, и не напрасно называють тебя *умникомъ*.» — «Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ Долгоруковъ: не умѣе; но у меня менѣе дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать, а и тутъ иногда ошибаюсь; у тебя же ихъ безъ числа, такъ и не дивно, что ты много «не обдумаешь!» Петръ Великій, взявъ свой указъ, при всѣхъ разодралъ.

«Незадолго до заключенія мира съ Швеціею, Государь, присутствуя въ сенатѣ, велѣлъ для работъ, производимыхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, сдать, по-прежнему, нарядъ работниковъ изъ губерній. «Пора бы уже тебѣ губерній-до отъ работъ, и освободить?» сказалъ ему Долгоруковъ съ обыкновенною своею смѣлостію и чистосердечіемъ. — «Такъ по твоему, возразилъ Петръ, надобно оста-

«новить работы?» Вместо отвѣту, Долгоруковъ продолжалъ: «Время уже обидѣть; а казнь-то не бранится; пожалуй къ мнѣ; Государь, откупать, такъ я тебя скину, что и «наряда работниковъ изъ губерній не надобно, и работы твои не остановятся.» — «Хорошо, отвѣчалъ Петръ Великій: поведемъ, и что-то я отъ тебя услышу?» — «Теперь у тебя война, слава Богу, приходитъ къ окончанью, сказалъ Долгоруковъ, вышивъ у себя чарку водки съ Государемъ: «и по-крайней-мѣрѣ половина арміи твоей безъ дѣла: то если ты и однихъ праздныхъ солдатъ употребишь на свои работы, давая имъ, сверхъ жалованья, деньги, какія платятся работникамъ: тогда и они, и губерніи твои весьма будутъ тѣмъ довольны; а особливая выгода въ томъ, что солдаты, занятые работою, не будутъ имѣть случая баловаться.» Указъ былъ уничтоженъ и Петръ воспользовался совѣтомъ Долгорукова.

«Присутствуя въ сенатѣ, Долгоруковъ продолжалъ управлять и комиссаріатомъ: однажды, по недостатку синняго сукна, отпустилъ отъ зеленого на плаццѣ полка Меншикова. Последний, не зная причины, остался доволенъ этимъ отличіемъ (одна только гвардія имѣла зеленые плацци); но получивъ потомъ снова синнее сукно, и обидясь, прислалъ къ Долгорукову одного полковника съ вопросомъ: «Для чего на полкъ его доставлено сукно не такого колѣра?» — Полковникъ, выведенный изъ ничтожества Меншиковымъ, не понимая послѣдняго слова, переначилъ по-своему и сказалъ князю Якову Федоровичу: «Его свѣтлость проситъ ваше сіятельство дать ему знать, для чего на полкъ его отпущено сукно не того колѣбра?» — «Что ты говоришь?» — «Не того колѣбра, повторилъ полковникъ. — «Глупъ, братъ, ты, сказалъ ему Долгоруковъ, да и тотъ глупъ, кто тебя и въ полковники произвелъ!» и съ тѣмъ его отпустилъ. Можно представить себѣ, сколько отвѣтъ сей оскорбилъ надменнаго князя Ижерскаго. Передъ тѣмъ временемъ Петръ Великій, для лучшаго успѣха адмиралтейскихъ работъ, поручилъ каждому сенатору смотрѣть за строеніемъ особито корабля. Главный любимецъ царский, и жившій болѣе способъ, нежели другіе, построить свой прамель всѣхъ. При спускѣ Государь былъ чрезвычайно веселъ и

изъявилъ признательность свою Меншикову, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы оклеветать Долгорукову: онъ представилъ Государю полковника, несомненно обиженного княземъ Яковомъ Федоровичемъ, который не только его, но и того, къ кому онъ произведенъ въ полковники, называлъ «дураками.» Обиженный сталъ на колѣна передъ Царемъ и просилъ защиты противъ сдѣланнаго вѣдьями. Между-тѣмъ Долгоруковъ веселился съ своими друзьями за особымъ столомъ, и когда адъютантъ его, Наумовъ, разсказалъ ему на ухо что происходило, онъ отвѣчалъ съ презрительною холодностію: «Пусть икъ жалуются, какъ хотятъ!» — «Давно ли я у тебя въ дураки попалъ?» — спросилъ его Петръ съ гнѣвнымъ видомъ. — «Удивляюсь словамъ твоимъ, отвѣчалъ Долгоруковъ: мнѣ и въ мысль этого прійти не можетъ!» — Да не говорилъ ли ты присланному отъ Меншикова полковнику, что онъ дуракъ, и дуракъ тотъ, кто его произвелъ въ этотъ чинъ?» — «Говорилъ.» — «Но кто жъ жалуетъ въ полковники?... Вѣдь это я самовольно и я у тебя дуракъ?» — «Нѣтъ, Государь, этого ты на свой счетъ принимать не долженъ: ты знаешь, какъ я тебя разумью; а это сказано мною о Меншиковѣ, который дурака того, изъ сыновей изменническихъ, единственно потому, что онъ пресмыкается передъ нимъ, довелъ до подполковника, убѣдилъ тебя потомъ продрозвести его въ полковники; но ты, по правдѣ твоей, конечно не пожаловалъ бы его въ такой чинъ, еслибъ Александру не хвалилъ передъ тобою службы его, между-тѣмъ, какъ отличія этого полковника состоятъ только въ ласкательствѣхъ и въ наущицествѣхъ ему, Александру.» — Тогда Долгоруковъ пересказалъ Царю, за что онъ назвалъ дуракомъ любимца Меншикова, объявивъ, что онъ сынъ казеннаго стрельца. Помолчавъ не много, Государь сказалъ: «Хорошо, дядя, я все сказанное тобою изслую», а полковника велѣлъ арестовать и отвести въ крѣпость. На другой день, князь Ижерскій явился къ Долгорукову: «Вы никого не дѣлали несчастнымъ» — сказалъ онъ ему; — «можно ли было ожидать, чтобъ погубили ни въ чемъ невиннаго предъ вами полковника?» — «Не я его погубилъ, а ты самъ» отвѣчалъ Долгоруковъ; «ты, конечно, не то ему приказывалъ.

«сказать мнѣ, что онъ совралъ, за что и назваешь я его дуракомъ; а тебя бы должно снести прежде со мною, а не жаловаться Государю!» Меншиковъ признался, что онъ виноватъ, и просилъ съ покорностію, спасти его любимица. «Хорошо» сказалъ князь Яковъ Федоровичъ, «но надобно для этаго дожидаться спуска моего корабля: онъ скоро поспѣетъ, ежели ты поможешь мнѣ въ работникахъ, которыхъ у меня маловато и достать ихъ немогу.»—Работники немедленно явились къ Долгорукову; корабль его черезъ нѣсколько дней былъ отыланъ и спущенъ на воду въ присутствіи Петра и Екатерины. На немъ данъ строителямъ обремененный столъ, послѣ котораго Царь, взявъ супругу за руку и подошедъ къ Долгорукову, сказалъ: «Дядя нашъ больше нашъ другъ, нежели подданный; никто столько князя не любитъ, какъ онъ: всегдашняя правда, говоренная имъ мнѣ, и ревность его къ отечеству это доказываютъ ясно; и ты должна его также много любить, какъ и я!»—Потомъ, обратясь къ нему, продолжалъ: «Проси, другъ мой, у меня, чего тебѣ угодно: я все для тебя слылаю.»—«Хорошо», сказалъ Долгоруковъ; «посмотрю, слылаешь ли о чемъ тебя попрошу?» «Слылаю,» повторилъ Государь.—«Такъ прости же арестованнаго полковника: я больше ни о чемъ тебя не прошу.» Петръ похвалилъ его великодушіе; возвратилъ свободу арестанту; но отправилъ его комендантомъ въ дальнюю крѣпость, желая тѣмъ наказать Меншикова.»

«Однажды Петръ подписалъ въ сенатѣ Указъ о посылкѣ для рытія ладожскаго канала, крестьянъ губерній новгородской и санктпетербургской. Долгоруковъ въ тотъ день не присутствовалъ; на другой, прибывъ въ сенатъ, спросилъ: «О чемъ здѣсь вчера разсуждали?» Ему подали подписанный сенаторами протоколъ, гдѣ включено было Высочайшее повелѣніе. Князь началъ съ жаромъ говорить, что повелѣніе это противно пользѣ государственной, что о томъ непременно надобно Государю скорѣе доложить, чтобы не подвергнуть окончательному разоренію двѣ губерніи, и безъ того уже истощенныя. Ему подали указъ съ подписью царскою: князь Яковъ схватилъ указъ и разорвалъ въ куски. Всѣ сенаторы съ ужасомъ вскочили съ своихъ мѣсть. «Знае-

«те ли что вы сделали и чему зато подвергаетесь?» спрашивали они у Долгорукова. «Знаю, и буду зато отвечать предъ Богомъ, Государемъ и Отечествомъ.» Въ это самое мновеніе Петръ вошелъ въ сенатъ, удивился необыкновенному шуму, и осведомился о причинѣ: генераль-прокуроръ Ягужинскій съ треветомъ подалъ ему разорванный указъ, и объявилъ все. «Что побудило тебя», спросилъ разгнѣванный Царь у князя Якова, «къ такому неслыханному преступленію противъ твоего Государя.» — «Не иное что, какъ усурдіе мое къ счастью твоихъ подданныхъ и къ собственной твоей славы. Петръ Алексѣевичъ! Надѣюсь на твое благоразуміе: ты вѣрно не захочешь слѣдовать примѣру Карла XII, и не станешь разорять своей земли. Ты поторопился подписать указъ, а не разсчелъ, въ какомъ состояніи находятся эти двѣ губерніи, болѣе всѣхъ другихъ пострадавшія отъ войны? Сколько въ нихъ людей вымерло; какъ великъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ? Что мѣшаетъ тебѣ, для рытія канала, необходимо-нужнаго для твоего Петербурга, взять работниковъ изъ другихъ областей, менѣе разоренныхъ; изъ каждой области по немногу? Сверхъ того, у тебя въ рукахъ большое число пленныхъ Шведовъ, которыхъ ты можешь употребить вместо своихъ подданныхъ къ тяжелой работѣ.» — «Все это очень хорошо, отвѣчалъ Петръ, но зачѣмъ же было рвать мой указъ?» — «Оттого, что я разгорячился и не утерпѣлъ!» Петръ велѣлъ издать повелѣніе о высылкѣ на работу, вместо петербургскихъ и новгородскихъ крестьянъ, пленныхъ Шведовъ. Великъ подданный, который въ защиту истины и для блага отечества не страшится пренословить Самодержцу, но Великъ и Самодержецъ, который внимаетъ истинѣ, и уважаетъ такого подданнаго!

«Въ другой разъ, Петръ, въ жаркомъ спорѣ съ Долгоруковымъ, до такой степени вышелъ изъ себя, что выхватилъ кинжалъ, и хотѣлъ его заколотъ. Князь Яковъ схватилъ Петра за руку. «Постой, Государь! Честь твоя дороже мнѣ моей жизни. Если голова моя тебѣ нужна, то не действуй своими руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади. Тогда еще подумаютъ, что я назначенъ за какое-нибудь важное преступленіе: судить же меня съ тобою бу-

«зачь одишь Бога!» Петръ бросилъ короткъ на волю, вы-
бѣжалъ изъ комнату; черезъ четверть часа возвратился, и
обнимая князя Якова, со слезами просилъ у него прощенья.

«Когда заболѣлъ малолѣтний царевичъ Петръ Петровичъ
(25 апрѣля 1719), котораго Петръ Великій нѣжно любилъ
и назначалъ наслѣдникомъ престола, и болѣзнь ребенка ока-
залась безнадежною, Петръ заперся въ своемъ кабинетѣ, не
хотѣлъ никого видѣть, отказался отъ пищи, и заливался
горькими слезами. Сама Екатерина не имѣла доступа въ каби-
нетъ мужа. Встревоженная, она послала за княземъ Яко-
вомъ, и совѣтовалась съ нимъ. Князь Яковъ собралъ во
дворцѣ весь сенатъ, пошелъ къ кабинету царскому, и сталъ
стучаться въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ Петръ. «Долго-
руковъ и весь сенатъ пришли къ тебѣ, Государь, съ дѣла-
ми необыкновенной важности.» — «Я не могу васъ при-
нять.» — «Отвори дверь, Государь;» кричалъ Долгоруковъ,
«отопри дверь, и допусти насъ къ тебѣ: дѣла не терпятъ
никакой отсрочки.» Петръ отперъ дверь, и князь Яковъ
сталъ говорить ему, что отлучка Царя вредитъ дѣламъ цар-
ства, что Россія не можетъ, по причинѣ горести Владѣйки
своего, видѣть ходъ дѣлъ остановленнымъ, и что Петръ
долженъ приняться за дѣла или дать Россіи другаго Госу-
даря. Царь спокойно выслушавъ осьмидесяти-лѣтняго стар-
ца, далъ ему слово утишить горестъ свою, покориться волѣ
Божьей, и на слѣдующее же утро принялся за дѣла.

«Однажды, въ шумномъ обѣдѣ, Государь задалъ речъ
о дѣлахъ Царя, родителя своего; каждый изъ свидѣтелей
за столомъ сообщалъ свои замечанія; наконецъ придвор-
ные нечувствительно склонили разговоръ къ сравненію дѣлъ
Петра Великаго съ дѣланіями Алексѣя Михайловича, и графъ
Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ; изъ лѣстцъ къ цар-
ствующему Государю, сталъ хвалить его, осуждая правле-
ніе Алексѣя; наконецъ самые даже знаменитые поддани
усопшаго Царя принесли Морозову, Нащокину и другимъ
искуснымъ министрамъ того времени. Съ негодованіемъ
Петръ внималъ словамъ его: «Ты хулю дѣлъ отца моего,
а лицемерно мнѣ дохвадою» — сказалъ онъ, болѣе меня
бранишь, нежели сколько я стерпеть могу!» и вставъ съ

своего мѣста, подошелъ къ Долгорукову, остановился на его стуломъ, и сказалъ: «Дядя! я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжело спорами своими досаждаешь, что часто едва могу стерпеть; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; длятого я тебя внутренно и благодарю. Нынѣ же тебя спрошу, и увѣренъ, что ты о дѣлахъ отца моего и мнѣ скажешь правду величественную,» — «Изволь съестъ» отвѣчалъ Долгоруковъ; «а я подумую.» Вся хранилищечина, которое, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, прервалъ Долгоруковъ, подожкивая длинныя усы свои; «Государь! вопросъ твой нельзя кратко изъяснить, длятого, что дѣла разныя: въ одномъ твой отецъ, а въ другомъ ты больше достоинъ отъ насъ хвалы и благодарности. Главныя дѣла государей, коими они отличаются, три: первое, внутренняя расправа, — важнѣйшее занятіе ваше, ибо отъ нее происходитъ правосудіе. Въ этомъ отецъ твой больше тебя смысляетъ; онъ далъ намъ Уложеніе, по которому и нынѣ мы судимся; но когда и ты о этомъ прилежать будешь, то можешь быть, и превзойдешь его, — и пора уже тебя о томъ и думать. Второе: военныя дѣла; отецъ твой много чрезъ нихъ хвалы заслужилъ, и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устройствомъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ; но по немъ несмысленные люди почти все его учрежденія такъ разорили, что ты почитай все вновь смысляетъ, и въ лучшее состояніе привелъ; однако жъ, я, много думая о томъ, еще не знаю, кого больше хвалить? Но и о мнѣ войны твоей прямо намъ то понаметъ. Третье: устройство флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранцами, ты далеко большую пользу государству, и себѣ честь приобретаешь, нежели отецъ твой, и все это самъ, надѣюсь, за правду примешь. Что жъ разсуждаютъ, будто бы Государя какихъ министровъ избираютъ, умныхъ или глупыхъ, такъ ковы и дѣла ихъ; то я противно разумно: мудрый Государь умѣетъ мудрыхъ и совѣтниковъ избирать и за вѣрностию ихъ наблюдать. И такъ у мудраго не могутъ быть глупые министры; ибо онъ можетъ разсудить о достоинствѣ каждаго, и отличить правыя совѣты отъ несправыхъ и вредныхъ.» — «Благій рабе и вѣрный!» сказалъ тогда Петръ

Великій, обнимая Долгорукова, «въ малъ былъ ии еси веренъ, надъ многими ты поставлю!»

Кратки но любопытны біографіи князей, Григорія Феодоровича Долгорукова, знаменитаго дипломата; Василія Владиміровича, сподвижника Петра въ полтавскомъ сраженіи и прутскомъ походѣ, извѣстнаго потому своими бѣдствіями; Ивана Алексѣевича, пользовавшагося при Петрѣ II неограниченною властью; Ивана Васильевича, извѣстнаго поэта; Петра Петровича и Михайла Петровича, «друзей» Императора Александра Перваго, Юрія Владиміровича и Василія Михайловича, проименованнаго «Крымскимъ».

Въ примѣчаніяхъ къ «Сказаніямъ» авторъ помѣстилъ отрывки записокъ княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой и князя Юрія Владиміровича Долгорукова, записаніе князя Ивана Михайловича, современныя описанія сватъбы Царя Михаила Феодоровича и обрученія Императора Петра II, нѣсколько рескриптовъ, указовъ, манифестовъ, и прочая. Нѣкоторыя изъ этихъ приложеній весьма любопытны, и заставляютъ искренно сожалѣть, что число ихъ такъ незначительно, и что оно не умножено выборомъ изъ обширной корреспонденціи знаменитѣйшихъ членовъ такой важной исторической фамиліи. Частныя переписки вообще — лучшія украшенія такихъ книгъ и самыя вѣрныя матеріалы для изученія людей и эпохъ.

Въ составъ «Россійскаго родословнаго сборника», предпринятаго тѣмъ же авторомъ, должны войти всѣ *ныни существующіе* роды россійско-княжескіе, боярскіе внесенные и не внесенные въ Бархатную Книгу, и россійско-графскіе: въ началѣ сборника помѣщены списки этихъ родовъ, и мы замѣтили, что, въ исчисленіи русскіхъ графовъ, пропушено имя Сперанскаго, хотя, какъ извѣстно, это имя *существуетъ*, потому что, по Высочайшей волѣ, оно перешло, вѣсть въ

графскій титулъ, къ внуку покойнаго Спиряжскаго, сыну сенатора Фролова-Багрѣва.

Въ первой книжкѣ «Сборника» представленъ историческій очеркъ происхожденія одиннадцати княжескихъ родовъ, а именно, Одоевскихъ, Кольцовыхъ-Масальскихъ, Горчаковыхъ, Елецкихъ, Звѣнигородскихъ, Барятинскихъ, Оболенскихъ, Тюфякиныхъ, Щербатовыхъ, Волконскихъ и Рѣпниныхъ-Волконскихъ.

Родословная князей Одоевскихъ, старѣйшаго изъ всѣхъ княжескихъ родовъ, подробно и полнѣ прочихъ. Этотъ родъ происходитъ отъ Святаго Владиміра Равноапостольнаго, черезъ потомка его Святаго Михаила, князя черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ. У Михаила было пять сыновей, Ростиславъ Новгородскій, родоначальникъ давно угасшихъ герцоговъ маховскихъ и Боевійскихъ; Романъ Черниговскій и Брянскій, родоначальникъ угасшаго рода князей Осовецкихъ; Симеонъ Глуховскій и Новорильскій; Мстиславъ Карачевскій и Юрій Тарусскій. Князь Симеонъ имѣлъ одного сына Романа, а этотъ трехъ: Василія, родоначальника угасшихъ князей Бѣлевскихъ, Льва и Юрія. Этотъ имѣлъ также трехъ сыновей, Ивана, Ѳедора, родоначальника угасшаго въ семнадцатомъ вѣкѣ дому Вортынскихъ, и Семена, родоначальника князей Одоевскихъ. Извѣстнѣйшій и достойнѣйшій изъ нихъ былъ князь Никита Ивановичъ при царѣ Михаилѣ.

«Въ теченіе вѣковъ шестнадцатаго и семнадцатаго, домъ князей Одоевскихъ пользовался величайшимъ значеніемъ при Дворѣ. Сила и могущество дома сего, возрастая постепенно, достигли наконецъ высшей степени при Ѳедорѣ III и при царевнѣ Софіи. Тогда домъ князей Одоевскихъ явилъ примѣръ, небывалый въ лѣтописяхъ Россіи: въ одно и то же время три поколѣнія дома его носили шапки боярскія. Въ думѣ боярской засѣдалъ доблестный старецъ князь Никита Ивановичъ, съ сыномъ и съ двумя внуками, и млад-

шій изъ этихъ двухъ внуковъ (князь **Василій Ивановичъ**), носилъ важный санъ *дворецкаго*.»

Князья Кольцовы-Масальскіе ведутъ родъ отъ четвертаго сына Святаго Михаила черниговскаго, Мстислава Карачевскаго; князья Горчаковы и Елецкіе отъ внука Мстиславова Ивана Титовича Козельскаго; князья Звенигородскіе, угасшіе нынче, отъ дяди послѣдняго, Андреяна Мстиславовича. Сынъ младшаго сына Святаго Михаила черниговскаго, Юрія, Всеволодъ, имѣлъ двухъ сыновей, Андрея и Димитрія; старшій сынъ перваго, Александръ, сдѣлался родоначальникомъ князей Барятинскихъ, а братъ Всеволода, Константинъ, Оболенскихъ, Тюфякиныхъ, Долгоруковыхъ и Щербатовыхъ. Тотъ же Юрій Михайловичъ Тарусскій, сынъ Святаго Михаила, имѣлъ сына Ивана, по прозванію *Толстая Голова*, и далъ ему во владѣніе отчину Сапрышину или Сапрыскину на рѣчкѣ Волконкѣ, отъ которой произошло названіе Волконскихъ. Знаменитый домъ Рвинныхъ, угасшій въ мужскомъ колѣнѣ 12 мая 1801 года, имѣлъ родоначальникомъ князя **Ивана Михайловича Оболенскаго-Рвиню**, умершаго въ 1523 году.

Биографія замѣчательнѣйшихъ членовъ всѣхъ этихъ родовъ представлена въ весьма сокращенномъ видѣ, но мы объяснили причины чрезвычайной скудости данныхъ для такого предмету. Авторъ ни сколько не виноватъ въ сухости своихъ страницъ, которыя, при другихъ, болѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, могли бы быть чрезвычайно занимательными. Весьма примѣтельно уже и то, что сдѣлано имъ по столь обширной и трудной части съ такимъ знаніемъ и усердіемъ.

путешествіе по севернымъ берегамъ Сибири и по
Ледовитому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824
годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта
Фердинанда фонъ-Врангеля. Санктпетербургъ, 1841. 2 тома.

1. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СЕВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ И ПО
Ледовитому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824
годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта
Фердинанда фонъ-Врангеля. Санктпетербургъ, 1841. 2 тома.

1. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СЕВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ И ПО
Ледовитому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824
годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта
Фердинанда фонъ-Врангеля. Санктпетербургъ, 1841. 2 тома.

1. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СЕВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ И ПО
Ледовитому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824
годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта
Фердинанда фонъ-Врангеля. Санктпетербургъ, 1841. 2 тома.

Прежде нежели по-русски вышло въ свѣтъ подлин-
ное путешествіе господина фонъ-Врангеля, мы уже
имѣли случай говорить объ его переводахъ или пере-
дѣлкахъ этого сочиненія, изданныхъ въ Германіи и Ан-
глии; и въ оно пользуется большимъ успѣхомъ и снис-
киваетъ себѣ похвалы всѣхъ критиковъ. Можно сна-
зать, впрочемъ, что это три разныхъ янги одинаковой
занимательности. Англійское изданіе, особливо, во-
будило любовь Европы, по причинѣ участія въ
немъ знаменитаго маіора Себайна, и по тому, что
ни одинъ изъ нынѣшнихъ ученыхъ моряковъ твердо
земли не пользуется въ Англіи такою громкою славою
какъ господинъ фонъ-Врангель, о котораго даровані-
яхъ, искусствѣ и предпримчивости имѣютъ тамъ са-
мое высшее, и справедливое, понятіе. Но каждый изъ
нашихъ читателей тотчасъ предложитъ себѣ вопросъ въ
какомъ образѣ случилось, что въ Германіи и Англіи
Риттеръ и Себайнъ издавали въ переводахъ книгу, ко-
торая еще не выходила въ подлинникъ и которой под-

лишникъ, какъ говорили, даже былъ затерянъ? Этотъ вопросъ часто и мы предлагали себѣ; къ счастью, предисловіе русскаго издателя, А. Ф. Смирдина, объясняетъ загадку :

«Знаменитый путешественникъ нашъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ 1824 году, назначенъ былъ командиромъ военнаго шлюпа *Кроткій*, на которомъ совершилъ плаваніе вокругъ свѣта въ 1825 — 1827 годахъ; возвративъ изъ сего вояжа, привелъ онъ въ надлежащій порядокъ журналы и записки, веденныя во время путешествія по северной Сибири и Ледовитому Морю, и составленное имъ описаніе представилъ на разсмотрѣніе адмиралу Василію Михайловичу Головнину. Вскорѣ потомъ господинъ Врангель принялъ на себя званіе правителя нашихъ русскихъ колоній въ северо-западной Америкѣ, и только въ 1836 году возвратился въ Россію. Въ его отсутствіе, нашъ флотъ и государство лишились знаменитаго Головнина; рукопись господина Врангеля была забыта, доколь не обратилъ на нее своего вниманія просвѣщенный председатель Ученаго Комитета морскаго министерства, Логинъ Ивановичъ Голицынецъ-Кутузовъ, который распорядился о печатаніи ея. Между-тѣмъ рукопись была переведена на нѣмецкій языкъ статскимъ совѣтникомъ Е. А. Энгельгардтомъ, съ рѣшимою противъ подлинника измѣненіями, которыя состояли главнѣйше въ томъ, что отдаленныя особа замѣты по части географіи введены переводчикомъ въ самый разсказъ событій, а описаніе Колымы и ея жителей дополнено замѣтками, разбросанными въ разныхъ главахъ подлинника. Измѣненія нѣмецкаго переложенія одобрены были господиномъ Врангелемъ, который, желая ввести ихъ и въ рускомъ изданіи, просилъ о прекращеніи печатанія, начавшагося на счетъ Ученаго Комитета. Въ 1838 году господинъ Врангель препоручилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣнной рукописи, когда въ то же время Императорская Академія Наукъ приняла на свое издѣніе печатаніе особаго *Прибавленія къ путешествію*, содержащаго въ себѣ рѣчки и отдаленныя ученныя статьи. Къ печатанію моему было тогда же приступлено, но медленности въ печатаніи потомъ

призвала отъ того когѣ просить и приняти на себя надзоръ за печатаніемъ рукописи. Издавая теперь русскій подлинникъ, съидиши удовлетворить нетерпѣливое ожиданіе отечественной публики.

«Въ *Прибавленіи*, которое, какъ сказано, издается академію наукъ, кромѣ собранія литографированныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ сѣверныхъ сіяній и льдовъ Ледовитаго Моря, помѣщены замѣчанія о полярныхъ льдахъ и различныхъ явленіяхъ Ледовитаго Моря, сѣверныхъ сіянійхъ, вѣтрахъ въ сѣверной Сибири, вѣдъ на собакахъ, топографическій очеркъ возвратнаго пути въ Якутскъ изъ Средне-Колымска, собраніе словъ чувашскаго и омскаго языковъ, метеорологическія, термометрическія и магнетическія наблюденія, географическія опредѣленія широты и долготы мѣстъ, и прочая. Изображенія сѣверныхъ сіяній рисованы были съ натуры, карандашомъ господина Матюшкина, сопутника господина Врангеля, а перерисованы и раскрашены стараніемъ знаменитаго академика Паррота.»

Такимъ образомъ русскій подлинникъ и теперь еще не весь вышелъ, но мы можемъ поговорить о «*Прибавленіи*» позже, а здѣсь займемся самою книгою, которая сама по себѣ столь важна для любопытства соотечественниковъ автора.

Первую главу своего сочиненія онъ посвящаетъ подробной и весьма занимательной исторіи безконечныхъ усилій русскихъ казаковъ, промышленниковъ и ученыхъ, проникнуть до *Студенаго Моря*, то есть, до Ледовитаго Океана, со-стороны Сибири, открыть его берега и узнать, какія земли находятся еще за нею. Однихъ вѣли туда корыстолюбіе и надежда на богатую добычу дорогими мѣхами, другихъ любовь къ наукѣ и желаніе повѣрить ихъ рассказы о существованіи новаго обширнаго материка за сѣверными предѣлами Азіи, которой очертаніе вовсе было неизвѣстно географіи. Кажется, что промышленникъ Игнатьевъ, первый изъ Русскихъ плавалъ между льдяными глыбами Студенаго Мо-

въ 1646 году, оное же, которое, неслышавъ и откры-
 тивъ реки Колымы. Съ тѣхъ поръ дѣлается длинный
 рядъ попытокъ къ расширенію русскаго интересу предпріи-
 тій, успѣховъ и страданій множества сивальчиковъ, пы-
 тавшихся, изъ корыстолюбія или по благородному стре-
 мленію къ познанію, проникнуть въ эти негостеприим-
 ныя страны. Исторія географіи сохранила имена Ста-
 духина, Дежнева, Булдакова, Насѣткина, Траурних-
 та, Маркова, Вигелина, Амосова, Ляхова, Сыровацка-
 го, Сащидова, Рѣшетникова, Андреева, полковника
 Шестакова, штурмана Миципа, геодезиста Чекина, ка-
 питана Билинссса, лейтенантовъ Муравьова, Павлова,
 Овцына, Смуратова, Суховина, Дахинуса, Прончище-
 ва, Шалзурова, титулярнаго советника Геденштрёма,
 и особенно двухъ Лаптевыхъ, которыхъ подвиги ист-
 тинно удивительны. Карта полковника Шестакова,
 составленная по разсказамъ сибирскихъ промышленни-
 ковъ, была скопирована парижскими географами Дели-
 омъ и Бюшомъ, и такимъ образомъ проникла въ атласы
Большая Земля, будто-бы открытая Русскими въ Ле-
 довитомъ Океанѣ около 1723 года въ северу за Шелаг-
 скимъ Носомъ. Вся русскія академіи въ тѣ стороны, со-
 времени Императрицы Анны Иоанновны, имѣли цѣлью,
 между прочимъ, собраніе достоверныхъ данныхъ
 объ этой предполагаемой Большой Землѣ. Промышлен-
 никъ купца Ява Сыровацкаго, Поршнягинъ, находясь
 съ своимъ козлинкомъ на Котельномъ Островѣ въ пер-
 выхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, увидѣвъ на востока
 оттуда длинную черту береговъ, и извѣстивъ о томъ
 Сыровацкаго: они *ходили* вмѣстѣ на эту землю, и оба
 подумали, что нашли наконецъ тотъ северный ма-
 терикъ, о которомъ носились слухи еще съ семнадцат-
 таго столѣтія. Сыровацкіе пользовались монополіей
 промыслу на Котельномъ Островѣ. Купецъ Претолья-
 комивъ, которому не удалось открыть для себя ни ка-
 кого новаго острова за устьемъ Лены, рѣшился про-

силъ Императора Александра I о дозволеніи свободно
 промышлять на Котельномъ Островѣ. Это подало
 въ 1808 году поводъ государственному канцлеру гра-
 фу Николаю Петровичу Румянцову отправить туда ти-
 тулярнаго совѣтника Геденштрома съ порученіемъ «от-
 крыть» Большую Землю, найденную Сыровацкимъ. Го-
 сподинъ Геденштромъ удостоверился въ несомнѣтель-
 ности догадки Сыровацкихъ; новая земля ихъ вовсе
 не была тѣмъ неизвѣстнымъ материкомъ, вѣдъ называ-
 вать ее *Новою Сибирью*.

Мысль о существованіи большаго материка
 противъ рѣки Колымы осталась по-прежнему (нео-
 провергнутою и неутвержденною: напротивъ, отваж-
 ный ямшанинъ Санниковъ, добровольно присоединив-
 шійся къ экспедиціи господина Геденштрома, своими по-
 казаніями придалъ новую вѣроятность преданіямъ о
 Большой Землѣ и опять запуталъ вопросъ. Эта экс-
 педиція не принесла пользы наукъ. Астрономическія на-
 блюденія господина Геденштрома для опредѣленія ши-
 ротъ не вѣрны иногда на цѣлый градусъ; расчеты
 мѣсть показаны въ его журналѣ очень произвольно.
 Выясняемъ однако жъ нѣсколько замѣчаній его объ
 общемъ характерѣ страны, въ которую вскорѣ должны
 мы будемъ сопровождать господина Врангеля.

«По всему берегу Ледовитаго Моря лѣсъ не растетъ. Онъ
 оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрывъ-
 ть мхомъ, низокъ и искривленъ. На некоторое пространство
 отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и сринокъ
 (*Betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю стано-
 вятся примѣтно рѣже и ниже, и наконецъ вовсе теряются.
 Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ краинихъ къ сѣ-
 веру лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берегу Ледовитаго Мо-
 ря состоитъ изъ *тундры*, то есть, покрывъ мхомъ, крайне
 болотистого и усыяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произ-
 растаетъ трава. Берегъ Ледовитаго Моря во многихъ мѣ-

стахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ наноснаго ласу. Все доказываетъ, что этотъ увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое Море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальное разстояніе мели, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго Моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льду и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерывающія земляныя слои.»

«На Ледовитомъ Морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ апрѣль мѣсяцъ, видны отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревяныя Горы* на Новой Сибири. Онѣ между-тѣмъ не выше двадцати сажень, а разстояніе ихъ отъ Индигирки не менѣе трехъ сотъ двенадцати верстъ. Быковский Мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также ясно видѣнъ бываетъ съ мыса Бархая, влѣво отъ Яны, на разстояніи ста пятнадцати верстъ.»

Это любопытное явленіе замѣчено было также на водахъ Грѣнландіи и, недавно, членами послѣдней экспедиціи на Новой-Земль. Господинъ Бэръ приписываетъ его особенной прозрачности сѣвернаго воздуха. Но едва-ли прозрачность атмосферы можетъ показать предметы на такомъ разстояніи какъ отъ Петербурга до Твери : выпуклость земли должна совершенно скрыть ихъ матеріальною преградою зрѣнію. Это явленіе очевидно относится къ разряду «кораблей-призраковъ», видѣнныхъ и въ послѣднее десяти-лѣтіе путешественниками съ англійскаго военнаго корабля «Барракуты», къ феноменамъ такъ называемаго двойнаго переломленія свѣту. Есть случаи, и можетъ-быть чаще нежели какъ предполагаютъ, когда мы видимъ предметы, не сквозь воздухъ, но на воздухъ, точно какъ-бы въ зеркаль : другими словами, часто мы вовсе не видимъ самихъ предметовъ, а видимъ передъ собою только кар-

таку *шаг*, отраженную на ближайшей къ намъ части воздуха. Въ этомъ случавъ воздухъ, какъ кажется, одаренъ тѣмъ же свойствомъ какъ вода, и простой примѣръ можетъ объяснить это: положите на дно пустой чашки серебряную монету, и удалитесь на столько, чтобы край чашки скрывалъ монету совершенно отъ вашего зору; потомъ, не трогаясь съ мѣста, прикажите налить воды въ чашку: вы вдругъ увидите монету, то есть, не монету, а образъ ея, отраженный вертикальною поверхностью воды и подвинутый со дна къ вашему глазу. Путешествовавшіе въ пустынныхъ мѣстахъ знаютъ по опыту, какъ часто надобно употребить недля и болѣе времени чтобы дохватъ до предметовъ, которые кажутся не далѣе версты отъ вашего глаза. Почной воздухъ, вѣроятно, обладаетъ этимъ свойствомъ еще въ высшей степени: тогда и образы близкихъ предметовъ воздухомъ придвигаются къ глазу такъ, что кажутся вамъ въ нѣсколькихъ шагахъ, между-тѣмъ какъ они иногда въ двухъ стахъ и болѣе. Прозрачность атмосферы, конечно, не принимаетъ ни какого участія въ этомъ глазномъ обманѣ. Далѣе, о сѣверныхъ островахъ происидитъ Геденштромъ замѣчаетъ, что берега ихъ состоятъ болѣею частію изъ синеватой глины. Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири смолистое дерево; тутъ же поблизости есть превосходной доброты топазый камень. *Деревянная*. Горы Новой Сибири названы такъ: оттого, что эти утесы состоятъ изъ горизонтальныхъ, равной толщины, слоевъ пеманки и смолистаго дерева, въ видѣ бревень. Въ утесахъ эти бревна имѣютъ горизонтальное положеніе, а на самой вершинѣ горы стоятъ вертикально одно подлѣ другаго; вышина конювъ, на поверхности земли, отъ двухъ до четырехъ вершковъ, и видъ ихъ весьма походитъ на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ его чрезвычай-

но обманчивъ, потому что онъ совершенно незначителен только что потухлый уголь, вальнутый въ нѣкоторые мѣстахъ неплотъ. Низшая, бѣловатая плѣва его крѣпко соединена съ углемъ. На Колымскомъ островѣ попадаются аммониты. На рѣдкѣ острововъ, находящихся вблизи тамне-кратныя сердолики, Мамонтъ-кнѣзья, или, какъ некоторые называютъ, дѣла мамонта, не попадались тяжелѣе шести пудовъ; напротивъ, на матеромъ берегу, въ некоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ двенадцать пудовъ. Взвѣсивъ того островная кость свѣжее и белѣе. На первомъ Дядюшскомъ Островѣ примѣчательно, что если отъ западной стороны острова отъ продолжительныхъ вѣтровъ, обнажается, то находить на ней множество множенасанныхъ моремъ роговъ.

Наконецъ, въ 1820 году, Императоръ Александръ повелѣлъ снарядить новую экспедицію, для развѣдчія вѣкъ сѣверной о Большой Землѣ и, главное, для изслѣдованія сѣвернаго берега Азій, столь мало извѣстнаго пограничья, тогда какъ сѣверныя берега Америки принадлежали въ голубую извѣстность трудами Россѣ, Шарри и Франца. Выберъ ушелъ на двухъ лейтенантовъ, господъ Врангеля и Анжу. Пенной Сперанскій, бывшій тогда сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, раздѣлилъ экспедицію на двѣ: одна, подъ начальствомъ господина Анжу, должна была начать свои дѣйствія отъ устья Яны и стараться достигнуть земель, которая промышленники видели съ Котельнаго и Фаддеевскаго Острововъ; другая, подъ начальствомъ господина Врангеля, имѣла порученіе, основавъ главное мѣсто пребыванія въ Нилне-Колымскѣ, начать путь отъ устья Колымы и описать берегъ до Берингова Пролива. Обстоятельства шлоду лейтенанта Анжу не извѣсны въ подробности, потому что путешествіе его не издано въ свѣтъ; впрочемъ, по картѣ, приложенной къ англійскому изданію книги господина Врангеля, видно, что господинъ Анжу, пус-

шли въ 1822 году отъ Лены и въ 1825 отъ Яны; до-
ходя въ до половины семьдесятъ седьмого градуса се-
верной широты, то есть, была отъ полярной земли не
далека какъ отъ Петербурга до Одессы. Впрочемъ, дру-
гіе мореплаватели бывали еще ближе къ полюсу, вер-
стахъ въ восемь или десяти стахъ.

Господинъ Врангель выѣхалъ изъ Петербурга двад-
цать третьяго мая 1820 года, и втораго ноября прибылъ
въ Нижне-Колымскъ. Его описаніе сѣверныхъ странъ
и тамошнихъ жителей, чрезвычайно занимательно.

«Сарадахская станція, содержимая отставнымъ вахми-
стромъ Атласевымъ, однимъ изъ потомковъ покорителя Кам-
чатки, обстроена несравненно лучше другихъ станцій по
дорогѣ отъ Якутска до Нижне-Колымска. Въ прочно по-
строенной избѣ хозяина отдылена для проезжающихъ осо-
бая, теплая и чистая, комната; на дворѣ находятся престор-
ная юрта для проводниковъ и большіе навѣсы для лошадей,
также загоны для рогатаго скота; въ серединѣ двора, на
бревнахъ, сажени въ три вышины, сдѣлано небольшое лѣт-
нее жилище и поставлены солнечныя часы. Вся зданія ус-
троены на косогорѣ и обнесены палисадомъ, примыкаю-
щимъ къ изобильному рыбою озеру, за которымъ виднѣется
дождливо густой и высокій лѣственный лѣсъ. Вообще
здесь все такъ хорошо и удобно придумано, что Сарадахъ
можетъ быть сравниваемъ съ плодороднымъ оазисомъ въ
вещныхъ африканскихъ степяхъ.

«Отъ Сарадаха до Средне-Колымска считается двестишесть
верстъ; на этой дорогѣ лежатъ тринадцать и гудачи-
ныя станціи. Возвышенность, разделяющая охотыныя водъ-
рыки Ахазен отъ реки Колымы, называютъ Пондичин-
скимъ Хребтомъ; восточная возвышенность со- держитъ Доло-
тань, озерами и рѣчками лѣсомъ; западная почти безлѣсная,
вродего, по причинѣ холодныхъ западныхъ ветровъ. Бли-
же къ рецѣ Колымѣ, страна становится ярѣе, болѣе
озера сдѣлаются лѣственными рѣчками, и на лѣсныхъ
группахъ изъ. Здѣсь, на небольшомъ озерѣ, увидать можно
все стада дикихъ оленей; съ удивительною скоростью про-

— послѣдствіи зима была не по году; по берегамъ вѣтра бывали за ними два раза.»

«Двадцать пятаго октября, поздно вечеромъ, выехали за на берега Нольмы. Было уже совершенно темно; на дѣл добакъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло свѣтящихся сквозь льдяныя стекла огни и резко рисующійся чернѣйшій шпиль колокольной показали намъ, что мы приехали въ городъ Средне-Кольмскъ. Съ тѣхъ поръ какъ назначенъ мѣсто-пробываніемъ кольмскаго исправника, онъ видимо улучшается; кромѣ хорошей церкви, въ немъ считается тринадцатѣ домовъ, которые, впрочемъ, льтомъ, по большей части бывають пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ охоты и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ оживаетъ. Въ наше время все народонаселеніе занято было устройствомъ на рѣкѣ заоловъ для лова сельдей, которыя подымались къ верховьямъ Кольмы. Рыбная ловля нынѣ гораздо меньше прежняго изобильна, такъ, что жители Средне-Кольмска должны значительно уменьшать число своихъ собакъ и заводить лошадей. Такая переиьна сопряжена съ большими затрудненіями, потому что льто здѣсь часто бываетъ слишкомъ коротко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна.

«Стужа усиливалась. На послѣднемъ переходѣ отъ Сарадаха, термометръ, при ясномъ небѣ и совершенной безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до 19° холоду: Мнѣ прѣсрѣсрѣвали снабдиться полнымъ зимнимъ гардеробомъ, и въ короткое время доставили все нужное. Злышняя зимняя одежда состоитъ изъ широкой куртки, на песцовомъ меху, и также нагрудника и широкихъ шароваровъ изъ заячьей шкуры, что надевалъ я на мое обыкновенное форменное платье. На ноги, кромѣ двухъ паръ досковъ изъ оленьей шкуры, надеваются такіе же высокіе сапоги, торбасы, а сверхъ того, какъ мы ѣхали верхомъ, особые меховыя чакалышки. Наконецъ надевають широкую кулачку, родъ шапки, съ отвертіемъ для головы, съ рукави и кашпономъ. Она дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ, одна шерстью наружу, а другая внутри, и предельшается широкимъ кулакомъ. Лицо также закутывается лоскутами меховъ, какъ то, налобникомъ, наос-

шлемъ; на губахъ, на подбородкѣ и на ушахъ; а на голову надвигается огромный шанахъ изъ лисьего меха. Споръ вѣтхая одежда была мнѣ нѣстеринна и тягестна; я насилью вылезалъ на лошадей и не безъ труда пролезалъ сквозь узкія двери якутскихъ юртъ, но въ послѣдствіи, особенно при 30° морозу и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, нарядъ мой казался мнѣ превосходнымъ и удобнымъ.

«Двадцать седьмого октября поехали на лошадяхъ изъ Средне-Колымска, далѣе по лѣвому берегу рѣки, встречая довольно часто якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ русская деревня Омолошная, на рѣкѣ того же имени; отсюда начинается ѣзда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные лѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

«На легкихъ нартахъ пролетѣли мы въ два дня сто двадцать верстъ, и втораго ноября, при 32° морозу, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, путешественники наши, проѣхавъ въ семь съ половиною мѣсяцевъ одиннадцать тысячъ верстъ, достигли первой цѣли своего путешествія, бывшей рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія въ жестокомъ климатѣ, представляющемъ среднюю годовичную температуру *осемь градусовъ холоду*.

«У Нижне-Колымска рѣка становится въ первыхъ числахъ сентября; ближе къ устью, въ Чукотскомъ Протоцкѣ, нѣющаго теченіе слабѣе, переходятъ часто уже двадцатаго августа навьюченныя лошади по льду; вскрывается рѣка въ началѣ іюня. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ 52 дня (съ пятнадцатаго мая по шестое іюля); однако жъ отъ того мало пользы: оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагреваетъ воздуха. При видимомъ сближеніи съ землею, лучи теряютъ почти всю свою яркость; самое солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами.

«Хотя въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не

заходить, однако, въ обыкновенный, посылаетъ, прежде времени замахъ. Когда холоднее, солнце поднимается на горизонтъ, наступаютъ вечеръ и ночь, и природа покоится, а когда, уже мерзетъ ледъ, оно опять несколько повышается, то все пробуждается: птицы прилетаютъ, новые для веселья и доброты; свернувшийся желтый илдетокъ спешивается открыть свое чашечку, и ледъ, наконецъ, ступитъ наслаждать, хоть незначительными, благодетельными и вливающимъ солнечнымъ лучей. Такое происходитъ и со временами года; какъ подъ поворотными кругами сдвигаются между собою только весна и лето, такъ и адъи ощущаются лишь лето и зима, вопреки мнѣнію туземцевъ, которые утвердительно говорятъ о веснѣ и осени. Первую помнятъ они около того времени, когда солнечные лучи начинаютъ быть замѣтны въ полдень, что случается обыкновенно въ половине марта; но и тогда часто бываетъ ночью 30° морозу. Осень считаютъ они съ того времени, когда замедляютъ рыки, именно, съ первыхъ чиселъ сентября и продолжается до ноября; тогда бываетъ перидко 35° морозу. Лето начинается въ послѣднихъ числахъ мая; близкая вода распускаетъ маленькіе источники, а лежащая къ югу отлогости берегу похрываются блѣдною зеленью. Въ июнь случается въ юднѣ до 18° тепла; показываются цвѣтки и расцвѣтаютъ долныя кусты; но если поднимается морской вѣтеръ, отъ него сдвѣляется воздухъ суровымъ, скуная зелень желтѣетъ и цвѣтки пропадаютъ.

«Въ іюль воздухъ становится гораздо чище и прѣтисе, но природа, какъ-будто хочетъ произвестъ въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ прелестей лѣта и заставить ихъ желать возврату зимы: въ первыхъ числахъ мѣсяца появляются милліоны комаровъ, помрачающие воздухъ густыми облаками, и единственное убѣжище отъ нихъ въ фидомъ *справдымокурровъ*, или зажженныхъ кучъ мху и сырыхъ дровъ, который отгоняетъ несносныхъ мучителей. Но какъ вся природа имѣетъ благодетельную цѣль, и вредъ съ помощью всюду уравновѣшивается, то и эти насекомыя оказываютъ жителямъ самую существенную услугу, заставляя оныхъ выходить изъ лѣсовъ на приморскую дунду, открывая холоднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огромными стадами, съста-

щныя и вѣтви ея скрываютъ собою и ла дана гъсьмъ; вода бѣготная болотистая и мѣтъ, особенно при перепреваніи на ровѣ рѣки и озера, и съ мѣломъ, труною убиваютъ въ нѣсколько дней. Другую, не менше существенную на ферманно прѣпровожающую, полярную охватываютъ рощи замерзль и стучимы въ чебукавъ бѣтъ, при шесту лощалать, котораы на безконечной туманѣ лѣныа могли бы заблудиться, если бы природный инстинктъ не научилъ ихъ держаться всегда по близости къ шкурѣнъ, гдѣ находятъ онъ защиту отъ вражескихъ враговъ своихъ. Всегда пасутся она въ густомъ дѣлу оное, а инстинктъ, кучь, а когда не стадеъ травъ въ одну мѣсяць, жучи переносятъ дакъ. Обыкновенно опаралавотъ дѣломъ, и, не стами, чтобы скотъ не могъ приближаться къ дѣлу.

Впродолженіи дѣла и адась бываетъ громъ, который слышенъ въ горахъ, а надъ ея жноку и лѣяною равниною слытъ только свободъ гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцовъ; въ сентябрѣ дождь несколько умарлется вусьми туманами и напередѣны отъ замерзающаго моря, но съ ноября наступаютъ большіе морозы, которые въ январѣ доходятъ до 42°. Тогда замораживаетъ лѣныа. Дикій олень, житель южнрнхъ отранъ, забиратся въ гущу лѣсовъ и скотъ такъ неподвижно, какъ бабыльщанный, и даже слытъ испаритоса. Въ это время двухъ мѣсяцаго дѣла починается, съ двадцатаго ноября, тридцати осьми суточная ночь, которая еднѣко мѣтъ, отъ сильной рефракціи и еднѣнаго свѣту, и отъ чешекъ северныхъ сіяній, бываетъ довольно сносна. Декабря двадцать осьмью замораживается ночь горизонтъ, бѣлая утрення заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ. Съ возвращеніемъ солнца, дождь становится чувствительнѣе, и бывающіе въ февралѣ и мартѣ утренніе морозы отлнчаются особливою пронзительностью. Совершенно яснѣе дни зимою бывають здѣсь не часто, оттого что дующіе съ моря вѣтры наносятъ паръ и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звѣзды. Такую густую мглу называютъ здѣсь моротомъ. Всего болѣе яснѣхъ дней въ сентябрѣ.

«Замечательное здесь явление природы — западно-юго-западный ветеръ, называемый подъ именемъ *теплесо самру*, который иногда, при ясномъ небѣ, начинается дуть внезапно, и среди жесточайшей зимы, въ короткое время повышаетъ температуру нѣзъ 36° морозу на полтора градуса тепла, такъ, что льдины, закрывающія здесь степки въ снѣгахъ, таютъ. Въ долинахъ аляушонскихъ теплый ветеръ дуетъ часто, а къ западу отъ Чукотскаго Мыса чудесное дѣйствіе его прекращается. Ветеръ этотъ продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

«Хотя по всему здѣшній климатъ можно считать самымъ суровымъ и неблагоприятнымъ, однако жъ должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цынготной ни другихъ опасныхъ приличивыхъ болѣзней; простудная лихорадка и, особенно, глазная боль случаются обыкновенно только въ октябрѣ, продолженіи густыхъ тумановъ, и въ декабрѣ, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ есть отчасти слѣдствіе отраженія свѣту на необозримыхъ снѣжныхъ равнинахъ, бывающаго съ полуденіемъ солнца надъ горизонтомъ, столь сильнаго, что надобно закрывать глаза, чтобы не ослѣпнуть. Тимъ называемое «по-вѣтріе», которое часто оказывается между обитателями западнѣ лежащей страны, здѣсь, на северной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространившись въ 1821 году по всей северной Сибири между собаками по-вѣтріе появилось въ Колымскѣ почти годомъ позже, нежели у западныхъ рѣкъ и вдоль береговъ чукотскихъ. Замечательна еще, случающаяся здѣсь, какъ и вообще въ северной Сибири, странная болѣзнь, называемая *мирлкъ*, которая, по мнѣнію жителей происходитъ отъ того, что духъ одной, давно умершей, но всё-еще странной чародѣйки, *Аграфены Жиганской*, вселяется въ больныхъ и вслѣдствіи ихъ мучитъ. Мнѣ кажется, *мирлкъ* — ничто иное какъ истерика въ сильнѣйшей степени; этою болѣзнію страдаетъ по большей части женскій полъ.

«Скудная растительность соответствуетъ печальному климату. Особенно въ этомъ отношеніи бѣдна окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго

тѣпій, иногда совершенно нерастающий, слой растительной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ съ прикраскою частицъ льду, сама можетъ питать какое-нибудь уродливое листовидное деревце; корни его, не допускаемые вышнимъ льдомъ въ глубину земли, болѣею частью лежатъ обнаженныя на поверхности. У береговъхъ отягостей всюду растетъ нарѣдка мелколистный иванъ, а на равнинахъ преобладаетъ жесткая трава, которая болѣею моря доставляетъ скоту нѣсколько питательнаго корма, потому что при случающихся ежегодно наводненіяхъ промывается солонною водою. Чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ рѣже видны малорослыя деревца и кустарники, которыя наконецъ, у лѣваго берегу Колымы, около тридцати пяти верстъ севернѣе Нижне-Колымска, вовсе исчезаютъ. На правомъ берегу лѣсъ простирается однако жъ немного далѣе къ северу: вообще этотъ берегъ, по сухой и глинистой почвѣ, неблагоприятенъ для просянбій, которыя растутъ здѣсь слышнѣе и въ болѣеишемъ разнообразіи нежели по ту сторону, на мерзлой, льдиной и болотной почвѣ. На равнинахъ, покрытыхъ хорошею травою, попадаются тимьянъ, и, въ особенности, польнъ; также цвѣтетъ индиговникъ. Чета вълюбленникъ, если только можетъ здѣсь существовать любовь, не ходитъ сантиментальную незабудку на берегахъ ручейковъ. Мажка смородина, голубица, брусника, мароника, княженица и шикша цвѣтутъ здѣсь, а въ благоприятное лѣто даютъ ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать; никогда не рѣшается разводить ихъ. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ двумя градусами южнѣе, видѣлъ я однако жъ рѣдкую, также капусту безъ вилковъ.

«Въ анюйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и кедровникъ. Когда прійдешь сюда съ мерзлой, покрытой льдомъ тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Италію. Но и тутъ еще кажется, что снѣгъ таетъ только для того чтобы подъ тонкимъ слоемъ земли образовать новый ледъ, на который не могутъ имѣть вліянія слабыя лучи солнца.

«Со скудостью, или, лучше сказать, ничтожествомъ произрабаемой природы, представляется въ замѣчательной противоположности богатство животнаго царства. Олени въ

белоглазыхъ стамия; лоси (гохоты), черныя буряки
мидьки, лисаки, соболь и белики наполняютъ игорные
лесы; носы и вали рылняютъ во нивеностяхъ; огром-
ная жидкаяобода; тучи и утки, прилетая весной, шипятъ
удивленнаго воста; безобразно стъ дресльдебниа охотни-
цы, чтобы вланыть тить и выловть дичь; орлы; фили-
ны; и валье преллудуть взоом добычу у морозихъ бере-
говъ; балля куропатки втадани втагнеть около кустарни-
ковъ, и маленние кулики работниве пересеменивають по
болотистахъ берегахъ. Валии жилицы хозяйничаютъ на
равнобавия вброны, и когда свѣтитъ весеннее болнце, слыш-
на влвога вниче веселно заблани, а осенью чирикахья ма-
ленькихъ ромововъ.

«Но при чемъ такой разнообразной деятельности!» одну
вышедъ на ужасную пустыню вволю вселить мысль!
здесь граница обитаемаго свята! Присутствіе животныхъ
ошаста должно въ вѣщому закону природы: единственно
нашиотирку одламаньони обитателямъ ледной пустыни!
Но какъ стугниси здѣсь члвковъ? Чтд могло замочь стч
ошидъ въ логалу природѣ? Говорю не о маломъ числѣ Рус-
скихъ, которые, вышедши на значительную промыслъ ра-
внищю вриятъ сюда на несколько времени, но о техъ наро-
дахъ, которые, безъ таковы побумденія, адвезъ поселились.
«Источавъ миромъ умереннаго влнмата переходать в
одной плодородной странѣ въ другую, и постепенно, черезъ
многія вволюнія, удалавтосъ столь даярко стъ своей роди-
ны, что мллаблота для ней чуждыми, предричтама ей новую
оливану... Но влвокъ куда ничто не заманиваетъ надеждома
будущее, гдѣ одна лишь безконечная, «нигнотъ» и влбды
покрытия; вустыни: опрашичиваютъ мрачннотъ горнвонъ,
гдѣ подъ твердымъ покровомъ вчной земли (погрребенна
природа не можетъ почти вничего врудтавити чловкму, и
гдѣ живны: остававшы горестное бореице со вельдъ чуждыми
холоду; и голоду, съ недостаткомъ вельвты, слынытъ вбыв-
нвенныкъ, вѣтребностей и наслажденій, чтд могло побу-
диль чловкна оставить свое прежнее, ввротнотъ; прлтанн
инсд жилище, и поселитсѣ въ этой ужасной морталъ приро-
дѣ, которая заключаетъ въ себя только вѣсти уже давно
не существующихъ первобытныхъ животныхъ?» Наприсво

будетъ ны послать разрѣшенія нашему вопросу: ни какой цѣлѣвикъ, ни какое преданіе не говорятъ о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи покоренія Сибири Русскими не извѣстно ничего достовернаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у *Омоковъ* больше нежели звездъ на ясномъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ иныхъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ, въ особенности у рѣки Индигирки; то и другое принадлежало, какъ полагаютъ, сильному и многочисленному поколѣнію *Омоковъ*, которое нынѣ вовсе исчезло. Судя по несвязнымъ отбѣтамъ нѣкоторыхъ стариковъ, кажется, что Омоки не были кочующимъ народомъ, во имѣли постоянную осѣдность по берегамъ верховья рѣки, питаясь звероловствомъ и рыбнымъ промысломъ. Другое многочисленное поколѣніе, называемое *Чукочъ*, кочевало, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, черезъ которую протекаетъ Колыма на сѣверъ къ морю, отъ чего и доселѣ существуютъ въ этой странѣ названія рѣчекъ, каковы *Малая* и *Большая Чукочья*. Омоки сдѣлались, вѣроятно, жертвою войнъ и болѣзней, а Чукочъ, или Чукчи, переселились частію еще далѣе къ сѣверу, гдѣ нынѣ обитаютъ, частію смѣшались съ другими поколѣніями, которыя также имѣютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда временно и составляютъ нынѣшней скудное населеніе здѣшней страны (около пяти тысячъ душъ обоюго пола).»

Такимъ образомъ эта ужасная страна нѣкогда имѣла стоишь Тультековъ какъ прежняя Мексика!.... и на этой мерзлой почвѣ есть слѣды древней архитектуры или, какъ сказалибы нынѣшніе историки, *древней колѣтиской образованности!* Это ужъ совсѣмъ не понятно: развѣ предположить, что Сибирь въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда теплѣе чѣмъ теперь. Присутствіе свѣжихъ слоновыхъ костей и открытіе, въ глыбѣ прибрежнаго льду, цѣлаго мамонта, котораго скелетъ находится теперь въ санктпетербургской кунсткамерѣ, подали поводъ ученымъ къ самымъ страннымъ гипотезамъ о великой пе-

ремня климатовъ на земномъ шарѣ. Бюффонъ предполагалъ, будто положеніе полюсовъ было некогда другое; плутонысты вѣрятъ еще въ древнее накаленіе почвы, постепенно прѣстывшей послѣ той эпохи, когда земля, для нихъ потухла, горѣла какъ свѣча; геологи новѣйшей школы объясняютъ это непрерывнымъ, тихимъ перемѣщеніемъ морь. Всѣ эти догадки нынче потеряли большую часть своей замысловатости. Открытіе, въ Сѣверной Америкѣ, остатковъ мамонта, *убитаго медвѣдями*, показываетъ, во-первыхъ, что эти животныя водились еще не такъ давно на землѣ, и, во-вторыхъ, что они водились именно въ сѣверныхъ странахъ и могли жить въ довольно холодныхъ климатахъ. Присутствіе мамонтовыхъ костей на берегахъ Ледовитого Моря и его острововъ, должно, кажется, быть отнесено къ тому же разряду явленій какъ и «костяныя пещеры» въ разныхъ странахъ Европы,—къ теченіямъ и наносамъ водъ. Ледовитое Море выбрасываетъ мамонтовые рога, какъ выбрасываетъ и сосновыя бревна: тѣ и другія должны быть увлечены туда изъ внутренности материковъ водами, стремящимися по значительному скату земли къ сѣверу. Безъ-сомнѣнія изъ этихъ-то наносныхъ бревенъ и «древняя колымская образованность» строила свои деревянныя крѣпости. Русскіе, обитающіе здѣсь, и теперь еще добываютъ такимъ образомъ строевой дѣсъ на свои избы, ловятъ при разливѣ рѣкъ бревна, выбрасываемыя моремъ, и часто бѣдный рыбакъ терпѣливо ждетъ нѣсколько лѣтъ, пока участіе даруетъ ему довольно дѣсу на сооруженіе новой хижины.

«Хотя обитающіе здѣсь Русскіе, черезъ смѣшеніе съ Юкагирами и анюйскими Якутами заимствовали отъ нихъ много въ одеждѣ, образѣ жизни, и даже въ чертахъ лица, однако жъ они всё-еще отличаются весьма замѣтно яркимъ своимъ сложениемъ. Они вообще ростомъ выше, теломъ бѣлье, и у многихъ — сѣдло-русые волосы, чего не

встречалъ я у природныхъ жителей. Русскія женщины, несмотря на свои трудныя работы, и несправность, въ какой живутъ, чертами лица пріятно и правдивѣе чѣмъ настоящія Юкагирки, Тунгуски и Якутки, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами. Онѣ не чужды супружеской нежности, и пріятно видѣть радость жены или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опаснаго промысла или изъ дальней поѣздки. После первыхъ привѣтствій и благодарственной молитвы, выставляется на столъ все, что есть лучшаго въ запасѣ, и потомъ возвратившійся долженъ разсказать, какіе преодолевалъ онъ труды, какіихъ избѣжалъ опасностей. Съ искреннимъ участіемъ все семейство слушаетъ разсказника, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятіе объ его твердости духа, рѣшительности или смѣлности, зная, что въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ доброе о себѣ мнѣніе.

«Многія изъ женщинъ одарены поэтическою способностью слагать пѣсни, которыя заключаютъ въ себѣ болѣею частію жалобы на разлуку съ любезными. Въ такихъ пѣсняхъ замѣчательно воспоминаніе о прошедшемъ времени: живившія роли въ нихъ играютъ голубокъ, соловей, цвѣты, и знаете другіе предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ каждая знаетъ только по слухамъ. Вотъ два образца:

1.

«Напишу ли я письмо, въ паромъ, въ черномъ,
 Напишу письмо горючей слезой;
 Отпущу я письмо съ сизокрыленькимъ голубкомъ.
 Полети ты, сизокрыленькій, въ славный городъ во Якутскъ,
 Оброни ты письмо подъ косящешу похъ окошечко,» и прочя.

2.

«Ты скажи, соловьюшко,
 Ты скажи мнѣ, черноперинькой,
 Гдѣ морскихъ ты повстрѣчалъ?
 — Повстрѣчалъ я ихъ на долгихъ на плесахъ,
 На морскихъ на былыхъ терегахъ,
 И чистой островъ увидѣли; прута они.

«... Не скажи мему къ млекоу, ...
 Что подружка его воръко пдаеть,» и проча.

«Мужчины изъ здѣшнихъ Русскихъ поютъ также довольно приятно: пѣсни ихъ называются *андильцианами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, сосѣди собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между здѣшними Русскими видны еще некоторая веселость и наслажденіе жизнью, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныхъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ общество Русскихъ, но и тѣ не умѣютъ вполне изъяслять своей веселости. Однако жъ, такое, и многія другія, свойственныя русскому характеру преимущества, цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать искуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ: «Онъ настоящій Русскій!» Дети здѣшнихъ Русскихъ, несмотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и переимчивость.»

Господинъ Врангель, какъ мы видѣли, пріѣхалъ въ Нижне-Колымскъ въ началъ зимы, въ то время когда тамъ начинается безпопечная ночь. За нею слѣдуютъ страшные морозы, предшественники весны. Стужа не препятствуетъ однако жъ туземцамъ гускаться на нартахъ за оленями и лосями, ловить лисицъ, соболей и бѣлокъ. Изъ всѣхъ животныхъ, обитающихъ въ полярныхъ странахъ, самое замѣчательное — собака; лучший другъ челоуѣка во всѣхъ климатахъ, отъ Южнаго Океана, гдѣ оно питается бананами, до Ледовитаго Моря, гдѣ его кормятъ рыбою. Здѣсь собаки отправляютъ должность лошадей. Господинъ Врангель обязанъ понятливости этихъ умныхъ животныхъ, услугами своихъ предприятий на Ледовитомъ Морѣ, и они неразъ спасали жизнь его отъ очевидной опасности. У сибирскихъ собакъ, какъ у волковъ, рыло длинное и острое, уши стоячія и большой пушистый хвостъ. Цвѣтомъ онъ бываютъ черныя, карія, красновато-сѣрыя,

бѣлыя, иногда съ пятнами; ростъ ихъ различенъ: съ бака, годная въ упряжку, должна имѣть не менѣе полутора аршина въ длину и быть не ниже аршина и двухъ вершковъ. Дай ихъ неходить на вой волка. Дѣтень онѣ дѣлаютъ себѣ норы въ землѣ, чтобъ проходиться отъ жару, и забираются въ воду отъ комаровъ; зимою закапываются въ снѣгъ и лежатъ, скорчившись и прикрывъ морду пушистымъ хвостомъ. Для отдаленныхъ путешествій, собакъ заблаговременно готовятъ въ продолженіи недѣль двухъ и болѣе, кормя какъ-можно меньше и заставляя пробѣгать отъ пятнадцати до тридцати верстъ каждыя сутки, для уничтоженія лишняго жиру, послѣ чего на нихъ можно, не причиняя имъ никакого вреда, проѣзжать по сту верстъ въ день. Обыкновенная нища этихъ животныхъ состоитъ изъ мерзлой рыбы, которую оттаиваютъ и крошатъ въ куски: десяти мерзлыхъ сельдей довольно для суточного пропитанія одной собаки. Упряжка состоитъ болѣею частію изъ двѣнадцати собакъ, но въ передовыя самни запрягаютъ еще одну лишнюю собаку, которая служитъ вожатымъ. Отъ нея зависитъ скорость и ровность бѣгу другихъ собакъ и безопасность самаго путешественника. Эти вожатые воспитываются съ особеннымъ тщаніемъ, такъ, чтобы слушались хозяина и удерживали другихъ собакъ отъ погони за бѣлыми медвѣдями и песцами, за которыми онѣ всегда готовы пуститься, вмѣсто того чтобъ бѣжать своею дорогою. Наши путешественники часто дивились смѣтливости, съ какою хорошо приученный вожатый старается отвлечь ихъ отъ этой погони: при неудачѣ другихъ средствъ, онъ внезапно поворачиваетъ сторону и лаемъ, будто-бы поцалъ на новый слѣдъ, приглашаетъ ихъ слѣдовать за собою.

Поѣздки на собакахъ по мерзлой поверхности Мировитаго Моря предпринимаются обыкновенно въ концѣ зимы или въ началѣ весны. Первая поѣздка господина

Врангелі была въ некоторомъ образѣ пробная: она предѣлалась слѣпкомъ три недели и кончилась четырнадцатаго марта; путешествіемъ нашимъ въ этотъ промежутокъ времени проехали тысячу сто двадцать два версты по льду на собакахъ въ самую ужасную стужу. Проводимыя принужденны были надѣть собачья на ноги тяжелыя сапоги, и нѣста, менѣе покрытыя шерстью, покрывъ лоскутками шкуры.

«Я взялъ нѣсколько разстояній между дуною и Подукомъ, которыхъ не могъ однако жъ употребить для опредѣленія долготы, потому что когда хотѣлъ я, съ помощію искусственнаго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высотъ Капеллы и опредѣлять истинное время, то нашелъ, что на поверхности ртути образовались кристалы, отъ чего она хотя и не замерзла, но сдѣлалась столь неровною, что я принужденъ былъ прекратить наблюденія.

«Вообще сильный холодъ часто затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзненные опыты, и впоследствии принужденны были чѣшъ-нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыхъ подобно касаться пальцами или лицомъ, потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ примерзала къ металлу. Также продолженіе всего наблюденія, а особенно при считаніи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе; иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льду, или инеемъ, что происходило даже отъ одной испаряны нашего тѣла. Несмотря на то, мало-по-малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° морозу, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью считывали на дугѣ секстаны градусы, минуты и секунды.

«На хронометры также простерлось вліяніе холоду: они сами собой вѣтановились. Опасаясь этого носилъ я въ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обернутый нѣсколькими шкурами ящикъ, который клалъ съ собою подъ одеяло. Несмотря на мои предосторожности, врангелі, ночью, когда огонь потуѣ въ нашей палатѣ, холодъ

прошли черезъ всѣ обьорты, вѣпоробилиъ масло, вѣтѣ
двѣсьса между колесами, и остановилъ ихъ движеніемъ...

Трѣть этой первой поѣздки состояла въ обьорваніи
берегу по направленію къ востоку. Часть этого берегу
отъ устья Колымы до Шелагеннаго Мыса, необитаема.
Русскіе никогда не проишкаютъ дальше Барановскихъ
Смалъ; а Чукчи не переходятъ за рѣку, и такнхъ обь
рѣожъ остается промежутокъ верстѣ въ осемьдесятъ,
который тѣ и другіе считаютъ какъ-бы нейтральнымъ.
Эти Чукчи «живутъ своей властью», то есть, сохрани-
ли независимость, владѣютъ большими стадами оленей,
и употребляютъ ихъ въ пищу, на перевозку тяжестей
и на охоту за звѣрями : въ одну изъ слѣдующихъ по-
ѣздохъ, господинъ Врангель достигъ почти до самыхъ
крайнихъ владѣній этого народа, до Берингова Пролѣ-
ва. Отбывая Шелагскій Мысъ путешественники наши
перенесли ужаснѣйшіе труды : переходъ черезъ льды
машинною болѣе десяти сажень былъ сопряженъ съ
опасностью для нихъ, для собакъ и для нартъ. Иногда
они утопали по поясъ въ сугробахъ рыхлаго снѣгу; въ
другой разъ должны были перевозжать черезъ широкіи
пространства гладкаго льду, усѣяннаго острыми кри-
сталлами соли, которые дотога имъ мѣшали, что, какъ
они ни помогали собакамъ, эти бѣдныя животныя
едва подвигались впередъ. Наконецъ съѣстные при-
насы были размѣщены по назначеннымъ складкамъ и
шесть нартъ отправились назадъ, а на оставшихся
трехъ повезли запасу только на трое сутокъ. Господинъ
Врангель, несмотря на всѣ затрудненія, хотѣлъ про-
должать путь, чтобы удостовѣриться, по-возможности,
въ общемъ направленіи этой части берегу, составляю-
щей, какъ предполагалъ Берни, перешеекъ между
Азією и Америкою. Но, проѣхавъ около шестидесяти
верстѣ къ западу отъ мыса, экспедиція, по недостатку
въ припасахъ, принуждена была поворотить къ Колымѣ.
Последній ихъ складъ провизіи удалялъ, но въ трехъ

первыхъ они нашли только рыбы кости да следы росомахъ и лисицъ, такъ, что имъ и собакамъ ихъ пришлось не встать двое сутокъ передъ обратнымъ приездомъ на мѣсто.

Вечеромъ, втораго марта, они видѣли необыкновенно прекрасное свѣрное сіяніе. Небо было ясно и звѣзды разливали блескъ, свойственный имъ только въ свѣрныхъ странахъ. При легкомъ свѣро-восточномъ вѣтрѣ, показался на свѣро-западъ большой свѣтлый столбъ; лучи его расположились на небѣ, по направленію вѣтру, широкими блестящими полосами, безпрестанно перемѣняли свой видъ, и какъ-будто подвигались ближе и ближе къ наблюдателямъ. Въ направленіи магнитной стрѣлки путешественники не замѣтили ни какой перемѣны; равнымъ образомъ не слышали сильнаго шума: господинъ Врангель присовокупляетъ однако, что слышалъ нѣкоторое шипѣніе, подобное дѣйствию вѣтру на пламя. Странно, что, при всей обыкновенности сіяній въ свѣрныхъ широтахъ, до сихъ поръ спорятъ о томъ, сопровождаются ли они какими-нибудь шумомъ или нѣтъ. Большая часть писателей говоритъ, что шумъ слышенъ; то же показываютъ туземцы. Докторъ Гендерсонъ пишетъ, что въ Исландіи, при свѣрномъ сіяніи, ежели оно очень ярко, бываетъ слышенъ звукъ, подобный трещанію искръ электрической машины. По словамъ Гизеке, въ Гренландіи, на малой высотѣ, свѣрное сіяніе было въ сильномъ волненіи и слышался родъ хрустѣнія, какъ-бы отъ электрическихъ искръ или при паденіи граду. Неагге упоминаетъ звукъ, который онъ замѣчалъ на свѣрномъ берегу Америки, трепетанію большого флага во время сильнаго вѣтру; а Гмелинъ рассказываетъ, что на берегу Ледовитаго Моря, блестящія струи свѣту хрустѣтъ, сверкаютъ и издаютъ свистъ и шипѣніе, громкія какъ отъ фейерверка. Но Парри утверждаетъ, что свѣрное сіяніе въ Ледовитомъ Океанѣ никогда не издастъ ни

малѣйшаго шороху ни треску; капитанъ Франклинъ и его офицеры тоже не замѣчали ничего, даже при сильнѣйшихъ волненіяхъ и ярчайшемъ блескѣ. Дальтонъ и многіе, другіе, думаютъ, будто сѣверное сіяніе происходитъ внѣ предѣловъ нашей атмосферы, такъ далеко, что тамъ уже не существуетъ ни электричества ни звуку. Впрочемъ, это мнѣніе нынче почти совершенно оставлено, какъ и наденіе звѣздъ изъ-за предѣловъ атмосферы. Франклинъ и его офицеры, бывшіе углы въ одинъ и тотъ же моментъ въ двухъ отдаленныхъ мѣстахъ, удостовѣрились, что сіяніе было не выше шести или семи миль. Имъ, и впоследствии многимъ другимъ наблюдателямъ, случалось даже видѣть его подъ облаками, или между глазомъ и ближайшею горою. Показанія чиновниковъ Гудсонской Компаніи, опять, все согласны въ томъ, что сіяніе вмѣстѣ и производитъ трескъ и нерѣдко бываетъ видно очень близко отъ земной поверхности. Мнѣніе объ ужасной высотѣ сѣверныхъ сіяній основывалось на томъ обстоятельстве, что они бывають видны въ одно и то же мгновеніе въ мѣстахъ очень отдаленныхъ одно отъ другаго; но теперь извѣстно, что сіянія происходятъ въ одно и то же мгновеніе на сѣверномъ и на южномъ полушаріяхъ, и господинъ Араго предложилъ недавно мысль, очень правдоподобную, что въ одно время въ каждомъ мѣстѣ мы видимъ другое сіяніе, какъ въ каждомъ мѣстѣ видимъ послѣ дождя другую радуго. Надобно еще прибавить, что нѣкоторые начинаютъ поговаривать о періодическомъ возвращеніи сѣверныхъ сіяній въ извѣстные дни года, подобно ежегоднымъ іюльскимъ и ноябрьскимъ фейерверкамъ падающихъ звѣздъ.

Пропустимъ лѣтнія поѣздки автора во внутренность Сибири. Поѣздка спутника его, господина Матюшкина, на ярмарку въ Островное, доставила автору нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ Чукчей. Господинъ Литке раздѣляетъ Чукчей на два племени.

Говорящіи двумя совершенно разными языками. Один изъ нихъ еще не объясченъ и называется «Оленьими Чукчами», а сами себя именуютъ *Чукку*, другіе называютъ ясакъ и извѣстны у Русскихъ подъ именемъ «Осидлыхъ Чукчей», но сами себя называютъ, не Чукчами, а *Намолло*. Здѣсь идетъ рѣчь о первыхъ. Селеніе Островное — одно изъ трехъ мѣстъ, куда Оленьи Чукчи приходятъ для торгу съ Русскими: они продаютъ оленьи шкуры, живыхъ оленей, лисьи и куньи шубы, моржовыя зубы, а покупаютъ, для себя и для торгу съ Намоллами, разныя желѣзныя вещи, мѣдную посуду, ткани и, особенно, табакъ. Нѣкоторые писатели полагали, что Чукчи почти то же что Эскимосы, но между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства, хотя они и недалеко обогнали другъ друга въ образованности. У Оленьихъ Чукчей еще существуютъ обычаи, свойственные дикарямъ: они допускаютъ дѣтоубійства и старцеубійства какъ Геродотовы Скифы; бракъ у нихъ не имѣетъ ни какого значенія: всякой беретъ себѣ столько женъ, сколько захочетъ, и перемѣняетъ ихъ по своему благоусмотрѣнію; жены подчинены власти мужей и отправляютъ всѣ самыя тяжелыя, иногда вовсе не женскія, работы, хотя и пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ. Записанія господина Врангеля объ ихъ религіозныхъ понятіяхъ и о шаманствѣ новы, умны, и показываютъ въ немъ проникательнаго наблюдателя.

«Изъ всѣхъ племенъ сѣверной Азии, Чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, которой предѣлы отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири значительно стѣснились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, Чукчи имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ стадъ, которыми дѣлутъ имъ жилища, одежду, пищу и все, что требуется для кочевой вѣкъ жизни. На снѣжныхъ стѣнкахъ своего

вратнаго, иждивающаго отечества, подъ легкими налагаемыми наъ оленякамъ плуцурь, Чукчи почитаютъ себя несчастливъе воаръ союдей, и вначиухъ воегда смотрятъ съ оскальниамъ. Легко и лядиамкрононе переносятъ они весь недостатокъ в линосеи, и ляди замкдуюгъ другамъ, видя, что за необходимыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

«До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена сѣверо-восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ непрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдами. Первые набѣги Русскихъ значительно ослабили междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило весь сосѣдніа слабѣйшіа племена соединиться съ Чукчами, и, выбравъ военачальниковъ, дружно противостать общему непріятелю. Бой былъ не равенъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, Чукчи, торжествовавшіе всегда надъ слабѣйшими сосѣдами, лишились высокаго понятія о своей непобѣдимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и не хотѣли слѣдовать за ними въ землю, не обѣщавшую ни какаго вознагражденія за труды и опасности.

«Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли ни какихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не доврляя Русскихъ, Чукчи многочисленными, вооруженными, толпами выступали только на границы своего отечества, но, мало-по-малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, они сдѣлались доврчивѣе, и нынѣ, приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, въ русскія владѣнія, для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ Русскими имѣло выгодныя вліянія на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, подобно Юкагирамъ, Чуванцамъ, Корякамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, Чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ Русскими.

«Вообще нравы и обычаи этого народа суровы и часто смертельны. Такъ, на примѣръ, сохранилось у нихъ преступное, безчеловѣчное обыкновение убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи перенести трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при этомъ дѣйствіи исполнили, по своему мнѣнію, священную обязанность. Несмотря на старанія правительства и духовенства, этотъ ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще приобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ Чукчами. Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ, шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814 году, между Чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась скоро на оленей и продолжалась, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Кочень, одинъ изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Кочень былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что Чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе высшимъ мѣръченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, несмотря на подарки, угрозы, можетъ-быть и побой, не соглашались переменить приговору. Тогда самъ Кочень, второй Курдй, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ неклонности воли духовъ и рѣшается для спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемымъ проклятіемъ, вонзая ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

«Такъ сильно вліяніе шаманства, которое заступаетъ мѣсто религіи и отличаетъ отъ всѣхъ вѣроисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, сбивчивыхъ преданій, оно не имѣетъ ни какихъ догматовъ, ни правды, и ученіе или преподаваніе шаманства не возможно. То, во что вѣрятъ шаманы и ихъ приверженцы, никакъ не выдуманно, и не есть твореніе одного человѣка, но рождается въ понятіяхъ каждаго отъ соверщенія вѣнншихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустынь Сибири одинокъ съ степенью образованія, на которой стоятъ ея полудикіе обитатели, то и самыя впечатлѣнія вѣннія, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видитъ и чувствуетъ самъ для себя; но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра цѣлаго народа. Оттого что шаманство, такъ сказать, твореніе каждаго, и каждому, какъ своя собственность, дорого, оно столь долго и сохраняется, и не истребится сибирскими племенами до тѣхъ поръ, пока они не выйдутъ изъ полудикаго состоянія, или не оставятъ тундръ и скалъ своего отечества, рождающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатлѣнія. Когда кочующія племена получаютъ осѣлость, и наставленія и примѣры образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ.

«Обыкновенно, общее мнѣніе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, которыхъ пласка и приваженія — простое притворство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Сибири, этотъ приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ одностороненъ, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенія въ селеніе, и разными, по-видимому сверхъ-естественными дѣйствіями, какъ то, безвреднымъ хватаніемъ раскаленнаго желѣза, прокалываніемъ руки длинною иглою, и такъ далѣе, удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные ша-

шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ объединеннаго для известной цѣли сословія, но образуютъ какъ-бы первенствуютъ сами собою. Раздѣляются люди съ сильными, легко воспламеняемыми воображеніемъ; съ малолѣтства слышать отъ старшихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видятъ шаманскіе обряды, и неестественныя судорожныя движенія: всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщества съ шаманами. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; шаманъ не знаетъ, какими образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самаго себя и окружающей мрачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорячительныя средства направляютъ и разстрѣиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ видѣнія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣритъ имъ твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы: торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его плясать и пріемать на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не проводитъ какой-нибудь перемѣны въ его духѣ; оно, просто, внѣшняя церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣритъ, есть и освящается священствомъ разсоложенія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманнымъ обманомъ, или притворствомъ. Всякій, кто видѣлъ и наблюдалъ мощнаго шамана, въ высшей степени его восторга, согласится со мною, что шаманъ, во-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, не можетъ и не можетъ обманывать, и что такое его состояніе происходитъ отъ невольнаго, непреодолимаго вліянія чрезвычайно напряженнаго и разстрѣяннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психофизиологическое явленіе. Пляска и гаданія шамановъ дѣлами на землѣ всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикій взоръ, наливые кровью глаза, сильный голосъ, съ трудомъ вырывающагося изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, столбнякъ волосъ, глухой звукъ бубнавъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поразяющее всякаго, даже и образо-

важнаго человека. Мудрено ли, что необразованные люди дѣти притормаживаютъ въ томъ мрачное дѣйствіе адего духа?

Эти прекрасныя замѣченія показываютъ, что шаманы — родъ мусульманскихъ дервишей Меллеви, одна изъ тѣхъ восторженныхъ совершительныхъ сектъ, которыми всегда изобилывала Азія.

Вторая повѣдка автора по льду моря началась двадцать шестаго марта 1822 года. Путешественники отъправились на двадцати двухъ саняхъ, навьюченныхъ топливомъ и припасами на тридцать дней. Каждая сани поднимали около тридцати пудовъ. Въ случаѣ недостатку пищи для двухъ сотъ собакъ, которыя съ ними были, они надѣялись кормить ихъ медвѣжьей. Господинъ Врангель пустился прямо на сѣверъ отъ Барановскихъ Скалъ, и на третій день увидѣлъ вдали что-то похожее на высокій берегъ, который однако жъ скоро началъ понижаться и наконецъ совершенно исчезъ: это былъ мѣражъ, одно изъ тѣхъ явленій, которыя такъ часто случается видѣть на Ледовитомъ Морѣ. После, однакожъ, найденъ тутъ значительный островъ, съ четырьмя порфиловыми столбами, или скалами. Самый большой изъ этихъ столбовъ имѣетъ семь сажень въ вышину и около двѣнадцати въ окружности при основаніи. Видомъ онъ походитъ на человѣческую фигуру, безъ рукъ и ногъ, съ головою покрытою шапкою или чашкою. Господинъ Врангель полагаетъ, что этотъ островъ принадлежитъ къ числу Медвѣжьихъ, которые были уже открыты до его путешествія; однако жъ онъ далъ ему имя «Острова Четырехъ Столбовъ».

Продолжая путь къ сѣверу, путешественники достигли 71° 31' широты, и, прорубивъ ледъ, нашли его чрезвычайно нетвердымъ, насыщеннымъ солью и въ толщину только около фута. Глубина моря оказалась двѣнадцать сажень, грунтъ — жидкій зеленый илъ. Прѣхавъ еще верстъ осмнадцать, они очутились на глу-

боясь соленой лужи, через которую нельзя было переправиться. Ледъ подъ водою былъ не толще пяти дюймовъ и такой рыхлый, что путешественники безъ всякаго труда рвали его простымъ ножомъ. Выбравшись изъ этого опаснаго мѣста, они удалились на три или на четыре версты и снова попробовали толщину льду: оказалось одинъ футъ и два дюйма. Вода, поднимавшаяся изъ прорубей, сообщала горькій вкусъ сивугу. Между-тѣмъ сѣверный вѣтеръ поминутно становился сильнѣе, и надобно было думать, что онъ произведетъ значительное волненіе въ открытомъ морѣ, потому что путешественники слышали шумъ воды, и чувствовали дѣйствіе зыби подъ тонкимъ льдомъ. Положеніе ихъ было самое незавидное, тѣмъ болѣе что они не имѣли ни какихъ способовъ избѣгнуть опасности, если бы ледъ, отъ силы волненія, вдругъ взломался и разошелся. Наступила ночь; но кромѣ собакъ, которыя не понимали угрожавшей бѣды, никто не спалъ. Утромъ погода была мрачная и сырая; свѣжій вѣтеръ по-прежнему дулъ отъ сѣвера; къ вечеру онъ началъ стихать и отошелъ къ сѣверо-востоку; небо прояснилось. Господинъ Врангель велѣлъ опорожнить двои лучшія сани, и взялъ съ собой лодку, весла, нѣсколько шестовъ, досокъ и сѣветныхъ припасовъ на одинъ сутки; отправился далѣе къ сѣверу, приказавъ товарищу своему Матюшкину, въ случаѣ опасности, отступить съ остальными людьми и не дожидаться его возвращенія. Онъ пробѣжалъ не болѣе семи верстъ, какъ вдругъ увидѣлъ на льду множество широкихъ разсѣлинъ. Доски помогли ему переправиться черезъ нихъ, но за этими разсѣлинами послѣдовали другія, третьи, и такъ далѣе. Самый ледъ былъ покрытъ водою, а въ иныхъ мѣстахъ являлись груды, которыя, однако жъ, рассыпались при малѣйшемъ прикосновеніи и составляли новыя лужи. Толщина льду была только футъ, глубина моря двенадцать саженъ; грунтъ — зеленый илъ. Кое-какъ про-

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ФЕВРАЛЬ, 1841.

НОВЫЯ КНИГИ.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА. *Альманахъ на 1841 годъ, издан- ный В. Владиславлевымъ. СПб.-бургъ, въ тип. III Отдѣ- лешя Собственной Е. И. В. Канцелярш, 1841, въ 12, стр. 390.*

Странное обстоятельство, — случай, который не многие мо- жетъ быть примѣчаютъ, — истина, противъ которой нѣтъ и возраженш, — что, въ эту минуту, въ нашей изящной словес- ности, два самые примѣчательные писателя, два лучшшя пе- ра, два удивительнѣйшше и истинно мужественные таланта, первый поэтъ, и первый прозаикъ — это двѣ молодыя жен- щины. Кто изъ васъ, господа, которые пишете такъ изящ- но; на славу, — *et tu quoque*, — и ты даже, Несторъ Ва- сильевичъ Кумольникъ, свѣтило нашей словесности, ав- торъ «Тасса», «Лейзевица», и восхитительной «Эвелины», казынникъ Парнассу, который вскормилъ тебя на своихъ священнхъ вершинахъ, а ты ихъ оставилъ, — кто теперь изъ васъ осмѣлится сравнить свои стихи со стихами автора «Мщенш женщины», свою прозу съ свѣтлою, блестящею;

чудесною прозою автора «Утбаллы», «Медаліона» и особенно «Теофанія Аббїаджіо», этой очаровательной повести, которой уже давно не читали на Руси ничего подобнаго. Вотъ настоящая повесть! Вотъ, гдѣ истинное художество слова! Какой слогъ! какой колоритъ! какое сильное, страстное чувство! какое богатое воображеніе! Французы не стыдятся говорить откровенно, что лучшей ихъ прозаикъ нынче — маркиза d'Udevant, урожденная Dupin и прославившаяся подъ именемъ Жоржа Санда, имя всадутъ тамъ, об разцоваго прозаика, первокласснаго стилиста, въ лицѣ господина Альфреда де-Мюссэ и множество прекрасныхъ дарованій въ изящной прозѣ: почему жъ намъ, Русскимъ, стыдно было бы сказать себѣ чистую правду, что лучшей нашей прозаикъ въ настоящее время — Зенеида Р^{***}, иначе — Елена Андрѣевна Гапъ, урожденная Фадеева? И это можно сказать тѣмъ съ большею гордостью, что, во многихъ литературныхъ отношеніяхъ, Зенеида Р^{***} должна быть поставлена критикою несравненно выше Жоржа Санда: талантъ созданія, искусство сильной занимательности, умъ и дѣйствовать на читателя, у нихъ быть-можетъ равны; горкій сарказмъ, глубокое и краснорѣчивое огорченіе, общи имъ объимъ; но русская писательница далеко превосходитъ прославленную Француженку нравственною чистотою чувства и воображенія, не говоря уже о первомъ достоинствѣ всего, что хочетъ называться словесностью, — слогъ. У Жоржа Санда нѣтъ слогу, нѣтъ ни какого, ни хорошаго ни дурнаго: она пишетъ, какъ ни попаду, тогда какъ Зенеида Р^{***}, надѣлена удивительнымъ инстинктомъ изящнаго въ языкѣ, живо чувствуетъ художественное прекрасное въ рисункѣ и группировкѣ фразъ, обладаетъ богатѣйшимъ колоритомъ, и пишетъ, какъ настоящий поэтъ, «обмакивая золотое зеро въ радугу». Зенеида Р^{***} — поэтъ въ прозѣ. Странно, что этого дару вообще не обла дуживаютъ поэты, пишущіе прозою. Пушкинъ терять художественную дѣйствительность слова и весь свой чудный колоритъ, какъ скоро выходитъ изъ стиха: онъ сохраняетъ только чуждое «искусство простоты», которое съ нимъ было неразлучно какъ первое основаніе всякаго художества, ж. въ прозѣ. Быть предостереженію, одному лишь крайнему, какому нибудь

Пируа праздник возвращенья;
 Объять мой выполнить спешу;
 И юга свѣтлаго ристелья;
 Я вамъ усердно привожу.
 Тамъ Флора пышная предетя;
 Мнѣ въ блескъ новой красотѣ;
 Я рвалъ цвѣты; — рука дрожала;
 Я не привыкъ срывать цвѣты.
 Они предъ вами: гдѣ жь привѣтливый
 Роскошный запахъ южныхъ розъ;
 Удам! безжизненный, безцвѣтный
 Я только прахъ ихъ вамъ привезъ.
 Отрывъ отъ почвы имъ смертеленъ,
 И вотъ — изъ скудныхъ сихъ даровъ
 Лашь мохъ остался свѣжъ и зеленъ;
 Отъ Чатмрадскихъ ледняковъ
 За тѣмъ, что съ нимъ не зналась иль
 Гдѣ солнца лучъ не забѣгалъ,
 Отъ тамъ — надъ безводной льды
 Утесовъ ребра железныя;
 Да моря чудныя рощенья;
 Какъ живъ, страдальчій образъ свой
 Хранить — за тѣмъ, что съ два рожденья
 Они средъ влаги и волненья
 Знакомы съ мрачной глубиной.

Есть одно стихотвореніе Пушкина:

Для береговъ отчизны дальшой
 Ты покидала край чужой;
 Въ часъ незабвенный, въ часъ печальноръ
 Я долго плакала предъ тобой.
 Мои клатющія руки
 Тебя старался удержать;
 Томленья страшнаго разлуки
 Мой стоить молилъ не прерывать.
 Но ты отъ горькаго лобзанья
 Свои уста оторвала;
 Изъ края мрачнаго изгнанья
 Ты въ край вѣсей меня звала.
 Ты говорила — въ день свиданья,
 Мнѣ въ небомъ вѣчно голубымъ,
 Въ чашѣ слезъ, любви лобзанья
 Мнѣ шовъ, мой дружи, свиданья.

Но тамъ, увы, гдѣ небо своимъ
 Сіяютъ въ блескъ голубинъ.
 Гдѣ вода скалами дремлетъ вода,
 Заснула ты послѣднимъ своимъ,
 Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой —
 А съ нимъ и поцѣлуй свиданья....
 Но жду его : онъ за тобой....

Есть еще много другихъ стиховъ, совершенно удовлетворительныхъ. Словомъ, стихотворная часть «Утренней зари» вполне соответствуетъ своей цѣли. Въ числѣ піесей въ прозѣ, особенно примѣчательны — «Смерть розы», рассказъ самаго хозяина, и «Психея», новелла Кукольника, главное украшеніе всего альманаха, столь богатаго разнаго роду украшеніями.

Нѣсколько дней тому назадъ я читалъ въ одной англійской газетѣ ужасную выходку противъ красивыхъ альманаховъ. Авторъ статьи напалъ на эти невинныя книжки съ яростью Чеченца : онъ ихъ разбилъ, ужасно разбилъ, просто, уничтожилъ. Онъ называлъ ихъ изобретеніемъ духа прелести и коварства, развратомъ печати, превращеніемъ книгъ въ игрушки, смертоубійствомъ чтенія, покоронами словесности, чумою, холерою, шакалами, басиллисками, и чѣмъ-то еще хуже. Онъ гордо отказывалъ имъ въ названіи «книгъ» и чистилъ ихъ обиднымъ именемъ галантерейнаго товара. И подумайте только, что этотъ великобританскій чудакъ вооружился такимъ страннымъ гнѣвомъ именно противъ самыхъ красивыхъ, самыхъ очаровательныхъ альманаховъ на земномъ шарѣ, — противъ англійскихъ! Но чѣмъ красивѣе альманахъ, тѣмъ онъ, по мнѣнію великобританскаго чудака, вреднѣе для настоящихъ книгъ и регулярной литературы, тѣмъ болѣе заслуживаетъ того, чтобы его безпощадно вырвали съ корнемъ изъ литературы, стерли съ лица земли и прахъ его размели по воздуху. Во время чтенія кровавой, неистойвой филиппики противъ альманаховъ, «Утренняя заря» лежала подлѣ меня на столѣ, и, бѣдняжка, бѣдняжка, прощалась съ жизнью, дрожала со страху. Но я вовсе не разделяю мнѣній этого чудака. Рае-

смотреть «Утреннее варенье» (он вынул «себя») и убедиться, что Великобританец превращается в Единицу Англичанамъ надоели красивые альманахи своимъ, свободнымъ и множественнымъ, но это еще не значитъ, что они надоели и намъ Русскимъ, у которыхъ всего на все красивыхъ альманаховъ — одинъ альманахъ господина Владиславлева. Притомъ, чѣмъ же альманахи, особенно если они такъ красивы, хуже другихъ книгъ, съ своей стороны вовсе не красивые? Чѣмъ такъ гордятся некрасивыя книги, да и какъ ихъ называютъ, *книги дилума*, что значитъ концы шклякомъ для глазъ? Съ него они вѣдь, будто являютъ право презирать наружную красоту, какъ извѣстное суетное прибавленіе въ произведеніяхъ ума и воображенія? Уши и уши все на слухъ суета суетствій, глазной обманъ, пустота, ложь, паровой слезъ, ничтожество, альманахъ, нуль... А въ такомъ положеніи дѣль, одно утѣшеніе, чуждому красота. Я искренно поклоняюсь ей и, следовательно, альманаху господина Владиславлева. Вокругъ себя на Руси, я не вижу ни одной книги мѣль, задѣнная и очаровательная зѣль. Какое издѣліе, какія гравюры (за исключеніемъ одной). Илья Пудовыхъ портретовъ (за исключеніемъ одного); прекраснѣйшій видъ бородинскаго монумента, вместо вырѣтки «Константинополь», картина Воробьева; «Утро на Волгѣ», картина Чернецова; «Прерванное свиданіе», картина Брюллова; «Боты бабушки и внуки», опять богатое, остроумное соедѣніе Брюллова. И все это правилось въ Англій, тамъ, где красота гравюръ уже достигла такого совершенства, что выводитъ людей изъ терпѣнія! Чего же больше! Я совершенно доволенъ этимъ альманахомъ, несмотря на грозную статью великобританскаго чудака, которая, признаюсь, сначала ужасно меня смутила: смутила до того, что сдѣлалъ поль-часа самъ я не зналъ, должна ли красота «Утренней звѣзды» нравиться мнѣ или возбуждать мое негодованіе.

Я не охотно расстаюсь съ этою цѣлительною книгою. Закрывъ ее, о чемъ мы станемъ разсуждать съ вами, благороднѣйшій читатель? Книгъ дѣль, вычитатель, нѣтъ; ничего не выхлѣдитъ изъ сѣль. Благодаря удивительно дѣль нымъ и акуратнымъ библиографическимъ спискамъ, нынѣ

него «Сын Отечества», наконецъ есть на Руси возможность жить съ достоверностью, что, гдѣ и когда выйдутъ, и чего не выйдутъ, — обстоятельно чрезвычайно важное для живущихъ почитать и читать небывшія книги. Тщательно уже въ двадцатый разъ перечитываю «я эти» ужасающія своей точностью таблицы санктпетербургской и московской «литературной деятельности» (ничего нѣтъ)! Несколько разѣхъ книжъ явилось въ урочное время, около праздниковъ, когда болѣе всего любить дѣлаться книги, съ распростертыми объятіями свѣта на встречу дорогихъ гостей, дѣвгантъ, высылаемыхъ изъ деревень къ новому году, и съ тѣхъ поръ «литературная деятельность» стихла въ Петербургъ. Съ половины января по нѣсколько благополучное число, втеченіи всего февраля мѣсяца, санктпетербургская деятельность произвела всего — одно оригинальное учебное руководство, —

ОСНОВАНІЯ УДОБНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, съ примечаніемъ къ российскому судопроизводству, сочиненіе ординарнаго профессора при Императорскомъ санктпетербургскомъ университетѣ, доктора правъ, Я. Баршова, СПб.-бургъ, тип. II. Отдѣленія Собственности Ев. П. К. Каталарія, 1841, въ 8., стр. 297, —

книгу весьма почтенную, основательную, важную, достойную всякой похвалы, словомъ, и къ крайнему сожалѣнію вашему, книгу... мелега скалата! — и одно переведенное, совершенное таклическое, сочиненіе:

ОПИСАНІЕ СРАЖЕНІЙ АНГЛІЙСКАГО ФЛОТА съ 1690 по 1827 годъ, съ критическимъ разборомъ и чертежами, составленное контръ-адмираломъ королевскаго британскаго флота К. Экинсомъ и переведенное въ англійскаго языка лейтенантомъ Р. Скаловскимъ, СПб.-бургъ, въ тип. Праца, 1841, въ 4., три части, стр. 228—142 и 170, —

за еще двѣ тощія брошюрки, которыя вы увидите въ Москвѣ между тѣмъ, промышленная Москва; и напечатана свою «литературную деятельность», съ декабря января,

тщательности шестидесять (иногда и тридцать) страниц! Правда, по крайней мере, или почти каждого, заглавная страница есть по несколько, иногда до шестнадцати включительно, страничекъ тексту, но это только роскошь, украшение, знакъ особеннаго великодушія издателей. Главное дѣло — въ заглавіи: заглавие нужно для объявленій, и одно оно сочиняется тщательно, печатается, и выходитъ въ свѣтъ въ этихъ брошюрахъ, предназначенныхъ исключительно для мѣстныхъ торговыхъ оборотовъ. Одинъ изъ этихъ господъ простеръ даже, какъ я вижу, свою расточительность до приложенія къ заглавному листку пятидесяти осьми страничекъ тексту, но, говорятъ, разорился и долженъ былъ представить свой балансъ: урокъ всѣмъ предприимчивымъ издателямъ!

Это плачевное положеніе московской «литературной деятельности» происходитъ — увы! — отъ весьма горестной причины. Ширшевъ уверяетъ! Съ его квертисю литература такъ остановилась. Онъ одинъ оживлялъ ее своею пресыщенною и полезною предприимчивостію; издавалъ много, насломя издавалъ хорошія сочиненія. Но не въ томъ была. Никто лучше его не зналъ въ Москвѣ толку въ «объявленіи», никто такъ хорошо не понималъ магическую силу заглавія. Книга тѣмъ самымъ была уже пророскодна и пріобрѣтала большой успѣхъ, какъ скоро издавалъ ее Шаршевъ. Онъ однимъ своимъ прикосновеніемъ дѣлалъ книги любопытными и сочинителямъ ихъ знаменитыми. И это-то не стало въ литературы! Послѣднимъ плодомъ его деятельности, послѣднимъ его подаркомъ публикѣ было новое, исправленное и дополненное стереотипное изданіе,

ВСЕОБЩАГО ФРАНЦУЗСКАГО СЛОВАРЯ, Татищева. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1839 и 1841, 864. Двѣ части, стр. 651—772.

Изданіе это, отличающееся красотою наружности и весьма умеренною цѣною, предпринято было Шаршевымъ съ Г. Селивановичемъ: первый томъ вышелъ еще въ 1839 году, второй и послѣдній за несколько дней до

смерти заслуженнаго книгопродавца-издателя, котораго должно и справедливо будут оплакивать московскія души.

Благоразумный читатель! если тебя, столько же какъ меня, печалитъ это прискорбное событіе, то ласкаю себя мыслию, что, въ заключеніе, ты будешь столько же какъ я смѣяться, когда я разскажу тебѣ, что сдѣлалъ авторъ вотъ этой послѣдней книги, которая такъ стыдливо лежитъ передо мною.

СУДЪ ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ МАГИСТРАТѢ. Романъ изъ истории Эстляндіи XVI столѣтія. Сочиненіе барона Фредора Корфа. СПб.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1841, въ-12. Двѣ части, стр. 244 — 200.

Авторъ этой книги, сочинитель остроумныхъ «Очерковъ Персія», которые, какъ вы помните, были написаны такъ легко, такъ пріятно, совершенно языкомъ порядочныхъ людей, писалъ довольно много для этого журнала, и писалъ не такъ съдуется, какъ долженъ писать къ нашему какъ бы дѣтскому журнальчику съ умомъ и съ вкусомъ. За то, что онъ писалъ для «Библиотеки для Чтенія», онъ называетъ на себя гониміи *Смилы* и *Онымы*, у которыхъ короткое время «безпристрастной критикѣ» бранить безъ разбору все, что похвалено въ этомъ журналѣ, и всякаго, кто къ ней уступаетъ. Что жъ придумалъ остроумный авторъ «Очерковъ Персія», чтобы изъяснить злобы *Смилы* и *Онымы*, явился въ свѣтъ съ новою книгою? Въ названіи на старую дружбу «Библиотеки для Чтенія» онъ былъ уверенъ, не рѣд простить ему все, и, въ угоду ея достойнымъ врагамъ, нашкоковать свой романъ *сими*, *оными*, *коми*, *ибр*, *дабы*, съ ногъ до головы, вдоль и поперекъ, какъ жаренаго зайца, изуродовать свой прежній легкій и изящный языкъ и сдѣлать такъ, что узнать не возможно! Я воображаю, какое удовольствіе, какое высокое наслажденіе, ощущали въ глубинѣ своего грамматическаго сердца рѣченные достойные враги, какъ радостно торжествовали и обращеніе вражяго сотрудника «Библиотеки для Чтенія» къ языку и слогу думавшаго дьявола! Въ какомъ уваженіи, что Литературная жизнь не одобритъ дѣлать славянской, какъ беззубая, она безъ сомнѣнія поощриваетъ

удостоить ее своего покровительства. Теперь они уже, навѣрное, расхвалили этотъ романъ, который, въ противномъ случаѣ, навѣрное, какъ дважды два четыре, разбранили бы въ прахъ. Романъ вышелъ еще въ декабрь: я нарочно не упоминалъ объ немъ донинѣ, чтобы дать имъ время написать похвалу ему высокимъ слогомъ. Но теперь какъ они его расхвалили, я тоже скажу, съ своей стороны, что романъ очень хорошъ: несмотря на свой дикій языкъ и ужасный слогъ, этотъ рассказъ исполненъ сильной занимательности, и обилуетъ прекрасными сценами, живыми картинами мѣстностей, искусными описаніями нравовъ и обычаевъ отдаленнаго времени.....

То-то будутъ въ отчаяніи, *Син* и *Оные*, что поспѣшили расхвалить книгу! О, если бы они напередъ знали, что «Библиотека для Чтенія» не посмотритъ на этотъ странный языкъ и отдастъ должную справедливость внутреннимъ достоинствамъ романа.... Ну, да вѣдь они могутъ еще сказать, что ошиблись, испросить извиненія у читателей и разбранить тотъ самый романъ, который недавно превознесли до небесъ. Примѣчайте: завтра какъ-разъ явится грозная, жестокая выходка противъ него. Завтра, не далѣе, напишутъ они съ своей обычною торжественностью: *Сей романъ — дрянной романъ!..... У Сихъ и Оныхъ это ни по чемъ!*

=

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ Ивана Языкова. *СПб., у Бородина, 1841, стр. 38.*

ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИЕМА МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ въ Артиллерійское Училище. *СПб., въ тип. Внутренней стражи, стр. 26.*

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

=

— Пятнадцатаго февраля вышла здѣсь въ Петербургъ вторая тетрадь Портретной и біографической галереи: въ ней помѣщены портреты и біографіи Крылова и Бортиянскаго.

Т. Л. — Отд. VI.

31/2

— Намъ весьма пріятно извѣстить любителей умнаго и полезнаго чтенія, что двѣ превосходныя книги изъ знаменитаго собранія «Бриджватерскихъ трактатовъ», именно, *Астрономія и всеобщая Физика въ примѣненіи къ познанію мудрости и благости Бога, Вивеля, и Рука, ея механизмы и жизненныя отправления, доказывающія бытіе Промисла*, Чарльза Белля, переведены на русскій языкъ и приготовляются къ печати. Мы советуемъ неизвѣстнымъ переводчикамъ присоединить къ нимъ еще «Физиологію» Проута, и «Геологію» Боккланда : эти четыре творенія составляютъ одно цѣлое.

* * Двѣ новыя книги, «*Описаніе Финляндской войны въ 1808 и 1809 годовъ*», генерала Михайловскаго-Данилевскаго, и «*Біографія генералъ-лейтенанта Бистрома*», сочиненіе господина Н. Лукьяновича, заслуживаютъ всего вниманія читающей публики.

VII.

СМЪСЪ.

СПОРЪ О ПРИСУТСТВІИ МЫШЬЯКУ ВЪ ЧЕЛОВЪЧЬСКОМЪ ТЪЛѢ. *Опыты господъ Дамкхъ и Фландера съ Маршевнымъ аппаратомъ.* Нѣтъ сомнѣнія, что, въ дѣлѣ Маріи Лафаржъ, наука совершила страшное преступленіе. Виновна ли, невинна ли, была эта женщина, но дѣло въ томъ, что по матеріальнымъ доказательствамъ, которые противъ нея представляли, она не могла быть приговорена къ безчестию и казни ни какимъ человѣческимъ правосудіемъ, ни какою пресвященною юриспруденціей. Все эти доказательства были не ясны, сбивчивы, и недостаточны: она приговорена единственно слѣпымъ доверіемъ къ приговорившійности науки, которая, къ несчастію, никуда себя въ докторъ Орфиля слишкомъ заносчиваго, властнаго и самоувереннаго представителя. Первая ученая коммиссія шла въ тѣлѣ умершаго огромнаго количества мышьяку, вторая не нашла ни слѣда этого яду: обвинители уже хотѣли оставить дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, когда третья коммиссія, предводительствуемая весьма извѣстнымъ ученымъ, именно, докторомъ Орфиля, выжала изъ corpus delicti, изъ трупа покойнаго Лафаржъ, посредствомъ Маршева аппарата, не зернышки мышьяку, но маленькое, оранжевое, съ металлическимъ отблескомъ, пятнышко на фарфоровомъ блюдцѣ. Это пятно, смѣло, самоуверенно, торжественно, отъ имени науки, провозглашено въ напыщенной рѣчи доктора Орфиля неопровержимымъ признакомъ присутствія мышьяку въ трупѣ, хотя нѣтъ ни какой

возможности опредѣлить ядовитость или какое-либо другое положительное свойство подобнаго пятна. Забывая, какъ шатки и неварны всѣ вообще нынѣшнія «истины» науки, и сколько вчерашнихъ ученыхъ истинъ сегодня уже называются ложью и ошибкою, господинъ Орфилъ не усомнился принять, вмѣсто сомнѣннй, приличнаго настоящей наукѣ, рѣзкій тонъ дельфійскаго прорицалища, и утверждать передъ благоговѣющимъ невежествомъ, что это пятно—мышьякъ, присовокупляя . «Я докажу, что этотъ мышьякъ, не происходитъ изъ земли.... я докажу, что онъ не происходитъ изъ веществъ, употребительныхъ при производствѣ опытовъ.... я докажу, что онъ не происходитъ изъ костей.... я докажу, что послѣдовало отравленіе.» Безграмотныя присяжныя, — жалкое учрежденіе, отбрасывающее просвѣщенную юстицію въ дикость среднихъ вѣковъ, — и сами даже судьи, ничего не понявъ въ «доказательствахъ» господина Орфилъ, напшигованныхъ рогатыми техническими терминами, но этотъ деспотическій тонъ науки подаивствовалъ на ихъ убѣжденіе: Марія Лафаржъ признана отравительницею на основаніи полученнаго на блюдечкѣ пятнышка съ металлическимъ отблескомъ.

Нельзя даже, что господинъ Орфилъ могъ бы доказать несомнѣнно, — хотя наука рѣшительно не доставляла ему ни какихъ вѣрныхъ средствъ къ этому; — неограниченность первыхъ трехъ пунктовъ своего положенія: но, чтобы пуститься въ доказываніе четвертаго пункта, то есть, отравленія, сперва нужно было по-крайней-мѣрѣ самому удостовѣриться положительно, что полученное пятно — мышьякъ. Объ этомъ-то онъ и не подумалъ, и въ своей заносчивости не сообразился даже, что, съ помощію нынѣшнихъ средствъ науки, и удостовѣриться въ томъ нельзя. Пятно онъ объявилъ мышьякомъ, единственно на томъ основаніи что, действуя мышьякомъ въ Маршевомъ приборѣ, получается точно такое же пятно. Но не следовало ли ему, по долгу осторожнаго и основательнаго ученаго, подумать напередъ о томъ: нельзя ли съ Маршевымъ приборомъ получить подобныя пятны отъ дѣйствія другихъ веществъ кромѣ мышьяку? Кому не навѣстенъ случай, надежавшій столько смѣху въ Парижѣ, съ другимъ подобнымъ приборомъ; именно, съ за-

исследовать аппаратъ Волластона для открытія присутствія ртути? Въ этомъ аппаратѣ, двѣ спаянныя проволоки, золотая и свинцовая, будучи приведены въ сообщеніе съ Вольтовымъ столбомъ, погружаются въ составъ, на который падаетъ подозрѣніе въ примѣси къ нему ртути. Если въ составъ есть хоть малѣйшая частица ртути, золотая проволока тотчасъ бѣлѣетъ. Одинъ шарлатанъ открылъ «вѣрное, испытанное и самонадежнѣйшее средство» лечить известныя болѣзни безъ употребленія ртути, и изобрѣлъ составъ, который онъ представилъ на разсмотрѣніе парижской медицинской академіи. Назначили комиссію изъ нѣсколькихъ опытныхъ фармакологовъ и химиковъ. Погрузили проволоки Волластонова аппарата въ чудесный составъ шарлатана: золотая проволока мгновенно побѣлѣла. Ясно, что шарлатанъ хотѣлъ надуть академію: золото облеклось ртутью, скрытою въ его составѣ!.... Но шарлатанъ, увѣренный въ своей невинности, принялся спорить съ комиссіей, доказывая, что ученые мужи ошибаются, что ихъ аппаратъ вретъ, что ртути тутъ нѣтъ и не бывало. Наглеца хотѣли уже вытолкать изъ храма науки, когда онъ, съ отчаянія, предложилъ комиссарамъ, чтобы сами они приготовили какой-нибудь составъ безъ ртути и сперва испытали надъ нимъ Волластоновъ аппаратъ. По особенному высоко-снисхожденію, комиссары согласились. Составъ изготовленъ, — составъ самый безвредный. Проволоки погружены. И что же?.... вотъ, вотъ золотая проволока бѣлѣетъ, вотъ она совершенно побѣлѣла! Шарлатанъ торжествовалъ. Ученые мужи были ужасно сконфужены, и въ донесеніи академіи взывали всю вину на соседство свинцовой проволоки, изъясняя, что, въ этомъ странномъ случаѣ, вѣроятно электрическій токъ, стремящійся со свинцовой проволоки на золотую, увлекаетъ съ собою мельчайшія частички свинцу и покрываетъ ими золото какъ-бы бѣлою полудою. Такъ ли, не такъ ли, а Волластоновъ приборъ, почитавшійся дотолъ за непогрѣшимый, явственно оказался обманчивымъ, и его должно было оставить. Какъ не пришло въ голову господину Орфилу, что то же самое легко можетъ случиться когда-нибудь и съ Маршевымъ аппаратомъ для открытія мышьяку? Оно и действительно случилось.

— Еще весьма недавно наука вовсе не подозревала, чтобы такой ужасный яд, как мышьякъ, могъ добровольно, по распоряженію мудрой природы, находится въ здоровомъ человѣкѣ, никогда не принимавшемъ этого яду. Известный химикъ Кларкъ и самъ господинъ Орфила показали, однако жъ, что этотъ губительный металлъ существуетъ въ костяхъ и другихъ тканяхъ у человека и вскармливающихъ животныхъ, и входитъ въ ихъ составъ. Это открытіе придало большой вѣсъ тому и другому въ вопросахъ, относящихся къ мышьяку, хотя оба они во многомъ не согласны были между собою, спорили, и даже обвиняли другъ друга въ невежество. Но какимъ образомъ показали они присутствіе натурального мышьяку въ тѣлѣ? Добыли ли его хоть столько, чтобы можно было отравить муху? Ни мало. Они только получили, при перегонкѣ животныхъ тканей въ Маршевомъ аппаратѣ, пятна съ металлическимъ отблескомъ на кускахъ фарфору. Со времени знаменитаго дѣла Марин Лафаржъ естественно возникли жаркіе споры о присутствіи или отсутствіи натурального мышьяку въ тѣлѣ, и, въ парижской академіи наукъ, почти не проходитъ засѣданія, чтобы кто-нибудь не представлялъ ей новыхъ опытовъ и новыхъ заключеній по этому предмету. Въ числѣ такихъ опытовъ, послѣдніе и, безспорно, самыя важныя принадлежатъ господамъ Danger и Fländin, которые сами построили новый, весь стеклянный, и очень замысловатый, аппаратъ для разыскиванія мышьяку. Искусство ихъ въ приготовленіи самыхъ нѣжныхъ химическихъ инструментовъ, впрочемъ, уже давно известно. При всемъ томъ, они не могли, изъ человеческого тѣла, извлечь даже сотой доли грана мышьяку. Его, положительно, въ насъ нѣтъ.

Эти два испытателя, дѣйствуя въ Маршевомъ аппаратѣ газами, добытыми изъ животныхъ тканей, и въ которыхъ рѣшительно нѣтъ возможности поймать малѣйшую частицу мышьяку, получили однако жъ на фарфорѣ пятна съ металлическимъ отблескомъ, совершенно похожія на пятна отъ этого металла. Эти положительно не мышьяковыя пятна, не только представляютъ многія физическія мышьяковыя признаки, но и съ большею частью химическихъ реактивовъ даютъ те же самыя результаты какъ настоящій мышьякъ, хотя

вообще не содержать его въ себя. При обугленіи животныхъ тканей образуется особенный химическій продуктъ, растворяющійся въ водѣ, способный къ приведенію въ летучее состояніе, и составленный изъ сарно-кислотаго и фосфорнокислотаго амміаку и какого-то органическаго вещества: этотъ-то продуктъ и даетъ на Маршевомъ аппаратѣ тѣ пятна, которыя господинъ Орфіла принимаетъ за мышьяковыя.

Господа Danger и Flandin выводятъ слѣдующія заключенія изъ своихъ опытовъ :

1. Въ тѣлѣ человеческомъ нѣтъ и не бывало натурального мышьяку.

2. Пятна съ металлическимъ отблескомъ, получаемыя съ Маршевымъ аппаратомъ по способу, до нынѣ употребительному, не могутъ служить доказательствомъ отравленія.

3. Маршеву аппарату можно вѣрить только въ такомъ случаѣ, когда, по сожженіи животныхъ тканей, будутъ получены изъ нихъ несомнѣнные остатки мышьяку, представляющіе *всѣ* нормальные признаки этого металла.

4. Въ случаѣ отравленія, пока страждущій еще живъ, этихъ остатковъ должно искать въ изверженіяхъ, а, послѣ его смерти, ихъ можно найти во всѣхъ органахъ уже разнесенными потокомъ крови.

Надобно сказать, въ заключеніе, что, еще до этихъ опытовъ, господа Либихъ, Берзеліусъ, Figuier въ Марсели, и кольмарскій профессоръ Кёпшелингъ, признали недостаточность Маршева аппарата и предлагали въ немъ разныя измѣненія.

ВЫРАСТАНІЕ НОВОЙ ГОЛОВЫ И НОВЫХЪ ВНУТРЕННОСТЕЙ У ГОЛОТУРІЙ И АМФИТРИТЪ. *Наблюденія сэръ Джона Делайелл.* Взрослая голотурія похожа на огурецъ, или на колбасу, длиною отъ шести до двѣнадцати дюймовъ. Цвѣтомъ эти странныя животныя бываютъ пурпуровыя, желтыя, сѣрыя и бѣлыя. Тѣло голотуріи покрыто, какъ-будто шерстью, тысячами сосалецъ, которыми она присасывается къ твердымъ тѣламъ. Въ такомъ положеніи она остается безъ движенія во все продолженіе дня, свернувшись въ полукружье. Лишь-только настанетъ вечеръ,

Холодокъ, или кисть, находящаяся на самой толстой оконечности полумьсяца, развертывается въ широкую воронку, состоящую изъ осьми, десяти и даже двадцати удивительно красивыхъ жабръ или жаберныхъ крылышекъ, вросшихъ въ роговую цилиндрическую трубку, на днѣ которой находится ротъ. Эти жабры, одна за другою, положутъ воду. Каждая изъ нихъ, сильно сжимаясь, входитъ въ ротъ животного, и потомъ выходитъ и развертывается снова. Движеніе жабръ продолжается всю ночь, но съ наступленіемъ дня весь жаберный приборъ стягивается, отверстіе трубки закрывается, и изъ противоположной оконечности животное начинаетъ выбрасывать фонтанъ. Это чудное животное теряетъ само собою всю свою внутренности, которыя, у *Holothuria fusus*, состоятъ изъ осьми большихъ жабръ, пары маленькихъ щупалецъ, роговаго цилиндрика, рта, желудка, кишечной трубки, и яичника: все эти органы отдѣляются самъ собою, и тѣло голотурій остается пустымъ какъ мѣшокъ. Но, отъ этого, животное не умираетъ. Черезъ два или три мѣсяца потерянные части возобновляются, и новая воронка, составленная изъ новыхъ жабръ, величиною во всю длину животного, опять начинаетъ свои движенія.

Другія породы голотурій, сами собою раздѣляются посрединѣ на двѣ части, а иногда болѣе, изъ которыхъ вырастаютъ новые органы и образуются новыя; совершенныя животныя, между-тѣмъ, какъ ихъ анатомическое устройство такъ сложно, что почти не возможно доискаться, къ чему назначены многія части ихъ тѣла.

Втеченіи ночи, одна голотурія, положила болѣе пяти тысячъ личекъ. Дѣтеныши ихъ походятъ на личинки, и бывають величиною съ ячменное зерно.

Животное можетъ терять и воспроизводить свои органы по нѣскольку разъ; очень рѣдко найдете цѣлую голотурію: сэръ Джонъ первый имѣлъ случай наблюдать этихъ жидотивыхъ живыхъ и совершенно развитыхъ.

Амфитрита—животное еще болѣе любопытное. Различныя породы ея водятся около береговъ Шотландіи. Онѣ живутъ, или въ трубкахъ, которыя сами дѣлають, или въ чахлахъ, устроенныхъ изъ особеннаго роду шелковистаго вещества, которое у нихъ просачивается сквозь кожу, или,

наконецъ, помѣщаются въ серединѣ прозрачной студени, которая тоже—животное произведение.

Тѣло амфитриты, называемой *ventilabrum*, живетъ длиннѣе до двѣнадцати дюймовъ и болѣе: оно похоже на тѣло зиги, и состоитъ изъ трехъ сотъ пятидесяти колець, украшенныхъ хохолкомъ, который составленъ изъ осьмидесяти до девяносто мясистыхъ перышекъ различнаго цвѣту; тѣло оканчивается двойнымъ хомуткомъ или валикомъ. Жаберы, расположенныя въ видѣ воронки, или волана, толщиною въ три дюйма, походятъ на прекрасный цвѣтокъ; съ двумя шипами въ серединѣ. Каждое перышко опружено, по правому, пятью сотнями тоненькихъ мясистыхъ волосковъ, сидящихъ на длинномъ стебелькѣ. Амфитрита — животное очень робкое, живетъ въ прямой трубкѣ чернаго цвѣту, похожей на выдланную кожу. Это жилище устрояется самымъ изысканнымъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ бросить въ воду нѣсколько грязи въ то время, когда животное выйдетъ изъ трубки свой прекрасный хохолокъ. Лишь только вода замутилась, весь жаберный приборъ приходитъ въ движеніе, несмотря что само животное на видѣ остается покойно. Сорокъ тысячъ волосковъ начинаютъ работать, и вскорѣ, на днѣ воронки, скопляется значительное количество черноватаго вещества. Со дна это вещество поступаетъ въ ротъ, смѣшивается съ особеннаго роду клеемъ, и потомъ выбрасывается, въ видѣ тѣста, на края отверстія трубки. Въ ту минуту животное выходитъ изъ своего жилища, и, медленно повертываясь, даетъ этому тѣсту приличную форму, посредствомъ двухъ небольшихъ лопаточекъ, прикрѣпленныхъ къ шеѣ двумя бахромочками. При дальнѣйшемъ движеніи, животное скрывается въ трубку, которой отверстіе остается закрытымъ, покуда животное не замѣтитъ, что можно продолжать начатую работу безъ опасности.

Отрѣзанная передняя часть вырастаетъ вновь. Изъ кусочка нижней части амфитриты возникаетъ цѣлый хохолокъ, съ своими перьями, бахромками, шипами, образуются ротъ, лопаточки, однимъ словомъ, новое, совершенно цѣлое животное.

Амфитрита *bohmux*, обитающая въ шельфовистой чах-

ли, бываетъ, величиною не болѣе трехъ дюймовъ; третья часть тѣла ея составляетъ хохолокъ изъ шестидесяти или семидесяти жаберныхъ перьевъ. Когда сэръ Джонъ разрезалъ такую амфитриту поперекъ на двѣ части, оба куска очень скоро покрылись чахлами, въ которыхъ лежали они безъ движенія. Верхній кусокъ не измѣнился; у нижняго, напротивъ, выросли все органы.

У молодыхъ амфитритъ, жабръ бываетъ очень мало: число ихъ, какъ и число колець у червей, увеличивается съ лѣтами, до безконечности. Стебелекъ жабернаго пера сначала бываетъ тоже голый, и только постепенно покрывается волосами, которые начинаютъ вырастать снизу вверхъ.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, ПО ТЕМПЕРАТУРЪ ЛѢТНИХЪ МѢСЯЦЕВЪ, ВЪРОЯТНУЮ ТЕМПЕРАТУРУ ЗИМНИХЪ. Въ извѣстной глубинѣ земной коры температура не измѣняется ни зимою ни лѣтомъ; но, выше черты этой постоянной температуры, земные слои нагрѣваются отъ солнца лѣтомъ, и простываютъ зимою. Въ лѣтніе мѣсяцы самый теплый слой бываетъ верхній, въ зимніе — наоборотъ. На этомъ основаніи господинъ Hutchison думалъ, что, судя по медленности, съ какою высокая лѣтняя температура проникаетъ въ слои земли, количество теплоты, поглощенной ими въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы, находясь въ самыхъ верхнихъ слояхъ, должно и выходить первое изъ нихъ наружу при поступленіи зимы, и, на-оборотъ, теплота первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, постепенно проникшая въ самые глубокіе слои, должна выйти изъ земли послѣдняя, то есть, къ концу зимы. Эта выступающая изъ земли теплота по-необходимости нагрѣваетъ воздухъ, и хотя регулярности такого нагрѣванія должны мѣшать вѣтры и другія непредвидимыя причины, однако жъ можно, недѣлю раньше, недѣлю позже, предсказать то время, когда теплота, скопившаяся въ слояхъ въ такой-то лѣтній мѣсяць, выступитъ на поверхность земли. По этому правилу выходитъ, что каждому мѣсяцу, втеченіи котораго совершается поглощеніе теплоты, соответствуетъ потомъ мѣсяць, когда совершается изверженіе ея наружу. Следовательно, по средней температурѣ каждаго лѣтняго мѣсяца, можно предсказать, какая будетъ средняя температура

въ соответствующемъ ему зимнемъ мѣсяцѣ. Въ климатахъ не слишкомъ северныхъ, послѣдній жаркій мѣсяць будетъ августъ: следовательно теплота его будетъ занимать самый верхній слой земли, и останется въ немъ весь сентябрь, потому что въ сентябрь земля еще не простываетъ; и эта теплота станетъ выходить обратно въ воздухъ только въ октябрь. Теплота предположняго жаркаго мѣсяца станетъ выходить уже послѣ. Такимъ образомъ:

Августъ соответствуетъ октябрю.
 Июль.....ноябрю.
 Июнь.....декабрю.
 Май.....январю.
 Апрель.....февралю.

Если, поэтому, въ августъ, температура всего мѣсяца была выше средней обыкновенной, то и октябрь будетъ теплѣе обыкновеннаго. Если июль былъ холоднѣе, ноябрь будетъ тоже.

Повѣряя это правило съ термометрическими наблюденіями за нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Шотландіи, господинъ Гочинсонъ нашелъ, что предположеніе его совершенно основательно: вліяніе теплоты лѣтнихъ мѣсяцевъ на температуру соответствующихъ имъ зимнихъ очень замѣтно, и, въ большемъ числѣ лѣтъ, исключенія изъ правила, зависящія, по первому взгляду, отъ случайныхъ обстоятельствъ, совсѣмъ уничтожаются. Если возьмемъ одинаковые мѣсяцы въ нѣсколькихъ десяткахъ годовъ, и сравнимъ ихъ между собою, какъ въ таблицахъ господина Гочисона, представленныхъ имъ на послѣднемъ съѣздѣ англійскихъ ученыхъ, то увидимъ, что случайныя неправильности исчезаютъ, и что всякая нѣсколько замѣтная разница холоду или теплу лѣтомъ въ сравненіи съ среднею мѣсячною температурою, производитъ такую же разницу въ температурѣ соответствующаго зимняго мѣсяца. Результатъ такъ постояненъ, что, по мнѣнію автора, нельзя не видѣть въ немъ основательности предположенія, на которомъ онъ основалъ свою теорію.

двухдѣтныя инфузоріи. Въ октябрѣ прошлаго года докторъ Уегронъ Hægson представилъ Лондонскому Макро-

наобщественному Обществу отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ животными инфузоріями, принадлежащими, какъ кажется, къ роду *Euglena* Эренберга. Онъ нанялъ ихъ въ прудъ близъ Нокома. Эти животныя плавали на поверхности воды, въ видѣ небольшихъ, охлочковъ, соединенныхъ между собою подобіе тоненькой нити. Они имѣютъ замѣчательную способность мѣняться въ цвѣтъ въ различное время дня. До шести часовъ утра, они всегда бывають прекраснаго зеленого цвѣту; съ того времени, онъ измѣняется изъ зеленого въ красный, и остается до четырехъ часовъ по полудни, послѣ чего животныя снова становятся зелеными. Сохранить этихъ инфузорій въ состояніи зеленого цвѣту очень трудно: при малѣйшемъ движеніи, они дѣлаются красными. При помощи микроскопа, пасторъ Вернонъ удостовѣрился, что перемѣна въ цвѣтъ происходитъ отъ нѣкоторыхъ измѣненій, совершающихся во внутренности животныхъ. Въ тѣлѣ ихъ находится крошечный шарикъ краснаго цвѣту, который, расширяясь и занимая много мѣста, даетъ всему тѣлу красный отливъ. Пасторъ Вернонъ не думаетъ, чтобы поперемянное расширение и сокращеніе центрального краснаго шарика зависело единственно отъ вліянія свѣту или теплоты: въ этомъ случаѣ, въ срединѣ лѣта измѣненіе цвѣту должно было бы начинаться гораздо ранѣе шести часовъ утра и, ни въ какомъ случаѣ, не становиться опять зеленымъ въ четыре часа послѣ обѣда; сверхъ-того животное не являлось бы краснымъ въ темнотѣ при малѣйшемъ сотрясеніи. Вѣроятно, этотъ феноменъ зависитъ отъ какого-нибудь неизвѣстнаго еще жизненнаго дѣйствія.

НАМЕЦЕНІЯ УМОЗРѢНІЯ ОРАЗУМІИ ЖИВОТНЫХЪ. Столько великихъ философовъ, столько важныхъ богослововъ, занималось этимъ фантастическимъ вопросомъ, и объ немъ написано и забыто такое множество книгъ, что въ наше время надобно имѣть необыкновенную смѣлость чтобы пошевелить пыльные архивы, въ которыхъ погребены эти бесплодныя умозрѣнія. Братъ безсмертнаго Кювье, самый умный и положительный, занимался, правда, въ послѣднее время во Франціи, ученымъ разборомъ ума животныхъ, de l'*intelligence des animaux*, но одному только намедалому пре-

обзору можетъ прийти въ голову написать въ девятнадцатомъ вѣкѣ такую книгу какъ «*Versuch einer vollständigen Thierseelenkunde*» (Stuttgart, 1840, 2 Bde). Мы, конечно, и не обратили бы вниманія на подобную книгу, если бы очень уважаемые нѣмецкіе журналы не выдавали ея въ то же время въ твореніе прекрасное, примѣчательное и глубокомысленное. Но похвалы, расточаемыя ими собранію дикихъ и горлчачихъ грезъ господина Шетлина возбуждаютъ невольное желаніе взглянуть въ его знаменитое твореніе: и тутъ только можно увидѣть, какое жалкое направленіе приняли и сохранили опыты науки во многихъ германскихъ университетахъ, и до какой степени лучшіе критическіе журналы этой страны заражены суевѣріемъ и бреднями умозрительнаго мистицизма. Прежде всего должно замѣтить, что для болѣею части этихъ журналовъ, такъ же какъ и для ученаго господина Шетлина, чудеса животнаго магнетизма составляютъ доказанный фактъ, о которомъ и не должно спорить: одно это обстоятельство достаточно уже показываетъ степень ученаго добродушія, — чтобъ не сказать, простоумія, — этихъ господъ. Господинъ Шетлинъ, такимъ образомъ, во-первыхъ и прежде всего, — магнитистъ, заклятый магнитистъ. Во-вторыхъ, лучшіе годы своей жизни онъ провелъ въ обществѣ скотовъ: это случается со многими, но съ тою разницею, что другіе очень досадуютъ на такой случай, а господинъ Шетлинъ, напротивъ, гордится имъ какъ преимуществомъ. Общество это онъ полюбилъ отъ всей души, принялъ на себя званіе его психолога, и сильно возстаетъ противъ скверной привычки людей мучить друзей его, животныхъ, между-тѣмъ какъ съ другой онъ представляетъ насъ въ обязанностяхъ нашихъ въ отношеніи къ скотамъ.

Книга его представляетъ сперва полный литературно-историческій обзоръ древнихъ и новыхъ сочиненій, которыхъ предметомъ была животная психологія: далѣе, идутъ собственныя наблюденія и умствованія автора. Съ самою живѣйшею любовью къ предмету и изумительнымъ прилежаніемъ собралъ онъ въ одно цѣлое все, что было до него писано о животной психологіи: а писано-то страхъ сколько! Во введеніи, авторъ подробно излагаетъ, какія понятія,

думали древніе о животныхъ, и думаетъ, что родъ, котораго играли слоты въ языческой мѣологіи и ея символика была основана на слишкомъ произвольныхъ началахъ. Онъ, докторъ, глубоко изучилъ сердце и душу совы : но, отдавая всю справедливость ея уму, не можетъ понять, зачѣмъ древніе произвели ее въ представительницы богини мудрости, Минервы. Важность, съ какою господинъ Шетлингъ разбираетъ этотъ вопросъ, возбуждаетъ невольный смѣхъ. Это, кажется, уже извѣстно всѣмъ гелленистамъ, что сова при Минервѣ находится, просто, по милости греческаго каламбура : эту богиню мѣологія представляла себѣ *бълокурою*; «*бълокурый*» по-гречески *glaukós*, а сова, *glauks*, *glaukós*: отсюда извѣстный эпитетъ Минервы—*glaukoris*, въ которомъ, следовательно, два значенія—*бълокуровидный* и *сововидный* (оръ значить *лицо, видъ*, а не глаза, какъ думали многіе переводчики Гомера). Тутъ уже каждый видитъ, что, для выраженія въ скульптурѣ, въ статуѣ, бълокураго виду изваянной богини, остроумному человѣку стоить только посадить подлѣ нея сову, и всѣ не менѣе его остроумные зрители тотчасъ догадаются, что это — *кирія glaukoris*, госпожа Бълокурая, или Минерва. Опять въ страшное затрудненіе приводятъ его кошки : онъ никакъ не можетъ отгадать, какая связь существуетъ между кошкою и луною? Не та ли, что глаза коники, суживаясь и расширяясь, имѣютъ сходство съ лунными фазами? Или еще тоньше : не та ли, что число дѣтенышей, которыхъ кошка рождастъ, иногда равно числу дней лунной недели? Словомъ, господинъ профессоръ Шетлингъ на какими умозрѣніями не можетъ разрѣшить этого удивительнаго случая. А между-тѣмъ всякой простыми глазами видитъ причину избранія кошки символомъ луны : кошка и луна — ночныя животныя! Такъ же тонко авторъ объясняетъ почему Египтяне боготворили кошекъ : потому что кошка похожа на льва!

Обвинивъ первыхъ христіанъ въ преступномъ неуваженіи къ животнымъ, скотолобивый умозритель перескакиваетъ черезъ средніе вѣка и благополучно опускается передъ возрожденіемъ наукъ и шестнадцатымъ столѣтіемъ. Въ эту эпоху великихъ открытій и великихъ глупостей философія беретъ животныхъ подъ свое покровительство. На

чиняются споры : одни защищаютъ ихъ , другіе унижаютъ и преслѣдуютъ. Являются де-Порта и Геснеръ , люди , которыхъ животныя никогда не забудутъ. Съ другой стороны являютя Перейра и злой Декартъ , и говорятъ , что животныя—машины, существа бездушныя , съ которыми человекъ имѣетъ право дѣлать все , что ему угодно. Противъ нихъ возстаютъ Лейбницъ и послѣ Томасіусъ. Въ 1750 вышло первое систематическое сочиненіе о такъ называемой животной психологіи : авторъ его , Георгъ Мейеръ , объявилъ животныхъ существами , совершенно подобными человеку , съ тою только разницею , что развитіе ихъ умственной организаціи , какъ и физическихъ формъ , не доведено до предѣловъ , присвоенныхъ нашей породѣ , но приостановилось на известной точкѣ. По системѣ Мейера , крыса и философъ — одно и то же , только крыса меньше вытянулась , меньше развилась физически , а затѣмъ и умственно : но развернись она , какъ слѣдуетъ , то изъ крысы выйдетъ отличный гелертеръ , умозритель первой руки. Однако жъ , во Франціи и Италіи эта теорія не нашла себѣ приверженцевъ : тамъ , о животныхъ всё-таки имѣли самыя невыгодныя мнѣнія , которыхъ держался и гениальный Бюффонъ. Но зато , въ Германіи , Мейерова нелѣпость росла и украшалась новыми прибаутками , дотогѣ что Гердеръ уже называлъ животныхъ *старшими братьями человека*. При всѣмъ томъ , философія умнаго Канта неслишкомъ имъ благопріятствовала , потому что нравственность и свободу она исключительно присвоила человеку. Но долго ли умныя вещи могутъ держаться на корнѣ въ туманной атмосферѣ германскихъ умозрѣній? Кантъ брошенъ подъ лавку. Число защитниковъ великаго разума и неприкосновенныхъ правъ животныхъ вскорѣ стало чрезвычайно велико. Мысль , будто разумное начало животныхъ совершенно подобно разумному началу человека , съ тѣмъ только , что оно остановлено въ нихъ на нисшей степени развитія ; вскорѣ сдѣлалась господствующею. Окенъ выпустилъ новую нелѣпость , прозванную *новой идеей* , но которая ни сколько не противорѣчила этой странной мысли : онъ утверждалъ , будто разумное начало , *раусе* , животныхъ не что иное какъ частица разумнаго начала человека , подобно тому какъ тѣло ихъ —

только часть совершеннѣйшаго животнаго организма, то есть, человѣческаго тѣла; и какъ, по его мнѣнію, всякое животное только представитель известной части этого тѣла, — червь представитель спинной кости, улитка представительница печени, — то и разумъ ихъ тѣсно связанны съ отправленіями этихъ органовъ: другими словами, у червя и у улитки ровно столько же ума сколько у человека въ печени и спинѣ! Разумъ улитки, говоритъ Окенъ — разумъ печеночный: осторожный, разсудительный, пугливый, предчувствующій. Кажется, что ученое сумазбродство не могло уже идти далѣе. Господинъ профессоръ Шетлинъ нашелъ однако жъ средство усовершенствовать его разными украшеніями. Онъ почти того же мнѣнія какъ и Окенъ: говоритъ, что человѣческій организмъ потому только верховный типъ всего живущаго, что онъ составленъ изъ соединенія всѣхъ организмовъ животныхъ; но почтенный умозритель не принимаетъ животныхъ, подобно Окену, за простое развитіе одного какого-нибудь органа нашего тѣла, а полагаетъ, что это — сокращенія полнаго человека, недодѣланные люди, существа приостановленныя на известной степени развитія. Жизнь, великое развитіе духа, по мнѣнію господина Шетлина, одна для всего органическаго міра, но она имѣетъ свои «степени». Въ человекѣ тоже есть разныя *степени* жизни, — бдѣніе взрослого человека, сонъ, сновидѣніе, *лунатизмъ*, магнетическій *сомнамбулизмъ*, дѣтство. Для ясности этой околесицы назовемъ бдѣніе взрослого человека *жизнью N° 1*, сонъ *жизнью N° 2*, сновидѣніе *жизнью N° 3*, лунатизмъ *жизнью N° 4*, сомнамбулизмъ *жизнью N° 5*, дѣтство *жизнью N° 6*. Настоящая, коренная, постоянная жизнь человека, одному ему только свойственная, есть жизнь N° 1, или тотъ разумъ, который въ немъ дѣйствуетъ и проявляется, когда онъ не спитъ; прочія жизни въ насъ кратковременны и какъ-бы случайны, но у разныхъ животныхъ онъ, — коренныя и продолжаются отъ колыбели до могилы. Такимъ образомъ есть существа, примѣромъ сказать растенія, или прозябаемыя, которыя во весь вѣкъ живутъ *жизнью N° 2* (человѣческой сонъ): это значитъ, что у нихъ дѣмъ столько ума, сколько у человека, когда онъ вмѣстѣ съ сапогами скинулъ съ себя жизнь N° 1, надѣлъ на голову ночной

кошачья и на душу живую № 2, жизнь растительную, ищущую; ветокъ, есть животныя, которыя постоянно живутъ жизнью № 3 (человѣческое сновидѣніе): ясныя, у которыя въ мысляхъ столько же толку, сколько въ грезахъ человѣческаго сновидѣнія; есть наконецъ другія, живущія жизнью NN° 4, 5 и 6, равныя по уму разуму состояніямъ человека во время лунатизма, магнетическаго сомнамбулизма (хорошъ долженъ быть умъ у такихъ животныхъ!) или дѣтства. Не знаю, понятно ли изложилъ я глубокомысленное открытіе господина профессора, заимствованное впрочемъ у Каруса, но дѣло именно такъ, какъ я имѣю честь докладывать. «Чтобъ по-возможности не допустить себя до главной погрѣшности всѣхъ прежнихъ зоопсихологовъ, говоритъ онъ, и чтобъ составить правильную систему животной психологій, я раздѣлилъ всѣхъ звѣрей и скотовъ, не просто на скотовъ и звѣрей, или какъ-нибудь иначе, но на три великія разряда подъ названіями *прозябаемо-скоты*, *окотоскоты* и *человѣко-скоты*, Pflanz-Thier, Thier-Thier und Mensch-Thier, а это всё-равно что сно-животныя, лунатико-животныя и бѣд-животныя; да сверхъ-того два прибавочные разряда, подъ названіями *сновидо-скоты* и *сомнамбуло-скоты*. Червей, которыя умъ не выше древеснаго, я ставлю въ разрядъ сно-скотовъ; птицъ и млекопитающихъ отношу къ разряду бѣд-скотовъ; изъ насекомыхъ, рыбъ и амфибій, составляю отдѣлы сновидо-скотовъ, лунатико-скотовъ, и наконецъ скотовъ, живущихъ жизнью чудеснаго сна магнетическаго, не предоставляя себѣ впрочемъ права приписывать каждый зоологическій классъ, каждое семейство, къ одной особенной степени жизни. Я говорилъ уже, что, какъ мнѣ кажется, образовательная сила природы, или душа земли, Erd-Geist, касательно своихъ частныхъ явленій, какъ то, мысли, воли, исполненія, качается въ существахъ низшаго образованія. Это качаніе, Oscilliren, отъ одного полюса къ другому, и составляетъ ихъ существенную принадлежность, потому что оно замѣтно во всѣхъ низшихъ тваряхъ шести классовъ животныхъ. Низшее насекомое стоитъ гораздо ниже чѣмъ самый высшій червякъ. Посмотрите, какъ низко поставлены природою самая низшая рыба и самое низшее млекопитающее! Вотъ почему, отъ этой качки земной

души, сно-скотизма; сновидо-скотизма; лунатико-скотизма и сомнамбуло-скотизма. Провальнотомъ даже въ высшихъ масконттошопцахъ.»

Насы этой умсарительной чепухи, авторъ просматриваетъ весь рядъ животныхъ, и всюду видитъ постепенное развитие разумнаго начала, отъ сно-скотовъ, умныхъ какъ крапива или какъ всякое другое растение, до человека-скотца, не уступающихъ въ умъ и соображеніи ниному скотчеловѣку. И всюду руководствуется онъ или своими собственными наблюденіями или свидѣніями, почерпнутыми изъ «лучшихъ источниковъ». Такія характеристики животныхъ составляютъ главную часть книги; остальная содержитъ въ себѣ цѣлая сокровища самыхъ тонкихъ ислѣдованій, какихъ до господина Шетлина никто еще и не дѣлалъ.

Доказавъ, что, по уму, червь во время своего бдѣнія находится въ состояніи непрерывнаго сна человеческого, сочинитель старается убѣдить dalje, что насенныя никогда не выходятъ изъ состоянія человека-сновидца, и говоритъ, между прочимъ, что въ дѣйствіяхъ и поступкахъ обыкновенной мухи самымъ яснымъ образомъ видны причуды сновидѣнія: она, такъ сказать, *въ законовъ тяжести* (оге!), бѣготно по потолкамъ, и равнодушно ометривъ на всякія отношенія: «Насыньте на столъ сахару, продолжаетъ герръ Шетлинъ, мушъ ометится множество: убейте часть ихъ, и прочія этого не замѣтятъ: онъ будутъ спокойно ползать по ярусамъ своихъ сестрицъ, смерть не страшитъ ихъ, о сомаленіи онъ и понятія не имѣютъ. Не такъ ли и человѣку: кажется во снѣ, будто онъ въ законовъ тяжести, ходитъ по воздуху, бѣгаетъ по потолкамъ? Не такъ ли въ сновидѣніяхъ смотритъ онъ безъ ума на смерть, храбро дерется на поля сраженія, и безъ страху можетъ видеть себя убитымъ?»

Рыбы по мнѣнію господина Шетлина — сущіе лунатики, а сомбѣи — сомнамбулы. Настоящій бдѣ-скотизмъ встречается въ первый разъ у птицъ. Самою мудрою и благородною птицею авторъ считаетъ яста, который уже и по своему виду ближе подходитъ къ челоуѣку чѣмъ вся прочія птицы, и далеко превосходитъ ихъ своимъ духомъ и нравомъ.

МАРТЪ, 1861.

НОВЫЯ КНИЖИ.

Мнѣ сказывали, будто-бы кто-то говорилъ, что въ Лѣтописи нѣтъ критики. Вообразите, какое несчастіе!... въ Лѣтописи нѣтъ критики! Что же ей теперь дѣлать? повѣситься ли съ отчаянія?... или, принеся покаяніе, надѣть ночной колпакъ нѣмецкаго педанта, разсѣсться въ засаленныхъ и изломанныхъ креслахъ какого-нибудь Готтшеда, нахмуриться, надуться, и начать пытаться книги, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ ихъ визгу, исторгать у нихъ обвиненія противъ бѣдныхъ авторовъ, придираясь ко всемъ словамъ? стать переважно судить и рѣдить о чужомъ умѣ и стать отменно смѣшною въ глазахъ всехъ, знающихъ настоящую цѣну вещамъ и дѣламъ этого многотомнаго свѣта? тяжкимъ трудомъ, въ кровавомъ потѣ чела, наживать себѣ враговъ въ сочинителяхъ, которые изъ гордости никогда не убудятся ея доказательствами, и возбуждать зѣвоту отвращенія въ читателяхъ, которые стали уже такъ умны, что не вѣрятъ даже и печатному? Увы! они уже поняли всѣ тайныя пружины текущей критики, всѣ ея извороты, продолжки, страстишки; мелькомъ увидали многихъ изъ тѣхъ, которые такъ смѣло произносятъ приговоры объ умѣ, познанияхъ и достоинствахъ писателей, и ужаснулись..... Въ Лѣтописи нѣтъ критики! Бѣда, да и только. Ну, теперь скажите намъ,

во милости : гдѣ же она есть , въ наше время ? къ чему она служить ? кому она полезна (исключая книгопродавцевъ) ? и кто ей нынче вѣритъ (не исключая и самихъ ея сочинителей) ?.... Этакое горе случилось съ Лѣтописью ! она , бѣдняжка , уже и не понимаетъ , что такое критика , любимая мечта учителей риторики , посмѣшище умнаго , карриатура чловѣческаго правосудія , дочь варварскихъ временъ , когда люди еще вѣрили , что мы значить что-нибудь въ литературномъ языкѣ !.... Да разве дѣла наши въкѣ , занятою , хлопотливомъ , заваленномъ книгами , ими же разочарованномъ , и постигшемъ все ничтожество книжныхъ судей , всю суету книжнаго суда , возможна какая-нибудь другая критика кромѣ бѣглаго , веселаго , беззаботнаго разговору съ умнымъ читателемъ , кромѣ той прелестной бесѣды , въ которой между добрыми друзьями такъ пріятно сливаются въ одну болтовню , въ одно наслажденіе , погода , актриса ; шутка , новая книга и другіе пустяки ? Не обманывайте себя мечтательнымъ идеаломъ критики : если она когда-нибудь существовала въ природѣ , въ чемъ я очень сомнѣваюсь , то царство ея прошло безвозвратно вмѣстѣ съ вѣрою въ непогрѣшимость литературныхъ законовъ , установленныхъ великими критиками . Она теперь , просто , изъясненіе личнаго воззрѣнія на предметъ того , кто говоритъ о литературномъ произведеніи . Это—ничтожная , безпослѣдственная , частная болтовня ; а не приговоръ судьи , дѣйствующаго по положительному и общепринятому уставу , и , какъ болтовня , она обязана быть живою , пріятною , веселою , подѣсеніемъ не быть слушанною умными людьми , которые знаютъ , въ чемъ состоитъ дѣло . Неужели вы думаете , что въ наше время , при нынѣшнихъ средствахъ , очень трудно читать скучно , сухо , важно , съ педантизмомъ ? Это , напротивъ , такъ легко , что и сказать нельзя . Нѣтъ ничего легче , какъ призвать на помощь Грековъ , Римлянъ , Аравитякъ , Персовъ , Индійцевъ , Китайцевъ , даже Мапъджуровъ и Монголовъ , напугать читателя страшными словами , закидать цитатами , разбить въ пухъ необозримую ученостью . Это будетъ очень важно : да выйдеть ли изъ этого критика , «судья» , когда вы ни во что не вѣрите , когда старинные литературные законы ниспровержены , когда всѣ стали умны до-небѣды

и всякой самъ себя и другимъ — судя и никого не слуша-
ется? И веселе ли вамъ будетъ, когда я, вместо, обо-
пovenной моси, беззаботной болтовни о новизнѣ прозаиче-
скихъ нашего гения, о поэмѣхъ, романахъ, бездланнѣ,
задоръ, о томъ, что не стоитъ и трехъ морзюнныхъ словъ,
стану пресеріозно, преторжественно, прескучно, раздувать
о такихъ важныхъ вещахъ какъ въпрямь индѣйская
басня или русскій гекзаметръ? Очень сомнѣваюсь! А впро-
чемъ, если вамъ угодно, если кому скучно на свѣтъ безъ та-
кихъ разсужденій, то я стану писать даже и объ гекзамет-
рахъ. Посмотримъ, будете ли меня слушать, доставитъ ли
у васъ терпѣнія.

Я объявляю, что напрягу все сплы чтобы, слпко воз-
можно, быть важнымъ и не смѣяться. Скучайте! Мнѣ до это-
го дѣла нѣтъ.

И, съ перваго слова, почтеннѣйше прошу извиненія у
всѣхъ, которые писали, пишутъ и хотятъ писать поддѣль-
ные гекзаметры на манеръ древнихъ, если осмѣлюсь дерзновен-
но сказать имъ, что они не знаютъ, не понимаютъ и не до-
гадываются, что такое въ природѣ вещей и языковъ *длин-
ный слогъ* и *короткій слогъ*; что они не имѣютъ понятія о
дактилѣ и *спондѣ*; что ихъ стихи — просодическая глупо-
стиа, противная всемъ законамъ звуку, слуху, музыкѣ и
здраваго смысла, смѣшная затѣя, несообразность, угадь.

Греки, Римляне, Финикійцы, Арабы, Персы, Турки,
Терпандръ, Пинегоръ, Лебидъ, Гезіодъ, Аретинъ, Эсхилъ,
Саади, Виргилій, Асмаи, Боэцій, Хафизъ, Птоломей и Ре-
шидъ-шахъ! всѣ вы, которые писали настоящіе метриче-
скіе стихи или открывали законы музыкальнаго звука, рас-
толкуйте, пожалуйста, нашимъ поэтамъ, что долготу и
краткость слоговъ, въ языкахъ, въ музыкѣ, въ акустикѣ,
въ природѣ, вездѣ, составляютъ не гласныя, но *согласныя*
буквы; что гласная сама по себѣ — ни длинна ни коротка,
что она только *тонъ* или, какъ прекрасно называли дре-
вніе Аравитяне, звучное *движеніе* согласныхъ, и что ударе-
ніе, акцентъ, не имѣетъ ничего общаго съ долготою или
краткостью слоговъ. Греки взяли свою метрическую систему
и свой гекзаметръ отъ Финикійцевъ: это фактъ, засвидѣ-

тествовавший Геродотомъ. Правила этой метрической системы известны; но настоящее, просодическое, то есть, музыкальное, впечатлѣніе потеряно для насъ въвѣсть съ музыкою Грековъ, на которой стихъ ихъ совершенно основывался. Однако жъ есть возможность добиться до уразумѣнія ея свойствъ. Музыка Восточникъ, дочь усовершенствованной музыки Грековъ, еще сохраняетъ въ себѣ драгоценныя указанія, ждакъ Финкійцы по происхожденію и по языку были одною племенемъ съ Аравтянами, то очень естественно искать въ метрической системѣ Арабовъ объясненія того, что для насъ до-сихъ-поръ было не понятнымъ въ греческой: это даже тѣмъ необходимѣе, что удивительное, идеальное совершенство арабской метрической системы стихосложенія, тѣсная связь его съ внутреннимъ устройствомъ языка, и въвѣсть съ тѣмъ непостижимое согласіе его съ акустическими законами звуку, ясно показываютъ, что метръ родился въ языкахъ сирійскаго корня, былъ неизбежнымъ слѣдствіемъ ихъ духа, и перешелъ къ другимъ народамъ единственно путемъ подражанія.

Можете совершенно полагаться на мою учтивость, что я, хоть и обязалъ быть скучнымъ, не стану мучить васъ примѣрами арабскаго метра. Я изложу только общіе и несомнѣнные выводы, которые чрезвычайно легко получаются изъ соображенія метрической и музыкальной системы Грековъ съ метрическою и музыкальною системою Аравтянъ, объясняя эти родственныя системы одну другою.

Сравнивая эти двѣ системы, обнаруживается, что Греки и Аравтяне — непостижимое дѣло! — были несравненно умнѣе всѣхъ насъ, нынѣшнихъ. Они съ гениальною проницательностью уха угадали великій законъ музыки человѣческаго слова и музыки безчленныхъ звуковъ, котораго мы, при всей нашей мудрости, досель не можемъ ясно постигнуть. Они попали на богатѣйшую идею, на первый источникъ всякой композиціи, словесной и звуковой, на такую вещь, которая, изъ человѣческихъ словъ дѣлаетъ музыкальную симфонію и, на-оборотъ, изъ музыкальной симфоніи дѣлаетъ ораторскую рѣчь, а изъ пустыхъ стиховъ настоящіи «языкъ боговъ», какъ говорили древніе, или

«концертъ небесныхъ сферъ», какъ сказали бы длиннѣе. Греки и Аравитяне совершенно правы: да! время, употребляемое на произнесеніе согласныхъ, одно определяетъ природу долготу или краткость слоговъ; гласная ничего не значитъ, гласная — тонъ, звучное движеніе согласной буквы, вещь безъ тѣла, ничто: а «ничто» не можетъ быть длинное ни короткое, это ясно. Отсюда легко вывести очень простое и логическое заключеніе, что чѣмъ болѣе согласныхъ въ слогъ, тѣмъ онъ длиннѣе, чѣмъ меньше согласныхъ, тѣмъ онъ короче. Меньше одной согласной быть не можетъ въ слогъ: следовательно, — именно такъ и думали Греки и Аравитяне, такъ и до-сихъ-поръ думаетъ весь Востокъ, ученикъ Аравитянь, — *одна согласная и гласная — короткий слогъ; два согласныхъ и гласная — длинный слогъ.* Въ арабскомъ и другихъ языкахъ сирійскаго корня нѣтъ слоговъ длиннѣе этого: въ греческомъ, для котораго эта система не была выдумана первоначально, слоги имѣютъ иногда по три и четыре согласныхъ, но греческіе поэты или старались не употреблять такихъ словъ, или прибегали къ различнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы не считать лишнихъ согласныхъ за буквы или считать два согласныхъ за одну букву. Этого мало: въ языкахъ сирійскаго корня, ни какой слогъ, и следовательно ни какое слово, не начинается гласною: въ греческомъ, напротивъ, это случается очень часто; и потому поэты, чтобы въ точности сообразоваться съ принесенною къ нимъ изъ Сиріи системою метра, выдумали двѣ «аспираціи», легкую и тяжкую, которыя ставили они впереди словъ, начинающихся гласными, признавая эти начальные значки согласными буквами. Такимъ образомъ, древній метръ, и всякая система стопосложенія, которая хочетъ толковать о длинныхъ и короткихъ слогахъ, есть не что иное какъ простой счетъ согласныхъ; но ней, да и по самой сущности дѣла, по акустикѣ, по музыкѣ, по хорошему слуху, по здравому смыслу, по очевидности, по всему истинному въ мірѣ —

ка — короткий слогъ,
какъ — длинный слогъ;
то — короткий слогъ
тотъ — длинный слогъ.

Ваше ухо не може бути ніякого сонна. У кожного уха чутливо і одарено тонкими музичальними чутливостями, тріть, виникнувши неможливо в дло, після п'яти минутъ внигтовъ произношенія непременно согласится съ Фациллідами, Греками и Арабитами; а не согласится, тыи хуже для него: это не сделаетъ чести его ушамъ, и музыкально-акустическій законъ, угаданный Востовомъ и признанный Греками, всѣ-таки останется несомнѣннымъ закономъ природы: на произнесенія слога о двухъ согласныхъ въ гласную, нужно ровно вдвое времени противъ того, сколько нужно на произнесеніе слога объ одной согласной въ гласную, какое бы це было удареніе. Какимъ же образомъ угадали это Греки, и отчего мы, мудрые люди, не могли донынѣ угадать такой простой вещи? А! это другой вопросъ. Этому виновата наша.... (позвольте вамъ сказать на ухо — *дрянная!*....) музыка, наша грубая, исполняя и ложная гамма, поворенившая нашъ слухъ, доведшая его до огрублости. Мы долго знали и умѣли различить въ октаву всего только три тона, потомъ четыре, потомъ пять, потомъ шесть тономъ, потомъ прибавили къ нимъ еще седьмой, и те совершенно ложныи; наконецъ, съ большимъ трудомъ, достигли мы того, что въ огромныхъ интервалахъ между этими семью тонами различили и начали чувствовать слухомъ еще пять промежуточныхъ тономъ, которые ни-вѣсть за что прозвали «полу-тонами», такъ, что теперь октава наша дѣлится на двѣнадцать частей, или тономъ. Далѣе мы не пошли; ухо наше, воспитанное въ этомъ грубомъ дѣленіи, не ощущаетъ другихъ болѣе мелкихъ отѣнковъ звуку. Но Греки.... вы удивитесь! вы не повѣрите мнѣ на слово!—такъ вотъ вамъ трактатъ Птолемея о музыкѣ, вотъ его *Harmonica*, книга вторая.... Греки дѣлили октаву на *шестьдесятъ* частей, брали чистыхъ *осемнадцать тономъ* и, съ помощію своихъ порядковъ (*modus*) хроматическаго и энгармоническаго, которые были вовсе не то, что наши нынѣшніе, вводили въ октаву еще какія-то дробн этихъ дробныхъ тономъ, вѣдиче неуловимыя для нашего слуху. Ушамъ, привычнымъ къ такому мелкому дѣленію звуковъ, не мудрено было чувствовать и ясно определять слухомъ, сколько нужно времени на произнесеніе одной согласной, а сколько на произнесеніе двухъ.

Но прошу сделать это теперь, съ нашими ушами, которые на-видъ, кажись, ничего, а въ сущности.... Ну, да объ этомъ послѣ. Возвратимся къ слогамъ.

Для бôльшей ясности, я буду брать примѣры исключительно изъ русскаго языка. Возьмемъ слова, составленныя изъ однихъ длинныхъ слоговъ; прошу только помнить, что наше *й* — вовсе не гласная, а согласная: это *jota*, *j*; и что наши *я, ъ, ю, е,* взятыя отдѣльно — полныя, коренныя слоги, состоящія изъ одной согласной (*jota*) и одной гласной:

воо — тор — оскн — ннн,
 гор — дннн,
 мах — нннн,
 пре — воо — ход — ннн — щнн,
 чер — ннн,
 пал — ннн,
 и прочая, и прочая.

Я слышалъ, — мой учитель шиттаки и риторики говорилъ мнѣ это, — будто у насъ, въ нашемъ бѣдномъ русскомъ языкѣ, собственно, нѣтъ короткихъ слоговъ. Не угодно ли ему цѣлую фразу изъ однихъ чисто короткихъ слоговъ?

По бере-гу Не-ви Ма-ша хо-ди-ла въ-ло-ю бо-со-ю но-го-ю со-би-ра-ла я-го-ды и от-мо-ро-зи-ла се-бѣ носъ (носъ — длинный слогъ, à natura).

А удареніе? скажете вы. Удареніе ничего не удлинняетъ. Я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что гласная сама по себѣ не можетъ быть ни длиною ни короткою; что это только — тонъ. Сколько ни ударяйте въ нее, никакъ ея не продлите: вы только возвысите ея тонъ. Такъ думали Греки, такъ думали Аравитяне, такъ и я думаю. Скажу болѣе: я это чувствую моимъ слухомъ. Если вашъ слухъ не чувствуетъ, ни я, ни Греки, ни Аравитяне, ни акустика, не виноваты въ этомъ. Но я дамъ вамъ простое средство ясно почувствовать, если не ухомъ такъ грудью, что удареніемъ вы только возвышаете тонъ гласной, а не удлинняете ее. Возьмемъ такое слово, которое имѣло бы удареніе на первомъ; существенно короткомъ, слогъ и могло постепенно нарастать прибавочными слогами; на примѣръ:

1. миль,
2. мило,
3. милый,
4. милостиво,
5. милостивым,
6. милостивейшим,
7. милостивейшим-ли.

Произнесите эти слова сразу : вы тотчас почувствуете, какъ, при каждомъ словѣ длиннѣе однимъ слогомъ, грудь ваша болѣе и болѣе напрягается для перваго слога *ми*. Произнесите ихъ еще разъ, обращая болѣе вниманія на голосъ : вы услышите, что дѣйствительно большому и большому напряженію вашей груди соответствуетъ большее и большее возвышеніе тону на слогъ *ми* : въ седьмомъ словѣ, на этомъ слогѣ, вы уже возвысили голосъ по-крайней-мѣрѣ на цѣлую терцію, или на кварту, можетъ-быть и на квинту тона : съ точностью не возможно опредѣлить такихъ мелкихъ частицъ гаммы нашимъ нынѣшнимъ слухомъ ; для этого нужно было бы имѣть уши древнихъ Грековъ. А попробуйте не возвышать постепенно голосу на *ми*, возьмите два крайнія слова, *миль* и *милостивейшим-ли*, и попытайтесь произнести *ми* послѣдняго въ томъ же тонѣ, въ какомъ сначала произносили *ми* перваго, — вы не произнесете этого длиннаго слова : у васъ не хватитъ голосу уже на третьемъ или на четвертомъ слогѣ ; вы спутаетесь. И вотъ настоящее назначеніе удареній : безъ нихъ мы не могли бы произносить словъ длиннѣе одного слога. Навыкъ къ родному языку позволяетъ намъ мгновенно сообразить, на сколько нужно возвысить голосъ, собираясь произнести очень длинное слово : иностранцы, потому что не умѣютъ быстро соразмѣрить тону съ длиною слова, обыкновенно и путаются въ половинѣ его. Чтобы убѣдиться въ той истинѣ, что удареніе не имѣетъ ни какой связи съ долгою слога, вытяните это *ми* въ седьмомъ словѣ хоть нацѣлую версту, но произнесите его въ низкомъ тонѣ, вы не выговорите полного слова : голосу не хватитъ ! Напротивъ, произнесите *ми* какъ-можно короче, но въ высшемъ тонѣ, и легко дойдете до послѣдняго слога. Есть одно предлинное русское слово, которымъ можно убѣдить даже глухаго на счетъ настоящаго

свойства ударенія, только, произнося его, подобно ударить на первомъ слогѣ, *ми*, и уже стараться не дѣлать ни какидъ удареній на слѣдующихъ : тогда, чтобы благополучно выговорить до конца это слово, состоящее изъ пятихъ одинадцати слоговъ, нужно почти вскрикнуть на слогъ *ми*. Вотъ это слово : *высокопреосвященнѣйшимми....* А изъ всего этого слѣдуетъ слѣдующее : есть языки, въ которыхъ удареніе падаетъ однообразно на одинъ какой-нибудь слогъ ; во французскомъ, турецкомъ, персидскомъ, оно падаетъ всегда на послѣдній : это значитъ, что Французы, Турки и Персіяне всегда начинаютъ слова свои въ низкомъ тонѣ и постепенно возвышаютъ голосъ до послѣдняго слога : если угодно, это — самая вѣрная метода произношенія ; въ маньжурскомъ, напротивъ, удареніе стоитъ почти всегда на первомъ слогѣ : то есть, Маньджуры начинаютъ слова свои съ высшихъ нотъ и постепенно нисходятъ къ низшимъ ; въ польскомъ языкѣ удареніе всегда бываетъ на предпоследнемъ : тамъ произношеніе словъ начинается съ низшихъ тоновъ, голосъ постепенно возвышается до предпоследняго слога, и на послѣднемъ нѣсколько понижается. Въ русскомъ, греческомъ, англійскомъ, италіанскомъ и другихъ языкахъ, удареніе не постоянно, голосъ безпрерывно то возвышается то понижается въ длинныхъ рядахъ слоговъ, и это уже составляетъ въ нихъ важный элементъ для музыкальной обдѣлки рѣчи. Но *piano* и *forte* не достаточны для музыки : нужны еще дличныя и короткія ноты. Возвратимся же къ примѣру *миль, мило, милыми*, и такъ dalje. Произнесите еще разъ тѣ же самыя семь словъ, пристально прислушиваясь къ слогу *лос* въ четырехъ послѣднихъ и къ слогу *вѣй* въ шестомъ и седьмомъ : послѣ всѣхъ нашихъ упражненій, вы, надѣюсь, будете въ состояніи почувствовать сами, что дѣйствительно эти слоги гораздо длиннѣе всѣхъ прочихъ, между которыми они находятся :

о - - о о
ми - лос - ти - во

о о о о
ми - лос - ти - вѣй - ши - ми.

и прочая,

и что удареніе на *ми* вовсе не мешаетъ быть этому слогу *ми* :

въ половину короче слоговъ *me* и *mi*. Да что долго тогда поешь! Нужны ли основательное доказательство, что, не гласная, а согласная, дѣлаетъ слогъ длиннымъ или короткимъ? Возьмемъ старинныя французскія слова — *testé* — *festé* — *gouaté* — и примѣмъ *tété* — *fété* — *gouaté* : здѣсь пропущена вездѣ одна согласная, *s*, и это пустое мѣсто надобно теперь наполнить протяженіемъ тону, то есть, удвоить *e* и произнести *teété*, *feété*, *gouaté*; время на произношеніе перваго слога употребляется точно такое же какъ и прежде: онъ длиненъ, очевидно длиненъ; а между тѣмъ удареніе падаетъ на слѣдующій, ощутительно короткій. Въ нѣмецкомъ языкѣ выходятъ такіе же длинные слоги такъ, гдѣ въ произношеніи пропускается одна изъ согласныхъ, напримеръ *h*. Во всѣхъ языкахъ то же самое. Примѣчайте такъ изъ Русскихъ, которые не могутъ произносить какой-нибудь буквы, *k*, *p*, или другой, и выпускаютъ ее, удерживая время нужное на ея произношеніе : этотъ слогъ всегда поражаетъ васъ своей долготою. И тутъ мы естественно приходимъ къ другой формѣ основнаго правила древней просодіи: длинный слогъ состоитъ, или изъ двухъ согласныхъ и одной гласной, или изъ одной согласной и удвоенной гласной, какъ *овы*, въ греческомъ языкѣ, «*омега*», равная двумъ *o*, и «*эта*», равная двумъ *ea*, по свидѣтельству всѣхъ схолиастовъ. Въ такомъ случаѣ вторая гласная становится согласною; потому что всякая гласная можетъ быть ею : доказательство — *jo* нѣмецкое и *й* русское; *o* сербское и португальское; *y* бѣлорусское и малороссійское, или итальянское *i* и англійское *w*; *a* французское въ дифтонгъ *oi*; *e* нѣмецкое въ словахъ *Liebe*, *viel* (почти *льебе*, *вьель*, по произношенію нѣкоторыхъ нарѣчій).

Но если, такимъ образомъ, одна согласная — короткий слогъ, а двѣ согласныхъ — длинный, то очевидно *одинъ длинный слогъ равенъ двумъ короткимъ*. На этой великой акустической и музыкальной истинѣ основано все стопосложеніе, все стихотворство Греціи и Востока. Безъ нея нѣтъ ни метра ни такту, — это всё-равно, — нѣтъ ни стиха ни музыки. Два короткихъ равны одному длинному! Слѣдственно, дактиль (— \cup \cup) равенъ спондску (— —). Слѣдственно, гекзаметръ состоитъ изъ двѣнадцати дли-

ноте, представляющей на шесть равных тактов. Следственно, если данный слог равен четверти целой ноты, то кароткий будет равен «ослушка», или проши : наименее и сколько греческий гексаметров истинный дактил и спондеи на первых трехъ, поставьте впереди «или»; и далее от концов : это тактъ французской кадры; выйдетъ музыкальная композиция. Но не забудьте дутьъ важныя обстоятельства : во-первыхъ, надобно еще, при этомъ, слогъ съ удареніемъ означать нотами сравнительно высшихъ тоновъ, и тѣмъ высшихъ, чѣмъ дальше удареніе отъ конца слова; во-вторыхъ : знаете ли любознательную машинку Виллиза, которая произноситъ гласныя?... Рядъ пяти цилиндровъ этой машинки, то есть, возбуждая въ нихъ звучность отъ низшаго тону къ высшимъ, воздухъ, исходящій изъ цилиндровъ, самъ произноситъ и, о, а, е, і; слѣдующіе цилиндры, то есть, вставляя ихъ надвѣвать звуки отъ высшаго тону къ высшимъ, когда воздухъ вторгается, мы слышимъ тѣ же гласныя наоборотъ, і, е, а, о, и. Это уже не умозрѣніе, а механическій фактъ природы; это натуральный порядокъ «гаммы гласныхъ» въ человеческой рѣчи : дѣйствительно, произносите гласныя въ этомъ порядкѣ, и, о, а, е, і, — и вы сами увидите, что тонъ вашего голоса постепенно повышается отъ и (и) до і; что и самая низкая нота въ нашей рѣчи, і самая высокая. Следственно, если удареніе падаетъ на е или і, то, при равномъ разстояніи слога отъ конца слова, тонъ этого слога будетъ гораздо выше того, какой следовало бы здѣсь означать въ нотной графѣ, если бы гласными его было и (и) или о. Если конечно и понятно такъ положить на ноты греческіе гексаметры, то изъ разнообразія ихъ дактилей и спондеевъ, которое теперь намъ кажется случайнымъ, изъ повышеній и пониженій тону посредствомъ ударенія, о которыхъ мы до-сихъ-поръ и не думали, конечно окажется, что тутъ, кромѣ стихотворной гармоніи, есть еще настоящая мелодія, cantilena, композиція, словомъ истинная музыка, — музыка, какъ ее понималъ и слагалъ Бетховенъ, одинъ изъ всѣхъ новѣйшихъ композиторовъ, у котораго она подражаетъ естественной музыкѣ одушевленной и умной человеческой рѣчи и потому такъ чудесна, такъ не-

сравнена. Не изъ этого неизбежно слѣдуетъ, что нѣтъ ни какой возможности писать такіе стихи какъ греческіе не будучи вмѣстѣ музыкантомъ и композиторомъ. И действительно, въ древніе вѣсты были въ то же время музыканты и композиторы. Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Пиндаръ, сами сочиняли музыку для своихъ поэмъ; и это было не трудно, потому что музыкальный рисунокъ уже заключался въ словахъ ихъ поэмъ. Тогда-то стихъ, вещь одназначительная съ музыкой и композиціей, и былъ чѣмъ-то неземнымъ; тогда-то поэзія, превращавшая грубый языкъ человѣчскій въ воздушную мелодію, и могла по праву называться языкомъ боговъ. Увы! что она теперь?... Ну, такъ вотъ почему музыка и была всегда неразлучно соединена съ поэзіей. Вотъ почему она была въ такомъ уваженіи у древнихъ. Вотъ почему съ благоговѣніемъ научали ее всѣ философы, геометры, физики, астрономы; почему она и поэзія такъ усовершенствовалась, и производила такое могущественное дѣйствіе, что теперь мы не хотимъ ему вѣрить, слушая наши бездушныя оперы, для которыхъ музыку сочиняетъ одинъ, а слова другой, и часто уже послѣ сочиненія музыки. Поэзія и музыка, двѣ родныя и неразлучныя сестры, при великомъ переломѣ въ историческомъ и нравственномъ быту древняго міра расторгли свой природный союзъ и разошлись надолго. Музыка отдѣлилась отъ поэзіи, поэзія отъ музыки, и оба начали свое воспитаніе. Оба захотѣли совершенствоваться независимо одна отъ другой. Что выиграли они въ этомъ разводѣ? Да то, что музыка пошла въ руки безграмотныхъ капельмейстеровъ и необразованныхъ композиторовъ, у которыхъ нѣтъ и двухъ порядочныхъ идей въ головѣ, набитой туманомъ предразсудковъ; что эти люди, во все не догадываясь объ основныхъ недостаткахъ новѣйшей гаммы, умножаютъ только число инструментовъ, усиливаютъ шумъ, гоняются за контрапунктною пестротою, слышатъ намъ въ уши длинныя вереницы звуковъ безъ мысли, безъ внутренняго значенія, и своей системою гармоніи убили душу музыки, мелодію. Поэзія, стихотворство, съ своей стороны, искусство нѣкогда столь удивительное, столь возвышенное, столь чудное, что не уступало въ идеальномъ совершенствѣ самой даже скульптурѣ, перейдя

въ распоряженіе людей чуждыхъ всякаго музыкальнаго образованія, людей съ такимъ рѣдкимъ ухомъ, что ми и и кажутся имъ длинными слогами, а *стражъ*, *страсть*, *долгъ*, (*пра*)*зднествъ*, короткими, что возвышеніе тону представляется имъ продолженіемъ ноты, — стихотворство сдѣлалось самою анти-музыкальною разладницею, жалкою пародіей и безобразною карриатурой того знаменитаго стопосложенія, одного изъ чудеснѣйшихъ изобретеній человеческихъ, которому будто-бы оно подражаетъ. Въ словахъ, напримѣръ, *стражъ празднествъ* они видятъ одинъ слогъ короткій (*стражъ*), одинъ длинный (*пра*), и опять одинъ короткій (*зднествъ*)!... Все это равнялось бы двумъ длиннымъ слогамъ. Между-тѣмъ, и по метрической системѣ Грековъ и Аравитянъ, и по акустическимъ законамъ, и по музыкѣ, считая по двѣ буквы на каждый короткій слогъ и по три на длинный, здѣсь находится не менѣе цѣлыхъ шести слоговъ, а именно, три короткіе и три длинные :

ст-ражъ пра-зд-нест-въ.

Слѣдовательно, мнимые два короткихъ слога и одинъ длинный равны по-настоящему въ этихъ двухъ словахъ девяти короткимъ, или четыремъ съ половиною длиннымъ. Еще разъ, не должно относить этого расчета къ произвольности системы: онъ дѣйствительно существуетъ въ природѣ, потому что на произнесеніе девяти короткихъ слоговъ математически нужно ровно столько же времени сколько на произнесеніе четырехъ съ половиною длинныхъ. Въ этой истинѣ можно убѣдиться, взявъ метрономъ или секундные часы, и повторяя по нѣскольку разъ сряду слова, составленныя изъ различнаго числа слоговъ, но метрически равныя между собою. Вотъ, напримѣръ, слово, состоящее изъ четырехъ съ половиною длинныхъ слоговъ : *пре-вос-ход-ный-ше*. Вотъ два слова, представляющія девять короткихъ слоговъ : *ве-ли-ки-ми ве-ре-ни-ца-ми*. Для метронома и, слѣдственно, для метрическаго стиха, основаннаго, не на числѣ слоговъ, но на музыкальномъ *тактѣ*, слова —

стражъ празднествъ,

превосходнѣйше

сравнительнѣе

совершенно равны между собой, какъ три нотныя четверти и три кроши равны четыремъ четвертямъ и одной крошѣ, а тѣ равны девяти крошамъ. Это еще явственнѣе видно, произнося съ метрономомъ ровнѣе, чисто, но безъ разстановокъ между словами, болѣе длинныя фразы. Возьмемъ хоть тѣ, которыя мы уже приводили въ примѣръ:

1.

Восторженнѣйшій кузнецъ махнулъ превосходнѣйшей черной палкой.

2.

По берегу Невы Маша ходила бляю босою ногою собирая ягоды и отморозила....

Въ первой изъ этихъ фразъ мы имѣемъ семнадцать слоговъ длинныхъ, во второй тридцать четыре короткихъ. Объ онѣ будутъ, метрически, равны: займутъ одинаковое число тактовъ и одинаковый промежутокъ времени. И это не удивительно: онѣ состоятъ изъ равнаго числа согласныхъ; въ той и въ другой находится ихъ по тридцати четыре.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Что тотъ, кто первый сказалъ, будто послѣ Грековъ сущность языковъ измѣнилась, будто новѣйшіе языки лишены настоящей просодіи и въ нихъ собственно нѣтъ ни длинныхъ ни короткихъ, сказалъ явную, вопіющую нелѣпость, которую умнымъ людямъ пора уже не повторять болѣе. Какъ! человекъ не измѣнился, горло его не измѣнилось, число буквъ, гласныхъ и согласныхъ, не измѣнилось, свойства воздуха и законы звука не измѣнились: а языки, человѣческіе языки, измѣнились! Да это физически не возможно. Если подъ этимъ «измѣненіемъ» вы разумѣете, что въ новѣйшихъ языкахъ — другое устройство слоговъ, что въ нихъ болѣе согласныхъ не было въ древнихъ, то я вамъ покажу десятки языковъ, устроенныхъ въ этомъ отношеніи по точному образцу греческаго, финикійскаго, и даже арабскаго, совершеннѣйшаго изъ

дольше метрически. Венгерскій, испанскій, и все латинскія вѣдо-
 кова, въ Европѣ, не допускаютъ въ слогахъ своихъ болѣе
 двухъ согласныхъ, и слогъ свой начинаютъ согласною. Чтобъ
 же болѣе нужно для самой строгой и выискательной метрики?
 Устройство слоговъ въ новогреческомъ языкѣ осталось со-
 вершено то же, какъ было въ древнемъ. Итальянскій, испан-
 скій, португальскій, все ново-латинскіе языки, венскіи, ма-
 чакъ и французскаго, ни сколько не уступаютъ старому ла-
 тинскому наружною формою слоговъ и удобствами ея къ
 словосложению по системѣ Грековъ. Просодія, длинныя и
 короткіе слоги, не исчезли изъ языковъ, не могли исче-
 знуть, потому что они существуютъ, не въ формахъ словъ,
 но въ существѣ человеческого голоса и въ коренныхъ свой-
 ствахъ воздуха, источника звуку. Словомъ, въ музыкаль-
 ныхъ началахъ человеческой рѣчи не произошло и не мо-
 гло произойти ни какой перемѣны; они вѣчны. Такъ что
 же измѣнилось?... Измѣнился нашъ слухъ. Ухо наше огру-
 бѣло: но это значитъ, что оно можетъ опять усовершен-
 ствоваться, и опять ясно чувствовать всю разницу между
 длиной одной согласной и двухъ согласныхъ; да еще не
 потеряно. Измѣнилась музыка! И отсюда произошло все ва-
 жнѣйшее въ понятіяхъ народовъ о музыкальности сло-
 ва и его метрѣ. Совершенно нова музыка, основанная на
 другихъ началахъ, замѣнила древнюю. Европа шесть или
 семь столѣтій была вовсе безъ музыки, и наконецъ увидѣ-
 ла себя въ необходимости вновь изобрѣтать забытое и по-
 терянное. Изобрѣтеніе произошло подъ вліяніемъ
 другихъ обстоятельствъ и оперлось случайно на другія осно-
 ванія: оно еще не кончено; новѣйшая гамма, донынѣ не-
 полная, значительно еще измѣнится, и черезъ два три сто-
 лѣтія потомки нынѣшнихъ героев контрапункта будутъ,
 вѣроятно, затыкать уши передъ ихъ чудесными симфоніа-
 ми. Слабость человеческая — всегда почитать себя уже до-
 стигшимъ высшей мудрости и крайняго совершенства; не
 надобно было бы искренно соболъзновать о нашихъ потом-
 кахъ, если бы они остались при нынѣшнихъ пошлыхъ гар-
 моническихъ «эффектахъ» и «рисункахъ», которые и въ на-
 ше время уже исчерпаны, и ничего не сдѣлали бы въ поль-
 зу сильнѣйшаго дѣйствія музыки на страсти и сердце.

„Съ перваго взгляду кажется даже непонятнымъ такое паденіе надежде древней музыки, такая перемена въ слухъ народовъ. Но причины этого событія заключаются въ самой сущности древней музыки и древней поэзіи. Музыка нераздалько была слита съ поэзіей и объ тѣсно соединялись съ языческою религіей. Христіанство не могло принять ни тойни другой : оно ввело въ новыхъ храмахъ самое простое пѣніе, котораго вся гамма состояла изъ трехъ натуральныхъ тоновъ. Уже впоследствии прибавился четвертый тонъ. Тактъ не могъ быть соблюдаемъ въ пѣснопѣніяхъ, исполняемыхъ всеми присутствующими въ храмъ, и простыми народомъ ; людьми чуждыми музыкальнаго образованія, и тактъ отвергли: пошло «сплошное пѣніе», plain-chant, или безтактная музыка. Забвеніе такту неизбежно влекло за собою забвеніе стихотворнаго метра, потому что тактъ и метръ — одно и то же. Съ той минуты рушилось все здание древней метрической системы. Язычество долго еще существовало въ равныхъ частяхъ имперіи, но оно уже было безъ талантовъ, и слабыя, неудачныя, усилія некоторыхъ языческихъ стихотворцевъ, не только не могли имѣть вліянія на вкусъ торжествующаго христіанскаго общества, но еще, своей бездарностью, должны были оказать противное дѣйствіе. Христіане чуждались всего языческаго, и съ восторгомъ превозносили свои церковныя напѣвы. Надобно замѣтить, что вся древность, разсуждая о музыкѣ, любила прибѣгать къ умозрѣніямъ и отвлеченностямъ. Любопытныя указанія въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ сочиненіе святаго Ницета, одного изъ древнѣйшихъ писателей о христіанскомъ пѣніи (главы I — VI) : въ его время утверждали, что христіанинъ не можетъ и не долженъ осквернять ушей своихъ другими мелодіями кромѣ тѣхъ, которыя приняла Римская Церковь для священныхъ пѣснопѣній. Нужно ли чего-нибудь больше для совершеннаго искорененія древней музыки? Словомъ, Гвидо д'Арrezzo, въ одиннадцатомъ столѣтіи, нашелъ уже Европу безъ гаммы и безъ всякаго понятія о древней музыкѣ. Въ книгахъ существовали названія древнихъ тоновъ, тетракордовъ, модовъ, модуляцій, въ искусствѣ не было возможности повѣрить одного древняго звука. Пришлось все начинать вновь.

Этотъ быглый очеркъ судьбы древней музыки необходимо содержитъ въ себѣ и исторію древней системы стихотворства. О метръ не могло уже быть рѣчи. Но страннымъ образомъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, будто рѣма — изобрѣтеніе сѣверныхъ Барваровъ и была принесена ими. Рѣма старѣ метра, и всегда существовала подлѣ метра: доказательство — вся поэзія Востока. Но въ древнихъ поэмахъ, которыя слагались учеными поэтами — музыкантами и представляли настоящую музыкальную композицію, она была ненужна; эти поэмы можно сравнить съ нашими увертюрами, концертами и симфоніями, а ихъ стихи — съ фразами этихъ музыкальныхъ произведеній; мы видимъ, что даже и слова часто переходятъ у нихъ изъ одного стиха въ другой: точно такъ же въ новѣйшихъ композиціяхъ часто группы связанныхъ нотъ бывають разбиты на-двое тактомъ. Въ такой системѣ стихотворства рѣма никакъ не могла имѣть мѣста: она мѣшала бы рисунку мелодіи. Но не все могли слагать такіе стихи: тутъ прежде всего надобно было знать музыку. Подлѣ настоящихъ поэтовъ — музыкантовъ, были однако жъ простые стихоплеты, которымъ не давалось искусство. Они сочиняли стихи внѣ музыки, и не для музыки, стихи силлабическіе, можетъ-быть даже и съ удареніями, какъ наши нынѣшніе, и рѣма, естественно, замѣняла для нихъ болѣе замысловатыя каденціи метра. Это было будничное, простонародное, неученое стихотворство. По мѣрѣ того какъ ученое падало, неученое должно было одерживать поверхность и входить въ моду. Сверхъ-того оно отменно шло къ сплошному пѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Латинской Церкви тотчасъ появились рѣмованные *cantici sacri*. Въ Греціи также, съ упадкомъ музыки, рѣма заняла мѣсто метра. Въ поэзіи Бедуиновъ время до-магометовыхъ, она всегда соединялась съ самымъ строгимъ метромъ, потому что эти стихи произносились въ пустыняхъ безъ музыки, хотя и на распѣвъ: въ такомъ случаѣ рѣмическая каденція замѣняетъ инструментальный аккомпаниментъ, и она необходима, и по существу дѣла, и по простой логикѣ: безъ нея стихъ будетъ вовсе безъ гармоніи, которой голый метрическій размѣръ, или тактъ, никогда сообщить не можетъ ни человеческимъ словамъ ни музыкѣ. Инструментъ или рѣма, —

туть нѣтъ середины : голосъ долженъ же съ чѣмъ-нибудь гармонировать! Если пѣса не предназначена къ раснѣву съ инструментомъ, то бѣлые метрическіе стихи, стопосложеніе безъ рифмы, тактъ безъ всякаго аккомпанимента — зѣтя противная здравому смыслу. И къ чему тогда тактъ! Ужъ лучше силлабическіе стихи, сплошное пѣніе.

Но пора приступить къ заключенію. Оно плачевно. Думая подражать Грекамъ въ стопосложеніи, вы дѣлаете противоположное тому, что дѣлали они. Называя одни слоги длинными, другіе короткими, — большею частью то, что въ природѣ длинно, вы принимаете за короткое, а что коротко, за длинное. Стремясь къ правильному размѣру въ стихѣ, вы дѣлаете все, что только можно, чтобы уничтожить въ нихъ размѣръ : пишете стихи чисто *тоническіе*, то есть, основанные на удареніяхъ, а называете ихъ метрическими, «марными», когда въ нихъ нѣтъ ни какого метра, ни какой *мпы*; вводите въ поэзію тактъ, а всѣ такты ваши не ровны между собою; ищете гармоніи, и устраняете все, что могло бы сообщить ее стиху. Добро бы еще тоника ваша, то есть, возвышенія тону въ извѣстныхъ разстояніяхъ посредствомъ гласныхъ съ удареніемъ, представляла какую-нибудь каленцію, какую-нибудь музыкальную правильность: а то вы знаете, что гласныя тономъ не равны между собою, что между *у* и *и* въ природѣ существуетъ интерваллъ на цѣлую квинту; следовательно, возвышенія тону на удареніяхъ, падающихъ, какъ ни понало, на различныя гласныя, не достигаютъ въ вашемъ стихѣ одинаковой высоты, да и не соблюдаютъ между собою ни какой мелодіи : это хаосъ, сущая безладница, язычарская музыка. Скандинавскіе скальды старались, по-крайней-мѣрѣ, чтобы въ цѣломъ стихѣ удареніе падало всегда на одинаковую гласную. Посмотримъ ваши длинные и короткіе слоги. *Страхъ, въ страхѣ, страсть, стражъ, волхвъ, ртомъ, лстаъ, вихрь, съ днемъ, въ носъ, въ Днѣстръ*, бываютъ у васъ короткими, а *ра, во, то, не, я, и*, длинными : но это, просто, насмѣшка подъ человѣческимъ ухомъ. *То, но, не, я*, длиннѣе чѣмъ *р-то-мъ, в-но-съ, вд-не-стръ* или *л-стаъ*. . . . Если бы вы утверждали, что *носъ* по размѣру длиннѣе аршина, въ стихѣ я могъ бы повѣрить этому, потому что ухомъ

не умеем сравнить носа съ аршинностью; поупреждаю мой советъ, будто бы длинные дружки члвкъ носа, соизвѣтъ, изъясне, — знамениты, а нахожу это нелепостью. Дактилусъ, который долженъ имѣть одинъ слогъ длинный и два короткихъ (— 0 0), что для такту равно двумъ длиннымъ, имъ переизвѣстны всевозможныя метры: напримеръ, бабчччччч, бббббб, зззззз, дддддддддд — все это по-вашему дактили; а въ первомъ изъ нихъ, бабчччччч, одинъ слогъ короткий и два длинныхъ (0 — —), во второмъ, бббббб, три короткихъ (0 0 0), въ третьемъ, зззззз, два короткихъ и одинъ длинный (0 0 —), въ четвертомъ, дддддддддд, три длинныхъ (— — —); по самому умеренному счету. Словной должно имѣть два длинные слога, а у васъ онъ часто имѣетъ два короткихъ, напримеръ горе (0 0), море (0 0), которые, для такту, равны только одному длинному. Когда еще, после этого, станете произвольно перемѣшивать свои слоги съ своими дактилями, подумайте только, что должно войти въ какой тудъ можетъ быть тактъ?.. Въ этой безнадницѣ, для этого, отсужетывъ всякого изъясненія къ произвольному времени; одинъ стихъ вашъ, въ которомъ случайно смонтируется много-согласныхъ слоговъ, требуетъ, на произвольномъ счетѣ, трехъ секундъ; другой, составленный изъ изъясненій простишь, слоговъ, оканчивается импелтеры секунды; для этого метрономъ ударить девять и десять тактовъ, для другого не больше четырехъ. И какъ въ этой нелепости дактилей и сонетовъ даже и ударенія не смодульте ни какому удару, и тонъ дозывается, где слышится, то яви, члвкъ и очевидно, что въ такомъ гекзаметрѣ имѣтъ равно на сколько ритму, ни метрическаго, ни тоническаго; ни какой видендіи, ни какой гармоніи, ни какой музыки слова, слога, ни какого стиха.

После этого вы спросите: такъ что жъ теперь дадутъ — Ничего! — Не имѣетъ гекзаметровъ? — Ничего, писать, но не называть ихъ стихами. Или, благородно отказавшись отъ шутовскаго перадрививанія греческаго метра при помощи одной тоникки, однихъ удареній, придумать для русскаго гекзаметра совсемъ другой размеръ. Короткихъ и длинныхъ слоговъ вы не умѣете различать; уже ваше чувство только *сильнѣе* и *слабѣе* слоги относительно къ тону:

переводомъ послы: и мѣшанища изъязыки, и не' длинныи и короткыи; и доставать дѣяруссаро гизаметра какою-нибудь, превращеныи систему периодическаго возвращенія дыщихъ; и индичкы; тенныи. Можно, съ трѣхомъ по-полнѣ, домысливъ существованіе тоническихъ дактилей и октаедровъ; и вѣриво: будутъ: сферицы изъ одного высокаго звука и двухъ низшихъ; шторые изъ одного высокаго и одного низшаго. Таковы употребленіе же, но ужъ постоянно, для язы толговаркы; поощень, и единъ дактиль въ патомъ языки; — сядо: вомае: оуць: будеть: тактъ, — или четыре спалеса; и яра дактиля въ третьюи и пятомъ тактахъ, — два три дактиля и три спалеса по-переменно. Это составяеть начало: иншой-нибудь: водалной мелодіи; а что касается гармоніи; то: ужъ извините, ея никогда не будетъ въ чести; коншюкоуъ стикъ: равнъ употребите аккомпаниментъ; и ритму: и цезуру; — оуи ужъ нельзя употребить индичкыи. При невозможности получить правильній дактиль въ гическомъ стикъ, въ слогахъ котораго согласныи: плавають безъ всякаго отету, цезура — единственное средство; лавому: что: эта остановка голоса несколько уравниваетъ: время: въ двухъ; полустипшихъ. А всего лучше во ярые: болтунныи; шторые утверждаютъ, будто греческая праселія, сфотъ: значній и неизмѣнный акустическій: фандъ, не существуетъ въ новѣйшихъ языкахъ, и попробуйте: писаль: гекзаметры: по точнымъ: законамъ метриды: дакъ: писали: Гречи, какъ: ципуть: Аравитяне: скажи: га, рабъ: дларе; что: одна: созласная: съ гласною — короткій: слогъ; два: и три: согласныи: съ гласною — длинній: слогъ (попыракъ: согласныхъ: въ: одной: слогъ: не: должно: быдоту: катъ); и: составляи:во: изъ: ниль: метрическіе: дактили: и: спалеса; не: обраща: вниманія: на: ударенія. Если: такой: гекзи-метръ: прійдетъ: для: нашего: слуху: въ: греческомъ: языкъ, то: оны: равно: кабыкъ: же: будеть: прійтенъ: и: въ: русскомъ: языкъ: языкъ: ничесть: не: хуже: греческаго. Надобно: же: когда: забудъ: выйти: изъ: вѣдѣшннго: грубаго: и: анти-музыкальнаго: стихотворства: и: примирить: нашъ: стихъ: и: нашъ: слухъ: съ: законамъ: и: слуху; слухъ: скоро: свыкается: съ: тымъ, что: не-тинно: и: вѣриво: Попробуйте: Fortes fortuna: juvat.

... Я не учиню дасть, что правда ли, своей безконечною диссор-

тацией оглашенных и согласных; но все, повривое, простите
меня, когда узнаете, что подало поведь къ отцу. Мѣся
ужасно ввѣсила одна ничтожная брошюрка, валявшаяся
инкогнито нѣсколько недель на моемъ столѣ. Въ одно пре-
красное утро, — это было сегодня, — машинально беру ее
въ руки, раскрываю : гексаметры!

• О поведѣи мѣ, муза; объ мунѣ, который овал чужо
Мудрый по сѣту блуждающа, разрушивъ единственную Триволю;
Видѣль различнаа срани, и вращивъ мочей мучался;
Въ сердцѣ же много страдалъ, и терзалъ среди моря вѣсноты,
Думая жизнь сохранить, чтобы спутники, славыны Греси,
Всѣ невредимы споряи съ нимъ воротились въ отчизну.
Но тщетно стараясь Улиссъ, и гибель была неизбежна;
Деракимъ, поздравивши короля Фета, влотивала срацца;
Мудро оъ нихъ викавалъ срацца и враня везерати.
О Муза, Зевсова дочь, вешей дая вешаста и вешаста;

Всѣ ужъ спасенные въ бранн и на морѣ, были въ отчизнѣ,
Славная жъ нимфа Калписа, идивая и вешаста;
Быть Одиссея супругой, его удержала въ пещерахъ,
Лишая свиданья съ женой, и ввзрета къ роднымъ вешапщамъ.
И вотъ наконецъ наступило то время, въ которое боги
Судили ему возвратиться въ отчизну; на островъ Итаку;
Но бдствія даже и тамъ ожидали его мѣжъ дубави;
Всѣ боги жалели Улисса; одинъ Посидонъ ввпрестави
Гивный, смотрѣвъ на него, риваго въ савѣ вешапщамъ,
И путь преграждалъ средь морей, до ввзрета на твердую землю;

Когда жъ этотъ богъ отдыхалъ въ Эѳѳипѣ, между народахъ,
Живущимъ близъ края земли, на востокъ и западъ солнца,
И тамъ пресыщался одинъ, принимая народныя жертвы
Тучныхъ воловъ и овецъ; въ чертогахъ великаго Зевса
Боги собирались въ советъ влестителя цѣлаго мѣра.
И вотъ царь боговъ и людей, вспомявавъ оъ миломъ Эггесѣ,
Сраженномъ прекраснымъ Орестомъ, сыномъ вождя всѣхъ Ахейвъ,
Началъ рассказъ свой : «Напрасно, смертные насъ обвиняють,
Будто мы имъ посылаемъ несчастье и горе, во сами
Дурно они поступаютъ, противясь вешапщамъ нашимъ.
Такъ и Эггесъ непослушный отвѣргъ вешапщамъ Эггесъ,
(Вастянка славыныхъ боговъ, и убивши стоглазого Аргю)
Отгнавши супругу, а послѣ, и жизнь у Атрсева съмъ.»

Сбылся предсказанья Эриха, Орестъ возмущалъ, укрѣпился,
И гибель родителей славныхъ, отишли возвратомъ въ отчизну.
Эгисра ужъ вѣтъ..... И Афина отъдѣстуетъ, Зевсу поодиноко:

«Добрый родитель Кровидъ, боговъ и царей обладатель,
Сильно наказанъ Эгисей, также достойно погибнуть
И всѣ непослушныя намъ! Но сердце мое не напрасно
Мучится горемъ Улисса, долго онъ терпѣть несчастья
Мудрый, на островѣ дѣломъ, гдѣ волны кипятъ и бушуютъ.....
Тамъ, средѣ дѣресянъ дубравы, широта дѣнь Атланта, воевзды,
Славный, который стоитъ на лучинахъ пораконъ, подперая
Небо и землю, бѣгилъ, дочь его, дочерь Улисса
Заставить забыть объ Итакѣ, споею артеварнодо лаской;
Но мудрый Улиссъ не утѣшёнъ, годовымъ и смерти предаться,
Лишь только бы дѣлать увѣдать, мучишь отъ шилой отчизны....
Ужель и теперь царь Олимпа, не участвуешь ты соизволенъ?
Ужель ты забылъ Одиссея? ужель бланъ Тронъ властелинъ.
У славныхъ Артеварнодо слово не куралъ онъ тебѣ всеозвѣненъ?
Ужель, великій Зевесъ, прогнѣвилъ онъ тебѣ безпредѣльно?»

И вотъ на возмездья Афина, Зевесъ разглаголюющій гучи,
Такъ отвѣчаетъ : «Напрасно, дочь, ты меня упрекаешь,
Мнѣ ли забыть Одиссея, риваго въ славу безсмертныхъ!
Мнѣ ли забыть Одиссея, жегшаго многиа жертвамъ,
Жителямъ неба, бѣгамъ! Одица Посидонъ всероставно
Мститъ за любимаго сына, имъ ослѣдленнаго дарено.
Мститъ за царя всѣхъ Циклоповъ, риваго намъ Подиссея,
(Въ пещерахъ рожденнаго имъ отъ пламендой Нименъ Феоусы,
Дочери боги Фуркана, владѣтеля влажной стлѣнъ.)
Съ тѣхъ поръ Посидонъ Одиссея лишаетъ возврата въ отчизну,
И жизнь оставая ему, удаляетъ отъ родины милой.....
Такъ мы позаботимся вниа, о средствѣхъ къ его возвращенно.
Не можетъ одица Посидонъ враждовать противъ сонма безсмертныхъ.»

Умолкнувъ Зевесъ, и Афина опять возражаетъ : «Родитель
И славный владѣтель боговъ, пускай по желанно безсмертныхъ....»

и прочая.

Согласитесь, что такіе стихи могутъ взбѣсить самаго
кроткаго человека, особенно, если онъ потомъ, изъ любо-
пытства, подобно мнѣ, посмотритъ заглавный листокъ бро-
шюрки и прочитаетъ на немъ :

Одиссея Гомера!... переводъ въ греческаго, въ стихахъ!... размеромъ подлинника!!... съ приложеніями переводчика и съ рисунками Флаксмана. Часть первая, листъ первый. СПб.-бургъ, въ тип. III. Д. М. Государственнаго Империума, 1841.

Размеромъ подлинника?... Размеромъ подлинника?!... Одиссея Гомера!... Надо же знать такое свѣтлое понятіе о размерѣ Одиссеи и о стихахъ, чтобы всенародно объявить съ вершинъ заглавнаго листка, что, будто-бы, это — стихи въ размерѣ подлинника? Кровь во мнѣ снова начинаетъ страшно волноваться. Я готовъ проглотить эту брошюру, съ самаго ея выхвата съ рисунками Флаксмана, за такую кровавую обиду Одиссея, гомерическому размеру и своимъ ушамъ. Двадцать скучныхъ страницъ, въ досадъ, написаны о гласныхъ и согласныхъ: теперь только я чувствую, что этого слишкомъ мало въ отмщеніе за подобную шутку; надо было написать сорокъ. Сдѣлать формальную пародію гомерическаго метра, замѣнить превосходнѣйшую акустическую игру хаосомъ слоговъ forte и piano, тактическую музыку слова превратить въ безладную вокализацию, наставить строчекъ различной длины безъ всякой гармоніи, безъ вѣрнаго такту, и назвать это, безъ зазрѣнія слуху, размеромъ Гомера!... Но что прикажете дѣлать: эти понятія у насъ — господствующія. Наша стихотворная фаланга, при помощи упражненія, пручила свои уши къ какой-то янычарской безладницѣ, извѣстной у нея подъ именемъ гексаметра, и увѣряетъ, увѣрена сама, что это очень шло, что такъ писалъ Гомеръ. Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье Илиады во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой каррикатуры ея размеру, ея гармоніи, цвѣту, фізіономіи, духу, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ Русскихъ съ формою и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности. Потому что, не одна только метрическая система Грековъ исковеркана и обезображена во всѣхъ этихъ переводахъ Гомера: весь Гомеръ уничтоженъ, оптомъ. Должно признаться по совѣсти, что никогда бы «божественный» Гомеръ, divus Homerus, не приобрѣлъ такой славы у древнихъ, никогда не успѣлъ бы онъ

возбудить къ себѣ такого энтузіазма въ отнѣхъ дѣлахъ, столь разборчивыхъ, столь чувствительныхъ къ идеальному прекрасному, если бы онъ въ подлинникъ былъ даже и вдвое такъ хороша, какимъ является въ лучшихъ новѣйшихъ переводахъ. Что болѣе всего восхищало древнихъ въ Гомера, особенно въ его Одиссею? *Simplicitas*: простота, переведете вы? — нѣтъ, не простота, а простонародность, простонародность, давая во всѣмъ совершенства, метрическаго стиха, перенесенная въ него со всѣмъ своимъ наивнымъ остроуміемъ, со своей бойкой рѣчью, съ своими живыми, вопиющими выраженіями изъ будничной жизни, съ своими оборотами въ расщипку, и фигурами, нерѣдко переходящими въ гротескъ. Чтобы настоящимъ образомъ понимать, чувствовать и переводить Гомера, мало того — знать по лексикону безцвѣтное значеніе каждаго слова: надо сперва прочесть всю греческую литературу, напитаться духомъ языка Эллиновъ, ясно различать чувствомъ, что въ памятникахъ ихъ слова составляетъ натуральный, но очищенный и изящный, языкъ людей образованныхъ, что относится къ искусственному языку литературы, и, наконецъ, что принадлежитъ къ простонародной рѣчи; надо потомъ смѣливо опредѣлить въ умѣ своемъ, въ какой степени каждый оборотъ, каждое слово, каждое выраженіе Гомера приближается, или къ изящному языку хорошаго общества, или къ изысканному языку литературы, или просторѣчью толпы; и наконецъ, при переводѣ на свой языкъ, надо, съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, уметь передавать ихъ такими словами, выраженіями и оборотами, которые бы состояли въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ нашимъ образованному, литературному или простонародному языкамъ. Въ такомъ только переводѣ подлинная физиогномія поэмы сохранится во всей своей свѣжести и оригинальности. Между тѣмъ что дѣлаютъ переводчики Гомера? Они его чудесное просторачіе перелагаютъ сплошь на новѣйшіе литературные языки! Гомеръ изъясняется какъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, и, очень часто, какъ кумъ Емельякъ у казака Луганскаго, а они заставляютъ его выражаться языкомъ профессора адоквенци или маркиза, который пишетъ стихи. Онъ простъ, иногда до пошлости, а они непрерывно надуваются. Онъ говоритъ

естественно, а они изъясняютъ слова, Онъ не создаетъ ни одного новаго эпитета, вместо эпитетовъ съинетъ, древо, сидитъ богами и героями, принятыми редицей, обще употребительными у простаго народа, изъяснитъ каждой греческой кухаркѣ, и возбуждаетъ ими то улыбку то восхищеніе къ древнему образованному Греку, любителямъ родного языка, не пріятно поражаютъ новаго читателя возмущеніемъ не рогатыхъ прилагательныхъ своего изобретенія, своего тщательнаго труда. Онъ именно приназываетъ Улиссу, когда тотъ пойдетъ осматривать греческій станъ, говорить онъ говоритъ учтиво, по-русски, называя каждого по имени и по отчеству, а они, въ русскомъ переводѣ, чествуютъ встречнаго и поперечнаго какими-то греческими рычагами, можетъ быть и ругательными: по чему это знать русскому читателю! И это вы называете переводомъ? Traduttori traditori!

Надобно, съ другой стороны, сказать правду, что новѣйшіе европейскіе языки по большей части и неспособны къ вѣрному переводу Гомера безъ уничтоженія всей его оригинальности; они уже слишкомъ далеко отстали отъ простонародности; они слишкомъ образованы, выглажены, изысканы, слишкомъ исполнены искусственныхъ выраженій и очищены отъ того множества вставныхъ частицъ и приращеній, которыми всегда отличаются просторычія и которыми Гомеръ удивительно обилецъ. Но по-крайней-мѣрѣ нельзя этого сказать о русскомъ языкѣ: нашъ употребительный языкъ еще очень близокъ къ просторычю, допускаетъ, и любитъ, вставныя частицы, приращенія, прозвища, простонародныя обороты и выходы: употребляемая съ искусствомъ къ вкусу, они даже придають прелесть бойкости нашему «изысканному» діалекту. Онъ не чуждается даже некоторыхъ старинныхъ и обветшалыхъ формъ и окончаній. Между новѣйшими, я не знаю ни одного языка способнаго къ превосходному переводу Иліады и Одиссеи чѣмъ нынѣшній русскій; мнѣ онъ кажется какъ-бы нарочно выдуманымъ для этого и такъ сильно чувствую я возможность вѣрно и художественно передать на нашемъ языкѣ весь отънынѣ живописной рѣчи умнаго простака Гомера, хотъ и не беруть исполнить того, что чувствую. Для этого нужны; огромный талантъ, большая проницательность, удивительная смѣлка. Попробуемъ одна-

«Въ мѣ переводить нѣсколько стиховъ: не для образчика, — сохрани, Богъ! — ни мое честолюбіе, ни самолюбіе мое, не простираются такъ далеко; а просто dlatego чтобы показать истинный смыслъ и дать подлинника въ буквальномъ переводѣ съ сохраненіемъ престопаго слогу подлинника. Мы знаемъ въ гекзаметрахъ, которые меня прельщали, начало первой главы «Одиссеи», этого величественнаго зрѣлища *человѣческой жизни*, какъ говоритъ А. Введенскій: посмотрѣть теперь его въ подстрочномъ прозаическомъ переводѣ.

«Разскажи мнѣ, Муза, про мужа многохитраго, что очень много Считался, послѣ того какъ Трои святой вышгородъ разрушилъ. Многихъ-то людей выдалъ онъ города и нравъ узналъ! Много и на море-то онъ претерпѣлъ кручины на своемъ на сердцѣ, Илосовъ и о своей душевѣкъ и о возвратномъ пути товарищѣ. Да и сей-то чини похитраго не сваясь, конь и старался: Седьми-то вѣкъ обрѣзавшася бѣдуютася погубилъ, Други, все, которые бывше Солнца Верхохода Наддись: а тотъ у нихъ и отялъ возвратный денекъ! Про тѣ-то два малелько, богиня, Зѣсова дочь, поразскажи и намъ.

«Вотъ, ужъ все прочіе, сѣнкіе ушли отъ лютой погубели, Были дома, войны избѣгнувши, да тоже и моря, А его только, хотѣвшаго возврату, да тоже и жены, Шивъ чотѣмъ удерживала, Калипсо, божествомъ межъ богинями, Въ потеряхъ равнень, истинная — мужень ей быти! Не когда пришло дѣло, по истеченіи годовъ, Въ которое рѣшили боги домоу ему плати, Въ Итаку, такъ и тамъ не избѣгулъ онъ дракъ, Да еще и съ своими друзьями: боги-то скалились все, Кромѣ Нептуна: этотъ ужъ непрерывно бѣсновался Противъ равнобожескаго Улисса, прежде его приходу домоу. Ну, такъ вотъ этотъ и подвинулся къ Зѣсонамъ (Игракъ), далеко обрѣтающася, — Въ Зѣсонахъ, что подвое дѣлится, — крайніе изъ всахъ людей оми, — Одни — люди знатныя Верхохода, другіе люди его восходень, — Чтобы поживитася при одержитвѣкъ быкомъ и бараномъ: Тамъ-то онъ и тѣшился, сидя за паромъ; прочіе же боги Въ далагахъ Юпитера Олимпійскаго собравшисъ-были, И къ нимъ вотъ началъ рѣчь отецъ и боговъ и людей: Вспомнилъ те на сердцѣ грьшанаго Эгиста,

Того, что убил многославный Асдметкомичъ, Ореста ;
 Такъ объ-то немъ онъ и думая, рать къ бессмертнымъ держала ;

— Ва! ба! ба! вайъ ужъ смертные-то стали обанять боговъ!
 Отъ насъ-де все зло есть : а вѣдь семи-то
 Своими беззастенчивыми, сверхъ судьбы, кручими себя наживаютъ!
 Вотъ хоть-бы и теперь, Эгистъ, сверхъ судьбы, Атрена
 Супругу брачную азалъ и его самого убилъ на возвратномъ пути,
 Эва лютую погибель : потому что напередъ мы сами говорили ему,
 Пославъ Меркурій Соглядатая, Аргусо-губца,
 И его не убивать, и не жепиться на сожителяницъ :
 Будеть, молъ, отъ Ореста мечь за Атрена,
 Какъ-скоро вырастетъ и потребуетъ своего удвля!
 Меркурій такъ и сказалъ : да разума Эгистова
 Не убедить, добромъ толкуя. Теперь же тотъ всего вместе лишился!

А его, послѣ, смѣнила белокурая Минерва :
 Отецъ нашъ, Кроновичъ, высоко-державнѣйшій!
 И очень по-дѣломъ этотъ-то палъ отъ погибели.
 Такъ пусть погибаетъ и всякой, кто такое чинить!
 На у неядъ объ Улисса ратоборномъ кручинится сердце,
 Вдвляжкъ, который далеко отъ друзей претерпываетъ гора,
 На островъ на обливномъ, что на самохъ-то пушу моря.
 Островъ лѣсистъ ; богиня же въ хоромахъ живетъ,
 Атланта всеразумнаго дочь, который весь морскія
 Пропсти оветъ, и столбы-то держать
 Двляжкъ, что и землю и небо держать :
 Ево-ш дочь удерживаетъ горемычнаго, шилакаваго,
 Въ кривинахъ да владкахъ рѣчми
 Прельщаетъ, какъ бы Итаку забылъ : опять же Улисса,
 Желая хоть дымъ столбнщійся земли своей
 Увидеть, умереть хочеть. Да у тебя-то, Олимпійскій,
 Не поворачивается къ нему дорогое сердце! Неужь-то Улисса
 У эргнскихъ ладѣй не потыпалъ тебя, святмяю (жертвы) чина
 На Троянщиз широкой? Что ужъ такъ на него серднщся, Юпитеръ?

А ту смѣнилъ, промолвилъ Тучеговъ Юпитеръ :
 — Дитя мнѣ! что за рать впраался у тебя изъ-за чстокола зубова?
 Какъ я, опять, могу забыть божскаго Улисса,
 Что и разумнѣе выще смертныхъ, и больше оветми
 Двляжкъ богамъ бессмертнымъ, что держать широкое небо?
 На Нептунъ Земледержецъ все беззастенчиво
 На него сердится за циклопа, котораго тотъ глаза лишилъ,
 За равнобожскаго Полифема, чья наибольшая сила

Изъ всѣхъ циклоповъ : родила-то его Тооса нимфа,
 Дочь Форкина, князя неугомоннаго Солсенаго (моря),
 Въ пещерахъ разныхъ съ Нептуномъ имѣя обхождение.
 Съ тѣхъ поръ, вѣдь не убилъ же Нептунъ, Землебои,
 Улисса, а только скитаться принуждаетъ подалше отъ родной земли:
 Ну, да стойте : переговоримте всѣ вѣсть
 О возвратѣ для него, какъ бы это пришлось; Нептунъ же долженъ
 унять

Свой гнѣвъ. Ему-то вѣдь никакъ не по силамъ будетъ бороться одному
 Противъ всѣхъ безсмертныхъ боговъ, коли не захочеть!

А того, послѣ, свинила богиня блокущая Минерва :
 — Отецъ нашъ, Кроновичъ, высоко-державнѣйшій!
 Такъ ужъ если это теперь любо блаженнымъ богамъ,
 Чтобы Улиссу-то ратоборному возвращаться во свой къ дому,
 А потому Меркурія Разсмыльнаго, Аргусо-губца,
 Къ острову Огиги и отпрадимъ; чтобъ какъ-можно скорее
 Нимфѣ длинноносою скрепѣть крѣпкій наказъ,
 Возвратъ Улисса дальновиднаго, — чтобъ ужъ и ахалъ!

Довольно. Какая наивность! какая прелестная не обдуманность фразы! Слишкомъ довольно, для того чтобъ вѣдѣть, что Гомеръ въ подлинникъ столько же не похожъ на Гомера въ новѣйшихъ переводахъ, сколько мидиумъ гекза-метръ брошюры, которая меня взбѣсила, не похожъ на «размѣръ подлинника». Эта несчастная брошюра заняла столько страницъ Литописи, что теперь вѣдѣть говорить о порядочныхъ книгахъ. Право, досадно. Въ другой разъ бѣситься не стану.

А между-тѣмъ вотъ очень порядочная книга:

стихотворенія графини Е. Ростопчиной. С. П. бурс. в. тит. Фишера, 1841, в. 8, стр. 190.

Я бы назвалъ ее даже чудесною книгою, если бы знала писательница, которой великому поэтическому таланту такъ искренно удивляется Литопись; издала только выборъ своихъ вдохновеній; не послѣдовавъ предельскому совету авторскаго самолюбія напечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ вообще свои стихотворенія, въ томъ числѣ и дѣтскія. А выборъ было изъ него сдѣлать,

съ устраненіемъ пестей, которыя своей бланжностью рѣшительно вредятъ блеску этого собранія, книга все-еще сохранила бы объемъ, достойный великаго значенія. Въ доказательство справедливости сего сужденія, возьмемъ нѣсколько стихотвореній, на-удачу, изъ разныхъ мѣстъ:

КТО ПОЭТЪ

«Не тотъ поэтъ, кто на сценѣ обычномъ,
 Въ общественномъ быту ослѣпленъ порокомъ,
 Кто вскормленъ былъ развѣсаннымъ столетиямъ,
 Креста тоски на ранахъ не вѣдалъ...»
 Не тотъ поэтъ, кто роскошно и съчастливо
 Валелъ былъ отъ волнъ болѣзней дѣлъ,
 Кто не знавалъ бунтующихъ страстей

Съ ихъ промолвочными безсправленіемъ;
 Кто съ балъцова жарета не сходилъ,
 Кого любовь въ гестивныхъ овалкахъ,
 Кто суетой мѣлу суетъ плаванья;
 Кто въ области сятаго племени
 Страданьями гражданствъ не лунилъ!

Не тотъ поэтъ, кто слово правды чистой
 И мощный стихъ и смыслъ блескъ лучистый
 Не заклеилъ безстрашнѣмъ своимъ;

Кто истину не высказалъ предъ святомъ,
 Чей слабый духъ пороку былъ калѣбкомъ,
 Кто потакалъ, кто льстилъ грѣху и злѣмъ...

Не тотъ поэтъ, кто съ страданчѣй милою
 Изгнанья путь терновый не прошѣлъ,
 Кто, прислонясь о камень головою,
 Ночь бурную въ чужбнѣхъ не провѣлъ!...

Не тотъ поэтъ, кто съ смертью не братался,

Кто звукъ меча, свистъ пули не слышалъ....

Кто синевой небесъ не восхищался,

Кто глубь морей мечтой не пожиралъ!...

Поэтъ прямой... кто съ равннхъ лѣтъ обжидая

Съ грозой небесъ и съ бурей души!...

Кто чистому кумиру поклонился,

Но одинокъ провелъ младые днѣ!...

Кто выгорѣлъ возвышенной любовью,

Кто выплакалъ свой вдохновенный стихъ,

Кто призывалъ къ ночному изголовью
 Рей свѣтлыхъ сновъ и чувствъ неподкупныхъ ;
 Кто былъ не оучь младой и жаркой кровью
 За край родной и за друзей своихъ!
 Достъ прямой, кто изъ дѣтской простоты
 Взмужалость думъ и мыслей сочеталъ,
 Кто повялъ свѣтъ догадливой мечтою,
 Кто сердце прочь отъ свѣта оторвалъ,
 И отъ него, какъ отъ жизни бѣжалъ....
 Кто глухъ и слѣпъ для дальнихъ искушений,
 Ни почестями, ни злостью не прельщенъ,
 Кто въ пламени житейскихъ тревоженій,
 Какъ кипень сталъной, повсюду закаленъ!....
 Поэтъ прямой, кто влечену избранно
 Не намкнулъ, въ борьбѣ съ судьбой не палъ ;
 Кто обреченъ душевному напастю,
 Кто каждый день терялъ на упованью,
 Кто каждый шагъ утратой контроли!....
 Пусть онь поѣтъ!... Пусть станицы струины
 Расскажутъ быль властоушной души!...
 Пусть для толпы онь облечетъ словами
 Нетланныя предвидѣнья свои!....
 Ему, ему наградою многоцвѣтной
 Сочувственной души самозвучный стихъ,
 Ему слова отъ думъ умиленной
 И чистый жаръ восторговъ молодихъ!...
 Кто поймуть, его оцѣнить въ свѣтъ
 Немногие, въ жару, всей душой,
 И онь прочтеть въ нѣхъ азартъ и шрифта
 Родство сердецъ съ призывомъ дорогой!....

ПОЛУНОЧНИЦА.

«Гори, лавица!... озарай
 Святыхъ нковъ кювъ отрадный,
 И слабый свѣтъ твой проливай
 Въ пріютъ печальи безнащадной!....

Пусть отблескъ ризъ нѣхъ золотыхъ
 Твое сиянье отъвѣтаетъ!

Пусть разноцветность камней дна
Тебя въ отливъ свой одиваетъ!

Въ тѣхъ лицахъ выраженья нѣтъ;
Мертва ихъ живопись простая,
Одвообразенъ темный цвѣтъ,
И дремлетъ краска въковая:

Но въ этомъ Греческомъ письмѣ,
Но въ этой простотѣ стиринной
Есть тайна, внятная душѣ,
Съ привѣтомъ для молитвы невинной!

Родное что-то говорить
Въ чертахъ по видимому хладныхъ;
Святая милость ихъ манитъ,
Признание плечей безотрадныхъ.

На сердце свѣтло тоской
Они наводятъ умиленье;
Они шлютъ горестямъ покой.
И укрощаютъ думъ волненье.

Какъ часто и, порой тоской,
Въ часы безмолвной полуночи,
Твержу мнѣ жалобы свои,
Вперя въ высь молитвы они!.....

Какъ часто мнѣ въвѣрю я
Свой ропотъ страстный, безнадежный,
Когда, во прахъ главу склоня,
Борюсь я съ скорбью мятежной!.....

И невидимо благодать
На душу слабую исподать,
И долгой горести печать
Она съ чела мнѣ тихо сводить.

И вдругъ съ надеждой неземной
Ко мнѣ слетаетъ утѣшенье,
И върой чистой и живой
Трепететь сердце въ упоенье.

Гори жъ, лампада! озари
 Моихъ иконъ кибитъ священныи,
 И тихимъ блескомъ освѣщай
 Приютъ, свѣтлыи освещенный!....»

ОДИНЪ МЕНЬШЕ

«Гдѣ ты, ... нашъ вопль—стихотворецъ?...
 Вдвойнѣ отчизнѣ милый сынъ,
 Ея пѣвецъ и ратоборецъ,
 Куда ты скрылся?... Ты одинъ
 Не пробужденъ еще призывомъ,
 Сбравшимъ тысячи полковъ;
 Одинъ всеобщимъ войскъ призывомъ,
 Единодушнымъ ихъ порывомъ
 Не привлеченъ на пиръ штыковъ.
 Проснись!... Всѣ Русскія дружины
 Шлютъ представителей своихъ
 На Бородинскія равнины
 Свершить поминки битвъ святыхъ.
 Проснись!... тамъ всѣ ужъ *осталыи*...
 Всѣ одокашени твои,
 Съ кѣмъ ты дѣлалъ труды былые,
 Съ кѣмъ ты, въ торжественные дни,
 За наши рубежи родные,
 За Русь, за вѣру, въ бой леталъ;
 Предъ нами губительной страхою
 Кровавый путь ты пролагалъ;
 Кого, какъ молния предъ грозою,
 Съ своею ватагою удалиою
 Врагамъ ты смертью предвѣщалъ.
 Всѣ тамъ!... вожди ужъ съ удивленьемъ
 Тебя искали межъ собой;
 Солдаты наши съ недержаньемъ
 Уже спрашивали: «Гдѣ жъ Лихой?....»
 И оны, Хозяинъ Вседержавный,
 Кто храбрыхъ царски угощалъ,
 И оны, быть-можетъ, вопрошала:
 «Гдѣ званый гость?... гдѣ ратникъ славный?...»
 И вотъ на смотръ весь ставъ сплзнуть;

Вот выстрель заревои раздался....
 Грохочет пушка, штыкъ блестятъ...
 И поле стонетъ и дрожить...
 Какъ будто бѣ снѣга разгарался
 На жизнь и смерть Европы бой....
 Какъ-будто бѣ годъ нашъ роковой
 Двуннадцатый возвращался!....
 Но до тебя не достигалъ
 Ни шумный гулъ, ни зовъ почетный!....
 Твой стихъ замолкъ; твой мечъ упалъ;
 Ты самъ какъ призракъ мимолетный
 Въ мигъ изъ среды живыхъ пропалъ.
 Такъ! безъ тебя торжествовала
 Россія дѣвъ Бородина....
 И въ часъ молебствія, Она,
 Когда защитниковъ считала, —
 «Еще однимъ ихъ меньше стало!....»
 Сказала, горести полна.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

«Не дамъ тебѣ увянуть одинокомъ,
 Последний цвѣтъ облистанныхъ полей!....
 Не пропадетъ въ безмрности степей
 Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокомъ
 Не унесетъ холодный вихрь ночей!....»

Я запою съ заботливымъ стараньемъ
 Тебя, мой гость, студеною водою;
 Я нагложусь, варлауюсь тобой;
 Ты отвѣтешь... и съ нежнымъ состраданьемъ
 Вложу тебя въ Псалтырь, спутный мой.

Чрезъ много лѣтъ, въ часъ тѣснаго мечтанья,
 Я книги той переберу листы;
 Засохшій мнѣ тогда представецъ ты...
 Но оживешь въ моемъ воспоминаньи,
 Какъ прежде, подлѣ душистой красоты.

А я, цвѣтокъ, въ безвѣстности пустыни
 Увяну я!.... и мысли тщетный даръ,
 И сильный духъ, и вдохновенья жаръ,
 Кто ихъ пойметъ?... въ поэтъ лучъ святыни
 Кто разглядитъ сквозь думъ несныхъ жаръ?....

Поэзия, она благоуханье
 И оживлять восторженной души;
 Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши,
 Но не дано на языкъ изгнанья
 Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
 Не имутъ словъ, глагола не найдутъ,
 И на душу обратно западутъ....
 И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
 Порывы ихъ навѣкъ умрутъ!

Мнѣ суждено подъ схиною молчанья
 Святой мечты всё лучшее станть,
 Знать свѣтъ въ душѣ.... и мракъ въ очахъ носить.
 Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
 Себя съ тобой могу ли не сравнить?....»

ФАНТАЗИЯ.

•Хоть я съ полуденной душою
 И съ сердцемъ страстнымъ рождена,
 Хоть нравъ мой живъ, хоть я мечтою
 Волшебству звуковъ предана;
 Хотя мои пылаютъ думы,
 Хоть много южнаго во мѣ....
 Но сѣверъ хладный и угрюмый,
 Родной мой сѣверъ мнѣ души!....

Порой меня воображенье
 На крыльяхъ радужныхъ влечетъ
 Туда,... гдѣ дышетъ вдохновенье,

Гдѣ искони восторгъ живетъ,
Туда,... въ страну очарованья,
Гдѣ воздухъ чище и яснѣй,
Гдѣ вся природа въ лилованья
Гордится роскошью своею :

Я въ страстномъ забытѣ блуждаю
Въ священныхъ греческихъ горахъ!
Я прахъ обломковъ вопрошаю
О героическихъ вѣкахъ;
Я слышу бранный вопль Тиртея
И звукъ оружія боевыхъ.....
Я мчуся по волнамъ Пирея,
Врожу въ развалинахъ сѣдыхъ.

Аены, Спарта предо мною
Съ ихъ краснорѣчьемъ нѣмымъ.
Съ свободой, съ славой ихъ былою,
Съ ихъ злополучьемъ роковымъ!
И Миссолоаги вдругъ дымятся,
Весь свѣжей кровью обрызганъ....
И обгорѣлый Хиосъ зрится,
Обитель горестныхъ племенъ!....

И есть тамъ новая могила....
Могила странника-пѣвца,
Кого страданье заклевило
Отъ колыбели до конца:
Несправедливость Альбіона
Прервалъ великой оны душой....
И тѣнь погибшаго Байрона
Средилась съ Греціей молодой!.....

Но есть еще предѣлъ желанный,
Еще волшебная страна....
Поэтовъ край обитованный,
Гдѣ имъ награда суждена,
Цѣль ихъ исканій благородныхъ,
Предметъ ихъ пѣсней, ихъ стиховъ,
Кумиръ душъ пылающихъ и свободныхъ,
Эдемъ восторженнаго умосъ!

И тамъ, въ Италіи чудесной,
 Въ сердечныхъ снахъ бываю я...
 И до нее игрой небесной
 Несетъ фантазія мая!
 Подъ твюю мить, ольвъ душистыхъ
 Я воздухъ ароматный пью,
 Любуюсь блескомъ звездъ сребристыхъ,
 И звуки серенадъ ловлю....

Но, чу!!... Полночнаго моленья
 Вотъ громкій благовѣсть гудить!.....
 Вотъ онъ, глаголь богослуженья,
 Единовѣрцамъ говорить!
 Вотъ онъ величественнымъ стономъ
 Мое раздумье перервалъ,
 И Русскимъ, православнымъ звономъ
 Видѣнья чуждыя прогналъ!.....

Очнулась я отъ сновъ любимыхъ!
 Въ обычный очеркъ бытія
 Изъ дальнихъ странъ, восторгомъ зримыхъ,
 Возвращена душа моя;
 Забыты пылки мечтаныя,
 И я, опомнившись вполнѣ,
 Твержу въ сердечномъ изліанъ:
 «Мой край родной!.... ты дорогъ мнѣ!!»

Все это, безспорно, чудеснѣйшія піесы, и которыя могли бѣ составить славу любаго поэта съ бакенбардами. И такихъ піесъ очень много найдется въ этомъ собраніи, котораго драгоценнѣйшими перлами, во всякомъ случаѣ, должно почестъ «Не жившую душу» и «Мщеніе женщины», два стихотворенія, напечатанныя нѣкогда въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Я сътовалъ, что въ Лѣтописи не останется мѣста для порядочныхъ книгъ. Да гдѣ же онъ? Во всей этой гурь, которая меня облегаетъ съ трехъ сторонъ, не найду ничего кромѣ множества дѣтскихъ книжонокъ, поспѣшно состряпанныхъ для Вербной Недѣли фабрикантами этого роду издѣлій; нѣсколькихъ школьныхъ руководствъ, которыя, конечно, весьма полезны и поучительны для юноше-

ства, но вовсе не интересны для читающей публики; нескольких перепечаток, или новых изданій; одного «Краткаго обзорня выгоды лѣсоводства»; одного московскаго романа, доведеннаго только до половины, имѣвшаго некогда другое названіе и теперь вынужденнаго въ свѣтъ съ новымъ заглавнымъ листомъ, книги безъ начала и безъ конца; и десятка совершенно ничтожныхъ брашюръ. Все это можетъ преспокойно подождать до слѣдующаго мѣсяца, и я прошу извиненія у брашюры, которая меня взбѣсила, за то, что еще и сътовалъ на нее.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— На Святой Недѣль выйдеть давно ожидаемое изданіе А. А. Плюшара, «*Картинная Галерея, или Систематическое собраніе рисунковъ по всѣмъ частямъ человѣческихъ познаній*», два тома въ-четвертку, съ пояснительнымъ текстомъ. Эта книга имѣла величайшій успѣхъ въ Германіи. Она необходима для всякаго, кто занимается чтеніемъ книгъ, журналовъ и газетъ, и хочетъ читать ихъ съ пользою.

— Въ маѣ, навѣрное, выйдеть и у А. Ф. Смирдина давно ожидаемый второй томъ «*Стя литераторовъ*», для котораго первые пароходы привезутъ изъ Англіи гравюры, и сверхъ-того выйдеть другое великолѣпное изданіе, «*Константинополь и Турки*», въ двухъ томахъ въ-четвертку, съ девяноста шестью чудесными англійскими гравюрами: въ исторіи нашего книгопечатанія это будетъ еще первый примѣръ такой роскоши картинокъ, при чрезвычайно умѣренной цѣнѣ книги.

— Третья вышедшая в теченіи мѣсяца тетрадь «*Портретной и біографической галереи*», П. О. Соколова, содержитъ въ себѣ портреты и біографіи митрополита Платона и В. А. Жуковского. Это изданіе съ каждымъ новымъ выпускомъ становится болѣе и болѣе занимательнымъ.

— Въ Москвѣ, Г. Сатинъ издалъ русскій переводъ Шекспировой «*Бури*», который удобно читается. Въ Петербургѣ С. С. Гаврика выпустилъ въ свѣтъ первый томъ своихъ «*Очерковъ жизни и сочиненій Сумарокова*».

=

«Аистъ, отлетающій на зиму на югъ, возвращаясь къ намъ лѣтомъ, узнаетъ свою родную землю, свою деревню, свою колокольню, свое старое гнѣздо. Сначала самецъ прилетаетъ одинъ, осмотритъ гнѣздо, улетитъ, и возвращается уже съ самкою. Они очистятъ гнѣздо, испорченное зимними вьюгами, устроятъ его, и станутъ жить по всемъ правиламъ и обязанностямъ супружеской любви.

«Голосъ аистовъ состоитъ въ щелканіи клювомъ. Голова ихъ имѣетъ прекрасную форму, лобъ отличается вышиною, глаза блестятъ хитростью, походка исполнена благородства и степенности; во всемъ, что они нѣ дѣлаютъ, видны тихость, спокойствіе, благоразуміе, аккуратность. Ихъ полетъ прекрасенъ, торжественъ, и при всемъ томъ быстръ: они какъ-будто плывутъ въ воздухъ. Аистъ, то красиво прилетитъ къ гнѣзду, то опять красиво отлетитъ. Летая, онъ обыкновенно описываетъ кругъ, *потому что кругъ самый красивая линія.* Аисты чрезвычайно чистоплотны, и безпрестанно чистятъ клювомъ свои перья. На яицахъ сидятъ и самецъ и самка. Одинъ изъ супруговъ всегда дома, или для дѣтей, или для того чтобъ стеречь гнѣздо; ихъ проницательный взоръ видитъ все, что дѣлается въ окрестности. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ червей, улитокъ, небольшихъ змѣй, мышей, рыбъ, любятъ саранчу и пчелъ, но самый лакомый кусокъ для аиста—лягушка потому....» какъ бы думали, почему?... да очевидно потому что.... лягушка — самое драгоценное для науки животное: безъ нея мы не знали бы гальванизма!

«Аисты кушаютъ также и маленькихъ птичекъ. Очень часто щелкаютъ они носами, отецъ, мать и дѣти, вмѣстѣ: они лѣственно *разговариваютъ* между собою. Особенно болтливы дѣтеныши, когда мать или отецъ приносятъ имъ пищу. Въ исторіи аистовъ особенно удивительны три вещи: ихъ войны, судилища и человѣческой образъ дѣйствозанія. Вся аисты какой-нибудь области, на примѣръ, за рейнскіе, въ кантонъ Санкт-Галленъ, непременно разъ въ годъ вступаютъ въ кровопролитное сраженіе съ аистами, живущими по-ту-сторону Рейна, въ Лихтенштейнъ и Форардбергъ. Эти битвы оканчиваются всегда смертію или бѣгствомъ воиновъ которой-нибудь стороны. Одна изъ нихъ

должна непременно очистить поле сраженія. Вѣроятно, вой-
на возгарается за кормъ или за какую-нибудь Едену ансто-
вой породы. Лишь-только война объявлена, вся область
приходитъ въ волненіе, по обѣимъ сторонамъ Рейна соби-
раются огромныя стада анстовъ на военный совѣтъ. Конеч-
но, этому собранію предшествуетъ кличъ, воззваніе. Въ
совѣтъ ансты болтаютъ очень много и, кажется, совершен-
но понимаютъ другъ друга (въ этомъ отношеніи ансты сча-
стливѣе людей, потому что люди въ совѣтахъ очень рѣдко
другъ друга понимаютъ). Нѣкоторые изъ членовъ рассу-
ждаютъ особенно долго. Это ораторы, старшины. Форарль-
бергцы и лихтенштейнцы, то есть, ансты-нѣмцы, подни-
маются на воздухъ и перелетаютъ черезъ Рейнъ съ тѣмъ,
чтобы напасть на своихъ швейцарскихъ враговъ, но тѣ уже
ожидали нападенія: они взвиваются сами, и летятъ имъ на
встрѣчу. Сраженіе происходитъ въ воздухъ. Оружіе—клювъ.
Они колютъ, шпылютъ и колотятъ имъ другъ друга. По-
крытые ранами и кровью, ансты-швейцарцы обращаются
въ бѣгство. Храбрые ансты-нѣмцы разрушаютъ гнѣзда бѣ-
глецовъ. Но, вотъ, мало-по-малу разбитое войско собирает-
ся снова, начинается битва, и остается побѣдителемъ.

« Доказано достоверными наблюденіями, что, передъ
отлетомъ на югъ, всѣ ансты собираются на вече, и состав-
ляютъ кругъ, въ серединѣ котораго становится одинъ анстъ:
онъ долго резонируетъ; въ отвѣтъ на его рѣчь, прочіе шел-
каютъ носами, и наконецъ всѣ нападаютъ на оратора, стоя-
щаго въ серединѣ, и заклеваютъ его. Нѣкоторые полагаютъ,
что это самка, нарушившая супружескія обязанности. Если
это справедливо, въ такомъ случаѣ у анстовъ существуетъ
формальный брачный судъ, родъ уголовной палаты: это такъ
вѣроятно, что нѣжная привязанность самцевъ къ самкамъ
слишкомъ извѣстна. Но другіе думаютъ, будто между ими го-
сподствуетъ Лякурговъ законъ, по которому предается смер-
ти слабый членъ общества, какъ неспособный къ дальнѣйш
перелетамъ. Со времени Эліана это обстоятельство еще не
приведено въ ясность, но во всякомъ случаѣ тутъ происко-
дитъ что-то необыкновенное. Если въ домъ, на крышѣ ко-
торога свили гнѣздо ансты, случается пожаръ, они тотчасъ
переносятъ своихъ птенцовъ въ безопасное мѣсто. Въ при-

морскихъ городахъ они прогуливаются по улицамъ между народомъ, какъ настоящіе люди, гордо поглядываютъ на сторонамъ, требуютъ, чтобъ вся уступали имъ дорогу, ходятъ съ одного рышка на другой, отъ одного фонтана къ другому, посящаютъ вся городскія навозныя кучи, и всюду ищутъ рыбы, устриць, и тому подобнаго. Я самъ тому свидѣтель, что, будучи въ неволѣ, они никогда не обращаютъ клюва противъ своихъ хозяевъ, и позволяютъ имъ обращаться съ собою очень свободно. Они очень боятся кошекъ: даже кошечки чучела приводятъ ихъ въ ужасъ; проходя мимо ихъ они щелкаютъ клювомъ. Всамъ известно, что аистовъ очень легко сдѣлать ручными: они даже сами загрызаютъ съ дѣтьми, бѣгаютъ за ними съ распущенными крыльями, клюютъ ихъ въ спину, щиплютъ за руки, и такъ далѣе.

«Да, аистъ — челоѡько-скотъ: онъ живетъ *бдѣ-жизнію!* Кругъ дѣйствій его обширенъ. Онъ хорошо все понимаетъ, имѣетъ смыслъ, чувство, волю. Аистъ по уму — челоѡькъ-дѣтя: наши дѣти, это подготовленіе къ совершеннѣйшимъ существамъ—настоящіе аисты, и бываютъ минуты когда тѣ и другіе находятся въ бдѣннмъ взрослога челоѡька, имѣютъ сознаніе о своемъ микрокосмѣ и макрокосмѣ. Аиста, по его спокойствію, и всегдашнему присутствію духа, нѣкоторые называютъ философомъ, птичьимъ Платономъ и Лейбницемъ, подобно тому какъ, между млекопитающими, слона считаютъ мудрецомъ. Такъ ли, не такъ ли, а по-крайнѣйшья нѣтъ птицы умнѣе аиста. Кромъ перелету, въ аистѣ нѣтъ ничего, по чему можно было бы отнести его къ разряду сомнамбуло-скотовъ и лунатико-скотовъ, то есть, къ средней степени жизни.»

Какъ вамъ нравится эта психологія? Она неподражаема!

Отвергая многіе обще принятые авердоты о животныхъ, господинъ Шетлинъ доказываетъ справедливость такихъ вещей, которыя вся почитаютъ за басни. Такъ, между прочимъ, онъ говоритъ о дикобразѣ: «Многіе думаютъ; будто Плиній рассказываетъ сказку, увѣряя, что раздраженный дикобразъ стрѣляетъ въ непріятеля своими иглами. Новѣйшіе натуралисты отвергаютъ его мнѣніе, говоря, что иглы у нихъ выпадаютъ, или слу-

челно, или раздраженных собачи самки на нихъ натыкаются. «Но это несправедливо: я самъ видѣлъ, собственными глазами, что, когда два естествоиспытателя хотѣли поймать ручного дикобраза, онъ выпустилъ въ нихъ нѣсколько дюбель съ такою силою, что онъ перелетѣли черезъ всю комнату.»

Мы оставляемъ все сентиментальныя разглагольствованія нѣмецкаго автора объ обращеніи съ животными: съѣсть быка онъ находитъ очень нравственнымъ, но ударить быка, это, по его мнѣнію, такое преступленіе, для котораго нѣтъ на землѣ достойной казни. «Священный шагъ обязанность правительствъ — заботиться о животныхъ. Мучить ихъ — значитъ обижать природу. Животныя — несчастны: кто дѣлаетъ имъ добро, поступаетъ хорошо. Мучитель скотовъ, какъ и мучитель чловѣковъ, будетъ тамъ, гдѣ ему прійдется пожать то, что онъ здѣсь посѣялъ. Онъ будетъ окруженъ гиснами, волками, тиграми и злыми псами.»

Господинъ Шетлингъ признаетъ однако жъ, что и между животными *отчасти* есть существа злыя и жестокия, къ которымъ мы чувствуемъ невольное отвращеніе. Сама природа сдѣлала ихъ лютыми и предназначила быть врагами и убійцами другихъ животныхъ, такъ, что мы имѣемъ полное право, подобно древнимъ Персамъ, считать ихъ дѣтьми Аримана, адскаго духа. Такъ, напримеръ, различныя породы осъ кладутъ свои ядца въ тѣла гусеницъ и живыхъ насѣкомыхъ, которыхъ внутренность потомъ съдѣаютъ вѣдуниміеся изъ этихъ ядцъ червячки. Это неблагонамѣренное поведеніе осъ, чувствительный нѣмецкій умозритель находитъ крайне безнравственнымъ съ ихъ стороны, и предлагаетъ себѣ вопросъ: должно ли это такъ быть? не есть ли это простой произволь животнаго? После длинныхъ умозрѣній о мудрости природы, герръ Шетлингъ однако жъ наконецъ соглашается, что, вѣроятно, это должно такъ быть.

Почтенный профессоръ очень негодуетъ на Римлянъ за то, что они воздвигали храмы Нерону: онъ утверждаетъ, что эти храмы слѣдовали по праву собакъ. Мы не пойдемъ

за нимъ далѣе. Глудости, которыя онъ разсказываетъ о жизни животныхъ за гробомъ не стоють даже и упоминанія.

ВЕЛЛИНГТОНЪ ПОЛКОВОДЕЦЪ ВЪ ИНДІИ. Сперва бросимъ взглядъ на карту этого полуострова и припомнимъ некоторыя событія, содѣйствовавшія къ успѣхамъ Англичанъ.

Индостаномъ въ собственномъ смыслѣ называютъ всю часть Индіи къ сѣверу отъ рѣки Нербудды. Здѣсь возвышается древняя столица Великаго Могола, Дегли, и тутъ же находились въ то время «владѣнія» синдін.

Между рѣками Нербуддой и Кистною лежатъ земли нишама, раджи берарскаго и раджи саттарскаго. Отъ береговъ Кистны до Коморинскаго Мыса простираются Карнатикъ, Малабаръ и мейсурская имперія.

Отъ Дегли до Томбудры лежали земли великаго союза Магратовъ; онъ занимали пространство на девять сотъ семьдесятъ миль отъ сѣвера къ югу, и на девять сотъ миль отъ Бенгальской Губы до Камбейскаго Залива. Народонаселеніе этой имперіи простиралось до сорока милліоновъ человекъ; изъ нихъ тридцать шесть милліоновъ Магратовъ, и четыре милліона магометанъ; тѣ и другіе раздѣлялись на пять различныхъ владѣній, соединенныхъ въ одномъ союзѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ раджи саттарскаго. Впрочемъ, саттарскій раджа былъ главой союза болѣе именемъ чѣмъ самымъ дѣломъ: каждый раджа мало-по-малу дѣлался независимымъ, ободрившись примѣромъ пишвы или султанскаго министра, который, отравивъ своего государя, объявилъ себя наследникомъ престола. Резиденціей пишвы былъ городъ Пуна, на берегахъ рѣки Муты; но, въ свою очередь, пишва имѣлъ только тѣнь верховной власти: знаменитый Магаджи-синдія заставилъ трепетать похитителя престола. Отецъ Магаджи-синдія, былъ простымъ солдатомъ въ гвардіи пишвы; его должностію было — караулить туфли султана, когда тотъ входилъ въ гаремъ. Однажды, послѣ входу въ гаремъ, усердный караульщикъ заснулъ, но почтенныя туфли нѣжно покоились на его груди, положенныя съ величайшимъ благоговѣніемъ. Пораженный такою преданностію, пишва вскорѣ возвелъ хранителя туфель

до самыхъ высокихъ степеней. Сынъ выскочка-солдата на ошалье время носилъ за поясомъ пару туфель, въ память своего происхожденія.

Подъ распоряженіемъ Магаджи-синдіи было уже многочисленное, страшное войско. Французъ de Voigne, случайно прибывшій въ Индію изъ Саваи, обучилъ европейской дисциплинѣ тридцать осемь тысячъ человекъ регулярной пѣхоты и осемь тысячъ конницы. Съ такими огромными средствами Магаджи-синдія собирался уже овладѣть столицею Дегли, какъ вдругъ султанъ самъ потребовалъ его содѣйствія противъ своего министра Гулама. Едва ли есть драмы чернѣе и ужаснѣе той, какую видимъ въ исторіи Шахъ-Алема, послѣдняго наследника Эвренгзибова престола. Министръ и любимецъ Шахъ-Алема, Гуламъ-Хадиръ-Ханъ, въ благодарность за оказанныя благодѣянія, задумалъ свернуть голову своему благодѣтелю. На бѣду Шахъ-Алема, извергъ перехватилъ письмо, отправленное къ синдіи, и это обстоятельство подало поводъ къ открытому мятежу. Гуламъ-Хадиръ осадилъ и взялъ приступомъ Дегли, и вломился во дворецъ. Схвативъ султана за горло, злодѣй повалилъ его, началъ топтать ногами и потомъ выкололъ ему глаза. Послѣ того варваръ бросился въ гаремъ, собственными руками сорвалъ драгоценности съ султанскихъ женъ, и, когда онъ готовился удовлетворить свое звѣрское сладострастіе, прекраснѣйшая изъ дочерей султана заколола себя кинжаломъ. Между-тѣмъ синдія спѣшилъ на помощь: онъ не спасъ Шахъ-Алема, но успѣлъ наказать его палача. Гуламъ-Хадиръ-Ханъ обратился въ бѣгство, былъ пойманъ и посаженъ въ желѣзную клетку. Синдія обрубилъ ему уши, носъ, руки, ноги, и въ этомъ состояніи варваръ окончилъ жизнь.

Между-тѣмъ Шахъ-Алемъ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Магаджи-синдія, отмстивъ палачу, и не думалъ возвратити престолъ законному государю. Подъ именемъ пипшы, синдія царствовалъ самъ, а несчастный слѣпецъ просто былъ его пѣвничкомъ. Султанскую гвардію поручили Французамъ. Ретгон и Drugeon, заступившіе мѣсто de Voigne считали Шахъ-Алема дряхлымъ старикомъ и давали ему нищенское содержаніе изъ огромныхъ доходовъ имперіи.

Въ 1802 Магаджи-синдія умеръ. Власть и войско перешли въ руки его племянника Даулють-Рао-синдіи. Вѣрный политикъ дяди, Даулють поручилъ султана Французамъ, а самъ жилъ въ Пуны и наблюдалъ за движеніями Англичанъ. Даулють не мѣшалъ Англичанамъ раздавить Типпу-Самба, но рѣшительно отказался участвовать въ дѣлѣхъ владѣній несчастнаго султана и принуждалъ къ такому же безкорыстію пишву. Это значило, что Даулють, несмотря на неустрашимость въ войнѣ противъ Типпу, не слишкомъ ласково смотрѣлъ на союзниковъ, которыхъ новыя границы соприкасались теперь съ его собственными владѣніями. Предвидя непріязненныя дѣйствія, губернаторъ спѣшилъ упрочить союзъ съ раджею Гузра и немедленно далъ знать пишвѣ, что Англичане всегда готовы освободить его отъ ига Даулють-Рао-синдіи. Между-тѣмъ пишва нашелъ сильную опору въ новомъ искателѣ приключеній, Джесву-Рао-Голькарѣ. Этотъ Джесву-Рао былъ низкаго происхожденія, но суевѣрная молва пролагала ему блистательную дорогу. Въ дѣтствѣ Голькаръ былъ пастухомъ; разсказывали, будто, однажды, когда заснулъ онъ въ жаркій день на открытомъ воздухѣ, огромный змѣй положилъ свой страшный хвостъ на голову неосторожнаго ребенка, чтобы прикрыть его отъ солнечнаго зноя. Народъ не сомнѣвался, что при Голькарѣ всегда былъ этотъ благодѣтельный геній.

Уже давно Голькаръ собирался сдѣлать нападеніе на Даулють-Рао-синдію. Теперь Голькаръ перешелъ Нербудду и остановился за два дня ѣзды отъ Пуны; здѣсь ожидали его союзныя войска пишвы и синдіи: началось сраженіе и Голькаръ одержалъ рѣшительную побѣду. Пораженный пишва обратился къ содѣйствію британскаго правительства. Маркизь Визли (новый титулъ графа Морнингтона) согласился вступить въ переговоры, но уже Голькаръ овладѣлъ Пуною, назначилъ наследникомъ пишвы Амрута-Рао, главнымъ министромъ сдѣлалъ Амрутова отца, а себя представилъ только начальство надъ войскомъ. Но съ этимъ начальствомъ въ рукахъ Голькара соединилась и верховная власть.

Маркизь Визли видѣлъ необходимость смирить Голькара. Рѣшено было отправить къ границамъ Пуны отрядъ вой-

ска, чтобы выпнать изъ столицы Амрута-Рао и возвести на престолъ пишву, который между-тѣмъ удался къ крепость Кокавъ. Начальство надъ войскомъ поручено генералу Визли, лучше всѣхъ понимавшему театръ этой войны, и который, въ качествѣ серингапатамскаго губернатора, имѣлъ весьма сильное вліяніе на Индійцевъ. Визли выступилъ въ походъ, когда проходилъ черезъ землю Магратовъ, жители вездѣ принимали генерала какъ избавителя и вовсе не думали видѣть непріятелей въ его солдатахъ. Въ шестидесяти миляхъ отъ столицы генералъ услышалъ, что Амрутъ-Рао, оставленный Голькаромъ, задумалъ просто какъ разбойникъ грабить городъ, который собираются у него отнять. Для вѣрнѣйшаго успѣху въ этомъ намъреніи, Амрутъ располагался зазечь Пуну, и жители, узнавши объ угрожающей опасности, бѣжали изъ городу. Медлить было нечего: оставивъ пѣхоту на дорогѣ, Визли отправился съ одной конницею и въ тридцать два часа по гадкимъ дорогамъ перешелъ шестьдесятъ миль и остановился передъ столицей. Амрутъ-Рао безъ дальнихъ околичностей бѣжалъ, и жители съ торжествомъ встрѣтили спасителя Пуны. Пишва, вызванный изъ своего убѣжища, снова занялъ престолъ, и спокойствіе совершенно возстановилось. Обязанный всѣмъ великодушію генерала, пишва ненавидѣлъ однако жъ своего избавителя, такъ, что даже не могъ равнодушно на него смотрѣть, какъ увѣряетъ самъ Визли въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Но занятіе Пуны не образумило Даулютъ-Рао-синдью. Согласившись вести переговоры, онъ вступилъ въ то же время въ тайныя сношенія съ прежними своими врагами, Голькаромъ и раджею берарскимъ, которые были для него не такъ страшны какъ Англичане. Голькаръ пока не рѣшался ни на что, но раджа берарскій открыто соединился съ синдией, и войска ихъ выступили къ границамъ владѣній низама. Моррингтонъ и Визли съ величайшимъ удовольствіемъ вышли на защиту британскаго союзника: это было прекраснымъ случаемъ утвердить господство Англичанъ въ Индіи, потому что имъ надлежало въ одно и то же время колотить и Магратовъ и французскихъ офицеровъ.

Планъ кампаніи принадлежитъ маркизу Визли; исполненіе — исключительно его брату.

Въ обширный планъ маркиза Визли вошелъ почти весь Индостанъ отъ Калькутты и Мадраса до Бомбея, и отъ Дели до Пуны, Гидерабада, Гузра и Ориссы. Чтобы успѣшнѣе действовать противъ раджи берарскаго, положено было сперва сдѣлать нападеніе на Ориссу черезъ Гангамъ и Калькутту. Бомбейскія войска должны были овладѣть гаванью и землями синдій въ области Гузра. Генералу Леку поручено идти къ границамъ Уды и въ самый Индостанъ, чтобы уничтожить вліяніе Французовъ и освободить отъ нихъ Могола. Генераль Визли отправился въ Деканъ : ему надлежало въ одно и тоже время сражаться съ союзными войсками синдій враджи берарскаго, защищать пишву и низама, и отстранять опасность отъ владѣній компаніи. Постъ генерала былъ такъ важенъ, что правительство уполномочило его заключить миръ или продолжать войну по собственному усмотрѣнію.

Полковнику Коллинсу поручено было склонить синдію къ мирнымъ предложеніямъ, и генераль Визли нетерпѣливо ожидалъ слѣдствій этихъ переговоровъ. Когда Коллинсъ потерялъ всякую надежду на уснѣхъ, Визли быстро пошелъ къ старинному городу Амеднугуру, откуда легко было имѣть сообщенія съ Пуною. Генераль скомандовалъ на приступъ, и городъ мгновенно былъ взятъ несмотря на непріятельскія пушки. Въ Амеднугуръ возвышался дворецъ синдій, и солдаты начали его грабить. Чтобы прекратить опустошеніе, Визли принужденъ былъ разстрѣлять двухъ грабителей, и этотъ примѣръ остановилъ прочихъ солдатъ.

Теперь Визли хлопоталъ только о томъ, чтобы вступить съ непріателемъ въ рѣшительное сраженіе. Дѣло было не легкое : синдія и магратскіе вожди уклонялись отъ битвы, несмотря что у синдій и раджи берарскаго было пятьдесятъ тысячъ регулярнаго войска, а подъ командой Визли и полковника Стивенсона всего семнадцать тысячъ. Желаніе сразиться было такъ сильно, что генераль сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ безразсудныхъ поступковъ, которые могутъ быть оправданы только успѣхомъ. Стивенсону назначено было сойтись съ генераломъ въ известномъ мѣстѣ, и напасть на

непрітеля съ разныхъ сторонъ. Но Визли, увидявъ магратскую армію, не рѣшился ждать Стивенсона и располагался сразиться съ непрітелемъ только съ своей дивизіей, давъ знать полковнику, чтобы тотъ спѣшилъ къ нему на помощь.

Союзныя войска синдій и раджи берарскаго расположились отъ Богердюна до деревни Асси, по крутымъ берегамъ рѣки Кетны. На правомъ крылѣ было тридцать тысячъ всадниковъ; сгущенные ряды пѣхоты образовали центръ и лѣвое крыло. Сто-пушечная артиллерія прикрывала конницу и пѣхоту. Изъ стана виднѣлись разноцвѣтныя палатки, расположенныя наподобіе улицъ, посреди которыхъ, какъ на ярмаркѣ, разгуливали ювелиры, кузнецы и купцы съ своими товарами. На противоположномъ берегу Кетны, скромно стоялъ генераль Визли. У него было шесть тысячъ конницы, полторы тысячи пѣхоты и семнадцать пушекъ. И съ этой горстью Визли готовился выступить противъ страшнаго ополченія!

По разсчетамъ англійскаго генерала, надлежало сперва напасть на лѣвое крыло Магратовъ, то есть, на пѣхоту, стоящую на узкомъ полуостровѣ, который образовался отъ стеченія двухъ рѣкъ, Кетны и Жуи. Но какъ перейти Кетну, глубокую, крутоберегую рѣку? Разсматривая положеніе Магратовъ, генераль замѣтилъ около ихъ лѣваго крыла двѣ деревни, лежавшія по берегамъ этихъ рѣкъ. Визли заключилъ, что между деревнями было, вѣроятно, удобное сообщеніе, иначе непрітель не выбралъ бы этого мѣста для лагера. Догадка генерала оправдалась, когда подошелъ онъ къ ближайшей деревнѣ: здѣсь былъ узкій, очень удобный бродъ, оставленный непрітелемъ безъ прикрытія. Визли стремительно перешелъ на противоположный берегъ и сразился съ магратской пѣхотою. Непрительская артиллерія открыла сильный огонь, и скоро магратскіе пушки сбили англійскія батареи. Визли командовалъ на штыки, и въ нѣсколько минутъ бдльшая часть непрительскихъ застрѣльщиковъ была изрублена; но тѣ, которые остались въ живыхъ, легли между грудями побитыхъ товарищей и притворились мертвыми. Когда англійская конница перешла эти ряды, мнимыя мертвецы воскресли и тотчасъ пули

Ихъ полетѣли въ тылъ непріятелю. Бригада полковника Максуелля мгновенно уничтожила эту нестройную толпу. Въ то же время Визли, предводительствуя семьдесятъ осьмидесятью полкомъ, бывшимъ въ резервѣ, взялъ приступомъ деревню Асси.

Между-тѣмъ Маграты все еще держались, и до самой ночи показывали удивительную неустрашимость; но къ этому времени подоспѣлъ съ своимъ отрядомъ полковникъ Стивенсонъ, и окончательно разстроилъ непріятельскіе ряды. Англичане въ этой битвѣ потеряли полторы тысячи человекъ, и въ томъ числѣ полковника Максуелля; Маграты перекочеваны почти все, и артиллерія ихъ досталась побѣдителямъ. По словамъ сэра Колина Кампбеля почти никто не хотѣлъ вѣрить, что Веллингтонъ остался въ этой битвѣ побѣдителемъ. Этотъ Колинъ Кампбель — довольно замѣчательное лицо. При осадѣ Амеднугурской крѣпости, генералъ Визли замѣтилъ одного молодаго офицера, который, взобравшись на самую вершину стѣны, вдругъ грохнулся оттуда со всего размаху, пораженный ударомъ непріятеля. Визли думалъ, что юноша сломилъ себя шею, или по крайней-мѣрѣ опасно раненъ. Но къ изумленію генерала, храбрый офицеръ тотчасъ оправился и снова полѣзъ на стѣну не обращая вниманія на кровь, которая струей текла изъ его ранъ. На другой день Визли прикомандировалъ героя къ своему главному штабу, и не разставался съ нимъ до 1815 года. Визли часто говорилъ этому офицеру, что въ первый разъ онъ увидѣлъ его «на воздухѣ», in the air; этотъ-то «воздушный» герой и есть сэръ Колинъ Кампбель, нынѣшній командоръ ордена Бани, генералъ англійской арміи и губернаторъ Новой-Шотландіи.

Несмотря на блистательную побѣду при Асси, генералъ Визли показалъ себя очень умереннымъ. Когда индія обнаружилъ намѣреніе вступить въ переговоры, Визли охотно согласился его выслушать и прекратилъ непріязненные дѣйствія. Тогдашнія политическія мнѣнія Веллингтона ясно изложены въ письмѣ къ майору Монро :

«Я думаю, писалъ Визли, объ индѣйскихъ правительствахъ точно такъ же какъ и вы, то есть, я считаю совер-

ценно невозможнымъ для Англичанъ основать въ Индіи сильное государство.

«По моему мнѣнію, обширность нашихъ владѣній уже давно превзошла наши средства, притомъ мы нажили пропасть враговъ, оставивъ отъ прежнихъ должностей савонниковъ, служившихъ Типпу и Низаму. Расширяя англійскія владѣнія, особенно насчетъ Магратовъ, мы только что увеличиваемъ зло. Люди, которыхъ колотимъ теперь, собирали общественные доходы, командовали или служили въ арміи, или занимались грабежемъ: мудро ли угадать, что они останутся вѣчными врагами Англичанъ? А всегда ли будетъ легко унять ихъ?»

«Между-тѣмъ правительство и теперь еще хлопочетъ объ увеличеніи владѣній: зачѣмъ намъ эти земли, когда и безъ того у насъ ихъ больше, нежели позволяетъ ограниченность средствъ?»

Нѣкоторые сравнивали Веллингтона съ Цезаремъ, когда тотъ воевалъ въ Азіи съ Митридатомъ. Отрывокъ изъ этого письма показываетъ, что благоразумный англійскій генералъ нисколько не похожъ на Помпеева соперника, мечтавшаго о завоеваніи всего свѣта.

Между-тѣмъ раджи всё-еще вели переговоры, и разными увертками совершенно утомили терпѣливаго побѣдителя. Явно было, что они старались возбудить недоверчивость вождей, освобожденныхъ Англичанами отъ ихъ тиранства. Самъ Низамъ, казалось, охладѣлъ теперь къ своимъ союзникамъ, а его подданные рѣшительно не скрывали отвращенія къ Европейцамъ.

Генералъ Визли съ трудомъ таилъ затруднительность своего положенія. Ему надлежало теперь дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ съ возможною обдуманностію. Смотри во обстоятельствамъ, онъ принималъ то наступательныя, то оборонительныя мѣры. Вотъ что о тогданнемъ положеніи писалъ Визли къ маіору На :

«Со времени битвы при Асси, я точно какъ на иглоу: одной рукою защищаюсь, другою нападаю. Съ корпусомъ генерала Стивенсона я дѣйствовалъ наступательно и занялъ Ассигюръ; мой отрядъ прикрывалъ это движеніе и защищалъ владѣнія Пишвы и Низама. Дѣлая ужасные марши, я успѣлъ

наконецъ дойти непріятеля, когда тотъ переходилъ черезъ Каттербургское ущелье; въ то же время быстро къ северу, я устремись удержалъ синдю, который хотѣлъ остановить дѣйствія полковника Стивенсона противъ Ассигюра.»

Противодѣйствуя уверткамъ синдя, генералъ Визли задержалъ часть его офицеровъ и въ то же время лишилъ едѣйствія многихъ европейцевъ. Наконецъ, въ Агря и Дели, генералъ Лекъ уничтожилъ вліяніе Французовъ и освободилъ Шогола, взятаго въ плѣнъ Французомъ Boug-rifen'омъ. Синдія отделился наконецъ отъ раджи берарскаго, и предложилъ Англичанамъ вступить въ переговоры. Зная очень хорошо вѣроломство синдя, генералъ Визли принялъ однако же это предложеніе, въ той надеждѣ, что удобнѣе будетъ покорить отдаленно дѣйствующихъ раджей. Ндѣйствительно, по счастливому стеченію обстоятельствъ, Визли въ одинъ день поразилъ и синдю и раджу берарскаго. Двадцать девятаго ноября владычество Магратовъ рѣшительно и навсегда было уничтожено въ битвѣ на равнинахъ деревни Аргомъ. Послушаемъ какъ самъ генералъ разсказываетъ объ этомъ примѣчательномъ сраженіи :

«Двадцать третьяго ноября я согласился прекратить непріязненныя дѣйствія съ войсками Даулють-Рао-синдія, на томъ условіи, чтобы синдя удался на востокъ, къ Эллихпуру. Но синдя не выполнилъ этого условія и расположился съ войскомъ при Серсули, въ четырехъ миляхъ отъ стана Ману-Бенну, брата раджи берарскаго.

«Двадцать осьмаго, векила, присланные отъ синдя, просили меня не тревожить отрядовъ Рагоджи-Вунела (такъ назывался раджа берарскій). Я отвѣчалъ, что въ случаѣ нужды не пощажу и самаго синдю, потому что синдя не исполнилъ условія.

«Полковникъ Стивенсонъ соединился съ моею дивизіей еще двадцать седьмаго ноября. Съ башни партерлейской (parterly) я открылъ, что соединенныя войска синдя и раджи берарскаго выступили изъ лагерей и идутъ противъ насъ. День былъ очень жаркій, и непріятели быстро приближались: поэтому я не счелъ нужнымъ идти къ нимъ на встрѣчу. Но когда синдя и раджа берарскій вздумали отдохнуть на равнинахъ Аргома, то я тотчасъ рѣшился атаковать

вать ихъ армію. Англійская конница, построившись колонной, выступила впередъ, въ направленіи параллельномъ неприятелю; конница монгольская и мейсурская прикрывали мой арріергардъ и лѣвое крыло.

«Неприятельская пѣхота и артиллерія составляли его лѣвое крыло, а многочисленная конница синдін, съ легкими отрядомъ пиндаррій, правое. Вся армія Магратовъ занимала пространство въ длину пяти миль.

«Я раздѣлилъ англійскую армію на двѣ линіи; въ первой поставилъ пѣхоту, во второй конницу. Когда все приведено было въ порядокъ, семьдесятъ четвертый и семьдесятъ восьмой полки сдѣлали нападеніе, и совершенно сбили многочисленный неприятельскій отрядъ. Шестой полкъ ударилъ на конницу синдін и также разбилъ ее. Маграты совершенно разстроились и обратились въ бѣгство, оставивъ Англичанамъ тридцать осемь пушекъ и весь свой обозъ. Преслѣдуя бѣгущаго неприятеля, Англичане взяли еще множество слоновъ и верблюдовъ.»

Тотчасъ послѣ этой рѣшительной побѣды, генералъ Визли взялъ приступомъ важную крѣпость Гавильгаръ. Этотъ послѣдній урокъ заставилъ раджу берарскаго отказаться отъ магратскаго союза: онъ покорился Англичанамъ, уступилъ имъ часть своихъ владѣній и обязался не принимать въ свою службу ни одного Француза.

Тоже сдѣлалъ и синдія. Онъ уступилъ Англичанамъ въ вѣчное владѣніе всѣ свои крѣпости, всѣ земли въ Дуабы, или странъ, лежащей въ сѣверномъ Индостанѣ, между рѣками Гангомъ и Юнмою, и еще нѣсколько крѣпостей и земель въ области Гуэра, въ Декканѣ и въ владѣніяхъ Великаго Могола. Притомъ, такъ же какъ и раджа берарскій, синдія обязался никого изъ европейцевъ не принимать въ службу. Этотъ договоръ, заключенный синдіею пятаго января 1804, былъ подписанъ въ Калькуттѣ губернаторомъ, тринадцатаго февраля того же года.

Слѣдствія этой блистательной побѣды были такія же, какъ и послѣ паденія мейсурской имперіи. Явились разныя искатели приключеній, и цѣлыми шайками стали грабить беззащитныя владѣнія побѣжденныхъ вождей. Низамъ, пашва и покоренные раджи, принуждены были жаловаться ге-

генералу Визли : «Вы должны защищать свои завоеванія, говорили они : отгоните же отъ насъ безчестныя шайки разбойниковъ, если хотите, чтобы мы исправно платили дани.» Генералъ Визли снова долженъ былъ начать войну, и въ короткое время очистилъ Индію отъ всѣхъ грабителей.

Между-тѣмъ Голькаръ всё-еще грозилъ индійской компаніи; онъ надѣялся взбунтовать противъ Англичанъ Аогаповъ, но кончилъ тѣмъ, что заключилъ съ генераломъ Визли одинаковыя условія, какъ и прочіе раджи. Такимъ образомъ планъ, обдуманнѣй маркизомъ Визли, выполненнѣй его братомъ и генераломъ Леккъмъ, окончательно уничтожилъ владычество Магратовъ.

Въ Калькуттѣ обрадовались безъ ума при извѣстіи объ этихъ побѣдахъ. Благодарные жители воздвигли въ честь губернатора мраморную статую, а генералу Лекку и серу Артуру Визли подарили почетныя шваги.

Въ Лондонѣ, конечно, еще бы съ большимъ энтузіазмомъ приняли вѣсть объ этихъ успѣхахъ, если бы Англія не была въ это время озабочена войною противъ Франціи. Впрочемъ, парламентъ не замедлилъ изъяснить должную благодарность губернатору, полководцамъ, офицерамъ и солдатамъ, такъ славно дѣйствовавшимъ въ Индіи. Генералъ Леккъ былъ возведенъ въ достоинство лорда Англіи и Ирландіи, съ титуломъ барона дельйскаго и ласварійскаго (Baron Lake of Delhi et Laswarie); генералъ Визли получилъ знаки ордена Бани, хотя на этотъ орденъ и не было еще вакансій.

Генералъ Визли хлопоталъ теперь о возвращеніи въ Европу, и вскорѣ ему дано позволеніе отправиться изъ Индіи. Передъ отъездомъ, Визли со всѣхъ сторонъ получалъ прощальныя привѣтствія. Офицеры декканской арміи поднесли ему великолѣпную вазу. Серинганатамскіе жители еще прежде написали къ нему письмо, замѣчательное по восточному колориту :

Серинганатамъ, шестнадцатаго іюля, 1804.

«Пять блаженныхъ лѣтъ мы, природные жители Серинганатама, почивали подъ сѣнію вашего благоутробія.

«Мы опытомъ узнали, что даже въ отсутствіе, посреди безпрестанныхъ битвъ и побѣдъ, вы неунынно бодрствова-

ли надъ нашими благоденствіемъ, такъ, что будто ничто другое не занимало вашъ духъ.

«Все наши касты притотвляются возсылать молибы благодаренія и приносить благоуханныя жертвы Богу, который возвратилъ васъ цѣлыиъ и невредимыиъ, и мы не уедемъ лично явиться къ вамъ для изъявленія нашей радости и веселія.

«Неусыпные труды ваши увѣнчаны побѣдою надъ сопостатами, то да и увѣнчается отнынѣ и покоиъ вашъ честію и славою! Да поможетъ вамъ всемогущій брама еще на многія лѣта изливать на насъ обильные потоки блаженства, которые во вся вѣки воспримемъ мы съ благоговѣніемъ, радостію и благодарностію! Если же другія дѣла, болѣе важныя, удалитъ весь въ страны нѣныя, мы непрестанно будемъ молить Бога всехъ кастъ и всехъ народовъ, да оградитъ Онъ своею десницею ваши здорье, славу и благоденствіе».

Десятаго марта, Визли отплылъ въ Англію на корабль Трезубецъ. Возвѣщая о своемъ отъездѣ, онъ отдалъ въ приказъ по арміи:

Крѣпость Сен-Джорджъ, девятаго марта, 1805.

«Генераль-майоръ сэръ Артуръ Визли извѣщаетъ войска, бывшія подъ его командой, что онъ оставяетъ вѣренную ему гражданскую и военную власть. Возвращаясь въ Англію, онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ расстаётся съ офицерами и солдатами, съ которыми такъ долго служилъ.

«Во все время командованія генерала Визли надъ дивизіей, войска исполняли различныя службы и переносили величайшія трудности съ рѣдкимъ мужествомъ и постоянствомъ. Во всехъ случаяхъ генералъ оставался совершенно доволенъ поведеніемъ своихъ воиновъ, и теперь слова благодаритъ ихъ, уверяя, что никогда не забудетъ ихъ исправной службы и не перестанетъ принимать живаго участія во всемъ что до нихъ касается.»

О результатахъ оконченной войны генералъ Визли говорить:

«Англичане теперь въ самомъ блистательномъ положеніи. Они владѣютъ болѣею частію Индіи, покровительствуютъ раджей и рываютъ весь споры между ними. Ихъ земли са-

мыя обширныя, а ихъ верховная власть основана на самыхъ твердыхъ началахъ. Недостаетъ Англичанамъ только любви народной, но она прійдетъ со временемъ, если правительство постоянно будетъ слѣдовать началамъ правосудія. Настанетъ время, когда народы исполнятъ свое благодѣяніе и будутъ благословлять своихъ побѣдителей».

Что касается до самаго Визли, то восемь лѣтъ, проведенныя имъ въ Индіи, были для него въ высочайшей степени полезны. Онъ посвятилъ это время на занятія самую трудною дипломатіею, самой многосложною гражданскою администраціею, дѣйствовалъ какъ главнокомандующій во многихъ сраженіяхъ; организовалъ войско, наблюдалъ за дисциплиною, самыми мелочными подробностями: отъ построения мостовъ до солдатской обуви. Ничто не ускользало отъ вниманія дѣятельнаго генерала. Вездѣ и повсемъ видѣлъ онъ исполненіе долга и такимъ образомъ совершенно приготовилъ себя къ новому блистательному подвигу.

Впрочемъ, въ ту пору Англичане еще не подозревали, что въ особѣ генерала Визли найдутъ со временемъ одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ то время предразсудки заграждали еще путь къ дальнѣйшему возвышенію Визли. Офицеры старинной школы, въ 1805 году никакъ не могли понять, чтобы можно было сдѣлаться опытнымъ полководцемъ въ кампаніяхъ съ полу-дикими народами. Экспедиція противъ Дундіи, трудныя битвы съ магратскими раджамъ и самая побѣда при Асси, ничего не значили въ глазахъ этихъ старовѣровъ, которые были увѣрены, что только въ Европѣ, и притомъ въ одной прусской школѣ, можно сдѣлаться отличнымъ полководцемъ.

КАТОРИЖНИКИ И СТАТУА ФЕРДИНАНДА ЧЕРНАГО ВЪ ЛИВОРНО. Вы путешествовали. Вамъ случалось бывать въ разныхъ гаваняхъ, посвѣщать разные города, испытывать разныя горя: имѣть дѣло и съ носильщиками въ Авиньонѣ, и съ facchini въ Мальтѣ, съ трактирщиками въ Мессинѣ. Но вы еще не знаете Ливорно. Вотъ ужъ впрямь разбойничій вертепъ!

Во всякъхъ странахъ міра есть возможность защитить свою поклажу, сторговаться за переноску вещей въ гостиницу,

и, если носильщики просятъ слишкомъ дорого, то позво-
ляется самому извалить свой багажъ на свои плечи и не-
сти его куда угодно на собственномъ иждивеніи. Въ Ливорно
и этого не возможно!

Еще барка ваша не успѣла причалить, какъ уже на нее
начинается нашествіе двухъ на десять языковъ: носильщи-
ки съшлются со всѣхъ сторонъ, Богъ-вѣсть откуда: пры-
гають съ берегу, лезутъ изъ лодокъ, спускаются по сна-
стямъ ближайшихъ кораблей: того и гледи, что ваша барка
потонетъ подъ ихъ грузомъ, и по-скорѣе взбирайся на при-
стань. Хорошо: вы спаслись. Но что касается до вашего ба-
гажа, то онъ уже расхищенъ, раздѣленъ на столько чело-
вѣкъ, сколько у васъ отдѣльныхъ вещей: для чемодана —
носильщикъ, для шкатулки — носильщикъ, для картонки со-
шляпою — носильщикъ, для зонтика — носильщикъ, для тро-
сточки — носильщикъ, такъ, что если васъ пріѣхало двое,
то будете имѣть десять человѣкъ носильщиковъ, если трое,
пятнадцать, если четверо, двадцать. Двадцать-первый ва-
хочетъ взять вашу собаку; да собака шутокъ не любитъ:
она вцѣпится ему зубами въ ногу, и двадцать-первый носиль-
щикъ побѣжитъ за вами, крича во все горло, что ваша со-
бака его изуродовала, что онъ подастъ на васъ въ судъ и
возьметъ съ васъ за увѣче. На этотъ крикъ сбѣгается
чернь, и вы приходите въ гостинницу въ сопровожденіи
двадцати носильщиковъ впереди и двухъ сотъ человѣкъ
сорванцевъ сзади.

За переноску четырехъ чемодановъ, двухъ шкатулокъ,
двухъ картонокъ, одного зонтика и одной тросточки, черезъ
одну улицу, вы заплатите сорокъ рублей, да десять за увѣ-
че укушенному вашей собакой: итого пятьдесятъ рублей,
то есть, ровно столько, сколько вамъ стоилъ (чаю не считая)
перевозъ отъ Генуи до Ливорно. Вступая въ этотъ городъ,
какъ вступая въ Понтійскія Болота, надобно заранѣе сло-
жить часть своего имущества для воровъ. Вся разница въ
томъ, что въ Понтійскихъ Болотахъ еще иногда, даже очень
часто, можно снастись благополучно, а въ Ливорно — ни-
когда.

Все это еще бы ничего, если бы можно было только пе-
ремазывать лошадей въ Ливорно и, за какіе бы те ни были

прогоны, отравиться по-скорее въ Пизу или Флоренцію, но заглядывая въ адриатическія харчевни, которыя, въ обидъ юности трактировъ, приевомяютъ себя титуль этикъ благородныхъ заведеній; но та была, что, приѣхавъ въ Ливорно, вы увидите непременно осматривать Ливорно и на каждомъ шагу встрѣтите здѣсь каторжниковъ, которые повсюду перемѣшаны съ жителями города: они занимаютъ разные работы, метутъ улицы, пилать бревна, носятъ тачки, и одѣты въ желтые панталоны и куртки темнаго цвѣту, не извѣстно какого именно, съ краснымъ колымакомъ на головѣ. На спинѣ этой куртки написано преступленіе каторжника; но какъ часто случается, что преступникъ умереть прежде, чѣмъ износить куртку, то она, съ той же надписью, поступаетъ на плеча другаго. Оттого, получить ту или другую куртку считается у здѣшнихъ каторжниковъ дѣломъ большой важности. Есть преступленія, весьма презираемыя, тогда какъ другія возбуждаютъ сожалѣніе: никто не подастъ милостыни «вору» или «дѣлателью фальшивой монеты», но никто не откажетъ здѣсь въ подачѣнн «assasino per amore». Если кому изъ преступниковъ достанется куртка, съ такою подписью, онъ только, знай, чисти ее: каждый прохожій останавливается передъ assasino per amore, заставляетъ его рассказать свою исторію, и даетъ милостыню несчастной жертвѣ страсти. Двѣ англичанки заливались слезами, слушая трогательную повѣсть одного assasino per amore, и я самъ уже собирался заплакать, какъ вдругъ одинъ изъ его товарищей, съ которымъ онъ видно не дѣлился барыщами, разорилъ негодая въ конецъ, обличивъ въ мнимомъ «assasino per amore» простаго ночнаго вора. Настоящій «убійца изъ любви», для котораго куртка была шита первоначально, умеръ назадъ тому осемь лѣтъ, и его платье обогащало уже третьяго наследника.

Примѣчательнаго въ Ливорно, собственно примѣчательнаго, одна только вещь: это статуя Фердинанда Перваго. Она стоитъ на Дарсской Площади, на высокому пьедесталѣ, и рѣдкій нынче романъ такъ любовяется какъ исторія случившая, по которому эта статуя стоитъ на этомъ пьедесталѣ.

Ночь-конецъ царствованія Ковьзы Великаго, то есть, въ началѣ 1563 года, молодой человѣкъ, по имени Пьетро Бо-

навенчури, сынъ порядочный, но бѣдный родитель, принялъ въ Венецію попытать счастья. Въ Венеціи жилъ его родной дядя, который уже пять съ двадцать служилъ въ контору богатого банкира Сальвати. Дядя туда же опредѣлялъ своего племянника. Піетро Бонавенчури былъ красавецъ, писалъ отличными почеркомъ, и зналъ арифметику не хуже какого-нибудь астролога. Его приняли въ контору безъ всякаго затрудненія, и обещали, что если онъ будетъ вести себя хорошо, то года черезъ три четыре станетъ недучае, на всекъ готовое, отъ полтора ста до двухъ сотъ червонцевъ. Бѣдный Піетро поцѣловалъ ручки благодѣтельнаго дяди, и далъ обещаніе вести себя примернымъ образомъ; но чортъ попуталъ молодого человека и исцеровергъ все его благія намѣренія.

Противъ самой конторы Сальвати находился домъ богатого венеціанскаго вельможи, Капелло, у котораго были сынъ и дочь. Сынъ, Джіованино, молодой человекъ красивый собою, съ остроконечной бородкой, съ усиками въ завитокъ, ловкій и дерзкій на слова, такъ, что ему каждый мѣсяць раза три четыре доводилось обнажать шпагу изъ-за картъ или изъ-за женщинъ, былъ уже два раза принесенъ къ отцу проколотый насквозь какъ рыба: но Джіованино служило счастье, и онъ оба раза выздоравливалъ. Однако жъ старикъ Капелло, человекъ очень разсудительный, какъ и подобаетъ каждому старику, разсчелъ, что не всегда же можно полагаться на такое счастье, и не отдавалъ дочери въ монастырь, какъ хотѣлъ-было свѣтать для предоставленія всего имѣнія сыну; не отдавалъ, чтобы, въ очень возможномъ случаѣ смерти сына, не лишиться вдругъ обоихъ дѣтей.

Что касается до Біанки, то это была премиленькая, прехорошенькая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, съ розовыми щеками, светло-русыми кудрями, и черными глазами, полными огня; она, какъ Джуліета, только того и ждала чтобы влюбиться въ какого-нибудь Ромео.

Біанка увидѣла Піетро Бонавенчури: комната дѣвушки приходилась окнами прямо противъ оконъ комнаты молодого человека. Сначала они обмѣнивались взорами, потомъ знаками, потомъ обмѣнялись клятвами въ святой любви; и

туть ужъ нѣтъ оставалось только дать въ ней другъ другу обоюдныя доказательства : Біанка не замедлила.

Каждую ночь, лишь-только все засыпало въ домъ благороднаго Сальвіати, и няня, уложивъ синьорину, уходила въ свою спальню, синьорина накидывала капотикъ, скользнула какъ тѣнь по мраморному крыльцу отцовскаго палаца, тихо пріотворила дверь, перебѣгала поперекъ улицы, кидалась въ объятія милаго сердцу, и, едва начинало свѣтать, возвращалась въ свою комнату, гдѣ няня заставляла ее погруженною въ глубокой, продолжительный сонъ.

Разъ, ночью, когда Біанка была уже у Піетро : какой-то ранній или запоздалый гуляка прошелъ мимо крыльца палаца Сальвіати, и, видя пріотворенную дверь, затворилъ ее: защелчка заперлась изнутри. Спустя десять минутъ пришла Біанка; она увидѣла, что нѣтъ возможности возвратиться въ свою комнату, и ни на минуту не оставалась въ нерѣшимости.

Біанка пришла назадъ къ Піетро, рассказала случай, спросила, готовы ли онъ всѣмъ жертвовать для нея, какъ она рѣшается всѣмъ пожертвовать для него, и предложила тотчасъ же оставить Венецію. Піетро Бонавентури согласился: оба сѣли въ гондолу, и бѣжали въ Феррару.

Легко отгадать, какое дѣйствіе произвелъ побѣгъ Біанки на семейство благороднаго Капелло: сначала цѣлыя сутки держали дѣло въ тайнѣ, ожидая возвращенія синьорины; но сутки прошли, а о бѣгльцѣ не было ни слуху. Пришлось развѣдывать: узнали, что Піетро Бонавентури тоже скрылся, и увѣрились, что молодые люди бѣжали вмѣстѣ.

Жена старика Капелло, матица Біанки, была сестра аквилейскаго патріарха, пользовавшагося неограниченнымъ вліяніемъ на правительство Венеціи. Патріархъ принялъ участіе въ оскорбленіи, нанесенномъ дому зятя, и Совѣтъ Десяти, объявивъ Піетро Бонавентури виновнымъ въ похищеніи, потребовалъ къ уголовному суду и, по подозрѣнію, безвѣннаго дядю бѣглеца заключилъ въ тюрьму, въ которой тотъ черезъ три мѣсяца и умеръ.

Быть-можетъ читатель спроситъ, что же общаго имѣютъ эти бѣглые любовники, съ тѣмъ, по какому случаю Фердинандъ, второй сынъ Кошмы Великаго, бывший во время

сказанныхъ происшествій кардиналомъ въ Римъ, явился на пьедесталъ въ образъ свату. А вотъ сейчасъ почтосный чтецъ узнаетъ.

Близцы благополучно прибыли въ Флоренцію, и скрылись у Бонавентурна отца, который занималъ небольшую квартиру во второмъ этажѣ одного изъ домовъ на Площади Святаго Мариа: небогатыя родители всегда рады своимъ дѣтямъ. Отецъ и мать Пьетро съ радостью приняли сына и новую дочь. Они были люди бѣдные и жили трудами. Пьетро сталъ помогать отцу переписывать судейскія бумаги, а БIANKA принялась вышивать. Богъ благословилъ трудолюбивыхъ, и они кое-какъ могли жить.

Нечего и сказывать, что приговоръ, произнесенный надъ Пьетро Бонавентури Совѣтомъ Десяти, былъ сообщенъ и флорентинскому правительству, съ просьбою задержать преступника, если онъ найдется въ области.

Такимъ образомъ прошло три мѣсяца, и во все это время у БIANKI, привыкшей къ роскошной жизни, не вырвалось ни одной жалобы, ни малѣйшаго ропоту. Единственнымъ ея удовольствіемъ было приотднать иногда рѣшетку и посмотреть проходящихъ по площади; но бѣдная затворница даже ни разу не промолвила, что завидуетъ ихъ свободу.

Франческо, молодой сынъ великаго герцога, постоянно черезъ день проѣзжалъ верхомъ по этой площади въ замокъ Петрая, въ которомъ жилъ его отецъ. Онъ былъ ловкій ѣздокъ очень хорошъ собою. Но БIANKA, смотря на прелестнаго герцога, не любовалась на его ловкость и красоту, а только думала, что этому молодому человеку стонитъ сказать одно слово, и приговоръ, тяготящій надъ Бонавентури, будетъ отмененъ, и мужъ ея будетъ свободенъ и счастливъ. При этой мысли глаза юной женщины разгорались пламенемъ и кидали искры. Каждый разъ какъ Франческо проѣзжалъ мимо, БIANKA подходила къ окну, и тихо приподнимала рѣшетку. Разъ, молодой герцогъ случайно поднялъ голову, встрѣтилъ искрометный взоръ БIANKI. Та быстро спустила рѣшетку, но второпяхъ выронила букетъ цвѣтовъ, который держала въ рукъ. Принцъ сошелъ съ лошади, поднялъ букетъ, подождалъ съ минуту, но видя, что ре-

шетка не отворялась, положила вѣзти къ сердцу; но
экая шалость и раза два три оглянула на это красншцы.

Черезъ день Франческо опять провдалъ на Площади Свя-
того Марка; черезъ два дня тоже; но рашетка не двигалась,
хоть Винка и стояла за ней трепеща всагъ тѣломъ.

Тогда Франческо разсудилъ, что надобно принять другія
мѣры, и велѣлъ позвать къ себѣ Испанца графа Мондрагоне,
назначеннаго къ нему Козьмой Великимъ чѣмъ-то въ родѣ
приставника, изъ котораго молодой принцъ сумѣлъ сдѣлать
человѣка очень снисходительнаго. Онъ положилъ ему руку
на плечо и, шперивъ вѣзоръ, сказалъ :

— Мондрагоне, на площади Святого-Марка, во второмъ
этажѣ того дому что на углу Via Larga я видѣлъ дѣвушку,
которой прежде не встрѣчалъ въ Флоренціи. Она прекрасна;
она мнѣ нравится : черезъ недѣлю я хочу имѣть съ ней сви-
даніе.

Мондрагоне зналъ, что бываютъ случаи, когда главное
достоинство рѣчи заключается въ краткости, и отвѣчалъ :

— Очень хорошо, ваша свѣтлость.

Потомъ, онъ дошелъ къ женѣ, и съ радостью разсказалъ,
что имѣетъ честь быть повѣреннымъ молодого герцога.
Графиня Мондрагоне, женщина по части любовныхъ ин-
тригъ очень свѣдущая, просила муна быть спокойнымъ,
взялась привести все дѣло къ ладному концу, и въ тотъ
же день отправилась развѣдывать, какъ и кто живетъ въ
угловомъ домѣ на Площади Святого-Марка и Via Larga.
Узнавъ, что было нужно, синьора Мондрагоне засѣла въ
свою карету, въ двадцати или тридцати шагахъ отъ дверей
того дому, и, лишь увидѣла, что мать Бонавертури, по обы-
кновенію, выходитъ изъ дому, за провизіей на рынокъ, при-
казала кучеру гнать лошадей и оврокнуть какъ-нибудь ста-
руху : средство познакомиться, конечно, не совсемъ здоро-
вое, но не откладывать же дѣло въ длинный ящикъ.

Кучеръ былъ малой ловкій и расторопный : онъ задѣлъ
старушку такъ искусно, что только урчалъ, а не ушибъ.
Однако жъ она завопила съ испугу, и синьора Мондрагоне
выскочивъ изъ кареты, поблѣвывая на нее, сказала :
инокъ всрѣчь клятвами, что вымѣри стечетъ расторопному
кучеру двадцать пять палокъ; потомъ гнать вѣзла старушкѣ

ку подъ руки, сама доведя ея домой, а между-тѣмъ, послала за лекаремъ, утѣрляя, что не отойдетъ отъ ушибленной, откуда не уварится въ ея совершенной безопасности. Народъ, остановившійся на шумъ, былъ въ восторгъ отъ великодушія синьора Мондрагоне и чуть не понесъ ея на рукахъ.

Окинувъ бѣглымъ взглядомъ квартиру Бонавентури, синьора Мондрагоне сейчасъ увидѣла, что имѣетъ дѣло съ людьми бѣдными, и, по своему обычаю, оцѣнила добродѣтель молодой женщины по цѣнѣ квартиры и мебели. Но между-тѣмъ, увидѣвъ Біанку, она не знала на что подумать: до того гордость дому Капеллювъ отражалась во взорѣ этой женщины. Притомъ, всѣ ея приемы, всѣ выраженія были благородны, и обличали знаніе приличій высшего общества.

На слѣдующій день синьора Мондрагоне снова явилась у Бонавентури; старушка не знала какъ и благодарить такую знатную даму за такое живое участіе; но та поняла съ какими людьми имѣетъ дѣло, и, будучи довольно смѣтлива чтобы не предлагать имъ прямо денегъ, намекнула на силу своего сына при дворѣ и предложила свои услуги. Свекровь и невестка переглянулись: синьора Мондрагоне поняла, что предложенныя услуги не будутъ отвергнуты.

На третій день графиня пріѣхала опять и была еще ласковѣе прежняго. Увѣренная, что Біанка не принадлежитъ по рожденію къ тому кругу, въ которомъ находилась тогда, она стала ее упрекать въ недоумчивости, и, вышпытавъ отъ молодой женщины всю ея исторію, сказала, что хотя дѣло Піетро Бонавентури и весьма важное, однако синьоръ Мондрагоне, вѣрно, возьмется все устроить какъ-нельзя лучше, только Біанкѣ надобно будетъ переговорить съ нимъ самимъ, и потому обещала завтра за ней захватъ. Біанка искудалась мысли захватъ, потому что вотъ уже три или четыре мѣсяца какъ все сидѣла дома: и стала она извиняться, ссылаясь на то, что ей совѣстно предстать передъ его оцѣтствомъ графа Мондрагоне, не имѣя приличнаго платья. Того-то и ждала искусительница: она подошла въ Біанкѣ, померкла въ распорѣ, и сказала:

«Не безпокойтесь; мои платья будутъ вамъ вѣру, такъ и говорить не о. домъ.»

Бianка согласилась, потому что видѣла въ этомъ единственное средство вышутать мужа изъ бѣды, а можетъ-быть и потому, что званіи тщеславія уже прокрадывался въ ея сердце. Однако жъ она рассказала Пьетро все, кромѣ случая съ букетомъ, поднятымъ Франческо. Да и какая же связь между букетомъ, графомъ и графиней Мондрагоне! Тогдашнее положеніе обстоятельствъ начинало ужасно тяготить и самого Пьетро, потому что и у него тоже была своя тайна: дяди три тому назадъ, дама капитально приглянулась ему подъ кружевнымъ воалемъ; постоянство, какъ извѣстно, не въ числѣ мужскихъ добродѣтелей.

Въ условленный часъ синьора Мондрагоне пріѣхала за Bianкой, и привезла обещанное платье, которое какъ-будто по ней было шито. Молодая женщина содрогнулась, прикасаясь къ богатой шелковой ткани: она вспомнила все прежнее. Она поняла, что случай можетъ возвратитъ то, чего она лишилась случаемъ.

Графиня и Bianка сѣли въ карету и очутились въ палатцѣ Мондрагоне. По предварительному уговору съ мужемъ, синьора Мондрагоне представила ему Bianку; онъ обѣщалъ ей свое покровительство, и сказалъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ герцогу, предстательствовать за Бонавентури.

Bianка не могла скрыть своей радости, видя себя снова окруженною тѣмъ же великолѣпіемъ, къ которому такъ привыкла она съ дѣтства. Ей казалось, будто она никогда не покидала отцовскаго дворца, и будто всѣ вещи, которыя видятъ, принадлежали ей.

Лишь-только Мондрагоне ушелъ, графиня повела Bianку, чтобы показать ей комнаты, и подъ благовиднымъ предлогомъ оставила ее одну въ великолѣпномъ будоарѣ, просѣ между-тѣмъ заняться разсматриваніемъ ожерелья, серегъ, діадемы, браслетовъ и брилліантовъ удивительной воды.

— Примарьте все это, сказала она: я сейчасъ возвращусь.

Женщина не одна, если у ней въ рукахъ драгоценныя украшенія. Едва вышла графиня, какъ Bianка стала передъ огромное зеркало и начала наряжаться; невольный восторгъ измѣнился дѣи грудь молодой женщины: она опять прино-

видла бѣдое. Но еще не успѣла она палить дѣломъ; какъ къ зеркалу, за собой, увидѣла молодого герцога Франческо.

Тогда, достигая съ свойственною женщиною проникательностью, чего хотѣли отъ нея, Біанка вѣзыхнула и упала къ ногамъ принца.

— Ваша святлость, вскричала она : я бѣдная женщина, у которой только и богатства что честь, да и та приходится жить другому, потому что я замужемъ : ради самою Бога, скажите надо мною !

— Сынора, отвѣчалъ герцогъ : кто жъ это подаль взять такое обо мнѣ дурное мнѣніе ? Успокойтесь ; я пришелъ вовсе не затѣмъ, чтобы испугать васъ, а для того чтобы утѣшить и помочь вашему горю. Мондрагоне слегка гаворилъ мнѣ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находитесь : расскажите все въ подробности ; я обещаю выслушать васъ съ участіемъ и уваженіемъ.

Принцъ принудилъ Біанку сѣсть въ кресла, и, казалось, слушалъ ея повѣсть съ величайшимъ вниманіемъ. Выслушавъ, онъ обѣщалъ выдать ея мужу охранную грамоту, только съ тѣмъ условіемъ чтобы она сама пришла получить ее, когда будетъ написана.

Молодой женщины нельзя же было причудничать и отказаться изъ-за такой бездѣлицы отъ прощенія мужу.

Лишь только молодой герцогъ оставилъ будоаръ, вошла графиня, и Біанка кинулась ей на шею : это показывало, что она не сердится за сюрпризъ.

Читатель видитъ, что мы добираемся до кардинала Фердинанда, потому что вотъ ужъ добрались до его брата Франческо.

Никетто не узналъ ничего, кромъ того, что ему выдадутъ охранную грамоту, и это извѣстіе, казалось, дотого обрадовало его, что Біанка сочла очень не большою жертвою лично принять изъ рукъ Франческо бумагу, доставляющую мужу такое удовольствіе. Она съ нетерпѣніемъ ждала времени увидѣться съ герцогомъ, не имѣя и въ помышленіи, что мужъ такъ страстно желаетъ свободы, главной дѣлуго чтобы не отходить отъ дамы подъ кружевыя вѣлки.

Наконецъ случилось, какъ и должно было случиться. Никетто отдалъ любовничью дамы подъ вѣселою, и Біанка любов-

ницей молодого герцога. Но какъ въ то же самое время Козьма Великій велъ переговоры о женитьбѣ Франческо на эрцгерцогини Іоанны Австрійской, то любовники согласились держать связь свою въ тайнѣ; а между-тѣмъ Пиетро Бонавентури получилъ мѣсто съ жалованьемъ, достаточнымъ для обезпеченія всему семейству очень безбѣднаго содержания.

Предположенный бракъ совершился; молодой герцогъ наблюдалъ приличіе вѣченія цѣлаго года, и только по ночамъ видался съ Біанкою, выходя изъ дворца всегда одинъ и всегда переодѣтый. Но по прошествіи года, онъ получилъ письмо отъ отца, въ которомъ Козьма Великій престогаго изъяснялъ, что ему, Козьму Великому, очень не нравятся эти ночныя прогулки. Франческо далъ Пиетро мѣсто при дворцѣ Питти, купилъ для Біанки прекрасный домъ, существующій еще и теперь на Via Maggio, съ гербомъ дому Медичи на фронтонѣ. Такимъ способомъ Біанка стала такъ близко жить отъ Франческо, что для свиданія ему стоило только перейти Площадь Питти.

Новое положеніе Пиетро сильно развернуло въ немъ наклонности къ разсыянной жизни и въисокомърью. Онъ предавался игрѣ и мотовству, заводилъ безпрестанно новыя интриги, надѣлалъ себѣ кучу враговъ изъ обманутыхъ мужей, обманутыхъ друзей и перепитыхъ питуховъ, и, разъ его нашли убитымъ въ переулкѣ, недалеко отъ Старога Мосту.

Прошло три года, съ тѣхъ поръ какъ любовники бѣжали изъ Венеціи, поклявшись *вѣчно* любить другъ друга, и два года съ того времени какъ тотъ и другой забыли свои клятвы. Слѣдственно, не мудрено что Біанка не очень горевала о смерти мужа, но зато свекровь ея умерла съ-тоски по сыне.

Бѣдная Іоанна, съ своей стороны, была не совсемъ счастлива: она уже была великою герцогиней, но видѣла, что не она а Біанка пользуется на-дѣль настоящею властью этого сана. Всякой, кто хотѣлъ какой-нибудь милости отъ двора, обращался къ Венеціанкѣ. Венеціанка была всемогуща, имѣла пажей, придворныхъ, льстецовъ: одна только нищала братья шла къ Іоаннѣ; а должно знать, что Іоанна была женщина набожная. Господь обратилъ на нее взоръ милости; и взялъ страдальцу въ себя.

Кончину Іоанны приписываютъ тому, что когда Джіованно, братъ Біанки, приѣхалъ въ Флоренцію, то Франческо принялъ его такъ великодушно, что бывшая Іоанна, огорченная этимъ и будучи въ ту пору беременна, разрышилась мертвымъ младенцемъ и умерла.

Великій герцогъ Франческо былъ человекъ, не злой, а, просто, слабый. Тайная грусть жены наводила его иногда на чувство, похожее на раскаяніе. Іоанна, въ минуту своей смерти, пожелала испытать, не удастся ли ей отвратить мужа отъ порочной страсти: она призвала его къ своему смертному одру, и умоляла вести жизнь добродѣтельную. Франческо облилъ слезами руки Іоанны и обѣщавъ разорвать связь съ Біанкой. Іоанна улыбнулась, съ послѣднею молитвою прошептала имя Франческо, и скончалась.

Отъ нея остались три дочери и сынъ.

Франческо держалъ цѣлыхъ четыре мѣсяца слово, данное умирающей женѣ: цѣлыхъ четыре мѣсяца ни Біанка не являлась при дворѣ, ни великій герцогъ не посѣщалъ ея. Но Біанка знала свою власть: она дала время пройти первой горести, время забыть обѣщаніе; потомъ встрѣтилась съ Франческо на улицѣ: тогда и горестъ, и раскаяніе, и клятвы были забыты въ одну минуту.

Капуцинъ, духовникъ Біанки, былъ человекъ ловкій и смѣтливый: онъ сдѣлался духовникомъ Франческо, и когда Франческо началъ говорить съ патеромъ объ угрызеніяхъ своей совѣсти, то капуцинъ сказалъ, что не видитъ другаго средства избавиться отъ нихъ какъ жениться на Біанкѣ, тѣмъ болѣе, что и отецъ его, великій герцогъ Козьма Великій, на старости лѣтъ тоже женился на Камиллѣ Мартелли. Франческо разсудилъ, что поступитъ очень умно и добросовѣстно, если послушаетъ этому совѣту. Притомъ и всѣ придворные уже давно вели въ присутствіи герцога такіе разговоры, въ которыхъ безпрестанно приводились примѣры подобныхъ неровныхъ браковъ. Наконецъ, Венеція, имѣя на то время пужлу въ Франческо, совершенно утвердила его въ намѣреніи вступить въ законный союзъ съ Біанкою, которую объявила «Возлюбленной дочерью республики», такъ, что, покуда кардиналъ Фердинандъ придумывалъ, на которой изъ принцессъ царственныхъ домовъ

въ Туринѣ пошло бы женить брата, тотъ тайно обѣщался съ Біанкою въ церкви дворца Питти.

Положено было держать этотъ бракъ въ тайнѣ; но такое молчаніе не входило въ расчетъ новой великой герцогини.

Около того времени, Монтеъ, проѣздомъ въ Римъ, посетилъ Флоренцію и былъ приглашенъ къ обѣденному столу Біанки. Вотъ какъ онъ описываетъ ее: «Герцогиня-прасавица, но понятію Италянцевъ о красотахъ; лицо ея крѣпко и выражаетъ повелительство, талия полная и груди у нея въ волю; мнѣ кажется, она зело знаетъ, что очаровала принца и держитъ его въ послушенствѣ. Великій герцогъ пьетъ вино, весьма разведенное водою, а герцогиня льетъ въ свой стаканъ очень мало воды.»

Если бы умеръ великій герцогъ тосканскій, не оставивъ себѣ прямого наследника, то, за неимѣніемъ прямого наследника, кардиналъ Фердинандъ, по смерти брата, становился великимъ герцогомъ.

Въ 1576 году, великій герцогъ Франческо имѣлъ отъ Біанки сына, но сынъ этотъ былъ подложный и не могъ наследовать отцу; объ его рожденіи ходили странныя слухи. Говорили, что Біанка, боясь, что у ней, вѣроятно, не будетъ другихъ дѣтей кромѣ дочери, прижитой еще съ мужемъ, и которую звали Пеллегринной, рѣшилась назвать сыномъ чужаго ребенка. Вслѣдствіе этого, она угодила съ одною Полькою, пользовавшеюся воимъ ея довѣріемъ, и поступила такимъ образомъ:

Біанка притворилась беременною, и герцогъ, неслыханно обрадованный, самъ извѣстилъ о томъ всѣхъ своихъ придворныхъ.

Ночь, съ двадцать-девятого на тридцатое августа 1576, была избрана для разрѣшенія отъ бремени: около одиннадцати часовъ вечера, Біанка начала жаловаться на первые боли; Франческо, обрадованный и вмѣстѣ трепещущій отъ страху, объявилъ, что не отойдетъ отъ жены, пока она не разрѣшится. Но это было, не подходящая статья для Біанки. Къ тремъ часамъ утра боли у ней затихли и повивальная бабка объявила, что разрѣшенія не послалуетъ еще по крайней-мѣрѣ три или четыре часа. Тогда Біанка стала настанвать, чтобы герцогъ шелъ въ свои комнаты

и отдохнулъ. Сначала Франческо не соглашался, но наконецъ уступилъ ей просьбамъ, съ уговоромъ, что она непременно придетъ за нимъ, какъ-скоро снова почувствуетъ муку. Біанка обещала, и герцогъ вышелъ.

Скуста два часа, въ самомъ дѣлѣ пришли разбудить герцога, но тутъ же сказали, что у него родился сынъ. Франческо бросился въ комнату Біанки, которая, лютуя завидьей мужа, протиснула къ нему ребенка. Великій герцогъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Новорожденный названъ Антоніемъ.

Черезъ осьмнадцать мѣсяцовъ послѣ своего разрыванія, Біанка отослала Польку въ отечество, осмывая ее богатыми подарками; но доброй на эту женщину навали инквизиционные люди, выстрѣлили изъ трехъ пистолетовъ, и ва-мертво оставили ее на землѣ. Противъ всякаго чаянія, Полька, раненая смертельно тремя пулями, пролегла цѣлыя сутки, и, будучи найдена крестьянами близкаго селенія, торжественно объявила передъ земскимъ начальствомъ, что въ одномъ изъ своихъ убійцъ узнала обира, служащаго при Біанкѣ. Умирающая рассказала притому, какъ она домогала великой герцогини притвориться беременною, и какъ сама принесла ей чужаго ребенка, котораго выдаютъ теперь за сына Франческо. Вся показанія этой женщины, облеченныя закономъ формой, немедленно посланы были въ Римъ, къ кардиналу Фердинанду Медичи, который тотчасъ же велѣлъ снять съ нихъ мѣши и отослать брату. Но Біанкѣ не мудрено было уверить мужа, что все это одинъ только козни кардинала; и Франческо, болѣе чѣмъ когда-нибудь, ввѣрилъ Біанкѣ.

Однако жъ, это дѣло надѣлало столько шуму, что донъ Антонио немогъ надѣяться быть преемникомъ отца; а въ такомъ случаѣ велико-герцогскій престолъ, по смерти Франческо, перешелъ бы къ Фердинанду, если у Біанки не было другаго сына. Франческо уже начиналъ отчаяваться въ такомъ случаѣ, какъ вдругъ Біанка снова объявила себя беременною.

На этотъ разъ, кардиналъ далъ себѣ слово лично и пристально наблюдать за невѣсткою, чтобы не лишиться своихъ правъ на тронъ по милости новаго подлогу. Кардиналъ Фер-

двѣдѣ началъ тѣмъ, что помирился съ братомъ, говоря, что эта вторая беременность Біанки совершенно удостовѣряетъ его въ томъ, что вся слухи о первой—одна ложь и сплетня! Франческо обрадовался, что брагъ отдастъ наконецъ справедливость безвѣстной Біанкѣ, и помирился съ нею отъ чистаго сердца. Кардиналъ воспользовался этими случаемъ, и приказалъ гостить къ великому герцогу.

Пріѣздъ кардинала былъ не совсѣмъ по сердцу Біанкѣ, которая не обманывалась на счетъ этого внезапнаго воссоединенія братской любви. Біанка почувствовала, что будетъ имѣть въ кардиналѣ поминутнаго шпиона, и, со своей стороны, поступала такъ осторожно, что не было возможности подстеречь ея. Уже кардиналъ начиналъ сомнѣваться, не неправду ли беременна невестка; но, рассудилъ, что если она притворяется, то и онъ не долженъ даться въ обманъ, и продолжалъ дѣлать свои наблюденія.

Принявъ день родинъ: кардиналъ не могъ оставаться въ комнатѣ Біанки, но зато перемѣстился въ сосѣдней, и преспокойно рассказывалъ по ней, читалъ свой молитвенникъ. Онъ уже ходилъ и читалъ цѣлый часъ, какъ пришелъ спросить, его, отъ имени великой герцогини, перейти въ другія комнаты, потому что онъ беспокоитъ родильницу.—«Скажите, отвѣчайте кардиналѣ, пусть она дѣлаетъ свое дѣло, а я-то дѣлаю свое.»—И, не принимая ни какихъ убавденій, продолжалъ ходить и читать молитвенникъ.

Спустя нѣсколько минутъ, мимо кардинала шелъ Біанкинъ духовникъ, исповѣдывать больную. Фердинандъ съѣздивъ ширококружавого купуцна, и началъ его обвинять, усердно прося не оставлять въ такую минуту страждущей невестки. Между-тѣмъ кардиналъ ощущивалъ купуцна, и въ рукавъ нашель.... ребенка!

— Ну, теперь я спокоенъ, сказалъ кардиналъ, вытаскивая ребенка: теперь я, по-крайней-мѣрѣ, увѣренъ, что моя милая невестка не умретъ въ родахъ.

Купуцннъ помялъ, что, главное надобно избѣгнуть оглашки, и спросилъ кардинала, что онъ прикажетъ дѣлать. Кардиналъ отвѣчалъ, что все зависитъ отъ самой герцогини: если она промолчитъ, — и онъ промолчитъ; если она зашумитъ, — и онъ зашумитъ.

Великая герцогиня увидѣла, что на этотъ разъ долженъ отказать себя въ насильникъ трона, и рѣшилась вышннуть. Сдано, сдано.

Такимъ образомъ ничто не смущало добраго согласія между двумя братьями. На слѣдующую осень, самъ великій герцогъ пригласилъ къ себѣ въ гости кардинала, большаго охотника за дичью, которой чрезвычайно много водилось въ одномъ изъ ближнихъ герцогскихъ помѣстій.

Въ самый день пріѣзду кардинала, Біанка, которая знала, что онъ любитъ какой-то родъ пироговъ, сама вѣдалась готовить ихъ. Кардиналъ узналъ объ этой внимательности невестки черезъ великаго герцога, и, не очень доверяя ея дружбѣ къ себѣ, разсудилъ употребить перстень, подаренный себѣ Сикстомъ Пятымъ: въ перстнѣ былъ вставленъ оналъ, имѣющій свойство тускнѣть при приближеніи къ какому бы то ни было ядовитому веществу. Такъ и случилось: взявъ въ руку пирогъ, кардиналъ тотчасъ взглянулъ на перстень: перстень потускъ. Кардиналъ положилъ пирогъ на столъ, и сказалъ, что ему что-то не хочется ѣсть. Великій герцогъ сталъ наставлять, но; видя бесполезность своихъ настояній, вскричалъ, обращаясь къ женѣ:

— Ну, такъ я самъ съѣмъ этотъ пирогъ, чтобы не сказали, что великая герцогиня по-напрасну его стряпала.

Франческо взялъ отравленное тѣсто.

Біанка сдѣлала движеніе чтобы остановить мужа; но подумала и удержалась. Положеніе ея было ужасно: надобно или признаться въ своемъ преступленіи, или допустить мужа отравиться. Она быстрымъ взоромъ окинула всю свою прошедшую жизнь, и увидѣла, что до дна наполнила чашу ея радостей, достигши высочайшихъ почестей на землѣ. Біанка не колебалась ни мгновенья: она отложила половину пирога, взятаго великимъ герцогомъ, и дала мужу руку и, улыбаясь, съѣла свою долю.

На другой день Франческо и Біанка лежали мертвыми. Врачи, по повелѣнію Фердинанда, вскрыли ихъ трупы, и объявили, что тотъ и другая умерли отъ гнилой горячки. Черезъ три дня потомъ, кардиналъ вступилъ на престолъ.

И вотъ причина, по которой онъ стоитъ теперь на томъ пьедесталѣ.

ГРОТЪ ГЕРКУЛЕСА ВЪ ТОЛЕДО. Въ Испаніи до-сихъ-поръ не рѣшено, по какой причинѣ Мавры покорили эту страну при королѣ Родригѣ. Весьма почтенные критики думаютъ, что это случилось потому, что король Родригъ увидѣлъ ножку Флоринды. Берегъ Тага, близъ Толедо, представляетъ отвѣсныя утесы. На берегу стоитъ башня, близкая къ разрушенію, и подъ сводами ея арки развѣвается на красномъ солнышкѣ бѣлье, весьма прозаически развѣшенное прачками.

Это *banca de la Sava*, иначе называемая «Купальня Флоринды», а башня, что на супротивъ — «Башня короля Родрига»: изъ окна этой башни, задернутаго гардиной, король Родригъ подглядывалъ, какъ молоденькія дѣвушки купались въ рѣкѣ, и замѣтилъ что Флоринда сличаетъ свою юбку съ ножками подругъ, чтобы видѣть, у которой ножка лучше... Подумайте только, отъ какихъ ничтожныхъ причинъ бываютъ иногда великія послѣдствія! Не будь у Флоринды такой прелестной ножки, не видать бы Арабамъ Испаніи. Къ несчастію, случилось же, что у Флоринды была чудесная ножка, удивительная ножка, ножка, что называется, заглядывнѣ. Родригъ влюбился въ неосторожную купальщицу, и графъ Юлианъ, отецъ Флоринды, взбѣшенный нанесеннымъ себѣ оскорбленіемъ, изменилъ отечеству, изъ мщенія призвалъ на помощь Мавровъ. Король Родригъ проигралъ знаменитое сраженіе, о которомъ упоминается во всѣхъ *romances*, и бѣдственнымъ образомъ кончить жизнь въ гробу, полномъ змѣй, въ который легъ въ добровольное наказаніе себя за преступленіе, а бѣдная Флоринда, обезчещенная прозваніемъ *la Sava*, обременена проклятіями всей Испаніи.

Однако жъ это сказаніе не столько достоверно какъ сказаніе о Гротѣ Геркулеса въ Толедо, который былъ настоящимъ поводомъ вторженія Арабовъ въ Испанію и пораженія ея Маврами. Вотъ это достоверное сказаніе. Гротъ Геркулеса — подземелье, которое, говорятъ, простирается на три мили за городскую стѣну, а дверь въ него, крѣпко запертая задвижками и замками, находится въ церкви Санъ-Хинеса, на самомъ возвышенномъ пунктѣ города, гдѣ въ древнія времена стоялъ дворецъ, построенный Туваломъ;

этот дворецъ былъ возобновленъ и реставрированъ Геркулесомъ, который уредилъ въ немъ школу магии и устроилъ свою лабораторію, — потому что Геркулесъ, возведенный впоследствии Греками въ санъ боговъ, былъ сначала шведскій колдунъ и чернокнижникъ. Онъ, постраждавъ своей науки, воздвигъ очарованную башню, съ тализманами и написями, гласящими, что «Аще вйдѣдутъ внутрь селъ башни, и ту Гипшпанію быти порабощенной отъ народа злаго дика и обычаемъ зло свирѣпа.»

Все испанскіе короли, особенно король готскаго племени, опасаясь неисполненія такого страшнаго предвѣщанія, держали таинственную дверь башни тщательно запертою, и каждый прибавлялъ къ ней по замку и по запору. Родригъ, любопытнѣе своихъ предшественниковъ, или болѣе ихъ нуждавшійся въ деньгахъ, потому что разорился отъ роскоши, вздумалъ осмотрѣть башню, къ надеждѣ найти въ ней сокровища, и, сопровождаемый несколькими отчаянными людьми, пошелъ къ гроту, запасшись фонаремъ, фенарями и веревками. Они благополучно дошли до отверстія, пробитаго въ гранитъ скалы, и замкнутаго тою жею дверью съ множествомъ замковъ и запоровъ. Сверху ея была надпись по-гречески: *«Королю, который отворитъ это подземелье и увидитъ въ немъ чудеса, будетъ и хорошо и худо.»* Прежніе короли, помня пословицу «Отъ добра добра не ищутъ», и опасаясь, чтобъ не случилось чего-нибудь очень худаго, не рѣшались переступить за эту околованную дверь; но Родригъ думалъ иначе: онъ велѣлъ отбить замки и запоры, и тѣ изъ его спутниковъ, которые хотѣли показаться по-храбрѣе, первыя пошли въ подземелье, но скоро возвратились блѣдные, испуганные, чуть живые со страху. Однако жъ это не остановило Родрига: онъ отважно пошелъ впередъ всѣхъ товарищей, и вскоре достигъ до квадратной комнаты излічнаго зодчества; посрединѣ стола бронзовая статуя высокорослаго воина, который держалъ палицу и ударялъ ею о помость. Родригъ, храбрый какъ настоящій Готтъ, не смутился ни сколько, и, дойдя прямо къ статуѣ, попросилъ у нея позволенія осмотрѣть подземелье. Бронзовый воинъ, къ знакъ согласія, пересталъ стучать палицей. Родригъ и его спутники стали осматривать

прешату, и скоро нашли сундукъ, на крышкѣ котораго было написано: «Кто меня откроетъ, тотъ увидитъ чудеса жизни.» Ободренные согласіемъ статуи, товарищи короля уже приготовились набить себя карманы золотомъ и драгоценными камнями, и вскрыли сундукъ, но въ немъ, къ удивленію, не оказалось ничего кроме свертка длиннаго куска холстины, съ изображеніемъ множества вооруженныхъ Арабовъ, индусовъ и китайцевъ, индусовъ на коняхъ, и съ надписью: *Кто откроетъ этотъ сундукъ, тотъ будетъ побороденъ народами здесь изображенными.* Король Родригъ старался скрыть горестное впечатлѣніе, произведенное въ немъ чтеніемъ предсказаніемъ; но увидялись снова искать, что найдутъ ли чего-нибудь по-существеннѣе и болѣе для общаго интереса, но нашли ничего кроме еще двухъ надписей; одной, — *сзади статуи — Призываю Арабовъ, другой, передъ статуей, — Испанію мой домъ.*

Король и его товарищи, предчувствуя недоброе, вышли въ смущеніи изъ подземелья. Въ ту же ночь разразилась страшная гроза, и стѣны башни Геркулеса разсыпались съ ужаснымъ шумомъ. Событія не замедлили оправдать предсказаній, начертанныхъ въ волшебномъ гротѣ: Арабы, изображенные на свиткѣ холста, нахлынули на несчастную Испанію!

Это достоверное описаніе взято изъ словъ одного путешественника, недавно посѣщавшаго развалины «Геркулесовой Башни» въ Толедо.

ПУТЕШЕСТВІЕ НѢМЕЦКАГО ТЕЛЕРТЕРА ВЪ ОБЛАСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО И АБСОЛЮТНАГО. Въ 1808 году, въ городѣ Альтонѣ, столицѣ Гольштейна, жилъ былъ телертеръ по имени Людвигъ Клопштокъ. «Я говорю телертеръ, а не учитель: между этими двумя словами есть большая разница; телертеръ — искусство особеннаго разряду, и въ самой Германіи не заслужилъ въ томъ, знать ли еще что-нибудь или нѣтъ. По крайней мѣрѣ относительно къ Людвигу Клопштоку мнѣніи были очень различны: большая часть согражданъ его утверждала, будто вся ученость бѣдника телертера заключалась въ томъ; что онъ носилъ сва-

—минуте имя Клопштокъ и былъ племянникомъ творца «Мессиданъ».

Сограждано герръ Людвигъ, кажется, былъ не совсемъ панибратъ. Разсѣянный и мечтательный, онъ всегда искалъ удивленія, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на небо, не зная въправдѣ какого часу для обѣда и не умѣлъ трудомъ добыть денегъ. Онъ жилъ кое-какъ скромнымъ доходомъ съ своей фермы, въ деревнѣ Ольтенцъ, и осемьюстами рублей процентныхъ съ капитала, отданнаго въ ростъ богатому ассоціанту. Кроме этого, ни созерцанія среди бѣлаго дня, ни вечныя занятія въ кабинетѣ, въ которомъ онъ запирался по двѣнадцати часовъ къ рѣду, не приносили, сколько извѣстно, ни какого результата. Когда Людвигъ спрашивали, что онъ дѣлаетъ среди кучи финансовыхъ инструментовъ, и что видитъ сквозъ огромный телескопъ, устроенный на крышѣ дому, онъ краснѣлъ, запинаясь, сбиваясь съ толку, и любопытный, пожимая плечами, уходилъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что герръ Людвигъ Клопштокъ глупъ какъ пробка.

Это мнѣніе альтонскихъ гражданъ стало на ряду великихъ и неопровержимыхъ истинъ, когда разнесся слухъ, что Людвигъ женится. Бракъ этотъ дѣйствительно казался довольно страннымъ: двушка, которую бралъ бѣдный гелертеръ, была шестнадцати-лѣтняя сирота, оставленная умершимъ отцомъ безъ крову и пристанища. Но Людвигъ, несмотря на толки и злословіе своихъ согражданъ и соседей, женился. Эбба вступила въ управленіе хозяйствомъ гелертера, и скоро чистота и порядокъ, издавна изгнанные или, по крайней мѣрѣ, никогда не бывавшіе, поселились въ безстрадномъ жилищѣ холостяка и принесли ему веселый, правдивый видъ. Людвигъ сталъ являться въ городъ въ чистомъ бѣльѣ, въ чулкахъ безъ дыръ, въ влатьяхъ, не испорченныхъ, какъ бывало, тысячами разноцвѣтныхъ пятенъ; даже самъ онъ увеличился въ объемъ, и сухое, блѣдное лицо посвѣжело, неполное, блѣдное выраженіе удовольствія и счастья. Каждый вечеръ герръ Людвигъ Клопштокъ по-прежнему долго прогуливался за городомъ, но уже не блуждалъ на-удачу: съ нимъ ходила или, лучше, его водила, Эбба; она смотрѣла подъ ноги, а онъ подъ обла-

ка. Эбба тоже мало-по-малу пошла, и однажды, утром, Людвигъ, сидя, со слезами на глазахъ, у зыгловыхъ ногъ, слышалъ крикъ, отъ котораго такъ сладостно трепещетъ родительское сердце. Съ той поры геллертеръ сталъ не только исключительно заниматься наукой, забывалъ даже тандисковъ за качаньемъ и нестованьемъ новорожденного; онъ подстерегалъ улыбку своего дитяща съ большимъ терпениемъ и удовольствіемъ нежели бывало наблюдать за товарищемъ явздъ.

Ребенокъ росъ, становился красивымъ какъ мать, и всаской любовью его обывалъ со-временемъ сдѣлаться известнымъ вѣдѣмъ великой мудрости. Всѣхъ плановъ, составленныхъ надъ колыбелью маленькаго гения, невозможно ни на словахъ разсказать ни перомъ описать. Эбба смотрѣла на него не сводя глазъ. Людвигъ при малѣйшемъ крикѣ ребенка бросалъ свои математическія выкладки и ученые наблюденія. Но, увы! ни заботливость отца, ни любовь матери, не могли спасти его отъ смерти. Бѣдная мать тоже чуть-чуть умерла съ горя. И, конечно, лучше бы ей было лежать въ одной могилѣ съ милымъ сыномъ, чѣмъ жить послѣ того, какъ душа ея унеслась въ небо за его душою: бѣдная женщина ходила и дѣйствовала безъ сознанія, проносила слова безъ смыслу и связи. Она помѣшалась.

Друзья совѣтовали Людвигу отправить жену въ богоугодное заведеніе, которое за умеренную плату избавило бы его отъ хлопотъ и печальнаго зрѣлища, но онъ съ негодованіемъ отвергъ совѣтъ, и продолжалъ ухаживать за сумасшедшею со всею нѣжностью и преданностью добраго друга. Для геллертера науки уже не существовали: онъ употреблялъ все свое знаніе, время, дни и ночи, на исполненіе страннаго прискотей помѣшанной. Друзья рѣшили, что онъ самъ сойдесть съ ума.

Впродолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, ничто не могло смрушить Людвигова мужества, ни ослабить его привязанности къ женѣ. Тутъ поразило его новое бѣдствіе: Негоцианта, которому онъ вѣрилъ своей небольшою капиталъ, обанкрутился и бѣжалъ. Клопштокъ остался при одномъ бѣдствіи дохода съ эдтендеской семьи. Этого дохода была бы достаточно широкоразговому Геллертеру, который очень не

инена работаяся о своихъ удобствахъ, не потеря капиталу, угрожала дивидендами бѣднѣй Эбба. Людвигъ рѣшился просить вакантной въ ту пору кавалері астронома при Альтонскомъ университетѣ.

Можно себѣ представить сколько тревоги, токи и отраженія стояла бѣдному застѣнчивому гелертеру необходимость просить свиснаго бургомистра и подвергаться заносчивому обращенію свизниковъ. Никто не обратилъ вниманія на его просьбу. Профессора выписали изъ Дронтгейма. Узнавъ объ этомъ, Людвигъ продалъ свой домъ въ Альтонѣ, взял жену, телескопъ, физическіе инструменты, и отправился на ферму въ Ольтонценъ. Прибывъ туда, онъ отпустилъ фермера и принялся самъ за хозяйство, съ большимъ знаніемъ и искусствомъ: немелки можно было ожидать отъ него. Крестьяне и сосѣди сначала смѣялись попыткамъ и нововведеніямъ ученаго мужа; потомъ стали подражать ему. Время, безъзаботное трудами по хозяйству, Клопштокъ посвящалъ наукѣ и наблюденіямъ небесныхъ свѣтилъ. Онъ вовсе не спалъ, потому что сонъ, какъ и добрыя друзья — принадлежность однихъ счастливицевъ.

Людвигъ, обыкновенно печальный и задумчивый, сомнѣлъ однажды съ своей обсерваторіи въ великой радости. Если бы Эбба снова приобрѣла разсудокъ, то и тогда выраженіе его восторгу не могло бы быть сильнѣе. После-того Людвигъ шесть ночей писалъ длинное письмо, которымъ никакъ не могъ удовольствоваться: онъ измѣнялъ, прибавлялъ, переносилъ, снова справлялся съ телескопомъ, вычищалъ наконецъ, тщательно запечаталъ свое письмо и отдалъ застрахованное на альтонскую почту. Пакетъ былъ адресованъ къ директору гамбургской обсерваторіи и заключалъ въ себѣ открытіе суточного обращенія Сатурна въ десять часовъ и тридцать двѣ минуты. Вотъ отвѣтъ, которымъ получилъ Людвигъ.

«Если ваше письмо не мистификація, милостивѣйшій государь, то вы немилосердно опоздали съ своимъ вѣстзаніемъ: честь открытія, одланнаго и, двѣ недѣли тому, опубликованнаго сэръ Вилліамомъ Гершелемъ».

На этотъ жестокой ударъ Людвигъ отвѣчалъ обаявностію своею своей печальною улыбкой. Между тѣмъ рѣшило, безъ

вѣстнаго геллергера сидѣла жадна снами. Онъ читалъ объ ней днемъ и ночью. Онъ чувствовалъ въ себѣ таинственную силу, которая возвышала его надъ людьми обыкновенными, и которой нужно было лишь проявить, чтобы обарить миръ новыми блестями. Но ницета и несчастіе дѣлали это проявленіе невозможнымъ. Когда, спустя два года, онъ объявилъ, что угольную кислоту можно привести въ твердое состояніе; его записки не хотѣли даже прочесть; не хотѣли рассмотреть его рисунковъ машины для производства этого опыта. Гамбургская академія вспомнила о запоздаломъ открытіи суточного обращенія Сатурна и сочла изобретѣніе операцио, которую, спустя тридцать лѣтъ, снова изобрѣлъ Тилоріе.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Людвигъ безвыходно жилъ на своей ольтенцской фермѣ и не пытался болѣе публиковать результатовъ своихъ трудовъ.

Однажды, когда извѣстный аэронавтъ Виторевъ, среди многочисленной толпы зрителей, собиравшей отправиться изъ Гамбурга въ воздушное путешествіе, къ нему подошелъ маленькій человѣчекъ въ большомъ, изношенномъ черномъ спортиукѣ, и изъавилъ желаніе сопровождать его въ заоблачную экспедицію. Виторевъ сначала подумалъ, что имѣеть дѣло съ сумасшедшимъ, но незнакомецъ предложилъ ему даже горсть золота и, убедительно, неотступно просилъ мѣста на воздушномъ шарѣ. Виторевъ согласился, тамъ охотнѣе, что это странное предложеніе возбудило всеобщее любопытство, но, какъ искусный спекулянтъ, объявилъ, что возьметъ его съ собой черезъ двѣ недели, на другомъ шару, потому что этотъ не можетъ поднять двоихъ. Людвигъ согласился подождать и спокойно отправился въ Ольтенцъ, откуда не выходилъ до назначеннаго дня.

Впродолженія двухъ недель въ Гамбургъ только и разговоровъ было что о предпріятіи Людвигъ Клопштома. Подняли старую исторію о запоздаломъ открытіи обращенія Сатурна, изобрѣли тысячи шутокъ и насмѣшекъ, и никогда у Виторева не бывало столько зрителей какъ въ тотъ день, когда онъ поднялся съ своимъ спутникомъ. Людвигъ, смущенный множественнымъ взоромъ, обращеннымъ

почти до конца на него. Робко подошелъ къ лодочкѣ и чуть не проскнулъ шара, механическими инструментами, которыми запасся онъ для предположенныхъ опытовъ воздухоплавания. Но, къ великому сожалѣнію ученаго мужа, аэронавтѣ, принудилъ его, оставить часть багажа на землѣ. Путешественники заняли свои мѣста, веревки отпустились, и шаръ полетѣлъ какъ птица.

Первымъ чувствомъ Людвига, взлетающаго на легкой машинѣ, былъ ужасъ. Увидѣвъ бездонную пропасть подъ ногами, онъ окаменѣлъ, голова его закружилась словно въ вихрѣ. За первымъ потрясеніемъ послѣдовало гибельное обвороженіе чувствъ. Ученый мужъ, влекомый таинственною силой къ землѣ, наклонился черезъ край лодочки и, вѣрно, упалъ бы, если бы товарищъ не удержалъ его. Избавившись отъ этой опасности, Людвигъ совершенно пришелъ въ себя, вооружился рѣшимостью и сталъ смотреть вокругъ съ хладнокровіемъ и смелостью, которымъ аэронавтѣ, не могъ надѣяться. Нельзя и описать чувствъ его въ ту минуту. По мѣрѣ удаленія отъ земли, казалось, будто душа его отдѣляется, освобождается отъ брэнной земной оболочки. Онъ весь былъ проникнутъ невыразимымъ удовольствіемъ; тѣло его оживилось пріятною теплотой, мысль развилась во всемогущество: онъ забылъ свою нищету, все свои страданія, все дольнія скорби и униженія. Онъ былъ счастливъ. Вокругъ него мерцалъ свѣтъ, похожій на отраженіе ошала. Надъ головой стоялъ безграничный сводъ неба, подъ ногами земля, которая постепенно удалялась, исчезала. Горизонтъ болѣе и болѣе раздвигался. Вдали море казалось широкою шелковою драпировкою, колькаемою вѣтромъ, и обшитую легкими, извилистыми лентами рѣкъ и потоковъ; а между ними, города и села, съ нивами и лугами, красовались словно разноцвѣтные ковры, окруженные темными каймами лѣсовъ; кое-гдѣ чуть-чуть виднѣлись люди, черныя движущіяся точки, истинныя подобія живоjectва и праху. И ни одного звука! Вокругъ воздушныхъ путешественниковъ, царствовала глубокая, совершенная тишина, — не мертвая и мрачная тишина, земнаго уединенія, но тишина свѣтлая, ясная, небесная, такъ сказать, гармоническая. Путешественникамъ казалось, будто до свѣта

ныхъ ушей ихъ достигаютъ страшныя звуки симфоніи отдѣльныхъ мировъ.

Между-тѣмъ какъ Людвигъ предавался высокимъ и дотоле неизвѣстнымъ впечатлѣніямъ, Биторфъ, уже привычный къ нимъ, управлялъ аэростатомъ и принялся самъ за наблюдѣнія, условленныя съ товарищемъ до отправления въ воздушный путь. Увидѣвъ нѣтъ выкладокъ, что шаръ находится на высотѣ трехъ сотъ сажень, онъ сказалъ объ этомъ товарищу. Тотъ задрожалъ, потому что голосъ Биторфа грѣмалъ сверхъестественнымъ могуществомъ: въ немъ не было ничего человѣческаго. Между-тѣмъ атмосфера становилась холоднѣе. Вмѣсто прежняго удовольствія Людвигъ мало-по-малу почувствовалъ боль, и ему захватывало духъ какъ отъ сильнаго морозу. Голосъ Биторфа потерялъ свою чудесную силу, и неопредѣленный рокотъ началъ оглушать ихъ: они поднялись на шесть сотъ сажень. Десять минутъ спустя, Людвигу послышался непонятный шопотъ. Онъ хотѣлъ спросить Биторфа, не сказалъ ли тотъ чего, и къ величайшему изумленію своему не могъ слышать собственныхъ словъ. Услыія пронзительность вопроса утомили ему грудь и горло.

— Мы въ тысячѣ саженьхъ надъ землей! удалось наконецъ сказать Биторфу: расширеніе водороднаго газу въ шару такъ сильно, что надобно открыть клапанъ, нѣто машина лопнетъ.

Между-тѣмъ внизу разостлался густой туманъ, который совершенно скрылъ землю отъ глазъ путешественниковъ, и вскорѣ они услышали глухіе перебаты грома, потомъ ужасныя удары. Молнія широкими огненными крыльями разсыпала черной хаосъ тучъ и разсыпалась змѣиными брызгами во все стороны. Ужасно было грозное величіе бунтующей стихій подъ ногами двухъ человѣкъ, поддерживаемыхъ слабымъ лоскуткомъ тѣсты, наполненной паромъ! Биторфу стало страшно. Но Людвигъ чувствовалъ дикую радость: онъ странно хохоталъ, хлопалъ въ ладоши и трясся всемъ тѣломъ.

Шаръ поднимался выше и выше. Гроза уже казалась только черною безмолвною точкою. Эта точка мало-по-малу разсыпалась и дождь; земля снова показалась, но еще неопредѣ-

можно. Надъ аэроплатанами небо сіяло съ ясностію, о которой нельзя получить понятія даже на самыхъ высочайшихъ высотахъ.

— Две тысячи сажень! вскричалъ Биторезъ товарищу, который крестился отъ холоду!

Третьей вступъ вступъ, дрожа, заперъ постепенно въ пространство: Черезъ четверть часа Биторезъ снова воскликнулъ:

— Три тысячи сажень!

На землѣ виднѣлось только большіе пятна. Биторезъ выпустилъ двухъ птицъ, взятыхъ съ собою. Видныя животныи растпрмили крылья для полету, и упали какъ свинцовыя: чрезъ тайно тонкій воздухъ уже не поддерживалъ ихъ. Дыханіе Людвигъ стало тяжелѣе; грудь сжалась, холодъ леденилъ тѣло. Две птицы и кроликъ, еще оставшіеся въ лодчкѣ, захраныи и вконецъ издохли отъ недостатку въ воздухъ.

— Четыре тысячи сажень, сказалъ Биторезъ.

Голосъ его былъ глухъ. Онъ движеніемъ руки показалъ Людвигу, что подъ ними уже ничего не видно. Земля и облака пропали. Шаръ со всѣхъ сторонъ окружалъ необъятное пространство. Холодъ былъ нестерпимъ. Частаго дыханія плавателей едва доставало для поддержанія животной теплоты въ тѣлѣ. Кровь выступила изъ глазъ, ноздрей и ушей смѣльчаковъ; они уже не слышали своихъ словъ. Шаръ, единственный предметъ передъ ихъ глазами, казался, близокъ былъ къ уничтоженію: такъ стремительно вылеталъ изъ него газъ. Подъ ними синева; надъ ними невъзданный, странный мракъ, усѣянный звѣздами безъ сіянія и безъ лучей. Это былъ предѣлъ физической природы. Это были границы, положенныя Богомъ дерзновенно чело-
вѣку.

Газъ спустился, шаръ пересталъ подниматься:

— Негг-чен Кюрстокъ, сказалъ Биторезъ: если мы не хотимъ погибнуть, то спустимся поскорѣе на землю. Вы видите, рука Божія начертала здѣсь гребеньъ слова: «Нейди далье!»... Не что вы дѣлаете?... вы съ ума сошли!... бросаете баластъ!... раздвѣаетесь!...

— Я хочу летѣть дальше! восторженно вскричалъ Люд-

виль. Да! я могу медлаться: но, безсрочно, истинно, въ области абсолютнаго. Она уна подажна отсюда. Видите! шаръ еще вертнвается; если вы бросите весь шаръ. Разобьются; лодочку, прикинете въ веревочку и унесете въ безусловную безсречность!

Онъ уже и началъ исполнять свое намереніе, но Битеръ, вдругъ открылъ глаза, не смотря на усилія и отказаніе товарища, и шаръ началъ спускаться. Воздухъ постепенно сдвинулся (море) холоднѣе. Земля появилась, сначала, въ видѣ сѣрой, неопредѣленной массы; потоки мало-по-малу приняла болѣе ясныя формы: нарисовались рѣки, дороги, явились люди и животныя. Шаръ опустился на землю въ пяти верстахъ отъ Гамбурга. Битеръ выскочилъ изъ лодочки въ восторгъ; Клонштопъ плакалъ отъ досады и бешенства.

— Мы долетѣли бы до безусловнаго! повторялъ онъ своему спутнику.

— Мы погибли бы! возражалъ тотъ.

Людвигъ, не обращая вниманія на восхищенную толпу, окружавшую емьлихъ плователей, не отвѣчая членамъ гамбургской академіи, которые умоляли его составить записку о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ, не пожать даже руки, на прощанье, своему товарищу въ опасностяхъ, молчаливо, съѣвъ на лошадь и, не останавливаясь, возвратился въ Альтону. Тамъ онъ накупилъ множество холста, нанттаннаго смолой, привезъ его въ Ольтенценъ, и заперся въ своемъ домѣ, изъ котораго уже не выходилъ дѣльный масляць. Впродолженіи этого времени онъ не пускалъ къ себѣ никого, ни работниковъ съ фермы, ни депутатовъ гамбургской академіи, ни даже деревенскаго пастора. Онъ не удостоивалъ ихъ даже отвѣту сквозь дверь, которой и не хотѣлъ отворить. Безъ вечернихъ прогулокъ съ женою, безъ покупокъ, за которыми онъ иногда ходилъ, его могли бы почитать ушедшимъ.

Не нужно и говорить, что это таинственное уединеніе подало поводъ ко многимъ страннѣмъ предположеніямъ. Одни утверждали, что гелертеръ въ воздушномъ путешествіи потерялъ рассудокъ; другіе, что онъ поутрачилъ шаръ. Последнее мнѣніе было не совсѣмъ неправдоподобно и узнѣ

ли, что Клопштокъ стрѣнитъ машину, въ видѣ огромной рыбы, съ большими клавишными перьями и подобіе крыльямъ, которая движется посредствомъ простаго но удивительно замысловатаго механизма. Истина этого изобрѣтенія совершенно подтвердилась, когда, въ одно утро, жители Ольтенцена увидѣли Людвига въ воздухѣ, сидящаго на своей рыбѣ, которое онъ правитъ такъ же легко и искусно какъ кавказскій правитъ добрышекъ конемъ. Несмотря на сильный противный вѣтеръ, онъ леталъ на своей машинѣ направо и влево, взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ, съ величайшею легкостью. Наконецъ онъ спустился опять на свой дворъ, такой уакій, что концы машины касались ободка противоположныхъ стѣнъ.

Пасторъ олтенценскій, человекъ ученый, пришелъ въ восторгъ отъ этой штуки, и побѣжалъ къ Клопштоку. Онъ такъ краснорѣчиво умолялъ его отнѣреть, что ученый мужъ наконецъ тронулся и впустилъ пастора на дворъ. Онъ былъ въ восторгъ, что Людвигъ открылъ возможность управлять аэростатомъ.

— Другъ мой, вскричалъ онъ: ваше имя безсмертно! Весь міръ будетъ произносить его съ энтузіазмомъ! Ваша слава затмитъ даже блескъ славы вашего дядюшки!

— Міръ! земля! повторилъ Людвигъ съ презрѣніемъ: что мнѣ до нихъ? Мнѣ нужно безпредѣльное, безусловное. Выше четырехъ тысячъ саженъ никто не могъ подняться. Я поднимаюсь на двадцать тысячъ! на двѣсти тысячъ! Я поднимаюсь до звѣздъ! валечу на звѣзды! выше звѣздъ! достигну областей абсолютной безконечности, буду тамъ, гдѣ все есть и ничего нѣтъ, погружусь въ безусловное, мое Я обниметъ все; и все обниметъ мое Я. О, какое наслажденіе!... я узнаю абсолютную истину! Неизмѣримое до безвѣстнаго будетъ принадлежать мнѣ! Да, я нашелъ средство управлять аэростатомъ. Это была трудная задача; но я сдѣлалъ больше: водородный газъ, въ машинѣ, сжимается и расширяется по моей волѣ, безъ малѣйшей потери. Въ этихъ бурдакахъ заключаются воздухъ, годный къ дыханію тамъ, гдѣ воздуха уже нѣтъ. Я побѣдилъ даже холодъ: онъ мнѣ не повредилъ ни сдѣлко.

Пасторъ отъ удивленія смотрѣлъ на него.

— Прощайте, простилака! Людвигъ съ дотѣшюй духовная. Бди, я не разужу за благо возвратиться, не жоружаю земь непотанию обь этой бѣдной монница. Прощайте!

— Не слушаю, возражоній и убажоній почтеннаго вестора, сѣя обь я не азростать и готовъ была полнитъся, какъ другъ Эбба, безъ смѣленно смотрѣнная на приготавленія мужа, уквѣядась ва машинку и асринала:

— Не могу, не хочу съ тобой разстаться!

— Ты права, сѣваля гелертъ въ косъ минутнаго размышленія: подемъ въ Абсолютное. Этотъ ничтожный мѣръ, поволоненный машини услѣвими, не докостонъ вмѣщать насъ! Безирсѣльное, безусловное.... тамъ наше мѣсто! Ты размышишь мое счастье и богатство.

Она взявъ ея, посадила возлѣ себя, протулся въ насто-ромъ и улетѣлъ. Пасторъ видѣлъ нѣсколько времени, какъ она докко управлѣтъ машинной, какъ она стала казаться лишь черною точкою, потому, сѣдѣсь, съ дѣвурью неба и исчезла.

Долго и съ страхомъ ждалъ пасторъ возвращенія Людвигъ Клошптока. Людвигъ Клошптокъ не возвращался болѣе.

ПЕРЕПИСКА БЕТТИНЫ БРЕНТАНО СЪ БЕТГОВЕНОМЪ.

Разбирая однажды огромную переписку Гёте съ разными лицами, мы имѣли случай познакомиться читателей нашихъ съ Беттиной Brentano, впоследствии госпожею фонъ-Арнимъ: будучи еще молоденькою дѣвушкою, кѣи, какъ она теперь говоритъ не совсѣмъ справедливо, *ребенкомъ*, эта некогда мысленная, мечтательная и остроумная малушка влюбилась въ старика Гёте и долго вела съ нимъ страстную переписку, на которую поэтъ-философъ отвѣчалъ снисходительно, но довольно холодно, и которую она, после смерти своего «идеала», издала подъ заглавіемъ «Переписка Гёте съ однимъ ребенкомъ». При разборѣ этой странной книги мы пропустили то, что она говоритъ о своихъ дружескихъ сношеніяхъ съ ванъ-Бетгovenомъ; теперь мы имѣемъ случай возвратиться къ этому обстоятельству, ея жизни по поводу двухъ писемъ Бетговена къ ней, непонятно выдаваемыхъ господиномъ Prévost за новость, въ *Revue de Paris*. «Я чистосердечно признаюсь тебѣ, писала Беттина къ своему

такие возвышать и трогательный голосом; что, донельзя глубоко, отдавая много.

— Не правда ли, что это бесполезно? спросил онъ, меня съ восторгомъ.

— Чудесно!

— Я спую еще разъ.

Онъ былъ счастливъ, моимъ чистосердечнымъ восклицаньемъ.

— Благини часть людей, сказалъ онъ, трогается прекраснымъ, но это еще не признаки *художественной природы*. Пламенные не плачутъ.

И онъ пропелъ мнѣ еще одно изъ твоихъ стихотвореній, которое недавно положилъ самъ на музыку:

«Не вслѣдъ, слеза любви безсмертной!»

Бетховенъ провожалъ меня домой, и, добродушно, наговаривая мнѣ болту прекраснаго объ искусствѣ. Настало вдругъ остановившаяся онъ посреди двора, и, рассуждая такъ проше, что, право, нужна была не меншая смелость, чтобы его слушать; но все, что онъ говорилъ, было такъ необходимо, такъ страстно, что я совершенно забывалась. Гёте, дряхлѣннѣ въ тотъ день къ намъ въѣхать, и, пожелавъ, когда онъ вошелъ въ востанную еще предвечеромъ. После обѣда, Бетховенъ сѣлъ за форте-пиано; игралъ долго и игралъ превосходно. Въ немъ расцвѣтало искусство и гармония и гений; а ноль-в-миллионъ такими звуками доводило, что его производилъ чудеса, и мальцы исполняютъ не возможное. Съ-такъ-поръ, или онъ каждый день приводилъ ко мнѣ, или я бываю у него. Я забыла общество; музык., гитары, даже банню Салтаго Стефана.

— «Что вы можете тамъ увидеть?» говоритъ Бетховенъ, найдя, ае вами, и мы вечеромъ не можемъ гулять въ шёнбрунн-ской аллеѣ.» Вчера я была съ ними въ великомъ имени саду: всё дрябло, оранжевы были отарыты; благоуханно уютельно. Бетховенъ остановился на: солнце подышалъ своимъ лучами. «Поэзия Гёте, сказалъ онъ, производитъ въ музыкѣ «мой величайшее впечатаніе, не только по своей формѣ, но и по стихотворному размеру. Его: вынѣ такъ меня увлекаетъ, что я невольно предлагаю на музыку эти сти-

«схотворенія; созданныя какъ-будто для существъ Митшей
«сферы и уже въ себя самихъ заключающей гармонію. Я
«чувствую необходимость провести постигнутую мелодію
«изъ этого центра вдохновенія во весь вѣтъ. Я схватываю
«ее : она ускользаетъ, но я опять ловлю ее съ новою
«страстью, догоняю, и тогда уже не въ силахъ съ нею раз-
«статься. Въ моемъ восторгѣ, я множу ее на всевозможныя
«распѣвы, и наконецъ торжествую надъ моею первоначаль-
«ною идеею. Вотъ это и есть, симфонія!..... Музыка — на-
«стоящій проводникъ бытія между вещественнымъ и неве-
«щественнымъ мірами. Я хотѣлъ бы поговорить объ этомъ
«съ Гёте, чтобы увидѣть, понимаетъ ли онъ меня. Мело-
«дія — видимая жизнь поэзіи : не въ мелодіи ли проявляется
«духовная сущность стихотворенія ? Я въ глубинѣ души
«увѣренъ, что мои созданія вполне выражаютъ то, что я
«задумалъ. Но, каждый разъ какъ передаю слушателямъ
«свое мое убѣненіе, вся моя музыкальная мысль, жажда убѣ-
«ждать и къ снова начинается мучить меня : я думаю, что
«она удовлетворится съ послѣднимъ аккордомъ, однако жъ
«опять, какъ ребенокъ, принимаюсь за то же.»

Но довольно этой музыкальной мистики. Беттина Брентано посвятила ей много писемъ. Гёте, въ отвѣтахъ, обращается на неспособность этого музыкальнаго аккорда.
Вотъ одна сриса, которая дастъ понятіе о странности умозрѣній Бетговена : «Вся прочія искусства — только вещественная оболочка музыки. Сентина — верховный руководитель, посредникъ между видимымъ и невидимымъ мірами. Она оупра-чувствительна и ведетъ къ міру духовъ : она принимаетъ плоть, чтобы избавить духъ отъ тела,» и прочая, и прочая. Пойдемъ лучше съ Беттиною на ренетацию одной симфоніи Бетговена.

«Ничъ гиганта, который бы столько, какъ онъ, признавалъ свое негуманство, который бы такъ зналъ, что въ немъ — вся сила. Надобно было видѣть его на этой ренетации : онъ былъ твердъ, решителенъ, собою доволенъ ; во всѣхъ его движеніяхъ, во всѣхъ чертахъ лица, выражалась увѣренность въ томъ, что созданіе полно и совершенно.»

Восторженный и странный характеръ Беттины Брентано былъ, очевидно, по-путру Бетговену, который, казалось,

домъ я находилъся, когда ты, милая Беттина, явилась моему
 (мору) меланхолия, овладевшая моею душою, исчезла при тво-
 емъ появленіи; я тотчасъ постигъ, что ты изъ другаго міра
 и не принадлежишь къ этому безтолковому свѣту, которому
 нѣтъ возможности, при всемъ усильномъ желаніи, просвер-
 лить уши, развить органы слуху. Вотъ и я, несчастный, ро-
 щу на другихъ!... Но ты простишь меня отъ сердца, кото-
 рое у тебя говоритъ глазами; простишь отъ ума, который
 лежитъ у тебя въ ушахъ. Хотя твои уши умѣютъ слышать;
 потому что умѣютъ слушать: менѣ слыть! — точно стана
 увѣждо мною в людми. Если бъ не это; я бы, кажется, еще
 болѣе извѣрился тебѣ; но мнѣ былъ понятенъ одинъ только
 твой выразительный взоръ, и одинъ уже онъ сдѣлалъ во
 мнѣ такое впечатлѣніе, что бѣдному жанъ-Беттону не за-
 бывать его во всю жизнь. Любезная, бѣдная Беттина! кто,
 какъ ты, понимаетъ искусство? съ кѣмъ побесѣдовать объ
 этомъ дивномъ божествѣ? Я сохранилъ все твои записочки,
 все твои милые ответы, и такимъ образомъ обязанъ и глупо-
 му, и сбереженію нашихъ многолетнихъ разговоровъ. Съ
 тѣхъ поръ какъ ты ушла, я провожу время въ скуку, не-
 нади, и не бѣды въ состояніи ничѣмъ заняться. Я бродилъ
 по Шварцбургской аллѣ, но тебя уже тамъ не было; я уже не
 встрѣчалъ тамъ ангела, который бы побранилъ меня, какъ
 ты, мой ангелъ! Прости, милая Беттина, это *ушлое* отъ
 тона; мнѣ иногда нужны такіе интервалы; чтобы снять
 тоску съ сердца... Не правда ли, ты писала объ мнѣ къ Гёте?
 ты сказала ему, что я желалъ бы, съ тѣломъ и съ головой,
 зашиться въ мѣшокъ, въ куль, чтобъ только ничего не ве-
 дѣть и не слышать, что дѣлается на этомъ свѣтѣ?.....
 Меня поддерживаетъ надежда; надеждой живетъ поло-
 вина людей; и она никогда не покидала и меня. Безъ нея,
 что стало бы со мной!

.....

«И переписала для тебя и посылаю Гётеву
 Т. Г. М. знаешь ли, Страну, какъ я слышу, что ты
 послалаю къ ангелу, какъ я слышу, что ты послалаю къ ангелу»

узнать, а тебя. Промыслила глупости другую, и самую
нужную, уже не дворянскую, а самую, самую Беттина, и

и сама была счастлива от этого, и сама же сказала

«Сердце! сердце! что съ добротой?»

«Ужасно! ужасно! ужасно! ужасно! ужасно! ужасно!»

«О, милая Беттина! отыщи, и скажи, объясни, что про-
исходитъ въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ какъ оно меня не
слушаетъ!»

«Иди, къ твоему мужнину, дружку, къ моему другу, къ моему

«Ваня Беттговену.»

«Ваня Беттговену.»

«Ваня Беттговену.»

«Ваня Беттговену.»

«Ваня Беттговену.»

«Добрая, милая Беттина. Профессоръ эмалосовин, итал-

ныхъ мудрецовъ, и всякихъ разныхъ господъ этого рода,
очень легко находить, напечатать, порядочный запасъ

дипломовъ; но никому не дано на свѣтѣ производить велик-

кихъ делъ, создавать умъ, выходящее изъ общей, призой,
колонъ свѣта. Поэтому къ такимъ людямъ и должно имѣть

уваженіе. Когда свѣтъ виднѣтъ, рука объ руку, двухъ такихъ

человѣкъ какъ Гёте и я, то они должны кончать, какъ мы
разумѣемъ величіе. Вчера, возвратясь домой, мы повсари-

чали всю императорскую фамилию. Завтракъ ее издалека,
Гёте, держалъ свою руку, изъ-подъ моей, чтобы не сторо-

виться: какъ и кто, я ему, ни говорилъ, онъ не дотыкалъ са-

жать на одного шагу. Что касается до меня, то я проспел

койно, застегнулъ сюртукъ, скрепилъ руки, и пошелъ прямо.

И кто же! Гёте, даже и не замѣтилъ, а передо мной зря-тер-

ночь Рудольфъ снялъ шляпу, императрица поклонилась мне
сама: великіе міра *знаютъ* меня! Къ неопытному умомъ лю-

дямъ моему я видѣлъ, какъ даже въ худую, равнодушно
прокаляя мимо Гёте, докторъ стодаль у стодаль, соизумляю-

сь, при погубѣ, между тѣмъ какъ мне, великой, старался

Теплицъ, пятнадцатаго августа, 1812.

оказавъ уваженіе. Тутъ-то я почувался надъ нимъ; и пере- считалъ ему все это срыки; особенно граки противъ тебя; безцянная Беттина, потому что ты именно была пред- метомъ нашего разговору. Господи! если бы мнѣ, какъ ему, пришлось счастье проводить съ тобою нынѣшніе прекра- сные дни! Я создалъ бы что-нибудь еще болѣе чудное. Му- зыкантъ вѣдь хотъ же цоатъ; царя предестныхъ глазъ можетъ, д. его перенести въ другой, возвышеннѣйшій міръ. Вотъ этого я и не понялъ въ тотъ разъ, какъ впервые увидѣлся съ тобою на маленькой обсерваторіи, подъ лег- кимъ майскимъ дождемъ, который и для меня былъ благо- творенъ. Въ ту пору прекрасные образы, создаваемые тво- ей фантазіей, проникли меня до сердца, и пробуждали въ немъ тѣ мелодіи, которыя будутъ упоевать свѣтъ еще и тогда, когда Бетговенъ перестанетъ дирижировать его ор- кестромъ. Если Богъ дастъ мнѣ прожить еще два года, я еще разъ увижусь съ тобою, милая Беттина, и въ этотъ разъ буду уже повиноваться неумолкающему голосу моего сер- ца. Духи могутъ тоже любить другъ друга: мой духъ все- гда будетъ желать соединиться съ твоимъ. Твое одобреніе для меня выше всего; похваляю на свѣтъ: я уже сказалъ это и Гёте; я сказалъ ему, что между ревными должно желать, чтобы царю рѣшили люди мыслящіе. Живые ду- шевныя движенія... прости; безцянная Беттина... жи- выя душевныя движенія — принадлежность одной жон- щины; у мужчинъ музыкальный огонь беретъ изъ уха. О, милое дитя! вы уже давно обе всемъ-одного мнѣнія.... Луч- ше всего — имать прекрасную и добрую душу; ее во всемъ узнаешь, и съ ней нечего таиться. *Надо бытъ чьимъ-нибудь, если хочешь чьимъ-нибудь казаться.* Раньше ли, поздно ли, свѣтъ отдастъ справедливость тому, кто ей стоитъ: свѣтъ не такъ неоправдливъ, какъ полагаютъ. Правду сказать, я объ этомъ не очень и безвѣноюсь, потому что стремлюсь къ даль возвышенной.... *Надѣюсь найти въ Вѣнѣ письмо отъ тебя: пиши ко мнѣ по-скорѣе, да и по-больше.* Я буду въ Вѣнѣ черезъ недѣлю. Дворъ вызываетъ завтра; одинокъ сегодня еще играютъ. Эрц-герцогъ желалъ чтобы и сентраль что-нибудь свое, но иршительно отказался; свѣтъ влечетъ влюбленъ въ китайскій сарфуръ... Не хочудершатъ

партіи въ такой безтолковщинѣ, по крайней мѣрѣ! Если не обязанъ къ тому по службѣ. Прощай! прощай, мой милый Беттина! Все нынѣшнее льто я послѣлъ на сердце твое послѣднее письмо; и оно было для меня къ небнымъ банькамъ. Музыканты позволяютъ себѣ вѣрять волиности!

«Боже! какъ я люблю тебя, Беттина!

«Твой вѣрнѣйшій другъ и глухой братъ,

«ВАНЪ БЕТГОВЕНЪ.»

Когда Бетговенъ писалъ это письмо, Беттина, Брентано, уже была госпожею фонъ-Арнимъ. Вскорѣ она получила отъ своего «глухого брата» поздравленія, исполненныя самой глубокой грусти и отвращенія отъ жизни, которое было съдѣлаемо въ бездѣлномъ положеніи несчастнаго артиста. Нѣтъ сомнѣнія, что любовь Бетговена къ Беттинѣ была не столько сильной страстью, сколько живую поэтическую симпатіей; но уже и этого достаточно, чтобы опровергнуть общее мнѣніе біографовъ, безсмертнаго Фламанца, будто онъ, не только былъ чудакомъ, но и человекъ безъ сердца.

Госпожа фонъ-Арнимъ, бывъ въ дружбѣ съ Гете, Бетговецомъ и другими великими людьми своего времени, и издавъ книгу, недѣлавшую столько шуму въ Германіи, сохранила до сихъ поръ ту милую простоту и наивность, которая такъ рѣдко встрѣчается у людей, пользующихся славою. Въ ней не замѣтно ни одного изъ недостатковъ женщинъ-писательницъ: она дѣйствительно добра, умна, чувствительна. Она ведетъ жизнь уединенную и скромную въ кругу своихъ дѣтей, и всегда занята искусствомъ. Если вамъ случится быть въ Берлинѣ и вы будете представлены автору «Переписка Гете съ однимъ ребенкомъ», то увидите женщину лѣтъ пятидесяти, маленькаго роста, разную, откровенную, пріятливую. Сначала можетъ быть немножко изумитесь, что она не похожа на тотъ поэтический образъ, какой вы себя создали; но не торопитесь судить: фрау фонъ-Арнимъ скоро развернетъ свое богатство.

тѣхъ и прехотѣвое изображение и, передъ нами, истинно, видѣтъ прежня осымнадцатилѣтня дѣвучка. Тогда авторъ, съебся съ книгой, и вы поймете влеченія людей такихъ какъ Гёте, Гердеръ, Якоби, Бетговетъ, къ сердцу такому, благородному, къ уму, такому возвышенному и оригинальному.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Ничего примечательнаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ. Ничего новаго. Изъ Англіи даже, втеченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, не получено здѣсь ни какихъ литературныхъ журналовъ, кромѣ одного «Атенеума», который приходитъ къ намъ черезъ Францію. Причиною тому, вѣроятно, случившаея въ нынѣшнемъ году затруднительность зимнихъ сообщений съ Гамбургомъ. Смирдинъ, между прочими въ отчаяніи отъ этого: онъ ждетъ не дожидаясь своихъ великолѣпныхъ гравюръ, изготовленныхъ въ Лондонѣ для втораго тома его «Статистическаго словаря», и даже уже отправленныхъ оттуда на гамбургскихъ пароходахъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ Германіи получаетъ теперь большіе успѣхи молодой русскій скрипачъ Гюломъ. Послѣдній номеръ Allgemeine musikalische Zeitung, отъ двадцать четвертаго февраля, отзывается объ немъ съ отличнѣйшею похвалою и сравниваетъ игру его съ игрою другаго русскаго скрипача, виртуоза-любителя, Алексѣя Федоровича Львова.

→ Тальбергъ, на пути изъ Берлина въ Россію, остановился въ Варшавѣ и, вѣроятно, не пожалуетъ въ нынѣшнейности въ Москву, чтобы не встрѣтиться тамъ съ Дрейшюкомъ, который, давъ здѣсь проездомъ два концерта, отправился туда вчерашняго числа. Те, которые не слышали Дрейшока *теперь*, могутъ искренно сожалѣть объ этомъ. Въ короткое отсутствіе свое въ Петербурга, онъ сдѣлалъ немовѣрные успѣхи: гениальная исполнительная игра его

пробрал драматичныи ('глубокіи' чувства неподражаемой выразительности, высокой поэзии, чувства и истинно драматическаго вѣдѣнїа. Въ тоже время онъ неожиданно явился превосходнымъ композиторомъ: двѣ новыя пьесы, одно Improvisito и «Драматическая сцена», которыя разыгралъ онъ здѣсь, свидѣли бы чистую любовь музыкальному писателю. Какъ разительное доказательство совершенно необычайныхъ уштенныхъ способностей этого молодого артиста, можно привести еще одно обстоятельство: не далее какъ въ началѣ мѣсяца, Дрейшюкъ не могъ сказать по французски трихъ словъ средю плавно и правильно; нынче онъ было говоритъ и хорошо пишетъ на этомъ языкѣ. Если сообразить, какъ мало времени для филологїи остается у него отъ напряженнаго занятїа музыкой, если вспомнить, что онъ въ иностранномъ языкѣ успѣлъ усовершенствоваться до такой степени въ несколько мѣсяцевъ посреди Германїи, то нельзя не похваловать его высокимъ природнымъ способностямъ. Его штри; его сочиненїа, все въ немъ измѣнилось къ лучшему въ томъ же содержанїи какъ и его французскїи языкъ. Это новоявлїи Протей. Кажется, что искусство уже не можетъ идти далѣе: но, съ такими чудесными дарованїями, Дрейшюкъ не можетъ остановиться на нынѣшней точкѣ. Онъ пойдетъ еще далѣе, пойдетъ быстро, не по днямъ, а по часамъ. Музыкальная будущность еще велика! одна только низкая завеса или ограниченная умомъ посредственность могутъ не видѣть въ немъ небывалаго доселѣ сорта таланта виртуоза.

Онъ возвратится въ Петербургъ весной.

Мы можемъ съ достовѣрностью уведомить тѣхъ, которые ждутъ Листа, что онъ въ нынешнемъ году сюда не будетъ. Артисты, видѣвшїе его недавно въ Брюсселѣ, утверждаютъ, что онъ и не имѣлъ намѣренїа посѣтить въ нынѣшнемъ году Россїю. Изъ Гамбурга онъ черезъ Брюссель отправился въ Лондонъ, гдѣ въ началѣ февраля игралъ въ концертъ госпожи Дулькенъ: оттуда хотѣлъ съѣздить въ Парижъ, и долженъ возвратиться къ исходу марта въ Лондонъ по силѣ давно заключеннаго условїа.

— Концертная эпоха наша оживляется. Сервѣ прїехалъ

въ Петербургъ на прошедшей недѣлѣ. Сидора Паста возвратилась, и дала концертъ, который на этотъ разъ былъ очень блестящъ и въ которомъ эта несравненная вѣзда своимъ голосомъ и неподражаемымъ искусствомъ воскресла въ памяти знатоковъ лучшія времена своей исполнческой славы. Завтра, первого числа, она поетъ въ музыкальномъ празднествѣ Генриха Ромберга, чрезвычайно интересно, между прочимъ, и потому, что на немъ будетъ въ первый разъ разыграно большое Requiem Берлиоза, Беттенова II. Первый концертъ Паста былъ очень полюбъ: артистъ привелъ въ восхищеніе своихъ многочисленныхъ зрителей одушевленною, полною чувства и прелести игрою. Гвидъ — настоящій художникъ. Это, безспорно, одинъ изъ прекраснѣйшихъ талантовъ, какіе посещали нашу столицу въ послѣдніе годы. Юный скрипачъ Дмитриевъ далъ также свой концертъ, и одержалъ полный успѣхъ: стеченіе слушателей было чрезвычайно. Госпожа Сабина Гейнгоеттеръ пѣла прекрасно въ своемъ концертѣ, бывшемъ въ послѣднюю среду. Герке прекрасно игралъ въ своемъ, истинно прекрасно. Карлъ Мейеръ получилъ громкія и продолжительныя рукоплесканія въ концертѣ Бема, одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ.

Седьмого марта будетъ данъ любителямъ музыки большой концертъ въ пользу частныхъ школъ Санктпетербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества. Весь Петербургъ ежегодно присутствуетъ при этомъ великолѣпномъ музыкальномъ празднествѣ: это вождѣлнннй день прекраснѣйшихъ женщинъ и прекраснѣйшихъ туалетовъ. Репетиція будетъ назначена на канунъ. Вилетовъ можно будетъ достать въ оба эти дни, съ девяти часовъ утра, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

Для фортепіано.

- BREYTSCHOEK.** *Les adieux.* Impromptu. Oeuvre 15 (57 cop. arg.).
 — Grande fantaisie (1 rb. 71 cop. arg.).
SCARLATTI. Katzen-Fuge (57 cop. arg.).
SCHUBERT. Quatre impromptus. Oeuvre 142, cahier 1 et 2 (à 1 rb. 43 cop. arg.).
 — Trois grandes sonates, numéros 1, 2 et 3 (à 1 rb. 43 cop. arg.).
SCHUMANN. Fantaisie dédiée à Liszt; oeuvre 17 (2 rb. 29 cop. arg.).
 — Noveletten; dédié à Henselt; oeuvre 21, numéros 1, 2, 3 et 4 (à 1 rb. 14 cop. arg.).
 — Nachtstücke, oeuvre 23 (1 rb. 43 cop. arg.).
 — Drei Romanzen. Oeuvre 28 (1 rb. 71 cop. arg.).

Для пѣнія.

- BOZZETTI.** Soirées de Paris. Collection de romances italiennes (2 rb. 29 cop. arg.).
KREBS. Sehnsucht am Strande. Lied mit Pianoforte, für Sopran oder Tenor; für Alt oder Bariton (58 Kop. Silb.).
 — Die süsse Bell. Lied mit Pianoforte, für Sopran oder Tenor, für Alt oder Bariton (57 Kop. Silb.).
WEISSIGER. Sechs Lieder für Sopran oder Tenor, für Alt oder Bariton. Opus 144 (1 Rb. 43 Kop. Silb.).
толстой, е. Молитва. Съ акомпаниментомъ фортепіано и віолончл.
 Т. I. — Отд. VII.

6 1/4

Слова Лермонтова. Всенгоданнѣйше посвящено Ея Императорскому Величеству (1 руб. сереб.).

Черниковъ. Прощанье, романсъ (43 к. сер.).

— Пѣснь Ольги (29 к. сер.).

— Безнадежность, романсъ (39 к. сер.).

— Кольцо, романсъ (39 к. сер.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ книжальницкѣ магазинѣ «Олеонъ», на углу Большой Морской и Герасимовъ, въ домѣ Штрауза, № 114, и на Невской Пресненскѣ, у Калашского Моста, въ домѣ Давыдовскаго, № 17.)

шкаль господинъ Франгель еще двѣ версты къ сѣверу, переправляясь по-прежнему черезъ меньшія трещины и объѣзжая болынія; но наконецъ стало трудно рѣшить, цѣвель ли поверхность, на которой онъ находился, какую-нибудь сплошность, или она состоитъ только изъ множества отдельныхъ льдинъ, которыя могутъ сокрушиться при первомъ порывѣ вѣтру. Столь очевидная опасность убѣдила его въ невозможности дальнѣйшихъ поисковъ, и онъ поспѣшилъ воротиться къ товарищамъ. Самая сѣверная широта, которой онъ достигалъ, была 71° 48', въ разстояніи отъ Барановыхъ Скаль двухъ сотъ пятнадцати верстъ по прямой линіи.

Господинъ Франгель съ удивленіемъ говоритъ о томъ, какъ тувенцы развѣзжаютъ безъ дорогъ но однообразной поверхности снѣжныхъ пустынь, и однако жъ никогда не сбиваются съ настоящей черты. Этимъ особенно отличался одинъ казакъ, который сопутствовалъ ему во многіе походахъ. Казалось, будто у него въ головѣ начертанъ планъ всего мѣстоположенія; такъ искусно направляя онъ нуть въ лабиринтъ снѣговъ, поворачивая безпрестанно то вправо то влево, и при всѣхъ этихъ поворотахъ не теряя направленія. Между-тѣмъ какъ авторъ только посредствомъ компаса отыскивалъ прямую дорогу, казакъ попадалъ на нее по одному навику, и его показанія о пройденныхъ разстояніяхъ всегда согласовались съ выводами изъ наблюдений.

Въ теченіи апрѣля мѣсяца температура начала безпрестанно перемѣняться, такъ, что въ одинъ и тотъ же день термометръ показывалъ нѣсколько разныхъ степеней стужи. Вечеромъ, осьмнадцатаго числа, поднялась сильная выюга: сидѣвшіе на заднихъ саняхъ не могли видѣть переднихъ. За тѣмъ наступила ужасная ночь; собаки тонули въ снѣгу и ѣхать было невозможно. Къ довершенію непріятностей, путешественники, для утоленія жажды и голоду, имѣли только снѣгъ да нѣсколько ржаныхъ сухарей и полу-испорченной

рыбы; раскинуть палатку или развести огонь также было нельзя. По утру, къ великой радости, они достигли «Острова Четырехъ Столбовъ», и, отправившись отсюда къ другимъ островамъ той же группы, въ первый разъ услышали тамъ пѣніе коноплянокъ, предвѣстницъ весны. Господинъ Врангель немедленно продолжалъ путь къ Нижне-Колымску, и двадцать-осьмого апрѣля прибылъ въ свою главную квартиру, пробывъ, втеченіи тридцати пяти сутокъ, болѣе тысячи двухъ сотъ верстъ на однихъ и тѣхъ же собакахъ, и перенесши ужасныя страданія отъ усталости, голоду и стужи.

Такъ кончилась вторая повѣдка; на слѣдующій годъ предпринялъ онъ третью. Въ этотъ разъ ему трудно было набрать девяносто шесть собакъ, нужныхъ для повѣдки на осьми санкахъ: между собаками свирѣствовала повальная болѣзнь, отъ которой окозлю четыре-пятыхъ этихъ драгоценныхъ животныхъ, составляющихъ все богатство и все способы къ пропитанью туземцевъ. Наконецъ, жители береговъ Индигирки, гдѣ болѣзнь не свирѣствовала, прислали ему триста собакъ: авторъ выбралъ себѣ изъ нихъ, сколько было нужно, и пуетился въ дорогу четырнадцатаго марта, съ припасами на сорокъ дней.

Поверхность льду на известное разстояніе отъ берегу, была покрыта большими буграми сыгу, которые мѣшали ѣхать и причиняли иногда поврежденія людямъ и собакамъ. При переправѣ черезъ одинъ бугоръ, нѣсколько собакъ были изранены, сани валоманы, и господинъ Врангель нашелся въ необходимости тринадцать саней съ провизіею отослать назадъ.

Двадцать-седьмого марта, подъ широтою 71° 13', оказалось на сѣверо-восточной сторонѣ нѣсколько возвышенностей. Приближаясь къ нимъ, путешественники разсмотрѣли долины и отдѣльныя скалы. Имъ овладѣла радостная надежда, что вотъ наконецъ они достигнутъ цѣли всѣхъ тяжкихъ трудовъ, что передъ ними

лежитъ та загадочная Большая Земля, о которой такъ давно носится слухи. Но въ вечеру увидѣли они, что мнимая земля стала вытягиваться по всему горизонту, и потому совершенно преиспала: это былъ опять такой же биточный обманъ, о какомъ говорили мы при предыдущей поездкѣ. Онъ повторился и на другой день. Наконецъ, утромъ девятаго апрѣля, послѣ ночи, проведенной за грядою снѣгу и льду, путешественники увидѣли со всехъ сторонъ около себя такіе страшные бугры, какихъ имъ еще никогда не случалось встрѣчать; семь часовъ работали они ломомъ, открывая себѣ дорогу, и съ трудомъ пробѣжали три версты. Изнуренное состояніе собакъ, ветхость саней, и явная очевидность, что бугры эти тянутся на большое пространство, принудили ихъ остановиться. Господинъ Матюшкинъ, однако жъ, отправился съ двумя спутниками далѣе, чтобъ узнать, нѣтъ ли возможности продолжать путь къ сѣверу. Онъ пробѣжалъ десять верстъ прямо на сѣверъ, и наконецъ, подѣ широтою 72° , былъ остановленъ взломаннымъ льдомъ и открытымъ моремъ. Волны ворочали цѣлыя поля льду, то ставили ихъ на ребро, то ударяли ими однимъ другое, то погружали на дно, то опять выкидывали на поверхность. Движеніе это сопровождалось трескомъ и шумомъ; выплывая изъ бездны, льдины выносили на себѣ зеленый илъ.

Пробѣжавъ нѣсколько верстъ въ другомъ направленіи, путешественники нашли значительное пространство льду, очень тонкаго, во многихъ мѣстахъ изломаннаго, и покрытаго морской водой. Это показывало близость совершенно открытаго моря, и господинъ Врангель разсудилъ не пускаться далѣе. Ктому жъ у него было только на четыре дня продовольствія для собакъ, а ближайшій складъ припасовъ находился въ двухъ стахъ верстахъ и зима приближалась къ концу. Соображивъ всѣ обстоятельства, онъ рѣшился, не медля, бѣжать назадъ, преодолѣвъ многія затрудненія, и прибывъ, пя-

того мая, въ Нижне-Колымскѣ, после пятидесяти-семидневнаго отсутствія, продолженія котораго сдѣлалъ онъ тысячу триста пятьдесятъ пять верстъ.

Но неудача трехъ опасныхъ попытокъ открыть предполагаемый на сѣверѣ материкъ ни сколько не охладила смѣлаго и предприимчиваго лейтенанта, и онъ отъѣхалъ на четвертую, предполагивъ выступить въ путь отъ пункта, лежащаго дальше къ востоку. Съ этою цѣлью путешественники поѣхали поприбрежному мѣду къ Шелагскому Мысу. Осьмого марта обѣзжали они мысъ и тутъ же встрѣтились съ Чукчами, изъ которыхъ одинъ, маленький старичокъ, отрекомендовавшись имъ начальникомъ племени, сказалъ, что съ утесовъ у устья рѣки, между Шелагскимъ Мысомъ и Нордъ-Капомъ, въ ясный лѣтній день бываютъ видны, въ большомъ разстоянїи къ сѣверу, покрытыя снѣгомъ горы, но что зимою ихъ нельзя видѣть; что въ прежнія времена съ моря на берегъ прихаживали олени, но теперь, будучи напуганы охотниками и волками, они уже не показываются. Раставшись съ этимъ болтуномъ, господинъ Врангель продолжалъ путь на востокъ, проѣхалъ еще верстъ пятьдесятъ, и достигъ небольшого острова, который туземцы называютъ Амгаотонъ, и который онъ назвалъ «Шалауровымъ», въ честь храброму офицеру, заслужившему эту дань своимъ мужествомъ, терпѣнїемъ, предприимчивостью и наконецъ смертью. Отсюда путешественники, тринадцатаго марта, пустились уже прямо къ сѣверу и проѣхали около двадцати верстъ по довольно гладкой поверхности, но четырнадцатаго числа встрѣтили большіе бугры, и при всѣхъ старанїяхъ, пролагая себѣ дорогу ломами, къ ночи подвинулись только версты на три. Въ слѣдующій день успѣли они проѣхать немного болѣе. Измѣривъ глубину моря, они нашли девятнадцать сажень, грунтъ — илъ съ пескомъ. Господинъ Врангель убѣдился въ невозможности продолжать путь со всѣмъ поѣздомъ, и

потому что саней осесть самой легкой, а саней съ ингур-
мента Мазининъ, въ сопровожденіи пяти налетъкъ,
справился далѣе. Едва успѣли они пуститься въ доро-
гу, какъ были остановлены сильнымъ вѣтромъ и ош-
лины. Ночью свирѣствовала буря, и ледъ наломался,
такъ, что путешественники двинулись по утру на об-
ломленной дѣлнѣ, имѣвшей около пятидесяти сажень
въ диаметръ. Бурю раскачивало нѣтъ во всю сторону, и
преимущественно между нѣтъ льдиной и другими раздвиги-
лись кругомъ на пятнадцать сажень. Къ счастью, на
другой день по утру вѣторъ перемѣнился, и облом-
нивая обломки снова присоединялись къ общей массѣ:
такимъ образомъ путешественники избавились отъ опас-
ности и начали подаваться впередъ, то пробираясь ме-
ду буграми, то оглябая широкія трещины, или быстро
перезжая черезъ вновь образовавшійся ледъ, который
ломался за ними же. Наконецъ они попали на плоскую
полосу, около пяти верстъ шириною, покрытую тон-
кимъ слоемъ только-что образовавшагося льду. Каза-
лось, будто эта полоса не имѣетъ конца ни къ востоку,
ни къ западу, и путешественники долго совѣтовались,
можно ли черезъ нее переехать. Господинъ Врагъль
рѣшился попытать счастья и, благодаря проворству со-
бакъ, отвага его вознаградилась полнымъ успѣхомъ.
Передовая саня нѣсколько разъ проваливалась; но со-
баки, чуя опасность и одушевляясь криками поганщи-
ковъ, мчали ихъ съ такой быстротой, что сѣдоки не
успѣвали погрузиться въ воду. Остальные три саней
слѣдовали за ними съ такою же скоростью, выби-
рая мѣста, гдѣ ледъ казался надежнѣе, и наконецъ
вся благополучно очутились на сѣверной сторонѣ опас-
ной полосы, и остановились, чтобы дать отдыхъ соба-
камъ.

Дальнѣйшее странствованіе ихъ было сопряжено съ
такими же опасностями, и прибавился еще недостатокъ
въ корму для собакъ. Двое саней были отправлены въ

оладу. При путешествіяхъ остались только два нарты, и съ этими-то маленькими поездами авторъ рѣшился продолжать свое предприятие. Скоро онъ увидѣлъ, что по всему горизонту отъ озера-запада къ сѣверо-востоку поднимается густой снѣгъ шаръ, означеній въ тѣхъ странахъ близость открытаго моря. Наконецъ онъ врізхалъ къ краю широкаго отверстія, которое въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣло не менѣе ста пятидесяти сажень и простиралось на необозримое пространство къ западу и востоку. Легко вообразить, какъ бѣжалъ огорченъ предприимчивый путешественникъ при видѣ возможности переправиться черезъ этотъ проливъ уничтожающій все его надежды. Съ вершины высокаго ледянаго холма, онъ осматривалъ обширное пространство къ сѣверу. Передъ нимъ лежалъ неизвѣрнмый океанъ, и это зрѣлище наполняло душу его глубокой грустью. Страшная сила волнъ воречала огромныя льдины, плававшія на взволнованной поверхности пролива, и съ яростью ударила ихъ о край ледянаго поля на противоположной сторонѣ. Отъ жестокихъ ударовъ безпрестанно являлись новыя ледяныя обломки, и очевидно было, что ледь, отдѣляющій проливъ отъ открытаго моря, скоро совсѣмъ сокрушится. Между-тѣмъ, вокругъ путешественниковъ и позади ихъ безпрестанно дѣлались трещины. Съ горькимъ чувствомъ сознались они тогда въ невозможности одолѣть преграды, поставленныя самою природою, и, всѣ-еще вѣря въ существованіе сѣвернаго материка, принуждены были однако жъ отказаться отъ цѣли, для которой перенесли столько трудовъ и опасностей втеченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ.

Обратное путешествіе ихъ сопровождалось такими затрудненіями, какихъ они еще не встрѣчали до того времени; собаки были изнурены; провизія подходила къ концу. Проѣхавъ три версты, они потеряли свой старый слѣдъ, который скрылся подъ вновь образовавшіеся буграны и разсѣлинами. Господинъ Врангель бро-

силъ часть своихъ припасовъ, прѣхавъ еще версты двѣ, и увидѣлъ себя окруженнымъ потоками воды, которые къ востоку сливались съ моремъ, покрытымъ плавающими льдинами и темными испареніями, облепавшими весь горизонтъ. Такимъ образомъ путешественники были заперты со всѣхъ сторонъ, и въ этомъ положеніи рыпились они ожидать ночи, надѣясь, что ночной морозъ доставитъ имъ возможность выбраться изъ опасности. Легкій вѣтерокъ, поднявшійся ночью, мало-помалу придвинулъ ледяной островокъ, на которомъ они находились, къ большой равнинѣ льдовъ, простиравшейся къ югу. Чтобы перейти пространство, оставшееся между островкомъ и равниною, они зацѣпали вокругъ себя шестами льдины, и такимъ образомъ составили рядъ моста, который отъ ночнаго морозу получилъ достаточную степень твердости, такъ, что могъ сдерживать ихъ на себѣ. Утромъ, двадцать седьмого числа, передъ восхожденіемъ солнца, они переправились черезъ этотъ мостъ, но едва проѣхали версту, какъ опять запутались въ лабиринтъ потоковъ. Между-тѣмъ погода предвѣщала бурю. Они хотѣли какъ-нибудь выбраться, но льдина, на которой стояли, имѣла сажень семьдесятъ пять въ ширину, а всѣ другія были гораздо меньше, и имъ нечего было дѣлать какъ ждать на ней спасенія по волю Божіей. Вдругъ подулъ сильный восточный вѣтеръ и немноге чрезъ въ полъ-часа превратился въ настоящую бурю. Льдина ихъ металась во всѣ стороны; они каждую минуту ожидали смерти. Такъ прошло три часа. Льдина всё-еще была невредима. Но вдругъ взвился вихрь: она попала подъ его колесо, ударилась о другія льдины, и разсыпалась въ дребезги. Въ эту ужасную минуту, когда гибель казалась уже неизбѣжною, путешественниковъ спасло невольное чувство самосохраненія. По инстинкту, они всѣ вдругъ кинулись въ сани и крикнули на собакъ: тѣ полетѣли по рыхлымъ обломкамъ ледяной массы,

и черезъ несколько секундъ остановились на твердомъ льду, у группы бугровъ.

Такимъ образомъ господинъ Врангель чудесно избежалъ отъ смерти. Но страданія этихъ не кончились. Уже почти не оставалось съвстныхъ припасовъ. Штурманъ Козьминъ отправился въ пустыхъ саняхъ къ северу, въ надеждѣ застрѣлить медвѣдя, и воротился безъ добычи. Между-тѣмъ до ближайшаго склада было триста шестьдесятъ верстъ, а корму для собакъ едва оставалось на трое сутокъ. Господинъ Врангель уже рѣшился пуститься прямо на югъ, съ тѣмъ чтобы сватать, пока будутъ живы собаки, а какъ повернутъ, то идти пешкомъ. И вообразите его радость, когда, несмѣя столь отчаяннаго намѣренія, онъ неожиданно встрѣтилъ партію Матюшкина, который, исполнивъ порученныя себѣ разысканія, везъ съ собою множество всякаго рода запасовъ!

Чтобы не оставить ничего неиспытаннымъ на пользу предпріятія, авторъ еще зашелъ берегамъ къ восточу за Нордъ-Капъ и достигъ до Коллюкинскаго Острова, который, по его мнѣнію, тотъ же Куновъ островъ, *Vingney's Island*, и которымъ оканчивается описаніе капитана Вилкинса, начавая отъ Берингова Провла. Неудна эта однако же не принесла ни какихъ важныхъ результатовъ: преодолевъ еще нѣсколько новыхъ затрудненій, экспедиція наконецъ должна была пуститься въ обратный путь.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ПОЯВЛЕНИЕ СЪВЕРНЫХЪ СІЯНІЙ И ВОЗДУШНЫХЪ КАМНЕЙ. *Замѣчанія господь Коллы и Кетлѣ.* Девятнадцатаго ноября, новаго стиля, директоръ обсерваторіи въ Пармѣ, господинъ Colla наблюдалъ съверное сіяніе, которое можно почесть важнымъ по тому уваженію, что оно приходится именно въ ту эпоху года, когда съверныя сіянія замѣчаются почти повсемѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, по изслѣдованіямъ господина Коллы, это съверное сіяніе почти всегда въ тотъ же самый день ежегодно замѣчаемо было въ Пармѣ съ 1827 по 1840. Директоръ обсерваторіи въ Брюсселѣ господинъ Quetelet, которому сообщено было это извѣстіе изъ Пармы, помѣстилъ въ *Annaire de l'Observatoire de Brusseles pour 1841*, множество другихъ примѣровъ періодическаго возвращенія съвернаго сіянія въ извѣстные мѣсяцы и числа. Такимъ образомъ, надобно думать, что эти явленія, подобно падающимъ звѣздамъ, слѣдуютъ определенному закону. Мало этого: ученый брюссельскій астрономъ, къ списку періодическихъ съверныхъ сіяній, присовокупилъ еще списокъ ежегодныхъ періодическихъ паденій аэролитовъ, или воздушныхъ камней. Кажется, что аэролиты преимущественно любятъ сыпаться съ воздуха на землю дважды въ годъ, отъ двадцать-шестаго до двадцать-девятаго іюля и отъ седьмаго до десятаго августа, новаго стиля: въ эти дни, какъ видно изъ списковъ господина Кетлѣ, непременно гдѣ-нибудь падаютъ воздушные камни, такъ, что столь регулярнаго ихъ появленія никакъ нельзя приписать слѣпому случаю. Кромѣ этихъ двухъ эпохъ, кажется, есть еще нѣсколько другихъ определенныхъ дней въ году, когда повторяется тотъ же самый замѣчательный феноменъ.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЛУНЫМИ ФАЗАМИ И КОЛИЧЕСТВОМЪ ДОЖДА. *Изслѣдованія господина Говарда.* Метеорологія до-сихъ-поръ постоянно была повсемѣстная

простонародныя мнѣнія о связи лунныхъ фазъ съ перемѣнами воздуха въ нашей атмосферѣ. Нѣкоторые однако жъ, и между прочими господинъ Араго, ссоображая метеорологическія наблюденія за многіе десятки годовъ, соглашались въ последнее время, что въ полнолуніе дѣйствительно идетъ больше дожда нежели въ другія перемѣны луны. Недоразумѣнія въ этомъ случаѣ вѣроятно происходили отъ способовъ вычисленія. Обыкновенно брали въ расчетъ, или три первые дня фазы, или цѣлую лунную неделю. Господинъ Howard, въ запискѣ, читанной въ собраніи лондонскаго Королевскаго Общества, беретъ напротивъ три послѣдніе дня оканчивающейся, и три первые дня начинающейся, лунной перемѣны, такъ, чтобы самый лень фазы находился въ серединѣ взятаго періода, и находитъ, что, считая такимъ образомъ, можно примѣтить разительную соотвѣтственность между фазами и состояніями погоды. Изъ соображенія четырехъ соотъ семнадцати перемѣнъ луны отъ 1815 по 1823 годъ, онъ выводитъ слѣдующее правило: въ послѣднюю четверть барометръ достигаетъ самаго высшаго столнія, температура бываетъ нѣсколько ниже средней, и количество дожда—самое малое; въ новолуніе барометръ опускается, температура бываетъ самая низкая и пропорція дожда усиливается; далѣе, въ первую четверть, новое пониженіе барометра и новое усиленіе количества дожда, но воздухъ становится теплѣе; наконецъ зъ полнолуніе, барометръ и термометръ находятся въ самомъ низкомъ столніи, и дождя обильнѣе чѣмъ во всю прочія фазы. Поэтому, приближеніе послѣдней четверти можно почитать признакомъ улучшенія погоды и температуры: по-крайней-мѣрѣ можно держать пари три противъ двухъ, что около этого времени на дворѣ будетъ тепло и сухо.

ПАДЕНІЕ РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ЗЕРЕНЪ ИЗЪ АТМОСФЕРЫ.
 Паденію съ неба рыбъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, о которомъ такъ долго спорили, не подлежатъ нынче сомнѣнію. Но никогда еще кажется не было замѣчаемо паденіе растительныхъ зеренъ. Полковникъ Sykes пишетъ изъ Бомбея, что двадцать четвертаго марта 1840 въ Раджестъ, Бомбейской области, во время сильной грозы, вдругъ повалилъ дождь и

кихъ-то семянъ. Огромное количество этихъ зернъ упало, не только въ городъ, но и въ его окрестностяхъ, на большомъ пространствѣ. Образчики ихъ присланы Обществу Англійскихъ Ученыхъ; но ботаники не могутъ опредѣлить, какому растенію принадлежатъ эти семена: полагаютъ однако жъ, что ихъ можно отнести къ какой-нибудь породѣ *spartium* или *visis*. Жители Раджкета были тѣмъ болѣе изумлены подобнымъ явленіемъ, что падавшія въ видѣ дождя семена вовсе имъ не извѣстны и не происходятъ ни отъ одного изъ растеній, разводимыхъ или добровольно растущихъ въ томъ краю. Но удивительнѣе всего то, что паденіе такого огромнаго количества зернъ случилось въ самомъ началѣ весны, то есть, въ такое время года, когда ни какія семена не созрѣваютъ и давно уже, или превратились въ растенія, или истлѣли на землѣ. Неужели они всю зиму носились въ воздухѣ?

ИСПАРЕНИЕ КОСТЕЙ И ОБНОВЛЕНИЕ ИХЪ ВЪ ЖИВОТНОМЪ ТѢЛѢ. *Новыя наблюденія господина Флурана.* О прежнихъ опытахъ господина Flourens мы уже говорили. Въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ онъ снова представилъ парижской академіи наукъ кости животныхъ, кормленныхъ нѣсколько времени первою. Въ первыхъ своихъ опытахъ онъ пилилъ кости поперегъ: нынче онъ были распилены вдоль, чтобы видѣть, какимъ образомъ происходятъ измѣненія ихъ на оконечностяхъ и въ суставахъ. Во всѣхъ костяхъ, по красному слою, образовавшемуся во время кормленія животнаго червюй, и по бѣлому, наростшему потомъ вокругъ него во время кормленія обыкновенною пищей, явственно видно, гдѣ оканчивалась кость до принятія червы, и сколько она выросла вдлину съ того времени. Но замѣчательно, что на круглыхъ оконечностяхъ кости никогда не бываетъ краснаго слоя. Изъ этого должно заключить, что въ толщину кости нарастаютъ новыми слоями извнѣ, между тѣмъ какъ въ длину онѣ получаютъ простое прибавленіе массы по оконечностямъ: головка кости, бывшая въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается продольная красная черта, вся исчезаетъ; взамѣстъ ея образовалась совершенно новая головка далеко отъ этой точки. Не менѣе удивительно въ этомъ слу-

чаѣ быстрота кореннаго обновленія костей въ животныхъ: послѣ шести-мѣсячнаго обыкновеннаго корму, въ поросенкѣ уже нѣтъ слоя, наростаго втеченіи шести мѣсяцевъ кормленія его первой; онъ весь испарился внутрь. Такимъ образомъ, послѣ опытовъ господина Флурана, уже не подлежитъ ни какому спору, ни сомнѣнію, что частей, бывшихъ еще недавно въ животномъ тѣлѣ, сегодня уже не существуетъ, а черезъ нѣсколько времени не будетъ существовать и тѣхъ, которыя теперь въ немъ видимъ: новая матерія займетъ мѣсто прежней, всѣ части органической машины совершенно возобновятся, и въ этомъ непрерывномъ обновленіи вещества, форма почти не измѣняется. Таковъ коренной законъ всѣхъ организмовъ. Для природы, во всемъ, что одарено жизнью, *форма* несравненно важнѣе *матеріи*: послѣднюю она употребляетъ только какъ орудіе высшаго таинственнаго начала, и выбрасываетъ это орудіе изъ тѣла, какъ скоро оно ей прислужило нѣсколько времени; но *форма*, типъ — вѣчное видимое проявленіе идеи вѣчной и невидимой Силы, изъ которой жизнь проистекаетъ.

НОВОЕ СВѢТОПИСНОЕ ОТКРЫТІЕ ГОСПОДИНА ТАЛЬБОТА. Возьмите листокъ Тальботовой бумаги, поставьте его передъ какимъ-нибудь освѣщеннымъ видомъ или предметомъ въ камеру-обскуру и черезъ нѣсколько секундъ выньте обратно. Разсматривая его со свѣчой въ темной комнатѣ, не увидите на немъ ни какого изображенія. Между-тѣмъ изображеніе уже существуетъ во всемъ совершенствѣ. Простымъ средствомъ, которое господинъ Тальботъ обѣщаетъ скоро обнародовать, можно заставить эту невидимую картинку вдругъ явиться глазамъ какъ-бы по волшебству. Но вотъ, что всего примѣчательнѣе: незримое изображеніе можно сохранить въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и потомъ вывести его наружу съ тою же чистотою отдѣлки, какую оно имѣло бы въ первую минуту. Это открытіе будетъ очень полезно для колдуновъ и для людей, у которыхъ много секретовъ. Снявъ съ кого-нибудь невидимый портретъ въ нѣсколько секундъ, при помощи средства господина Тальбота можете съ нѣкоторое время вдругъ создать точное изображеніе этого лица въ ея отсутствіе; или, если угодно,

можете употребить Гальботову бумагу для тайной переписки. Нѣтъ ничего безопаснѣе этихъ листковъ. Если письмо попадетъ въ руки любопытнаго челоуѣка, и онъ его вскрыетъ, листокъ, наведенный, какъ извѣстно, азотно-кислымъ серебромъ, или адскимъ камнемъ, тотчасъ весь почернѣетъ отъ дневнаго свѣту, и написанная на немъ тайна навѣки исчезнетъ; одинъ только вашъ корреспондентъ, съ которымъ вы предварительно условились, и которому сообщили магическое средство, будетъ въ состояніи прочесть ваше посланіе. Для любовниковъ это — безцѣнное изобрѣтеніе!

ЛОНДОНЪ ВЪ 1840 ГОДУ. *Новый городъ. Жизнь холостяковъ, клубистовъ и семейныхъ людей. Распределенія дня. Врачи. Воскресеніе. Страсть къ знатности. Народонаселеніе Лондона, простирающееся уже за полъ-милліона, возрастаетъ безпрестанно. Улицы распространяются во все стороны горизонта. На востокъ и сѣверъ промышленность строитъ фабрики, раскаляетъ горны, открываетъ мастерскія, на югъ и западъ, въ новыхъ кварталахъ, выстроенныхъ вдали отъ шума мануфактуръ и облакъ дыму, селятся богатые люди. Вотъ какъ возникаютъ эти новые кварталы. Компанія занимаетъ на девять десятыхъ девять лѣтъ у какого-нибудь владѣльца извѣстное пространство земли, и на ней воздвигаетъ новый городъ. Каждый вновь выстроенный домъ ежегодно платитъ владѣльцу земли небольшой взносъ; зданія принадлежатъ компаніи. По прошествіи ста лѣтъ, кварталъ и земля будутъ принадлежать второму или третьему поколѣнію наследниковъ этого владѣльца, и оно станетъ благословлять своего прадѣда за то, что онъ завѣщалъ имъ цѣлый городъ вмѣстѣ съ какимъ-нибудь паркомъ или загороднаго дому. Обыкновенно, въ этихъ новыхъ частяхъ города, сперва проводятся большія улицы, составляющія продолженіе уже существующихъ улицъ стараго Лондона; потомъ назначаютъ мѣста для двухъ или трехъ площадей, и тутъ строятъ церкви, соразмѣрныя съ числомъ домовъ новаго квартала: церкви служатъ центрами, куда сходятся новыя улицы. Главнѣйшія изъ этихъ улицъ застраиваются домами для богатыхъ семействъ, а по бокамъ помѣщаются лавки, магазины, и ремесленничьи мастерскія.*

Компанія отдаетъ въ наймы или продаетъ свои дома тоже на девяносто девять лѣтъ, и получаетъ отъ этого огромныя барыши. Быстроѣа, съ какою строятся здѣсь каменные дома, изумительна. Вотъ примѣръ. Еще въ мартѣ 1839 позади педдингтонскихъ кварталовъ простиралась обширная равнина : черезъ одиннадцать мѣсяцевъ, на этомъ пустырѣ выросъ городъ шириною въ цѣлую версту. То же самое происходитъ и въ другихъ мѣстахъ. Новые кварталы тотчасъ продаются или отдаются въ наймы, и народонаселеніе въ центрѣ города ни сколько не уменьшается : каждый негодіантъ, каждый торгашъ, каждый ремесленникъ, всѣми силами старается заработать столько денегъ, чтобы его семейство могло жить въ той части города, гдѣ не такъ душно какъ въ самомъ центрѣ вѣчныхъ дѣлъ и всемірной торговли, а этотъ центръ тотчасъ населяется семействами новыхъ охотниковъ трудомъ наживать имѣніе.

Одно обстоятельство въ особенности отличаетъ Лондонъ отъ прочихъ столицъ. Въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Римѣ, Туринѣ, самыя разнородныя дома стоятъ одинъ подле другаго : гостинница для прѣзжающихъ, мастерская портнаго или сапожника, находятся рядомъ съ дворцами людей знатныхъ и богатыхъ ; рѣдко въ трехъ смежныхъ квартирахъ живутъ жильцы одинаковаго званія, и по улицѣ не возможно опредѣлить состоянія челоука. Въ Лондонѣ, напротивъ, каждая улица, каждый кварталъ, предназначены известному классу, и назначеніе это не измѣняется. Въ улицѣ Baker-Street, поселяются только люди, проживающіе въ годъ, по-крайней-мѣрѣ, сорокъ тысячъ рублей. На Grosvenor или Belgrave-Square, нельзя нанять дому не имѣя отъ двухъ сотъ тысячъ до пяти сотъ тысячъ рублей дохода, и такъ далѣе. Когда кто назоветъ вамъ часть города или улицу, гдѣ онъ живетъ, вы можете навѣрное сказать, какъ велико его видимое состояніе : видимое, — потому что часто блестящая бѣдность царствуетъ въ этихъ роскошно убранныхъ палатахъ. Сколько такихъ семействъ, которыя живутъ открыто, а между-тѣмъ никто не знаетъ откуда они берутъ деньги и какъ пользуются кредитомъ, при помощи котораго дурачатъ своихъ поставщиковъ!

Но не одною тою дружиною Лондонъ не похожъ на

столицы твердой земли : частная жизнь тамъ имѣетъ также свою особенную физиономію. Въ Лондонѣ три рода жизни, семейная, клубная и холостая.

Клубы, это — огромныя зданія, выстроенныя бѣльшю частью съ необузданною роскошью. Тутъ собрано все, что только нужно для самой комфортабельной жизни, — мягкая мебель самыхъ затѣйливыхъ фасоновъ, разливное море ковровъ, зеркала и бронзы, отборныя библіотеки, всѣ новѣйшія книги, всѣ важнѣйшіе журналы земнаго шара, роскошныя столовыя, отличный столъ, множество шегольски одѣтыхъ лакеевъ, ванны, уборныя, кабинеты : и все это предоставляется въ полное владѣніеи наслажденіе ваше за сто или полтора ста рублей въ годъ. Каждый клубъ имѣетъ отъ трехъ сотъ до пяти сотъ членовъ, которыхъ политическія мнѣнія, поприща, занятія и привычки, всегда одинаковы. При выборѣ новаго члена, строго соблюдается уставъ клуба, и оттого въ заведеніи царствуютъ согласіе и порядокъ. Постоянные носѣтителн одного клуба обыкновенно нанимаютъ себя, по-близости, маленькія квартиры, гдѣ они только встучаютъ и завтракаютъ; а на все остальное время дня отправляются они въ свой общій веселый и богатый домъ : здѣсь они обѣдаютъ, играютъ, читаютъ, пишутъ, бесѣдуютъ до ночи, если не намѣрены идти вечеромъ въ театръ или въ другое общество. Этотъ образъ жизни, что бы ни говорили противники клубовъ, очень пріятенъ : за умеренную цѣну, вы имѣете всѣ удобства жизни, которыми нѣтъ возможности пользоваться въ своемъ собственномъ домѣ безъ огромнаго состоянія. Маленькія взрослыхъ дочерей жалуются, что эти заведенія умножаютъ число старыхъ холостяковъ : не видно, однако жъ, чтобы въ Лондонѣ число старыхъ дѣвъ было больше чѣмъ во всякой другой столицѣ Европы.

Образъ жизни холостяковъ, bachelors, совершенно другой ; къ этой категоріи принадлежатъ чиновники, биржевые маклеры, канторщины, прикащики и молодые купцы. Будущность каждаго изъ нихъ зависитъ отъ труда : они очень хорошо знаютъ, что никогда не успѣютъ въ трудѣ, если будутъ тратить больше чѣмъ получаютъ доходу. Для человека трудолюбиваго и хорошей нравственности,

котораго занятія кончаются не ранѣе какъ въ пять часовъ, уединеніе — мука. Въ Лондонѣ, гдѣ вечера несносны для всякаго, у кого мало друзей, гдѣ дневные хлопоты придаютъ неопытнѣющую прелесть вечерней бесѣды, трое или четверо молодыхъ людей, хорошо знающіе характеры и вкусы другъ друга, обыкновенно заключаютъ союзъ: нанимаютъ спокойный домъ, берутъ двухъ или трехъ слугъ, и живутъ съ-обща. Одинъ беретъ на себя вина, другой съѣстные припасы, третій чай, кофе, сахаръ, и такъ далѣе. Утромъ они сходятся, завтракаютъ, и разговариваютъ съ полъ-часа; потомъ каждый идетъ по своимъ дѣламъ, и уже они не видятся до шести часовъ вечера. Въ эту пору кончаются всѣ работы въ конторахъ, и союзники собираются къ обѣду; рѣдко одинъ: каждый, имѣетъ право пригласить къ себѣ своихъ друзей, и такимъ образомъ очень пріятно проходитъ у нихъ вечеръ, потому что кругъ занятій каждаго всегда болѣе или менѣе различенъ: слѣдовательно, анекдоты и новости почерпаются попеременно изъ разныхъ источниковъ. Въ такомъ образѣ жизни не можетъ существовать однообразія. Каждый въ четыре раза болѣе наслаждается довольствомъ и удобствами, нежели сколько могъ бы имѣть ихъ живя одинъ. Иныя холостыя семейства издерживаютъ ежегодно до двѣнадцати тысячъ рублей: каждый членъ платитъ двѣсти или полтора гиней, и пользуется такими удобствами, для которыхъ, если бъ жить одному, надобно было бы имѣть по-крайней-мѣрѣ полтора тысячу доходу. Когда состояніе позволяетъ имъ подумать о женитьбѣ, они оставляютъ свои «семейства», и женятся; и женщины сознаются, что изъ нихъ вообще выходятъ самые лучшие мужья. Дѣйствительно, проживъ нѣсколько лѣтъ въ холостомъ семействѣ, молодой человекъ уже знаетъ по опыту, какъ надобно жить въ женатомъ: онъ любитъ свой уголокъ, знакомъ съ хозяйствомъ, и умѣетъ подчинять свой нравъ и свои вкусы праву и вкусамъ своей новой сожительницы, ради сохраненія миру и согласія.

Для Англичанина, въ словѣ *семейство* заключается вся жизнь. Лондонъ — единственный городъ въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ семейная жизнь уважается больше всего, гдѣ любовь къ домашнему быту обратилась въ страсть, и гдѣ все содѣй-

ствуесть къ ея развитію. Опрятность, доведенная до крайне утонченнаго изящества, даже до мелочности, царствуетъ во всѣхъ домахъ и заведеніяхъ. Съ ранняго утра, всѣ слуги въ домъ сметають малѣйшіе слѣды пыли, возвращая каждой задвижкѣ, каждому замку, каждой металлической вещицѣ, тотъ самый блескъ, которымъ они отличались въ день выходу своего изъ рукъ ремесленника. Въ осемь часовъ вся работа кончена, и слуги расходятся на кухню и по своимъ комнатамъ. Англичанинъ-слуга не долженъ, и не захочетъ самъ, явиться передъ своимъ господиномъ или передъ чужимъ человѣкомъ иначе какъ опрятно одѣтый. Въ половинѣ девятаго всѣ сходятся къ первому завтраку, который состоитъ изъ чаю, жареной дичи, соленыхъ и копченыхъ мясъ, масла, сыровъ, и прочая. Они уже одѣты съ такимъ тщаніемъ, что могли бы итти прямо на самый нарядный визитъ. Даже въ семейномъ кругу, никому не позволено быть еп *pegligé*, и халатъ остается въ спальнѣ, куда никто не смѣетъ войти кромѣ слугъ и доктора. Пока старшіе въ семействѣ сидятъ еще за столомъ, дѣти, напившись чаю, уходятъ въ *nursery* или учиться. Тутъ приносятъ журналы, и всѣ принимаются за чтеніе. Политика — любимый предметъ разговоровъ за первымъ завтракомъ, который продолжается съ часъ; послѣ чего всѣ расходятся: отецъ, съ старшими сыновьями, отправляется по дѣламъ, — верховыя лошади, набріолеты или омнибусы отвозятъ ихъ въ городъ или въ присутственныя мѣста; мать съ дочерьми, до часу, занимается рукодѣліемъ и распоряженіями по хозяйству. Въ часъ подается второй завтракъ, *luncheon*, который въ то же время и обѣдъ маленькимъ дѣтямъ и *nursery governess*, то есть, младшей гувернанткѣ, присматривающей за ними. Родные и знакомые, пріѣзжающіе въ это время съ визитами, завтракають вмѣстѣ, вторично, стоя вокругъ стола: тутъ подаются котлеты, жареная баранина, картофель и пудингъ, безсмынное блюдо дѣтей, которому Англичане приписываютъ ихъ свѣжій цвѣтъ лица и здоровое сложеніе. Дѣти остаются около часу съ матерью, и рассказываютъ ей, какъ вели себя и чѣмъ занимались въ продолженіи утра. Мать входитъ въ малѣйшія подробности воспитанія, совѣтуется съ гувернанткой, разсуждаетъ съ ней о способностяхъ и слабо-

стѣхъ каждаго ребенка , который всегда долженъ помнить , что на немъ самомъ лежитъ ответственность за свои проступки. Въ этомъ-то и заключается главное преимущество англійскаго воспитанія : ребенка приучаютъ располагать самимъ собою, помогая ему, но такъ, чтобъ онъ вовсе не подозревалъ этого, взвѣшивать всѣ послѣдствія своей дѣтской воли, и потомъ, безъ упрековъ и безъ утѣшеній, оставляютъ его наслаждаться плодами своихъ поступковъ или страдать отъ нихъ. Этотъ образъ воспитанія, начинаясь въ дѣтской и оканчиваясь въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, сильно развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ чувства собственнаго достоинства, и научаетъ его основывать каждый поступокъ свой на правилахъ религіи, приличія и справедливости. Каждый день, хорошая мать семейства, въ извѣстный часъ, собираетъ своихъ дѣтей, и читаетъ имъ одну главу Библии, и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяетъ она себѣ не исполнять этой обязанности. Такимъ образомъ матери успѣваютъ внушить ту любовь къ Священному Писанію и то сильное религіозное чувство, которыми отличаются Англичане въ наше время между всеми народами западной Европы. На каждое пріятное происшествіе, на каждый случай младенческихъ лѣтъ, мать приписываетъ приличный текстъ, будучи увѣрена, что, следуя этой методѣ, воспоминанія о родительскомъ домѣ, связанныя съ религіею, въ дни несчастія будутъ дѣйствовать сильнѣе и съ бѣльшею пользою на сердце дѣтей ея, нежели правильное правоученіе, которое, читая умъ, часто вовсе не трогаетъ сердца.

Послѣ luncheon, или втораго завтрака, дамы и мужчины, не заняты ни какимъ особеннымъ дѣломъ, вѣздятъ съ визитами, въ магазины, въ парки, на выставки, и въ концерты, которые даются отъ двухъ до пяти и шести часовъ. Эти Лондонскіе концерты—вещь самая странная, самая неслыханная въ музыкѣ. У насъ, самый длинный концертъ состоитъ изъ двухъ увертюръ и шести соло, дуэтовъ или тріо, и два знаменитые скрипача, два піаниста, два віолончелиста, ни за чтѣ не станутъ играть въ одномъ собраніи, чтобы не подать поводу къ сравненіямъ, обиднымъ для того или для другаго; въ Англіи «знаменитости» должны отложить въ сторону свои самолюбія и, чтобы привлечь публику, соединиться

вѣе, сколько ихъ ни есть въ городѣ, въ одинокъ пирамидаль-
ный концертъ. Выпишемъ одну программу, для примѣру. Три знаменитыхъ скрипача (Беріо, Арто, Гауманнъ); пять знаменитыхъ піанистовъ (Листъ, Тальбергъ, Литтольсъ, мадамъ Дулькенъ, Герцъ); шесть знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ (Тамбурини, Лаблашъ, Ивановъ, госпожи Малибранъ, Джулія Гривз, мистрисъ Бишопъ); три знаменитыхъ віолончелиста (Сервè, Батта, и Шубертъ, который теперь находится въ Петербургѣ); два кларинета, три флейты, три гобоя, двѣ гитары, двѣ арфы, и увертюръ въ волю. Тридцать, тридцать пять шість — ни по чемъ для лондонскаго концерта, и въ концѣ еще вамъ разыграють полную симфонію Беттовена или ораторію Гайдна. Піесы слѣдуютъ одна за другой съ такою быстротою, что еще не кончились рукописанія одному артисту, какъ другой уже начинаетъ свой номеръ. Надо имать англійскія уши, чтобы безопасно проглотить слухомъ такую бездну звуковъ. Это — настоящее музыкальное столпотвореніе. Слушатели приходятъ и уходятъ непрерывно : каждый слушаетъ только любое, и, прослушавъ, уѣзжаетъ или идетъ гулять въ смежныя залы.

Концертныя билеты стѣять никакъ не больше полу-гиней, или двѣнадцати рублей ассигнаціями, какъ бы знаменита ни была знаменитость, которая даетъ концертъ. Для одной только Малибранъ сдѣлали исключеніе.

Въ шість часовъ вся возвращаются домой, и одѣваются, какъ-будто собираясь на балъ; мужъ съ женою, объдающіе tête-à-tête, также разодѣты, какъ-бы принимали у себя многочисленное общество. Всѣмъ извѣстно, изъ чего состоитъ англійскій объѣдъ, но не бывавшіе въ Англии едва-ли знаютъ, до какой степени простирается роскошь и изящество приборовъ и ливрей. Пиво рѣдко подается на столахъ людей хорошаго тону. Обыкновенныя напитки — хересъ и портвейнъ; для хорошихъ друзей, прибавляется бордо, рейнвейнъ, шампанское и эрмитажъ: другія вина, даже мадера, теперь не въ модѣ. Послѣ супу подають непременно рыбу, и хозяинъ предлагаетъ гостю распить рюмку вина вмѣстѣ, предоставляя ему выборъ. Хозяинъ наливаетъ сначала себя и отсылаетъ вамъ бутылку съ лакеемъ; вы наполняете свою рюмку, привод-

нимаєте ее, дѣлаете ему легкій поклонъ головой, съ положенною на подобный случай гримасою, и выпиваете, сколько хотите. Та же церемонія повторяется съ каждымъ изъ присутствующихъ. Если подлѣ васъ сидитъ дама и вы предлагаете ей *распитъ* съ вами вина, то она дѣлаетъ выборъ и вы прежде наливаете ей въ рюмку; но если вашъ сосѣдъ — мужчина, тогда наливаете себя первому. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ непременно надобно было осушить цѣлую рюмку при каждомъ вызовѣ; какъ бы обѣдъ ни былъ коротокъ, каждый гость, отъ котораго учтивость требовала распивать по цѣлой рюмкѣ съ каждымъ собесѣдникомъ, выходилъ изъ-за стола почти полу-пьянымъ. Послѣ второй перемѣны, состоящей изъ ростбифу, или жареной говядины, вареныхъ овощей и множества разныхъ соусовъ, которыми каждый, по своему вкусу, приправляетъ кушанье, подають личину и пудинги всѣхъ возможныхъ видовъ; потомъ убирають всѣ блюда, и передъ вами является во всей красѣ столъ отличной работы, который уставляютъ роскошнымъ десертомъ. Лакеи ставятъ передъ хозяиномъ графини съ виномъ, на серебряныхъ поддонникахъ, обдѣланныхъ снизу бархатомъ, для того чтобы они могли свободно передвигаться по столу, не царапая его блестящей поверхности. Хозяинъ сперва пьетъ самъ, потомъ передаетъ бутылки одну за другою гостю, сидящему подлѣ, этотъ передвигаетъ ихъ къ сосѣду, тотъ далѣе, и маневръ продолжается до тѣхъ поръ, пока графини, описавъ кругъ, не возвратятся на прежнее мѣсто. Послѣ того, каждый пьетъ уже на свой счетъ, не заботясь о сосѣдѣ. Черезъ четверть часа, хозяйка встаетъ: это знакъ, что дамы могутъ уйти въ другія комнаты. Разговоръ, до тѣхъ поръ занимательный для обо-его пола, измѣняется въ политическія или коммерческія пренія. Этотъ послѣдній періодъ обѣда продолжается съ часъ, такъ, что изъ-за стола не выходятъ ранѣе половины десятого. Впрочемъ, во многихъ домахъ, принадлежащихъ къ *high-life*, или высшей жизни, особенно въ тѣхъ, которыя стараются прослыть модными, старинныя бахчискія зашданія безъ дамъ уже не существуютъ. Послѣ десерта всѣ встають вмѣстѣ и идутъ въ гостиныя, совершенно въ благоприличномъ видѣ. Но еще нѣсколько лѣтъ тому, нѣли-

ство было въ такой модѣ, что переходило за предѣлы позволительнаго. Нынче оно въ общемъ презрѣно. Джентльменъ, который бы позволилъ себѣ войти въ гостиную съ хмельной головой послѣ подобнаго засѣданія, подвергается неприятности быть изгнаннымъ изъ дому хозяйкою.

По приходѣ мужчинъ въ гостиную, подаютъ чай или кофе; и тогда каждый старается всѣми средствами своего ума оживить бесѣду. Не услышите, однако жъ, ни пересудовъ ни насмѣшекъ, какъ это бываетъ въ Парижѣ. Дѣвушки свободно разговариваютъ и смѣются съ мужчинами, не боясь подать о себѣ дурное мнѣніе, не опасаясь, что, послѣ получасоваго разговору съ молодымъ человѣкомъ, на другой день будутъ уже сватать ее за него въ другомъ домѣ. Дамы, которыя поютъ или играютъ, не заставляютъ себя просить. Кадриля составляется безъ большихъ сборовъ. Столъ заваленъ прекрасными альбомами, богатыми альманахами и самыми новыми карикатурами. Вистъ располагается гдѣ-нибудь въ углу, вдали отъ танцующихъ, и полночь настаетъ незамѣтно. Иностранецъ, въ первый разъ прїѣхавшій на вечеръ въ англійскій домъ, и ожидавшій встрѣтить несносное однообразіе, скучные и холодные пріемы, не вѣритъ глазамъ своимъ при видѣ этой свободы, этой полноты жизни, этого искреннаго веселья: новый пришелецъ принять въ этомъ обществѣ, какъ-будто онъ давно былъ знакомъ съ семействомъ.

Попастъ въ англійское семейство очень не трудно, несмотря на увѣренія многихъ путешественниковъ въ противномъ; на это достаточно двухъ условій, — пужно быть порядочнымъ человѣкомъ и имѣть хорошія манеры. Когда отецъ семейства увидитъ, что вы человѣкъ хорошихъ правилъ, на котораго можно положиться, онъ протягиваетъ вамъ руку, и двери его дому на всегда для васъ открыты. Хозяйка, удостовѣрившись, что ваше обращеніе и одежда дѣлаютъ честь ея гостинной, жметъ вашу руку и допускаетъ въ свой кругъ. Васъ не спросятъ, какъ это водится вездѣ, какой у васъ чинъ, титулъ, какъ велики ваши доходы: васъ принимаютъ въ домъ всегда съ одинаковымъ радушіемъ. Но надобно, прежде всего, быть человѣкомъ порядочнымъ и воспитаннымъ, — а это, очень простое, условіе выполняютъ не все

путешественники. Для порядочнаго иностранца лондонская жизнь чрезвычайно пріятна. Превосходное распредѣленіе времени особенно способствуетъ къ этой пріятности. Утро и день здѣсь проводятъ въ занятіяхъ по дѣламъ; вечеръ исключительно посвящаютъ семейству. Отецъ бываетъ всегда первымъ зачинщикомъ веселостей. Молодой человекъ, почувствовавъ привязанность къ дѣвушкѣ, старается не дать этого замѣтить никому, не повѣряетъ своихъ чувствъ даже лучшему другу, долго изучаетъ характеръ молодой особы, и обыкновенно согласіе на бракъ дается ему прежде, нежели узнаютъ о томъ родители. Матери, которыя въ другихъ странахъ, первыя хлопчатъ о «пристроеніи» своихъ дочерей и надоедаютъ молодымъ людямъ своими въжливостями или своимъ карауломъ, здѣсь держатъ себя совершенно въ сторонѣ, даже изъискиваютъ средства къ свиданіямъ, не давая однако жъ замѣтить обвѣмъ сторонамъ своей помощи. Оттого здѣсь гораздо больше согласныхъ и ровныхъ браковъ чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и не удивительно, что семейная жизнь представляетъ столько прелести Англичанамъ.

Въ сельской жизни всѣ эти обыкновенія заключаютъ въ себя еще больше очарованія. Мы живемъ въ городахъ осенью и зимою, Англичане, напротивъ, весною и лѣтомъ. Кто въ этомъ случаѣ поступаетъ умнѣе?... Вы скажите — мы, а я скажу — нѣтъ, Англичане. Осенью и зимою мы запраемся въ города, которые въ то время — настоящія больницы; мы закупорены въ комнатахъ, и дышемъ во все время гадкий воздухъ, отравленнымъ язвами болѣзней и газами отъ свѣчъ и лампъ. Англичане осень и зиму проводятъ вдали отъ этихъ родниковъ хроническихъ недуговъ и ранней смерти, живутъ въ кругу семействъ, и, съѣзжаясь весною въ города, могутъ давать вечера и балы съ открытыми оконками, могутъ безопасно впускать свѣжій воздухъ въ комнаты, наполненные народомъ, и не подвергаются убійственнымъ простудамъ при выходѣ изъ душныхъ залъ. Они тутъ соединяютъ городскую жизнь съ загородною, живутъ въ одно время въ города и на дачѣ, даже большую часть баловъ, раутовъ и увеселеній даютъ на дачахъ, гдѣ изъ открытыхъ комнатъ безпрестанно переходите въ прелестно освѣ-

ценный садъ. Изъ Лондона все уѣзжаютъ въ концѣ іюля и возвращаются въ февраль и мартъ. Въ деревнѣ распределение времени точно такое же какъ въ городѣ: охота, визиты, ѣзда верхомъ, составляютъ удовольствія дня, вечеръ принадлежитъ семейной бесѣдѣ. Осенью, дурная погода рѣдко заставляетъ просидѣть дома два дня сряду: дороги такъ хорошо устроены, что никогда не портятся.

Все оуждають климатъ Англіи. Правда, столица и большіе города потоплены въ камено-угольномъ дымѣ и туманѣ; но въ загородныхъ мѣстахъ климатъ прекрасенъ.

Железные дороги нѣсколько измѣнили образъ загородной жизни. Прежде, тѣ, которыхъ дѣла требовали ежедневнаго присутствія въ Лондонѣ, на осень нанимали домъ въ девяти или десяти верстахъ отъ столицы, за предѣлами камено-угольнаго дыму. Теперь, почти на каждой живописной станціи желѣзной дороги, строятся многочисленныя сельскіе домики, изъ которыхъ быстро образуется мѣстечко. Теперь многіе, которые прежде круглый годъ оставались въ столицѣ, уѣзжаютъ за сорокъ и шестьдесятъ верстъ пользоваться деревенскимъ воздухомъ. Каждый вечеръ паровозы брайтонской, соутемптонской, гринвичской, гретъ-вестериской желѣзныхъ дорогъ, уносятъ огромныя массы городскихъ жителей и, на другой день, въ десять часовъ утра, привозятъ ихъ обратно въ Лондонъ. Эта ежедневная эмиграція горожанъ — главная причина благосостоянія желѣзныхъ дорогъ.

Какъ согласить добродушіе, обязательность и веселость, царствующія почти во всѣхъ англійскихъ домахъ, съ надмѣнностью, вольностью и незнаніемъ приличій, словомъ, со всеми недостатками, которыми жители Альбіона отличаются на твердой землѣ?

Англичане, которыхъ встрѣчаете на твердой землѣ, кажутся гордыми и чрезвычайно странными. Это зависитъ отъ разныхъ причинъ. Незнаніе языка, новостъ обычаевъ, и непривычка къ другому образу жизни, чрезвычайно затрудняютъ многихъ: они боятся показаться смѣшными, находятъ въ гордой скрытности лучшее средство избѣгнуть непріятностей, и уже слишкомъ далеко простираютъ свою предосторожность. Но очень многіе также уѣхали на твер-

дую землю именно потому, что они были смѣшны въ своемъ отечествѣ по недостатку въ воспитаніи, по странности своего характера, или по безтолковому своему поведенію. Одна изъ этихъ причинъ принудила и знаменитую леди Стенгопъ и безсмертнаго лорда Бирона удалиться изъ чиннаго англійскаго общества на твердую землю, чтобы избѣгнуть добровольно заслуженныхъ неудовольствій. Но есть и такіе, которые, вступивъ на твердую землю Европы, присваиваютъ себѣ знатность и титулы, вовсе имъ не принадлежащіе; и эти-то проидохи, корча лордовъ, и гордостью прикрывая свое ничтожество, болѣе всего вредятъ своимъ соотечественникамъ во мнѣніи иностранцевъ.

Конечно, не безъ того, чтобы и на англійской землѣ не было кое-какихъ странностей. Жители твердой земли, зная имена множества знаменитыхъ англійскихъ врачей, имѣютъ вообще неясное понятіе объ англійской медицинѣ. Мы ввѣряемъ попеченіе о нашемъ здоровьи только двумъ лицамъ, медику или хирургу, никогда аптекарю. Въ Англии для этого вы находите доктора, а doctor, потомъ физика, а physician, потомъ хирурга, а surgeon, потомъ еще химика, а chemist, и наконецъ аптекаря. Всѣ они лечатъ. Докторъ и физикъ (лекаръ) посѣщаютъ больного, а по выздоровленіи присылаютъ ему *счетъ*. Обыкновенная цѣна за каждый визитъ — гинея. Хирургъ, который немногимъ пониже физика, и химикъ, содержатъ въ то же время и родъ аптеки или настоящую аптеку: они посѣщаютъ больного даромъ, не прописываютъ рецептовъ, но присылаютъ лекарства, которые сами и приготавливаютъ. Аптекарь, an apothecary, продаетъ лекарства и не имѣетъ права лечить, однако жъ лечитъ потихоньку. Можно себѣ представить, сколько тутъ происходитъ злоупотребленій! Медиковъ-аптекарей безчисленное множество: въ Лондонѣ нѣтъ переулка, гдѣ бы не было врачующаго аптекаря. Чтобы не дѣлать по-пустому визитовъ, они заразъ присылаютъ лекарства въ ужасномъ количествѣ. Многіе богатые люди ввѣряютъ здоровье свое и своихъ дѣтей этимъ неучамъ. Есть примѣры, что на лекарства для четырехъ или пяти больныхъ дѣтей, втеченіи четырехъ мѣсяцевъ, выходило по триста и четыреста рублей серебромъ. Въ одномъ домѣ, для одного ребенка, за пять дней

такого леченія отецъ долженъ былъ заплатить массу доктору болѣе трехъ тысячъ рублемъ серебромъ. Между тѣмъ являть въ Англии задрокъ, пища превозможна, удовольствія ни безчисленны, и болѣзни несравненно рѣже и слабѣе чѣмъ на твердой землѣ. Но, во шлестѣ этого неустройства врачебной части, Англичане удивительно пристращаются къ заусу-лекарствъ, и принимаютъ ихъ по привычкѣ; предразсудокъ такъ укоренился, что докторъ, какъ бы онъ ни былъ искусствъ, теряетъ доверіе своихъ больныхъ, если не прописываетъ лекарствъ въ большомъ количествѣ. Для престога, напримеръ въ Англии употребляютъ такую массу лекарствъ, которой на твердой землѣ достаточно бы было для излеченія десяти или простудной горячки въ цѣломъ припадкѣ.

Въ субботу вечеромъ можно уже замѣтить, что завтра всѣ работы прекратятся въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ продаются съестные припасы, толпы ремесленниковъ тѣснятся передъ лавками хлебниковъ и мясниковъ, оставляя улицу большую часть денегъ, выработанныхъ втеченіи недѣли. Съ шести часовъ вечера до полночи улицы, освѣщенныя фонарями, оглашаются спорами и криками хозяевъ, разсужденіями о количествѣ и качествѣ припасовъ, нужныхъ для завтрашняго обѣда. Каждый овецъ семейства несетъ домой свою часть говядины или баранины и нѣсколько картофеля. Но какъ въ Лондонѣ слишкомъ дорого стонетъ приготовить все это дома, то въ воскресенье, рано утромъ, булочки пекутъ свои печи и даромъ жарятъ мясо воухъ бѣдныхъ людей, покушающихъ у нихъ хлѣбъ. Впечатленіе, производимое на человека, только-что приехавшаго въ Лондонъ, первымъ воскресеніемъ, когда эта огромная столица погружена въ могильное спокойствіе и бездѣйствіе, несравнима. Утромъ, отъ семи до восьми часовъ дня, въ хорошую погоду, безчисленнымъ толпамъ народу стремятся къ конторамъ omnibusовъ, желѣзныхъ дорогъ и парходовъ: глядя на эти массы людей, отирающихся за городъ, можно подумать, будто единственная мысль Англичанъ въ воскресенье—погулять за городомъ. Но вотъ бѣгъ половина одиннадцатаго: улицы, пустыя за минуту, наполняются снова толпами людей, которые въ молчаніи спѣшатъ въ храмы. Ничего не можетъ быть удивительнаго этого зрѣнища. Въ прошломъ году, хар-

человек бывали открыты: до единнадцатого часу утра, и за-
 крывались только на время службы. Въ эту торжественную
 минуту брали обоня провоза, особенно Ирландцы, на-
 гонялись на улицу въ самую отвратительную чужда; гадко
 было смотреть, какъ эти полу-нагія существа, едва имѣющія
 чловеческой видъ, полу-цѣпаны, оборванные, грязныя, съ
 трудомъ тащались въ свои жилища, гдѣ ихъ ожидала нищета
 и голодь. Вездѣ слышались жалобы на такой безпорядокъ.
 Одинъ агентъ, верхней палаты предложилъ запереть харчени
 съ послѣднихъ въ субботу до перваго часу понедѣли въ воскресе-
 сенье. Предложеніе было принято и приведено въ исполненіе;
 успехъ превзошелъ ожиданіе: видъ улицъ омылся гораздо
 пристойнѣе. Матери многихъ бѣдныхъ семействъ громко
 выражали свою благодарность, уверяя, что недѣльный
 заработокъ ихъ мужей, удержанный до перваго часу, въ
 воскресенье, уже не поступаетъ болѣе въ трактиры, но уве-
 трещается на содержаніе семейства. После завтрака, кото-
 рый подается въ часъ, слуги идутъ въ церковь, гдѣ служба
 продолжается до четырехъ часовъ.

Въ хорошую погоду идутъ въ парки и на загородныя гу-
 ляния. Тутъ встрѣтите такія вещи, которыхъ не найдете
 нигдѣ въ Англіи: это — религіозныя собранія на откры-
 тыхъ воздухѣ. Войдя въ паркъ, увидите веревъ соборъ, подъ
 тѣнью деревъ, отъ двадцати до шестнадцати сборищъ на-
 двухъ сотъ или трехъ сотъ человекъ каждое, сложивша
 изъ совершенной неподвижности. Приближаетесь, и слы-
 шите голосъ проповѣдника, томяющаго Библію. Вотъ
 отъ чего происходятъ эти сходки (meetings): севари-
 тсты, шундасы въ вѣрующахъ и помертвованіяхъ, по-
 сѣляютъ въ воскресенье, послѣ полудня, по четыре десятка
 въ Риджентъ-паркѣ, въ Изинтонѣ, Кемптонѣ и другія
 загородныя мѣста. Изъ нихъ, трое — правые, а одинъ — про-
 повѣдникъ. Они прислоняются къ дереву, и начинаютъ рас-
 правлять духовную жизнь. Это привлекаетъ некоторыхъ гу-
 ляющихъ. После пѣнія, проповѣдникъ читаетъ молитву,
 выбираетъ текстъ и импровизируетъ проповѣдь. Кругъ
 слушателей увеличивается, по мѣрѣ возвышенія голоса и
 краснорѣчія проповѣдника.

Гуляющіе, отъ нечего дѣлать останавливаются, очень

часто умалчиваемые силою разсуждений. Речь продолжается около часу, и заключается благожеланіемъ; потомъ одинъ изъ парчнхъ говоритъ: «Если такое толкованіе Библии сходно съ вашими мнѣніями, то наше богослуженіе отправляется каждое воскресенье, въ шесть часовъ вечера, въ такой-то улицѣ и деревнѣ.» Конечно, проповѣдники эти часто употребляютъ во зло вѣротерпимость; однакожь публика скоро отдѣливаетъ ихъ достоинство; удаляется отъ нихъ, если проповѣдь заключаетъ въ себя что-нибудь предосудительное, и идетъ къ другому проповѣднику, котораго жаркія доказательства болѣе назидательны. Впрочемъ, никто не позволяетъ себѣ смѣяться надъ проповѣдникомъ или его слушателями. Въ сердцѣ каждаго Англичанина вѣрзано правило: «Онъ имѣетъ право дѣлать это, а я не имѣю права препятствовать ему». После гулянья возвращаются домой обѣдать. Семейство почитаетъ за удовольствіе пригласить къ себѣ нѣсколькихъ гостей, чтобы провести вмѣстѣ воскресенье. Это самое лучшее доказательство постепенности Англичанъ, потому что для человека одинокаго воскресный вечеръ тянется здѣсь нестерпимо долго.

Въ воскресенье все публичныя заведенія заперты. Можно представить себѣ жалкое положеніе человека, которому приходится обѣдать въ какой-нибудь грязной харчевнѣ, или проводить вечеръ въ своей комнатѣ. При воспоминаніи о томъ, какъ весело проводилъ онъ воскресные дни въ своемъ отечествѣ, самое горестное чувство тѣснится въ душѣ его. Удасно быть одному среди пустынь обширнаго города, и думать: Какъ радостно проводилъ я этотъ день въ кругу моего семейства! Какая разница жизнь молодого человека въ Лондонѣ, когда кругъ его отношеній такъ обширенъ, что онъ можетъ надѣется имѣть приглашенія на каждое воскресенье! Въ семействахъ, гдѣ сохранили прежнюю строгость нравовъ, допускается одно только пивіе духовныхъ гимновъ, съ аккомпаниментомъ фортепіано.

У Англичанъ есть, между прочими народными странностями, одинъ важный недостатокъ, который очень часто отравляетъ все ихъ существованіе и дѣлаетъ ихъ чрезвычайно смѣшными: это страсть водиться со знатію, кизаться вельможами, имѣть въ своихъ гостиныхъ людей въѣзжаго

происхожденія чьѣхъ хозяинѣ и хозяйка. Первое занятіе такого оригинала — глубокое изученіе подробностей того, чѣмъ занимается high-life, «высшею жизнью». Онъ выучиваетъ назвустъ біографіи знатнѣйшихъ англійскихъ веровъ въ известной книгѣ The Peerage, и старается удержать въ памяти гербы лучшихъ фамилій. Съ такими свидѣніями, онъ можетъ уже пустить шель въ глаза равнымъ себѣ по званію и иностранцамъ. Встрѣтивъ экипажъ, котораго дверцы украшены гербомъ съ короною, вы спрашиваете: кто это ѣдетъ? — и господинъ, который лезетъ въ знать, тотчасъ отвѣчаетъ вамъ: это лордъ такой-то; съ нимъ сидитъ его жена, урожденная такая-то; они уже столько-то недель живутъ въ своемъ домѣ въ Портлендъ-Скверъ; три дня тому назадъ они давали блестящій концертъ; завтра объѣдаютъ у герцога Бедфорда или маркиза Альторна; лѣтомъ проводятъ нѣсколько недель въ своемъ замкѣ; и такъ dalje.... Иностранецъ, оглушенный такими подробностями, спрашиваетъ: — Значитъ, вы хорошо знакомы съ этимъ семействомъ? — Нѣтъ; но я часто встрѣчаюсь съ ними въ обществахъ. — Ничего не бывало!

Второе и постоянное занятіе такого человека — внимательное, ежедневное, чтеніе въ Morning-Post или Herald, отдѣленія подъ заглавіемъ *Модный свѣтъ*. Это страница газеты, гдѣ за десять шиллинговъ или за гинею, всякой объявляетъ о своемъ будущемъ балѣ, обѣдѣ или концертѣ. На другой день, разумется, за такую же плату тотъ же самый помѣщаетъ тамъ описаніе блестящихъ нарядовъ, украшавшихъ вчера его гостиную, и громкія имена, которыя прокричали его слуги. Избравъ день для своего бала, дама, желающая прослыть въ среднемъ классѣ принадлежащею къ лучшему обществу, посылаетъ записку въ Morning-Post или въ Herald. Последний просматриваетъ списокъ баловъ и старается помѣстить извѣстіе о будущемъ балѣ мистрисъ А^{***} вельдъ за баломъ лорда Б^{***} или герцога В^{***}.

Вотъ образецъ разговору, который за тѣмъ слѣдуетъ:

— Ахъ, милая мистрисъ А^{***}! я читала сегодня въ Herald объявленіе объ вашемъ балѣ.

— Нѣ возможно!.... вы меня удивляете!

— Посмотрите сами.

— Доить это неостыжимо! Я и не думала, чтобъ друзья мои, и люди, которахъ я пригласила, были такъ нескромны. Сдѣлать публикацію о такомъ пустомъ балѣ!

— Пустомъ?... А сколько вы разослали приглашеній?

— Всего четыреста. Впрочемъ надобно будетъ разослать еще сотню билетовъ.

— К чему это?

— Вотъ видите, моя милая: герцогъ В^{***} въ тотъ же день даетъ балъ и отиалъ у меня многихъ мужчинъ; такъ надобно умножить списокъ кавалеровъ.....

Въ то же время любительницы знатности употребляютъ всевозможныя средства, чтобы привлечь въ свои собранія людей, числящихся въ аристократическомъ кругу. Если они удостоятся счастья познакомиться случайно съ какою-нибудь знатной особою, на другой же день оставляютъ у швейцара свою карточку, для того чтобы сказать: «Я была сегодня съ визитомъ у леди такой-то».

Между-тѣмъ при первой встрѣчѣ эта леди отвѣтитъ на ихъ почтительный поклонъ надутою холодностью.

Если какой-нибудь знатный денди дастъ имъ слово прѣхать на балъ въ ихъ неизвѣстный домъ, для него дѣлается исключеніе изъ кореннаго правила рекомендовать прибывшихъ другъ другу: къ нему подводятъ только тѣхъ; съ кѣмъ онъ знакомъ, а на прочихъ гостей онъ и хозяева не обращаютъ вниманія.

Человѣкъ, лъзущій въ знать, никогда не украшаетъ своей гостиной картинами: онъ предпочитаетъ имъ россловную живопись. На стѣнахъ у него обыкновенно висятъ два или три портрета лицъ, сомнительной знаменитости, о которыхъ онъ рассказываетъ каждому новому гостю важныя анекдоты. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывается о разбогатѣвшемъ разночинцѣ, старался какъ-можно громче превозносить имена людей, затмѣвающихъ васъ своею роскошью или положеніемъ въ обществѣ. Пронесшей весной, въ большой модѣ были записки сэръ Самуила Ромвля. Первую часть ихъ составляетъ исторія предковъ автора: она написана благородно, искренно и скромно. Одна дама, дочь рыбака, но жена очень богатаго негодянта, прочитавъ ихъ, вскрикнула съ самымъ наивнымъ негодованіемъ: «Я не по-

диспуту; что и желавшая для себя прожить в тишине этой науки. Но Лаура, предпочитая науку не только своей науке, и удивительную жизнь, и более всего боясь быть обвиненной во выхождении, если сделает что-нибудь полезное, с обыкновенными своимъ рода, отвечала: «Я желаю научиться, чтобы найти въ наукѣ средства дѣлать добро и съискать примеры, достойныя подражанія; я знаю, что сила — величавая и светлая; что она, очень часто, не дается такъ, кто наиболее ее жаждетъ. Я не тщаслива, и не хочу неизвестности; все не мало возбуждаетъ противъ себя завистниковъ, которые всегда готовы поносить достойныхъ людей. Отстаньте меня считатьъ въ неизвестности мои любимыя науки; я буду считать себя счастливою, если передо мной доставлю утѣшеніе своимъ родителямъ и заслужу благорасположеніе добрыхъ людей.» Напрасно ждала она жить въ безвѣстности, напрасно старалась скрыть свои таланты и способности: мать родила ее была сильная волею своею; она склонилась на просьбы друзей, и, 17 апреля 1732 года, получила первый опытъ своихъ силъ. Она обучалась на самыя трудныя философскія вопросы, заданныя ей пятью учеными профессорами болонскаго университета. Лучшее болонское общество собралось ее слушать. Высокія способности и пернатерая доброты Лауры обратили на себя общее вниманіе. Въ доказательство уваженія къ ея достоинствамъ, ей торжественно одиесид дилиемъ на званіа доктора философіи. Въ сопровожденіи графини Маріи Бергонци, Ракуни и маркизы Елизаветы Эрмелини Ратти; и другихъ дамъ, замѣчательныхъ или высокимъ происхожденіемъ или образованіемъ, Лаура Бисси предстала передъ докторовъ философскаго факультета, собравшихся въ одной изъ залъ ратуши. Здѣсь, одетая въ докторскую мантію, подбитую дорожкою мехомъ, увѣнчанная серебряною короною, Лаура въ сильной формѣ изъявила свою важную благодарность тѣмъ, которые удостоили ее такой высокой чести. Вечеромъ послѣдующаго дня весь городъ торжествовалъ это событіе, которое доставило Лаурѣ знаменитость, дѣлающую столько чести ея отечеству.

До самой смерти своей Лаура пользовалась всеобщимъ

узнавши, что Бона в Болонью привозили какіо-нибудь знаменитые путешественники, ихъ тотчасъ водили къ Лауре, какъ представительница гонимой Италии. Люди, известные своею ученостію или другими достоинствами, искали ея друзья. Даже иностранцы, которые такъ скуны на похвалы соотечественникамъ Лауры, съ восторгомъ признавали ея ученость и добрыя качества. Несмотря на свою знаменитость, она была чрезвычайно приятна, скромна и опоскднительна, и вслѣдствіи старалась не выставлять на видъ своихъ блестящихъ дарованій. На двадцать-первомъ году ея жизни, болоньскій сенатъ, поручилъ ей преподаваніе философіи въ университетъ, и она доказала, что имѣла полное право занимать эту почетную должность. Ея дѣятельность, глубокомысленность ея сужденій, быстрота ума, ясность, съ какою она излагала свои мнѣнія о самыхъ трудныхъ предметахъ, вскоре поставили ее наравнѣ съ знаменитѣйшими профессорами того времени. Изъ отдаленныхъ мѣстъ толпы людей приходили слушать ея лекціи и, возвратясь домой, наперерывъ превозносили доброту сердца и величіе ума ученой уроженки Болоньи.

Въ это время, римскою Церковью правилъ папа Бенедиктъ XIV, основавшій въ Болоньи академію, известную подъ именемъ Бенедиктинской. Лаура была назначена въ число академиковъ. Каждая рѣчь этой необыкновенной женщины возбуждала въ слушателяхъ удивленіе смѣшанное съ очарованіемъ. Она составила драгоценную коллекцію физическихъ инструментовъ, и находила большое удовольствіе дѣлать опыты и наблюдать явленія природы.

Искатели истины, настоящіе философы, обыкновенно считаютъ словесность только пріятнымъ препровожденіемъ времени: Лаура думала иначе. Она находила, что для ученаго, словесность, не только полезна, но даже необходима. Мнѣжь самому дѣлать, если бѣ она не занималась словесностью; то никогда не была бы въ состояніи такъ краснорѣчиво излагать свои теоріи. Къ чему можетъ послужить человеку высшей умъ и плодотворное воображеніе, если ему незнакомо искусство выражать свои мысли съ пріятностію и достоинствомъ, если онъ не умѣетъ сдѣлать изъ трудной науки пріятнаго и легкаго занятія? А это искусство дается

только тень, кто слабее научилъ латынскіи предположенія древнихъ докторовъ и ораторовъ. Изъ писемъ, Лауры, къ друзьямъ и другимъ знаменитымъ лицамъ того времени, видно видно, какъ много она заботилась о чистотѣ своего слога, и какъ искусно умѣла выразить словами благороднаго возмущенія своей души. Она занималась также стихотворствомъ и особенно же изучала греческій языкъ. Давъ диссертациі о некоторыхъ словахъ изъ драмы и механики, номинированная въ академію Болонской академіи, достигла инако скарпелъ служатъ объ своемъ нападкѣ. Безъ сомнѣнія не желая не помалати, что Лаура такъ мало заботилась объ изданіи въ свѣтъ своихъ наблюденій по причинѣ этого была, частью, ее скромность, частью безпрерывныя заботы о семействѣ. И въ самомъ дѣлѣ, выходящая замужъ за доктора Ласкара Верати, она съ тѣмъ же исполняла обязанности добродетельной жены, доброй матери, благодарной и расчетливой хозяйки. У ней было два ребенка, сыновей, которыхъ она воспитала сама. Материнская забота Лауры была вполне вознаграждена: мужъ и дѣти любили и уважали ее. Въ старости, несмотря на слабость здоровья, она ничего не изменила въ образѣ своихъ занятій: бездѣйствіе душевное и телесное Лаура сравнивала съ преждевременною смертію, и потому занималась изученіемъ до послѣдней своей минуты. Вечеромъ, наканунѣ того дня, который былъ послѣднимъ въ ее жизни, она расслала въ Бенедиктинской Академіи, и выдержала долгой и дѣловой споръ: спустя несколько часовъ, жители Болоньи объявляли уже въ ней потерю лучшаго украшенія своего города. Лаура скончалась двадцатого февраля 1778 года.

Жители Болоньи, желая почтить ее память, съдали ей великолѣпную похорону. Ея гробъ, обложенное докторскими книжками, было погребено въ церкви Сократія Домини. На камнѣ покрывшемъ ее бранныя останки, вырвана латинская надпись, которая напоминаетъ потомству о радикхъ добродѣтеляхъ и обширныхъ познаніяхъ Лауры! Вокругъ послѣ ее смерти, болонскія дамы, въ ознаменованіе уваженія своего къ памяти знаменитой соотечественницы, соорудили ей въ одной изъ галерей академіи, на собственныя деньги, памятникъ. Наружность Лауры была исполнена кротости и ласкы:

Вышла изъ нея была видна ее быстрота ума и живость воображенія. Вспомнилась ея ласка и пріятность выраженія лица и бларушища ее въ важности души. Она и всегда сохраняла: предрасположеніе твердымъ и ласкѣмъ слѣдѣть шумъ и доброе состраданіе къ своему сердцу. Хотя Фортуна не надмывала ей богатствомъ, однако же Лауре провела жизнь свою, ни въ чемъ не нуждаясь, въ чистотѣ и радости. У вѣковѣ родственниковъ, друзей, и знанія любовь дѣтей; были для Лауры невольными источниками наслажденія. Имѣя свѣжій помысли о Божьей Лауре строго исполняла правила радуги, и любовь къ ближнему считала думнымъ ее проявленіемъ.

ПѢСНЯ ГЕНРИХА ИЗАКА. Когда Генрихъ Изаакъ, знаменитый композиторъ шестнадцатаго столѣтія, принужденъ былъ оставить Инсбрукъ и удалиться въ Мюнхенъ, за прощанье съ любимымъ городомъ написалъ онъ трогательную пѣсню (Lied), «Оставаю тебя, Инсбрукъ, оставляю я всегда!» Очаровательные звуки этой пѣсни превосходно выражали глубокую, неподдѣльную грусть артиста, и услыхъ маленькаго музыкальнаго произведенія были нешколярный. Во всей Германіи поютъ пѣсню Изаака, и на голосъ ее сочинены были даже многія духовныя мелодіи. И теперь, по прошествіи трехъ сотъ лѣтъ со времени смерти музыканта, не найдете въ Германіи ни одной деревеньки, гдѣ бы не слышали пѣсни Изаака: ее поютъ старики, поютъ любовники, даже дѣти, и въ немаломъ благоговѣніи передъ могуществомъ дивнаго созданія.

Въ прошломъ столѣтіи эта пѣсня играла весьма важную роль въ судьбѣ двухъ молодыхъ артистовъ, воспитанниковъ знаменитаго Гайдна. Страна происходила въ Зальцбургъ, гдѣ въ то время, между прочими музыкантами, особенно славнились органисты Муффа, Гоферъ, Замберъ и Гайднъ. Герои слѣдующаго разсказа назывались Рудольфомъ и Германномъ.

Германнъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа какъ будто вовсе не дала ни какого назначенія. Душа Германна была складочнымъ мѣстомъ всякъ добродѣтели и всякъ возможныхъ пороковъ. Онъ лишился отца еще въ

кельбени, и была воспитана слабою матерью. До двадцатого году, Германъ не встречалъ ни малѣйшаго препятствія своимъ желаніямъ. Цѣлый, упрямый, потворный, онъ, казалось, не зналъ другой цѣли кроме удовольствія своихъ минутныхъ прхотей, и въ двадцать лѣтъ отроду всё-еще былъ неспособенъ, избалованнымъ ребенкомъ. Впрочемъ ничего рѣшительнаго нельзя было сказать объ его характерѣ; все еще зависало отъ обстоятельствъ, такъ, что Германъ, отъ ихъ вліянія, могъ сделаться или злодѣемъ или самымъ добродѣтельнымъ человекомъ.

Совсемъ не таковъ былъ другъ Германа, Рудольфъ. Кроткій, скромный, воздержный, но не куке Германа знакомый съ музыкою, Рудольфъ съ перваго разу не производилъ большаго эффекта; зато увякъ его былъ такъ проченъ, что онъ не вынуждалъ simultaneously удивленія слушателей. Всегда постоянный и снисходительный, Рудольфъ могъ сделаться превосходнымъ другомъ, и въ этомъ отношеніи былъ онъ для Германа драгоценной находкой. Все честолюбіе Рудольфа ограничивалось наслажденіями семейной жизни, и если, порой, выходилъ онъ изъ этого круга и являлся на поприщѣ артиста, тотчасъ было видно, что дѣлаетъ это изъ благородной любви къ искусству, ни сколько не изъ гордаго желанія стать выше своихъ соперниковъ.

Молодые люди, вовсе не похожіе одинъ на другаго, были однако жъ искренними друзьями, и дружба ихъ основывалась единственно на любви къ искусству. Оба они, какъ мы скавали, были учениками Гайдна, не Йосифа Гайдна, знаменитаго автора «симфоній» и «Міроданія», а Михаила Гайдна, превосходнаго органиста, известнаго во многими церковными сочиненіямъ; и умершаго въ Вальдбургъ. Германъ и Рудольфъ дѣлали весьма быстрые успѣхи, и знатоки предсказывали молодымъ друзьямъ блистательную будущность. Но уже съ первыхъ уроковъ знаменитаго учителя, друзья получили въ искусствѣ совершенно различное направленіе, въ которомъ выразился характеръ каждаго изъ нихъ. Важны, возвышенны и сладки были гармоническія вдохновенія Рудольфа; бурны, странныя, безпорядочны вдохновенія Германа. Рудольфова музыка очаровывала душу и погружала ее въ небесный вос-

терть; игра Германна ужасомъ ледяила сердца слушателей и заставляла ихъ треметать при этихъ звукахъ, выходявшихъ какъ-будто изъ ада.

Добрый Гайднъ, одобряя Рудольфа ласковой улыбкой, обыкновенно говорилъ его другу :

— У тебя славный талантъ, Германнъ, и, со-временешъ, ты будешь отличнымъ органистомъ; но я не знаю, мой другъ, угодна ли твои церковная музыка небесамъ, и очень опасюсь, какъ-бы тебя не съѣдали тамъ дурнаго приему.

Гайднъ при этихъ словахъ указывалъ на небо.

Ревность, убивающая дружбу между соперниками въ искусствѣ, не могла овладеть сердцами молодыхъ виртуозовъ : оба они на одномъ и томъ же поприщѣ проложили себѣ совершенно различныя дороги, и каждый имѣлъ прино добиваться перваго мѣста, не опасаясь оскорбить своего друга, потому что между ними вовсе нельзя было дѣлать сравненій. Часто друзья играли въ одношь и томъ же концертѣ, и никогда не спорили между собой, кто долженъ начинать или оканчивать игру. Такимъ образомъ ничто не нарушало братской любви молодыхъ артистовъ.

Но если въ искусствѣ можно выбрать двѣ противоположныя дороги, ежели соперники этого роду могутъ идти къ совершенству не сталкивая одинъ другаго, зато никогда не сдѣлаютъ того соперники въ любви. Сердца женщины нельзя дѣлать, и, чтобы овладеть имъ, необходимо идти такимъ путемъ, на которомъ нѣтъ мѣста для двоихъ. Любовь была подводнымъ камнемъ, о который въ дребезги разбилась дружба Германна и Рудольфа.

Однажды, вечеромъ, въ домъ маіора Вильгельма С... былъ небольшой музыкальный праздникъ, данный дочерью маіора по совету матери. Съ очаровательной красотой Юлія соединила чувствительное сердце и образованный умъ. У нея была рѣдкій музыкальный талантъ, и въ этотъ вечеръ мать въ первый разъ рѣшилась показать свату дочь, испытывая при этомъ случаѣ то смѣшанное чувство гордости и безпокойства, которое извѣстно только артистамъ, когда они представляютъ публикѣ своихъ воспитанниковъ. Рудольфъ и Германнъ съ удовольствіемъ приняли приглашеніе на этотъ вечеръ : они уже давно слышали о способ-

востыки Юліи и патетично жалали увериться въ справедливости громкихъ похвалъ, воздвигались анной артисткѣ даже врагами ея отца.

Неумеренныя похвалы, расточаемыя заранѣе, весьма часто сопровождаются совершеннымъ разочарованіемъ. На этотъ разъ, однакожь, вышло напротивъ. Кроукая и снисходительная Юлія со всеми говорила о музыкѣ, со всеми садилась за клавикорды, играла непринужденно, безъ жеманства, и скромно принимала изъявленія общаго восторгу слушателей. Вся была въ восхищеніи отъ прекрасной дѣвушки, но ни на кого молодая артистка не сдѣлала такого сильнаго впечатлѣнія какъ на Рудольфа и Германа.

Дошла очередь до Рудольфа съестъ съ Юліей за клавикорды. Врядъ-ли когда встречались два художническія сердца, настроенныя такъ совершенно на одинъ ладъ: та же пріятность въ экспрессіи; та же возвышенность блистательнаго и сильного воображенія. Съ самой премудрой молодью люди кончили другъ друга, и тотчасъ слились мыслями и, быстро унеслись въ высокую область творческаго искусства. Не пальцы, а души ихъ, вертели по клавишамъ, и удивительнымъ образомъ казалось, будто они слышатъ даже духомъ. Уже давно артисты кончили игру, а собраніе все-еще слушало: это торжественное молчаніе было, конечно, пресловутыя самѣхъ громкихъ рукоплесканій, которая досьналась со всехъ сторонъ, лишь только изумленные слушатели успѣли прийти въ себя.

Послѣ Рудольфа, къ клавикордамъ сѣлъ Германъ. Въ его жилахъ уже кипѣлъ разрушительный ладъ ревности. Обильнѣе везаннѣе, долѣе неизвѣстнаго чувствѣе, Германъ ясно видѣлъ зарю любви, горькую, какъ пламя Рудольфа и Юліи, и это открытіе нанесло смертельную ударъ гордой его душѣ.

Но вотъ онъ занялъ такоеже положеніе какъ и Рудольфъ: авось онъ удержитъ равенство за собою, авось убѣдетъ, уничтожитъ своего соперника! Огонь, пожравшій трезвую душу, быстро перешелъ въ вальцы; раздались оглушительные звуки: слушатели пришли въ восторгъ; сердце Юліи сохранило убійственное спокойствіе. Германъ удивляется услія, съ новымъ жаромъ принимается за игру:

новый восторгъ со стороны слушателей; но ни искуса, ни чувства въ душѣ Юліи!

Игра кончилась. Възбешенный Германнъ чуть не разбилъ клавинофордовъ, и готовъ былъ отправить къ чорту восторженныхъ слушателей. Какъ бы радъ былъ онъ въ эту минуту, если бы нечаянно обрушился домъ майора и задавилъ это веселое собраніе вмѣстѣ съ Юліей, за которую, впрочемъ, не пожалеть бы онъ тысячи жизней!

Между-тѣмъ Рудольфъ коротко познакомился съ майоромъ и часто сталъ навѣщать его домъ. Однажды онъ сказалъ:

— Я люблю вашу дочь, майоръ: музыка — единственное мое богатство, но ея достанетъ для двухъ сердецъ; счастливыхъ взаимностью.

Майоръ спросилъ Юлію.

— Я люблю Рудольфа, отвѣчала Юлія: благословите насъ, батюшка.

Старикъ крѣпко сжалъ руку молодого человека и сказалъ:

— Черезъ четыре мѣсяца органистъ церкви Святаго Себастьяна выйдетъ въ отставку: займи ея должность, Юлія — твоя.

Между-тѣмъ Германнъ прервалъ вся сношенія съ Рудольфомъ, и ни разу не заходилъ къ Гайдну. Со времени рокового вечера, воспоминаніе о торжествѣ совершила ослѣпительнымъ бременемъ лежало на его душѣ и ни на минуту не давало ему покою.

Зато тѣмъ усерднѣе посѣщала Гайдна счастливая Рудольфъ, и добрый учитель никакъ не могъ растолковать себѣ ея необъяснимо быстрыхъ успѣховъ. Онъ не зналъ, что любовь — самый лучший учитель въ мірѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Страсть и отчаяніе Германна дошли до высочайшей степени. Впалѣе, безжизненные глаза, сухое, желтое лицо, дѣлали его совершенно похожимъ на явиваніе. Вида ея въ такомъ состояніи, не возможно было подумать, что этотъ живой жертвецъ еще такъ недавно цвѣлъ красотой и мужествомъ и подавалъ блестящія надежды въ будущемъ.

Однажды, вечеромъ, Германнъ нечаянно пришелъ къ Гайдну.

— Гдѣ Рудольфъ? спросилъ онъ грубымъ голосомъ.

— Другъ твой тамъ, гдѣ тебя никогда видно не бывало, блудный сынъ, отъвѣчалъ добрый учитель, съ ужасомъ смотря на морщины, избородившія лицо любимаго ученика. — Отчего тебя такъ давно невидать, Германнъ? продолжалъ старикъ разстроганнымъ голосомъ : какъ ты перемялся, мой другъ!

— Рудольфъ, я думаю, не перемянулся : онъ счастливъ.

— Почему же и тебя не быть счастливымъ? Что мѣшаетъ тебѣ утѣшить мою старость? Вотъ, другъ твой работаетъ, и у него все идетъ какъ по маслу : завтра онъ будетъ организмомъ, а черезъ недѣлю женится на маіорской дочери.

Щеки Германна вдругъ покрылись яркою краской.

Добрый знакъ, подумалъ старикъ.

— Гдѣ Рудольфъ? спросилъ опять молодой человекъ. Мнѣ тотчасъ надобно его видѣть.

— Ты найдешь его, сынъ мой, въ церкви Святаго Севастьяна : другъ твой репетируетъ тамъ пробную миссу. Да обратитъ тебя его примѣръ на истинный путь!

Дикая радость засверкала въ глазахъ Германна. Не слушая послѣднихъ словъ старика, который отъ души радовался обращенію блуднаго сына, онъ охромѣвъ обратился къ дверямъ и изъ всѣхъ силъ побѣжалъ въ церковь.

— Была ночь. Въ церкви святаго Севастьяна царствовали мракъ и молчаніе. Вдали только отражался блѣдный свѣтъ лампы, повышенной посреди хоровъ. Въ отдаленномъ углу храма, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ человекъ, закутанный въ плащъ : то былъ Германнъ, съ кинжаломъ въ рукѣ. Онъ выжидалъ того мгновенія, когда Рудольфъ, окончивъ миссу, будетъ выходить изъ церкви.

Раздались величественные аккорды «Gloria in excelsis». Никогда еще гений Рудольфа ни достигалъ такой высоты, никогда его исполненіе не было такъ увлекательно : тутъ было соединеніе юношеской силы съ дѣвственнымъ чувствомъ, съ тихими радостями, упоеніемъ счастливой любви. Невольный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Германна; холодный потъ облилъ все тѣло; ужасъ оледѣнилъ душу: въ эту минуту Германнъ былъ истиннымъ подобіемъ падшаго духа, принужденнаго слушать славословное пѣніе ангеловъ. Онъ уже готовился бросить орудіе смерти, но это было

и внезапною рысью, и Германнъ судорожно ухватилъ себя рукою за книжку!... Съ минуты продолжалось молчаніе послѣ послѣднихъ звуковъ торжественной пѣсни.

Снова раздалась музыка; своды храма огласились тихими, жалобными и меланхолическими звуками. Германнъ задрожалъ: при этой новой мелодіи въ его душѣ съ быстротою молніи пробѣжало какое-то воспоминаніе, и вдругъ горькія слезы градою полили изъ его глазъ.

Однажды Рудольфъ и Германнъ вмѣстѣ играли пѣсню Изака, «Оставляю тебя, Инспрукъ!» Увлеченные непреодолимымъ очарованіемъ этой жалобной музыки, они бросились другъ къ другу въ объятія и клятвенно заключили союзъ дружбы на жизнь и смѣрть.

Эту самую пѣсню Рудольфъ игралъ и теперь, и Германнъ слушалъ его съ возрастающимъ волненіемъ. Органистъ еще не кончилъ трогательной мелодіи, а уже въ душѣ Германна совершилось чудное перерожденіе; это уже не тотъ чужеземецъ, который собирался злодѣйски умертвить своего друга; онъ плачетъ, и слезы умиленія освѣжаютъ пылающія щеки юноши; его грудь дышетъ свободнѣе; на душѣ становится легче, легче и... и Германнъ машинально бросаетъ орудіе смерти, назначенное для ненавистнаго соперника.

Увлеченный вдохновеніемъ, Рудольфъ готовъ былъ играть всю ночь, какъ вдругъ въ сводахъ храма раздался знакомый ему голосъ: «Прощай, Рудольфъ! Прощай, будь счастливъ!»

Рудольфъ неслышимо сошелъ съ хоровъ и напрасно искалъ своего друга, напрасно искалъ его между колоннами и по вечерамъ угадалъ въ церкви не было никого. Музыка какъ уже думалъ, что ему почудилось, что голосъ имъ слышанный, былъ одна игра воображенія, какъ вдругъ, выходя изъ церкви, при блѣдномъ свѣтѣ лампы онъ что-то приметилъ подлѣ колонны: то былъ книжка; брошенная Германномъ.

На другой день счастливый Рудольфъ слезавъ органистомъ; черезъ недѣлю онъ и Юлія явились въ церкви святаго Свастіана, а черезъ несколько дѣтъ въ Изаии жре-

славится нѣмецкій артистъ, котораго называли такъ «il divino maestro». Онъ не могъ безъ слезъ говорить о Ивановой пѣ снѣ.

МАРСЕЛЬСКИЙ ОХОТНИКЪ. Въ Марсели издревле ведется преданіе, будто въ известное время года мимо города и его окрестностей бываетъ лѣтъ двѣхъ голубей. А должно замѣтить, что Марсельцы, изъ всѣхъ древнихъ своихъ правъ и преимуществъ, сохранили одно только право носить при себѣ ружье, и оттого-то всякой Марселецъ охотникъ. Въ сѣверныхъ земляхъ, гдѣ народъ болѣе дѣлатель, охотникъ во всякое время гонится за дичью, и ему мало гора до труда, лишь бы по-плотнѣе набить свой ягташъ. На югъ не такъ; тамъ, въ странѣ нѣги и лѣни, охотникъ не ищетъ а выжидаетъ птицъ, какъ-будто онъ сами должны подлетать ему подъ руку. Да и почему жъ! развѣ человекъ не господинъ вселенной? И на этомъ-то правѣ господства основываютъ Марсельцы преданіе о небываломъ у нихъ перелѣтѣ голубей. Въ Марсели каждый охотникъ, съ позволенія доложить, сколько-нибудь мономанъ, и, вслѣдствіе того, у всякаго изъ нихъ свой шалашъ.

Пояснимъ, что такое шалашъ. Это не что иное какъ небольшая землянка, прикрытая хворостомъ и сухими листьями. Съ обѣихъ сторонъ такого шалаша бываютъ обыкновенно двѣ или три сосны, къ верхушкамъ которыхъ прикрѣпляются длинныя жерди; двѣ изъ нихъ кладутся горизонтально, а третья поперекъ: это называется «присадка». Въ каждое воскресенье Марселецъ-охотникъ еще до свѣту идетъ въ свой шалашъ, усаживается въ него по самую шею, такъ, что одна только его голова; покрытая картузомъ надъ цвѣтъ сухихъ листьевъ, выставляется изъ-за хворосту, и въ такомъ положеніи сидитъ себѣ очень терпѣливо, и дожидается.

Но, вы быть-можетъ спросите, чего жъ онъ дожидается? Обыкновенно чернаго или сѣраго дрозда, овсянки, рѣсала и разныхъ, тому подобныхъ, птицъ: самолюбіе его никогда не мѣтитъ на перепѣлку, а что касается до куронатки, то для него куронатка, просто, фениксъ; онъ вѣритъ, что такая удивительная птица не часто вознаграждается изъ своего

пеллу, и то развѣ въ значеніе какого-нибудь важнаго событія. О зайца нечего и говорить: Марселецъ считаетъ зайца животнымъ баснословнымъ, члвкъ-то въ родъ единорога.

Некакъ ни дрозды, ни овсянки, ни репола, не садятся безъ особенныхъ причинъ на сосны, на которыя ихъ приглашаютъ, то догадливые охотники берутъ такую предосторожность: сначала покупаютъ на биржѣ по одной штуцѣ каждой изъ этихъ птицъ, а, посадивъ въ клетки, подвешиваютъ ихъ на нижнія вѣтви деревьевъ, откуда бѣдныя затворники, порекликиваясь, принаиваютъ на присадку свою свободную братью. Охотникъ того-то и дожидается: прицѣлился, прищурился, хлопъ.... убилъ, или промахъ. Чаше, почти всегда, промахъ. Марсельцы мастера стрѣлять!

Вотъ выкладка Жери :

Марселецъ-охотникъ приходитъ въ свой шалаши однажды въ каждую недѣлю. Изъ осьми недѣль въ одну случается такъ, что на его присадку слетѣтъ птица. Изъ осьми птицъ одна будетъ убита. Изъ этого выходитъ, что, если поставить въ цѣну покунку земли подъ шалаши, и расколѣ на его содержаніе, покунку ружья, дроби, пороху и штукѣ на приманку, то каждая убитая такимъ образомъ птичка обходится охотнику отъ пяти до шести сотъ франковъ. Но зато, въ тотъ день когда охотнику удастся застрѣлить птицу, въ тотъ достопамятный день онъ великъ передъ лицомъ своей семьи какъ Нимродъ передъ лицомъ потомства.

Въ предполагаемое время лѣту дикихъ голубей мало дѣлается еще занысловатье. Охотникъ беретъ ручнаго голубя, привязываетъ его къ вершинѣ присадки скуркомъ, не довольно длиннымъ чтобы несчастная птица могла опуститься до вѣтвей дерева, и такимъ образомъ заставляетъ ее или повиснуть или безпрестанно летать: разумется, что бѣдный голубь не хочетъ висѣть подъ роднымъ открытымъ небомъ какъ въ какой-нибудь коптильнѣ, и рѣшается безъ отдыха действовать крыльями, и все это затѣмъ чтобы приманивать къ шалашу дикихъ голубей на перелетъ ихъ изъ Африки въ Камчатку. А между-тѣмъ сами господа охотники откровенно признаются, что, современъ Фокельнъ, основателей Марсели, они не видали еще ни одного перелетнаго голу-

было, однако жъ ни сколько не мѣшаетъ имъ утверждать, будто голубы всѣ тамъ передѣляютъ, и проводятъ въ шалашъ иногда по дню до воскреснаго дня, отъ ранняго утра до поздняго вечера.

Я проситъ Мери познакомить меня съ однимъ изъ такихъ отчаянныхъ охотниковъ: этотъ классъ людей мнѣ казался особенно любопытнымъ. Мери обещала при первомъ же случаѣ исполнить мое желаніе, а случай этотъ представился скоро.

Разъ мы условились съ Мери сойтись въ театръ, а по окончаніи спектакля идти вмѣстѣ ужинать къ Сибидо. Когда въ назначенный часъ, я вошелъ въ партеръ, то уже засталъ тамъ Родена, Мери, и человека двухъ трехъ другихъ знакомцевъ. Первымъ моимъ деломъ было спросить Мери, нашелъ ли онъ обещаннаго охотника. — «Нашелъ, отвѣчалъ тотъ: да еще и какого!» — Оцъ будетъ? — «О, непременно! я рассказалъ ему, что ты охотился за львами въ Африкѣ и за тиграми въ Азій.» — А гдѣ жъ оцъ? — «Вонъ, въ оркестръ.» — Третій басъ? — «Нѣтъ четвертый: видите!» — Вижу... странно! — «Что? небось не похожъ на охотника?» — Ни крошечки. — «Подожди, увидишь!»

И въ ожиданіи я занялся сценою. Марсельскій театръ ни хуже ни лучше другихъ: комедіи играютъ на немъ не много лучше чѣмъ въ Турѣ, оперы похуже чѣмъ въ Лионѣ, мелодрамы почти какъ на парижскомъ театрѣ Folies Dramatiques, а водевилы какъ вездѣ.

Въ этотъ вечеръ театръ былъ по цоцъ; небольшая путешественная итальянская группа завернула изъ Ниццы, въ Марсель, пропѣть арію Россини, а надобно знать, что Марсельцы, потому что говорятъ прованскимъ нарѣчіемъ, вообразили, будто они больше знатоки въ итальянской музыкѣ.

По окончаніи оперы, Мери сдѣлала условный знакъ четвертому басу, что мы ожидаемъ его у Сибидо, а тотъ отвѣчалъ также знакомъ, что тотчасъ явится.

Дѣйствительно, едва мы вошли къ Сибидо, какъ вслѣдъ за нами вошелъ и мосьё Луэ, охотникъ. Мери познакомилъ его со мной и съ нашими товарищами, и мы сѣли за столъ. Впродолженіи ужина говорили безпрестанно; одинъ только мосьё Луэ не вымолвилъ ни слова; ему было некогда:

онъ кушалъ съ необыкновенными инстинктомъ, и по времени намъ пыхталъ какъ паровая машина! Такое молчаніе намъ вовсе не нравилось, и мы уже начинали приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ, за досертошъ, мосьё Луэ вынулъ изъ что-то въ родъ восклицанія, которое значило, «Ну, славно же я поужиналъ!» Мері воспользовался этимъ обстоятельствомъ чтобы поподчивать охотника сигарой, и велѣлъ подать пушину.

— Покорно благодарю, сказалъ Луэ : я никогда не курю, а вотъ пушину, такъ пожалуй, если позволите.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ Мері. А между-тѣмъ, если ужъ не хотите курить, расскажите-ка господамъ, какъ вы охотились за свиристелемъ.

— Что такое свиристель? спросилъ я.

— Какъ? вы не знаете что такое свиристель? возричалъ Мері. — Мосьё Луэ, представьте! онъ не знаетъ, что такое свиристель! А еще хвастаетъ, что охотникъ!.

— Это, сударь мой, птица, съ важностью проговорилъ Луэ, обращаясь къ мнѣ : нѣчто въ родъ дрозда; очень вкусное жаркое.

— Расскажите же намъ, мосьё Луэ, какъ вы охотились за свиристелемъ, сказалъ Мері : а вы, господа, слушайте съ величайшимъ вниманіемъ, потому что, со времени Нимврода, ни кому не случалось такъ охотиться; какъ охотился за свиристелемъ почтеннѣйшій мосьё Луэ.

Четвертый басъ поклонился и началъ :

— Вы знаете, господа, то есть, я думаю вы знаете, что каждый Марселецъ рождается охотникомъ.

— Знаемъ, отвѣчалъ Мері, знаемъ и не можемъ надивиться такой физиологической особенності.

— Къ несчастію, а можетъ быть и къ счастью, продолжалъ Луэ, въ нашей сторонѣ не водятся ни тигры иль львы; зато бываетъ лѣтъ голубей. — Да почему жъ ему и не быть? прибавилъ онъ, замята мою улыбку : зазываютъ же въ Марсель чужіе корабли; такъ отчего жъ не залетать чужимъ голубямъ?... Не помню теперъ хорошенку, а было это въ 1810 или 1811 году; въ ту пору ивъ было тридцать пять лѣтъ отъ роду; стало, и было на ногу по-легче опереннаго. Вотъ, по обыкновенію, въ одно утро, всталъ я въ

перелетит еще до свѣту, увидѣла голуба къ присадкѣ, гла-
 зду и жду. Вдругъ, при блѣдномъ свѣтѣ звезда, мнѣ пока-
 залась какъ будто что-то сѣде на мою сосну; на-бѣду еще
 было довольно темно, и я не могъ хорошенько рассмотреть,
 что именно сидитъ на деревѣ, летучая ли мышь или птица.
 Я не шевельлся, взялъ свои шары и сталъ дожидаться, по-
 ка пройдетъ солнце. Чуть оно показалось, я и увидѣлъ,
 что это птица; взялъ осторожно ружье, прицѣлился, вотъ
 такимъ образомъ... спускаю курокъ... ахъ ты, Боже мой!
 ружье-то было заряжено еще съ вечера; порохъ восты-
 рѣлъ... даю испънику, и ужъ потомъ выстрѣлило. Ну,
 что жъ? думаю, нужды нѣтъ! по полету видно, что птица
 все-таки досталась... и я провежалъ ее глазами до перва-
 го кустарника, въ который она опустилась. Потомъ, глядя
 на присадку — странное дѣло! — голубь-то оборвался и уле-
 тѣлъ!... Я понялъ, что безъ него сидѣть въ шалашѣ нече-
 го, и рѣшился преслѣдовать моего свиристеля. Да! я-было
 и забылъ сказать, что птица была именно свиристель. Къ
 несчастію при мнѣ не было собаки, и пришлось самому го-
 няться за нимъ. Иду въ кусты... Порхъ! взлетѣлъ... бацъ!
 нырнулъсь перья... поднимаю одно и втыкаю себя въ пет-
 ляду.... Впрочемъ, извѣстно, свиристели долговѣчны..... Въ
 этомъ, ужъ наварно, сидѣли двѣ дробинки, а улетѣлъ и опу-
 стился, этакъ, саженахъ въ полутораэта. Я за нимъ; да
 шлутъ догадался съ кѣмъ имѣетъ дѣло : не подпускаетъ
 ближе какъ сажень на пятьдесятъ на шестьдесятъ. Мнѣ
 что за дѣло! я всё палю да палю, и, сказать правду, остер-
 веннѣлся какъ тигръ : попался мнѣ тогда въ руки этотъ
 свиристель, я кажется, вотъ такъ бы и съѣлъ его живаго.
 Однако жъ, я и въ самой вещи проголодался. Хорошо еще,
 что взялъ съ собою изъ дому кой-чего съдобнаго : такъ
 закусилъ, понравился, и продолжалъ преслѣдовать пти-
 цу. Ужъ наша братья — горячія головы! какъ расходятся,
 такъ только держи.... Проклятый свиристель былъ точно
 замедованъ, какъ та птица, за которою гонялся принцъ Ка-
 ремальзаманъ! За нимъ да за нимъ : непримѣтно забрелъ я
 въ пространную долину близъ Санъ-Сира; ноги мои подгиба-
 лись, а онъ Богъ-знаетъ гдѣ притаился. Между-тѣмъ на-
 ступили сумерки; приближалась ночь; въ отчаяніи, я вы-

стрелялъ послѣдній разъ на-удачу. Видно этотъ выстрѣлъ очень перепугалъ птицу: она взвилась, и я видѣлъ, какъ провѣсивъ приле по направленію къ деревнѣ Сенъ-Сиръ. Мнѣ нечего было и думать возвращаться въ Марсель: я рѣшилъ переночевать въ Сенъ-Сиръ. Къ счастью, въ этотъ вечеръ не было представленія въ театрѣ.

Дальнѣйшій завтракъ ни сколько не помывалъ мнѣ ужасно проголодаться къ вечеру, и въ Сенъ-Сиръ я пошелъ прямо въ гостиницу Чернаго Орла, гдѣ хозяинъ былъ мой старинный знакомый. Я спросилъ себя ужинать, и рассказавъ свое приключеніе. После минутнаго размышленія онъ отвѣчалъ: «Вашъ свистѣтель долженъ быть здѣсь, на пустоши, что вправо отъ большой дороги. Если хотите, возьмемъ завтра мою собаку, и непременно отыщемъ.»

Чего жъ лучше! прекрасно! И вотъ, на другой день, рѣзехонько утромъ, отправились мы вмѣстѣ съ хозяиномъ и съ его собакой. Чудо, что за собака! Едва едва подошли мы къ пустоши какъ она стала, словно вкопаная, словно приросла къ землѣ. Да! нечего сказать, Солиманъ былъ мастерски дрессированъ, и, кажется, цѣлый бы вѣкъ не тронулся съ мѣста, если бъ хозяинъ не закричалъ ему: «Пиль! Пиль!» При этихъ словахъ Солиманъ бросился, и снугнулъ моего свистѣтеля; я прицѣлился по немъ чрезвычайнаго удачно: теперь, думаю, ужъ не свернется!.. пафъ!.. мимо.

— Ну что, сосѣдъ! сказалъ мнѣ хозяинъ Чернаго Орла: если ты всегда будешь такъ стрѣлять по этой птицѣ, такъ, пожалуй, она еще заведетъ тебя въ Римъ.

— Въ Римъ? Такъ что жъ! Я и туда за ней отправлюсь: мнѣ давно хотѣлось побывать въ Римъ и взглянуть на папу. Кто жъ мнѣ запретитъ глядѣть на папу? не ты ли?..

Я былъ въ себя, и если бъ хозяинъ сталъ противорѣчить, я, кажется, пустилъ бы въ него изъ другаго ствола, потому что ружье-то мое было двуствольное. Но онъ себя на умъ!

— Ну, говорить, ступай куда хочешь: дай Богъ счастливо! Возьми, пожалуй, и мою собаку. На обратномъ пути, говорить, приведишь.

Разумается, что я охотно принялъ такое предложеніе,

простился съ хозяиномъ, и отправился съ Солиманомъ. Онъ тотчасъ опять отыскалъ свиристеля; а съ досады, выстрадивъ по немъ изъ обоихъ створовъ вдругъ... пулъ! пулъ!... вообразите! опять мимо! Солиманъ взглянулъ на меня, какъ бы спрашивая: что жъ это такое?... потому подошелъ ко мнѣ, и сдѣлалъ невѣжество, такое невѣжество.... Ахъ, чортъ возьми! сдѣлай мнѣ такое оскорбленіе человекъ, а бы съ нимъ тотчасъ посчитался на ножахъ: а съ собакой, ну, что прикажете дѣлать!... она же притомъ и убивала.

Однако жъ невѣжество Солимана до того меня раздражило, что съ этой минуты я совсѣмъ забылъ про Марсаль, пошелъ дальше дальше: и, какъ бы вы думали, куда зашелъ? Въ Леръ!... Я никогда не бывалъ въ этомъ городѣ, но тотчасъ узналъ его по апельсиновымъ садамъ. Мнѣ ужъ правда, давно хотѣлось отвѣдать апельсиновъ прямо съ дерева, и я радовался, что наконецъ представляется удобный случай исполнить мое желаніе. Что касается до моего свиристеля.... чортъ бы съ нимъ!... я видѣлъ, какъ онъ пролетѣлъ въ одинъ изъ садовъ, да ужъ не пошелъ за нимъ, а отправился прямо въ гостиницу, заказавъ себѣ ужинъ, а между тѣмъ забрался въ садъ повать апельсиновъ. Едва успѣлъ я подвѣсть къ дереву, вдругъ слышу; пи, пи, пи, пѣіііі, пи... Что за дьявольщина! Смотрю по направленію Большой Медвѣдцы, и вижу, между моимъ глазомъ и Большой Медвѣдцей, высоко, на вѣткѣ лавроваго дерева, мой бестія свиристель сидитъ да попкиваетъ!....

Я къ ружью.... Каково несчастіе!.... оставилъ въ гостиницѣ!... Нечего дѣлать! думаю: дай, подожду; вѣдь ужъ, рано ли поздно ли, а всё кто-нибудь да придетъ сказать, что ужинъ готовъ; тогда попрошу принести ружье. Такъ и случилось: хозяинъ пришелъ наконецъ за мною. Я сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ говорилъ по-тише, и указывалъ на итциу.

— Ну, что жъ! это свиристель, сидѣлъ онъ.

— Тсъ.... Подайте, пожалуйста, мое ружье.

— Вы хотите стрѣлять свиристеля?

— Да.

— Поздно.

— Какъ, поздно?

— После вчерашъ въ городѣ стрелять запрещено! Кто выстралитъ, съ того три франка двенадцать сантимовъ штрафу, да на два дня въ тюрьму.

— Пусть! Я заплачу штрафъ и пойду въ тюрьму..... Подайте мое ружье.

— Какъ бы не такъ! Вадь и меня обвинять въ соучастіи! Лучше отложите до завтра.

— Какъ, до завтра? вскричалъ я: да завтра мнѣ ужъ стъ не выйти!

— Все равно; найдете другаго.

— Другаго! Не нужно другаго! мнѣ надобно этого! Такъ ты не знаешь, что за этимъ-то именно гонюсь я отъ самой Марсели, что ея-то именно хочу добыть, чтобы отщипать, чтобы съесть, чтобы.... Подайте мое ружье.

— Нтъ, ужъ извините! я не хочу въ-за васъ въ тюрьму. А завтра, честное слово, ударить къ заутрени; я, кихъ тутъ, принесу вамъ ружье! если вы теперь издумаете нтъ въ нимъ сами, такъ я, право, спугну вашего свиристеля.

— Чортъ возьми!... такъ и быть, до завтра такъ до завтра.... Велите же подать мнѣ сюда поужинать; да если бы по-тише.... Ну, до заутрени!...

Отужинавъ, долго сидѣлъ я въ раздумь; наконецъ сонъ одолѣлъ меня, и я заснулъ. Во снѣ вижу, будто лавровое дерево, на которомъ сидитъ моя ивица; больше и больше уходитъ въ землю, такъ, что ужъ я рукою могу достать ее. Отъ такой радости я проснулся. Начинало свѣтать; свиристель пиликалъ, а я сидѣлъ какъ на иголкахъ въ ожиданіи звону къ заутрени. Наконецъ колокола загудѣли, и трактирщикъ принесъ мнѣ ружье. Въ ту самую минуту какъ я готовился выстралить, необходимый свиристель перелетѣлъ мнѣ саду въ конопляникъ: бадняжка еще не завтракала, и желудокъ его, видно, забурлилъ. Я бросилъ козину деньги за лунку, востремакъ кинулся за моимъ крылатымъ блыцесомъ.

Въ конопляникъ поймалъ-было меня опережь, и хотѣлъ стащить къ судью; да я пулъ его ногой въ лавротъ) и убежалъ въ чистое поле, во не переставая лнатьса на своей добычей.

На этотъ разъ, господа, единаго не было: факрси; тнл

принуждаютъ бѣгъ итаться кой-какими дикими тродинъ, а воду пить въ ручьяхъ. Тутъ, очутился я на берегу большой высохшей рѣки. Рака была Варъ : я и не приметилъ, какъ, погнался за свиристелемъ, очутился за границей.

Ну, да ужъ зато сейчасъ подстрѣлю негодную птицу : вода чистое, ни душка, гдѣ бы ей можно спрятиться. Постой, голубушка!... такъ раздумывалъ я, продолжая идти, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, ястребъ, — и кань-карашъ моего свиристеля!... Я чуть не упалъ въ обморокъ.

Кое-какъ добрался я до ближайшаго города Нриды, и, остановившись въ гостиницѣ «Юркъ», спросилъ комнату и ужинъ на четверыхъ.

— Дарно вы ожидаете товарищей? спросилъ мальчикъ.

— Дѣлай, что велятъ, отвѣчалъ я.

Мальчикъ вынулъ ; я сунулъ руку въ карманъ, чтобъ навести справку, много ли у меня денегъ, и будетъ ли чѣмъ расплатиться за ужинъ. Боже!... Представьте мое положеніе! карманъ разорвался, и въ немъ не осталось ни гроша.... Волосы стали у меня дыбомъ, когда вспомнилъ о закаранномъ ужинѣ на четыре особы. Звоню изо всей силы въ колокольчикъ.

Прибѣжалъ мальчикъ.

— Ты заказалъ ужинъ? спросилъ я.

— Заказалъ, сеньоре.

— Скажи жъ, что не нужно.

— А ваши-то товарищи?

— Они закричали мнѣ въ окошко, что не голодны : а, вѣнчмаешь, если друзья мои не голодны, такъ и мнѣ есть не хочется.

Мальчикъ ушелъ. Однако жъ положеніе мое было самое неприятное. Платье изорвано въ клочки, денегъ ни гроша; все богатство съестное въ рукахъ : но что за него ладить? разве какую-нибудь бездѣлицу? Правда, бѣгъ у меня еще перстень съ кошачьимъ; но это подарокъ любимой особы, и съ нимъ я не хотѣлъ бы расстаться ни за что въ свѣтъ. Съ гѣры легъ я спать, и заснулъ богатырскимъ сномъ; вѣдо, проснувшись, почувствовалъ непомерный голодъ. Сидя на кровати и повертывая пальцами съ права на лѣво и съ лѣва на право, сталъ изпридумывать, какъ тутъ быть.

Вдругъ, въ углу комнаты я замѣтилъ виолончель и вскрикнулъ отъ радости.

Вы спросите, что же общаго между виолончелью и голоднымъ человекомъ? разве то, что у обоихъ пусто внутри? Но даже въ томъ, что я таки порядочно играю на виолончели. Я схватилъ инструментъ въ свои объятія, какъ стариннаго знакомаго, и началъ играть. Вскорѣ вся трактирная прислуга сбѣжалась ко мнѣ. Положеніе мое проникло въ душу виолончели: я извлекалъ изъ нея радужавшія звуки, звуки грусти до отчаянъ и страданій тогдашаго желудка: могу сказать, что звуки эти были действительно трогательны и выразительны! Къ тому жъ, вы знаете, до какой степени Италианцы любятъ музыку! Корридоръ былъ полонъ людьми: время отъ времени одобрительный шепотъ достигалъ до ушей моихъ; наконецъ, дверь комнаты отворилась, и хозяинъ дому вошелъ въ ту самую минуту, когда подъ моимъ смычкомъ замирали послѣдніе звуки. Я обернулся къ нему и, держа въ рукахъ инструментъ, чувствовалъ свое превосходство.

— Просту извинить, синьоре, что вошелъ безъ доклада; но вы сами тому причиною.

— Помилуйте! отвѣчалъ я: вы хозяинъ дому.

— Вы, синьоре, знаменитый артистъ?.... Что, если бъ вы вздумали дать здѣсь музыкальный вечеръ?....

Въ умъ моему тотчасъ блеснула свѣтлая мысль.

— Вечеръ.... сказагъ я презрительно: да разве вы думаете, что онъ мнѣ окунется?

— Почему же не такъ? Теперь слыкалось на зиму много Англичанъ. Въ одной моей гостинницѣ остановилось ихъ по-крайней-мѣрѣ человекъ пятнадцать. Если позволите, мы намечтаемъ афиши и раздадимъ билеты. Я вамъ ручаюсь за триста франковъ чистаго сбора.

— Три ста франковъ! вскричалъ я.

— Оно, конечно, бездѣлица; но вѣдь городъ нашъ не Парижъ и не Римъ.

— Ну, харейше! велите же подать мнѣ завтракъ, и, въ добрый часъ, печатайте афиши.

Хозяинъ, выходя изъ моей комнаты, вскричалъ: «Подать мнѣ номеръ четвертый завтракъ: порванъ сорнулъ...»

И чуть не сонелъ съ ума отъ радости; обнявъ маленькую и сыгралъ сарабанду.

Только-что я кончилъ, мальчики принесли завтракъ... Действительно, онъ былъ перваго сорту. Я сѣлъ за столъ съ неизъяснимымъ наслажденіемъ, потому что постился ровно двадцать осемь часовъ ерду. Я уже былъ кобе, когда хозяйка опять вошла ко мнѣ:

— Довольны ли вы завтракомъ? спросилъ онъ.

— Чрезвычайно!

— Съ моей стороны все улажено; афини разославы, и теперь ужъ нельзя отказать.

— Я и не отказуюсь. Но, скажите, пожалуйста, какъ бы мнѣ возвратиться въ Марсель. Мнѣ хотѣлось бы отправиться завтра.

— А вотъ, въ гавани стоитъ очень хороший бригъ, и именно завтра утромъ отплываетъ въ Тулонъ. Капитанъ брига мой старый пріятель.

— Весьма кстати, я не бривалъ еще въ Тулонъ и раль взглянуть на него.

— Такъ пользуйтесь случаемъ.

— Но вотъ чтó!... я боюсь воды....

— Въ теперешнее время года по морю вздѣтъ такъ по маслу.

— А длиненъ ли перевздъ?

— Не болѣе какъ часовъ шесть.

— Бездѣлица! Вду на вашемъ бригѣ!

Концертъ начался и кончился въ назначенное время: изъ скромности не скажу вамъ ничего болѣе. Я получилъ исправно триста франковъ; и на другой день отплылъ на бригъ *Notre Dame des sept douleurs*, капитанъ Гарнѣ.

Отъ качки со мной сейчасъ случилась жестокая болѣзнь, и я, пролежавъ часа съ два въ своей каютѣ, начиналъ было оправляться, какъ вдругъ, слышу, на палубѣ суматоха, а вслѣдъ за тѣмъ и барабанный бой.

— Другъ мой, спросилъ я перваго попавшагося матроса, который несъ охапку сабель: зачѣмъ это барабандтъ?

— А зачѣмъ, видно, что Англичане близко, отвѣчалъ онъ прерывающе и не останавливаясь.

За этимъ матросомъ пришелъ другой съ цѣлой кучей

ника, да не была тратой от трудов жизни. Все это заставило меня догадываться, что тут должно быть что-нибудь важное. Шум утихнул, и я с нимъ возрасталю и мое безпокойство. Я поспешивалъ, и сталъ собираться на вервь: съ лестницами, увидя я капитана, который спокойно курилъ трубку, сидя на опрокинутомъ ящике:

— Здравствуйте, капитанъ, сказалъ я: что вы тут затываете?

— А что вы, мосье Луэ?....

— Такъ точно, капитанъ, это я съ. Что-то не здоровилось; теперь лучше.

— Мосье Луэ, видели вы когда-нибудь морское сражение?

— Никогда, капитанъ.

— Желаете посмотреть?

— Признаюсь, не имью ни какой охоты.

— Жаль! А скоро увидите.

— Что вы, капитанъ, что вы, Богъ съ вами! сказалъ я, блѣдный и не въ состоянн владеть собой: вы, видно, смьетесь надою мно.... О, какой же вы насъблѣнникъ!....

— Я вовсе не смьюсь. Поднимитесь еще на двѣ ступеньки.... Взойшли?

— Взошелъ.

— Ну, что жъ вы видите?

— Я вижу три прекрасные корабля.

— Посчитайте хорошенько.

— Четыре, пять, шесть.... Да! шесть кораблей.

— Увидете ли вы различать флаги?

— Плохо.

— Ну, да всё-равно: смотрите на самый большой.... Что вы видите на этомъ флагъ?

— Я не знатокъ въ геральдическиххъ знакахъ; впрочемъ, если не ошибаюсь, я вижу арфу.

— А вотъ сейчасъ она сыграетъ намъ арию. Это Арфа ирландская.

— Но, капитанъ, говорилъ я, корабли еще далеко отъ насъ; распусните паруса.... вы можете еще снастись. По-крайней-мьрь, я, на вашемъ мьсть, непременно бы ушелъ. Не про-

— Ну, вотъ, сказалъ капитанъ, ударивъ меня по плечу : мы и на нѣтъ!

— Вѣна правда; кажется, мы теперь въ безопасности.

— Да, благодаря бурѣ. Антициклонъ былъ отъ насъ столько хлопотъ, что имъ нѣкогда стало думать про насъ.

— Вероятно, мы теперь близъ Острова Святой Маргариты?

— Почему жъ вы такъ думаете?

— Да вонъ, виднѣется островъ, указалъ я капитану : это должно быть Островъ Святой Маргариты.

— Со всемъ нѣтъ : это островъ Эльба.

— Такъ или я не твердъ въ географіи, или островъ Эльба не такъ далекъ отъ Тулона, какъ я полагалъ.

— Гдѣ же вы видите Тулонъ?

— Да вѣдь это тулонская гавань?... Отъѣзжая изъ Ниццы, вы сами же сказали, что мы отправляемся въ Тулонъ?

— Любезный Луэ, знаете ли вы пословицу : человекъ предполагаетъ....

— А Богъ располагаетъ. Знаю, капитанъ; въ этой пословицѣ весьма много философій.

— И много справедливаго.

— Да скажите, пожалуйста, гдѣ мы?

— Въ Шюмбино.

— Въ Шюмбино! вскричалъ я. Чтѣ вы говорите? Если это правда, такъ мнѣ придется возвращаться въ Марсель черезъ Сандвичевы Острова, на которыхъ погибъ капитанъ Бушъ.

— Нѣтъ, эти острова не по дорогѣ.

— Ахъ, Господи! какъ я далеко захалъ отъ родины!

— И я тоже. Знаете, я изъ Бретани.

— Какъ же возвратиться?

— Куда? въ Бретань?

— Нѣтъ, въ Марсель.

— Если хотите моремъ, такъ мой бригъ къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю покорно. Я уже испыталъ, чтѣ значитъ путешествовать моремъ!

— А если сухимъ путемъ, такъ надобно взять извозчика. Угодно? я велю свезти васъ на берегъ.

Распрощавшись съ капитаномъ, котораго, какъ я послѣ узналъ, убило англійскимъ ядромъ, я сошелъ на берегъ и отправился прямо въ гостиницу. Вакзавъ обѣлъ, я тотчасъ озабочился собрать свѣдѣнія о предстоящемъ путешествіи и нанять извозчика, который за тридцать франковъ взялся довести меня до Флоренціи, откуда по его уверенію можно всегда найти попутчицъ въ Марсель.

Мы должны были отправиться въ тотъ самый вечеръ и ночевать въ Скарлино. Въ два часа карета извозчика подъѣхала къ гостиницѣ. Мы съѣли и похвали. Настъ было пять пассажировъ, въ томъ числѣ одинъ мой соотечественникъ, котораго называли москѣ Эрнестъ.

Москѣ Эрнестъ, красивый гусаръ лѣтъ двадцати-семи, положилъ шаръ пистолетовъ въ нарятную сумку, и поместился впереди меня. Онъ казался очень печальнымъ, и былъ все неразговорчивъ.

Такимъ образомъ молча доѣхавъ я до Скарлино, гдѣ мы остановились въ самомъ дурномъ трактирѣ. Ночь провелъ я весьма безпокойную, а въ три часа утра, когда едва началъ смыкать глаза, извозчикъ принялъ объявить, что время отправляться въ дѣлительнѣйшій путь.

Взявъ свое ружье и ягтажъ, я хотѣлъ-было сѣсть на свое мѣсто; но извозчикъ остановилъ, и принудилъ меня положить ружье на козлы, чтобы оно не обезопасило другихъ путешественниковъ.

— Пожалуй, сказалъ я, отдавая ему ружье: припомню въдь я и не военный, а просто четвертый контра-басъ марсельскаго театра.

— А! вы четвертый контра-басъ марсельскаго театра! промолвилъ москѣ Эрнестъ: стало-быть вы знали ту прекрасную танцовщицу, украшеніе вашей сцены назаль тому три или четыре года?

— Смію спросить, какъ ее зовутъ?

— Мамзель Зефирина.

— Помилуйте, какъ не знать? Она уѣхала въ Италію. Удивительная танцовщица!

На этомъ нашъ разговоръ и кончился. Отъ скуки я заснулъ; не помню, долго ли проспалъ, какъ вдругъ мнѣ во-

слышалось сквозь сонъ ; будто карета наша остановилась ; слышю проснуться , не могу ; вдругъ , слышу два пистолетныя выстрала. Открываю глаза и , что же ? Дуло собственнаго моего ружья приставлено къ моей груди!... Мы были оставлены шайкою разбойниковъ , котѣрые изъ всей силы кричали : *Fascia in terra!* Я понялъ , что это значить «лягъ носомъ въ землю», и поспѣшилъ исполнить приказаніе: товарищи мои лежали въ такомъ же положеніи , исключая Эрнеста , который храбро защищался , наконецъ былъ принужденъ уступить силу и сдаться. Цѣлый часъ насъ обгискивали и грабили; у меня отобрали и деньги и завѣтный перстень съ солитеромъ. Въ заключеніе одинъ изъ разбойниковъ спросилъ :

— А что , господа , нѣтъ ли между вами музыканта?... Ну , что жъ , отвѣчайте на мой вопросъ!

— Есть одинъ.... контра-басъ , сказалъ Эрнестъ.

— Который ?

Я лежалъ ни живой , ни мертвый.

Меня подняли за воротъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Ничего особеннаго. Капитанъ нашъ давно отгискивалъ музыканта и будетъ восхищенъ нашею находкою.

При этихъ словахъ два бандита схватили меня и потащили , крѣпко-на-крѣпко запретивъ моимъ дорожнымъ товарищамъ вставать съ земли прежде какъ черезъ четверть часа.

Что касается до меня и до разбойниковъ , то мы перешли превысокую гору и въ пять минутъ переправились черезъ потокъ; потомъ въехали въ густой сосновый лѣсъ , и остановились въ пятидесяти шагахъ отъ харчевни , на проселочной дорогѣ: одинъ изъ разбойниковъ поехалъ впередъ и черезъ нѣсколько минутъ подаль знакъ , что можно ѡхать и остальнымъ. По прїѣздѣ въ гостинницу , шайка разошлась ; только два человека остались при мнѣ для надзору. Вслѣдъ за тѣмъ меня позвали къ атаману. Онъ сидѣлъ съ хорошенькой дѣвушкой за столомъ , уставленнымъ винами и кушаньемъ.

Атаманъ былъ прекрасный мужчина , лѣтъ этакъ тридцати-пяти , и одѣтъ точь-въ-точь какъ одеваются наши марсельскіе

актеры въ роль разбойниковъ; на немъ было голубое бархатное полукафтанье, красная ошолоха; съ серебряными украшениями, и за шей два пистолета да кинжалъ. Я думалъ: ужъ не репетиція ли это? Дѣвушка своею одеждою походила на ринскую несиеланку. Я не потерялъ присутствія духа, и успалъ замѣтить, что на пальцѣ у дѣвушки надѣтъ мой перстень съ солитеромъ.

— Вотъ музыкантъ, связалъ одинъ изъ разбойниковъ.

Я поклонился.

— Какой ты націи? спросилъ атаманъ по-италіянски.

— Я Французъ, ваша милость.

— Ахъ, какъ я рада! сказала дѣвушка.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что почти все присутствующіе говорятъ по-французски.

— Ты музыкантъ?

— Четвертый контра-басъ марсельскаго театра.

— Неужели?... спросила дѣвушка.

— Пикаръ! сказалъ атаманъ, обращаясь къ своему помощнику: чтобы къ завтрашнему дню у насъ явился віолончель.

— А ты, милая Риня, надѣюсь, не откажешься теперь протанцовать.

— Изволь.

Странное дѣло! чѣмъ болѣе я вглядывался въ Риню, тѣмъ болѣе казалось, что какъ-будто я ее прежде гдѣ-то видывалъ. По ея просьбѣ мнѣ подали приборъ и стулъ со всею возможною вѣжливостію. Я заключилъ изъ этого, что положеніе мое у синьора Антоніо, — имя атамана, — будетъ довольно сносно.

Мамзель Риня угощала меня очень ласково, а атаманъ между-тѣмъ игралъ доконами дѣвушки, и нѣсколько разъ спрашивалъ: «Будешь ли танцовать, Ринечка?» Она отвѣчала: «Можетъ-быть и буду.» Послѣ ужина меня отпустили спать, и дали выспаться вдоволь; на другой уже день, когда я открылъ глаза, мнѣ сунули въ руки віолончель, и велили идти къ Антоніо. Я засталъ его съ Риней, которая тотчасъ пошла одѣться для танцевъ.

— Ну, *музико*, сказалъ мнѣ атаманъ: надѣюсь, что ты постарашься отличиться.

— Оу величайшимъ усердїемъ, ваше сіятельство, отвѣчаю я.

— И хорошо сдѣлаешь; потому что если буду тобой доволенъ, то возвращу тебѣ твои три ста франковъ.

— А перстень?

— О перстнѣ нечего и думать. Ты видѣлъ, что онъ на рукѣ Рини. — А вы, ребята, по мѣстамъ! сказалъ онъ разбойникамъ: то-то задамъ вамъ праздникъ!

— *Evviva il capitano!* вскричали они.

Въ это время Риня показала въ дверяхъ и однимъ прыжкомъ очутилась на сценикѣ залы. На ней былъ костюмъ баядерки: коротенькая газовая юбка съ серебряннымъ корсажемъ. Въ этомъ костюмѣ Риня была очаровательна. Я схватилъ смычокъ, и вообразилъ, будто сижу въ нашемъ марсельскомъ оркестрѣ.

Я заигралъ раз *de châte*. Риня начала выдѣлывать неподражаемыя прыжки и пируэты. Разбойники кричали «бравва!», а я смотрѣлъ и думалъ: «Чортъ возьми! эти ножки мнѣ чрезвычайно знакомы!» Казалось, эти ножки дѣлаютъ мнѣ знаки и узнаютъ меня. Я увѣренъ, что если-бъ эти ножки умѣли говорить, то, навѣрное, сказали бы: «Здравствуйте, мосье Луэ!»

Среди танца вошелъ запыхавшійся трактирщикъ и сказалъ нѣсколько словъ на ухо атаману.

— *Dove sono?* спросилъ спокойно атаманъ.

— А San Dalmazio! отвѣчалъ трактирщикъ.

— Доканчивай твое па: еще поспѣемъ.

— Что тамъ такое? спросила Риня, нагнувшись впередъ и округляя руки.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Антонио: кажется, проклятые путешественники, которыхъ мы не много пощипали, донесли на насъ во Флоренціи, и за нами гонятся гусары.

— Занавѣсь во время опускается, смѣясь сказала Риня: я кончила свое па.

Она обернулась къ собранію, присѣла и исчезла за дверью той комнаты, въ которой одѣвалась.

— Теперь, къ оружію! вскричалъ атаманъ. Приведите лошадей для Рини и музыканта, а мы отправимся пѣшкомъ по дорогѣ въ Романью! Слышите?

— Развѣ вы и жена возьмете съ собою? спросилъ я Антоңио.

— Конечно. Риня не можетъ танцовать безъ твоей музыки, а я не могу жить безъ ея танцевъ!... Сколько ты получалъ жалованья при театрѣ?

— Осемь сотъ франковъ.

— Я даю тебѣ шесть тысячъ.

Надобно было повиноваться. Пикарь вошелъ доложить, что все готово. Явилась и мамзель Риня въ своемъ ринскомъ костюмѣ.

— Идемъ! сказалъ атаманъ.

— Гусары, гусары! закричалъ трактирщикъ.

Всѣ поспѣшили сойти съ лѣстницы. У воротъ уже стояли двѣ осѣдланныя лошади.

— Чтò жъ вы не предлагаете мнѣ вашей руки и не посадите меня на лошадь? сказала Риня, обращаясь ко мнѣ: это съ вашей стороны вовсе не любезно.

Машинально протянулъ я ей руку, какъ вдругъ почувствовалъ, что она всунула мнѣ въ нее записку.

«Чтò это? подумалъ я: ужъ не любовное ли объясненіе?»

Я изъ страху быть соперникомъ атаману хотѣлъ-было бросить бумажку. Однако жъ, любопытство взяло верхъ; я спряталъ записку въ карманъ. Трактирщикъ вновь закричалъ: «Гусары, гусары!»

Дѣйствительно, вдали послышался конскій топотъ. Пять или шесть выстрѣловъ раздалось въ шумъ; пули просвистали мимо насъ.

— Налѣво! закричалъ атаманъ.

Мы своротили въ какую-то долину, пустились въ бродъ черезъ потокъ, и, пока гусары скакали во весь карьеръ по большой дорогѣ, мы пробирались окольными извилинами, черезъ горы и долины, до цѣли нашего путешествія. На разсвѣтъ прибыли мы въ Шанчамо. Хозяинъ гамонной гостинницы принялъ насъ какъ гостей, давно ожидаемыхъ; казалось, онъ уже привыкъ къ такого рода посещеніямъ.

Мы ѣхали двѣнадцать часовъ, и, сколько я могъ сообразить, сѣдлали двадцать миль.

Меня сняли съ лошади вмѣстѣ съ виолончелью. Повѣрите ли? я такъ одеревенѣлъ съ устатку, что былъ не лучше своего инструмента.

Разбойники спросили завтракать, а я попросилъ позволенія отдохнуть. Мнѣ отвѣли комнату съ однимъ окномъ, задыраннымъ желѣзною рѣшеткою; двери этой комнаты выходили въ залу, гдѣ завтракали разбойники: нельзя было и подумать о бѣгствѣ. Оставшись одинъ, вспомнилъ я про записку. Она была такого содержанія:

«Любезный мосѣ Луэ! Общество, въ которомъ я нахожусь, мнѣ столько же не нравится какъ и вамъ; но, чтобы избавиться отъ него, нужны крайняя осторожность и благоразуміе; надѣюсь, что, въ свое время, вы докажете и ту и другую. Впрочемъ, я и сама въ этомъ отъ васъ не отстану, а до-тѣхъ-поръ не показывайте и виду, что меня знаете.

«Мнѣ хотѣлось бы возвратитъ вамъ вашъ перстень, на который вы всегда смотрите съ такимъ безпокойствомъ; но до некотораго времени сдѣлать этого не могу: онъ нуженъ мнѣ для общей нашей пользы. Прощайте, любезный мосѣ Луэ. Надѣюсь, что мы скоро будемъ свободны и увидимся на сценѣ марсельскаго театра.

«Зефирна.»

P S. «Проглотите эту записку.»

Прочитавъ подпись я все понялъ.

Я поморщился, но проглотилъ записку, и уснулъ спокойно, радуясь, что нашелъ въ этой шайкѣ хоть одну душу, хорошо ко мнѣ расположенную. Я спалъ очень крѣпко; вдругъ почувствовалъ я, что меня будятъ: открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою помощника атамана.

— Вставайте, вставайте, сказалъ онъ: гусары въ Монтепульчано; черезъ четверть часа мы отправимся въ путь.

Я вскочилъ и на-скоро одѣлся. Первая, при входѣ въ залу, попалась мнѣ Зефирна; она была весела до крайности. Я не могъ надѣвиться душевной твердости этой дѣвушки, и старался ей подражать. Между-тѣмъ, чтобы успокоить ее, я сдѣлалъ знакъ, что записка уничтожена.

— Скоро ли мы поведемъ? спросила она Антошію.

— А вотъ, сейчасъ посмотрю.

Съ этими словами онъ вышелъ. Зефирна бросилась къ окну, сняла мой перстень и быстро начертила имъ что-то на стеклѣ.

— Пойдемте, пойдемте, сказалъ вошедшій атаманъ: мы отдохнемъ въ Сорано.

Потомъ онъ проворчалъ сквозь зубы: «Или между нами есть изменникъ, или эти гусары колдуны.»

Лошади такъ же какъ вчера, ожидали насъ у подъезда, и путешествіе совершилось обыкновеннымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что мы отправились утромъ и прибыли на мѣсто назначенія за долго еще до полудня.

Едва успѣлъ я лечь спать, какъ послышался ужасный шумъ. Я вскочилъ съ постели, отворилъ дверь, и спросилъ:— Что тамъ такое?

Комната была полна вооруженными разбойниками.

— А вотъ что! вскричалъ атаманскій помощникъ: мы окружены проклятыми гусарами, и между нами конечно есть изменникъ. Тысячу бомбъ! если бъ я подозревалъ, что это ты.....

— *Di qua! di qua!* сказалъ трактирщикъ, отворяя потайную дверь.

Антоніо бросился въ нее первый, таща за собой Зефирину; помощникъ толкнулъ меня, а за мной хлынула и вся шайка. Хозяинъ провелъ насъ мимо дровянаго двора и, молча, показалъ подвалъ. Атаманъ безъ объясненій спустился по лѣстницѣ, поддерживая Зефирину; мы все последовали его примѣру. За послѣднимъ изъ насъ хозяинъ закрылъ опускающую дверь подвала и забросалъ ее хворостомъ. Одинъ разбойникъ, для большей безопасности, отнялъ лѣстницу, такъ, что если бы насъ и отыскали, то нужно было бы скакать въ глубокую яму и не иначе какъ по одному.

Едва только успѣли мы разместиться въ подвалъ, съ шумомъ отворились ворота трактира и явственно послышался стукъ сабель и ружейныхъ прикладовъ. Легко было понять, что солдаты гнались за нами по пятамъ. Въ подвалѣ насъ было двадцать человекъ и такая тишина, что можно бы услышать полетъ мухи. Зато надъ нами было со всемъ другимъ: солдаты нѣсколько разъ дѣлали поискъ даже на дровяномъ дворѣ, гдѣ было наше убѣжище, и тогда крики ихъ и ругательства, прерываемые звукомъ оружія, явственно отдавались въ безмолвномъ нашемъ подземельѣ. Спустя три или четыре часа весь этотъ шумъ утихъ и наступила совершенная тишина. Хозяинъ, открывъ подвалъ, объявлялъ, что

гусарамъ надобно тщетно искать насъ; что они отправились въ обратный путь; и что, следовательно, мы съюбо можемъ выйти: Покуда разбойники разспрашивали трактирщика о подробностяхъ, Зезирна взяла меня за руку и сказала тихонько:

— Мы спасены!

— Какимъ образомъ?

— Эрнестъ слѣдуетъ за нами.

— Кто это, Эрнестъ?

— Молодой гусарскій офицеръ.

— А! знаю моего Эрнеста. Я всталъ съ нимъ изъ Пюмбю... Онъ много говорилъ мнѣ о васъ.

— Онъ говорилъ обо мнѣ?... милый Эрнестъ!

— Онъ, вѣрно, колдунъ и чуетъ наши слѣды?

— Нѣтъ, любезный Луэ, не колдунъ. Во всѣхъ трактирахъ, гдѣ мы останавливаемся, я пишу на стеклѣ свое имя и названіе мѣста, куда отправляемся....

— А, понимаю! Такъ вотъ, для чего вамъ нуженъ мой перстень.

— Но она быстро отошла отъ меня и вѣшалась въ толпу разбойниковъ, такъ что когда капитанъ, отдавъ приказанія, оглянулся, то нашелъ ужъ ее возлѣ себя.

— Гусары убралась, Рина! сказалъ онъ.

— Уфъ! отдыхаю!.... Куда жъ они повхали?

— Хозяинъ говоритъ, будто это французскіе гусары, и не имѣютъ права преслѣдовать насъ далѣе, потому что здѣсь граница. Однако жъ, говоритъ, одному офицеру поручено всюду за нами слѣдовать и просить помощи вездѣ, гдѣ есть войска.

— Что же мы будемъ дѣлать?

— Отправимся въ путь.

— Я, право, очень устала.

— Потерпи, дружочекъ! Этотъ переходъ всего только въ тридцать пять миль. Завтра въ ночь мы будемъ внѣ опасности.

— Ну, такъ поведемъ.

— На лошадей! вскричалъ атаманъ.

Мы въехали въ глухой боръ; ужъ можно сказать, что разбойничій лѣсъ!.... и въ четыре часа по-полудни прибыли въ Капраполу.

На другой день, раноюно, опять выступили въ походъ: около одиннадцати часовъ утра перешли на паромъ какую-то реку, а завтракать остановились въ гостиница «Барберини».

— Здесь, сказалъ атаманъ, мы дома.

— Какъ, дома? спросила Зефирина. Въ такой скверной избѣ? Да гдѣ же твой знаменитый замокъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ?

— Я говорю: дома, то есть, въ своихъ владѣнiяхъ. Здесь ты можешь повелѣвать какъ маленькая королева.

— Ну, такъ я приказываю оставить меня въ покоѣ, покуда переодѣнусь; мнѣ стыдно показаться своимъ подданнымъ въ такомъ нарядѣ.

И она предложила намъ выйти въ другую комнату.

Антонио остался наединѣ со мною.

— Такъ вы имѣете собственный замокъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, не собственный. Имя мое слишкомъ известно, такъ одинъ знакомый помѣщикъ отдаетъ мнѣ въ наймы свой загородный домъ. Самъ онъ, по дѣламъ, живетъ въ городѣ, а я, такъ за порядочныя деньги, пользуюсь правами хозяина въ его замкѣ.

— Понимаю.

Во время нашего разговору, Зефирина вышла и сказала, что готова ѣхать далѣе.

— Такъ и въ дорогу! закричалъ Антонио.

Зефирина указала мнѣ на мой перстень: не мудрено было догадаться, для чего хотѣлось ей остаться одной. Въ два часа по полудни мы выѣхали, а въ четыре достигли цѣли путешествiя.

Мы въѣхали въ липовую аллею, въ концѣ которой виднѣлась рѣшетка чудной работы. На ту пору управитель шелъ изъ замку, и, едва завидѣлъ насъ, позвонилъ какимъ-то особеннымъ образомъ въ колоколъ: въ нѣсколько минутъ сбѣжалась вся дворня съ радостными восклицанiями. Каждого изъ насъ помѣстили въ особенные покои. Это былъ настоящiй дворецъ!

Мнѣ отвели комнату, расписанную съ удивительнымъ вкусомъ, и оставили одного, предупредивъ, что обѣдъ будетъ готовъ въ семь часовъ.

Только успѣлъ я принарядиться, послышался обиденный звонъ. Въ залѣ я навелъ красиваго мужчину съ молоденькою дамою и французскаго офицера. Мнѣ покавалось, не ошибся ли я, и хотѣлъ уже воротиться; но молодая дама остановила меня:

— Что жъ это, вы мосьё Луэ? развѣ не хотите съ нами обѣдать?

— Извините, мадамозель: я было не узналъ васъ.

— Вы можете-быть желаете обѣдать у себя въ комнатѣ? спросилъ атаманъ разбойниковъ.

— Какъ! это вы капитанъ?

Я просто не зналъ, что думать.

— Мосьё Луэ, конечно, не откажетъ намъ въ удовольствіи вѣсть откушать?

Я обернулся: со мною говорилъ помощникъ атамана; онъ былъ въ мундиръ французскаго офицера.

«Кушать готово!» доложилъ лакей.

Капитанъ подалъ руку Зефиринѣ, товарищъ его мнѣ, и мы всѣ четверо сѣли за столъ.

Послѣ сытнаго, даже роскошнаго, обѣда, капитанъ, котораго съ того времени стали называть графомъ Виллафорте, съ нами раскланялся.

На другой день предположено было, графу съ Зефириной вѣхать верхомъ, осматривать живописныя окрестности, а мнѣ съ его помощникомъ, охотиться въ паркѣ.

Остальное время дня прошло безъ приключеній, ночь провелъ я спокойно, а утромъ, когда допивалъ чашку шоколаду, вошелъ ко мнѣ атаманскій помощникъ.

— Я за вами, мосьё Луэ, сказалъ онъ: пора на охоту.

Я извинился, наскоро одѣлся въ приготовленное для меня охотничье платье и мы отправились. Выходя изъ воротъ мы встрѣтились съ канитаномъ и Зефириной.

— Желаю вамъ удачной охоты, сказалъ капитанъ: мы возвратимся къ четыремъ часамъ; думаю, что къ тому времени и охота ваша кончится.

— Надѣюсь, графъ, отвѣчалъ я: впрочемъ не смѣю увѣрять; иногда охота заведетъ Богъ-знаетъ куда.

— Во всякомъ случаѣ, Боманюаръ, поручаю тебѣ мосьё Луэ.

— Будьте спокойны, графъ.

— Графъ и Безирини, сдѣлали намъ дружескій знакъ рукою; и посканали въ талопъ; въ сопровожденіи двухъ жомесей; а я обратился съ вопросомъ къ моему спутнику:

— Позвольте спросить: графъ васъ назвасть Боманоаръ?

— Меня.

— Я думалъ, что фамилія эта давно пресъклась.

— Ну, что жь? но инъ она возродится; вотъ и все.

— Извините, если вопросъ мой не скрамень.

— О! нисколько, не беспокойтесь.

Охота началась. Я убилъ съ разу четырехъ свиристелей: доказательство, что марсельскій былъ заколдованъ! Боманоаръ смѣялся надо мною и спрашивалъ, что за охота стрѣлять такихъ птицъ. — Поберегите, говоритъ, заряды для фазановъ, зайцовъ и серна.

— Развѣ эти звѣри здѣсь водятся?

— Да! вонъ, видите?

Въ самомъ дѣлѣ, въ десяти шагахъ отъ меня пронеслась серна.

По временамъ попадались намъ на встрѣчу садовники и охотники; лица знакомыя, и, казалось, всѣ они были пероодѣтые разбойники. Сперва это поражало меня; но когда я припомнилъ, сколько истинно удивительнаго случилось со мною въ самое короткое время, то пересталъ удивляться и рѣшился ни на чемъ болѣе не останавливать вниманія.

Мы стрѣляли безпрестанно. Паркъ былъ очень обширенъ и обнесенъ высокимъ тыномъ; впрочемъ, кое гдѣ попадались рѣшетки, но сквезъ нихъ можно было любоваться на великолѣпныя виды: я стоялъ противъ одной изъ этихъ рѣшетокъ, Боманоаръ въ то время прицѣливался въ фазана; ко мнѣ подошелъ какой-то селянинъ.

— Signore говорилъ онъ за рѣшеткою: questo castello è il castello d'Anticoli?

— Извини, мой другъ, я не понимаю по-италіянски. Говори по-французски, если умѣешь, тогда охотно буду отвѣчать тебѣ.

— Ахъ! это вы, мосье Луэ! спросилъ селянинъ: вы меня не узнали?

— Нѣтъ, не имѣю этой чести.

— Эрнестъ, гусарскій офицеръ, вашъ дорожный товарищъ.

— А! мосьё Эрнестъ! это вы? Мадмоазель Зефириня будетъ очень рада васъ видѣть.

— Такъ Зефириня действительно здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, мосьё Эрнестъ! Она въ полону какъ и я!

— И вѣнчанъ Антонио....

— Никто иной какъ графъ Виллафорте.

— А этотъ замокъ?

— Вертепъ разбойниковъ.

— Вотъ все, что нужно было мнѣ знать. Прощайте, мосьё Луэ; если увидать васъ со мною, вы можете подвергнуться подозрѣнью. Скажите Зефирини, что завтра она получить обо мнѣ извѣстie.

Сказавъ это, онъ убѣжалъ въ лѣсъ.

— Arrortel Romeo, arrortel кричалъ Боманоаръ.

Я побѣжалъ къ нему.

— Вы, кажется, застрѣлили фазана? спросилъ я. О, какой прекрасный фазанъ!

— Да! но съ кѣмъ вы говорили, мосьё Луэ?

— Съ мужикомъ, который меня спрашивалъ о чемъ-то; къ сожалѣнью я не знаю итальянскаго языка.

— А! проговорилъ онъ, искоса смотря на меня, и зарядилъ ружье. — Любезный Луэ, прибавилъ онъ потомъ: я знаю итальянскій языкъ, а потому лучше самъ пойду вдоль тыну; быть-можетъ пройдетъ еще какой-нибудь прохожій, такъ я берусь отвѣчать ему на вопросы.

— Какъ вамъ угодно, мосьё Боманоаръ, отвѣчалъ я.

Охота кончилась какъ нельзя удачнѣе, и, должно отдать справедливость Боманоару, онъ былъ отличный стрѣлокъ.

Мы возвратились ровно въ четыре часа; графа Виллафорте и Зефирини еще не было.

Въ ожиданіи обѣда, я занялся игрою на виолончели; а въ пять съ половиною часовъ графъ и спутница его вошли въ залу.

— Ну, каково вы охотились? спросила меня танцовщица.

— Какъ-нельзя пріятнѣе. А вы пріятно ли погуляли?

— О, чрезвычайно! окрестности Антиколы безподобны.

— Капитанъ! сказать вѣдѣній Боманюаръ.

— Что вамъ нужно? Развѣ не знаете, что вѣдь я графъ Виллафурте?

— Капитанъ! повторилъ еще разъ Боманюаръ: я имѣю сообщить вамъ нѣчто важное.

— Извините, господа.... дѣла прежде всего.

Капитанъ вышелъ.

— Я видѣлъ сегодня Эрнеста, сказалъ я Зефирина.

— О, милый Эрнестъ! Онъ слѣдовалъ за нами по пятамъ?

— Вѣроятно.

— Поручилъ ли онъ вамъ что-нибудь сказать мнѣ?

— Онъ просилъ меня передать вамъ, что завтра вы получите объ немъ извѣстіе.

— О, какое счастье! Мы спасены.

— Но, мадамозель Рина, скажите мнѣ, пожалуйста, какъ рѣшились вы войти въ такое презрительное общество?

— Да такъ же, какъ и вы.

— Меня взяли силою.

— А меня развѣ иначе? Разбойникъ увидѣлъ меня въ театрѣ, влюбился и похитилъ.

— Этотъ человекъ сущій неучъ: не уважаетъ ни танцовщицъ, ни контра-басистовъ.

— Меня болѣе всего огорчаетъ то, что Эрнестъ думаетъ, будто я ухала съ однимъ Римляниномъ, который въ то время очень за мной ухаживалъ.

— О!....

— Тсъ.... вотъ и Антонио! —

— Что? вскричала Зефирина, подбѣжавъ къ нему: дурныя вѣсти?

— Не совсѣмъ; только, кажется, противъ насъ затѣвается что-то не доброе; надобно принять мѣры осторожно— сти.... Это, однако жъ, не помѣшаетъ намъ обѣдать.

— Ни сколько!

Но видимо разбойники опасались нападенія, потому что весь день прошелъ въ приготовленіяхъ къ оборонѣ; ночью разставленъ былъ вездѣ караулъ.

Зефирина, выбравъ удобную минуту, подошла ко мнѣ и тихонько сказала:

— Все идетъ хорошо.

Я не былъ того же мнѣнія, и, признаюсь, со страхомъ ожидалъ какого-нибудь важнаго переворота. Капитанъ просилъ Зефирину оставить его, и, прощаясь съ нею, прибавилъ:

— Страшное предчувствіе тяготитъ меня. Я совѣтовалъ бы тебѣ, Риня, не раздѣваться, и вамъ тоже, Луэ: чего добраго, насъ, пожалуй, разбудятъ ночью!

Мы ушли, каждый въ свою комнату.

Нѣсколько часовъ провелъ я въ грустномъ раздумьѣ; мысли путались въ лабиринтѣ догадокъ; наконецъ глаза невольно сомкнулись; не знаю, сколько времени я спалъ: вдругъ, слышу кто-то отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Скорѣе, скорѣе, сказалъ мнѣ голосъ.

— Что такое? спросилъ я, вскочивъ съ постели.

— Ступайте за мною!

— Я взялъ мою віолончель и послѣдовалъ за голосомъ.

Не могу описать вамъ, господа, тѣхъ извилинъ и изворотовъ, которыми мы кружили; наконецъ, вошли мы въ чашу деревьевъ и въ самой глуши замѣтилъ я отверстіе грота. Одинъ изъ разбойниковъ былъ уже на сторожѣ: меня втолкнули въ это отверстіе. Дѣлать было нечего; я началъ оцупью знакомиться съ новымъ жилищемъ: вдругъ кто-то схватилъ меня за руку; я хотѣлъ-было вскрикнуть, но державшая меня ручка была такъ мягка, что ни въ какомъ случаѣ не могла принадлежать разбойнику.

— Тише! сказалъ мнѣ тоненькой голосъ.

— Я ничего не говорю, мадамозель Риня!

— Поставьте ваше віоліно въ сторону.

Я исполнилъ приказаніе.

— Ну, что тамъ дѣлается? спросила она.

— Кажется, солдаты, подъ предводительствомъ Эрнеста, окружили замокъ.

— О, мой храбрый Эрнестъ! Какъ онъ меня любитъ! У него достало терпѣнія слѣдовать за нами изъ Сіены. Какое счастье, мосѣ Луэ, что я съ вами встрѣтилась!

«Большое счастье!» подумалъ я.

— Знаете ли, что вы обязаны мнѣ вашимъ здѣсь присутствіемъ?

— Какъ?... вамъ обязанъ?....

— Конечно : я сказала, что не могу танцевать безъ музыки-канта, вотъ, васъ и привезли. Не будь васъ, я не имѣла бы перстня съ солитеромъ, а стало-быть и возможности доставлять Эрнесту наши путевыя записки.

— Но какимъ образомъ, скажите, мы очутились вмѣстѣ въ этомъ гротѣ ?

— Потому что это самое отдаленное и скрытное мѣсто въ цѣломъ паркѣ ; ктому жъ вотъ дверь, которая, вѣроятно, ведетъ въ какой-нибудь подземной ходъ, откуда можно уйти въ поле.

— Что, если бы намъ ускользнуть въ эту дверь ! Право, не худо бы убраться, такъ, изъ предосторожности.

— Справедливо; но къ исполненію вашего намѣренія представляется маленькое затрудненіе : дверь-то заперта.

Послышался выстрѣлъ.

— Начинается дѣло, сказала Зефирина.

— О Боже! куда бы мнѣ спрятаться? вскрикнулъ я.

— Кажется, мы и то спрятаны какъ-нельзя лучше.

— Мамзель Зефирина ! одна надежда на васъ : не оставьте меня.

— Какъ-можно оставить друга? Никогда ! Впрочемъ съ условіемъ.... Слышите ли ?

Перестрѣлка усиливалась.

— Какое условіе, Зефирина?.... все, все, что хотите!

— Вы должны, вмѣстѣ со мною, увѣрять Эрнеста, будто я была ужасно жестока съ капитаномъ и отвергла все его предложенія.

— Зефирина!.... пальба, кажется, усиливается.

— Тѣмъ лучше!

Дѣвушка была настоящая львица.

Я хотѣлъ приблизиться къ отверзтію грота.

— Dietro! dietro! закричали караульные, и я понялъ, что это значитъ «назадъ», и отодвинулся съ поспѣшностью.

Дѣло было жаркое. Кричали, рвались; все это сопровождалось выстрѣлами, звукомъ трубъ и барабаннымъ боемъ. Сражающіеся болѣе и болѣе приближались къ гроту, и уже были не далѣе какъ во стѣ шагахъ.... Въ эту минуту кто-то явственно кричалъ: «Остановись злодѣй! остановись! подожди меня!»

« Эрнестъ! » вскричала Зефирина : это голосъ Эрнеста! — и бросилась къ отверстию.

Въ ту самую минуту окровавленный капитанъ устремился къ гроту.

— Зефирина! Зефирина! гдѣ ты? кричалъ онъ,

Она подала мнѣ знакъ не откликаться.

Капитанъ, въ темнотѣ, не вдругъ могъ различить окружающіе предметы; однако же скоро отыскалъ насъ и бросился какъ разъяренный тигръ.

— Зефирина, что это значитъ? что ты не отвѣчаешь? Пойдемъ! пойдемъ!

Онъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ вести къ двери.

— Куда вы ведете меня? спрашивала бѣдная дѣвушка.

— Пойдемъ со мною! пойдемъ!

— Я не хочу идти съ вами, говорила она върываясь.

— Какъ! не хочешь идти со мною?

— Нѣтъ, не хочу. Зачѣмъ мнѣ идти за вами? Я не люблю васъ, вы увезли меня насильно. Эрнестъ! Эрнестъ! сюда!

— Эрнестъ? Эрнестъ? ворчалъ разбойникъ. Такъ это ты насъ выдала!

— Мосё Луэ! если вы мужчина, то спѣшите ко мнѣ на помощь!

Я видѣлъ, какъ блеснуло лезвие кинжала, но я не имѣлъ при себѣ ни какого оружія... схватилъ за ручку віолончель, и со всего размаху ударилъ имъ капитана по головѣ. Инструментъ разбился, и голова капитана завязла въ немъ.

— Зефирина! Зефирина! кричалъ голосъ.

— Эрнестъ! Эрнестъ!

И моя дѣвушка, легкая какъ серна, выскочила изъ грота и была уже въ объятіяхъ гусара.

Въ испугѣ я выскочилъ за нею.

— Туда! туда! кричалъ офицеръ, указывая солдатамъ на гротъ : приведите его живаго или мертваго!

Солдаты, бросившіеся къ гроту, явились черезъ нѣсколько минутъ съ донесеніемъ, что кромѣ віолончели ни чего не нашли. Разбойникъ бѣжалъ въ заднюю дверь.

— Вотъ мой спаситель, сказала дѣвушка, указывая на меня.... Я ни за что въ свѣтъ не хотѣла принадлежать извер-

гу, и онъ задумалъ было убить меня, чтобъ я не доставалась тебѣ, моему милому.

— Право? спросилъ Эрнестъ.

— Можешь ли ты подозревать меня?..... Спроси мосьё Луэ!

— Божусь.... сказалъ я.

— Довольно! не божитесь! Неужели вы думаете, что я не вѣрю ей на слово?

— Въ этомъ вы совершенно справедливы; но позвольте вамъ доложить, что такъ какъ мы упустили капитана, то не худо было бы отвести мамзель Зефирину въ безопасное мѣсто.

— Вы правы!... Пойдемъ, Зефирина.

Мы воротились въ замокъ, и дордогой споткнулись на мертвое тѣло: это былъ трунъ послѣдняго изъ Боманоаровъ.

Не долго оставались мы въ замкѣ : Эрнестъ оставилъ тамъ гарнизонъ, а самъ, съ Зефириною и со мною, отправился въ почтовой каретѣ.

Жаль мнѣ было моего бѣднаго виолончеля! А Зефирина, кажется, ни о чемъ не жалѣла: она была внѣ себя отъ радости.

Мы съѣли весь трое въ карету, и поехали.

— Позвольте васъ спросить, мосьё Эрнестъ, сказалъ я, высунувъ голову въ окошко каретной дверцы: что тамъ за городъ виднѣется?

— Это Римъ.

— Какъ, это Римъ? быть не можетъ!

— Увѣрю васъ.

— Ну, такъ я въ восхищеніи, мосьё Эрнестъ! честное слово, въ восхищеніи! Первое мое желаніе всегда было побывать въ Римъ....

— А видѣли ли вы папу? спросилъ Меря : помнится, и это было не послѣднимъ вашимъ желаніемъ.

— Въ первое время моего пребыванія въ Римъ, его святѣйшество находился въ Фонтенблѣ; но, послѣ, я имѣлъ счастье его видѣть. Мосьё Эрнестъ доставилъ мнѣ мѣсто четвертаго басса въ театрѣ Делла-Валле. При этой должности я находился по 1830 годъ, то есть, ровно двадцать лѣтъ,

ститая съ того времени какъ пошелъ изъ Марсели за свиристелемъ.

— А мамзель Зефирина?

— Я слышалъ, будто она вышла замужъ за Эрнеста, и сдѣлалась примѣрной добродѣтельной женщиной.

— А Антонио? Слышали ли вы что-нибудь объ немъ?

— Какъ же! Три года послѣ рассказаннаго мною происшествія его узнали въ театрѣ Делла-Валле, и я съ прискорбіемъ услышалъ о его казни.... Вотъ, господа, какимъ образомъ свиристель завелъ меня въ Италію, гдѣ я пробылъ двадцать лѣтъ въ Римѣ!

— Знаете ли, который часъ? спросилъ насъ Мери. Четыре часа утра : самая пора отправиться спать. — Прощайте, мосье Луэ! покорнѣйше благодаримъ за рассказъ.

НѢКОТОРЫЯ ИДЕИ О ХАЛАТѢ, съ присовокупленіемъ замѣчаній о вліяніи платья на женскую любовь. Между философами обоихъ половъ не рѣшенъ еще вопросъ, можетъ ли женщина, существо, нарочно созданное для чувства изящнаго, олицетворенное понятіе природы о прекрасномъ, влюбиться въ мужчину въ халатъ. Многіе очень убѣдительно доказываютъ, что это невозможно, и мы готовы согласиться съ ихъ мнѣніемъ : мужской халатъ — вещь противная природѣ, татарщина, варварство, ужасъ. Приверженцы противнаго мнѣнія возражаютъ, что весь Востокъ ходитъ въ халатъ, и, несмотря на это, тамъ есть пламенная, истинная любовь, что доказывается безчисленными любовными стихами на всѣхъ восточныхъ языкахъ. Это справедливо. Но, съ другой стороны, не говоря уже о томъ, что стихи — самое плохое доказательство любви, надобно еще принять въ соображеніе, что на Востокѣ длинное платье почитается моднымъ и изящнымъ нарядомъ, а *déshabillé* состоитъ въ ночной курткѣ, такъ, что нашъ фракъ, просто, восточный халатъ. Мы сами знали одного весьма почтеннаго мусульманина, который, получивъ по собственному желанію синій фракъ въ видѣ подарку за гостепримство, оказанное двумъ европейскимъ путешественникамъ, съ особеннымъ наслажденіемъ надѣвалъ его на рубашку вмѣсто халата поутру и ввечеру и завидовалъ Франкамъ, что они мо-

гутъ цѣлый день *ходить въ халатъ*, являться вездѣ въ такомъ прохладномъ неглижѣ, такъ отменно удобномъ для мусульманскихъ омовеній. Можно заключить съ достовѣрностью, что, глядя на нашего мусульманна, когда онъ былъ въ этомъ «прохладномъ» нарядѣ, ни какая порядочная восточная *ханымъ* или *дуду* не могла бы въ него влюбиться, хотя онъ былъ собою очень хорошій мужчина. Такимъ образомъ всѣ возраженія защитниковъ халата приводятся къ нулю однимъ этимъ фактомъ, а слѣдующій достовѣрный случай бросить, какъ мы надеемся, еще болѣе свѣту на любопытный вопросъ вліянія платья на женскую любовь.

Въ 1762 году, молодая женщина, въ робронахъ, и молодой мужчина, напудренный à frimas, путешествовали по Швейцаріи въ разукрашенной золотомъ и рѣзбою каретѣ. Они ѣхали изъ Базеля въ Люцернъ. Молодая женщина была чудо красоты, настоящая майская роза, только-что вышедшая изъ почки, но роза подкрашенная, по обычаю времени: женщины тогда носили въ карманъ баночки съ румянами, и вовсе не считалось предосудительнымъ подойти въ присутствіи всего общества къ зеркалу и, разговаривая съ мужчинами, кокетно натирать себя карминомъ щечки, поблѣднѣвшія отъ усталости, послѣ танцевъ или игры. Поэтому и щечки молодой путешественницы были расписаны карминомъ и усыяны мушками; платье съ огромными букетами широко торчало вокругъ на пружинахъ, и прелестная, щегольски расчудренная, головка бѣлалась какъ снѣгъ. Капюшонъ на китовыхъ усахъ, извѣстный подъ именемъ *calèche*, защищалъ красавицу отъ прохладнаго воздуха; чернѣйшій тафтяный плащъ роскошно рисовался на ея алебастровыхъ плечахъ.

Молодой человекъ, сидѣвшій подлѣ прекрасной путешественницы, былъ самый очаровательный кавалеръ того времени. Всѣ женщины сходили отъ него съ ума. Въ Парижѣ не могли надивиться его утонченному вкусу и его глубокому знанію тайнъ мужскаго туалета; никто какъ онъ не носилъ такъ эффектно богатыхъ жабъ изъ мѣльхенскаго кружева, ни на комъ такъ ловко не сидѣлъ алый бархатный кафтанъ, облитый золотомъ, осыпанный камнями. Онъ проигрываетъ въ ланскіе кучи золота съ такою же беззаботностью, съ какой поправлялъ свои маншеты, и съ неподражаемою пріятностью

подавалъ онъ черепаховыя челюпки прекраснѣмъ графинѣмъ и маркизамъ. Гордый, столько же какъ нѣжный, онъ, примечливѣйшей обидѣ отъ мужчины, брался за богатѣйшую вещь своей шпаги, и въ то же время съ милой улыбкой поднималъ въверхъ, выжавшій изъ рукъ прелестной женщины. Съ этими совершенствами онъ соединялъ много остроты и веселости, и капучая его голова безпрестанно сыпала пскры остроумія. Ученикъ и обожатель Дората, онъ также часто бралъ въ руки Аполлонову лиру, какъ тогда говорилъ, и мастерски сочинялъ въжливые мадригалы и сатирическія пѣсенки.

Тайна, окружавшая путешественниковъ, пламенные взгляды мужчны, дѣвственная стыдливость красавицы, все это ясно показывало *похищеніе*. Кто же эта Елена осмьнадцатаго вѣка, и кто этотъ повѣй Парижь? Прекрасная путешественница называлась *mademoiselle Julie de Serges*: она оставила въ Парижѣ старую тетку, у которой жила; и бѣжала съ возлюбленнымъ своимъ въ Швейцарію. А этотъ интересный похититель былъ молодой Иванъ Петровичъ Ш***, одинъ изъ прекраснѣйшихъ кавалеровъ прошедшаго столѣтія, извѣстный тогда въ Парижѣ своими проказами и прозваніемъ *le beau Russe*. Юлія, однако жъ, почти вовсе не знала его: она видѣла его раза два три на балахъ, и съ перваго вальса запыхала къ нему самую огненную страсть.

Нѣжный разговоръ любовниковъ ограничивался по большей части поэтическими и полу-поэтическими вздохами.

Иванъ Петровичъ бросалъ на Юлію взглядъ зажигательный.

Юлія бросала на князя взглядъ бархатный.

Иванъ Петровичъ бралъ Юлію за руку.

У Юліи трепетало сердце.

Иванъ Петровичъ сравнивалъ красавицу со всѣми богинями греческой мифологіи; рѣчи любовниковъ были сладки какъ мадригалъ и нѣжны какъ элегія.

— Я васъ обожаю, говорилъ онъ.

— Я васъ люблю, говорила она.

— Вы моя Геба, моя Венера; пѣ вашихъ глазъ Амуръ бросилъ въ мое сердце стрѣлу любви.

— Ваша любовь — мое счастье, отвѣчала Юлія, не слышномъ твердалъ въ мифологіи. Я, конечно, поступила безраз-

судно, рывившись ужхать съ вами; но я васъ люблю, и не раскаиваюсь, что бросилась въ бездну, въ которой быть-можетъ погибну. Вы — молодой, благородный и прекрасный человекъ : но если бы вы даже были обманщикъ, преступникъ, извергъ, я и тогда бы сказала: люблю васъ, и готова идти съ вами на край свѣта!

И вдругъ Юлія поблѣднѣла : по лицу ея пробѣжала молнія печаль и разочарованія.

— Чтѣ съ вами, топ адогѣе? вскричалъ испуганный Иванъ Петровичъ.

— Ничего, отвѣчала Юлія : меня беспокоитъ вѣтеръ.

Чтѣ же въ самомъ дѣлѣ случилось съ Юліею? Отчего такой быстрый переходъ отъ восторженнаго упоенія любви къ глубокой печали? Увы! увь!... она увидала на головѣ своего идола волосы включенные, растрепанные, волосы въ ужасномъ безпорядкѣ. Вѣтеръ сдулъ съ нихъ пудру, какъ дѣвятистую пыль съ персика : тонкая бѣлая мука осыпалась вся на лобъ, на носъ, на бархатный кафтанъ Адониса. То и другое придавало прежалкій видъ бѣдному обожателю, совершенно измѣнивъ его физиономію. Чтѣ ни говорите, а красивая рамка необходима для всякой человѣческой картины : страсть женщины по-преимуществу — страсть-щеголиха ; половина любви ея принадлежитъ особѣ избраннаго человека, но другая половина — непременно его наряду, прическъ и ванильному мылу. О женщины! имьявамъ — слабость, скажете вы какъ Гамлетъ: но, согласитесь, что роскошь, изщество, щегольство—повзія жизни, по-крайней-мѣрь вишьней, а для нея-то и живетъ женщина. Удивительно ли послѣ этого быстрое разочарованіе дѣвушки? Она видѣла Ивана Петровича не иначе какъ на балахъ, только-что вышедшаго изъ рукъ парикмахера и своего камердинера ; прическа à la Rampropezi рисовала вокругъ его лица живописный полукругъ, мѣльхенскія кружева на груди его не уступали въ близизнѣ снѣгу. Юлія знала въ своемъ любовникѣ только свѣтскаго мужчину, а такой мужчина очарователенъ : на устахъ его всегда медовая улыбка, на платьѣ ни малѣйшей пылинки; прежде чѣмъ сказать лакею «доложи», онъ поправитъ прическу и запасется самыми тонкими комплиментами. Но Юлія воображала, что въ каждомъ свѣтскомъ

мужчинъ скрывается еще *домашній* мужчина, у котораго есть старое платье и старыя недостатки, который не удритъ волосъ, не говоритъ *въжливостей*, зѣваетъ во весь ротъ, ходитъ въ халатъ и туфляхъ и облокачивается на столъ.

Къ счастью Иванъ Петровичъ, по инстинкту свѣтскаго челоуѣка, машинально занесъ руку къ лицу, очистивъ свой носъ отъ пудры и ловко поправилъ включенныя волосы. Передъ Юліей опять явился очаровательный молодой мужчина, и она тотчасъ забыла неприятное впечатлѣніе.

Между-тѣмъ лошади быстро бѣжали по гладкой дорогѣ, и скоро путешественники съ шумомъ въѣхали въ городъ Люцернъ.

— Здѣсь намъ нужно остановиться, сказалъ Иванъ Петровичъ. Посмотри, моя Юлія, какъ милъ и очарователенъ этотъ швейцарскій городъ? Онъ любитъся на себя въ этомъ озерѣ, какъ нимфа въ свѣтломъ зеркалѣ водѣ.

— Это озеро, кажется, отвѣчала Юлія, окружено высокими бѣлыми горами: какъ бы хорошо, мой другъ, взойти на одну изъ этихъ прекрасныхъ громадъ!

— Взойдемъ, *mon adogée!* непременно взойдемъ! Съ моей Венерой всякая гора покажется мнѣ Олимпомъ.

Послѣ новаго мнелогического комплимента вѣжливый любовникъ хотѣлъ поцѣловать пальчики Юлиной руки; но она вдругъ съ отвращеніемъ уклонилась отъ этой вѣжливости: Венера замѣтила грязныя отъ пыли руки у своего Адонисса! «Фи! ужасъ!»..... воскликнула она въ глубинѣ души своей. Конечно, нѣтъ ничего простѣе въ свѣтѣ какъ запылиться въ дорогѣ; но свѣтской дѣвушкѣ до этого нѣтъ дѣла: ея идеалъ — существо высшее, неземное, эфирное; онъ долженъ сухимъ выйти изъ воды, невредимымъ изъ огня, бѣлѣе снѣгу изъ грязи: а между-тѣмъ бѣдный Адонисъ, покрытый весь толстымъ слоемъ пыли, походилъ на старыя кресла дѣдушки, въ которыхъ никто не садился со дня его смерти и котораго лакей, изъ уваженія къ памяти покойника, никогда не чиститъ. Увы! радужныя мечты свѣтской дѣвушки начали лопаться какъ мыльные пузыри. Юлія еще не успѣла пробѣжать первыхъ страницъ своего романа, и вотъ уже прозаическая дѣйствительность раскрываетъ передъ ней ужасную пасть разочарованій!

На другой день поспѣвая въ Люцернъ, путешественники съ бѣглыми трудомъ собирались на вершину Шейдека. Ветеръ свѣдѣлся очень холодный; снѣгъ хлопьями валилъ на землю, и мало-по-малу совершенно покрылъ узкую тропинку и огромныя сосны, которыя одиноко росли на верху горы. Однѣ только альпійскія розы мѣстами выказывали свои румяныя головки, и вънизу красовалась долина во всей весенней роскоши цвѣтовъ и зелени.

Адонисъ и Венера промокли до костей; блестящій любовникъ представлялъ смѣшной видъ мокрой курицы, дрожалъ какъ основной листъ, и, между-тѣмъ какъ любовь кипѣла въ его сердце, сильный насморкъ овладѣлъ его носомъ, въ которомъ заиграла музыка. Прескверная музыка!.....

Воздушная дорога съ каждымъ шагомъ становилась уже и наконецъ повисла надъ пропастью. Вдругъ, послышался сильный шумъ, похожій на выстрѣлъ изъ пушки. Юлія подняла голову и увидѣла огромную глыбу, оторвавшуюся отъ вершины горы. Въ испугъ бѣдная дѣвушка хотѣла броситься въ объятія любовника, но вдругъ испустила крикъ и съ ужасомъ отступила назадъ.

Черезъ три часа Юлія уже сидѣла въ каретѣ, и одна уѣхала въ Парижъ.

Черезъ годъ былъ маскарадъ въ оперномъ театрѣ. Маски всѣхъ цвѣтовъ и формъ, костюмы всѣхъ народовъ, шумно расхаживали по огромнымъ заламъ. Молодая женщина, закутанная въ шегольское *chapeau-sourcil*, задумчиво стояла у колонны. Она съ безпокойствомъ поглядывала вокругъ себя, и, казалось, кого-то искала, — брата, вѣрѣ или мужа.

Въ трехъ или четырехъ шагахъ отъ этой дамы, группа замаскированныхъ женщинъ окружала волшебника въ *domino negroquet*.

— Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, говорило *domino negroquet*: и каждой изъ васъ разскажу, что съ нею было, что будетъ, и даже чего никогда не будетъ. Приблизьтесь, *ma toute belle*, вы, что скрываетесь подъ этимъ чернымъ *domino*: васъ зовутъ *madame de S.....*; небо одарило васъ чудной красотой и гадкимъ супругомъ, которому не достаетъ только роговъ для гармоніи съ кривымъ глазомъ и калмыцкимъ носомъ. Я знаю, о чемъ грустнѣе

ты, beau masque, голубое домино : три дня назадъ злая Геба похитила у тебя Адониса.— Не угодно ли подойти сюда и тебѣ, таинственная *chauve-soucis* : я могу разсказать нѣсколько главъ изъ романа твоей жизни.

Молодая женщина хотѣла удалиться, но волшебникъ въ домино *regnoquet* схватилъ ее за руку.

— Я знаю твое имя, прелестная маска, сказалъ онъ: этотъ фантастическій костюмъ не укроетъ тебя отъ зоркихъ глазъ мага. Выслушай, что я тебѣ скажу.

— Пустите меня! Я не вѣрю въ магію.

— О! напротивъ, очень вѣришь, та *charmante dame*: это я вижу по твоимъ глазамъ! Да куда жъ ты такъ торопишься? неужели опять въ Швейцарію съ мосьё Ш***?

— Боже мой, что это вы говорите? вскричала испуганная маска.

— Выслушайте меня, *mes belles dames*, продолжалъ магъ: я разскажу вамъ преступленіе, ужасное преступленіе этой маски. Слушайте! слушайте! Вашъ *le beau Russe*, вашъ Ш***...

— Этотъ повѣса? замѣтила одна дама.

— Этотъ мотылекъ, сказала другая.

— Да, *mesdames*: этотъ мотылекъ порхалъ однажды около прелестной нимфы, около *дѣвы молодой*, и черныя очи сей *дѣвы* опалили мотылька. Но и дѣва молодая плавнилась легкимъ порханьемъ бѣдняжки. Однажды, въ безмолвнѣйшій часъ ночи, однажды, мотылекъ и дѣва молодая летѣли на крыльяхъ радуги нѣжной любви. Полетъ ихъ былъ направленъ въ Швейцарію. Они посѣтили Базель и потомъ отправились въ Люцернъ: здѣсь, для разнообразія, вздумалось имъ взойти на вершину Шейдека. Было довольно холодно: на горѣ стояла январская погода, но въ сердцахъ любовниковъ были іюльскіе жары: это уравновѣшивало температуру. Дѣва и мотылекъ взбирались всё выше и выше, бросая по-временамъ другъ на друга пламенные взгляды, и отогрѣвая окостенѣвшіе отъ холоду пальцы. Вдругъ, съ вершины горы оторвалась огромная глыба снѣгу: дѣва молодая испустила ужасный крикъ, посѣпно сошла въ равнину, одна повѣхала въ Парижъ и черезъ мѣсяцъ вышла замужъ за одного шталмейстера. Что же случилось съ мотылькомъ?...

— Его задавило глыбой?

— Онъ упалъ въ пропасть?

— Его убили разбойники?

— Онъ, вѣрно, самъ былъ разбойникъ, и на горъ встрѣтился съ своей шайкой?

— Не то, не то, mesdames; во всемъ этомъ еще было бы много поэзіи: надъ мотылкомъ стали бы плакать, за нимъ пошли бы на край свѣта. Но мотылекъ, точно, былъ преступникъ, и вотъ въ чемъ состояло его преступленіе: въ дорогъ растрепались его волосы, пудра полетѣла на вѣтеръ, руки мотылька сдѣлались грязными какъ у мужика; ввечеру въ гостинницѣ онъ имѣлъ неосторожность надѣть халатъ; наконецъ, на слѣдующее утро, когда дѣва младая испустила пронзительный крикъ, на головѣ мотылька былъ ночной колпакъ.....

— Фри!!! какая ужасъ! въ одинъ голосъ вскричали всѣ дамы.

— Какъ, mesdames! вы не осуждаете невѣрности дѣвы молодой?

— Мы ее прощаемъ единодушно и единогласно.

Въ эту минуту подошелъ къ Юліи молодой мужчина.

— На силу я нашелъ тебя, душа моя, сказалъ онъ, фамилярно взявъ ее за руку: я искалъ тебя болѣе пол часа.

— Не съ супругомъ ли этой дамы имѣю честь говорить? спросилъ магъ въ домино perroquet.

— Точно такъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ дать совѣтъ: если хотите сохранить любовь своей жены....

— Милостивый государь, я нахожу очень страннымъ.....

— Позвольте окончить! Если вы хотите сохранить любовь жены, будьте вѣжливы къ женѣ, но еще болѣе—внимательны къ своей особѣ; покупайте ей брилльянты, но въ то же время умывайтесь португальской водою и хорошенько причесывайте свои волосы; запаситесь терпѣніемъ и самою лучшею пудрой; будьте любезнымъ и всегда хорошо одѣтымъ, а особенно берегитесь надѣвать халатъ и ночной колпакъ. Этотъ совѣтъ на прощанье даетъ вамъ возвратившійся изъ Швейцаріи Ш***.

И, сказавъ это, Иванъ Петровичъ Ш*** исчезъ, оставивъ своихъ слушателей въ величайшемъ изумленіи.

МОДНАЯ ВОРОДА А LA RENAISSANCE. По волю неумолимой судьбы, прекрасная Прасковья Ивановна лишилась безцѣннаго супруга на двадцать-пятомъ году своей жизни. Негушная вдова цѣлую недѣлю проливала горькія слезы, но на осьмой день скинула трауръ, и воспоминаніе о покойникѣ уже не тревожило робкаго воображенія прекрасной Прасковьи Ивановны. Надобно сказать, что покойникъ совершенно заслуживалъ это равнодушія къ своей памяти. Имѣя такую прелестную жену, онъ ударился въ спекуляціи и политическую экономію: потерялъ свое имѣніе на акціяхъ компаніи для поправленія здоровья страждущаго человечества, убилъ половину женинаго приданаго на свекло-сахарныя чудеса, и окончательно разорился изданіемъ великолѣпной книги «О вѣрнѣйшемъ средствѣ быстрого и легкаго обогащенія посредствомъ торфу». Водились за покойникомъ и еще кое-какіе грѣшки, но объ нихъ знаю только я да человекъ шестьдесятъ искреннихъ моихъ друзей. Имѣнье Прасковьи Ивановны было не слишкомъ въ блистательномъ состояніи, но въ свѣтъ считали ее богатою вдовою. Вдова между-тѣмъ давала полную волю чувствительному сердцу, и съ наслажденіемъ мечтала о прелестяхъ супружеской жизни.

До своего замужства Прасковья Ивановна, или *mademoiselle Pauline*, какъ тогда ее звали, безотлучно жила въ деревнѣ. Отецъ ея, старый служака временъ минувшихъ, занимался скотоводствомъ и ни сколько не обращалъ вниманія на воспитаніе дочери. Эта второстепенная статья въ экономіи любителя скотоводства была отдана въ полное распоряженіе гувернантки, и молодая дѣвушка, подъ опытнымъ руководствомъ *madame*, получила первыя понятія о жизни и людяхъ. Нѣжные романы осемнадцатаго столѣтія, отысканные въ отцовской библіотекѣ довершили эстетическое образованіе дѣвушки. Надѣленная отъ природы порядочнымъ запасомъ пылкаго воображенія, развитаго назидательнымъ чтеніемъ, юная Полина мечтала о нѣжномъ *сердцѣ*, *цвѣтахъ* и *хижинѣ*, какъ вдругъ отецъ выбралъ ей мужемъ самаго задорнаго спекуланта, который не любилъ ни цвѣтовъ, ни хижинъ, и это обстоятельство нанесло жестокій ударъ романтической дѣвушкѣ. Поэтому Прасковья Иванов-

на почти рада была, когда почтенный супругъ отправился на тотъ свѣтъ, и только изъ любви къ сильнымъ впечатлѣнїямъ семь дней проливала она горькія слезы на могилѣ покойника. Зато тѣмъ сильнѣе въ осьмой день забилось нѣжное сердце молодой вдовы: въ головѣ ея быстро возобновились грѣзы дѣвичьей жизни, и Прасковья Ивановна казалась, что судьба въ двадцать пять лѣтъ сдѣлаетъ для нее то, чему не суждено было исполниться въ семнадцать.

Лѣтомъ 1839 года Прасковья Ивановна жила на прекрасной дачѣ Каменнаго Острова. Во время прогулокъ, между множествомъ бородатыхъ, оособразныхъ фешенеблей, она неоднократно встрѣчала интереснаго молодаго челоуька, который, казалось, обращалъ на нее чрезвычайно нѣжное вниманіе. Онъ всегда былъ одѣтъ по послѣдней парижской картинкѣ, и всѣ прїемы выказывали въ немъ самого моднаго льва. Этотъ «левъ» какъ-нельзя лучше началъ интригу. Онъ игралъ на гитарѣ не хуже графа Альмавивы, и нѣсколько ночей, проведенныхъ подъ балкономъ Прасковьи Ивановны, доставили ему свободный входъ въ домъ красавицы. Его принимали очень вѣжливо и очень ласково; но когда левъ слишкомъ далеко зашелъ *въ изліяніи* нѣжныхъ чувствованій своей породы, Прасковья Ивановна наотрѣвъ отказала ему отъ дому, и въ такихъ выраженїяхъ, которыя всегда означаютъ противное тому, что имъ предписывается. Федоръ Павловичъ (имя льва) очень хорошо понималъ этотъ языкъ, и съ тѣхъ поръ каждый день сталъ навѣщать Прасковью Ивановну; скоро однако жъ онъ ясно увидѣлъ, что всякое обольщеніе было невозможно, и что вдовѣ нуженъ былъ почтенный супругъ, а не волокита. Федоръ Павловичъ немедленно отобралъ нужныя свѣдѣнія, и по справкѣ оказалось, что имѣнья вдовы съ избыткомъ достанетъ на уплату его долговъ. Онъ рѣшился открыть переговоры, и возложилъ эту обязанность на одну изъ своихъ родственницъ.

Прасковья Ивановна не считала нужнымъ осведомляться о финансовой системѣ своего льва. Она совершенно полагалась на слова услужливой родственницы Федора Павловича, которая увѣряла ее, что Федоръ Павловичъ и не думаетъ о богатствѣ, что онъ очарованъ красотой и умомъ

бездвижной Полины, что любовь его самая безкорыстная, и прочая. Впрочемъ, Федоръ Павловичъ точно не совсѣмъ былъ равнодушенъ къ прелестямъ вдовы, хотя отъ души смѣялся съ своей родственницей надъ ея легковѣріемъ. Къ несчастію, обстоятельства помѣшали сватовству. Безсовѣстные кредиторы со всѣхъ сторонъ нахлынули на Федора Павловича, и какъ въ этомъ случаѣ, лучшее средство выпутаться изъ бѣды — улизнуть за границу на теплыя воды, то Федоръ Павловичъ безъ дальнѣйшихъ околичностей сѣлъ на первый пароходъ и уехалъ, не сказавъ ни слова обожаемой вдовѣ.

Прасковья Ивановна чрезвычайно обидѣлась этимъ бѣгствомъ. Вѣроломный не писалъ къ ней даже писемъ, и это молчаніе совершенно вывело ее изъ себя. Она бѣсилась на всѣхъ и за все, и порой приходили ей въ голову самыя странныя идеи: она рѣшилась ненавидѣть весь свѣтъ и обрѣкла себя на добровольное затворничество. Въ припадкѣ этой мизантропіи, она, еще въ апрѣль, переехала на дачу въ девятой или десятой верстѣ отъ Петергофа. Сначала вдова была очень довольна своимъ положеніемъ; видъ моря очаровалъ ее, пѣніе птицъ и распускающіеся цвѣты были для нея почти новостью послѣ искусственной жизни въ душной атмосферѣ столицы. «Не даромъ поэты такъ усердно восхваляютъ природу въ своихъ дивныхъ созданіяхъ!» говорила восторженная Прасковья Ивановна: «чувствительныя сердца всегда найдутъ въ ней неизсякаемый источникъ наслажденій. Какъ рада я, что разсталась съ этимъ холоднымъ обществомъ, съ этими безчувственными эгонстами, которые издѣваются надъ самыми высокими чувствованіями!» Но радость чувствительной вдовы была очень непродолжительна: къ концу апрѣля овладѣла ею смертельная скука, въ началѣ мая она сдѣлалась больною. Продолжительныя прогулки утомляли Прасковью Ивановну; цвѣты разстроивали ея нервы, пѣніе птицъ оглушало ея уши: она не могла понять, какимъ образомъ ей сначала такъ весело было въ глуши.

Однажды ввечеру, возвращаясь домой послѣ утомительной прогулки, Прасковья Ивановна, погруженная въ печальныя размышленія о неудобствахъ безбрачной жизни, замѣ-

тила на противоположномъ концѣ аллен фигуру молодого человѣка, который, казалось внимательно наблюдалъ за нею. Темнота препятствовала различить черты интереснаго мужчины, но по нѣкоторымъ признакамъ можно было догадываться, что это Федоръ Павловичъ: тотъ же тоненькій станъ, узенькій сюртукъ, та же трость съ золотымъ набалдашникомъ, и такая же шляпа какъ у Федора Павловича. Онъ стоялъ въ почтительномъ отдаленіи и кланялся вдовѣ со всею прелестію моднаго льва.

«Неужели это Федоръ Павловичъ? подумала Прасковья Ивановна. Вѣроятно онъ узналъ, что я скучаю, и поспѣшилъ возвратиться изъ Германіи.» Она сдѣлала привѣтствіе и остановилась, но учтивый кавалеръ не двинулся съ мѣста.

«Не броситься же ему на шею!» съ досадою сказала вдова и продолжала идти. Она раскрыла книгу, бывшую у ней въ рукахъ, и дѣлала видъ, будто читаетъ, хотя по темнотѣ нельзя было разобрать ни одного слова. По временамъ она оглядывалась назадъ: учтивый кавалеръ постоянно шелъ за нею въ почтительномъ отдаленіи и дѣлалъ самые разнообразныя привѣтствія. Она испугалась. Не сумасшедшій ли это? подумала она: видѣнь какой-то безпорядокъ въ жестахъ этого страннаго существа. Она ускорила шаги. При входѣ въ домъ, Прасковья Ивановна еще разъ оглянулась назадъ: скромный обожатель саженьяхъ въ десяти стоялъ на колыняхъ, склонивъ голову и прижавъ руку къ сердцу.

«Нѣтъ сомнѣнія, вскричала вдова: это именно Федоръ Павловичъ; бѣдняжка, просить прощенія за свое безразсудство.»

Прасковья Ивановнѣ жъ очень нравилась такая деликатность Федора Павловича. Горничная получила предписаніе — не принимать Федора Павловича, когда онъ прійдетъ, но обходиться съ нимъ какъ-можно ласковѣе: ей слѣдовало сказать, что въ домѣ — только двѣ женщины, такъ имъ не прилично въ ночное время принимать молодыхъ мужчинъ; впрочемъ, Федоръ Павловичъ, если ему угодно, можетъ пожаловать на другой день. Между-тѣмъ вдова вошла въ свою комнату, и, несмотря на отданный приказъ, занялась туалетомъ. Съ ми-

нуты въ минуту ожидала она интереснаго посѣтителя, и чтобы убить время, стала бранить горничную за разныя неисправности. Бѣдная дѣвушка сказала сквозь слезы:

— Я не виновата, что Федоръ Павловичъ такъ долго нейдетъ!

— Я тебя прогоню, дура, отвѣчала вдова.

Никто даже не постучался въ двери. Послѣ полуночи Полина легла въ постель. Она не сомкнула глазъ во всю ночь.

«Я просто сошла съ ума! сказала она наконецъ: можно ли въ эту пору быть у меня молодому мужчине? Федоръ Павловичъ очень хорошо знаетъ приличіе, и конечно не захочетъ нарушить ихъ. Завтра онъ непременно прійдетъ.»

Противъ обыкновенія она встала рано, и опять начала бранить горничную, которая еще нѣжилась въ постели. Дѣвушка пошла въ сосѣдную лавочку за сливками для завтрака, и тамъ узнала она, что какой-то мужчина всю ночь дѣлалъ очень странныя скачки около ихъ дачи. Большую часть ночи молодой человекъ просидѣлъ подъ деревомъ, или на деревѣ, передъ окнами спальни.

Горничная все пересказала своей барынь.

«Какая безразсудность! вскричала Полина: этакъ онъ можетъ меня окомпрометировать. — Бѣдный молодой человекъ! продолжала она, тронутая такимъ сильнымъ доказательствомъ любви: можно ли такъ безразсудно рисковать своимъ здоровьемъ?»

Лишь-только наступилъ урочный часъ прогулки, вдова вышла въ аллею, гдѣ наканунѣ встрѣтила своего обожателя. На этотъ разъ однако жъ молодой человекъ не явился. «Видно онъ простудился, подумала она: видно онъ лежитъ теперь въ постели; быть-можетъ онъ въ горячкѣ, въ томительной борьбѣ со смертію.... Бѣдный, бѣдный Федоръ!» Эти ужасныя мысли заставили разстроганную вдову сократить прогулку. Подходя къ тому мѣсту, гдѣ несчастный любовникъ такъ умильно стоялъ на колыняхъ, она замѣтила перчатку, положенную въ дуло дерева. Прасковья Ивановна призадумалась. Дѣло ясное, что отверзтіе назначено быть повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ; не было также сомнѣнія, что Федоръ Павловичъ не смѣетъ

ливаться на глаза, не вымоливъ напередъ прощанія у престолной вдовы. Душо должно быть для него вѣстникомъ жизни или смерти. Эта выдумка казалась Прасковьѣ Ивановнѣ чрезвычайно замысловатою. Не теряя времени, она поспѣшно вошла въ комнату, сѣла за письменный столъ и написала предлинное и престоное посланіе къ своему обожателю: она приказывала ему немедленно отправиться въ Карлсбадъ, или въ Парижъ, или на Кавказъ, и увѣряла, что никогда не проститъ *коварнаго*; но въ этихъ увѣреніяхъ было такъ много нѣжности, даже любви, что только пошлый дуракъ не понялъ бы настоящихъ намѣреній Прасковьи Ивановны. Особенно рекомендовала она не повторять глупостей прошлой ночи: въ противномъ случаѣ, писала, вы совершенно выведете меня изъ терпѣнія, и мы *разсоримся* навсегда.

Написавъ быстро, быстро четыре страницы самаго мелкаго письма, она отвесла интересное посланіе въ завѣтное душо. Ей стало очень страшно послѣ такого непонинскаго подвига. Дрожа всѣмъ тѣломъ, она прилежно начала наблюдать изъ окна своей спальни: вдругъ промелькнула какая-то легкая тѣнь между листьями одного дерева; она не сомнѣвалась: то былъ вчерашній посетитель. Теперь, правда, онъ казался ей немного ниже Федора Павловича, но по отдаленности легко было ошибиться. Когда Прасковья Ивановна обернулась сказать что-то служанкѣ, которая такъ не кстати пришла за приказаніями, письмо мгновенно было похищено, и похититель съ быстротою молніи скрылся въ соседней рошѣ.

Между-тѣмъ опять наступилъ вечеръ, а Федоръ Павловичъ все еще не *держалъ* ливаться къ обожасмой вдовѣ. Эта неумѣстная застычивость крайне была неприятна Прасковьѣ Ивановнѣ.

«Эти господа, бормотала она, умѣютъ только волочиться за горничными. Глупецъ!»

Прасковья Ивановна еще разъ вышла изъ дому и совершила третье путешествіе къ завѣтному дереву. Нисѣнь, точно, унесено: но хоть бы строчка въ отвѣтъ на огромное посланіе! За ужиномъ Прасковья Ивановна, къ величайшему изумленію горничной, цѣлый часъ разсыпалась въ похвалахъ

добродетелямъ покойнаго мужа; потомъ, битыхъ два часа бранила на поваль всѣхъ мужчинъ: самый лучший изъ нихъ, говорила она, не стѣбитъ копѣйки. Горничная была совершенно противныхъ мыслей: по ея мнѣнію, можно было бы что-нибудь дать и за самаго худшаго мужичину.

Зачѣмъ Полина не легла спать? Зачѣмъ на цыпочкахъ подкрадывалась она къ горничной, чтобы узнать, спитъ ли бѣдная дѣвушка? Кто изъяснитъ всѣ капризы молодой женщины? Увѣрившись, что всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ, она поставила лампу посреди комнаты и тихонько подошла къ гардинѣ окна. За стѣной раздавались тихіе звуки гитары. Она отворила окно, и при лунномъ свѣтѣ подлѣ дерева ясно увидѣла человѣческую фигуру съ гитарой въ рукахъ. Возможно ли? скромный кавалеръ, не смѣвшій днемъ и носа показать обожаемой женщинѣ, предпочелъ именно тотъ способъ rendez-vous, который вдова особенно ему запрещала!

«Тутъ однако жъ много поэзіи!» замѣтила Прасковья Ивановна.

Мало-по-малу она высунулась изъ окна, какъ мышь, которая боится попасть въ кошечьи лапы; наконецъ отважилась вытти на балконъ. Таинственный любовникъ сталъ на колѣни, и съ трогательнымъ умиленіемъ положилъ руку на сердце, точь-вточь какъ пантомимный актеръ во время балета. Свѣтъ луны, вдругъ освѣтившій щегольской костюмъ скромнаго обожателя, не оставилъ болѣе ни какого сомнѣнія для Прасковьи Ивановны, что она видитъ Федора Павловича: теперь она замѣтила даже красноватыя волосы кругообразныхъ бакенбардовъ, которые такъ хорошо шли къ его подбородку. Ободренная этимъ открытіемъ, она первая рѣшилась начать разговоръ:

—Фи! Федоръ Павловичъ! какъ вамъ не стыдно разыгрывать эту глупую фарсу? Вы принимаете меня за какую-нибудь дѣвчонку, которой пріятно любоваться на эти пошлости: вы ошибаетесь, милостивый государь, очень ошибаетесь! Бросьте вашу гадкую гитару, если не хотите сдѣлать меня посмѣшищемъ цѣлаго свѣта. Ежели вы меня уважаете, ежели хотите быть моимъ мужемъ, перемѣните это шутовское поведеніе и старайтесь сдѣлаться достойнымъ мо-

ей руки. Не скрою, что я тронута вашимъ раскаяніемъ, но вотъ и все, что могу, что я должна, сказать вамъ въ эту минуту и въ такомъ положеніи. Я васъ прощаю, потому что возрастъ вашъ извиняетъ подобныя шалости; но кончите сейчасъ же эту комедію. Неужели мнѣ всю ночь стоять для васъ на балконѣ и любоваться на шутовскія выходы? Adieu, monsieur; я приказываю вамъ удалиться: слышите ли? тотчасъ же удалиться.... вы меня увидите въ Петербургѣ.

Едва окончила она этотъ краснорѣчивый монологъ и ушла въ углубленіе комнаты, какъ безмолвный обожатель съ удивительною быстротою вскочилъ на дерево и оттуда на балконъ; еще прыжокъ, и онъ очутился посреди спальни, и такъ крѣпко стиснулъ въ своихъ львиныхъ объятіяхъ обожаемую женщину, что Прасковья Ивановна, вовсе не приготовленная къ такой дерзости Федора Павловича, испустила пронзительный крикъ.

Горничная, прибѣжавшая на этотъ шумъ, нашла ее въ самомъ ужасномъ волненіи: она не могла даже говорить. Наконецъ кое-какъ Прасковья Ивановна пришла въ себя и на повторительные вопросы служанки отвѣчала, что ей привидѣлся страшный сонъ, что будто-бы тѣнь покойнаго супруга явилась къ ней съ того свѣта и повѣяла на нее могильнымъ холодомъ. Горничная ничего не понимала въ этомъ разсказѣ, но видя, что отъ барыни нельзя добиться толку, поспѣшила убраться въ свою комнату, думая болѣе о живыхъ чѣмъ о мертвыхъ.

На другой день за завтракомъ, горничная, чтобы развеселить печальную вдову, разсказала ей преуморительную исторію, взбудоражившую всѣхъ окрестныхъ кучеровъ и лавочниковъ. За нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Петербургъ содержатель знатной труппы большихъ обезьянъ, пріученныхъ разыгрывать разныя пантомимныя комедіи. Послѣ одного блестящаго представленія, вдругъ во всемъ костюмѣ ушелъ изъ балагана самый умный орангутангъ, отличный гитаристъ, употребляемый въ любовныхъ роляхъ. Бѣгая по садамъ и рощамъ, этотъ новый Ловеласъ вскружилъ голову многимъ кухаркамъ и горничнымъ, но вплоть до нынѣшняго дня скрывался отъ преслѣдованій балаган-

щика. Онъ такъ искусно передразнивалъ модныхъ волоките, продолжала горничная, что самъ Федоръ Павловичъ позабывалъ бы его ловкости. Дѣвушка помирала со смѣху, рассказывая этотъ анекдотъ; Прасковья Ивановна между тѣмъ даже не улыбнулась. Она велѣла замолчать неутомонной болтунь и тотчасъ приказала укладываться въ Москву. Проезжая черезъ Царское село, Прасковья Ивановна услышала, что Федоръ Павловичъ давно уже воротился изъ Германіи и живеть на Черной Рѣчкѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, рассказаннаго горничною Прасковья Ивановна, гитаристъ убѣжалъ изъ балагана во второй разъ, и убить былъ изъ ружья ревнивымъ мужемъ, когда карабкался на балконъ одной дачи. За эти безнравственные поступки отправили гитариста въ музей естественной исторіи. Его судьба можетъ служить назидательнымъ урокомъ для обезьянъ и для романическихъ женщинъ!

ОБЩЕСТВО МИЛОСЕРДІЯ ВО ФЛОРЕНЦІИ. Порой, въ театрѣ Pergola, среди оперы или раз-de-deux, вы вдругъ слышите рѣзкій, поразительный звонъ колокола. Въ это время ложи начинаютъ рѣдѣть, и часто вашъ собесѣдникъ, если онъ Флорентинецъ, безъ церемоніи оставляетъ васъ среди разговору, беретъ шляпу и уходитъ изъ театра. Что это за колоколъ? отчего такая суматоха? спрашиваете вы. Это колоколъ Милосердія; вашъ собесѣдникъ — членъ Общества Милосердія : онъ спѣшитъ къ своей должности.

Общество Милосердія, во Флоренціи, безспорно, — одно изъ прекраснѣйшихъ заведеній въ свѣтѣ. Оно основано въ 1244 году по случаю частыхъ заразъ, свирѣпствовавшихъ въ тринадцатомъ столѣтіи. Въ главныхъ чертахъ общество не измѣнилось и по-сію-пору. Такъ же какъ и прежде оно состоитъ изъ семидесяти двухъ членовъ, называемыхъ «дежурными старшинами», которые чередуются по службѣ черезъ каждые четыре мѣсяца. Эти семьдесятъ два брата раздѣлены на четыре разряда : къ первому принадлежатъ десять прелатовъ, или высшихъ духовныхъ особъ; ко второму — двадцать нисшихъ прелатовъ; къ треть-

ему разряду относятся четырнадцать дворянъ, къ четвертому — двадцать восемь художниковъ. Вся эти члены, по первоначальному плану, должны быть представителями высшихъ сословій и вольныхъ художниковъ. Сто пять поденщиковъ, причисленныхъ къ обществу, представляютъ простой народъ.

Члены сходятся обыкновенно на Соборной Площади. У каждого брата хранится здѣсь ящикъ съ чернымъ камешкомъ, присвоеннымъ ордену братьевъ-каменщиковъ; изъ подъ платья едва видны ротъ и глаза, и несчастный, часто съ ногъ до головы осыпанный благодареніями, не имѣетъ ни какой возможности узнать своего благодѣтеля. Какъ-скоро кто-нибудь изъ начальствующей братіи узнаетъ о несчастномъ приключеніи, вѣстовой колоколъ ударяетъ одинъ, два или три раза, смотря по важности случая. При звукъ колокола, членъ общества, гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы ни занимался, долженъ бросить все и немедленно спѣшить на сборное мѣсто. Здѣсь узнаетъ онъ о случившемся несчастіи, надѣваетъ черную рясу съ маскою, нахлобучивается огромной шляпой, беретъ въ руки зажегнутую свѣчу и отправляется въ известное мѣсто. Раненнаго тотчасъ переносятъ въ больницу или домой, мертваго кладутъ въ часовню. Великожа и простолюдинъ, одѣтые въ одинаковое платье, съ равнымъ усердіемъ ухаживаютъ за несчастнымъ, и тотъ, не зная ни того ни другаго, усердно молится за обитя. Не выходя братіи, отецъ, мать, мужъ или дѣти страждущаго, всегда находятъ щедрую милостыню, положенную помазательной рукою.

Говорятъ, будто самъ великій герцогъ — членъ этого общества. По звону колокола, великій герцогъ, держа въ тростышѣ поденщиковъ, передвигается въ монашеское платье и спѣшитъ на помощь къ несчастному страждущему или къ умирающему бѣдняку. Только богатая милостыня, оставшаяся государемъ, заставляетъ и себя дѣйствовать объ ея присутствіи.

Братья Милосердія обязаны также сопровождать осужденныхъ на мѣсто казни; но какъ со времени восшествія на престолъ Фердинанда, отца нынѣшняго герцога,

смертная казнь почти уничтожена, то братья свободы теперь отъ этой трудной обязанности.

По исполненіи долга, членъ общества одѣвъ идетъ на церковную площадь, снимаетъ рясу, шапку, владѣть свѣчу и возвращается къ прежнимъ занятіямъ или удовольствіямъ.

ТЕАТРЪ ПЕРГОЛА ВО ФЛОРЕНЦИИ. Зимой Флоренція имѣетъ совершенно особенный видъ: тосканская столица въ это время года похожа на городъ минеральныхъ водъ. Температура постоянно раздѣлена на двѣ, быстро сменяющіяся, фазы: или солнце свѣтитъ во всемъ блескѣ, или идетъ проливной дождь. Но Флорентинцы не знаютъ той пасмурной, постоянно мокрой атмосферы, въ которой мы осенью купаемся три или четыре мѣсяца.

При хорошей погодѣ, рано въ часъ, со всехъ концовъ города выѣзжаютъ толпы на направленію къ Сассини. Они ѣдутъ къ Longo-l'Arno; все это экипажи иностранцевъ: Флорентинецъ слишкомъ боится недостатка зимней погоды и почти никогда не выѣзжаетъ на гулянье. Но при шумномъ обществѣ, въ ежедневномъ итальянскомъ Екатерингофѣ, вы и не замѣчаете отсутствія туземцевъ.

Longo-l'Arno, какъ не трудно догадаться, есть гулянье вдоль Арно. На левой сторонѣ, рѣка; на правой, за зеленымъ лугомъ, прекрасная роща съ дубовыми и сосновыми деревьями. Здѣсь-то иностранцы любятъ на прекрасное итальянское солнце, всегда теплое, всегда веселое. Общество многочисленное и самое разнообразное; слышите, всевозможные языки, но чаще всего французскій; на немъ говорятъ Русскіе, которыхъ здѣсь больше даже чѣмъ Англичанъ.

Среди безсчетнаго множества гуляющихъ, встрѣтите и царствующую фамилію: видъ свѣта великаго герцога соотвѣтствуетъ двумъ тремъ слугъ, сидящихъ въ отдаленіи, чтобы не слышать разговору.

На обратномъ пути изъ Longo-l'Arno, общество останавливается на Piazzone. Здѣсь только, увидите нѣсколько молодыхъ, непременно влюбленныхъ, Флорентинцевъ, ко-

торыя пришли сюда для важныхъ свиданій, не боясь ни холоду ни ревматизма. Но Флорентинокъ и въ самую лучшую погоду не бываетъ больше двухъ или трехъ; притомъ онъ останавливаются лишь на минуту, чтобы распорядиться насчетъ вечера, ночи или слѣдующаго дня.

Вечеромъ все отправляются въ театръ Пергола; это — *ореза buffa* флорентинская. Иностранецъ непременно долженъ здѣсь нять ложа отъ октября до марта. Обѣдаете ли вы въ хорошемъ трактирѣ или въ *растеранции*, кушаете ли вы дома славные макароны или вонючую баккалу, васъ о томъ никто не спрашиваетъ, это касается только до васъ; но ежели у васъ ложа въ одномъ изъ первыхъ ярусовъ, то этимъ занимается весь флорентинскій миръ: ложа и коляска—самыя необходимыя, первыя потребности жизни, и однѣ онѣ въ тосканской столицѣ даютъ дипломъ на титулъ «знатнаго человека»: иностранецъ безъ ложи и коляски, кто бы онъ ни былъ, считается бродягой.

Впрочемъ, эти завѣтныя вещи не такъ дороги во Флоренціи: за коляску платятъ въ мѣсяць около двухъ сотъ двадцати рублей, за ложа отъ октября до марта пять сотъ. Но Флорентинцу стоить ложа вчетверо меньше: съ иностранца берутъ такую цѣну единственно за то, что онъ иностранецъ, которому нигдѣ не видать такого блестящаго общества какъ въ Перголь.

И точно, блескъ женскаго кокетства въ этомъ театрѣ ослѣпительнъ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и на гуляньѣ, Флорентинокъ довольно мало: большая часть дамъ—иностранки изъ Петербурга, Парижа и Лондона; онѣ воюютъ одна съ другою всѣмъ великолѣпьемъ трехъ столицъ. Но Флорентинки ни сколько не боятся ихъ соперничества: онѣ вынутъ изъ разныхъ шкафовъ своихъ предковъ волны гипсору и англійскаго кружева, пригоршнями наберутъ брададовскихъ алмазовъ, выпашутъ изъ Парижа самыхъ щегольскихъ, самыхъ милыхъ тряпокъ, и спокойно выжидаютъ результатовъ зимней кампаніи. Отъ этого ни въ одной европейской столицѣ нѣтъ такой роскоши въ нарядахъ какъ во Флоренціи.

Легко понять, что значитъ послѣ этого бѣдная опера:

лорнетъ не утомимо перебѣгаютъ изъ ложа въ ложа, и никто не думаетъ смотреть на сцену, по-крайней-мѣрѣ сжаль не дадутъ новой оперы. Разговоры не прекращаются ни на минуту во все время игры.

• Зато балетъ всѣ слушаютъ въ глубокомъ молчаніи. Онъ составленъ изъ шести или семи парижскихъ танцовщицъ шестаго и седьмаго разбору : талантъ этихъ дѣвицъ очень незавиднъ, но онъ замѣняютъ его краткостью своихъ юбокъ и храбро пляшутъ по методу *какъ-нибудь*, то на цыпочкахъ, то на пяткахъ, коверкая всѣ па, теряя часто равновѣсіе, но поправляя все пируэтомъ : пируэтъ здѣсь — основной капиталъ балетнаго танца, какъ *legno* и *goba* — основной капиталъ тосканскаго языка; чѣмъ длиннѣе пируэтъ, тѣмъ продолжительнѣе рукоплесканія. Рѣдкій волчокъ можетъ соперничать съ флорентинскими танцовщицами : онъ перекружатъ любого турецкаго дервиша.

Къ великому горю глазъ человѣческихъ, во Флоренціи, какъ и въ нашихъ балетахъ, танцовщикъ еще въ большой модѣ, хотя, ей! ей! нѣтъ ничего гаже, ничего противнѣе глазамъ и природѣ, какъ мужчина, граціозно прыгающій изъ всѣхъ ногъ и рукъ на доскахъ. Здѣсь, какъ и у насъ, танцовщикъ не уступаетъ женщинамъ, ни въ кокетныхъ ужимкахъ, ни въ длинныхъ пируэтахъ. Въ хорографіи, можетъ, это и хорошо, но на-дѣвъ въ высочайшей степени отвратительно.

Другая особенность театра Перголы заключается въ томъ, что кожевники, живодееры и всѣ прикосновенные къ кожѣ, пользуются правомъ свернуть здѣсь себя шею къ выцщему удовольствію зрителей. Не извѣстно, что подало поводъ къ такой странной привилегіи, но она существуетъ : это фактъ. Лишь бы только одѣвались они на свой счетъ, эти забавные компарсы могутъ здѣсь представлять интермедію даромъ ; и они являются къ должности очень исправно, тогда какъ дирекція ни за какія деньги не можетъ найти фигурантовъ на жаловань. По силѣ той же привилегіи, они не смѣшиваются съ презрѣнною толпой : входятъ отдѣльно, держатся между собою и, овладѣвъ интермедіей, составляютъ дикія группы, даютъ сраженія и выдѣлываютъ прыж-

ки, не хуже древнихъ Геркулесовъ или новѣйшихъ Киргизовъ. Эти группы, эти сраженія, эти прыжки, удивительно забавляютъ публику, и честной цехъ живодецовъ и кожевниковъ всегда уноситъ съ собою обильную жатву рукоцѣлсканій. Когда выдвигъ этихъ мечей на сцену, тогда только и поднимаешь знаменитую интермедію, которую, въ чудесномъ «Снѣ въ Идановскую ночь», Шекспира, вснападаютъ *кюуны* изъ лондонскихъ ремесленниковъ въ Аннахъ.

За балетомъ слѣдуетъ второй актъ оперы, — потому что въ Италіи; чтобы дать отдыхъ пѣвцамъ, балетъ представляется въ антрактѣ.

«Стантарелло» во Флоренціи то же, что Кассандро въ Римѣ, Пуличчелло въ Неаполѣ, Джироламо въ Миланѣ, то есть, великій національный комикъ, вѣчный и безсмысленный, который уже триста лѣтъ имѣетъ привилегію смѣшить предковъ и вѣроятно еще лѣтъ триста будетъ имѣть честь смѣшить потомство. Но Стантарелло дѣлаетъ свои фарсы въ другомъ театрѣ.

Вотъ еще примѣчательное обстоятельство въ большомъ флорентинскомъ театрѣ : мужа нѣтъ!..... Да впрочемъ мужа нѣтъ и во всей Флоренціи. Не ищите мужа ни въ каретѣ ни въ ложѣ его супруги : онъ тамъ не обрѣтается. Гдѣ же онъ? А Богъ знаетъ : гдѣ-нибудь въ другой ложѣ или въ другой каретѣ. Мужъ во Флоренціи владѣетъ Гигесовымъ кольцомъ : онъ невидимка ! По три раза въ день встрѣчаете вы въ обществахъ свѣтскую даму, вы знакомы съ ней уже полгода, увѣрены, что она вдова, и вдругъ, какъ-нибудь случайно, изъ разговоровъ, къ величайшему изумленію узнаете, что у нея есть мужъ, что онъ дѣйствительно существуетъ, да еще и живетъ въ одномъ съ ней домѣ. Вы стараетесь открыть этого мужа, спрашиваете его повсюду, упорствуете въ намѣреніи непременно увидѣть его собственными глазами: тщетный трудъ ! вы должны ухватить изъ Флоренціи, не имѣвъ чести съ нимъ познакомиться, но надѣясь, что вамъ посчастливится въ другой разъ.

Этого, впрочемъ, нельзя сказать о молодыхъ супруже-

ствахъ : все новѣйшее поколѣніе значительно уклонится отъ преданій предковъ, и, говорятъ, что уже не менѣе двадцати пяти лѣтъ прошло съ того дня, какъ состоялся въ Флоренціи послѣдній брачный договоръ, въ который родители невесты включили странное условіе, что дочь ихъ, буде пожелаетъ, имѣетъ право взять себя *cavalierre servente*, и онъ, мужъ, сему прекословить не станетъ, и все, что ни сдѣлаетъ *омакетный cavalierre servente*, раненый мужъ прѣдвѣтъ, какъ будто изъ самимъ было сдѣлано.

Слово сказано : дѣлать нечего, ужъ надо поговорить и о *cavalierre servente*.

Въ модныхъ домахъ, гдѣ обыкновенно браки составляются, не по любви, а по разсчету, раньше или позже наступаетъ для супруговъ, роковой часъ скуки, когда присутствіе третьяго лица становится возжеланнымъ. Мужъ сердитъ и грубъ, жена неговорчива и капризна, супруги разговариваютъ одними только упреками, и уже готовы ненавидѣть одинъ другаго. Тутъ является пріятель : жена рассказываетъ ему мнѣ о своихъ страданіяхъ, мужъ повѣствуетъ о своей скукѣ, каждый передаетъ ему часть своей досады, и обоимъ становится легче. Значительное улучшеніе въ духѣ дружелюбныхъ партій. Мужъ вскорѣ примѣчаетъ, что главная вина жены состоитъ въ томъ, что онъ обязанъ заботиться повсюду съ нею; жена, съ своей стороны, начинаетъ люто вѣдѣть, что общества, въ которыхъ бываетъ она съ мужемъ, несносны только оттого, что и мужъ тутъ же. Когда вражда съ обѣихъ сторонъ достигнетъ этой точки, то уже легко понять другъ друга. Въ это время роль пріятеля становится яснѣе : онъ жертвуетъ собой тому и другому; его добродѣтель — преданность ; и, благодаря его преданности, мужъ можетъ выѣзжать, куда угодно, безъ жены; жена можетъ безъ скуки оставаться дома. Возвращаясь съ улыбкой, мужъ находитъ улыбку и у жены : кому жъ обязаны они этимъ блаженствомъ? — пріятелю! Но пріятель тоже могъ бы соскучиться, и тогда дѣла супруговъ пришли бы въ прѣжнее положеніе, признанное совершенно невыносимымъ. Мужъ имѣетъ кое-какія старинныя права,

сдѣлавшіяся для него бесполезными : отдать ихъ онъ не согласенъ, но если кто возьметъ самъ, тотъ и наслаждайся ими. По мѣрѣ того какъ пріятель становится своимъ, домашнимъ человѣкомъ, ему гораздо ловчѣе въ домъ. Пріятель превратился въ формальнаго *cavalier de loge*, и равнобедренный треугольникъ учрежденъ, къ общему удовольствію всѣхъ и каждого.

Это случается не въ одной только Италіи : но, въ другихъ странахъ, подобныя вещи скрываютъ изъ лицемерства или изъ гордости, а въ Италіи всѣмъ показываютъ по привычкѣ и небрежности.

Какъ-скоро дружба женщины съ своимъ *cavalier de loge* учредилась на прочномъ основаніи, и эта сдѣлка стала всѣмъ извѣстною, она уже не можетъ быть нарушена: таковъ коренной законъ Италіи.

Иъ сожалѣнію, эти домашнія сдѣлки не благопріятствуютъ гостепріимству. Весьма понятно, что наблюдательный глазъ гостя, особенно иностранца, долженъ чрезвычайно стѣснять обѣ стороны. Отсюда происходитъ, что иностранецъ, чудесно принятой сначала, послѣ несколькихъ приглашеній къ обѣду, на вечеръ и на балъ, векоръ исключается изъ короткаго знакомства, и тогда — живи онъ хоть сто лѣтъ во Флоренціи, всегда будетъ чужимъ для Флорентинцевъ. Эти негодни *cavalieri de loge* — самые вѣжливыя посетители театра Перголы: путешественникъ, который натурально любитъ путешествовать и по ложкамъ, гдѣ сидятъ королевскія женщины, подвергается опасности быть пограничнымъ *сими лотыми барсами*.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Краткость мѣсяца, котораго три послѣдніе дня заняты праздниками, принуждаетъ насъ вышустить въ этомъ мѣстѣ «Французскій театръ въ Парижѣ», «Литературныя новости» и «Новыя книги», и даже умолчать о концертахъ второй половины поста. Впрочемъ эта вторая половина была довольно безцвѣтна. Она ознаменовалась однимъ только примѣчательнымъ музыкальнымъ событіемъ, за которое вся петербургскіе дилетанты

должны быть благодарны предприимчивости господина Ромберга Старшаго: этотъ артистъ познакомилъ насъ съ знаменитымъ *Requiem* Берлиоза, надълавшемъ столько шуму въ парижскихъ фальетонахъ. Исполненіе этого колоссальнаго «гармоническаго» сочиненія, кромѣ большихъ хлопотъ и большихъ издержекъ, требовало еще огромнаго множества вѣдцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ. Но все было устроено прекрасно. Господинъ Ромбергъ самъ дирижировалъ исполненіемъ, и получилъ громкія рукоплесканія: они рѣзительно относились къ нему и къ исполнителямъ, а не къ сочиненію, которое утомило всѣхъ. Господинъ Ромбергъ вѣроятно называетъ это сочиненіе прекраснымъ, когда онъ старался познакомить насъ съ нимъ: что касается до нашего мнѣнія, то оно не можетъ быть въ пользу творенія господина Берлиоза; это — безконечный рядъ страшныхъ гармоническихъ усилій, болѣею частію неудачныхъ, наборъ звуковыхъ картинокъ безъ связи, безъ общей идеи, безъ темъ, безъ мелодій, и, главное, это далеко не *Requiem*. Мы не можемъ ни лучше опредѣлить прославленное порожденіе гонія господина Берлиоза, ни сказать ничего веселѣе о такомъ погребальномъ предметѣ, какъ взявъ цѣликомъ изъ «Сына Отечества», для любозытства нѣкоторыхъ читателей, небольшую статейку, которая сдѣлала впечатлѣніе между здѣшними артистами и найдена была ими совершенно основательною въ своихъ замѣчаніяхъ. Вотъ она:

«Какихъ въ свѣтъ чудесъ нѣтъ! На какой страннѣйшій музыкальнѣйшій «пиръ» попалъ я въ прошедшій вторникъ въ залъ Энгельгардова дому! Я ничего не зналъ о «пирѣ», или «правднествѣ», или какъ-бышь его зовутъ, и вѣхалъ мимо этого дому въ Александринскій Театръ. Подъѣздъ тускло освѣщенъ. Два жандарма въ полу-мракѣ. Два ряда каретъ и саней, уставленныхъ въ погребальномъ порядкѣ. Въ воздухѣ глухіе, протяжные звуки трубъ. — Что это? Стой! Похороны? Кто приказалъ долго жить? — Никто. Всѣ здравствуютъ. — *Requiem aeternam dona eis, Domine!* сказалъ кто-то сбѣгая съ лѣстницы, и скрылся въ полу-мракѣ. — Неправда, любезнѣйшій, не можетъ быть! Тутъ у васъ кого-то отпѣваютъ. Я слышу органы! — И, не обращая вниманія

на уваренія жандарма въ противномъ, въ три прыжка я очутился въ передней. Ну, рѣшительно похороны: такъ и потею за упокой чьей-то душеньки!.... Я добрый христианинъ: иду прямо. Кто-то остановилъ меня. — Вилетъ! — Развѣ тутъ по билетамъ? — Да какъ же! — Сколько стѣбитъ? — Три рубля серебромъ. — Вотъ они: не удерживай меня; я добрый христианинъ. — Вхожу. Жандармъ правъ!.... покойница не видно. Такъ что же они вздумали нѣтъ перады ночью похоронкии вещи?.... Не видные ли это?.... теперь по-минутно случаются такая чудеса!.... Слушателей множество собраніе блистательное; но лица, всѣ, одны сонны, длинны, улыбки, коронены, къ другимъ очевидно мысль о смерти приложила печать страшнаго глѣбѣннаго выраженія. Право, тутъ что-то не натуральное!... Два человека въ длиннополыхъ сюртукахъ безъ-памяти одни аплодировуютъ огромному хору бѣлыхъ дѣвъ и скрытому за ними оркестру; всматриваюсь: это два гробовыхъ мастера!.... Обращиваюсь къ отъямъ, противоположной оркестренной вѣтрадѣ, къ любимому свидѣнику артистовъ нѣрслуженныхъ знатоковъ: н... что вижу!... вижу длинный рядъ настѣжъ раскрытыхъ ртовъ, вижу рядъ вѣющахъ могилъ, готовыхъ помотить меня. Прежде чѣмъ успѣлъ я сообразить, что эти господа зѣваютъ, взоръ мой упалъ нечаянно на длинную, черную фигуру какого-то кистера, который внимательно обозрѣвалъ меня съ ногъ до головы, уверяю васъ, самымъ зловѣщимъ образомъ: въ лицѣ его выражалось страшное удовольствіе отъ этихъ монотонныхъ и тяжелыхъ звуковъ, составлявшее гибельную противоположность съ общимъ уныніемъ собранія, и въ это взоръ, въ его канонической улыбкѣ, лѣственню прочиталъ я мысль о томъ, съ какимъ наслажденіемъ похоронилъ бы онъ меня подъ эту музыку, какъ повернулъ бы мои ноги на катафалкъ для приданія большаго эффекта нѣмоторнымъ пассажирамъ, какъ ловко закрылъ бы мой гробъ во время одной футы. Признаюсь, я вздрогнулъ. Да и какъ не вздрогнуть? Согласитесь, что очень неприятно, когда, по милости какой-нибудь мусикін, восхищающей до такой степени гробовыхъ мастеровъ, мѣряютъ васъ, живыхъ, глазами, столь опытыми въ погребальномъ дѣлѣ! Я страха не боюсь, и смер-

ти не боюсь; но, однако жъ, какъ-бы то ни было, посудите, попасть нечаянно на такой «пиръ» — вовсе не весело. Я поскорѣ старался исчезнуть въ толпѣ пирующихъ. Кресла стояли незанятыя въ одномъ углу: я переважно усвѣя въ нихъ съ нахврснѣемъ слушать и наблюдать. Но.... о чудеса новѣйшей гармоніи! о дивная сила «живописной» музыки!.... черезъ пять минутъ времени эти длинныя потоки однообразныхъ звуковъ, эти саженныя ноты оледенѣли мои члены, сонъ, предвѣстникъ смерти, сталъ постепенно разливаться по всемъ моимъ жиламъ, тѣло вытянулось, сердце перестало биться, кровь остановилась, чувства ошнзѣли, свѣтъ погасъ въ глазахъ, все земное исчезло.... я умеръ!.... ну, рѣшительно умеръ. Я видѣлъ, чувствовалъ, ощущалъ, или, правильнѣе, имѣлъ посмертное сознаніе того, какъ мои кресла превращались подо мною великолѣпный катафалкъ съ прекраснымъ гробомъ: земля, міръ, его суеты, его пустыязатѣи, даже его пустыя музыки, теперь совершенно чужды для меня: лежу на высотѣ, въ пяти аршинахъ надъ землею; я — на цѣлыхъ пять аршинъ —уже на томъ свѣтѣ; и тамъ-то, съ того свѣта, гдѣ всему — разгадка, гдѣ все становится понятнымъ безъ афишки, я узнаю и понимаю безъ труда, что подо мною, на этой скучной землѣ, въ этой бездонной ядоли безвкусья, разыгрываютъ знаменитое Requiem Берлиоза, то же самое, за которое Паганини подарилъ ему двадцать тысячъ франковъ и называлъ его достойнѣйшимъ преемникомъ Бетгоvena. Я очень радъ услышать по смерти это тѣнное земное твореніе, до такой степени расхваленное тѣнными парижскими фельетонами: при жизни, признательно сказать, вовсе не любопытствовалъ я быть его слушателемъ. О бѣдные смертныя! о существа, созданныя для обману, которыя такъ удачно кто-то прозвалъ «людьми»! о хрупкіе горшки, снзпленные изъ тщеславія и слабости, въ которыхъ природа варитъ для своихъ потребностей кашу, называемую вашимъ умомъ! и вы, на этомъ свѣтѣ, добродушно приняли за чистую монету рассказы парижскихъ фельетонновъ, и это письмо Паганини, и этотъ подарокъ двадцати тысячъ франковъ! и вы на этомъ основаніи удивляетесь теперь творенію парижскаго композитора-фельетониста, и напргаете всѣ свои силы, чтобъ находить въ

въ немъ красоты, думая, что если ихъ найдете, то будете умны какъ Паганини! Суета суетствій! У насъ, на томъ свѣтъ, гдѣ нѣтъ ничего яснѣ тайны, всѣмъ известна сущность этой музикійской продѣлки: всѣ духи знаютъ и говорятъ, что это было просто — une ficelle! Одинъ смертный, по имени Гекторъ Берлиозъ, написалъ оперу, которая съ перваго представленія безподъемно упала. Другой смертный, по имени Николо Паганини, былъ по случаю отказу своего участвовать въ одномъ благотворительномъ концертѣ, представленъ въ парижскихъ фельетонахъ отвратительнымъ скрягою и эгоистомъ, обезславленъ, убитъ нравственно. Эти два глѣнные существа согласились между собою возстановить свои репутаціи по методу взаимнаго обученія. — Я провозглашу тебя вторымъ Бетговымъ. — Ты сдѣлалъ мнѣ чувствительное одолженіе въ эту минуту. — Но ты постарайся, чтобы твой пріятель Жаненъ, который такъ безчеловѣчно заклеилъ меня своимъ фельетономъ, воспѣлъ въ томъ же фельетонѣ торжественный гимнъ моему великодушію, моей щедрости и удивительной благотворительности. — Нѣтъ ничего легче! Да какъ это сдѣлать? — Какъ?... Я подарю тебѣ двадцать тысячъ франковъ въ знакъ моего восторгу. — Да это чудесно! — Только ты не бери ихъ; вѣдь это..., знаешь..., деньги! — Жаль! Ну, такъ и быть! — Сказано, сдѣлано. Берлиозъ произведенъ въ Бетговецы. Паганини прославленъ человекомъ щедрѣ Гаруналь-Рашида и великодушнѣ Александра Македонскаго. Результатъ тотъ, что вы, бѣдные смертные, повторите теперь, тамъ, долу, подо мною, Requiem Берлиоза, на которое, безъ этой продѣлки, не обратили бы даже своего вниманія; что вы усиливаетесь удивляться ему, зная сами во весь ротъ, и усыпываете имъ своихъ ближнихъ по-очередно во всѣхъ столицахъ Европы. Хотите ли, чтобы я вамъ, съ этого великолѣпнаго катафалка, изъ вѣчности, изъ нѣдръ абсолютнаго, откровенно сказалъ мое мнѣніе о вашемъ новомъ Requiem?... Жаль, что здѣсь, на томъ свѣтъ, въ рукахъ у меня нѣтъ партитуры, и я долженъ судить по одному впечатлѣнію. Но мои впечатлѣнія вотъ каковы: однажды, будучи въ живыхъ, я жилъ лѣтомъ въ Павловскѣ подлѣ казармы, гдѣ каждое утро четыре полковныя музыки учи-

лись играть вся вмѣстѣ : ваше Requiem ; на слухъ — точь въ точь ученіе полковыхъ музыкъ по-сосѣдству. Не спорьте со мной, вы, дальніе : я опытный знатокъ дѣла; я наслушался такихъ Requiem безчисленное множество, втеченіи четырехъ мѣсяцевъ сряду, и очень радъ, что умеръ, что не услышу ихъ болѣе. Что касается до общаго цвѣту, и до вкусу вашего Requiem, то оно безцвѣтно и безвкусно, какъ это абсолютное, которое меня окружаетъ : это блѣдно, это прѣсно, мѣстамъ кисло, пестро, пѣго, пятнами, въ яблокахъ; это вещь безъ идеи, постройка безъ плану, груда длиннополыхъ звуковъ, туманъ, тѣнь, огромное ничто. Видѣли ль вы таблицу аккордовъ, изданную камеръ-музикусомъ Габерцеттелемъ? Это — Requiem Берліоза; или, лучше сказать, оно — извлеченіе изъ нихъ, потому что состоитъ все изъ подобныхъ таблицъ аккордовъ въ разныхъ порядкахъ тона. Requiem должно имѣть мысль, и эта мысль должна быть явственно выражена определеннымъ, соответствующими одинъ другому, рисунками, или, какъ у васъ тамъ долу говорятъ, темами. Ничего этого нѣтъ въ вашемъ новомъ Requiem Бетговена II : одни только звуки, звукосочетанія, аккорды, фуги, прахъ, гармонія, пыль. Эти аккорды разгуливаютъ въ пространствѣ словно тѣни, которыхъ безцѣльные грѣхи не пускаютъ ни въ рай ни въ адъ. Requiem мось Берліоза, что ни говорите и какъ громко ни пойте, не заставитъ насъ забыть величественныхъ этого роду твореній Моцарта и Керубини, твореній, которыми здѣсь, на томъ свѣтѣ, восхищаются всѣ покойники. Музыка безъ темы ничего опредѣлить не можетъ. Мось Берліозъ, своей *описательной* музыкою, хотѣлъ, вѣроятно, разсказать надъ покойникомъ географію, исторію, путешествія и записки того свѣта. Пустыя затѣи! Ему слѣдовало, не мечтать о живописномъ изображеніи царства надъзвѣднаго или царства подземнаго, но стараться, просто, выражать звуками то, что въ бривіаріи написано словами, — *горестъ, молитву и утѣшаніе* людей, лишившихся ближняго. Вотъ простая тройственная мысль всякаго Requiem. Послѣ провозглашенія Requiem aeternam, въ текстъ слѣдуютъ плачь и слезы, — *Dies illa lachrymosa; Dies irae*; потомъ, теплое воззваніе къ милосердію Всевышняго Судьи, — *Agnus Dei* и *Hossanna in*

excelsis; наконецъ триумфъ христіанства, гимнъ надежды, полнота упованія въ Сіонской Пѣсни. — Te decet hymnus in Sion. Пробудились ли въ васъ, вы, господа дольние, которые опите и зываете подо мною въ суматохъ безсвязныхъ аккордовъ новаго Requiem, эти три мысли, эти три чувствованія, называемыя одною смертію человека? Что это за Agnus? что за Новаппа? на что похожъ великій гимнъ упованія? Описательная музыка въ Requiem! Попадетъ же такая идея въ горшокъ киселю, называемый человѣческою головою!.... Вы, вѣрно, думаете, что мы, покойники, такіе же охотники до живописныхъ изданій, до альманаховъ съ картинками, какъ вы тамъ, на этомъ святѣ, гдѣ эстампъ заманилъ литературу и все чувство перешло въ лорнетку. Allez vous promener! намъ «живописныхъ» Requiem не нужно.

«Я не говорю, чтобы тутъ не было.... и какъ совершенное безпристрастіе — первое качество у всѣхъ насъ здѣсь, на томъ святѣ, то я и говорю, что въ этомъ собраніи аккордовъ действительно есть и хорошія музыкальныя мѣста, есть пассажи, приготовленные съ искусствомъ и вылитые съ эффектомъ, съ примѣчательнымъ талантомъ: только они нейдутъ къ Requiem. Въ цѣломъ, это знаменитое сличеніе не что иное какъ огромная картина борьбы таланта съ кореннымъ безсиліемъ, слѣдствіе ложнаго стремленія къ невозможному и смѣшному въ музыкѣ. Въ сущности, учебническое упражненіе по методу Фетиса.....»

«И представьте себѣ, что, умерщвленный этою убійственною музыкою, и всё плагая себя наповаль умершимъ, лежащимъ на катафалкѣ, причисленнымъ къ тому святу, я проглагольствовалъ такимъ образомъ всю ночь и все слѣдующее утро о Берліозовомъ Requiem, въ мовѣхъ креслахъ. Это было по-истиннѣ одно изъ чудеснѣйшихъ чудесъ новейшей гармоніи. Вдругъ, около двухъ часовъ по полудни, плѣнительные звуки мужскаго голоса, умное, чудесное пѣніе, вывели меня изъ летаргіи. Раскрываю глаза: зала пуста, почти пуста; эстрада совсѣмъ пуста: и на ней блѣдный, смущенный молодой человекъ поетъ какъ ангелъ большую арію Паччини передъ скромнымъ собраніемъ двадцати семействъ артистовъ и нѣсколькихъ десятковъ хорошихъ ца-

читалей дарованій. Голосъ превосходный, въ родѣ голоса Ферзинга, метода прелестна, интонація, декламация, умѣнье *разсказать арію*, отличны, искусства, манера, души — пронасть, каждая нота почувствована, каждый насаждъ выражень съ художественною отдыкою. Этого по-крайней-мѣрѣ *умѣеть пѣть!* — Кто онъ такой? — Нахто Билинга. — Да это настоящій навецъ!... ужъ не чета нашимъ! — Удивительный!.... будь онъ въ Парижѣ, вся Европа знала бы его имя. — Гдѣ же онъ обрѣтался донынѣ, съ такимъ голосомъ, съ такимъ искусствомъ? — Онъ былъ первымъ певцомъ вѣнской оперы. Синьора и синьоръ Паста, услышавъ его, были такъ восхищены голосомъ и методою Билинга, что предложили ему путешествовать съ собою по Европѣ, давать концерты, пѣть въ нихъ дуэты. По болѣзни Билинга и некоторымъ недоразумѣніямъ, они разстались въ Москвѣ. Въмѣсто осуществленія общихъ блестящихъ надеждъ, на долю его достались неизвѣстность въ чужой сторонѣ и бѣдность. Онъ возвратился сюда и хотѣлъ дать концертъ отъ своего имени. Публика не знаетъ его, и не пришла. Собрались только артисты и знатоки, слышавшіе его въ первомъ пустынномъ концертѣ синьоры Паста. Видя малочисленное собраніе, жестокой приказникъ не хотѣлъ отворить завы, въ опасенія, что артистъ не въ состояніи будетъ замкнать за нами ея. Мы болѣе полчася простояли за дверями. — А я здѣсь спалъ до-сихъ-поръ отъ вчерашняго Реквиема! — Неужели?... какъ вы счастливы! А я такъ разорвалъ себя ротъ до крови, зная вчера весь вечеръ, и, какъ видите, долженъ былъ подвязать лицо платкомъ. — Пошлите сейчасъ въ аптеку за кровоостанавливающею водою Нелюбина! — Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ!.... благодарю, что напомнили.... между-тѣмъ оркестръ разошелся, музыканты убрали свои инструменты и ускользнули въ заднія двери: вы видите, что на эстрадѣ никого нѣтъ, кромѣ одного Билинга, который при бѣдномъ аккомпаниментѣ фортопіано, поетъ какъ соловей въ пустынь. Слышите ли, какъ его голосъ дрожитъ отъ внутренняго волненія? А между-тѣмъ, какъ онъ поетъ! — Удивительно! удивительно!.... изъ каждой ноты видно, что этотъ прекрасный талантъ путешествовалъ и бесѣдовалъ съ великимъ талантомъ синьоры Паста,

которая, сказать между нами, даже и въ то время, когда она потеряетъ весь свой голосъ и сдѣлается совсѣмъ немую, всё-таки будетъ первою пѣвицею въ мѣръ.

«Послѣ Биллинга пѣла госпожа Сабина Гейневеттеръ : ея голосъ, — въ это утро она была въ голосѣ, — послѣ голосу Биллинга, казался увядшею розою подлѣ розы въ полномъ блескѣ жизни и свѣжести. Художественной части двухъ этихъ пѣній и сравнивать не должно.

«Потомъ опять пѣлъ Биллингъ, и опять привелъ въ не-описанное восхищеніе свое маленькое собраніе внимательныхъ и знающихъ слушателей.

«Блгднй молодой человекъ! по-крайней-мѣръ эта искренняя дань удивленія утѣшила его въ горѣ. Станемъ надѣяться, что Петербургъ оценитъ его превосходной талантъ, и что замѣчательный пѣвецъ этотъ останется у насъ. Во всю эту недѣлю, съ возвращенія моего съ того свѣта, на этомъ испытаніи я одно только истинное и живое удовольствіе : его принесло мнѣ умное, одушевленное, неожиданно художественное пѣніе Биллинга.»

«Сервѣ, по настоянію безчисленныхъ обожателей его гигантскаго таланта, рѣшился дать частное музыкальное утро : оно будетъ имѣть мѣсто около пятнадцатаго апрѣля. Сервѣ, въ свое отсутствіе, сдѣлалъ столь удивительные успѣхи въ исполненіи и композиціи, что всѣ хотѣли его слышать тамъ, гдѣ великій артистъ всегда еще болѣе поразителенъ, — въ большомъ концертѣ, — передъ многочисленными слушателями:

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

Для оркестра.

LANNER. Hof-Ball-Tänze. Oeuvre 161 (3 rb. 43 cop. arg.).

Для разныхъ инструментовъ.

ERNST. Fantasia brillante sur la marche et la romance d'*Otello* de Rossini, pour le violon, avec accompagnement d'orchestre. Oeuvre 11 (4 rb. arg.).

— la même fantasia avec pianoforte (2 rb. arg.).

— Concertino pour le violon avec accompagnement de grand orchestre. Oeuvre 12 (6 rb. 85 cop. arg.).

— le même avec accompagnement de piano. Oeuvre 12 (3 rb. arg.).

MOLIQUE. Viertes Concert in D, für die Violine mit Begleitung des Orchesters; op. 14 (7 Rb. 72 Kop.).

— dasselbe, mit Begleitung des Pianoforte (5 Rb. 14 Kop.).

— Oesterreichische Lieder. Fantaisie und Variationen für die Violine mit Begleitung des Orchesters; op. 15 (4 Rb. 56 Kop.).

— dieselben, mit Begleitung des Pianoforte (2 Rb. 85 Kop.).

— Erstes Quartett in G, für zwey Violinen, Viola und Violoncelle; op. 17 (4 Rb.).

HERS et LAFONT. Dernier grand duo concertant sur une cavatine favorite de la *Niobé*, pour piano et violon. Oeuvre 10 (2 rb. 85 cop.).

LOUIS. Fantaisie élégiaque sur des motifs des *Martyrs* de Donizetti pour piano et violon. Oeuvre 92 (2 rb. 85 cop. arg.).

OSBORNE et BÉRIOT. Duo brillant sur l'opéra de Bellini : *I Puritani*, pour piano et violon (2 rb. 85 cop.).

— Duo concertant, pour piano et violon, sur le *Domino noir* (2 rb. 14 cop. arg.).

Для фортепиано.

DOEHLER. Grand divertissement sur des thèmes populaires irlandais. Oeuvre 33 (2 rb. 14 cop.).

DREYSCHOCK. Rondo militaire. Oeuvre 13 (1 rb. 15 cop.).

— Les Adieux, impromptu. Oeuvre 15 (85 cop.).

HEISELT. Les Adieux du père. Etude (57 cop. arg.).

T. L. — Отд. VII.

- HERZ.** Variations et rondo sur le *Lac de Fées*. Musique d'Auber. Oeuvre 114 (2 rb. 85 cop.).
- Grande fantaisie et finale militaire sur deux mélodies de F. Schubert. Oeuvre 115 (2 rb. 85 cop.).
- HUENTEN.** Album, contenant: Petites fleurs de salon, quatre rondinos. — Mélodies célestes, trois airs variés. — Les Petites espiègles, quadrille facile. Complet (3 rb. 57 cop. arg.).
- LANNER.** Hof-Ball-Tänze. Op. 161 (85 Kop.).
- les mêmes à quatre mains (1 rb. 14 cop.).
- LISZT.** Mendelssohns Lieder für das Pianoforte übertragen. 1. Auf. Flügeln des Gesanges (86 Kop.). 2. Sonntaglied (43 Kop.). 3. Reiselied (71 Kop.). 4. Neue Liebe (57 Kop.). 5. Frühlingslied (86 Kop.). 6. Winterlied. Subika (57 Kop.).
- MÉTHODE DES METHODES de Piano**, ou Traité de l'art de jouer de cet instrument, par Moschelès et Fétis, en trois parties (15 rb. 43 cop. arg.).
- SCHMITT.** Douleur et triomphe. Inspiration musicale, grande fantaisie brillante. Oeuvre 125 (1 rb. 85 cop.).
- WOLFF.** Divertissement pour le piano sur les *Martyrs* de Donizetti. Oeuvre 34 (1 rb. arg.).
- Grande fantaisie dramatique sur l'opéra: *Les Martyrs*, de Donizetti. Oeuvre 33 (2 rb. arg.).

Для пѣнія.

- ALBUM de Clara Novello.** Deux livraisons (3 rb. 42 cop.).
- АРСЕНЬЕВЪ.** Романсъ: *Я не могу ея забыть* (43 коп. сер.).
- БЭБИОТ-ГАРЦИЯ.** Dernières pensées musicales (5 rb. arg.).
- ВАРЛАМОВЪ.** Романсъ: *Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда* (60 коп. сер.).
- Романсъ: *Вдохнешь ли ты* (60 коп. сер.).
- *Добрыя домоѳой* (60 коп. сер.).
- DESSAUER.** Trois Ariettes italiennes: *La Burroca, L'Ultimo dono, et La Lontananza*, avec accompagnement de piano. Oeuvre 30 (1 rb. 15 cop.).
- RUBINI.** L'Addio. Romances, ariettes, duettinos a un duetto (2 rb. 85 cop.).
- LABLACHE.** Méthode complète de chant (6 rb. 57 cop.).
- PANSERON.** Méthode de vocalisation. Complète (9 rb.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ музыкальномъ магазинѣ «Одеонъ», на углу Большой Морской и Гороховой, въ домѣ Штрауса, № 114, и въ Пискаревъ Проспектѣ, у Казацкаго Моста, въ домѣ Васильевскаго, № 47.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ПЯТАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Черные глаза. <i>В. Соколова</i>	5.
Двѣ встрѣчи. <i>П. Волкова</i>	7.
Письмо. <i>Аполлона Майкова</i>	10.
Мысль о жизни. <i>С. Степанова</i>	101.
Поэтъ. <i>В. Соколова</i>	103.
Лира. <i>С—въ</i>	105.

ПРОЗА.

Эвелина де-Вальероль. Романъ <i>Н. В. Кукольника</i> .	
I. Спортъ.....	13.
— II. Джульва Воли.....	107.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Декасская Роза. Голландскій романъ, ванъ-Деннема...	1.
Сонъ въ Ивановскую ночь (<i>Midsummer-night's dream</i>), Шекспира, переводъ <i>И. Роскошенико</i>	141.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Первая система. Новыя чтенія господина Мажанди.	
Статья первая.....	1.
Статья вторая и послѣдняя.....	57.

Вазари. Биографія Леонарда да-Винчи	37.
Рубенсъ. Сочиненіе господина Берту	97.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. Барона О. В. Унгерн-Штернберга. Чтеніе третье. — VII. Облагороживаніе породъ посредствомъ соответственнаго совокупленія	1.
— Чтеніе четвертое. — VIII. Улучшеніе простыхъ породъ смѣшеніемъ съ благородными. — Самоулучшеніе	17.

V.

КРИТИКА.

1. Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ. — 2. Россійскій родословный сборникъ, издаваемый княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Книжка первая.	1.
1. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта Фердинанда фонъ-Врангеля. Двѣ части. — 2. Reise der kaiserlich russischen Flotten Lieutenant's Ferdinand von Wrangel, längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, in den Jahren 1820 bis 1824. 2 Bde. — 3. Narrative of an expedition to the Polar See, in the years 1820, 21, 22, 23, 24, commanded by lieutenant, now admiral, Ferdinand von Wrangel, of the Russian Imperial Navy. 2 vols	21.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Февраль, 1841. Новые книги.....	1.
— — Разныя известія.....	12.
Мартъ, 1841. Новые книги.....	15.
— — Разныя известія.....	51.

VII.

СМѢСЬ.

МАРТЪ.

Споры о присутствіи мышьяку въ человеческомъ тѣлѣ. Опыты господъ Данжэ и Фландена съ Марше- вымъ аппаратомъ.....	1.
Вырастаніе новой головы и новыхъ внутренностей у голотурій и амфитритъ. Наблюденія сэръ Джона Делайеля.....	5.
Возможность предсказывать, по температурѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, вероятную температуру зимнихъ.....	8.
Двуцвѣтныя инфузоріи.....	9.
Нѣмецкія умозрѣнія о разумѣ животныхъ.....	10.
Веллингтонъ, полководецъ въ Индіи.....	21.
Каторжники, и статуя Фердинанда Перваго, въ Ливорно.	33.
Гротъ Геркулеса въ Толедо.....	49.
Путешествіе нѣмецкаго гелертера въ области безпре- дельнаго и абсолютнаго.....	51.
Перешиска Беттины Brentano съ Бетговенемъ.....	61.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	70.
Литературныя новости во Франціи, Германіи и Англіи.	70.
Музыкальныя новости.....	70.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	73.
Моды (съ рисунками).....	75.

Апрѣль.
№ 10. 1845

Періодическое появленіе сѣверныхъ сіяній и воздушныхъ тѣлъ. Кетле. 75.
Отношеніе между лунными фазами и количествомъ дождя. Исследования господина Гобурда. 76.
Наденіе растительныхъ зеренъ въ атмосферы. 76.
Испареніе костей и обновленіе ихъ въ землѣ. 77.
Новыя наблюденія господина Фурана. 77.
Новое свѣтописное открытіе господина Тальбота. 78.
Лондонъ въ 1840 году. Новый городъ. Жизнь холостяковъ, клубистовъ и семейныхъ людей. Распредѣленіе дня. Врачи. Воскресеніе. Страсть къ знатности. 79.
Лаура Басси-Верати, знаменитая болонская ученая. 96.
Пѣсня Генриха Изака. 101.
Марсельскій охотникъ. 108.
Нѣкоторыя идеи о халатѣ, съ присовокупленіемъ замечаній о вліяніи платья на женскую любовь. 139.
Модная борода а la Renaissance. 147.
Общество милосердія во Флоренціи. 155.
Театръ Пергола во Флоренціи. 157.
Музыкальныя новости. 162.
Новыя музыкальныя сочиненія. 171.
Моды. 173.

1007

